

Русский мир: учебники для высшей школы

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ
«МОРФОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА»**

МОРФОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

*Учебник для высших учебных заведений
Российской Федерации*

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2009

Учебник подготовлен в рамках проекта
«Создание нового поколения учебников и учебных пособий
по русскому языку и литературе для высших учебных заведений РФ»

Авторы:

С. И. Богданов — «Имя числительное», «Служебные части речи» (§ 2, 3);
В. Б. Евтюхин — «Введение в морфологию», «Местоимение», «Наречие»;
Ю. П. Князев — «Имя прилагательное» (§ 1–6), «Глагол» (§ 1–12);
Ю. Б. Смирнов — «Имя существительное» (§ 1–5), «Междометия»;
Ю. В. Рыжова (Меньшикова) — «Имя существительное» (§ 9–12), «Имя прилагательное» (§ 6), «Глагол» (§ 12), «Служебные части речи» (§ 1), «Приложение»;
М. Д. Воейкова — «Имя существительное» (§ 6–8)

М80 Морфология современного русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — 634 с. — (Русский мир: учебники для высшей школы).

ISBN 978-5-8465-0983-2

Учебник представляет собой обобщенный опыт авторов, в течение многих лет читавших соответствующие разделы курса «Современный русский язык». Авторы стремились дать максимально полное описание морфологического строя современного русского языка и познакомить читателей с основными теоретическими подходами к его анализу. В учебнике принята ориентация на звуковую форму основных морфологических явлений, что позволяет более точно описывать грамматические особенности слов, групп слов, процессы словоизменения и формообразования. Книга содержит основные сведения по проблемам теоретической морфологии, а также описание особенностей и свойств отдельных частей речи.

Для студентов и аспирантов филологических факультетов высших учебных заведений Российской Федерации.

УДК 811.161.1'336
ББК 81.2Рус-2-923

Учебник создан и издан за счет пожертвования
Фонда «Русский мир»

© Коллектив авторов, 2009
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2009
© О. В. Руднева, оформление, 2009

ISBN 978-5-8465-0983-2

Предисловие

Авторы предлагаемого учебника по морфологии русского языка находились в довольно сложном положении, сложном потому, что в настоящее время лингвистика переживает переход от господствовавшего в XX в. подхода структурного подхода к иным подходам в интерпретации языка. Будучи естественной системой, язык противится логической схематизации: между четко выделяемыми разрядами слов и их форм существует значительное количество переходных явлений. Гибкость современного морфологического описания измеряется тем, насколько легко эти трудные для классификации объекты встраиваются в общую систему.

Авторы исходили из того, что существует многовековая традиция описания языка, в рамках которой многие переходные явления языка получили если не исчерпывающую интерпретацию, то по крайней мере «вектор» интерпретации. Такие векторы, складывающиеся в систему взаимосвязанных понятий, проверенных многовековой традицией и дополненных современными представлениями, и стали основой предлагаемой читателю книги.

При изложении материала авторы сознательно не стремились сгладить остроту рассматриваемых проблем и в каждом отдельном случае предлагали то решение, которое представляется на сегодняшний день наиболее взвешенным, оставляя читателю возможность познакомиться и с альтернативными точками зрения.

В учебнике принят традиционный порядок подачи материала по частям речи. Текст написан преподавателями филологического факультета СПбГУ, которые читали курс русской морфологии в течение нескольких десятилетий, а также углубленно занимались теоретическими исследованиями отдельных проблем русской грамматики.

Каждый из авторов теоретических разделов по ходу описания знакомит читателя с различными взглядами на природу описываемой части речи и обосновывает свою точку зрения, не претендуя на то, что предлагаемая концепция является единственно возможной. Таким образом, основным теоретическим принципом данной книги является плюрализм теоретических воззрений и индивидуальная ответственность каждого исследователя за те решения, которые он принимает. Следуя этому принципу, мы сознаем, что отдельные теоретические расхождения существуют даже между авторами данного пособия. Однако все мы придерживаемся общего взгляда на системную природу языка, исходя из которого деление живого языкового пространства на классы, типы и подтипы невозможно без некоторых

допущений и своего рода «насилия» над языковым материалом, в котором, наряду с явными противопоставлениями отдельных категорий и единиц, существуют и плавные переходы от одного явления к другому.

Одной из особенностей данного учебника, определяющей его отличие от предшествующих грамматических описаний, является то обстоятельство, что словоизменение всех основных частей речи дается здесь не только в графическом (буквенном), но и в звуковом (фонетическом) виде. Русский язык относится к языкам с традиционной орфографией и отличается тем, что отдельные гласные и согласные в потоке речи претерпевают сильные фонетические изменения. Для неискушенного в лингвистической терминологии читателя это выражается в том, что звучание словоформ может значительно отличаться от их написания («пишется не так, как слышится»). Поэтому и звуковой состав русских словоизменяемых парадигм сильно колеблется (например, известно, что набор ударных окончаний имен существительных значительно богаче, чем набор окончаний безударных). Поэтому нам кажется исключительно важным принятый в нашем учебнике принцип фонетического представления словоизменяемых парадигм¹.

Данный учебник является частью учебно-методического комплекса по морфологии современного русского языка, в состав которого входят также хрестоматия и сборник упражнений по морфологии.

§ 1. Понятие формы. Форма слова

Термин **морфология** состоит из двух частей, восходящих к словам *μορφή* ('форма') и *λόγος* ('слово', 'учение', 'наука'). Морфология (в соответствии с составляющими значения термина) — учение, наука о форме, о форме вообще. Ср. использование этого термина в некоторых научных дисциплинах: *морфология клеток, морфология растений, морфология животных, морфология человека, морфология ландшафта, морфология почвы, геоморфология* и т. д.¹ Морфологией, исследованием формы, можно заниматься применительно, по-видимому, к любым объектам, о которых можно говорить, что они имеют «форму»².

Понятие формы далеко не очевидно. Если, к примеру, исходить из устоявшейся идеи о диалектической связи между формой и содержанием³, то можно сказать, что представление о форме какого-либо объекта не менее абстрактно по своей природе, нежели представление о содержании того же объекта. Понятие формы среди прочего предполагает и возможность ее вариативного (и, соответственно, инвариантного) представления: это и «форма» какого-то данного конкретного объекта, и «форма» вида и рода конкретных объектов и т. д. Понятие формы, таким образом, оказывается распадающимся на форму в более общем, абстрактном смысле и форму каждого конкретного объекта, группы однородных объектов.

Форму конкретного объекта полностью (в максимально исчерпывающем виде) описать принципиально невозможно, ибо любой объект формально беспределен (т. е. имеет бесконечное количество признаков и свойств), поэтому реальное описание объекта в формальном плане предполагает отбор (аспектуализацию) формальных признаков из бесконечного их числа и иерархизацию этих признаков⁴.

¹ Ср. также: «Морфология сказки» — название известной работы В. Я. Проппа; «Морфология искусства» — одна из книг М. С. Кагана и т. д.

² То, что не все объекты интерпретируются как обладающие формой (несмотря, казалось бы, на внешнюю абсурдность такой идеи), известно, к примеру, из работ по лингвистике: см. ниже о «бесформенных», или «аморфных», словах.

³ «Форма всегда находится в единстве с содержанием...» [Кондаков, 1975, с. 646].

⁴ «...Понятие как мысль вообще, как всеобщее есть беспредельное сокращение по сравнению с единичностью вещей» [Гегель, 1970, с. 90].

¹ Для отражения звуковой формы грамматических единиц используется их фонемное представление; трактовка фонемы как языковой единицы основывается на теоретических положениях Щербовской фонологической школы. Кроме стандартных знаков латиницы, в транскрипции используется кириллица для обозначения неогубленного гласного верхнего подъема среднего ряда (/ы/) и шелевых заднеязычных согласных (/х/ и /х'/).

Одна из важнейших интерпретаций формы какого-либо объекта связывается с возможностью его структурированного представления. Структурированность проявляется в двух планах: 1) в расчлененности объекта на составляющие его компоненты⁵ и 2) в системе связей («связь и способ взаимодействия» [Кондаков, 1975, с. 646]) компонентов. Иными словами, интерпретация формы связана, с одной стороны, с расчленением объекта как целого на части и, с другой стороны, с созданием из частей новой целостной картины объекта (сочетание анализа и синтеза)⁶.

Системность (упорядоченность) связи компонентов структуры обнаруживается в первую очередь (но не только) в иерархичности их отношения друг по отношению к другу. Принцип иерархичности, в соответствии с европейской традицией, основания которой заложил Аристотель, состоит в том, что некий объект приобретает статус автономной единицы на фоне единицы более высокого уровня, при этом рассматриваемый объект должен являться частью последней.

Единица (объект), являющаяся предметом изучения лингвистической морфологии, — слово⁷. По отношению к слову его форма понимается как *с т р у к т у р а*, компонентами которой являются морфемы или комплексы морфем⁸ [ср., напр.: Реформатский, 1979, с. 61]. Понятие формы слова, таким образом, связывается с единицей нижележащего уровня языковой стратификации — морфемой. Иначе говоря, понятие формы слова предполагает членимость слова на части [Фортунатов, 1956, с. 136–139], причем отношение между частью и целым интерпретируется как отношение иерархическое (слово в общей структуре языка иерархически «выше» морфемы⁹). При этом понятие слова как единицы языка не выводится из понятия морфемы. Слово не просто совокупность морфем, а *у п о р я д о ч е н н а я* совокупность¹⁰; упорядоченность же структуры слова, т. е. упорядоченность его компонентов, не

⁵Ср.: «...Прежде чем искать (суть вещи. — *Авт.*), надлежит расчленять» [Аристотель, 1975, с. 221].

⁶«... Я считаю невозможным познать части без познания целого, равно как и познать целое без подробного ознакомления с частями» [Паскаль, 1994, с. 70].

⁷Ср. часто цитируемый в связи с вопросом о предмете морфологии знаменитый подзаголовок к книге В. В. Виноградова «Русский язык» — «Г р а м м а т и ч е с к о е уч е н и е о с л о в е» [см., напр., одно из изданий данной книги: Виноградов, 1972].

⁸Термин *м о р ф е м а*, как и *м о р ф о л о г и я*, создан на базе все того же греческого слова *μορφή* — ‘форма’.

⁹Данное представление формы опирается на стратификационную (уровневую) модель языка: «...Языки представляют собой интегрированные системы, подсистемы (уровни) которых — грамматический, лексический и фонологический — являются взаимозависимыми» [Лайонз, 2003, с. 119].

¹⁰«Понятие системности возникает в науке, когда изучены индивидуальные свойства основной массы объектов, когда начинает осознаваться, что совокупность отдельных объектов составляет целостный объект более высокого ранга, и выясняется, что свойства отдельных элементов зависят от свойств целого...» [Журавлев, 2004, с. 30].

проистекает из свойств морфем¹¹, а задается словом (некоторые же особенности слов в свою очередь предопределяются свойствами единицы более высокого уровня, компонентами которой являются слова).

Иерархичность — одно из главных свойств структуры. Если языку в целом приписать свойство структуры, то иерархичность должна считаться признаком, характерным для всего языка — для всех его уровней и для каждого уровня в отдельности (и для каждой единицы уровня). Этот постулат относится к числу важнейших, положенных в основу структурализма — направления филологии, давшего в XX в. наиболее значимые результаты в интерпретации того явления, которое называется естественным языком¹².

В плане структуры слова иерархичность как общий принцип должна выявляться и в системе отношений частей внутри слова. Обычно проявление данного принципа связывают с тем, что в аспекте выражения лексического значения доминирующая роль принадлежит корневой морфеме, а в плане передачи грамматического значения главную роль отводят аффиксам (и среди них окончаниям в первую голову).

Форму нельзя отождествлять, как это часто бывает, только с субстанцией, материей самой по себе¹³. Лишь со структурированной субстанцией можно связывать понятие о форме¹⁴.

Структурированность предполагает соотносительность с формой. Форма функциональна в целом, функциональна и в частях: каждый компонент формы характеризуется определенной функцией. В лин-

¹¹По-видимому, можно сказать несколько мягче: частично проистекает и из свойств морфем.

¹²Последовательное проведение данного принципа можно назвать принципом строгой иерархичности (принцип «матрешки»). Если следовать данному принципу, то, чтобы нечто признать фонемой, это нечто нужно признать частью морфемы (хотя бы и единственной частью), чтобы нечто квалифицировать как морфему, это нечто следует интерпретировать в качестве части слова (опять-таки в качестве хотя бы единственной части) и т. д., т. е., в принципе, до бесконечности. Соответственно и в противоположном направлении: к примеру, слово должно обязательно члениться на морфемы, морфемы — на фонемы. Вряд ли можно ли считать принцип строгой иерархичности единственно возможным принципом описания языка. Ср., например, о соотношении слова и морфемы: «По-видимому, корректнее говорить о слабой структурной противопоставленности слова и морфемы в ряде языков (к числу которых относится и русский. — *Авт.*)» [Лингвистический словарь, 1990, с. 312].

¹³Что такое материя, материя как таковая, — это не менее сложная проблема, нежели проблема формы. Ср. в этой связи, по-видимому, не утратившее своей актуальности высказывание Б. Рассела: «...Я бы определил ее (материю. — *Авт.*) как то, что удовлетворяет уравнениям физики. Возможно, нет ничего удовлетворяющего этим уравнениям, в таком случае либо физика, либо понятие материи ошибочны» [Рассел, 2000, с. 604].

¹⁴«... Форма, хотя она “из” материи, но “из” материи, свойственной форме» [Аристотель, 1975, с. 174]; «Материя, какой бы она ни была, нуждается в форме, для того чтобы быть понятой» [Ноговицын, 1994, с. 56].

лингвистике понятие функции тесно связывается с семантикой; форма, следовательно, еще и содержательна¹⁵.

Структуризация мира в целом и его объектов задается не только самим миром, но и особенностями человеческого сознания («формами сознания»¹⁶), а также, в частности, тем, что сознание индивидуально. Из этого проистекает то, что описание объектов мира (да часто и само их выделение) представляет собой интерпретации¹⁷. Интерпретации же обусловлены выбором точек отсчета, аспектов описания и т. п. Отсюда разные подходы к описанию, например к описанию формы слова.

Слово, как принято считать в настоящее время, имеет собственно морфемную, словообразовательную и формообразующую структуры¹⁸. Морфология в широком понимании данного предмета лингвистики изучает все эти типы словесных структур и их свойства. В узком смысле морфология как наука имеет дело прежде всего со структурами *ф о р м о о б р а з у ю щ и м и*. Формообразующая структура слова распадается на формообразующую основу и форматив (формант¹⁹). Формообразующая структура двухчастна, соответственно и содержательный план этой структуры двухчастен. Одна из частей (основная) функционально специализирована на выражении лексического значения, вторая часть, форматив, — на выражении грамматических значений: окончание *-а* в существительном *вод-а* связано с выражением информации о грамматическом роде (ж.), числе (ед.) и падеже (им.). Формативы, следовательно, отсылают к той сфере языка, в которой проявляется его упорядоченность, его системность, иначе говоря, к его форме. Грамматическая информация, выражающаяся формативами, таким образом, интерпретирует-

¹⁵ Если не содержательна актуально, то потенциально (в частности, на этом строится представление о фонеме как монолатеральной единице).

¹⁶ Ср. о концепции формы одного из основоположников европейской философии: «Учение Аристотеля о форме и материи, так же как и учение о “принципах” вообще, имело эвристический характер: расчленил и высветил в размытом хаосе “слитых” впечатлений объективную (“по природе”) структуру вещи, делающую ее познаваемой» [Философский словарь, 1983, с. 743].

¹⁷ «Человеческий опыт жизни включает постоянно развивающееся отношение, объединяющее личность и мир, познающего и познаваемое. Чистых фактов не существует вне этого опыта» [Delia, Grossberg, 1977, p. 32; цит. по: Макаров, 2003, с. 59].

¹⁸ Более или менее отчетливое разграничение данных трех типов словесных структур произошло только в XX в. [подр. см.: Богданов, 1997б, с. 5–33]. Это еще одно свидетельство того, что не существует некоего изначального, на все времена объективно заданного представления о форме какого-либо объекта или разновидности объектов.

¹⁹ Терминологическое противопоставление *формант* — *форматив* не является устоявшимся. Главное, однако, в этом противопоставлении состоит в том, что одно из двух понятий (не важно какое) должно относиться к сфере словообразования, а другое — к области формообразования. Иногда вместо пары терминов «формант» — «форматив» употребляется один; например, Ю. С. Маслов использует термин «форматив», разграничивая формообразовательные и словообразовательные формативы [Маслов, 1975, с. 186–191].

ся как информация, так сказать, формального, формально-языкового характера. При анализе устройства языка владение этой информацией позволяет устанавливать грамматические разновидности слов и тем самым систему грамматических словесных классов языка в целом, место определенного класса слов и отдельного слова в грамматической системе.

Компоненты структуры слова — это не только экспоненты (материальные элементы), но одновременно и значения экспонентов (морфема относится к билатеральным единицам языка). Понятие формы слова предполагает одновременную опору как на материальные (экспоненциальные), так и на семантические свойства слова и его частей. То, что семантика имеет отношение к форме слова (и — шире — форме словосочетания, предложения и т. п.), имеет для лингвистики принципиальное значение²⁰. Например, разграничение типов словесных структур покоится не только на учете экспоненциальных показателей, но в первую очередь на семантике (точнее — функционально-семантических свойствах) последних.

Как уже отмечалось, упорядоченность словесных структур проявляется в семантической специализации их компонентов, в том числе и морфем как минимальных компонентов структур. Издавна в семантическом плане принято дифференцировать морфемы на те, которые связаны с передачей информации о внеязыковой действительности (например, корень *вод-* в словах *вода*, *водный*, *водяной* и т. д. отсылает к известному веществу), и те, которые отсылают к элементам кода²¹ языка (внутриязыковая семантика), в том числе и к языковым категориям (о морфологических категориях см. ниже, § 4). Семантика первого типа морфем квалифицировалась в русской традиции как предметная, «вещественная»²² или «реальная» [Карцевский, 2000, с. 28, 35]. Семантика второго типа морфем довольно устойчиво именуется формальной, причем отчетливо ставится знак равенства между понятиями формальный и грамматический²³. Соответственно форма слов, характеризующихся формообразующими структурами, получает название грамматической формы.

²⁰ С философской точки зрения, форма вносит в мир смысл.

²¹ Впрочем, в настоящее время исключительно популярное во второй половине XX в. представление о естественном языке как о кодовой системе считается сильно упрощающим реальное положение дел [см., напр.: Макаров, 2003, с. 33–43].

²² Ср.: «... Это *стекл-* (в словах *стекло*, *стеклянный*, *остекление* и т. д. — *Авт.*) означает *главное* в слове, обозначает *ту вещь*, которая в этом слове названа. Поэтому мы можем сказать, что оно имеет здесь *основное*, или *вещественное* значение» [Пешковский, 1938, с. 43].

²³ «Приставленная (вторая часть слова *стекло* — окончание *-о*. — *Авт.*) же к первой части, она *точнее* же приобретает значение, но значение совсем особенное: не *вещественное*, а *грамматическое*» [Там же, с. 44].

Именно те компоненты словесной структуры, которые интерпретируются как специализирующиеся на выражении грамматической информации (информации о грамматических категориях), главным образом и получают именование формальных компонентов слова²⁴. Понятно, что здесь мы имеем дело с суженной трактовкой понятия «формальность» (формы слова), но господствующая традиция тем не менее такова, что, когда говорят о формальных компонентах слов типа *вода, стекло, няня, водяной, водный*, имеют в виду в первую очередь их окончания.

Упорядоченность словесных структур проявляется не только в чисто семантическом плане, но также и в пространственном, т. е. в порядке следования компонентов словесных структур. Так, применительно к определенному типу языков, в том числе к русскому языку, можно говорить о такой тенденции порядка, в соответствии с которой словообразовательные элементы располагаются ближе к корню, а «грамматические» («формальные») следуют за словообразовательными (ср. *вод-н-ый, стол-ов-ый*) [Dressler, 1995, p. 28–29]. Впрочем, нельзя утверждать, что данная тенденция порядка расположения словесных компонентов единственная. Согласно распространённому взгляду, морфема *-ся*, например, в словоформе *видится (он видится с ней каждый день)* квалифицируется как словообразующая, тем не менее она располагается в конце слова, после окончания; не случайно *-ся* именуют *п о с т ф и к с о м*²⁵. Несмотря на такого рода факты, указанная тенденция является преобладающей.

Не все, однако, типы единиц, традиционно считающихся словами, обладают формообразующими структурами. Например, к таковым относятся служебные части речи. Но и в знаменательных словах могут отсутствовать формативы: *депо, шимпанзе, беж (платье цвета беж), прыг (Она прыг в сторону), вокруг* (наречие: *Все боязливо стали осматриваться вокруг и начали шарить по углам.* — Н. Гоголь) и т. п. Можно ли и об этих типах слов говорить, что они обладают формой? Если связывать трактовку формы с понятием о формообразующих структурах, то такие слова грамматической формой²⁶ не обладают. Используя известное выражение, можно сказать, что они «бесформенны» [Пешковский, 1938, с. 44–45].

²⁴ «Вторая же часть (*-о*) (в слове *стекло.* — *Авт.*) отдельно ничего не значит, а, прильнув к первой (*стекл-*. — *Авт.*), сразу делает ее настоящим *с л о в о м*, придает ей *в и д* слова, *ф о р м у* слова» [Там же].

²⁵ Постфиксами иногда называют все разновидности аффиксов, следующих за корнем [Общее языкознание, 1972, с. 235].

²⁶ Говорят также и о *м о р ф о л о г и ч е с к о й* *ф о р м е* слова. Несмотря на тавтологичность данного термина, его использование вполне оправданно, поскольку с его помощью акцентируются те аспекты формальной устроенности языка, которые имеют отношение к его морфологическому уровню, т. е. к слову как к единице морфологического уровня языка.

Однако в более широком смысле о словах, не имеющих формообразующей структуры, естественно, можно говорить, что они характеризуются формой. Условием для такого утверждения является структурированность, членимость данных слов в других аспектах, прежде всего в морфемном. Так, наречие и предлог *вокруг* членятся на две составляющие (морфемы): *во-* и *-круг*; предлог *вместо* — на части *в-*, *-мест-*, *-о*; и т. д. Структурированность вообще, в любом их трех аспектов является более общим проявлением формы, тогда как формообразующая структурированность — одно из частных проявлений: только часть структурированных слов характеризуется формообразующими структурами.

В рамках указанного понимания формы по линии противопоставления *к о р н е в ы е* — *н е к о р н е в ы е* морфемы последним, подобно флексиям, приписывается свойство *ф о р м а л ь н ы х* [см., напр.: Фортунатов, 1956, с. 138; Пешковский, 1938, с. 44], т. е., следовательно, и применительно к словам, не имеющим формообразующих структур, но структурированным в других аспектах, можно говорить, что они имеют грамматическую форму (но уже в более широком понимании термина *г р а м м а т и к а*, нежели в том случае, когда о грамматике говорят, имея в виду только слова с формообразующими структурами)²⁷.

Приписывание любому структурированному слову грамматической формы распространено в отечественной лингвистике в меньшей мере, нежели приписывание грамматической формы словам, имеющим формообразующую структуру.

Самый сложный вопрос — это вопрос о *ф о р м е* неструктурированных слов. Можно ли говорить о форме применительно к неструктурированным словам²⁸ и в этом плане «бесформенным»? Если исходить из бытующего (устойчивого и вместе с тем весьма расплывчатого) представления о том, что всякий материальный объект (именно в силу того, что он материален) обладает формой, то соответственно имеют форму и слова типа *депо, к, и, пред, ха*. Формативы несут грамматическую информацию, но и слово, лишённое формативов, слово, не членившееся на морфемы, «несет известные грамматические функции, занимает определенное место в грамматической системе языка» [Виноградов, 1972, с. 34] и, следовательно, в этом смысле обладает не просто формой (например, субстанционально представленной звуками), а грамматической формой [подр. см.: Там же, с. 32–37]. Это еще один подход к интерпретации формы слова.

²⁷ Не случайно словообразование описывалось в рамках морфологии [см., напр.: Грамматика, 1953].

²⁸ «...Слова бывают неразложимые и разложимые, то есть представляют собой в первом случае такое единство, в котором не выделяются никакие более дробные членения, например *пальто, везде, про, и, ой*, а во втором единство, в котором выделяются такие более дробные и далее уже неразложимые членения, например *вод-а, хораш-ий* ... и т. д.» [Винокур, 1959, с. 398].

Нельзя не признать определенную обоснованность и этого подхода. Действительно, слово *какаду* не имеет ни формообразующей, ни словообразовательной, ни морфемной структур, но тем не менее характеризуется ф о р м а л ь н ы м и значениями рода, числа и падежа²⁹.

Таким образом, последний из рассматриваемых подходов смещает интерпретацию формы слова исключительно в функционально-семантическую плоскость.

Однако, во-первых, при этом нельзя упускать из виду то обстоятельство, что сама возможность приписывания словам типа *какаду* соответствующих грамматических значений обусловлена «формальной» (материальной, экспоненциальной) выраженностью такого рода значений у слов, характеризующихся формообразующими структурами (*дерево, вода* и т. п.); т. е., иначе говоря, чтобы усматривать у слов типа *какаду, кофе* морфологические значения, необходим «фон» слов, структурированных в плане формообразования. Не случайно некоторые авторы приписывают существительным типа *какаду* целый комплекс о м о н и м и ч н ы х н у л е в ы х флексий³⁰.

Во-вторых, исключительно функционально-семантический акцент в понимании формы имеет следствием ряд трудноразрешимых проблем в трактовке структурной «упорядоченности» определенного типа слов, в первую очередь служебных.

Так, какой может быть квалификация, например, союзов *и, а, но, однако, что* и т. п. в аспекте формы? Они представляют собой целиком формальные компоненты (подобно, скажем, окончаниям)³¹ или же, подобно структурированным словам типа *вод-а* и т. д., характеризуются формообразующими (в принципе, и другими) структурами (хотя бы и в чисто семантическом аспекте)? Если они «формальны», подобно флексиям, то, формулируя функцию формальных компонентов слова в духе А. М. Пешковского как функцию «придания» слову формы, небезосновательным представляется вопрос: это формальные компоненты каких словесных структур? Имея в виду осо-

²⁹ Ср.: «...Даже и чисто морфологический анализ не может не считаться с тем, что в числе неразложимых слов есть известное число таких, функции которых делают их соотносительными со словами разложимыми» [Там же, с. 414].

³⁰ Если исходить из распространенной учебной версии о шестичленности русской падежной системы, то у слов типа *какаду* усматривается 12 омонимичных нулевых флексий — по 6 в ед. и мн. числе [см., напр.: Русская грамматика, 1980, с. 506]. При опоре на другие представления о русской падежной системе (к примеру, как о восьми-членной) количество приписываемых неизменяемым существительным нулевых флексий, естественно, будет иным.

³¹ Ср.: «Несамостоятельные же слова (речь идет о предлогах, союзах, связках и частицах. — *Авт.*) выражают только одни формальные значения... В этом отношении они могут быть сравнены с аффиксами, которыми также выражаются... формальные значения слов» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 223].

бенность использования некоторых союзов³², вряд ли можно утверждать, что рассматриваемые союзы являются репрезентантами-формативами слов (к а к и х с л о в из приведенных примеров?); иначе говоря, оснований считать их формативами, точнее — аналогами морфологических формативов, нет. Если, таким образом, все же толковать эти союзы как «чистую форму», т. е. как чисто формальные показатели (аналоги формообразующих аффиксов), то эта форма имеет отношение к синтаксису (к форме предложения, словосочетания), но не к морфологической (словесной) форме³³. Если же данные союзы членятся, подобно словам типа *шляпа*, на формообразующую основу и форматив, то что, хотя бы и только в семантическом плане, можно интерпретировать в них в качестве этих двух частей формообразующих структур? Какая семантическая часть данных слов могла бы претендовать на статус корневой (основной) и какие на статус аффиксальных (аффиксальной)? Думается, что более или менее убедительное решение этих вопросов вряд ли имеет какую-либо содержательную перспективу.

Очевидна большая определенность и прозрачность первого и в значительной мере второго³⁴ подхода к интерпретации словесной формы. Причем очевидна прозрачность не только теоретической составляющей указанных подходов, но и практической: описание свойств слов, обладающих формообразующими структурами, традиционно занимает главенствующее место в морфологии. Так, в Русской грамматике 1980 разделы, посвященные морфологии существительного и глагола, занимают соответственно 70 и 120 страниц, тогда как разделы, отведенные предлогам и частицам, 7 и 9 страниц³⁵.

³² В *бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод* (Н. Гоголь); *Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба* (Н. Гоголь).

³³ В этой связи сошлемся на позицию по данному вопросу Г. О. Винокура. Он полагал, следуя традиции, заложенной Ф. Ф. Фортунатовым, что под формой слова следует понимать «способность или неспособность слова выделять в своем составе морфемы определенного рода. Тогда разложимые слова были бы примером форм одного типа, неразложимые — примером форм другого типа...» [Винокур, 1959, с. 418].

³⁴ Дело тут не только в том, что со словами типа союзов *но* трудно связать общую традицию приписывания г р а м м а т и ч е с к о й ф о р м ы объектам членимым (*вод-а* и т. п.), но и в том, что за этим стоят и другие основания: граница между словообразованием и словоизменением неотчетлива; механизм словоизменения и словообразования во многом схож [см., напр.: Бондарко, 1976, с. 101]; А. В. Бондарко говорит о «сложной гамме постепенных переходов между словоизменением и словообразованием» [Там же, с. 119; ср. также: Касевич, 1988, с. 143].

³⁵ По мнению Г. О. Винокура, на словах неразложимых, функционально несоотносительных с разложимыми, «морфологический анализ прекращается вообще» [Винокур, 1959, с. 414].

Безусловно, естественный язык материален. Но понятие материальности, как мы уже говорили, не равно понятию формальности: на разных уровнях анализа формальность специфична. Вряд ли есть смысл приписывать однотипную формальность всем единицам, признаваемым словами, т. е. считать, к примеру, что слова *вода* и *однако* характеризуются в плане формы абсолютно одинаково. Слово *однако*, бесспорно, имеет форму; вопрос состоит только в том: какого типа форму? Если понятие формы связывать с представлением о субстанционально-функциональной структурированности объекта, то слову *вода* можно приписать минимум два типа структурированности: при членении первого типа оперируют единицами-морфемами или единицами-комплексами морфем, при втором оперируют фонемами. Даже если признать, что слово *однако* состоит из одной морфемы (это очень спорное решение [подр. см.: Богданов, 1997б, с. 103–110]), то о членимости первого типа³⁶ здесь речи не идет. Возможно только членение второго типа — на фонемы. Имеет ли смысл полностью уравнивать в интерпретации формальной устроенности слова типа *вода* и *однако*? Думается, нет.

В объектах, даже относимых к одному уровню языковой структуры, помимо сходства должны быть и различия; языковые объекты характеризуются разнообразием, в чем среди прочего проявляется такое свойство языка, как его целостность, непрерывность («отсутствие скачков»). Приведем в этой связи высказывание А. М. Пешковского: «Собственно говоря, между полным обладанием формой и полной бесформенностью существует огромное количество переходных ступеней. Язык вообще “не делает скачков”» [Пешковский, 1938, с. 46]. Если языку приписывать свойство формы, а именно формы, «привносящей в мир смысл», а далее форму трактовать через понятие структуры, то означает ли это, что все репрезентанты единиц соответствующего уровня языковой структуры должны иметь однотипную внутреннюю структурную организацию? Следует, по-видимому, применительно к конкретным единицам языка различать два типа форм — внешние и внутренние. Компоненты какого-то уровня языковой структуры, если они таковыми признаются, в любом случае должны быть признаны и обладающими формой, но формой внешней, т. е. в качестве компонентов общей структуры языка — в качестве элементов формы языка, например той формы, которая описывается с помощью частеречной классификации. Означает ли это, что и каждый компонент языка как формы должен иметь и внутреннюю форму, т. е. быть структурированным, структурированным к тому же и однотипно? Ответ, по-видимому, очевиден. При этом отнесенность каких-то компонентов языка, трактуемых в качестве слов, к одному

³⁶ Наподобие того, как представляют членимыми на формообразующую основу и нулевой форматив слова *какаду* и т. п.

типу частей речи (знаменательным, служебным и т. д.) вовсе не означает однотипной их структурированности или однотипного вхождения в качестве компонентов в структуры более высокого порядка. Так, если применительно к такой разновидности служебных частей речи, как союзы, можно говорить, что они оказываются компонентами синтаксических структур, то о предлогах, скорее, следует говорить, что они являются составляющими словесных структур, которые устойчиво именуется предложно-падежными формами³⁷; и т. д.

Таким образом, вряд ли словесную грамматику следует связывать только с членимыми структурами, хотя бесспорно, что для русского языка именно слова, характеризующиеся формообразующими структурами, являются центром поля словесной грамматики. Слова, не имеющие формообразующих структур, сдвинуты от центра поля к периферии; наконец, полностью аморфные словесные «структуры» (т. е. не членимые на морфемы) находятся на самой отдаленной периферии поля. Количественно (и существенно) в русском языке преобладают слова, относящиеся к центру поля. Так, к примеру, по данным С. И. Богданова³⁸, в русском языке более чем на более чем 45 тыс. изменяемых существительных приходится всего около 580 неизменяемых [Богданов, 1997б, с. 108]. Неизменяемые существительные имеют определенные отличия от изменяемых существительных и в плане их грамматических свойств. Например, их родовая принадлежность (т. е. отнесенность к той или иной родовой граммеме) обуславливается в первую очередь тем, какие объекты внеязыковой действительности они обозначают: живые существа или предметы, людей или другие живые существа и т. п.

В языке сосуществуют зоны структурированных и аморфных объектов, и вряд ли имеет смысл в описании полностью стирать грань между этими зонами³⁹. Указанные зоны взаимодействуют, что, к примеру, выражается в частеречных переходах, причем, имея в виду изменяемые и неизменяемые части речи, преобладающее направление перехода — переход изменяемых слов в неизменяемые (в наречия и служебные слова).

³⁷ Впрочем, предлоги не следует полностью уравнивать, например, с флексиями: предлоги, в отличие от флексий, отрываются от существительных: *к дому* — *к старому дому*. См., однако, о подвижности границ между предлогами и аффиксами [Касевич, 1988, с. 145–152].

³⁸ Количественные данные по неизменяемым словам других частей речи см.: [Богданов, 1997б, с. 103–108].

³⁹ Это касается, естественно, не только морфологии. Например, неоправданно описывать в терминах членов предложения междометные (*Чу! Ночная птица кричит.* — В. Брюсов), отрицательные (*— Неужели только за это, князь? — Нет.* — Ф. Достоевский) и некоторые другие типы предложений. Не случайно для квалификации данных предложений используется термин *нечленимые предложения*.

§ 2. Лексема, словоформа. Словоизменение, формообразование

Констатация у слова формообразующей структуры связывается с вариативностью его компонентного состава, вариативностью формы⁴⁰: *шляп-а* (ед. число, им. падеж) — *шляп-ы* (мн. число, им. падеж); *шляпа* (ед. число, им. падеж) — *шляпе* (ед. число, дат. падеж) и под. Варьируются компоненты структуры, имеющие одинаковый грамматический статус: *-а/-ы* — показатели числа (в рамках им. падежа), *-а/-е* — показатели падежа (в рамках ед. числа).

Формальные вариации могут не затрагивать, не изменять лексического значения⁴¹. К примеру, к такого рода вариациям относят падежные формы типа *стол, стола, столу* и т. д. У этих форм изменяется только грамматическое значение (падежное). Естественно, что о формообразующих структурах можно говорить лишь в том случае, если наличию минимум две формально-грамматические модификации слова⁴².

Слово в совокупности всех его формальных модификаций при тождественном лексическом значении последних называется *с л о в о м*, или *л е к с е м о й*, а отдельные конкретные его формальные вариации *с л о в о ф о р м а м и*⁴³. Так, *стол, стола, столу* и т. д. — это словоформы одной лексемы. Таким образом, следует различать терминологическое и нетерминологическое употребление понятия слова в морфологии. Терминологическое понятие *с л о в а* в морфологии равно понятию *л е к с е м ы* [подр. см., напр.: Мельчук, 1997, с. 90–106].

Изменение формы одного и того же слова (т. е. не затрагивающее лексического значения) называется *с л о в о и з м е н е н и е м*. Однако изменение грамматической формы слова может приводить к одновременному изменению и его лексического значения. Например, изменение формы числа у существительного *снег* (ед. число) → *снега*

⁴⁰ Здесь и далее, говоря о грамматической форме слова, мы имеем в виду понятие формы в узком и наиболее распространенном понимании.

⁴¹ Мы оставляем вне рассмотрения один из существенных и сложных вопросов — вопрос о критериях, используемых для установления тождества лексического значения словоформ. Чаще всего этот вопрос, имеющий принципиальный характер для определения границ лексема — словоформа, в учебной литературе (и в литературе «неучебной» часто тоже) вообще не обсуждается. Видимо, объяснение такого положения, помимо всего прочего, лежит в хорошо известной плоскости: «так принято считать» или «это очевидно». Однако в нашем случае это не принципиально: понятно, что граница между лексемами и словоформами подвижна и могут быть разные случаи трансформации лексического значения при изменении грамматической формы слова.

⁴² Впрочем, в последнее время становится популярной мысль о наличии в языке так называемых квазиграммем (квазикатегорий), которые, по-видимому, могут выражаться в рамках словоформы, не соотношенной с другой — противопоставленной в пределах однотипного значения словоформой (см. ниже, § 4).

⁴³ «Морфология есть, грубо говоря, описание словоформы» [Мельчук, 1997, с. 350].

(мн. число) приводит и к трансформации лексического значения: *снег* — это обозначение соответствующего вещества⁴⁴, в то время как *снега* обычно толкуется как «значительное пространство, покрытое снегом» (ср. *лед* → *льды*). Естественно, что к ряду словоформ типа *снег* — *снега* вряд ли можно с тем же основанием прикладывать термин словоизменение, как к ряду *стол* — *столы*.

Попытка объединения пар типа *стол* — *столы*, *снег* — *снега*, *скверный* — *прескверный*, *вода* — *водица*, *водичка*, *трубка* — *трубочка*, *стена* — *стенка*, *еле-еле*, *синий-синий* [Виноградов, 1972, с. 35–36] и некоторых других в рамках одного класса привела к введению термина *ф о р м о о б р а з о в а н и е* — термина, более широкого по своему значению, нежели термин словоизменение [см.: Щерба, 1974, с. 53–55]. Но простое введение термина не могло быть само по себе достаточным, чтобы отразить весь весьма неоднородный спектр тех явлений, которые за ним стоят. С одной стороны, под формообразование подводят те соотношения форм, в которых не нарушается лексическое тождество слова (т. е. то, что Ф. Ф. Fortunатовым именовалось словоизменением⁴⁵). С другой стороны, к формообразованию относят и такие соотношения «форм», при которых лексическое тождество слова не наблюдается. Причем в пределах соотношений с отсутствием лексического тождества соседствуют существенно разные явления: более развернутые в сторону словоизменения (типа *снег* → *снега*) и ориентированные в сторону словообразования (ср.: *читать* → *перечитать*, *читать* → *вЫчитать*, *читать* → *зачитать* «взяв для чтения (чужую книгу), не возвратить» и т. п. [Словарь 1981–1984, I, с. 595]⁴⁶). Необходимость разграничения трех типов «формообразования» приводит и к необходимости использования соответствующих терминов. Так, А. В. Бондарко предложил употреблять три термина: последовательно коррелятивное, непоследовательно коррелятивное и некоррелятивное формообразование [Бондарко, 1976, с. 119].

Вместе с тем отметим, что в настоящее время не существует как единства взглядов в плане интерпретации тех явлений, которые

⁴⁴ «Твердые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов» [Словарь, 1981–1984, IV, с. 163–164].

⁴⁵ [Fortunатов, 1956, с. 155–157].

⁴⁶ Не случайно в словарях *снега* подается в статье на слово *снег* как форма мн. числа последнего, а *читать*, *перечитать*, *зачитать*, *вЫчитать* как отдельные слова (т. е. в отдельных словарных статьях) [см., напр.: Словарь, 1981–1984]. О соотношении преобразований в парах типа *снег* → *снега* и *читать* → *перечитать* можно сказать, несколько огрубляя ситуацию, что в первом случае имеет место преобразование грамматической формы (в наиболее распространенном понимании), сопровождающееся трансформацией лексического значения, а во втором — трансформация лексического значения, которой сопутствует изменение грамматического значения (ср., напр.: «...Внутри словообразования обнаруживается зона, сдвинутая в сторону формообразования...» [Смирнов, 2001, с. 86]).

обозначаются терминами словоизменение, формоизменение, формообразование и др., так и в плане использования самой терминологии. Заметим также, что наибольшие сложности в интерпретации формообразования возникают в аспекте его дифференциации со словообразованием⁴⁷.

§ 3. Синтетические и аналитические формы слов, супплетивные формы. Особенности образования словесных форм. Парадигма, подпарадигма, неполные парадигмы

Морфологические значения могут выражаться (а в русском языке чаще всего и выражаются) с помощью аффиксов. Например, к таким средствам относятся окончания: *вод-а*, *читал-а*; суффиксы: *чита-л-и*, *чита-ви-ий*; префиксы: *с-делать*, *про-читать* (сов. вида, ср. непрефиксальные словоформы *делать*, *читать* несев. вида), постфиксы: *Все делало-сь ими без всякого приказания (-сь — показатель страдательного залога)*. Такой способ выражения грамматических значений, когда грамматический показатель оказывается в пределах словоформы, называется с и н т е т и ч е с к и м. Соответственно *вода*, *прочитали* и т. п. именуется синтетическими формами (словоформами). Синтетический способ является главенствующим для русского языка, поэтому русский язык относится к языкам синтетического строя⁴⁸. Однако в выражении грамматических значений в русском языке могут участвовать не только морфемы, но и вспомогательные — служебные — слова [Мельчук, 2001, с. 375]: *более умный* (сравн. степень прилагательного); *читал бы* (сослаг. наклонение); *буду читать* (буд. время) и т. п. Словоформы, включающие в свой состав служебные слова, типа *более умный*, *буду читать*, называются а н а л и т и ч е с к и м и. Вспомогательное слово в составе аналитического комплекса выполняет роль, аналогичную роли грамматического аффикса в составе словоформы: ср. *умнее* и *более умный*; *умнейший* и *самый умный*, *читаю* и *буду читать* [Смирницкий, 1959, с. 70–71; Мельчук, 1997, с. 338–339]⁴⁹. Одна из важных теоретических проблем, связанных с аналитическими формами, состоит в критериях дифференциации словосочетаний и аналитических построений. Компоненты словосочетания характеризуются самостоятельным лексическим значением, в то время как вспомогательное слово аналитической формы имеет лишь грамматическую семантику. Однако границу между лексическим и грамматическим значением провести часто затруднительно (уже в силу того, что язык — это неразрывный континуум). Этим и некоторыми другими факторами объясняется то обстоятельство, что типология аналитических форм — одна из дискуссионных проблем русской морфологии⁵⁰ (обсуждение проблем аналитизма см., например, в кн.: [Аналитические конструкции, 1965]).

Супплетивный (чисто супплетивный⁵¹) способ образования грамматических форм (разнокорневые словоформы) занимает

обозначение категориальных значений одного знаменательного слова при помощи форм другого знаменательного же слова (например, выражение категорий рода, числа, падежа неизменяемых существительных с помощью прилагательных — *хорош-ий кофе*, *древние Афины*, *знаменит-ого маэстро*), выражение значения какого-либо знаменательного слова с помощью двух и более знаменательных слов (*зенитка* — «синтетическое» выражение, соответствующее «аналитическому» выражению *зенитное орудие*; аналогично *грузовик* — синтетическое выражение при наличии аналитического *грузовой автомобиль*); рус. *старик*, лат. *senex* и англ. *old man* [Смирницкий, 1959, с. 62–65; Мельчук, 1997, с. 335] и др. Применительно к морфологии терминологически наиболее строгим является такое понимание аналитической формы, о котором говорилось выше, — это сочетание вспомогательного (служебного) слова-компонента и знаменательного слова-компонента наподобие *читал бы* [ср.: Мельчук, 1997, с. 335]. Вопрос о том, что считать аналитическими формами, имеет первостепенное значение в плане определения того направления, в котором развивается современный русский язык. Если исходить из представления о том, что аналитическая форма — сочетание служебного и знаменательного слова, то исключительно популярный в настоящее время тезис о глобальной тенденции русского языка к аналитизму выглядит далеко не бесспорным. При опоре на общую схему эволюции индоевропейских языков (агглютинативные → синтетические → изолирующие) [Дини, 2002, с. 416] неизменяемые существительные, прилагательные (см. ниже, § 5) и т. п. следует признать языковыми объектами более с собственно «изолирующими» свойствами, нежели аналитическими (подр. см. в главе «Морфологический строй русского языка и направление его эволюции»).

⁵⁰ Например, академическая грамматика 1980 г. сочетания типа *более веселый*, *более интересный* не рассматривает в качестве аналитических форм, аргументируя это как раз тем обстоятельством, что слово *более*, как, впрочем, и *менее* (*менее веселый*), в сочетаниях, подобных *более веселый*, «сохраняет свое лексическое значение» [Русская грамматика, 1980, I, с. 562].

⁵¹ Термин супплетивизм употребляется в более широком и более узком значении. В более широком значении помимо явлений, связанных с разнокорневыми словоформами (так называемое чисто супплетивное словоизменение), он распространяется еще на случаи частично супплетивного словоизменения: «формы образуются от однокоренных основ, отличающихся наличием или отсутствием некоторого «основообразующего» суффикса или нерегулярным чередованием (ср.: *Христос* — *Христа*, *время* — *времени*, *дочь* — *дочери*, *полдень* — *полудня* и т. п.)» [Лингвистический словарь, 1990, с. 457].

⁴⁷ О проблемах разграничения понятий словоизменение, формоизменение, формообразование, словообразование см., напр.: [Кузнецов, 1961, с. 40–41; Бондарко, 1974; 1976, с. 110–119; Кузнецов, 2001; Перцов, 2001, с. 69–111; Смирнов, 2001].

⁴⁸ При широкой интерпретации термина флексия, когда под него подводятся все типы внутрисловных грамматических морфемных показателей, русский язык относят к языкам флективного строя.

⁴⁹ Как справедливо отмечает И. А. Мельчук, «прилагательное аналитический (и его коррелят аналитический) используются в лингвистической литературе весьма широко, но при этом не слишком строго» [Мельчук, 1997, с. 334]. К аналитическим способам выражения каких-либо значений помимо случаев типа *буду читать* относят также

в русском языке периферийное место⁵²: *человек* — *люди*; *хороший* — *лучше*; *ребенок* — *дети*; *иду* — *иёл*; *я* — *меня* и т. п. Причины возникновения супплетивно соотносящихся словоформ различны. Это может быть следствием объединения в одну парадигму форм, первоначально принадлежащих разным парадигмам (*ребенок* — *дети*), или результатом фонетических изменений, нарушивших фонематическую близость корневых морфов (**хьд-* (*ход-ити*) → *шед-* (*шедший*, *шедь-ль*) → *ше-/ш-* (*шел*, *шла*)) и др. [Русский язык, 1997, с. 547].

Образование форм слова очень часто сопровождается разного рода изменениями в формообразующей основе: *окно*, но (*на*) *окне* — чередование /n/ / /n'/; *час* /čás/, но *часов* /čísóf/ (чередование фонем /a/ / /i/ и перенос ударения); *странá*, но *страны* (ударение на окончании и на основе); *сон*, но *сна* («беглый» гласный *о*); *видит*, но *вижу* (историческое чередование /d'/ / /ž/); *клин*, но *клинья* (усложнение морфемной структуры основы мн. числа — *клин* 'j-); *теленоч-ø*, но *тел-ят-а* (разные суффиксальные составляющие формообразующих основ ед. и мн. числа) и т. д. Чаще всего образование форм — это комплексный процесс, в рамках которого совмещается изменение формообразующих аффиксов, перемена места ударения, чередование фонем и т. д.: *село* /s'iló/, *сёла* /s'óla/; *зять* /z'át'/, но *зятья* /z'it'j-á/⁵³. Таким образом, формообразование (или уже — словоизменение) — это довольно сложный процесс. Свести его только к смене флексий, формообразующих суффиксов и т. п. — значит представить его в сильно упрощенном виде, который не отражает языковой реальности.

Имеет ли отношение ударение (перенос ударения), чередования и т. д. к форме слова (и шире — к грамматической форме вообще)? Безусловно (см. о формальных признаках, напр.: [Щерба, 1957, с. 64]). Так, различие между словоформами *города* /górada/ (род. падеж, ед. число) и *городá* /garadá/ (им. падеж, мн. число) связывается с вариациями ударения (на первом / на последнем слоге) и фонемными чередованиями гласных. Однако все-таки главным при формообразовании (в том числе и при словоизменении, если словоизменение рассматривать в качестве разновидности формоизменения) являются вариации грамматических аффиксов. Аргументом в пользу такого заключения является то обстоятельство, что имен-

⁵² Ср. «...Супплетивные формы являются в русском языке исключениями» [Русский язык, 1997, с. 546]. Несмотря на общую периферийность супплетивной соотнесенности словоформ, для некоторых групп слов этот способ соотнесенности занимает отнюдь не последнее место. Например, в сфере русских субстантивных местоимений супплетивизм — типичное явление: *я* — *меня*, *мне*, *мною*; *мы* — *нас*, *нам*, *нами*; *он* — *его* (*него*), *ему* (*нему*), *им* (*ним*), *нём* и т. п.

⁵³ «Если... считать, что существуют только сегментные морфемы, то супraseгментные средства выражения следует трактовать как операции над морфемами (совокупностями морфем)» [Володин, Храковский, 1991, с. 116].

но изменение аффикса является предпосылкой к вариациям в ударении, фонемным вариациям⁵⁴. Неизменяемое слово само по себе не имеет подобных потенций: существительные *пальто*, *колибри* в любом падеже и числе не содержат морфологически значимых чередований фонем и характеризуются неизменным местом ударения. Значительно реже, в сравнении с аффиксальными средствами, основными формальными признаками словесного формоизменения оказываются неаффиксальные средства (как в случае с *города*, *городá*). Но последнее вовсе не означает, что неаффиксальные средства должны игнорироваться при изучении морфологической системы. Язык — единая, взаимосвязанная система, и если в рамках какого-то ее уровня (подсистемы) ведущим является один тип формальных средств, то это не означает, что, во-первых, данный тип формальных средств работает только в пределах этого уровня и что, во-вторых, никакие другие формальные средства в пределах данного уровня не используются. Поэтому вполне оправданным представляется включение в морфологические описания акцентных типов словоизменения, типов фонологических вариаций, связанных со словесным формоизменением (см., напр., в Русской грамматике 1980 разделы «Альтернативные ряды фонем в формах существительных» (с. 507–511), «Ударения существительных» (с. 511–530), «Ударение прилагательных» (с. 565–573), «Альтернативные ряды фонем в глагольных формах» и т. п.)⁵⁵. Подробно вопрос о средствах и способах морфологических изменений изложен в книге И. А. Мельчука: [Мельчук, 2000; 2001].

Система форм одного слова называется его п а р а д и г м о й (греч. *παράδειγμα* 'образец, модель')⁵⁶. Парадигма чаще всего состоит из нескольких п о д п а р а д и г м — «частных парадигм» [Русская грамматика, 1980, I, с. 455]. Например, парадигма существительного *море* состоит из подпарадигм ед. и мн. числа: 1) *море*, *моря*, *морю* и т. д. — ед. число, 2) *моря*, *морей*, *морям* и т. д. — мн. число. Парадигмы бывают полными и неполными. Так, у существительных *вражда*, *косьба* и др. отсутствует подпарадигма мн. числа, а у существительных типа *сутки*, *щипцы* — подпарадигма ед. числа. Иногда неполнота парадигмы сводится к отсутствию

⁵⁴ Речь именно о предпосылке, а не о правиле, не знаящем исключений; ср., например, при образовании формы сравнительной степени прилагательного *веселый* → *веселее* наличествует и изменение места ударения, и фонемные вариации, в случае с *красивый* → *красивее* — только чередование *в/в'*; в случае же с *искренний* → *искреннее* фонемных изменений в формообразующей основе нет, не изменяется и место ударения.

⁵⁵ Изучением морфологически значимых фонологических и фонетических изменений, связанных с вариациями словесной формы, занимается м о р ф о л о г и я.

⁵⁶ «Парадигма... любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака...» [Лингвистический словарь, 1990, с. 366].

нескольких или одной из «клеток». Например, глаголы *убедить*, *победить*, *очутиться* не употребляются в форме 1-го лица ед. числа: *убеждо, *убежду, *убежду, но ср.: *убедишь*, *убедит*, *убедим* и т. д.⁵⁷ Местоимение *себя* не имеет словоформы им. падежа. Неопределенные субстантивные местоимения *некого* и *нечего* не имеют форм им. падежа, а *нечто* обладает формами только им. и вин. падежей. Редким случаем являются парадигмы слов с единственной заполненной клеткой. Такова парадигма существительного *щец* (уменьш.-ласк. от *щип*), представленное одной словоформой — род. падежа мн. числа. Местоимение *некто* имеет лишь форму им. падежа.

Полными считаются парадигмы, включающие в себя максимальное количество клеток, возможных для слов определенного морфологического класса.

Принадлежность словоформы к тому или иному компоненту парадигмы может не находить морфемного выражения, и тогда в качестве способа разграничения клеток выступают, как уже отмечалось, другие средства — например, место ударения: *зубы́* — род. падеж, ед. число, *зубы́* — им. падеж, мн. число; или место ударения с одновременным чередованием фонем: *мо́ря* /*мо́г'а*/ — род. падеж, ед. число, *мо́ря* /*маг'а*/ — им. падеж, мн. число. В некоторых случаях различие клеток обнаруживается синтаксически. Парадигматические клетки им. и вин. падежей (не различающиеся фонемно и ударением) существительного *стол* различаются позицией (синтаксическим отношением к другим словоформам) в предложении: *Этот стол мне нравится* (подлежащее, им. падеж) / *Этот стол я купил только вчера* (прямое дополнение, вин. падеж), возможностью и невозможностью сочетаться с предлогами: формы им. падежа обычно с предлогами не сочетаются, ср. вин. падеж *положить книгу на стол, под стол, в стол*⁵⁸.

⁵⁷ О проблемах неполноты, к примеру, глагольных парадигм см.: [Гурин, 2000].

⁵⁸ Следует, однако, иметь в виду, что принадлежность к какой-либо клетке парадигмы при отсутствии материально выраженного аффикса имеет фоном наличие аффикса у других словоформ, принадлежащих тому же компоненту парадигмы. Если у существительного *стол* им. и вин. падежи ед. числа совпадают, то у существительных II склонения (типа *вода*, *земля*, *бабушка*, *книга*) они аффиксально противопоставлены: *Бабушк-а читает книг-у*. Подстановка в приведенные выше предложения с существительным *карандаш* существительного II склонения позволяет противопоставить соответствующие синтаксические позиции не только по их месту по отношению к позициям других слов, но еще и аффиксально: *Эта книг-а мне нравится*; *Эту книг-у я купил только вчера*. Более того, можно сказать, что интерпретация синтаксического противопоставления *стол* в терминах падежа (им. — вин.) опирается исключительно на возможность аффиксальной выраженности этого противопоставления у каких-либо типов слов. Вообще для интерпретации грамматической сферы языка принцип материальной выраженности имеет первостепенное значение (даже и в случае так называемой скрытой грамматики).

§ 4. Морфологические категории

В соответствии с давней традицией (в настоящее время переосмысливаемой — см. ниже, § 5) объединение каких-либо объектов описания в рамках одного класса должно строиться на общих признаках данных объектов. Объединение форм слова в рамках парадигмы, согласно распространенному мнению, основывается прежде всего на семантической однородности этих форм (выражают значения одного типа). Так, словоформы *стол* и *стола* связаны тем, что их форма выражает идею количества предметов во внеязыковой действительности (*стол* — один предмет, *стола* — два и более). Та же идея выражается и в противопоставлениях *стул* — *стулья*, *клин* — *клинья*; *жеребенок* — *жеребята*, *опенок* — *опята*; *гражданин* — *граждане*, *армянин* — *армяне*; *машина* — *машины*, *карандаш* — *карандаши*; *море* — *моря*, *поле* — *поля*; *окно* — *окна*, *войско* — *войска* и др. Таким образом, значительные массивы словоформ оказываются связанными однородностью семантики. Нельзя, однако, не отметить и определенную однотипность формального (материального) облика словоформ (точнее — «блоков» словоформ), выражающих идею количества (см. примеры выше). Все блоки словоформ, имеющих однородное значение, называются рядами морфологических форм. К примеру, все экспоненты форм, имеющих значение 'один предмет', объединяются в один ряд, имеющих значение 'два и больше предметов' — в другой ряд. Такого типа ряды словоформ образуют грамматическое единство, называемое м о р ф о л о г и ч е с к о й к а т е г о р и е й⁵⁹ (в данном случае это категория числа существительного).

Включение каких-то форм в ту или иную категорию может и не опираться на содержательные критерии. К примеру, вряд ли можно утверждать, что словоформы мн. ч. *сливки*, *сливок*, *сливкам*, *сливками*, *сливках* выражают идею количества ('два предмета и больше'), но тем не менее они также включаются в категорию числа, поскольку имеют формы (т. е. и экспоненты), аналогичные тем словоформам, которые выражают идею количества (*дужки*, *дужек*, *дужкам*, *дужками*, *дужках*). Ср.: *серебро*, *серебра*, *серебру* / *ведро*, *ведра*, *ведру*.

В категорию могут включаться и слова, не имеющие формообразующих структур. Например, таковы неизменяемые существительные типа *какаду*, *пони*, *колибри*. Однако эти существительные могут обозначать как один экземпляр называемого ими существа, так два

⁵⁹ «Категория. 1. Филос. Понятие, отражающее наиболее общие свойства и связи явлений материального мира.... 2. В научной терминологии: родовое понятие, обозначающее разряд предметов или наиболее общий их признак.... Понятие, отражающее характерные свойства восприятия действительности в той или иной среде... 3. Разряд, группа однородных предметов, явлений, лиц» [Словарь, 1981–1984, II, с. 40].

и более, и тем самым семантически вписываются в категорию числа. Вместе с тем необходимо иметь в виду то обстоятельство, что, если некие слова способны что-то обозначить, это само по себе еще не является основанием для приписывания им соответствующей морфологической категории или шире — для констатации наличия в языке категории. Категория считается наличествующей в том или ином языке, если она выражена формально (экспоненциально)⁶⁰. Поскольку семантическая оппозиция ‘один предмет’ — ‘два и больше предметов’ в русском языке выражена формально (*стол* — *столы* и т. п.) и поскольку в эту семантическую оппозицию вписываются слова типа *какаду*, то на этом основании им можно приписать категорию числа (иначе выражаясь, утверждать, что они охарактеризованы по категории числа).

Более сложным случаем является характеристика по категории числа существительных типа *кофе*, *какао*, *сапериави*, *виски*, *боржом*, *тутти*⁶¹. Специфика их лексического значения (обозначение веществ, отвлеченных понятий) исключает возможность семантического противопоставления ‘один предмет’ — ‘два и больше предметов’. Эти слова «бесформенны», и соответственно их «форма» неинформативна, т. е. не дает никакой информации в плане возможности вписывания этих существительных в одну из рубрик категории числа (ед. либо мн. число). Вместе с тем сочетающиеся с этими существительными прилагательные имеют форму ед. числа: *черный кофе*, *хорошее какао*, *шотландское виски*. Однако сам по себе этот факт не объясняет, почему данные существительные характеризуются ед. числом: прилагательные (изменяемые) и другие адъективные словоформы (например, причастия, глаголы в форме прош. времени) число выражают принудительно (облигаторно), они не могут не иметь какой-либо числовой формы. Так, вопросительные местоимения *кто* и *что* обычно считаются не охарактеризованными по категории числа (как, впрочем, и рода), но глаголы в форме прош. времени в сочетании с ними имеют форму ед. числа: *Кто пришёл?*; *Что случилось?* Ср. также междометия, употребленные в позициях членов предложения, типа *ура* (не характеризующиеся морфологическими категориями): *Далече грянуло ура: Полки увидели Петра* (А. Пушкин). Следовательно, не исключена возможность трактовки слов типа *кофе*, *какао*, *виски* как не охарактеризованных по категории числа. Имеется, однако, распространенная точка зрения, в соответствии с которой все русские существительные вписываются в категорию числа. Числовая интерпретация, например, слов типа *кофе* в таком случае может

опираться только на аналогический критерий: в русском языке наличествует группа изменяемых существительных, обозначающих вещества и имеющих формы лишь ед. числа (типа *серебро*), неизменяемые существительные с подобной лексической семантикой тем самым оказываются охарактеризованными единственным числом. Правда, в русском языке есть и вещественные существительные, употребляющиеся в форме только мн. числа: *сливки*, *дрожжи* и т. п. Однако их меньше, чем существительных типа *серебро*. Кроме того, в противопоставлении ед. число — мн. число немаркированным компонентом оппозиции является ед. число [см., напр.: Мельчук, 1998, с. 19]. Именно изменяемые существительные типа *серебро* как существительные ед. — немаркированного — числа и т. п. являются образцом для вписывания неизменяемых существительных типа *какао* в категорию числа⁶².

Ряды форм (т. е. экспоненты с присущими им значениями) являются репрезентантами отдельных компонентов категории, именуемых, в соответствии с термином, предложенным К. Пайком [Pike, 1957], г р а м м е м а м и. Например, категория числа в современном русском языке включает в себя две граммы — ед. и мн. числа. Понятно, что граммы, как уже, по существу, отмечалось, должны иметь не только общие признаки (если бы они не имели общих признаков, то не могли бы считаться компонентами (членами) о д н о г о класса объектов, именуемого категорией), но и признаки, их дифференцирующие (в противном случае граммы просто не отличались бы друг от друга и не могли быть р а з н ы м и компонентами одного класса). Таким образом, граммы характеризуются комплексом как интегральных, так и дифференциальных признаков. Наличие дифференциальных признаков говорит об о п п о з и т и в н о с т и граммы. Оппозитивность граммы одной категории предполагает и такой тип отношений между ними, который именуется в з а м о - и с к л ю ч е н н о с т ь ю⁶³ (семантической взаимоисключенностью): «...Грамматическая категория... это множество взаимоисключающих значений» [Плунгян, 2000, с. 109]; «никакие два значения из этого множества не должны выражаться в одной и той же словоформе одновременно...» [Там же, с. 107]. Так, словоформа *солнце* репрезентирует лишь одну родовую грамму (ср. рода) и не может быть репрезентантом ни граммы м. рода, ни граммы ж. рода.

Таким образом, морфологическая категория — это система противопоставленных друг другу рядов морфологических

⁶⁰ «Само собой разумеется, что должны быть какие-либо внешние выразители... категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий» [Щерба, 1957, с. 64]. См. также: [Исаченко, 1965, с. 26].

⁶¹ «**Tutti** (тутти, итал. — все) — указание в нотах на исполнение музыки всем составом оркестра, всеми группами хора» [Музыка, 1998, с. 558].

⁶² «Вписавшись» в грамму единственного числа, эти существительные неизбежно «вписываются» и в одну из граммы рода. Правда, рассуждение может быть построено и иначе: существительные типа *кофе*, *виски* охарактеризованы по роду, следовательно, «вписаны» в грамму ед. числа. Однако, в принципе, о роде данных существительных также можно рассуждать в аналогическом ключе.

⁶³ Впрочем, тезис о взаимоисключенности значений является неочевидным.

форм с однородными, но одновременно и противопоставленными друг другу значениями [ср.: Бондарко, 1976, с. 10–11; Русская грамматика, 1980, I, с. 455].

Морфологическая категория (как, впрочем, и любые другие языковые категории) — это объект, имеющий признаки формы, уже хотя бы в силу того, что он характеризуется структурой (наличием компонентов и системой отношений между компонентами⁶⁴). Совершенно очевидно, что существует прямая и однозначная связь между категориями и формообразующими структурами⁶⁵. Формообразующие словесные структуры — способ реализации (и выявления) той или иной морфологической категории, предопределяющийся особенностями языка (в данном случае русского языка как языка синтетического строя⁶⁶). Фиксация у слова формообразующей структуры возможна при условии, что последняя связана с выражением соответствующей морфологической категории (морфологических категорий). Так, например, словоформы *читать* и *прочитать* связаны с выражением категории вида (противопоставление в рамках категории вида граммем несовершенного и совершенного вида). Экспоненты категории — обобщение всех экспонентов выражения значения категории (категориально значения), организованное в ряды-граммемы. Значение категории, в принципе, тоже обобщение значений всех ее компонентов-граммем. Но обобщение, так сказать, не арифметическое, не «плоскостное», а опять-таки структурированное, «объемное», с разграничением типов значений, с выделением среди них главных значений, в первую очередь определяющих лицо данной категории и ее граммем, и разного рода значений второго порядка — «непрямых», переносных значений⁶⁷ и т. п. Категория и ее граммемы характеризуются определенным семантическим потенциалом, который реализуется тем или иным способом в конкретном контекстном употреблении.

Морфологические категории — объекты билатеральные (двусторонние, т. е. имеющие план выражения и план содержания). Однако

⁶⁴ Напомним, что форма — это не только экспоненты (субстанция), а одновременно и значения экспонентов.

⁶⁵ «Морфологические изменения... соответствуют грамматическим категориям» [Шахматов, 1941а, с. 420].

⁶⁶ «...Грамматические категории, естественно, не существуют вне грамматических форм» [Поспелов, 1954, с. 4].

⁶⁷ Так, главным значением форм типа *найду* является будущее время осуществления соответствующего действия. Вместе с тем у этих форм есть и иное, неглавное значение — настоящее время действия: *Никак не найду книгу* [Бондарко, Буланин, 1967, с. 82]. Что касается прямых и переносных значений, то, к примеру, переносным значением форм наст. времени является «настоящее историческое» (*Иду я вчера и вижу...*); переносным значением форм («непрямым употреблением форм» [Храковский, Володин, 2001, с. 226]) повелительного наклонения является условное (*Не сдвигай я сам глупость, право, не просадил бы.* — Н. Гоголь).

при выявлении границ категории приоритет отдается не экспоненциальным показателям, а семантике⁶⁸, что обусловлено тем, что «в целом ряде случаев компоненты грамматических, в частности морфологических, категорий характеризуются весьма разнообразным, пестрым формальным выражением, лишенным внутреннего единства (разрядка наша. — *Авт.*) и осложненным явлением синкретизма (ср., например, выражение сов. и несов. вида (использование приставок в одном случае — *вырастить* — и суффиксов в другом случае — *выращивать* и некоторые другие — *Авт.*), единственного и множественного числа разных падежей и т. д.)» [Бондарко, 1976, с. 31–32]. Предполагается, таким образом, что план семантики более однороден по своему характеру, нежели план выражения, что и позволяет проводить соответствующие границы категорий, отдельных граммем в тех случаях, когда этого нельзя сделать в опоре на экспоненты. См., например, разграничение трех категорий — рода, числа, падежа — при синкретичном их выражении с помощью одного экспоненциального показателя: *рук-а*.

Один из сложнейших вопросов интерпретации категорий связан с выявлением их общих, инвариантных значений. В соответствии с основами теории классов класс — это «совокупность объектов, имеющих один или нескольких характеристических (т. е. характеризующих данный класс. — *Авт.*) признаков» [Кондаков, 1975, с. 246]. Как уже было отмечено, характеристические признаки классов — морфологических категорий — связывают с семантикой, что, естественно, предопределяет необходимость определения (формулирования) общего семантического признака / признаков категории⁶⁹. Тем не менее во многих случаях, несмотря на предельно изощренные процедуры, выработанные в XX в. (главным образом, в рамках структурализма), отчетливо сформулировать инвариантные значения многих категорий не удастся, к примеру категории субстантивного падежа (см. в этой связи одну из самых значительных теоретических работ XX в.: [Якобсон, 1985, с. 133–175]). Русский падеж, однако, сложная, многочленная (многокомпонентная, многограммемная) категория (вместе с тем есть языки с еще более сложными падежными системами), и этим обстоятельством можно было объяснить неудачи в плане формулировки общего значения данной категории, но проблемы имеются и в сфере других категорий, например, двучленной категории субстантивного числа. Оказалось трудным сформулировать общий семантический признак для словоформ, с одной стороны, например, *рука*, *карандаш* и т. п. и с другой — *молоко*, *сливки* и т. п.; см. попытку определить инвариантное значение субстантивного чис-

⁶⁸ «... Грамматическое значение — самая сущность грамматической категории» [Степанов, 1975, с. 122].

⁶⁹ «Вопрос об общих значениях грамматических форм, естественно, образует основу учения о грамматической системе языка» [Якобсон, 1985, с. 133].

ла с помощью понятий реальной расчлененности (для форм мн. числа) / нерасчлененности предмета [Исаченко, 1965, с. 73–76]. Ср. также мнение С. Д. Кацнельсона еще об одной двучленной категории — глагольном виде: «В целом содержание видовых форм представляет собой сложную и довольно пеструю картину, явно не укладывающуюся в рамки теории общих значений» [Кацнельсон, 2001, с. 449; см. также: Храковский, 2002, с. 92–93].

В настоящее время предлагаются такие способы описания грамматических категорий, которые не основываются на инвариантном семантическом признаке на основе объединения компонентов категории⁷⁰. Более того, исходя из фактов, подобных указанным выше (затруднения в способе объединения неких объектов, интуитивно воспринимаемых и традиционно представляемых как компоненты одного класса) в рамках единой, целостной структуры, предпринимаются попытки пересмотреть фундаментальные положения теории классов; см., например, о «прототипической» теории: [Лакофф, 2004].

Одно из важнейших положений лингвистики XX в., связанное с грамматическими категориями (и с их разновидностью — морфологическими категориями), состоит в приписывании категориям такого свойства, как принудительность выражения (облигаторность). Обязательность (принудительность, облигаторность) выражения грамматического значения проявляется, к примеру, в том, что говорящий по-русски не может употребить имя существительное, не обозначив его число; использовать существительное в ед. числе, не обозначив его род и падеж; использовать глагол, не обозначив вид и залог (если, правда, считать, что залог присущ всем русским глагольным формам — инфинитиву, причастию, деепричастию и личным формам; не все лингвисты разделяют мнение о том, что данная категория является для глагола общей) и т. д. Обязательность выражения — важный признак грамматических значений, дифференцирующий их с лексическими значениями. Активный словарный запас индивидуума весьма ограничен⁷¹. Индивидуум может быть вообще не знаком со значительными пластами лексического фонда языка. Но в сфере грамматики ситуация иная. Говорящий на каком-либо языке не может быть не знаком со «значительными пластами» грамматического компонента языка, ибо в противном случае он языком просто не владеет⁷².

⁷⁰ «... Сам принцип инвариантного значения языковой формы невозможно принять в качестве модели того, как обращаются говорящие с языковыми формами» [Гаспаров, 1996, с. 211].

⁷¹ Ср.: «Активный запас слов отдельного человека относительно невелик: он едва превышает... 10% всего словарного состава данного языка» [Зиндер, 1958, с. 122].

⁷² В принципе, можно сказать, что при овладении языком последним «предъявляются неодинаковые требования» к субъекту, овладевающему языком: значительно более жесткие в сфере грамматики и менее жесткие в сфере лексики. Ср. в этой связи приписываемое Л. В. Щербе предложение *Глокая куздра...*

Оперирование принципом облигаторности грамматических значений как принципом, характерным если не для всех языков, то для многих, предопределило (помимо других факторов) появление в грамматическом описании понятия «квазиграммем» (квазикатегорий), т. е. таких рядов морфологических форм, статус которых как полноценных граммем не является очевидным (т. е. когда ситуация принудительного выражения соответствующих значений отчетливо не фиксируется⁷³) [Мельчук, 1997, с. 287; 1998, с. 38–39; Плунгян, 2000, с. 133–136; Перцов, 2001, с. 84–85]. Так, к квазиграммемам в русском языке относят компаратив прилагательных и наречий (*умнее, быстрее*), «смягченный» компаратив (*поумнее, побыстрее*)⁷⁴, вокатив («звательный падеж») существительных (*мам, пап, Вань, Коль*), «краткость» прилагательных и др. [Перцов, 2001, с. 85–90, 117–118, 153–165].

Квазиграммемы отличаются от граммем еще и тем, что им приписывается свойство формировать грамматические классы, состоящие только из одного компонента (члена). Что касается «подлинных» граммем, то, в соответствии с одним из фундаментальных положений теоретической лингвистики XX в., категория должна состоять минимум из двух граммем⁷⁵.

Вместе с тем интерпретация принципа облигаторности грамматических значений остается до сих пор «непрозрачной», следствием чего является введение в интерпретацию грамматического компонента языка многочисленных дополнительных принципов, например, «регулярности» выражения грамматических значений, отчетливой оппозитивности значений и т. д. Однако и это оказывается недостаточным, и принцип облигаторности остается в значительной степе-

⁷³ Для интерпретации таких случаев вводят понятие «частичной обязательности» [Плунгян, 2000, с. 138–140], говорят также о разных степенях обязательности [Маслова, 1994], о существовании в языке плавных переходов от зон с жесткой обязательностью, или грамматичностью, к менее грамматичным и, далее, к неграмматичным зонам [Плунгян, 1998].

⁷⁴ Образование форм (в широком понимании слова «форма») типа *повеселее* характеризуются высокой степенью регулярности («от любой формы компаратива прилагательного или наречия можно образовать “смягченную” форму посредством префикса *по-*: *посмелее, повеселее* и т. п.» [Перцов, 2001, с. 161]), что, безусловно, сближает их с объектами, именуемыми граммемами. Не случайно некоторые лингвисты трактуют ряды этих форм как одну из граммем категории степеней сравнения прилагательных, наречий и слов категории состояния [см., напр.: Откупщикова, 1995, с. 28–29]. Вместе с тем интерпретация данного ряда образований в качестве «подлинной» граммемы наталкивается на затруднения общего свойства. Пришлось бы признать, что в сфере русских имен это «единственный случай префиксального выражения словоизменительного значения» [Перцов, 2001, с. 161]. Но и трактовка образований *повеселее* и т. п. в качестве самостоятельных лексем тоже далеко не бесспорна: пришлось бы признать, что такого рода формы образуются «не от единой лексемы прилагательного, а от его конкретной формы, т. е. от части его парадигмы» [Там же].

⁷⁵ «Любая грамматическая форма входит в состав какой-то пары или более сложной системы противопоставленных друг другу форм» [Никитевич, 1963, с. 13].

ни более предположением, нежели бесспорным и отчетливым теоретическим положением лингвистики⁷⁶ [см., напр.: Яхонтов, 1965, с. 95–96; Гузев, Насилов, 1981; Касевич, 1988, с. 140–142; Плунгян, 1988; 2000, с. 106–113; Булыгина, Шмелев, 1997, с. 20; Перцов, 2001, с. 70–111].

Морфологические категории — многоаспектные языковые сущности, отражающие в морфологической сфере многообразие проявлений языковой формальности (устроенности языка). Так, средствами морфологии выражаются компоненты коммуникативной ситуации (обозначение с помощью категории лица говорящего — слушающего, или адресанта — адресата), обозначается отнесенность времени выражаемой в предложении ситуации ко внеязыковому времени (категория времени глагола), реальность / ирреальность описываемой ситуации (категория глагольного наклонения), количество предметов в соотнесенности с внеязыковым количеством, обозначается законченность / незаконченность действия (категория глагольного вида) и др. Многоаспектность категорий отражается и в многоаспектности и в многоуровневости предлагаемых их классификаций⁷⁷. Так, А. В. Бондарко предложил двухуровневую классификацию морфологических категорий — «систему классификаций» [Бондарко, 1976, с. 41–64]. На первом уровне классификации разделены на содержательно-функциональные, структурно-синтаксические⁷⁸ и собственно морфологические (учитывающие особенности формообразования). Второй уровень — это типология классов первого уровня. Например, по содержательно-функциональным критериям выделено три типа классификаций: классификация по признаку семантической / структурной доминанты содержательного плана категорий⁷⁹, классификация по признаку преимущественно отражательного / преимущественно интерпретационного характера семантики категорий⁸⁰, классификация

⁷⁶ «Приходится констатировать, что ясная логическая экспликация обязательности в лингвистике еще не достигнута» [Перцов, 2001, с. 79].

⁷⁷ «Морфологические категории представляют собой многопризнаковые величины. Отсюда вытекает необходимость такого подхода к их классификации, который был бы основан на учете этой множественности и разноплановости признаков членения» [Бондарко, 1976, с. 41].

⁷⁸ Учитывается характер участия компонентов морфологической категории «в построении структуры предложения» [Там же, с. 64].

⁷⁹ Основа данного разбиения — понятийный / непонятийный характер семантики категорий.

⁸⁰ По мнению А. В. Бондарко, в семантике одних категорий («отражательных») в большей степени «отражаются» свойства внеязыковой действительности (род, падеж существительных и т. д.), нежели в семантике категорий другого типа — «интерпретационных». Последние, обозначая одни и те же отношения (одну и ту же ситуацию) внешней действительности, могут «представить» ее по-разному. Такова, к примеру, категория залога, с помощью которой или субъект, или объект одной и той же внеязыковой ситуации может быть выдвинут в структуре предложения в положение центрального компонента (*Мальчик разбил окно / Окно разбито мальчиком*).

по признаку участия в передаче отношения содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего⁸¹.

Классы категорий не находятся в отношении взаимоисключения. Иными словами, одна и та же категория входит одновременно в несколько классов [см.: Бондарко, 1976, с. 41–128].

Континуум морфологических категорий языка обнаруживает некоторые свойства структурной организации. Среди категорий есть такие, которые обуславливают реализацию других категорий, и, наоборот, обусловленные другими категориями (например, категории глагольного наклонения и времени); категории, свойственные нескольким частям речи (например, род, число, падеж), только двум частям речи (например, степени сравнения, лицо глагольное и местоименное) или лишь одной (наклонение, время) и т. д. Однако отчетливая картина взаимоотношения и взаимодействия всех морфологических категорий пока еще не создана. Вопрос стоит еще и так: а может ли она быть создана вообще? Ведь постановка вопроса о системе взаимодействия морфологических категорий предполагает, что морфологический уровень представляет собой некую, причем достаточно автономную систему, что проистекает из уровневой модели языка. Но ведь уровневая теория не более чем интерпретационная модель и, как полагают в настоящее время (см., например, уже называвшуюся работу: [Гаспаров, 1996]), не только не может приниматься в качестве единственно бесспорного способа описания языка, но, скорее всего, должна рассматриваться как весьма «приблизительный» инструмент анализа, вскрывающий только часть свойств естественного языка. По-видимому, морфологические категории входят в качестве составных компонентов в языковые категории более высокого, межуровневого характера, и системность морфологических категорий проявляется в блоке с категориями как минимум синтаксического типа (выражающимися синтаксическими средствами)⁸². Определенное представление об интегральном способе интерпретации категориального континуума языка могут дать работы по функциональной грамматике группы лингвистов, возглавляемой А. В. Бондарко, — см., например, 6-томный труд: [ТФГ, 1987; 1990; 1991; 1992; 1996а; 1996б].

В последнее время исключительно популярными стали исследования по языковой ментальности. Эти исследования ставят своей целью отразить особенности представления о мире, выражаемого средствами языка. Если о языковых категориях говорить как о более или менее принудительно выражаемых языковых значениях, то именно категории,

⁸¹ Семантическая классификация, предложенная И. А. Мельчуком, разбивает категории на пространственно-временные, количественные и качественные [Мельчук, 1998, с. 41–43].

⁸² Высказывается даже мнение о принципиальной коммуникативной «бессмысленности» морфологии: «В описании коммуникативного акта морфология присутствует столь же призрачно, как разбор двигателя (по-видимому, устройства двигателя. — *Авт.*) внутреннего сгорания в рассказе об автомобильном путешествии» [Живов, 2004, с. 9].

в том числе и морфологические категории, должны оказываться в центре указанного типа исследований. Так, морфологическая категория числа современного русского языка отражает внеязыковую количественную область, но отражает ее своеобразно, противопоставляя все количество предметов внеязыковой действительности как оппозицию, с одной стороны, одного предмета и, с другой стороны, двух до бесконечности предметов. Русский язык знал и другой способ представления идеи количества, интерпретирующий действительность как противопоставление одного, двух и трех (и более — до бесконечности) предметов. Языковые категории, таким образом, в определенной степени «навязывают» способ интерпретации мира: мысль выражается с помощью языковых средств, мысль «привязана» к языку, опосредована языком⁸³. Именно в языковых категориях «оформляется» мысль. Категории являются теми объективно данными зонами языковых значений, по которым в плане особенностей «ментальности» в первую очередь и можно сравнивать разные языки, а также один и тот же язык в разные периоды его существования. Безусловно, основываясь на морфологических категориях, можно сделать только ограниченные выводы о специфике «ментальности» того или иного языка, нужно учитывать весь комплекс категориальных значений. Существенным моментом в плане выявления языковой «ментальности» представляется то, какими средствами, например морфологическими или синтаксическими, выражаются те или иные категориальные значения⁸⁴. Морфологически оформленные категории характеризуются большей «жесткостью», что проявляется, в частности, в более или менее отчетливой оппозитивности компонентов категорий (при весьма ограниченном количестве этих компонентов).

§ 5. Типы морфологических категорий⁸⁵

Общие и частные категории. Связь между частеречной принадлежностью слова и его охарактеризованностью по морфологическим категориям позволяет различать общие и частные частеречные ка-

⁸³ Осознание этого факта может связываться и с негативной оценкой особенностей выражения мысли с помощью средств, предоставляемых естественным языком; ср. известное: «Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь. / Взрывая, возмутись ключи, — / Питайся ими — и молчи» (выделено нами. — Авт.) (Ф. Тютчев. Silentium). Однако на Слово (λόγος) можно смотреть и как на «высшую реальность» [Луц, Михаэльс, 2005, с. 47–48].

⁸⁴ «Яркость отдельных категорий не одинакова, что зависит, конечно, в первую очередь от яркости и определенности, а отчасти и количества формальных признаков» [Щерба, 1957, с. 66].

⁸⁵ Классификация морфологических категорий строится в опоре на классификацию А. В. Бондарко [Бондарко, 1976, с. 41–128].

тегии. Общие категории реализуются во всех словах соответствующей части речи (например, число, падеж существительных), частные — только в части слов (например, род существительных: существительные, имеющие форму только мн. числа типа *щи, сутки, пряжки* по роду не охарактеризованы). Объем охвата частной морфологической категорией лексического состава той или иной части речи часто не фиксирован. Так, распространенное утверждение, что категория степени сравнения прилагательных свойственна только качественным прилагательным (*быстрый — быстрее — быстрейший*), справедливо лишь отчасти: не все качественные прилагательные обладают этой морфологической категорией (*коричневый, босой, голый* и пр.). Кроме того, и относительные прилагательные при определенных условиях могут получать формы степеней сравнения: *Все каменной ступени, все круче, круче всход. Желанье достижений еще влечет вперед* (В. Брюсов) [см.: Пешковский, 1938, с. 101–102]. Этому противостоят факты фиксированности частных категорий. Следует, однако, различать два случая фиксированности.

Первый случай представлен примером категории рода существительных. Так, можно утверждать, что объем охвата существительных, охарактеризованных по категории рода, фиксирован однозначно: это существительные не *pluralia tantum* (*щи, сутки* и т. п.), т. е. существительные, имеющие форму ед. числа (в том числе и существительные *singularia tantum* — *детвора, молоко*). Вместе с тем определить четко, какие существительные не могут иметь форму ед. числа, невозможно. Например, можно предполагать, что вещественные существительные имеют предрасположенность выступать в форме только ед. числа (*singularia tantum*), но этому утверждению противоречат существительные типа *белила, дрожжи, макароны, сливки*, у которых нет соотносительных форм ед. числа (хотя бы и несколько отличающихся по лексическому значению от форм противоположного числа; ср.: *вино — вина* (обозначение вещества — обозначение видов, типов или сортов вещества) [Русская грамматика, 1980, I, с. 473]. Следовательно, точно определить границы класса существительных, не имеющих категории рода, нельзя.

Другой случай представлен личными формами глаголов (т. е. глагольными формами, охарактеризованными по категории лица). Глаголы в изъявительном наклонении в настоящем и будущем времени характеризуются лицом. Поскольку все глаголы без ограничения могут иметь формы наст. и буд. времени, то, естественно, все глаголы без исключения в этих формах должны быть одновременно («облигаторно») охарактеризованы и по лицу, даже если речь идет о безличных глаголах (типа *нездоровиться, тошнить*), которые в наст. и буд. времени имеют форму, совпадающую с формой 3-го лица ед. числа (*нездоровится, тошнит*).

Иногда существование частных категорий подвергается сомнению. Вот что пишет о роде существительных И. Г. Милославский: «Ведь

если род — морфологическая категория... то выражаемый родом синтаксический элемент значения должен быть обязательным, т. е. должен характеризовать в с е существительные. Если же выражаемый родом синтаксический элемент значения не является обязательным, т. е. не характеризует в с е (разрядка наша. — *Авт.*) русские существительные, мы не можем признать род существительных морфологической категорией» [Милославский, 1981, с. 47]. С подобным подходом к установлению объема морфологических категорий вряд ли можно согласиться. Классификация слов по частям речи и классификации, основывающиеся на охарактеризованности слов (словоформ) по морфологическим категориям, — это разные классификации. Иногда результаты этих классификаций могут совпадать, но часто не совпадают⁸⁶. Собственно категориально-морфологические классификации — это не подклассификации более общей классификации — разбиения слов по частям речи. Поэтому и нельзя ставить вопрос о признании какого-то категориально-морфологического класса в прямую зависимость от того, реализуется ли он во всем объеме той или иной части речи или же в части этого объема.

Более того, не лишена оснований иная постановка вопроса — о существовании не одноименных категорий, а «межчастеречных», т. е. категорий, которые в зависимости от условий частеречной реализации приобретают те или иные специфические черты. Так, категория субстантивного рода имеет три граммы, граммы фиксированы по отношению к лексемам (см. ниже), категория же адъективного рода (т. е. категория рода в ее адъективной ипостаси) имеет как троичный тип противопоставления рядов форм, так и двоичный (*синей* — ж. род, *синего* — м.-ср. род), противопоставление граммем проходит внутри лексемы и т. д. Кроме того, и в пределах существительного категория рода по-своему неоднородна. Применительно к словам типа *шляпа*, *стол* она характеризуется отсутствием номинативного содержания (отсутствие связи с представлением о естественном поле), а применительно к словам типа *дедушка* (м. род), *бабушка* (ж. род) наличием такого содержания.

Вопрос о существовании «межчастеречных» категорий и особенностях их толкования требует дальнейшей проработки.

Словоизменительные и классификационные категории. В практику описания морфологических категорий прочно вошло их разделение на словоизменительные и классификационные⁸⁷. Словоизменительными называются такие категории, граммы которых выражаются формами одного и того же слова (одной и той же лек-

⁸⁶ О соотносительности характеристики слов по тем или иным категориям и частям речи см.: [Евтюхин, 2002, с. 9–21].

⁸⁷ Наряду с термином «классификационная категория» используется равнозначный термин «классифицирующая категория» [см., напр.: Буланин, 1976, с. 43; Лингвистический словарь, 1990, с. 216; Падучева, 1996, с. 85].

семы). Например, прилагательное своими формами выражает все граммы категории рода (*добрый, добрая, доброе*), категории числа (*добр-ый, -ая, -ое* — ед. число, *добр-ые* — мн. число), категории падежа (*добр-ый, -ая, -ое, -ые* — им. падеж, *добр-ого, -ой, -ых* — род. падеж и т. п.). Формальные вариации слова, представляющие граммы словоизменительной категории, различаются только морфологическим (грамматическим) значением (но не лексически) и квалифицируются как словоформы одного слова, а не как самостоятельные лексемы⁸⁸.

Конечно, словоформы, охарактеризованные по словоизменительным категориям, могут противопоставляться и лексически: *Он купил серое пальто, белую рубашку и черный галстук*. Существенно, однако, то, что дифференциация граммем словоизменительных категорий не связывается с лексической дифференциацией. Пальто могло быть *серое*, и *белое*, и *черное*, равно как рубашка — *белой*, *серой*, *черной*, *ситцевой* и т. д.

В противовес словоизменительным категориям дифференциация граммем классификационных категорий обязательно сопрягается с различием лексическим. В этом случае лексема охарактеризована только по одной граммеме классификационной категории. Такова категория рода существительных. Слово *стол*, так же как *пapa*, *палец* и т. п., выступает только в форме м. рода, тогда как слова *вода*, *мама*, *солнце*, *дерево* — только в формах соответственно ж. и ср. рода. Следовательно, отнесенность к той или иной конкретной граммеме рода является признаком существительного как лексемы⁸⁹. Лексемы-прилагательные характеризуются иначе: вопрос о том, какого рода лексема-прилагательное, бессмыслен, ибо лексема-прилагательное в плане рода — это единство всех ее родовых форм. К классификационным категориям относится и категория одушевленности — неодушевленности существительных⁹⁰ (а также местоимений субстантивного типа *я*, *ты*, *вы*, *кто* и т. п.). У адъективных словоформ данная категория является словоизменительной.

⁸⁸ Словоизменительные категории являются разновидностью «модифицирующих» категорий (категориальных признаков). «Элементы, различающиеся только значениями модифицирующего признака, являются разновидностями более общей единицы, которая изменяется по данному признаку (принимает разные значения признака). Напротив, определенное значение классифицирующего признака является фиксированным, постоянным для данной единицы» [Лингвистический словарь, 1990, с. 216; см. также: Русский язык, 1997, с. 181].

⁸⁹ То обстоятельство, что противопоставленность граммем у категорий, подобных категории рода существительного, связана одновременно и с противопоставленностью лексем, обусловило квалификацию данных категорий как «лексико-грамматических» [Смирницкий, 1959, с. 9; Ахманова, 1966, с. 215]. В настоящее время данный термин вытеснен терминами «классификационные (классифицирующие) категории» и «некоррелятивные категории». О причинах этого см., напр.: [Бондарко, 1976, с. 79].

⁹⁰ Категория одушевленности — неодушевленности — частная категория существительных.

Та сфера морфологических категорий, которая описывается в бинарном противопоставлении словоизменительных и классификационных категорий, интерпретируется и иначе — как оппозиция трех типов категорий: последовательно коррелятивных, непоследовательно коррелятивных и некоррелятивных [Бондарко, 1976: 76–77]. К последовательно коррелятивным категориям относятся те, граммемы которых представлены формами одного и того же слова. «Категории, которые могут быть представлены корреляциями форм одного слова, но вместе с тем репрезентируются и противопоставленными друг другу формами разных слов», относятся к непоследовательно коррелятивным. Граммемы некоррелятивных категорий «всегда выражаются формами разных слов» [Там же, с. 76].

Смысл введения троичного противопоставления вместо распространенного двоичного состоит в том, что с помощью двоичного противопоставления не удастся адекватно проинтерпретировать особенности таких категорий, как число существительных, вид глагола и некоторых других (см. ниже). Специфика данных категорий состоит в том, что в их рамках совмещаются признаки категорий как классификационного, так и словоизменительного типов. Например, при том что отношение *стол* — *стола*, *книга* — *книжки* рассматривают как словоизменение⁹¹ («словоформы разных чисел входят в одну лексему» [Зализняк, 1967а, с. 56]), семантическую вариативность пар форм типа *снег* — *снега*, *красота* — *красоты* и т. д. свести к вариативности чисто грамматической затруднительно [Арбатский, 1970, с. 71–72; Буланин, 1976б, с. 59]. Иначе говоря, между *красота* — *красоты* и т. д. усматривается лексическое различие.

Большое значение для интерпретации субстантивной категории числа имеет и факт наличия в русском языке существительных, имеющих только одну числовую форму. Это существительные *singularia* и *pluralia tantum*: *молодежь*, *студенчество*, *листва*, *отдых*, *рев*, *сено*, *зелень* (*singularia tantum*); *шахматы*, *сутки*, *недра*, *финансы*, *белила*, *чары*, *дебаты*, *прятки* (*pluralia tantum*)⁹². Понятно, что граммема числа характеризует данные существительные как лексемы. Важно также отметить и семантическую несоотнесенность

⁹¹ Впрочем, существует и иная точка зрения, согласно которой между формами типа *стол* — *стола* усматривается не только грамматическое различие, но и различие лексическое [см., напр.: Аванесов, Сидоров, 1945, с. 69–71]. Форма существительного *стола* интерпретируется в таком случае как нетождественная по лексическому значению форме *стол*, потому что обозначает некое множество разных столов; в форме *стола* по отношению к *стол*, таким образом, «изменяется само реальное значение» слова [Там же, с. 70].

⁹² Существительные *singularia* и *pluralia tantum* в русском языке довольно многочисленны. В Грамматическом словаре А. А. Зализняка содержится 465 существительных *singularia tantum* и 612 — *pluralia tantum* [Зализняк, 1977].

однословных существительных с существительными типа *стол*, следствием чего является семантическая немотивированность формы числа. Ср., с одной стороны, вещественное существительное *singularia tantum* *ртуть* и, другой стороны, тоже вещественное существительное *pluralia tantum* *белила*. Не случайно в просторечии встречается ненормированная форма *белило* (*дорогое белило*), которая содержательно не противостоит нормированной форме *белила*. Имея в виду, в частности, и тождественность номинативного содержания форм типа *белила* и *сено*, *лай* и *побой*, А. А. Зализняк отмечает: «...Слова типа *чернила* обладают одновременно свойствами *pluralia tantum* и *singularia tantum*...» [Зализняк, 1967а, с. 60].

Еще один пример непоследовательно коррелятивной категории — категория глагольного вида. Обычным результатом образования форм несов. вида от глаголов сов. вида (имперфективация), как полагают, является изменение грамматического значения при тождестве лексического значения: *сдуть* → *сдувать*, *решить* → *решать*. Стандартным же результатом перфективации — образования форм глаголов сов. вида от форм несов. вида — является трансформация как грамматического, так и лексического значения: *курить* → *закурить*, *накурить*, *перекурить*, *докурить* и др. [Бондарко, Буланин, 1967, с. 47–49].

Противоречивость бинарного разбиения морфологических категорий «по признаку коррелятивности форм в пределах одного и того же слова» [Бондарко, 1976, с. 76] обусловила в свое время введение в двоичное противопоставление классификационных и словоизменительных категорий третьего компонента — категорий с м е ш а н н о г о типа [Бондарко, Буланин, 1967, с. 48], т. е. категорий, которые совмещают в себе признаки обеих разновидностей категорий. Однако поскольку разбиение языкового материала в рамках двоичного противопоставления дает иную картину, нежели в рамках троичного противопоставления, это привело к необходимости изменения и самих терминов⁹³. Отметим, что при бинарной классификации подчас принимаются взаимоисключающие трактовки, касающиеся одних и тех же категорий. Так, категория вида согласно одной трактовке относится к рубрике классификационных категорий [Буланин, 1976б, с. 126–127; Падучева, 1996, с. 84–85], согласно другой интерпретации это словоизменительная категория [Маслов, 1959: 172].

Автор трехчленной рубрикации категорий — А. В. Бондарко — следующим образом распределяет морфологические категории русского языка.

⁹³ Ср.: «Подчеркнем, однако, еще раз, что понятия “коррелятивные” и “словоизменительные” категории перекрещиваются, но не совпадают; это проявляется, в частности, в том, что мы не можем отнести категорию вида в полном ее объеме (как и категорию залога) к словоизменению...» [Бондарко, 1976, с. 78].

К последовательно коррелятивным относятся наклонение, время, лицо, число, род глагола; падеж существительных и других частей речи; род и число прилагательных (и, добавим, шире — лексем адъективного типа).

К непоследовательно коррелятивным отнесены вид, залог глагола; число существительных; степени сравнения прилагательных и наречий.

К некоррелятивным относится категория рода существительных [Бондарко, 1976, с. 77]. Последовательно и непоследовательно коррелятивные объединяются в рубрику коррелятивных категорий, которая противопоставляется рубрике некоррелятивных категорий.

В данную классификацию можно внести добавления. Если трактовать одушевленность — неодушевленность существительных в качестве морфологической категории, то она входит в рубрику некоррелятивных категорий. Кроме того, к этому же типу категорий следует отнести и категорию лица местоимений, а также при соответствующей трактовке и категорию глагольного вида⁹⁴. Признание существования в русском языке адъективной категории одушевленности — неодушевленности⁹⁵ влечет за собой отнесение ее к рубрике последовательно коррелятивных категорий.

Отметим, что наибольшие разногласия у специалистов вызывает интерпретация категорий, относимых А. В. Бондарко к непоследовательно коррелятивным, и здесь остается много спорных моментов.

Деривационные и альтернативные категории. С классификацией категорий на коррелятивные и некоррелятивные тесно связано разбиение категорий на деривационные и альтернативные. Словоформы, охарактеризованные по деривационным категориям, находятся между собой в отношении «производное — производящее». «Под производностью в данном случае имеется в виду то отношение, которое предполагает, что одна словоформа является результатом преобразования другой. Это преобразование является семантическим и вместе с тем формальным или только семантическим» [Бондарко, 1976, с. 100]. Так, сравнительная и превосходная степени производны от положительной степени, пассив произведен от актива. Словоформы альтернативных категорий не находятся между собой в отношении «производное — производящее». Они «сосуществуют», сопологаются в парадигме, «чередуются». Например, словоформы повелительного или сослагательного наклонения

⁹⁴ По мнению Е. В. Падучевой, вид глагола следует трактовать «в грамматике не как словоизменяющую, а как классифицирующую категорию... т. е. аналогично, например, такой категории существительного, как *одушевленность* (выделено нами. — Авт.), а не такой, как число» [Падучева, 1996, с. 85].

⁹⁵ См., напр., раздел «Одушевленность — неодушевленность как морфологическая словоизменяющая категория прилагательных» в книге И. Г. Милославского: [Милославский, 1981, с. 115].

не являются производными от словоформ изъявительного наклонения, словоформы изъявительного наклонения не производны от сослагательного наклонения и т. д., т. е. словоформы наклонения не связаны между собой отношениями производности.

К деривационным категориям А. В. Бондарко относит все непоследовательно коррелятивные категории, к альтернативным — все последовательно коррелятивные категории. Объяснение этому состоит в том, что «деривация по самой своей природе открыта для далеко идущего воздействия лексики, создающего затруднения и препятствия для коррелятивности словоформ и приводящего к непоследовательной реализации этой коррелятивности. Когда же словоформы, представляющие компоненты данной категории, связаны друг с другом отношением морфологической альтернативности, то такие трудности не возникают» [Там же, с. 101].

Вне указанного разбиения оказываются категории рода и одушевленности — неодушевленности существительных (или шире — субстанциональных слов). Дело в том, что противопоставление альтернативных и деривационных категорий предполагает как базу этого противопоставления общность лексического значения словоформ, относящихся к данным категориям (тождество лексического значения словоформ альтернативных категорий и общий компонент лексического значения деривационных категорий). Противопоставление родовых граммем субстантивного рода и одушевленности — неодушевленности, наоборот, такую общность принципиально исключает. В широком («общеграмматическом» — А. В. Бондарко) смысле категории рода и одушевленности — неодушевленности — это категории «альтернативного» типа. Однако они резко отличаются от альтернативных категорий в узком смысле тем, что у них прямо противоположное отношение к признаку тождественности лексического значения словоформ, представляющих разные граммы. Более того, категории рода и одушевленности — неодушевленности существительных в плане отношения к указанному признаку оказываются более близки к категориям деривационным, чем к альтернативным. Таким образом, категориям рода и одушевленности — неодушевленности в классификации альтернативных и деривационных категорий места не находится.

Рассматриваемая классификация отражает очень важную сторону соотношения между словоформами морфологических категорий, т. е. одновременно и важный аспект характеристики морфологических категорий вообще. Вместе с тем не все в данной классификации представляется бесспорным. Прежде всего следует отметить, что вопрос о том, какие категории (и в каком их объеме) допустимо интерпретировать как деривационные, решается неоднозначно.

Кроме того, «внешнее» положение категорий рода и одушевленности — неодушевленности существительных по отношению к разбиению категорий на альтернативные и деривационные разновид-

ности (несмотря на то что они обладают признаками альтернативных категорий — хотя бы и в «общеграмматическом» смысле) убеждает в том, что признаки альтернативности и деривации (применительно к граммемам морфологических категорий) лежат не в одной логической плоскости. Интерпретация альтернативности в приложении к словоформам морфологических категорий требует уточнения.

Номинативные и структурные категории. Весьма существенным для понимания семантических особенностей морфологических категорий является деление их на номинативные и структурные. Данное противопоставление выводится из специфики содержательного плана категорий. С. Д. Кацнельсон писал: «Функции морфологических категорий принято называть “значениями”. Но это не всегда значения, если под “значениями” понимать отражение реальных внеязыковых данностей. Многие функции обслуживают внутриязыковые процессы порождения речи и если связаны с внеязыковой реальностью, то лишь опосредованно и непрямо» [Кацнельсон, 1972, с. 19].

Номинативные категории обладают понятийным содержанием, так или иначе, более или менее отчетливо соотносимым с внеязыковой действительностью⁹⁶. К таковым, к примеру, можно отнести категорию числа существительного, которая содержательно связана с понятием количества.

Содержание категорий структурного типа не имеет понятийного характера. Роль данных категорий, в частности, состоит в выражении связи слов в рамках синтаксических структур (словосочетаний, предложений). Примером подобных категорий могут быть род, число, падеж слов-прилагательных (слов, словоформ адъективного типа). Эти согласовательные категории несамостоятельны. Родовые, числовые и падежные формы прилагательного в подавляющем большинстве случаев зависят от существительного, которому прилагательное синтаксически подчинено. В отличие от номинативных категорий, связанных с понятиями, структурные категории соотношены с понятиями опосредованно, через морфологические категории слов, которым они синтаксически подчинены: *большой (дом)* — ед. число, признак предмета в количестве одного.

Семантика категорий структурного типа имеет внутриязыковой характер. Информация, передаваемая структурными категориями, — это информация о внутриязыковых классах, их внутреннем устройстве (структурации), об особенностях связей между языковыми классами, в синтагматической цепи в частности [Бондарко, 1976, с. 36–37]. Нет смысла обосновывать значимость такой информации при описании языка. Любая категория номинативного типа выражает и струк-

⁹⁶ «Семантические функции основаны на понятийном, концептуальном содержании (на которое могут наслаиваться различные эмоциональные и экспрессивные содержательные элементы)» [Бондарко, 1976, с. 42].

турно значимую информацию. Поэтому можно согласиться с А. В. Бондарко, противопоставляющим морфологические категории не как однозначно номинативные или структурные, а по характеру их доминанты — номинативной или структурной. К примеру, категории рода, числа и падежа прилагательных можно охарактеризовать как грамматические категории со структурной доминантой: выполняя главным образом сугубо структурные (согласовательные) функции, они в некоторых случаях способны к реализации номинативных функций. Так, в сочетаниях *смешн-ой (-ые) кенгуру*; *Вы весел-ый (-ая, -ые)* прилагательное выражает номинативную информацию о числе (количестве) или — во втором случае — еще и о поле животных и лиц. Ср. также: *опытная врач сказала, опытный врач сказало, противный забияка убежало*, или даже *Это опытный врач. Работала здесь с самого основания клиники*. Конечно, прилагательные и глагольные формы в приведенных примерах не приобретают свойств существительных; например, род прилагательного *противный* остается последовательно коррелятивным, однако в сочетании с существительным общего рода *забияка*, которое своей формой не способно передать информацию о естественном поле лица, им обозначаемого, родовая форма прилагательного оказывается различителем пола. Вместе с тем содержательный импульс, предписывающий ту или иную родовую форму прилагательному (*противный, противная забияка*), в любом случае исходит от существительного и связан с внеязыковым содержанием существительного (*забияка*). Поэтому сочетания типа *противный забияка* можно рассматривать как своеобразный «аналитический» способ (но это не аналитическая морфологическая форма) выражения понятия о естественном поле. Иными словами, в сочетаниях типа *противный забияка* категория рода прилагательного не утрачивает и своей структурной функции.

По мнению А. В. Бондарко, к типу с номинативной (по терминологии А. В. Бондарко — с «семантической»⁹⁷) доминантой относятся категории наклонения, времени, лица, вида и залога глаголов; падеж

⁹⁷ Несмотря на то что содержание (значение) термина далеко не всегда однозначно мотивируется общепринятым значением соответствующего слова, мы предпочитаем термин *номинативная категория* термину *семантическая категория*, потому что любая грамматическая, в том числе и морфологическая, категория по определению должна иметь план содержания, или план семантики, даже если этот план семантики характеризуется как сугубо внутриязыковой, т. е. не связанный с обозначением экстралингвистических субстанций («субстанциональных сущностей», «предметов»), их свойств, а также отношений между субстанциями. Термин «номинативный» является более узким по своему содержанию, чем термин «семантический». Ср.: «Номинация... образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и соответствующих понятий о них в форме слов, фразеологизмов и предложений» [Лингвистический словарь, 1990, с. 336]. Представляется, что содержание оппозиции семантические — структурные категории, предложенной А. В. Бондарко, более явственно передается оппозицией терминов номинативные — структурные категории. Ср.: [Общее языкознание, 1972, с. 203–204].

и число существительных; категория степеней сравнения прилагательных и наречий; к типу со структурной доминантой — род существительных; род, число и падеж прилагательных (слов адъективного морфологического типа. — *Авт.*); род и число глаголов [Там же, с. 42]. К категориям с номинативной доминантой относится категория одушевленности — неодушевленности существительных и местоимений субстантивного типа. К категориям со структурной доминантой следует отнести категорию одушевленности — неодушевленности адъективных слов.

Синтаксические и несинтаксические категории. Оппозиция категорий номинативного-структурного типов «перекрещивается» с известным противопоставлением категорий на синтаксические и несинтаксические. Синтаксическими категориями именуется такие, которые выражают «зависимость одних слов в речи от других». Несинтаксическая категория — это такая, «формальное выражение которой (формы, в которых она выражается) не зависит от других форм в данном высказывании; категория, которая не обозначает зависимости одних слов от других в речи» [Ахманова, 1966, с. 192–193].

Наиболее известную классификацию категорий на два указанных типа предложил А. М. Пешковский [Пешковский, 1938, с. 59–61]. К синтаксическим категориям он относит категорию падежа существительных, категорию падежа, числа, рода и краткости прилагательных, категорию лица, числа, рода, времени и наклонения глаголов и времени причастий и деепричастий [Там же, с. 60].

И самый принцип предложенной Пешковским классификации, и распределение морфологических категорий в ее рамках вызвали обоснованную критику⁹⁸.

Прежде всего высказываются сомнения в обоснованности отнесения к синтаксическим категориям наклонения и времени глаголов (непонятно, какие слова в предложении *Иван пишет книгу* определяют формы наклонения и времени глагола). Совершенно очевидно их «синтаксический» статус имеет совершенно иную природу, нежели «синтаксичность», например, категорий рода, числа и падежа прилагательных⁹⁹.

⁹⁸ С. И. Бернштейн во вступительной статье к монографии А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» довольно резко отзывается о данной классификации: «Деление “форм” (или “категорий”) на “синтаксические” и “несинтаксические” встречает немалые трудности. В отношении “форм” это разделение порочно...» [Бернштейн, 1938, с. 17–19].

⁹⁹ С. И. Бернштейн по этому поводу пишет: «Включение форм времени и наклонения в число “синтаксических форм” в первоначальной концепции Пешковского мотивируется тем, что “они создают глагольность”; поэтому они “должны быть признаны” даже “главными синтаксическими формами” в глаголе. Кудрявский справедливо замечает, что “здесь уже меняется принцип деления, и вместо деления с точки зрения синтаксической связи является уже нечто другое”» [Там же, с. 18; см. также: Бондарко, 1976, с. 72].

Трудно согласиться с квалификацией субстантивного падежа как бесспорно «синтаксической категории» (а это обычная его квалификация). Безусловно, в словосочетаниях типа *читать книгу* субстантивный падеж вряд ли можно толковать как независимый от глагольного слова *читать*. Но в синтаксических структурах, в которых существительное выступает в функции подлежащего (*Вася спит*), рассматривать падежную форму как зависимую сложно. Традиционная трактовка морфологических категорий подлежащего состоит в том, что они не только не зависят от других членов предложения, но, наоборот, определяют формы последних, в первую очередь сказуемого (сказуемое согласуется с подлежащим). В настоящее время, как следствие влияния синтаксической концепции академических грамматик 1970 и 1980 гг., в русистике популярна трактовка подлежащего и сказуемого как не подчиненных друг другу компонентов предложения¹⁰⁰. Естественно, и при таком подходе падеж подлежащего нельзя толковать как «синтаксическую» (т. е. синтаксически зависимую) категорию¹⁰¹.

Еще два возражения против предложенного понимания «синтаксических категорий» носят более общий характер и связаны с пониманием самого термина «синтаксический».

В сочетании *хорошую книгу* категории рода, числа и падежа существительного не менее синтаксичны, чем те же категории прилагательного. Если последние определяются первыми, то первые определяют вторые. Прилагательное и существительное — звенья одной синтаксической цепи. С. И. Бернштейн цитирует неопубликованный отзыв (1915 г.) Д. Н. Кудрявского на книгу Пешковского: «Выходит так, как будто один конец той же нити, связывающей два члена предложения, оказывается синтаксическим (форма рода в прилагательном), а другой конец (форма рода существительного) уже не имеет ничего синтаксического и как раз в том месте, где категория рода оказывается доминирующей, так как именно род существительного обуславливает род прилагательного, а не наоборот» [Бернштейн, 1938, с. 17–18].

Второе возражение состоит в том, что «синтаксическая категория» в настоящее время интерпретируется как термин, характеризующий единицы синтаксического уровня языковой структуры. Как указывает А. В. Бондарко, «морфологические категории всегда (разрядка наша. — *Авт.*) имеют определенное отношение к синтаксису,

¹⁰⁰ Подлежащее и сказуемое «формально уподобляются» друг другу [Русская грамматика, 1980, II, с. 94]. Уподобление не равнозначно подчинению.

¹⁰¹ Имеется точка зрения, согласно которой форма им. падежа подлежащего так же «управляется» глаголом-сказуемым, как управляется, к примеру, вин. падеж прямого дополнения. В предложении *Петя читает книгу* глагол рассматривается как управляющий одновременно двумя субстантивными словоформами [см., напр.: Скобликова, 1971, с. 73–77; Белошапкина, 1977, с. 37–38]. Данная точка зрения, однако, требует дополнительного обоснования.

тот или иной выход в структуру предложения...» [Бондарко, 1976, с. 19]. Это вполне объяснимо. Ведь «функция единиц низшего уровня заключается в том, чтобы быть средством построения единиц» более высокого уровня. «Так, например, уровень морфем представляет, с одной стороны, уровень функции фонем, с другой — уровень средств построения словоформ» [Гаузенблас, Данеш, 1969, с. 16]. Слово, а точнее слово в его грамматических формах, с функциональной точки зрения можно рассматривать в качестве «средства построения» синтаксических единиц. Но слово — тем не менее единица морфологического уровня. Грамматическая категориальная информация (типа информации о роде, числе, падеже существительного, прилагательного, глагола и т. д.), передаваемая словом, выражается морфологическими средствами (элементами словесной структуры, прежде всего флексией). «Выступающие в словоформах компоненты морфологических категорий, функционируя в предложении, представляют собой именно морфологические средства выражения определенных смыслов. Морфологические категории всегда сохраняют присущие им свойства категорий слов, а не предложения» [Бондарко, 1976, с. 20].

Любая лингвистическая единица описывается минимум в двух аспектах — парадигматическом и синтагматическом. Парадигматически слово противопоставляется другим словам, словоформы противопоставляются другим словоформам и семантически, и формально. Словоформа имеет парадигматическую значимость. Словоформа *идешь* противопоставляется, к примеру, формам *иду* и *идет* как форма 2-го лица. Понятно, что парадигматическая значимость словоформы не существует вне ее синтагматической значимости, поскольку любая лингвистическая единица имеет функциональную предназначенность. Используя ту или иную словоформу, говорящий вместе с тем должен опираться на то общее функциональное значение, которое фиксируется как парадигматическое значение словоформы. В противном случае невозможно взаимопонимание между говорящим (адресантом) и слушающим (адресатом). Будучи «строительным материалом»¹⁰² для формирования единицы более высокого уровня, чем слово, последнее не утрачивает свойств морфологической единицы.

Поэтому представляется оправданным предложение А. В. Бондарко классифицировать категории не как синтаксические и несинтаксические, а по их синтагматической значимости [Там же, с. 69–75]. Морфологические категории подразделяются им на синтагматически сильные и синтагматически слабые. К последним отнесены наклонение, время и вид глагола. К примеру,

¹⁰² Выражение В. В. Виноградова, используемое им для характеристики соотношения между предложением и словосочетанием: словосочетания являются «строительным материалом для предложения» [Грамматика, 1954, с. 10; Виноградов, 1975а, с. 232].

«значение наклонения характеризует данное действие, а выражение этого значения не выходит за пределы данной словоформы» [Там же, с. 74]. К синтагматически сильным отнесены все остальные морфологические категории. При этом они подразделяются на два типа — синтагматически обуславливающие (род, число, отчасти падеж существительных, сравнительная степень прилагательных и наречий, залог глагола) и синтагматически обусловленные (род, число, падеж прилагательных, лицо, число и род глагола, отчасти падеж существительных)¹⁰³.

Объективные и субъективно-объективные категории. В русистике широко известно противопоставление, идущее от А. М. Пешковского, такого типа категорий, как субъективно-объективные, объективным категориям. Последние — это внутрипредложенческие категории, обозначающие отношения между словами и словосочетаниями. Субъективно-объективные категории¹⁰⁴ обозначают «отношения самого говорящего к этим отношениям» [Пешковский, 1938, с. 108]. Иначе говоря, субъективно-объективные категории отражают позицию говорящего по отношению к содержанию предложения, которое обозначается с помощью объективных категорий¹⁰⁵. Так, например, время ситуации, выражаемой в предложении, обозначается говорящим субъективно, по отношению «ко времени **своей собственной речи**» (к моменту его «речевого сознания») [Там же]. Приводя в качестве примера высказывание Александра I *Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем*, Пешковский замечает: «Александр I мог сказать в разные моменты своей жизни и *не положу оружия*, и *не кладу оружия*, и *не положил оружия*, и мы сейчас, ретроспективно, могли бы установить, что в первом случае время его речи **объективно** предшествовало времени действия, которое он фактически выполнил, во втором — совпадало с этим временем, в третьем — следовало за этим временем. Но ясно, что не эти соотношения выражал бы говорящий своим выбором времени (временной формы глагола. — Авт.), а **субъективные** соотношения своего речевого сознания и мыслимого им действия. Ведь, произнося *не положу оружия*, он мог тотчас же умереть, и действие так и осталось бы невыполненным» [Там же, с. 106].

¹⁰³ «В предложении *Дайте вашу руку!* винительный падеж является обуславливающим по отношению к *вашу* и обусловленным по отношению к *дайте*» [Бондарко, 1976, с. 70]. Добавим, что при традиционной трактовке отношения между подлежащим и сказуемым в предложениях типа *Вася спит* падеж в его соотнесенности с глаголом должен быть признан синтагматически слабым.

¹⁰⁴ Категория субъективно-объективная — «синтаксическая категория, указывающая на восприятие говорящим тех отношений, которые объективно устанавливаются между словами и словосочетаниями» [Ахманова, 1966, с. 193].

¹⁰⁵ В них отражается «отношение самого говорящего к своей речи» [Пешковский, 1938, с. 108].

Что касается компонента - о б ъ е к т и в н ы е в термине «субъективно-объективные категории», то его наличие объясняется не только тем, что в значении данного типа категорий имеется и объективный момент (отнесенность и к внеязыковым реалиям; внеязыковая объективность), но главным образом тем, что язык представляет собой также объективную систему, и говорящий может быть субъективен лишь в той мере, в какой это ему позволяет объективно данными для него средствами (формами) языка (внутриязыковая объективность). Это одно из главнейших условий взаимопонимания двух лиц в рамках коммуникативной ситуации¹⁰⁶. Говорящий на каком-либо языке не может быть беспредельно субъективен и в своей субъективности не может быть ничем не ограничен. Язык, таким образом, является системой, используя которую, человек (говорящий) как субъект в своей индивидуально-субъективной ипостаси себя объективирует, т. е. объективирует себя по отношению к другим говорящим (людям) и к внеязыковому миру в целом¹⁰⁷.

По мнению Пешковского, субъективно-объективных категорий в русском языке «довольно много». К ним относятся «категории» вопроса, повествования, восклицания, отрицания и утверждения, вводных слов и выражений, звательности, сказуемости, местоименности [Там же, с. 108]. Однако среди собственно морфологических категорий (т. е. выражаемых «формами отдельных слов» [Там же, с. 107]) подобных категорий только три: глагольное наклонение, время и лицо¹⁰⁸.

Разбиение категорий на субъективные и субъективно-объективные, таким образом, отражает не только существенные особенности морфологических категорий, но и важнейшие свойства языка вообще. Проблема объективных / субъективных категорий пересекается с обширным кругом других проблем, например проблемами языковой модальности, референции, языкового дейксиса, прагматики (дектики) [Степанов, 1998, с. 373–429] и др.

В последние десятилетия при интерпретации глагольных категорий наклонения, времени и лица принято акцентировать две тесно сопрягаемые их функции, а именно предикативную и актуализаци-

¹⁰⁶ Продолжая анализ глагольной категории времени, А. М. Пешковский пишет: «... Всякая речевая субъективность может протекать только в абсолютно объективных рамках, потому что **каждый** говорящий при помощи категории времени может выражать те же (одни и те же. — *Авт.*) соотношения» [Там же, с. 106–107].

¹⁰⁷ Возможен, однако, и иной подход к проблеме связи объективного и субъективного, фиксируемой в языковых структурах. Реален не только мир вещей, но и мир «идей» («идей вещей»). По отношению к этому последнему говорящий также «объективирует» себя. Следовательно, говорящий находится одновременно как бы двух системах координат «объективности», которые связываются воедино с помощью языка. «Язык — это своего рода аналог человека. Как и человек, он соединяет в себе материю и дух» [Арутюнова, 1999, с. 7].

¹⁰⁸ Категория лица является субъективно-объективной «лишь частично» [Пешковский, 1938, с. 107].

онную (актуализирующую). Эти функции, однако, часто фактически не различаются. Как следствие влияния синтаксических воззрений акад. В. В. Виноградова, в отечественной лингвистике и особенно в русистике широко распространено такое толкование предикативности, в соответствии с которым ее функция состоит в отнесении содержания предложения к действительности¹⁰⁹. Но актуализация предложения — это и есть именно отнесение содержания предложения к действительности, это, по словам Э. Бенвениста, «процесс обращения языка в речь» [Бенвенист, 1974, с. 288]. «Следует подчеркнуть, что глагольная форма находится во взаимообуславливающем отношении с актом индивидуальной речи, так как она постоянно и обязательно актуализируется в определенном акте речи и зависит от этого акта» [Там же, с. 289]. Актуализационные средства не сводятся только к глагольным категориям наклонения, времени и лица. «Актуализация осуществляется с помощью местоименных и артиклетоподобных элементов в составе именной группы, а также категорий времени, вида и наклонения в составе глагольной» [Падучева, 1985, с. 3].

Существует иной, более традиционный подход к интерпретации понятия предикативности. Предикативность тоже толкуется как отношение, но не отношение к действительности, а отношение между субъектом предложения как носителем признака и приписываемым ему признаком («предикцируемым признаком»): «Предикативность, характеризующая каждое предложение, и означает предикативное отношение между структурными опорами мысли-предложения — субъектом и предикатом, выражающееся в языковых категориях времени, модальности и лица» [Золотова, 1982, с. 24]. «Предикативный значит ‘сказуемый, характерный для сказуемого’» [Лингвистический словарь, 1990, с. 393].

В представлении о «предикативности» как отношении к действительности устраняется момент, связанный со сказуемым аспектом предикативности. В противовес утверждению Г. А. Золотовой о том, что «в трактовке предикативности (в двух указанных ее пониманиях. — *Авт.*), после долгих дискуссий, сложился некоторый консенсус» [Золотова и др., 1998, с. 217], мы полагаем, что эти трактовки в рамках одного термина смешивать нецелесообразно и «предикативность» как отношение действия к действительности (к ситуации речи) следует именовать иначе — актуализацией¹¹⁰ (тем более

¹⁰⁹ Предикативность — это «отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, грамматически выражающаяся в категориях (синтаксических, а не только морфологических) модальности, времени и лица» [Виноградов, 1975, с. 227; см. также: Грамматика, 1954, с. 79–83].

¹¹⁰ Ср.: «Предикация... акт соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (в норме предикатом и его актантами), с целью отразить “положение дел”, событие, ситуацию действительности; акт создания пропозиции» [Лингвистический словарь, 1990, с. 393].

что характер взаимосвязи между двумя типами функций — сказуемостной и актуализационной — глагольных категорий лица, времени и наклонения остается до сих пор не вполне проясненным).

Актуализационные свойства морфологических категорий нашли отражение в классификации, в основу которой положен признак «участия в передаче отношения содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего» [Бондарко, 1976, с. 50]. Актуализационным категориям противопоставляются неактуализационные. К первым относятся глагольные категории наклонения, времени и лица; ко вторым все остальные, за исключением глагольного вида. Вид занимает особое — промежуточное — положение в классификации. А. В. Бондарко говорит о виде как о категории с переменной актуализационной значимостью. «Категория вида обладает способностью (хотя и не всегда реализуемой) участвовать в передаче одного из аспектов отнесения содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего» [Там же, с. 57; см. также: Падучева, 1996, с. 66–83].

Таким образом, категории наклонения, времени, лица и в определенной степени вида играют чрезвычайно важную роль в построении предложения¹¹¹. Этим объясняется их функционально-семантическая многослойность. В одном их «лице» совмещается сразу несколько «лиц». Одно из этих лиц — «субъективность». Правда, даваемые Пешковским разъяснения по поводу субъективной ипостаси категорий лица, времени и наклонения (см. выше) в настоящее время рассматривались бы, скорее, как свидетельство актуализационной стороны данных категорий. Понятно, однако, что актуализационная ипостась данных категорий не менее важна, чем другие (актуализация — это «превращение языка в речь»; см. выше). Однако понятно и то, что интерпретация рассматриваемых категорий сквозь призму их актуализационных свойств не отменяет и не заменяет их интерпретацию как языковых элементов, которые позволяют выразить субъективность человека в качестве говорящего (мыслящего).

Классификация категорий по количеству граммем. По количеству граммем морфологические категории делятся на двухграммемные, трехграммемные и т. п. Совершенно очевидно, что данное разбиение отражает очень важные свойства категорий.

Если исходить из более или менее распространенных представлений о количестве граммем морфологических категорий русского языка, то последние разбиваются на следующие группы.

Двухграммемные категории: вид, залог глагола; число существительных и других частей речи, одушевленность — неодушевленность

¹¹¹ Этим обстоятельством, кстати, объясняется отнесение Пешковским данных категорий к категориям также синтаксического типа. Вместе с тем совершенно очевидно, что данная квалификация строится на совершенно других основаниях, нежели квалификация категорий типа рода, числа и падежа адекативных слов в качестве «синтаксических категорий». См. выше высказывания на этот счет Кудрявского и Бернштейна.

существительных и других частей речи; категория степеней сравнения наречий.

Трехграммемные категории: род существительных и других частей речи; наклонение, время¹¹² (о времени см., однако, ниже) и лицо (см. ниже) глагола, а также лицо местоимений; категория степеней сравнения прилагательных (интерпретируется и как двухграммемная категория [Русская грамматика, 1980, I, с. 546–547]).

К четырехграммемным или пятиграммемным категориям (или категориям с еще большим количеством граммем) относят время глагола [Там же, с. 626], лицо глагола и местоимений [Распопов, 1976, с. 69; Булыгина, Шмелев, 1997, с. 319–361].

Стандартный пример шестиграммемной категории: падеж существительных и других частей речи.

Из приведенного перечня видно, что в русском языке наиболее распространены двух- и трехграммемные категории. Однако определенно сказать, каких категорий больше, затруднительно. Пограммемное структурирование категорий является сложной теоретической проблемой. Вопрос о количестве граммем той или иной категории часто является предметом дискуссий. Пожалуй, наименее «проблемными» являются только три морфологические категории русского языка — число и одушевленность — неодушевленность¹¹³ существительных и вид глагола. Все они практически единодушно интерпретируются в качестве двучленных (двухграммемных). Трактовка остальных категорий неоднозначна.

К примеру, категория лица глагола и местоимений в рамках традиционно «школьного» подхода интерпретируется как трехчленная (1-е лицо — *я читаю, мы читаем*; 2-е лицо — *ты читаешь, вы читаете*; 3-е лицо — *он читает, они читают*). При этом категория лица усматривается у глагольных форм в изъявительном наклонении не прошедшего времени (у форм глагола прошедшего времени), а также у форм императива (*читай, -те книгу* — 2-е лицо). Однако в русистике достаточно популярной является и концепция, в соответствии с которой категория лица приписывается не только глагольным формам прошедших времен изъявительного наклонения и некоторым формам императива, но и остальным формам глагола трех наклонений. В. В. Виноградов писал о том, что формы прошедшего времени (а также условного наклонения) выражают категорию лица «аналитически» — с помощью соответствующих личных местоимений *Я читал* — форма 1-го лица, *Ты читал* — 2-е лицо (однако сочетания глаголов прошедшего времени с местоимением 3-го лица типа *Он читал* Виноградов не считал возможным трактовать как

¹¹² «Система времен русского глагола включает три противопоставленных друг другу ряда форм...» [Бондарко, 1999, с. 71].

¹¹³ Вместе с тем, как отмечалось, существуют сомнения в квалификации одушевленности — неодушевленности существительных как морфологической категории.

аналитические формы лица¹¹⁴). Соответственно «ряд форм», репрезентирующих граммему 1-го лица, включает в себя такие «словоформы», как *читаю, прочитаю, я читал, я прочитал, я читал бы, я прочитал бы*. Если связывать категорию лица с формами прошедшего времени и сослагательного (условного) наклонения [Бондарко, Буланин, 1967, с. 139–141], то в таком случае придется признать не лишней оснований и идею о том, что данная категория состоит минимум из четырех граммем. К трем лицам (1, 2, 3-е лицо) следует добавить четвертое — «безличное» — лицо ('не 1–3-е' лицо). Предложения типа *Смеркалось; Смеркается* вряд ли предполагают возможность сочетаемости глагола, выступающего в качестве его главного члена, с каким-либо личным местоимением. При этом совершенно понятно, что устранение «лица» и есть главная особенность данных предложений (в сравнении с предложениями типа *Я читал, Я читаю*). Ряд форм, репрезентирующих четвертую граммему лица, таков: *смеркается, смеркалось, смеркалось бы*. Он не совпадает с рядом форм 3-го лица: *читает, прочитает* (и, естественно, с рядами форм 1-го и 2-го лица). Чисто теоретически можно было бы допустить, что *смеркалось* способно быть компонентом «аналитических форм» 1-го и 2-го лица: *я смеркалось, ты смеркалось*. Однако такие «формы» неактуальны даже для личных глаголов (*я пело, ты читало*). Иными словами, формы типа *плакало* оказываются за пределами личных форм, выражаемых аналитически. Они «внеличны». «Внеличность» глагольных форм на *-л-о* резко противопоставляет их формам личным (типа *Я читал*), и, следовательно, «внеличность» можно рассматривать в качестве их семантического признака с парадигматической значимостью, т. е. признака, который выделяет данную форму в качестве представителя «ряда форм», репрезентирующих одну из граммем глагольной категории лица¹¹⁵. Более того, именно формы на *-л-о* можно рассматривать в качестве главного способа репрезентации глагольной безличности [ср.: Гаспаров, 1971, с. 199]¹¹⁶.

¹¹⁴ «... Формы лица в прошедшем времени (и в условном наклонении) имеют двойственную морфологическую структуру (синтетическую и аналитическую). Однако эта двойственность обнаруживается лишь в формах 1-го и 2-го лица. Форма 3-го лица... резко отделяется от них» [Виноградов, 1972, с. 362]. А. В. Исаченко рассматривал местоимение и 3-го лица в качестве компонента «аналитико-синтетических» форм глагольного лица [Исаченко, 1960, с. 412–413]. См. критику позиции А. В. Исаченко в кн.: [Бондарко, Буланин, 1967, с. 139–140].

¹¹⁵ «... Субъект, характеризуемый средним родом, — это прежде всего не лицо, а следовательно, и не деятель, не агент (агенса. — *Авт.*) в полном смысле этого слова, поскольку подлинным агентом может быть именно лицо. Не случайно единственное слово среднего рода, обозначающее лицо, — *дитя* — практически вышло из употребления в современном языке» [Гаспаров, 1971, с. 199].

¹¹⁶ Что же касается глагольных форм непрошедших времен типа *смеркается*, то существует распространенное мнение и о ее особом положении в парадигме лица. Ср.: «В русском языке имеется особая безличная форма глагола, которая лишь омонимически совпадает с формой Vf_{3s} » [Распопов, 1976, с. 69].

К числу самых сложных в плане интерпретации относится категория падежа существительных. По традиции она описывается как шестиграммемная. Однако имеются и другие точки зрения на этот счет. Так, широко известна восьмичленная трактовка падежа [Якобсон, 1985, с. 167–174]. Количество падежей может увеличиваться за счет «счетного» [Виноградов, 1972, с. 245; Зализняк, 1967б, с. 47; Буланин, 1976б, с. 63–64], «превратительного» [Милославский, 1981, с. 77], звательного падежей.

Проанализированные типы категорий хотя и относятся к числу важнейших, однако типологию морфологических категорий не исчерпывают. И это понятно. Морфологические (и шире — грамматические) категории — явление многогранное, сложное. Этим собственно и предопределяется многообразие классов, формирующих данную типологию.

Рассмотренные классы не находятся в отношении взаимоисключения. Иными словами, одна и та же категория может входить одновременно в несколько классов. Так, категория рода существительных — это категория частная, трехчленная, классификационная (некоррелятивная), со структурной доминантой, «альтернативная» (в широком смысле), неактуализационная, синтагматически обуславливающая.

Таким образом, классы категорий — это аспекты проявления категорий, их важнейшие свойства.

§ 6. Части речи. Лексико-грамматические разряды слов. Морфологические разряды

Предмет изучения традиционной морфологии не сводится к внутрисловным формообразующим структурам, их типам, парадигмам, морфологическим категориям и т. д. «В лингвистике... значение этого термина («морфология». — *Авт.*) (несмотря на авторитет Гете, стоявшего у его колыбели) оказалось в конечном счете весьма далеким от первоначального “изучения форм”...» [Плунгян, 2000, с. 12–13]. Слово — единица многоаспектная. Слово — это не только форма (формальное, грамматическое значение), а в первую очередь лексическое значение [см., напр.: Пешковский, 1938, с. 43; Булыгина, Шмелев, 1997, с. 20]. Вместе с тем лексические значения в большом количестве языков «оформлены», т. е. «вписаны» в рамки определенных грамматических типов. Так, слова *яблоко* и *бег* имеют разные, причем существенно разные, конкретные лексические («вещественные») значения: в первом случае это обозначение предмета, во втором — обозначения действия (процесса). Но первое и второе обладают общими формальными свойствами, в том числе характеризуются категориями рода, одушевленности — неодушевленности,

числа и падежа, могут распространяться словами типа *красный*, *быстрый*. Слова *бегать* и *яблочный* похожи по лексическому значению на слова *бег* и *яблоко* (ср.: *пирог с яблоками* и *яблочный пирог*), но они «оформлены» иначе и относятся к другим типам слов, нежели *яблоко* и *бег*. Эти типы называются частями речи. Части речи — традиционный предмет изучения морфологии как науки. Более того, части речи — важнейшая в рамках европейской лингвистической традиции классификация.

Классификация слов по частям речи — это классификация многопризнаковая. Она учитывает такие признаки слов, как характер их обобщенного лексического значения, формальные особенности, особенности грамматического значения (значение категорий рода, числа и т. д.), основные синтаксические свойства (понятно, что, скажем, словоформа *бежит* может использоваться только как сказуемое¹¹⁷, а *бежать* и в функции подлежащего, обстоятельства и др.) и некоторые другие. Лексические и грамматические основания классификации позволяют говорить о частях речи как о лексико-грамматических классах слов¹¹⁸.

Части речи — наиболее общая классификация, отражающая место слов в системе языка. Части речи — это гипотеза о форме языка, его структуре, ориентированная на одну из важнейших языковых единиц — слово.

Многопризнаковость частеречной классификации, с одной стороны, и важнейшее свойство языкового знака — асимметрия его планов [Karcevskij, 1929], с другой стороны, имеют следствием «мягкость»¹¹⁹ этой классификации, т. е. ее определенную неотчетливость, размытость границ между классами¹²⁰. Нестрогость (логи-

¹¹⁷ В данном случае мы имеем в виду «обычную», естественно-языковую функцию словоформ. В так называемых метавысказываниях формы типа *бежит* могут использоваться в других функциях, например подлежащего: «*Бежит*» — это глагол в форме третьего лица единственного числа.

¹¹⁸ Применительно к русской традиции можно говорить о двух основных подходах к интерпретации понятия частей речи. Один подход (петербургская школа) при описании частей речи учитывает как лексические, так и грамматические свойства слов. Другой (московская школа, а точнее — фортуатовская) во главу угла кладет только грамматические, и в первую очередь морфологические, признаки [Жирмунский, 1968, с. 17]. Далее изложение проблем, связанных с частеречной классификацией, имеет отправной точкой широкое понимание частей речи (это лексико-грамматические, а не чисто грамматические классы слов).

¹¹⁹ «Мягкость» классификации, понятно, предопределяется соответствующими свойствами языка. О языке как о «мягкой структуре» см.: [Налимов, 1974]. Ср.: «...Мягкая структура языка — это не его ущербность, а, наоборот, отражение его многообразия и внутренней силы...» [Там же, с. 56].

¹²⁰ Трудно согласиться с позицией А. А. Шахматова: «Несомненно, что части речи представляются точно определенными и разграниченными между собой категориями; смешать одну часть речи с другой невозможно; усомниться, какая именно перед нами часть речи, также вообще не приходится...» [Шахматов, 1941а, с. 423].

ческая «нечеткость») [Пауль, 1960, с. 415] — принципиальная черта классификации слов по частям речи¹²¹, проистекающая из ее многопризнаковости¹²², или, говоря по-другому, ее объемности, т. е. объемного, многостороннего представления слова как лингвистической единицы. Объемность представления гарантирует отражение объективных свойств слова. Имея в виду, с одной стороны, фиксацию в классификации слов по частям речи многообразных объективных свойств слова, а с другой стороны, ее принципиальную нежесткость, В. М. Жирмунский характеризовал данную классификацию как «реальную» — соответствующую «реальной действительности» [Жирмунский, 1968, с. 9]. Нежесткостью частеречной классификации объясняется невозможность однозначного ответа, например, на вопрос о точном количестве частей речи русского языка¹²³. Акцентирование одним исследователем одного типа свойств слова (например, узкоморфологических — наличие определенной разновидности морфологических категорий и т. д.), а другим исследователем — других свойств (например, синтаксических [Яхонтов, 1968, с. 72–74], как в случае с выделением такой части речи, как категория состояния, — см. ниже в данном параграфе, а также § 4 главы «Наречие») ¹²⁴, предопределяет несовпадение общечастеречной картины в грамматических описаниях русского языка. К примеру, А. М. Пешковский не рассматривал местоимения, числительные, предлоги, союзы и междометия в качестве частей речи [Пешковский, 1938, с. 162]; ср. также по поводу местоимений: [Милославский, 1981, с. 42; 131]. М. В. Ломоносов считал причастия особой частью речи [Ломоносов, 1952, с. 408; 546–550]; см. также вузовский учебник, где не только причастия, но и деепричастия подаются как части речи [Шанский, Тихонов, 1987, с. 88; 204–218]; ср. аналогичную позицию авторов школьных учебников и пособий: [Бабайцева, Чеснокова,

¹²¹ Этим объясняется скептическое отношение к данной классификации как к одному из инструментов интерпретации языка, характерное в первую очередь для формальной школы. Ср., например: «То деление на части речи, которое принято в наших грамматиках (и перешло к нам от древних грамматиков), представляет смешение грамматических классов слов с неграмматическими их классами и потому не может иметь научного значения (разрядка наша. — Авт.)» [Фортунатов, 1956, с. 16; см. также: Петерсон, 1929, с. 35–36].

¹²² «Ни о какой “логической системе” в таких условиях (когда при построении частеречной классификации одновременно учитываются лексические, морфологические и синтаксические признаки слов одновременно. — Авт.) говорить не приходится: эти три признака не идут параллельно» [Чикобава, 1968, с. 57].

¹²³ «Вопрос о частях речи, их составе и числе, не решен окончательно в современном русском языке» [Исаченко, 1965, с. 21]. Следует добавить, что этот вопрос «окончательно» и не может быть решен. Если частеречная классификация «реальна» (В. М. Жирмунский; см. выше), то, как и реальность, она не может иметь «окончательных решений».

¹²⁴ «Ведь всякая классификация подразумевает некоторый субъективизм классификатора...» [Щерба, 1957, с. 63].

1994]¹²⁵. По мнению Ю. С. Степанова, не имеют статуса частей речи местоимения, союзы, часть предлогов, частицы, часть наречий [Степанов, 1975, с. 131]. То же можно сказать и об интерпретации объема, т. е. состава, отдельных частей речи. Например, в Русской грамматике 1980 к местоимению как особой части речи отнесены только «местоимения-существительные» (*я, кто, мы, некто, никто* и т. п.), а слова типа *мой, чей, какой, чей-нибудь* рассматриваются в разделе имен прилагательных; слова типа *три, трое* интерпретируются как числительные, а слова типа *третий* — как разновидность прилагательных. А. А. Шахматов трактовал неизменяемые местоименные слова (местоименные наречия — *всюду, здесь, там* и т. д.) как особую часть речи [Шахматов, 1941а, с. 423]¹²⁶. И т. д.

Многомерность свойств слова, таким образом, обуславливает возможность разных подходов к нему, в частности и в аспекте частеречной рубрикации языка, обуславливает «множественность возможных классификаций» [Дурново, 1923, с. 66–67; Щерба, 1957, с. 64].

Главными (но не единственными) «осями измерений» частей речи в настоящее время считаются три: 1) профилирующий тип лексического значения, 2) состав и специфика морфологических категорий, особенности формообразования, 3) наиболее типичные синтаксические функции¹²⁷. Так, для существительного как части речи характерно, что оно специализировано на выражении значения предметов, субстанциональных сущностей (*яблоко, вода*). Ему свойственны категории рода, числа и падежа; в последнее время утверждается, что еще и категория одушевленности — неодушевленности. Суще-

¹²⁵ Если в рамках вузовского пособия трактовка причастия и деепричастия как самостоятельных частей речи вполне правомерна (не говоря уже о научных работах), то аналогичная интерпретация в рамках школьного учебника представляется неоправданной и нецелесообразной. Хотя бы, например, по той причине, что провоцирует школьника, при необходимости получения соответствующей справки, на поиск причастий и деепричастий как отдельных слов в толковых, орфографических и других типах словарей. Тем не менее уже можно говорить о тенденции к увеличению количества частей речи в пособиях для средней школы. См., напр., одно из последних изданий для средней школы: [Баранов и др., 2006]; здесь частеречная классификация состоит из 13 рубрик; в последней академической грамматике русского языка (1980 г.) частеречная классификация включает в себя лишь 10 рубрик.

¹²⁶ А. А. Шахматов в качестве отдельной части речи интерпретировал и префиксы: «Префикс означает ту служебную часть речи, которая включает в себя слова, дополняющие в сочетании с глаголами, прилагательными, наречиями значения этих частей речи в пространственном, видовом или количественном отношении» (*написать, предобрый, наидобрейший* и т. п.) [Шахматов, 1941а, с. 423; 504–505].

¹²⁷ Ср.: «При выделении частей речи обычно учитываются все существенные грамматические признаки слов, как морфологические и словообразовательные (разрядка наша. — Авт.), так и синтаксические» [Яхонтов, 1968, с. 71]. Добавим, что для характеристики частей речи существенным является и такой признак, который характеризует особенности морфемных структур слов.

ствительное не изменяется по роду и одушевленности — неодушевленности, а изменяется в рамках категории числа и падежа, формируя соответствующие парадигмы. В плане синтаксической характеристики важно, что существительное может распространяться согласованным определением (*холодная вода*)¹²⁸. Как правило, эти три типа признаков вводятся в определение конкретных частей речи. См., например, развернутое определение прилагательного, предлагаемое Л. Л. Буланиным (в принципе, вполне традиционное): «Имя прилагательное как часть речи может быть охарактеризовано в семантическом, морфологическом и синтаксическом аспектах. Прилагательное обозначает признак предмета, причем в отличие от глагола, обозначающего признак, существующий во времени, динамический (*дерево качается*), прилагательное обозначает признак, не связанный с изменением во времени, признак статический (*высокое дерево*). Со стороны морфологической прилагательному свойственны словоизменяемые грамматические категории рода, числа и падежа. В синтаксическом аспекте прилагательные характеризуются типичной функцией согласованного определения к имени существительному» [Буланин, 1976б, с. 70].

Обычным случаем является такой, когда словоформы, включаемые в состав той или иной части речи, не обладают всеми признаками, заявленными в общем определении данной части речи. Например, краткие формы прилагательных (*весел, умен*), в соответствии с распространенной трактовкой, не обладают категорией падежа; кроме того, типичной функцией для них является функция именной части сказуемого (*Всю дорогу он был весел необыкновенно, посвистывал, наигрывал губами...* — Н. Гоголь), а не функция согласованного определения, характерная, главным образом, для поэтических текстов (*Скачет, весел и игрив, Хвост по ветру распустив.* — М. Лермонтов). Синтетические (простые) формы сравнительной степени не характеризуются морфологическими категориями (ни родом, ни числом, ни падежом¹²⁹), соответственно не могут выступать в функции согласованного определения (а выступают в функции несогласованного определения: *Избери только ночь потемнее, Да отцу дай вина похмельнее...* — М. Лермонтов), причем функция именной части сказуемого (*По мере того как брчка близилась к*

¹²⁸ При определенных условиях существительное не всегда может распространяться определением: *Он приезжал два раза в год* (определение к *год* невозможно). В других случаях, напротив, в предложении существительное без определения употребить нельзя: *В прошлом году приезжал два раза* [Всеволодова, 2000: 183].

¹²⁹ Впрочем, ср. работу [Откупщикова, 1995], где формам типа *умнее* приписываются категории рода, числа и падежа, выражаемые, по мнению автора, «аналитически». Правда, автор не считает такие словоформы аналитическими формами, а именует их «аналитами» (соответствующие грамматические категории не находят формально-морфологического выражения, а обозначаются за счет средств контекста) [Там же, с. 12–13; 46–49].

крыльцу, глаза его делались *веселее* и улыбка раздвигалась более и более. — Н. Гоголь) является наиболее типичной для этих форм. Наречие по традиции определяется как неизменяемая часть речи, включение в состав наречий изменяемых лексем (*быстро – быстрее*) основывается не на морфологических, а на синтаксических признаках.

Можно говорить об определенной (а иногда и существенной) гетерогенности (разнородности) признаков, используемых при объединении словоформ в рамках той или иной части речи. Исключительным разнообразием морфологических признаков и синтаксических функций характеризуется глагол в широком его понимании (т. е. с зачислением в состав глагола личных форм: *читаю, читал, читай, читал бы*; инфинитива: *читать*; причастий: *читающий*; деепричастий: *читая*). Морфологическая и синтаксическая гетерогенность свойственна местоимениям (ср.: *я и мой*) и числительным (*три, трое и третий*). Лексическая разнородность тоже весьма характерное для частей речи явление. В этом плане, по мнению некоторых исследователей, выделяются существительные. Последние могут обозначать предметы как таковые (*авторучка*), субстанции (вещества) (*песок*), действия, состояния (*бег, ходьба, стояние*), признаки, свойства (*краснота, синь*: *Загляжусь я по ровной голи В синью стынущие луга...* — С. Есенин), отвлеченные (абстрактные) понятия (*идеализм*) и др. М. В. Панов полагал, что существительное как часть речи не имеет собственной лексической специализации: «... Специфической семантики у существительного как части речи нет... существительное — неотмеченная категория среди частей речи» [Панов, 1999, с. 164]¹³⁰.

Очевидна, таким образом, не только многопризнаковость каждой части речи, но очевидно и то, что в основу объединения словоформ в рамках разных частей речи положены неодинаковые признаки¹³¹. Так, применительно к существительным наиболее важным признаком является грамматический, и прежде всего морфологический (характеризация их категориями падежа, числа, рода, одушевленности—неодушевленности). Лексические свойства слов при определении объ-

¹³⁰ Мы, однако, полагаем, что существительные все-таки лексически специализированы: их главной лексической функцией является обозначение предметов и субстанций. Но это вовсе не отменяет факта лексической разнородности существительного как части речи (см. главу «Существительное»).

¹³¹ Не прекращаются, однако, попытки представить частеречную классификацию как построенную на признаках одного типа — например, на основании установления «семантических универсалий» [Вежбицкая, 1999, с. 138–141]. Ю. С. Степанов полагает, что каждая «часть речи» характеризуется «одним классифицирующим признаком: предметностью, качеством, действием или состоянием и т. д.» [Степанов, 1975, с. 131]. И ср.: «... Нашим методом будет отказ от поисков *единого* основания распределения слов по частям речи — будь то один ведущий признак или совокупность тех же признаков, т. е. отказ от стремления найти стройность там, где стройности может не быть» [Стеблин-Каменский, 1974, с. 22].

ема существительного как части речи имеют второстепенное значение [Стеблин-Каменский, 1974, с. 22–26]. Не случайно существительное считают наиболее «моноклассной» в грамматическом отношении (при размытости лексических границ) частью речи. При определении прилагательного первостепенное значение имеет морфолого-синтаксический фактор — варьирующаяся функция согласованного определения и сказуемого (*На крыльцо вышел лакей в серой куртке с голубым стоячим воротником и ввел Чичикова в сени...* — Н. Гоголь; *Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен; сначала все серо и однообразно: тянутся бесконечные заводы да фабрики, закопченные дымом, а потом уже выглянут углы шестиэтажных домов...* — Н. Гоголь), а также лексический — обозначение качественного признака.

Что касается глагола, то существует весьма распространенная точка зрения, акцентирующая в определении глагола как части речи (в широком понимании) его лексические признаки: «Таким образом, в основе выделения глагола как части речи лежит семантический принцип. Особенность глагола как части речи состоит в том, что глаголом обозначается процесс» [Милославский, 1981, с. 154]¹³². Вряд ли с такой позицией можно согласиться (поскольку, например, существительные тоже могут обозначать «процессы»¹³³). Некоторые исследователи при определении границ глагола во главу угла кладут признаки морфологические — характеризацию словоформ категориями вида и залога [ср., напр.: Буланин, 1976б, с. 104] или только вида (залог усматривается не у всех глагольных словоформ [Милославский, 1981, с. 152]). Однако и наличие общих морфологических признаков, если иметь в виду общий, традиционно определяемый континуум частей речи, не может быть отчетливым и единственным критерием объединения каких-то словоформ в одну часть речи¹³⁴. Думается, что важным критерием, позволяющим усмотреть у глагольных словоформ некое единство, является тот, что связан с особенностями формообразования: наличие минимум двух формообра-

¹³² Ср. также [Валгина и др., 1971, с. 236]: «Глагол — разряд слов, которые обозначают действие или состояние предмета как процесс»; [Трофимов, 1957, с. 144].

¹³³ «... *Бег, подпрыгиванье* — названия действий... Существительное ведет себя столь толерантно по отношению к словам, которые вовлекает в свою семью, что допускает им оставаться по своему значению такими, какими они привыкли быть до превращения в существительные» [Панов, 1999, с. 165].

¹³⁴ «Однако вряд ли справедливо утверждение о том, что достаточно лишь одной морфологической категории (речь идет о категории вида глагола. — *Авт.*) для принадлежности к одной части речи. Ведь некоторые общие морфологические категории наличествуют, например, у существительного и числительного. Однако мы не относим их на этом основании к одной части речи. Не ясно, как при таком подходе к проблеме поступить с причастиями. Ведь у них есть общие характеристики и с личными формами глагола в изъяснительном наклонении (вид, залог, время), и с прилагательными (род, число, падеж, краткость, полнота)» [Милославский, 1981, с. 152].

зующих основ, выделение основных и дополнительных основ, специфика глагольной словоформы и т. д. [см., напр.: Буланин, 1976б, с. 106–114]. Однако, во-первых, одного этого признака недостаточно для класса слов, определяемого как **к л а с с л е к с и к о - г р а м м а - т и ч е с к и й**, а во-вторых, самый принцип выделения глагола на фоне других частей в таком случае резко противопоставлял бы глагол другим знаменательным частям речи¹³⁵. Для выделения местоимений как части речи главнейшим признаком является семантический, а именно специфика их корневых значений (корни местоименных слов имеют грамматическое, а не «вещественное» значение¹³⁶). Однако данный признак не принимается в расчет, когда местоименные неизменяемые слова по давней традиции включаются в состав не местоимений, а наречий [см., напр.: Ломоносов, 1952, с. 550–551; Барсов, 1981, с. 148–150] или вообще трактуются как особая часть речи. Выделение наречий в отдельную часть речи характеризуется своей спецификой¹³⁷, служебных слов и междометий — своей.

Таким образом, усмотреть у классификации слов по частям речи строго выдержанные единые основания нельзя¹³⁸. Эта классификация

¹³⁵ Впрочем, может быть, и не стоит опасаться, что какой-то признак, не входящий в обычный перечень главных признаков частей речи, применительно к одному из словесных классов (части речи) выйдет на первое место.

¹³⁶ «Парадоксальность этих (местоименных). — *Авт.*) слов заключается, стало быть, в том, что у них совсем нет вещественного значения, а что у них и основное значение (выражаемое прежде всего корнем. — *Авт.*) — формальное и добавочное (выражаемое флексией и другими аффиксами. — *Авт.*) — формальное» [Пешковский, 1938, с. 164].

¹³⁷ Обычная квалификация наречий как неизменяемых слов не является точной, поскольку большая часть наречий изменяется по степеням сравнения (*Лежащая на дороге пыль быстро замесилась в грязь...* — Н. Гоголь; *Еще быстрее прыгнул Андрей Филиппович в комнату и захлопнул дверь за собою.* — Ф. Достоевский). Если уж пытаться найти у наречий признак, более или менее отличающий их от других знаменательных частей речи, то его, по-видимому, можно сформулировать следующим образом: в плане формы наречия, в том числе и изменяемые, никак не «реагируют» на синтаксическое окружение (см. § 2 главы «Наречие»). Впрочем, данный признак не является достаточным для отделения наречий от неизменяемых существительных, а также от «неизменяемых прилагательных» (типа *бег*) и «неизменяемых глаголов» (типа *прыг*). Понятно, что указанный признак не противопоставляет наречия всем служебным словам и междометиям.

¹³⁸ Вряд ли можно считать устраняющей те трудности и противоречия, которые возникают при интерпретации частеречной системы, трактовку этой системы в качестве полевой структуры [Адмони, 1968]. Полевой принцип описания, предполагающий разграничение в описываемых явлениях их «центральной» области (область с наиболее ярко и контрастно выраженными признаками поля, противопоставляющими поле другим полям) и периферийных областей (области, обладающие лишь частью признаков, характерных для центральной области [Там же, с. 98]), по-своему эффективен при использовании его в рамках отдельных частей речи (т. е. вне рассмотрения системы частей речи в целом). Эффективен прежде всего тем, что, представляя отдельные части речи в виде поля, он более отчетливо в сравнении с традиционным методом интерпретации выявля-

не дедуктивна, и поскольку она не выдерживает единства членения, то в этом смысле она, как заметил Л. В. Щерба, не «научна» (обратим внимание, что Щерба, в отличие от Фортунатова (см. выше), берет это слово в кавычки¹³⁹, показывая тем самым, что оно употребляется не в прямом значении). Данная классификация эмпирична по своему характеру [Чикобава, 1968, с. 56; Камынина, 1999, с. 19], индуктивна¹⁴⁰. Несмотря на ее исключительную значимость как в теоретической, так и практической плоскости (по широте применения ей, по-видимому, в лингвистике нет равных¹⁴¹), принципы ее организации остаются до сих пор не вполне ясными. Иными словами, эмпирическая

ет иерархичность их структуры. Правда, это вовсе не значит, что традиционный способ описания частей речи все явления, относящиеся к какой-то части речи, интерпретировал как абсолютно одноплановые; именно акцентирование традиционной грамматикой неоднoplanовости подводящихся под ту или иную часть речи явлений служит толчком для использования новых способов, и в частности метафор («поле»), в интерпретации частей речи. Однако полевой метод оказывается в общем неэффективным при интерпретации частеречной системы в целом, поскольку не устраняет главное ее свойство, а именно признаковую гетерогенность классов (частей речи). Целостная картина однородного построенного поля частей речи не может быть получена принципиально. Неоднородность вынуждает сосредоточиваться на отдельных полях, т. е. на полях отдельных частей речи; впрочем, и при полевом описании отдельных частей речи однородную картину часто выстроить не удастся, и поля приходится выстраивать по отдельным «срезам»: так, в семантическом плане центром прилагательных признаются качественные прилагательные, но в формальном плане те же качественные прилагательные, но не в полной, а в краткой форме или в форме синтетической сравнительной степени приходится сдвигать на периферию поля. Поэтому, по-видимому, не случайно полевой метод (при всей его, казалось бы, привлекательности) и не получил распространения при описании частеречной системы русского языка. Сказанное о применении полевого метода к описанию частеречной системы не означает его отрицательной оценки вообще; данный метод оказывается эффективным средством при интерпретации языковых классов в опоре на однотипные признаки, например функционально-семантические [см.: ТФГ, 1987; 1990; 1991; 1992; 1996а; 1996б].

¹³⁹ «...Самое различие “частей речи” едва ли можно считать результатом “научной” классификации» [Щерба, 1957, с. 63].

¹⁴⁰ И. Г. Милославский называет частеречную классификацию «априорной» [Милославский, 1981, с. 41]. Если исходить из значения слова априорный ‘независимый от опыта’, то с такой квалификацией традиционно выделяемых частей речи согласиться трудно. Имея в виду историю формирования данной классификации и историю ее применения, о ней, скорее, можно сказать, что она апостериорна (апостериорный — ‘приобретенный опытным путем, основанный на опыте’). Как полагает М. И. Стеблин-Каменский, априорными можно считать частеречные классификации, подобные той, что предлагал, к примеру, В. Брэндал, «который утверждал, что распределение слов по частям речи основано исключительно на подводимости слов под одну из четырех логических категорий — сущность, отношение, качество и количество — или сочетание этих логических категорий» [Стеблин-Каменский, 1974, с. 22]. Впрочем, и классификация Брэндала тоже апостериорна, поскольку логические категории в его интерпретации — это категории, выводимые из естественного языка [Степанов, 1998, с. 543–556].

¹⁴¹ «...Теория классов слов (частей речи. — *Авт.*) является сердцевинной европейской грамматики...» [Ору, 2000, с. 120].

классификация (т. е. частеречная классификация) существует, она активнейшим образом используется, но соответствующей более или менее убедительной теории, объясняющей ее устройство, пока нет¹⁴². В основном можно говорить только о констатациях, так сказать, «отрицательного» свойства: она неоднопризнакова, несимметрична и т. д. «Отрицательность» свойств данной классификации проистекает из ее отношения к классификациям, построенным по привычным «школьно-логическим» схемам, т. е. к классификациям, в которых соблюдается единство основания при выделении компонентов¹⁴³. В классификации слов по частям речи прослеживаются контуры разных классификаций: логической классификации, синтаксических признаков, но это именно контуры, пунктирно и неотчетливо явленные, при этом контуры, не совпадающие между собой и тем самым не дающие единой картины членения морфологического уровня языка.

Как уже отмечалось, в XX в. и в настоящее время предпринимались и предпринимаются попытки построить теории, позволяющие «позитивно» проинтерпретировать эмпирические классификации, подобные классификации слов по частям речи. В этих теориях допускается, например вслед за Л. Витгенштейном, что «члены категории (и класса. — *Авт.*) могут быть связаны друг с другом без того, чтобы все члены категории имели как и е-либ о б щ и е с в о й-с т в а (разрядка наша. — *Авт.*), конституирующие категорию» [Лаккофф, 2004, с. 28]; допускается также, что компоненты класса (кате-

¹⁴² Ситуация, состоящая в недостаточно отчетливом осознании общих принципов традиционной частеречной классификации, представляется в общем вполне объяснимой. Человек не только познает мир, но и познает то, как он его познает. Без осознания особенностей способа познания (т. е. без познания человеком себя в качестве осознающего субъекта) не может быть получена и более или менее достоверная картина мира. «Пред-ставлять (мир — *Авт.*)... значит: наличное пред-поставлять пред себя как нечто противостоящее, соотносить его с самим собою, то есть с представляющим, и вынуждать наличное вступать в такую сопряженность с собой как областью, задающей меру» [Хайдеггер, 1993, с. 149].

¹⁴³ «Между тем классификация объектов науки, существующих в реальной действительности, в природе или обществе, на самом деле вовсе не требует той формально-логической последовательности принципа деления, которая необходима при классификации отвлеченных понятий. Она требует только правильного описания системы признаков, определяющих в своей взаимосвязи данный реально существующий тип явления» [Жирмунский, 1968, с. 8]. Трудно не согласиться с процитированным мнением одного из самых известных отечественных филологов XX в. Подчеркнем, однако, что наиболее существенная трудность построения классификаций, о которых говорит В. М. Жирмунский, состоит в том, как «правильно» определить системы соответствующих признаков. Релевантность (первоочередная важность для интерпретации) признаков задается не только по отношению к исследуемому объекту, т. е. как бы «сама по себе», «объективно» («жизненный мир есть царство изначальных очевидностей» [Гуссерль, 2004, с. 175]), но и по отношению к исследуемому сознанию, т. е. когда признаки получают статус значимых для сознания элементов.

гории) могут не иметь ясных границ и т. д. [подр. см.: Там же, с. 28–85]. Нельзя сказать, что предлагаемые теории свободны от противоречий и спорных, подчас предельно спорных, моментов (см., например, выше тезис о возможности отсутствия как и х-либ о б щ и х свойств у членов категории), но очевидно тем не менее, что удовлетворительно проинтерпретировать классификации типа частеречной в рамках традиционной теории классов не удастся, что и должно побуждать к выдвижению новых теорий классификаций. Ведь применительно к лингвистике все это значит, что язык — не только логический феномен, владение языком — это не владение лишь набором определенных классов (как, скажем, описывается язык в школьных учебниках). Язык, как пишет Б. М. Гаспаров, не является рационально построенным устройством, это значительно более сложное образование¹⁴⁴. Его теоретический рациональный «срез» может дать неполное о нем представление. Описание же, сведенное лишь к этому срезу, будет иметь следствием искаженное представление об этом образовании. Понятно, современные взгляды на естественный язык не могут не сказаться и на интерпретации языковых форм, структур и т. п. В частности, не может рассматриваться как имеющее абсолютную теоретическую ценность представление о языке только как о системе классов, структурированных по типу «матрешки»: каждый класс (член класса) является членом более крупного класса и т. д. Но, собственно, использование таких классификаций, как частеречная, показывает, что практически язык последовательно как матрешка и не описывался. Более ценным в современных представлениях является то, что жесткая структурированность не рассматривается как единственный принцип организации языковых форм¹⁴⁵.

«Неоднородность» свойств разных частей речи, их многомерность, асимметрия (наряду с симметрией) признаков теснейшим образом связаны с семантическими свойствами предложения, с его, как выражался В. Г. Адмони, «партиктурным строением», «аккордным» выражением грамматических значений и т. п. [Адмони, 1961; 1973, с. 57–60]. Предложение — это сложная семантическая структура с «многослойным» и многовекторным пересечением и взаимо-

¹⁴⁴ «...Приходится с самого начала распространиться с стремлением представить язык в виде рационально построенного концептуального объекта либо слаженного механизма» [Гаспаров, 1996, с. 11].

¹⁴⁵ «Чем дальше продвигается лингвистика по пути моделирования языка как единой структуры (разрядка наша. — *Авт.*), чем большей объяснительной силой и, соответственно, большей конструктивной сложностью отличаются получаемые на этом пути модели, — тем больше, как мне кажется, эта картина удаляется от тех конкретных, частных действий, всегда укорененных в конкретной ситуации и конкретных личностных ресурсах памяти и опыта говорящего, при помощи которых каждый из нас осуществляет свою языковую деятельность» [Там же, с. 101]. Одним из важнейших принципов организации языковых парадигм (в широком смысле) называется принцип ассоциативный [Там же, с. 210].

действием разнообразных лексических и грамматических (в том числе и морфологических) значений, и каждая часть речи (причем поворачиваясь разными своими сторонами) вносит свою лепту в общую семантическую картину предложения: одна «зеркально» отражает морфологические свойства другой части речи (как это происходит с прилагательными при согласовании с существительными), другая, наоборот, в плане морфологической формы никак не проявляет себя как зависимая, будучи при этом синтаксически подчиненной (наречия); для одних частей речи характерно то, что они «командуют» другими, для каких-то частей речи типично противоположное; одним частям речи свойственно то, что большинство их морфологических категорий являются по характеру номинативными, у других частей речи большинство категорий структурного (т. е. неноминативного) плана и т. д. Реальность предложения такова, что требует для реализации его семантических потенций слов, существенно различающихся в семантическом и грамматическом отношениях и вместе с тем определенным образом семантически согласующихся в рамках синтаксических построений.

Применительно к современному русскому языку наиболее распространена такая трактовка системы частей речи, в соответствии с которой последняя состоит из десяти компонентов. Эти компоненты частеречной системы суть следующие: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, глагол (в широком понимании), наречие (в состав наречий включаются и местоименные наречия), предлог, союз, частица, междометие.

«Многослойность» и многообразие свойств частей речи обуславливают вхождение последних в разного типа группировки. Так, широко известным является разбиение частей речи на служебные и самостоятельные. Обычно к самостоятельным относят существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол и наречие (иногда местоимение наряду с числительным относят к служебным частям речи [см., напр.: Буслаев, 1959, с. 116; 287; 317–321]¹⁴⁶; иногда же местоимения не включают ни в состав знаменательных, ни в состав служебных частей речи, отводя им особое место в частеречной системе [Шахматов, 1941а, с. 421; Стеблин-Каменский, 1957, с. 82–83; 1974, с. 30–31]). Служебными словами считаются предлог, союз, частица. Главный критерий указанного разбиения состоит в том, что самостоятельные части речи выступают в роли «членов предложения» (к ним можно поставить вопрос: *Девочка катается на санках* — Кто катается? Что девочка делает? На чем катается девочка?), служебным же членам предложения не свойственна функция членов предложения (нельзя по-

¹⁴⁶ «Слова знаменательные исчисляются в словаре, служебные, ограниченные числом, — в грамматике» [Буслаев, 1959, с. 288]. В. М. Жирмунский характеризовал местоимения и числительные как слова «полуформальные» [Жирмунский, 1968, с. 11].

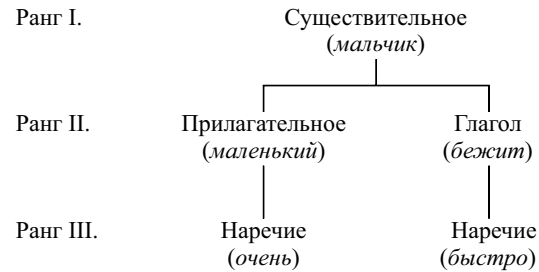
ставить вопрос и т. п.). Междометия противопоставляются всем остальным частям речи в совокупности (по своим признакам они отличаются и от самостоятельных, и от служебных частей речи, и от местоимений, если последние рассматриваются как особый разряд слов).

Но данное разбиение частей речи вовсе не единственное. Оно и не может быть единственным, если иметь в виду всю «многослойность» признаков частей речи. Части речи — это классификация, особенностью которой является открытость для переинтерпретаций в пользу одного или другого признака или группы признаков.

Среди самостоятельных частей речи (включая сюда местоимение и числительное) разграничиваются группы основных и неосновных частей речи. Основные части речи (существительное, прилагательное, глагол, наречие) — это принципиально открытые, постоянно пополняющиеся лексические группировки. Неосновные части речи — закрытые, непополняющиеся группы слов [Русская грамматика, 1980, I, с. 458]. Кроме того, нужно отметить существенную количественную диспропорцию между основными и неосновными частями речи. Слова основных частей речи составляют основу номинативного фонда русского языка. По данным, полученным из разных словарей русского языка, существительных св. 56 тысяч, глаголов — ок. 40 тыс., прилагательных — св. 25 тыс., наречий — ок. 6 тыс. Местоименных же лексем (включая и неизменяемые типа *сюда, почему, когда*) — приблизительно 150 единиц, числительных (включая числительные адъективного типа — *первый, четвертый*) — менее 100 единиц¹⁴⁷. Иначе говоря, слова неосновных частей речи составляют доли процента от количества лексем основных частей речи. Понятно, что номинативную базу предложения формируют слова основных частей речи. Не случайно Ф. И. Буслаев считал, что местоимения и числительные «исчисляются» в грамматике (конечно, количество местоимений и числительных — не единственный аргумент в пользу их «служебности»).

Основные части речи также характеризуются определенной иерархией. Если опираться на терминологию «рангов», предложенную О. Есперсеном [Есперсен, 1958, с. 107–114], и исходить из наиболее типичных синтаксических функций основных частей речи, отношения между существительным, прилагательным, глаголом и наречием можно представить в виде «ранжированной» схемы (см. рисунок):

¹⁴⁷ В подсчетах мы опирались, главным образом, на 17-томный словарь русского языка и на данные, приведенные в Обратном словаре русского языка [Обратный словарь, 1974, с. 942–944]. Что касается местоименных слов, то, согласно данным Н. Ю. Шведовой, их, включая такие слова, как *что угодно* и т. п., в русском языке около 200 [Шведова, 1998, с. 8].

Существительное, таким образом, предстает в качестве главного «определяемого», «модифицируемого» компонента предложения. Прилагательное и глагол — это «определители» существительного. Наречие в свою очередь выступает в качестве определителей двух последних. Существительное в группе основных частей речи, как часть речи предметной семантики, противопоставляется прилагательному, глаголу и наречию. Последние являются частями речи признаковой семантики. Прилагательное обозначает статические признаки. Глагол — динамические. Наречие — признаки глагола и прилагательного¹⁴⁸. Соответственно основные признаковые части речи распадаются на две группы: обозначающие признаки первого ранга (порядка) и признаки второго ранга (порядка), «признаки признаков»¹⁴⁹.

Как уже неоднократно отмечалось, части речи — сущности многоаспектные, и вывести противопоставление основных частей речи только из их функциональных свойств нельзя. Имеются, естественно, и другие линии противопоставления. Так, по линии производные / непроизводные слова можно противопоставить наречия остальным основным частям речи: подавляющее большинство наречий — это производные слова, произведенные от слов (словоформ) других частей речи, причем характеризующиеся в семантическом плане одной особенностью: их лексическое значение часто неотчетливо

¹⁴⁸ Следует отметить существенную несимметричность наречий как определителей, с одной стороны, глаголов и прилагательных — с другой. Подавляющее большинство наречий используются для распространения глаголов [Дурново, 1929, с. 53; 49–55].

¹⁴⁹ «В них (наречиях. — Авт.) изображаются признаки признаков. В этом и состоит их значение» [Пешковский, 1938, с. 113]; «Под обстоятельством, или наречием, разумею признак... связуемый с другим признаком...» [Потебня, 1958, с. 124]. Отметим, что приведенная выше схема предложения *Маленький мальчик быстро бежит* фиксирует наиболее типичные синтаксические функции основных частей речи. Но части речи могут выступать не только в этих функциях, но и в «смещенных», смещенных относительно типичных, вторичных, усложненных и т. д. Существительное может выступать в качестве определителя, глагол (инфинитив) может функционировать как подлежащее (абсолютно определяемое), наречие выступает и как непосредственный определитель существительного (*яйца всмятку*), быть словом четвертого ранга (*Маленький мальчик бежит очень быстро*) и т. д.

отграничивается (либо, как иногда полагают, вообще не отграничивается¹⁵⁰) от значений производящих слов (словоформ). Это обстоятельство предопределяет трудности в определении лексической специализации наречий (подробнее см. главу «Наречие»). Не случайно традиционно в определении наречий акцент ставится на их неизменяемости, в отличие от распространенного способа определения других основных частей речи, акцентирующих в первую очередь специфику лексического значения. Ср. начальные фразы определения основных частей речи в академической грамматике русского языка 1953 г.: «К именам существительным относятся знаменательные слова, которые являются названиями (разрядка наша. — Авт.) живых существ (*брат, змея, насекомое*)...» [Грамматика, 1953, с. 103]; «Имена прилагательные обозначают (разрядка наша. — Авт.) признак предметов непосредственно или через отношение этих предметов к другим предметам» [Там же, с. 281]; «Глаголы являются (разрядка наша. — Авт.) действия (*идти, писать, строить, управлять*) или же представляют другие процессы в виде действия...» [Там же, с. 408]; «Наречием называется неизменяемая часть речи (разрядка наша. — Авт.)...» [Там же, с. 606].

Однако и этот тип противопоставления не исчерпывает всех линий противопоставлений в сфере самостоятельных частей речи. Исключительно важной является оппозиция местоимений (в широком понимании, т. е. с включением в их состав и неизменяемых лексем типа *здесь, когда, тогда* и т. п.) как дейктических (от греч. δειξίς ‘указание’) слов всем остальным частям речи как словам с номинативной значимостью, пойкиотетическим (от греч. ποιότης ‘качественная определенность’) словам. Несмотря на небольшое количество, местоименные слова играют в естественном языке очень важную роль. «...Все местоимения служат в языке для целей референции»¹⁵¹ [Падучева, 1985, с. 133] Не случайно они относятся к наиболее часто употребляемым словам языка.

Самостоятельные части речи в русском языке противопоставляются остальным частям речи (т. е. служебным и междометиям). Главная (но не единственная) граница противопоставления, свойственная именно русскому языку с его синтетическим строем, проходит по линии, которую можно обозначить как изменяемость / неизменяемость. Все несамостоятельные части речи являются неизменяемыми, т. е. не характеризуются морфологическими категориями.

¹⁵⁰ «Категория наречий является исключительно формальной категорией, ибо значение ее совпадает со значением категории прилагательных, как это очевидно из сравнения таких пар, как *легкий/легко, бодрый/бодро* и т. д.» [Щерба, 1957, с. 72].

¹⁵¹ Референция — соотносительность семантики предложения с внеязыковой действительностью. Предмет теории референции — механизмы и средства соотносительности высказывания и его частей с действительностью [Падучева, 1985, с. 7].

Если морфологию как раздел языкознания связывать прежде всего со словесными формообразующими структурами, то служебные части речи и междометия оказываются вне морфологии. При более широком понимании предмета морфологии (слово как членимое единство) та часть служебных слов и междометий, которая характеризуется морфемными и словообразующими структурами, оказывается в пределах морфологии (т. е. может рассматриваться как объект морфологического описания). Правда, и неструктурированные слова можно «вписать» в морфологию, а именно в качестве противостоящих структурированным. Наконец, при самом широком понимании морфологии (морфология описывает грамматику любого слова) все служебные слова и междометия независимо от того, структурированы они или нет, оказываются ее предметом. Для русской традиции характерен именно такой подход к данным словам. Но при любом, даже самом широком подходе к определению предмета морфологии невозможно отрицать, что морфология служебных слов и междометий несравненно беднее морфологии знаменательных слов. Не случайно поэтому акцент в описании этой группы слов смещен не в сторону описания морфологических категорий, парадигм и т. д., как это имеет место в случае знаменательных частей речи, а в несколько иную плоскость: это констатации, связанные с производностью / непроизводностью лексем; разграничение простых и составных лексем (*не, ни, разве* — *чуть было не, нет-нет да и* и т. п.); выявление функциональных классов слов; семантическая классификация лексем.

Дифференциация служебных частей речи проводится на функционально-семантических основаниях. При этом предлоги — часть речи, наиболее тесно, в сравнении с двумя другими, связанная с морфологией знаменательных частей речи. Предлог является компонентом синтаксической формы имени (синтаксемы) [Золотова, 1988, с. 4–6].

Союзы выражают разного рода синтаксические отношения между словами и предложениями (характеризуются связующей функцией), и в этом смысле предлоги и союзы в совокупности противопоставляются частицам (хотя и не в полной мере: см. ниже о частицах-союзах).

Частицы — очень разнородная в функциональном отношении группа слов. Это, так сказать, наречие в сфере служебной лексики. С одной стороны, к частицам относят лексемы, являющиеся служебными компонентами аналитических форм слова («формообразующие» частицы). Таковы частица *бы* (компонент аналитической формы глаголов сослагательного (условного) наклонения), частицы *да, пусть, пускай* (компоненты форм 3-го лица повелительного наклонения глаголов). С другой стороны, выделяется обширная группа модальных частиц, отрицательные частицы (*не, ни*), вопросительные (*ли, не...ли, разве, неужели* и т. п.), группа частиц, характеризующих

действия или состояния по протеканию во времени или по результативности [Русская грамматика, 1980, I, с. 725, 727]: *чуть (было не, только что не, нет-нет да и* и т. п.) и некоторые другие. Наконец, особая группа частиц — это такие, которые совмещают связующую, союзную функцию (тем самым частицы сближаются с союзами) с выражением модальных значений [Там же, с. 730]: *а, благо, ведь, добро бы, же, просто* и т. д.: *Он только капельку покуражился, он даже не успел и высказаться, он просто пошутил, увлекся, а кончилось так серьезно!* (Ф. Достоевский).

Безусловно, частицы — это весьма «разнотильная» часть речи. Налицо существенные основания для разведения частиц по разным лексико-грамматическим классам. Встает, однако, вопрос: имеет ли смысл какую-то группу частиц (какие-то группы частиц) интерпретировать в качестве самостоятельной части речи, например формообразующие частицы? Одним немаловажным фактором, связанным с частеречной классификацией (о котором пока не упоминалось), является, с нашей точки зрения, фактор количественный. Речь идет об общем количестве лексем, формирующих ту или иную часть речи. Так, существительных в более или менее полных словарях русского языка св. 50 тыс., глаголов ок. 40 тыс. и т. д. Что касается служебных частей речи, то их количество, конечно, значительно меньше в сравнении с четырьмя основными знаменательными частями речи (хотя вполне сопоставимо с неосновными частями речи). Согласно данным Обратного словаря русского языка [Обратный словарь, 1974, с. 944], предлогов и частиц насчитывается по 150 единиц, союзов — чуть больше 110 единиц¹⁵². Есть ли смысл выделять в отдельную часть речи, скажем, формообразующие частицы: ведь их около десятка? Думается, ответ очевиден. Части речи — это ведь достаточно аморфные классы (за исключением, пожалуй, имени существительного, имеющего более или менее четко очерченные границы). При этом степень аморфности классов, именуемых частями речи, отличается от класса к классу. Собственно, много и быть не может в силу самой природы частеречной классификации. О единстве признаков, положенных в основу выделения некоторых классов, можно говорить с достаточной степенью условности. «Мягкость» таких рубрик частеречной классификации такова, что применительно к ним можно говорить о значительной размытости их границ. Это классы, выделяемые не столько положительно, сколько отрицательно: лексемы, к ним относимые,

¹⁵² С.И. Богданов дает несколько иные количественные характеристики служебных частей речи: предлогов — св. 450 единиц, союзов — 380, частиц — св. 240 [Богданов, 1997а, с. 8; 21; 31]. При этом учитывались не только «слова», имеющие в словарях русского языка пометы о принадлежности к той или иной части речи (*предлог, союз, частица*), но и «словосочетания», имеющие пометы типа «в значении предлога» (*в адрес, в дополнение, наряду с, независимо от* и т. д.).

входят в конкретный класс потому, что не вписываются в другие классы. Традиционно к такому типу частей речи относилось наречие. Русские грамматисты второй половины XIX — первой половины XX в. сузили представление о наречии за счет введения в описание частей речи, в частности, и такой рубрики, как частицы¹⁵³. Важно, однако, подчеркнуть, что аморфность представления класса в целом отнюдь не препятствует надлежащей грамматической квалификации отдельных подклассов класса: описываются те признаки подкласса, которые позволяют вполне ясно понять его специфику (как, например, признаки синтетических форм сравнительной степени прилагательных, не охарактеризованных ни по одной из заявленных в определении прилагательного категорий; или же признаки частиц разного типа).

Части речи — это классификация, открытая, как уже отмечалось, для ее переинтерпретации, т. е. для перераспределения отдельных классификационных подрубрик, отнесения их, в противовес распространенной традиции, к другим, нежели принято, частям речи, а также выделения их в качестве самостоятельных частей речи. Однако не всякое перераспределение рубрик выглядит в равной мере убедительным. В данном случае речь идет о таком перераспределении, когда в основу выделения части речи кладется не комплекс признаков, а лишь один тип признаков. Например, предлагается рассматривать синтетическую форму сравнительной степени наречий и прилагательных как самостоятельный разряд слов: «Вопреки традиции, как самостоятельные с л о в а (разрядка наша. — *Авт.*) (а не как формы словоизменения) рассматриваются степени сравнения прилагательных и наречий (речь идет о синтетической форме сравнительной степени. — *Авт.*)» [Зализняк, 1977, с. 6]. Квалификация синтетических форм сравнительной степени в качестве «самостоятельного разряда слов» предполагает, что этот разряд должен быть поставлен в некий однородный ряд с л о в (не с л о в о ф о р м; см. ниже о грамматических разрядах), а такого рода рядами слов считаются части речи. Не случайно появляются работы, главный тезис которых состоит в том, что форма сравнительной степени — самостоятельная часть речи [см., напр.: Федотова, 2003]. Естественно, всякая «линеаризация» частеречной классификации,

¹⁵³ См., например, современную грамматику французского языка, где частицы как часть речи просто отсутствуют, и отрицательные слова типа *ne* (в современной русской традиции — частицы) трактуются как наречия [Rat, p. 288]. «...Ср. французскую, немецкую и американскую лингвистические традиции, где классы служебных слов и наречия не противопоставляются, а объединяются в разряд адвербиалов» [Филиппенко, 2003, с. 7]. Если обратиться к более ранней русской традиции описания частей речи, то частиц в перечне частей речи русские грамматисты не содержат. Так, в соответствии со знаменитой «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова в русском языке 8 частей речи: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие [Ломоносов, 1952, с. 408].

т. е. ее последовательная переинтерпретация в пользу только одного типа признаков (например, формообразующих), должна породить совершенно иную классификацию, имеющую мало общего с традиционной частеречной классификацией. Конечно, исключением форм словоизменения из числа форм наречия и прилагательного достигается большая последовательность (большая жесткость) в интерпретации как состава наречий¹⁵⁴, так и состава прилагательных, однако при этом не учитываются синтаксические признаки наречий (*Бежит быстро; Бежит быстрее*), а также возможность замены синтетической формы на аналитическую, охарактеризованную по роду, числу, падежу (т. е. как прилагательное), в одном случае (*Петя умнее* → *Петя более умный*) и невозможность замены в другом случае (*Мальчик бежит быстрее* → *...более быстро*) и некоторые другие.

Еще одним показательным примером жесткой «линеаризации» частеречных рубрик является трактовка в качестве самостоятельной части речи «категории состояния». В ее интерпретации на первый план выдвинуты синтаксические признаки (слова категории состояния употребляются в качестве главного члена безличных предложений: *Мне холодно*). Иначе говоря, слова категории состояния рассматриваются как монофункциональный класс. Это не соответствует принципам выделения самостоятельных частей речи (все они полифункциональны). Кроме того, категория состояния, обладая признаками знаменательной и основной части речи, предельно ограничена в количественном отношении — примерно 100 единиц [Буланин, 1976б, с. 180]. Уже последнее обстоятельство позволяет усомниться в том, что категория состояния в общей частеречной системе языка выступает наравне с существительным, прилагательным, глаголом и наречием (подробнее см. в главе «Наречие»).

Междометие занимает в частеречной системе особое место, отличаясь и от служебных, и от самостоятельных частей речи. Междометия лишены номинативной функции, их содержание не понятный, но, в отличие от служебных частей речи, они или формируют самостоятельные междометные предложения, или выступают в синтаксически обособленных позициях (— *Ба, ба, ба!* — *вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова*. — *Какими судьбами?* — Н. Гоголь; — *Ох, батюшка, осьмнадцать человек — сказала старуха, вздохнувши*. — Н. Гоголь).

К междометиям примыкают звуковые «реплики» типа *о-охо-хо* (произносимое в нос с закрытым ртом). Однако такие «реплики» уже нельзя признать словами в полном смысле, поскольку они лишены фонемной структуры¹⁵⁵. Это неструктурированные сущности, не

¹⁵⁴ «Заметим, что тем самым наречие выступает как неизменяемая часть речи» [Зализняк, 1977, с. 6].

¹⁵⁵ См. о «диффузных звуках»: [Щерба, 1974, с. 147–149].

структурированные так, как структурированы слова языка. Если они и характеризуются формой, то формой иного типа — не той, которой обладают объекты, именуемые словами.

При всей размытости частеречная классификация не настолько аморфна, чтобы вместить все разнообразие слов русского языка. Впервые мысль о том, что некоторые группы слов могут и не охватываться частеречной классификацией, четко сформулировал, по-видимому, Л. В. Щерба¹⁵⁶. Приводим список из нескольких групп слов, вызывающих затруднения в отнесении их к каким-либо частеречным рубрикам: 1) *да, нет*; это слова-предложения со значением согласия / несогласия. Иногда причисляются к частицам, но выступают они не в служебной, а в самостоятельной синтаксической функции; 2) *во-первых, во-вторых...*; *итак, следовательно, по-видимому, наверное* и некоторые другие; это слова, употребляющиеся в функции вводных (иногда относят к наречиям, иногда к особой части речи — модальным словам); 3) звукоподражательные слова (ср. также: «изобразительные слова», «образные слова» [Жирмунский, 1968, с. 15–17; Кунгуров, Тихонов, 1968, с. 254–258; Суник, 1968, с. 40]: *мяу-мяу, гав-гав-гав, динь-динь-динь* и т. п.; 4) *беж, хаки, электрик, ин-фóлио, нетто, аллэгри*; эти слова обозначают признаки предметов; в последнее время их — особенно в литературе учебного характера — относят к неизменяемым («аналитическим») прилагательным [Русский язык, 1968б, с. 105–134; Панов, 1999, с. 152–162]; однако они существенно отличаются от «обычных» прилагательных, к примеру, тем, что прилагательное в позиции определения стандартно стоит перед существительным, тогда как слова типа *беж* стоят в постпозиции, часто входят в составные именованья типа *цвета беж (платье цвета беж)*; 5) *кувырк, стук, юрк* и т. п.; иногда их относят к междометиям, но от классических междометий они отличаются и синтаксической функцией, и по характеру значения (значение их имеет понятийную основу); иногда их причисляют к неизменяемым глаголам.

Отметим, что трудности с частеречной квалификацией перечисленных групп слов вовсе не означают невозможности их семантико-грамматической характеристики.

Части речи тесно связаны между собой, что, в частности, выражается в их словообразовательных связях (*бегать* → *беготня, бег; палить* → *пальба; синий* → *синева, синить* и т. п.), в явлении п е р е х о д а — перехода слов и словоформ из одной части речи в другую: *домой, дома* — из существительного в наречие, *столовая, передняя* — из прилагательного в существительное и т. д. Разновидности перехода именуется по конечному пункту перехода: с у б с т а н т и в а ц и я — это переход лексем и словоформ из каких-либо

¹⁵⁶ «...Нечего опасаться, что некоторые слова никуда (не под одну частеречную рубрику. — *Авт.*) не подойдут — значит, они действительно не подпадают нами ни под какую категорию» [Щерба, 1957, с. 66].

частей речи в существительное, а д ъ е к т и в а ц и я — переход в прилагательное и т. д.

Определенную разновидность связей между частями речи описывают с помощью понятия с и н т а к с и ч е с к о й д е р и в а ц и и. Синтаксической деривацией называют такое преобразование слова, при котором оно, сохраняя свое лексическое значение, приобретает способность выступать в изначально несвойственных ему синтаксических функциях: «синтаксический дериват — это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [Курилович, 1962, с. 61]. Процессы синтаксической деривации двояким образом связаны с проблемой классификации слов по частям речи.

С одной стороны, синтаксическая деривация является одним из основных источников пополнения лексического состава знаменательных частей речи, что влечет за собой рост их семантической неоднородности и в конечном счете — более или менее отчетливое различие между ядерными (прототипическими) и периферийными компонентами. Так, для существительных таким центральным (прототипическим) разрядом, безусловно, являются слова, чаще всего производные, которые обозначают чувственно воспринимаемые конкретные физические тела, имеющие четкие пространственные границы — предметы в буквальном смысле слова. Именно они обладают полным набором морфологических и синтаксических признаков существительного как части речи. Что же касается разного рода отклонений от прототипа, то они характерны прежде всего для существительных с непредметным значением или значением в той или иной мере отдаляющемся от чистой предметности (*бег, синь* и т. п.). Показательно, что почти все они производны от прилагательных или глаголов — слов с признаковым значением, являясь их синтаксическими дериватами. Как синтаксические дериваты прилагательных и причастий рассматривают наречия типа *быстро, весело, гнетуще*.

С другой стороны, синтаксическая деривация может действовать и в пределах одной части речи. Так, для истолкования соотношения личных и неличных форм глагола А. И. Смирницкий использовал близкое по сути понятие категории «репрезентации» («представления»): «Категория, выделяемая на основе противопоставления личных и именных форм глагола, есть категория, которая представляет процесс в разных вариациях — как чистый процесс или же как процесс, осложненный другими (предметными или “признаковыми”) моментами» [Смирницкий, 1959, с. 246–247]. Благодаря наличию нескольких репрезентаций (личных форм, инфинитива, деепричастия, причастий) глагол в широком смысле слова оказывается такой частью речи, которая может выступать (в той или иной из этих своих форм) в различных синтаксических позициях, сохраняя при этом значительную часть общих, специфически глагольных грамматических свойств [Князев, 2001, с. 88–92].

Помимо достаточно регулярного механизма синтаксической деривации, затрудняющего проведение четких границ между частями речи, в языке действует и постоянный необратимый однонаправленный процесс редукции частеречных признаков, затрагивающий отдельные слова. К его проявлениям можно отнести, в частности, переход знаменательных слов и словоформ в служебные слова: *благодаря упорному труду: несмотря на то; поэтому, давай погуляем; дождь все льет* [Там же].

Отметим, что многие лингвисты весьма скептически относятся к концепции синтаксической деривации в том ее варианте, который предложил Е. Курилович. Слабое место этой концепции состоит в утверждении о тождественности лексического значения не только таких слов, как *бегать* и *бег*, но и таких, как *ходить*, *хождение*, *ходьба*. По отношению к последним данное утверждение по меньшей мере не очевидно.

Обычно в рамках описания отдельных частей речи описываются и лексико-грамматические разряды. Лексические и грамматические компоненты семантики слова тесно взаимодействуют. Характер того, что обозначает слово, сказывается на его грамматических свойствах и наоборот. Так, существительные, обозначающие вещества, в норме имеют форму только одного числа (главным образом, единственного). Возможное изменение формы числа (ед. → мн.) приводит у вещественных существительных к определенной трансформации их лексического значения (ср.: *снег* → *снега* и т. п.). Лексико-грамматические разряды, следовательно, — это группировки слов, выделяемые на основе учета взаимодействия собственно лексических и грамматических компонентов словесной семантики. Лексико-грамматические разряды слов — «это такие подклассы данной части речи, которые обладают общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий» [Русская грамматика, 1980, I, с. 459]. Впрочем, принципы выделения лексико-грамматических разрядов разработаны пока недостаточно¹⁵⁷, и трудно сказать, в рамках всех ли по крайней мере знаменательных частей речи можно отчетливо выделять лексико-грамматические разряды. По традиции о лексико-грамматических разрядах обычно говорят в связи с существительными, прилагательными и наречиями¹⁵⁸ (по отношению к этим частям речи можно говорить о более или менее единой традиции выделения в их составе соответствующих лексико-грамматических разрядов).

¹⁵⁷ О принципах выделения лексико-грамматических разрядов см., напр.: [Бондарко, 1976, с. 155–203].

¹⁵⁸ Ср., однако: [Моисеев, 1980], где лексико-грамматические разряды выделяются в рамках всех, в том числе и служебных, частей речи.

Классификации слов и словоформ не могут быть сведены только к классификации по частям речи и лексико-грамматическим разрядам. Слова и словоформы можно разбивать по семантическим основаниям, по типам формоизменения, по охарактеризованности их морфологическими категориями, по типу выполняемых синтаксических функций и др. (слово, как говорилось, — объект многоаспектный).

Важной для морфологии является классификация слов и словоформ по их охарактеризованности теми или иными категориями. Один из вариантов такой классификации, именуемой морфологическими разрядами, предложен в академической грамматике 1980 г. «Морфологические разряды — это объединения морфологических форм слов на основе общности их словоизменительных морфологических значений, а также тех формальных средств, с помощью которых эти значения выражаются» [Там же, с. 459]. Так, выделяется «разряд форм, выражающих только значение падежа» (*кто, что, три, пять* и др.), выражающих значение падежа и числа (*я, вы, щипцы* и др.); выражающих значение рода и падежа (*два, оба, полтора*) и т. п.

Морфологические разряды — это не подклассы слов и словоформ в рамках только отдельно взятой части речи. Морфологические разряды — группировки, объединяющие словоформы как одной, так и разных частей речи (как, например, разряд, выражающий значения рода и числа; он объединяет краткие формы прилагательных и страдательных причастий, формы прошедшего времени и сослагательного наклонения глагола и др.). Эта классификация среди прочего отражает имеющиеся связи между частями речи.

Нельзя сказать, что морфологические разряды — это абсолютно бесспорная и четкая классификация. В ней есть дискуссионные моменты, определяющиеся, в частности, тем, что она исходит из характеристики словоформ по тем или иным категориям как из предварительно установленного факта. Но сам факт характеристики может подвергаться сомнению. Например, местоимения *кто, что* (и их производные типа *кто-то, что-то, кое-кто, кое-что*) иногда рассматриваются как охарактеризованные по роду (соответственно м. и ср. рода [Грамматика, 1970, с. 331]), и в таком случае эти слова попадают не в разряд, охарактеризованный только по падежу (см. выше), но в разряд, характеризующийся падежом и родом. Имеются спорные проблемы, связанные с характеристикой по одушевленности — неодушевленности существительных, прилагательных, а также адъективного типа местоимений и числительных, причастий [см., напр.: Бондарко, 1976, с. 163, 184–189; Булыгина, Шмелев, 1997, с. 28–29; Камынина, 1999, с. 40–42, 88; Милославский, 1981, с. 115; Степанов 1975, с. 122–130], связанные с местоименными наречиями типа *здесь, куда, везде, тогда* (которым приписывается категория падежа, см., напр.: [Гард, 1985; Булыгина, Шмелев, 1997, с. 355]) и т. д. Следовательно, морфологические разряды — это классифи-

кация, лишь итожащая то, что сделано на предварительном этапе — этапе выявления категорий у соответствующих слов и словоформ. Принципы же выявления категорий устанавливает теория категорий, а теоретически понятно, что в силу многоаспектности категорий их однозначная фиксация далеко не всегда возможна.

* * *

Традиционная лингвистика (а структуральная лингвистика — в первую очередь) при описании языка работает в основном с классами (категориями). Может ли существовать другой — не оперирующий классами — способ описания, это вопрос теории познания. Пока классификация (категоризация) является главным инструментом лингвистической интерпретации¹⁵⁹. При этом не остается незамеченным тот факт, что язык навязывает иные, по сравнению с «научными», способы классификации. Типичный пример этому — классификация слов по частям речи. В противовес «научным» классификациям (т. е. классификациям, построенным на строго едином основании) на первый план в теории языкознания выдвигаются несимметрично построенные классификации. Попытки представить части речи, морфологические категории в качестве классов, имеющих единое основание выделения, как полагают, не имеют перспективы¹⁶⁰. После того как С. И. Карцевский сформулировал такое свойство языкового знака, как асимметричность, выстраивание логически строгих и симметричных классификаций знаков не может рассматриваться в качестве эталонного способа их интерпретации. Однако и предлагаемые в настоящее время принципы классификации многомерных языковых объектов не лишены противоречий. Все это означает только одно: наука, в том числе и лингвистика, всегда находится в поиске. Есть такой феномен, как язык, и есть его интерпретации. С одной стороны, интерпретации нельзя выдавать за интерпретируемое явление, с другой — без интерпретаций не обойтись, поскольку «чистого», не интерпретирующего познания, по-видимому, не существует¹⁶¹. Интерпретации всегда ограничены, накопление определенной суммы фактов приводит к изменению интерпретаций, к изменению вектора интерпретаций. Настоящее время отмечено отчетливым

¹⁵⁹ «Нет ничего более базового для нашего мышления, восприятия, действий и речи, чем категоризация» [Лакофф, 2004, с. 20].

¹⁶⁰ «Но коль скоро мы стремимся к тому, чтобы отнести каждое слово к определенному классу, нам вряд ли удастся заменить эту (частеречную. — *Авт.*) классификацию более удачной. Попытки установить строго логическую систему разграничения в о б щ е н е с о с т о я т е л ь н ы (разрядка наша. — *Авт.*)» [Пауль, 1960, с. 415].

¹⁶¹ «Человек — это прежде всего интерпретирующее существо. Действительность конструируется социально, в процессе своего генезиса объединя интерпретативную активность индивида с исторически сложившимися контекстами и динамикой социума» [Макаров, 2003, с. 60].

поворотом вектора лингвистических интерпретаций в сторону речевой деятельности, в сферу субъекта языковой деятельности. Язык пытаются описывать не в виде неких схем, таблиц, существующих, так сказать, «самих по себе», а как объект, отражающий свойства использующего его человека (в том числе отражающий такое важное свойство человека, как субъективность)¹⁶². Человек — не логическая машина¹⁶³, и языковая категоризация, соответственно, не может строиться только на логических принципах. Один из примеров тому — классификация слов по частям речи. Попытки построить более строгие частеречные классификации или попытки вовсе отказаться в лингвистическом описании от частеречной классификации оказались неплодотворными. Эмпирическая классификация слов по частям речи — классификация «неточная»¹⁶⁴, колеблющаяся в своих очертаниях — не только показала свою жизнестойкость, но явилась одним из тех «фактов», которые привели к изменению вектора лингвистических исследований. Аналогичное можно сказать и о тех классификациях, которые называются морфологическими категориями: далеко не все морфологические категории предстают в виде последовательно выстроенных классов.

Заклучая все сказанное выше, отметим, что предмет морфологии можно понимать и узко, и широко. Для отечественной традиции характерна широкая трактовка предмета морфологии. Ср.: «Морфология есть часть лингвистики, занимающаяся словом во всех его релевантных (существенных. — *Авт.*) аспектах» [Мельчук, 1997, с. 30]¹⁶⁵. Широкое понимание описываемого предмета вряд ли способствует большей строгости описания, однако, как уже отмечалось, это не всегда является недостатком описания.

¹⁶² «Решительное, определяющее сущность нового времени переплетение двух процессов, а именно процесса превращения мира в образ (мира. — *Авт.*), а человека в субъект, проливает вместе с тем свет и на основной происходящий в историческом совершении нового времени процесс, на первый взгляд кажущийся почти абсурдным и противосмысленным. А именно: чем полнее во всем своем объеме и во всех своих частях обретается мир в распоряжение человека как мир, завоеванный человеком, чем более объективным выходит на свет объект, тем более субъективным оказывается *subiectum* и тем настоятельнее поднимает он голову, с тем большей безудержностью преобразуется наблюдение мира и учение о мире в учение о человеке, в антропологию» [Хайдеггер, 1993, с. 150].

¹⁶³ «...Мышление и рассуждение существенно связаны с природой мыслящего организма — включая природу его тела, взаимодействие с его окружением, его социальный характер и так далее...» [Лакофф, 2004, с. 15].

¹⁶⁴ Ср. весьма выразительное, внешне парадоксальное мнение о соотношении строгости и точности применительно прежде всего к «общественным» наукам: «...Все науки о духе... должны быть неточными именно для того, чтобы оставаться строгими» [Хайдеггер, 1993, с. 139].

¹⁶⁵ «...Впрочем, полного единства взглядов по поводу того, какое содержание в него (в термин «морфология». — *Авт.*) следует вкладывать, в лингвистике нет до сих пор» [Плунгян, 2000, с. 13].

§ 1. Существительное как часть речи

Семантическая специфика существительного. Существительное как часть речи объединяет слова, которые с точки зрения лексической семантики охватывают разнообразные понятия, представляя их в предметном виде. «Историческим ядром существительных были названия предметов в прямом, физическом смысле слова (слова вроде *камень, копье*, названия животных, растений, людей и т. п.)» [Маслов, 1987, с. 158]. Распространенная и давняя точка зрения состоит в том, что существительные обозначают предметы: «уже один смысл заставляет нас подводить то или другое слово под данную категорию: если мы знаем, что *какаду* — название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное» [Щерба, 1957, с. 66].

Вместе с тем хорошо известно, что существительные могут обозначать не только конкретные предметы, но и названия отрезков времени (*день, сутки, век*), отвлеченные понятия (*красота, молодость, уют*), свойства и качества без упоминания их носителей (*смелость, красота, притворство*), действия в отвлечении от их производителей и вне связи с их временным протеканием (*езда, пение, жатва*), отношения (*зависимость, связь*), события, факты, ситуации (*наводнение, война, пожар*) и т. д.¹ Таким образом, любое существительное, каким бы ни было его индивидуальное лексическое значение, представляет все, что им названо, наподобие предмета², т. е. выражает понятие как о п р е д м е ч е н н о е [Исаченко, 2003, с. 47]. В соответствии с таким толкованием категориальное значение существительного определяется термином «предметность» («предмет в широком (грамматическом) смысле слова»).

¹ Столь широкий диапазон лексических значений, свойственных существительному, предопределил иную точку зрения: «...специфической семантики у существительного как части речи нет» [Панов, 1999, с. 164].

² «...Любое существительное, даже если оно обозначает не отдельную вещь или предмет внешнего мира (т. е. нечто обладающее известной самостоятельностью или отдельностью и в объективной действительности), а качество, действие, отношение или любое отвлеченное понятие (т. е. нечто в объективной действительности такой самостоятельностью не обладающее), — все же представляет это качество, действие, отношение и т. д. таким же самостоятельным или отдельным предметом мысли, каким оно всегда представляет отдельную вещь или предмет внешнего мира» [Стеблин-Каменский, 1974, с. 23].

У слов, называющих вещи, людей, животных, растения и т. п. (*нож, книга, студент, учительница, кошка, верблюд, роза, баобаб* и т. п.), содержание их индивидуального лексического значения («предмет») совпадает с общим (категориальным) значением части речи («предметность»). Представляется, что в количественном отношении такие слова составляют лишь небольшую часть общего лексического корпуса имен существительных³. Однако их наличие и определяет категориальную специфику данной части речи: в семантическом плане отличие существительных от других частей речи проявляется в том, что у существительного обнаруживается присущая только ему сфера обозначения — конкретные материальные предметы. Эти слова могут быть только существительными, они и составляют лексическое ядро этой части речи. «Непредметные» же слова со схожим лексическим значением могут быть как в составе существительных, так и в составе других частей речи, ср.: *свежесть* и *свежий, ходьба* и *ходить, тройка* и *три* и т. д.

Категориальное значение предметности присуще всем существительным независимо от их индивидуального значения, следовательно, это обусловлено уже не лексическими, а словообразовательными и грамматическими свойствами слов. Так, слово *быстрота* лексически обозначает признак-качество (ср. *быстрый*), но одновременно выражает и предметность. Наличие последнего значения связано с тем, что слово имеет как словообразовательные (суффикс *-от-*), так и грамматические признаки, присущие существительному: оно принадлежит к субстантивному женскому роду, употребляется в форме ед. числа и так же изменяется по падежам, как, например, и слово *рука*; в предложении может быть подлежащим или дополнением и способно функционировать в сопровождении согласованного определения (*Этого футболиста отличала удивительная быстрота*). Таким образом, «грамматическое значение предметности объединяет все существительные, “подавляя” частные лексические различия отдельных, пусть и обширных групп» [Буланин, 19766, с. 29].

Семантическая специфика предметности заключается в том, что существительное всегда представляет любую субстанцию в качестве носителя некоей суммы признаков [Пешковский, 1938, с. 152; Есперсен, 2002, с. 82; Камынина, 1999, с. 34], не обязательно названных в нем: «В слове *снег* выражена определенная сумма признаков, из которых ни один не назван» [Пешковский, 1920, с. 66; цит. по: Камынина, 1999, с. 34]⁴. Общее значение предметности полнее всего выражается

³ Это положение нуждается в проверке, поскольку под таким углом зрения лексический корпус имени существительного как части речи, насколько нам известно, не описан.

⁴ Ср.: «Прилагательное обозначает и выделяет одно качество, одно характерное свойство, а существительное для всякого, кто его понимает, включает в себя много характерных черт; по ним слушатель узнает лицо или предмет, о котором идет речь. В чем состоят эти черты, как правило, не указывается в самом названии; даже в случае описательного названия избираются лишь один-два наиболее важных признака, а остальные

словами *кто* и *что*: «Когда мы спрашиваем *кто* или *что*, мы не называем никакого предмета (да и не знаем его, иначе не спрашивали бы), а только показываем своим вопросом, что то, о чем мы спрашиваем, нам представляется как предмет, а не как качество или действие. Значит, в этих словах выступают не сами предметы, а как бы одна чистая предметность, чистая “существительность”, это идеальные существительные. Потому-то вопросы *кто*, *что*, *кого*, *чего* и т. д. и служат в школе мерками существительности» [Пешковский, 1938, с. 94].

Морфологические признаки существительного. Значение предметности имени существительного выражается морфологически категориями рода, числа и падежа, а также категорией одушевленности — неодушевленности⁵. Однако для существительных собственно морфологические признаки значимы в меньшей степени, чем для других основных частей речи: множество широко употребительных слов типа *пальто*, *такси*, *пони* лишены форм словоизменения, но семантика и синтаксическая сочетаемость этих слов (*новое пальто*, *удобное такси*, *упрямый пони*) не оставляют сомнения в их субстантивной природе⁶. Более того, если при выделении частей речи опираться только на морфологический критерий, то некоторые группы существительных обнаруживают более тесные связи с другими частями речи, нежели между собой. Так, существительные *pluralia tantum* (*сани*, *брюки* и т. п.) не имеют противопоставленных форм ед. и мн. числа и не относятся ни к мужскому, ни к женскому, ни к среднему роду, т. е. в морфологическом плане подобны числительным. Следовательно, основой для отнесения этой группы слов к существительным являются их семантические и синтаксические свойства [Милославский, 1981, с. 43].

Синтаксические свойства существительного. Самым ярким синтаксическим свойством существительного как части речи является возможность его употребления в сопровождении согласованного определения⁷, что обусловлено семантической спецификой пред-

признаки подразумеваются: ботаник очень легко узнает дикий гиацинт (по-английски *bluebell* — букв. «голубой колокольчик») или куст ежевики (по-английски *blackberry* — букв. «черная ягода»), даже если в данное время года у первого нет голубых цветов, а у второго черных ягод» [Есперсен, 2002, с. 82].

⁵ Следует заметить, что одушевленность — неодушевленность трактуется либо как лексико-грамматический разряд, либо как морфологическая категория. Проблемы характеристики существительного по одушевленности — неодушевленности рассматриваются в разделе, посвященном морфологическим категориям существительных.

⁶ Ср. вызывающую постоянные дискуссии категориальную принадлежность слов типа *хинди* (*язык хинди*) или *прыг* (*прыг в сторону*).

⁷ Этот признак назван «дистрибутивным»: «Главный синтаксический признак некоторого слова (или класса слов) — это его **дистрибуция**, т. е. указание того множества контекстов, в которых это слово (словоформа или лексема в какой-либо из своих словоформ) может выступать. Например, можно назвать **существительным** такое слово, которое может выступать в контексте ... *Этот _____ был очень тяжелым* (позиция недостающего слова отмечена прочерком)» [Тестелец, 2001, с. 127].

метности. Поскольку существительное всегда обозначает субстанцию как обладающую некоей суммой признаков, постольку и появляется возможность представления любого из этих признаков с помощью определения, выраженного прилагательным или другим словом, склоняющимся как прилагательное: *холодный ветер*, *читающий студент*, *моя книга*, *вторая лекция* и т. д.⁸

Если рассматривать существительное с точки зрения его употребления в качестве того или иного члена предложения, то можно сказать, что это полифункциональная часть речи: существительное может быть любым членом предложения, кроме простого сказуемого (т. е. оно не может занимать позицию глагола в личной форме).

Типичными синтаксическими функциями существительного принято считать функции подлежащего и дополнения (*Студентка читает книгу*).

Помимо этого, существительное может также входить в состав именного сказуемого (*Его сестра — студентка*); существительное в формах косвенных падежей (с предлогом или без него) может выступать в роли различного рода обстоятельств (*работать на заводе*; *приехать в апреле*; *опоздать по рассеянности*) и определителей (*книга брата*, *книга из библиотеки*), включая и роль приложения (*студентка-заочница*).

Существительное может быть употреблено не только в функции члена предложения, но и, например, в качестве обращения, а также во вводной позиции: *Он, государь* (обращение), *к несчастью* (вводное слово), *недостойн Ни милостей, ни вашего вниманья* (А. Пушкин)⁹.

Грамматическое значение предметности противопоставляет существительное всем другим частям речи в том плане, что в позиции существительного могут оказаться слова и словоформы других частей речи, а также словосочетания и предложения, например: *Это «если бы», отнесенное им к прошедшему, к невозможному, сбылось*

⁸ Однако в конкретных предложениях существительное далеко не всегда может распространяться определением (или распространителями других типов): *Он приезжал два раза в год* (определение к *год* невозможно). В других случаях, наоборот, использование существительного невозможно без определения, ср.: *Он приезжал в прошлом году два раза*. Особенности сочетаемости существительного с распространителями изучаются в теории «именных групп» [Всеволодова, 2000, с. 183–194; Тестелец, 2001, с. 112–113].

⁹ Существует взаимосвязь между лексическим значением существительных и их синтаксическим функционированием. Так, неперечисленные существительные типа *болезнь* широко используются в роли обстоятельств причины (*не пришел из-за болезни*), предметные же типа *береза* — очень ограниченно. При этом предметные существительные свободно выступают в роли обстоятельств места (*Дрозд устроился на березе*), а неперечисленные — очень ограниченно (*устроился на болезни*). В роли обращения в первую очередь могут выступать существительные личные (обозначающие людей (антропонимы), а среди них — имена собственные), во вторую очередь — зоонимы [см.: Всеволодова, 2000, с. 47–55].

(И. Тургенев); *За проценты не дадут, скажут: возьми так! А это «так» для меня нож острый* (А. Писемский); *Вот раздалось «ау!» вдалеке* (Н. Некрасов) [примеры из: Шахматов, 1941, с. 169; Грамматика русского языка, 1960, II, ч. 1, с. 383]; *Что ж? Идем или не идем? — Не хочу. — Это «не хочу» поразило Антона Прокофьевича* (Н. Гоголь); *Громкое: «Благодарствуйте, батюшка Алексей Степаныч!» огласило поляну...* (С. Аксаков). Случаи такого типа принято связывать с явлением субстантивации [см., напр.: Русская грамматика, I, 1980, с. 467] (о субстантивации см. ниже).

Согласно данному подходу, условием, достаточным для субстантивации, можно считать употребление любого слова в синтаксической позиции, типичной для существительного. Между тем контексты такого употребления (например, использование кавычек) свидетельствуют не об «опредмечивании» семантики соответствующих слов, а лишь об их цитировании (воспроизведении), т. е. об использовании слов в специфической функции самоназвания, обозначения самих себя [см., напр.: Богданов, 1997б, с. 134]. Иными словами, в таких условиях не слово подвергается переходу в другую часть речи, а лишь его «внешняя оболочка» (форма) воспроизводится в тех синтаксических позициях, которые обычны для существительного, почему данный процесс и может быть назван «формальной субстантивацией» («квазисубстантивацией») по аналогии с формальной трансляцией Л. Теньера [Теньер, 1988, с. 403–406]. Рассматриваемое явление отличается от собственно субстантивации (от перехода с л о в а в существительное, как это происходит, например, при субстантивации прилагательных и причастий) еще и в том отношении, что воспроизводимая «внешняя оболочка» может содержать самые разнообразные речевые отрезки. Цитируемые отрезки очень различаются и по значению (от общеупотребительных слов всех частей речи до окказиональных звукоподражаний и иностранных слов), и по структуре (от морфемы до сочетания предложений), ср.: *Вдруг среди чрезвычайной тишины в воздухе, слышим мы, ясно раздается его: «тпру, тпру», в близком от нас овраге* (И. Тургенев); *Иван Петрович завертелся на одном месте, замотал головой и, сделав ручкой «adieu»* (фр. ‘прощай’; в данном случае — прощальный жест. — Авт.), *побежал к себе* (А. Чехов); *А что собственно, Лариосик? Неловкий, нелепый неудачник — сплошное «не»* (журн.) [пример из: Русская грамматика, 1980, I, с. 467]; *Только на одну телеграмму Виктор не ответил. На телеграмму Лиды. Ее «Поздравляю, дорогой Витя. Хочу тебя повидать. Может быть, осенью приеду. Не сердись. Лидия» — не вызвало в нем никакой радости* (В. Кочетов) [пример из: Грамматика русского языка, 1960, II, ч. 1, с. 384]. По нашему мнению, примеры такого типа не следует рассматривать как субстантивацию. Здесь можно говорить лишь о возможности употребления разноструктурных языковых единиц (морфем, словоформ, сочетаний слов, предложений) в синтаксической позиции, типичной

для существительного, т. е. о чисто синтаксической сущности этого явления [ср.: Современный русский язык, 1999, с. 586].

Итак, имя существительное — это часть речи с грамматическим значением предметности, выражающимся морфологически в словоизменительных категориях числа и падежа, а также в несловоизменительных категориях рода и одушевленности — неодушевленности и проявляющимся синтаксически в способности существительного сочетаться с зависимым прилагательным и выступать в предложении в типичных для него функциях подлежащего и дополнения.

§ 2. Лексико-грамматические разряды существительных

В составе знаменательных частей речи выделяются подклассы слов, для которых характерна общность частных грамматических (в основном морфологических) проявлений, связанная с общностью компонентов их лексического значения. Эти подклассы называются лексико-грамматическими разрядами¹⁰. Важно подчеркнуть, что лексико-грамматические разряды не являются группировками, выделяемыми на основе только специфики лексического значения, поэтому причисление слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду может быть обоснованным лишь в том случае, если оно опирается на грамматические факторы. В противном случае следует говорить о семантических, но не о лексико-грамматических группировках слов¹¹.

Взаимосвязи между лексикой и грамматикой многообразны, но в морфологии, естественно, прежде всего изучаются те их аспекты, которые имеют отношение к морфологическим категориям, а не вообще к грамматике. Морфологический аспект дифференциации русских существительных обычно связывают с категорией числа.

Имена существительные делятся на следующие лексико-грамматические разряды: 1) нарицательные и собственные; 2) считаемые (исчисляемые) и не считаемые (неисчисляемые). Последние, в свою очередь, подразделяются на: а) собирательные, б) вещественные, в) отвлеченные, или абстрактные. С вещественными существительными связана словообразовательными отношениями группа единичных существительных (сингулятивов). Слова каждого из разрядов имеют общие морфологические, а в некоторых случаях и словообразовательные особенности. Поскольку принципы выделения разрядов различны, возникающие группировки пересекаются: каждое

¹⁰ «В лексико-грамматические разряды слова объединяются на основе тех компонентов лексического значения, которые влияют на формообразование (т. е. обуславливают частные грамматические свойства слов)» [Камынина, 1999, с. 38].

¹¹ Ср. другой подход, согласно которому определения «лексико-грамматические разряды» и «семантические категории» являются равнозначными [Чепасова, Чередниченко, 1999, с. 8–9].

существительное одновременно входит в несколько разрядов. Так, существительное *детвора* — это существительное нарицательное, неисчисляемое, собирательное; существительное *Иван* — собственное, исчисляемое. В другом аспекте абстрактные существительные противопоставляются всем остальным как конкретным.

Нарицательные и собственные существительные. Деление существительных на нарицательные и собственные, восходящее еще к античным грамматикам, опирается на различия в способе названия предмета. Наричательные существительные соотносятся с понятиями, и к ним относится большинство существительных из упомянутых выше групп, т. е. названия вещей, лиц, животных, растений, отвлеченных понятий, действий, свойств и качеств, событий и т. д.: *книга, студентка, кот, ландыш, здоровье, косьба, гроза* и т. д. Эти существительные называют предмет как принадлежащий к тому или иному классу, все члены которого могут именоваться одним словом, например: *река, мужчина, вершина*. Таким образом, нарицательные существительные выступают как обобщенные названия классов объектов, имеющих общие отличительные признаки. Поэтому, зная значение, например, существительного *река* 'постоянный водный поток значительных размеров...' [Ожегов, 1984, с. 601], можно безошибочно употреблять данное слово по отношению к любой реке, даже и к увиденной впервые. Собственные существительные, напротив, являются индивидуальными наименованиями единичных предметов, например: *Волга, Сергей, Эверест* (ср.: *река, мужчина, вершина*). Можно сказать, что такие имена собственные или лишены связи с понятием, или обладают признаковой структурой, организованной иначе, чем у имен нарицательных¹². Поэтому определить собственное имя незнакомой реки, незнакомому человека или незнакомой горной вершины только по их свойствам невозможно. Иногда имена собственные могут мотивироваться объективными свойствами и признаками обозначаемого предмета: *озеро Долгое, река Великая, издательство «Мальш»*.

¹² Вопрос о семантической интерпретации имен собственных много сложнее, чем принято считать. Так, вряд ли можно утверждать, что имя собственное *Обломов* только указывает на известный литературный персонаж, оно «обрастает» множеством коннотаций: «...когда мы говорим “Обломов”, мы можем, грубо говоря, разуть три значения этого слова: либо название известного произведения Гончарова, либо героя этого произведения, либо определенный тип человека. И вот в зависимости от того, читали ли мы Гончарова, насколько глубоко и по-своему поняли его и сблизили со своим культурным опытом, все три концепта будут в пределах контекста различаться по смыслу и “потенциям”. Тем не менее для всякого человека слово “Обломов” говорит чрезвычайно много» [Лихачев, 1997, с. 283]. О. Есперсен, обсуждая эту тему, приходит даже к заключению о том, что между именами собственными и именами нарицательными нельзя провести четкой границы [Есперсен, 2002, с. 70–77]. Очевидно, что имена собственные в сугубо семантическом плане неодинаковы и что их семантика многоаспектна. Интерпретация этой семантики не может быть сведена только к ссылке на ее непонятный характер. Однако данные проблемы уместнее обсуждать в курсе семантики.

Имена собственные можно разделить на две группы [Камынина, 1999, с. 38]:

1) имена собственные, называющие индивидуализированные объекты: а) географические и астрономические названия: *Россия, Санкт-Петербург, Волга, Крым, Подмосковье, Кавказ, Марс, Везь*;

2) имена собственные, сами индивидуализирующие объект, выделяя его из числа однородных предметов: а) существительные, называющие имена, отчества, фамилии и прозвища людей (*Саша, Иван, Нина, Петрович, Тимофеевна, Чайковский, Морозова, Орленок* — прозвище Н. Островского, *Копченый* — прозвище одного из персонажей телесериала «Место встречи изменить нельзя»); б) клички животных (*Капитанка, Муму, Жучка, Барсик, Холстомер*); в) названия произведений литературы и искусства, издательств, предприятий, обществ и т. д. (пьеса *«Гроза»*, кинофильм *«Звезда»*, издательство *«Прогресс»*, фабрика *«Большевичка»*, общество *«Зенит»*).

В функции индивидуального наименования (2, в) (особенно если речь идет о названиях произведений литературы и искусства и о различных заголовках) могут выступать не только собственные существительные, имеющие все грамматические признаки субстантивных слов (*«Мать»*, *«Бесприданница»*), но и неизменяемые слова (*«Накануне»*), глаголы (*«Переселил»*), числительные (*«Двенадцать»*), разного рода сочетания слов и словосочетания (*«Война и мир»*, *«Хожение по мукам»*, *«Забитые люди»*), целые предложения (*«Кому на Руси жить хорошо»*, *«Когда же придет настоящий день?»*, *«Летят журавли»*). Таким образом, среди заголовочных наименований следует различать такие, которые являются типичными существительными (*«Обрыв»*, *«Мать»*, *«Зеркало»*), и такие, которые таковыми признать нельзя (*«Двенадцать»*, *«Война и мир»*, *«Кому на Руси жить хорошо»*). Для наименований, по форме не являющихся существительными, во-первых, характерна лишь «формальная субстантивация», в силу чего очевидны трудности их морфологической характеристики по роду, числу и падежу¹³. Во-вторых, такого типа индивидуальные наименования специфичны и в синтаксическом отношении: для них типичной является синтаксическая позиция приложения (*в замечательной поэме «Двенадцать»*, *во всемирно известном романе «Война и мир»*), поэтому они, как правило, не могут определяться прилагательными (ср. маловероятность таких сочетаний, как *в замечательной «Двенадцать»*, *во всемирно известном (известной) «Войне и мире»*¹⁴ и т. д.).

Морфологическое своеобразие собственных существительных обусловлено их семантикой и заключается в отсутствии соотноси-

¹³ См.: [Буланин, 1976б, с. 31–34].

¹⁴ Индивидуальные наименования, выраженные склоняемыми словосочетаниями типа *Новый Орлеан*, могут свободно принимать определение (*в этом шумном Новом Орлеане*).

тельных форм числа: эти слова употребляются либо только в ед. (*Волга, Кавказ*), либо только во мн. числе (*Гавайи, Карпаты*). Следовательно, противопоставление нарицательных и собственных существительных (ср.: *река* и *Волга*) сводится к тому, что первые имеют формы как ед., так и мн. числа, тогда как вторые обладают формами только одного числа. Действительно, вряд ли можно признать нормативным использование существительного *Волга* в форме мн. числа *Волги*, хотя для этого не существует никаких собственно грамматических запретов, а ограничения на формы множественного числа являются внязыковыми¹⁵. Кроме того, в некоторых случаях можно отметить определенные различия в семантике числа у собственных и нарицательных существительных: *«Ивановы, Крестовские»* и т. д. являются названиями родов и представляют из себя своего рода *pluralia tantum* [Щерба, 1957, с. 69]. Вместе с тем формальная оппозиция по числу между именами собственными и нарицательными не является более или менее устойчивой. Ср.: имена собственные, «к а к п р а в и л о (разрядка наша. — *Авт.*), не употребляются во множественном числе» [Там же]; имена типа *Коля, Нина, Василий*, безусловно, относятся к собственным, но могут употребляться во мн. числе: *В нашем отделе было пять Ир; братья Жемчужниковы; супруги Петровы*¹⁶. Ограниченность употребления множественного числа имен собственных связана с их конкретной референцией: называя лицо, они не заключают в себе никакой информации о нем, не связаны в сознании говорящих с комплексом отличительных признаков класса лиц, иными словами, за ними не закреплено никакого понятийного представления. Эта семантическая особенность препятствует регулярному использованию форм мн. числа от личных имен.

Однако и нарицательные существительные тоже далеко не всегда имеют формы обоих чисел (*молодежь, сани*). Таким образом, можно заключить, что эта оппозиция слабо грамматикализована¹⁷: разграничение нарицательных и собственных существительных основывается

¹⁵Ср. окказиональное употребление слова *Волга* в форме мн. числа: *Да ведь ты знаешь, что я не имею средств развезжать по Волгам* (И. Репин); пример из: [Трофимов, 1957, с. 26]. Здесь форма множественного числа лексически существенно отличается от исходной формы (что вообще свойственно существительным, преимущественно функционирующим в единственном числе, см. ниже), так как обрастает множеством коннотаций (этот пример является еще одной яркой иллюстрацией семантической и функциональной многоаспектности имен собственных).

¹⁶Это один из факторов, обусловивших деление всех существительных в настоящей работе на считаемые (исчисляемые) и не считаемые (неисчисляемые). Категорию считаемости, правда без противопоставления не считаемости, по-видимому, первым ввел в описание русской грамматики А. А. Шахматов [Шахматов, 1941а, 436–437].

¹⁷Вместе с тем нужно сказать, что имена собственные обнаруживают ряд словообразовательных и других особенностей, которые не свойственны нарицательным именам, как, например, наличие «уменьшительных», или «ласкательных», имен, образованных с помощью суффиксов *-и(а)* и *-н(я)*: *Саша* (от *Александра*) и *Тоня* (от *Антон* и *Антонина*) [см.: Виноградов, 1986, с. 75–77].

вается в большей степени на их лексических свойствах, нежели чем на морфологических.

Граница между именами нарицательными и собственными не является непроходимой, и между этими разрядами наблюдается тесное взаимодействие. Разряд имен собственных активно пополняется за счет существительных нарицательных¹⁸: *Восток* (восточные страны), *Горки, Броды* (названия населенных пунктов), *Близнецы, Рыбы* (созвездия), *«Табакерка»* (название театра), *«Волга»* (марка автомобиля). Возможен и переход собственных существительных в нарицательные, основанный на употреблении существительных как обобщенного названия класса однородных предметов (*галифе, макинтош, наган*) или типа людей: *Мы... твердо были уверены, что имеем своих Байронов, Шекспиров, Шиллеров, Вальтер Скоттов* (В. Белинский); ср.: *держиморда, донжуан, ловелас, ментор, меценат, Ванька* (прозвище извозчика в дореволюционной России), *ванька-встанька* (игрушка).

Собирательные, вещественные и отвлеченные (абстрактные) существительные. Эти лексико-грамматические разряды субстантивных слов связаны с противопоставлением считаемых (исчисляемых) и не считаемых (неисчисляемых) существительных. Считаемые существительные представляют собой названия предметов или лиц, которые могут быть представлены в отдельности и подвергнуты счету при помощи количественных числительных (*один год, две лошади, три Ивана*). Абсолютное большинство считаемых существительных имеют соотносительные формы числа (*баиня – баини*). Некоторые считаемые существительные имеют только формы мн. числа (*сани, сутки, часы*), но также допускают счет, хотя и несколько особым: *одни часы, двое, трое... сто часов*. Несчитаемые (собирательные, вещественные и отвлеченные) существительные исключают противопоставление «один – несколько», не сочетаются с количественными числительными и имеют преимущественно форму только ед. числа (*дворня, листва, золото, мука, синева, справедливость*).

Собирательные существительные. Собирательные существительные обозначают совокупность однородных предметов и лиц как неделимое целое (*тряпье, листва, зверье, жулье, юношество*). Являясь разновидностью неисчисляемых субстантивных слов, собирательные существительные тем не менее допускают дробные количественные определения (*половина клиентуры, треть (всего) крестьянства*), могут сочетаться с количественными наречиями *много, мало (много зверья, мало листвы)*¹⁹.

¹⁸«Только очень немногие имена собственные были таковыми всегда <...>, большинство же целиком или частично восходят к именам нарицательным в специализированном значении» [Есперсен, 2002, с. 76]; «Большинство собственных имен по своему происхождению являются мотивированными; то же имя Эдуард у древних германцев, например, означало «хранитель благ»» [Плунгян, 2000, с. 241].

¹⁹Последнее, однако, характерно не для всех собирательных существительных; ср. напр.: *крестьянство, пролетариат*.

У большинства существительных данного разряда значение собирательности связано с наличием в их структуре таких словообразовательных суффиксов, как: *-ств(о)* (*крестьянство, казачество*); */-j/* (офогр. слова на *-ьё*: *жульё, вороньё*); *-н(я)* (*дворня, матросня*); *-ник(о)*, *-няк(о)* (*ельник, дубняк*); *-ур(а)* (*агентура, аппаратура*); *-в(а)* (*братва, листва*); *-ат(о)* (*пролетариат, старостат*); *-от(а)* (*беднота*); *-итет(о)* (*генералитет*); *-ёж(о)* (*молодёжь*); *-цин(а)* (*военщина*); *-и/ј/-* (орфогр. слова на *-ия*: *пионерия, аристократия*). Среди собирательных существительных, мотивированных прилагательными, выделяется группа слов, внешним признаком которой служит чередование твердого конечного согласного основы с мягким (*чернь, рвань* и т. п.) или чередование заднеязычного с шипящим (*ветошь, мелочь* и т. п.).

Другие существительные (меньшая группа) выражают собирательность лексически и морфологически (отсутствием форм мн. числа), но не словообразовательно: они не обнаруживают в своей морфологической структуре специальных суффиксов (*знать, рвань, хлам, нечисть, ботва, погань, мебель*²⁰).

Семантико-грамматические особенности собирательных существительных особенно очевидны, когда слову с собирательным значением соответствует считаемое существительное, имеющее формы обоих чисел, т. е. можно построить трехчлен типа *лист* (один предмет — форма ед. числа) — *листья* (два и более предметов — форма мн. числа) — *листва* (много предметов — форма ед. числа). Ср.: *зверь — звери — зверьё; профессор — профессора — профессура*²¹ и т. п. Иногда для построения такого трехчлена приходится использовать приблизительное соответствие: *тряпка — тряпки — тряпьё, дворовый — дворовые — дворня*. В некоторых случаях трехчлен может быть построен лишь на основе условных сопоставлений: *молодой человек — молодые люди — молодёжь, предмет мебели — предметы мебели — мебель*. Для некоторых слов (*хлам, мусор, бакалея, публика*) нельзя обнаружить даже такого условного соотношения. Отнесение последних к собирательным существительным наименее очевидно, хотя налицо собирательная семантика, морфологически поддерживающая отсутствием соотносительных форм мн. числа.

К собирательным относят и некоторые существительные *pluralia tantum*: *кудри, финансы, хлопья, дёбри* и т. п., также обозначающие совокупность чего-либо. Однако форма мн. числа оказывается менее

²⁰ Перечисленные существительные следует отличать от существительных *народ, полк, толпа, стая, куча*, которые хотя и обозначают совокупность лиц, живых существ или предметов, но имеют соотносительные формы числа и должны быть охарактеризованы как слова считаемые [см.: Современный русский язык, 1964, с. 27; Буланин, 1976б, с. 39].

²¹ На основании этого трехчлена, выражающего суть собирательности, делают вывод о том, что «в собирательном множественности передается в форме единственного числа грамматически» [Реформатский, 1960, с. 394].

«приспособленной» для воплощения идеи собирательности, следствием чего и являются расхождения в имеющихся решениях относительно тех или иных существительных *pluralia tantum*. Так, существительные типа *прятки, чары* интерпретируются то как собирательные, то как отвлеченные. Очевидно, что решение зависит не от морфологических свойств данных существительных, а от интерпретации их лексических особенностей. Если собирательность усматривать только у существительных, обозначающих материальные объекты, то существительные *прятки, чары* и т. п. не относятся к собирательным. Более широкое толкование объема собирательных существительных (т. е. с отнесением к ним и существительных *pluralia tantum*) не отменяет, однако, того факта, что центром поля собирательных существительных являются существительные *singularia tantum*, обозначающие совокупность материальных объектов.

Вещественные существительные. Вещественными существительными называются такие несчитаемые субстантивные слова, которые обозначают предметы, лишённые определенной формы и точных границ, т. е. «однородные делимые массы» [Русская грамматика, 1980, I, с. 462]. Сюда входят следующие тематические группы слов: названия пищевых продуктов (*дрожжи, сметана*), материалов (*цемент, гипс*), тканей (*бязь, шелк*), полезных ископаемых и металлов (*нефть, уголь, железо, медь*), химических элементов, лекарств (*литий, полоний, анальгин, корвалол*), сельскохозяйственных культур (*свекла, арахис*) и др. Значение вещественности включает в свой состав сему «материальность», поэтому вещества как материальные сущности поддаются количественному измерению с помощью существительных, обозначающих объем, меру, вес, совокупность и т. п.: *литр вина, метр полотна, грамм золота, стакан молока, вязанка хвороста*. Вещественные существительные свободно сочетаются с количественными наречиями: *много чернил, мало воды*²². В словообразовательном отношении большинство вещественных существительных представляют собой немотивированные слова. Можно отметить лишь несколько суффиксов, характерных для немногочисленных групп мотивированных слов: *-ин(а)* (*конина, оленина*); *-ит(о)* (*лазурит, вольфрамит*); *-ин(о)* (*ванилин, ватин*); *-ик(а)* (*черника, земляника*); *-иц(а)* (*горчица, кислица*); *-ец(о)* (*сырец, холодец*); *-ев(о)* (*курево, варево*).

Специфическое значение вещественных существительных поддерживается их некоторой грамматической спецификой.

1. Как правило, данные существительные не изменяются по числам и употребляются либо только в форме ед. числа (*молоко, сено,*

²² Следует заметить, что эти существительные обозначают вещества, поддающиеся измерению, но не счету: в разговорных выражениях типа *два кефира, две свишины*, обычных для ситуации выбора блюд в кафе, ресторане и т. п., вещественные существительные приобретают значение «порция чего-л.» и переходят в разряд считаемых.

уголь, железо), либо только в форме мн. числа (*дрожжи, сливки, белила, чернила*). Вместе с тем, в отличие, например, от собирательных существительных, для них не исключены формы мн. числа, которые в отношении лексического значения обособлены от форм ед. числа: в этом случае форма мн. числа не обозначает множество предметов, а обретает дополнительные оттенки значения. Так, формы мн. числа достаточно регулярно употребляются в значении указания на виды и сорта вещества: *крупя* ‘цельное или дробленое зерно растений, употребляемое в пищу’ — *крупы* ‘различные сорта крупы’; *вино* — *вина* (например, сухие, десертные); *масло* — *масла* (например, растительные, животные, технические) и т. п. В отдельных случаях формы мн. числа вещественных существительных передают значение большой массы вещества или пространства, занимаемого веществом: *песок* — *пески*, *овес* — *овсы*, *снег* — *снега*, *лёд* — *льды*. В случаях типа *цеголять в шелках, жемчугах* или *коллекция эмалей* формы мн. числа обозначают нерасчлененное множество изделий из данного вещества.

2. В случаях употребления при переходном глаголе регулярно противопоставляются формы род. падежа со значением части вещества²³ (*выпить воды* ‘какое-то количество, но не всю воду’) и формы вин. падежа со значением охвата всего вещества (*выпить воду* ‘всю воду’).

3. Некоторые вещественные существительные м. рода в род. падеже могут иметь наряду с окончанием *-а(я)* также окончание *-у(ю)*. Окончание *-у(ю)* связано с употреблением этих слов в количественном значении: *вязанка хворосту, стакан чаю, килограмм мёду* (форма род. падежа в нечисловом значении образуется при помощи флексии *-а(я)*: *треск хвороста, запах чая, вкус мёда*). Следует, однако, иметь в виду, что, во-первых, указанное соотношение флексий не выдерживается у слов ж. (*глина, известь*) и ср. рода (*железо*), а во-вторых, в современном русском языке наблюдается активное вытеснение формы на *-у(ю)* формой с флексией *-а(я)*.

Еще одной характерной особенностью вещественных существительных является их способность выступать в качестве мотивирующего слова при образовании единичных существительных (сингулятивов, от лат. *singularis* — ед. число): *трава* — *травинка, солома* — *соломинка, горох* — *горошина*. Единичные существительные относятся к разряду считаемых существительных²⁴ и характеризуются

²³ Род. падеж с частичным значением встречается и у некоторых собирательных существительных: *накупить обуви*.

²⁴ «...Имена существительные единичные (сингулятивы) образуют словообразовательные разряды, ср. *пылинка, бусинка, песчинка, соломинка* и т. п., но не составляют особого лексико-грамматического разряда, так как с грамматической точки зрения они не отличаются от других конкретных (о предпочтительности выделения разряда считаемых, а не конкретных существительных см. ниже. — *Авт.*) существительных» [Бондарко, 1976, с. 172].

ются специфическими суффиксами: *-ин(а)* (*картофелина, виноградина*); *-инк(а)* (*росинка, овсинка*); *-к(а)* (*паутинка, чешуйка*); *-иц(а)* (*крутица*). Соотносительные единичные существительные образуются не от всех вещественных существительных: сингулятивы образуются от слов, обозначающих не аморфные вещества, а так или иначе структурированные. Поскольку эти слова обозначают вещество, состоящее как бы из отдельных частичек (*снег* — из снежинок, *трава* — из травинки и т. д.), то по отношению к сингулятивам они воспринимаются как собирательные. Об этом свидетельствует возникающий трехчлен типа *чаинка* — *чаинки* — *чай*, *пылинка* — *пылилки* — *пыль*. Однако слова вроде *чай, дробь, горох, песок, хворост, изюм, зелень* (‘некоторые овощи и травы, употребляемые в пищу’), *виноград, земляника, клубника* и т. п., с одной стороны, отличаются от «типичных» вещественных (*сметана, масло, керосин, воск*), которые обозначают вещество как некую однородную массу, с другой стороны, они отличаются и от «типичных» собирательных (*крестьянство, аппаратура, молодежь, дворня*), которые не обладают значением вещества. Все это приводит к разногласиям при отнесении слов этого типа к собирательным или вещественным [Буланин, 1976б, с. 40–43; Моисеев, 1980, с. 130–131]. «Есть основания признать, что слова типа *горох, пыль* являются своего рода гибридом вещественности и собирательности, т. е. вещественно-собирательными существительными» [Буланин, 1976, с. 43].

Отвлеченные существительные. Отвлеченные (абстрактные) существительные обозначают разного рода нематериальные сущности, т. е. действия, признаки, качества, свойства, а также отвлеченные понятия: *езда, синева, злоба, отдых, сознание, ложь, уют, оппортунизм, агностицизм, категоричность*. Будучи разновидностью неисчисляемых существительных, слова с отвлеченным значением, как правило, употребляются только в форме единственного числа (*любовь, лень, усердие, трезвость*) и гораздо реже только в форме множественного числа (*козни, побои*). В отличие от слов с вещественным значением, свободно сочетающихся с неопределенно-количественными определителями, отвлеченные существительные сочетаются с ними избирательно. Ср. вполне допустимые сочетания *много / мало беготни, доброты, смеха, новизны* и невозможные словосочетания *много / мало феодализма, крутизны, мест*.

Большая часть отвлеченных существительных — это слова, мотивированные прилагательными и глаголами и образованные с помощью многочисленных суффиксов: *-ость* (*грубость*), *-есть(о)* (*свежесть*), *-ств(о)* (*меньшинство*), *-ицн(а)* (*кустарщина*), *-чин(а)* (*рекрутчина*), *-изм(о)* (*агностицизм*), *-и/ь/-(е)* (орфогр. слова на *-ие*: *равнодушие*), *-от(а)* (*глухота*), *-изн(а)* (*новизна*), *-ин(а)* (*кручина*), *-ни/ь/-(е)*, *-ени/ь/-(е)*, *-ти/ь/-(е)* (орфогр. слова на *-ние, -ение, -тие*: *наказание, терпение, извлечение, развитие*), *-к(а)* (*плавка*) и др. [подр. см.: Русская грамматика, 1980, I, с. 462]. Меньшую часть отвлеченных

существительных составляют немотивированные слова: *боль, обман, ум, нрав, ужас, лень, печаль, месть*.

Отвлеченные существительные могут развивать вторичные значения, связанные с наименованием конкретных явлений и предметов. Ср.: *сооружение памятника — величественное сооружение; крутизна склона — стоять на крутизне; умственный труд — научный труд* ('результат деятельности, произведение') и т. п.²⁵

По традиции отвлеченным существительным нередко противопоставляются конкретные существительные, выделяемые в самостоятельный лексико-грамматический разряд [Современный русский язык, 1964, с. 29; Моисеев, 1980, с. 132–133; Русская грамматика, 1980, I, с. 462; Шанский, Тихонов, 1987, с. 98]. Семантической спецификой конкретных существительных принято считать то, что они обозначают предметы, которые существуют «в виде отдельных экземпляров или особей» [Шанский, Тихонов, 1987, с. 98]. Однако степень «отдельности» называемых предметов может быть различной и зависит как от особенностей физической природы обозначаемых сущностей, так и от того, с помощью каких органов чувств (или без их участия) они воспринимаются человеком (ср. *яблоко, камень, книга и огонь, вихрь, дым, пожар, тень, сон, небо, весна, тема, вселенная*). Выясняется, что, опираясь только на значение, четко обозначенную границу между конкретными и абстрактными существительными установить трудно: есть много переходных и неясных случаев [Моисеев, 1980, с. 132–133]. Более надежным критерием отдельности (конкретности) становится возможность называемых сущностей подвергаться счету: «Конкретные существительные — это слова, называющие вещи, лица, факты и все явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности и подвергнуты счету (разрядка наша. — *Авт.*): *карандаш, кольцо, инженер, поединок, война*» [Русская грамматика, 1980, I, с. 462]. Легко заметить, что в данном случае термин «конкретные существительные» используется для обозначения считаемых существительных. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в случае противопоставления конкретных и отвлеченных существительных мы имеем дело с оппозицией по чисто семантическому признаку, которая никак не подкрепляется грамматически. Помимо этого, очевидно, что данное противопоставление выводится из более общего противопоставления считаемых (исчисляемых) и несчитаемых (неисчисляемых) существительных.

Подведем итоги обзора лексико-грамматических разрядов существительных. Распространенным является выделение в рамках существительных следующих лексико-грамматических разрядов:

²⁵ Во вторичном, конкретном значении такие существительные могут образовывать формы мн. числа (*древние сооружения, список печатных трудов*).

1) собственных и нарицательных; 2) конкретных и отвлеченных (абстрактных); 3) собирательных, 4) вещественных²⁶ [см.: Буланин, 1976б, с. 30; Русская грамматика, 1980, I, с. 460; Камынина, 1999, с. 42–45; Современный русский язык, 1999, с. 386]. При этом отмечается, что отвлеченные (абстрактные), собирательные и вещественные представлены только нарицательными существительными [Буланин, 1976б, с. 37]. При таком подходе принципы дифференциации нарицательных имен на лексико-грамматические разряды оказываются неприменимы к дифференциации собственных имен. Однако если для имен существительных в целом ввести деление на считаемые (исчисляемые) и несчитаемые (неисчисляемые), то часть имен собственных типа *Николай, Нина, Василий*, как уже указывалось, в эту оппозицию впишется. Помимо этого, противопоставление считаемых (исчисляемых) и несчитаемых (неисчисляемых) существительных связано с категорией числа (т. е. основано на грамматическом аспекте дифференциации русских существительных), и опора на него позволяет исключить из системы лексико-грамматических разрядов конкретные существительные, противоположение которых абстрактным опирается исключительно на семантический фактор. Таким образом, введение оппозиции считаемые (исчисляемые) / несчитаемые (неисчисляемые) существительные дает возможность подойти к выделению лексико-грамматических разрядов существительных с более строгих «грамматических» позиций.

§ 3. Категория одушевленности — неодушевленности

В основе разделения существительных на одушевленные и неодушевленные лежит представление о живом и неживом. Семантическая доминанта этого представления, используемая в его лингвистических описаниях, может определяться по-разному. Традиционное и несколько упрощенное толкование этой оппозиции для русского языка сводится к тому, что одушевленные существительные называют людей и животных (*сын, внучка, слесарь, ученица, пес, куница, воробей, синица, судак, стерлядь, жук, муха, животное*), а неодушевленные существительные называют все другие предметы и явления (*стул, лампа, яблоко, университет, роца, тундра, уверенность, событие, пробежка*) [Русская грамматика, 1980, I, с. 462].

Как видим, предложенное толкование не совпадает с научным представлением о различении живого и неживого в природе: к оду-

²⁶ Кроме того, к сфере описания лексико-грамматических разрядов традиционно относят оппозицию существительных по одушевленности — неодушевленности. В данном пособии, как уже отмечалось, эта оппозиция будет рассмотрена в разделе, посвященном морфологическим категориям.

шевленными существительными не относятся названия органического (живого), т. е. названия деревьев и растений (*ясень, береза, тюльпан, роза, трава* и т. п.)²⁷.

Не отвечает это разделению и бытовому отношению к живому и неживому: одушевленность представляет собой постоянный грамматический признак существительного, поэтому в грамматическом смысле любой поросенок (ср. *весело резвящийся и похрюкивающий поросенок* и *поджаренный поросенок*) или любая синица (ср. *перелетающая с ветки на ветку синица* и *замерзшая в стужу синица*) будут отнесены к одушевленным существительным (см. ниже).

Однако и языковое представление семантических оснований противопоставления «одушевленное — неодушевленное» тоже неоднозначно. Согласно мнению Л. Ельмслева, почти во всех языках мира данное различие наиболее отчетливо проявляется в употреблении местоимений, особенно в функционировании вопросительных местоимений [см. об этом: Басманова, 1977, с. 40]. Не случайно в российской школьной традиции преподавания грамматики дифференциация одушевленных и неодушевленных существительных по значению чаще всего связывается с характером вопроса (кто? или что?). И хотя метод постановки вопросов как критерий практического распознавания одушевленности — неодушевленности в целом ряде случаев не может быть использован (см. ниже), все-таки для носителя русского языка граница между этими понятиями осознается так: названия лиц (антропонимы) и названия животных, рыб, птиц и т. д. (фаунонимы) относятся к одушевленным (кто?), а к неодушевленным (что?) — все остальные названия. Для носителя, например, французского языка этот рубеж будет осознаваться иначе: «фаунонимы стоят ближе к названиям предметов, а не к антропонимам» [Там же, с. 52], поэтому на первый план выходит оппозиция 'лицо / предмет', т. е. семантически доминантным становится противопоставление людей всем прочим объектам²⁸. Но даже и в рамках одного языка семантическая граница между одушевленностью — не-

²⁷ «Языковая техника, отражая предшествующие стадии мышления, не всегда отвечает требованиям современной научной идеологии. Например, различие органической, живой и неорганической природы не находит отражения в грамматике современного языка (*растение, дуб, клен, липа, тростник* и т. п. оказываются для языка “предметами неодушевленными”») [Виноградов, 1986, с. 83]. Ср.: «Объем класса живых существ также неодинаков в разных культурах, так, в славянских языках (где признак одушевленности играет большую роль) деревья не входят в этот класс, а в алгонкинских языках — входят» [Плунгян, 2000, с. 153].

²⁸ Ср.: «В английском языке даже названия животных не включаются в категорию одушевленности, суживающуюся, таким образом, до границ категории лица» [Виноградов, 1986, с. 83]. Подытоживая, можно сказать, что если рассматриваемая система двучленна, то она практически всегда «имеет в качестве семантической доминанты либо личность (как в абхазском или табасаранском), либо одушевленность (таковы — с некоторыми отступлениями — системы хетто-лувийских, шведского и датского, алгонкинских и других языков)» [Плунгян, 2000, с. 153].

одушевленностью, если ее проведение связывается с реакцией существительных на вопрос кто? или что?, не может рассматриваться как жесткая. Ср., с одной стороны: *Но кто же победил? Говорят, что победил порядок* (А. Герцен); *Кто стучит нам в ставни? — Гроза; Кто сегодня с кем играет? — Каспаров с компьютером*; с другой стороны: *Что ты сегодня поймал? — Да немного: щуку и несколько окуней*²⁹.

Как видим, по значению последовательно разделить существительные на одушевленные и неодушевленные не удается, но в научной грамматике это противопоставление издавна связывалось с морфологическими особенностями в склонении. Так, еще М. В. Ломоносов отмечал, что «винительный падеж единственный в одушевленных подобен родительному, а в бездушных — именительному» [Ломоносов, 1952, с. 460]. Толкование этой формулировки со временем уточнялось. Впоследствии было отмечено, что она верна лишь для существительных м. рода I склонения с нулевым окончанием в форме им. падежа ед. числа и для субстантивированных прилагательных м. рода, ср.: *вижу студента, дежурного* и *нет студента, дежурного* (вин. падеж ед. числа = род. падеж ед. числа, существительные одушевленные); *вижу учебник, целковый* ('рубель') и *вот учебник, целковый* (вин. падеж ед. числа = им. падеж ед. числа, существительные неодушевленные). Для других групп существительных эта закономерность не прослеживается, ср.: существительные ж. рода: *вижу студентку, стерлядь, дежурную* и *нет студентки, стерляди, дежурной* (вин. падеж ед. числа ≠ род. падеж ед. числа); существительные м. и общего рода на *-а(-я)*: *вижу юношу, Ваню, судью, плаксу* и *нет юноши, Вани, судьи, плаксы* (вин. падеж ед. числа ≠ род. падеж ед. числа); существительные и субстантивированные прилагательные ср. рода: *вижу чудище, насекомое* и *нет чудища, насекомого* (вин. падеж ед. числа ≠ род. падеж ед. числа). Более последовательно совпадение форм вин. и род. падежей наблюдается во мн. числе, поэтому основное правило, позволяющее морфологически отграничить одушевленное существительное от неодушевленного, может быть сформулировано так: у склоняемых одушевленных существительных форма вин. падежа мн. числа всегда совпадает с формой род. падежа, а у неодушевленных существительных — с формой им. падежа ср.: *вижу студентов, дежурных, студенток, стерлядей, юношей, Вань, судей, плакс, чудищ, насекомых* и *нет студентов, дежурных, студенток, стерлядей, юношей, Вань, судей,*

²⁹ В русском языке правила выбора вопросительных местоимений *кто* и *что* «требуют учета более тонких различий, чем грамматическое противопоставление одушевленности / неодушевленности; ср.: *На что <?> кого ты ловишь рыбу — на червяка или муху?*, где выбор падежного показателя существительного *червяк* однозначно определяется его грамматической одушевленностью, а выбор вопросительного местоимения более сложен и зависит от иных факторов» [Плунгян, 2000, с. 146; см. также: Буланин, 1976б, с. 34–36; 99].

плакс, чудиц, насекомых (вин. падеж мн. числа = род. падеж мн. числа, существительные одушевленные); *вижу учебники, целковые, руки, ночи, окна, ворота* и *вот учебники, целковые, руки, ночи, окна, ворота* (вин. падеж мн. числа = им. падеж мн. числа, существительные неодушевленные). Но и это правило не может считаться универсальным, потому что оно не распространяется на несклоняемые существительные.

Вместе с тем было обнаружено, что указание на одушевленность — неодушевленность всех существительных проявляется в синтаксической сфере: в зависимости от одушевленности или неодушевленности все существительные определяют выбор словоформ согласуемых с ними определений в вин. падеже мн. числа [Милославский, 1981, с. 54–55]. Таким образом, универсальным показателем одушевленности — неодушевленности существительных является синтаксическое поведение согласуемых с ними слов (прилагательных и других слов, склоняющихся подобно прилагательным, а также числительных *два, три, четыре*, собирательных числительных типа *двое, трое, четверо*, местоименно-количественного слова *оба*), ср.: *вижу двух / двоих новых студентов, трех внимательных дежурных, четырех читающих студентов, пятерых высоких юношей, пойманных стерлядей, всех моих судей, обеих / обоих своих плакс, ужасных чудиц, неизвестных насекомых, гениальных мастро, милых леди* (вин. падеж мн. числа = род. падеж мн. числа, существительные одушевленные) и *вижу свои новые учебники, блестящие целковые, мои забинтованные руки, чудесные ночи, чистые окна, закрывающиеся ворота, уютные кафе* (вин. падеж мн. числа = им. падеж мн. числа, существительные неодушевленные)³⁰.

Единственным отступлением от универсального правила выражения одушевленности являются формы вин. падежа мн. числа (равные им., а не род. падежу существительных) в составе фразеологизированных конструкций типа *пойти, уйти в художники, в няньки, в трактористы; избрать в академики; рекомендовать в председатели* или *играть в солдаты, в казаки-разбойники*. Здесь названия лиц по профессии, занятию, социальному положению не обнаруживают грамматических признаков одушевленности, так как имеют не конкретное, а обобщенно-личное значение (ср.: *встречать гостей*, но *пойти в гости*).

У большинства считаемых существительных наблюдается соответствие между их смысловой принадлежностью к одушевленным или неодушевленным именам и их морфологическим и синтаксическим функционированием. Особых замечаний заслуживают следующие группы существительных.

³⁰ Сочетаемость существительных с числительными своеобразна (см. раздел о числительных), поэтому для неодушевленных существительных показательным является согласование с ними слов, изменяющихся как прилагательные.

1. Существительные, которые семантически относятся к неодушевленным, но регулярно употребляются как одушевленные: *мертвец, покойник, кукла, петрушка, марионетка, матрешка, неваляшка*, например: *Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца* (А. Пушкин); *Мы помогли Зайцеву восстановить его кукол; Он показывал петрушек, марионеток, и фокусы* [примеры из: Исаченко, 2003, с. 69]; *обряжать покойника*. Характерно, что обратного соотношения в русском языке не наблюдается: нет существительных с грамматическим поведением неодушевленных, но предназначенных исключительно для названия живых существ. Лишь у небольшой группы слов, называющих низшие организмы (*вирус, микроб, бактерия, бацилла*), наличествуют обе формы: *наблюдать новые бактерии / вирусы / бациллы* и *изучать новых бактерий / вирусов / бацилл*. При этом отмечается тенденция к употреблению этих слов как неодушевленных [Русская грамматика, 1980, I, с. 463].

2. Существительные, которые в разных случаях употребления по-разному проявляют свою принадлежность к одушевленности — неодушевленности.

а) Существительные, в прямом значении употребляющиеся как неодушевленные, а в применении к живым существам приобретающие формальные признаки одушевленности. Это слова типа *дуб, тюфяк, пень, шляпа, тряпка, оригинал, размазня* и др., часто встречающиеся в сопровождении определяющего местоимения: *Этого пня не своротить* (В. Даль). [*Он*] *любит не просто и не как-нибудь, а непременно или синих чулков, или психопаток* (А. Чехов) (пример из: [Современный русский язык, 1999, с. 396]); *Сегодня я опять встретил этого несносного дуба; сравнить оригинал с копией и нашего оригинала все знают; Как можно любить такого тюфяка?*

Название неодушевленного предмета может употребляться как одушевленное существительное и без отрицательного оттенка, ср.: *осознать дух времени, ценить гений творца, уйти в тень* и *Я ему ставлю в пример немецких гениев* (А. Пушкин); *Не время выкликать теней* (Ф. Тютчев) (пример из: [Виноградов, 1986, с. 84]); *...он искал господина носа по всем углам* (Н. Гоголь) (пример из: [Исаченко, 2003, с. 68]).

Слова *идол* и *кумир* в разных значениях выступают по-разному³¹. В значении ‘тот, кому поклоняются, кого обожают’, употребленные по отношению к определенному лицу, они выступают как одушевленные: *Тринадцати лет, представьте, влюбилась в своего теперешнего мужа... До двадцати трех лет ждала, отца прогневила, и пошла-таки за своего идола* (И. Тургенев); *смотрит с восторгом на своего идола, обожать своего кумира; глядеть на идиолов кино*

³¹ Описание и примеры употребления слов *идол* и *кумир* заимствованы из: [Русская грамматика, 1980, I, с. 464].

(газ.). Слово *кумир* в значении ‘то, чему поклоняются, подражают; идеал’ употребляется двояко, причем чаще встречается как неодушевленное, ср.: *Делать кумира из этого старого, бесполезного человека* (Л. Толстой); *Как Дездемона избирает Кумир для сердца своего* (А. Пушкин); *Вся в прошлом, она постепенно создала себе кумир в добродетели настоящего мужчины* (А. Рыбаков). Существительное *идол* в значении ‘статуя, изваяние, которому поклоняются как божеству’ может встречаться и как одушевленное: *На берегу Дуная русские поставили деревянного идола Перуна* (А. Н. Толстой); *Митяй сурово смотрел на серых, высеченных языческим резцом идолов* (С. Бородин).

Слова, употребляемые при игре в карты, шахматы, на биллиарде (*валет, король, туз, козырь, ферзь, шар*), в ед. числе склоняются как одушевленные существительные: *Мы пошли к Сильвио и нашли его во дворе, сажающего пулю на пулю в туза, приклеенного к воротам* (А. Пушкин); *Игроки понтируют на тройку, семерку и туза* (А. Пушкин); пример из: [Виноградов, 1986, с. 84]; *сбросить валеа, открыть козыря, отдать ферзя, послать в лузу очень трудного шара*³². Во мн. числе многие существительные этой группы могут употребляться и как неодушевленные, ср.: *открыть свои козыри* (не *козырей*) (но: *сдать козыри / козырей*), *побить тузы / тузов козырями, послать в лузу все трудные шары*.

б) Существительные типа *счетчик, бомбардировщик, тральщик*, в одном из значений называющие живых существ, могут употребляться и как названия неодушевленных предметов. При этом они могут относить называемые предметы как к неодушевленным, так и к одушевленным, ср.: *сбить бомбардировщик / бомбардировщика, увидеть истребитель / истребителя*. Аналогично используются и другие слова: 1) названия некоторых танцев и песен (*отплясывать гопак, выбивать гопака, спеть «Камаринского»*); 2) названия машин с указанием их марок (*разбить в аварии свой «Москвич» / своего «Москвича», поджечь неприятельский «Тигр» / неприятельского «Тигра»*). Однако называя лиц или животных, такие существительные употребляются только как одушевленные: *набрать счетчиков для проведения переписи населения, наградить истребителя танков, встретить в тайге тигра, потерять в толпе своего спутника, вспомнить Пушкина, но вспомнить Пушкин* (город).

³² «В играх вообще возможно представление неодушевленных предметов как одушевленных. Так, в биллиарде известны выражения *играть шара, сделать шара*: “Такого шара промазали”, — сказал студент с насмешкой. Подобно всем игрокам, он склонял и а р в родительном падеже, как живое существо, ибо ни один биллиардист не может заставить себя видеть в шаре неодушевленный предмет, — так много в нем чисто женских капризов, внезапного упрямства и необъяснимого послушания (Л. Славин)» [Русская грамматика, 1980, I, с. 464].

К этой же группе примыкают имена античных богов, которые являются существительными одушевленными, в то время как омонимичные наименования светил принадлежат к неодушевленным, ср.: *прогневить Марса* и *наблюдать в небе Марс, почитать Юпитера* и *рассматривать с помощью телескопа Юпитер*.

Названия водоплавающих существ (рыб, амфибий, моллюсков и т. д.) в прямых значениях употребляются в качестве одушевленных существительных: *ловить окуней, омаров, добывать пиявок*. Обозначая названия кушаний или продуктов питания, приготовленных из этих существ, данные слова проявляют формальные признаки неодушевленности: *Левин ел устрицы* (Л. Толстой); *К Прасковье Федоровне в дом во вторник зван я на форели* (А. Грибоедов) (примеры из: [Виноградов, 1986, с. 83]); *поставить на стол омары, кильки, шпроты, сардины, крабы* (толкуемые как нечто однородное, вещественное или собирательное) (но: *стерлядей, осетров* и т. д.).

В вопросе о статусе одушевленности — неодушевленности в грамматической системе русского языка языковеды не обнаруживают единой позиции. Так, часто одушевленность — неодушевленность лишают статуса отдельной грамматической категории, и одушевленные — неодушевленные существительные рассматриваются как лексико-грамматические разряды внутри имени существительного как части речи [см.: Распопов, Ломов, 1974, с. 23 и сл.; Бондарко, 1976, с. 184–189; Русская грамматика, 1980, с. 464; Камынина, 1999, с. 35–37]. Серьезное обоснование этой позиции содержится в работе А. В. Бондарко «Теория морфологических категорий» [Бондарко, 1976, с. 186–189]. Автор обращает внимание прежде всего на отсутствие в данном случае системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным содержанием. Кроме того, А. В. Бондарко постулирует положение о превалировании семантического аспекта при противопоставлении одушевленных и неодушевленных слов: «...признак, связанный с формой винительного падежа, является не чем-то исходным, первичным, что определяет одушевленность или неодушевленность существительных, а напротив, представляет собой следствие, результат принадлежности того или иного существительного либо к разряду одушевленных, либо к разряду неодушевленных, а эта принадлежность определяется прежде всего по смыслу (в некоторых случаях по традиции, зафиксированной в языковой норме, ср винит. падеж *мертвеца, но трун*)» [Там же, с. 188]. Однако этот тезис может быть подвергнут серьезному сомнению. Для того чтобы определиться с принадлежностью существительного либо к разряду одушевленных, либо к разряду неодушевленных, опираясь в первую очередь на его значение, нужно предварительно четко разграничить в семантическом плане противопоставление «живое — неживое». А смысловые основания этого противопоставления, как уже неоднократно указывалось, в

приложении к современному русскому языку³³ настолько интуитивны, расплывчаты и условны, что могут быть охарактеризованы даже как «мифологичные» [Виноградов, 1986, с. 83]. На наш взгляд, напротив, само функционирование таких слов, как *мертвец*, *покойник*, *кукла*, доказывает первичность признака, связанного с формой вин. падежа (т. е. грамматических свойств слов) по отношению к их значению или к влиянию языковой традиции. Иначе как объяснить тот факт, что, несмотря на коллективное осознание этих слов как семантически неодушевленных, носители русского языка тем не менее безошибочно употребляют их как грамматически одушевленные: *вижу мертвецов, покойников, кукол, но трупы?* Как видим, в этих случаях говорящий не может уклониться от сообщения сведений об одушевленности — неодушевленности существительных, хотя, может быть, и не собирався этого делать (и делает это неосознанно)³⁴. Таким образом, речь может идти об обязательности выражения рассматриваемых значений в русском языке, а обязательность — это один из главных признаков грамматического значения [см.: Плунгян, 2000, с. 106–113]. Во всяком случае исходным моментом при определении одушевленности — неодушевленности существительных в грамматической традиции всегда являлось соотношение грамматических форм, а не метод вопросов, в основе которого опора на семантическую доминанту (отсюда, кстати, выделение обширного ряда грамматически неодушевленных слов типа *отряд*, *пролетариат*, обозначающих совокупность живых существ³⁵).

Другой аргумент, выдвигаемый против причисления одушевленности — неодушевленности к морфологическим категориям, также опирается на представление о том, что содержание этой категории «формируется на основе обобщения лексической семантики слов» [Камынина, 1999, с. 36], т. е. является сугубо номинативным и, следовательно, не соответствует тому, что называют грамматическим значением. При таком подходе проблема одушевленности — неодушевленности как грамматической категории может даже не обсуж-

³³ Кроме того, современная семантическая доминанта противопоставления по одушевленности — неодушевленности (живое – неживое) не являлась исходной в процессе становления этой категории. Развитие этого противопоставления в истории русского языка больше связано с развитием языковых представлений в сфере обозначений лиц. О связи одушевленности — неодушевленности с «категорией лица» см: [Виноградов, 1986, с. 77; 83–85].

³⁴ Этим обстоятельством и объясняются типичные и многочисленные ошибки студентов при определении грамматической одушевленности — неодушевленности данных слов. Забывая о формальных критериях и опираясь только на семантическую составляющую значения существительных, учащиеся наряду со словом *труп* характеризуют как грамматически неодушевленные и существительные *мертвец*, *утопленник*, *кукла*, *марионетка* и т. п. Но затем эта логическая ошибка легко исправляется, так как для носителя русского языка не составляет труда практически правильно употребить данные слова в вин. падеже и сопоставить различия между ними.

³⁵ См.: [Буланин, 1976б, с. 35].

даться, так как из рассмотрения исключается огромный пласт лексики, формирующей существительное как часть речи: «понятие одушевленности (соответственно и неодушевленности) неприменимо к признаковым словам в целом, а также к существительным, обозначающим конкретные предметы» [Там же, с. 36]³⁶. Если принять данную точку зрения, то вопрос о статусе одушевленности — неодушевленности смещается в плоскость чистой семантики, и в случае обособления этих групп существительных речь должна идти уже не о лексико-грамматических, а о семантических разрядах³⁷. Между тем выше показано, что при определении принадлежности слов к одушевленному или неодушевленному (в языковом, а не в бытовом смысле) решающими факторами являются не их значения, а особенности склонения и синтаксической сочетаемости. Следовательно, все вещественные, собирательные и отвлеченные существительные м. рода типа *анальгин*, *пролетариат*, *феодализм*, *бег* (т. е. все несчитающиеся (неконкретные) существительные м. рода), а также существительные *pluralia tantum* типа *сани*, *ворота* не только могут, но и должны рассматриваться в рамках данной категории, так как они вполне отчетливо проявляют все грамматические свойства, присущие неодушевленному существительному: *купить свежий фталазол*, *сжечь запасенный уголь*, *отметить весь генералитет*, *покинуть этот ужасный сброд*, *осудить непримиримый антагонизм*, *сделать лечебный массаж*, *услышать веселый смех*, *купить хорошие дрожжи*, *строить хитрые козни*, *прекратить бесполезные хлопоты* (вин. падеж = им. падеж, существительные неодушевленные).

Сложнее решить вопрос об одушевленности — неодушевленности вещественных, собирательных и отвлеченных существительных, относящихся к ж. или ср. роду и при этом не имеющих форм мн. числа. Поскольку у слов этого типа (*сметана*, *молоко*, *молодежь*, *человечество*, *ветхость*, *пребывание* и т. п.) нет форм мн. числа, а формы ед. числа не являются в данном случае показательными (см. выше), то предложено было считать, что «эти существительные стоят вне грамматических отношений по одушевленности — неоду-

³⁶ Ср.: «В некоторых учебных пособиях утверждается, что подразделение на одушевленные и неодушевленные касается всех существительных. Это, конечно, неверно. По отношению к существительным конкретно-вещественным и абстрактным сама постановка вопроса об их принадлежности к одушевленному или неодушевленному (если иметь в виду обозначаемые ими реалии) логически абсурдна» [Распопов, Ломов, 1974: 23].

³⁷ «Семантическое противопоставление одушевленных / неодушевленных слов возможно только в сфере конкретной лексики, но на основе совпадения им., вин. падежей при склонении и согласовании неодушевленными называются и те существительные, которые не обозначают конкретных считающихся предметов: *социализм*, *порок*, *грех*, *трава*, *нежность*, *движение*, *выступление*. В таких случаях имеется в виду, можно сказать, *фигурная неодушевленность (формальный признак не разграничивает реального содержания)* (курсив наш. — Авт.)» [Камынина, 1999, с. 42].

шевленности» [Буланин, 1976б, с. 36]. Но при таком решении наблюдается явное противоречие: существительные этого типа, относящиеся к м. роду, бесспорно, являются грамматически неодушевленными, в то время как все остальные рассматриваются в качестве не охарактеризованных по признаку одушевленности — неодушевленности. Поэтому более логичным представляется другой подход: «Есть все основания признать слова типа *молоко, листва, изучение* существительными грамматически неодушевленными. Ход рассуждений здесь может быть таким: коль скоро у подобных слов нет форм множественного числа, то у них форма Р. п. мн. числа никак не может совпасть с формой В. п. мн. числа; если же В. п. мн. числа \neq Р. п. мн. числа, то слово, по определению, является неодушевленным. При таком подходе все без исключения русские существительные включаются в грамматические классы одушевленных и неодушевленных существительных» [Русский язык, 2001, с. 519].

В качестве дополнительных аргументов в защиту данной точки зрения можно добавить следующее.

Для многих вещественных существительных не исключены формы мн. числа, и слова ж. и ср. рода, употребленные в этих формах, демонстрируют свою принадлежность к неодушевленным существительным: *исключить из питания все соли, любить хорошие вина*. Этот поддерживающий «фон», на наш взгляд, позволяет говорить о грамматической неодушевленности всех вещественных существительных, включая и слова типа *метана, молоко*.

Аналогичные сопоставления допустимы и для собирательных существительных вроде *молодежь, крестьянство*, поскольку представление об их неодушевленности подкрепляется поведением сходных по семантике (обозначающих совокупность живых существ), но считаемых существительных типа *толпа, стадо*, явно проявляющих свою грамматическую принадлежность: *видеть большие толпы, тучные стада* (вин. падеж мн. числа = им. падеж мн. числа, существительные неодушевленные).

Представление как о грамматически неодушевленных допустимо, вероятно, и для абстрактных существительных ж. и ср. рода *singularia tantum* (типа *стойкость, проворство*): оно поддерживается наличием в составе отвлеченных существительных слов типа *страсть, сомнения*, которые, конкретизируясь, могут употребляться в формах мн. числа, проявляя при этом все грамматические признаки неодушевленных слов, ср.: *изучать новые глубины сознания, показать удивительные высоты духа, высказывать большие сомнения* (вин. падеж мн. числа = им. падеж мн. числа, существительные неодушевленные).

Следует отметить также, что, вероятно, все существительные *singularia tantum* «потенциально не изолированы от форм множественного числа, которые нередко встречаются в поэзии, в языке художественной литературы: *И сколько там сумрака ночи, И тени, и*

сколько прохлад (А. Ахматова); *В часы весеннего томления И пляски белых облаков Бывают головокружения У девушек и стариков* (Н. Гумилев); *Дожди за моим окном, Беды и блажи на сердце* (М. Цветаева); *Я не могу без тебя жить! Мне и в дожди без тебя — суши, мне и в жары без тебя — стыть, мне без тебя и Москва — глушь* (Н. Асеев); *Взаимные вежливости были произнесены, оба пожали друг другу руку* (Ф. Достоевский) (выделено нами. — Авт.)» [Камынина, 1999, с. 53]; *Времени нет молока растивать* (М. Шолохов) (пример из: [Современный русский язык, 1989, с. 412]).

Приведенные сопоставления позволяют предположить, что такие типы лексической семантики, как вещественность, собирательность и отвлеченность (абстрактность), сопряжены с грамматической семантикой неодушевленности.

Подчеркнем также и то обстоятельство, что одушевленность — неодушевленность не вписывается в один ряд с другими лексико-грамматическими разрядами, выделяемыми в составе имени существительного. Если в случаях противопоставления собственных и нарицательных, считаемых и несчитаемых (собирательных, вещественных и отвлеченных) существительных мы имеем дело с группами слов внутри одной части речи, то противопоставление форм, служащих средством выражения одушевленности — неодушевленности, охватывает и слова других частей речи (прилагательных, отчасти числительных и местоимений). Именно так обстоит, кстати, дело и с другими субстантивными морфологическими категориями (родом, числом, падежом). Влияние одушевленности — неодушевленности отразилось на грамматических особенностях согласуемых с ними слов (прилагательных, порядковых числительных, местоименных прилагательных); своеобразно варьируют свои формы, сочетаясь с одушевленными — неодушевленными существительными, количественные числительные; специфически развивается эта категория и на материале субстантивных местоимений (подробнее см. соответствующие разделы при описании конкретных частей речи). Вместе с тем материал русского языка дает многочисленные примеры отступлений от последовательного выражения категории одушевленности — неодушевленности даже в рамках русского субстантива. Все это говорит о том, что в случае с категорией одушевленности — неодушевленности мы имеем дело с развивающимся языковым явлением, формирующейся категорией, еще не получившей последовательного морфологического выражения у всех разрядов слов, потенциально имеющих к ней отношение, но уже не замыкающейся в одной части речи и достаточно важной в грамматической системе русского языка.

Исходя из всего сказанного в данном разделе, одушевленность — неодушевленность имен существительных может быть охарактеризована следующим образом. Категория одушевленности — неодушевленности имени существительного — это несловоизменяемая

(классификационная) морфологическая категория, согласно которой называемый предмет относится либо к классу грамматически одушевленных, либо к классу грамматически неодушевленных; это противопоставление выражается морфологически (нерегулярно) — специфическим соотношением форм в склонении существительного и синтаксически (регулярно) — выбором словоформ согласуемых с существительным определений (прилагательных и других слов, склоняющихся как прилагательные).

§ 4. Категория рода

Предварительные замечания. В современном русском языке все существительные, за исключением имен *pluralia tantum*, обязательно выступают как слова м., ж. или ср. рода, ср.: *учебник* — м. род; *книга* — ж. род; *издание* — ср. род. Существительное может не обладать, например, морфологически выраженными признаками падежа или числа, ср.: *этот / эти / с этим / с этими му, эта / эти / с этой / с этими леди, это / эти / с этим / с этими / шоссэ*. Но ни одно существительное в ед. числе, даже если это слово совсем недавно заимствовано из другого языка или является авторским неологизмом, не может оказаться вне рода, почему род и считается едва ли не главной грамматической категорией имени существительного³⁸.

Характеристика по роду «внутренне присуща» [Современный русский язык, 1964, с. 31] существительному, т. е. является синтаксически независимой. Эта категория есть и у прилагательных (в широком смысле слова), и у глаголов (подробнее см. ниже), но род существительного является синтагматически обуславливающей (главенствующей) категорией для других частей речи: родовая характеристика прилагательных или глаголов задается родом существительного, с которым эти прилагательные и глаголы синтаксически согласуются, ср.: *На столе лежал новый учебник / лежала новая книга / лежало новое издание*. Вместе с тем род существительного надежнее всего узнается именно с опорой на синтаксический критерий, по родовым формам согласующихся с этим существительным слов.

Категория рода имен существительных в современных грамматических описаний толкуется как несловоизменительная (классификационная) морфологическая категория, состоящая из трех граммем, или трех грамматических родов (мужского, женского и среднего), т. е. реализующаяся не в системе словоформ одного и того же слова³⁹,

³⁸ «Категорию грамматического рода некоторые ученые не без основания считали и считают “наиболее характерным морфологическим признаком имен существительных”» [Виноградов, 1986, с. 59]; во внутренних кавычках цитата из: [Лысков, 1926, с. 23].

³⁹ Ср. формулировку этого свойства, обычную для школьных учебников: существительные по родам не изменяются.

а в соотношении разных лексем, рассматриваемых в совокупности их грамматических форм⁴⁰. (О статусе «общего» и «парного» рода см. ниже.)

Семантический (номинативный) аспект категории рода. С семантической точки зрения существительные по отношению к категории рода довольно четко разделяются на две большие и неравноценные по объему группы. Род одушевленных существительных, обозначающих лиц и животных, может иметь номинативное значение, связанное с делением живых существ на особи биологического мужского и женского пола. При этом одушевленные существительные ср. рода, которых очень немного (*существо, дитя, животное, насекомое* и некоторые другие), оказываются неспособными выражать биологический пол. Что касается одушевленных существительных, относящихся к м. и ж. роду, то по соотношению «род – пол» они могут быть разделены на следующие типы⁴¹.

Существительные, обозначающие лиц.

1. Существительные с однозначным соответствием «род – пол» (мужской род = мужской пол; женский род = женский пол). В эту группу входят существительные, обозначающие людей по признакам, свойственным только лицу соответствующего пола, ср.: *брат, садовник, колдун, дворецкий и свекровь, швея, ведьма, горничная*. Большинство таких существительных образует так называемые родовые пары: *мужчина – женщина, игумен – игуменья, граф – графиня, звеньевой – звеньевая*.

2. Существительные общего рода на *-а(-я)*, которые в зависимости от контекста могут обозначать лицо как мужского, так и женского пола, что синтаксически выражается формой согласованного прилагательного: *большой сластена — большая сластена, незаметный тихоня — незаметная тихоня, надоедливый подлиза — надоедливая подлиза*.

3. Существительные, обозначающие лиц по профессии, занятиям, мировоззрению.

а) Существительные м. рода с нулевой флексией в им. падеже ед. числа, которым регулярно соответствуют существительные ж. рода с

⁴⁰ Впрочем, существует и другое мнение по поводу языкового статуса этой категории: «...Есть основания признать род существительных категорией смешанного типа, преимущественно классифицирующей и частично (на периферии части речи) словоизменительной» [Камынина, 1999, с. 51]. Речь в этом случае идет о субстантивированных прилагательных и причастиях типа *больной – больная, заведующий – заведующая*, которые толкуются не как разные слова, а как «двуродовые» формы, связанные со словоизменением и совмещающие «в своем значении номинативные семы двух родов» [Там же]. Мы примыкаем к традиционной точке зрения, согласно которой представленные случаи рассматриваются в рамках словообразования, и, следовательно, *больная, заведующая* и т. д. толкуются как самостоятельные слова, мотивированные субстантиватами *больной, заведующий* и т. п. [Русская грамматика, 1980, I, с. 227].

⁴¹ Мы опираемся на классификацию М. А. Шелякина [Шелякин, 2001, с. 31–33].

флексией *-а(-я)*: *студент – студентка, писатель – писательница, первокурсник – первокурсница, болтун – болтунья*. Слова этого подтипа в зависимости от характера предложения могут по-разному определять половую принадлежность называемого лица. Если предложение описывает конкретную ситуацию, то форма рода однозначно удостоверяет пол упоминаемого человека: *Премией наградили известного писателя / известную писательницу, лучшего студента / лучшую студентку*. В предложении обобщающего характера такие существительные в форме м. рода указывают на лицо без дифференциации по полу: *В нашем университете традиционно празднуется «День первокурсника»; Учитель это не тот, кто учит, а тот, у кого учатся*.

б) Существительные м. рода, не имеющие соответствующей родовой пары (типа *ректор, посол, водитель, инженер, консультант*), всегда обозначают лицо без указания на его пол: *Студенты пришли на встречу с ректором; Вам надо проконсультироваться с врачом*. Отдельные слова этой группы могут обладать параллельными суффиксальными образованиями ж. рода, которые характерны для разговорного языка и часто имеют сниженную стилистическую окраску: *врачиха, физичка, бригадирша*. В связи с тем что в этой группе ощущается явный недостаток слов ж. рода, специально предназначенных для указания на женский пол называемого лица, в современном русском языке широко распространилось употребление типа *Врач сказала*, синтаксически возмещающее данную лексическую недостаточность.

4. Существительные м. рода, характеризующие лицо по признакам, которые одновременно свойственны лицам обоих полов: *человек, подросток, знаток, классик*. Такой же семантикой обладают и три существительных ж. рода: *персона, личность, особа*. Существительные этого типа не допускают указания на лицо женского пола даже с помощью синтаксических средств: *человек, подросток пришла*.

Как видим, существительные м. рода в большинстве случаев оказываются немаркированными (неотмеченными), т. е. могут обозначать принадлежность лица и к мужскому полу, и к женскому или даже не дифференцировать его половую принадлежность. Это объясняется известными социальными изменениями структуры общества: многие профессиональные и другие виды общественной деятельности, которые теперь доступны и женщинам, раньше были привилегией мужчин, что и отразилось на употреблении соответствующих существительных м. рода.

Существительные, обозначающие животных.

1. Существительное м. рода употребляется для обозначения самца или в качестве общего названия данного вида животных, существительное ж. рода указывает только на самку ср.: *Медведь — крупное хищное животное; На поляну вышли медведь и медведица*. К этому типу чаще принадлежат слова, обозначающие диких животных: *тигр – тигрица, лось – лосиха, орел – орлица, заяц – зайчиха*.

2. Существительное в м. роде обозначает самца, существительное в ж. роде — самку или общее название вида животных: *Кошка — домашнее млекопитающее из семейства кошачьих. У них жили кот и кошка*. К этому типу чаще относятся названия домашних животных: *баран – овца, козел – коза, боров – свинья*.

3. Существительное м. рода обозначает самца, существительное женского рода — самку, а общее название вида животных представлено отдельным словом м. или ж. рода, ср.: *жеребец – кобыла – лошадь, конь; кобель – сука – собака; гусак – гусыня – гусь*.

4. Существительное в м. роде обозначает общее название незрелых животных: *жеребенок, щенок, поросенок, змееныш* (ср. с существительными, обозначающими лицо с указанием на его мужской пол: *поваренок, внучонок, китайчонок*).

5. Существительные м. и ж. рода обозначают общее название вида без указания на пол: *беркут, судак, таракан; трясогузка, рысь, щука*.

В отличие от существительных, называющих лиц, где в качестве немаркированных чаще употребляются слова м. рода, в названиях животных немаркированными являются также и существительные ж. рода: обе родовые формы могут указывать и на пол животного, и на общее название вида.

Рассмотренные выше одушевленные имена составляют лишь небольшую часть лексического корпуса имени существительного как части речи. У подавляющего же большинства русских неодушевленных существительных значение рода не имеет понятийного (номинативного) характера, ср.: *потолок – стена – окно, карандаш – ручка – перо; плащ – шуба – пальто* и т. п. Тем не менее определенная степень семантизации родовых противопоставлений может быть прослежена и здесь. К примеру, существительные м. рода преобладают среди названий коллективов, учреждений, предприятий, конкретных предметов⁴²; к этому же роду принадлежат все названия месяцев (*январь, февраль* и т. д.⁴³, включая и «родовое слово»⁴⁴ *месяц*) и большинство названий звуковых действий (*звук, стон, вопль, вой, рев*)⁴⁵. Большинство русских названий болезненных состояний (*болезнь, хворь, простуда, боль, краснуха, желтуха, лихорадка, чесотка*) и множество слов с отрицательной оценкой (*резня, мазня, кислятина, казенщина, безвкусица, чепуха, ерунда*) — существительные ж. рода⁴⁶. Среди слов, называющих отвлеченные понятия (*человечество, население, выявление, радиовещание, новое, старое*), преоб-

⁴² [Русская грамматика, 1980, I, с. 467].

⁴³ [Виноградов, 1986, с. 61].

⁴⁴ [Всеволодова, 2000, с. 46].

⁴⁵ [Шелякин, 2001, с. 31].

⁴⁶ Там же. Ср.: «... Класс слов мужского рода, вообще говоря, менее экспрессивен, чем класс слов рода женского» [Виноградов, 1986, с. 77].

ладают существительные среднего рода⁴⁷. Безусловно, формальные оппозиции в языке имеют тенденцию так или иначе семантизироваться, однако выявить в формальных родовых противопоставлениях (т. е. в рамках неодушевленных существительных) какую-то более или менее отчетливую семантическую картину не удается: «... Внутрязыковая классификация существительных формами рода проводится в русском языке непоследовательно, на разных основаниях и во многих случаях остается неясной» [Шелякин, 2001, с. 31].

Итак, распределение по родам основной массы неодушевленных русских существительных семантически не мотивировано и с синхронной точки зрения должно быть охарактеризовано как произвольное⁴⁸. Таким образом, во-первых, семантическая (номинативная) немотивированность родовой отнесенности большинства русских существительных и, во-вторых, обязательная принадлежность любого существительного в единственном числе к одному из трех родовых классов заставляют отнести категорию рода к категориям структурной, а не с понятийной (номинативной) доминантой⁴⁹.

Род как морфологическая категория. В поисках формальных оснований распределения существительных по родам нельзя не отметить тесную связь русских субстантивов с тем или иным типом склонения: «...у подавляющего большинства существительных одного и того же грамматического рода наборы окончаний сходны или просто совпадают» [Зализняк, 1967б, с. 146]. Зависимость между родом существительного (в формах ед. числа) и его формальными характеристиками (окончанием и конечным согласным словоизменительной основы) настолько очевидна и регулярна, что формулируется даже в виде правил практического определения рода субстантивов: «Большинство склоняемых существительных с окончанием *-а/-я* — женского рода: *страна, земля, родина, деревня*; с окончанием *-о/-е* — среднего рода: *письмо, ружье, поле, лицо, животное*; с нулевым окончанием на твердый согласный и *-й* (j) основы — мужского рода: *дом, нож, карандаш, край, бой*; с нулевым окончанием на мягкий согласный основы — женского рода: *тетрадь, вещь, жизнь, сталь, ночь*» [Шелякин, 1993, с. 28]. Для отдельных формальных типов существительных эта зависимость может быть даже абсолютной⁵⁰, однако в некоторых случаях данное соответствие может

⁴⁷ [Русская грамматика, 1980, I, с. 467]. Списки существительных-«неологизмов» данных тематических групп см.: [Мучник, 1971, с. 198–203].

⁴⁸ «Вопрос о происхождении и семантической мотивации большинства родовых систем остается открытым» [Плунгян, 2000, с. 154].

⁴⁹ Категория рода «...кажется пережитком давних эпох, остатком иного языкового строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности. Теперь же форма рода у большей части существительных относится к области языковой техники» [Виноградов, 1986, с. 59].

⁵⁰ «...В русском языке все существительные, склоняющиеся по образцу слова *стель* (с точностью до акцентных различий) — женского рода» [Плунгян, 2000, с. 146].

нарушаться: так, например, слово *папа* — м. рода, но склоняется оно как слова ж. рода (ср. *женщина, бабушка, вода, стена* и т. д.). Следовательно, при последовательном формальном подходе это существительное следует охарактеризовать как относящееся к женскому роду⁵¹. Таким образом, рассматриваемую формальную (морфологическую) характеристику следует отличать от рода, для чего и было введено самостоятельное понятие — «морфологический род»: «Мы говорим, например, что слово *дом* — мужского рода и мужского морфологического рода, а слово *мужчина* — мужского рода, но женского морфологического рода. Итак, морфологический род — это характеристика парадигмы, показывающая, для существительных какого рода характерен набор окончаний данной парадигмы» [Зализняк, 1967б, с. 147].

Между номинативным и формальным (морфологическим) родом отношения довольно сложные. С одной стороны, к примеру, у существительных типа *папа, мужчина, дедушка, юноша* номинативный род доминирует над морфологическим, поэтому грамматический род этих существительных (в соответствии с номинативным значением) определяется как мужской, несмотря на их формальную принадлежность к женскому морфологическому роду. С другой стороны, морфологический род можно приписать всем существительным, имеющим формы ед. числа, в то время как номинативный род — значительно меньшей их части. При этом даже и среди одушевленных существительных, как уже отмечалось, номинативным родом характеризуются далеко не все. Таковы, к примеру, существительные типа *ребенок, козленок, синица, чайка, таракан* и многие другие: их род соответствует морфологическому роду, хотя понятно, что они обозначают существа, обладающие половыми признаками. Таким образом, даже учет одушевленных существительных не отменяет того факта, что в категории рода все-таки главенствующим является формальный аспект, т. е. формальное (а не семантическое) распределение лексем по родовым грамматикам.

Формально-родовые противопоставления связываются, во-первых, с окончаниями, а во-вторых, с особенностями основ. Главные типы родовых форм⁵² представлены в табл. 1.

⁵¹ Отношения такого типа осознаются носителями языка уже в детстве. Вот как ярко и непосредственно они отражены в диалоге четырехлетнего ребенка с матерью:

— Мама, баран — он?

— Он.

— Овца — она?

— Она.

— А почему папа — он? Надо бы пап, а не папа (К. Чуковский) [цитируется по: Мучник, 1971, с. 182].

⁵² Подробное звуковое представление этих форм находится в разделе, посвященном склонению существительных.

Таблица 1

Морфологический род имен существительных

Конечный согласный основы	I		II		III	
	м. род		ж. род		ср. род	
	флексия им. падеж	образцы	флексия, им. падеж	образцы	флексия, им. падеж	образцы
Твердый (не шипящий и не -ц)	-ø	<i>кот, забор</i>	-а	<i>жена, вера</i>	-о	<i>село, окно</i>
Мягкий (включая <i>ж</i>)	-ø	<i>день, каравай</i>	-а (-я) /а/ -ø	<i>ивея, неделя, тень, купель</i>	-о(ё) /о/ -е /и/	<i>копье, поле, платье</i>
Шипящий (и -ц)	-ø	<i>шалаш, меч, борец</i>	-а /а/ -ø	<i>кожа, ноша, орлица, рожь, речь, мышь</i>	-о /о/ -е /и/, /ы/	<i>плечо, крыльцо, чудовище, блюдо</i>

Примечания. 1. Данные, приведенные в табл. 1, не исчерпывают тех характеристик, которые являются необходимыми и достаточными для определения формально-родовой принадлежности слова. Так, например, формальные родовые различия между группой слов типа *кот, забор – жена, сестра* обнаруживаются уже в форме им. падежа. У другой группы существительных, противопоставленных по образцу *день – тень* или *шалаш – мышь*, формальные показатели именительного падежа фонетически могут полностью совпадать (графически данные существительные по роду частично дифференцированы: слова ж. рода с основой на шипящий пишутся с мягким знаком на конце) и поэтому не могут служить родовыми различителями. Здесь в этой функции выступают окончания косвенных падежей, т. е. вся парадигма склонения существительного, ср.: *день – дня – дню* и т. д. — и *тень – тени – тени* и т. д. (подробнее см. ниже). 2. В табл. 1 в качестве образцов не представлены небольшие группы существительных, входящие в те или иные морфологические родовые классы. Так, среди примеров существительных, относящихся к женскому морфологическому роду, не учтена небольшая группа существительных м. рода с флексией -а (*мужчина, воевода, детина, Гаврила* и т. п.) (подробнее также см. ниже).

Из табл. 1 видно, что окончания и основы обладают разной различительной силой: окончания большей, основы меньшей. Различия по составу между морфологическими родами и традиционно выделяемыми родовыми классами таковы.

В мужской морфологический род (см. I столбец), характерной приметой которого является наличие нулевого окончания в формах именительного падежа ед. числа, не входят (по сравнению с м. родом в его общепринятом понимании) некоторые групп слов, а именно:

все личные существительные с флексией -а(-я), обозначающие лиц мужского пола (*мужчина, юноша, судья, дядя, Миша, Витя* и т. п.), а также существительные (как одушевленные, так и неодушевленные) с «размерно-оценочными»⁵³ суффиксами -ин-, -ишк- (*купчина, парнишка, зайчишка, домина, кусина*), которые «по наследству»⁵⁴ сохраняют род производящего слова (*дом → домина*). Мужской морфологический род «лишается» этих слов, так как по своим формальным характеристикам они принадлежат к женскому морфологическому роду.

Для женского морфологического рода (II столбец), напротив, характерно «пополнение» его состава: сюда включаются только что упомянутые слова типа *мужчина, зайчишка*; к этому же морфологическому роду принадлежат слова общего рода типа *сирота, зубрила*⁵⁵.

Средний морфологический род (III столбец), отмеченный окончаниями -о (или орфографическое -ё) и -е в им. падеже ед. числа, также пополняется. Этими же окончаниями обладают: а) немногочисленная группа слов, состоящая из одного нарицательного имени *подмастерье* и нескольких имен собственных типа *Петро, Михайло*; б) слова м. рода с означенными выше размерно-оценочными суффиксами (типа *голосище, голосишко, домище, домишко, хлебушко, Ивануше*). Слова группы б) обнаруживают морфологическую «неустойчивость»⁵⁶: они образуют варианты формы либо по типу среднего морфологического рода (род. падеж *домишка, волчица*; ср. *яблока*), либо по типу женского морфологического рода (род. падеж *домишки, волчицы*; ср. *руки*) [Русская грамматика, 1980, I, с. 486]. Нормальными для письменной речи являются формы *нет домишка, волчица — подошел к домишку, волчицу* и т. д.⁵⁷, однако, на наш взгляд, эти существительные все-таки чаще употребляются как слова склонения на -а (*В этом поселке нет ни одного приличного домишки*).

Для существительных столбцов II и III морфологический облик номинатива (окончания им. падежа ед. числа -а(-я); -о(-ё) и -е) в большинстве случаев является достаточным условием определения их родовой принадлежности. Тип основы играет роль при установлении родовой принадлежности лишь в частных случаях. Что касается столбца I (м. род), то в плане окончаний он кажется, на первый взгляд, наиболее унифицированным: им. падеж характеризуется единственным окончанием — нулевым (*кот-ø, день-ø, каравай-ø,*

⁵³ [Янко-Триницкая, 1982, с. 35].

⁵⁴ [Панова, 1996, с. 121].

⁵⁵ Существительных общего рода около двухсот (весьма полный перечень их приводится в кн.: [Мучник, 1971, с. 211]), они будут специально обсуждаться ниже.

⁵⁶ В русистике существует точка зрения, поддерживаемая многими лингвистами, согласно которой «категория среднего рода находится в начальном процессе разрушения» [Обнорский 1927, с. 65]; ср., напр.: [Мучник, 1971, с. 193–198].

⁵⁷ [Русская грамматика, 1980, I, с. 486].

шалаш-ø). Однако нулевым окончанием характеризуются и существительные ж. рода типа *мышь, картель*, причем и по основе, и по окончанию те и другие могут полностью совпадать, ср.: *пень-ø* (м. род) — *тень-ø* (ж. род), *товарищ-ø* (м. род) — *немошь-ø* (ж. род)⁵⁸. По сути дела дифференциация существительных м. и ж. рода с нулевым окончанием им. падежа составляет главную проблему морфологического рода. Обычно указывают, что решение этой проблемы состоит в том, что помимо формы им. падежа достаточно ввести в рассмотрение форму какого-нибудь другого падежа: «Практически для определения рода достаточно знать именительный и какой-либо косвенный падеж» [Моисеев, 1980, с. 177]. Действительно, *пень* – *пня* (род. падеж), но *тень* – *тени* (род. падеж). Вместе с тем в данном случае именно род задает соответствующие окончания, т. е. тип склонения, «но сама отнесенность существительного к данному типу склонения в синхронном срезе языка никак не мотивирована» [Камынина, 1999, с. 44]. Таким образом, в плане формальной интерпретации рода возникает ситуация «заколдованного круга»: чтобы определить род, нужно знать окончания, а чтобы правильно выбирать окончания, нужно предварительно знать род. Ср.: *Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент* (Н. Гоголь); *Сегодня в нашей мастерской было много посетителей — это у нас не редкость, но, между прочим, были Пушкин и Жуковский. Сошлись они вместе, и Карл Павлович угощал их своей портфелью и альбомами* (А. Мокрицкий). По подсчетам И. П. Мучника⁵⁹, общее число существительных с недифференцированным морфологическим обликом в номинативе (типа *день* – *тень*) довольно значительно — 3880. В качестве показателей, в определенной степени разрешающих проблему формального родового различения таких существительных, можно рассматривать суффиксы, характерные для лексем того или иного рода. Так, например, существительные м. рода отмечены суффиксами *-арь* (*пахарь, почтарь, кустарь, сухарь*) и *-тель* (*водитель, множитель*), а существительные ж. рода — суффиксом *-ость* (*привязанность, вооруженность*). При этом насчитывается 2700 существительных, маркированных «женским» суффиксом *-ость*, и 520 существительных, содержащих «мужской» суффикс *-тель*. Следовательно, из приблизительно 34 тыс. русских существительных только 660 (из них 400 относятся к ж. роду, 260 — к м. роду) имеют неопределенный с точки зрения рода морфологический облик, т. е. эта группа составляет меньше 2 % от общего количества существительных. Таким

⁵⁸ Как уже отмечалось, данные существительные частично дифференцированы по роду графически: слова женского рода с основой на шипящий пишутся с мягким знаком на конце.

⁵⁹ «Эти, как и все другие, цифровые данные приводятся по материалам “Толкового словаря русского языка” под ред. Д. И. Ушакова, четырехтомного “Словаря русского языка” АН СССР и однотомного “Словаря русского языка” С. И. Ожегова» [Мучник, 1971: 187].

образом, «подавляющее большинство существительных в своей исходной форме отчетливо различается по родам морфологическими средствами» [Мучник, 1971: 187].

Подытоживая, можно сказать, что у рода выявляется «формальное ядро», которое представляют слова типа *гусар, сад* (м. род), *девушка, зима* (ж. род), *окно, поле* (ср. род) [Панова, 1996, с. 128]. Как отмечает Г. И. Панова со ссылкой на С. Н. Цейтлин [Цейтлин, 1988, с. 25–27], именно на эти формы прежде всего и ориентируются дети при усвоении категории рода существительных [Панова, 1996, с. 128].

Языковая реальность морфологического рода проявляется и при распределении заимствованных и сложносокращенных слов по грамматическим родам. «В словах заимствованных обычно сохраняется род иноязычного подлинника, если там различаются категории рода. Но это далеко не всегда. Дело в том, что иноязычные формальные показатели, попадая в сферу русского языка, теряют свое значение и переосмысливаются в соответствии с нормами русского языка. Поэтому многие заимствования из древнегреческого и латинского языков становятся в русском языке словами иного рода. Так, слова среднего рода с конечным согласным звуком переходят в мужской род: *парфенон, органон, фатум, пленум, постскриптум*... Или с конечным *-а* переходят в женский род: *ферма, тема, схема, проблема*... Слова *кризис, базис, тезис, фазис* — в древнегреческом, откуда они взяты, были женского рода. Французские слова на *-ade* (женского рода) осваивались или морфологически (т. е. в той же категории рода) и тогда принимали окончание *-а*: *помада, рулада, этаклада*... или же фонетически (т. е. с окончанием на ... согласный), но тогда переходили в мужской род: *каскад, маскарад, палисад*... <...>. Французские слова мужского рода с конечным *-о* становятся в русском словами среднего рода (которого во французском языке вообще нет): *бюро, депо, пальто, лото, серсо* (серсеау) и т. п.» [Трофимов, 1957, с. 21–22; ср.: Виноградов, 1986, с. 60]. Вместе с тем у заимствований с основой на мягкий согласный с «неизвестным родом» типа *рояль* (во французском языке *royal* — прилагательное ‘королевский’) или с «определенным» родом типа *дуэль* (во французском языке *le duel* — мужского рода), попадающих в двухпроцентную зону (см. выше), возможны колебания в роде: *На всех почти окнах стоял густо разросшийся герань, от которого распространялся сильный, удушливый запах* (А. Писемский); *Он был выбран в секунданты для того дуэля, которому надлежало произойти между ним и Геккерном* (В. Жуковский); *Мы едва добрались до европейского квартала и пошли в отель, содержимую поляком* (А. Гончаров) [примеры из: Трофимов, 1957, с. 22]. Хорошо известны также факты колебания и смены рода⁶⁰ у собственно русских существительных *овощ, степень, гортань, печать* и др. [Там же, с. 20].

⁶⁰ О других факторах, способствующих той или иной родовой интерпретации заимствованных и сложносокращенных слов, см. ниже.

В заключение обзора морфологического аспекта категории рода следует сказать несколько слов, посвященных роду в формах мн. числа. Распространенной точкой зрения на этот счет, особенно в рамках учебных пособий, является та, что во мн. числе род в современном русском языке не выражается: «Окончания существительных во множественном числе не обладают свойством дифференцировать родовую принадлежность слова» [Камынина, 1999, с. 42; ср., напр.: Трофимов, 1957, с. 21; Современный русский язык, 1999, с. 388]. Однако это не совсем точно, так как касается только особенностей синтаксического функционирования связанных с существительным слов (см. ниже). Морфологические же родовые различия существительных в определенной степени проявляются и в формах мн. числа. По данным А. А. Зализняка, 97,3% существительных мужского морфологического рода типа *стол, плац* имеют в им. падеже мн. числа окончание *-ы/-и*, а в род. падеже мн. числа — *-ов* или (при основе на мягкий согласный и шипящий) *-ей*; 98,9% существительных женского морфологического рода типа *шляпа, няня* в им. падеже мн. числа характеризуются окончанием *-ы/-и*, а в род. падеже мн. числа имеют нулевое окончание; 96,4% существительных среднего морфологического рода (типа *окно*) в им. падеже мн. числа имеют окончание *-а*, а в род. падеже мн. числа — нулевое [Зализняк, 1967а, с. 219–220]. Существуют и более частные проявления рода во мн. числе: например, возможностью обладать вариантным окончанием *-ми* характеризуются только существительные ж. рода типа *дверь (дверями / дверьми)*.

Таким образом, существительные *pluralia tantum*, такие как *ножницы*, обладают потенциальной, хотя и до конца не выраженной принадлежностью к словам ж. рода, которая определяется по форме род. падежа *ножниц*. Данное правило нельзя считать абсолютным: трудно было бы доказать, что существительное *брюки* тяготеет к словам ж. рода (ср. форму род. падежа *брюк*), а существительное *труссы* — к словам м. рода по форме родительного падежа *труссов*. Сказанное о множественном числе не опровергает того факта, что главная сфера проявления субстантивного рода связана с формами ед. числа.

Синтаксический аспект категории рода. Несмотря на отмеченную языковую реальность морфологического рода, родовое противопоставление ярче всего выражается в русском языке не с помощью собственно морфологических средств, а синтаксически. Взаимобусловленность родовой принадлежности существительного и особенностей синтаксического функционирования связанного с ним «окружения» является настолько важной и весомой характеристикой, что обычно находит свое отражение в общих определениях категории рода, включая и самые авторитетные: «Категория рода существительного — это несловоизменяемая с и н т а г м а т и ч е с к и в ы в л я е м а я (разрядка наша. — *Авт.*) морфологическая категория...»

[Русская грамматика, 1980, I, с. 465]⁶¹. Такое толкование обусловлено, во-первых, неопределенностью морфологических показателей рода у ряда изменяемых существительных (ср. *старый пень* — *густая пень*; см. выше) и, во-вторых, отсутствием морфологических показателей у неизменяемых существительных (ср. *черный кофе* — *сладкое какао* — *вкусная саями*).

Наиболее ярко и регулярно синтаксическое выражение рода проявляется в формах согласуемых с существительным слов (имен прилагательных, причастий, изменяющихся по родам местоимений типа *наш (наша, наше)* и порядковых числительных), выступающих в функции определения и своими окончаниями однозначно указывающих на род любого существительного в форме ед. числа, ср.: *мелкий пруд, мелкая река, мелкое озеро; играющий мальчик, играющая девочка, играющее дитя; второй урок, вторая перемена, второе занятие; вкусный кофе, вкусная кольраби, вкусное какао; старый маэстро, старая леди; этот НИИ, эта ГЭС, это роно*. Помимо этого, род выражается формами слов, координируемых с существительным в составе сказуемого (глагольными формами прошедшего времени, сослагательного наклонения, краткими и полными формами прилагательных и причастий), ср.: *Пруд обмелело / обмелело бы, Река обмелела / обмелела бы, Озеро обмелело / обмелело бы; Урок — веселый, Перемена — веселая, Занятие — веселое; Кофе сварено, Кольраби сварена, Какао сварено*. К синтаксическим проявлениям категории рода причисляют также и возможность замены существительных разными местоимениями: *пруд — он, река — она, озеро — оно; Пруд, который находится недалеко, совсем зарос; Река, которая находится недалеко, совсем заросла, Озеро, которое находится недалеко, совсем заросло*.

Синтаксическая реакция указанных изменяемых слов вполне оправданно считается главным показателем при определении рода существительного, но значимость этого критерия не следует абсолютизировать⁶², так как существует ряд условий, ограничивающих его применение.

Во-первых, род существительных узнается по согласуемым или координируемым с ним формам изменяемых слов лишь слушающим (читающим), «...для говорящего же и пишущего эти формы являются не основой определения рода существительных, а следствием, результатом знания рода: только зная род существительных, говорящий и пишущий могут правильно употребить формы согла-

⁶¹ Ср.: «Каждое существительное имеет значение того или иного рода; это значение отчасти связано с формальными признаками самого существительного и о б ь а з а т е л ь н о о т р а ж а е т с я (разрядка наша. — *Авт.*) на форме рода прилагательного и, частью, глагола, относящихся к этому существительному...» [Дурново, 1929, с. 6].

⁶² Ср.: «...Родовые флексии зависимых словоформ, действительно, являются а б с о л ю т н о п о с л е д о в а т е л ь н ы м (разрядка наша. — *Авт.*) материальным средством обнаружения и “самовыражения” рода в синтагме» [Панова, 1996, с. 82].

суемых слов...» [Моисеев, 1980, с. 176]. Так, например, чтобы правильно согласовать прилагательные с существительными *суахили* и *чахохбили* (ср. *изучаемый суахили* и *вкусное чахохбили*), говорящий (пишущий) должен или знать значения этих несклоняемых существительных иноязычного происхождения и уметь найти для них гипероним (соответственно ‘язык’ и ‘блюдо, кушанье’), или справиться о них в словарях. Приведенные примеры, с одной стороны, являются еще одним свидетельством того, что род «внутренне присущ» [Современный русский язык, 1964, с. 31] существительному, и, с другой стороны, убеждают в том, что возможность воспользоваться «правилом согласования» во многом зависит от того, насколько хорошо владеет языком говорящий (пишущий): в языковом сознании владеющих русским языком род большинства общепотребительных существительных закрепляется в результате общения, поэтому чем больше словарный запас говорящего (пишущего), тем реже он вынужден будет обращаться за помощью к словарям⁶³.

Во-вторых, согласуемое прилагательное может отчетливо обозначить род существительного только в им. падеже (*вкусный кофе*, *вкусная кольраби*, *вкусное какао*; *неказистый домишко*, *небольшое письмишко* и т. д.)⁶⁴. В косвенных падежах ситуация существенно меняется, ср.: *Нет вкусного кофе, пирога / сладкого какао, яблока* (м. и ср. род) и *Нет вкусной кольраби, салаки* (ж. род). Как видим, в косвенных падежах прилагательное демонстрирует не троичное противопоставление, а двоичное. Формы ж. рода (например, в данном случае в род. падеже — *вкусной салаки*) противопоставляются формам м. и ср. рода, которые в таких условиях флексиями согласуемых словоформ не дифференцируются (*вкусного пирога / яблока*). Таким образом, адъективная форма в случаях типа *вкусного кофе / какао* указывает только на то, что согласуемое существительное не женского рода, но не сигнализирует о том, относится ли существительное к мужскому (*кофе*) или к среднему (*какао*) роду. Аналогично и глаголы в форме прошедшего времени оказываются способными осуществлять родовую дифференциацию существительных лишь для словоформ им. падежа ед. числа.

В-третьих, замещение существительных местоимениями тоже отмечено рядом особенностей. Прежде всего следует отметить предложения тех типов, в которых местоимение определяет лицо в соответствии с его биологическим полом и не способно дифференциро-

⁶³ Таким образом, выясняется, что проблема определения родовой принадлежности существительного чрезвычайно важна не только в теоретическом отношении. Практический аспект этой общей проблемы также оказывается весьма существенным, и прежде всего для изучающих русский язык как иностранный.

⁶⁴ На ограничения в использовании синтаксического критерия, описанные ниже, указано В. Б. Евтюхиным.

вать по родовой принадлежности некоторые одушевленные существительные, относящиеся к лицам обоего пола, ср.: *Он — хороший директор*, *Она — хороший директор*; *Он — настоящий ученый*, *Она — настоящий ученый* [Милославский, 1981, с. 46, 51]. Надежным показателем родовой принадлежности имени существительного являются в этих примерах только флексии имен прилагательных *хороший* и *настоящий*, не зависящие от биологического пола лица.

К синтаксическому аспекту проявления субстантивного рода можно отнести и замещение существительных местоимениями в следующих случаях: *Александра Павловна приблизилась к старушке и прикоснулась пальцами до ее лба... Он так и пылал* (И. Тургенев); *Ответа не было, кроме того общего ответа, который дает жизнь на все самые сложные и неразрешимые вопросы* (Л. Толстой). В приведенных примерах замещаемое имя стоит в род. падеже, однако отмеченные далее соответствия касаются существительных и в любом другом косвенном падеже. Анафорическое местоимение, для того чтобы оно выражало троичное родовое противопоставление, должно выступать в форме им. падежа (или в форме вин. падежа — для некоторых случаев употребления неодушевленных существительных), ср.: *Нет такого ответа, который устраивал бы всех*; *Нет такой работы, которая устраивала бы всех*; *Нет такого решения, которое устраивало бы всех*. В противном случае родовые противопоставления двоичны, так как формам ж. рода противопоставляются недифференцируемые формы местоимений мужского-среднего рода, ср.: *Кофе дома не держим. К нему у нас равнодушны* (Н. Московских); *Какао дома не держим. К нему...*; *Рыбы дома не держим. К ней...*; *Ты не можешь представить себе, как для меня, деревенского жителя, все это дико, как ногти того господина, которого я видел у тебя...* (Л. Толстой); *Степан Аркадьич получал и читал либеральную газету, не крайнюю, но того направления, которого держалось большинство* (Л. Толстой); *Вронский сказал глупость, которой легко положить конец, и я ответила так, как нужно было* (Л. Толстой). Еще одна особенность местоимений заключается в возможности обозначения рода существительных, выступающих в форме мн. числа. Это явление наблюдается в рамках определенных синтаксических конструкций, называемых «дистрибутивными» (распределительными), а также близких к ним⁶⁵. Ср.: *Я доволен этими домами, каждый из которых по-своему хороши*; *Я доволен этими стенами, каждая из которых по-своему хороша*; *Я доволен этими окнами, каждое из которых по-своему хорошо* [Зализняк, 1967а, с. 71].

Существительные общего рода. Уже в первой русской научной грамматике наряду с именами мужского, женского и среднего рода отдельно были выделены слова общего рода: «российские существ-

⁶⁵ См.: [Тестелец, 2001, с. 198–199, 296].

вительные имена суть четырех родов: мужского, женского, среднего и общего» [Ломоносов, 1952, с. 438]. В дальнейшем трактовка категории рода как четырехчленной в учебной и научной грамматической традициях не закрепилась, тем не менее группа существительных общего рода заслуживает отдельного рассмотрения. К словам общего рода, или к двуродовым существительным⁶⁶, относятся одушевленные субстантивы, которые в словосочетании или в предложении обнаруживают признаки то мужского, то женского рода, ср.: *редкий пройдоха / редкая пройдоха; Женя заинтересовался / заинтересовалась грамматикой; Мой визави не отреагировал на вопрос / Моя визави не отреагировала на вопрос*. Эти существительные можно разделить на четыре группы.

1. Большинство двуродовых существительных составляют нарицательные имена, имеющие в им. падеже ед. числа флексию *-а(-я)*, типичную для слов женского морфологического рода. Эти существительные предназначены для характеристики одушевленных существ⁶⁷ по присущему им действию или свойству и, как правило, принадлежат к разговорной или просторечной языковым сферам [Русская грамматика, 1980, I, с. 466]. Чаще всего слова этой группы представляют собой производные суффиксальные образования, которые мотивированы глаголами или прилагательными и отмечены своей системой суффиксов (как правило, малопродуктивных или непродуктивных): *-ак/як(а)* (*служака, забияка*), *-л(а)* (*затевала, зубрила*), *-ушк/ашк/ишк(а)* (*болтушка, замарашка, хвастунишка*), *-к(а)* (*выскачка, попрошайка*), *-яг(а)* (*бедняга, миляга бродяга*), *-уг/юг(а)*

⁶⁶ Наряду с традиционным обозначением этих слов как существительных общего рода был предложен термин «двуродовые существительные» [Панова, 1996, с. 104]. На наш взгляд, этот термин точнее отражает родовую специфику рассматриваемых слов, которые не представляют собой особый, четвертый род, а лишь «обнаруживают свойства мужского или женского рода в зависимости от контекста» [Буланин, 1976б, с. 44]. Ср.: «... выделяется ... группа слов общего (вернее: и того и другого, и мужского и женского) (разрядка наша. — Авт.) рода...» [Виноградов, 1986, с. 69]; ср. также термин «двувидовые глаголы».

⁶⁷ Обычно указывается, что рассматриваемые существительные называют только лиц, ср.: «Сюда относятся слова ... называющие лиц по характерному действию или свойству» [Русская грамматика, 1980, I, с. 466]. Однако эта формулировка требует специального рассмотрения и, возможно, уточнения. Дело в том, что двуродовые существительные могут употребляться и по отношению к животным, ср. *Виктор — большая умница* и *Этот пес — большая умница; Вера — ужасная привереда* и *Наша кошка — ужасная привереда*. Типичным условием функционирования двуродовых слов можно считать их появление в позиции сказуемого, где они в равной мере способны характеризовать как человека, так и животное, разумеется, с учетом возможных ограничений, обусловленных значением какого-либо конкретного двуродового слова, ср.: *Этот пес — нудная зубрила*. Эти существительные явно принадлежат к «референциально ориентированным» именам [Кронгауз, 2001, с. 334], причем именно к оценочным именам, которые «оказываются неспособными или почти неспособными соотноситься с конкретным референтом и тяготеют к позиции предиката (разрядка наша. — Авт.) [Там же, с. 333].

(*хануга, хитрюга*), *-ыг(а)* (*процелыга, торопыга*), *-с(а)* (*плакса*) и т. п. Ряд двуродовых существительных относится к непроизводным словам: *забияка, неряха, скряга, ханжа*. Более подробно классификацию слов общего рода см.: [Виноградов, 1986, с. 69–75; Современный русский язык, 1987, с. 94–95].

2. К двуродовым словам относят также ограниченный круг неофициальных личных мужских и женских имен, выступающих в качестве уменьшительных форм к полным именам: *Сима, Симка, Симочка* (Серафим, Серафима), *Валя, Валюша, Валька* (Валентин, Валентина), *Саша, Саня, Шура, Сашенька* (Александр, Александра).

3. К рассматриваемым словам принадлежат несклоняемые фамилии русского и иноязычного происхождения: *Кручёных, Живаго, Хитрово, Шевченко, Коваленко, Ганди, Чавчавадзе, Беллини, Моне, Росси, Кеннеди*.

4. Очень небольшую группу формируют несклоняемые личные существительные иноязычного происхождения: *протеже, визави, саами, коми, манси*.

Особенность двуродовых существительных заключается в том, что морфологическими средствами их принадлежность к мужскому или женскому роду не выражается: существительные 3-й и 4-й групп (типа *Кручёных* или *протеже*) не склоняются, а существительные 1-й и 2-й групп (типа *забияка* или *Сима*) склоняются одинаково при упоминании существ как женского, так и мужского пола. Таким образом, родовая отнесенность этих существительных определяется лишь синтаксическим поведением связанных с ними в словосочетании или в предложении изменяемых словоформ (прилагательных, причастий, родовых форм глагола и т. д. — см. выше), ср.: *ужасный забияка, несносная плакса, настоящий миляга, форменная размазня; Я московский озорной гуляка* (С. Есенин); *Я познакомился с хористкой Марией Шульц, очень красивой девушкой, но, к сожалению, великой пьяницей* (Ф. Шалапин); *На двенадцать засовов заперта хуторская Россия, И над ней умирает луна — эта круглая сирота* (М. Исаковский); *Тот оказался, хотя и добрым парнем, но изрядной размазней* (журн.); *Лора — главная заводила* (газ.); *Нина Владимировна Снегирева — наш школьный заводила* (журн.) (примеры из: [Русская грамматика, 1980, I, с. 466]); *В нашем зоопарке есть медвежонок — редкая сластена; Когда Женя поступила на первый курс, Саша уже учился на третьем*⁶⁸; *(Фредерик) Жюлио-Кюри был физиком и общественным деятелем / (Ирен) Жюлио-Кюри была физиком*

⁶⁸ От этих случаев варьирования существительными на *-а* своей родовой характеристики следует принципиально отличать случаи окказионального, метонимического или метафорического обозначения лиц мужского пола с помощью существительных женского рода: *Он — баба. Жалкая, впрочем, баба; его совсем не стоило бы любить женщине* (Ф. Достоевский).

и общественным деятелем; *Просите свидания со мной. Вам дадут, а я передам вам много важного и для вашей протезе и для нашей группы* (Л. Толстой); — *Напомните мне про вашего строителя, — сказал Селянин. — Вдруг я сумею ему помочь. Конечно, если ваш протезе еще жив* (А. Крон) [последние два примера из: Словарь, 1985–1988, III, с. 531].

Имена существительные первой группы противопоставлены остальным трем разновидностям по следующему признаку. Согласуемые с ними прилагательные не во всех случаях мотивированы биологическим полом характеризуемого лица или животного, ср. три типа возможных контекстов: *он — ужасный зануда, она — ужасная зануда, он — ужасная зануда*. В последнем случае двуродовые слова с оценочной семантикой проявляют тендентивную принадлежность к женскому роду. Имена собственные и названия национальностей, которые могут служить для обозначения лиц обоего пола, согласуются с именами прилагательными в строгом соответствии с биологическим полом лица. Они не употребляются для обозначения животных и не проявляют грамматического предпочтения по отношению к роду. Строго грамматически следовало бы отнести к двуродовым только оценочные имена существительные первой группы, а в последних трех случаях видеть наличие парных омонимических наименований для лиц разного пола. Подобная трактовка подтверждается тем обстоятельством, что полные имена, соответствующие уменьшительно-ласкательным во второй группе, имеют однозначную родовую отнесенность и разные формы, ср. *Александр* и *Александра*.

В отечественной грамматике [см., напр.: Русский язык, 1968б, с. 40–41] существует и более широкая трактовка данного явления: к общему роду причисляются личные существительные мужского морфологического рода типа *доктор, врач, секретарь, агроном, директор, бухгалтер*. Такие существительные могут указывать на лицо женского пола, допуская при этом согласование не «по форме», а «по смыслу» (главным образом в свободной разговорной речи): *хорошая врач, врач сказала, вице-президент приехала; Кондуктор, пожилая женщина, внимательно смотрела на него и улыбалась* (Л. Леонов). *По-видимому, прищипывательный счетовод серьезно заболела* (А. Коптяева)⁶⁹; примеры предложений из: [Там же, с. 24]. Расширенная трактовка анализируемого явления опирается в основном на два фактора.

⁶⁹ Впервые конструкции такого рода, однозначно указывающие на женский пол действующего лица, были отмечены А. М. Пешковским [Пешковский, 1938, с. 192–193]. «В современном литературном языке, особенно в разговорной его форме, активно распространяются употребления типа *врач пришла, бригадир уехала в поле* (наряду с сочетаниями *врач пришел, бригадир уехал*) и менее активно — сочетания типа *прекрасная врач* (наряду с сочетанием *прекрасный врач*). Такие сочетания представляют собой синтаксическое указание на пол называемого лица, — способ, конкурирующий со словообразовательным выражением того же значения» [Грамматика, 1970, с. 320].

Во-первых, как уже указывалось [см. также: Буланин, 1976б, с. 48–51], в современном русском языке существительные мужского рода могут употребляться в обобщенном значении, указывая на лиц без дифференциации по полу, в то время как существительные ж. рода всегда обозначают лиц женского пола. Так, безотносительно к дифференциации мужского и женского пола могут употребляться как формы мн. числа существительных — наименований профессий или различных социальных групп (*Наши артисты возвратились с гастролей; студенты нашей группы, инженеры этого отдела*), так и формы ед. числа таких слов (*пособие для учителя; идти на прием к врачу; встреча с ректором*).

Во-вторых, в современном русском языке отмечается тенденция к росту использования существительных м. рода в рассмотренном выше обобщенном значении. Реакция на эту тенденцию заключается в том, что, с одной стороны, снижается употребительность парных родовых слов ж. рода типа *учительница, артистка, студентка*⁷⁰. С другой стороны, слова типа *врач, доктор, бригадир, завуч, управдом*, либо совсем не имеющие суффиксальных соответствий ж. рода (*завуч, управдом*), либо располагающие двусмысленными⁷¹ или стилистически окрашенными соответствиями (*врачиха, докторша, бригадирша*), могут отреагировать на эту тенденцию лишь за счет «согласующихся по смыслу» родовых форм прилагательных и глаголов: «... Возникновение конструкции типа *врач сказала* было обусловлено тем, что система суффиксальных средств существительных оказалась не в состоянии удовлетворить потребность языка в ряде новых женских названий лиц по профессии и специальности» [Мучник, 1971, с. 235].

Хотя тенденция к развитию способности согласования «по смыслу» у существительных м. рода имеет прогрессирующий характер, слова типа *доктор, бригадир, бухгалтер* имеют очень существенное отличие от двуродовых существительных первой группы (*зубрила, забияка* и т. д.)⁷². С последними прилагательные в форме м. или ж. родов согласуются в любом падеже:

И. п. ужасный зубрила	ужасная зубрила
Р. п. ужасного зубрилы	ужасной зубрилы
Д. п. ужасному зубриле	ужасной зубриле
	и т. д.

⁷⁰ «В современных социальных условиях нет никаких причин систематически подчеркивать противопоставление мужского и женского труда (а также принадлежность к мужскому или женскому полу по отношению к различным социальным группам. — *Авт.*), а потому исчезает и надобность в постоянном противопоставлении в соответственных формах имен существительных мужского и женского рода» [Русский язык, 1968а, с. 49, 202].

⁷¹ Слова типа *докторша, дворничиха* могут обозначать, во-первых, жену доктора, дворника, а во-вторых, женщину-доктора, женщину-дворника.

⁷² Ниже во многом используются идеи и материалы из работы Л. Л. Буланина [Буланин, 1976б, с. 52–54].

Словосочетания же с существительными типа *врач, бригадир* ведут себя иначе, ср.:

И. п. <i>молодой врач</i>	<i>молодая врач</i>
Р. п. <i>молодого врача</i>	—
Д. п. <i>молодому врачу</i>	—
	и т. д.

Как видим, слово *врач* может употребляться как существительное общего рода лишь в форме им. падежа, поэтому ему доступны синтаксические позиции не всех членов предложения, ср.: *Молодая врач пришла* (подлежащее), *Иванова — молодая врач* (именная часть сказуемого), *Иванова, молодая врач, пришла* (обособленное приложение), но: *Иду к молодой врачу* или *Вижу молодую врача*. Таким образом, если признать слова типа *врач* существительными общего рода, то придется допустить, что в этом случае они остаются однопадежными существительными, т. е. «являются грамматическим курьезом. Они не могут быть признаны несклоняемыми и в то же время не могут быть поставлены в один ряд с «обычными» существительными («многopaдежными»). Однопадежность слов типа *врач* (в случае, если они употребляются по отношению к лицу женского пола. — *Авт.*), т. е. бесспорная грамматическая дефектность, в сочетании с определенными стилистическими ограничениями, задерживающими становление нового класса слов, говорит скорее против признания их существительными общего рода» [Буланин, 1976б, с. 53].

Что касается слов типа *коллега, староста, судья*, то они принадлежат к морфологическому женскому роду и таких ограничений в синтаксическом функционировании не обнаруживают, ср.: *иду к молодой судье, вижу молодую судью; Судью-то нарочно попросили самую строгую прислать* (газ.); последний пример из: [Русская грамматика, 1980, I, с. 467]. Однако такое употребление не дает оснований для причисления этих слов к двуродовым существительным. Во-первых, в их семантике отсутствует оценочный компонент, характерный для двуродовых существительных типа *зabияка*. Во-вторых — и это главное — при характеристике лица мужского пола двуродовые существительные могут определяться согласуемыми словами в форме как мужского, так и женского рода: *Иванов — большой / большая умница*. Существительные же типа *староста* в таких случаях могут определяться только согласуемыми словами в форме мужского рода [см.: Там же, с. 467–468], ср.: *Иванов — хороший староста*, но: *Иванов — хорошая староста*.

Подытоживая, можно заключить, что слова м. рода типа *врач, бухгалтер* и типа *староста, судья* обнаруживают в современном русском языке новые возможности в своем синтаксическом поведении, функционально сближающие их с двуродовыми существительными⁷³. Однако этот функционально-синтаксический сдвиг не при-

⁷³ Отмечаемое расширение синтагматики таких слов позволяет квалифицировать их как существительные м. рода с развивающейся двуродовостью [Панова, 1996, с. 111].

водит к полному семантическому и грамматическому уподоблению слов этого типа двуродовым существительным: «Существительные мужского рода при этом не становятся существительными общего рода» [Грамматика, 1970, с. 320].

Категория рода и согласовательные классы. Понятие согласовательных классов было введено в отечественное языкознание А. А. Зализняком [Зализняк, 1967а, с. 62–81] и поддержано Грамматикой 1970 [Грамматика, 1970, с. 322]. Поскольку родовая принадлежность существительных наиболее отчетливо и регулярно отражается на синтаксическом поведении согласуемых с ними изменяемых слов (см. выше), то этот критерий и был положен в основу рассматриваемой классификации. Если сопоставить сочетаемость существительных, например, *дом* и *сад* с прилагательным *белый*, то выясняется, что набор согласуемых словоформ (*белый, белого, белому, белый, белым, (о) белом; белые, белых, белым, белые, белыми, (о) белых*) для них окажется одинаковым. Но для одушевленного существительного того же рода, например, *слон* набор словоформ уже будет отличаться в вин. падеже ед. и мн. числа, ср.: *вижу белый дом / белые дома* и *вижу белого слона / белых слонов*. Следовательно, лексемы *дом* и *слон* будут относиться к разным согласовательным классам, а сами «согласовательные классы создаются как бы пересечением категории рода и категории одушевленности — неодушевленности» [Буланин, 1976б, с. 54]. Так как каждый из трех родов содержит одушевленную и неодушевленную разновидности⁷⁴, то «в действительности число согласовательных классов в русском языке по крайней мере вдвое больше, чем число родов» [Зализняк, 1967а, с. 67]. Для различения согласовательных классов в наборе согласуемых словоформ показательными являются две формы. Формы им. падежа ед. числа демонстрируют родовые различия между существительными, ср.: *белый дом / слон, белая стена / коза, белое окно / чудовище*. Формы вин. падежа мн. числа (для всех трех родов — см. выше) характеризуют существительные в отношении одушевленности — неодушевленности, ср.: *белые дома / стены / окна* и *белых слонов / коз / чудовищ*. Сопоставляя соответствующие наборы словоформ, А. А. Зализняк выделил следующие согласовательные классы русских существительных.

1-й класс — неодушевленные существительные м. рода. Тип *дом: высокий склон, большой кусина, маленький заводичко, долгий путь, крепкий кофе, ночной Хельсинки, наш СПбГУ*.

2-й класс — одушевленные существительные м. рода. Тип *слон: хороший ученик, высокий мужчина, маленький зайчишка, сметливый подмастерье, известный конферансье*.

⁷⁴ Это наблюдение содержится уже в работах Н. Н. Дурново, изданных в 1924 г. см.: [Зализняк, 1967а, с. 67, 69]. Там же и ссылки на соответствующие работы Н. Н. Дурново.

3-й класс — неодушевленные существительные ж. рода. Тип *стена: правая рука, теплая ночь, свежая салями, ближайшая МТС (междугородная телефонная станция)*.

4-й класс — одушевленные существительные ж. рода. Тип *коза: известная красавица, осторожная рысь, истинная леди*.

5-й класс — неодушевленные существительные ср. рода. Тип *окно: заросшее болото, бескрайнее море, неизвестное племя, короткое интервью, наше ВТО (Всероссийское театральное общество)*.

6-й класс — одушевленные существительные ср. рода. Тип *чудо-вище: странное существо, спокойное дитя, незнакомое млекопитающее*.

7-й класс — неодушевленные существительные pluralia tantum. Тип *сани: скрипучие ворота, острые ножницы, модные брюки, бессонные сутки*.

Выделяя 7-й класс, А. А. Зализняк исходил из допущения о том, слова типа *сани* «могут обозначать и один, и несколько соответствующих предметов: ср. *одни сани* и *многие сани, ворота нашего дома* и *ворота всех домов* и т. д.» [Там же, с. 58]. Таким образом, было предложено считать, что здесь мы имеем дело с омонимией чисел, т. е. что словосочетание *новые сани* может иметь значение не только им. падежа ед. числа (*У ворот стояли новые сани*), но и значение вин. падежа мн. числа (*У ворот я увидел новые сани, да не одни, а целую тройку*). Следовательно, по набору сопоставляемых словоформ 7-й класс не совпадает ни с одним из шести других классов, формирующих традиционно выделяемые родовые группы (табл. 2).

Таблица 2

Согласовательные классы русских существительных (по А. А. Зализняку)

Падеж, число	Мужской род		Женский род		Средний род		Парный род
	Согласовательные классы						
	класс 1 (дом)	класс 2 (слон)	класс 3 (стена)	класс 4 (коза)	класс 5 (окно)	класс 6 (чудо-вище)	класс 7 (сани)
И. ед.	белый	белый	белая	белая	белое	белое	белые
В. мн.	белые	белых	белые	белых	белые	белых	белые

Напомним, что при традиционном отношении к родовой системе существительные pluralia tantum всегда признаются словами, не имеющими родовых различий [см., напр.: Буланин, 1976б, с. 44]. Если же опираться на согласовательный критерий, то выясняется, что, с одной стороны, 7-й класс выделяется на основании тех же сопоставлений, что и все остальные классы. Но, с другой стороны, если рассматривать систему согласовательных классов по отношению

к родам, то здесь 7-й класс явно отличается: «От всех трех родов сразу он отличается омонимией словоформ разных чисел» [Зализняк, 1967а, с. 78]. На основании вышеизложенного предлагается признать, что в русском языке существуют не три, а четыре рода, и четвертый род может быть назван «парным»⁷⁵. Таким образом, по мнению А. А. Зализняка, «выявленные выше семь согласовательных классов охватывают все русские существительные; иначе говоря, они образуют действительную классификацию существительных, в отличие от традиционной системы родов» [Там же, с. 78].

Изложенный взгляд на род в русском языке как на четырехчленную систему не является общепринятым в русской грамматике, хотя представлен уже и в учебной литературе [Современный русский язык, 1989, с. 407–408]. Одно из главных преимуществ такого подхода заключается в том, что с выделением парного рода рассматриваемая категория в большей степени соответствует понятию «грамматическая категория», так как охватывает всю лексику, объединяемую понятием «часть речи» (в данном случае существительным). Однако предлагаемая классификация не может рассматриваться как универсальная и однозначная: есть существительные, которые могут одновременно относиться к разным согласовательным классам, например: двуродовые существительные (*невежа, забияка, соня*) одновременно относятся и ко 2-му, и к 4-му согласовательному классу; существительные, не обладающие формами мн. числа, типа *листва, молодежь* можно одновременно причислять к 3-му и 4-му классам, существительные типа *молоко* — к 5-му и 6-му классам. Кроме того, схема А. А. Зализняка может подвергаться преобразованиям, поскольку основанием для выделения классов могут служить не только категории рода и одушевленности, но и категория числа существительных. Это дает уже другой набор выделяемых согласовательных классов (как в отношении их количества, так и в качественном отношении [подр. см.: Милославский, 1981, с. 57; Современный русский язык, 1989, с. 408–409, 420]). Следовательно, и в классификации А. А. Зализняка обнаруживаются примерно те же «недостатки», что и при традиционном распределении существительных по трем родам.

Безусловно, введение понятия согласовательных классов выявило взаимодействие и взаимосвязь категорий рода и одушевленности — неодушевленности существительных, а также их совокупного влияния на синтаксическое поведение слов⁷⁶, но заменить тради-

⁷⁵ «Разумеется, далеко не всякое слово парного рода содержит в своем значении элемент парности, но в этом отношении термин “парный” вполне сходен с терминами “мужской” и “женский”, которые тоже опираются на признак, характерный только для наиболее важной группы слов соответствующего рода» [Там же, с. 80].

⁷⁶ Не случайно согласовательный класс характеризуется как особая синтаксическая категория [Грамматика, 1970, с. 322].

ционную трехчленную классификацию данная схема не может. При таком подходе, абсолютизирующем одну, пусть и самую яркую, сферу проявления категории рода, в тени остаются все же еще явно ощущаемые в формах ед. числа морфологические и семантические различия субстантивных слов. Следует особенно подчеркнуть, что именно синтаксические характеристики выявления родовой принадлежности слова не дают достаточных оснований для выделения других родов, кроме мужского, женского и среднего. На этот счет есть очень точное, на наш взгляд, замечание А. А. Камыниной: «В прилагательных указанное свойство (способность обнаруживать род существительного. — *Авт.*) является отраженным и формируется на основе согласования форм прилагательного с соответствующими формами существительных (в частности, поэтому *флексии прилагательного могут указать только на мужской, женский и средний род. В прилагательных нет ни общего, ни парного рода, нет прилагательных, которые были бы pluralia tantum*) (курсив наш. — *Авт.*)» [Камынина, 1999, с. 43].

Род несклоняемых существительных и аббревиатур. Родовая вариантность. Большинство несклоняемых существительных распределяется по родам в зависимости от их лексического значения и морфонологической формы.

Неодушевленные несклоняемые существительные иноязычного происхождения, оканчивающиеся на гласный, как правило, принадлежат среднему роду: *манто, эскимо, танго, кафе, фойе, ампула, антраша, бра, шасси, эжюри, табу, паспарту, интервью*. К среднему же роду относятся и названия спортивных клубов («*Динамо*», «*Торпедо*», «*Торино*», «*Челси*»). Последние могут употребляться и как слова мужского рода («*Торино*» / «*Челси*» *проиграл последнюю игру*), что объясняется родовым влиянием существительного, обозначающего более общее понятие *клуб*. Такими же ассоциациями определяется и принадлежность небольшого количества слов этой группы к существительным мужского или женского рода. Ср.: существительные м. рода: *дует знойный сирокко* (родовое понятие — ветер); *банту, урду, суахили, фиджи* (язык); *сулугуни, бри* (сыр); существительные ж. рода: *иваси* (сельдь), *кольраби* (капуста), *саями* (колбаса), *бере* (сорт груши), *авеню* (улица). В тех случаях, когда значение слова и его «морфонологический облик» не соответствуют друг другу, несклоняемые существительные могут испытывать колебания в роде, ср.: *Ее чистый, звучный контральто проникал до сердца* (Ф. Достоевский) (здесь слово *контральто* употреблено как слово мужского рода в соответствии с родовым понятием *голос*); *Контральто Тани звучало — низкое, ровное, густое* (М. Горький)⁷⁷ (в этом случае вступает в действие ассоциация с морфонологическим средним родом — благодаря конечному *-о*). Ср. также: *зажигатель-*

ное сиртаки и зажигательный сиртаки (в соответствии с родовым словом *танец*); *сочное киви и сочный киви* по родовому наименованию плод; но вряд ли *сочная фейхоа* — как рекомендует МАС [Словарь, 1985–1988, с. 557].

К женскому роду относятся одушевленные несклоняемые существительные, обозначающие лиц женского пола (*фрау, пани, мисс, мадам, леди*), а также женские собственные имена (*Элен, Элизабет, Бетси, Мэри, Кармен*). К мужскому роду принадлежат слова, обозначающие лиц мужского пола (*дэнди, кули, маэстро, рантье, буржуа*). Сюда же включаются и несклоняемые названия животных (*эну, фламинго, пони, какаду*), которые в словарях помечены мужским родом, но при обозначении самки могут употребляться и как слова женского рода: *испуганная шимпанзе / кенгуру*. Существительное *цеце* (муха) относится к женскому роду.

Род несклоняемых географических названий и других неодушевленных имен собственных определяется либо родом того нарицательного родового слова, с которым связано данное имя собственное (*деловой (город) Токио; полноводная (река) Миссисипи, спокойное (озеро) Онтарио, французская (газета) «Юманите»*), либо внешним обликом самого неизменяемого слова (*известное всем Ровно* — по ассоциации с морфонологическим средним родом). Поскольку связь с родовым понятием может быть неоднозначной, то некоторые существительные этого типа могут испытывать колебания в роде, ср.: *Килиманджаро (вулкан) давно не просыпался; В тот день Килиманджаро (гора) была укутана облаками*. Колебания в роде возможны также и по той причине, что эти слова, будучи неодушевленными и несклоняемыми, тяготеют к среднему роду ср.: *тихий Потти (город)* и «*ночное Потти*» (Б. Пастернак).

Род несклоняемых сложносокращенных слов (аббревиатур) определяется по роду стержневого, или опорного, слова того словосочетания, которым расшифровывается данная аббревиатура. Так, *ВВП* — мужского рода (*внутренний валовой продукт*), *ГИБДД* — женского рода (*Государственная инспекция безопасности дорожного движения*), *ВТО* — среднего рода (*Всероссийское театральное общество*). Отметим, что аббревиатуры, стержневое слово которых употребляется в форме множественного числа, характеризуются как существительные, не имеющие родовых различий: *СМИ (средства массовой информации)*, *США (Соединенные Штаты Америки)*, *ВВС (военно-воздушные силы)*. Несклоняемые аббревиатуры принадлежат к неодушевленным существительным, следовательно, и для них, как и для других слов из рассмотренных выше групп, не исключен средний род, чем и объясняются колебания в употреблении, ср.: *Одно КПП они проехали еще до начала разговора о документах* (К. Симон) (*КПП — контрольно-пропускной пункт*); *...пусть отправят в одесское Чека* (И. Бабель) (*Чека — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем* (1918–1922 гг.); *НАТО*

⁷⁷ Примеры заимствованы из: [Шанский, Тихонов, 1987, с. 105].

вмешалось (Организация Северо-Атлантического пакта), НАТО родилась в 1949 году [Буланин, 1976, с. 47].

Следует подчеркнуть, что склоняемые аббревиатуры типа *лес-промхоз* (лесное промышленное *хозяйство*) приобретают мужской род, так как здесь решающим фактором является не родовая принадлежность опорного слова, а склоняемость таких аббревиатур по образцу слов мужского рода типа *забор, дом*. Соответственно ведут себя и склоняемые аббревиатуры на согласный⁷⁸ типа *вуз* (*высшее учебное заведение*), *МИД* (*Министерство иностранных дел*), ср.: *ближайший вуз, МИД прокомментировал это событие*. Некоторые аббревиатуры такого типа (*ВАК* — *Высшая аттестационная комиссия*, *БАМ* — *Байкало-Амурская магистраль*) обнаруживают родовую вариативность, что связано с особенностями их склоняемости⁷⁹: *ВАК рассмотрела / рассмотрел диссертацию*.

Небольшая группа слов (около 150) может иметь варианты родовые формы — чаще всего с окончаниями м. и ж. рода⁸⁰. Обычно такие родовые формы противостоят друг другу в нормативно-стилистическом аспекте: *абрикос* — *абрикоса* (прост.); *бакенбард* (устар.) — *бакенбарда*; *фильм* — *фильма* (устар.); *занавес* — *занавесь* (устар.); *рельс* — *рельса* (устар., прост.) и т. п. Некоторые варианты родовые формы стилистически не разграничиваются, обычно это наблюдается у существительных, большей частью употребляющихся во мн. числе: *скирд* — *скирда*, *заусенец* — *заусеница*, *ставень* — *ставня*.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что для исследователя род существительного на сегодня является загадкой как в содержательном, так и в формальном плане. Поскольку все существительные в ед. числе обязательно обладают родовой характеристикой, род должен признаваться грамматической категорией, хотя бы и частного типа⁸¹. Как и всякая грамматическая категория, род должен быть охарактеризован и с точки зрения «плана содержания» (семантически), и с точки зрения «плана выражения» (формально). Данная категория по сути своей является не номинативной, а структурной, поэтому при описании ее содержательной стороны «речь идет прежде всего не о семантическом, а о структурном содержании» [Бондарко, 1976, с. 30]. Следовательно, содержательная сторона рода всецело определяется структурными характеристиками данной категории, т. е. задается «планом выражения». Более того, можно сказать, что в данном случае возникает ситуация, когда план выражения

⁷⁸ Все аббревиатуры на гласный не склоняются.

⁷⁹ Подробнее см.: [Буланин, 1976б, с. 46–47; Современный русский язык, 1999, с. 394].

⁸⁰ [Современный русский язык, 1987, с. 105].

⁸¹ Напомним, что не все существительные имеют родовой признак: родом не характеризуются существительные *pluralia tantum* типа *сутки, ворота, дрожжи* и т. п.

не только неразрывно связан с планом содержания, но и является собой суть последнего. Такая специфика организации категории рода предписывает ее описание «от формы», т. е. ставит во главу угла изучение средств выражения. С этой точки зрения как специальная литература, так и содержащееся в данной работе рассмотрение категории рода свидетельствуют о следующем.

Описания внутрисловных средств выражения информации о родовой принадлежности существительных прежде всего позволяют отметить, что круг слов, род которых обусловлен единственным фактором, очень ограничен. Это слова типа *папа, мужчина*, принадлежность которых к мужскому роду определяется только их лексическим значением. Иногда в группу существительных, родовая принадлежность которых предопределяется единственным свойством, включают и все субстантивированные прилагательные (*военный, столовая, мороженое* и т. п.), утверждая, что их род «выражается специальными и самодостаточными средствами», т. е. собственно морфологически — «экспортированными» адективными окончаниями (*-ой, -ая, -ое*) [Панова, 1996, с. 91; ср. также: Камынина, 1999, с. 43]. На наш взгляд, это положение нуждается в уточнении. В случае со словами *папа, мужчина* лексическая семантика слова предопределяет как его предметность (т. е. принадлежность к части речи — существительному), так и родовую характеристику. Иными словами, зная только лексическое значение слов *папа, мужчина*, мы можем заключить, что перед нами существительные мужского рода. В случае же со субстантиватами лексическая семантика слова является признаковой, следовательно, имея сведения только о лексическом значении слова, например, *столовая*, нельзя сделать вывод о его родовой принадлежности: если мы имеем дело с существительным, то это слово женского рода, если же это прилагательное, то оно изменяется по родам. Следовательно, для большинства субстантиватов (*столовая* и др.) род предопределяется совокупностью признаков: грамматическими (частеречными) признаками слова и собственно морфологически — флексией. Таким образом, круг существительных, обладающих исключительно морфологическими характеристиками рода, ограничен лишь полными субстантиватами⁸² типа *портной* (употребляется только как существительное м. рода), *горничная* (только ж. род), *насекомое* (только ср. род). Тем не менее род традиционно причисляется к морфологическим категориям, несмотря на то, что «самодостаточных формальных средств выражения рода у существительного нет» [Панова, 1996, с. 134].

Для абсолютного большинства русских существительных характерна сочетаемость носителей значения рода: формальных (окончаний, типов основ, склонений), номинативных и словообразователь-

⁸² О типах субстантивации прилагательных см.: [Богданов, Смирнов, 2004, с. 21–30].

ных [см., напр.: Панова, 1996, с. 127–134; Камынина, 1999, с. 42–45; Русский язык, 2001, с. 522–524]). При этом, во-первых, в грамматической системе современного русского языка выявляется как минимум «семь закономерностей, обуславливающих родовую принадлежность склоняемых существительных» [Панова, 1996, с. 127] и, во-вторых, «еще меньше свойствами самого слова определяется род несклоняемых существительных» [Камынина, 1999, с. 44]. Таким образом, остается лишь констатировать следующее: 1) носители языка владеют закономерностями родовой отнесенности существительных «на уровне интуитивных знаний грамматической системы языка» [Панова, 1996, с. 134]; 2) изучение и структурирование средств выражения рода с целью выявления доминантных характеристик родовой системы в целом, что даст возможность описать и план содержания данной категории, — дело будущего. Пока же обобщения, касающиеся сути грамматической категории рода русских существительных, таковы: «Уникальный случай представляет категория рода в существительном, которая выделяется только по морфологическим показателям в контексте, т. е. *не имеет собственных показателей в существительном* (курсив наш. — Авт.)» [Ревзина, 1973, с. 11; цит. по: Панова, 1996, с. 82]; «...Иногда становится невозможным указать ту грамму, которая является носителем данного значения, и тогда носителем значения приходится считать конструкцию (т. е. контекст высказывания. — Авт.) — определенную совокупность условий» [Апресян, 1985, с. 63; цит. по: Панова, 1996, с. 128].

§ 5. Категория числа

Предварительные замечания. Категория числа отражает внеязыковые количественные различия между предметами, называемыми существительными. В современном русском языке эти различия выражаются в системе двух противопоставленных рядов форм — единственного и множественного числа. «Базовые значения»⁸³ всех форм единственного числа показывают, что называемый предмет представлен в количестве равном одному; противопоставленные им базовые значения форм множественного числа показывают, что предмет представлен в количестве большем, чем один: *дом* (один) — *дома* (два и более); *стена* (одна) — *стены* (две и более); *окно* (одно) — *окна* (два и более).

В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках (в санскрите, древнегреческом), наряду с единственным и множественным числом существовало двойственное число [см.: Плунгян, 2000, с. 277]. Следовательно, эта категория включала в себя не два, а три противопоставленных ряда форм (граммем). Основная

лексическая группа, формировавшая двойственное число, — это существительные, называющие парные объекты (*близнецы, родители, берега* и т. п.), «и прежде всего объекты, расположенные по обеим сторонам оси симметрии, которая столь характерна для строения живых существ (ср. *глаза, уши, руки, бока, рукава, сапоги, лыжи* и многие другие)» [Там же]. В современном русском языке (как и в других естественных языках, утративших двойственное число) эта семантическая группа имеет особые грамматические свойства (см. ниже).

Однако не все существительные противопоставлены по признаку «единичность — множественность». Есть существительные, лексические значения которых не предполагают этого противопоставления, поэтому они имеют формы или только единственного, или только множественного числа, ср.: *молоко, детвора, белизна* и *сани, дрова, дебаты*. Поскольку, с одной стороны, «любая форма существительного обязательно относится к единственному или множественному числу» [Русская грамматика, 1980, I, с. 471], но, с другой стороны, понятие количества применимо только к тем существительным, которые обозначают считаемые (исчисляемые, дискретные) объекты типа *дом, стена* (см. ниже), то «возникает конфликт между обязательностью и специфическими свойствами данного значения» [Плунгян, 2000, с. 280]. Этот основной конфликт в свою очередь порождает ряд проблем при определении общего грамматического значения категории числа, ее статуса в системе субстантивного формообразования и др. Представляется, что специальное рассмотрение этих теоретических вопросов должно предваряться описанием конкретных особенностей существительных, которые по отношению к категории числа обладают определенной спецификой и традиционно делятся на представленные ниже группы.

Группы существительных, выделяемые по отношению к категории числа. Существительные, имеющие формы обоих чисел. К этой группе принадлежит основная масса существительных, которые и формируют ядро грамматической категории числа. Формы обоих чисел, противопоставленные только по признаку «единичность — множественность», могут иметь лишь существительные, называющие такие предметы (объекты), которые поддаются счету и соответственно называются считаемыми, исчисляемыми или дискретными. Эти существительные могут употребляться в сочетании с именами числительными: *компьютер — три компьютера — компьютеры, сестра — пять сестер — сестры, совещание — два совещания — совещания*. Сюда относятся следующие слова: 1) существительные, обозначающие предметы, которые имеют «пространственные и / или временные границы» [Плунгян, 2000, с. 278]: *камень — камни, собака — собаки, учительская — учительские, окно — окна, день — дни, ночь — ночи, утро — утра*; 2) существительные, которые обозначают конкретные ситуации (акты), имеющие начало и конец:

⁸³ [Плунгян, 2000, с. 277].

вихрь – *вихри*, *мысль* – *мысли*, *разбирательство* – *разбирательства* [Там же]⁸⁴.

Основным значением форм единственного числа считае мых существительных является значение реальной единичности, противопоставленной множественности: *На севере диком стоит одиноко На голой вершине сосна* (М. Лермонтов); [пример из: Русская грамматика, 1980, I, с. 472]. Это значение в текстах наиболее частотно. Вторичным значением этих форм является родовое значение. В этом случае существительное обозначает предмет в качестве представителя данного класса однородных предметов и соотнесенность с реальной единичностью отсутствует, ср.: *Сосна — это хвойное дерево*. Такое употребление форм единственного числа характерно для констатаций и высказываний о чем-то постоянном и очевидном: *Медведь зимой впадает в спячку; Русский глагол спрягается; Гепард бежит быстрее льва*. «В русском языке, в принципе, в таких контекстах обычно возможна замена единственного числа на множественное, с тонкой и не всегда ясно ощущаемой семантической разницей; ср. поговорку *Что русским здорово, то немцу смерть*, в которой оба подчеркнутых существительных употреблены в родовом значении, но первое из них имеет форму множественного, а второе — единственного числа» [Плунгян, 2000, с. 282]. Формы единственного числа имеют и другие вторичные значения (оттенки значений). В них может реализоваться обобщенно-собирательное значение [Русская грамматика, 1980, I, с. 472]: *В нашем лесу растет только сосна, а береза не растет; В Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица* (В. Распутин); *В тылу врага, не имея инструмента, медикаментов, он провел сотни операций* (газ.). *Швед, русский — колет, рубит, режет* (А. Пушкин); *Изведал враг в тот день немало, Что значит русский бой удалый* (М. Лермонтов). Указанные вторичные значения форм единственного числа (родовое и обобщенно-собирательное) не имеют четко выраженного характера, и граница между ними достаточно условна. Если в значении считае мого существительного есть компонент ‘вещество’, то в определенных контекстах этот компонент выходит на первый план, и у слова проявляется вещественное значение: *мебель из дуба, дом из камня, варенье из вишни, резьба по дереву, тирог с лимоном*. Выделяют также еще дистритивное (распределительное) значение форм единственного числа. Это значение обнаруживается в предложениях, описывающих ситуацию с несколькими участниками, у каждого (или у многих) из которых есть называемый предмет: *В это*

⁸⁴ Некоторые существительные, несмотря на наличие форм обоих чисел, употребляются преимущественно в формах либо единственного, либо множественного числа. Это относится к таким, например, формам множественного числа, как *инициалы, медикаменты, шпалы, кавычки, туфли, ставни, поручни, гетры*. Такого рода сведения фиксируются в толковых словарях при отдельных лексемах.

время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб и слезы выступают в глазах, бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны (Н. Гоголь); *Писаря встали и заложили перья за ухо* (А. Пушкин); [примеры из: Буланин, 1976б, с. 57–58]; *солдаты стояли, понури в голову; студенты открыли учебник на странице 27*. В таких условиях формам единственного числа также соответствуют формы множественного числа, ср.: *солдаты стояли, понури в головы; студенты открыли учебники на странице 27*.

Основным значением форм множественного числа считае мых существительных является обозначение реальной расчлененной множественности предметов, противопоставленное их единичности: *сосны, медведи, глаголы, гепарды* и т. д. Формы множественного числа могут также обозначать абстрактное множество. В этих случаях они соотносимы с формами единственного числа в родовом значении (см. выше). В такого рода конструкциях содержится указание на все предметы данного класса (неважно, сколько их, — важно, что все) как на обладающие данным свойством: *Медведи зимой впадают в спячку; Русские глаголы спрягаются; Гепарды бегают быстрее львов*. Можно выделить и некоторые другие частные значения форм множественного числа. Так, значение совокупности как нерасчлененного множества, не поддающегося исчислению, может присутствовать в формах множественного числа существительных следующих тематических групп: а) в названиях лиц по национальности, профессии, роду занятий, социальному положению, территориальному признаку (*французы, русские, врачи, студенты, физики, пенсионеры, сибиряки* и т. п.): *Лесники — народ не очень разговорчивый, Для японцев Фудзияма священна*; б) в названиях овощей, фруктов, плодов (*помидоры, огурцы, персики, яблоки, грибы, ягоды* и т. п.): *К столу были поданы помидоры и огурцы* (здесь *помидоры* и *огурцы* не обозначают расчлененного множества предметов, а мыслятся как блюдо); *Почем грибы (ягоды, сливы)?* (в таком контексте речь идет о разновидности того или иного товара, который представляется как некая недискретная совокупность предметов, масса); в) в названиях парных предметов и в некоторых названиях, чаще употребляемых во множественном числе (*туфли, валенки, тапочки, носки, поручни, волосы, ногти, кружева*) [Буланин, 1976б, с. 58; Русская грамматика, 1980, I, с. 472].

Формам множественного числа существительных, обозначающих время, пространство, действие, состояние, свойственные значения длительности, протяженности (временной или пространственной): *на вечные времена; бескрайние просторы, массивы лесов; необозримые дали (поля, луга); Начались искания (исследования, споры); Зарядили дожди; Подули ветры; ужасные боли (страдания, муки, терзания)*. Аналогичным значением обладают и формы мно-

жественного числа вещественных существительных [Арбатский, 1970, с. 71–73; Буланин, 1976б, с. 59].

В специальной литературе⁸⁵ отмечается все более широко распространяющееся в современном русском языке (и прежде всего в разговорной речи) употребление форм множественного числа существительных со значением лица «в таких контекстах, в которых имеет место намеренное отстранение лица от конкретной единичности» [Русская грамматика, 1980, I, с. 472]: *В дверь просунулся Яков Узелков. — Можно? — Нельзя, — сказал Венька и, выглянув в коридор, строго отчитал постовых: зачем они пропускают разных граждан с улицы? — Я не с улицы! — закричал Узелков. — Я представитель прессы... — Представители пусть приходят утром, — сказал Венька (П. Нилин); В вагоне у нас новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом (из устной речи). Это значение — так называемое «множественное гиперболическое» [Арбатский, 1972, с. 92], или «неопределенное множественное» [Плунгян, 2000, с. 282] — часто проявляется не только в условиях, связанных с упоминанием лица⁸⁶; высказывания, содержащие формы множественного числа с данным значением, становятся в какой-то степени устойчивыми формулами: *ходить, шататься по магазинам, театрам, выставкам, ресторанам, дачам; Не устраивай истерик; Не поднимай шума из-за пустяков; Не лезь со своими советами, нежностями; делать что-то без рассуждений, капризов, разговоров; никаких исключений, никаких колебаний, никаких сомнений; какие могут быть сомнения, разговоры; какие еще тосты, приветствия и т. д.* [Арбатский, 1972, с. 94; Буланин, 1976, с. 59–60].*

Существительные, имеющие только формы единственного числа (*singularia tantum*). Сюда входят слова с невыраженным противопоставлением по числу, т. е. несчитаемые (неисчисляемые) существительные: большая часть имен собственных; нарицательные существительные, относящиеся к собирательным, вещественным и отвлеченным; небольшая тематическая группа названий игр (*футбол, баскетбол, бейсбол, бильярд, покер, лото*).

Как уже отмечалось выше, отсутствие форм множественного числа у большинства слов *singularia tantum* не означает того, что для них исключена сама возможность образования форм со значением и признаками множественного числа. Формы множественного числа собирательных, вещественных и отвлеченных существительных

⁸⁵ [Арбатский, 1972; Русский язык, 1968, с. 159].

⁸⁶ «Этот семантический тип очень характерен для русского языка, особенно в экзистенциальных, вопросительных и отрицательных контекстах, ср.: *У нас гости* (вполне может иметься в виду один человек); *Есть ли еще свободные места?* (вопрос вполне может задать один человек, имея в виду только себя лично); *Где мое письмо?* — *Я не получал никаких писем* (ср.: *Не получил твоего / ни одного письма*). ... В других языках в этой функции может употребляться и единственное число или (как в кушитских языках...) особая форма имени» [Плунгян, 2000, с. 282].

singularia tantum наблюдаются в художественной литературе, особенно частотны они в поэтических текстах: *Друг! Дожди за моим окном, Беды и блажи на сердце* (М. Цветаева); *Он создал тысячи диковин И может не бояться стуж* (Б. Пастернак); *Земля! зеленая планета! Ничтожный шар в семье планет! Твое величие — имя это, Меж слав твоих — прекрасней нет!* (В. Брюсов); *Хватит с меня этих отдыхов!* (И. Бунин); *Колорит, развернутый приятелем, был отличный: в бархатах Тинторетто перекликались синевы Веронезе* (К. Петров-Водкин); *сильные низкие ревы пароходных гудков* (Ю. Казаков). Примеры такого рода дают основания говорить о том, что в целом существительные *singularia tantum* могут быть охарактеризованы как слова с потенциально полной парадигмой, хотя нормой является их употребление в формах единственного числа [Русская грамматика, 1980, I, с. 473]. Однако если учисляемых существительных отношение «единичность – множественность» отражает количественное противопоставление ‘один предмет’ – ‘множество предметов с теми же качествами’ (*дом – дома, кошка – кошки*), то у существительных *singularia tantum*, имеющих формы множественного числа, это противопоставление имеет уже качественно иной характер: наблюдается расхождение лексических значений форм единственного и множественного числа. Ср. *вкусное масло – технические масла; холодная вода – бескрайние воды океана; завораживающая красота – красоты природы* [Там же]. Отмечаемые у ряда лексем различия лексических значений форм единственного и множественного числа, а также несовпадение контекстных условий их употребления (*намазать масло* (а не *масла*) *на хлеб, играть в песок* (а не *в пески*), *пить кипяченую воду* (а не *воды*), *начать посев* (не *посевы*) *кукурузы*) приводят некоторых исследователей к выводу о том, что по отношению к категории числа такие существительные могут быть выделены в отдельную группу [Камынина, 1999, с. 53].

Существительные, имеющие только формы множественного числа (*pluralia tantum*). Группа существительных *pluralia tantum* в русском языке довольно многочисленна — их около 500 [Иорданский, 1956]. Слова *pluralia tantum* противостоят одновременно как считаемым существительным, так и существительным *singularia tantum*: во-первых, они не имеют форм со значением и признаками другого (единственного) числа даже в качестве потенциальных, т. е. являются абсолютными существительными одного числа; во-вторых, все они объединены общей семантикой собирательности (с различными оттенками для описанных ниже подгрупп)⁸⁷.

1. Существительные, обозначающие конкретные «сложные предметы»: а) парные, т. е. состоящие из двух одинаковых частей: *брюки, очки, ножницы, рейтузы, плоскогубцы, щипцы*; б) состоящие из

⁸⁷ При описании подгрупп существительных *pluralia tantum* мы опираемся на классификацию, данную в: [Русская грамматика, 1980, I, с. 473–474].

многих одинаковых или мелких частей, деталей: *грабли, мостки, пути, соты, счеты, хоромы, четки, часы, шахматы*. Существительные этого разряда, в принципе, допускают счет с использованием формы мн. числа слова *один* или с помощью собирательных числительных и других слов с количественной семантикой: *одни брюки, двое очков, множество часов, несколько мостков*.

2. Существительные, обозначающие совокупности чего-либо как множества, т. е. «собирательность в собственном смысле слова» [Буланин, 1976б, с. 55]: *дебри, джунгли, недра, сласти, припасы, чары*. Собирательное значение в словах данной подгруппы не находит специального формального выражения, и этим они отличаются от соответствующих собирательных существительных *singularia tantum* (ср. *листва, ельник, аппаратура, варево*).

3. Существительные, обозначающие однородные массы (вещества, материалы, кушанья, а также остатки, отходы): *чернила, румяна, обои, консервы, сливки, щи, выжимки, помои*. Сюда же примыкают сложные существительные со вторыми компонентами *-материалы, -продукты, -товары* (*пиломатериалы, морепродукты, промтовары* и т. п.). Некоторые слова, принадлежащие этому разряду, по характеру своего лексического значения близки к вещественным существительным *singularia tantum* (ср.: *сливки, духи и молоко, вино*).

4. Существительные, обозначающие сложные действия, процессы, состояния, игры, обряды (длительные или состоящие из ряда отдельных актов, а также совершаемые многими субъектами или соотносящиеся со многими объектами): *выборы, дебаты, колики, роды, побои, козни, хлопоты, прятки, пятнашки, крестины, именины, смотрины, похороны* и т. п.

5. Существительные, обозначающие отрезки времени: *сутки, сумерки, каникулы, будни, потемки*.

6. Существительные собственные, называющие города, местности, проливы, горные хребты, созвездия: *Афины, Боровичи, Соловки, Карпаты, Гавайи, Дарданеллы, Плеяды*.

Существительные *pluralia tantum*, называющие считаемые предметы (*брюки, очки, ножницы* — первая группа), а также существительные, содержащие семантический компонент 'отрезки времени' (из четвертой и пятой групп), в принципе допускают счет. Значение единичности у них выражается сочетанием со словом *одни* (*одни брюки, одни очки, одни сутки*). Значение множественности может передаваться с помощью собирательных числительных (при обозначении количества до пяти: *двое брюк, трое саней, четверо суток*) или сочетанием с количественными или неопределенными числительными (при обозначении количества свыше пяти: *пять ножниц, десять щипцов, много суток, несколько мостков, побывать на нескольких именинах*).

Существует еще одна группа слов, употребляющихся только во множественном числе. Но она, в отличие от рассмотренных выше

существительных *pluralia tantum* с общей семантикой недискретного множества, включает в себя слова, называющие множества, состоящие из отдельных единиц: *девчата* (= *девушки*), *родители* (*отец и мать*), *супруги* (*муж и жена*), *молодожены, телятки, стижонки, древние, домашние, молодые, новобрачные, родные*. Единицы, формирующие такие множества, обладают либо всеми признаками, свойственными множеству в целом (*девчата = девушки*), либо (чаще) лишь частью признаков, присущих множеству. Так, например, отец и мать являются родителями (общий признак), но различаются по полу, поэтому *родитель* — это не форма единственного числа слова *родители*, и, следовательно, *родители* и *родитель* надо рассматривать как самостоятельные лексические единицы. Эти существительные интересны в том отношении, что у них семантические и формальные связи между коррелирующими членами «зеркально» соответствуют связям существительных *singularia tantum* с их коррелятами (реальными или потенциальными). Ср.: 1) *вино* → *вина* (лексическая единица, более сложная в семантическом отношении по сравнению с исходной благодаря наличию компонента 'сорта') и 2) *молодожены* → *молодожен* (лексическая единица, более сложная по сравнению с исходной из-за наличия семы 'мужской пол')⁸⁸.

К этой группе примыкают так называемые потенциальные *pluralia tantum*, т. е. существительные, преимущественно употребляющиеся во множественном числе, но имеющие также и формы единственного числа: *близнецы, медикаменты, кегли, распри, ставни, поручни, шпалы, сапоги, чулки, тапочки, чуваки*.

Несклоняемые существительные. У этой группы имен значение числа морфологически никак не выражается, но последовательно проявляется синтаксически в формах согласуемых с существительным слов (имен прилагательных, изменяющихся по числам местоимений типа *наш* (*наши*), причастий), выступающих в функции определения и своими окончаниями однозначно указывающих на число несклоняемого существительного, ср.: *новое такси — новые*

⁸⁸ В будущем это сопоставление заслуживает специального рассмотрения, пока же отметим, что оно выявляет явное противоречие: *вино* и *вина* традиционно (в том числе и нами) рассматриваются как формы числа одного слова, следовательно, и *молодожены* — *молодожен* надо толковать как числовые формы одной лексемы, чему, однако, препятствует словарная практика: в соответствующей словарной статье в качестве заголовочного слова обычно фигурирует *молодожены* [см., напр.: Словарь, 1985–1988, II, с. 291]. Если принять во внимание, что в качестве заголовочного слова традиционно привлекается начальная форма парадигмы слова, то слово *молодожены* следует считать самостоятельным словом *pluralia tantum*. Если с этих позиций взглянуть на пару *вино* и *вина*, то бросается в глаза, что, считая *вино* и *вина* формами одного слова, мы допускаем наличие в парадигме существительного словоформ с разным лексическим значением: формы множественного числа отличаются от форм единственного не только наличием грамматического компонента «число», но и наличием семы 'сорта', которая к грамматическим компонентам никак не относится. Следовательно, логичнее считать, что *вино* и *вина* формируют разные парадигмы и являются самостоятельными словами.

такси, проветриваемое / проветриваемые купе, наше / наши кафе, старая / старые леди, этот / эти НИИ. Помимо этого, число выражается формами слов, координируемых с существительным в составе сказуемого (глагольными формами прошедшего времени, сослагательного наклонения, краткими и полными формами прилагательных и причастий), ср.: *Пони побежалø и Пони побежали; Такси уехало бы и Такси уехали бы; Жюри — компетентное и Жюри — компетентные; Кафе закрыто и Кафе закрыты.*

Средства выражения категории числа. В русском языке нет специальных средств, предназначенных только для выражения числа. Основным средством выражения числа являются окончания существительного. Значения единственного и множественного числа выражаются при помощи двух частных парадигм склонения, каждая из которых состоит из шести падежных форм, ср.: ед. число — *дом, дома, дому, дом, домом, (о) доме*; мн. число — *дома, домов, домам, дома, домами, (о) домах*. Противопоставление форм единственного и множественного числа осуществляется, главным образом, с помощью разного набора окончаний, ср.: *стол-ø, окн-ø, стрел-а* (им. падеж ед. числа) и *стол-ы, окн-а, стрел-ы* (им. падеж мн. числа)⁸⁹. В каждой словоформе изменяемых существительных окончание является показателем значения грамматического числа, выражая одновременно и грамматические значения падежа и рода (только в единственном числе и с учетом всех тех замечаний, что приведены выше). Морфологических средств выражения числа нет только у несклоняемых существительных.

Образование форм числа может сопровождаться разными морфологическими явлениями⁹⁰:

1) чередованием фонем в основах единственного и множественного числа: *сосед – соседи (/d/ / d' /), колено – колени (/n/ / n' /)*;

2) сдвигами в ударении: *странá – стрáны, окнó – óкна*;

3) образованием форм числа от разных формообразующих основ: *гусёнок – гусята, брус /brús/ – брусья /brús'j-i/, чудо – чудеса, землянин – земляне*;

4) использованием супплетивных основ: *ребенок – дети, человек – люди*.

«Таким образом, значения числа выражаются прежде всего синтетически, т. е. с помощью внутренних ресурсов слова: окончаний, суффиксов, чередования согласных, ударения» [Шанский, Тихонов, 1987, с. 106]. Число выражается также и синтаксически, ср.: *мелкий*

⁸⁹ Следует отметить, что «системы форм множественного числа существительных представляют собою сложное скрещение и пересечение разных морфологических типов, в которых отчасти сохраняется и связь, а иногда и соотношение с родовыми классами единственного числа. Однако параллелизм соотношений здесь резко нарушен» [Виноградов, 1986, с. 132].

⁹⁰ См.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 500–503].

пруд – мелкие пруды, играющая девочка – играющие девочки, это занятие – эти занятия; Человек идет – Люди идут; Река обмелела – Реки обмелели; Озеро обмелело бы – Озера обмелели бы; Урок – веселый – Уроки – веселые; Быстро закрыто – Быстро закрыты. Последний пример показывает, что синтаксическое поведение связанных с существительным слов дает возможность приписывать число и несклоняемым словам. Синтаксический аспект функционирования существительных позволяет заметить существенную разницу между категориями рода и числа. Если категория рода внутренне присуща всем существительным в форме единственного числа и задает соответствующие характеристики согласуемого словоформам (*На спинке стула висело красивое кашне* при невозможности, например, **На спинке стула висела красивая кашне*), то значение числа, напротив, может задаваться с помощью тех же словоформ, ср.: *На спинке стула висело красивое кашне* (ед. число) и *На спинке стула висели красивые кашне* (мн. число). Это позволяет говорить о том, что считающиеся существительные типа *кашне, пальто, кенгуру, такси, сани, ворота* являются словами с невыраженным значением числа — единственным или множественным [Милославский, 1981, с. 62–63].

Некоторые существительные имеют соотносительные (двойные) формы множественного числа. Эти формы могут отличаться стилистически: *волос – волосы* и *волосá* (разг.); *шофёр – шофёры* и *шоферá* (прост.); *якорь – якоря* и *якори* (устар.); *цыган – цыгане* и *цыганы* (устар.). Нередко двойные формы обладают разными лексическими значениями: *учитель – учителя* ('преподаватели') и *учители* ('идейные руководители, авторы учения'); *хлеб – хлэбы* (о печеном хлебе) и *хлебá* (о злаках); *крюк – крюки* ('изогнутые гвозди') и *крючья* ('изогнутые стержни для ношения клади и т. п.').

О различных подходах при интерпретации общего грамматического значения категории числа. Статус категории числа в системе субстантивного формообразования. Как уже отмечено выше, наиболее популярное и, можно сказать, традиционное представление о грамматическом значении категории числа сводится к тому, что семантическое содержание данной категории базируется на противопоставлении внеязыковых количественных характеристик — единичности и неединичности обозначаемых существительными предметов, и категория числа интерпретируется как словоизменительная категория [см., напр.: Шахматов, 1941а, с. 436; Грамматика русского языка, 1960, I, с. 111; Русская грамматика, 1980, I, с. 471]. Однако как данные, имеющиеся в специальной литературе вопроса, так и приведенный выше обзор специфики различных групп существительных по отношению к категории числа свидетельствуют о следующем. Понятие количества применимо только к существительным, обозначающим дискретные объекты. Следовательно, существительные типа *студенчество, железо, оппортунизм, заросли,*

дрожжи, хлопоты, называющие несчитаемые предметы, исключают противопоставление «один объект» – «более одного объекта»⁹¹. Тем не менее в современном русском языке все существительные ведут себя как принадлежащие либо к единственному, либо к множественному числу, т. е. обязательность характеристики по числу «ставит говорящего перед необходимостью тем или иным способом распространить количественную характеристику, естественную для дискретных объектов, также и на недискретные объекты, к которым она в нормальном случае, как мы видели, неприменима» [Плунгян, 2000, с. 279]. Таким образом, неизбежно возникает уже упоминавшийся «конфликт между обязательностью и специфическими свойствами данного значения» [Там же, с. 280].

Возможно различное осмысление данного конфликта и соответственно различные теоретические его толкования, определяющие и суть семантической специфики категории числа, и статус данной категории в общей системе грамматических категорий существительного. Пожалуй, традиционным можно назвать подход, достаточно подробно рассмотренный и в настоящей работе. Согласно этой точке зрения, категория числа принадлежит к словоизменительному типу грамматических категорий. У каждого из двух противопоставленных рядов форм (граммем) есть базовые (основные) значения, задающие количественную характеристику предметов: *дом* — «один предмет» (ед. число) – *дома* — «более одного предмета» (мн. число). В этом случае все остальные значения, выражаемые формами единственного и множественного числа, рассматриваются как вторичные (производные). Так, например, вторичными значениями форм единственного числа можно считать родовое значение (*Медведь зимой впадает в спячку*), вещественное значение (*мебель из дуба*) и т. д.; круг вторичных значений множественного числа особенно многообразен (см. выше). Диапазон вторичных значений числа существительных определяется лексическими значениями слов и контекстными условиями их употребления⁹².

Описания и сопоставления совокупностей значений форм единственного и множественного числа существительных (включая и

⁹¹ Напомним, что недискретные объекты не поддаются счету, но они могут быть расчленены на части, отсюда и возможность сочетания некоторых таких существительных со словами, позволяющими охарактеризовать расчлененность данного типа: *часть студенчества, немного железа, половина зарослей* и т. п.

⁹² Помимо рассмотренных выше контекстных условий, влияющих на значение форм числа, следует учитывать также и такой фактор, как референтность высказывания. В условиях неконкретной референтной соотносительности словоформы единственного и множественного числа выражают родовое значение, представляя называемые объекты как совокупность: *Медведь зимой впадает в спячку* и *Медведи зимой впадают в спячку*. В условиях конкретной референтной соотносительности те же формы не могут иметь этого значения, ср.: *Медведь ловил в реке рыбу* и *Медведи вышли на поляну* [см.: Плунгян, 2000, с. 137].

формы *pluralia tantum*), имеющие уже более чем двухсотлетнюю историю, привели к довольно важной констатации: именно в формах множественного числа обнаруживается больше всего вторичных значений и разнообразных семантических оттенков⁹³.

Семантическая обособленность форм единственного и множественного числа применительно к конкретным лексемам может проявляться в различии лексического значения соотносительных словоформ. Это касается всех групп существительных. В группе существительных, имеющих формы обоих чисел, форма множественного числа может приобретать собирательное значение «и начинает обозначать некоторый особый объект: ср. образования типа *капли* ‘жидкое лекарство’, *стихи* ‘поэтический текст’, *рожки* ‘изделие из теста’ и многие другие» [Там же, с. 281]. Круг примеров, свидетельствующих о словообразовательных возможностях словоизменительной парадигмы, может быть легко расширен. Так, в результате лексикализации форм множественного числа возникают омонимы типа *час* / *часы* I (‘отрезки времени’) – *часы* II (‘механизм’) (*часы ожидания* – *часы старинной работы*); *городок* / *городки* I (‘небольшие города’) – *городки* II (‘спортивная игра’) (*уездные городки* – *играть в городки*); *хор* / *хоры* I (‘группа певцов’) – *хоры* II (‘открытая галерея, балкон для помещения хора, музыкантов’) (*Смолкли дивные хоры* – *Певчие поднялись на хоры*); *лес* / *леса* I – *леса* II (‘временное сооружение для строительных или других работ’) (*темные заповедные леса* – *строительные леса*) и др. Таким образом, «разные оттенки собирательного значения множественного числа являются живой опорой образования новых *pluralia tantum*» [Виноградов, 1986, с. 137]. Более того, высказывается даже предположение, что именно в результате словообразовательного использования словоизменительной граммы «возникли практически все русские *pluralia tantum*, причем во многих случаях словообразовательно исходный элемент утрачен или слишком сильно изменил семантику, ср.: *капли* и *духи*, *оглобли* и *сани*, *скачки* и *жмурки* и т. п.» [Плунгян, 2000, с. 281].

Имена существительные *singularia tantum*, как уже неоднократно отмечалось, потенциально не изолированы от форм множественного числа, причем наличие таких форм всегда связано с изменением их лексических значений по сравнению с сопоставляемыми формами единственного числа (ср.: *масло* – *масла*, *снег* – *снега*, *умственный труд* – *список научных трудов* и т. д.).

Поскольку «понятие словоизменения охватывает такие изменения отдельного слова, при которых сохраняется в целостности его лексическое

⁹³ «При самом зарождении русской исторической грамматики в первой половине XIX в. исследователям бросилось в глаза многообразие значений множественного числа в русском языке. Формы и значения множественного числа представлялись морфологически и семантически обособленными от форм единственного числа, не вполне соотносительными с ними» [Виноградов, 1986, с. 128].

значение» [Русская грамматика, 1980, I, с. 455], то отмеченные выше семантические различия граммем категории числа позволяют говорить о том, что члены рассмотренных противопоставлений (*стих – стихи, масло – маслá* и т. д.) должны рассматриваться не как формы словоизменения, а в качестве самостоятельных лексических единиц. Соответственно в этих случаях нужно говорить не об общей парадигме слова, состоящей из форм единственного и множественного числа⁹⁴, а о различных лексемах, каждая из которых обладает собственным набором словоформ, ср.: *стих, стиха, стиху, стих, стихом, (о) стихе, стихи, стихов, стихам, стихи, стихами, (о) стихах* (парадигма существительного *стих*) и *стихи, стихов, стихам, стихи, стихами, (о) стихах* (парадигма существительного *стихи*).

Возможно и более широкое толкование связей категории числа со словообразованием. Так как базовые значения форм числа отражают внеязыковые, т. е. реальные, количественные различия между называемыми существительными предметами, то все случаи противопоставления по числу, включая и случаи типа *стол – столы*, могут рассматриваться как относящиеся к словообразованию⁹⁵. При таком подходе существительные, противопоставленные по числу, можно рассматривать даже не в качестве членов грамматической категории, а как самостоятельные лексические единицы, входящие в различные лексико-грамматические разряды, и соответственно не считать число грамматической оппозицией, а выделять лексико-грамматические разряды существительных, различным образом отражающих количественные характеристики предметов.

Однако такой интерпретации препятствует то обстоятельство, что формы множественного числа регулярно противопоставлены формам единственного числа, причем это касается и существительных, не изменяющихся по числам. При этом между рядами самостоятельных лексических единиц наблюдается жесткая связь и другого рода: помимо значений числа формы существительных одновременно выражают еще и падежные значения, причем и во множественном,

⁹⁴ «Формы одного слова не различаются между собой по лексическому значению, т. е. лексическое значение всех форм словоизменения тождественно, причем не только основное значение, но и производные, не только прямые, но и переносные (курсив наш. — Авт.)» [Янко-Триницкая, 2001, с. 88].

⁹⁵ «Синтаксические формы, поскольку они имеют одно и то же реальное значение, являются видоизменениями, формами одного и того же слова, которое лишь употребляется в различных функциях в предложении. Эти формы поэтому называются также формами словоизменения. Напротив, несинтаксические формы, имея различное реальное значение, представляют собой не изменения одного и того же слова, а различные слова. Эти формы поэтому называются также формами словообразования. ... В качестве форм словообразования и, следовательно, особых слов следует рассматривать и формы числа существительных (*стол – столы*), поскольку различие между ними заключается в реальном значении, а не в выражаемых ими отношениях (курсив наш. — Авт.)» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 70].

и в единственном числе имеются одни и те же падежи. Следовательно, эти противопоставляемые ряды лексических единиц, в отличие от существительных, формирующих лексико-грамматические разряды, объединены еще и парадигматически: «Между формами единственного и множественного числа существует грамматическая и семантическая соотнесенность: множественное число является формой парадигмы, а не самостоятельным производным словом» [Исаченко, 2003, с. 77]. Все отмеченные особенности сопоставляемых рядов числовых форм позволяют заметить, что словоформы, различающиеся по числу, обязательно отличаются еще и какими-нибудь другими характеристиками (главным образом, лексическим значением, а также отсутствием родового противопоставления, несовпадением формообразующих основ в словах некоторых типов). Таким образом, категория числа имен существительных может интерпретироваться как классифицирующая грамматическая категория. Такое понимание категории числа представлено в трудах Ф. Ф. Фортунатова, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова.

Возможно и компромиссное решение. Оно заключается в том, что число понимается как категория смешанного типа: абсолютное большинство считаемых существительных и *з м е н я е т с я* по числам, и по отношению к ним данная категория является словоизменяющей; остальные существительные *р а с п р е д е л я ю т с я* по числам, и по отношению к ним число рассматривается как категория классифицирующей (некоррелятивной) типа⁹⁶.

Прежде чем закончить описание категории числа существительных, необходимо упомянуть об одной попытке принципиально иного взгляда на семантическую доминанту данной категории. А. В. Исаченко обратил внимание на то обстоятельство, что «“единственное число” вовсе не обязательно обозначает реальную “единичность”, а “множественное число” — далеко не всегда реальную “множественность”» [Там же, с. 74]. Так, форма единственного числа, с одной стороны, может обозначать и один предмет (*Положить кирпич под ворота*), и множество предметов (*Купить кирпич для постройки дачи*). С другой стороны, форма множественного числа может обозначать реальную единичность (*Он вошел в двери*). Помимо этого один и тот же реальный объект может быть назван как формой единственного, так и формой множественного числа, ср.: *Он вошёл в дверь* (реальная единичность) и *Он вошел в двери* (реальная единичность); *Боярам постригли бороды* (реальная множественность) и *Боярам постригли бороду* (реальная множественность). Противоречивость таких фактов, по мнению А. В. Исаченко, объясняется тем, что се-

⁹⁶ Ср.: «Категория числа является по отношению к конкретно-предметным существительным (за немногим исключением) собственно грамматической (словоизменяющей), а по отношению к конкретно-вещественным и абстрактным — лексико-грамматической (классификационной) категорией» [Распопов, Ломов, 1984, с. 30].

мантическое содержание «единичность – множественность» не является общим (инвариантным) значением грамматической категории числа. В поисках инвариантного значения данной категории А. В. Исаченко пришел к следующим выводам: «В категории “грамматического числа” противопоставлены друг другу два члена. “Множественное число” является с и л ь н ы м (маркированным) членом оппозиции. “Единственное число” — с л а б ы м (немаркированным) членом.

Семантическим признаком “множественного числа” является не сигнализация реальной множественности, а сигнализация реальной р а с ч л е н е н н о с т и предмета. Если мы говорим о *зелёных листьях дерева*, то этим самым мы сигнализируем расчлененность (а не множественность) обозначаемого предмета.

Формы “единственного числа”, являясь формами слабого члена оппозиции, лишены положительного грамматического значения: они оставляют признак “расчлененность / нерасчлененность предмета” — невыраженным. Можно сказать *зелёная листва дерева*; реальный предмет, обозначенный словом *листва* ... (“един. число”) может быть тождественным с предметом, обозначенным словом *листья* (“множ. число”). Но в слове *листва* реальная расчлененность остается невыраженной» [Там же, с. 75].

Теория, опирающаяся на признак «расчлененность / нерасчлененность предмета» в качестве инвариантного значения грамматической категории числа, обладает большой объяснительной силой. С этой точки зрения удается непротиворечиво объяснить единственное число собирательных существительных типа *студенчество*, *генералитет*, *хлопья*: они обозначают не единичность, а нерасчлененную совокупность. Поскольку форма единственного числа является слабым членом оппозиции, она может заменять форму множественного числа, оставляя при этом невыраженным указание на расчлененность объекта, т. е. обозначая его как обобщенное (совокупное) множество: *Медведь зимой впадает в спячку* (речь идет обо всех медведях). Вместе с тем и эта теория не обладает универсальными интерпретационными возможностями, особенно в приложении к формам множественного числа. Так, трудно усмотреть реальную расчлененность предметов, называемых существительными *грабли*, *часы*, *дрожжи*, *Афины*, или в примерах типа *В вагоне у нас новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом* [подр. см.: Милославский, 1981, с. 67–68]. Все сказанное убеждает в правомерности мнения о том, что семантическая структура грамматической категории числа чрезвычайно сложна и содержание ее граммем не может быть сведено к какому-либо общему (инвариантному) значению: «В действительности перед нами, скорее, полисемия с многообразными внутренними связями между значениями, поиск общего компонента которых может и не увенчаться успехом» [Плунгян, 2000, с. 281].

В результате скажем, что, по нашему мнению, категорию числа существительных следует рассматривать как словоизменительную морфологическую категорию. Вместе с тем необходимо подчеркнуть: за последние 200–300 лет происходит постоянно усиливающийся процесс деграмматикализации числового противопоставления, все более связывающий данную категорию со словообразованием, что вообще свойственно преимущественно семантическим грамматическим категориям⁹⁷.

§ 6. Категория падежа

По распространенному в современной лингвистической литературе определению Б. Блейка, «падеж — это система маркирования зависимых существительных по типу их отношения к главному слову. Традиционно этот термин относят к флективному маркированию, и обычно падеж выражает отношение существительного к глаголу на уровне предложения или существительного к предлогу, постпозитивному элементу или другому существительному на уровне словосочетания»⁹⁸ [Blake, 2001, p. 1]. Более короткое определение встречается у В. В. Виноградова: «Падеж — это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи» [Виноградов, 1947, с. 167]. В обоих определениях подчеркивается синтаксическая функция падежа.

Однако роль падежа в падежных языках не исчерпывается связью слов в словосочетании и предложении. Как писал К. С. Аксаков, «падежи имеют свой самостоятельный смысл, обнаруживающийся при всяком случае разными своими сторонами». Падежи «могут и должны рассматриваться сами в себе, а не только в употреблении; следовательно, должны быть поняты с этой точки зрения, даже и вне синтаксиса, в котором, конечно, как и в живой речи, полнее выступает смысл и падежей, и всех грамматических изменений» [Аксаков, 1880, с. 80]. Самостоятельная значимость падежных форм наиболее явно проявляется в безглагольных и беспредложных конструкциях типа *Кесарю кесарево, а Богово Богу; Первый блин комом* и т. д. [Плунгян, 2000, с. 165]. Можно сказать, что фор-

⁹⁷ «Значительная разница существует между преимущественно синтаксическими (как падеж или род) и преимущественно семантическими граммемами — такими как число или аспект. Семантические граммемы действительно занимают промежуточную позицию между “чистым” словоизменением и “чистым” словообразованием, обладая свойствами показателей как первого, так и второго типа; их связи с областью словообразовательных значений значительно более интенсивные» [Плунгян, 2000, с. 281].

⁹⁸ “Case is a system of marking dependent nouns for the type of relationship they bear for their heads. Traditionally the term refers to inflectional marking, and, typically, case marks the relationship of a noun to a verb at the clause level or of a noun to a preposition, postposition or another noun at the phrase level.”

мы существительных, употребленные в этих предложениях, определяют восстанавливаемые в них глаголы, что и показывает относительную устойчивость и независимость содержания падежных форм. С этой точкой зрения перекликаются и теоретические положения общего характера, ср., например, рассуждения А. В. Бондарко: «“Линии связи” могут идти от морфологических элементов к семантическим функциям, передаваемым в тексте, не только через посредство синтаксических конструкций, но и непосредственно — во взаимодействии с синтаксической конструкцией, в ее рамках, при возможной обусловленности ею, но совсем не обязательно в поглощенном ею виде, т. е. не обязательно по формуле: более высокий уровень предложения использует, поглощает и тем самым “снимает” подчиненный ему уровень слова как словоформы» [Бондарко, 2005, с. 26–27]. В русле этих представлений мы приписываем падежным формам не только синтаксические, но и семантические функции.

В. В. Виноградов указывает на то, что термин «падеж» является калькой с греческого языка, в котором исходное слово $\pi\tau\tilde{\omega}\sigma\iota\varsigma$ означало ‘падение кости’ в игре. Иными словами, слово падеж в русском языке связано со словом *падение* и обозначает, что существительное в определенной падежной форме как будто повернуто определенной гранью по отношению к другим словам в предложении, подобно костяным кубикам в игре. Так, *мама* в именительном падеже обозначает субъект действия или состояния; *мамы* в родительном падеже может обозначать посессора (субъекта обладания), ср.: *у мамы, смех мамы; маме* в дательном падеже предстает в роли адресата или бенефицианта, т. е. лиц, в интересах которых совершается действие, ср.: *подарок маме, письмо маме*. Винительный падеж обычно маркирует объект действия (*поцеловал маму*), творительный падеж от неодушевленных существительных употребляется для обозначения орудия (*ударил топором*), а от одушевленных существительных с предлогом — для обозначения компаньона, лица, совершающего действие вместе с субъектом (*ходил с мамой в кино*). Предложный падеж встречается в русском языке только после определенных предлогов, из которых самыми распространенными являются предлоги *в* и *на* со значением места (*в Париже, на окраине*) и предлог *о*, вводящий тему (*статья о политике*).

Разумеется, это только примеры некоторых наиболее типичных падежных функций, не исчерпывающие всего набора функций падежных форм в русском языке. Категория падежа является специфической для каждого языка и наиболее гетерогенной по значению из всех категорий имени существительного. Во многих современных языках категория падежа отсутствует полностью, или сохранились только ее пережитки (ср. посессивную форму существительных **brother's coat** или форму винительного падежа местоимений I saw

her в английском языке). В языках, не имеющих четко выраженной грамматической категории падежа, синтаксические связи обозначаются при помощи порядка слов или предлогов. Так, субъектно-объектное противопоставление в английском языке в активных конструкциях обусловлено порядком слов, а в языках с развитым падежным маркированием порядок компонентов является относительно свободным. Основным значениям родительного падежа в русском языке соответствует предлог *of* английского языка или предлог *de* языка французского, ср.: *бутылка вина* – a bottle of wine, une bouteille du vin. Однако установить такие соответствия не всегда представляется возможным, ср.: *роман Толстого*, но a novel by Tolstoy. Эти примеры показывают, что одни и те же функции в системе разных языков распределяются по-разному между элементами, находящимися в частичном соответствии.

В русском языке отмечается избыточное падежное маркирование — и в форме самого существительного, и в форме согласованных с ним слов. Например, в предложении *У моего дедушки тоже есть персики в саду* родительный падеж выражен и формой существительного (*дедушки*), и формой местоимения-прилагательного (*моего*). Перевод этой фразы на немецкий язык выглядит следующим образом: *Mein Opa (мой дедушка) hat auch (имеет тоже) Pfirsiche (персик) in seinem (в своей) Garten (сад)*. Местоимения *mein* и *seinem* стоят в формах косвенных падежей, существительные *Opa* и *Garten* имеют нулевые окончания. Иначе говоря, в немецком языке падежные окончания присваиваются не столько самому существительному, которое может оставаться неизменным, сколько стоящим перед ним артиклям, местоимениям и прилагательным⁹⁹. Данный пример демонстрирует также зависимость падежного оформления от синтаксиса: характерная для немецкого языка конструкция с глаголом *иметь* предполагает использование одних падежных показателей, в то время как русское предложение с предикатом *быть* оформляет те же семантические отношения другим способом. Посессор (*дедушка*) обозначается при помощи родительного падежа с предлогом, а название самого предмета обладания (*персики*) является подлежащим предложения и стоит в форме именительного падежа¹⁰⁰. Таким образом, набор функций падежных форм в разных языках отличается друг от друга и может быть представлен двояко: с точки зрения синтаксических ролей и с точки зрения семантических отношений (см. ниже, § 8).

⁹⁹ Если отсутствие окончания является признаком какой-либо формы в падежной парадигме, то лингвисты условно называют такое окончание нулевым.

¹⁰⁰ Возможность обозначения и активного, и пассивного субъекта и при помощи именительного падежа, которому противостоит винительный падеж прямого объекта, является типологической особенностью структуры предложения в русском языке, который относится к языкам номинативного строя. Альтернативная система представлена в языках эргативного строя [Плунгян, 2000, с. 167–172, 180–182].

§ 7. Склонение существительных и их парадигма. Набор падежных форм

Традиционно, начиная с трудов В. Х. Востокова, в русистике под склонением существительных понимается изменение по падежам и числам. Однако последние академические грамматики говорят о склонении как об изменении по падежам, что находит свое подтверждение в неразличении типов склонения во множественном числе [см.: Русская грамматика, 1980, I, § 1173]. Однако «при этом остается неясным, куда, если не к склонению, отнести изменение существительных по категории числа» [Богданов, 1997б, с. 190]. Следует отметить, что даже в грамматиках, в которых склонение определяется исключительно как изменение по падежам, реальное описание морфологии существительного учитывает падежные окончания в обоих числах.

По традиции выделяются двенадцать функционально различных форм падежа и числа имен существительных (см. обсуждаемый далее вопрос о составе падежной парадигмы). Исчерпывающий набор падежно-числовых форм имени существительного называется его полной парадигмой. Термин «парадигма» употребляют также и для обозначения совокупности падежных форм определенного числа. В таких случаях говорят о парадигме ед. числа или мн. числа, включающих в себя соответственно по шесть форм. Необходимо заметить, что русский язык отличается высокой степенью с и н к р е т и з м а: одна и та же материально выраженная форма в нем может служить для обозначения нескольких падежей. Так, у имен существительных типа *дверь*, оканчивающихся в им. падеже на письме мягким знаком, а в произношении согласным, выделяются только три различные материально выраженные формы в ед. числе: *дверь*, *двери*, *дверью*. Наибольший набор из пяти различных форм в ед. числе у существительных ж. рода типа *мама* и существительных м. рода типа *стол* служит для выражения шести формальных падежей. Это означает, что как минимум две формы в каждом типе склонения являются синкретичными. О существительных, по некоторым причинам не образующих каких-либо форм, говорят, что они обладают неполной, или дефектной, парадигмой. Так, например, парадигма слова *мечта* является дефектной, так как оно не имеет формы род. падежа мн. числа (**мечт*).

Употребляемые в русской грамматике названия падежей представляют собой кальки с греческого языка и имеют латинские соответствия в международной лингвистической терминологии (табл. 3).

В качестве соответствия русскому названию предложного падежа часто используется также термин «локатив», т. е. местный падеж. Этот термин передает только часть содержания предложного падежа, поэтому его употребление не во всех случаях можно признать корректным, ср. название фильма «*Всё о моей матери*», в котором

Русские названия падежей и их латинские соответствия
в международной лингвистической терминологии

Термины, принятые в русистике	Латинские соответствия	Образец парадигмы единственного числа	Образец парадигмы множественного числа
именительный	номинатив	судьба-а /sud' b-á/	судьбы /súd' b-ы/
родительный	генитив*	судьбы-ы /sud' b- ы' /	судеб-Ø /súd' b-Ø/
дательный	датив	судьбе-е /sud' b-é/	судьб-ам /súd' b-am/
винительный	аккузатив	судьбу-у /sud' b-ú/	судьбы /súd' b-Ø/
творительный	инструменталис	судьбой-ой /sud' b-ój/	судьб-ами /sud' b-ami/
предложный	препозиционалис	(о) судьбе-е /sud' b-é/	о судьб-ах /sud' b-ax/

* И в русском, и в латинском языках встречаются оба вида написания: *генитив* и *генитив*, второе из которых считается более поздним. Мы придерживаемся данного написания, так как оно в большей степени соответствует распространенной в наше время лингвистической традиции.

предложный падеж не имеет значения места. Поэтому мы здесь сохраняем название «предложный» падеж, хотя оно не соотносится с другими наименованиями падежей: в них содержится этимологическое указание на семантику падежной формы, а в последнем случае выделяется только основной структурный признак — обязательное присутствие предлога.

В некоторых учебных грамматиках русского языка для иностранцев используется отличный от принятого в русских грамматических описаниях порядок следования падежей: винительный падеж в них следует за родительным. Это объясняется тем, что формы винительного падежа у существительных муж. и ср. рода в ед. числе и у всех существительных во мн. числе омонимичны либо с формой именительного, либо с формой родительного падежа в зависимости от их одушевленности (см. выше, § 3). Хотя методические преимущества такого представления парадигмы очевидны, мы предпочитаем традиционный способ подачи форм из соображений типологического сравнения: порядок его компонентов соответствует привычному варианту представления падежной парадигмы в латинском и в других индоевропейских падежных языках (аккузатив следует за дативом).

Состав форм, входящих в парадигму русских имен существительных, до сих пор является предметом дискуссии. Традиционно выделяемая парадигма из 12 форм представляет словоизменение существительных в наиболее общем и компактном виде, поэтому приводится в большинстве работ. К этому набору форм можно было бы добавить эксплицитно выделенные Р. О. Якобсоном [Jakobson, 1936, р. 154–167] «второй родительный», или «количественно-отделительный родительный», и «второй предложный», или «локативный»,

падежи, имеющие особые окончания у небольшого количества имен существительных мужского рода, ср.: *Жалко, что чая* (1-й родительный) *у нас нет!* и *Налей чаю* (количественно-отделительный родительный); *Лесорубы говорят в лесу* (локативный) *о женищинах, а с женищинами о лесе* (1-й предложный). Такая точка зрения опирается на фундаментальные описания русской падежной системы А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, Ф. Ф. Фортунатова, Н. Н. Дурново. Современные исследователи также не склонны отвергать представление о 8-падежной системе русского языка. Так, А. А. Зализняк признает существование второго предложного и второго родительного падежей, хотя и не выделяет их специально в образцах склонения [Зализняк, 2002, с. 43–45]. Мы сохраняем представление о 6-падежной парадигме по следующим причинам.

Специальные формы количественно-отделительного родительного свойственны только существительным мужского рода, обозначающим несчитаемые, но поддающиеся измерению «в массе» объекты: *глоток коньяку, горстка гороху, ложечка перцу*. Отдельные случаи употребления особой формы родительного падежа встречаются у слов, обозначающих перцептивно воспринимаемые состояния: *визгу было*, а также у существительных в составе устойчивых сочетаний — *задать деру, спасу нет, без умолку, до упаду*. Аналогично местный падеж с особым окончанием характерен только для закрытого ряда имен существительных мужского рода, называющих локализаторы: *в аэропорту, в шкафу, на углу*. Статистический анализ употреблений второго родительного и второго предложного падежей, проведенный в 70-х гг. XX в. Л. К. Граудиной, В. А. Ицкович и Л. П. Катлинской, показал, что эти формы встречаются, прежде всего, в устной речи и особенно распространены в устойчивых сочетаниях и в уменьшительных формах. Авторы исследования отмечают, что флексия *-а* может быть рекомендована «как нормативная, основная форма родительного падежа во всех его значениях и для всех стилей литературного языка» [Граудина и др., 1976, с. 123]. Приводимые в книге количественные данные по вариантам форм *снега* – *снегу* показывают, что родительный отделительный употреблялся более чем в 25% подходящих контекстов. Специальная форма местного падежа на *-у* типа *в цехе* – *в цеху* встретилась более чем в 32% контекстов [Там же, с. 134]. Эти показатели, полученные более чем 30 лет назад, свидетельствуют о значительной стабильности в употреблении падежных вариантов. Для оценки современного состояния распространенности этого явления необходимо дополнительное обследование.

Второй родительный не обязателен, за последнее столетие изменились также и правила употребления местного падежа. Так, Р. О. Якобсон отмечал в 1936 г., что окончание местного падежа не употребляется, если есть определение к существительному, ср.: *в гробу*, но *в деревянном гробе*. Л. К. Граудина и ее соавторы также

отмечают, что в сочетаниях с прилагательными в нейтральном стиле письменной и устной речи «предпочтение отдается формам на *-е*» [Там же, с. 136]. В современном языке это правило не действует [Ворт, 2006, с. 115–126]; сочетание *в цинковом гробу* воспринимается как нормативное. Это говорит о лексикализации форм местного падежа, иными словами, о том, что они, возможно, не производятся в речи с учетом синтаксической позиции, а воспроизводятся в готовом виде. Ограниченность сферы употребления и дальнейшая лексикализация данных форм, а также соображения компактности описания заставляют нас вывести их за пределы основной парадигмы имен существительных и рассматривать эти случаи, как свойства отдельных лексем.

К дискуссионным вопросам относится также необходимость выделения «разговорного звательного» падежа и специальной счетной формы.

Наличие особой формы у наименований лиц на *-а* уже в 1924 г. отмечал Н. Н. Дурново [Дурново, 2001, с. 50–51], причем он подчеркивает, что речь идет не об особом падеже, а о «звательной форме». Имеются в виду усеченные имена собственные (*Вань, Маши, Коль*) и термины родства (*мам, тетя*), которые в устной речи используются в качестве обращения [PPP, с. 114–116, Красильникова, 1990, с. 27–28]. Хотя упоминание об этой форме встречается во многих работах, исследователи отказывают ей в статусе полноценного падежа на основании того, что: 1) она появляется только в неформальной устной речи и регулярно не отражается на письме; 2) эта форма образуется лишь от части существительных, оканчивающихся на *-а*, 3) обращение вообще синтаксически не связано ни с одним компонентом предложения. Последний аргумент, однако, не мешает выделять звательный падеж в старославянском языке и в тех славянских языках, в которых он сохранился до сих пор (например, в украинском и хорватском). Что касается второго аргумента, стоит отметить, что в просторечии наблюдается тенденция к употреблению звательной формы от существительных мужского рода, оканчивающихся на согласный, например: *деда, сыночка, Дениса*. Эта новая форма образуется симметричным способом — путем прибавления к именам и терминам родства с нулевым окончанием окончания *-а*. Хотя количество таких существительных очень невелико, а сфера их употребления лежит за пределами литературного языка и не во всех случаях ограничивается апеллятивной функцией, это явление заслуживает внимания. Оно свидетельствует о том, что функциональная потребность в особой форме для обращения существует, и система разговорной речи стремится заполнить лагуну, образовавшуюся после утраты звательного падежа. Отсутствие этой формы в письменной разновидности русского языка все же является достаточным основанием для того, чтобы пока отказывать ей в статусе специального падежа.

Счетной формой, или даже счетным падежом, вслед за В. В. Виноградовым, называют специальную форму имен существительных, употребляемую после числительных *два, две, оба, обе, полтора, полторы, три, четыре* [Зализняк, 2002, с. 46–48]. В большинстве случаев она совпадает с род. падежом ед. числа, ср.: *нет стакана – полтора стакана, нет дома – три дома* и т. д. Однако и в этих случаях остается неясным, идет ли речь о единственном (по форме) или о множественном (по смыслу) числе. Необходимость обсуждения этой проблемы возникает постольку, поскольку у некоторых существительных для этой позиции образуется особая форма, отличная от род. падежа, ср.: *нет часа* (род. падеж) – *два часа* (счетная форма), *нет ряда* (род. падеж) – *три ряда* (счетная форма), *не хватает шага* (род. падеж) – *четыре шага* (счетная форма). В узком смысле под счетными формами понимаются именно такие образования, отличающиеся от форм род. падежа чаще всего особым ударением. И. А. Мельчук указывает на то, что специальные счетные формы встречаются и во мн. числе, например: *двенадцать человек* (вместо ожидаемого мн. числа *людей*), *шестнадцать цветков* (вместо *цветов*), т. е. речь идет о выборе основы слова. При этом счетные формы ед. и мн. числа находятся в отношениях дополнительного распределения: если существительное имеет особую счетную форму в ед. числе, то не имеет такой формы во мн. числе, и наоборот [Мельчук, 1985, с. 430–437].

А. А. Зализняк называет счетные формы ед. числа девятым падежом, который не имеет соотносительных форм во мн. числе. Признавая наличие счетного падежа, мы вынуждены распространить свойства ограниченного набора имен существительных, имеющих такую особую форму, на все слова данной части речи. Выделение «малых количеств» в отдельную категорию может иметь и свои когнитивные основания, ибо такие количества можно оценить взглядом без специальной операции пересчета¹⁰¹. Все же возникает вопрос, почему в русском языке выделен числовой ряд от полутора до четырех, хотя взрослый человек может охватить взглядом и оценить большее число предметов. Симптоматично и то, что этот процесс можно считать лишь ограниченно продуктивным: в работах не упоминаются специальные счетные формы недавно заимствованных существительных, за исключением форм мн. числа единиц измерения типа *10 ангстрем* или *650 гаусс* (не *ангстремов, гауссов*) [Мельчук, 1985, с. 430]. Таким образом, признавая наличие особых счетных форм у некоторых существительных, мы не включаем их в регулярные парадигмы этой части речи.

Разнообразные точки зрения на количество падежных форм в современном русском языке можно обобщить следующим образом.

¹⁰¹ Об особом психолингвистическом статусе малых количеств в русском языке см.: [Русакова, 2001].

Если под морфологической категорией падежа понимать «систему противопоставленных друг другу рядов морфологических форм (в пределах определенной части речи) с однородным содержанием» [Бондарко, 2005, с. 20], то в такие ряды следует включать регулярные противопоставления форм, образующихся от всех (или от абсолютного большинства) слов данной части речи. Именно желание видеть в части речи набор слов с гомогенными грамматическими свойствами заставляет некоторых лингвистов выделять у несклоняемых существительных типа *пальто, кино* двенадцать омонимичных падежно-числовых форм.

Закономерно, что продолжающиеся дискуссии о включении в падежную парадигму новых форм имен существительных касаются только тех форм, которые образуются от сравнительно небольшого (исчисляемого десятками) количества лексем. Во всех рассмотренных выше спорных случаях следует детально проанализировать грамматический статус этих форм (возможность сформулировать правила их образования) и их потенциальную продуктивность. Для форм второго родительного и второго предложного падежей правило состоит в присоединении к основе окончания -у вместо соответственно присущего первому родительному окончанию -а и присущего первому предложному окончанию -е. Однако такие формы обладают нулевой продуктивностью: не отмечено новых слов, способных образовать данные формы, ср. невозможность *налей мне ?спрайту*¹⁰² или *положи мне ?стейку; он ждет тебя в ?оффису, в ?бару*. Образование счетных форм ед. числа плохо поддается формализации, лишь отмеченные И. А. Мельчуком формы мн. числа единиц измерения с нулевым окончанием могут пополняться новыми наименованиями. Поддается формализации и расширяет сферу употребления только форма разговорного звательного, ср. звательные формы женских имен: *Ренат, Агата, Сабина*. Вопрос о ее статусе может быть решен после дополнительного статистического исследования на материале создающегося Национального корпуса русского языка (www.ruscorgora.com).

§ 8. Основные функции падежных форм

Из предшествующего изложения ясно, что некоторые падежи в русском языке выделяются всеми исследователями, а относительно других мнения расходятся. Тем более сложной представляется задача сравнения падежных систем различных языков. Материалы типологического сопоставления позволяют сделать заключение, что

¹⁰² Интересно, что еще в начале XX в. заимствованные существительные легко образовывали формы количественно-отделительного родительного, такие как *оранжаду, лафиту, крюшону*, которые в современном языке звучат как стилизация.

некоторые падежи присущи большинству из них, в то время как другие выделяются только в одном или в группе близкородственных языков. В набор «ядерных», наиболее распространенных в языках падежных форм входят первые четыре падежа русской именной парадигмы — именительный, родительный, дательный и винительный. Эти формы играют наиболее существенную роль и в формировании синтаксической структуры предложения. Е. Курилович называет эти падежи синтаксическими, в отличие от семантических падежей, набор которых варьируется в различных языках [Kurilowicz, 1949]. В русском языке к семантическим падежам можно отнести творительный и предложный. Их особый статус заключается в том, что они характеризуются большим разнообразием передаваемых значений. Вместе с тем нельзя считать, что функция ядерных падежей сводится к заполнению синтаксических позиций при глаголе. По всей видимости, можно говорить о синтаксических и семантических функциях каждого падежа в отдельности. Так, в предложении *Он будет гордиться собой и женой* (А. Блок) представлено с и н т а к с и ч е с к о е употребление творительного падежа, а в примере *Ты лети, буржуй, воробышком* (А. Блок) (т. е. как воробышек) отмечается с е м а н т и ч е с к о е употребление того же падежа. Разница в этих употреблениях состоит в том, что глагол *гордиться* в первом предложении требует после себя дополнения в творительном падеже, а во втором случае передаваемая формой творительного падежа семантика сравнения не зависит от глагола и может реализоваться в конструкциях с другими предикатами, ср.: *петь соловьем, лететь стрелой, нестись пулей*.

Синтаксические функции падежей проявляются в тех случаях, когда выбор падежной формы определяется свойствами главного по отношению к этой форме слова (обычно глагола или другого существительного). Глагол более других частей речи приспособлен к тому, чтобы присоединять к себе формы косвенных падежей, аналогичными свойствами обладают также и отглагольные существительные, например: *обучение письму, охота на волков, поиск пропавших без вести*. Семантика падежных форм при их синтаксическом употреблении стерта: трудно, например, объяснить, почему косвенные объекты в сочетаниях *гордиться дочерью, бояться катастрофы, радоваться маленьким успехам* выражаются соответственно творительным, родительным и дательным падежами. Набор синтаксических функций обусловлен синтаксическими ролями и включает в себя позиции субъекта, прямого и косвенного объектов и несогласованного определения. Так, именительный падеж предназначен для выражения грамматического субъекта, беспредложный винительный — для обозначения прямого объекта, дательный падеж выражает семантику косвенного объекта, родительный падеж часто выступает в роли несогласованного определения.

Система семантических функций падежей гораздо сложнее и определяется набором так называемых семантических ролей. К общепризнанным семантическим ролям относят следующие: агент (активно действующее лицо или предмет), пассивный носитель признака или состояния, объект воздействия, бенефициант (лицо, в интересах которого совершается действие), адресат, посессор (субъект обладания), целое (по отношению к части), отсутствующий объект, тема, локализатор (место), направление, источник, временной промежуток, временной период и т. д. Первичное описание семантических ролей дано в работах Ч. Филлмора [Филлмор, 1981].

Так, в примере *Это, может быть, Варька письмо написала* представлен агент *Варька* в форме им. падежа и объект *письмо* в форме вин. падежа. В предложении *Князь и действительно сидел, чуть небледный, за круглым столом* им. падеж *князь* выполняет семантическую роль субъекта состояния, а предложно-падежное сочетание *за столом* обозначает пространственный локализатор. В высказывании *Дача Епанчиных была роскошная дача, во вкусе швейцарской хижинки, изящно убранная со всех сторон цветами и листьями* им. падеж *дача* в первом случае выражает семантику носителя признака, во втором случае обозначает сам признак, подкласс объектов, сочетание *во вкусе* также содержит идею качественной характеристики, род. падеж *хижины* передает семантику объекта сравнения, а тв. падеж *цветами и листьями* обозначает средство (все примеры взяты из романа Ф. М. Достоевского «Идиот»). Как видно, один и тот же падеж может играть разные семантические роли, иными словами, русским падежным формам свойственна многозначность. В табл. 4 приводятся основные семантические роли, характерные для русских падежных форм, причем доминирующая роль каждого падежа специально выделена.

Таблица 4

Основные семантические роли русских падежных форм

Семантическая роль	Именительный падеж	Родительный падеж	Дательный падеж	Винительный падеж	Творительный падеж	Предложный падеж
1	2	3	4	5	6	7
Агент	•		•		•	
Носитель признака	•					•
Субъект состояния	•		•			
Объект	•		•	•		

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7
Посессор		•				
Адресат, бенефициант			•			
Частичный объект		•				
Целое по отношению к части		•				
Отсутствующий объект		•				
Инструмент					•	
Тема				•		•
Статический локализатор (место)						•
Динамический локализатор (направление движения)			•	•		
Источник		•				
Временная точка				•		
Временной предел		•				
Временная протяженность				•		

Приведем примеры реализации семантических ролей разными падежными формами (из произведений Ф. М. Достоевского):

- агенс
именительный: *Ипполит* у князя руку вчера схватил и два раза поцеловал.
- дательный: Только **троим из русских писателей** удалось сказать каждому нечто действительно свое.
- творительный: **Нация** ничего не признает из того, что сделано **помещиками и семинаристами**.
- носитель признака
именительный: **Евгений Павлович** всегда и всех дурачит.
- предложный: **В его лице** и даже **в положении его корпуса** как-то отражалась эта наивность.
- субъект состояния
именительный: **Князь Щ.** был тоже мрачен, как ночь, и тоже очень задумчив.
- дательный: **Вот и вчера его молодому другу** нездоровилось.
- посессор
родительный: **Белокурая физиономия господина Лебезятникова** заглянула в комнату.
- объект
винительный: **Дайте мне русского либерала**, и я его сейчас же при вас поцелую.
- родительный: **Недавно все говорили и писали об этом ужасном убийстве шести человек**.

- частичный объект
родительный: *Никогда этого и не будет, и не переменятся люди, и не переделают их никому, и **труда** не стоит тратить.*
- отсутствующий объект
родительный: *Ночью **огня** нет, лежу в темноте, а на свечи не хочу заработать.*
- целое по отношению к части
родительный: *Он думал сложить хоть часть **своих мук**, и вдруг теперь осознал, что он стал беспримерно несчастнее, чем был прежде.*
- бенефициант, адресат
дательный: *Глупа я, что **такому человеку**, как вы, говорю об этом. Я передал, в качестве приятеля покойного господина Мармеладова супруге **его Катерине Ивановне** несколько денег на похороны.*
- инструмент
творительный: *Она смотрела на бледную и трепещущую Соню, отирающую ей **платком** капли пота со лба.*
- тема
винительный: *Он так красноречиво вчера говорил **про стену** соседнего дома.*
- предложный: *Но мы не **об литературе** начали говорить, мы заговорили **о социалистах**.*
- статический локализатор (место)
предложный: *Почему вы знаете, что я ходил **в парке** и дома не спал?*
- динамический локализатор (направление движения)
винительный: *Он зашел **в угол** террасы, где была кушетка.*
- дательный: *Келлер побыл немного, а потом перешел спать к **Лебедеву**.*
- временная точка (творительный) и временная протяженность (винительный): *Он давеча **утром** говорил, что уже **целые полгода** не чувствовал себя так хорошо.*
- временной предел
родительный: *По-моему гораздо лучше, если вы не нынче встретитесь, даже **до утра** отложите, а то он опять сконфузится.*

Приведенные примеры показывают, что некоторые падежные функции реализуются только при помощи предлогов. Речь идет о временных и пространственных обстоятельственных значениях и о теме сообщения. Другие же функции присущи падежным формам, употребленным без предлогов. Предлоги уточняют и разнообразят значе-

ния падежных форм. Как писал В. В. Виноградов, «в полном объеме картина употребления падежей имени существительного раскрывается лишь при синтаксическом описании грамматических отношений, выражаемых предлогами» [Виноградов, 1947, с. 177]. Эта особенность заставляет исследователей рассматривать самостоятельное и «при-предложное» употребление форм как отдельные разновидности реализации падежей [Зализняк, 2002, с. 53, Золотова, 1988].

Табл. 4 и иллюстрации к ней представляют только некоторые из значений падежных форм. Наиболее многозначными оказываются в русском языке родительный и творительный падежи. Набор семантических функций, см.: [Плунгян, 2000, с. 165–166] может быть значительно детализирован и расширен. Детальное описание падежных функций в русском языке дано в работах: [Клобуков, 1986; Золотова, 1988].

В связи с этим возникла проблема объединения частных семантических функций в «общие значения» падежей. Если предположить, что все различные употребления одного и того же падежа имеют некоторый общий элемент семантики, становится понятным, по какому внутреннему принципу говорящий безошибочно выбирает форму имени существительного. Концепция «общих значений», разработанная Р. О. Якобсоном, оказалась одним из наиболее спорных вопросов русской морфологии. Рассмотрев различные типы употребления родительного падежа, Якобсон пришел к выводу, что во всех своих частных значениях «родительный падеж указывает на то, что объем участия предмета в содержании высказывания меньше его полного объема» [Якобсон, 1936, с. 146], ср. приведенные выше примеры употребления родительного падежа в различных объектных функциях. Во всех случаях в форме родительного падежа «указываются границы предмета» [Там же, с. 151]. В противоположность этому, по замечаниям Якобсона, винительный, дательный и творительный падежи указывают на полный охват предмета действием. В предложном падеже в его локативном значении Якобсон также видел проявление признака ограниченности объема (нахождение одного предмета внутри другого). Эти наблюдения привели его к выводу о существовании дифференциальных падежных признаков [Якобсон, 1958]. Помимо объемности он выделил также признаки направленности и периферийности. Направленность (способность обозначать динамический локализатор) характерна для винительного, родительного и дательного падежей, например: *В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!* (А. Грибоедов); *Она выращивала цветы, которые росли от самой калитки вдоль дорожки до дома и дальше уходили в глубину сада.* (А. Варламов) противопоставляет их именительному, творительному и предложному падежам. Наконец, признак периферийности предмета по отношению к действию присущ творительному, дательному и предложному падежам, в отличие от именительного, винительного и родительного падежей. Таким образом, Якобсону

удалось представить каждый падеж в виде уникальной комбинации дифференциальных признаков в соответствии с требованиями современного ему этапа развития структурной лингвистики. При этом именительный падеж предстает как «беспризнаковый», или наименее маркированный, что соответствует его положению базовой («словарной») формы. Хотя отдельные положения работ Якобсона неоднократно были предметом критики (обзор см.: [Neidle, 1988]), его работы сыграли каталитическую роль в изучении и уточнении падежных функций. Наибольшие возражения вызывает то обстоятельство, что синтаксически обусловленное употребление падежей невозможно объяснить с семантической позиций, ср.: *изучать английский язык, учиться английскому языку.* В подобных случаях дифференциальные признаки Р. О. Якобсона, по-видимому, неприменимы.

§ 9. Средства обозначения падежных различий

Основным средством обозначения падежно-числовых различий являются окончания (флексии). В русской лингвистической традиции принято различать формообразующие суффиксы (традиционно к ним относят формообразующие суффиксы глагола) и окончания¹⁰³. Формообразующие суффиксы являются выразителем некоторого определенного грамматического значения и не входят в парадигматические противопоставления. Окончания же создают ряды противопоставленных друг другу форм, входящих в парадигму.

Русский язык относится к типичным языкам флективно-синтетического строя (наряду с другими славянскими языками, балтийскими, германскими, романскими и греческим). Для этих языков характерно кумулятивное выражение двух или нескольких функций при помощи одной флексии. Каждое окончание русского существительного одновременно несет информацию и о числе, и о падеже; так, окончание *-ами* в форме *концерт-ами* выражает твор. падеж мн. числа. Эта ситуация отличает русский язык от языков агглютинативного строя (например, эстонского, финского, венгерского или турецкого), в которых каждая грамматическая функция получает свой отдельный маркер, ср. финскую форму *pallo-j-a* ‘мячей’, в которой суффикс *-j-* указывает на мн. число, а флексия *-a* — на партитивный падеж.

Однозначное соответствие морфема — функция закрепляется и тем обстоятельством, что в агглютинативных языках обычно отсутствуют различные типы склонений. Иными словами, от любой формы существительного можно с легкостью образовать другие многочисленные падежные формы. В русском языке дело обстоит иначе. Все

¹⁰³ В англоязычной лингвистической литературе их часто рассматривают в числе других формообразующих суффиксов и термины *inflectional suffix*, *inflectional ending* используются параллельно.

имена существительные делятся на формальные классы в зависимости от грамматического рода и фонетического вида основы и окончания. Такие классы называются типами склонения, или просто склонениями. Выбор флексии зависит не только от падежа, но и от типа склонения. Так, имена мужского рода, оканчивающиеся на согласный, в род. падеже получают окончание /-а/ (*друга, приятеля*), а имена мужского рода, оканчивающиеся на /-а/, образуют род. падеж при помощи флексии /-и/ / /-ы/ (*дяди, папы*). Флексия родительного падежа указывается в словарях, так что по ней можно судить о типе склонения.

Однако не все формы имеют разные окончания — из-за высокой степени падежно-числового синкретизма (омонимии падежных форм). Пять форм в составе парадигмы каждого из чисел — это максимальный набор различных по звучанию и написанию форм существительного. У слов ж. рода, оканчивающихся на согласный, выделяются всего три материально различных формы ед. числа (*мышь, мыши, мыши, мышья, мышью, о мыши*) и пять форм мн. ч. (*мыши, мышей, мышам, мышей, мышами, о мышях*). Их полная парадигма, следовательно, строится всего лишь из семи материально различных форм, т. е. в обозначении двенадцати падежных функций участвуют всего семь форм. Во мн. числе у всех неодушевленных существительных не различаются формы именительного и винительного падежей, а у одушевленных существительных — формы род. и вин. падежей.

Окончания являются основным, но не единственным средством обозначения падежно-числовых различий. К дополнительным средствам такого обозначения относятся следующие.

1. Переходы ударения, сопровождающие формообразовательный процесс. В русском языке встречается несколько акцентных типов постановки ударения в различных формах существительного. Место ударения может быть четко связано с парадигмами ед. и мн. числа. Здесь возможны два варианта: ударение падает на основу во всех формах ед. числа: *город, города, городу, город, городом, (о) городе*, во множественном числе ударение переносится на окончание: *города, городов, городам, города, городами, (о) городах*¹⁰⁴. И наоборот — ударение в ед. числе на окончании, а во мн. — на основе: *труба, трубы, трубе, трубу, трубой, (о) трубе; трубы, труб, трубам, трубы, трубами, (о) трубах*. Кроме того, существуют акцентные схемы, в которых переход ударения затрагивает более ограниченный круг форм. Это перенос ударения с флексии на основу в формах им.-вин. падежа мн. числа (*плечо, плеча, плечу, плечо, плечом, плече*,

плечи, плеч, плечам, плечи, плечами, плечах)¹⁰⁵, перенос в формах вин. падежа ед. числа и им.-вин. мн. числа (*гора, горы, горе, гору, горой, (о) горе; горы, гор, горам, горы, горами, (о) горах*), а также перенос ударения с основы на окончание во всех формах мн. числа, кроме формы им.-вин. падежа: *зуб, зуба, зубу, зуб, зубом, (о) зубе; зубы, зубов, зубам, зубы, зубами, (о) зубах* и перенос с флексии на основу в формах вин. падежа ед. числа и во всех формах мн. числа: *душа, души, душе, души, душой, (о) душе; души, душ, душам, души, душами, (о) душах*.

2. Различные типы живых и исторических чередований фонем внутри основы. К живым фонетическим чередованиям согласных относятся чередования парных твердых и мягких /mámy/ mámy — /mám'i/ маме, мягких и твердых /čisóvn'i/ часовня — /čisóvin/ часовен; чередования парных глухих и звонких /dúp/ дуб — /dúba/ дуба, звонких и глухих /próz'ba/ просьба — /prós'p/ просьб, а также чередования с нулем звука, возникающие в результате выпадения интервокального йота /maj/ май — /mái/ мая. Чередования фонем /k/ — /č/ (/klók/ клук — (/klóč'i/ клочья), /x/ — /š/ (/úxa/ уха — /úši/ уши), /g/ — /z/ (/drúgu/ другу — /druz'já/ друзьям) относятся к историческим. В языках флективно-синтетического строя как следствие многочисленных исторических и синхронных фонетических чередований распространена так называемая фузия — слияние звуков на стыках морфем, делающее морфемные границы непрозрачными.

Живые чередования гласных связаны с подвижностью русского ударения, в результате переносов ударения происходят следующие фонетические чередования: /o/ — /a/ (/dóm/ дом — /damá/ дома); /e/ — /i/ (/l'és/ лес — /l'isá/ леса); /i/ — /o/ (/óz'ira/ озеро — /az'óra/ озёра); /a/ — /i/ (/z'át/ зять — /z'it'já/ зятья); /o/ — /ы/ (/šólk/ шёлк — /šылká/ шелка); /e/ — /ы/ (/šést/ шест — /šыstá/ шеста).

Исторические чередования гласных — это чередования беглых гласных¹⁰⁶ с нулем звука. Беглые гласные встречаются как в именительном, так и в косвенных падежах: гласные фонемы обычно находятся в составе форм, не имеющих вокалических окончаний, выпадение звука возможно при наличии гласных во флективной части: *лев — льва, но зло — зол*. В результате возникают как чередования гласных с нулем звука (*лев — льва*), так и чередования нуля с гласными (*зло — зол*), в которых принимают участие все гласные фонемы русского языка, кроме /u/: /kav'ór/ ковёр — /kavrá/ ковра (/o/ — /ø/);

¹⁰⁴ Это единственный продуктивный тип переноса ударения при формообразовании существительных, в других продуктивных моделях ударение фиксировано — либо на основе (*берёза, берёзы, берёзе, берёзу, берёзой, (о) берёзе; берёзы, берёз, берёзам, берёзы, берёзами, (о) берёзах*), либо на окончании (*отец, отца, отцу, отца, отцом, (об) отце; отцы, отцов, отцам, отцов, отцами, (об) отцах*).

¹⁰⁵ К этому акцентному типу относятся существительные м., ж. и ср. рода I и II склонения. Существительные м. рода I склонения, которые имеют в им. падеже ед. числа нулевое окончание (*конь*), а во всех остальных формах ударение на флексии, считаются формами с неразличением неконечного и конечного ударения. Акцентный тип для слов такого типа описывается как имеющий ударение на окончании, а ударение в форме с нулевым окончанием называется условным. См.: [Русская грамматика, 1980, с. 146.]

¹⁰⁶ Беглыми гласными называются фонемы, появляющиеся в одних формах и исчезающие в других формах того же слова; см., напр.: [Русская грамматика, 1980, § 1227].

/v'in'éc/ *венец* — /v'incá/ *венца* (/e/ — /ø/); /d'át'il/ *дятел* /i/ — /d'átla/ *дятла* (/i/ — /ø/); /lápat'/ *лапоть* — /lápt'i/ *лаптя* (/a/ — /ø/); /s't'éržyn'/ *стержень* — /s't'éržn'á/ *стержня* (/ы/ — /ø/); /s'istrá/ *сестра* — /s'st'ór/ *сестёр* (/ø/ — /o/); /kal'cól/ *кольцо* — /kal'éc/ *колец* (/ø/ — /e/); /v'idró/ *ведро* — /v'ód'ir/ *вёдер* (/ø/ — /i/); /s't'ikló/ *стекло* — /s't'ókыл/ *стёкол* (/ø/ — /ы/); /p'ógыška/ *пёрышко* — /p'ógышык/ *пёрышек* (/ø/ — /ы/).

3. Различные степени супплетивизма основ: *ягненок* (им. падеж ед. числа) — *ягнят* (род. падеж мн. числа); *Христос* (им. падеж ед. числа) — *Христа* (род. падеж ед. числа).

4. Синтаксическая сочетаемость слов (в первую очередь глагольное и предложное управление и адъективное согласование).

Заметим, что окончания русских имен существительных неоднородны. Большинство падежных окончаний ед. числа имеют вокалическую природу, т. е. состоят из одного гласного. Окончания тв. падежа и в ед. числа двухфонемны. Р. О. Якобсон [Якобсон, 1958] отмечает, что в русских падежных флексиях используются только четыре согласных: /j/, /v/, /m/, /x/. Во мн. числе все существительные (за исключением несклоняемых и тех, которые сохранили формальный облик прилагательных, типа *военный*, *горничная*), независимо от рода и фонетического облика, склоняются одинаково. Окончания мн. числа длиннее, чем соответствующие окончания ед. числа, в соответствии с распространенным в языках свойством иконичности знака: чем сложнее передаваемое содержание, тем сложнее должна быть структура знака. Некоторые исследователи отмечают, что во мн. числе окончания дат., тв. и предл. падежей можно рассматривать как составные, например: *картин-а-м*, *картин-а-ми*, *о картин-а-х*. При таком морфемном делении компонент *-а-* является маркером множественности и «периферийности», по Якобсону, а компоненты *-м*, *-ми*, *-х* обозначают соответственно собственно падежные окончания [Зализняк, 1967б, Крылов, 2002, с. 718–721]. Этот взгляд ведет к признанию некоторых агглютинативных черт в склонении мн. ч. русских существительных, что подкрепляется также отсутствием во мн. числе формоизменяемых классов.

§ 10. Типы склонения существительных (формоизменяемые классы)

Основным типом склонения существительных является субстантивное склонение¹⁰⁷. Отнесение имени существительного к одному из типов субстантивного склонения (и, следовательно, правило

¹⁰⁷ Субстантивированные прилагательные и причастия изменяются по адъективному склонению. Кроме того, ряд слов совмещает при изменении по падежам признаки субстантивного и адъективного склонений (смешанное склонение). Все эти типы склонения существительных и вопрос о неизменяемых существительных будут рассмотрены ниже.

присвоения ему падежных окончаний) зависит от его рода¹⁰⁸ и морфонологического облика. В соответствии с этим можно выделить три основных формальных класса имен существительных¹⁰⁹. К первому классу¹¹⁰ относятся слова мужского рода с нулевым окончанием, а также мужского и среднего рода на *-o/-e* типа *слон*, *приятель*, *поле*, *окно*. Ко второму классу относятся имена существительные женского, мужского и общего рода с окончанием *-a/-я*, например: *мама*, *папа*, *тетя*, *дядя*, *плакса*. К третьему классу относятся имена существительные женского рода с нулевым окончанием типа *мышь*, *стель*. В последнее время сложилась традиция относить к третьему склонению десять существительных среднего рода на *-мя* (*время*, *племя* и т. п.), существительное среднего рода *дитя* и существительное мужского рода *путь*. Альтернативным решением является выделение этих слов в особую группу — разносклоняемые существительные¹¹¹, что более подробно будет рассмотрено ниже.

Дальнейшая дифференциация первого и второго типов склонения традиционно основывается на характеристике последнего гласного основы (твердая и мягкая разновидности) и орфографического вида

¹⁰⁸ Хотя родовые отличия и лежат в основе данной классификации, связь рода и типа склонения выражена непоследовательно. В целом можно сказать, что первое склонение является неженским, второе — несредним, а третье — преимущественно женским.

¹⁰⁹ А. В. Исаченко выделяет четвертое склонение, к которому относит «все непродуктивные и ограниченно-продуктивные типы склонения с чередованием основы единственного и множественного числа» [Исаченко, 2003, с. 163]. Иначе говоря, так называемое четвертое склонение описывает различные типы супплетивных основ существительных (*теленка* — *телята*, *судно* — *суда* и т. д.), а не собственно склонение.

¹¹⁰ В грамматических описаниях русского языка присутствует непоследовательность в нумерации типов склонения: школьные и учебные грамматики называют первым склонением слова женского, мужского и общего рода на *-a/*, а научные грамматики относят к первому склонению слова мужского с нулевым окончанием и среднего рода на *-o/*, *-e/*. Начало академической традиции заложено В. В. Виноградовым, который считал, что к первому склонению следует относить наиболее продуктивную модель, т. е. склонение существительных мужского рода с нулевым окончанием [Виноградов, 1972, с. 83]. Так как данное пособие ориентировано на программу высшей школы, в нем будет использована классификация склонений, принятая в научной грамматике.

¹¹¹ Неодушевленные существительные с уничижительным суффиксом *-ишк-* (типа *заводишко*) и одушевленные существительные с увеличительным суффиксом *-ищ-* (типа *волчище*) имеют некоторые признаки разносклоняемости. Несмотря на то что в письменной речи эти слова изменяются по первому склонению, в разговорной речи в родительном, дательном и предложном падежах (а одушевленные существительные типа *волчище* — и в винительном) могут изменяться по второму склонению: *заводишка* и *заводишки*, *волчища* и *волчищи* (род. падеж); *заводишку* и *заводишке*, *волчищу* и *волчище* (дат. падеж); *волчища* и *волчищу* (вин. падеж); *заводишком* и *заводишкой*, *волчищем* и *волчищей* (тв. падеж). Колебания в склонении этих существительных отражают прежде всего колебания в роде (подробнее об этом см. выше, § 4). Употребление форм второго склонения стилистически маркировано: эти формы носят просторечный оттенок.

флексий. Ниже в табл. 5 приводятся окончания падежных форм для данных типов склонения, которые используются при образовании большинства русских существительных.

Таблица 5

Окончания падежных форм в орфографической записи

Склонение	Основа	Пример	Падеж											
			имени- тельный		роди- тельный		датель- ный		винитель- ный		творитель- ный		предлож- ный	
			ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
I	твердая	стол- дом-	-ø	-ы	-а	-ов	-у	-ам	-ø	-а	-ом	-ами	-е	-ах
	мягкая	рул-	-ø (ь)	-и	-я	-ей	-ю	-ям	-ø (ь)	-и	-ем	-ями	-е	-ях
	твердая	слов-	-ø	-а	-а	-ø	-у	-ам	-о	-а	-ом	-ами	-е	-ах
II	мягкая	пул'-	-я	-и	-и	-ø	-е	-ям	-ю	-и	-ей	-ями	-е	-ях
	твердая	дам-	-а	-ы	-ы	-ø	-е	-ам	-у	-ø	-ой	-ами	-е	-ах
	мягкая	пол-	-е	-я	-я	-ей	-ю	-ям	-е	-я	-ем	-ями	-е	-ях
III		тен'-	-ø (ь)	-и	-и	-ей	-и	-ям	-ø (ь)	-и	-ю	-ями	-и	-ях

Однако письменная форма языка является вторичной по отношению к звуковой, поэтому орфографическая запись не позволяет дать описание склонения, соответствующего современным речевым нормам. Если обратиться к звуковому облику падежных форм, то станет достаточно очевидным, что классификация подтипов склонения, основанная на орфографической записи, не отражает важных для языка явлений, поскольку основным системообразующим фактором при организации склонения является акцентно-ритмическая структура слова. Дополнительную роль играет фонетический облик финальной части основы, причем последовательное разграничение непарных твердых и мягких фонем оказывается более значимым, чем предполагается в традиционной классификации.

Окончания существительных I склонения в им. падеже ед. числа зависят от рода существительного: все существительные м. рода имеют нулевое окончание (стол /stól-ø/, огонь /agón'-ø/, гений /g'én'ij-ø/), существительные ср. рода – окончания /-o/ (окно /akn-ó/, чутьё /čut'j-ó/), /-a/ (болото /balót-a/), /i/ (кладбище /kládb'iš:-i/), /-ы/ (ложе /lóz-ы/), /-е/ (нитие /p'it'ij-é/¹¹²). Формы род. и дат. падежей ед. числа едины у всех существительных I склонения: /-a/ в род. и /-u/ в дат. падеже (окна /akn-á/, окну /akn-ú/; чутья /čut'j-á/, чутью /čut'j-ú/;

болота /balót-a/, болоту /balót-u/; кладбища /kládb'iš:-a/, кладбищу /kládb'iš:-u/; ложа /lóz-a/, ложу /lóz-u/; нития /p'it'ij-á/, нитию /p'it'ij-ú/).

Подтипы склонения создаются за счет форм тв. и предл. падежей: все существительные с ударными окончаниями, независимо от рода и типа основы, имеют единообразные окончания в тв. и предл. падежах. Это окончания /-om/ (тв. падеж: столом /stal-óm/, огнём /agn'-óm/, лицом /l'ic-óm/, плечом /pl'ič-óm/, чутьём /čut'j-óm/, соловьём /salav'j-óm/, плащом /plaš':-óm/) и /-e/ (предл. падеж: столе /stal'-é/, окне /akn'-é/, огне /agn'-é/, лице /l'ic-é/, плече /pl'ič-é/, чутье /čut'j-é/¹¹³, соловье /salav'j-é/, плаще /plaš':-é/). Существительные I склонения с безударными окончаниями в зависимости от форм тв. и предл. падежа ед. числа распадаются на три подтипа. В первый подтип входят существительные с основой на парный твердый (окончание /-am/ в тв. падеже: болотам /balót-am/ и окончание /-i/ в предл. падеже: болоте /balót-i/). Во второй подтип входят существительные с основой на непарные твердые /ž/, /š/, /c/ (окончание /-ым/ в тв. падеже: ложем /lóz-ым/, пляжем /pl'áž-ым/, месяцем /m'és'ic-ым/ и окончание /-ы/ — в предл. падеже: ложе /lóz-ы/, пляже /pl'áž-ы/, месяце /m'és'ic-ы/). Третий подтип объединяет существительные мягкой разновидности на парный мягкий (вихрь), на непарные мягкие /č/ и /š':/ (плач, кладбище) и на находящийся вне оппозиции по твердости / мягкости согласный /j/ (увечье). Все слова третьего подтипа имеют в тв. падеже ед. числа окончание /-im/, а в предл. падеже ед. числа — окончание /-i/: вихрем /v'ixr'-im/, плачем /pláč-im/, кладбищем /kládbi's':-im/, увечьем /uv'ěčj-im/; вихре /v'ixr'-i/, плаче /pláč-i/, кладбище /kládbi's':-i/, увечье /uv'ěčj-i/.

Формы вин. падежа ед. числа у существительных I склонения омонимичны либо формам им. падежа (для неодушевленных), либо формам род. падежа (для одушевленных). Выраженность признаков одушевленности — неодушевленности в формах ед. числа является характерной особенностью I склонения.

Анализ II склонения также подтверждает тот факт, что выделение твердой и мягкой разновидностей в качестве основы классификации подтипов склонения требует существенного уточнения. Во II склонении только в формах род. падежа регулярно различаются существительные с твердой (мамы /mám-ы/, папы /páp-ы/, плаксы /pláks-ы/, борьбы /bar'b-ы/, между /m'iz'-ы/, чаши /čáš-ы/) и мягкой основой (дяди /d'ád-i/, родни /radn'-i/, алычи /alyč'-i/, швеи /šv'i-i/, лилии /l'il'-i/¹¹⁴,

¹¹³ Существительное *забытьё*, относящееся к этому же типу, имеет форму второго предложного падежа *в забытьё* /v-zabyt'j-i/.

¹¹⁴ Строго говоря, при выпадении интервокального йота основа на согласный материально превращается в основу на гласный, что представляет собой интересное явление в субстантивном склонении. С системной точки зрения подобные случаи могут рассматриваться как случаи чередования согласного с нулем звука, что позволяет оставить формы типа *лилия* /l'il'-i/ в подклассе с основой на /j/.

¹¹² В русском языке всего несколько слов такого типа: *нитие, бытие, житие*.

роща /rɔʃː-i/)¹¹⁵. В других формах наряду с типом основы существительную роль играет схема ударения. Например, большинство существительных II склонения в им. падеже имеют окончание /-a/ (*мама* /mám-a/, *папа* /páp-a/, *плакса* /pláks-a/, *борьба* /barˈb-á/, *родня* /radnˈ-á/, *швея* /švˈij-á/, *алыча* /alyč-á/, *межа* /mˈiz-á/, *чаща* /čáš-a/), а существительные с безударными окончаниями после основ на парные согласные, непарные мягкие шипящие и /j/ оканчиваются флексией /-i/ (*дядя* /dˈád-i/, *лилия* /lˈil-i-i/, *роща* /rɔʃː-i/). Это не единственная особенность склонения существительных типа *дядя*, *лилия*, *роща*, так как существительные II склонения с мягкой основой и безударным окончанием на фоне других разновидностей склонения отличаются значительной омонимией падежных форм в ед. числе — при их формообразовании используются всего три флексии: /-i/ в им., род., дат. и предл. падежах (*дяди* /dˈád-i/, *дяде* /dˈád-i/, (о) *дяде* /dˈád-i/, *лилии* /lˈil-i-i/, *лилии* /lˈil-i-i/, (о) *лилии* /lˈil-i-i/, *рощи* /rɔʃː-i/, *роще* /rɔʃː-i/, (о) *роще* /rɔʃː-i/), /-u/ в вин. падеже (*дядю* /dˈád-u/, *лилию* /lˈil-ij-u/, *рощу* /rɔʃː-u/) и /-ij/ в тв. (*дядей* /dˈád-ij/, *лилей* /lˈil-i-ij/, *рощей* /rɔʃː-ij/).

Выделение разновидностей II склонения, основанное на противопоставлении ударных и безударных окончаний, проявляется в формах дат., тв. и предл. падежей: в этих формах, независимо от типа основы, в ударной позиции выступает флексия /-e/ в дат. и предл. падежах (*борьбе* /barˈb-é/, (о) *борьбе* /barˈb-é/; *родне* /radnˈ-é/, (о) *родне* /radnˈ-é/; *швее* /švˈij-é/, (о) *швее* /švˈij-é/; *алыче* /alyč-é/, (об) *алыче* /alyč-é/; *меже* /mˈiz-é/, (о) *меже* /mˈiz-é/) и флексия /-oj/ в тв. падеже (*борьбой* /barˈb-ój/, *родней* /rdnˈ-ój/, *швейей* /švˈij-ój/, *алычой* /alyč-ój/, *межой* /mˈiz-ój/).

Выбор безударного окончания зависит от вида последнего согласного основы: естественным образом происходит выделение подкласса *м я г к о й* разновидностей с окончанием /-i/ в дат. и предл. падежах и /-ij/ в тв. падеже (примеры см. выше). В *т в е р д у ю* разновидность входят существительные на непарные твердые /ž/, /š/, /c/ (окончание /-ы/ в дат. и предл. падежах: *чаще* /čáš-ы/, (о) *чаще* /čáš-ы/, окончание /ыj/ в тв. падеже: *чайей* /čáš-ыj/). Вопрос о существительных на парные по твердости / мягкости согласные решается не столь однозначно, причем это касается как существительных с безударными, так и существительных с ударными окончаниями. Дело в том, что,

¹¹⁵ Как уже подчеркивалось, в противовес классификации на основе орфографической записи при анализе звуковой формы морфологических явлений существительные с основами на непарные мягкие шипящие /č/ и /šː/ имеют единые особенности формоизменения с существительными на парные мягкие, которые традиционно рассматриваются как мягкая разновидность склонения. Что касается согласного /j/, то несмотря на то что этот звук находится вне противопоставления по твердости / мягкости, не только его артикуляторные свойства, но и особенности его функционирования в звуковой системе (например, способность к смягчению предшествующего согласного: *келья* /kélˈji/), позволяют без особых оговорок вносить его в мягкую разновидность.

хотя традиционно их основы рассматриваются как твердая разновидность склонения, при изменении по падежам существительных типа *мама*, *папа*, *плакса*, *борьба* происходит чередование твердых и мягких согласных: основа на твердый представлена во всех падежах, кроме дательного и предложного, в которых финальный гласный основы является мягким, безударное окончание в этих формах — /-i/ (*мама* /mám-a/, *мамы* /mám-ы/, *маме* /mám-i/, *маму* /mám-u/, *мамой* /mám-aj/, (о) *маме* /mám-i/).

К мягкой разновидности III склонения относятся существительные женского рода на парный мягкий согласный и непарные мягкие шипящие /č/ и /šː/ (*соль*, *любовь*, *ночь*, *помощь*), к твердой разновидности — на непарные твердые шипящие /ž/ и /š/ (*рожь*, *дрожь*, *мышь*). Падежные формы существительных женского рода III склонения с разными типами основ различаются только омонимичными флексиями род., дат. и предл. падежей: в мягкой разновидности в этих формах используется окончание /-i/, в твердой — окончание /-ы/. Существительные в им., вин. и тв. падежах склоняются одинаково, независимо от типа основы: *соль* /sól-ø/, *соли* /sól-i/, *соли* /sól-i/, *соль* /sól-ø/, *солью* /sól-ju/, (о) *соли* /sól-i/; *любовь* /lˈubóf-ø/, *любви* /lˈubv-i/¹¹⁶, *любви* /lˈubv-i/, *любовь* /lˈubóf-ø/, *любовью* /lˈubóv-ju/, (о) *любви* /lˈubv-i/; *ночь* /nóč-ø/, *ночи* /nóč-i/, *ночи* /nóč-i/, *ночь* /nóč-ø/, *ночью* /nóč-ju/, (о) *ночи* /nóč-i/; *рожь* /rɔʃ-ø/, *ржи* /rž-ы/, *ржи* /rž-ы/, *рожь* /rɔʃ-ø/, *рожью* /rɔž-ju/, (о) *ржи* /rž-ы/; *дрожь* /dróš-ø/, *дрожи* /dróž-ы/, *дрожи* /dróž-ы/, *дрожь* /dróš-ø/, *дрожью* /dróž-ju/, (о) *дрожи* /dróž-ы/. Как видно из приведенных примеров, ударность / безударность флексии в III склонении не оказывает влияния на особенности словоизменения.

Возвращаясь к вопросу о правомерности включения разносклоняемых существительных в III склонение, отметим, что ведущим основанием такого объединения является использование омонимичных флексий в род., дат. и предл. падежах, ср.: *соль* /sól-ø/, *соли* /sól-i/, *соли* /sól-i/, *соль* /sól-ø/, *солью* /sól-ju/, (о) *соли* /sól-i/; *время* /vrˈém-i/, *времени* /vrˈém-in-i/, *времени* /vrˈém-in-i/, *время* /vrˈém-i/, *временем* /vrˈém-in-im/, (о) *времени* /vrˈém-in-i/; *дитя* /dˈit-á/, *дитяти* /dˈit-át-i/, *дитяти* /dˈit-át-i/, *дитя* /dˈit-á/, *дитятей* /dˈit-át-ij/, (о) *дитяти* /dˈit-át-i/; *путь* /pút-ø/, *пути* /put-i/, *пути* /put-i/, *путь* /pút-ø/, *путем* /put-óm/, (о) *пути* /put-i/. Но если учитывать звуковой облик словоформ, то оказывается, что такой же особенностью обладают существительные II склонения мягкой разновидности с безударными окончаниями (типа *дядя*). Более того, как и у существительных на -мя (типа *время*), омонимия флексий при формообразовании существительных II склонения типа *дядя* распространя-

¹¹⁶ При склонении этого нарицательного существительного в основе происходит чередование /o/ с нулем звука, в собственном существительном *Любовь* /o/ сохраняется во всех падежных формах.

ется и на им. падеж (см. примеры выше), а окончания тв. падежа слова дитя идентичны одному из вариантов II склонения. Однако это не значит, что данные существительные следует относить ко II склонению. По всей видимости, наиболее правильно рассматривать их как особую группу разносклоняемых существительных.

Как уже говорилось, во мн. числе разница между типами склонения стирается, так как в дат., тв. и предл. падежах мн. числа существительные разных типов склонения имеют одинаковые окончания (ср.: *столам* /stal-ám/, *столами* /stal-ámi/, (о) *столах* /stal-áx/ (от I скл. *стол*), *картам* /kárt-am/, *картами* /kárt-ami/, (о) *картах* /kárt-ax/ (от II скл. *карта*), *ночам* /nač-ám/, *ночами* /nač-ámi/, (о) *ночах* /nač-áx/ (от III скл. *ночь*). Кроме окончаний /-am/ (дат. падеж), /-ami/ (тв. падеж), /-ax/ (предл. падеж), которые используются в разных акцентных типах как после мягких, так и после твердых основ (ср., например, формы тв. падежа: *столам* /stal-ám/ — болотам /balót-am/ — дням /dn'-ám/ — ключьям /klóčj-am/ — пажам /paž-ám/ — улицам /úl'ic-am/), можно выделить группу существительных, которые во мн. числе в этих падежах имеют другой набор окончаний: /-im/ (дат. падеж), /-imi/ (тв. падеж), /-ix/ (предл. падеж). Однако и в этом случае все окончания используются для образования мн. числа существительных разного склонения, которые объединяют флексии и основа на непарный мягкий шипящий: *зрелищам* /zr'él'iš'-im/, *зрелищами* /zr'él'iš'-imi/, *зрелищах* /zr'él'iš'-ix/ (от I скл. *зрелище*), *рощам* /rōš'-im/, *рощами* /rōš'-imi/, *рощах* /rōš'-ix/ (от II скл. *роща*), *течам* /t'ěč-im/, *течами* /t'ěč-imi/, *течах* /t'ěč-ix/ (от III скл. *течь*).

В им. падеже в зависимости от твердости / мягкости основы существительные любого склонения могут иметь флексии /-i/ (после мягких) и /-ы/ (после твердых): *столаы* /stal-ы/, *рубли* /rubl'-i/, *мамы* /mám-ы/, *земли* /z'ém'l'-i/, *ночи* /nóč-i/, *мыши* /mýš-ы/. Единственным возможным указателем на тип склонения является ударное окончание /-á/, которое могут иметь некоторые существительные м. рода I склонения (например, *века* /v'ík-á/). «Группа слов, от которых может быть образована и образуется форма им. п. мн. ч. с флексией -а (-я), не имеет четких семантических и морфологических характеристик. Эта форма образуется преимущественно от существительных, называющих неодушевленные предметы, и — реже — от названий лиц» [Русская грамматика, I, § 1202].

Род. падеж мн. числа отличается наибольшим разнообразием флексий, однако и в этом случае вид флексии не позволяет точно дифференцировать типы склонения. Можно отметить только некоторые тенденции. Например, нулевое окончание в род. падеже мн. числа не встречается у существительных III склонения, а флексии /-of/, /-af/, /-if/, /-ыf/ (орфографически *-ов/-ев/-ев*) — отличительная черта I склонения: *топоров* /topar-óf/, *заводов* /zavód-af/, *героев* /g'iró-if/, *месяцев* /m'és'ic-ыf/. Но так как нулевые окончания

в род. падеже мн. числа возможны и в I, и во II склонении (I скл.: *ватт* /vát-ø/, II скл.: *сестер* /s'is't'ór-ø/), а окончания /-ej/, /-ij/, /-ыj/ (орфографически *-ей*) встречаются во всех склонениях (I скл.: *нулей* /nul'-ěj/, *жителей* /žít'il'-ij/, *маршей* /márš-ыj/; II скл.: *межсей* /m'iz-ěj/, *чукчей* /čúkč-ij/, *юношей* /júnaš-ыj/; III скл.: *мышей* /mýš-ěj/, *тетрадей* /t'itrád'-ij/, *пустошей* /pústaš-ыj/), то можно констатировать, что во всех формах мн. числа обилие единообразных окончаний не позволяет выстроить логичную классификацию склонений.

§ 11. Адъективное и смешанное склонение существительных. Несклоняемые существительные

Кроме собственно субстантивных парадигм при формообразовании ряда существительных используются флексии, свойственные склонению прилагательных. По этому типу изменяются субстантивированные прилагательные и причастия (*проходящий* /přaxóž-ыj/, *больной* /bal'n-ój/, *мороженое* /maróžyn-ai/, *грядущее* /gr'iduš':-ii/ и т. д.). Разновидности склонения и типы флексий у этих существительных совпадают с омонимичными прилагательными и причастиями. Отличительной чертой адъективного склонения существительных является опора на родовую принадлежность слова и морфологически выраженные признаки одушевленности / неодушевленности (у одушевленных существительных совпадают окончания род. и вин. падежей, у неодушевленных — им. и вин. падежей).

Некоторые существительные образуют падежные формы, используя флексии как адъективного, так и субстантивного склонения. Такой тип склонения принято называть смешанным. Таким образом организовано склонение русских фамилий на *-ин* и *-ов*: *Синицын-ø*, *Синицына*, *Синицыну*, *Синицына*, *Синицыным*, (о) *Синицыне*; *Синицына*, *Синицыной*, *Синицыной*, *Синицыну*, *Синицыной*, (о) *Синицыной*; *Иванов-ø*, *Иванова*, *Иванову*, *Иванова*, *Ивановым*, (об) *Иванове*; *Иванова*, *Ивановой*, *Ивановой*, *Иванову*, *Ивановой*, (об) *Ивановой*¹¹⁷. Как видно из примеров, мужские фамилии в основном склоняются по субстантивному типу, флексия адъективного склонения встречается только в тв. падеже (*Синицыным*, *Ивановым*; ср.: *президентом*). В женских фамилиях, напротив, преимущественно используется адъективное склонение и только формы им. и вин. падежей имеют субстантивные флексии (*Синицына*, *Иванова*)¹¹⁸. Им. падеж мн. чис-

¹¹⁷ Звуковые особенности перечисленных форм описаны в разделах, посвященных субстантивному и адъективному склонению.

¹¹⁸ Имена собственные, обозначающие географические названия, образованные на основе русских фамилий, относятся к стандартному субстантивному склонению. Например: *Я был очарован Пушкином и Павловском*.

ла русских фамилий принадлежит субстантивному склонению (*Синицины, Ивановы*), а формы косвенных падежей мн. числа полностью совпадают с формам прилагательных.

Завершая описание русского склонения, необходимо остановиться на еще одном, не столь многочисленном, но весьма значимом для осознания основных направлений развития грамматической системы русского языка явлении — активном развитии класса несклоняемых существительных.

К несклоняемым существительным относятся:

1) неодушевленные существительные ср. рода, являющиеся по происхождению заимствованиями из других языков: *радио, жалюзи, пенни, банджо, жабо, кофе, филе, барокко, кабаре, пальто, такси, либретто, соло*;

2) заимствованные существительные, обозначающие названия животных, способные выступать как в мужском, так и в женском роде: *кенгуру, колибри, шимпанзе*;

3) заимствованные существительные, называющие лиц мужского пола, и несколько существительных, которые используются для обращения к лицам женского пола: *атташе, денди, месье, маэстро; леди, мисс, мадам, фрау*;

4) иностранные имена и фамилии: *Верди, Гюго, Шоу, Гарибальди, Отелло, Беатриче, Кармен, Шмидт* (в женском роде¹¹⁹). В соответствии с литературной нормой к неизменяемым относятся украинские фамилии на *-о* типа *Короленко, Тимошенко*, хотя в разговорной речи часто эти существительные склоняются. Тем не менее, как указывается в «Русской грамматике», в настоящее время «укрепляется тенденция к неизменяемости фамилий на неударное *-ко*. Эта тенденция поддерживается отсутствием образца для склонения, поскольку среди слов сред. р. почти нет существительных одушевленных» [Русская грамматика, 1980, I. § 1221];

5) многие иностранные географические названия, оканчивающиеся на гласные (кроме *-а* и *-ы*): *Гаити, Капри, Тбилиси, Сорренто, Осло*;

6) названия нот: *до, ре, ми* и т. д.;

7) названия букв: *ка, эль, эм* и т. д.;

8) русские фамилии, являющиеся по происхождению застывшими падежными формами: *Дурново, Хитрово, Живаго; Кручёных, Польских*;

9) аббревиатуры инициального типа: *ГАИ, ВДНХ, СПбГУ*;

10) аббревиатуры смешанного типа, оканчивающиеся на гласный: *РОЭ, НАМИ*;

11) аббревиатуры, созданные на основе косвенного падежа существительного: *завкафедрой, поммастера, завсектором*;

¹¹⁹ Фамилии, оканчивающиеся на твердый согласный, являются несклоняемыми только в женском роде (например, у *госпожи Шмидт*, но у *господина Шмидта*).

12) собственно русские географические названия на *-ин(о), -ов(о)* типа *Пушкино, Бутово, Шереметьево, Бородино*, изменяемость которых еще сравнительно недавно была господствующей нормой.

Постоянное увеличение количества несклоняемых существительных, возникающих не только за счет заимствований, но и на собственно русской почве (прежде всего благодаря активному развитию аббревиации и процесса утраты словоизменения ряда собственных имен¹²⁰), является одним из признаков развития элементов аналитизма в современном русском языке. Как известно, аналитический способ выражения состоит в том, что грамматическое значение передается вне пределов данного слова с помощью контекста и служебных элементов. При употреблении несклоняемых существительных решающую роль при определении падежа играют предлоги и синтаксическое окружение: *в Тушино – из Тушино* или *новым пальто – нового пальто*. Представляется несомненным, что падежные значения в этих примерах передаются с помощью предлогов и форм определяющего прилагательного, а не аффиксально, хотя в последнее время достаточно распространенной является интерпретация несклоняемых существительных как слов изменяемых, имеющих омонимичные формы падежей, средством выражения которых является нулевая флексия¹²¹.

§ 12. Вариативность в системе современного склонения существительных

В заключение необходимо сказать несколько слов о вариативных явлениях в системе современного склонения существительных. В современной речевой практике наиболее регулярными и устойчивыми являются колебания в следующих формах.

1. Колебания форм им. падежа мн. числа типа *профессоры – профессорá*. Соотношение вариантных форм такого типа достаточно разнообразно. Крайними точками в конкуренции этих форм является практически полная семантическая и функциональная эквива-

¹²⁰ Это не единственно возможные случаи пополнения несклоняемых существительных. Субстантивация ряда частей речи также может вести к появлению новых несклоняемых имен, например субстантивированного наречия: *Когда же наступит завтра?* или субстантивированного местоимения в функции сказуемого: *Я не я, и лошадь не моя* (поговорка).

¹²¹ В соответствии с этим в последней академической грамматике выделяется особый тип склонения – нулевое [Русская грамматика, 1980, I, с. 506; см. также: Милославский, 1981, с. 98–99]. Дополнительным аргументом против выделения нулевой флексии в составе несклоняемых существительных является то, что нулевые окончания в других типах склонения восходят к элементам, в прошлом материально выраженным и утраченным в результате падения редуцированных.

лентность (*годы – года*), с одной стороны, и ситуация обслуживания этими формами лексических однокорневых омонимов (*цветы – цвета*) — с другой. Между этими полюсами размещаются разнообразные стилистически маркированные варианты: *школьные учителя* (нейтральное) – *учители поколения* (книжное, торжественное); *корректоры* (общелитературное) – *корректора* (профессиональное). Однако для многих форм функционально-стилистическая норма еще не устоялась, поэтому возникают параллельные употребления (например, *плинтусы – плинтуса*). Определенную роль при формировании нормативных вариантов играет звуковая, в частности акцентно-ритмический, фактор: вариативная флексия *-а* всегда ударная, но чем больше длина слова в слогах, тем менее вероятным становится перенос ударения на последний слог слова¹²². Именно поэтому наиболее освоенными нормой современного языка являются двусложные формы типа *домá, томá*.

2. Колебания в системе современной нормы наблюдаются также при употреблении форм род. падежа мн. числа, что связано с широким набором флексий, обслуживающих данную парадигму. Наиболее часто колебания нормы возникают при конкуренции форм с нулевой и ненулевой флексией. Общей тенденцией является вытеснение прочих форм вариантами с нулевой флексией, хотя на данный момент нормативность многих вариантов сомнительна. Необходимо отметить, что в современной речи все более распространенными становятся варианты с нулевой флексией у тех существительных, которые не должны были бы развивать такие формы, т. е. у существительных с нулевым окончанием в им. падеже ед. числа (типа *помидор, грузин, грамм* и т. д.). Тем не менее в названиях ряда национальностей (*грузин, туркмен*) этот вариант относится к все более употребительным, а в некоторых случаях даже основным (*мадьяр, румын*). Хотя до сих пор сохраняются формы, в которых нулевая флексия не употребляется (*аварцев, алеутов*).

Аналогичная ситуация складывается при именовании парных предметов. Одни формы возможны только с нулевой флексией (*сапог, чулок, колготок*), другие по норме всегда должны иметь ненулевое окончание (*носков*). Часть существительных продолжает сохранять колебания в выборе форм (*рейтуз – рейтузов*).

Ситуация с двумя другими группами слов, допускающих обсуждаемую вариативность, оценивается современной нормой более однозначно. Для обозначения мер и единиц измерения предпочтение отдается варианту с нулевым окончанием: *ампер, ватт, вольт, герц, грамм, килограмм, гектар, рентген*. А вот названия овощей и фруктов с нулевым окончанием, часто употребляемые в разговорной речи

(*помидор, абрикос, банан, баклажан, мандарин, апельсин* вместо нормативных *помидоров, абрикосов, бананов, баклажанов, мандаринов, апельсинов*), продолжают считаться хоть и возможным, но не вполне нормативным вариантом, к тому же недопустимым в письменной речи. Названия всех остальных овощей и фруктов не рекомендуется употреблять с нулевой флексией (т. е. единственно возможными правильными вариантами являются формы *ананасов, лимонов, арбузов* и т. д.).

По современной норме более предпочтительными считаются формы с нулевой флексией в род. падеже мн. числа для слов типа *ожерелье* (*ожерелий, объятий, ущелий*); варианты *ожерельев, объятийев, ущельев* рассматриваются как устаревшие.

Колебания форм мн. числа в им. и род. падежах относятся к наиболее современным и активно развивающимся явлениям русской речи. Другие типы вариативных падежных форм гораздо дольше существуют в языке параллельно, и поэтому их семантические особенности и стилистическая окраска более очевидны.

Семантическая специфика существительных м. рода I склонения с окончаниями */-u/* (орфографически *-у/-ю*) связана со значением партициптивности у вещественных существительных (ср.: *чашка чаю – сорт чая; килограмм сыру – изготовление сыра*) и неопределенной множественности у собирательных и отвлеченных существительных (*мало народу, много шуму*). Вне этих значений формы на */-u/* носят просторечный характер.

Локативное (местное) значение у ряда¹²³ существительных м. рода I склонения может передаваться с помощью вариативных флексий */-i/* (орфографически *-е*) и */-u/* (*-у*). Существует достаточное количество случаев, в которых по норме местное значение может передаваться только одной из форм (*в аду, в бою, в бреду, в быту, в гробу, во рту, в пуху*), вариативная на *-е* форма является устаревшей. В других случаях вариативные формы выполняют разные стилистические функции: *в аэропорту* (нейтральное) и *в аэропорте* (разговорно-просторечное); *в хоре* (нейтральное) и *в хору* (просторечное); *в доме* (нейтральное) и *в дому* (поэтическое или разговорно-просторечное); *в (на) грунте* (нейтральное) и *(на) грунту* (профессиональное); *в отпуске* (нейтральное) и *в отпуску* (разговорно-просторечное).

У существительных ж. рода II склонения в тв. падеже наряду с окончаниями */-oj/* и */-ij/* (орфографически *-ой/-ëй/-ей*) возможны окончания */-oju/* и */-iju/* (орфографически *-ою / -ею*), которое является для современного языка устаревшим, хотя продолжает употребляться в книжной, особенно в поэтической, речи: *травой – травую, землëй – землëю, молнией – молниëю*.

¹²² Несмотря на потенциальную разноместность, русское «ударение стремится как можно ближе к корню, с одной стороны, и как можно ближе к середине слова — с другой» [Бондарко, 1998, с. 216].

¹²³ В основном, это существительные с односложной основой и ударением на окончании, хотя такая структура не является обязательной, ср.: *в аэропорту*.

К стилистически значимой и полностью устоявшейся вариативности относятся также нейтральные и разговорные варианты слов ж. рода мн. числа с окончанием /-am'i/ (орфографически -ями) или /-mi/ (орфографически -ми): *дочерями* (нейтральное) – *дочерьми* (разговорное); *дверями* (нейтральное) – *дверьми* (разговорное). Следует отметить, что слова *дети* и *люди* имеют только формы *детьми* и *людьми*, варианты *детьми* и *людьми* ненормативны.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 1. Прилагательное как часть речи

Общая характеристика. Имя прилагательное¹ — одна из основных знаменательных частей речи, к которой относятся слова, обозначающие *не процессуальный признак предмета*², т. е. такой его признак, который не связан с изменением во времени. Так, например, называя человека *худым*, мы фиксируем внимание только на том, что в момент наблюдения объем его тела меньше среднего (или ожидаемого), а чтобы обозначить изменение внешнего вида, мы должны использовать глагол *похудеть*. В соответствии с их категориальным значением наиболее типичными синтаксическими функциями прилагательных являются функции определения (*Был солнечный день*) и именного сказуемого (*День был солнечный*). Прилагательные обладают грамматическими категориями падежа, числа, рода, степени сравнения и могут выступать в полных и кратких формах.

В формально-грамматическом отношении формы прилагательных распределяются по трем морфологическим разрядам. Один из них составляют *полные* формы прилагательных, которые изменяются по падежам, числам и родам (в ед. числе), согласуясь в этих формах с определяемым существительным: *высокий дом, высокого дома; высокие дома, высоких домов* и т. д. Этот подкласс прилагательных считается основным. К другому подклассу относятся *краткие* формы прилагательных, изменяющиеся по числам и родам, но не имеющие категории падежа: *он болен, она больна, они больны*. Третий подкласс образуют простые формы *сравнительной степени*, являющиеся неизменяемыми: *выше, светлее*. В этом отношении им подобны *несклоняемые* прилагательные, имеющие, как правило, иноязычное происхождение. По своему значению

¹ Название (имя) прилагательное представляет собой кальку с латинского термина (nomen) *adjectivum* '(имя) прилагательное', букв. — 'прибавленное, приставленное' (имеется в виду зависимость прилагательного от существительного). Этот термин возник в западноевропейской лингвистике около XII в., когда воспринятая от античности единая категория *мени* (лат. *nomen*) стала подразделяться на существительные и прилагательные. В русском названии соответствующего признака — *адъективный* — сохраняется латинский корень.

² «Предмет» понимается здесь обобщенно — как любой потенциальный носитель признака.

несклоняемые прилагательные однотипны с обычными склоняемыми прилагательными: *язык хинди* (ср.: *английский язык*), *цвет хаки* (ср.: *защитный цвет*).

В установлении границ прилагательного как части речи нет полного единства мнений.

При широком понимании прилагательного в их состав включают также порядковые числительные типа *пятый, сотый* и местоимения-прилагательные типа *этот, такой, мой, любой* или какой-то один из этих классов слов, см., напр.: [Виноградов, 1947, с. 233–236; Плотникова, 1980, с. 540; Милославский, 1981, с. 110–111; Шанский, Тихонов, 1981, с. 128–129].

Данное решение основывается на сходстве грамматических свойств этих слов: подобно полным прилагательным, они изменяются по числам, родам и падежам и могут выступать в предложении в качестве согласованного определения: *Это моя первая отдельная квартира*. Однако и при таком подходе порядковые числительные и местоимения-прилагательные выделяются в особые «порядковые» либо «местоименные» лексико-грамматические разряды прилагательных (или подразряды относительных прилагательных), и, таким образом, они все равно отделяются от основной массы прилагательных. Поэтому расхождения в решении вопроса о категориальной принадлежности этих классов слов носят в значительной степени терминологический характер: они просто получают другое название³.

Кроме того, подобный широкий подход к прилагательному (при сохранении в качестве особых частей речи местоимений-существительных и количественных числительных) затушевывает тот очевидный факт, что и местоимения, и числительные обособляются прежде всего в силу специфики их семантики, а не особенностей словоизменения, и к тому же характеризуются высокой степенью внутренней упорядоченности. Можно добавить также, что местоименные прилагательные не только резко отличаются от других прилагательных по своему значению, но к тому же по преимуществу непроизводны, а порядковые числительные обозначают не «отношение к числу», а именно порядок при счете. В этом они отличаются от настоящих относительных прилагательных типа *двойной*, которые в зависимости от значения определяемого существительного допускают различные конкретные интерпретации: ‘увеличенный в два раза’ (*двойная оплата*), ‘состоящий из двух’ (*двойная дверь*), ‘в два

³ Наиболее широкое понимание прилагательных предлагал, по-видимому, Л. В. Щерба, который относил к ним не только местоименные прилагательные и порядковые числительные, но и все причастия, а также неизменяемые формы сравнительной степени в предложениях типа *ваш рисунок лучше моего* [Щерба, 1974, с. 85]. Причастия он одновременно считал и формами глаголами, порядковые числительные выделял в особый подкласс «порядковых прилагательных», а местоимения-существительные рассматривал как разновидность существительных.

раза более крепкий’ (*двойной кофе*), ‘имеющий два проявления’ (*двойное чувство*), но при этом не могут обозначать порядок при счете⁴.

В данном пособии принято узкое понимание прилагательного, которое не только соответствует основной школьной традиции, но и вполне обоснованно с научной точки зрения.

Спорным является также вопрос о грамматическом статусе качественных наречий на *-о* (ср. *весёлый смех* — *весело рассмеялся*), безличных предикативов (*Ему весело*), субстантивированных прилагательных (*Он не ест сладкого*) и неизменяемых форм сравнительной степени (*выше, выше*). Эти вопросы рассматриваются в соответствующих разделах пособия.

Лексико-семантические разряды. По способу обозначения признака предмета и грамматическим свойствам традиционно различаются три лексико-грамматических разряда прилагательных: качественные, относительные и притяжательные. В последнее время притяжательные прилагательные обычно объединяют с относительными, для чего есть определенные основания. Однако наличие у притяжательных прилагательных ряда специфических черт делает целесообразным их отдельное рассмотрение.

Качественные прилагательные называют признаком непосредственно, иначе говоря, характер обозначаемого свойства предмета или лица заложен в самом значении прилагательного. Это могут быть его физические параметры (размер, вес, форма, скорость): *большой, высокий, узкий, прочный, тяжелый, круглый, быстрый*; цвет и другие качества предмета, воспринимаемые органами чувств: *белый, красный, темный, грязный, рваный, пустой, тихий, вкусный, сладкий, громкий, душистый, гладкий, скользкий*; качества характера и внутреннего склада: *добрый, умный, гордый, храбрый, щедрый, хитрый, ревнивый*; общая оценка и другие реакции субъекта на свойства предмета: *хороший, плохой, красивый, нужный, сложный, вредный*. Этот перечень легко может быть продолжен. Кроме того, благодаря развитию переносных значений одно и то же качественное прилагательное в разных значениях может относиться к различным семантическим подгруппам, ср.: *сладкое яблоко* (вкус), *сладкие звуки* (звук), *сладкие мгновения* (общая оценка). Признаки, обозначаемые качественными прилагательными, обычно допускают количественные изменения, способны возникать и исчезать, могут быть общими для самых разных классов предметов (ср. такие свойства, как вес, размер, окраска, запах, вкус т. д.).

Качественные прилагательные характеризуются наличием целого ряда отличительных свойств, которые можно распределить по следующим группам.

⁴ Другие аргументы против расширения состава прилагательных приводятся в работах: [Буланин, 1976б, с. 84, 95–96; Лукин, 1991, с. 76–78; Чеснокова, 1991, с. 44–54].

I. Морфологические признаки.

1. Качественные прилагательные обычно могут иметь не только полную, но и краткую форму: *полный* — *полон*, *назойливый* — *назойлив*, *больной* — *болен*).

2. Качественным прилагательным свойственно изменение по степеням сравнения: *важный* — *важнее* (более *важный*) — *важнейший* (*самый важный*), *крупный* — *крупнее* (более *крупный*) — *крупнейший* (*самый крупный*).

II. Словообразовательные признаки.

1. Только качественные прилагательные могут быть непроемными: *белый*, *хромой*, *узкий*, *хороший*⁵.

2. От многих качественных прилагательных образуются соотносительные качественные наречия на *-о*, *-е* или *-и*: *быстрый бег* — *быстро бежать*, *искренняя улыбка* — *искренне улыбнуться*, *зверский аппетит* — *зверски проголодаться*⁶.

3. От качественных прилагательных легко образуются адъективные словообразовательные дериваты, выражающие различные «степени качества»: *старенький поезд*, *зеленая-презеленая рожь*, *большущий кусок пирога*.

4. Большинство качественных прилагательных образует отвлеченные существительные: *белый* — *белизна*, *жестокый* — *жестокость*, *удалой* — *удаль*.

III. Лексические признаки.

1. Качественные прилагательные могут вступать в антонимические пары: *большой* — *маленький*, *веселый* — *грустный*, *молодой* — *старый*, а также образовывать синонимические ряды: *ровный*, *гладкий*; *умный*, *смысленный*, *мудрый*; *храбрый*, *смелый*, *отважный*; *худой*, *тощий*.

IV. Синтаксический признак. Качественные прилагательные способны сочетаться с наречиями степени, обозначающими меру признака: *очень аккуратный*, *слишком высокий*, *чуть тёплый*, *абсолютно непонятный*, *немного скучный*, *совершенно белый*, *почти пустой*.

Одни качественные прилагательные (напр., *хороший*, *высокий*, *сложный*, *добрый*, *быстрый*) обладают всеми перечисленными свой-

⁵ При этом, впрочем, широко употребляются и производные качественные прилагательные с различными суффиксами: *-н-* (*сильный*, *жирный*, *людный*, *больной*), *-ат-*, *-чат-*, *-аст-*, *-ист-* (*рогатый*, *волосатый*, *рассыпчатый*, *зубастый*, *глазастый*, *тенистый*, *болотистый*, *поджаристый*), *-ав-*, *-ив-*, *-лив-*, *-ляв-* (*ржавый*, *дырявый*, *правдивый*, *дождливый*, *вертлявый*), *-к-* (*жаркий*, *колкий*, *ломкий*), *-л-* (*усталый*, *умелый*, *гнилой*).

⁶ Эти наречия на *-о* и *-е* омонимичны кратким формам ср. рода соответствующих прилагательных, ср.: *Он поступил возмутительно* (наречие) — *Его поведение возмутительно* (прилагательное). Их разграничение основывается на различии синтаксических свойств прилагательных и наречий, причем этот вопрос не всегда решается однозначно. Следует заметить также, что эти грамматические омонимы имеют разный морфемный состав: в кратких прилагательных конечное *-о* — это окончание, а в наречиях — словообразовательный суффикс.

ствами, другие — лишь некоторыми из них⁷. Это различие связано прежде всего с тем, что качественные прилагательные не вполне семантически однородны, и данные признаки отражают различные аспекты семантики качественности. Так, способность изменения по степеням сравнения и сочетаемость с наречиями степени обусловлена наличием у обозначаемого признака шкалы градаций (ср. отсутствие этих свойства у прилагательных *женатый* и *холостой*, обозначающих признаки, которые не могут проявляться в разной степени), а вхождение в антонимические пары связано с определенным типом этой шкалы, в силу чего антонимов нет у большинства прилагательных, обозначающих цвет (*красный*, *синий*, *желтый*) и форму (*круглый*, *квадратный*). Существуют и более частные различия. Так, например, прилагательные с суффиксами субъективной оценки типа *большущий* или *тяжеленный*, оставаясь качественными, не изменяются по степеням сравнения и не имеют кратких форм. Особую группу составляют прилагательные *крайний*, *нижний*, *верхний*, *главный*, обозначающие крайние точки на шкале градаций в ряду однородных предметов. В форме сравнительной степени они не употребляются, но аналитические формы превосходной степени у них есть, причем формы положительной и превосходной степени могут относиться к одному и тому же объекту и быть более или менее свободно взаимозаменяемыми в тексте: *крайний дом на улице* — *самый крайний дом на улице*; *нижняя ступенька* — *самая нижняя ступенька*; *верхний этаж* — *самый верхний этаж*; *главная задача* — *самая главная задача*.

Минимальными проявлениями качественности характеризуются прилагательные с ограниченной сочетаемостью. Таковы, например, названия мастей лошадей (*гнедой*, *каурый*, *вороной*) или прилагательные, выступающие в устойчивых выражениях (*проливной дождь*, *закадычный друг*).

Детальная классификация качественных прилагательных, отражающая такого рода различия, остается делом будущего⁸. Сейчас же можно с полной уверенностью говорить о том, что прилагательные могут характеризоваться большей или меньшей степенью качественности.

Относительные прилагательные обозначают признак предмета через его отношение к тому, что названо мотивирующим словом. Это может быть другой предмет (*деревянный дом*, *фруктовый сад*, *морское животное*), действие (*читальный зал*, *нагревательный прибор*, *перекидной календарь*), место или время (*морская прогулка*,

⁷ В работе Л. Л. Буланина [Буланин, 19766, с. 72–75] приведена таблица, наглядно иллюстрирующая различия в проявлении признаков качественности у отдельных прилагательных, и дан обширный комментарий к ней.

⁸ Обсуждение различных подходов к решению этих вопросов см.: [Павлов, 1996; Леман, 2000].

подмосковные вечера, ночной поезд, вчерашний гость, довоенный фильм, апрельский дождь), количество (*двойная нагрузка, тройственный союз*). Таким образом, относительные прилагательные по своей природе являются производными. Помимо производности, они не имеют других специфических признаков, отличаясь от качественных прилагательных негативно — у нет ни одного из присущих последним свойств: кратких форм, изменения по степеням сравнения, производных качественных наречий и др.

Признаки, обозначаемые относительными прилагательными, не имеют количественных градаций и могут служить основой для классификации однородных предметов и их разделения на подклассы: *кухонный стол — письменный стол, берзовые дрова — сосновые дрова, вишневый сад — яблоневый сад*. Кроме того, для относительных прилагательных характерна более тесная смысловая связь с существительным по сравнению с качественными прилагательными. Этим объясняется устойчивый порядок расположения определений в сочетаниях типа *хороший детский врач*, в которых относительное прилагательное всегда стоит рядом с существительным: сказать *детский хороший врач* нельзя.

Абстрактное относительное значение ‘находящийся в каком-то отношении к лицу, предмету или событию’ фактически сводится к категориальному значению прилагательного — ‘признак предмета’. Поэтому можно сказать, что «прилагательное *автомобильный* имеет то же лексическое значение, что и существительное *автомобиль*, но выражает его не в виде значения предмета, а в виде значения признака» [Земская, 1973, с. 185]. К сходному выводу приходит и Н. Ю. Шведова: «Общее значение относительного прилагательного может быть сформулировано как “относящийся к предмету”, “свойственный предмету”, “характерный для предмета”» [Шведова, 1952, с. 153].

Вместе с тем общее значение отношения может конкретизироваться в соответствии со значениями определяемого существительного и того слова, от которых данное прилагательное образовано. Выделяют несколько десятков типичных разновидностей отношений, которые могут ими выражаться. У отыменных прилагательных это такие значения, как ‘сделанный из’ (*глиняная посуда, золотое кольцо*), ‘состоящий из’ (*дождевая капля, воздушный поток*), ‘содержащийся в’ (*морская соль*), ‘содержащий’ (*золотой песок, железная руда*), ‘находящийся в’ (*южный город, цветочный нектар*), ‘предназначенный для’ (*детский фильм, студенческое общежитие*), ‘служащий для получения’ (*молочный скот, плодовые растения*) и др. Для отглагольных относительных прилагательных характерны значения: ‘являющийся субъектом действия или состояния’ (*крёстный отец, дежурный сотрудник*), ‘служащий для выполнения действия’ (*разводной механизм, плавательный бассейн, торговый флот, уборочная машина*), ‘подвергшийся действию’ (*лепные украшения, крё-*

стный сын), ‘способный стать объектом действия’ (*разводной мост, прицепной вагон, сидячие места*) и др.

Отношения, выражаемые в таких сочетаниях, проясняются в синонимических перифразах, содержащих слово, дериватом которого данное прилагательное является: *библиотечная книга* — *книга из библиотеки*; *библиотечный день* — *день, предназначенный для посещения библиотеки*; *библиотечный работник* — *работник библиотеки*. Связь с базовым понятием иногда бывает довольно сложной. Так, в сочетании *библиотечный штамп* (на книге) прилагательное значит примерно следующее: ‘свидетельствующий о том, что книга принадлежит данной библиотеке’. По мнению И. С. Улуканова, «живая речь, в особенности художественная, содержит неисчерпаемые возможности семантического сцепления слов, отражающиеся на контекстуальной семантике относительных прилагательных» [Русская грамматика, 1980, I, с. 273].

Для относительных прилагательных наиболее характерны следующие суффиксы: суффиксы с элементом *-н-*, используемые для образования прилагательных от нарицательных существительных, преимущественно неодушевленных, а также от глаголов: *медный, парусный, лесной, письменный, скоростной, нефтяной, раздвижной*; суффиксы с элементом *-ск-*, служащие, главным образом, для образования прилагательных от названий лиц, географических и этнических наименований, названий организаций и учреждений: *соседский, юношеский, студенческий, сербский, американский, заводской, монастырский*; суффикс *-ов/-ев-*, с помощью которого могут образовываться прилагательные от названий животных, а также отдельных неодушевленных существительных и глаголов: *бобровый, ситцевый, полевой, вишнёвый, торговый*.

Некоторые относительные прилагательные суффиксом *-ов/-ев-* представляют дополнительный интерес в связи с наличием однокоренных качественных прилагательных с суффиксом *-н-*: *вкусовой* (*вкусовые рецепторы*) — *вкусный* ‘имеющий приятный вкус’; *жировой* (*жировые ткани, жировая промышленность*) — *жирный* ‘содержащий много жира’; *силовой* (*силовая линия, силовое вмешательство*) — *сильный* ‘обладающий большой силой’. Можно заметить, что в значении соответствующих качественных прилагательных содержатся градулируемые (количественно изменяющиеся) семантические компоненты: ‘приятный’, ‘много’, ‘большой’. Их наличие является источником качественности этих прилагательных.

К притяжательным относят прилагательные, выражающие принадлежность чего-либо человеку или животному, образуемые с помощью суффиксов *-ов- (-ев-), -ин-, -ий- (/j-)* и характеризующиеся особым типом склонения, например: *отц-ов-ы сапоги, Саши-ин-о письмо, медвежь-ь/j/-я берлога*. Таким образом, притяжательные прилагательные выделяются на основе сочетания семантических признаков (значение принадлежности) с формальными (особенности словоизменения).

Общей чертой притяжательных прилагательных, отличающей их от качественных и относительных (собственно относительных), является совпадение окончаний им. падежа с наиболее типичными окончаниями существительных м., ср. и ж. рода, а также мн. числа. Например, м. род: *отцов дом, бабушкин платок, волчий след* (с нулевыми окончаниями); средний род: *бабушкин-о кольцо, козь-е молоко* (с окончаниями /-a/ и /-i/, орфографически -o и -e); ж. род: *«Зойкин-а квартира», собачь-я доля* (с окончанием /-a/, орфографически -a и -я); мн. число: *вдовь-и слезы, Гришин-ы стихи* (с окончаниями /-i/ и /-ы/, орфографически -и и -ы)). Следует обратить внимание на то, что прилагательные типа *волчий* внешне подобны прилагательным типа *син-ий, вчерашн-ий*, в которых *-ий* является окончанием. Однако в формах косвенных падежей слов типа *волчий* произносится звук /-j-/ (*волчьего* /vólč-j-iva/, *волчьему* /volč-j-imu/), отсутствующий в формах прилагательных типа *синий* (ср. *синего* /s'in'-iva/, *синему* /s'in'-imu/); *-ий* в форме им. падежа слова *волчий* (/vólč-j-ø/) интерпретируется как вариант суффикса -j-. Что же касается нулевого окончания, то оно выделяется на фоне ненулевых окончаний форм ж. и ср. рода и мн. числа: *волчь-я, волчь-е, волчь-и* (/vólč-j-a/, /vólč-j-i/, /vólč-j-i/).

По лексико-семантическим свойствам притяжательные прилагательные подразделяются на две группы.

К одной из них относятся прилагательные с суффиксами *-ов-* (*-ев-*) и *-ин-*, выражающие принадлежность конкретному единичному лицу, а иногда и животному, ср. название сказки Маршака «*Кошкин дом*». Как и притяжательные местоимения *мой, твой* и т. п., они могут обозначать принадлежность в широком смысле слова, распространяющуюся на части тела, родственные отношения, мысли, чувства, периоды жизни, ср. названия художественных произведений: «*Митина любовь*», «*Иваново детство*». В настоящее время эти прилагательные образуются преимущественно от употребляемых в непринужденном общении уменьшительных личных имен и терминов родства: *Гриша — гришин, Маша — машин, Зойка — зойкин, папа — папин, мама — мамин*⁹. Таким образом, сфера их употребления очень ограничена. За ее пределами притяжательные прилагательные этого типа сохраняются в образованных от собственных имен географических названиях, названиях праздников и терминах (*Магелланов пролив, Мамаев курган, Татьянин день, Валентинов день, Декартова система координат*), а также в устойчивых сочетаниях (*маменькин сынок, анютины глазки, соломоново решение, ахиллесова пята*); они же лежат в основе широко распространенных

⁹ Выбор суффикса зависит от типа склонения исходного существительного. Если отвлечься от единичных исключений и окказиональных новообразований, можно сказать, что к существительным на *-а* (*-я*) типа *мама, Ваня* присоединяется суффикс *-ин-*, к остальным существительным — суффикс *-ов-* (*-ев-*).

русских фамилий типа *Иванов, Петров, Лебедев, Князев, Алехин, Блохин*¹⁰. Ранее, вплоть до середины XIX в., такие прилагательные образовывались и употреблялись гораздо свободнее, чем сейчас.

Вторую группу составляют притяжательные прилагательные с суффиксом *-ий-* (*-j-*) типа *вдовый, вдовья* (/vdóv'-ij-ø/, /vdóv'-j-a/). Они образуются от нарицательных одушевленных существительных и выражают принадлежность не конкретизированному лицу, животному или растению: *помещицья усадьба, пастуший рожок, волчьи следы, медвежья берлога, тополиный пух*. Эти прилагательные могут выражать и такие типичные для относительных прилагательных значения, как 'производитель действия' (ср. *волчий вой*) 'изготовленный из' (ср. *соболий воротник*), 'предназначенный для' (ср. *охотничье ружье*), 'состоящий из' (ср. *птичья стая*).

Значение притяжательности могут выражать и «обычные» относительные прилагательные (собственно относительные), лишенные специфических морфологических черт притяжательных прилагательных, т. е. имеющие стандартные окончания полных прилагательных во всех падежных формах. Их суффиксы могут полностью или частично совпадать с суффиксами притяжательных прилагательных: *ут-ин-ое гнездо* (ср. *птичье гнездо*), *петуш-ин-ый хвост* (ср. *павлиний хвост*), *морж-ов-ый клык* (ср. *волчий клык*), *отц-ов-ск-ая машина* (ср. *отцова машина*). Поэтому иногда возможно практически равнозначное употребление однокоренных притяжательных и собственно относительных прилагательных: *Саша плакал и стыдливо прижимался к отцову плечу* (Ф. Сологуб), ср.: *Можно было побежать к отцу со всех ног, в его распахнутые большие руки, вознестись вверх, к отцовским плечам, и прижаться щекой к его губам* (Д. Рубина).

В силу обязательной производности и отсутствия признаков, характерных для качественных прилагательных, а также лексической ограниченности, притяжательные прилагательные могут рассматриваться как разновидность относительных прилагательных. Тем не менее они продолжают сохранять свою обособленность. Притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов-* (*-ев-*) и *-ин-* отличаются от собственно относительных и по значению, и по форме, а прилагательные с суффиксом *-ий-* (*-j-*) занимают промежуточное положение между ними и собственно относительными.

Что же касается терминологической стороны вопроса, то в данном случае важно различать притяжательное значение, которое может быть одной из конкретных интерпретаций многих собственно относительных прилагательных (*пчелиное жало, школьный двор, пушкинский текст*), и сочетание притяжательного значения с особенностями словоизменения, лежащее в основе выделения притяжательных прилагательных как особого разряда.

¹⁰ Эти существительные (фамилии на *-ин*, *-ов*) частично сохраняют специфические черты склонения притяжательных прилагательных, к которым исторически восходят.

Подвижность границ между разрядами прилагательных. Границы, отделяющие один разряд прилагательного от другого, не являются жесткими. Причина этого состоит в том, что практически у любого относительного прилагательного могут возникать качественные значения. Как писал В. В. Виноградов, «во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений» [Виноградов, 1947, с. 205; см. также: Земская, 1991].

По-видимому, в основе подобного семантического развития лежит появление среди конкретных семантических интерпретаций относительного прилагательного таких, которые обладают свойствами качественности. Самый известный пример — обозначение цвета путем отсылки к предмету, для которого данная окраска является типичной. Так, прилагательное *кофейный* в качестве обозначения цвета является качественным, но при этом сохраняет относительность в других употреблениях: *кофейная плантация, кофейные зерна, кофейный напиток, кофейная чашка*. То же относится к таким прилагательным, как *розовый, оливковый, лимонный, шоколадный* и др., которые имеют в числе своих конкретных интерпретаций и обозначение соответствующего цвета, не утрачивая способности выражать относительные значения: *розовый куст, оливковое масло, лимонная кислота, шоколадный торт*. Этот тип многозначности очень близок к регулярному.

Возможны и другие метафорические переносы по сходству с предметом, названным производящей основой. Например, прилагательное *барский*, в своем прямом значении является относительным (*старая барская усадьба*), а в сочетании *барские замашки* — качественным. То же относится к многочисленным парам типа: *железная руда — железное здоровье, стальная труба — стальные нервы, каменный дом — каменное сердце, бархатное платье — бархатный голос, баскетбольный матч — баскетбольный рост, детские игрушки — детское поведение*. Развитие качественных значений наблюдается и у притяжательных прилагательных, особенно у прилагательных с суффиксом *-ий- (-j-)*, которые выражают индивидуализированную (видовую) принадлежность: *собачья преданность, телячья нежности, медвежья походка*. Качественные значения могут приобретать и некоторые порядковые числительные. Слово *первый*, например, в самостоятельном употреблении может восприниматься как антоним прилагательному *последний*, причем оба они образуют составные формы превосходной степени: *самый первый, самый последний*. Семантическое соотношение между ними такое же, как в упоминавшихся выше парах типа *крайний* и *самый крайний*.

Конкретные ассоциативные механизмы, на которые опирается этот вид многозначности прилагательных, требует дальнейшего изучения. Однако уже сейчас можно сказать, что это, скорее всего,

однонаправленный процесс. Во всех подобных случаях имеет место приобретение относительными (и притяжательными) прилагательными качественных значений. Обратного же, т. е. преобразования качественного прилагательного в относительное, по-видимому, не происходит.

Иногда, впрочем, приводятся примеры развития качественными прилагательными дополнительных относительных значений, представляющие собой в основном сочетание терминологического характера: *глухой звук* ‘звук, характеризующийся фонетической глухостью’, *легкая промышленность* ‘отрасли промышленности, производящие товары народного потребления’ [Клобуков, 1996, с. 216; Камынина, 1999, с. 85]. Правомерность такой их характеристики вызывает сомнения. Хотя в таких сочетаниях прилагательное действительно, теряет большую часть внешних проявлений качественности, возможность противопоставлений, близких к антонимическим, как правило, сохраняется; ср. среди лингвистических терминов: *долгие гласные — краткие гласные; глухой звук — звонкий звук, сильная позиция — слабая позиция, полные формы — краткие формы* (прилагательных), *твердый согласный — мягкий согласный, простое предложение — сложное предложение*. При этом в терминологических подсистемах, построенных по этому принципу, иногда встречается и некоторое подобие шкалы градаций, например: *новые и сверхновые звезды, малый, средний и крупный бизнес, ультракороткие, короткие, средние, длинные и сверхдлинные волны*.

Кроме того, поскольку прилагательные, используемые в таких сочетаниях (как и вообще качественные прилагательные), могут быть непроизводными, в их значении нет объекта, отношение к которому они могли бы выражать. Поэтому речь в подобных случаях должна идти не о приобретении значения отношения, а о семантической специализации прилагательного. Так, значения качественного прилагательного *глухой* выстраиваются в следующую цепочку с убывающими проявлениями качественности: ‘человек, который плохо слышит’ → ‘звук, который плохо слышен’ → ‘термин, обозначающий определенное фонетическое свойство звука’.

Аналогичный процесс, также сопровождающийся частичной утратой внешних признаков качественности, наблюдается и в других устойчивых сочетаниях с качественными прилагательными: *глухая провинция, круглый дурак, больной вопрос*. Нечто подобное может быть свойственно и переносным употреблениям качественных прилагательных. Для многих из них характерен метонимический перенос типа ‘свойство человека’ — ‘X, проявляющий это свойство’: *доверчивый (благородный, здоровый, робкий) человек — доверчивый взгляд, благородный ответ, здоровый вид, робкий вопрос*. Легко заметить, что во втором (переносном) значении эти прилагательные имеют меньше признаков качественности и, в частности, с трудом образуют краткие формы.

§ 2. Категории рода, числа и падежа

Общая характеристика. Категории рода, числа и падежа прилагательных в абсолютном большинстве случаев не имеют самостоятельной семантической значимости. Они используются прежде всего для выражения синтаксического согласования с определяемым существительным, и выбор формы прилагательного диктуется соответствующими грамматическими характеристиками существительного без обращения к значению. При этом, в отличие от существительных, к словоизменительным у прилагательных относятся не только категории падежа и числа, но и категория рода. Более того, классификационная категория рода существительных как раз и проявляется прежде всего в согласующихся формах рода прилагательных. Различается и статус категории числа у существительных и прилагательных. Если основная функция числа существительных — это различение единичности и множественности обозначаемых предметов или явлений, то число прилагательных служит прежде всего показателем синтаксической связи между прилагательным и определяемым словом.

Поэтому формы рода, числа и падежа образуются у прилагательных с практически полной регулярностью, а существующие ограничения легко преодолеваются; ср. знаменитую строку из стихотворения Д. Бурлюка «Утверждение вкуса»: *Мне нравится беременный мужчина*. В классификации А. В. Бондарко эти категории прилагательного (наряду с категорией падежа существительных) отнесены к последовательно коррелятивным категориям с лексически необусловленной парадигмой [Бондарко, 1976, с. 83]. Отражаются в прилагательных и различия существительных по одушевленности / неодушевленности: *видел знаменитого писателя* — *видел знаменитый спектакль*.

Самостоятельную номинативную значимость эти грамматические категории прилагательных приобретают лишь при определенных условиях. Это прежде всего сочетания прилагательных с несклоняемыми существительными, в которых окончания прилагательных являются единственным морфологическим показателем рода, числа и падежа существительного, ср.: *второй пенальти* — *картофельное пюре* — «*Красная Жизель*» (название кинофильма); *розовый фламинго* — *розовые фламинго*; *купить зимнее пальто* — *ходить в зимнем пальто*.

Форма мн. числа прилагательного употребляется по значению при одновременной отнесенности признака к нескольким предметам, обозначенным существительными в форме ед. числа: *Он не мог в этом разобраться, тем более что строгие мама и папа запрещали бабушке рассказывать детям о взрослой жизни* (А. Варламов). Кроме того, в конструкциях с числительными *два, три, четыре* существительные выступают в форме ед. числа,

а прилагательные (в соответствии с реальной ситуацией) — в форме мн. числа: *Не было кругом ни сада, ни построек, только два кирпичных столба на месте ворот да лопухи по канавам* (И. Бунин)¹¹.

Для рода прилагательных существенна также позиция при существительных общего рода, личных местоимениях 1-го и 2-го лица и возвратном местоимении, в которой флексия прилагательного отражает пол обозначаемого лица, ср.: *круглый сирота* — *круглая сирота*; *Я (ты) болен* — *Я (ты) больна*; *помню себя молодым* — *помню себя молодой*. Нет автоматизма и в выборе формы числа прилагательного при местоимении *вы*, обозначающем одно лицо («вежливым *вы*»). Полные прилагательные употребляются в таких случаях в ед. числе, а краткие — во мн. числе: *Вы такой добрый* — *Вы так добры*. Поскольку прилагательные в ед. числе различают род, то при использовании полной формы значимым является и выбор рода: обращаясь к мужчине, говорят *Вы такой добрый*, а обращаясь к женщине — *Вы такая добрая*.

Средства выражения. Значения рода, числа прилагательных (а у полных форм также и падежа) выражаются кумулятивно одним окончанием, которое одновременно выражает значения всех этих категорий. Окончания полных прилагательных отличаются от соответствующих окончаний существительных и при этом гораздо более единообразны, ср. в им. падеже в сочетании с существительными разных склонений: *стройн-ый юноша, нов-ый пиджак, желт-ый домишко; интересн-ая книга, гол-ая степь; гусин-ое перо, зелен-ое поле, нов-ое время; интересн-ые книги, гусин-ые перья, зелен-ые поля, нов-ые времена*. Это объясняется тем, что исторически окончания полных прилагательных восходят к одному источнику — формам местоимения *и*, изменявшегося по числам, родам и падежам¹².

Что же касается кратких прилагательных, то, как уже говорилось, у них формы рода и числа подобны соответствующим окончаниям им. падежа существительных наиболее распространенных словоизменительных разновидностей: *коридор пуст* (с нулевыми окончаниями), *девочк-а больн-а, молоко-о полезн-о, встреч-и коротк-и*.

¹¹ Формы существительных в сочетаниях с числительными *полтора, два, три, четыре* (*полтора часа, два брата, три ряда, четыре шага*) в настоящее время воспринимаются как формы род. падежа ед. числа, с которыми они в подавляющем большинстве случаев совпадают (отличаясь в нескольких словах ударением), исторически представляют собой результат переосмысления форм им. падежа двойственного числа.

¹² Это местоимение к настоящему времени утрачено, однако формы его косвенных падежей продолжают употребляться в качестве окончаний соответствующих косвенных падежей форм местоимения 3-го лица *он* (*она, оно, они*): *-его, -ему, -им, -ей, -их, -ими* и т. д. В свою очередь, форма им. падежа этого местоимения представляет собой краткую форму устаревшего местоимения *оний*, ср. у А. Пушкина: *Так было прежде во время бño и со мной*.

Особое место занимают притяжательные прилагательные, при склонении которых (по-разному в разных типах) комбинируются адъективные окончания с окончаниями, характерными для существительных. В соответствии с происхождением в исторической грамматике русского языка полные формы прилагательных называют также местоименными или членными, а краткие формы — именными.

§ 3. Полные и краткие прилагательные

Вступительные замечания. В современном русском языке полные прилагательные воспринимаются как исходные по отношению к кратким, поэтому говорят об образовании кратких форм от полных. Исторически же, как уже говорилось, первичны именно краткие формы.

Полные формы прилагательных могут быть в предложении и определением, и именной частью сказуемого. Краткие прилагательные в настоящее время выполняют только функцию сказуемого, чем объясняют утрату ими падежных форм. Помимо этого краткие формы иногда используются лишь в составе полупредикативных обособленных оборотов, определяющих подлежащее: *На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих полн* (А. Пушкин); *Терек воет, дик и злобен, Меж утесистых громад* (М. Лермонтов). В типичной же для прилагательных функции необособленного согласованного определения краткие формы встречаются только в устойчивых выражениях и народно-поэтических формулах (*среди бела дня, по белу свету, на босу ногу, красна девица*), а также при фольклорной стилизации: *Князь у синя моря ходит, С синя моря глаз не сводит* (А. Пушкин). В них краткие формы сохраняют утраченную в современном языке способность склоняться, причем окончания косвенных падежей этих кратких форм повторяют окончания существительных. В этом отношении им подобны употреблявшиеся в языке поэзии XVIII–XIX вв. так называемые *усеченные прилагательные*, ср. в стихотворениях Г. Державина: *татарски песни, стеклянны воды, весенна утренняя заря, шекснинска стерлядь золотая, в тишину глубоко*.

В целом употребление кратких форм сокращается (в том числе и по сравнению с языком классической русской литературы XIX в.) вследствие расширения возможностей употребления полных форм. Так, в частности, краткие формы перестали употребляться в предложениях с «двойной связью»¹³, ср. у М. Лермонтова: *Я вернулся домой угрюм и сердит*, где сейчас можно использовать только пол-

¹³ В другой терминологии это конструкции с «вещественной» (знаменательной) связкой [Пешковский, 1956, с. 250–254].

ную форму. В настоящее время краткие формы считаются свойственными преимущественно книжной речи.

Вопрос о грамматическом статусе кратких форм прилагательных и в учебной, и в научной литературе практически не обсуждается. При этом оппозиция полных и кратких форм прилагательных не включается в число «общепринятых» морфологических категорий на том основании, что «семантическое различие между этими формами в предикативной функции недостаточно ясно» [Бондарко, 1976, с. 13].

В этой связи представляет большой интерес идея чешского лингвиста О. Лешки провести параллель между соотношением этих форм прилагательного, с одной стороны, и соотношением личных и неличных форм глагола (причастиями и деепричастиями) — с другой. Применительно к прилагательному Лешка говорит о формах адъективной словоизменительной транспозиции¹⁴, различая соответственно атрибутивные (полные) и предикативные (краткие) формы транспозиции прилагательных. Помимо этого он выделяет у прилагательных адвербиальную (наречно-обстоятельную) форму транспозиции, имея в виду качественные наречия: *правильный ответ — ответ правилен — правильно ответил* [Лешка, 1974, с. 35].

Образование кратких форм. С точки зрения современного языкового сознания краткие формы прилагательных образуются путем отсечения собственно адъективных окончаний полных форм и замены их окончаниями кратких форм, совпадающими с окончаниями существительных I и II склонения: нулевое окончание у форм мужского рода, орфографические *-а* и *-я* у форм женского рода, орфографические *-о* и *-е* у форм рода, орфографические *-и* и *-ы* у форм мн. числа: *прекрасный — прекрасен, прекрасн-а, прекрасн-о, прекрасн-ы; могучий — могуч, могуч-а, могуч-е, могуч-и; свежий — свеж, свеж-а, свеж-о, свеж-и; излишний — излишен, излишн-я, излишн-е, излишн-и*.

Образование кратких форм у некоторых прилагательных требует дополнительных пояснений.

1. В силу отсутствия материально выраженного окончания в кратких формах мужского рода с основами на согласный и этимологически выделяемыми суффиксами *-н-* и *-к-* появляются беглые гласные *-е-* или *-о-*. Их распределение имеет диахроническое объяснение. Перед суффиксом *-н-* (исторически восходящем к *-ьн-*) обычно появляется гласный *-е-*, смягчающий предшествующий согласный: *скромный — скромн, честный — честн* (исключение составляют *полный — полон* и *смешной — смешон*), а перед суффиксом *-к-* (восходящем к *-ьк-*) обычно выступает гласный *-о-*: *зоркий — зорок*,

¹⁴ «Формы словоизменительной транспозиции» у О. Лешки — это примерно то же самое, что и «репрезентации» А. И. Смирницкого.

жалкий — жалок, которому после йота, мягких согласных и шипящих соответствует *-е-*: бойкий — боек, горький — горек, тяжкий — тяжек¹⁵.

В остальных случаях, с другими группами согласных, беглый гласный отсутствует: пустой — пуст, мёртвый — мёртв, тусклый — тускл, пёстрый — пёстр. Исключения составляют несколько прилагательных: долгий — долог, светлый — светел, хитрый — хитёр, кислый — кисел, тёплый — тёпел, острый — остёр. У некоторых из них формы мужского рода имеют варианты и без беглого гласного, ср.: *В комнате по-прежнему горели свечи, и свет их был тёпел и ласков* (К. Воробьев) и *На кладке, камень которой прогрет и тёпл, он сидит, ест крутые яйца, а также большие мясистые местные помидоры* (В. Маканин); *И поэтому, как бы ни был остёр рисунок его роли, он всегда был правдивым и естественным* (Л. Утёсов) и *Взгляд начальника был требователен и остр, но врач не смутился* (И. Ефремов).

2. Отклонения наблюдаются при образовании кратких форм мужского рода прилагательных с суффиксом *-енн-*. В XIX в. такие прилагательные имели краткую форму с усечением одного из согласных суффикса: *болезненный — болезнен, легкомысленный — легкомыслен, невежественный — невежествен*¹⁶. В настоящее время наблюдается тенденция к вставке между двумя *н* беглого *-е-*, что ведет к появлению многочисленных вариантных форм на *-ен* и *-енен*, ср.: *Умный человек — он был достаточно добр, чтобы сказать правду, и достаточно мужествен, чтобы не откладывать надолго эти горестные формулировки* (Ю. Герман) и *На следующий день должен я был работу закончить, последний срок, поэтому и выпивать был не вправе, и был я в этом вопросе последователен и мужественен* (А. Битов); *Он был хорош и величествен в своем протяженном льющемся хитоне* (В. Орлов) и *Огромный дом, в котором родился Грэй, был мрачен внутри и величественен снаружи* (А. Грин); *Это означало бы, что мир стихия и бессмыслен* (Е. Гинзбург) и *Вот ты говорил, факт бессмысленен, если в него не внести смысла* (Б. Пастернак). Тем самым краткие формы прилагательных с суффиксом *-енн-* уподобляются кратким формам прилагательных типа *длинный — длинен, ценный — ценен, истинный — истинен* с зако-

¹⁵ В краткой форме *достойн* (полная форма *достойный*) орфографическое *-и-* имеет другое происхождение: оно представляет собой вариант йота основы полного прилагательного и не имеет отношения к беглости гласных.

¹⁶ Такое сокращение основы происходит только в формах мужского рода; в других кратких формах сохраняются (на письме и отчасти в произношении) оба *н*: *легкомысленна, легкомысленно, легкомысленны*. В качественных прилагательных, восходящих к страдательным причастиям, двойное *-ни-* орфографически отличает их от кратких форм соответствующих причастий, в которых пишется одно *-н-*; ср.: *Женщины, как правило, более эмоциональны и менее уравновешенны* (прилагательное), чем *мужчины* и *В мире изначально уравновешены* (причастие) *необходимость и свобода воли* (Д. Самойлов).

номерным беглым гласным: они образуются с помощью упоминавшегося выше суффикса *-н-*, а предшествующее ему *-н-* принадлежит производящей основе.

3. Возможны чередования и колебания в твердости / мягкости основы краткого прилагательного. У большинства прилагательных на *-ний* краткие формы мужского рода имеют основу на твердый согласный при сохранении его мягкости в других кратких формах, ср.: *древний — древен*, но: *древня / древне / древни*. Исключение составляет прилагательное *искренний*, краткие формы которого могут иметь основу на твердый согласный во всех формах (*искренен, искренна, искренно, искренны*) при допустимости мягкого согласного в кратких формах среднего рода и мн. числа: *Их искания были искренны, интуитивны, непосредственны и, благодаря этому, органичны* (Ю. Анненков); *Не могу понять, когда же эти люди были искренни, сейчас или тогда?* (В. Войнович).

4. Прилагательные *большой* и *маленький* образуют краткие формы от супплетивных основ — *велик* и *мал*: *У нас большие успехи — наши успехи велики; Он еще слишком маленький — Он еще слишком мал*. Связь этих кратких форм с «закономерными» полными формами *великий* и *малый* практически утрачена. Краткая форма *велик* семантически сближается с *великий*, видимо, только в сочетаниях с управляемым тв. падежом, не характерных для полных форм: *Бунин велик тем, что находил прелесть в простых вещах, не делая их символами* (Д. Самойлов), а полная форма *малый* в современном литературном выступает лишь в устойчивых сочетаниях полутерминологического характера (*малые народы, малые города, малое предпринимательство*), а это, как отмечалось выше, препятствует образованию кратких форм.

5. Прилагательное *солёный* имеет незакономерную твердую согласную [л] в всех кратких формах: *солон, солона, солоно, солонь*: *Ел много, торопливо, морщился, точно пища была слишком солоня, кисла или горька* (М. Горький).

Ограничения на образование. Краткими формами обладают не все качественные прилагательные. Ограничения на их образование могут быть связаны как со значением прилагательного, так и с его морфологической структурой.

1. Краткие формы отсутствуют у многих производных качественных прилагательных, словообразовательно связанных с существительными и глаголами. Таковы, например, прилагательные с суффиксом *-ск-*: *дружеский, вражеский, трагический, издевательский*; с суффиксом *-ов-* (*-ев-*): *деловой, боевой, волевой*; с суффиксом *-л-*: *горелый, мерзлый, отсталый, запоздалый*; некоторые прилагательные с суффиксом *-н-*: *родной, старинный, отборный, отдельный*.

2. Не образуют кратких форм прилагательные с суффиксами субъективной оценки типа *длиннющий, толстенный, старенький*. Это, однако, не относится к прилагательным с суффиксами *-оват-/еват*,

свободно употребляющимся в краткой форме: *Виктор был резковат с сыном, потому что объятием мог нечаянно раздавить его маленькое тельце* (Н. Садур); *Не скрою, для моего ума фильм был сложноват, но мать растолковывала мне его по ходу действия* (В. Шефнер. Имя для птицы); *Берег хоть и высоковат в этих местах, но не так крут, как правый* (М. Рошин).

3. Многие качественные прилагательные имеют краткие формы не во всех своих значениях. Ограничения обычно касаются переносных значений. Так, например, прилагательное *бедный* в значении 'неимущий' имеет соотносительную краткую форму, а в значении 'несчастный' — нет. У прилагательного *грамотный*, которое может значить: 'умеющий читать и писать без ошибок' (*грамотный мальчик*), 'не содержащий ошибок' (*грамотное письмо*) и 'умелый, образованный' (*грамотный инженер*), краткая форма употребительна только в первом значении: *мальчик грамотен*¹⁷.

4. Только полная форма возможна у прилагательных в составе разного рода устойчивых сочетаний; ср.: *глубокий тыл, мягкий (твердый) согласный, кислые щи, круглый сирота, прямой (острый, тупой) угол* и т. п.

5. Некоторые качественные прилагательные образуют краткие формы не для всех родов. Так, отмечается, что краткие формы женского рода отсутствуют не только у прилагательных *холостой* или *вдовый* (где это семантически мотивировано), но и у таких прилагательных, как *куцый* или *хворый*. Прилагательные же *дикий*, *исконный*, *бренный*, *озорной*, напротив, не имеют кратких форм мужского рода.

Ударение в полных и кратких формах. Ударение в полных формах характеризуется значительным единообразием и устойчивостью. Прилагательные на орфографические *-ий/-ый* имеют неподвижное ударение во всех формах на основе: *хорóший, хорóшему, хорóшая, хорóшие* и т. д., а прилагательные на орфографическое ударное *-ой* — неподвижное ударение на всех флексиях: *молодóй, молодóму, молодáя, молодóе*.

В кратких формах наблюдается большее разнообразие акцентных типов. Прилагательные, краткая форма которых состоит из трех и более слогов, а также многие двусложные прилагательные сохраняют ударение полных форм: *правдívый — правдív, правдívа, правдívо, правдивы*. Другие прилагательные с двусложными, а также все прилагательные с односложными основами, к числу которых относятся наиболее употребительные прилагательные, имеют в кратких формах отличия в ударении по сравнению с полными формами.

Среди них наиболее многочисленной является группа прилагательных с ударением на флексии женского рода в краткой форме при

ударении на основе во всех остальных формах (и полных, и кратких): *цélый — цёл, целá, цело, цéлы*. Другой распространенный тип — прилагательные с ударением на флексии во всех кратких формах (в мужском роде, в силу отсутствия материально выраженного окончания, оно смещается на основу): *умный — умён, умна́, умно́, умны́; смешной — смешо́н, смешна́, смешно́, смешны́*. Третья основная разновидность — прилагательные с ударением на флексии во всех полных формах и краткой форме женского рода в сочетании с ударением на основе во всех остальных кратких формах: *живо́й — жив, живá, живо́, живы́*.

У кратких форм наблюдаются многочисленные колебания в ударении. Они затрагивают формы женского рода: *цénна и ценна́, склónна и склонна́*; мн. числа: *бóдры и бодры́, кру́глы и круглы́, узки́ и узки́, пёстры́ и пестры́*, а также ср. рода: *бéло и бело́, глубóко и глубо́ко*. Кроме того, у нескольких слов с полногласием (*голодный, короткий, зелёный, холодный, молодой, дорогой, дешёвый*) в кратких формах (за исключением женского рода) ударение перемещается на начальный слог: *голо́дный — голоден, голодна́, голодно́, голодны́* (и *голодны́*); *дешё́вый — дешев, дешевá, дешево, дешевы́*.

Употребление кратких форм. Хотя единый принцип, регулирующий выбор формы прилагательного в позиции сказуемого, возможно, и отсутствует, довольно отчетливо различаются несколько основных типов использования кратких форм.

1. Употребления таких кратких форм, у которых вообще нет соотносительных полных форм (*рад, намерен, согласен*) или последние не способны выступать в функции сказуемого. Таковы слова *должен*, которое в полной форме *должный* выступает только в устойчивых сочетаниях (*воздать должное, в должной мере*), или *виноват*, полная форма которого употребляется обычно в значении 'выражающий сознание вины' (*виноватый взгляд, виноватая улыбка*), отсутствующем у кратких форм, а в предикативной позиции используется только в устойчивом сочетании *Без вины виноватые* (известная фраза из кинофильма «Бриллиантовая рука» *Невиноватая я!* отклоняется от современной нормы). Пример несколько иного рода — прилагательное *склонный / склонен*, у которого краткая форма употребляется предикативно (*Он склонен к оптимизму*), а полная — в полупредикативных оборотах (*Люди, склонные к оптимизму, наивны*).

К этому типу близки краткие формы, выражающие такие значения, которые отсутствуют у полных форм. Примерами могут служить такие пары, как: *способный* 'обладающий способностями, одаренный' — *способен* 'могущий что-то сделать'; *правый* 'справедливый' (*Наше дело правое*) — *прав* 'не сделавший ошибки' (*Он совершенно прав*); *властный* 'имеющий склонность повелевать' — (*не*) *властен* '(не) имеющий права (власти) или возможности что-то делать'; *плохой* 'не удовлетворяющий требованиям' — *плох* 'тяжело болен' (*Он*

¹⁷ См. также многочисленные примеры, приведенные в работе: [Шведова, 1950, с. 74–80].

очень плох)¹⁸; краткий ‘непродолжительный, небольшой по объему (о тексте)’ — *краток* ‘немногословен’ (*Буду краток*); *видный* ‘известный, рослый’ (*видный ученый, видный мужчина*) — *виден* ‘доступен зрению, заметен’ (*Дом виден издаലെка*; полная форма *видный* в сходном значении используется только в устойчивом сочетании *на видном месте*) и др.

2. Краткая форма предпочитается (или является единственно возможной) при обозначении признака, проявляющегося в конкретный момент времени, при определенных условиях или по отношению к ограниченному кругу лиц или предметов: *Этот угол прямой* (независимо от дополнительных условий) — *Эти углы равны* (только по отношению друг к другу); *Он живой и светится* (В. Драгунский — сказано о светлячке) — *Он жив* (вопреки сложившимся обстоятельствам). С этим, видимо, связано широкое использование кратких форм в сочетании с управляемыми предложно-падежными конструкциями, называющими этот ограничивающий параметр, например: *Он очень добрый / требовательный / равнодушный* (вообще) — *Он очень добр / требователен / равнодушен ко мне; полезен для здоровья, груб с подчиненными, опасен (смертелен) для человека, болен гриппом, слаб здоровьем, готов к трудностям, жив одной надеждой, Он мне противен (ненавистен, враждебен, близок, приятен, дорог)*. «Ситуативность» кратких форм, скорее всего, стала основой для формирования у них значения чрезмерности (недостаточности), отсутствующего у полных форм. Предложения типа: *Эти туфли малы (велики, узки, широки)* имеют смысл только по отношению к какому-то одному конкретному человеку¹⁹. Такие употребления кратких форм в целом соответствуют известной формулировке В. В. Виноградова: «Краткие формы обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные — признак, мыслимый вне времени» [Виноградов, 1947, с. 263].

3. Краткие формы обязательны в широко употребляемых высказываниях, имеющих обобщенный вневременной характер: *Человек смертен; Запретный плод сладок; Жизнь прекрасна; Пространство беспредельно; Красавицы капризны; Дети любознательны; Старика раздражительны* и т. п. Выбор именно кратких форм в таких предложениях не имеет общепринятой мотивировки²⁰. Возможно, он объясняется тем, что значение таких предложений противоречит первичной атрибутивной функции полных форм: определение служит

прежде всего для ограничения объема определяемого понятия, что к высказываниям универсального характера неприменимо. Иначе говоря, краткая форма употребляется в таких высказываниях потому, что в них не может употребляться полная форма.

В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что если объем понятия, обозначенного подлежащим, как-либо сужается — например, благодаря присутствию в предложении указаний на принадлежность признака какому-то конкретному лицу (кругу лиц) или предмету, — то обязательным или предпочтительным оказывается употребление полной формы: *Жизнь у него прекрасная; Люди там хорошие; Вода в речке уже холодная; Лекция сегодня интересная*. В таком соотношении полных и кратких форм можно видеть отражение одного из типов противопоставления по определенности / неопределенности, на котором, как обычно считается, первоначально основывалось противопоставление местоименных (полных) форм прилагательных именным (кратким) формам [Ермакова, 1974, с. 224–225; Шмелев, 1976, с. 122].

4. Краткие формы обычно обязательны, если прилагательное выступает в препозиции к подлежащему, особенно если подлежащее имеет при себе согласованные определения: *Тиха украинская ночь. Прозрачно небо* (А. Пушкин); *Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами* (М. Булгаков); *Безгранична пустыня небес над вершинами гор, и бесчисленны грустные очи светил над снегами вершин* (М. Горький); — *Да перестаньте, — крикнул Воланд, — до чего нервозны современные люди* (М. Булгаков).

5. Между краткими и полными формами существуют стилистические, а также, видимо, и прагматические различия, т. е. такие, в которых отражается отношение говорящего к сообщаемому. Так, по мнению А. М. Пешковского, реплики персонажей пьесы Чехова «Три сестры», в которых используются полные формы прилагательных: *Ты, Машка, злая; О, глупая ты, Оля*, — «звучат по-родственному, по-дружески», тогда как аналогичные высказывания с краткими формами (ср.: *Ты зла; Ты глупа*) представляли бы собой отстраненное «голое констатирование факта» и в данной речевой ситуации звучали бы уже почти оскорблением [Пешковский, 1956, с. 226]. То же, по-видимому, относится и к положительным характеристикам: утверждения с краткими формами, такие, например, как *Она очень красива, Он очень добр*, явно звучат более отстраненно, чем те же утверждения с полными формами: *Она очень красивая, Он очень добрый*.

Полные формы в предикативной позиции. Полные прилагательные в позиции сказуемого могут выступать в двух формах: в именительном и творительном падежах. Предикативный именительный падеж — исторически более ранняя форма, а предикативный творительный — более поздняя. Тем не менее в современных

¹⁸ Общую оценку краткая форма *плох* выражает только в устойчивом сочетании *дела плохи*.

¹⁹ Форма *мал* может иметь и «стандартное» значение ‘небольшой по размеру’; ср.: *Человечек был мал ростом, непреклонен и доброжелателен* (М. Веллер).

²⁰ См. обсуждение этого вопроса и некоторых предлагавшихся решений: [Гиро-Вебер, 1996].

текстах, по имеющимся оценкам, преобладает форма творительного падежа.

Распределение этих падежных форм зависит прежде всего от типа и формы связочного глагола.

Им. падеж употребляется в предложениях с нулевой связкой (имеющей значение настоящего времени): *Новый заведующий — **высокий, узколицый**, в чеховском пенсне* (И. Грекова); *Он*и* всё время помнят о том, что они **красивые**, и с ними поэтому очень трудно иметь дело* (А. Алексин); *Братья у нас вообще очень **добрые** и, можно сказать, **хорошие** ребята* (И. Грекова).

Тв. падеж предикативного прилагательного сочетается со связкой:

1) в форме инфинитива: *Язык не может **быть плохим** или **хорошим*** (С. Довлатов); *Это копьё должно **быть длинным**, чтобы гнуться, а актёр должен **быть невысоким** и **несгибаемым*** (Г. Горин);

2) в форме деепричастия: *С первого дня она была чуть снисходительна к нему, чуть капризна, чуть лукава, но совсем незаметно, горячилась до искр, ничего не делала до самозабвения и, **бывая игривой, покладистой**, ни с того ни с сего вдруг усмехалась над собой и возвращалась в себя, принималась смотреть на Алешу, приоткрыв губы от внимания, **длинным тревожным** взглядом* (В. Распутин);

3) выраженной семантически несамостоятельными полужнаменательными глаголами: *Он сказал мне о том, что все будет зависеть от меня и только от меня, от того, насколько я **окажусь умной** и **самостоятельной**, именно **самостоятельной*** (Л. Петрушевская); *Всё **буйное, дерзкое** и **насмешливое** слетело с ее лица, и оно опять стало **спокойным, холодным** и **безучастным*** (Ю. Домбровский); *Двор был до **смешного маленький**, а прежде казался **большим*** (И. Грекова); *Теперь я поняла, почему моё место **оказалось свободным**: никто не хотел сидеть впереди Рудика* (А. Алексин); *И от этого в кабинете стоял **тихий, мягкий** полусвет и всё **выглядело уютным, белым** и **спокойным**: скатерть, бокалы, фарфор, серебро* (Ю. Домбровский); *Зачем **скрывать** свою схожесть с другими? Но и своих несхожестей тоже **скрывать** не следует, хоть порой они могут **показаться смешными*** (В. Шефнер); *Надо сказать, что Рудольфи был **замечательным** редактором и попасть к нему в журнал **считалось приятным** и **почётным*** (М. Булгаков).

В остальных ситуациях употребляются обе падежные формы полных прилагательных, ср.: *На таких почвах и картошка **бывает мелкая**, как горох* (Ю. Коваль) и *Сегодняшние старики редко **бывают мудрыми*** (И. Грекова); *Настроение у нее **было прекрасное** — межсезонье закончилось, и она ощущала **душевный подъем*** (Л. Улицкая) и *Настроение у Тани **было прекрасным**, и она решила, что, выпавшись, поедет в лабораторию к часу* (Л. Улицкая); *Если опираться на ногу, сращение **будет неправильное*** (И. Грекова) и *Не пугайся, родной, лечение не **будет длительным*** (В. Маканин).

В таких случаях семантическое различие между этими двумя конструкциями проявляется не очень отчетливо, и основания для выбора той или другой из них не всегда ясны. Как пишет В. В. Бабайцева, «в какой-то мере им. п. обозначает признак более постоянный, чем тв. п., но это различие не всегда четко осознается и сохраняется» [Бабайцева, 1989, с. 126]. Характеристике тв. падежа как предполагающего временные, преходящие свойства, вполне соответствуют следующие примеры: *От пламени костра ночь **была непроглядной**, редкие искры улетали вверх и гасли* (Г. Бакланов); *Когда папа **был ещё маленьким** и жил в маленьком городе Павлово-Посаде, ему подарили большой мяч удивительной красоты* (А. Раскин).

Помимо этого существенны и другие факторы. По мнению Дж. Никольс, «когда прилагательное обозначает некоторое объективное свойство, более вероятно употребление формы творительного падежа; когда оно обозначает субъективно воспринимаемое или наглядно характеризуемое качество предмета, более вероятно употребление согласованной формы» [Никольс, 1985, с. 366]. Этим, видимо, обусловлен выбор им. падежа прилагательного в таких предложениях: *Рука у него **была слабая, вялая**, какая-то **мёртвая*** (И. Грекова); *Вечер **был мирный, солнечный**, с инеем на деревьях; на кирпично-красных стенах монастыря болтали в тишине галки, похожие на монашенок, куранты то и дело тонко и грустно играли на колокольне* (И. Бунин); *Это уж... да что тут говорить?! Шелковый базар в Пекине! Сами понимаете! **Жара** была, повторяю, **страшная*** (С. Юрский); *Вода **была горькая**, как английская соль, **холодная** и **враждебная*** (Ф. Искандер); *Но от самой тётки Нули всегда пахло духами; запах **был слабый**, словно летящий откуда-то издалека* (В. Шефнер).

Краткие формы и наречия на -о. Для кратких форм прилагательных существенен вопрос об их разграничении с наречиями на -о, которые могут быть омонимичны кратким формам ср. рода.

В двусоставных предложениях с подлежащим, выраженным существительным в форме им. падежа, их различие не вызывает затруднений. Так, в примере: *А поле по-прежнему было мгlisto, пусто и бесконечно, и извилистым хвостом все чернела и чернела дорога* (С. Сергеев-Ценский) слово *бесконечно* является прилагательным, поскольку здесь его форма обусловлена согласованием с существительным ср. рода *поле*, а в предложениях: *И он шел с ней между столиками крохотного буфета, казалось ему, бесконечно долго* (А. Битов); *Ночь тянулась бесконечно, времени для тревожных мыслей оставалось утомительно много* (И. Ефремов) — наречием, поскольку относится в первом случае к другому наречию, а во втором — к глаголу.

Проблемы возникают в тех случаях, когда в предложении нет существительного, с которым могло бы согласовываться слово на -о.

Речь идет прежде всего о безличных или близких к ним предложениях, в которых широко используются слова на *-о*, а их грамматический статус остается предметом дискуссий.

В предложениях типа *Здесь (Мне) холодно* слово на *-о* обычно понимается либо как особая часть речи — категория состояния (безличный предикатив), либо как предикативное наречие. Вместе с тем в научной литературе предлагался и такой подход, в соответствии с которым слова на *-о* в безличных предложениях рассматриваются как бессубъектные (безличные) прилагательные, синтаксически и семантически подобные бессубъектным (безличным) глаголам²¹.

Особые проблемы связаны с грамматической квалификацией слов на *-о* в предложениях с инфинитивом, поскольку сами эти конструкции допускают различную синтаксическую интерпретацию, а от этого, в свою очередь, может зависеть частеречный статус формы на *-о*. Можно выделить три основные точки зрения по этому вопросу.

1. Решающее значение может придаваться порядку слов и интонации. В этой связи уместно привести следующее рассуждение А. Н. Гвоздева: «Двусоставные предложения с подлежащим, выраженным инфинитивом, следует отличать от безличных предложений, у которых главный член выражен сочетанием слова категории состояния и подчиненного инфинитива. Их различие выражается в интонации и порядке слов. Двусоставное предложение четко делится паузой на две части: состав во главе с инфинитивом занимает первое место... второй состав, заключающий краткое прилагательное в среднем роде, выражает утверждение: *Вызвать врача необходимо* (ср.: *Вызов врача необходим*); *Рассказать все это — нелегко*. В безличных предложениях на первом месте стоит слово категории состояния, за которым следует интонационно объединенный с ним инфинитив, и все предложение интонационно едино: *Необходимо вызвать врача; Нелегко об этом рассказать*» [Гвоздев, 1973, с. 60]²².

2. Дифференциация этих конструкций может опираться на семантико-грамматические основания. Такой подход, восходящий, по всей видимости, к идеям А. М. Пешковского [Пешковский, 1956, с. 354–359], наиболее последовательно реализован Л. Л. Буланиным. Он считал, что относительно малочисленные слова на *-о* со значением *с о с т о я н и я* (*Ему было больно глотать; Ей было скучно сидеть на лекциях; Мне было обидно слушать такие слова*) независимо от порядка слов представляют собой безличные предикативы, причем они могут выступать и вне сочетания с инфинитивом: *Ему больно (скучно, обидно)*. Что же касается гораздо более многочисленных

слов со значением *о ц е н к и* (*вредно, полезно, опасно, приятно, хлопотно*), то они требуют при себе обозначения оцениваемой ситуации с помощью инфинитива или иными средствами (ср.: *Курить вредно — Курение вредно; Спорить бесполезно — Спор бесполезен*), а следовательно, представляют собой краткие прилагательные среднего рода [Буланин, 1976б, с. 176–179]²³.

3. В последнее время широкое распространение получило стремление к единой трактовке всех слов на *-о* в конструкциях с инфинитивом. В этом случае все они понимаются как предикативные наречия, в чем отражается тот факт, что у безличных предикативов и у слов на *-о* со значением оценки есть существенная общая черта: и те, и другие выступают в предложении в роли сказуемого [см., напр.: Русская грамматика, 1980, II, с. 315–320; Лекант, 1986, с. 55–60; Шелякин, 1989в, с. 238–239]. Отступление от дифференцированного подхода к рассматриваемым конструкциям вызвано, видимо, тем, что для синтаксической концепции, реализованной в академической Русской грамматике 1980, разграничение двусоставных и односоставных предложений не играет существенной роли: само по себе одновременное присутствие инфинитива и слова на *-о* в одном предложении считается достаточным основанием для отнесения их к одной «структурной схеме».

Принимая во внимание наличие столь существенных расхождений в трактовке данных конструкций, в рамках учебного пособия целесообразнее всего придерживаться решения, принятого А. А. Камыниной: «При безличном употреблении признаков слов на *-о* частеречная принадлежность словоформы определяется условно (однозначно не может быть определена — наблюдается своего рода частеречная нейтрализация). Существует традиция относить их к наречиям» [Камынина, 1999, с. 123–124].

Проблема соотношения прилагательных и наречий имеет еще один аспект. Выше говорилось о том, что О. Лешка считал качественные наречия на *-о* формами словоизменительной адвербиальной транспозиции прилагательных. Эту точку зрения высказывали и многие другие исследователи, см., напр.: [Ревзин, 1973б, с. 48–49; Поливанова, 1990, с. 58–59; Панов, 2001, с. 54]. Реализация этой идеи, однако, наталкивается на определенные трудности.

В синхронном плане в современном русском языке качественные наречия на *-о* со словообразовательной точки зрения производны от прилагательных: *быстрый* > *быстро*; *веселый* > *весело*. Однако между синтаксическими конструкциями, в которых выступают качественные прилагательные и соотносительные с ними наречия на

²¹Этой точки зрения (впервые высказанной в конце XIX в.) придерживался В. Н. Мигирин [Мигирин, 1970]. Она не получила широкого распространения, но сочувственно упоминается в работах: [Буланин, 1976б, с. 180–181; Циммерлинг, 1998, с. 77].

²²В целом аналогичный подход к этой проблеме (с выделением целого ряда промежуточных градаций) обосновывается и в книге: [Бабайцева, 1967, с. 325–379].

²³В работах Г. А. Золотовой также, причем на сходных основаниях, проводится различие между «категорией состояния» и «категорией оценки», однако она отделяет оба эти разряда слов и от наречий, и от прилагательных [Золотова, 1982, с. 274–281; Золотова и др., 1998, с. 150–162].

-о, направление деривации противоположно — семантически исходной среди них является как раз адвербиально-глагольная конструкция: *быстро бежит* > *быстрый бег*; *весело поет* > *веселое пение*. Скорее всего, именно это противоречие является одной из основных причин того, что идея включения качественных наречий на -о в состав форм прилагательного не нашла широкой поддержки. Примечательно, что А. В. Циммерлинг в своем детальном обсуждении дискуссии о категории состояния в русском языке приходит к следующему парадоксальному, на первый взгляд, выводу: «С позиций синтаксического описания предикативных слов на -о удобно в качестве базового контекста избрать реализации предикативов — *Ему обидно*, а контексты, где реализуются адъективные и наречные формы — *Он обидно ошибся*, *обидная ошибка*, считать производными», оговариваясь, впрочем, что «возможны и другие решения» [Циммерлинг, 1998, с. 75].

§ 4. Категория степеней сравнения

Вступительные замечания. Семантической основой степеней сравнения является оценка меры признака, способного к количественным изменениям. Такая оценка всегда является относительной: степень проявления признака в данном предмете (объекте сравнения) явно или имплицитно сопоставляется со степенью проявления этого признака в другом предмете или множестве предметов (стандарте сравнения). Традиционно выделяют три степени сравнения: *п о л о ж и т е л ь н у ю* (позитив): *сильный*, *с р а в н и т е л ь н у ю* (компаратив): *сильнее*, *более сильный* и *п р е в о с х о д н у ю* (суперлатив): *сильнейший*, *самый сильный*, *наиболее сильный*²⁴.

Сравнительная степень характеризует степень интенсивности данного свойства либо по отношению к такому же свойству другого

²⁴ В качестве еще одной, четвертой, степени сравнения иногда рассматривают э к в а н т и в — обозначение равной степени признака [Есперсен, 1958, с. 287–288; Воронников, 1990, с. 56–63; Берков, 1996, с. 108–109; Мельчук, 1998, с. 117–118]. Эту функцию в русском языке выполняют либо отрицательные конструкции с формами сравнительной степени, выражающие равенство путем отрицания неравенства: *Искусные мастера с Мурано пользовались в Венецианской республике большим уважением. Звание стекольщика было не менее почетно, чем звание дворянина* (М. Ильин), либо сочетания положительной степени с «отождествительным» местоименным компонентом *такой же, тот же, так же* и т. п.: *И разлука была такой же спокойной, ни одного лишнего слова, как и двухлетняя жизнь* (Ю. Трифонов). Кроме того, в качестве еще одного компонента «категории сравнения и оценки» иногда выделяют *м о д е р а т и в* — обозначение ослабленной степени качества, реализуемое в таких прилагательных, как *красноватый* или нем. *weisslich* ‘беловатый’ [Лернер, Куперман, 1998, с. 89]. В русском языке этот семантический компонент присутствует во многих употреблении компаративов с префиксом *по-* типа *покраснее*, *побелее*, *получше*, *пониже* (о них см. ниже).

объекта, либо по отношению к тому же свойству того же объекта, но в другой момент времени, ср.: *Но когда Басманов пытался перейти к вопросам более острым, более жгучим, его собеседница легко и умело уклонялась от них* (В. Брюсов) и *Но стоит провести две-три ночи в лесу, и снова обостряется слух, зорче делается глаз, тоньше обоняние* (К. Паустовский). Формы превосходной степени указывают, что оцениваемое качество присуще данному предмету в количестве, превосходящем его наличие в некотором множестве других однотипных предметов: *А по-моему, Колумб, притом что он действительно доплыл до Америки, совершил величайшую в истории человечества мистификацию* (В. Солоухин); *Она выбрала из молодых ребят троих, самых активных, договорилась перейти с ними линию фронта* (Д. Гранин); *Все вокруг изменилось. Снесли баню, снесли двухэтажные домики, а школу, прежде самое высокое здание в переулке, зажали новые высокие башни и длинные «безразмерные» дома* (М. Рошин).

Формы положительной степени, согласно наиболее распространенной в настоящее время точке зрения, не выражают сравнения и характеризуют признак предмета безотносительно к его проявлению в других предметах; ср. типичное высказывание: «В основной форме на *-ый, -ая, -ое* качество, само по себе взятое, — качество отвлеченное, неопределенное в отношении степени, меры, выражается положительно, вне сравнения предметов по степени этого качества» [Виноградов, 1947, с. 243].

Возможно и другое понимание семантики положительной степени. Качественный признак, допускающий противопоставление степеней сравнения, по самой своей природе не имеет фиксированного абсолютного значения, и выбор его обозначения у того или иного объекта предполагает мысленное (имплицитное) его сопоставление с другими носителями данного признака. На это свойство положительной степени обратил внимание А. В. Исаченко, отметивший, что слова типа *высокий* — *низкий*, *большой* — *маленький*, *хороший* — *плохой*, *глубокий* — *мелкий*, *толстый* — *тонкий*, *чистый* — *грязный* и другие качественные прилагательные, изменяющиеся по степеням сравнения, «указывают лишь на относительное свойство предмета»: «я могу назвать яму “глубокой” только по отношению к другой яме, а о глубоком озере я могу говорить, лишь имея в виду менее глубокие озера и т. д.» [Исаченко, 1965, с. 177]. Можно сказать, следовательно, что положительная степень таких прилагательных также выражает сравнение, но не с конкретными предметами или их классами, а с обобщенными «нормами» — «усредненными представлениями о данном объекте с соответствующими количественными и / или качественными характеристиками» [Вольф, 1985, с. 61]²⁵.

²⁵ Существуют и другие типы норм; см. о них: [Арутюнова, 1988, с. 236–243].

Если исходить из этой линии рассуждений, отличие положительной степени от сравнительной и превосходной состоит не в отсутствии сравнения, а в характере стандарта сравнения — того, с чем сравнивается предмет. У положительной степени стандарт сравнения является имплицитным (скрытым, подразумеваемым), а у сравнительной и превосходной — эксплицитным (явным).

Положительная степень. Наличие в значении форм положительной степени мысленного сопоставления с некоторым неназванным, но подразумеваемым стандартом (в сочетании с возможностью его привнесения говорящим) является необходимой предпосылкой изменения по степеням сравнения и основой для самого существования степеней сравнения как грамматической категории.

Вместе с тем соотнесение с имплицитным стандартом сравнения по-разному проявляется для разных групп качественных прилагательных. В качестве иллюстрации можно рассмотреть следующие три семантические группы широкоупотребительных качественных прилагательных.

1. Прилагательные, обозначающие измеряемые признаки предметов и образующие антонимические пары типа *большой – маленький, высокий – низкий, широкий – узкий, частый – редкий, глубокий – мелкий, тяжёлый – лёгкий, дорогой – дешёвый, сильный – слабый*, называют «параметрическими». Семантическое различие между ними может быть сведено к противопоставлению ‘больше нормы’ – ‘меньше нормы’²⁶; при этом прилагательные, обозначающие больший полюс шкалы (*большой, высокий, широкий*), обозначают превышение нормы, а их антонимы (*маленький, низкий, узкий*) — недостижение нормы [Апресян, 1974, с. 295–297]. Для таких прилагательных нормой обычно является представление о средней степени проявления названного признака у объектов данного класса — «видовая норма». Поскольку средняя величина и другие параметры классов предметов неодинаковы, абсолютные значения признаков, обозначаемых этими прилагательными, не совпадают: «то, что является широким для доски, не является таковым для стола, а то, что является широким для стола, не является широким для дороги» [Чейф, 1975, с. 139].

Помимо этого, как отмечает Е. В. Рахилина, «представление носителя языка о нормативных размерах возникает в связи с той функцией, которую имеет предмет в жизни человека, с процедурой его использования человеком» [Рахилина, 2000, с. 128]). На выбор наименования может влиять не только положение признака на шкале градаций, но и ожидаемая динамика его изменения. Так, прилагательные *теплый* и *прохладный* не только называют признак, занимающий промежуточное положение между «холодным» и «горячим»,

²⁶ Как писала Е. М. Вольф, «величина приписывается предмету не независимо, а по отношению к величине данного подкласса предметов, которая считается средней в данном языковом коллективе» [Вольф, 1978, с. 36].

но и задают определенную динамическую перспективу изменения этого признака. Вода, о которой говорят, что она *еще теплая*, описывается в перспективе ее предстоящего охлаждения, а если воду называют *еще прохладной*, предполагают, что ее температура повысится; и наоборот, *уже теплой* называют воду, которая нагревается, а *уже прохладной* — воду, которая остывает.

Наконец (и это, возможно, самое главное), называя какой-то предмет *большим, тяжёлым* или *дорогим*, говорящий опирается прежде всего на свой личный опыт, а потому такого рода характеристики у разных людей очень часто не совпадают; ср.: — *А мой шеф как раз во всяких таких делах, где не надо никаких усилий, но можно что-нибудь ловко спереть, большой мастер. Он из компании, знаешь, какие деньги уводит!* — **Большие?** — *осведомился Иван.* — *Я не знаю, что значит **большие** деньги в твоём понимании,* — *быстро ответила Варвара,* — *по моим представлениям — **большие**. Не тысячу долларов и не две* (Т. Устинова).

2. Другую важную группу качественных прилагательных составляют оценочные прилагательные. К ним относятся прежде всего слова *хороший* и *плохой*, выражающие общую оценку. Оценка предполагает наличие альтернатив и шкалы градаций, а это значит, что выражение оценки опирается на соотнесение с нормой, которая в данном случае отражает соответствие определенным требованиям и пожеланиям, которым должен удовлетворять «хороший» объект оценки. Вследствие этого, конкретные проявления «хорошего» чрезвычайно многообразны.

Подобно тому как средняя длина, высота или глубина устанавливается для каждого подкласса объектов в отдельности, оцениваемые свойства объекта зависят от таксономического класса, в который он входит: «хороший нож» предполагает наличие одних свойств, а «хорошая вода» — совсем других. Поэтому говорящему нередко приходится сопровождать оценку объекта фактической характеристикой его свойств: *Вода эта не очень хороша: пахнет железом, ведро от нее покрывается изнутри красным налетом* (В. Солоухин); *Она была хороша: высокая, статная, с милым лицом, в молодой, цветущей поре* (Б. Екимов); *Видно, оленя были хороши, бежали шибко, нарты скользили по весенней грязи легко, будто по снегу* (Ю. Коваль)²⁷.

Для каждого вида объектов набор признаков, позволяющий квалифицировать их как *хорошие*, является более или менее стереотипным. В свою очередь, «слова, которые обозначают среднюю степень

²⁷ То, что в приведенных примерах общая оценка предшествует дескрипции, не случайно. Как заметила Н. Д. Арутюнова, для текстов, содержащих общую оценку, характерна такая последовательность сообщений, при которой «говорящий сначала сообщает аксиологический итог, а потом приступает к фактической характеристике объекта» [Арутюнова, 1988, с. 92].

качества, не говорят о нейтральной позиции объекта на шкале оценок, а склоняются к зоне “плохого”» [Вольф, 1985, с. 51]. Поэтому словом *хороший* выражается не превышение нормы (как в предыдущей семантической группе), а соответствие норме, совпадение с ней: «*хорошее* значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; *плохое* значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» [Арутюнова, 1988, с. 59].

3. Прилагательные, обозначающие цвет, в гораздо большей мере, чем параметрические и оценочные прилагательные, отражают собственные свойства объекта, не зависящие от мнения говорящего. Так, Л. Л. Буланин включает цветообозначения в группу качественных прилагательных, называющих признак «как абсолютный, не зависящий от его оценки говорящим» [Буланин, 1976б, с. 72]. Поэтому обычно именно по контрасту с ними демонстрируется относительный характер значения прилагательных типа *широкий* или *хороший*. Эти прилагательные, как правило, не имеют антонимов, тем не менее обозначаемые ими признаки также имеют определенную шкалу варьирования. Это неизбежно уже потому, что слов, используемых для цветообозначений, во много раз меньше числа цветовых градаций, различаемых человеком. Так, красному цвету соответствует в видимом спектре не точка, а континуум оттенков, переходящих, с одной стороны, в оттенки желтого и оранжевого цвета, а с другой стороны — в оттенки фиолетового и синего.

На этом основании такие прилагательные также можно считать соотносящимися с нормой, которая объективируется в ассоциативных связях с «эталонными» обладателями данного цвета: *белый* ‘цвета снега, молока, мела’, *красный* ‘цвета крови’, *зеленый* ‘цвета листвы или травы’, *черный* ‘цвета сажи, угля’, *голубой* ‘цвета неба’. Именно соотношение с эталоном лежит в основе формирования у относительных прилагательных типа *малиновый* или *сиреневый* качественных «цветовых» значений.

Показательно, что многие прилагательные цвета допускают образование сравнительной степени; при этом ими обозначается сдвиг в сторону большей близости к эталону цвета: *И лицо у нее теперь белее ее белых волос* (М. Рощин); *В круглом, близком и совсем неподвижном зеркале [колодца] отражалось мое лицо, ветка дерева и небо. Я был там куда красивее, ветка куда зеленее, а небо куда синее, чем на самом деле* (В. Шефнер); *И так странно, вернувшись через год, увидеть все эти вещи на тех же местах и, увидев, понять, что год прибавил седины и опыта, а здесь все неизменно, и только, может быть, гравюра стала чуть-чуть желтее* (К. Паустовский).

Возможна и иная интерпретация прилагательных цвета, при которой они не образуют отдельной группы. Слова *белый* и *черный* могут пониматься также и как обозначения крайних точек на шкале

«максимум света — минимум света». Что же касается хроматических цветов, то их можно и непосредственно соотносить с местоположением на спектре (чему физически соответствует длина волны); в этом случае стандартом сравнения для них служит граница области соответствующего цвета. Такую задачу человек решает в своей практической деятельности, когда, собирая, например, малину или клубнику, он отличает зрелые ягоды от незрелых по их окраске. При таком понимании цветообозначения семантически сближаются с параметрическими прилагательными.

«Общее значение» **положительной степени**. Из предшествующего изложения можно сделать вывод, что для всех рассмотренных выше разновидностей качественных прилагательных в той или иной мере значимо соотношение с нормой, выступающей в качестве имплицитной точки отсчета (стандарта сравнения). Вместе с тем для каждой из этих групп норма устанавливается по-разному: у параметрических прилагательных и цветообозначений норма располагается в центре шкалы, а у оценочных прилагательных норма сдвинута к одному из полюсов. При этом прилагательными позитивной оценки и цветообозначениями выражается совпадение с нормой, тогда как параметрические качественные прилагательные выражают несовпадение с нормой — ее превышение или недостижение.

Поэтому нельзя согласиться с М. А. Шелякиным, который считает, что положительная степени качественных прилагательных в целом обозначает признак «в его типичной степени» [Шелякин, 1983б, с. 71]. В буквальном своем смысле такая формулировка справедлива только для цветообозначений (при их толковании через сравнение с эталонами цвета) и, может быть, некоторых других периферийных разновидностей качественных прилагательных. Если же все же попытаться сформулировать «общее значение» положительной степени качественных прилагательных, то можно было бы сказать, что она обозначает признак с учетом некоторой количественной нормы его проявления для данного класса объектов.

«Степени качества» и другие способы оценки степени признака. Для модификации отношения признака к норме используются многообразные дополнительные лексические и деривационные средства. Все они совмещают обозначение объективной меры признака относительно нормы с выражением субъективного впечатления от него. Как писал о прилагательных с аффиксами субъективной оценки типа *тяжеленный* В. В. Виноградов, «формы субъективной оценки, выражающие “смягчение, усиление или уменьшение качества”, сами по себе никакого сопоставления предметов по степени качества не обозначают. Их значение состоит не в выражении соотношений между качествами предметов, а в выражении отношения субъекта к качеству предмета» [Виноградов, 1947, с. 242–243]. Эту характеристику (но не в столь категоричной форме) можно распространить и на другие рассматриваемые далее способы оценки меры признака.

К ним относятся:

1) лексические интенсифицирующие оценочные выражения, которые «не столько описывают положение вещей, сколько подчеркивают, что субъект высказывания заинтересованно относится к событию, о котором идет речь» [Вольф, 1985, с. 43]: *большой — огромный, громадный, грандиозный, хороший — прекрасный, великолепный* и т. п. При этом если оценка предмета как *большого* или *огромного* может отражать объективные различия между ними, то провести границу между *огромным* и *громадным* затруднительно: «Едва ли можно с уверенностью сказать, какое здание больше — *громадное* или *огромное*. Столь же трудно определить, какая дырка меньше — *крошечная* или *малюсенькая*. В речи эти прилагательные никогда не ставятся в отношения сопоставления и противопоставления» [Арутюнова, 1988, с. 248]²⁸;

2) различные адвербиальные квантифицирующие показатели типа *совсем, очень, весьма, чрезвычайно, совершенно, довольно*, способность сочетаться с которыми является одним признаков качественных прилагательных: *Я решил набрать ей в подарок букет из всяких хороших цветов. А так как плохих цветов вообще нет, то мне выпала довольно трудная задача — что выбрать* (К. Паустовский); *Девочка давно выросла, осталась в Париже, стала совсем французской, очень миленькой и совершенно равнодушной ко мне* (И. Бунин); *Странно, но когда в комнате много дыма, когда воздух совсем темный от дыма, почему-то не хочется курить* (Ю. Казаков);

3) отрицательные прилагательные, находящиеся в «неостром» семантическом контрасте²⁹ с соответствующими положительными формами: *Этот мальчик совершенно ничем не выделялся среди остальных мальчиков-студентов, более того, он был совершенно неинтересным мальчиком среднего роста, средней наружности, средних способностей, с небольшим обаянием — не в том смысле небольшим, что его вообще не было или было мало, но просто в том смысле, что его обаяние не выходило за какие-то пределы, было именно небольшим, все-таки было* (Л. Петрушевская); *Он взял первый попавшийся недорогой номер в «Ялте», расположился, разложил вещи, а потом оказалось, что в соседнем номере лежит покойница* (М. Рошин);

4) словообразовательные разряды, называемые «формами субъективной оценки» или «степенями качества»: *Едем мы не в электричке, а в стареньком поезде с небольшими старыми дачными вагончиками* (М. Рошин); *Она была толстененькая, очень румяная, черноглазая, чернобровая, не очень красивая* (Ю. Трифонов); *А вокруг*

²⁸ При этом между собой громадные или грандиозные предметы или явления вполне могут сопоставляться: *Три облака встали над красной полосой горизонта — одно другого громаднее, медленно валились они к тускнеющему зениту* (А. Грин); *И любовь погранднее Онегинской любви* (В. Маяковский),

²⁹ Об этом понятии см.: [Кржижкова, 1974, с. 127].

стоит зеленая молодая рожь, зеленая-презеленая, с мягкими еще, шелковистыми колосками (М. Рошин); *В придачу он вручил нам большущий кусок ржаного пирога с требушиной, — он его, кажется, спер на базаре* (В. Шефнер); *Мы занимали на втором его этаже большую комнату; стены ее, облицованные досками с желобками («вагонкой») и покрашенные в светло-зеленый цвет, казались мне очень красивыми. В углу стояла большая круглая печь в гофрированной железной рубашке — тоже зеленоватого цвета* (В. Шефнер).

Все эти способы оценки модифицируют значение положительной степени. Вместе с тем в круг средств выражения «степеней качества» и близких к ним значений могут быть вовлечены и формы сравнительной и превосходной степеней сравнения. Речь в данном случае может идти по крайней мере о трех группах явлений.

Во-первых, к ним относятся такие лексикализованные единицы с формами сравнительной степени, как *скорее, скорее всего, более или менее*, служащие для смягчения утверждения: *Несмотря на то, что этот колерный образец по цвету был близок скорее к «оранжевым», испытываемые, однако, причисляли его к желтым* (Р. Фрумкина); *Между прочим, я никогда не мог уразуметь, почему любая моя, без различия, книга пускала критиков в суетливые бега на поиски более или менее прославленных имен для необузданных сравнений* (А. Битов); *Но послушай, неужели тебе не ясно, что каждый более или менее интеллигентный, грамотный человек может что-нибудь написать?* (В. Катаев).

Во-вторых, это формы превосходной и сравнительной степени, выступающие в абсолютных употреблениях: *Посвящается Сергею Сергеевичу Иванько и его товарищам, безвозмездно предоставившим в распоряжение автора богатейший фактический материал и пищу для размышлений* (В. Войнович); *Состав учащихся был самый пёстрый: от институтков до беспризорников* (И. Грекова); *Термин «грамматика» и эпитет «грамматический» употребляются в лингвистике в различных значениях — более узких и более широких. Узкое толкование «грамматического» опирается на формальные особенности выражения соответствующих значений. <...> При широком толковании к грамматике относятся, грубо говоря, все то, что не принадлежит (только) словарю* (Т. Булыгина).

В-третьих, это формы сравнительной степени с приставкой *по-*; ср. параллельное употребление прилагательного *простоватый* и префиксального компаратива *попроще* по отношению к одному и тому же лицу: *К могиле приближались. Два голоса, по проторенному Монаховым пути, не сбиваясь... Один — недовольный и интеллигентный баритон, другой — попроще, семенящий алкогольный говорок. <...> Простоватый недобросовестно имитировал общеразительность и будущую исполнительность* (А. Битов).

Формы сравнительной степени. Сравнительная степень выступает в четырех разновидностях. К ним относятся:

- 1) простые (синтетические) неизменяемые суффиксальные формы типа *больше, дороже, выше*;
- 2) образуемые от них с помощью приставки *по-* префиксальные формы типа *побольше, подешевле, повыше*;
- 3) склоняемые простые формы типа *большой и меньший*;
- 4) сложные (аналитические) формы типа *более шумный и менее шумный*.

Неизменяемые синтетические формы являются основным средством выражения сравнительной степени в русском языке: *Она была куда **моложе** мужа, лет двадцать пять — двадцать семь, довольно заурядная внешность* (Д. Гранин); *Он был, как и Блинов, высокого роста, однако **шире** в плечах, **уже** в бедрах, **мускулистей и жилистей*** (В. Богомолов); *К смерти в те годы было несколько иное отношение, она входила в детские игры наравне с другими элементами жизни. Из этого не следует делать вывод, что ребятами тогда были **мрачнее, угрюмее или серьезнее**, чем сейчас. Нет, смеялись мы ничуть не меньше, чем нынешние дети* (В. Шефнер); *Мы вышли на бульвар... и пошли по направлению к Николаевскому мосту. Теперь я знаю, что путь через Дворцовый мост был бы чуть-чуть **короче**, но мать почему-то не нашла нужным воспользоваться им* (В. Шефнер).

Они образуются с помощью трех суффиксов: *-е* (с его фонетическим вариантом *-ей*), *-е* и *-ше*. Наиболее употребительными и продуктивными среди них являются формы с суффиксом *-еел/-ей* (фонетически /-éi/ / /-éj/): *светлый — светлее* /sv'itl'-éi/, *острый — острее* /astr'-éi/ и т. п. Суффикс *-е* (фонетически /-i/ и /-ы/) присоединяется к основам на заднеязычный согласный и к некоторым непроемным основам на *-т, -д*, вызывая чередование конечного согласного или сочетания *-ст-* с шипящими: *легкий* /l'óx'k'-ij/ — *легче* /l'éxč'-i/, *мягкий* /m'áx'k'-ij/ — *мягче* /m'áxč'-i/, *дорогой* /darag-ój/ — *дороже* /daróž'-ы/, *тихий* /t'ix'-ij/ — *тише* /t'i š'-ы/, *сухой* /sux-ój/ — *суше* /súš'-ы/ и др.; *богатый* /bagát-ыj/ — *богаче* /bagáč'-i/, *крутой* /krut-ój/ — *круче* /krúč'-i/, *твёрдый* /tv'órd-ыj/ — *твёрже* /tv'órž'-ы/, *молодой* /malad-ój/ — *моложе* /malóž'-ы/ и др.; *чистый* /číst-ыj/ — *чище* /či š':-i/, *простой* /prast-ój/ — *проще* /próš':-i/, *густой* /gust-ój/ — *гуще* /gúš':-i/ и др. В некоторых случаях присоединение этого суффикса влечет за собой выпадение конечного *-к* (*-ок*) и чередование предшествующего ему корневого согласного *д — ж, т — ч, з — ж, с — ш*: *редкий — реже, короткий — короче, близкий — ближе, низкий — ниже, высокий — выше*. Возможны и иные нестандартные видоизменения основ: *дешевый — дешевле, сладкий — слаще, поздний — позже, красивый — краше*³⁰.

³⁰ По мнению Л. П. Якубинского, этот суффикс присоединялся к первоначально недифференцированной основе имени, совмещающей свойства прилагательного и существительного. Конечные элементы основы, которые (с синхронной точки зрения) отсекаются при образовании простых форм сравнительной степени, диахронически представляются собой более поздние суффиксы, служившие для формального отграничения прилагательных от существительных [Якубинский, 1953, с. 211–212].

Судя по списку форм сравнительной степени с суффиксом *-е*, приведенному во вступительной статье к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (§ 129), их общее число не превосходит нескольких десятков. Многие из них малоупотребительны: *броский — бросче, едкий — едче, ломкий — ломче, плоский — плосче, скользкий — скользче*. Однако резкой границы между прилагательными, образующими и не образующими эту форму сравнительной степени, нет. Так, Анна Ахматова в стихотворении, написанном в 1959 г., употребляет форму *жесточе* (от *жестокый*), отсутствующую в этом списке: *И я не знавала **жесточе** беды*.

Некоторые прилагательные имеют вариантные формы с суффиксами *-е* и *-ее*: *красив — красивее, позже — позднее, звонче — звончее*. В отдельных случаях они соотносятся с разными значениями прилагательных: у слова *худой* в значении 'плохой' в качестве сравнительной степени выступает форма *хуже*, а в значении 'тощий' — форма *худее*.

Суффикс *-ше* (фонетически /-шы/) представлен в единичных компаративах (также с усечением исходной основы): *тонкий — тоньше* /tón'-шы/, *ранний — раньше* /rán'-шы/, *далекий — дальше* /dál'-шы/, *долгий — дольше* /dól'-шы/.

Прилагательные *маленький, хороший, плохой* образуют формы сравнительной степени от супплетивных основ: *меньше, лучше, хуже*.

Префиксальные формы сравнительной степени, употребляемые преимущественно в разговорной речи, образуются от рассматривавшихся в предыдущем разделе синтетических форм с помощью приставки *по-* (фонетически /ра-): *светлее — посветлее, веселее — повеселее, тише — потише, легче — полегче, тоньше — потоньше, дольше — подольше*.

Этот префикс придает признаку, обозначаемому формами сравнительной степени, смягчительно-ограничительную окраску³¹: *Одним словом, он был просто старик, а она помоложе, но тоже старуха* (Л. Измайлов); *Конечно, революционером отец не был. Возможно, будь на престоле царь **поталантливее да поудачливее**, он бы вполне устроил отца* (В. Шефнер); *А теперь переведем взгляд на карте к местам, где Аляска глядит на запад, через Берингово море, в Сибирь. Тут с Чукоткой много сходства, хотя климат все же **помягче*** (В. Песков); *Фото вроде бы и неплохое, но по сравнению с многочисленными фотографиями довоенных лет, где изображены мои родители, их родственники и знакомые, оно куда как **тусклее и непригляднее**: и фотобумага **похуже**, и паспарту **победнее** — простой серый картон* (В. Шефнер).

³¹ По своему значению префикс *по-*, используемый для образования этой разновидности форм сравнительной степени, напоминает префикс *по-* в глаголах ограничительно-го (делимитативного) способа действия типа *погулять* (от *гулять*), *поспать* (от *спать*).

Помимо этого, между префиксальными формами сравнительной степени типа *посветлее* и их беспрефиксными коррелятами типа *светлее* существуют различия в возможностях их синтаксического употребления. Адъективные формы с префиксом *по-* могут употребляться и как сказуемое, и как определение, тогда как соответствующие формы без этого префикса — только как сказуемое. Вследствие этого заменить префиксальную форму сравнительной степени на беспрефиксную можно только в первом из следующих двух примеров: *Когда-то мы с тобой вот так в Ягодное или, — сказал Григорий. — Только узелок у тебя был побольше (≈ больше), да и сами мы были помоложе (≈ моложе)* (М. Шолохов), но: *Казак помоложе (моложе) принес две лопаты с короткими плоскими рукоятками* (Вс. Иванов).

Простые формы сравнительной степени, характеризующиеся в современном русском языке неизменяемостью, по своему происхождению представляют собой краткие (именные) формы прилагательных с реконструируемым исторически суффиксом **-jes*. В свою очередь, соответствующие полные (местоименные) формы с этим суффиксом стали использоваться в качестве синтетических (простых) форм превосходной степени типа *красивейший*. Первоначально, как и все адъективные формы, простые формы сравнительной степени изменялись по числам, родам и падежам. В современном языке они, подобно кратким формам положительной степени перестали склоняться, а кроме того, утратили также согласовательные формы числа и рода, став полностью неизменяемыми³².

Склоняемые синтетические формы сравнительной степени сохранились у единичных прилагательных. Наиболее употребительны среди них формы *бóльший, мéньший, лучший и худший*, соответствующие параметрическим и оценочным прилагательным с самым общим значением: *большой, маленький, хороший, плохой*. Они изменяются по числам, родам и падежам по образцу полных прилагательных (*большой, большего, большему* и т. п.) и не отличаются от них по своим синтаксическим свойствам: *Осенью здоровье отца ухудшилось, его положили в госпиталь. Там он пробыл около месяца. <...> Но вскоре отец снова попал в госпиталь, уже на больший срок* (В. Шефнер); *Игроки боролись за право угадать классическое музыкальное произведение с первых нот: побеждал тот, кому требовалось меньше количество нот* (Д. Быков).

Формы *худший* и *лучший* могут наряду с компаративным значением выражать и суперлативное значение; ср.: *Наверху для лучшего (компаратив) распространения звуков были устроены каменные своды с хитро задуманными выгибами и арками* (Н. Гумилев); *Не приходится сомневаться, что судьям в Северной столице будут*

предложены бытовые условия даже лучшие (компаратив), чем они имеют сейчас в Москве (Итоги. 2004. 17 февр.) и *Только ей [скрипке] он был обязан лучшими (суперлатив) часами своей жизни, она заменяла ему мир, от которого он отрекся для искусства, была то стыдливой невестой, то дразняще покорной любовницей* (Н. Гумилев); *Салон, в котором работала Рита, был лучший (суперлатив) в городе, а она — лучшая (суперлатив) косметичка в салоне* (В. Токарева); *Это случилось давно, Динка тогда была еще маленькая, а теперь она выросла и сделала еще худший (компаратив) поступок* (В. Осеева) и *Это был худший (суперлатив) из трех возможных вариантов* (Е. Гинзбург).

Вплоть до середины XIX в. круг форм на *-ший*, способных выражать компаративное значение, был значительно шире³³. Состав склоняемых компаративов в современном русском языке точно не определен. Так, Н. Ю. Шведова включает в их перечень явно устаревший компаратив *горший* (от *горький*), но не упоминает форму *позднейший* [Грамматика, 1960, I, с. 291–292], способность которой выражать компаративное значение подтверждается возможностью равнозначного употребления форм *позднейший* и *более поздний* в следующих примерах из книги В. Шефнера «Имя для птицы», ср.: *На самом же деле из позднейших разговоров с матерью я знаю, что этот период длился от силы неделю и Из более поздних разговоров помню, что этот детсад существовал еще до революции*.

Сохраняют способность выражать компаративное значение и формы *младший* (от *молодой*) и *старший* (от *старый*), ср.: *А уж в неформальном общении десять лет разницы казались старшему полным основанием обращаться к младшему по имени, слыша в ответ свое имя-отчество. Это вошло в естество, иное представлялось даже и странным, как бы искусственным, наигранным: обращаться по отчеству к младшему, пусть даже немного младшему, пусть даже под пятьдесят, если только он не был значительной, влиятельной фигурой* (М. Веллер). Обычно же прилагательные *старший* и *младший* употребляются как формы положительной степени в специализированном значении ‘рожденный первым (последним) среди детей данной семьи’: *старший брат, младшая дочь*, либо используются при классификации должностей, званий, возрастных и учебных уровней: *старший инженер, младший научный сотрудник*.

Сложные (аналитические) формы сравнительной степени выступают в двух вариантах. Первый из них представляет собой сочетание слова *более* с формами положительной степени: *Более нелепого, более абсурдного подозрения Аникушин не мог бы и вооб-*

³² Такое их развитие связывается с ранней предикативной специализацией простых форм сравнительной степени, см., напр.: [Горшкова, Хабургаев, 1981, с. 242].

³³ См. многочисленные примеры: [Виноградов, 1947, с. 256–257; Булаховский, 1954, с. 378–379].

разить (В. Богомолов); *Старший брат Вронского, Александр, полковник с аксельбантами, невысокий ростом, такой же коренастый, как и Алексей, но более красивый и румяный, с красным носом и пьяным, открытым лицом, подошел к нему* (Л. Толстой); *Но отношения у художника с природой такие, что она ему открывает некоторые свои тайны, она с ним более общительна, чем с другими* (Ю. Олеша); *В самом конце лета вернулась Василиса. <...> Была она до черноты загорелой и ещё более худой, чем обыкновенно* (Л. Улицкая); *Я склонен думать, что этот обычай — более поздний, а не пережиток древности* (И. Ефремов).

Как можно видеть из приведенных примеров, в конструкциях со словом *более* прилагательное может выступать и в полной, и в краткой форме. Подобно формам положительной степени, краткие формы аналитического компаратива употребляются в составе сказуемого, а полные формы допускают и атрибутивное и предикативное употребление, причем в последнем случае они могут выступать в формах и им., и тв. падежей.

Аналитические формы сравнительной степени не имеют лексических и формальных ограничений на образование. Поэтому многие производные качественные прилагательные (*ломкий, тяжкий, колкий, дружеский, трагический, ручной, гнилой, чахлый, рослый* и др.) образуют только сложную форму сравнительной степени: *Думаю, что мать купила Даниэля Дефо специально для меня. Быть может, она хотела подарить мне более детскую, сказочную книгу с цветными картинками, но не нашла* (В. Шефнер); *Наречный и, следовательно, более независимый характер надежной формы во втором случае не подлежит сомнению* (И. Милославский); *Нужно помнить и то, что жизнь тогда была более текучей, чем сейчас: всё время всё менялось, видоизменялось, реорганизовывалось* (В. Шефнер).

Кроме того, в силу уже отмечавшихся выше синтаксических ограничений на употребление простых форм сравнительной степени в атрибутивной позиции обычно употребляются аналитические формы: *Более широкий контекст* (при невозможности *контекст шире*) обычно снимает двусмысленность, поэтому в конкретных высказываниях она не может играть существенной роли (Д. Шмелев). Вместе с тем аналитические формы сравнительной степени со словом *более* в целом носят книжный характер и в художественной литературе употребляются реже, чем простые.

По аналогии с этими сложными формами образуются употребляемые гораздо реже антонимичные им аналитические конструкции со словом *менее*: *Глядя ему вслед, я подумал, что вот на свете как будто нет занятия менее приятного, чем быть ветошником, а между тем сумел же этот человек сделать из него радость для колхозной детворы* (К. Паустовский); *Степеням сравнения наречий определения не дается. В целом они предстают в грамматиках как*

менее значительная проблема, чем степени сравнения прилагательных (Л. Буланин).

Спорные вопросы. Относительно грамматического статуса аналитических форм сравнительной степени нет единства мнений. Так, в Русской грамматике 80 конструкции с *более* и *менее* рассматриваются как свободные описательные выражения на том основании, что «слова *более* или *менее* в этих сочетаниях сохраняют свое лексическое значение, и это препятствует их превращению в показатель морфологического значения» [Русская грамматика, 1980, I, с. 562]. С такой оценкой этих конструкций трудно согласиться.

Сама по себе бóльшая «семантическая прозрачность» аналитических форм по сравнению с синтетическими совершенно естественна. Считается, что именно по этой причине говорящие начинают использовать перифрастические (описательные) сочетания для выражения того или иного значения. Что же касается сохранения вспомогательными компонентами описательных форм сравнительной степени их лексического значения, то нужно заметить, что полными формами сравнительной степени слов *большой* и *маленький* являются не *более* и *менее*, а *больше* и *меньше*: *По нашей географии так: чем больше территория, тем больше возможностей для неприятностей* (М. Мишин); *Это не значит, что в природе все относительно. Скорее, природа безразлична к размерам. Большое не видит малого, малое — большого, но и то и другое неизмеримо меньше чего-то третьего — например, воздуха. Или — его отсутствия* (А. Генис).

В свою очередь, формы *более* и *менее* в современном русском языке практически утратили способность к самостоятельному употреблению. Их использование вне аналитических форм сравнительной степени, встречающееся, в частности, у Д. И. Фонвизина, сейчас представляется уже глубоким архаизмом; ср.: — *Нет*, — *отвечал волк, — нам совсем невозможно молиться с усердием, когда сперва не нагрешим много, и чем более злодейство, тем ревностнее покаяние; Представь себе, что ты сам визирь, то будешь, конечно, ничем не менее меня.*

Сложные формы сравнительной степени с компонентом *менее* требуют специального комментария. Так, во Введении к академической «Грамматике русского языка» В. В. Виноградов и Л. В. Щерба определяют степени сравнения как «формы, которые обозначают относительную разницу между двумя сравниваемыми предметами (или двумя рядами предметов) по степени того или иного присущего им качества» [Грамматика, 1960, I, с. 24]. В свете этого определения выражение *более* высокой степени признака и выражение *более* низкой степени логически равноценны. Между тем, хотя выражения *А больше В* и *В меньше А* взаимозаменяемы, «с точки зрения естественного языка «больше, чем» и «меньше, чем» не вполне равноправны: именно

‘больше, чем’ выбирается языком в качестве базового отношения»³⁴. Неравноправие этих двух отношений проявляется, в частности, в том, что в языках, где существует синтетический компаратив (к ним относятся и русский язык), он выражает только значение ‘больше, чем’, а значение ‘меньше, чем’ выражается исключительно аналитически [Берков, 1996, с. 110].

По существу, именно в силу этой (по-видимому, универсальной) асимметрии значений ‘больше, чем’ и ‘меньше, чем’ сочетания *более красивый* и *менее красивый* обычно получают различную интерпретацию в русской грамматике. Типичной в этом отношении является позиция Л. Л. Буланина [Буланин, 1976б, с. 172–173], в соответствии с которой вспомогательным компонентом сложной формы сравнительной степени может быть только слово *более*, поскольку только в этом случае возможна синонимия простой и сложной форм компаратива *красивее* и *более красивый*. Образования же типа *менее красивый*, не имеющие прямого соответствия среди простых форм сравнительной степени слова *красивый*, рассматриваются им как свободные сочетания слов³⁵.

Если же рассматривать конструкции с *более* и *менее* сами по себе, вне сопоставления с простыми формами сравнительной степени, то едва ли можно обнаружить сколько-нибудь существенные различия между ними в плане большей или меньшей семантической или формальной слитности. Об этом свидетельствует, в частности, возможность их комбинирования в одном предложении, ср.: *Он же [цветовой спектр] может быть представлен в виде противопоставления, скажем, яркого и бледного цвета (соответственно, более яркого, менее яркого, более бледного, менее бледного) или «теплого» и «холодного» цвета с соответствующими градациями и т. д.* (Д. Шмелев); *Казалось бы, достаточно двадцати с лишним веков, чтобы или неопровержимо доказать реальность ритуальных убийств, или же навсегда забыть и о них, придумать что-то другое, менее сомнительное, более правдоподобное* (Известия. 1993. 30 окт.); *Качество российской нефти ухудшается, утверждают специалисты компании «Транснефть», в трубопроводах которой вся нефть — и более, и менее качественная — сливается в единый поток* (Известия. 2000. 20 авг.); *Нет никаких гарантий, что Чечня, став независимой, будет проводить в отношении Москвы более дружественную (а точнее, менее враждебную) политику* (Известия. 1999. 24 сент.).

Последний пример показывает, что, хотя образования типа *менее красивый* (*менее дорогой*) могут быть синонимичны формам срав-

³⁴ [Мельчук, 1998, с. 118–199]. Сходный вывод делается и в кн.: [Есперсен, 1958, с. 288–289].

³⁵ Близкой точки зрения по этому вопросу придерживался и В. В. Виноградов [Виноградов, 1947, с. 248–249].

нительной степени антонимичного прилагательного *более некрасивый* (*более дешевый*), формы с *менее* не являются избыточными и лишними, поскольку они позволяют точнее отразить фоновые ожидания и допущения говорящего³⁶.

Что же касается синтетических (простых) форм сравнительной степени, то для них проблемы связаны с их неизменяемостью по родам, числам и падежам. На этом основании Д. Н. Ушаков включал синтетический компаратив — наряду с деепричастиями, инфинитивом и производными («грамматическими») наречиями, в том числе и наречиями на *-о* типа *весело*, *прекрасно* — в особый формальный разряд слов, имеющих только формы словообразования [Ушаков, 1928, с. 90]. Неизменяемость простых форм сравнительной степени и сейчас нередко служит одним из аргументов в пользу отнесения синтетической сравнительной степени к формам словообразования, а не словоизменения [Ревзин, 1963, с. 35–38; Исаченко, 1965, с. 305; Зализняк, 1967б, с. 91; Булатова, 1983, с. 129].

У синтетических форм сравнительной степени в русском языке есть еще одна специфическая черта, которая в большей степени способствует их грамматическому обособлению, чем неизменяемость, — это совпадение данных форм у прилагательных и наречий. Частеречная принадлежность этих форм, как и слов на *-о*, определяется по их синтаксической функции в предложении: *Всё настоячее, крепче, резче* (наречие) *ударял по кибитке ветер, чернее, суровее* (прилагательное) *становилось небо* (А. Чехов); *Но вот вышла из-за горы луна, и, хотя ее свет был не сильнее фонарика, он ложился всюду поровну, и идти стало намного легче* (Ф. Искандер) — прилагательное, но: *Во дворе внизу словно бы ярче, чем с вечера, горел на мачте фонарь, сильнее светились кузова автомобилей в прогалах чёрных тополёвых крон* (В. Быков) — наречие; *Мало-помалу голоса их становились все тише и тише, наконец, совсем смолкли, и наступило молчанье* (И. Гончаров) — прилагательное, но: *Синие, тяжелые волны все тише бились о камни, сверкая на солнце яркими, веселыми брызгами* (В. Короленко) — наречие; *А теперь переведем взгляд на карте к местам, где Аляска глядит на запад, через Берингово море, в Сибирь. Тут с Чукоккой много*

³⁶ Нечто подобное наблюдается в парах типа *Этот бокал наполовину пуст* и *Этот бокал наполовину полон*, в которых по-разному осмысливается одна и та же ситуация. На формы сравнительной степени со словами *более* и *менее* распространяется «алгебраическое правило», которое, по мнению Т. Гивона, определяет семантическую интерпретацию сочетаний антонимических оценочных прилагательных с отрицанием [Givón, 1978, p. 819]. Если исходить из того, что прилагательное со значением малого полюса шкалы содержит скрытое отрицание [Апресян, 1974, с. 302–305; Мельчук, 1998, с. 119–120], то окажется, что сочетания «с одинаковыми знаками» (*более шумный* и *менее тихий*) выражают возрастание абсолютной величины признака — «плюсовое» изменение уровня шума, а комбинации «с разными знаками» (*более тихий* и *менее шумный*) — уменьшение абсолютной величины признака, т. е. его «минусовое» изменение.

сходства, хотя климат все же **помягче** (В. Песков) — прилагательное, но: — *Тебя пусть другое волнует, — уже **помягче** сказала она* (В. Попов) — наречие³⁷.

Поэтому русские «сравнительные формы» получают у А. М. Пешковского следующую обобщающую характеристику: «это ни прилагательные, ни наречия, а нечто более широкое и менее определенное» [Пешковский, 1956: 152]. Сходным образом рассуждал и Н. Н. Дурново, писавший, что сравнительная степень прилагательных и наречий выражается «особым неизменяемым образованием... употребляющимся частью в роли прилагательных, частью в роли наречий и потому составляющим особую категорию, отличную и от прилагательных по отсутствию форм согласования и способности сочетаться с глаголами, и от наречий по способности сочетаться с существительными» [Дурново, 1925а, с. 867].

В такой форме эта точка зрения не получила распространения, однако в научных работах, посвященных степеням сравнения, их авторы далеко не всегда последовательно дифференцируют формы сравнительной степени прилагательных и наречий, т. е. фактически рассматривают их как единый грамматический класс. Используя метафору В. Г. Адмони, можно сказать, что синтетические формы сравнительной степени являются «как бы общим сегментом двух пересекающихся кругов» [Адмони, 1968, с. 99] — прилагательного и наречия³⁸.

Значения сравнительной степени. В зависимости от особенностей стандарта сравнения различаются два основных типа употребления сравнительной степени — релятивный (относительный) и абсолютный.

В р е л я т и в н ы х употреблении сравнительной степени мера признака у объекта сравнения сопоставляется со степенью его проявления у такого стандарта сравнения, который должен быть известен и говорящему, и слушающему.

Таким образом, стандарт сравнения в таких употреблении компаратива — это либо конкретный предмет, известный обоим собеседникам, либо эталонный представитель некоторого класса. Он может быть:

³⁷ У аналитических форм сравнительной степени (как и слов на -о) формам наречий омонимичны только краткие формы среднего рода, ср.: *Это его бесстрашие было более убедительно, чем дуэли* (Ю. Тынянов) — прилагательное, но: *Не так нарядно и хвастливо, но еще более убедительно кричала о богатстве страны ярмарка* (М. Горький) — наречие.

³⁸ Возможны и разного рода промежуточные решения. Так, в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка простые формы сравнительной степени рассматриваются «как особая категория слов, совмещающая адъективную и наречную функции» [Зализняк, 1977, с. 6], но при этом они не включаются в словарь в качестве самостоятельных единиц, а сведения об их образовании даются в словарной статье, посвященной прилагательному; у наречий же типа *весело* отмечается только их способность к предикативному употреблению.

1) назван словом, синтаксически зависимым от формы сравнительной степени: *Да, землянка большая, куда **просторнее** их старой хаты* (П. Проскурин); *Никто из них не мог бы вспомнить по чистой совести, что он говорил, но Ивану Ильичу казалось, что Даша гораздо **умнее, тоньше и наблюдательнее** его; Даше казалось, что Иван Ильич **добрее** ее, лучше, умнее раз в тысячу* (А. Толстой);

2) анафорически установлен из речевого контекста: *Долгое время зеркало делали так. На кусок стекла накладывали лист оловянной бумаги и сверху наливали ртуть. <...> Ученый Либих придумал другой, **лучший** способ* (М. Ильин); *Его назначили на это **более спокойное и легкое** место потому, что был он уже серьезно болен* (В. Шефнер); *У нас нет иерархии, как, скажем, в группе «На-на». Там другая ситуация, может быть, даже **более правильная** — ярко выраженные начальник и подчинённые* (Аргументы и факты. 1998. № 9); *До хрущевской оттепели не было никакого Булгакова. Медленно, нерешительно начиналось воскрешение крамольного, полузагадочного имени: сперва пьесы (чуть-чуть, тоненькой книжечкой, потом **побольше, потом ещё побольше**)* (Известия. 1991. 5 мая); *Все обрадовались, когда опять стали обедать в детдоме. Там порции **были скуднее**, но к ним давали пайку хлеба* (В. Шефнер);

3) представлять собой тот же предмет в другой момент времени: *И шаги его **становились слышнее**, — словно он уже вырос, стал смелее и решительнее* (Ф. Сологуб); *Я бегу сквозь зеленую розь, она всё **гуще и гуще**, идти трудно, но Таня меня зовет, и я иду* (М. Рощин); *Потом с каждым днем край этот делается все **богаче, разнообразнее, милее** сердцу* (К. Паустовский); *Чем **дальше, тем** лес делается **глуше, торжественнее, сумрачнее*** (К. Паустовский).

Последняя группа употреблений сравнительной степени привлекала особое внимание исследователей, поскольку в них наблюдается семантическая связь между компаративом и глаголами, обозначающими постепенное изменение некоторого количественного параметра объекта: ***смелеть** — становиться **смелее, густеть** — становиться **гуще, богатеть** — становиться **богаче*** и т. п.³⁹ Ср. также параллельное употребление таких глаголов и сравнительной степени в следующих предложениях: *Пока шёл расказ, мой собеседник несколько раз наливал рюмку. Он совсем не **пьянел**, только **становился спокойнее**, и из голоса совсем пропали неприятные, заискивающие ноты* (И. Грекова); *Ветви деревьев то закрывали, то оголяли небо, и тьма вокруг то **густела, то становилась реже, сквозистее*** (А. Иванов).

При а б с о л ю т и в н ы х употреблении сравнительной степени стандарт сравнения не соотносится с какими-то конкретными носителями данного признака или их классом. Такие употребления наи-

³⁹ См. об этом с разных точек зрения: [Якубинский, 1953, с. 218; Апресян, 1974, с. 86–87; Улуханов, 1977, с. 49–56; Падучева, 1996, с. 177–118].

более характерны для префиксальных форм типа *потолще*, для которых они составляют, по разным подсчетам, от половины до двух третей всех их употреблений в тексте, однако в этой функции могут выступать также и беспрефиксные синтетические неизменяемые формы, и аналитические конструкции с *более* и *менее*. Они выступают в двух семантических разновидностях.

В одних случаях абсолютивные употребления опираются на мысленное допущение возможности иной меры признака у того же объекта в других условиях, т. е. на некоторую нереализованную «скрытую альтернативу», на фоне которой и оценивается реальное положение дел: *Зиму и лето барон ходил в больших калошах, чтобы сапоги были целей* (А. Чехов); ср.: *Возился я с письмом долго, как с заказанным романом, и вовсе не для того, чтобы письмо вышло длиннее, вычурнее и чувствительнее, а потому, что хотелось до бесконечности продлить самый процесс этого писанья, когда сидишь в тиши своего кабинета, в который глядится весенняя ночь, и беседуешь с собственными грезами* (А. Чехов).

В других случаях объект сравнения выделяется по названному признаку на фоне некоторого множества (реального или потенциального) других однотипных носителей данного признака: *А пока возился, выбирая лучину посуше, и совсем смерклось* (И. Бунин); *В судовой библиотеке у нас книжек восемьдесят, и каждый, конечно, хватает себе какую потолще. Чтобы уж весь рейс одну читать* (Г. Владимов): *Никакой иерархии внутри конкретных надежд (в отличие от грамматических) не существует. Ни один из конкретных надежд не является более центральным или более периферийным сам по себе. Более или менее центральное место в конкретном предложении — результат воздействия экспрессии или стиля* (И. Милославский); Термин «грамматика» и эпитет «грамматический» употребляются в лингвистике в различных значениях — *более узких и более широких* (Л. Буланин); *Весь день толкутся в воздухе за кормой, хищно кричат, падают на воду и снова взмывают чайки. Глядеть на них можно долго и, привыкнув, начать различать ту, что понахальнее, и ту, которая поделикатнее, послабее, которой мало что достается, или ту, что похитрее, действует исподтишка и хватает добычу, пока подруги дерутся* (М. Роштин); *Сначала Евдокия-беженка приходила к деду смотреть, как он делает для нее ушат, потом каждый раз просила его сходить с ней на базар отрубить кусочек мяса получше* (Б. Костюковский).

По способу обозначения признака эта разновидность употребления сравнительной степени напоминает положительную степень, отличаясь от нее тем, что если в выражениях типа *толстая книга* или *дешевая картошка* признак соотносится с «видовой нормой» размера книги или цены на картошку, то при абсолютивном использовании форм сравнительной степени в выражениях типа *книга потолще* или *картошка подешевле* диапазон варьирования признака

ка определяется ситуацией. Предельные и средние его значения устанавливаются не по отношению ко всему классу соответствующих предметов или явлений (как это свойственно положительной степени), а только для некоторой его части — наличных, возможных или предполагаемых в данных условиях. Неприложимость общепринятых оценочных стереотипов к данному конкретному случаю может специально подчеркиваться в тексте противопоставлением абсолютивной сравнительной степени и того же прилагательного в положительной степени: *Люди победнее (не бедные, а победнее) едят получше, богатые — похуже. Победнее едят дома свежеекупленную еду, едят при электричестве, точно давая себе отчет в проглатываемом. Побогаче едят в дорогих ресторанах поперченную портящуюся или консервированную заваль, едят в полутьме, потому что любят не электричество, а свечи* (В. Маяковский).

Невыбранность конкретного стандарта сравнения влечет за собой неопределенность количества признака у сравниваемого с ним объекта. В силу этого использование абсолютивной сравнительной степени чаще всего мотивируется стремлением избежать точной количественной или качественной оценки и сделать ее в большей мере зависящей от конкретной речевой ситуации. Поэтому такие формы сравнительной степени могут не только выражать «предельно возможную в данных условиях степень проявления признака» [Воротников, 1987, с. 87], но и использоваться для снижения категоричности высказывания. В следующем фрагменте из научной рецензии эту функцию выполняет эпитет *более спорные*, который в данном случае выражает менее категоричную оценку по сравнению с той, которую передавала бы положительная степень *представляются спорными*, также возможная здесь: *Автор предлагает чрезвычайно интересные, нетривиальные ответы на эти вопросы. Многие из его выводов можно считать строго доказанными, другие представляются более спорными* (Г. Красухин).

Общей чертой абсолютивных употреблений сравнительной степени в русском языке является то, что нереперентным (невыбранным, неиндивидуализированным) в них должен быть и объект сравнения. Для него определена только «область поиска» — класс предметов или явлений, в который он входит. Это ограничение оказывает существенное воздействие на условия употребления абсолютивной сравнительной степени.

С одной стороны, сравнительная степень в этом случае используется преимущественно в контекстах со «снятой утвердительностью», к которым относятся, в частности, повелительное наклонение, будущее время, различные виды повторяемости ситуации, значения желательности, необходимости, возможности, произвольного выбора, цели, предположительности⁴⁰: *Есть другие дела? — А что, со-*

⁴⁰ Об этом понятии см.: [Вейнрейх, 1970, с. 173–177; Падучева, 1985, с. 94–102].

бери *посуше* сору, огонек запали, котелки поположи (П. Проскурин); *И тогда же вечером Степаныч в сердцах говорил: — Ах, им бы только картошку подешевле взять да яблок на полтинник ведро* (М. Рощин); *Чтобы завтра всем достался кусок пожирнее, школе сегодня должна доставаться львиная, без преувеличения, доля* (Известия. 1990. 24 авг.).

С другой стороны, абсолютное использование сравнительной степени по отношению к индивидуализированным объектам в конкретной реальной единичной ситуации практически невозможно. Предложения типа: *Эта книжка потолще; Эта картошка подешевле; Эта чайка похитрее; Этот кусочек мяса получше; Этот вывод более спорный; Этот надеж более периферийный; В этом колоде вода лучше* — предполагают сравнение с какой-то другой конкретной книжкой, другой картошкой, другой чайкой, другим куском мяса, другим падежом и т. п., а компаратив, таким образом, выступает в них в функции релятивной сравнительной степени.

Иерархия форм сравнительной степени. Подводя итоги, можно сказать, что среди форм сравнительной степени в русском языке достаточно четко различаются центральные и периферийные формы.

Их основу, безусловно, составляют синтетические формы сравнительной степени типа *веселее* и аналитические конструкции со словом *более*. Другие структурные разновидности форм сравнительной степени следует отнести к периферийным: префиксальные компаративы типа *повеселее* — в силу их отчетливой стилистической окрашенности, синтетические склоняемые формы сравнительной степени типа *больший* или *меньший* — в силу их крайней малочисленности, а аналитические формы со словом *менее* — в силу их относительно малой употребительности.

Формы превосходной степени. Превосходная степень сравнения, как сравнительная степень, выступает в нескольких разновидностях, среди которых есть и синтетические (простые) и аналитические (сложные). К ним относятся:

- 1) суффиксальные формы типа *сильнейший, глубочайший, высший*;
- 2) префиксальные формы типа *наибольший, наименьший*;
- 3) аналитические формы со словом *самый* типа *самый сильный*;
- 4) аналитические формы со словами *наиболее* и *наименее* типа *наиболее (наименее) значительный*.

Суффиксальные формы превосходной степени сравнения образуются с помощью суффикса **-ейш-** (фонетически /-éjš-/) : *сильный — сильнейший, старый — старейший, крупный — крупнейший, красивый — красивейший* и его варианта **-айш-** (/ -ájš- /), который присоединяется к основам на заднеязычные согласные, вызывая их чередование с шипящими: *редкий — редчайший, мелкий — мельчайший, строгий — строжайший, тихий — тишайший*. Отдельные

слова имеют индивидуальные особенности при образовании форм превосходной степени: *короткий — кратчайший, близкий — ближайший, тяжкий — тягчайший*.

Единичные прилагательные образуют простую форму превосходной степени с помощью суффикса **-иш-** (/ -š- /): *высший, низший, худший, лучший*. *Худший* и *лучший* могут использоваться и как формы сравнительной степени, а прилагательные *высокий* и *низкий* имеют и стандартные синтетические формы превосходной степени: *высочайший* и *нижайший*.

Как уже упоминалось выше, источником суффиксальных форм превосходной степени являются полные (местоименные) формы сравнительной степени прилагательных. Поэтому синтетические формы превосходной степени прилагательных, подобно полным формам положительной степени, изменяются по числам, родам и падежам, согласуясь в этих формах с определяемым существительным, но при этом, однако, сами они не имеют кратких форм. В предложении они употребляются в функции определения или именной части сказуемого: *Тем не менее фраза «Это так по-английски» звучит в его устах как высшая похвала* (В. Овчинников); *В этот свой приезд я познакомился с Николаем Николаевичем Колиберским, старейшим преподавателем Первой школы* (В. Каверин); *Собор этот — стариннейший в городке; возле него лежало дуло от пушки времен Иоанна Грозного* (В. Шефнер).

В современном русском языке связь между суффиксальными формами сравнительной и превосходной степеней сравнения проявляется гораздо слабее, чем между краткими и полными формами положительной степени. В частности, при образовании форм превосходной степени не осуществляются многие из тех модификаций основы, которыми сопровождается образование сравнительной степени с суффиксом **-е**: *глубокий — глубже — глубочайший; простой — проще — простейший; редкий — реже — редчайший, широкий — шире — широчайший; сладкий — слаще — сладчайший*. Кроме того, формы превосходной степени образуются менее регулярно, чем формы сравнительной степени. Синтетических форм превосходной степени нет, например, у таких прилагательных, как *молодой, частый, сухой, тугой, узкий, долгий*, свободно образующих простую форму сравнительной степени: *моложе, чаще, суше, туже, уже, дольше*.

Префиксальные формы превосходной степени образуются с помощью префикса **наи-** от немногочисленных синтетических склоняемых форм сравнительной степени: *большой — наибольший, меньший — наименьший, худший — наихудший, лучший — наилучший*. Например: *Поэтому наибольший успех выпал на долю наихудшего оратора, не утомлявшего слушателей необходимостью следить за ним* (Б. Пастернак); *Он лучше знает, где твои наиболее сильные стороны смогут причинить наименьший вред* (А. Белянин); *Наихудшие страдания ей причиняло правое колено, которое целовали*

(М. Булгаков); **Наилучшим** вариантом было бы разделение, и до этого еще может дойти: когда не могут поделить власть, надо делить страну (Д. Быков).

Этот префикс может плеонастически присоединяться и к суффиксальным формам превосходной степени на *-ший высший* и *низший*: *Меня немедленно и очень почтительно проводили за фанерную перегородку, где удивление моё возросло до **наивысшей** степени* (М. Булгаков); *Сельского рабочего сводят к **наинизшему** уровню заработной платы* (В. Ленин).

Аналитические (сложные) формы превосходной степени прилагательных также выступают в двух формальных разновидностях.

Одна из них представляет собой сочетание вспомогательного слова *самый* с полной формой положительной степени прилагательного. Как все это сочетание в целом, так и оба компонента функционируют как полные формы прилагательных; кратких форм у них нет: *В приметах заключено много точного знания и поэзии. Есть приметы простые и сложные. **Самая простая** примета — это дым костра. То он подымается столбом к небу, спокойно струится вверх, выше **самых высоких** ив, то стелется туманом по траве, то мечется вокруг огня* (К. Паустовский); *Но вместо молний, вместо зловещих теней и переливов, предшествующих обычно **самому главному, самому страшному** громовому удару, как бы легкий трепет солнца пробежал по темной синеве* (В. Солоухин); *Кошка или собака для них [англичан] — это любимый член семьи, **самый преданный** друг и, как порой начинаешь думать, **самая приятная** компания* (В. Овчинников).

Как отмечает Л. А. Булаховский, вплоть до середины XIX в. было возможно сочетание вспомогательного слова *самый* с синтетическими формами превосходной степени на *-ейший / -айший* типа *самый древнейший народ в мире, по самой выгоднейшей цене, самый быстрейший из богов*, расцениваемое им как «все более редкое в книжном употреблении, чем ближе к нашему времени» [Булаховский, 1954, с. 103; см. также: Виноградов, 1947, с. 250–251].

Между тем сочетания слова *самый* с формами на *-ший* и сейчас звучат совершенно естественно: *Разве не культом самообладания порождена, к примеру, завидная способность англичан проявлять себя с **самой лучшей** стороны в **самые худшие** минуты жизни* (В. Овчинников); *Со стороны может показаться, что ночи и не было вовсе — той прекрасной ночной поры, когда все начинается и разворачивается так медленно, плавно и величаво, великими предвкушениями и ожиданиями **самого наилучшего**, с такой долгой, непрекращающейся темнотой во всем мире* (Л. Петрушевская).

Вторая разновидность аналитических форм превосходной степени, в которой в роли вспомогательных слов выступают слова **наиболее** и **наименее**, строится на базе аналитических форм сравнительной сте-

пени с помощью префикса *наи-*, который в этом случае присоединяется к вспомогательным словам *более* и *менее*. Например: *Надо еще прибавить, что город в это время справлял тысячулетнюю годовщину своей знаменитой лавры, **наиболее чтимой** и **наиболее богатой** среди известных монастырей России* (А. Куприн); **Наиболее законченный** вид морфологическая классификация [частей речи] принимает в работах Д. Н. Ушакова и М. Н. Петерсона (Л. Буланин); *Третий вариант поведения власти — **наиболее** для нее **сложный** и поэтому **наименее вероятный*** (Новая газета. 2003. 16 авг.); *Не торопясь, то и дело оставаясь, я подымался по знакомому мне выразу, кратчайшему и **наименее опасному** пути на передовую, вышел на нейтральную полосу — жалкие шестьдесят метров, отделявшие нас от немцев, — и огляделся по сторонам* (В. Некрасов); *Сначала на пол летят **наиболее** близко расположенные, **наиболее прочные** и **наименее ценные** предметы, то есть те, которые не испортятся от такого с ними обращения или их не жалко* (А. Битов)⁴¹.

Как и исходные аналитические формы сравнительной степени, аналитические формы превосходной степени со словами *наиболее* и *наименее* могут быть не только полными, как в примерах, приведенных выше, но и краткими: *Доступное лишь для избранных, такое учебное заведение, стало быть, и **наиболее привлекательно** для этих немногих* (В. Овчинников); *Этот финал был для автора **наиболее важен, подробен** и **точен*** (А. Битов); *К тому моменту, когда я стал способен об этом задуматься, из бывших вещей воспроизводились лишь папирсы «Герцеговина Флор» (их, как оказалось, курил дореволюционный человек), почему-то печенье «Мария» (правда, по новому правописанию) да еще балет (при мне происходило вытеснение привычного «Мариинский» новым «Кировский», теперь произошло)... не сразу я понял, что в подобном ряду **наиболее значительен** сам город, в котором я живу* (А. Битов).

Спорные вопросы. Аналитические формы превосходной степени (так же, как и рассматривавшиеся выше аналитические формы сравнительной степени) далеко не всегда включаются в состав форм степеней сравнения.

Так, в «Русской грамматике» формы со словом *самый* без какой-либо аргументации рассматриваются как свободные сочетания слов, а формы с *наиболее* и *наименее* вообще не упоминаются [Русская грамматика, 1980, I, с. 547]. Между тем в современном русском языке слово *самый* за рамками аналитических форм превосходной степени употребляется очень ограниченно. Это, во-первых, сочета-

⁴¹ Изредка встречающиеся сочетания этих вспомогательных слов с суффиксальными формами превосходной степени служит, по-видимому, целям архаизации и стилизации; ср. в рассказе И. Бунина «Роза Иерихона», написанном в 1924 г.: *Символ воскресения, данный ему в виде дикого волчка, он украсил **наиболее сладчайшим** из ведомых ему земных сравнений*.

ния с указательными местоимениями, служащие для подчеркивания тождественности данного объекта некоторому другому: *тот самый, этот самый, тот же самый*, а во-вторых, конструкции типа *на самом краю, в самой середине, с самого утра*, которые используются для указания на пространственно-временной предел или некоторую кульминационную точку: *Еще полная тьма не наступила, а молока в жестянке осталось уж совсем мало, на самом доньшке* (В. Шефнер); *Но здесь, над самой головой, было светло от рассеянного солнечного света* (М. Роштин); *Рубашка потемнела, но у самого ворота была белой, как и раньше: туда вода не доставала* (Ф. Искандер); *И помню ощущение тоски, беззащитности и ужаса. <...> Может быть, такое бывает два раза в жизни: в самом начале, когда пробуждается сознание, и в самом конце, когда оно гаснет* (В. Шефнер); *Бунин не заметил, как Чехов вышел за кольцо оград, сел на лавку, стоящую у самого края обрыва* (М. Роштин).

Эти конструкции, возможно, были источником современных аналитических форм превосходной степени со словом *самый*; ср. сохраняющийся семантический параллелизм между фразами: *на самом краю и самый крайний, на самом верху и самый верхний, в самом конце и самый последний*. Однако в настоящее время различные типы употребления слова *самый* разграничиваются достаточно четко⁴².

Что же касается слов *наиболее* и *наименее*, то за пределами аналитических форм степеней сравнения они вообще не употребляются.

Значения форм превосходной степени. Как и сравнительная степень, превосходная степень допускает и релятивные, и абсолютные употребления. Они терминологически разграничиваются. Релятивные употребления превосходной степени называют с у п е р л а т и в о м: *Она [скрипка] была любимейшим созданием знаменитого Страдивариуса, над которым он работал целые десять лет своей жизни* (Н. Гумилев); *Это, наверно, самое ценное из всего добытого за время поисков* (В. Богомолов), а абсолютные — э л а т и в о м: *Долго я не мог свыкнуться с мыслью, что рядом, за стеной, в темноватых комнатах старого дома, лежат редчайшие книги по искусству* (К. Паустовский); *И как наш советский брат умудряется узнавать друг друга в самой экзотической обстановке и дальней дали от дома* (В. Конецкий).

Р е л я т и в н о е (суперлативное) значение превосходной степени достаточно четко описано в следующем определении Н. М. Шанского: «Превосходная степень указывает на то, что качество, называемое прилагательным, свойственно данному предмету или предметам в ряду однородных предметов в наивысшей степени, т. е. более, чем всем остальным таким же предметам» [Шанский, 1964, с. 80].

⁴² Слово *самый* привлекает большое внимание исследователей, см.: [Шапиро, 1950; Тагамлицкая, 1969; Силантьева, 1970; Урысон, 1995].

В этом определении наиболее существенна последняя часть: «более, чем всем остальным таким же предметам». Она требует некоторых пояснений.

1. Стандартом сравнения суперлатива может быть только некоторое множество предметов или явлений. Так, если человека называют *лучшим врачом в городе*, значит в нем есть и другие врачи; ср.: *Помню, мать ходила к одному зубному врачу, он считался лучшим в Старой Руссе, — а потом ей пришлось искать другого: тот, лучший, уснул от угара, причем и жена его угорела насмерть* (В. Шефнер).

При этом элементы, составляющие это множество, не могут быть перечислены непосредственно в суперлативной конструкции: поэтому можно сказать *Петя выше Саши и Гриши*, но нельзя сказать *Петя самый высокий из Пети, Саши и Гриши*. Допускаются только прямые или косвенные указания на все то множество, с элементами которого сопоставляется объект сравнения; ср.: *Узкоколейка в Мецкерских лесах — самая неторопливая железная дорога в России* (К. Паустовский); *Это были самые красивые девочки нашей юности, похожие на барышень* (М. Роштин); *Это был самый живой писательский музей из всех мною посещенных* (А. Битов); *Он был самый маленький в нашем классе, а сидел на высокой парте* (В. Железников).

2. Объект сравнения в суперлативе выделяется из того же множества, которое составляет стандарт сравнения. Для компаратива это необязательно. В предложении с компаративом, начинающемся словами: *Этот дом выше, чем...*, позицию стандарта сравнения может занять обозначение любого предмета, обладающего вертикальным измерением, в соответствии с коммуникативным намерением говорящего. Между тем в аналогичном предложении с суперлативом: *Этот дом самый высокий...* составляющими стандарта могут быть только другие дома (на той же улице, в том же городе, в той же стране и т. п.). Таким образом, с точки зрения выбора точки отсчета для сравнения различие между компаративом и суперлативом состоит прежде всего в том, что для компаратива стандартом сравнения может служить и один предмет, и любая их совокупность, а для суперлатива — только множество однородных предметов.

3. Суперлатив может рассматриваться как некоторый особый случай компаратива. Можно заметить, что в основе приведенного выше толкования лежат компаративная конструкция *больше всех* (*больше всего*), которая для наречий и безличных предикативов (предикативных наречий) является основным средством выражения суперлативного значения. В конструкциях со словами *всех* и *всего* могут выступать и формы сравнительной степени прилагательных: *Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее* (А. Пушкин); *Папа, спрашивает, папа, ведь богатые всех сильнее на свете?* (Ф. Достоевский); *Но удивительнее всего в этих местах был воздух. В нем была полная и совершенная чистота* (К. Паустовский.); *Мучитель-*

нее всего были эти остановки и крики впереди (А. Толстой); *Радостно почувствовать под ногами не бледную пыль дороги, а синюю траву, примятую босыми ногами, распрямиться и вдруг понять, что вкусней всего — молоко с черным хлебом, нужней всего — самый крохотный угол на земле, пускай чужой, с этим помириться можно, сильней всего — женщина, молодая, молчаливая* (Ю. Тынянов).

Считается, что конструкции типа *больше всего* близки к аналитическим конструкциям, тогда как конструкции типа *больше всех* представляют собой свободное синтаксическое сочетание [Еськова, 1971; Сазонов, 1981]. Тем не менее компоненты обоих этих сочетаний способны к самостоятельному употреблению, а их семантическая мотивированность совершенно очевидна: *больше всего* значит ‘больше всего остального’, а *больше всех* — ‘больше всех остальных’. По смыслу первое из них ориентировано на стандарт сравнения, а второе — на объект сравнения.

4. Еще одно важное (но обычно не учитываемое) различие между компаративом и суперлативом связано с тем, что употребление суперлатива предполагает существование и единственность объекта сравнения. У компаратива таких ограничений нет. Объектов, превышающих данный стандарт, может и не оказаться: *Нет гор, красивее этих; Нет большего отдыха и наслаждения, чем идти по этим лесам, по незнакомым дорогам к какому-нибудь дальнему озеру* (К. Паустовский). В силу обратимости отношений между универсальными и отрицательными местоимениями (*все* и *никто*, *всё* и *ничто*, *всегда* и *никогда*) конструкции этого типа чаще всего используются в качестве еще одного дополнительного средства описательного выражения суперлативного значения с помощью компаратива; ср. равнозначность следующих двух предложений: *Нет более безнадежного места на свете = Это самое безнадежное место на свете* [подр. об этом см.: Воротников, 1999, с. 216–226].

Между тем во множестве, образующем стандарт сравнения суперлатива, обязательно найдутся объекты, обладающие наибольшей и наименьшей степенью признака. Среди предметов, обладающих признаком, служащим основанием для сравнения, может быть много таких, которые окажутся *больше* или *меньше* выбранного стандарта (например, *выше* или *ниже* данного дома), но *самый* *большой* из них и *самый* *маленький* — только один. Таким образом, суперлативное значение превосходной степени содержит презумпцию существования и единственности объекта, обладающего данной степенью признака.

В зависимости от характеристик объекта сравнения можно различать несколько разновидностей суперлативных употреблений превосходной степени:

1) чаще всего с помощью суперлатива характеризуется конкретный

индивидуализированный объект или конкретное множество объектов: *Когда грянули холода, красная комната, самая теплая в доме, стала и самой оживленной* (В. Шефнер); *Самыми распространенными эпитетами в разговорной речи служат слова «весьма» и «довольно-таки», смягчающие резкость любого утверждения или отрицания* (В. Овчинников);

2) объектом суперлатива может быть также открытый класс предметов или явлений (или его типичный, эталонный представитель), противопоставляемый как целое другим классам: *Кит — самое крупное животное; Пожары в высохших болотах — самое страшное, что можно испытать в этих краях* (К. Паустовский);

3) суперлатив может использоваться при обозначении узуальных или потенциальных ситуаций, в каждой реализации которых названный признак принимает максимальное либо минимальное значение из возможного диапазона: *Он любил рестораны, любил угощать, брать самое вкусное и дорогое* (М. Рошин); *Вообразите, что стало бы, например, с футболом, если бы по итогам каждого сезона из лиги не вылетали слабейшие* (Эксперт. 1999. 29 ноября); *Усвоил я и другую истину: если на тебя напали, нечего стесняться — надо бить с наибольшей силой и в самые болевые места* (В. Шефнер);

4) возможно употребление суперлатива и в другого рода обобщенных высказываниях, когда говорящий исходит из презумпции существования и единственности объекта с данными свойствами, но при этом не имеет в виду никакого конкретного носителя указанной степени признака: *Она утверждала, что зверь, даже самый сильный и крупный, все же во много раз слабее «двуногого с двустволкой», и потому, в большинстве случаев, убийство зверя — во все не акт доблести* (В. Шефнер); *Даже самый сильный человек в мире не в состоянии поднять больше двухсот килограммов*.

Абсолютное (элативное) употребление неодинаково характерно для различных форм превосходной степени.

Чаще всего в этом значении используются синтетические формы на *-ейший* / *-айший*: *В передней никого не было, кроме громадного черного кота, сидящего на стуле* (М. Булгаков); *Пришвин писал только о человеке, о его тончайших переживаниях при соприкосновении с природой* (В. Солоухин); *Вплоть до 1738 года писать о ходе дебатов в газетах считалось грубейшим посягательством на привилегии парламента* (В. Овчинников); *Портсигар был наполнен «индийской смесью» — махоркой, густо пересыпанной мельчайшими крупинками кайенского перца* (В. Богомолов).

Анализируя конструкции с суффиксальными формами превосходной степени типа *талантливейший из пианистов*, В. В. Виноградов отмечал, что в них предлог «из» является не только предлогом в отношении существительных, обозначающих превосходимые по качеству предметы и лица, но и послелогом для самой формы суперлатива» [Виноградов, 1947, с. 255–256]. На сходных основани-

ях Л. К. Шпак вообще выводит прилагательные типа *сильнейший* за пределы степеней сравнения: «прилагательные с суффиксами *-ейш-* (*-айш-*) нельзя считать синтетическими формами превосходной степени, так как они значение превосходной степени передают только в составе конструкций с уточнителями *из, из всех, в, на* и т. д.» [Шпак, 1977, с. 127]. Тот же вывод, но уже без аргументации, делает и В. А. Плотнокова в «Русской грамматике»: «Прилагательные с суф. *-ейш-*, *-айш-* (*глупейший, честнейший, глубочайший, жесточайший*), иногда называемые превосходной степенью, по своему значению большей степени проявления признака соотносительны с другими прилагательными с аналогичным значением типа *большущий, здоровенный, превеселый, наилегчайший, распрекрасный*. Они не выражают особого морфологического значения и представляют собой словообразовательные типы» [Русская грамматика, 1980, I, с. 547].

С этой точкой зрения, несмотря на ее широкую распространенность, нельзя согласиться.

С одной стороны, употребление такого рода эксплицитных указаний на стандарт сравнения, т. е. на множество, с представителями которого сопоставляется и из которого выделяется объект сравнения, далеко не всегда необходимо для суперлативного осмысления суффиксальных синтетических форм превосходной степени; ср.: *Но самые древние археологические памятники пока что обнаружены опять-таки на юге материка, в районе Кейлора, где был найден древнейший череп, возраст их 30 000 лет* (А. Кондратов); *Братья быстро выяснили, что пятый дом проходной, что через него идет кратчайший путь к школе, в которой им предстоит учиться* (В. Конецкий); *Там я разбиваю палатку. Но прежде всего я таскаю сено. Да, сознаюсь, я таскаю сено из ближайшего стога, но таскаю очень ловко* (К. Паустовский).

С другой стороны, формы положительной степени, в том числе и содержащие суффиксы субъективной оценки, не могут сочетаться с предложно-падежными конструкциями, которые обозначают стандарт сравнения при формах превосходной степени. Нельзя сказать вместо *талантливейший из пианистов* — ³*талантливый из пианистов*, а вместо *крупнейший в мире* — ³*крупный в мире*.

Реальная картина в общих чертах описана Ю. Д. Апресяном, разделившим качественные прилагательные в суффиксальной форме превосходной степени на три группы, которые он иллюстрирует следующими примерами:

1) формы, имеющие оба значения — и суперлативное, и элативное: *богатейший крестьянин села — богатейший человек; высочайший спортивный результат года — высочайшее напряжение сил; мельчайшая частица живого — до мельчайших деталей;*

2) формы, имеющие только суперлативное значение высшей степени признака: *главнейший момент всей работы, старейший депутат парламента;*

3) формы, имеющие только элативное значение очень высокой

степени признака: *живейший интерес, крепчайший мороз, малейший намек, строжайший запрет.*

Параметрические прилагательные (*высочайший, длиннейший*) тяготеют к первому классу, а прилагательные со значением этической, эстетической, гедонистической, утилитарной оценки (*вернейший, прекраснейший, вкуснейший, полезнейший*) — к третьему. В свою очередь, прилагательные в производных и переносных значениях (*сладчайшие речи*) тяготеют к третьему классу, а прилагательные в исходных и прямых значениях (*беднейший*) — к первому [Апресян, 1988, с. 48–49].

Аналитические формы со словом *самый* также могут выражать наряду с суперлативным и элативное значение: *Темы еженедельных дебатов могут быть самыми различными* (В. Овчинников); *Я велел Фомченко самым тщательным образом осмотреть хату внутри* (В. Богомолов); *У меня с первого же дня сложились отношения самые гнусные* (И. Грекова); *Было у нее одно-единственное платьице на все сезоны — носила его, подштопывая локти, пока совсем не истлело; тогда неохотно позволила Вере сшить себе другое, самое скромное (белый воротничок и то спорола)* (И. Грекова).

Сочетания же со словами *наиболее (наименее)* употребляются, по-видимому, только в суперлативном значении.

Как можно видеть из приведенных примеров, среди аналитических форм превосходной степени в элативном значении значительное место занимают прилагательные в оценочных и переносных значениях.

Суперлатив и элатив. По отношению к суперлативу элатив нередко рассматривается как выражающий меньшую степень интенсивности признака, как «ослабленная» превосходная степень [Ес-персен, 1958, с. 289–290]. Эта же мысль лежит в основе следующей формулировки, в соответствии с которой в элативном значении формы превосходной степени указывают «не на самую высокую, а лишь на очень высокую степень проявления признака» [Клобуков, 1996, с. 220].

Между тем, поскольку для суперлатива объем множества, из которого выделяется объект, обладающий минимальной или максимальной степенью качества, избирается говорящим, он сам по себе не обозначает какой-либо определенной меры признака: степень проявления признака, предельно возможная при данных условиях для данного конкретного множества, может быть различной. Поэтому «там, где можно выбрать лучшее, совсем не обязательно можно найти просто хорошее» [Арутюнова, 1988, с. 54]. Аналогичным образом *наибольшее* может оказаться меньше просто *большого*, а *самые талантливые люди* — *бездарными*; ср.: *Пожалуй, наибольшие шансы прийти к власти в своих странах есть у коммунистических партий России, Беларуси и Украины. Наибольшие — это не значит*

большие (Час пик. 1993. № 27); *Он вспомнил все сразу — и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумал, что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город* (А. Чехов).

Другим признаком элатива, отличающим его от суперлатива, считается его «безотносительность»⁴³. Если же исходить из того, что сравнение, но только имплицитное, выражается также и формами положительной степени (а значение очень высокой степени признака, передаваемое формами элатива, — это, по существу, модифицированное значение положительной степени), то значение элатива нельзя назвать «безотносительным». И выражение с положительной степенью типа *Он сильный лыжник*, и выражение типа *Он сильнейший лыжник* (с формой превосходной степени в элативном значении ‘очень сильный лыжник’) предполагают мысленное сопоставление с другими лыжниками. Поэтому и то и другое высказывание может использоваться в реальной ситуации только такой человек, который знает, с какой скоростью обычно бегают лыжники на соревнованиях. Посторонний человек, который впервые видит лыжников (и у которого, следовательно, не сформированы соответствующие стандарты сравнения), употребить их не может.

Фактически же основное отличие элатива от суперлатива состоит в отсутствии у него презумпции единственности носителя соответствующей степени признака: *умнейших* женщин может быть много, а *самая умная* среди них одна. Поэтому элатив может использоваться для выражения отношения характеристики (предикации в узком смысле): *Анна — умнейшая девушка*, а суперлатив в аналогичных условиях выражает отношение идентификации: *Анна — самая умная девушка в группе*. По этой же причине затруднено употребление элатива в ситуации выбора и в вопросительных предложениях. Ср. абсолютную естественность предложений типа *Он купил отличнейший костюм* (где объект уже индивидуализирован) при явной невозможности *Я хочу купить отличнейший костюм* (или *Покажи мне отличнейший костюм*; *Ты купил отличнейший костюм?* и т. п.). У суперлатива подобных ограничений нет. Равно возможны и *Я купил самый лучший костюм*, и *Я хочу купить самый лучший костюм*.

Особый вопрос — категориальная принадлежность элатива, который решается по-разному в зависимости от того, отдается ли приоритет формальным или семантическим признакам. По своему зна-

⁴³ Так, по мнению Н. Ю. Шведовой, оба эти значения указывают на «высшую степень качества», но в первом случае она обозначается «вне сопоставления с другими предметами» [Шведова, 1952, с. 150]. В настоящее время сходной точки зрения придерживается И. А. Мельчук, считающий, что в элативном значении форма превосходной степени употребляется «вне всякой связи со сравнением» [Мельчук, 1998, с. 123–124].

чению элатив, безусловно, подобен формам положительной степени с суффиксами субъективной оценки. На этом основании его нередко рассматривают как грамматический омоним суперлатива [Ревзин, 1963, с. 36; Еськова, 1964, с. 252; Шанский, 1964, с. 85; Буланин, 1976б, с. 173]. Согласно другому, не менее распространенному мнению элатив наряду с суперлативом включается в число значений форм превосходной степени [Виноградов, 1947, с. 251–255; Шведова, 1952, с. 148; Гвоздев, 1967, с. 237–238; Апресян, 1988, с. 49–52; Шелякин, 1989б, с. 93; Калашник, 1996, с. 145–160].

Вторая точка зрения представляется более обоснованной. Многозначность в грамматике — столь же широко распространенное явление, как лексическая многозначность. К тому же между суперлативным и элативным значениями существуют совершенно отчетливые смысловые связи. Элативное использование форм превосходной степени О. Есперсен объяснял «естественной склонностью к преувеличению» [Есперсен, 1958, с. 289]. В пользу этой точки зрения свидетельствует широкая распространенность «гиперболических» употреблений превосходной степени: *В душе его возродилось самое адское намерение, какое когда-нибудь питал человек* (Н. Гоголь); *Через два месяца я стал самым лучшим жокеем на свете. Какие я проводил сборы! Какие придумывал игры!* (М. Роштин).

В таких случаях формы превосходной степени, несмотря на присутствие эксплицитно выраженного стандарта сравнения, конечно, не предполагают буквального прочтения.

В «гиперболическом» («риторическом») суперлативе, как и в элативных употреблениях превосходной степени, на первый план выступает эмоционально-оценочный компонент. Так, в следующем примере, где суперлатив и элатив используются по отношению к одному и тому же носителю признака, суперлатив служит для объективной констатации факта, а последующий элатив — для выражения эмоционального отношения к героине: *В скотоводческой полуварварской Шотландии XVI века Мария Стюарт была самым культурным и образованным человеком*. <...> *Можно сказать, что она была одним из культурнейших людей европейского, а значит (в то время), и мирового масштаба. И вот эту образованнейшую (элатив), энергичную и талантливую женщину, поэтессу Елизавета четырнадцать лет держит фактически в заточении, в замке на острове среди озера* (В. Солоухин).

Другой линией связи между суперлативом и элативом служат конструкции типа *один из лучших*, в которых суперлативное значение ослабевает, поскольку в них отсутствует важная для суперлатива идея единственности объекта, обладающего данной степенью качества: *Все это в сочетании с широкими возможностями личных контактов с зарубежными государственными деятелями позволяет монарху быть одним из наиболее информированных лиц* (В. Овчинников); *Почему мне запомнился этот незначительный случай?*

Потому что это был **один из самых дурных поступков** в моей жизни (В. Каверин).

Наконец, если объект сравнения для суперлатива включает в себя данный класс предметов целиком или хотя бы достаточно широк (иначе говоря, представляет собой то, что в социологии называют «репрезентативной выборкой»), то выражаемая суперлативом мера признака будет уже заведомо превосходить его среднее значение («видовую норму»). Так, из утверждения, что *Байкал — самое глубокое озеро в мире*, следует справедливость вывода, что *Байкал — очень глубокое озеро, а самый высокий дом в Москве* наверняка является одновременно и *очень высоким домом*. Иначе говоря, в конструкциях с таким объектом сравнения суперлативное значение совмещено с элативным.

Иерархия форм превосходной степени. Из сказанного выше видно, что формы превосходной степени (как и формы сравнительной степени) функционально неравноправны. Однозначными показателями суперлативного значения среди них являются лишь аналитические конструкции с словами *наиболее* и *наименее*, но они употребляются относительно редко и имеют книжный характер. Префиксальные синтетические формы превосходной степени типа *наилучший* крайне малочисленны. Суффиксальные же формы превосходной степени типа *крупнейший, глубочайший* используются преимущественно в элативном значении.

Таким образом, основным способом выражения суперлативного значения в современном языке являются аналитические конструкции со словом *самый*, но в силу особенностей их строения они образуются только от прилагательных, причем не имеют кратких форм, а кроме того, суперлативное осмысление не является для них единственно возможным. Только в соотношениях типа *ценный — более (менее) ценный — наиболее (наименее) ценный* полностью сохраняются все отличительные особенности качественных прилагательных.

Синтаксис степеней сравнения. Очень важной чертой степеней сравнения является то, что каждая из них характеризуется специфическими, присущими только ей синтаксическими свойствами. Различия между ними касаются оформления стандарта сравнения.

При формах сравнительной степени стандарт сравнения обозначается существительными в род. падеже или словоформами, вводимыми союзом *чем*: *Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал* (В. Высоцкий); *Вообще девочки в тот день дразнили меня даже **настойчивее и ехиднее**, чем ребята* (В. Шефнер). В сочетании с формами превосходной степени (в собственно суперлативном значении) стандарт сравнения выражается различными предложно-падежными конструкциями, указывающими на класс предметов или явлений, к которому принадлежит и из которого выделяется объект сравнения: *Стрельцовы, Ямщиковы, Пушкиаревы,*

Затиницковы, Тиуновы, Иноземцевы — старейшие фамилии города, — рассказывал историк, вводя гостя в просторную комнату с двумя окнами — во двор и в огород (М. Горький); *В Кривоколенном, в этом **самом изломанном**, длиннейшем и нелепейшем переулке во всей Москве, помещалась редакция первого советского толстого журнала «Красная новь», основанного по совету самого Ленина* (В. Катаев); *Уколов я не боялся, потому что мне делали массу уколов от малярии, а это **самые противные** из всех существующих уколов* (Ф. Искандер). В свою очередь, положительная степень ни с теми, ни с другими конструкциями не сочетается.

Вследствие этого формы степеней сравнения представляют собой одно из редких исключений, когда форма управляющего слова влияет на форму зависимого: «данные формы слов управляют падежными формами существительного совершенно так же, как это свойственно словам; они имеют специфические сочетательные свойства, т. е. синтаксически ведут себя как слова» [Белашапкина, 1981, с. 389] В этом отношении конструкции с формами степеней сравнения подобны конструкциям действительного и страдательного залога (актива и пассива), для которых также характерно различие в синтаксическом оформлении производителя действия и его объекта, ср.: *Его разыскивает полиция* — актив, но: *Он разыскивается полицией* — пассив.

Наличие собственного набора синтаксических моделей управления нехарактерно для форм слова, однако если учесть, что важнейшим отличием словоизменительных показателей от словообразовательных (и от компонентов свободных сочетаний слов) является обязательность их употребления, то синтаксическая специфичность каждой из степеней сравнения может свидетельствовать и в пользу словоизменительного статуса этой категории. Как пишет Е. С. Кубрякова, словоизменительные морфемы «нельзя устранить из синтаксической конструкции без нарушения ее синтаксической правильности. Словообразовательные же морфемы факультативны, и потому если их изъятие и меняет смысл высказывания, то оно обычно не отражается на правильности его построения, ср. *фонар(ик) светит(ся); еж(онок) был (пре)хорош(енький); (про)играл (сверх)сложную партию* и т. п.» [Кубрякова, 1974, с. 160–161]⁴⁴.

Исходя из этих идей, можно заметить, что замена прилагательного *высокий* на *высоченный* или *очень высокий* влияет только на смысл высказывания, тогда как употребление одной степени сравнения вместо другой в конструкциях типа *самый высокий в Европе* или *выше Останкинской башни* делает высказывание грамматически неправильным. Поэтому никак нельзя согласиться с тем, что синтетические формы превосходной степени ничем не отличаются от форм

⁴⁴ Примечательно, что значительную часть среди приведенных ею примеров факультативных словообразовательных единиц составляют показатели субъективной оценки.

положительной степени с аффиксами субъективной оценки [Мило-славский, 1981, с. 119], а аналитические формы компаратива типа *более (менее) широкий* — от сочетаний положительной степени со словами *очень, слишком, весьма* [Ревзин, 1963, с. 38].

У степеней сравнения и залога есть еще одна общая черта. Пассивные конструкции подразделяются на трехчленные и двучленные в зависимости от того, имеют ли эти конструкции в своем составе обозначение производителя действия, ср.: *Проект одобрен комиссией* — трехчленная конструкция, но: *Проект одобрен* — двучленная конструкция. По аналогии целесообразно различать трехчленные компаративные и суперлативные конструкции, в которых стандарт сравнения обозначен тем или иным способом, как в приведенных выше примерах, и двучленные конструкции, в которых он только подразумевается: *Думаю, что если бы мы имели возможность поднять планку экзаменационных требований, то лишь 20 процентов студентов Оксфорда были бы выпускниками госшкол. И это не значит, что в этих школах дают плохое образование, просто в частных оно лучше* (Итоги. 2004. 21 сент.); *Он роздал всем по куску колбасы, причем Травкину дал самый большой кусок и налил ему из фляги целую кружку самогону* (Э. Казакевич); *Президенты двух стран встречаются, чтобы обсудить расширение НАТО. Этот процесс, ясное дело, неотвратим. Но Москва с полным основанием рассчитывает добиться от Запада, а точнее — от Соединенных Штатов наименее плохого для себя варианта* (Известия. 1997. 1 февр.).

§ 5. Центр и периферия прилагательного

У прилагательных как части речи отчетливо различаются центральные (прототипические) и периферийные подклассы.

Центр прилагательных, безусловно, составляют качественные прилагательные, а среди них, в свою очередь, — параметрические и оценочные прилагательные⁴⁵. Они обозначают непроцессуальный признак непосредственно, обладают наиболее полным набором морфологических и синтаксических признаков прилагательного как части речи и служат основой для синтаксической деривации адъективных значений в другие части речи: *грубый* > *грубо, грубость*. Вместе с тем их отграничение от других разрядов слов, также характеризующихся наличием словоизменения по роду (местоимений-прилагательных: *мой, этот, какой, другой*, порядковых

⁴⁵ По свидетельству Р. Диксона, если в языке вообще есть прилагательные, то в их число обязательно входят слова со значением размера и оценки [Dixon, 1977, p. 56]. Таким образом, формирование прилагательных как части речи начинается именно с этих разновидностей качественных прилагательных.

числительных: *второй, третий*, причастий: *читающий, читавший, прочитанный*), в целом не вызывает особых затруднений.

Относительные прилагательные (*морское дно, стальной трос, читальный зал* и т. п.) производны от слов других частей речи и не имеют никаких специфических примет (кроме адъективного склонения), отличаясь от качественных прилагательных негативно: отсутствием кратких форм, степеней сравнения и т. д. Очевидная функционально-грамматическая «ущербность» относительных прилагательных по сравнению с качественными как раз и указывает на то, что они, приобретя внешние приметы прилагательного, еще не стали прилагательными в полной мере. Приобретение относительными прилагательными качественных значений можно расценивать как их уподобление прототипическим прилагательным.

Если же обратиться к формальным разновидностям прилагательных, то центральную, наиболее специфичную из них составляют полные формы (*тяжелый, дорогой*), четко противопоставленные (и морфологически, и синтаксически) наречиям и безличным предикативам. К периферии же относятся краткие формы (*тяжел, дорог*) и синтетические формы компаратива (*тяжелее, дороже*), которые не употребляются в первичной для прилагательного атрибутивной позиции и частично (как краткие формы) или полностью (как компаратив) утратили словоизменение. Показательно, что именно для этих форм границы между неглагольными признаковыми словами (прилагательными и наречиями) оказываются в большей или меньшей степени размытыми. Проблематичным является и статус неизменяемых прилагательных типа *хаки*: *У входа в мастерскую стоит вьетнамец с автоматом Калашникова, на нем брюки хаки и черная рубашка, заставляющая вспомнить фильм «Охотник на оленей»* (В. Пелевин).

§ 6. Склонение прилагательных

Вступительные замечания. Поскольку краткие прилагательные не изменяются по падежам, к склонению относят только словоизменение полных прилагательных. Они изменяются по падежам и числам, а в единственном числе еще и по родам, поэтому парадигму их склонения составляют двадцать четыре формы: восемнадцать форм в единственном числе и шесть — во множественном. Склонение прилагательных характеризуется неподвижностью ударения, причем у подавляющего большинства прилагательных ударение падает на основу и лишь у небольшого числа — на окончание.

У прилагательных выделяют два основных типа склонения: 1) собственно адъективное склонение, по которому образуются падежно-числовые формы подавляющего большинства прилагательных, и 2) смешанное (притяжательное) склонение, отличительной особенностью которого является объединение в одной па-

радиуме флексий адъективного и субстантивного склонений. Кроме того, к особой словоизменительной разновидности относят н е и з м е н я е м ы е прилагательные.

Собственно адъективное склонение. По этому типу склоняются полные качественные и собственно относительные прилагательные, многие местоименные прилагательные (*какой, такой, другой*), почти все порядковые числительные (*первый, второй, сороковой* и т. п.), действительные и полные страдательные причастия настоящего и прошедшего времени (*перестраивающий, перестраивавший, перестраиваемый, перестроенный*), а также субстантивированные существительные (*участковый, операционная, снотворное, суточные*) с учетом их неизменяемости по родам.

Хотя, как говорилось выше, окончания полных прилагательных гораздо меньше различаются между собой, чем окончания существительных, они все же не вполне идентичны. В зависимости от ударности / безударности окончания и характера согласного основы, предшествующего флексии, выделяются несколько разновидностей адъективного склонения прилагательных, различающихся в произношении или написании: 1) прилагательные с основой на парно-твердый согласный (*молодой, новый*); 2) прилагательные с основой на парно-мягкий согласный (*синий*); 3) прилагательные с основой на шипящую (*большой, свежий*); 4) прилагательные с основой на заднеязычные согласные *к, г, х* (*сухой, дикий*) (табл. 6).

Таблица 6

Единственное число

Мужской род

Падеж	Флексия	Образец
Им.	-ой, -ый, -ий ^а /-ój/, /-ýj/, /-ij/	молод-ой /-ój/, нов-ый /-ýj/, син-ий /-ij/, больш-ой /-ój/, свеж-ий /-ýj/, сух-ой /-ój/, дик-ий /-ij/
Род.	-ого, -его ^б /-óva/, /-ava/, /-iva/, /-ýva/	молод-ого /-óva/, нов-ого /-ava/, син-его /-iva/, больш-ого /-óva/, свеж-его /-ýva/, сух-ого /-óva/, дик-ого /-ava/
Дат.	-ому, -ему /-ómu/, /-amu/, /-imu/, /-ýmu/	молод-ому /-ómu/, нов-ому /-amu/, син-ему /-imu/, больш-ому /-ómu/, свеж-ему /-ýmu/, сух-ому /-ómu/, дик-ому /-amu/
Вин.		как в им. или род. падежах ^в
Тв.	-ым, -им /-ým/, /-im/	молод-ым /-ým/, нов-ым /-ým/, син-им /-im/, больш-им /-ým/, свеж-им /-ým/, сух-им /-ím/, дик-им /-im/
Предл.	-ом, -ем /-óm/, /-am/, /-im/, /-ým/	молод-ом /-óm/, нов-ом /-am/, син-ем /-im/, больш-ом /-óm/, свеж-ем /-ým/, сух-ом /-óm/, дик-ом /-am/

Средний род

Падеж	Флексия	Образец
Им.	-ое, -ее /-ói/, /-ai/, /-ii/, /-ýi/ ^г	молод-ое /-ói/, нов-ое /-ai/, син-ее /-ii/, больш-ое /-ói/, свеж-ее /-ýi/, сух-ое /-ói/, дик-ое /-ai/
Род., дат.		как в м. роде
Вин.		как в им. падеже
Тв., предл.		как в м. роде

Женский род

Падеж	Флексия	Образец
Им.	-ая, -ья /-ai/, /-ii/	молод-ая /-ái/, нов-ая /-ai/, син-ья /-ii/, больш-ая /-ái/, свеж-ая /-ai/, сух-ая /-ái/, дик-ая /-ai/
Род., дат., тв. ^д , предл.	-ой, -ей /-ój/, /-aj/, /-ij/, /-ýj/	молод-ой /-ój/, нов-ой /-aj/, син-ей /-ij/, больш-ой /-ój/, свеж-ей /-ýj/, сух-ой /-ój/, дик-ой /-aj/
Вин.	-ую, -юю /-uju/	молод-ую /-úju/, нов-ую /-uju/, син-юю /-uju/, больш-ую /-úju/, свеж-ую /-uju/, сух-ую /-úju/, дик-ую /-uju/

Множественное число

Падеж	Флексия	Образец
Им.	-ые, -ие /-ýi/, /-ii/	молод-ые /-ýi/, нов-ые /-ýi/, син-ие /-ii/, больш-ие /-ýi/, свеж-ие /-ýi/, сух-ие /-ii/, дик-ие /-ii/
Род., предл.	-ых, -их /-ýx/, /-ix/	молод-ых /-ýx/, нов-ых /-ýx/, син-их /-ix/, больш-их /-ýx/, свеж-их /-ýx/, сух-их /-ix/, дик-их /-ix/
Дат.	-ым, -им /-ým/, /-im/	молод-ым /-ým/, нов-ым /-ým/, син-им /-im/, больш-им /-ým/, свеж-им /-ým/, сух-им /-ím/, дик-им /-im/
Вин.		как в им. или род. падежах
Тв.	-ыми, -ими /-ými/, /-imi/	молод-ыми /-ými/, нов-ыми /-ými/, син-ими /-imi/, больш-ими /-ými/, свеж-ими /-ými/, сух-ими /-ími/, дик-ими /-imi/

^а Под ударением пишется *-ой*; без ударения — *-ый, -ий*. Как отметил А. Н. Гвоздев, написание *-ый* в безударных окончаниях прилагательных типа *новый* в сочетании с написанием *-ой* в ударных окончаниях прилагательных типа *молодой* представляет собой отступление от морфологического принципа

правописания, характерного для русской орфографии, так как «здесь имеется обычное произношение редуцированного на месте ударного *о* в заударном положении» [Гвоздев, 1967: 240]. Первым в таблицах приводится ударное окончание, затем — безударные.

⁶ Буква *-з-* в этом окончании произносится как звук /*з*/.

⁸ В зависимости от одушевленности/неодушевленности существительного: *вижу старый дом*, но: *встретил старого друга*; то же во множественном числе: *вижу старые дома*, но: *встретил старых друзей*.

⁷ Приведенная транскрипция отражает не йт р а л ь н ы й стиль, при котором интервокальный йот может поглощаться соседними гласными, а кроме того и к а ю щ е е произношение безударного гласного переднего ряда, которое считается современной произносительной нормой [Вербицкая, 1976: 53; Панов, 1979: 153–160].

⁸ У форм тв. падежа в поэтической речи встречается и вариант *-ою, -ею*; ср. в стихотворении М. Лермонтова «Родина»: *Люблю отчизну я, но странною любовью!* Аналогичная вариативность характерна и для окончаний тв. падежа существительных на *-а (-я)*: *под лун-ой* и *под лун-ою*.

Как видно из приведенных в табл. 6 примеров, в графической форме прилагательные м. и ср. рода, также мн. числа имеют особые флексии во всех падежах, кроме винительного, флексии которого омонимичны формам либо им., либо род. падежа. У прилагательных с ударной основой на мягкий или непарный твердый шипящий совпадают по звучанию формы тв. и предл. падежей: ср. тв. падеж *син-им* /*s'ín'-ím*/, *свеж-им* /*sv'ěž-ým*/ и предл. падеж *син-ем* /*s'ín'-ím*/, *свеж-ем* /*sv'ěž-ým*/.

В жен. роде только вин. падеж имеет особое окончание, тогда как флексии всех косвенных падежей совпадают.

Смешанное (притяжательное) склонение. К этой разновидности относятся прилагательные, в склонении которых сочетаются собственно адъективные окончания полных прилагательных и окончания, характерные для существительных. Поскольку последние были свойственны также и кратким прилагательным (пока они не утратили изменяемость по падежам), А. Н. Гвоздев называет такие окончания к р а т к и м и [Гвоздев, 1967, с. 243–245].

Этот тип склонения, представленный в притяжательных прилагательных в свою очередь можно подразделить на три подтипа (формально-грамматических разряда), соответствующих морфологической структуре прилагательного. Их общей чертой является совпадение окончаний именительного и (неодушевленного) винительного падежей с окончаниями этих падежей у существительных I и II склонений.

1. В притяжательных прилагательных с суффиксом *-ов* (фонетически /-ov/ или /-of/) типа *отцов* краткими (субстантивными) являются окончания им. и (неодушевленного) вин. падежей, а у прилагательных м. и ср. родов помимо этого еще и окончания род. и дат. падежей; остальные окончания у прилагательных на *-ов* - собственно адъективные (п о л н ы е) (табл. 7).

Склонение притяжательных прилагательных с суффиксом *-ов*

Падеж	Мужской и средний род	Женский род	Множественное число
Им.	<i>отцов</i> /асс-óf-ø/ (дом), <i>отцово</i> /асс-óv-a/ (лицо)	<i>отцова</i> /асс-óv-a/ (рука)	<i>отцовы</i> /асс-óv-ы/ (шаги)
Род.	<i>отцова</i> /асс-óv-a/ (дома, лица)	<i>отцовой</i> /асс-óv-aj/ (руки)	<i>отцовых</i> /асс-óv-ых/ (шагов)
Дат.	<i>отцову</i> /асс-óv-u/ (дому, лицу)	<i>отцовой</i> /асс-óv-aj/ (руке)	<i>отцовым</i> /асс-óv-ым/ (шагам)
Вин.	как им. или род. падеж	<i>отцову</i> /асс-óv-u/ (руку)	как им. или род. падеж
Тв.	<i>отцовым</i> /асс-óv-ым/ (домом, лицом)	<i>отцовой</i> /асс-óv-aj/ (рукой)	<i>отцовыми</i> /асс-óv-ыми/ (шагами)
Предл.	<i>отцовом</i> /асс-óv-am/ (дом-е, лиц-е)	<i>отцовой</i> /асс-óv-aj/ (руке)	<i>отцовых</i> /асс-óv-ых/ (шагах)

Русские фамилии на *-ов* (/ov/) в ж. роде и во мн. числе имеют те же окончания, что и аналогичные притяжательные прилагательные. Что же касается фамилий на *-ов* (фонетически /-ov/ / /of-/) м. рода, то они в предл. падеже имеют не адъективное, а субстантивное окончание, ср. *рассказать о Никола-е Ростов-е*, но: *рассказать о Наташ-е Ростов-ой* (о Ростов-ых)⁴⁶.

2. Притяжательные прилагательные с суффиксом /-j-/ типа *лисий* имеют краткие (субстантивные) окончания только в им. и совпадающим с ним (при неодушевленных существительных) вин. падежах: *лис-ий* /l'ís'j-'/ (нулевое окончание), *лись-я* /l'ís'j-i'/, *лись-е* /l'ís'j-i'/, *лись-и* /l'ís'j-i'/.

Остальные их окончания в графической форме не отличаются от собственно адъективных, ср.: *лись-его, лись-ему, лись-им, лись-ем* и т. п.⁴⁷ Следует отметить, что, согласно наблюдениям Р. И. Аванесова, /j/ в падежных формах этих прилагательных сохра-

⁴⁶ При этом географические названия на *-ов* лишены этой особенности, полностью уподобившись в склонении существительным, ср. *восхищаюсь Ростов-ым* (человеком), но: *восхищаюсь Ростов-ом* (городом).

⁴⁷ По этому же образцу изменяются порядковое числительное *третий* и местоименные притяжательные прилагательные *мой, твой, свой, чей, ничей*. На этом основании в Русской грамматике-80 (где все эти слова трактуются как прилагательные) данный тип склонения назван м е с т о и м е н н ы м [Русская грамматика, 1980, I: 551–555]. Это название представляется неудачным, поскольку в исторической грамматике русского языка «местоименным» называют склонение полных прилагательных, что соответствует их происхождению из сочетаний кратких форм с указательным местоимением [см., напр.: Хабургаев, 1990, с. 195–207].

няется «только в очень старательном произношении» [Аванесов, 1971, с. 23]. Употребление этих прилагательных с йотом и без йота считается вариантами современной произносительной нормы, распространённость форм типа /l'ís'-iva/ (*лисьего*), /l'ís'-imɨ/ (*лисьему*) сближает склонение притяжательных прилагательных со стандартным адъективным склонением (т. е. склонением прилагательных типа типа *синий* или *осенний*).

3. Промежуточное положение занимают притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин* (/in-/) типа *бабушкин*. Первоначально они склонялись так же, как и притяжательные прилагательные с суффиксом *-ов*, т. е. имели в формах род. и дат. падежей м. и ср. родов краткие окончания: *Хорошо также дойти до бабушкина бога, до её богородицы и сказать им всю правду о том, как плохо живут люди, как нехорошо, обидно хоронят они друг друга в дрянном песке* (М. Горький); *В церкви я не молился, — было неловко пред богом бабушки повторять сердитые дедовы молитвы и плачевные псалмы; я был уверен, что бабушкину богу это не может нравиться* (М. Горький). В настоящее же время в этих формах используются преимущественно собственно адъективные (полные) окончания: *В метро Алечка заснула, прикорнув тёплой головкой к бабушкиному плечу* (В. Токарева); *А Сапожников развел в конце огорода одну штуку клубники, и она у него росла, эта клубничина, втайне от всех — сюрприз для бабушкиного дня рождения* (М. Анчаров).

Таким образом, в современном языке притяжательные прилагательные на *-ин*, как и притяжательные прилагательные на *-ий*, стали в минимальной степени отличаться в склонении от полных прилагательных.

Неизменяемые прилагательные. К прилагательным относят также неизменяемые слова — как правило, иноязычного происхождения, — способные обозначать признак предмета и выступать в роли определения к существительному: *цвет беж, электрик, маренго, бордо, хаки; вес нетто, брутто; стиль ампир, рококо, барокко, модерн; язык суахили, хинди, банту, эсперанто; юбка плиссе; брюки клеш* и т. п. На их существование обратил внимание Г. О. Винокур, выделявший в составе каждой из основных знаменательных частей, в том числе и в прилагательных, «неразложимые» слова [Винокур, 1959, с. 414–416]⁴⁸.

Многие из них могут употребляться и как существительные: *изучать суахили, говорить на хинди; Форма какая-то странная, прямо-таки иностранный военный в мягком хаки!* (В. Конецкий); *И этот ампир, и ограда, и чистые окна, за которыми покой, и безупречные английские дорожки — уж не обман ли все это?* (Б. Окуджава). От некоторых из них образуются синонимичные склоняемые относительные прилагательные: *бежевый, ампирный, эсперантский*.

Помимо неизменяемости эти слова отличаются от обычных прилагательных тем, что употребляются преимущественно постпозитивно по отношению к определяемому существительному.

В настоящее время более употребительны конструкции с препозитивными определительными компонентами типа *бизнес-план, бизнес-клуб, пиар-акция, пиар-агентство, пиар-компания, интернет-торговля, интернет-культура, интернет-сайт, интернет-кафе* и т. п., в которых «синтаксическое место суффиксального относительного прилагательного занимают компоненты, совпадающие с существительным» [Лопатин, Улуханов, 2005, с. 461]. Там же дается следующая обобщающая характеристика подобных неизменяемых слов с адъективной семантикой: они «носят по своей грамматической природе переходный, диффузный характер: в них стираются грани между разными частями речи (существительным, прилагательным, а иногда и наречием), между самостоятельными словами и частями слов». Первый элемент в них может сохранять иноязычное написание: *VIP-сувенир, VIP-отдых, VIP-зал, VIP-такси*, — наряду с русифицированными вариантами: *vip-отдых, vip-зал* и т. п.

Такие конструкции близки к сложным словам, первыми компонентами которых служат основы неизменяемых существительных, повторяющиеся во многих словах: *радио- (радиопередача, радиобрелок), теле- (телерепортаж, телеканал), видео- (видеозапись, видеофильм)* и т. п. Однако, как показывают приведенные выше примеры, сейчас в рассматриваемых конструкциях широко используются и склоняемые существительные типа *бизнес* [Костомаров, 1996, с. 212–217].

⁴⁸ Детальнее всего эти слова описаны в работе: [Панов, 1971, с. 240–253].

§1. Местоимение как часть речи

Местоимения — группа слов, с античных времен выделяемая в европейской традиции в качестве части речи. Русский термин *местоимение* является калькой греко-латинских грамматических терминов *ἀντωνυμία*, *pronomen*, обозначающих слова — «заменители имен»¹.

Долгое время заместительная функция рассматривалась в качестве основного признака местоимений как части речи. В настоящее время далеко не у всех местоимений усматривается данное функциональное свойство [Падучева, 1985, с. 133–134]²; в частности, это касается важнейших в местоименной системе лексем *я*, *ты*, *мы*, *вы* (собственно личных местоимений).

В русской грамматической школе от толкования местоимений в целом как слов-заменителей (заместителей) отказываются в XIX в., акцент в их интерпретации переносится на семантику. Согласно устоявшейся квалификации местоимения — слова, которые не называют предметы, признаки, качества количества, а «указывают» на них (об этом см. ниже, § 2). В лингвистической литературе местоименные слова именуются дейктическими (от греч. *δείξις* — указание).

С семантическим своеобразием местоимений связана и их заместительная функция³: *Барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот* (Кирилла Петрович) *подал в суд...* (А. Пушкин); *Со всеми остальными в доме он был на короткой ноге, что* (отсылка ко всему предшествующему предложению. — Авт.) *не совсем нравилось хозяйке...* (И. Тургенев).

В узкоморфологическом отношении местоименные слова русского языка разнородны. Во-первых, они распадаются на два класса: изменяемые (типа *я*, *кто*, *какой*, *чей*, *весь*) и неизменяемые (*здесь*, *сейчас*, *почему*, *зачем*, *когда*, *где*). И хотя, во-вторых, по традиции к местоимениям как части речи относят только изменяемые слова, это ограничение состава местоимений не дает в результате морфологически однородного класса: по морфологическим особенностям из-

меняемые местоимения разбиваются на несколько групп. Так, часть местоимений характеризуется только словоизменительной категорией падежа (*сколько*), другие — словоизменительной категорией падежа, классификационными категориями рода и одушевленности — неодушевленности (*кто*, *что*), третьи — словоизменительными категориями рода, числа, падежа (*какой*, *всякий*) и т. п.

Местоименные слова существенно различаются между собой и в синтаксическом плане (ср.: *я*, *что* — *какой*, *чей* — *столько*, *несколько* — *где*, *когда*). Сходство синтаксических функций с функциями трех основных частей речи и числительного⁴, а также подобие морфологическое положено в основу известного деления местоименных слов на четыре класса: местоимения-существительные, -прилагательные, -числительные, -наречия.

В зависимости от взглядов на природу частеречной классификации и специфику местоименных слов по-разному решается вопрос о выделенности местоимений как части речи⁵ и о месте ее в общечастеречной системе.

Лингвисты формально-грамматического направления полагают, что признаки местоименных слов не позволяют рассматривать последние в качестве особой части речи, и местоименные слова оказываются полностью втянутыми в орбиты таких частей речи, как существительное, прилагательное, числительное, наречие (см. работы Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона, В. Н. Сидорова, М. В. Панова, И. Г. Милославского; ср.: «В пределах каждой части речи есть уголок местоименных слов» [Панов, 1960, с. 14]). В том случае если у каких-то разрядов местоименных слов усматриваются отличающие их от слов других частей речи грамматические особенности, то этим разрядам и приписывается статус отдельных частей речи (см., напр., «местоимение-существительное» в кн.: [Грамматика, 1970] и [Русская грамматика, 1980, I]). Если акцент ставится на специфике лексического значения («указательность»), то местоименные слова в полном объеме, т. е. изменяемые и неизменяемые, рассматриваются как отдельная часть речи [Бабайцева, Чеснокова, 1994, с. 132].

Чаще, однако, все наречные слова разбиваются на два класса, один из которых — изменяемые — интерпретируется в качестве части речи, а другой — неизменяемые — «погружается» в наречия⁶.

⁴ Естественно, о сходстве с числительным можно говорить только в том случае, если числительное выделяется в качестве части речи.

⁵ Ср. весьма категорическое суждение О. П. Суника: «Имена числительные, так же как и местоимения, вообще ни в одном языке, как это давно уже известно, не представляют отдельных частей речи...» [Суник, 1966, с. 111] и «Большинство языковедов определяют местоимение как отдельную часть речи» [Майтинская, 1969, с. 30]).

⁶ М. В. Ломоносов в «Русской грамматике» относит к местоимениям лишь 19, причем только изменяемых, слов: *я*, *ты*, *он*, *себя*, *сам*, *кто*, *что*, *тот*, *сей*, *мой*, *твой*, *свой*, *которой*, *кой*, *чей*, *наш*, *ваш*, *оный*, *иной* [Ломоносов, 1952, с. 540]. А. А. Барсов

¹ «Местоимение полагается вместо имени» [Ломоносов, 1952, с. 406].

² «Demonstrare nesesse est, stare pro nominibus non est nesesse (указывать необходимо, замещать имена не необходимо)» [Бюлер, 1993, с. 111].

³ «...Разновидностью указательной функции является функция заместительная» [Русская грамматика, 1980, I, с. 531].

Критерии, применяемые к двум классам местоименных слов, разные. Применительно к первому классу это семантический критерий, ко второму — морфологический. А. А. Шахматов в основу выделения местоименных слов кладет единое основание, но, сохраняя традиционное дробление их на два класса, представляет местоименные слова как две части речи — местоимение и местоименное наречие [Шахматов, 1941а, с. 166; 1941б, с. 422–423].

Неоднозначно решается и вопрос о статусе местоименных слов в системе частей речи.

В учебной литературе, особенно школьного типа, наречия рассматриваются как самостоятельная часть речи, находящаяся на одном уровне с другими самостоятельными частями речи. В Русской грамматике 1980 местоимение хотя также отнесено к самостоятельным частям речи, однако уже не наравне с существительным, прилагательным и наречием: наряду с числительным местоимение («местоимение-существительное») интерпретируется как «неосновная» часть речи. Главным аргументом в пользу такого решения является лексическая замкнутость, непополняемость данных частей речи [Русская грамматика, 1980, I, с. 458].

Заслуживает внимания позиция Ф. И. Буслаева, относившего местоименные слова к служебным частям речи [Буслаев, 1959, с. 116, 287, 317–321]. Функция служебных слов, по Ф. И. Буслаеву, — выражение грамматических значений (см. ниже о «формальности» значения местоименных слов). В этом отношении служебные слова уподобляются «окончаниям знаменательных частей речи». Немногочисленность — также проявление служебности местоимений: «Глаголов, существительных и прилагательных имен и наречий знаменательных в языке бесчисленное множество. Потому что предмет речи может быть до бесконечности разнообразен. Что же касается до служебных частей, то число их весьма ограничено, потому что способы сочетания мыслей и отношения лица говорящего к слушающему и к предмету речи подводятся в языке к немногим простейшим законам... Слова знаменательные исчисляются в словаре, служебные, ограниченные числом, — в грамматике» [Там же, с. 288].

В соответствии с Русской грамматикой 1980, союзные слова (относительные местоимения и относительные местоименные наречия) совмещают в себе признаки самостоятельных (знаменательных) и служебных частей речи. Вместе с союзами относительные слова описываются в разделе, озаглавленном «Союзы и союзные слова» [Русская грамматика, 1980, I, с. 713–722].

(1730–1791) в своей «Российской грамматике» к местоимениям относит уже 65 слов, но опять-таки только изменяемых («Местоимение есть часть речи изменяемая...» [Барсов, 1981, с. 526]). Ср.: «В индоевропейстике вообще издавна распространено мнение, что прежде всего склоняемостью отличаются местоимения от разного рода указательных частиц и наречий» [Майтинская, 1969, с. 31].

М. И. Стеблин-Каменский местоименным словам приписывает особое место, противопоставляя их знаменательным и служебным частям речи [Стеблин-Каменский, 1957, с. 82–83; 1974, с. 30–31].

По сути дела, многообразие точек зрения на положение местоименных слов в частеречной системе объясняется свойствами данных слов; конкретная позиция автора обусловлена акцентированием одних свойств в противовес другим.

Независимо от того, выделяются ли местоимения в качестве части речи, и от того, какое место отводится им в системе частей речи, местоименные слова обычно трактуются как особый семантический разряд лексики, противопоставляемый всему корпусу знаменательной лексики языка. Например, по мнению К. Бюлера, в языке имеются два основных семантических поля — символическое, представленное назывными словами, и указательное, главенствующее место среди средств выражения которого занимают местоименные слова [Бюлер, 1993, с. 75–76]. Для формирования семантики предложения средства указательного поля не менее важны, чем средства символического поля. Язык как язык естественный невозможен без наличия одновременно средств того и другого поля. Несмотря на количественную немногочисленность (см. об этом ниже), местоименные слова формируют одну из главнейших лексико-семантических подсистем языка.

Согласно современным представлениям местоименные слова относятся к одной из трех важнейших сфер («измерений») языка (и в значительной мере ее формируют) — сфере прагматики («дейктики»). Две другие языковые сферы — семантика и синтактика. «Семантика имеет дело с отношениями знаков к тому, что знаки обозначают, к объектам действительности и понятиям о них. Синтактика — с отношениями знаков друг к другу. Прагматика (дектика) — с отношениями знаков к человеку, который пользуется языком. В своем реальном бытии язык равномерно развертывается в этих трех измерениях» [Степанов 1998, с. 175].

§ 2. Семантика местоименных слов

Семантика местоименных слов — сложная проблем семиологии.

Наличествуют две тенденции в интерпретации местоименной семантики: менее распространенная и более распространенная.

Менее распространенным является подход, согласно которому местоименные слова толкуются как разнородные и в грамматическом аспекте (морфологически и синтаксически), и в лексическом. Подобного подхода придерживался, к примеру, В. В. Виноградов: «Местоимения как особый тип слов в современном русском языке лишены не только грамматического, но и лексико-семантического

единства» [Виноградов, 1972, с. 252]. При таком подходе у местоименных слов не усматривается интегрирующего семантического признака и они описываются как перечень значений, свойственных отдельным их разрядам.

Более распространенным является представление местоименных слов в качестве единого лексико-семантического класса. На первое место среди «объединительных» версий местоименной семантики следует поставить версию «указательную». Она характерна для работ, посвященных общечастеречному устройству языка, и особенно для работ учебного типа.

В подавляющем большинстве случаев интерпретация местоименной семантики сводится к предельно лаконичной констатации: местоименные слова не называют предметы, признаки и количества, а указывают на них. Подобный способ трактовки обусловлен, по-видимому, представлениями о том, что понятие указательности есть нечто очевидное. То, что в интерпретации местоименных слов как указательных слов заложено определенное противоречие, отражается хотя бы тем фактом, что наряду с другими местоименными разрядами (личные, возвратные и т. п.) традиционно выделяется такой разряд, как указательные местоимения (а также указательные местоименные наречия). Иногда специфику указательности иллюстрируют примерами следующего типа: местоимение *я* (*этот, кто* и т. д.) не закреплено за каким-то отдельным человеком, может быть столько *я*, сколько говорящих по-русски; следовательно, установить конкретную принадлежность *я*, отгаливаясь только от самого этого слова, нельзя; значит, *я* не называет (обозначает) человека (конкретного человека), а указывает на него. Нисколько не отрицая действительности местоимения *я*, отметим, однако, что подобное иллюстрирование указательности как интегрального признака местоименных слов не является корректным. С таким же успехом можно утверждать, что и неместоименное слово, к примеру *дом*, не имеет фиксированной прикрепленности к одному конкретному предмету и нужны какие-то дополнительные средства, чтобы эту прикрепленность зафиксировать.

Из сказанного ясно, что понятие указательности вовсе не так прозрачно, как это может представляться с первого взгляда, и, безусловно, требует экспликации.

Так, К. Бюлер толкует указание (указательность местоименных слов) как выраженный звуком жест, или, точнее, аналог жеста, и прежде всего аналог жеста рукой. Назначение жеста состоит в обозначении каких-то очевидных вещей, в частности, связанных с ориентацией человека в пространстве и времени (пространственно-временном континууме)⁷. Языковым пространством, в котором

⁷ «Указание рукой или пальцем — это способ идентификации посредством телесного жеста, который может иметь естественное, биологическое происхождение и институционализован в этой функции во многих культурах» [Лайонз, 2003, с. 320].

оперируют со знаками-указателями, является пространство речи, или же, другими словами, пространство непосредственно воспринимаемой ситуации речи [Бюлер, 1993, с. 81]. «Дейктические слова... необходимо предполагают наличие объекта в поле чувственного восприятия, в той наглядной ситуации, которая дана в момент речи» [Кацнельсон, 1972, с. 172]. Не все местоименные слова можно трактовать в качестве «речевых жестов»: «С семантической точки зрения местоимения, местоименные слова отчасти должны быть включены в группу “указательных слов” с меняющимся применением...» [Виноградов, 1972, с. 259]. В настоящее время выделяют четыре типа дейксиса: ролевой дейксис — указание на участников (роли участников) речевого акта (*я, ты, мой, твой* и т. п.); указание на предмет речи (местоимения 3-го лица); указание на степень отдаленности объекта высказывания (*этот, тот, частицы вот, вон* и т. п.); указание на пространственную и временную локализацию сообщаемого факта (*здесь, сейчас* и т. п.) [Лингвистический словарь, 1990, с. 128; Бюлер, 1993, с. 77–85]⁸.

Таким образом, более или менее конкретная интерпретация понятия указания, дейксиса, например в духе Бюлера, не позволяет все местоименные слова рассматривать как обладающие признаком указательности (дейктичности) и в этом качестве местоименные слова в целом противопоставлять словам назывным, или пойнотетическим (от греч. *ποινότης* — качественная определенность). Именованье местоименные слова указательными (дейктическими) можно чисто условно, только в силу привычности такого их именованья.

В суждениях о семантике местоименных слов значительное место занимает момент, связанный с их ситуативностью (их отнесенностью к ситуации речи). Выдвижение этого момента характерно для толкования данного типа слов как слов ситуативной природы: «Определение... указательных слов вообще через дейксис, как это обычно делают, не вносит ничего существенного, если не добавить, что дейксис совпадает во времени с моментом речи, содержащим указатель лица, эта отнесенность к моменту речи придает указательному слову каждый раз единственный и неповторимый характер, заключающийся в единственности речевого акта, с которым указательное слово имеет референцию» [Бенвенист, 1974, с. 287; см. также: Кацнельсон, 1972, с. 146]. Иными словами, указательность можно, по-видимому, рассматривать как одно из важнейших, но вместе с тем частных проявлений ситуативности, а не наоборот. «Употребление

⁸ Разграничивают также «первичный» и «вторичный» дейксис. «Различаются два режима интерпретации эгоцентрических элементов — речевой, когда роль говорящего выполняет реальный говорящий, и нарративный (повествовательный. — *Авт.*), когда текст интерпретируется в неканонической коммуникативной ситуации и полноценный говорящий отсутствует (и в пределах нарративного режима — две стратегии при выборе заместителя говорящего: заместитель-персонаж и заместитель-повествователь)» [Падучева, 1996, с. 265].

таких слов, следовательно, обусловлено только ситуацией речи и ничем другим» [Бенвенист, 1974, с. 288].

Именно ситуативной природой объясняется и лексическая неполноценность местоименных слов. «Описательный элемент в них очень беден и редуцирован до минимума... Неситуативное содержание... сводится к некоторым тощим и абстрактным определениям. Что значит *это* само по себе? Все, что угодно, любое событие, любой предмет, любой признак. Только в конкретной речевой ситуации, иногда с помощью указательного жеста, *это* лишается неопределенности и обозначает конкретный объект» [Кацнельсон, 1972, с. 146]⁹. Имея в виду незначительный характер значений местоименных слов, Ф. И. Буслаев говорил об этих значениях как значениях отвлеченных [Буслаев, 1959, с. 288; см. также: Потехина, 1958, с. 36]. Назывные слова — это слова пойкиотетические, воспроизводящие в своем значении «качественную определенность» внеязыковых объектов независимо от речевой ситуации. Местоименные же лексемы не являются пойкиотетическими, они ситуативны [Кацнельсон, 1972, с. 145–146].

С ситуативной теорией местоименного значения теснейшим образом связана теория референциальной¹⁰ природы местоименных слов. Предмет теории референции — механизмы и средства соотношения высказывания и его частей с действительностью [Падучева, 1985, с. 7]. Высказывание невозможно вне речевой ситуации, и референция высказывания осуществляется только в ситуации речи.

Существительное *дом* обозначает любой экземпляр предмета, характеризующегося соответствующими признаками, т. е. любой дом. Однако в ситуации речи, в высказывании словосочетание *этот дом* соотносено с конкретным предметом внеязыковой действительности, причем эта конкретная, данная соотносительность действительна только применительно к данной же, конкретной речевой ситуации, реализующейся *сейчас и здесь* (т. е. во время и в месте осуществления речевой ситуации)¹¹. Местоимение *что* во фразе *Что случилось?* соотносено с каким-то конкретным событием реальной действительности также в рамках конкретной речевой ситуации; в другой речевой ситуации оно соотносится уже с другим конкретным событием. Несколько упрощая реальное положение дел, можно ска-

⁹ Ср.: «Они (местоименные слова. — *Авт.*) обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которое делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы “беспредметным”» [Виноградов, 1972, с. 260]. (Напомним, однако, что В. В. Виноградов настаивает на лексико-семантической разнородности местоименных слов.)

¹⁰ От англ. to refer — отсылать, относиться, соотносить.

¹¹ Ю. С. Степанов указывает на чрезвычайную сложность онтологической квалификации означаемого местоименных слов *сейчас* и *здесь*, справедливо при этом отмечая, «что определить “место, где я говорю”... — задача еще более трудная, чем определить момент речи (т. е. то, что обозначается с помощью слова *сейчас*. — *Авт.*)» [Степанов, 1998, с. 381–382].

зать, что местоимения *этот* и *что* имеют в высказывании двойную значимость, соотносясь, во-первых, с чем-то в реальной действительности, с чем-то во внеязыковых событиях и, во-вторых, с чем-то в языковом событии — событии реализации речевой ситуации, событии речи.

Этим чем-то языкового события является в первую очередь его центральная роль, говорящий, *я*. *Я* — это тот узел, в котором связываются в единую конструкцию все нити организации ситуации речи. Выбор референтной группы *этот дом* или *тот дом* предопределяется говорящим. Противопоставление *этот* — *тот* описывают обычно следующим образом: ближайший — отдаленный по отношению к говорящему (*я*) предмет¹² (детальнее о соотношении *этот* — *тот* см. ниже, § 3). Фраза *Что случилось?* имплицитно содержит отнесенность ее содержания к говорящему: ‘Я не знаю, что случилось (конкретно), но я знаю, что случилось нечто (конкретное), интересующее меня (я хочу знать об этом), и я прошу тебя сообщить мне об этом’ [см.: Есперсен, 1958, с. 351; Падучева, 1985, с. 244–245].

Местоименные слова относятся к числу важнейших средств языковой референции. «Общность семантики слов, которые традиционно относят к местоимениям, состоит в том, что все местоимен и я (разрядка наша. — *Авт.*) служат в языке для целей референции» [Падучева, 1985, с. 133]. Местоименные слова можно разделить, хотя и нежестко, на две группы в зависимости от того, что преобладает в их референциальной функции: отсылка к внеязыковым объектам и событиям посредством их соотношения с ситуацией речи или же прямая отсылка к самой ситуации речи (ее участникам — *я*, *ты*; ее месту и времени — *здесь*, *сейчас*; отношению участников к чему-либо — *мой*, *твой* и т. п.)¹³. Местоимения второй группы называют аутореферентными [Бенвенист, 1974, с. 289].

В широком плане роль референтных знаков «заключается в том, что они служат инструментом для процесса, который можно назвать

¹² Отметим, что выбор одного из элементов пар типа *этот* — *тот*, *здесь* — *там* в художественных текстах может предопределяться особыми задачами, а именно стремлением автора текста «приблизить» к себе пространственно-временной континуум изображаемого или, наоборот, «удалиться» от него. Ср., с одной стороны, *Магдалина билась и рыдала, Ученик любимый каменел, А туда, где молча Мать стояла, Так никто взглянуть и не посмел* (А. Ахматова), и, с другой стороны, как бы изменилось изображаемое, если вместо *туда* было местоименное наречие *сюда*? Автор повествования становится как бы и его «героем» (участником изображаемого) [подр. об этом см., напр.: Евтюхин, 1982]. Местоименные слова и — шире — средства «дейктики» являются одним из инструментов при создании «образа автора».

¹³ Ср., напр., высказывание о референции местоимений *я*, *ты*: «Какова же “реальность”, с которой соотносится (имеет референцию) *я* или *ты*? Это исключительно “реальность речи”, вещь очень своеобразная. *Я* может быть определено только в терминах “производства речи” (locution), а не в терминах объектов, как определяется именным знаком. *Я* значит “человек, который производит данный речевой акт, содержащий *я*”» [Бенвенист, 1974, с. 286].

обращением языка в речь» [Там же, с. 288]. «Обращение» языка в речь — это и обращение, превращение предложения в высказывание. Высказывание — это предложение в данном, конкретном акте речи. Обращение языка в речь — это актуализация языка. Обращение предложения в высказывание называют актуализацией предложения. Местоименные слова хотя и относятся к числу важнейших актуализационно-референтных средств, список последних, однако, вовсе не исчерпывают. Главнейшими актуализационными средствами предложения традиционно считаются также грамматические категории, и в первую очередь категории определенности — неопределенности, лица, времени и наклонения.

Связь местоимений с грамматическими категориями и шире — грамматическими средствами языка — настолько значительна, что это обстоятельство не могло не отразиться на интерпретации местоимений. Так, уже упоминалось, что Ф. И. Буслаев считал значения местоименных слов грамматическими. Но, пожалуй, наиболее заостренно мысль о грамматической природе местоименного значения сформулировал А. М. Пешковский в своей монографии «Русский синтаксис в научном освещении».

По мысли Пешковского, в языке важную роль играют субъективно-объективные категории¹⁴, которые выражают различные отношения «говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит» [Пешковский, 1938, с. 163]. К такого рода категориям он относит категории времени, наклонения, лица, вопроса, восклицания, сообщения, отрицания, утверждения, усиления, вводности. Местоименные слова являются одним из основных средств выражения категорий отношения к говорящему. Однако в сравнении с другими грамматическими средствами языка местоименный способ передачи грамматической информации характеризуется ярким своеобразием. «Местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой не грамматические части слов (корни) имеют именно это субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» [Там же]. Все местоименные слова образуют семантическую сферу, центром которой является местоимение *я*; это сфера «яйности» в языке [Там же, с. 164].

Отметим, что Пешковский говорит не просто о категории говорящего, а о категории говорящего и мыслящего. Действительно, говорящий в языковом смысле — это не просто озвучиватель каких-то

¹⁴ Ср. квалификацию субъективно-объективной категории в словаре О. С. Ахмановой. Это «синтаксическая категория, обуславливающая относительную законченность сообщаемой мысли в речи». К этой разновидности категорий Ахманова относит по установившейся традиции категории лица, времени и модальности [Ахманова, 1966, с. 193].

текстов, а их автор, творец¹⁵. Естественно, «отношения» автора сообщения к тому, о чем он сообщает, и к тому, кому он это сообщение адресует, весьма многообразны, и многие из этих типов отношений фиксируются лексически — с помощью местоименных слов.

Учитывая, что изменяемые местоимения содержат в своей морфологической структуре аффиксы (флексии), передающие грамматическую информацию (прежде всего о падеже), применительно к изменяемым местоименным словам можно констатировать как бы удвоенную грамматичность их семантики (ситуативно-грамматическое значение корня, сложенное с грамматическим значением аффикса). «Парадоксальность этих слов заключается, стало быть, в том, что у них совсем нет вещественного значения, а что у них и основное значение — формальное и добавочное — формальное. Получается, так сказать, “форма на форме”» [Там же]¹⁶.

В пользу гипотезы о грамматичности корневой местоименной семантики говорят и другие соображения помимо тех, о которых говорилось выше. Можно утверждать, что значения местоименных слов теснейшим образом связаны с морфологической и синтаксической семантикой, характеризующей неместоименные слова. Например, местоимения *кто* — *что* являются репрезентативным способом обозначения граммем одушевленности — неодушевленности; пара *кто* — *что* (в совокупности) — репрезентант значения «предметности»; *какой* — значения признака; *чей* — значения принадлежности (притяжательности, посессивности); *я* — *мы*, *ты* — *вы* — значения собственно лица и т. д.

Местоименные слова в системе языка оказываются своеобразными лексическими «эталоном» грамматических значений и грамматических функций, или, по-другому, языковыми категоризаторами¹⁷. Именно этим обстоятельством можно обосновать широко применяемую в языковой практике процедуру местоименных вопросов и местоименной субституции (подстановки местоименного слова вместо неместоименного слова или группы слов) при определении, выявлении специфики грамматического значения или грамматической функции, их групп и разновидностей. Ср., к примеру, известное определение имени существительного: это часть речи, которая... отвечает на вопросы кто?, что? Ср. аналогичные дефиниции прилагательных, числительных, квалификацию основных разрядов наречий; использование местоименных вопросов при определении син-

¹⁵ Е. В. Падучева различает следующие «ипостаси» говорящего: «(1) говорящий как субъект дейксиса; 2) говорящий как субъект речи; 3) говорящий как субъект познания; 4) говорящий как субъект восприятия» [Падучева, 1996, с. 262–265]. См. также о коммуникативных интенциях говорящего: [Золотова и др., 1998, с. 33].

¹⁶ «Значение местоимений... в известной мере противоречиво: будучи грамматическим по содержанию, по своему положению и оформлению в языке оно является лексическим» [Смирницкий, 1959, с. 181].

¹⁷ Ср.: [Шведова, Белоусова, 1995; Шведова, 1998].

таксических функций: подлежащее — кто? что?, дополнение — кого? чего? кому? чему? и пр., определение — какой? чей? который?, обстоятельства — где? когда? и пр. Применением местоименных слов как «эталонов» часто предопределяется конкретная интерпретация многих грамматических значений и функций в качестве, к примеру, именно значения одушевленности, принадлежности, функции определения, дополнения¹⁸ и т. д.

Толкование А. М. Пешковским корневой семантики местоименных слов весьма схоже с ситуативной интерпретацией данного типа слов; обобщая оба толкования, охарактеризуем местоименную семантику как ситуативно-грамматическую. Тот феномен отвлеченности местоименного значения, о котором говорилось выше, должен, таким образом, объясняться ситуативно-грамматической природой местоименных корней. Этим же объясняются и специфические синтаксические особенности местоименных слов, в частности почти несочетаемость субстантивных местоимений с определениями [подр. см., напр.: Пешковский, 1938, с. 167; Виноградов, 1972, с. 267–269].

Местоименные слова — это очень ограниченная в количественном отношении и почти непополняемая группа слов. Наиболее полные списки местоименных слов — списки, в которых относительные (*кто, что, какой, чей, где, куда* и т. д.) и вопросительные местоименные слова подаются как самостоятельные лексемы, — обычно включают в себя где-то около 150 единиц¹⁹. Перечень местоименных корней минимум в пять раз меньше²⁰ (ср. многочисленные «серийные» образования с одним корнем типа *что?* — вопросительное, *что* — относительное, *ничто, нечего, нечто, что-нибудь, что-либо, что-то, кое-что* и т. д.).

Состав местоименных корней предельно ограничен, его пополнения редки и единичны. Местоименные слова, местоименные корни предназначены выражать в языке грамматические значения, а грамматические средства языка в принципе исчислимы, и их количество должно быть несопоставимо меньше, нежели количество средств с неграмматическим значением корней.

¹⁸ Ср., напр., связанную с характером местоименных вопросов возможность квалификации зависимой синтаксической позиции в сочетании *дом отца* как косвенного дополнения и одновременно несогласованного определения: *дом* — кого? — *отца*, *дом* — чей? — *отца*.

¹⁹ В литературе приводятся разные данные относительно количества местоименных лексем. Например, Н. Ю. Шведова говорит, что «в современном русском литературном языке функционируют около 200 местоимений» [Шведова, 1998, с. 8]. Она включает в состав местоименных слов такие лексемы, как *отселе, оттотле, потоле, дотоле, доколе-нибудь, докуда-нидокуда, отколе-нибудь* и т. п. [Там же, с. 9–10]. Другие авторы в качестве местоимений рассматривают образования типа *кто угодно, куда угодно, тот же, такой же* и т. д. Все это, однако, принципиально мало что меняет в представлении о статусе местоименных слов в частеречной системе: местоименных слов существенно меньше, чем знаменательных.

²⁰ По мнению некоторых исследователей, в русском языке «местоименных корней чуть больше десятка» [Гард, 1985, с. 216].

Отметим чрезвычайно высокую частотность употребления местоименных слов в речи. Так, согласно «Частотному словарю» Э. Штейнфельдт, на 387 211 случаев использования слов различных частей речи в исследованных автором текстах местоименных употреблений²¹ приходится 47 020 [Steinfeldt, p. 18, 40]. Если исходить из соотношения «количество лексем той или иной части речи к количеству их словоупотреблений», то местоимения оказываются самой частотной частью речи. Показательна приведенная в словаре Штейнфельдт сводная таблица частотности исследованных лексем. В таблице лексемы располагаются в порядке убывания частотности употребления. Таблица открывается самой частотной лексемой — лексемой *и*, и далее следуют: *в (во), на, не, он, я, что, с (со), этот, быть, а, весь, они, она, как, мы, к (ко), у, ты, за, тот, но, вы, по, из (изо), о (об, обо), свой, же (ж), сказать, так, один, вот, который, наш, только, ещё, от, какой, мочь, -то, говорить, бы (б), для, уже, знать, да, какой, когда, другой, первый...* [Ibid., p. 63–90].

Обращает на себя внимание, во-первых, то, что в воспроизведенном фрагменте таблицы местоименные слова «плотно» окружены главным образом служебными лексемами²², а во-вторых, то, что из 50 первых слов таблицы 20 (18) — местоименные слова. Высокую частотность местоименных слов, при их количественной ограниченности, также, с нашей точки зрения, можно толковать в пользу гипотезы об их своеобразной («форма на форме») грамматичности. В этом же ключе мы интерпретировали бы и причины ограниченности использования местоимений в образовании слов других частей речи [Русский язык, 1979, с. 138–139; 1997, с. 232].

Таким образом, местоименные слова составляют в языке группу слов, специфическим признаком которых является ситуативно-грамматический характер их лексической семантики. Именно в этом плане местоименные слова представляют собой семантико-грамматический (лексико-грамматический) класс, который можно квалифицировать в качестве части речи. Но это своеобразная часть речи, она занимает особое положение в частеречной системе (см. выше о позиции М. И. Стеблина-Каменского по вопросу о месте местоимений в системе частей речи)²³. Рассмотрение местоименных слов «на

²¹ К местоимениям по распространенной традиции Э. Штейнфельдт относит только изменяемые лексемы (65 единиц).

²² В этой связи ср. симптоматичное высказывание В. В. Виноградова: «Эта смысловая всеобщность местоимений приводит к тому, что иногда их функции бывают однородны с функциями формальных слов-частиц» [Виноградов, 1972, с. 260]. (К «частицам речи» В. В. Виноградов относит собственно частицы, связки, союзы, предлоги [Там же, с. 42].)

²³ Ср.: «Понятно, что в грамматике такая группа слов (местоименные слова. — *Авт.*)... занимает совершенно особое положение; она внеграмматична в том смысле, что не подходит, взятая в целом, ни под один из грамматических рядов, так как все они создаются формами слов и словосочетаний, а она — корнями слов... и в то же время она сугубо грамматична, так как по значению исключительно формальна» [Пешковский, 1938, с. 164].

общих основаниях» со словами других частей речи, без учета их специфической грамматичности, приводит к отрицанию у местоименных слов частеречного статуса и «растворению» их в других частях речи.

§ 3. Разряды изменяемых местоимений

Ниже приводится наиболее распространенная в русистике классификация местоимений²⁴. Одновременно рассматриваются некоторые семантические и функциональные особенности местоимений каждого из разрядов.

1. **Личные** местоимения: *я, ты, он (она, оно, они), мы, вы*. Если исходить из гипотезы о том, что все местоименные слова выражают отношение субъекта речи (*я*) к тому, о чем он говорит²⁵, то личные местоимения оказываются центральным семантическим разрядом в системе местоимений.

Личные местоимения — одно из важнейших средств, служащих для «обращения языка в речь». Поэтому значения, выражаемые личными местоимениями, относятся к числу универсальных, т. е. наличествующих во всех языках [Бенвенист, 1974, с. 295].

Исследователи констатируют, что во всех языках в местоимениях выражается противопоставление трех лиц [Майтинская, 1969, с. 148; Гринберг, 1970, с. 141; Соколовская, 1980]. Наиболее отчетливо это противопоставление представлено в единственном числе (*я — ты — он*) [Соколовская, 1980, с. 90–92].

Оппозиции значений, выражаемых личными местоимениями, не являются симметричными. Местоимения 1-го и 2-го лица (*я, ты*), противопоставляясь друг другу, вместе противопоставляются местоимению 3-го лица. Местоимение 3-го лица может обозначать как присутствующее при акте речи лицо, но не являющееся ни адресантом, ни прямым конкретным адресатом, либо лицо, отсутствующее в момент речевого общения между говорящим и слушающим, либо не лицо вовсе, а предмет, явление, событие: *А Гильоме, француз, подбитый ветром? Он не женат еще? (А. Грибоедов); Взбежали по лестнице, в кухне сняли пальто и повесили их на дверь (Л. Добы-*

²⁴ Как правило, классификация местоимений в том виде, как она представлена ниже, строится на материале лишь изменяемых местоименных слов; см. еще у Ломоносова: «Местоимение есть часть склоняемая» [Ломоносов, 1952, с. 747]. В соответствии с этой традицией в данном параграфе сначала рассматриваются изменяемые местоимения, а затем неизменяемые.

²⁵ «Если значения частей речи суть первообразы философских понятий субстанции, атрибута и акциденции, то значения местоимений являются первообразами таких понятий, как “яйность”, “самость»» [Пешковский, 1938, с. 164].

чин); *Да вы на сей раз Алене Ивановне ничего не говорите-с, — перебил муж, — вот мой совет-с, а зайдите к нам не просясь. Оно дело выгодное-с (Ф. Достоевский).*

Специфика положения местоимений 3-го лица в системе личных местоимений связана с историей формирования этой системы. Возникновение данных местоимений в языках — факт сравнительно недавний. Так, русское местоимение *он (она, оно)* и его падежные формы получены контаминацией указательных местоимений *онъ (она, оно)*²⁶ и *и (к, га)*. Появление данного местоимения А. Мейе связывает с наметившейся с определенного периода «тенденцией славянских языков выражать при глаголе местоимение-подлежащее»²⁷ [Мейе, 1951, с. 352]. Получившееся при этом местоимение, выражая личное значение, не теряет и свойств местоимений указательных. В частности, в отличие от местоимений 1-го и 2-го лица, не имеющих анафорической, заместительной функции, местоимение 3-го лица этой функцией обладает и главным образом в этой функции и употребляется.

Иными словами, местоимения 3-го лица, таким образом, как бы не вполне личные. Оправданным поэтому представляется разбиение личных местоимений на две группы — собственно личные и несобственно личные, или личные и лично-указательные.

Сходную со значением личных местоимений семантику имеют соответствующие окончания глаголов. Однако личные значения глаголов — это значения «сопутствующие» (сопутствующие лексическим значениям). В чистом виде, не сопряженном с обозначением действия, лексически семантика персональности передается именно местоимениями. Местоимения 1-го, 2-го лица — это лексически специализированные средства выражения речевых ролей адресанта и адресата. В ситуации непосредственного общения использование этих местоимений — единственно прямой способ именованности людей в данных ролях. Привилегированность положения собственно личных местоимений при обозначении основных ролей коммуникативной ситуации и объясняет отсутствие у них в норме заместительной функции. Во фразах типа *Я, Петров Иван Николаевич, обязуюсь...*

²⁶ Указательное местоимение *онъ* «было обычным до середины XIX столетия» [Трофимов, 1957, с. 133], правда, как отмечает Ф. И. Буслаев, «только в книжном языке»: *В онъй день, как тебя сочтели бессмертную с смертным (В. Жуковский)* [Буслаев, 1959, с. 392].

²⁷ По-видимому, можно говорить вообще об усилении тенденции к выраженности подлежащего (независимо от способа его выражения). Ср. данные применительно к предложениям со сказуемым (компонентом сказуемого), выраженным глаголом *быть*: «Количество случаев с невыраженной левой валентностью (невыраженным подлежащим. — *Авт.*) сократилось от 40% в древнерусском языке до 7% (в современном русском языке. — *Авт.*), что дает основания усматривать здесь тенденцию к стабильности левой валентности... то есть к положению, при котором восстановление информации из контекста сводится к минимуму» [Серова, 1983, с. 140].

в качестве заместителя местоимения следует рассматривать именную группу (*Петров Иван Николаевич*), но не наоборот²⁸.

Для местоимения 3-го лица заместительная функция — главная. Разграничивают два аспекта анафорического употребления какого-либо элемента текста: «собственно анафорическое» — отсылка этого элемента к линейно предшествующему компоненту текста — и «катафорическое» («препаративное») — отсылка к последующему компоненту текста. Местоимение 3-го лица обычно используется в собственно анафорической функции и реже — в специальных стилистических целях — в катафорической. Во втором случае, так как референт не может оставаться неизвестным, референтная неопределенность устраняется сразу же: *А он мне нравится, твой отец, ей-ей* (И. Тургенев); *Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья* (А. Пушкин). Дейктическое употребление, т. е. употребление, свойственное собственно личным местоимениям, для данного местоимения возможно «лишь в специальных контекстах»: *Вот он пусть уйдет* [Падучева, 1985, с. 158].

Поскольку собственно личные местоимения — прямые лексические наименования людей в определенных речевых ролях (ср. именованные профессиональных, социальных и других ролей — *учитель, музыкант, министр, президент*), то о них можно говорить не только как о дейктических, но и как о номинативных единицах языка²⁹. Семантика слова *я* имеет не менее четкую признаковую структуру, нежели семантика слова *учитель*. Существенная же разница между значениями того и другого слов состоит в том, что одно слово указывает на феномен внеязыковой действительности, а второе — на внутриязыковой, грамматико-ситуативный феномен.

Конкурирующая роль глагола в обозначении ситуативно-коммуникативных ролей ограничена, поскольку, во-первых, только часть глагольных форм обладает морфологически выраженной категорией лица. Ср.: *читаю* (*я*), но *читал* (*я, ты, он, учитель*). Во-вторых, помимо глагольных существуют безглагольные предложения, в которых обозначение лица осуществляется с помощью местоимений (*Я — учитель*). Но личные местоимения широко употребляются и в сочетании с личными формами глаголов: *Я читаю; Ты пишешь книгу; Он работает над статьей*. «Не подлежаит сомнению, что в стилях современного книжного языка формы настоящего времени 1-го и 2-го лица в сочетании с личными местоимениями являются более нормальными и нейтральными, чем соответствующие формы без

²⁸ В некоторых ситуациях речевого общения собственно личные местоимения, однако, выступают и в заместительной функции. Так, в разговоре по телефону звонящий сначала обычно представляется (*с вами говорит Петр Дмитриевич Иванов*) и только после этого использует местоимение *я*.

²⁹ Ср.: «Дейксис как один из способов референции противопоставляется номинации; это противопоставление нейтрализуется в речевом дейксисе» [Лингвистический словарь, 1990, с. 128].

личных местоимений» [Виноградов, 1972, с. 361; см. также: Пешковский, 1938, с. 190]. Стабильность выражения лица с помощью местоимений обусловила приписывание (весьма спорное) категории лица неличным глагольным формам: *читал, писал бы* и т. п.

Дублированное выражение лица типа *Я читаю* нельзя, однако, рассматривать как абсолютную норму, т. е. как невозможность во всех случаях недублированного выражения лица. Наоборот, в большинстве случаев возможен выбор говорящим как одного, так и другого способа обозначения первых двух лиц коммуникативной ситуации. При этом один из способов можно расценить как более нейтральный. Например, среди вариантов *Кто решит эту задачу. — Я / Я решу; Ты продаешь имение, превосходно, богатая идея... А куда прикажешь деваться мне со старухой матерью и вот с Соней?* (А. Чехов) / *А куда ты прикажешь...* первые варианты являются, по-видимому, более нейтральными. В случае *Не бойся его* и *Ты не бойся его* употребление местоимения «приводит к смягчению побуждения и выражению модальности просьбы, а не требования» [Шелякин, 2003, с. 445]. Однако в случае с *Ты продаешь имение... / Продаешь имение...*, видимо, первый вариант следует признать в качестве более нейтрального.

Отметим неравнозначность (проистекающую из несимметричности отношений в местоименной, как, впрочем, и в глагольной, системе трех лиц) опущения при личных глаголах, с одной стороны, местоимений 1-го и 2-го лица, а с другой — 3-го лица. Глагольные формы типа *пишу* или *пишешь* воспринимаются в принципе³⁰ как соотносимые с субъектом (подлежащим), выражаемом местоимением 1-го или 2-го лица. «Напротив, в 3-м лице подлежащим может быть не только личное слово *он*, но и тысячи других слов со всевозможными значениями; понятно, что опущение такого слова создается как пропуск чего-то важного» [Пешковский, 1938, с. 190]. Что касается опущения при неличных формах глагола (*писал — я? ты? он?*), здесь наблюдается более симметричные отношения между личными местоимениями.

Помимо главных значений личные местоимения употребляются и в других, в том числе и переносных значениях. Языковые роли — это именно роли, которые естественно меняются в приложении к человеку (когда он говорящий, слушающий и т. д.), и говорящий может «примеривать» на себя не только роль говорящего, но и другие роли, так же как в разных ролях он может представлять слушающего и лицо, не участвующее в акте коммуникации.

³⁰ Мы говорим «в принципе» потому, что в данном случае оставляем в стороне факты иной соотносительности, к примеру при обобщенном употреблении глагольных форм типа *К рассвету страшно утомляешься от холода. Пока меняют лошадей, прикорнешь где-нибудь в уголке* (А. Чехов). У выделенных форм отнесенность прежде всего к 1-му лицу (*я*) и затем и к 2-му лицу (*ты, вы*), и к 3-м лицам [см., напр.: Гаспаров, 1971, с. 203–209].

Мы используется для обозначения говорящего вместо я (авторское мы): *Русское воззрение! Мы уже говорили, что это выражение, сказанное «Русскою беседою», выражение мысли столь простой и истинной, возбудило недоразумения и толки...* (К. С. Аксаков). «Солидарное» мы (вместо ты или вы) употребляется для создания эффекта соучастия в действиях собеседника, собеседников: *Что будем есть?; Куда поедем?; Как мы себя чувствуем?; Видите, как мы славно пристроились жить!* — заговорил Егор, изредка остро взглядывая на сидящего старика. — *Страна производит электричество, паровозы, миллионы тонн чугуна... Люди напрягают все силы. Люди буквально падают от напряжения... А в это самое время находят-ся другие люди, которые из всех достижений человечества облюбовали себе печку!* (В. Шукшин). Мы в обобщенно-личном контексте: *Охотно мы дарим, Что нам не надобно самим* (И. Крылов); *Нередко мы, хотя того не замечаем, Себя в других охотно величаем* (И. Крылов).

Ты употребляется и в значении я, а он (она, они) — в значении ты или вы: *Ты тут крутишься день и ночь, а он знай себе чаи гоняет.*

Ты, вы используются в обобщенно-личных предложениях: *Странное какое-то беспокойство овладевает вами в его доме; даже комфорт вас не радует...* (И. Тургенев); *Впоследствии он узнал, что эту задачу про сено и железо Чиж задает на экзаменах почти всем поступающим... Где же тут, в самом деле, сообразить, что сено и железо весят одинаково, если в эту минуту у тебя все поджилки трясутся, если перед носом твоим страшно блестят очки экзаменатора, сверкают пуговицы и ордена на его парадном мундире, если ты чувствуешь себя таким маленьким и потерянным в этой огромной зале, с высокими казенными окнами и с пустой золоченой рамой на стене* (Л. Пантелеев).

Я тоже может быть свойственно обобщающим предложениям: *Когда я ем, я глух и нем.*

При соответствующих условиях местоимение он в форме множественного числа выступает подлежащим в неопределенно-личных предложениях: *И что они там в министерстве думают?*

2. Возвратные местоимения: себя, друг друга. В отличие от многих языков, где возвратные местоимения так или иначе дифференцируются по лицам, русское местоимение себя является «вселичным», т. е. соотносительным со всеми тремя лицами: *Я (ты, он, она, оно, мы, вы, они) приготовил (-а, -о, -и) себе завтрак.* Значение местоимения себя в приведенном примере «совпадает с реальным значением подлежащего» [Русская грамматика, 1980, I, с. 536], т. е. *Я приготовил себе завтрак* означает «Я приготовил мне завтрак». Иногда такого совпадения нет: *Я знал людей, недовольных собой; Подумай о людях, не жалеющих себя* (примеры из: [Русская грамматика, 1980]). Возвратное местоимение себя соотносится прежде

всего с собственно личными местоимениями я, ты, он в личном употреблении и с существительными-названиями людей; в меньшей мере с существительными-названиями животных; намного реже — с существительными, обозначающими неживые сущности³¹ [Шелякин, 1986, с. 30]. Иначе говоря, местоимение себя соотносительно в предложении главным образом со словами, обозначающими в реальной действительности такие сущности, которые характеризуются признаком активности (о лингвистическом понимании этого признака см., напр.: [Семантические типы предикатов, 1982, с. 68–69]).

Местоимение себя может быть соотносительно с «подразумеваемым подлежащим». Часто предложения с таким «подлежащим» имеют обобщающий характер: *Познай самого себя (себя соотносится с «подразумеваемым подлежащим» ты в обобщенно-личном значении); Осознание самого себя связано с возможностью изменить самого себя* (подразумеваемое «подлежащее» — всякий человек) [Падучева, 1985, с. 193–195].

В силу своего объектного значения возвратное местоимение не имеет формы именительного падежа.

Возвратное местоимение себя входит в состав довольно большого количества фразеологических оборотов и устойчивых сочетаний: *само собой, не по себе, выдать себя с головой, не помнить себя, хорош собой, собой молодец* и многих других.

К местоимениям относят и сочетание *друг друга*, которое квалифицируется как **взаимно-возвратное (взаимное)** местоимение³². Оно имеет много общего с возвратным местоимением себя. В частности, подобно местоимению себя, лишено именительного падежа и не может быть в предложении подлежащим. Подлежащее (или группа подлежащего типа *Иван с Марьей*) в предложении с взаимным местоимением обозначает некое множество (не менее двух) субъектов действия. Предложение *Они любили друг друга так долго и нежно, с тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной* (М. Лермонтов) обозначает, что действие одного из субъектов (А) распространяется на другой субъект (В) как на объект, причем этот же самый субъект (А) одновременно является объектом однотипного действия со стороны субъекта В. Действия, таким образом, совершаются «взаимно»: *Бойцы курили и хвалились друг перед другом: кто оружием, добытым в бою... кто донским скакуном* (А. Н. Толстой); *Они взглянули друг на друга, глаза их встре-*

³¹ Например: *Эта книжка содержит в себе девять повестей* (В. Белинский).

³² К взаимным местоимениям иногда относят также выражение *один другого*: *Две сравнительно близкие звезды притягивают взаимно одна другую* [Откупщикова, 1984, с. 57]. Различают две лексемы *один за другим* «поочередно» и *один другого* «друг друга». «При склонении лексемы *один за другим* изменяется первая часть (*одного за другим, одному за другими* и т. д.), при склонении лексемы *один другого* — вторая (*один другому, один с другим* и т. д.)» [Булыгина, Шмелев, 1997: 359].

тились (М. Лермонтов); *Противники стояли шагах в сорока друг от друга* (Л. Толстой).

Порядок компонентов взаимного местоимения фиксированный, первый компонент (*друг*) является неизменяемым, второй имеет падежные формы (кроме именительного). При употреблении местоимения с предлогом (*смотрели друг на друга*) последний ставится перед вторым, изменяемым компонентом.

Помимо возвратного и взаимно-возвратного местоимений возвратное значение выражается в русском языке и постфиксом *-ся* (восходящим к форме вин. падежа *сѧ* местоимения *себѣ*). Вместе с тем постфикс *-ся* многозначен и имеет не только возвратное значение; вследствие этого можно говорить о том, что возвратное значение более четко выражается именно местоимениями. Для акцентирования возвратного значения возможно его дублированное выражение; ср.: *Они обнимаются* и *Они обнимаются друг с другом*.

Стандартный способ употребления возвратных местоимений — анафорический.

3. Притяжательные местоимения: мой, твой, наш, ваш, свой. Притяжательные местоимения соотносятся с собственно личными (*я — мой, ты — твой* и т. п.) и возвратным (*себя — свой*). С особым положением местоимения 3-го лица в системе личных местоимений связано отсутствие в кодифицированном языке «собственно лично-притяжательных» местоимений (типа *мой, ваш*) 3-го лица.

Несмотря на отчетливую корреляцию указанных разрядов местоимений, отношение возвратно-притяжательного местоимения *свой* к лично-притяжательным не вполне соответствует отношению возвратного местоимения *себя* к собственно личным, т. е. *свой : мой, твой; свои : наши, ваши ≠ себя : я, ты, мы, вы*. Так, неправильным будет предложение *Я смотрю на меня в зеркало* или *Ты смотришь на тебя в зеркало*, тогда как «при субъекте в 1-м и 2-м лице *свой* чередуется с *мой* и *твой*: *Любишь ли ты твою мать* или *свою мать?*» [Шахматов, 1941а, с. 497].

Возвратно-притяжательное местоимение в предложениях с субъектом 1-го и 2-го лиц может практически свободно чередоваться с лично-притяжательными: *Под Крестами будешь стоять И своей (ср.: твоей) слезою горячею Новогодний лед прожигать* (А. Ахматова); *Я писал потом сюда моей (ср.: своей) дальней родственнице* (Ф. Достоевский). Выбор того или иного варианта объясняют главным образом стилистическими причинами [Шелякин, 2003, с. 447], в частности необходимостью избежать дублирования типа *ты — твой, я — мой*. Впрочем, по мнению А. М. Пешковского, выбор варианта может быть обусловлен и семантически: «Так, едва ли случайно Борис Годунов говорит в одном случае: *в семье моей я мнил найти отраду, я дочь мою мнил осчастливить браком*, а в другом случае — *кто ни умрет, я всех убийца тайный: я ускорил Феодора кончину, я отравил свою сестру царицу*... Во втором случае *свой*

больше подходит, чем *мой*, потому что высказывается мнение не самого Бориса, а его хулителей, которые про него говорили: “*Он отравил свою сестру*”, так что *свой* намекает здесь на этих хулителей, а *мою* излишне подчеркивало бы участие говорящего в той мысли, которой он не разделяет» [Пешковский, 1938, с. 169]. Следовательно, при возможном выборе (выборе, осуществляемом говорящим — «я») между *свой* и лично-притяжательными местоимениями предпочтение последних означает подчеркивание более тесного, более «личного» отношения принадлежности, нежели в том случае, когда выбирается возвратно-притяжательное местоимение. Ср.: *Я думал свой народ В довольствии, во славе успокоить...* (А. Пушкин) и *Я думал мой народ...*; *Я была тогда с моим народом* (А. Ахматова) и *Я была тогда с своим народом...*

В случае «противопоставления» в предложении двух семантических субъектов выбор притяжательных местоимений не может быть свободным: *Поместите в газете мою (но не свою) заметку; Я, к твоей (но не своей) радости, нашел твою книгу* [Трофимов, 1957, с. 138].

Помимо местоимения *свой* принадлежность 3-м лицу в ед. и мн. числе, а также не лицам обозначается с помощью форм родительного падежа лично-указательного местоимения *он: его, ее, их (книги)*. Существует устойчивая традиция рассматривать эти формы в качестве самостоятельных неизменяемых лексем [см., напр.: Янко-Триницкая, 1982, с. 78; Шелякин, 1986, с. 23; Баранов и др., 1993, с. 93; Булыгина, Шмелев, 1997, с. 356–358; Шелякин, 2003, с. 446]. Имеется несколько оснований для такой трактовки. Укажем два. Формы родительного падежа в притяжательном значении в норме следуют за определяемым им существительным (*дом отца*), в то время как *его* и т. п. предшествуют существительному (*его дом*). Формы родительного падежа собственно-личных местоимений (*меня, тебя, нас, вас*) не могут использоваться в притяжательном значении (**дом меня*). Таким образом, *его, её, их* в притяжательном употреблении оказываются, за исключением изменяемости, в одном ряду с притяжательными местоимениями типа *мой (мой дом)*. Впрочем, считая данные словоформы окончательно оторвавшимися от парадигмы лично-указательного местоимения пока все-таки нельзя, что проявится, в частности, в возможности постановки вопроса родительного падежа кого?, чего? (*его дом — дом чей?, но и кого?*)³³.

В русском языке имеются адъективные образования от лично-указательных местоимений 3-го лица: *евонный, ейный, ихний, ихий*,

³³ Показательна в этой связи позиция М. В. Ломоносова. В «Материалах к “Российской грамматике”» в корпус местоимений он включает притяжательное местоимение *ево* [Ломоносов, 1952, с. 747]. В тексте же «Российской грамматики» в перечне местоимений *ево* не упоминается.

йихой [Шахматов, 1941а, с. 497], подобно местоимениям типа *мой*, согласуемые с определяемым существительным. Однако для литературного языка они не являются нормативными (*Набузил тут один ихний, — у меня живет.* — А. Фадеев).

4. **Указательные** местоимения: *этом, тот, сей* (устар.), *оний* (устар.), *такой, таков, таковой, экий* (экой простореч.), *этакий* (эдакий разг., простореч.), *столько*.

По семантическим основаниям указательные местоимения разбиваются на две группы [см., напр.: Шахматов, 1941а, с. 497; Шелякин, 1986, с. 33, 41]. Так, М. А. Шелякин, полагая, что указательная функция данных местоимений состоит в «индивидуализирующем выделении предмета в речевой ситуации по тем или иным отношениям к говорящему», первую группу (*этом, тот*) именует указательно-выделительными местоимениями, а вторую группу (*такой, таковой*) — качественно-выделительными местоимениями.

Местоимения первой группы указывают на ближайший — отдаленный по отношению к говорящему объект в пространстве речи — как в зримом пространстве-времени, так и в пространстве текста.

Если говорить о первом аспекте, то обычная формулировка отношения между *это* и *то* (*этом, тот*) состоит в том, что *это* выделяет ближайший к говорящему объект, а *то* — отдаленный. Однако такое пространственно-временное распределение объектов характерно лишь для случаев, когда в выделении объектов задействованы оба члена пары *это — то*. Если используется один член, то, по мнению некоторых исследователей, это, во-первых, может быть только *это*, а во-вторых, в таком случае данный компонент пары может обозначать как ближайший, так и отдаленный объект: *Дайте мне это, это и вон это, на самой дальней полке*. Для *то* характерно обозначать лишь отдаленные объекты [Ревзин, 1973а, с. 122–123]. Обозначение объектов по принципу ближайшее — дальнейшее по отношению к говорящему свойственно не только местоимениям, но и другим языковым средствам, в частности, указательным частицам *вот — вон*, причем последняя, подобно *то*, выступает как маркированное обозначение отдаленных объектов.

На анафорическое использование местоимений, а также на выбор местоимения влияет место расположения в линейной цепи предложения по отношению к местоимению того синтаксического компонента, к которому отсылает местоимение. Так, в рамках собственно анафорического употребления при подчеркивании ранее и позднее названного компонента *этом* указывает на позднее названный (ближайший), а *тот* — на ранее названный компонент (дальнейший): *За ним прибыл председатель райисполкома — пожилой, увесистый и одетый тоже в военное. Затем ввалился директор совхоза; этот был весь в снегу, в двух тулупах — добрался из степи на санях* (В. Дудинцев); *Но человека человек послал к анчару властным взглядом, и тот послушно в путь потек* (А. Пушкин).

При отсутствии контраста между ранее и позднее названным позднее названное может обозначаться как с помощью *этом*, так и с помощью *тот*. Если речь идет о субстантивной анафоре к одушевленному существительному, и прежде всего обозначающему человека, то нормативным является *тот*: *Списавшись с Федором Павловичем и мигом угадав, что от него денег на воспитание его же детей не вытацишь (хотя тот прямо никогда не отказывал, а только всегда в этаких случаях тянул, иногда даже изливаясь в чувствительностях), он принял в сиротах участие лично и особенно полюбил младшего из них, Алексея, так что тот долгое время даже и рос в его семействе* (Ф. Достоевский)³⁴. Однако если указательное местоимение выступает в роли определения, то нормативным является уже *этом*... *В первом экипаже, в щегольской коляске, запряженной парой дорогих лошадей, прибыл Петр Александрович Миусов, со своим дальним родственником, очень молодым человеком, лет двадцати, Петром Фомичем Калгановым. Этот молодой человек готовился поступить в университет* (Ф. Достоевский).

При замещении неодушевленного объекта обычно используется *этом* (в субстантивном или несубстантивном употреблении): *И Касьян, глядя на ее согбенную спину, не посмел окликнуть, пока она сама, почуяв чье-то присутствие, не повела взглядом в его сторону. И взгляд этот, оторванный от сундука, был какой-то чуждой, не признававший Касьяна* (Е. Носов); *Молодыми офицерами мы ходили по казарменному помещению, окруженные молодежью, показывали картины и задавали вопросы. Называлось это «словесностью» и считалось одним из самых скучных занятий* (П. Краснов). Однако используется и *то*: *Имения сему шляхетству и должности их возвращены, а ранговые утверждены им в вечность и во всем сравнены с польским шляхетством. В благодарность за то* (ср.: *за это*) *приняли и они в рассуждении народа русского всю систему политики польской* (А. Пушкин).

Ярким примером катафорического (препаративного) использования местоимения *это* может служить название книги Д. Н. Медведева «*Это было под Ровно*». Первое предложение рассказа М. А. Булгакова включает в себя отсылку к тексту всего рассказа: *Вся эта история* (ср.: *вся история*) *началась с того, что, по словам всезнающей Аксиньи, конторщик Пальчиков, проживающий в Шалометьево, влюбился в дочь агронома*. Ср. использование в катафорической же функции *то*: *То было раннею весной, Трава едва всходила, Ручьи текли, Не парил зной... То было раннею весной, В тени берез то было, Когда с улыбкой предо мной Ты очи опустила...* (А. К. Толстой).

³⁴ Впрочем, возможно в определенных случаях и *это*: *Прошу ни в чем не винить моего мужа Генечку. Это святой человек* (В. Астафьев).

Катафорическое *то* характерно для изъяснительных и некоторых других предложений: *Удивило то, что здесь, среди едкого махорочного дыма, среди этого нетрезвого шума, сидела на нарах санинструктор Лена Колоскова* (Ю. Бондарев); *Началось с того, что Катя пожаловалась мне на своих товарищей* (А. Чехов).

Возможно одновременное совмещение и собственно анафорической, и катафорической функции: *В умывальник ворвались трое крепких парней в нижних рубахах — Коляшу и напарников его бить, но тут оказались бойцы не робкого десятка, и так они обиходили швабрами нападающих, что те превратились в отступающих. За это за все: за драку, за избивание дисциплинированных курсантов — Коляша был послан долбить помойку* (В. Астафьев). Такое совмещение свойственно сложноподчиненным предложениям типа *А кстати: куда девать те доски, о которых я вам писал?* (А. Аверченко). Особенность данного типа предложений состоит в том, анафорический элемент не обязательно отсылает к какому-то фрагменту данного текста, это может быть просто ранее известное коммуникантам (говорящему).

Индивидуализирующе-указательная специфика значения данных местоимений способствует тому, что в тексте они могут приобретать функцию, сходную с функцией определенного артикля³⁵: *Вчера ко мне приходил один человек. Этот человек принес мне свою книгу.*

Особенности текстового употребления *этот, тот* весьма многообразны; выше мы отметили лишь некоторые.

Если говорить об анафорическом использовании данных местоимений, то исследователи отмечают чрезвычайно широкие и до сих пор не установленные точно возможности в этом плане субстантивной формы *это* (субстантивная форма *то* также характеризуется значительными, но меньшими, чем у *это*, потенциями). Она может отсылать к обозначениям предметов, именным группам, ситуациям, каким-то содержательным структурам, выраженным значительными фрагментами текста; она может отсылать к объекту, «неявно введенному в рассмотрение в предшествующем тексте» (*Стучали негромко, но требовательно. Это был Егор Яковлевич*); *это* — единственный способ отсылки к объектам, обозначенным неопределенным местоимением (*Кое-кто из нас здесь лишний. И мне кажется, что это именно вы*) и т. д. [подр. см.: Падучева, 1985, с. 164–180]. Особенности субстантивно употребляемой формы *это* настолько своеобразны, что их учет позволяет говорить о ней как о самостоятельном местоимении — местоимении субстантивного типа [ср.: Там же, с. 164].

Качественно-выделительные местоимения указывают на объекты, выделяемые по их признакам (в дейктическом употреблении — по

³⁵ О специфике семантического противопоставления местоимений *этот* — *тот* в разных условиях их употребления (дейктическом, анафорическом, препаративном и др.), об их артиклевой функции см., напр.: [Ревзин, 1973а].

признакам, непосредственно воспринимаемым): *Что за чертовщина?.. — всматриваясь в протокол, сипло сказал Груздев, у него совсем пропал голос. — Какой пистолет? Какой полис?.. Жеглов... повернувшись к Груздеву, держа оружие на раскрытой ладони правой руки, а полис — пальцами левой, крикнул: — Вот такой пистолет! Вот такой полис! А? Узнаете?!* (Братья Вайнеры).

Местоимения *таков* и *таковой* употребляются только в анафорической функции, при этом *таков* используется как именная часть сказуемого. Ср.: [Старик:] *Вольнее птицы младость, кто в силах удержат любовь? Чредою всем дается радость; Что было, то не будет вновь.* — [Алеко:] *Я не таков. Нет, я не споря от прав своих не откажусь* (А. Пушкин) (отметим, кстати, что местоимение *таков* в приведенном примере не отсылает к какому-то конкретному слову, обозначающему признак; *таков* — отсылка к предшествующему текстовому содержанию, которое в местоимении *таков* преобразуется в признак, представляется как признак).

Указательные местоимения весьма часто сочетаются с частицей *же* (*тот же, такой же* и т. п.). Эти сочетания имеют акцентированно отождествляющее значение; используя их, говорящий подчеркивает тождество какого-либо объекта с ранее названным или известным ему объектом: *Будто там, за далью дымной, Сорок, тридцать, — сколько? — лет Длится тот же слабый, зимний, Фиолетовый рассвет, И, как прежде, с прежней силой, В той же звонкой тишине Возникает призрак милый На эмалевой стене* (Г. Адамович). Словари отмечают употребление *же* в подчеркивающе-отождествительном значении только в сочетании с местоименными словами (т. е. и в комплексе с местоименными наречиями — *здесь же, тогда же* и пр.) [ср.: Словарь, 1981–1984, I, с. 474].

Иногда сочетания местоименных слов с частицей *же* толкуются как особый разряд местоимений. Такого подхода придерживается, к примеру, М. А. Шелякин, который именуется данный разряд выделительно-отождествляющими местоимениями [Шелякин, 1986, с. 43–44; 2003, с. 452]. М. И. Откупщикова называет их «уподобляющими» [Откупщикова, 1984, с. 42–45]. В противовес подобному способу интерпретации сочетаний типа *тот же* отметим, что частица *же* в подчеркивающе-отождествительном значении может сочетаться не только с местоименными словами: *Выделение объекта из числа однородных осуществляется говорящим. Говорящим же подчеркивается и тождественность этого объекта...* Подчеркивающее-отождествительное значение выражается местоименными сочетаниями типа *тот самый, тот же самый*: *Наконец весь народ побежал, загремели пожарные трубы, и целые волны народа вынесли его почти на плечах на тот самый пожар, на котором он присутствовал в последний раз вместе с попрошайкой-пьянчужской* (Ф. Достоевский); *Отметим лишь одно, что главнейший пункт, на который обращалось все внимание допрашивавших,*

преимущественно был все тот же самый вопрос о трех тысячах (Ф. Достоевский).

5. **Определительные** местоимения: *весь, всякий, каждый, любой, другой, иной, сам, самый*.

Определительные местоимения представляют собой неоднородное в плане семантики объединение слов. Так, А. М. Пешковский распределял эти местоимения по трем группам: обобщительных (*всякий, каждый, какой угодно, любой*), совокупных (*весь, целый* — в значении 'весь') и выделительных (*сам, самый, весь, иной, другой*) местоимений [Пешковский, 1938, с. 165]. М. А. Шелякин распределяет их по двум рубрикам выделительно-усилительных (другое название, которое использует М. А. Шелякин, — выделительно-исключающие): *сам, самый*; определительно-обобщающих (утвердительно-обобщающих): *каждый, всякий, любой, все*.

Как почти все местоимения, определительные местоимения характеризуются чрезвычайно широким спектром значений. Акцентирование каких-то аспектов семантики данных местоимений обуславливает разбиение их на большее или меньшее количество групп, которые к тому же могут рассматриваться как самостоятельные или, наоборот, входящие в более крупные группы (по А. М. Шелякину, к примеру, определительно-обобщающие местоимения наряду с отрицательными *никто, ничто, никакой, ничей* образуют класс обобщенно-распределительных местоимений [Шелякин, 1986, с. 82]).

Отметим основные значения определительных местоимений.

Местоимения *сам, самый* выделяют какой-то объект, выдвигая его на первый план среди других или подчеркивая его самостоятельность, значимость: *Даша играла ту самую сонату, которую разучивала, когда три года тому назад готовилась к экзаменам* (А. Н. Толстой); *Он сам не знал об этом*.

Местоимения *каждый, любой, всякий* выделяют один компонент некоего множества как однородный с другими компонентами, «равный» им: *Дом лоцмана Петрова отыскать было нетрудно: любой человек на пристани знал к нему дорогу* (Н. Некрасов). Акцентируя однородность, данные местоимения могут выступать и в объединяющей функции, представляя не совпадающие по своим признакам объекты в качестве единого множества: *Ревет ли зверь в лесу глухом, Трубит ли рог, гремит ли гром, Поет ли дева за холмом — На всякий звук Свой отклик в воздухе пустом Родишь ты вдруг* (А. Пушкин).

Местоимения *весь, всё* объединяют объекты в единое множество (тем самым элементы этого множества представляются как имеющие общие признаки, как однородные): *Всё было ложь в тебе, Все призраки пусты, Ты был не царь, а лицедей* (Ф. Тютчев). Сочетаясь с названиями объектов, в семантике которых нет указания на расчлененность — нерасчлененность объектов, местоимение *весь* интерпретирует эти объекты как расчлененные (аморфно расчлененные) единства: *Все лето прожила в деревне*. В этом употреблении место-

имение *весь* близко по значению прилагательному *целый*: *Целое лето прожила в деревне*.

Одной из основных функций местоимений *иной, другой* является подчеркивание нетождественности объектов (внешне, быть может, и сходных): *Перу старинной нет охоты Марать летучие листья; Другие, хладные мечты, Другие, строгие заботы И в шуме света и в тиши Тревожат сон моей души* (А. Пушкин).

6. **Вопросительные** местоимения: *кто, что, какой, каков*³⁶, *кой* (устар., обл.) *который, чей, сколько*. Выделяются по функции: являются специализированным словом, формирующим вопросительное предложение. Все вопросительные местоимения содержат индоевропейские местоименные корни **k^o / k^u*, **k^ei / kⁱ* (**k^o / k^we*) [Мейе, 1938, с. 34; Черных, I, 1993, с. 449]. Как полагают, первоначально местоимения с этими корнями имели как вопросительное, так и неопределенное значения [Майтинская, 1969, с. 229–236].

Опорные слова разряда вопросительных местоимений (так же как их производные среди относительных, отрицательных и неопределенных) *кто* и *что*, как это обычно формулируется, лексически противопоставлены по категории одушевленности — неодушевленности. Противопоставление вопросительных местоимений в плане разделения денотатов на людей и не-людей или же на людей и животных, с одной стороны, и предметы, с другой, типично для большинства языков разных систем [см., напр.: Там же, с. 218].

Мнения о характере дифференциации внеязыковых объектов на одушевленные и неодушевленные с помощью лексем *кто* и *что* неодинаковы. Наиболее распространенным является толкование, в соответствии с которым *кто* относится к людям и животным, а *что* — к предметам, явлениям [см., напр.: Шахматов, 1941б, с. 167; Майтинская, 1969, с. 219]. Иное мнение состоит в том, что слово *кто* бесспорно относится к людям (лицам), а слово *что* столь же бесспорно относится к предметам, явлениям; вместе с тем *что* может применяться и по отношению к животным³⁷ и особенно по отношению «к мелким живым существам» (насекомым и пр.) [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 155; Шелякин, 1986, с. 49]. Другими словами, наиболее отчетливой зоной семантического противопоставления местоимений *кто* и *что* является противопоставление людей и предметов (явлений, событий). С учетом колеблющегося положения местоимения *что* в плане обозначения живых существ, но не людей, оппозицию *кто* — *что* можно проинтерпретировать так, что она

³⁶ Иногда отмечается книжный и устарелый характер местоимения *каков*. Оно употребляется прежде всего как сказуемое. В этой функции оно вытесняется местоимением *какой*. По мнению М. А. Шелякина, в предложении *А какова у вас река?* (— *А какова у вас река?* — *Да не мелка.* — И. Крылов) местоимение *какова* без ущерба может быть заменено на *какая* [Шелякин, 1986, с. 55].

³⁷ «Обычно говорят: “*Это что? Собака или волк?*”, а не “*Это кто?*”» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 155].

состоит в противопоставлении лиц (т. е. тех, кто может принимать на себя роли, обозначаемые собственно личными местоимениями, и в первую очередь местоимением *я*) и не-лиц (т. е. того, что не может принимать на себя роль говорящего). Семантическая оппозиция вопросительных местоимений *кто* и *что*, следовательно, лишь частично соответствует противопоставлению одушевленных и неодушевленных существительных [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 155]. Ср.: *Видишь ч т о?* — *Вижу жука* (форма вин. падежа существительного *жук* совпадает с формой род. падежа; *жук* — существительное одушевленное); возможны варианты *Видишь ч т о?* и *к о г о?* (применительно к жуку), но исключен вариант *Вижу жук*, т. е. вариант, при котором существительное *жук* грамматически проинтерпретировано как неодушевленное. Вопрос *к т о?* может использоваться и по отношению к существительным, обозначающим совокупности лиц (людей) и квалифицируемым как неодушевленные в рамках падежного критерия (*народ, толпа, отряд*), а также собирательным существительным подобной семантики (*молодежь, студенчество, родня*). Менее очевидна возможность использования данного вопроса в отношении существительных, обозначающих не лица: *Соберется братва за поскутиной или возле первой росохи Фокинской речки, вальнется шайкой на траву и ждет стадо* (к о г о? или ч т о? — Авт.) (В. Астафьев).

Форма им. падежа м. рода *кой* «древнего местоимения» *кьи* [Кузнецов, 1953, с. 139], квалифицируемая как устарелая и областная [Словарь, 1981–1984, II, с. 69] (*В кой годы такое видано?* — Е. Носов; *На кой он мне, хоть русский, хоть тунгусский, если не с кем поговорить?* — В. Астафьев), встречается в разговорных по характеру сочетаниях типа *кой чёрт; на кой чёрт, на кой ляд, в кой веки*.

Вопросительные местоимения в норме употребляются в катафорической (препаративной) функции: — *А кто же у меня останется?* — *попытался улыбнуться Алехин.* — *Я!.. Другого решения у меня нет* (В. Богомолов).

7. **Относительные местоимения:** *кто, что, какой, который, каковой* (книжн., устар.), *каков* (устар.), *кой* (устар.), *чей, сколько*. Данные местоимения отличаются от вопросительных по функции: они служат средством присоединения придаточного предложения к главному в рамках сложного предложения; при этом, в отличие от союзов, выступают в качестве члена предложения: *У Борисовых детей были игрушки, которых я ужасно боялся* (А. Фет). По составу незначительно отличаются от вопросительных: местоимения *каковой* и *кой* используется главным образом как относительные (причем последнее в формах косвенных падежей, за исключением винительного неодушевленного): *Жили, расходуя местные наличные запасы, каковые, кстати сказать, были весьма ограничены* (И. Поляков); *Тем временем кончилось усвятское поле, открылась пологая балочка, коих в этих местах — за каждым увалом* (Е. Носов).

Часто относительные местоимения рассматриваются в рамках одного разряда с вопросительными (вопросительно-относительные местоимения). Аргументами в пользу такой интерпретации является не только почти тождественность состава вопросительных и относительных местоимений, но также и то обстоятельство, что в относительном употреблении местоимения могут не полностью утрачивать и вопросительное значение: *Покажи, что у тебя в руке; Он забыл, зачем пришел* [Русская грамматика, 1980, I, с. 721]. Представляется, однако, что относительные местоимения, несмотря на их бесспорную теснейшую связь с вопросительными, предпочтительнее толковать в качестве самостоятельного разряда, ибо от вопросительных они отличаются не только по способу употребления, но в определенной мере и семантически. Отметим некоторые особенности относительных местоимений.

Относительное местоимение *кто* соотносится в реальной действительности только с людьми, «лицами». Если возможно вопросительное предложение *Кто летит?* применительно не к человеку (птица, комар), то неправильны предложения с относительным *кто* с такой референтной отнесенностью: *Птица, кто летит за кораблем...* (возможно *Птица, что / которая / какая летит за кораблем...*). В свою очередь, относительное *что* может употребляться по отношению к людям (названиям людей): *Вы та девица, что ушла от Сипягиных?* (И. Тургенев). Естественно, относительное *что* может соотноситься в реальной действительности с животными, птицами, предметами и т. д.: *Мне припомнилась нынче собака, что была моей юности друг* (С. Есенин); *Что с возу упало, то пропало*. Относительные и вопросительные *кто* и *что* различаются и сочетаемостными возможностями. В отличие от вопросительных, относительные *кто* и *что* могут сочетаться с глаголами во мн. числе: *Все, кто мог ехать, ехали сами собой, те, кто оставались, решали сами собой, что им надо было делать* (Л. Толстой); пример из: [Русская грамматика, 1980, I, с. 722]; *Люди, что стояли на берегу, увидели, наконец, утопающих*; пример из: [Шахматов, 1941а, с. 498]. Вопросительное местоимение *что* в норме сочетается с глаголами в форме ед. числа ср. рода (*Что случилось?*). Относительное же местоимение *что* может обозначать лиц, сочетаться со словоформами любого рода: *человек, что приходил вчера; женщина, что приходила вчера; дитя, что плакало здесь минутой назад*.

В отличие от вопросительного местоимения *который*, имеющего отчетливое признаково-выделительное значение (*С которых сторон понабрала ворон, а?* — Н. Гоголь), относительное *который* чаще всего этого значения не выражает: *Николай Петрович глянул на него из-под пальцев руки, которою он продолжал тереть себе лоб, и что-то кольнуло его сердце* (И. Тургенев). Относительные местоимения *кто, что, какой, чей, который* и относительные местоименные наречия *где, куда, откуда* и др. входят между собой в функцио-

нально-синонимические связи. Ср.: *В ту же ночь широкая лодка отчалила от гостиницы, где поселились Инсаровы* (И. Тургенев) — *от гостиницы, в которой поселились...*; *В котлетках, что подавали за завтраком, было много луку* (А. Чехов) — *в котлетках, которые / какие подавали за завтраком* и т. п. При этом если вопросительное местоимение *который* характеризуется весьма узкой сферой употребления и почти вытеснено местоимением *какой* (ср.: *А в которую дверь надо выходить? В ту или эту?* (Н. Гоголь) — *А в какую дверь надо выходить*), то относительное *который*, наоборот, имеет чрезвычайно широкую сферу употребления.

Разграничиваются два способа употребления относительных местоимений:

1) выбор относительного местоимения и его лексико-грамматические характеристики не зависят от главного предложения и определяются только связями местоимения с другими словами в рамках придаточного предложения: *Я не знал, кто приходил / зачем он приходил / сколько времени осталось / чей это дом* и т. п.;

2) выбор местоимения и его характеристики так или иначе предопределяются главным предложением, точнее — словоформой главного предложения, с которой соотнесено местоимение в придаточном: *Дом, в котором мы жили...* — зависимость, обусловленная частеречной семантикой слова *дом*, его родом и числом; *Гостиница, где поселились Инсаровы...* — зависимость, обусловленная предметным (субстанциональным) значением слова *дом* (ср.: невозможность *Неделя, где мы жили...* и, наоборот, правильность: *Неделя, которую мы прожили на Щучьем озере...*)³⁸.

8. Отрицательные местоимения: *никто, ничто, некого, нечего, никакой, никоторый, ничей, нисколько*³⁹. Производны от вопросительных местоимений. Образованы при помощи отрицательных приставок *не-* и *ни-*. Тесно связаны по значению и с относительными местоимениями. Являются одним из основных средств выражения категории отрицания. Имеют обобщающе-отрицательное значение.

Местоимения с приставкой *ни-* употребляются преимущественно в отрицательных предложениях — предложениях со сказуемым с отрицанием: *Мальчик ничего не хотел брать с собой* (Ю. Домбровский); *Вообрази: я здесь одна, Никто меня не понимает...* (А. Пушкин). Сравнение предложений типа *Никто меня не понимает* и *Меня все не понимают* обнаруживает, что в предложениях первого типа отрицательные местоимения на *ни-* имеют не только обобщающе-

³⁸ Более подробно о способах употребления относительных местоимений см., напр.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 721–722].

³⁹ К отрицательным местоимениям относится и *никой*, в настоящее время употребляющееся в составе фразеологизмов *никим образом, ни в коем случае, ни в коем разе* (простореч.).

отрицательное значение, но и подчеркивающее-исключающее [ср.: Русская грамматика, 1980, II, с. 412]: ‘ни один элемент из класса’.

Употребление местоимений на *ни-* в предложениях с неотрицательными глаголами (или шире — сказуемыми) предельно ограничено. Возможность такого употребления, как правило, связана с лексической трансформацией местоименных слов или же отдельных их форм. Так, местоимения *никто, ничто* в подобном употреблении имеют значения ‘лицо, не имеющее веса в обществе, ничтожная личность’, ‘не находящийся в родственных, дружеских и т. п. отношениях с кем-л.’, напр.: *Вот нас честит! Вот первая, и нас за него считает* (А. Грибоедов) [Словарь, 1981–1984, II]. Местоимение *никакой* имеет значение ‘негодный, плохой’: *Музыкант он никакой*. Словоформы *ни с чем, ни за что, ничем* лексикализируются и сочетаются только с узким кругом глаголов: *остаться, уйти ни с чем; пропасть, погибнуть ни за что; кончиться ничем* [Русская грамматика, 1980, II, с. 413]⁴⁰. Неизменяемая лексема *ничего* имеет несколько значений, главным образом оценочного характера: *А я ему и говорю, — у нас, мол, господа ничего, хорошие, да и живут они не здесь, а в городе* (Ю. Домбровский); — *Ну как, говорит, мой рояль? — Да ничего, говорят, стоит* (М. Зощенко).

Что касается отрицательных местоимений с приставкой *не-* (*некого, нечего*), то они употребляются с инфинитивом и обозначают отрицаемый, обобщенно представляемый объект: *Сознайтесь, делать на этом свете нечего...* (А. Чехов); *И не с кем говорить, и не с кем танцевать* (А. Грибоедов).

Помимо безусловных словообразовательных и, естественно, семантических связей с вопросительными и относительными местоимениями отрицательные местоимения семантически тесно связаны с определительно-обобщающими местоимениями. В контексте местоимения двух указанных групп могут входить в синонимические и антонимические соответствия, напр.: *Никто из класса меня не любит — Все в классе меня любят / не любят; Его каждый / всякий уважает — Его все уважают — Никто его не уважает* и т. п.

9. Неопределенные местоимения: *некто, нечто, некторый, некий, кто-то (-либо, -нибудь), кое-кто, что-то (-либо, -нибудь), кое-что, какой-то (-либо, -нибудь), кое-какой, чей-то (-либо, -нибудь), сколько-нибудь (-то), несколько* и некоторые другие. Так же как и отрицательные, данные местоимения производны от вопросительных. Естественно, связаны и с относительными местоимениями. При образовании использованы аффиксы со значением неопределенности: *не-, кое-, -то, -либо, -нибудь*.

⁴⁰ Вообще нужно отметить, что местоимения, вследствие очень высокой частотности их употребления, чрезвычайно «склонны» к лексикализации отдельных их форм, образованию фразеологизмов, вхождению во фразеологизмы, устойчивые сочетания и т. п.

Неопределенные местоимения относятся к числу важнейших средств выражения категории определенности — неопределенности русского языка; об этой категории см., напр.: [ТФГ, 1992].

В соответствии с характером значения неопределенные местоимения в настоящее время обычно разбивают на три или четыре группы.

Одну группу составляют местоимения с формантом (постфиксом) *-то*: *кто-то, что-то, какой-то, чей-то, который-то* (разг., устар.). С их помощью обозначаются объекты, факт наличия (существования) которых говорящему известен, но «говорящий не в состоянии идентифицировать» их [Падучева, 1985, с. 211]: *Вчера к нам кто-то приходил; Кто-то мне говорил об этом; Она спела какую-то песню*. Именно тем, что данными местоимениями передается значение неидентифицированности говорящим объекта, объясняется аномальность предложений типа *Я сейчас пою какую-то песню*. Вместе с тем предложения типа *Я вчера пел какую-то песню* являются правильными, что может быть объяснено тем, что говорящий уже не может или не хочет идентифицировать соответствующий объект. Ю. И. Левин местоимения на *-то* именуется фиксированно-неопределенными [Левин, 1973, с. 116]. «Фиксированность» означает, что с помощью данных местоимений говорящий указывает на отдельный, один объект (несколько объектов — «подмножество») соответствующего класса объектов, а не на любой объект (любые подмножества) этого класса. Более того, можно сказать, что данные местоимения указывают на «определенный» объект класса, отделенный от других по каким-то признакам, хотя и не идентифицированный говорящим лично [см.: Там же, с. 111].

Местоимения с постфиксами *-нибудь* и *-либо* (*кто-нибудь, кто-либо, что-нибудь, что-либо* и т. п.) относят к нефиксированно-неопределенным. Именная группа в предложении *Дай мне какой-нибудь карандаш* имеет значение ‘безразлично какой для говорящего’. Сема ‘нефиксированность объекта (подмножества)’, свойственная данным местоимениям, «запрещает» их использование в предложениях типа *Я взял какой-нибудь / -либо карандаш* (хотя в предложениях, описывающих будущие действия / состояния такое употребление является вполне естественным: *Я возьму какой-нибудь карандаш*). Принципиальная нефиксированность объекта, выражаемая данными местоимениями, служит основанием для отрицания у них референтного статуса [Падучева, 1985, с. 210]; не случайно поэтому Е. В. Падучева именуется данные местоимения «местоимениями неизвестности»⁴¹ [Там же, с. 210].

Местоимения с префиксом *кое-* (*кое-кто, кое-что, кое-какой*) называют полунеопределенными [Левин, 1973, с. 116] или же слабоопределенными [Падучева, 1985, с. 212; Шелякин, 1986, с. 78].

⁴¹ Мы этим местоимениям приписали бы «безразличный» референтный статус.

Главная особенность этих местоимений состоит в том, что с их помощью обозначают объекты, известные говорящему (адресанту), но неизвестные слушателю (адресату): *Кое-кого из вас я уже видел*. Естественно, известность говорящему объекта предполагает и фиксированность последнего. Кроме того, эти местоимения имеют чаще всего еще и отчетливое количественное значение — ‘небольшой, ограниченный в количестве, в том числе и единичный’ (синоним — местоимение *некоторый*): — *Завтра пообедай у меня, кое-кто будет*. — *Не друзья ли ваши? — Да, Конев, С., Ф., и еще кое-кто* (И. Гончаров) [Шелякин, 1986, с. 78; ср.: Левин, 1973, с. 116].

Что касается неопределенных местоимений с префиксом *не-* (*некто, нечто, некий, некоторый, несколько*), то их семантика не вполне отчетлива [Левин, 1973, с. 116–117], следствием чего являются неодинаковые интерпретации их места в системе неопределенных местоимений. Иногда их помещают в одну группу со слабоопределенными местоимениями [Падучева, 1985, с. 214–215]. Ю. И. Левин рассматривает их в рамках фиксированно-неопределенных местоимений (т. е. вместе с местоимениями на *-то*), отмечая, впрочем, что они занимают промежуточное положение между «*кое-*» и «*-то*» местоимениями [Левин, 1973, с. 116–117].

М. А. Шелякин интерпретирует местоимения на *не-* (за исключением лексемы *некоторый*) в качестве особой группы неопределенных местоимений («артиклевые местоимения»), подчеркивая их артиклевую функцию: они «выполняют функцию неопределенного артикля, выделяющего отдельное лицо или предмет без интерпретации их в плане признаков известности / неизвестности, существенности / несущественности конкретизации для слушающего (разрядка наша. — Авт.)»: *Некто в гороховой шинели ко мне подошел и из-под моей книжки тихонько потянул листок «Гамбургской газеты»* (А. Пушкин) [Шелякин, 1986, с. 80]. В сочетании с именем, фамилией обозначает мало известного человека: *Некто Ходжа-Мирза-Якуб, служивший более 15 лет при гареме шахском, пришел вечером к посланнику и объявил ему желание возвратиться в Эривань* (И. Мальцов).

Артиклевую функцию часто выполняет слово *один*⁴²: *Случилось так, что в числе горничных Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая девушка* (И. Тургенев). Местоимения на *не-* и слово *один* в функции неопределенного артикля соотносительны с указательными местоимениями *этот* — *тот* в функции определенного артикля: *Я встретил одного человека, и тот / этот человек сказал мне...* [Ревзин, 1973а, с. 124].

Как уже отмечалось, местоимения словообразовательных гнезд, обозначенных вопросительными местоимениями, тесно связаны между собой. Естественным является их функциональное пересече-

⁴² Часто относимое к местоимениям.

ние. Так, к примеру, в предложении *А к вечеру сидим мы печально вдвоём, словно у нас кто умер: во всей квартире — страшная тишина, и всё чудится, что по углам кто-то ходит* (Г. Алексеев) местоимение *кто* имеет значение, свойственное местоимениям неопределенным; ср. предложение *Многие из призывников успели помотаться по грязным, холодным казармам, оголодали там, обовшивели, иные уж доходили и, попав в автополк, в кирпичные казармы, строенные еще при царе, где было сухо, тепло и питаньишко получше, чем в пехоте, старались учиться изо всех сил, быстро осваивали боевую технику, то есть автомашину «ГАЗ», кто и «ЗИС»* (В. Астафьев), в котором *кто* имеет значение, приблизительно соответствующее ‘кое-кто’, ‘некоторые’ (при этом и *иные* тоже употребляется в значении неопределенного множества). В следующем отрывке *Я, доктор, готовлю диссертацию, ночью сидел, как крыса притаившись, в чужом дворе! Временами я жалею, что я не писатель. Но, впрочем, кто поверит! Я убежден, что, попадись эти мои заметки кому-нибудь в руки, он подумает, что я все это выдумал* (М. Булгаков) слово *кто* имеет значение, примерно равное ‘никто’. *Кто* может иметь и обобщающее значение: *Однако тогда мы, студенты, еще, по-видимому, не осознавали до конца весь смысл слов Паустовского, постоянно говорившего нам, что писать каждую книгу нужно так, будто это твоя последняя книга: не надо бояться отдавать ей все, расточительно и щедро, никогда не надо откладывать свое искреннее, главное на будущее. Но кто не испытывал того неудовлетворенного ощущения, когда вещь закончена?* (Ю. Бондарев).

Существует мнение, что представленная выше классификация местоимений основывается на семантическом принципе [см., напр.: Современный русский язык, 1964, с. 118]. В то же время многие исследователи справедливо указывали, что семантический принцип в данной классификации проведен непоследовательно, и предлагали другие семантические классификации местоимений. Так, А. М. Пешковский писал, что в традиционной классификации не различается семантика корня и собственно грамматических частей (флексий) местоименных слов. Согласно Пешковскому, *личным* и местоимениям следует считать не только *я, ты* и т. д., но и *мой, твой, ваш* и т. д.; *возвратными* — *себя, свой*. Им предложены классификационные рубрики *обобщительных* (*всякий, каждый, какой угодно* и др.), *совокупных* (*весь, целый*), *выделительных* (*сам, самый* и др.) и *восклицательных* (*Куда как хороши!* — А. Грибоедов) местоимений [Пешковский, 1938, с. 165–166]. Вместе с тем и классификация Пешковского не лишена противоречий. Так, если личные, возвратные местоимения выделяются на основе общности их корневой семантики (общности корней), то вряд ли то самое же можно сказать об основании разведения на три разряда

местоимений вопросительных, относительных («те же, что и вопросительные, но в значении так называемых союзных слов») и восклицательных («те же, что и вопросительные, но в значении восклицательных членов в восклицательных предложениях») [Там же, с. 165, 358, 438–443].

Отметим, однако, что построить непротиворечивую классификацию местоименных слов весьма затруднительно, ибо, как и всякая грамматическая по своей природе, семантика местоимений является весьма непростоим для интерпретации объектом.

Естественно, ни традиционная классификация, ни классификация А. М. Пешковского не исчерпывают собой перечень существующих классификаций местоимений. Предлагались и предлагаются другие классификации. В общих чертах рассмотрим две классификации — М. А. Шелякина и Е. В. Падучевой — С. А. Крылова.

Классификация М. А. Шелякина, по мысли автора, является «функционально-семантической». Она опирается на разграничение типов выделительно-указательных значений, выражаемых местоименными словами. Последние в этом плане подразделяются на: 1) личные; 2) притяжательные; 3) возвратные; 4) предметно-выделительные (указывают на предметы по признаку их отношения к говорящему в речевой ситуации): а) *выделительно-указательные* (*этот — тот*), б) *качественно-выделительные* (*такой — таков*), *выделительно-отождествляющие* (*тот же, такой же* и др.), в) *выделительно-усилительные* (*сам, самый*), г) *вопросительные*; 5) неопределенные; б) *обобщенно-распределительные* (универсальные): а) *определятельно-обобщенные* (*каждый, любой* и др.), б) *отрицательные*. Особую (7-ю) группу, по М. А. Шелякину, составляют относительные местоимения [Шелякин, 1986, с. 11–12; 2003, с. 457–458].

С. А. Крылов и Е. А. Падучева разделяют все местоимения на три «логико-семантических» разряда: I. Дейктические (отсылают к участникам речи или речевой ситуации). Это: 1) *личные* местоимения 1-го и 2-го лица, а также 2) *указательные* местоимения в дейктической функции (отсылающие к объекту, на который направлен указательный жест говорящего, иногда мысленный). II. Анафорические (отсылающие к компонентам «данного» высказывания или тексту, в который эти местоимения входят). К ним относятся: 1) *личные* местоимения 3-го лица; 2) *указательные* в анафорической функции; 3) *возвратное*; 4) *взаимное* (взаимно-возвратное); 5) *относительные*. III. Кванторные (дающие количественную характеристику объекту / объектам): 1) местоимения *неизвестности* (*кто-то, какой-то* и т. п.); 2) *слабоопределенные* (*кое-какой, некоторый* и т. п.); 3) *экзистенциальные* (предполагают существование класса объектов с некоторыми свойствами, но не вводят никакого конкретного объекта из данного класса — *кто-нибудь, какой-нибудь* и т. п.);

4) универсальные (*каждый, любой, всё* и др.); 5) отрицательные; 6) вопросительные⁴³ [Лингвистический словарь, 1990, с. 294–295; Падучева, 1985, с. 133–134]⁴⁴.

§ 4. Разряды неизменяемых местоимений (местоименные наречия)

Как уже отмечалось, неизменяемые местоименные слова традиционно рассматриваются в рамках наречий. Одним из аргументов в пользу такого подхода к этому типу лексем является их неизменяемость. Отсутствие характеристики морфологическими категориями означает, что в этом плане местоименные наречия от знаменательных неизменяемых наречий ничем не отличаются [Янко-Триницкая, 1982, с. 79]. Однако это не единственное обстоятельство, оправдывающее подачу местоименных неизменяемых лексем в рамках наречий. Все местоименные наречия безболезненно вписываются в систему лексико-грамматических разрядов наречий (места, времени, образа действия, причины, цели и т. д.). Того же нельзя сказать о других типах местоименных слов — субстантивных, адъективных и нумеративных⁴⁵: в самом деле, вряд ли возможна постановка вопроса о том, к какому лексико-грамматическому разряду прилагательных — качественным или относительным — принадлежат лексемы *какой?*, *какой-то*, *этом*.

Наречность неизменяемых местоимений, таким образом, проявляется ярко и отчетливо. Вместе с тем местоименные наречия остаются словами с местоименной семантикой и распределяются, подобно другим местоимениям, по собственно местоименным рубрикам (вопросительные, отрицательные и т. д.). Не случайно поэтому, если неизменяемые местоимения описываются в рамках наречия, они помещаются сразу в две классификации — собственно наречную и

⁴³ К кванторным относят и местоименные сочетания типа *хоть кто, все равно что, безразлично кто, кто угодно, что попало, что хочешь (хотите)*. Их статус трактуется по-разному (местоимения, сращения, составные слова). См. об этом: [Откупщикова, 1984, с. 10–11, 82–83].

⁴⁴ В работе Е. В. Падучевой три рассмотренных выше разряда местоимений распределены по двум «референциально-семантическим» классам: 1) местоимения, отсылающие к акту речи; к ним относятся дейктические и анафорические местоимения; 2) выражающие денотативный статус объекта (указывающие на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью); к ним отнесены кванторные местоимения [Падучева, 1985, с. 133–134].

⁴⁵ Отметим, однако, что некоторые рубрики наречий являются «более местоименными», чем собственно наречными. В данном случае мы имеем в виду в первую очередь рубрики наречий причины и цели (наречия обусловленности), которые в русском языке на две трети состоят из местоименных лексем (*почему, почему-то, зачем, зачем-то* и т. д.) (подробнее об этом см. в главе «Наречие»).

местоименную: *когда* — наречие 1) времени; 2) вопросительное; относительное; и т. п. Это стабильная практика описания местоименных наречий (один из примеров этого типа описания см.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 703–705]). Примечательно при этом, что не все местоименные наречия отчетливо вписываются в традиционную собственно местоименную классификацию (см. ниже). Если говорить о семантических структурах местоименных наречий, не всегда можно с уверенностью определить, какие именно семы — наречные или местоименные — доминируют в этих структурах.

Обратимся к классификации местоименных наречий.

1. **Личные** местоименные наречия. Если в значении местоимений-наречий акцентировать семы, связанные с их корневыми элементами, то к личным должны быть отнесены наречия, соотношенные в первую очередь с собственно-личными местоимениями: *по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему* [Там же, с. 704]. Наречия, производные от личных местоимений 3-го лица в их личном значении (*по-его, по-её, по-их*) почти неупотребительны и имеют разговорно-просторечный оттенок.

2. **Возвратное** местоименное наречие. Только одно — *по-своему*. Производно от возвратно-притяжательного местоимения *свой*.

3. **Притяжательные** местоименные наречия. К ним относят те же лексемы, которые были перечислены в предыдущих двух рубриках. Данный разряд в наречных классификациях указывается только тогда, когда соответствующий разряд выделяется и у изменяемых местоимений. Например, А. М. Пешковский сомневался в обоснованности выделения лексем типа *мой, свой* в особую рубрику — притяжательных местоимений. По его мнению, притяжательное значение у них создается не за счет корня, а за счет аффиксов. Аналогичную «аффиксальную» семантику имеют и местоимения *чей?* (вопросительное), *чей* (относительное), которые, тем не менее, не принято трактовать как притяжательные. В плане же корневой семантики местоимения типа *мой, свой* должны быть разнесены по рубрикам личных и возвратных [Пешковский, 1938, с. 164–165].

Мысль Пешковского о двуплановости рубрикации местоименных слов (по «аффиксальной» семантике и по корневой) получила развитие в разграничении двух типов местоименных классификаций — «логико-семантической» и «тематической» [Левин, 1973, с. 108–109; Падучева, 1985, с. 134; Лингвистический словарь, 1990, с. 294–295]. Примером классификации первого типа может быть классификация С. А. Крылова и Е. В. Падучевой (см. выше). Что касается тематической классификации, то в ее рамках местоименные слова подразделяются (по главной синтаксической функции) на три основные группы: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные и местоименные наречия. Субстантивные местоимения в свою очередь распадаются на одушевленные — неодушевленные, личные — неличные (ср. англ. *it*) и др. Адъективные местоимения делят

на качественные (*какой*), количественные (*сколько, несколько*), порядковые (*который*), притяжательные и некоторые другие. Тематическая рубрикация местоименных наречий практически полностью совпадает с рубрикой неместоименных наречий (качественные — *как, так*; пространственные — *здесь, туда, сюда*; временные — *когда, тогда, когда-нибудь*; причинные — *почему?, потому* и т. п.) [Лингвистический словарь, 1990, с. 295].

Идея неоднородности классификации местоименных слов в целом является плодотворной. Вместе с тем многое в «тематической» классификации — и прежде всего в ее принципах — представляется спорным и неоднозначным. В частности, не вполне ясным представляется и самый принцип разграничения «логико-семантической» и тематической классификаций. Не случайно поэтому притяжательные местоимения, как и некоторые другие «тематические» рубрики, по-прежнему фигурируют в местоименных классификациях наряду с такими разрядами, как личные, возвратные и т. п. Если говорить о местоимениях типа *по-моему, по-своему*, то они представляют собою своеобразный трехслойный семантический «пирог», поскольку являются, с одной стороны, личными и возвратными, а с другой — несут на себе отчетливый «тематический» отпечаток как собственно местоимений (притяжательные), так и наречий («качественно-определятельные», образа действия). Этим и объясняются конкретные решения, связанные с вопросом об их месте в классификациях: то они квалифицируются как личные и возвратные, то как притяжательные, то вообще не упоминаются в классификации местоименных наречий и помещаются только в собственно наречную классификацию.

4. **Указательные** местоименные наречия. К ним обычно относят: 1) **пространственные** (места): *здесь, тут, там; туда, оттуда, дотуда* (разг., простореч.); *сюда, отсюда, досюда* (разг.); 2) **временные**: *сейчас, теперь, ныне, тогда; потом, затем; пока, покамест* (устар., простореч.), *покуда* (простореч.) (*Спрячь меня покуда, душа моя; а когда он придет, ты меня выпроводи.* — А. Островский); *доселе* (простореч.), *дотоле* (простореч.), *пояныне, доняныне; отныне*; 3) **причинные**: *оттого, потому, поэтому*; 4) **цели**: *затем*; 5) **качественно-определятельные** (способ, образа действия): *так* (*А вы как с ней говорили? Так ли должен говорить влюбленный?* — Ф. Достоевский), *этак*; 6) **меры и степени** (количественные): *так* — *Правда ли, что он так красив собой? — Удивительно хороши, красавец, можно сказать* (А. Пушкин), *настолько* (*Все вывески нам удавалось в конце концов прочитывать, настолько болгарский язык близок к русскому.* — В. Солоухин), *сколько* (*«Митенька» старался придать себе сколько возможно более степенную физиономию.* — М. Салтыков-Щедрин), *своль, столько* (*Я говорил, что я человек не военный, мне водки столько нельзя.* — М. Булгаков), *столь* (*Какое важное дело привело вас ко мне столь поздно?* — И. Тургенев).

Обращает на себя тот факт, что по количеству указательные наречия почти в три раза превосходят группу изменяемых указательных местоимений. Объяснение этому факту состоит в том, что местоимения типа *этот — тот* могут употребляться с любым существительным, соотноситься с любой именной группой, предложением, фрагментом текста. Наречие же — это лексикализованное выражение обстоятельств, и, естественно, наречие места, к примеру, не может в норме выступать в роли обстоятельства способа, цели или времени действия (ср. в этом плане возможности изменяемых местоимений: *в это / то время, в этом / том месте, этим способом, таким образом*). Адвербиальная лексикализация в сфере обозначения временных и пространственных отношений связана с дифференциацией статических (*здесь, сейчас*) и векторных (динамических) указаний (*туда, сюда*) и последующим делением векторных на фиксирующие удаление от точки отсчета (*оттуда, отсюда*) или приближение к ней (*дотуда, досюда*) [подр. см.: Евтюхин, 1979].

5. **Определятельные** местоименные наречия: *везде, всюду, повсюду, отовсюду, всегда, навсегда, по-всякому, всячески; по-иному, иначе, по-другому* (разг.). Как уже было показано, традиционная рубрика определятельных местоимений неоднородна по своему составу. Тем не менее, по-видимому, отдавая дань давней традиции, эту рубрику по-прежнему включают в местоименные классификации, в том числе и в классификации местоименных наречий [см., напр.: Русская грамматика, 1980, I, с. 704]. В целом по характеру выражаемого значения определятельные местоименные наречия должны быть отнесены к кванторным (обобщающе-выделительным).

Отметим, что применительно к местоименным наречиям термин «определятельные» имеет иное содержание, нежели тот же термин в его применении к неместоименным наречиям. Определятельные (неместоименные) наречия — это те, которые выступают в функции глагольного «определения» (обстоятельства образа и способа действия): *быстро бежит, говорит громко*. Определятельные же местоименные наречия — это те, которые соотношены с определятельными местоимениями (*весь, всякий, каждый* и т. д.), причем некоторые из этих наречий выступают и в роли глагольных «определятелей»: *говорить иначе*⁴⁶, *всячески поддерживать*. Терминологический разнобой, связанный с использованием слова «определятельный» в применении к местоименным словам и наречиям, весьма неудобен, и думается, что его устранение возможно за счет исключения «определятельной» рубрики из классификации местоименных слов и из классификации разрядов наречий (см. ниже, в главе «Наречие»).

⁴⁶ Ср.: *А на дворне, по словам Натальи, объяснили слабоумие деда иначе: тем, что тронулся Петр Кириллыч от любовной тоски после смерти красавицы бабушки, что великая гроза прошла над Суходолом перед вечером того дня* (И. Бунин).

6. Вопросительные местоименные наречия: 1) пространственные: *где?, куда?, откуда?, докуда?* (разг.); 2) временные: *когда?, доколе? (доколь?)* (устар., простореч.), *докуда?* (простореч.) (*Девушки, да докуда же мы будем терпеть?* — В. Вересаев); 3) причинные: *отчего?, почему?*; 4) цели: *зачем?*; 5) качественно-определяющее: *как?*⁴⁷, *каково?* (*Каково почивал, миленький?* — Н. Чернышевский); 6) количественные: *как?* (*И пью, и ем много и жадно. — Да как много-то?* — А. Островский), *сколько?, насколько?* (разг.) (*И насколько же ваши действия можно считать оправданными?*); 7) предикативные (сказуемые, в безличных предложениях): *каково?* (*Каково на дворе?* — Сыро, *ваши превосходительство.* — Н. Гоголь), *как?*

Подобно указательным, вопросительные местоименные наречия отчетливо вписываются в сетку лексико-грамматических разрядов неместоименных наречий.

7. Относительные местоименные наречия: 1) пространственные: *где, куда, откуда, докуда* (разг.) (*А в озимом поле расстилается, докуда хватает глаз, вызолоченное солнцем ржаное поле.* — В. Смирнов); 2) временные: *когда*⁴⁸ (*Он говорил, о временах грядущих, Когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся.* — А. Пушкин), *доколе (доколь), докуда* (*Крестьянин земель и крепок: докуда он на ней — жив, сорвался с нее — пропал.* — М. Горький); 3) причинные: *отчего, почему*; 4) целевое: *зачем*; 5) качественно-определяющее: *как*; 6) количественные: *как* (*И знали бы вы, как все это мне противно.* — И. Григорьев), *насколько, сколько, сколь*; 7) предикативные: *как, каково.*

8. Отрицательные местоименные наречия: 1) пространственные: *нигде, никуда, ниоткуда*; в сказуемом употреблении (в безличных предложениях): *негде* (*В Обломовке негде жить, дома еще нет... Какая же свадьба?* — И. Гончаров), *некуда*; 2) временные: *никогда, некогда* (в сказуемом употреблении; в безличных предложениях — *Бедным, сударь, некогда, у них день и ночь работа.* — А. Островский); 4) целевое: *незачем* (в сказуемом употреблении): *Всех его рассказов я передать ... не могу, да и незачем.* — И. Тургенев); 5) качественно-определяющие: *никуда* (разг.) (*Вот ты, Анюта, намного меня моло-*

⁴⁷ Словоформа *как* (в вопросительной и невопросительной функции) имеет весьма широкий спектр значений. В предлагаемой классификации отражена лишь часть этих значений.

⁴⁸ Разграничение относительного слова *когда* и союза *когда* вызывает определенные (а иногда и значительные) затруднения. Еще Д. Н. Овсянко-Куликовский отмечал, что союз *когда* сохраняет частичное наречное значение [Овсянко-Куликовский, 1912, с. 279]. Впрочем, проблема дифференциации союз — союзное слово касается и других временных (и невременных) относительных местоименных наречий [см., напр.: Ильенко, 1958; 1964; Колосова, 1967; Прияткина, 1977; Лёнгрен, 1995].

же, а выглядишь никуда. — Арбузов), *никак* (*Несмотря на все мои старания, я никак не мог заснуть.* — И. Тургенев); 6) меры и степени: *никак*⁴⁹ (*Без кровли никак нельзя ...* — С. Бабаевский).

9. Неопределенные местоименные наречия: 1) *где-нибудь, -то, -либо; негде* (устар.) (*Негде, в тридевятом царстве, В тридесятом государстве, жил-был славный царь Дадон.* — А. Пушкин), *куда-то, -либо, -нибудь; откуда-то, -либо, -нибудь*; 2) *когда-то, -либо, -нибудь; некогда; как-то* (*Помнишь, мы как-то с тобою повздорили.* — А. Н. Толстой), *как-нибудь* (*Мы с Ванькой уговорились как-нибудь сходить туда.* — П. Замойский); 3) *отчего-то, -либо, -нибудь; почему-то, -либо, -нибудь*; 4) *зачем-то; 5) как-то, -либо, -нибудь*; 6) *сколько-то, -нибудь; столько-то.*

§ 5. Грамматическая характеристика местоимений

Речь в данном параграфе идет преимущественно о морфологических и частично о некоторых синтаксических особенностях местоименных слов.

Обычно по грамматическим особенностям местоименные слова разбивают на три-четыре типа. В основу разбиения кладется принцип подобия грамматических свойств местоименных слов свойствам основных частей речи. Выделяются местоимения субстантивного типа (местоимения-существительные), адъективного типа (местоимения-прилагательные) и адverbиального типа (местоименные наречия). Отношение лингвистов к выделению в качестве особого грамматического разряда местоимений нумерального (нумеративного) типа, или местоимений-числительных (*сколько, несколько* и т. п.), противоречиво. Это объясняется, главным образом, сомнениями в возможности выделения в русском языке числительных как особой части речи. Если в качестве отдельной части речи выделяется категория состояния (безлично-предикативные слова), то и эта рубрика может быть представлена местоименными словами: *каково, таково, как* и некоторые другие (в данном учебнике, однако, аргументируется точка зрения о нецелесообразности выделения такой части речи; см. главу «Наречие»).

Вопрос о наличии в русском языке местоименных глаголов (наподобие английского *to do*) является дискуссионным. Большинство

⁴⁹ *Никак* в функции образа, способа действия (определятельном) и в значении меры и степени дифференцируется не вполне отчетливо, вследствие чего второе значение (меры и степени) часто в словарях не фиксируется [ср., напр.: Словарь, 1981–1984, II, с. 498].

лингвистов, пишущих о местоимениях, склоняются к мысли об отсутствии таковых⁵⁰.

I. Местоимения субстантивного типа (местоимения-существительные). Рассмотрим отношение местоимений-субстантивов к категориям падежа, рода, одушевленности – неодушевленности и числа.

Категория падежа. Данной категорией обладают все местоимения-субстантивы. Отметим некоторые особенности реализации категории падежа у указанного разряда местоимений.

Для местоимений характерен супплетивизм падежных форм. В первую очередь им характеризуются личные местоимения: *я* (им. падеж), *меня* (род., вин. падеж), *мне* (дат. падеж), *мною* (тв. падеж); *ты* (им. падеж), *тебя* (род., вин. падеж), *тебе* (дат. падеж); *он* (им. падеж), *его*, *у него* (род., вин. падеж), *ему*, *к нему* (дат. падеж); *она* (им. падеж), *её*, *без неё* (род., вин. падеж), *ей*, *к ней* (дат. падеж); *мы* (им. падеж), *нас* (род., вин. падеж), *нами* (тв. падеж) и т. д. Супплетивизм свойствен и местоимениям с элементом *-то* в им. падеже (типа *к-то*, *ч-то*); ср.: *кто*, но *кого*, *кому*, *кем*; *что*, но *чего*, *чему*, *чем*, *о чём* и т. п. Конечно, падежный супплетивизм не является специфичным только для местоимений. Однако доля супплетивных словоформ в пределах субстантивных местоименных лексем выше, чем в рамках других именных частей речи.

Многие местоимения-субстантивы в косвенных падежах своеобразно сочетаются с предлогами.

1. У местоимений *никто*, *ничто*, *некого*, *нечего*, *кое-кто*, *кое-что* имеются так называемые разорванные словоформы [Милославский, 1981, с. 135]. Ср.: *никто не пришел, никому не сказал, но ни к кому не подошел, ни у кого не спросил, кое о чём узнал*. Естественно, формы предл. падежа данных местоимений только «разорванные». Впрочем, вставка предлога может рассматриваться как свидетельство того, что сочетания типа *ни к кому* состоят из трех самостоятельных слов [Касевич, 1988, с. 146; см. также: Ермакова, 1989].

2. Местоимение *он* (*она*, *оно*, *они*) в косвенных падежах с предлогами, как правило, имеет формы («припредложные» формы) с начальной фонемой /n⁵¹/ (в отличие от беспредложных — без /n⁵¹/):

⁵⁰ Помимо указанных рубрик выделяют также местоименные глагольные сочетания (*что делать?*, *что происходит?* и др.), предикативы (*каково*, *незачем* и т. п.), частицы (*это*, *то*, *вот*, *вон*, *что*, *как*, *никак* — *Никак ты уже пришел?* и др.) [Засорина, 1965; Откупщикова, 1984; 1995, с. 34–35]. Предикативы — это местоименные словоформы (лексемы), употребляющиеся в функции сказуемого: *Она того, да я не того... Это уж, моя милая, не твою... я из-за тебя лоб подставлял* (А. Писемский); *А что земля! земля ничего* (А. Сухово-Кобылин) [Шахматов, 1941а, с. 208–209]. Однако предикативы — это не глаголы.

⁵¹ «Появление в местоимении начального *н* после предлогов исторически объясняется тем, что первоначально предлоги *в*, *с*, *к* оканчивались на носовой согласный *н* и имели форму *вн*, *сн*, *кн*. С утратой этими предлогами звука *н* последний стал восприниматься не как конечный звук предлога, а как начальный звук местоимения *его*, *их* и т. п. Под влиянием указанных предлогов начальное *н* в местоимении стало употреб-

смотрит на нее, него, них, но видит его, её, их. После некоторых производных предлогов — *благодаря*, *вне*, *вопреки*, *вследствие*, *навстречу*, *согласно* — употребляется форма без начального /n⁵²/: *вопреки ему*, *навстречу им*.

3. При склонении неопределенных местоимений с постфиксами *-то*, *-либо*, *-нибудь* окончание располагается до постфикса: *кого-нибудь*, *какого-то*, *чего-либо* и т. п. (Собственно существительные постфиксами не располагают⁵².)

4. Еще одна особенность местоимений-субстантивов — неполнота падежной парадигмы шести лексем. Эти лексемы суть *себя*, *друг друга*, *некого*, *нечего*, *некто* и *ничто*. Местоимения *себя*, *друг друга*, *некого* и *нечего* не имеют форм им. падежа. Только в им. падеже употребляется местоимение *некто*, местоимение же *ничто* — в им. и вин. падежах.

5. При количественной незначительности местоимения-субстантивы характеризуются весьма большим разнообразием типов склонения [подр. см., напр.: Зализняк, 1977, с. 65–66; Милославский, 1981, с. 136–138]. Образцы склонения местоимений существительных находятся в Приложении в конце учебника.

Существуют определенные отличия семантики местоимений-субстантивов в сравнении с падежом существительных. Не все значения падежных форм существительных могут выражаться аналогичными падежными формами местоимений-существительных [Кучера, 1969]. Так, к примеру, винительный падеж существительных (правда, не всех, а лишь некоторых лексико-семантических типов) может иметь обстоятельственно-временное значение (в сочетании или без сочетания со значением «меры»): *В ночь погода зашумела* (А. Пушкин); *Всю ночь гремел овраг соседний* (А. Фет); *не спал сутки*. Несмотря на то что существительные *ночь* и *сутки* соотносимы с местоимением *что*, последнее в позиции винительного временного употреблено быть не может. Соответственно к существительным в таком их употреблении не может быть поставлен и вопрос *что?* в аналогичной существительному падежной или предложно-падежной форме с сохранением контекстного значения последней: **Во что погода зашумела?*; **Что гремел овраг соседний?* В таких позициях используется неизменяемые местоимения или конструкции, включающие в свой состав местоименные слова: *Когда погода зашумела?*; *Как долго (сколько времени) гремел овраг?*, *не спал?* и т. п.

ляться и после остальных предлогов» [Грамматика, 1953, I, с. 390–391].

⁵² Весьма распространенным является утверждение, что постфиксация присуща лишь глаголу (использование морфем *-ся* (*-сь*), *-те*: *моется*, *каталась*, *идемте*) [Грамматика, 1970, с. 31]. Однако если термин постфикс трактовать как «аффикс, стоящий после флексии», то, аналогично глагольным постфиксам, местоименные морфемы *-то*, *-либо*, *-нибудь* также должны быть признаны постфиксами [Русский язык, 1979, с. 219; Русская грамматика, 1980, I, с. 412–413; Лингвистический словарь, 1990, с. 59].

Примеры других падежей⁵³: творительный временной — *Длинными зимними вечерами (*чем?, приемлемо когда?) в колонии было тихо* (А. Макаренко); творительный пространственный — *Он ехал берегом (*чем?, допустимо где?) широкого озера* (А. Пушкин); творительный уподобительный способа и образа действия — *Время (дело известное) летит иногда птицей, иногда ползет червяком (*чем?)*; предложный временной — *По уходе (*по чём?) его Ольга Ивановна долго лежала на кровати и плакала* (А. Чехов); *Кто при звездах и при луне (*при чём?) Так долго едет на коне* (А. Пушкин); предложный «состояния» — *Весь день она лежала в забытыи (*в чём?), И всю ее уж тени покрывали* (Ф. Тютчев); родительный «качественной оценки» и «возраста» — *Калиныч был человек самого веселого, самого кроткого нрава (человек *чего?)* (И. Тургенев); *человек преклонного возраста (человек *чего?)*; именительный признаковый (в функции одиночного необособленного приложения⁵⁴) — *Чижса захлопнула злодейка-западня (*что?)* (И. Крылов).

Количество примеров на несоотносительность значений падежных форм у местоимений и существительных можно существенно увеличить. Так, несмотря на значительные анафорические потенции у местоимения *он*, последнее не во всех падежных формах может замещать существительное, передавая при этом соответствующее падежное значение, свойственное существительному (в том же падеже): *Петр вечерами работал над статьей. Остальные вечерами отдыхали — Петр вечерами работал над статьей. Остальные *ими отдыхали; Маша шла берегом. Катя тоже решила идти берегом — Маша шла берегом. Катя тоже решила идти *им*; и т. п.

Рассмотренные выше примеры затрагивают область так называемых конкретных падежных значений [Русская грамматика, 1980, I, с. 478]. Невозможность выражения местоимениями этого типа значений предопределяется спецификой корневой местоименной семантики — отвлеченной, грамматико-ситуативной.

Категория рода. Морфологическая категория рода, состоящая из трех граммем — мужского, женского и среднего рода, выражена последовательно лишь у местоимения *он*: *он — она — оно*. При этом формальное выражение трех родов реализуется только в именительном падеже. В остальных падежах родовое противопоставление имеет бинарный характер: с одной стороны — это формы мужско-среднего рода (*его, ему* и т. д.), с другой — формы женского рода (*её, ей* и т. д.). В этом отношении данное местоимение похоже на прилагательные.

У собственно существительных противопоставление трех родов в падежных формах имеет более последовательный характер. Кроме того,

⁵³ Большинство примеров на употребление падежных форм существительных заимствовано из: [Грамматика, 1953, I] (раздел «Значение падежей существительных»).

⁵⁴ Впрочем, падеж приложения роли не играет, важна сама функция. Ср.: *За обманщиком-апрелем (за апрелем каким?, но не чем?) приходит наконец первый в этих краях по-настоящему весенний месяц — май* (Н. Московских).

категория рода существительных является классификационной (классифицирующей, несловоизменительной, некоррелятивной): родовая дифференциация существительных сопрягается с дифференциацией лексической. В рамках существительных, как правило, отрицается существование пар, а тем более троек словоформ, противопоставленных по роду, но не различающихся лексически. Члены же триады *он — она — оно* различаются только по роду, но не лексически. Правда, такой вывод можно сделать лишь при том условии, если сводить лексическое значение данных словоформ к указанию на кого-то или что-то по признаку неучастия в коммуникативной ситуации и в этом отношении противопоставленных говорящему и слушающему. Соответственно категория рода при таком подходе у триады интерпретируется (подобно адъективному роду) как словоизменительная (коррелятивная, неклассификационная), и члены этой триады толкуются в качестве словоформ одной лексемы (с репрезентативной формой *он*⁵⁵).

В плане выполнения местоимением *он* анафорической функции (а это, напомним, главная функция данного слова) оно мало чем отличается от адъективных словоформ в функции определения или сказуемого: те и другие ориентированы либо на родовую форму (*деревянный стол, врач пришел*), либо, в случае одушевленных существительных, и прежде всего обозначающих лица, на пол обозначаемого: *врач пришла, она сказала...*

Благодаря особенностям родовой парадигмы и способности замещать в тексте существительное родовые формы местоимения *он* оказываются как бы знаками «чистого рода» для субстантивных лексем. Этим объясняется использование данного местоимения в известной «школьной» процедуре определения рода существительных: *заяц — кто? — оно?, она?, он? — он*.

Мнения лингвистов о родовых признаках местоимений *я, ты, себя, друг друга*, местоимений ряда *кто (кто-то, кто-нибудь, никто* и т. п.) и ряда *что (что-то, что-нибудь, ничто* и т. п.) предельно разноречивы.

Одни лингвисты, исходя из особенностей синтаксической сочетаемости данных местоимений (типа *я пришел, я пришла, кто-то пришел, нечто произошло*), полагают, что родовые формы сочетающихся с местоимениями слов (*пришел, пришла, пришло*) обусловлены родовыми характеристиками местоимений, т. е., следовательно, последние обладают морфологической (грамматической) категорией рода. Так, к примеру, *я* и *ты* трактуются как принадлежащие к словам общего рода, *кто* — мужского, а *что* — среднего [Милославский, 1981, с. 132].

Другие исследователи считают, что рассматриваемые местоимения категорией рода не обладают, поскольку морфологически (мор-

⁵⁵ Ср.: «Особенностью... местоимения-существительного *он* является то, что оно, подобно прилагательным, изменяется по родам: *он, она, оно*» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 155; Шелякин, 2003, с. 443].

фологической формой) ее не выражают [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 153–154; Русская грамматика, 1980, I, с. 536–538]. Имеются и другие точки зрения, в частности, исходящие из возможности приписать категорию рода только части указанных местоимений. Так, Грамматика 1970 приписывает категорию рода местоимениям ряда *кто* и *что* и отказывает в ней местоимениям *я*, *ты*, *себе* [Грамматика, 1970, с. 331–332].

Если исходить из образцов грамматического анализа, выработанных на материале собственно субстантивных лексем (существительных), то наиболее приемлемой представляется точка зрения, отрицающая морфологический род у местоимений *я*, *ты*, *себя*. «Иногда говорят также о так называемом морфологическом роде, имея в виду деление существительных по типам склонения, каждый из которых наиболее характерен для одного из родов...» [Русский язык, 1979, с. 259]. Естественно, что разграничение *я*, *ты* мужского или женского рода (*я пришел*, *ты пришла*) не основывается на противопоставлении окончаний местоимений, а опирается на семантический фактор рода как категории (значение естественного пола⁵⁶). Аналогично и *себя* в случае употреблений типа *Пожалей самого себя*. В случае замещения родовые свойства *себя* задаются родом замещаемых имен: *В глубине души ее жила надежда, и она таила ее ото всех, даже хотела бы спрятать от самой себя, если б это было возможно* (В. Астафьев). При том что местоимения *я*, *ты*, *себя* имеют один тип склонения и при том что местоимение *себя* соотносимо с именами множественного числа (*Нам, со смещенным сознанием, пониманием добра и зла, надо прежде всего бороться за самих себя и спастись трудом, и молитвой, и в этом разбежавшемся зверинце самим обрести свободу и достойную жизнь*. — В. Астафьев), можно говорить о специфичности проявления рода у данных местоимений в сравнении с родом существительного.

Наличие конструкций *Я пришел*, *Я пришла* применительно соответственно к лицам мужского и женского пола позволяет, на первый взгляд, толковать местоимения *я* и *ты* в качестве субстантивов общего рода. Однако если ориентироваться при интерпретации родовых характеристик собственно личных местоимений на соответствующие характеристики существительных типа *неряха*, *плакса* (а они представляют собой эталонный образец субстантивов общего рода), то трактовку *я* и *ты* как слов общего рода вряд ли можно считать бесспорной. Слова типа *неряха* существенно отличаются от личных местоимений *я* и *ты*. Формально они маркированы как существительные одного — женского — рода, поскольку относятся к II, жен-

⁵⁶ При олицетворении возможно сочетание местоимений *я*, *ты* с родоизменяемыми словами в форме среднего рода (как, впрочем, мужского и женского): *И видя, Что на Море едва колышется вода (Так Море присмирело) И плавно с пристани бегут по ней суда: «Мой друг! — сказал, — опять ты денег захотело»* (И. Крылов).

скому, склонению. Этим предопределяется возможная двойственность мотивации их сочетаемости с родоизменяемыми словами — по форме или по значению (отнесенности к полу): *страшный неряха* и *страшная неряха* (то и другое о лице мужского пола), *неряха пришел* и *неряха пришла* (также о лице мужского пола). Более того, в некоторых случаях предпочтение отдается формальной, а не семантической стороне проявления рода у данных существительных: о лице мужского пола, по-видимому, предпочтительнее сказать *Ты страшная неряха*, а не *Ты страшный неряха*. Сочетаемость же личных местоимений предопределяется только семантическим фактором: вряд ли можно использовать контекстно независимое предложение типа *Ты пришел* применительно к лицу женского пола, так же как *Ты пришла* — в применении к лицу мужского пола.

Местоимения рядов *кто* и *что* имеют адъективные окончания мужско-среднего рода. *Кто* отчасти похоже на существительные мужского рода типа *инженер*, обозначающие лица как мужского, так и женского пола. Акцент на половые признаки объясняет возможность сочетаний *кто такой?*, *кто такая?* Однако ограничения на подобную сочетаемость еще жестче, чем у существительных типа *врач*. Вряд ли в норме (если не рассматривать специфические контекстные условия употребления) допустима фраза *Кто пришла?* О том, что местоимение в плане рода только частично соотносимо с существительными *врач*, *инженер*, *секретарь*, свидетельствует возможность сочетания *кто такие?*

Местоимения ряда *что* сочетаются с родоизменяемыми словами аналогично существительным среднего рода (*Что произошло?*). Это можно объяснить, во-первых, тем, что подавляющее большинство существительных среднего рода являются по значению неодушевленными. Существительные этого рода практически не выражают семантику «лица» (семантику, связанную с обозначением людей). «Категория лица не сочетается с средним родом. С средним родом сочетается самое отвлеченное представление о категории не-лица...» [Виноградов, 1972, с. 75]. Подобие сочетаемости слова *что* и существительных среднего рода может служить аргументом в пользу соответствующей родовой интерпретации данного местоимения⁵⁷. Во-вторых, как известно, родоизменяемые слова при сочетании с лексемами, лишёнными именных категорий (*Ехать по той дороге было опасно*) или морфологических категорий вообще (в том числе, понятно, и рода) принимают «обезличенную» форму — форму среднего рода (*Далече грянуло ура: Полки увидели Петра*. — А. Пушкин); *И это «ррр...» вышло у нее так внушительно, что Мушка непременно отвечала ей из-под стула*. — А. Чехов).

⁵⁷ «Предметное *что* вызывает неизменно представление о среднем роде, к какому бы предмету или животному оно ни относилось: *дай почитать что-нибудь, что-то возит-ся в комод* (мышь или таракан)» [Шахматов, 1941а, с. 496].

Употребление местоимения *что* в качестве относительного (союзного) слова (тоже в субстантивной позиции) в сложных предложениях типа *женщина, что приходила вчера...*; *старик, что приходил сюда...*; *дитя, что так радовало, казалось бы, еще вчера, сегодня уже не радуется* регулируется иными правилами, нежели употребление вопросительного *что*. В придаточном предложении сказуемое (родоизменяемое слово) имеет разные — трех родов — формы. И хотя, понятно, эта родовая форма предопределяется опорным словом главного предложения (*женщина, старик, дитя*), но, поскольку сказуемое придаточного непосредственно подчиняется подлежащему — местоимению *что*, родовая форма сказуемого оказывается формально заданной местоимением⁵⁸. Местоимение, таким образом заимствует родовое значение опорного слова главного предложения, «усваивает» тот родовой «импульс», который исходит от опорного слова⁵⁹. Как писал А. А. Шахматов, местоимение-существительное заимствует «в некоторых своих образованиях представление о роде от соответствующего представлению о субстанции или о существительном» [Шахматов, 1941а, с. 422]. Отметим, что в подобного рода предложениях невозможно употребление местоимения *кто*, а также и то, что местоимение *что* может входить в анафорические отношения с существительными в форме мн. числа, о роде которых в традиционном смысле говорить не приходится (*щи, что грелись на плите*).

Местоимение *друг друга*, как полагают, вследствие соотносительности минимум с двумя объектами одновременно, подобно словам в форме мн. числа, никак себя в плане рода не проявляет; ср.: [Шелякин, 1986, с. 32]⁶⁰.

Таким образом, в плане рода местоименные субстантивы весьма существенно отличаются от рода существительных. По сравнению с последними род местоимений менее «морфологичен», более размыт, неустойчив и более повернут в семантическую плоскость. Все это, по-видимому, можно объяснить особенностью местоимений, а именно грамматическим значением их корней, грамматика же существительных, в частности и род, связывается с их флексиями.

Категория одушевленности — неодушевленности местоимений-субстантивов. Все местоимения-субстантивы обладают морфологически выраженной категорией одушевленности — неодушевленности

⁵⁸ Конечно, данный способ употребления относительного *что* не единственный. В других случаях относительное *что* в интересующем нас аспекте его родового проявления не отличается от неотносительного *что*: *Он не знал, что случилось*.

⁵⁹ Ср.: «Возносительное *что* (в данном случае — служащее для связи простых предложений в составе сложного. — *Авт.*) за все три рода, за оба числа и за все падежи кроме звательного употребляется» [Барсов, 1981, с. 527].

⁶⁰ Впрочем, А. А. Зализняк относит местоимение *друг друга* к мужскому «морфологическому» роду (если упростить обоснование этой квалификации, то оно состоит в подобии склонения местоимения *друг друга* и существительных типа *человек*) [Зализняк, 1967б, с. 140].

[ср.: Милославский, 1981, с. 132]. Одушевленность — неодушевленность устанавливается по совпадению форм вин.-им. падежа (неодушевл.) и вин.-род. падежа (одушевл.).

По сравнению с именами существительными имеется ряд отличий в плане того, как одушевленность — неодушевленность проявляется у местоимений.

1) У местоимений-субстантивов одушевленность — неодушевленность не зависит, в противовес существительным (за исключением существительных м. рода I склонения), от категории числа: *я, ты* (им. падеж) одуш. — *нет меня, тебя* (род. падеж), *видят меня, тебя* (вин. падеж); *кто* (им. падеж) одуш. — *нет кого?* (род. падеж), *видят кого?* (вин. падеж); *что* (им. падеж) неодуш. — *нет чего?* (род. падеж), *видят что?* (вин. падеж); *мы, вы* (им. падеж) одуш. — нет *нас, вас* (род. падеж), *видят нас, вас* (вин. падеж) и т. п.

2) Местоимение *он (она, оно, они)* является морфологически одушевленным независимо от того, что оно обозначает — живые или неживые существа: *он* (им. падеж) — *нет его (человека, стула), вижу его (человека, стул)*, но не **вижу он* — применительно к *стул, дом* и пр.⁶¹ То же самое можно сказать и о местоимениях *себя* и *друг друга*.

3) Большинство местоимений-субстантивов относится к одушевленному. Это *я, ты, мы, вы, он (она, оно, они), себя, друг друга*, местоимения ряда *кто*. Иными словами, за исключением местоимений ряда *что*, все остальные⁶² относятся к морфологически одушевленным. У существительных ситуация иная — здесь явный перевес на стороне неодушевленных имен.

Разговор о категории одушевленности — неодушевленности, однако, нельзя свести к сугубо морфологической технике ее фиксации. Категория одушевленности существительных — категория с отчетливой семантической доминантой. В ней находит отражение противо-

⁶¹ По мнению Г. Г. Корбета, при интерпретации одушевленности — неодушевленности следует разграничивать ее семантический и «синтаксический» (формальный) аспекты. Словоформа, характеризующаяся одушевленностью синтаксически (напр., *его*), не обязательно характеризуется и семантическим признаком одушевленности. «Самое беспомощное решение — заявить, что винительный падеж от местоимения *он* имеет форму *его* вне зависимости от одушевленности (имеется в виду независимость от наличия семантического признака одушевленности. — *Авт.*) и т. д.». Совмещение обоих признаков одушевленности — семантического и синтаксического — возможно при определенных условиях (напр., при наличии у слова признака «множественное число»), которые Корбет именуется условиями «наследования» семантического признака одушевленности синтаксическим признаком. При несоблюдении условий «наследования» в определенных контекстах возможно формальное несоответствие согласующихся словоформ, ср.: — *Ты видел сестру, проклятую?* и — *Да, видел её (сестру), проклятую*. Во втором предложении словоформа винительного падежа *её* совпадает с формой родительного падежа, тогда как согласуемое с ней прилагательное имеет «независимую» форму винительного падежа (т. е. не совпадающую с формами им. и род. падежей) [Корбет, 1985, с. 391–401].

⁶² В данном случае мы не учитываем субстантивированные адективные местоимения (типа *всё, это*).

поставление живого и неживого в экстралингвистической действительности. Категория одушевленности — неодушевленности весьма тесно связана с лексическим значением субстантивных слов. Но лексическое значение местоимений предельно отвлеченное, по сути грамматичное, что, естественно, не может не сказываться на семантическом наполнении этой категории у местоимений⁶³. В определенной мере это наполнение выявляется в характере лексического противопоставления местоимений *кто?* — *что?* (и местоименных рядов *кто* — *что*). Как уже говорилось, *кто* используется, главным образом, для обозначения людей, *что* — всего остального⁶⁴. Еще А. А. Шахматов отмечал, что в рамках местоимений семантическое противопоставление живого — неживого, свойственное существительным, смещается в сторону противопоставления «лица — не лица»⁶⁵. «... Это деление проводит резкое различие между лицами и не лицами; лица — это говорящий, его собеседник и все им подобные; к не лицам относятся и животные, и предметы и явления». Не случайно все субстантивные местоимения А. А. Шахматов разбивает на два класса — личные и предметные [Шахматов, 1941а, с. 495].

Сказанное о *кто* — *что* подтверждается и материалом остальных субстантивных местоимений. Большинство из них обозначает либо лица (причем и в узком, грамматическом смысле — *я*, *ты*, *мы*, *вы*), либо преимущественно лица (человека — *себя*, *друг друга*). Особняком среди всех субстантивных местоимений стоит местоимение *он*, которое в равной мере употребляется для обозначения людей и не людей, живых и неживых объектов. Любопытно при этом, что формально оно маркировано как имеющее признак одушевленности. Возможно, это объясняется «давлением системы», т. е. уподоблением местоимения *он*, хотя бы и чисто формально, большинству субстантивных местоимений⁶⁶.

⁶³ «Местоимения из-за своей отвлеченности везде являются “нарушителями порядка”, везде создают особые подрубрики, особые комбинации, особые случаи» [Пешковский, 1938, с. 167].

⁶⁴ «Самый прием противопоставления значений лица и вещи посредством» чередования согласных корня в форме местоимений *кто* — *что*... — необычное явление, необычное для других категорий» [Виноградов, 1972, с. 265]. Вместе с тем в качестве примера «грамматической неустойчивости» местоимений, о которой шла речь выше, сошлемся на возможность соотносительности относительного *что* с лицами: *Люди, что стояли на берегу*... (относительное «*что*... распространилось из предметов на лица») [Шахматов, 1941а, с. 498].

⁶⁵ По мнению некоторых исследователей, в общеславянском языке вопрос *кѣто* относился только к лицам, а *сѣто* — к животным и предметам. Использование *кѣто* применительно к животным они связывают с развитием в славянских, и прежде всего в русском, языках категории одушевленности [Гаспаров, Сигалов, 1974, с. 342–343].

⁶⁶ «... В современном языке *его* обозначает и родит., и винит. пад., относясь также к неодушевленному предмету; это объясняется тем, что в склонении *он* наблюдалось исконно отличие между винит. пад. (*и*) и именит. (*он*), что и не требовало замены *и* через форму родит.; замена и через *его* в лицах (т. е. при обозначении лиц. — *Авт.*) повела поэтому к такой же замене в названиях предметов; и далее аналогия распространилась и на средн. род и на женский, где *еѣ* означает также и родит. и винит. пад.» [Шахматов, 1941а, с. 495].

Таким образом, в отличие от существительных, категория одушевленности — неодушевленности местоимений акцентирует противопоставление «человек — не человек» в реальной действительности⁶⁷.

Категория числа. Интерпретация категории числа имеет много общего с интерпретацией категории рода.

Наиболее простой случай представляет собой местоимение *он*. Имея в виду использование его преимущественно в заместительной (анафорической) функции, корреляцию *он* (*она*, *оно*) — *они* обычно описывают как словоизменение по адъективному типу⁶⁸.

Трактовка числа у остальных местоимений в грамматических описаниях русского языка различна.

Традиционно соотношение *я* — *мы* и *ты* — *вы* описывалось как словоизменение по категории числа. Другими словами, *мы* и *вы* трактовались как формы множественного числа местоимений *я* и *ты* [ср., напр.: Ломоносов, 1952, с. 541–542; Барсов, 1981, с. 526; Шахматов, 1941б, с. 166⁶⁹; Трофимов, 1957, с. 132]. Однако в XX в. в русистике стала более популярной точка зрения, согласно которой *я*, *мы*, *ты*, *вы* — самостоятельные лексемы. Основания этой точки зрения — неоднородность семантики числа в парах *я* — *мы*, *ты* — *вы*. *Мы* — это не ‘несколько (много) *я*’, а ‘*я* + другое лицо / другие лица’; сходно трактуется и отношение между *ты* и *вы* [Шахматов, 1941а, с. 495; Виноградов, 1972, с. 265–266; Аванесов, Сидоров, 1945, с. 153–154; Шелякин, 2003, с. 444]. Думается, однако, что подобного рода ссыла на специфику семантического противопоставления компонентов пар *я* — *мы*, *ты* — *вы* сама по себе еще недостаточна для отрицания числовой корреляции внутри этих пар как корреляции словоизменительной. Ведь тот же, как у *я* — *мы*, *ты* — *вы*, тип семантического соотношения имеется и у личных форм глаголов (*иду* — *идём*, *идёшь* — *идёте*), однако сомнений в существовании у глаголов данного типа словоизменительной категории числа обычно не возникает⁷⁰.

⁶⁷ «В именах существительных категории одушевленности и лица являются лишь разновидностями, подразделениями общей категории предметности. В местоимениях, напротив, предмет мыслится или как отклонение от категории лица, или как ее противоположность» [Виноградов, 1972, с. 265].

⁶⁸ Хотя известен и другой — достаточно распространенный — подход, в соответствии с которым *они* трактуется как самостоятельная лексема (соответственно и все родовые формы — *он*, *она*, *оно* — тоже).

⁶⁹ «Местоимения 1-го и 2-го лица изменяются по падежам и числам, не по родам...» [Шахматов, 1941б, с. 166]; обратим внимание на то, что в кн.: [Шахматов, 1941б, с. 495] уже не говорится об изменении собственно личных местоимений по числам.

⁷⁰ Можно считать, что в случаях типа *я поеду*, *мы поедом* число глагола проявляется как чисто согласовательная категория. Однако при независимом употреблении глаголов, например в предложении *У меня с собой денег нет, — шептал Николка... — если нужно, я сейчас сбегаю за деньгами, и тогда поедом* (М. Булгаков), возможность подобной трактовки неочевидна. Один из способов избежать в данном случае приписывания

Значение местоимения *мы* — это чаще всего ‘я + другое лицо / другие лица’. Однако *мы* может означать два или более я («хоровое» *мы*, коллективный говорящий): — *Я не имею права вам приказывать, сказал майор, — по инструкции я должен вызывать специалистов с соответствующей техникой, но пока они еще приедут, тут может всякое случиться... А вас ведь тоже кое-чему учили, вы тоже многое можете. Тут случай особый... Кто возьмется? — Мы, — сказала Исаев и Приходько* (Г. Новосельцев).

Сочетания *мы* с кем-то может означать как ‘я + другое лицо / другие лица’, так и ‘{я и другое лицо / другие лица}’, объединяемые ярлыком ‘*мы*, + другое лицо / другие лица’. *Мы* в предложении, взятом вне контекста, может толковаться в обоих смыслах: *Тут мы с теткой Варей сховали маму и Таню, — проговорила она и тихо, беззвучно заплакала, вытирая грязным кулачком градом катившиеся слезы* (Г. Брянцев).

В рамках стандартной коммуникативной ситуации *мы* обозначает говорящего и лицо / лица, связываемые актом коммуникации. Однако возможности объединять некую совокупность лиц под ярлыком *мы* значительно шире. *Мы* может обозначать группу лиц, включая говорящего, объединяемых каким-либо общим признаком — общими интересами, взглядами, родом занятий и т. д. [Словарь, 1981–1984, II, с. 316]: *Мы — безотчетные: безличною Судьбой плодим Великие вопросы; И — безотличные — привычною Гурьбой Прозрачно Носимся, как дым От папиросы* (А. Белый); *Мы живем в такое время, что ради интересов целостности государства, может быть, и законы природы придется признать не только существующими, но и полезными — отчасти!* (М. Горький). *Мы* в этих случаях — это я + такие, как я, или, может быть, даже другие я и я, подобный этим другим. *Мы* может обозначать совокупность говорящих (мыслящих) лиц, произносящих (мыслящих) одно и то же, в частности одновременно: *Э! — сказали мы с Петром Ивановичем* (Н. Гоголь); *Ох, и догадливые вы у меня! — похвалил всех связистов разом комбат, и они расплылись в довольнехонькой улыбке, започесывались, проснулись окончательно, мы, мол, орлы, хоть с виду и простоваты* (В. Астафьев).

Приоритет компонента я в содержании *мы* очевиден, но степень акцентированности этого компонента может быть разной, следствием чего является возможность использования *мы* вместо я (авторское *мы*), нейтрализация противопоставления я и *мы* (обобщающие я, *мы*): *И живу уже больше не я, но живет во мне Христос* (апостол Павел) и ср.: *И живем уже больше не мы, но живет в нас Христос*; и т. д.

числу глаголов несловозменительного статуса состоит во введении в интерпретацию нулевых местоимений ($\emptyset_{1\text{мн}}$ поедем) [см., напр.: Булыгина, Шмелев, 1997, с. 319–361]. Однако такая интерпретация тоже далеко не бесспорна, поскольку приводит к необходимости ввести, в частности, местоимения неопределенно-личные и безличные.

Таким образом, традиционную трактовку соотношения между я и *мы* как форм ед. и мн. числа сбрасывать со счетов не следует: применительно к одним контекстам (к большей части контекстов) предпочтительной является трактовка я и *мы* как отдельных слов, применительно к другим — как форм одного слова.

Что касается местоимения *вы*, то в ситуации непосредственного общения я и нескольких лиц, каждое из которых именуется говорящим как *ты*, естественным представляется их совокупное наименование в виде *вы*, т. е. в таком случае *вы* — это действительно ‘несколько ты’ (несколько слушающих лиц): *Спросила обоих сразу: — Грачки, вы можете?* (М. Осоргин); *Вы как думаете, товарищи? Давайте решим, — обратился он к сидящим за столом* (Н. Островский). Безусловно, *вы* может обозначать *ты* + другое лицо / другие лица: *Так точно, товарищ комиссар, страшно. Но как есть мы советские бойцы, а вы — наши руководители, выходит, наш совместный святой долг в достижении цели: вы на этом берегу день и ночь о нас думать будете, заботиться, мы на том — бить фашиста* (В. Астафьев).

Очевидно, что интерпретация *ты*, *вы* как разных лексем в качестве единственно возможной принята быть не может. В одних случаях *ты*, *вы* выступают в качестве разных лексем, в других случаях — в качестве супплетивных форм одной лексемы. Соотношение компонентов в парах я — *мы*, *ты* — *вы* таково, что можно говорить о неотчетливости противопоставления формы слова — разные лексемы.

Вы этикетное употребляется в значении ‘ты’: *Какой вы хороший!* (Б. Житков). Сочетающиеся с *вы* глаголы и краткие формы прилагательных выступают в форме мн. числа, а существительные и полные формы прилагательных — ед. числа: *А, вы не думали, что вы невежа, а я думал* (Л. Толстой); *И вас надо облить, сами вы плохи, — отвечал я, злостно улыбаясь и забыв даже, что ему говорил «ты»* (Л. Толстой). «Подчеркнуто вежливое» обращение, прежде в случае социального неравенства, дополнительно маркируется также и формой мн. числа прилагательных (адъективных слов): *Что ж, хоть бы и уйти? — заметил Захар. — Отчего же и не отлучиться на целый день? Ведь нездорово сидеть дома. Вон вы какие нехорошие стали!* (И. Гончаров).

Личные местоимения обозначают роли коммуникантов (местоимения 1-го и 2-го лица), а также все остальное, не являющееся в момент коммуникации непосредственным коммуникантом (местоимение 3-го лица). Носители ролей находятся в многообразных жизненных отношениях, обусловленных социальным положением, принадлежностью к определенной возрастной группе, степени родства и т. д. Помимо обозначения собственно речевых ролей в употреблении местоимений могут выражаться и указанные выше приводящие обстоятельства, в частности, с помощью средств

числа. *Мы* (вместо *я*) «царское» (*Мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.* — Манифест 17 октября 1905 г. Николая II) сопрягается с «уничужительным» *мы*, отнюдь не «царским»: *Мы люди темные / негордые / неместные. Они «почтительное» вместо он (она): Нету братца-то, — монотонно говорила она, — нейдут они что-то...* (И. Гончаров). Способ использования числовых форм местоимений может носить и индивидуальный характер⁷¹: *Бабушка имела особенный дар, прилагая с известным тоном и в известных случаях множественные и единственные местоимения второго лица, высказывать свое мнение о людях. Хотя она употребляла вы и ты наоборот общепринятому обычаю; в ее устах эти оттенки принимали совсем другое значение. Когда молодой князь подошел к ней, она сказала ему несколько слов, называя его «вы», и взглянула на него с выражением такого пренебрежения, что, если бы я был на его месте, я растерялся бы совершенно...* (Л. Толстой).

Собственно личные местоимения числом обладают, однако морфологическая его выраженность не вполне отчетлива. Это следует прежде всего, главным образом, из того, что противопоставление форм типа *меня* — *нас*, *тобой* — *вами* воспринимается как противопоставление числовое лишь в пределах микросистемы данных местоимений, тогда как местоимение *себя*, стоящее вне пределов этой микросистемы, но тем не менее имеющее ту же парадигму (те же формы), что и *я* и *ты* (за исключением отсутствующего у *себя* именительного падежа), оказывается не охарактеризованным по категории числа: *себя самого он считал будущностью народа* (Андрей Белый); *достигнутая внезапность подрывает веру войск противной стороны в свое командование и веру командующего и его штаба в самих себя* (В. Богомолов).

Местоимения ряда *кто* обозначают одушевленные сущности (прежде всего людей — см. выше) и тем самым сущности считаемые. В контексте считаемость может быть подчеркнута (*Кто такой?, Кто такая?, Кто такие?* — ср.: *себя самого, себя самих*). Но может и не акцентироваться: фраза *Кто пришел?* предпологает соотносительность в реальной действительности с любым количеством лиц⁷². Местоимения ряда *что* обозначают как считаемые, так и несчитаемые сущности.

⁷¹ «...В некоторых языках (например, в русском) переключение с Т-местоимения на В-местоимение и обратно может также указывать на смену настроения или отношения говорящего» [Лайонз, 2003, с. 326].

⁷² Местоимение *некто*, по-видимому, всегда обозначает один одушевленный объект (человека), поэтому числоизменяемые слова сочетаются с ним лишь в форме ед. числа: *Некто возразил: — Братцы, а не довольно ли уж претерпели мы от центральных личностей?..* (М. Горький); *Вероятно, я брежу, но вчера на панели мне попался некто, назвавшийся «капитаном Немо»* (И. Бродский).

Как уже отмечалось, данные местоимения имеют адъективные парадигмы мужско-среднего рода ед. числа. Может быть, с этим можно связывать сочетаемость их с числоизменяемыми словами главным образом в форме ед. числа. Впрочем, случаи сочетаемости типа *Кто такие?; Врачи, что приходили вчера...* не позволяют говорить о какой-то устойчивости проявления числа у данных местоимений, что и является основанием для точки зрения об отсутствии у них морфологического числа.

Таковы некоторые грамматические особенности местоимений-субстантивов.

Очевидно, что в этих особенностях много своеобразного, отличающего местоимения-субстантивы от собственно имен (имен существительных). Конечно, если брать в расчет нецентральные участки поля имен существительных (неизменяемые существительные, существительные с ограничениями на реализацию морфологических категорий: вещественные и пр.), то между этими последними и местоимениями-субстантивами можно найти достаточно много общего. Но при этом следует учитывать одно немаловажное обстоятельство: центр поля существительных как части речи — это существительные лексически предметные (*стол, книга*) с полной выраженностью всех субстантивных категорий: рода, падежа, числа, одушевленности — неодушевленности. Существительные, не имеющие полного набора категорий, свойственных имени существительному, а также неизменяемые существительные относятся в общем к периферии поля существительного как части речи. Местоимения-субстантивы же представляют собой почти сплошь грамматическую субстантивную «аномалию» (чем собственно и объясняется сложность местоимений-субстантивов в плане морфологического анализа). Более того, именно «аномальные» в грамматическом отношении местоимения (*я, ты, мы, вы, кто, что, себя*) формируют грамматический центр рассматриваемого класса местоимений, в то время как более грамматически «стандартные» (хотя это весьма относительно) местоимения (*он*) — численная периферия. Учитывая все это, можно в принципе согласиться с теми лингвистами, которые считают, что у местоимений-субстантивов вполне достаточно грамматического своеобразия, чтобы признать их особой частью речи (если, конечно, части речи трактовать преимущественно как грамматические — с опорой на морфологическую грамматику — классы).

Специфичность грамматического (и уже — морфологического) проявления местоимений-субстантивов мы связываем, главным образом, с характером их лексического значения. Грамматическое по своей специфике значение не может не сказываться и на морфологической технике местоимений, и на особенностях их совокупной (корневой и аффиксальной) категориальной семантики. Категори-

альная семантика местоимений, по сравнению с существительными, оказывается в некоторых случаях «сдвинутой» (как, например, семантика одушевленности «сдвинута» в область противопоставления лица — не лица), в других случаях — более размытой, нечетко фиксированной (род, число), в третьих — противоречащей морфологическому оформлению (оформленное как одушевленный субстантив-местоимение *он* в применении к неживым сущностям). Категория падежа местоимений отличается от субстантивной минимум в плане формальном (система склонения).

II. Местоимения адъективного типа (местоимения-прилагательные). Местоимения этого типа (*весь, самый, всякий, никакой, ничей, какой-нибудь, некий* и т. п.) обычно трактуют как стопроцентно морфологически адъективный класс. При этом имеют в виду, что местоимения-адъективы, подобно номинативно значимым прилагательным (*веселый, зеленый, хороший*), обладают словоизменительными, неинформативными в плане передачи понятийного содержания (лишенными связи с понятиями) категориями рода (*другой, другая, другое*), числа (*пришли всей семьей; Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.* — Л. Толстой), падежа (*весь, всего, всему* и пр.), одушевленности — неодушевленности (*видел всякие фильмы, видел всяких людей*). Однако имеются два пункта, разводящие собственно прилагательные и местоимения-адъективы. Прилагательные обладают частной категорией степеней сравнения, а также противопоставлением полных и кратких форм (которое иногда трактуют как частную морфологическую категорию прилагательных). Местоименные же адъективы не имеют категории степеней сравнения, а также практически лишены противопоставления полноты — краткости. Пары типа *самый* — *сам*⁷³, *всякий* — *всяк*⁷⁴ (*Слух обо мне пройдет по всей вселенной, И назовет меня всяк сущий в ней язык...* — А. Пушкин; *Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек.* — Н. Гоголь) единичны, и их члены не имеют того функционального противопоставления, которое характерно для коррелирующих по краткости — полноте прилагательных (ср. определительную функцию у краткой формы местоимения *всяк*⁷⁵). Кроме того, нужно отметить, что, в отличие от собственно прилагательных, далеко не все местоимения адъективного типа могут выступать в роли сказуемого.

⁷³ Члены данной пары рассматриваются как самостоятельные лексемы.

⁷⁴ «*Всяк* употребляется только в им. ед. мужского рода; *всяко* — это наречие (напр. *всяко бывает*)» [Шахматов, 1941а, с. 169].

⁷⁵ Краткая форма *всяк* характеризуется в настоящее время как устаревшая и просторечная [см.: Словарь, 1981–1984, I, с. 238]. И в XIX в. эта форма вряд ли воспринималась как стилистически нейтральная. См. высказывание В. Г. Белинского по поводу приведенной выше фразы Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями»): «...Неужели вы думаете, что сказать *всяк* вместо *всякий* — значит выражаться библейски?.. кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз — произведение автора «Ревизора» и «Мертвых душ»?» («Письмо к Гоголю»).

Из принадлежности категории степеней сравнения только собственно прилагательному можно сделать вывод, подтверждающий, что данная категория, в отличие от остальных категорий морфологически адъективных слов, является конкретно содержательной (номинативно содержательной, с семантической доминантой). Неконкретность местоименной семантики — причина «отторжения» данной категории местоимениями.

Семантика адъективных категорий рода, числа, падежа, одушевленности — неодушевленности характеризуется отчетливой структурной доминантой [Бондарко, 1976, с. 41–47]. Естественно, что «давление» семантики этих категорий на семантику корневой части местоимений-адъективов несравненно меньше, чем в случае с местоимениями-субстантивами. Следствием особенностей взаимодействия корневой и аффиксальной семантики является почти полная морфологическая тождественность неместоименных и местоименных адъективов (естественно, в плане указанных категорий).

Нельзя считать, однако, что указанные адъективные категории вообще лишены какого бы то ни было содержания. Их содержание имеет не отражательный (отражение внеязыковой действительности), а внутриязыковой характер. Это содержание связывается с отнесением в языковой системе соответствующих лексем к классу слов-признаков, слов-адъективов. Вместе с тем, как отмечал еще К. С. Аксаков (а вслед за ним А. М. Пешковский и В. В. Виноградов), адъективные флексии выражают значение не просто признака, а признака качественного [см.: Виноградов, 1972, с. 158–159]. Оформление местоименный как адъективов способствует развитию у них разного рода качественных оттенков значения и превращению их в самостоятельные лексемы (прилагательные): *Но все равно вы наши, от плоти, так сказать, костей. Наши... «Чей ваш?» — хотел спросить Бурденко, несколько раздражаясь* (П. Нилин); пример из: [Русская грамматика, 1980, I, с. 543–544]; *Ходят здесь всякие* и т. п.

Адъективные местоимения часто употребляются в субстантивных синтаксических позициях. Некоторые из них субстантивировались и перешли в иной морфологический разряд — местоимения-существительные: *На всё кидаеть ты косою, неверный взгляд* (А. Пушкин); *То было раннею весной, Трава едва всходила, Ручьи текли, не парил зной, И зелень роц сквозила...* (А. К. Толстой); — *Слезы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба. — Послезавтра! — вскрикнула Маша, — боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть.* (А. Пушкин) и т. п. Эти местоимения имеют фиксированные (неизменяющиеся) род, число, одушевленность — неодушевленность. Все категории выражаются по адъективному (включая, естественно, падеж) морфологическому типу.

III. Местоимения нумеративного типа (местоимения-числительные). Местоимения этого типа связаны с обозначением коли-

чественных отношений: *сколько, столько, несколько, нисколько, сколько-нибудь, столько-то* и т. д.

Слова *сколько, столько, несколько* и т. п. сочетаются с существительными так же, как и количественные числительные⁷⁶, т. е. в формах именительного и винительного неодушевленного падежей управляют существительным (*В тарелке лежат несколько помидоров; Сколько тетрадей ты сдал на проверку?*) и согласуются с существительным в формах косвенных падежей и винительного одушевленного (*нет нескольких книг; пришел с несколькими друзьями; вижу нескольких студентов*)⁷⁷.

Пожалуй, самый сложный вопрос морфологической интерпретации данных местоимений связан с категорией числа. В настоящее время, как правило, их интерпретируют как не охарактеризованные в плане числа. Такая интерпретация, однако, вряд ли может быть признана безупречной, так как местоименные числительные в косвенных падежах и винительном одушевленном имеют адъективные формы мн. числа (ср.: *стольких — синих, стольким — синим, столькими — синими*), согласуемые с соответствующими падежными формами мн. числа существительных. Вместе с тем формы именительного падежа и винительного неодушевленного (*сколько, несколько*) категорией числа в современном русском языке не характеризуются⁷⁸. Таким образом, парадигма рассматриваемых местоимений имеет весьма своеобразный вид: исходная (начальная) форма (им. падеж) и форма винительного неодушевленного падежа характеризуются лишь одной морфологической категорией — падежом, тогда как все остальные формы парадигмы — падежом и числом (только множественным)⁷⁹.

Стремление дать «стандартную», привычную интерпретацию нестандартных по своему строению парадигм местоимений-числительных приводит либо к устранению из интерпретации данных местоимений категории числа (с одновременной, однако, констатацией тождественности флексий соответствующих падежных форм «флексиям прилагательных адъективного склонения мн. ч.» [Русская грамматика, 1980, I, с. 576, 579]), либо — реже — к приписыванию всем формам этих парадигм значения мн. числа⁸⁰. Как и первая,

⁷⁶ Часто местоименные слова рассматриваемого типа трактуются в качестве одного из разрядов числительных как части речи («неопределенно количественные числительные») [см., напр.: Грамматика, 1953, с. 368; Русская грамматика, 1980, I, с. 573].

⁷⁷ Это обычная квалификация синтаксической сочетаемости данных местоимений. При этом не учитываются значительно менее распространенные случаи сочетаемости, напр., сочетания, включающие в себя предлог *по* (*берет сразу по нескольку тетрадей*). Мы подобные случаи тоже не рассматриваем.

⁷⁸ Однако «по своей этимологической (морфологической. — Авт.) форме» это местоимение среднего рода ед. числа [Буслаев, 1959, с. 402].

⁷⁹ Аналогичные парадигмы имеет большинство собирательных числительных.

⁸⁰ Ср.: «По множ. числу склонения прилагательных изменяются местоимения-числительные *столько, сколько*» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 158].

вторая интерпретация также не является бесспорной. Вряд ли можно согласиться с тем, что словоформы типа *сколько, столько* имеют адъективные флексии мн. числа. В принципе нельзя в полной мере исключить и третью («этимологическую» — см. выше ссылку на мнение Ф. И. Буслаева) интерпретацию форм *сколько, столько* и т. п., т. е. трактовать их как формы ед. числа (ср. рода): *Их было столько, сколько никогда не приходило*. Однако и такой подход не дает возможности представить парадигмы местоимений-числительных как однородные в плане морфологической характеристики составляющих эти парадигмы словоформ⁸¹.

С нашей точки зрения, наиболее оптимальной трактовкой парадигм рассматриваемого типа местоимений является не затушевывание, а, наоборот, подчеркивание их нестандартности⁸², состоящей в морфологической разнородности форм именительного и винительного неодушевленного падежей, с одной стороны, и всех остальных форм — с другой. Что касается форм *столько, сколько*, то их интерпретация может быть более или менее условной: например, это формы именительного падежа, не характеризующиеся числом и родом. Объяснением этой нестандартности может служить факт вытеснения, особенно из устной речи, «аффиксных» форм местоимений-числительных⁸³ [Русский язык, 1968б, с. 93–95] (как, впрочем, и других типов числительных), что, возможно, является проявлением тенденции к постепенному превращению этих местоимений в неизменяемые слова⁸⁴: в современном русском языке, в первую очередь в разговорных стилях, отмечается тенденция к неразличению одушевленности — неодушевленности указанных местоимений: *пришло несколько студентов, вижу несколько* (а не *нескольких*) *студентов* [Милославский, 1981, с. 131].

⁸¹ Вообще «этимологическая» интерпретация форм типа *сколько, столько*, пожалуй, самая «неудобная» в сравнении с двумя другими. Помимо того, что этим формам пришлось бы приписывать иное число, нежели формам косвенных падежей (и винительного одушевленного), им приходится приписывать еще и род, которым формы косвенных падежей вообще не обладают. Кроме того, если *сколько, столько* (подобно *скольких, стольким, скольким, стольком* и т. д.) толковать как формы адъективные, тогда их, по видимому, придется признавать краткими, а это, в свою очередь, порождает и проблему падежной интерпретации (в соответствии с распространенным подходом у кратких адъективных форм падеж не усматривается).

⁸² Ср. следующее высказывание В. В. Виноградова о склонении числительных (в состав которых он включает и местоименные слова типа *сколько*): «Сама система склонения у имен числительных деформирована сравнительно со склонением имен существительных и прилагательных» [Виноградов, 1972, с. 239].

⁸³ Обычно такого рода факты связывают с тенденцией к «усилению аналитизма» в русском языке [см.: Русский язык, 1968б].

⁸⁴ Ср. в этой связи следующее замечание В. В. Виноградова: «Заслуживают полного внимания соображения А. П. Боголепова, стремившегося доказать, что основная форма числительных (исходная, начальная — типа *три, пять, четверо, несколько*. — Авт.) только условно может быть названа именительным падежом, по существу же, это беспадеежное образование» [Виноградов, 1972, с. 243].

IV. Неизменяемые местоимения (местоименные наречия).

Как уже отмечалось, традиционно местоименные наречия описываются как слова, не характеризующиеся морфологическими категориями. Однако в последнее время стали высказываться соображения в пользу иной их трактовки [Гард, 1985; Булыгина, Шмелев, 1997, с. 355]. Так, опираясь на наличие в русском языке «серийных» местоименных образований типа *где, где-нибудь, где-либо, нигде, везде; куда, куда-то, куда-нибудь, никуда, туда, сюда; откуда, откуда-то, откуда-нибудь, ниоткуда, оттуда, отсюда; когда, когда-то, когда-нибудь, никогда, тогда, всегда, иногда; как, как-то, как-нибудь, никак, так, так же, этак* и т. п. (с выделенными однотипными частями), П. Гард приходит к мысли о том, что они представляют собой падежные формы местоимений *кто, тот, весь, какой, такой* и др. Эти падежи суть «инессив» (обозначает нахождение в каком-либо месте): *где* и т. п.; «иллатив» (направление куда-нибудь): *куда* и т. п.; «элатив» (удаление от чего-нибудь): *оттуда* и т. п.; «темпоралис»: *когда* и т. п.; «модальный» («модалис»): *как* и т. п. Выделенные выше части местоименных слов толкуются как окончания. Необычность структуры данных «окончаний» объясняется нестандартностью, специфичностью местоименных слов (в сравнении со словами основных частей речи), в том числе и в плане организации их внутрисловесных структур⁸⁵.

Безусловно, позиция П. Гарда заслуживает внимания. Ее можно расценить как попытку объяснить наличие в русском языке схожих структурных типов местоименных наречий (посредством их интерпретации в качестве органического фрагмента грамматической системы изменяемых местоимений). Тем не менее это пока все-таки более попытка объяснения, нежели более или менее убедительная интерпретация. Она оставляет без ответа многие принципиальные вопросы толкования словоформ как компонентов единой парадигмы в рамках той или иной грамматической (морфологической) категории. Так, не вполне ясным представляется решение вопроса о пределах лексического варьирования «словоформ» одной парадигмы (например, по Гарду, *где, куда, откуда, когда* — это падежные формы лексемы *кто*), вопроса о пределах алломорфного варьирования окончаний (*где, здесь, всюду, там* трактуются как формы одного падежа — инессива); неясен статус приставки как способа выражения падежа (только одного падежа — элатива: *откуда, оттуда* и т. п.; у остальных локативных

⁸⁵ «Однако нет ничего удивительного в том, что местоименные окончания (речь идет об «окончаниях» типа *-уда, -огда* и т. п. — *Авт.*) обладают присущей только им фонологической структурой; то же самое наблюдается и в отношении местоименных корней: никакие другие корни не могут состоять из одной-единственной согласной *t-, s-, k-, j-...*» [Гард, 1985, с. 222].

падежей приставки не рассматриваются как средство выражения падежной формы⁸⁶) и т. д.

Вообще нужно сказать, что проблема, затронутая Гардом, шире проблемы соотношения изменяемых и неизменяемых местоименных слов. Это в первую очередь проблема соотношения изменяемых частей речи и наречия. Наречие включает в свой состав многочисленные блоки слов, произведенных из слов других частей речи с помощью набора стандартных средств (*веселый — весело, тягучий — тягуче, мой — по-моему, французский — по-французски, третий — в-третьих, вечер — вечером* и т. п.), при этом либо не отличающихся лексически от производящего слова (ср.: *быстро бежит — быстрый бег*), либо отличающихся незначительно. Неоднократно выдвигались предложения рассматривать корреляцию компонентов пар типа *веселый — весело* не в плане словообразования, а в плане формообразования (словоизменения): *весело* в *весело бежит* не самостоятельное слово (наречие), а форма прилагательного *веселый*, употребляющаяся не атрибутивно, а в адвербиальной позиции. «Категория наречий является исключительно формальной категорией, ибо значение её совпадает со значением прилагательных, как это очевидно из сравнения таких пар, как *легкий — легко, бодрый — бодро* и т. д.» [Щерба, 1957, с. 72]. Несмотря на, казалось бы, «очевидность» квалификации традиционно относимых к наречиям слов типа *весело* в качестве словоформ других частей речи, аргументы в пользу их наречной интерпретации оказываются на настоящее время пока весомее. Вопрос о ненаречной принадлежности словоформ типа *быстро (быстро бежит)* или *куда, когда, где* только на основании сопоставлений, подобных *быстрый — быстро, кто — куда, когда*, решен быть не может⁸⁷. Если исходить из всей совокупности признаков, приписываемых в настоящее время наречию как части речи, то словоформы (лексемы) типа *тогда, теперь, где, здесь* и пр., толкуемые Гардом в рамках падежных парадигм изменяемых местоимений, должны быть отнесены к наречиям.

* * *

К. Бюлер утверждает, что два основных поля языка, указательное и символическое, взаимно предполагают и дополняют друг друга. П. Гард вторит: «...Грамматика языка предстает перед нами как един-

⁸⁶ Если и приставки рассматривать в качестве средства выражения падежа, то, в принципе, следовало бы выделить еще один (пятый) локативный падеж, представленный местоименными наречиями *докуда, дотуда, досюда*.

⁸⁷ Ср., к примеру, продолжение процитированного выше высказывания Л. В. Щербы: «Мы бы, вероятно, создавали подобные наречия формой соответственных прилагательных, если бы в той же функции не употреблялось большого количества неизменяемых слов, не являющихся производными от прилагательных: *очень, слишком, наизуст, сразу, кругом* и т. д.» [Щерба, 1957, с. 72].

ство, состоящее из грамматики не-местоимений и грамматики местоимений. Причем вторая имеет отнюдь не меньшее значение — напротив, во многих отношениях она даже более поучительна, чем первая» [Гард, 1985, с. 225]. Несмотря на то что противопоставление местоименной грамматики всем остальным типам языковой грамматики сформулировано Гардом чересчур жестко, в общем сути дела это не меняет. Грамматика, основанная на корне как средстве ее выражения, — органичный и необходимый компонент общеграмматической системы языка. То, что корень оказывается связан с передачей грамматической информации, является одним из проявлений единства языка как системы.

Перефразируя некоторые положения, сформулированные выше, можно сказать, что местоимения, точнее — значения, выражаемые местоимениями, относятся к числу облигаторных (обязательных к выражению) элементов языка. В пользу такого предположения, с нашей точки зрения, говорит, среди прочего, факт, связанный с высокой частотностью употребления местоименных слов в текстах. Безусловно, трактовка облигаторности, опирающаяся на частотность употребления каких-то элементов языка, отличается от классической трактовки облигаторности. Важен, однако, тот факт, что значения, выражаемые местоимениями, а точнее — значения, связанные в выражении с корневыми элементами местоимений (и шире — формообразующими основами), относятся к числу важнейших значений языка как системы. А. А. Потебня говорил, что «формальность языка есть существование в нем общих разрядов, по которым распределяется частное содержание языка, одновременно со своим появлением в мысли» [Потебня, 1958, с. 61]. Системообразующая роль местоименных слов бесспорна⁸⁸. В частности, она состоит в том, что местоименные слова оказываются своеобразным «мостиком», соединяющим в единое грамматическое целое именные части речи, с одной стороны, а также, с другой, последние и минимум одну из служебных частей речи (союз). Благодаря семантической специфике корней и узости их состава, этот «мостик» не сливается полностью ни с одной частью речи.

§ 1. Общая характеристика

Числительными называется класс слов, выражающих числовые, количественные или счетно-порядковые значения, способных объединяться в составе сложных лексем-наименований, выражающих те же значения, и в грамматическом отношении распадающихся на два главных разряда, один из которых (порядковые) в функционально-семантическом отношении является производным от другого (количественные).

Имена числительные составляют в русском языке очень ограниченный и непополняющийся класс слов, на основе которого, однако, образуется количественно неограниченный ряд лексем — наименований членов открытого математического ряда натуральных чисел. Бесспорно, что ядро категории числительных составляют числительные количественные (всего 35 слов: *два... десять, одиннадцать... девятнадцать, двадцать... девяносто, сто... девятьсот*), другие же разряды числительных (собираательные — 9 слов и порядковые) и в семантическом, и в формальном отношении являются производными от количественных числительных. В узком (более грамматичном) понимании числительными считаются только количественные и собираательные числительные, порядковые же включаются в состав прилагательных, поскольку имеют общие с прилагательными грамматические особенности¹.

Широкое понимание числительных, основывающееся прежде всего на семантике, предусматривает включение в состав числительных слов, грамматически подобных относительным прилагательным и обозначающих порядок при счете; такой взгляд на числительное представлен в традиционной школьной грамматике².

Объединение только количественных и собираательных числительных в отдельную часть речи (узкое понимание числительных) определяется единством их морфологических особенностей и общностью синтаксических функций. Наиболее яркой чертой числительных в узком смысле являются особенности построения количественных словосочетаний (счетных оборотов), включающих в свой

⁸⁸ См., напр., в этой связи уже упоминавшиеся работы: [Шведова, Белоусова, 1996; Шведова, 1998].

¹ См.: [Виноградов, 1972, с. 233; Абакумов, 1942, с. 103; Аванесов, Сидоров, 1945, с. 137; Современный русский язык, 1964, с. 97; Супрун, 1964, с. 11; Грамматика, 1970; Русская грамматика, 1980, с. 573; Милославский, 1981, с. 123; Шанский, Тихонов, 1981, с. 128].

² См. также: [Шахматов, 1941б, с. 499; Грамматика, 1952, с. 368; Современный русский язык, 1952, с. 219; Гвоздев, 1973, с. 272; Валгина и др., 1966, с. 208].

состав числительное и существительное в иминительном-винительном и остальных косвенных падежах (управление в сочетаниях *три дома, семь суток, трое студентов*; согласование во всех других падежах: *трех домов, семи суток, троих студентов*). Количественные и собирательные числительные входят в состав предложения только в составе счетного оборота, особенностью которого является синтаксическая неразложимость, о которой писал А. А. Шахматов³. Функцию самостоятельного члена предложения количественные числительные способны выполнять только при субстантивации. Субстантивация числительного происходит в тех случаях, когда числительное называется графический образ числа, школьную оценку, конкретное время суток или используется для словесного описания математических выражений⁴: *Если к двум (дополнение) прибавить три (дополнение), получится пять* (подлежащее).

Порядковые числительные на уровне словосочетания, как и обычные прилагательные, согласуются с определяемым словом (*первый вагон, первого вагона*), в предложении порядковые числительные обычно выполняют синтаксическую функцию определения или именной части сказуемого: *У меня место в первом вагоне*.

Морфологически порядковые числительные не отличаются от прилагательных, в то время как собирательные и количественные числительные обладают специфическим для них набором грамматических категорий и собственным словоизменением.

Несмотря на то что количественные и порядковые числительные представляют собой совершенно различные грамматические классы, широкое понимание категории числительных обладает все же большей объяснительной силой. В пользу широкого понимания числительных говорит прежде всего очевидная производность порядковых числительных от количественных. Ряд лексем — наименований членов числового ряда — однозначно определяет состав и семантические свойства порядковых числительных; причем начиная с пары *пять — пятый*, эта соотносительность носит регулярный характер и на уровне формального выражения отношений производности: производство порядковых числительных от количественных осуществляется единообразно — посредством присоединения к твердой основе окончания *-yj/-ój*. Счетно-порядковое значение, характерное для порядковых числительных, является производным от числового и количественного значений количественных числительных. Кроме

³ «Под разложением словосочетания разумею определение взаимных отношений входящих в его состав элементов, определение господствующего и зависимых от него элементов. Между тем подобное разложение для некоторых словосочетаний оказывается невозможным. Так, например, сочетание *два мальчика* с точки зрения современных синтаксических отношений оказывается неразложимым» [Шахматов, 1941а, с. 271].

⁴ Субстантивируясь, количественное числительное ведет себя как существительное среднего рода: *Хочешь знать, как все это было? Три в столовой пробило* (А. Ахматова).

того, порядковое место предмета при счете может обозначаться также и количественным числительным (*дом семь*), причем употребление последних для обозначения номера распространяется все шире. Соотносительность количественных и порядковых числительных в рамках единого лексико-грамматического класса особенно заметна у составных числительных, где количественное и порядковое различаются лишь последним компонентом: *тысяча девятьсот пятьдесят шесть — тысяча девятьсот пятьдесят шестой*.

Способность числительных образовывать сколь угодно сложные лексемы-наименования, комплексы типа *восемнадцать миллионов триста сорок семь тысяч девятьсот пятьдесят один (первый)* также выделяет числительные среди всех других частей речи. Общей особенностью составных числительных, как количественных, так и производных от них порядковых, является специфическая связь их компонентов, объединяющихся в едином наименовании. Эта связь в корне отлична от отношений слов в словосочетании (согласование, управление, примыкание); она представляет собой своеобразное нанизывание по типу сочинения: *сто тридцать три* — это как бы ‘сто и тридцать три’⁵.

Кроме всего вышесказанного, количественные и порядковые числительные имеют общую, на первый взгляд незаметную, но достаточно существенную грамматическую особенность. Порядковые числительные, обозначая признак предмета (на основе его места при счете), в синтаксическом отношении ведут себя аналогично прилагательным, согласуясь с определяемым существительным (*второй брак*); количественные числительные в косвенных падежах в самом характерном для себя количественном значении также оказываются в синтаксической зависимости от существительного, арифметическим определителем которого они являются, и согласуют с ним свою грамматическую форму (*думать о трёх сыновьях; поверить семерым братьям; веселиться с двумя мальчиками*). Таким образом, общее значение (обозначение признака на основе понятия числа) получает одинаковое грамматическое оформление — синтаксическое подчинение посредством согласования с определяемым существительным.

Несмотря на то что числительные упоминались уже в первых русских грамматиках, осознание их специфики как особой части речи было достигнуто не сразу, да и в дальнейшем разные авторы определяли границы имени числительного очень по-разному, так что единая и общепризнанная традиция описания числительных в отечественной грамматике отсутствует. М. В. Ломоносов и А. Х. Востоков, намечая противопоставление количественных, порядковых и собирательных

⁵ Примерно до XVII в. составные числительные могли включать в себя сочинительный союз: *семьдесят и два языка, сто рублёв да двадцать рублёв да два*. Подчинительные словосочетания в сфере обозначения чисел трансформировались в сложные слова (*пять сот — пятьсот*) либо в производные образования (*пять на десятие — пятидесятать*).

числительных, еще не выделяли числительные из более общего ряда имен; см.: [Ломоносов, 1952, с. 406–407; Востоков, 1952, с. 49].

Как самостоятельная часть речи числительные были введены в русскую грамматику Г. П. Павским [Павский, 1850] и закреплены авторитетом грамматик И. И. Давыдова⁶, подчеркивавшего близость числительных к местоимениям, и Ф. И. Буслаева [Буслаев, 1856], который относил числительные к служебным частям речи. Качественно новым этапом являлись в истории изучения числительных труды А. А. Потебни [Потебня, 1941, IV], который, в отличие от своих предшественников, рассматривал числительное как специфический лексико-грамматический разряд знаменательных слов и подходил к нему как к явлению развивающемуся, выводя семантические и грамматические особенности числительных из исторического процесса преобразования количественных имен существительных и прилагательных в особый грамматический класс. У А. А. Шахматова при определении числительных как части речи возобладали семасиологические мотивы: в одном ряду с количественными, порядковыми и собирательными числительными оказались такие слова, как *пара, десяток, дважды, вдвоём*. С позиций формального направления числительные, напротив, не представляют собою единого грамматического класса. Поэтому порядковые числительные входили в один класс с прилагательными, а количественные — с существительными. Не приводит числительных в списке частей речи и Л. В. Щерба, хотя рассматривает количественные слова (судя по примерам, лишь количественные числительные) как особую категорию [Щерба, 1957, с. 73–74].

В целом можно констатировать, что, несмотря на значительную разницу в интерпретации числительных как в традиции, так и на современном этапе развития грамматической мысли, представители всех направлений так или иначе выделяли числительные в системе частей речи. Это вполне закономерно, так как числительные обладают достаточно явными семантическими и грамматическими особенностями, выделяющими их на фоне остальных лексико-грамматических разрядов.

§ 2. Семантика числительных

Понятия количества и числа, характерные для слов разных частей речи (*пятерка, десяток, пара* — существительные; *тройной, многочисленный* — прилагательные; *удвоить, увеличить* — глаголы; *вдвоём, трижды* — наречия), в применении к числительным проявляются в следующих специфических значениях.

⁶ [Давыдов, 1849; 1852; 1853; 1854]. В этих грамматиках впервые после Ломоносова дано достаточно полное и последовательное описание грамматических форм русского литературного языка.

1. **Числовое** значение (указывает на отвлеченное математическое число или количество): *пять умножить на четыре будет двадцать; Пусть говорят, что мы ничто, — / С двумя нолями вместе / Из единицы выйдет сто, / Из двойки — целых двести* (С. Маршак). Значение это, не отягощенное никакими предметными ассоциациями, являющееся следствием развития математического мышления⁷, является наиболее специфическим для имени числительного. Разница между числовым значением собственно числительных и существительных количественной семантики хорошо заметна при сопоставлении приведенных выше примеров с употреблением существительного *девятка* в следующем тексте: *Цифра девять, иль девятка, — / Цирковая акробатка: / Если на голову встанет, / Цифрой шесть девятка станет* (С. Маршак). Интересно, что в этом контексте числительные *девять, шесть* выступают как бы со «снятым» значением в составе словосочетаний с отчетливой предметной семантикой: *цифра девять, цифрой шесть*. Именно числовое значение лежит в основе языкового обозначения математического ряда натуральных чисел (*один, два, три ... сорок пять ... триста шестьдесят один ...*). Кроме собственно числительных, обозначениями чисел математического ряда и соответственно носителями числового значения могут быть и слова других частей речи: счетно-местоименное прилагательное *один*, существительные *тысяча, миллион, миллиард, ноль* и совсем малочастотные *биллион, квадриллион, триллион*.

2. **Количественное** значение (количество выступает в данном случае как признак предмета) — *десять солдат, двадцати двух лошадей, семеро козлят*. Если числовое значение является для имен числительных наиболее специфическим (в том смысле, что это значение выражается в языке почти исключительно числительными), то количественное значение является для них самым характерным, основным: в текстах имена числительные чаще всего обозначают количество как признак предметов.

Приблизительное количество в русском языке выражается с помощью обратного порядка слов в конструкциях с количественными числительными: *пришло человек пять; ей было лет двадцать; встретился часов в одиннадцать*. Собирательные числительные не обладают способностью к выражению приближенности.

3. **Счетно-порядковое** значение (обозначает порядковое место предмета, который при остановке счета оказывается последним в ряду однородных предметов) — *третья встреча; шестой десяток; дом три, квартира восемь*. Порядковое место предметов при счете обозначается главным образом с помощью порядковых числительных,

⁷ Очень точно писал об этом А. А. Потебня: «Математика, оперирующая с отвлеченным числом, отвлеченною величиной, возможна лишь тогда, когда язык перестает ежеминутно навязывать мысль о субстанциональности, вещественности числа...» (из автобиографии, напечатанной у Пыпина в «Истории русской этнографии» [Потебня, 1891, с. 423–424].

однако возможно употребление в этой функции и количественных числительных (ср.: *восьмая квартира — квартира восемь*). Счетно-порядковое значение в системе значений имен числительных является производным от количественного и числового: с одной стороны, очевидно, что числительное в этом случае обозначает признак предмета (его место в ряду однородных при счете), с другой — такого рода признак обусловлен счетом в пределах натурального ряда чисел.

Числительные со счетно-порядковым значением могут, в свою очередь, развиваться на этой семантической основе собственно качественными значениями, не связанными со значением порядкового номера и свойственными именам прилагательным (*первый сорт, на вторых ролях, первые опыты*)⁸. Некоторые авторы на этом основании в составе порядковых числительных выделяют собственно порядковые, обозначающие порядковый номер, и качественно-порядковые, близкие по значению к прилагательным, хотя представляется более корректным описывать это явление как процесс адвербиализации числительных вследствие появления нового, оценочного значения.

Существует также точка зрения, согласно которой собирательные числительные обладают собственным, отличным от собственного количественного, значением. Утверждается, что в примерах типа *Пришли три человека, у троих в руках цветы; Он стоит между двух красавиц, / У обеих зрачки в слезах* (Н. Асеев) имена числительные собирательные обозначают количество предметов как единое целое⁹, пишут также об оттенке совместности в значениях собирательных числительных. Однако заслуживает предпочтения позиция тех авторов, которые не усматривают в собирательных числительных особого семантического своеобразия по сравнению с количественными и считают само наименование «собирательные» условным¹⁰. Действительно, в контексте типа *У него большая семья: двое мальчиков и две девочки; Двум из осужденных, а всего их было четверо, — / Думалось еще — из четырех двоим* (Б. Пастернак) противопоставить значения количественных и собирательных числительных невозможно — все числительные здесь выражают общее количественное значение.

§ 3. Грамматические особенности числительных

В отличие от семантики, объединяющей различные разряды числительных в рамках отдельной части речи, морфологическая и синтаксическая специфика характерна только для числительных количественных и собирательных.

⁸ См.: [Современный русский язык, 1952, с. 230].

⁹ См.: [Шанский, Тихонов, 1981, с. 287, 574; Русская грамматика, 1980, I, с. 574; Мисневич, 1975, с. 140].

¹⁰ См.: [Современный русский язык, 1964, с. 111; Гвоздев, 1973, с. 271; Валгина и др., 1966, с. 214].

Категория числа у числительных. Как отмечалось выше, само лексическое значение числительных основывается на понятии числа, поэтому вполне закономерно, что количественные и собирательные имена числительные не имеют соотносительных грамматических форм числа.

Безразличие подавляющего большинства числительных к числовому противопоставлению на уровне синтаксического согласования проявляется в возможности двойного согласования числительных с глаголами: *трое пришло* и *трое пришли; семь человек живёт* и *семь человек живут*¹¹. Более того, в количественных оборотах, образуемых числительными *два, три, четыре* в им. и вин. падежах и существительным в форме, которая внешне соответствует род. падежу ед. числа (*два брата, четыре стороны*), лексическое значение числительных (неединичность) как бы вступает в противоречие с формой ед. числа количественно определяемого существительного. Особенно немотивированным становится употребление формы ед. числа при осложнении количественного оборота прилагательным во мн. числе (*три красных флага, четыре огненных глаза*)¹².

В то же время в современной системе словоизменения числительных сохраняются остаточные следы изменения по числам бывших имен прилагательных (*два, три, четыре*) и бывших существительных (*пять, шесть, семь, восемь, девять*). Так, склонение бывших прилагательных (*двух, двум, двумя...*), сохраняя следы согласования в прошлом с двойственным и множественным числом, напоминают формы склонения множественного числа. Напротив, числительные, восходящие к существительным, используют в словоизменении окончания форм единственного числа (*пять* как *кость*). В какой-то степени сохраняет старые числовые противопоставления слово *сто*: в формах составных числительных типа *четырьмястами, о двухстах* в качестве второго компонента используются формы множественного числа от слова *сто*, отдельно не употребляемые¹³. Употребление числовых форм порядковых числительных (*десятый, десятая, десятое*) целиком определяется их синтаксическим согласованием с

¹¹ Выбор формы ед. числа в данном случае подсказывается формальной аналогией: внешне числительные аналогичны существительным ед. числа; соображения содержательного порядка, напротив, требуют употребления формы мн. числа.

¹² Исторически форма *два брата* представляет собой видоизмененный пережиток именительно-винительного падежа двойственного числа. По-видимому, прав В. В. Виноградов, выводив в данном случае форму *брата* за пределы системы живых падежных функций и рассматривая количественный оборот как неразложимое грамматическое целое, своеобразную идиому. Незакономерность формы существительного с точки зрения современной грамматической системы подтверждает и архаическое ударение, сохраняющееся в таких счетных оборотах, как *два шага, три ряда, четыре часа*.

¹³ Показательно, что для числительного *десять* такое уже невозможно (*пятьдесят, пятидесяти...*). Количество десятков, составляющее значение производных числительных типа *восемьдесят*, язык обозначает как нерасчлененное множество.

существительными, по отношению к которым числительные выступают как определения.

Категория рода у числительных. В семантическом плане числительные противопоставляются словам количественной семантики (*пятерка, десяток, сотня*) тем, что в них обозначение количества не осложнено никакими предметными ассоциациями, их значение ориентировано на абстрактное число. Потеря предметности значения, являющаяся результатом исторической эволюции ряда имен, естественно сопровождалась утратой грамматического рода¹⁴.

Имена числительные в современном русском языке не имеют возможности последовательно выявить категорию рода уже потому, что не могут определяться прилагательными. При согласовании же словоформ им. падежа числительных с глаголами (*за ночь выросло (выросли) три дерева*) обнаруживается фактическое безразличие числительного не только к числовым, но и к родовым показателям.

Исключение составляют числительные *два, полтора* и слово *оба*¹⁵, для которых противопоставление по роду отражено двумя рядами форм: рядом форм, используемых для согласования числительных с существительными мужского и среднего рода (*два, полтора, оба*) и рядом форм для согласования с существительными женского рода (*две, полторы, обе*). У числительных *два* и *полтора* противопоставление по роду выражено только в совпадающих формах им. и вин. падежей: *два дома — две сестры*, но *двух домов — двух ног; полтора стакана — полторы чашки*, но *полтора стаканов — полтора чашек*; у слова *оба* значение рода выражено во всех падежных формах: *оба друга, обоих друзей, обоим друзьям, обоими друзьями; обе подруги, обеих подруг, обеим подругам, обеими подругами*.

Категория рода применительно к порядковым числительным проявляется в согласовании родовых форм числительных-определений и сочетающихся с ними существительных (*вторая позиция, второе дело, второй звонок*).

Отношение числительных к категории одушевленности. Числительные очень последовательно обозначают одушевленность или неодушевленность сочетающихся с ними существительных.

Из количественных числительных только *два, три* и *четыре* (по происхождению своему счетные прилагательные) обозначают одушевленность определяемого ими существительного: *нашёл две лодки*, но *нашёл двух подруг; вижу три корабля*, но *вижу трёх всадников*; ср.: *вижу пять звёзд (малышей)*. Однако даже в этих случаях одушевленность обозначается числительными последовательно.

¹⁴ Еще М. В. Ломоносов допускал синтаксическое употребление *каждую пять лет, каждую двадцать лет*.

¹⁵ Принадлежность слова *оба* к числительным является спорной, что более подробно будет рассмотрено ниже.

Так, возможны колебания формы: *поймал три птички (трёх птичек), купил две куклы (двух кукол)*; ср.: *На них он выменял борзые три собаки!!!* (А. Грибоедов)¹⁶. Составные же числительные, оканчивающиеся на *два, три, четыре*, вообще никак не обозначают одушевленность сочетающегося с ними существительного (*купил тридцать две лошади, двадцать два быка*): форма вин. падежа числительного совпадает в данном случае с формой им. падежа (*напись тридцать две лошади, двадцать два быка*).

Собирательные числительные, образующие формы косвенных падежей по адъективному типу склонения прилагательных, обозначают одушевленность сочетающихся с ними существительных (*дежурил трое суток, видел четверо саней, но видел семерых братьев, узнал троих друзей*). Отношение форм порядковых числительных к одушевленности / неодушевленности сочетающихся с ними существительных целиком определяется их синтаксическим согласованием с этими существительными (*вижу пятый столб, но вижу пятого всадника*).

Противопоставление именительного-винительного и косвенных падежей в склонении числительных. Одной из самых ярких грамматических особенностей числительных является их переменная синтаксическая связь с существительными: числительные то согласуются с существительными, то управляют ими. Действительно, числительные в форме им. и вин. падежей выступают по отношению к сочетающимся с ними существительными как слова управляющие: *вижу пять башен (десять коров)*. Форма род. падежа имени существительного является в данном случае зависимой, управляемой¹⁷. В остальных падежах числительные согласуются с соответствующей падежной формой существительного, выступают как определяющие, синтаксически зависимые слова (*пятью башнями, к семи часам, десяти сосен*).

Исторически различие синтаксических связей числительных в именительном-винительном и косвенных падежах объясняется тем, что в категории современных числительных «смешались» прежние прилагательные (*два, три, четыре*), согласующиеся в падеже с определяемыми существительными, и прежние существительные (*пять, шесть, семь, десять* и т. п.), управляющие родительным па-

¹⁶ В правомерности тезиса о том, что количественные числительные могут варьировать свою форму в зависимости от одушевленности / неодушевленности сочетающегося с ними существительного, можно усомниться уже потому, что неодушевленность обозначается числительными исключительно в составе количественного оборота (*вижу два дерева*), который многие рассматривают как неразложимое грамматическое целое, своеобразную грамматическую идиому, а не обычное и закономерное с грамматической точки зрения словосочетание.

¹⁷ Напомним, что сочетания существительных с именительным-винительным падежом числительных *два, три, четыре* представляют собой своеобразный счетный оборот, грамматически малоразложимую идиому.

дежом дополнения. Отсюда развилось противопоставление (сохранивших грамматическое значение былой субстантивности) именительного-винительного падежей (*две задачи, пять вопросов* и т. п.) и косвенных падежей, в которых числительные, подобно прилагательным, согласуются в падеже с определяемым существительным» [Виноградов, 1972, с. 239].

Отмеченное противопоставление именительного-винительного и косвенных падежей очень важно для понимания грамматической сущности числительных и тенденций развития этой части речи в современном русском языке. Выше уже отмечалось, что формирование числительных как особой части речи в семантическом отношении связано с потерей предметности значений бывших существительных. Переменный характер синтаксической связи числительных с сочетающимися с ними существительными однозначно свидетельствует о том, что «у имен числительных процесс отвлечения от предметных значений достиг высшего предела в косвенных падежах, где числительные стали простыми абстрактными арифметическими определителями существительных, чуждыми всякого оттенка предметности» [Там же]. Кстати, этот факт (утрата предметности в значении числительных, сопровождающаяся развитием у этих слов атрибутивной функции) лишний раз говорит о правомерности включения порядковых числительных (функция определения для них является основной) в состав числительных как части речи.

В связи с вышеизложенным становится понятна и деформация системы склонения ряда числительных. Так, противопоставление именительного-винительного и косвенных падежей достигает своего крайнего выражения у числительных *сто* и *сорок*, которые различают лишь две формы: одна для именительного-винительного падежа (*сто, сорок*), другая — для косвенных падежей (*ста, сорока*).

Склонение числительных. Утратив число и род, числительные в русском языке сохранили изменение по падежам. Современное склонение числительных характеризуется крайней пестротой¹⁸, значительным числом различных словоизменительных типов, сохраняющих подчас грамматические элементы глубокой древности (например, пережитки двойственного числа — гласный *у* в склонении числительного *два*; обращает на себя внимание также элемент *-у* в составе сложных слов типа *двуколка*).

В зависимости от понимания объема категории числительного как части речи и детальности формообразовательного анализа разные авторы по-разному определяют число словоизменительных типов современных числительных. Так, В. В. Виноградов говорит о 12 основных типах склонения числительных [Виноградов, 1972, с. 247–

¹⁸ Это является естественным следствием того, что в разряде числительных объединились слова, восходящие к исторически разным группам — прилагательным и существительным всех трех родов.

248], А. Е. Супрун увеличивает это число до 17 [Супрун, 1964, с. 59–60], А. Н. Гвоздев выделяет 13 словоизменительных типов [Гвоздев, 1973, с. 274–277] и т. д. В любом варианте разрозненность словоизменительных числительных достаточно очевидна.

1. Числительные *два (две), три, четыре* (в прошлом — прилагательные) в своем склонении обнаруживают черты склонения прилагательных и местоимений во мн. числе (ср.: *двух, трём — белых, белым*). Однако полная аналогия невозможна вследствие присутствия в склонении числительных гласных */u/, /o/*, а также флексии творительного падежа (*/-m'á/ -мя: четырьмя*), не встречающейся в других типах склонения¹⁹.

2. Группа числительных *пять... десять* и все числительные на *-дцать* и *-десят* склоняются аналогично существительным III склонения (типа *кость*). Внутри этой группы числительные *одинадцать... девятнадцать* выделяются тем, что при склонении сохраняют ударение на основе, в то время как в косвенных падежах остальных числительных этого разряда ударение неизменно падает на флексию²⁰. Отличительной чертой склонения числительных на *-десят* является так называемое двойное склонение, т. е. склонение обеих составных частей слова (*семьдесят, семидесяти, семьюдесятью*), нигде (кроме как у числительных) более не встречающееся²¹. Из «мелочей» формообразовательной техники склонения числительных этого разряда отметим отсутствие беглой гласной */i/* (орфографическое *е*) в формах род., дат. и предл. падежей слов *восемь (восьми, восьмью)* и, соответственно, *восемьдесят (восьмидесяти, восьмьюдесятью)*. В тв. падеже эти числительные образуют варианты формы, причем формы, сохраняющие гласный (*восьмью, восьмьюдесятью*), более характерны для письменной речи.

3. В склонении числительных *сорок, девяносто, сто* максимально проявляется тенденция к упрощению склонения числительных, к противопоставлению всего двух форм для различения прямого и косвенного падежей (*сорок — сорока, сто — ста, девяносто — девяноста*)²².

¹⁹ Существенно отметить, что сходство в склонении рассматриваемых слов не является исторически изначальным, а представляет собою результат довольно сложной контаминации в процессе эволюционного развития языка [подр. см.: Супрун, 1964, с. 45–48].

²⁰ При склонении сложных числительных типа *пятьдесят, шестьдесят* основное ударение падает на окончание первой части (*восьмидесяти, семьюдесятью*). Вообще характерной чертой словоизменения числительных (отличающей, кстати, их склонение от склонения существительных) является тяготение ударения к флексии [подр. см.: Виноградов, 1972, с. 247].

²¹ В разговорной речи можно отметить тенденцию к образованию общей основы для всех косвенных падежей числительных на *-десят* (употребление форм *пятидесятью, шестидесятью* вместо *пятидесятью, шестидесятью*).

²² Еще М. В. Ломоносов приводил в своей грамматике парадигмы склонения слов *сорок, сто и девяносто*. Ср. сохранение в некоторых выражениях и идиомах «осколков» старой парадигмы: *много (несколько) сот, сорок сороков* и т. п.

К данному типу склонения примыкают слова *полтора* и *полтора́ста*, также имеющие только две различающиеся формы *полтора* (*полторы*) для именительного-винительного падежей и *полтора́* для косвенных; ср.: *полтора́ста* — *полтора́ста*.

4. Числительные, обозначающие сотни (*двести*, *триста*, *четыре́ста* и числительные на *-сот*), образуют падежные формы так же, как существительные I склонения мн. числа.

У числительных на *-сот*, так же как у числительных на *-деся́т*, склоняются обе части сложения (*трё́хсот*, *пятью́стами*). В языковом сознании носителей русского языка еще сохраняются восприятие этих числительных как словосочетаний. Об этом говорит не только регулярное склонение частей сложения, но и то, что элемент *-сто* в составе сложного числительного может сохранять синтаксические функции счетного существительного (в значении 'сотня'). В этих случаях сложное числительное не согласуется с существительным в косвенных падежах (норма — *с тремя́стами рублями*), а управляет им (*с тремя́стами рублей*).

5. Собирательные числительные (*двое*, *трое*, *пятеро* и т. п.) склоняются как прилагательные во мн. числе. Склонение по множественному числу объясняется тем, что современные формы числительных вытеснили старые формы числительных-прилагательных (*двои*, *трои*, *четверы* и т. п.), употреблявшиеся еще в первой половине XIX в.²³

6. При образовании падежных форм составных числительных нормально изменение по падежам каждого компонента (*двести восемьдесят семь*, *двухсот восьмидесяти семи*). В устной речи наблюдается тенденция к упрощенному склонению составных числительных, что проявляется: а) в склонении только начальных и конечных компонентов (*серия́ пособий с двумя́ тысячами́ четы́реста́ семьдеся́т пятью́ черте́жами*), б) в склонении только последнего компонента составного числительного (*вычесть из сто́ восемьдеся́т пяти*).

В составных порядковых числительных при склонении остаются без изменения все составляющие, имеющие форму количественных, и изменяется только последнее слово, имеющее форму порядкового, которое согласуется с существительным (*после́ тыся́ча девя́тисот три́дцать седьмого́ года, на сто́ восьмой́ версте*).

7. Все порядковые числительные изменяются по родам и склоняются, как полные прилагательные. Следует обратить внимание на числительное *тре́тий*, склоняющееся, как прилагательное типа *лисий*, и имеющее нулевую флексию в формах именительного и винительного падежей.

²³ Формы ед. числа соответствующих числительных-прилагательных вышли из употребления (кроме бывшей формы ср. рода, заменившей им. падеж для всех родов: *двои* и т. п.).

§ 4. Классификация числительных

Числительные, во-первых, разделяются на семантико-грамматические разряды (количественные, собирательные, порядковые и пр.); во-вторых, делятся на типы по характеру внутренней структуры, по составу (простые, сложные, составные).

Количественные числительные. Этот разряд числительных во всех отношениях является ядром числительных как части речи. Именно количественные числительные используются языком в качестве основного средства для обозначения членов математического ряда натуральных чисел. Им доступен весь спектр значений, которые могут выражать числительные. Слова этого разряда проявляют набор свойств, формирующих грамматическую специфику числительных как части речи. Самое же существенное состоит в том, что и собирательные, и порядковые числительные (как в аспекте лексического состава разряда, так и в аспекте наиболее характерных значений и грамматических свойств) являются производными от числительных количественных.

Слово *один* часто относят к количественным числительным на том основании (совершенно бесспорно), что оно может выражать числовое значение и является обозначением члена математического ряда натуральных чисел. В этой функции слово *один* регулярно употребляется в качестве компонента составного числительного (*сто́ пятьдеся́т один*). Однако нельзя не признать, что слово *один* резко отличается от других количественных числительных в аспекте своих грамматических характеристик, так как имеет категорию рода (*один*, *одна*, *одно*) и числа (*один* — *одни*), не имеет переменной синтаксической связи (всегда согласуется с существительным и не способно им управлять), склоняется по типу местоименного прилагательного. Существенно также отметить, что слово *один* не имеет производного в ряду числительных других разрядов и в ситуации, когда счет обращен непосредственно на считаемые предметы, может заменяться словом *раз* (*раз, два, три...*).

При решении вопроса о частеречной принадлежности слова *один* следует учитывать тот факт, что в числовом значении, в функции обозначения натурального числа, в функции компонента составного числительного и в счетных операциях могут выступать и слова, не являющиеся собственно числительными. Прежде всего это связано с тем, что в русском языке ряд натуральных чисел и соответствующие им числительные перекрывают только числа девятьсот девяносто девять, дальнейший счет обеспечивается путем включения существительных типа *нуль*, *ты́сяча*²⁴, *миллион*, *миллиард*, а также мало-

²⁴ В представленном ряду слово *ты́сяча* занимает несколько особое место, обнаруживая тяготение к числительным. Это проявляется в том, что в косвенных падежах иногда встречается согласование этого слова с существительным (*к тыся́че рублям* на-

частотных *биллион, триллион, квадриллион*. От числительных эти слова отличаются набором грамматических категорий, типичных для имен существительных (прежде всего это категории числа и рода). Представление о количестве и числовом значении присутствует также в существительных типа *пара, тройка, двойня, десятка* и т. д. Все эти слова являются обычными существительными, что проявляется не только в наличии у них специфических для имен существительных грамматических категорий, но и в других особенностях. Ярким примером является способность этих слов вступать в свойственные именам существительным словообразовательные отношения: от них образуются слова с уменьшительно-ласкательным, увеличительным, пренебрежительным и т. п. значениями (*парочка, миллиончик, тыщонка, десяточек, половинушка*). В синтаксическом плане существительные с количественным и числовым значением обладают способностью иметь при себе определяющее слово: *хорошая пара, целый миллион, русская тройка*. Следует отметить также, что эти существительные способны к созданию омонимических (*тройка по физике, тройка лошадей; семейная пара, фразная пара*) и синонимических (*тысяча — штука*) отношений с другими именами, что также резко отличает их от числительных, предельная абстрактность семантики которых не допускает подобных связей.

Кроме так называемых счетных существительных в выражении числового значения участвует слово *один*. Многообразие типов употребления делает это слово одним из интереснейших явлений русской грамматики. Даже если ограничить рассмотрение особенностей этого слова случаями его использования с количественно-числовым значением²⁵, можно сделать ряд интересных выводов и наблюдений. Во-первых, слово *один* наряду с количественными числительными используется при счете, но при этом отличается от числительных по ряду признаков. Это слово во всех падежных формах (включая им. и вин. падежи) согласуется с существительным в роде и падеже (*один дом, два дома, пять домов*). Кроме категорий рода и падежа это слово имеет соотносительные формы числа (*один — одни*), хотя само значение слова *один* полностью противоречит идее множественности, что находит свое подтверждение в том, что данное соотношение не используется для противопоставления по числу: форма *одни* определяет существительные *pluralia tantum* (*одни сутки*) и названия парных предметов (*одни ножницы, одни перчатки*). В контекстах с другими существительными во мн. числе форма *одни* утрачивает

ряду с обычным *к тысяче рублей*). Иногда также употребляется форма тв. падежа *тысячью* (по образцу форм тв. падежа числительных типа *пять — пятью, шесть — шестью*) вместо нормальной формы существительного II склонения (*тысячей*).

²⁵ Т. е. не рассматривать случаи типа *Дети остались дома одни* (слово *один* в функции наречия) или *Один Бог без греха* (слово *один* в функции ограничительной частицы), а также артиклевое употребление: *Мне рассказал об этом один человек*.

количественное значение (*одни друзья, одни проблемы*), выступая в функции ограничительной частицы.

Особенностью русского языка является нормативный пропуск слова *один* при счете, на что обратил внимание еще А. А. Шахматов [Шахматов, 1925]. В счетных сочетаниях слово *один* используется только в научной или деловой речи (например, *одна десятая; на счет перевели одну тысячу рублей*), для других стилей речи такое явление не характерно: *Через час после этого Дуняша пришла к княжне с известием, что пришел Дрон...* (Л. Толстой); *Он хотел еще спросить, сколько стоит фунт миндаля в сахаре, и только что завел об этом речь, как вошел покупатель...* (А. Чехов).

По мнению В. А. Трофимова, эллиптическое употребление «числительного *один* есть древнейшее состояние. Наименование предмета одновременно было и его количественным обозначением, обозначением его единичности» [Трофимов, 1957, с. 117].

В тех случаях, когда счет обращен непосредственно на считаемые предметы, наряду со словом *один* в разговорной речи возможно употребление существительного *раз*: *Вальс начинается, дайте ж, сударыня, руку, И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три* (С. Никитин).

Слово *один*, так же как и счетные существительные с числовым значением типа *тысяча*, легко развивает переносные значения в составе стилистических фигур (*в одну секунду, за один миг, тысяча мелочей, миллион проблем*), в то время как собственно числительные к этому не способны²⁶. Случаи преносного употребления некоторых порядковых числительных (*третий сорт, первый парень на деревне, десятое дело, фразеологизм седьмая вода на киселе*), по всей видимости, следует трактовать как адвербиализацию этих числительных, так как в результате метафоризации числительные лишаются своего основного семантического и получают оценочное значение.

Ввиду всего вышеизложенного представляется целесообразным рассматривать слово *один* как счетно-местоименное прилагательное, регулярно выступающее в числовом значении и функции обозначения натурального числа.

Собирательные числительные. Собирательные числительные представляют собой замкнутую группу из девяти слов (*двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*), образованных от количественных числительных первого десятка с помощью суффиксов *-oj-* и *-ep(o)*. Указанные слова не обнаруживают особого семантического своеобразия по сравнению с количественными (ср.: *семеро козлят — семь коз*), что делает само название разряда условным. В то же время собирательные числительные ха-

²⁶ Исключения возможны, но немногочисленны; напр., оборот *на два слова: Зайди ко мне на два слова!*

рактируются ограниченной сочетаемостью: главным образом *они* используются в сочетании с названиями лиц мужского пола²⁷ (*трое рыбаков, двое сыновей*, но не *пятеро волков*, не *двое женщин*), в сочетаниях с существительными, не имеющими ед. числа (*двое ворот, четверо суток*), а также с личными местоимениями *мы, вы, они* (*нас будет четверо; пригласили только вас двоих; Остались мы трое* (И. Гончаров)).

Отличительная черта собирательных числительных состоит также в большей субстанциональности, предметности их значения по сравнению со значением количественных числительных, которые являются прямым обозначением чисел (ср.: *пятеро и пять, трое и три* и т. п.). Употребляясь вне сочетания с существительными, собирательные числительные обозначают лиц. Во всяком случае, сочетания типа *двое лежат* или *трое стоят* воспринимаются как указание на людей, а не на стоящие или лежащие предметы (*трое саней, двое ножниц*). Ср. также названия повестей «*Двое в степи*» (Э. Казакевича) и «*Трое*» (М. Горького).

Избирательная сочетаемость и особенности значения собирательных числительных при изолированном употреблении выделяют собирательные числительные в ограниченную группу слов, способных в русском языке выражать противопоставление «личность — неличность»²⁸.

Спорным является вопрос о принадлежности к собирательным числительным слова *оба* (*обе*). От собирательных числительных оно отличается наличием форм рода (*оба — обе*), возможностью сочетания с существительными и мужского, и женского рода (*оба журнала, обе книги*), причем только в ед. числе (ср.: *двое мальчиков*, но *оба мальчика*), несочетаемостью с существительными, имеющими формы только мн. числа. Кроме того, слово *оба* (*обе*) не является производным от количественных числительных, не обнаруживает в своем составе суффиксов, характерных для собирательных числительных. В плане сочетаемостных свойств слово *оба* (*обе*) отличается от количественных и собирательных числительных неспособностью иметь в качестве определяющего слова местоимения *весь* и *каждый*: *все четверо*, но не *все оба*; *все двое* (не *оба*) *суток, каждые два* (не *оба*) *года*.

Учитывая также тот факт, что «основным значением слово *оба* (*обе*) является не обозначение количества, а лишь указание на количество — ‘и тот и этот’, что сближает синонимические отношения “*оба* (*обе*) и *два* (*две*)”» [Валгина и др., 1966, с. 211], вполне логичным является определение слова *оба* (*обе*) как местоименно-количественного.

²⁷ Кроме названий животных; при этом названия детенышей составляют исключение (*семеро пожарников, семеро козлят, но семь львов*).

²⁸ Этой способностью обладают также местоимения-существительные (*кто, что*).

Вопрос о дробных числительных. Некоторые авторы считают, что разновидность составных числительных составляют дробные числительные типа *четыре пятых, семь восьмых*. В качестве аргумента приводится тезис об их семантическом своеобразии (обозначение дробных величин, т. е. количества тех или иных частей единицы) и грамматической специфике (сочетание количественного числительного в числителе дроби и субстантивированного порядкового в знаменателе). Однако такие сочетания вряд ли могут быть отнесены к числительным. Они представляют собой имеющие числовое или количественное значение сочетания слов (часто с союзом *и*), относящиеся к разным частям речи (*одна вторая, шесть седьмых, одна целая пять десятых, четыре целых и двадцать пять сотых* и т. п.). Очень важно, что, в отличие от сочетаний с количественными и собирательными числительными, существительное при сочетаниях такого типа всегда имеет форму род. падежа ед. и мн. числа (*пять десятых имуществ, пяти десятых имуществ; три пятых суток, трём пятым суток; две третьих (всех) книг, двум третьим (всех) книг*).

Слова *полтора* и *полтора́ста*, иногда по семантическим соображениям причисляемые к дробным числительным, в аспекте своих грамматических свойств явно тяготеют к разряду количественных числительных. Однако в числовом (самом для числительных специфическом) значении выступать не могут. Кроме того, слово *полтора* обладает ограниченной синтаксической сочетаемостью: оно сочетается только со словами, обозначающими единичные предметы, которые можно считать как в целых, так и в дробных единицах (*полтора часа, полторы сотни*, но не *полтора хребта, полторы любви*).

Такие названия частей, как *треть, четверть, половина*, имеют все признаки существительных.

Элемент *пол-*(*полу-*), являющийся сокращением существительного *половина*, видимо, следует рассматривать как связанный корень, а образования типа *полукруг, полтонны, пол-окна* — как сложные слова.

Проблема неопределенно-количественных слов. Наряду с этим термином²⁹ используются также термины «неопределенные числительные»³⁰ и «неопределенно-количественные числительные»³¹. Речь идет о словах *много, немного, мало, немало, сколько, столько, несколько*, обозначающих неопределенное количество или указывающих на него. Количественная семантика до известной степени сближает эти слова с числительными. В грамматическом отношении они неоднородны.

²⁹ [Шанский, Тихонов, 1981, с. 116].

³⁰ [Гвоздев, 1973, с. 271; Аванесов, Сидоров, 1945, с. 141].

³¹ См.: [Виноградов, 1972, с. 251; Грамматика, 1952, с. 380; Современный русский язык, 1952, с. 227; Валгина и др., 1966, с. 217; Шанский, Тихонов, 1981, с. 286].

Слова *сколько, столько, несколько* сочетаются с существительными так же, как и количественные числительные, т. е. управляют в формах именительного-винительного падежей (*В вазе лежат несколько яблок; Сколько книг ты прочёл за лето?*) и согласуются в формах остальных падежей (*Уведем несколькими часами позже*). Однако обобщенно-указательное значение (указание на количество, а не обозначение количества) свидетельствует о несомненной близости этих слов к местоимениям: *сколько* — к вопросительно-относительным, *столько* — к указательным, *несколько* — к неопределенным³². Авторы книги [Грамматика русского языка, 1952, с. 380] называют их «местоимения-числительные»³³.

Местоименные числительные противостоят словам *много, немного, мало, немало*, не обладающие указательной семантикой. Их можно разделить на две группы. Слова *мало, немало* лишены форм склонения (в выражениях типа *достигнуть цели малыми средствами, это стоило немалых усилий* представлены формы прилагательных *малый, немалый*, явно отличающихся по значению от *мало, немало*). Несклоняемость же слов *много, немного* не столь очевидна. Ряд авторов признает их склоняемыми³⁴, рассматривая косвенные падежи этих слов как формы, обладающие всеми синтаксическими свойствами прилагательных: *многих лет, немногими друзьями*. Сходную точку зрения высказывают А. Н. Гвоздев, а также Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров³⁵. В. В. Виноградов обратил внимание на то, что предполагаемые формы косвенных падежей слова *много* не отличаются от форм прилагательного *многое*, имеющего только парадигму множественного числа³⁶, а следовательно, правомерным является вопрос: можно ли определить, какие случаи употребления форм *многих, многим, многим* относятся к склонению прилагательного *многое* и какие — к склонению числительного *много*? «В фразе *Мне не хватает многих сведений* само значение глагола как будто указывает на количественно-числительную функцию формы *многих*. В предложении *Со многими друзьями я рассорился*, напротив, ощущим качественный оттенок, присущий употреблению слова *многое*. Однако в итоге В. В. Виноградов приходит к заключению, что «различие функций имени числительного и прилагательного в формах

³² Обычно эти слова включаются в соответствующие разряды в главе «Местоимения» и, таким образом, рассматриваются в грамматиках дважды.

³³ От местоименных числительных *сколько, столько, несколько* следует отличать омонимичные наречия: *я знаю, сколько ты отдыхал; он столько думал об этом; я несколько устал*.

³⁴ [Современный русский язык, 1952, с. 227].

³⁵ [Гвоздев, 1973, с. 272; Аванесов, Сидоров, 1945, с. 142]. См. также следующее утверждение: «В прочих падежах (кроме именительного и винительного. — Авт.) числительное *много* согласуется с существительными, заимствуя необходимые падежные формы от прилагательного *многий*» [Добромыслов, Розенталь, 1956, с. 65–66].

³⁶ Это может быть распространено также на слова *немного* и *немногие*.

косвенных падежей (*многих, многим, многим*) не может быть произведено по чисто грамматическим признакам. Все другие признаки такого различия также оказываются случайными и неопределенными» [Виноградов, 1972, с. 252]. «Грамматика русского языка» (1952) также затрудняется провести границу между *много* и *многое* в косвенных падежах и склоняется к тому, что *много* (и *немного*) не имеет собственных форм косвенных падежей. Наиболее радикальную позицию в этом вопросе занимают авторы, относящие слова *много, немного, мало, немало* не к числительным, а к наречиям³⁷. Эта точка зрения представляется наиболее убедительной.

Неоспоримо наличие в русском языке количественных наречий *много, немного, мало, немало*, например: *Он много читает; Он немного поспал; Он мало работает; Он немало потрудился в этом году*. Эти наречия могут определять и глагол (примеры см. выше), и существительное: *Он прочёл много книг; С тех пор прошло немного лет; У него мало работы; Немало своего труда вложил он в эту конструкцию*. Между их значениями в том и другом случае трудно уловить различие.

В пользу наречной природы слов типа *много, мало, немного, немало* можно привести следующие соображения.

1. Слова *много, мало* сочетаются с наречиями степени: *очень много (вещей), совсем мало (народу)*. Подобная сочетаемость типична для наречий (*очень быстро, крайне долго*) и совершенно чужда числительным.

2. Слова *много, мало* имеют формы сравнительной степени: *много страниц — большие страницы; мало работы — меньше работы*.

3. Слова *много, мало, немного* имеют формы субъективной оценки: *многовато, маловато, немножко*.

4. В отличие от имен числительных, другие слова количественной семантики, включая наречия, не могут обозначать числа, а количество обозначают неопределенно, приблизительно. Таковы существительные (*множество, уйма, пропасть, бездна*) и наречия (*капельку, чуточку*). Естественно, сюда же относятся наречия *мало, много* и пр. У слов со значением количества есть общие свойства, особенно сочетаемостные (см. ниже, п. 5). Однако ни количественная семантика, ни общие черты в сочетаемости не могут служить достаточным основанием для отнесения тех или иных слов к числительным как частям речи. Следовательно, значение слов *много, мало, немного, немало* не может обеспечить их принадлежности к числительным.

5. Слова количественной семантики сочетаются с формами род. падежа существительного: *уйма народу, чуточку внимания, много тряпья, мало деревьев, немного хитрости, немало посетителей*. В отличие от числительных, которые сочетаются только с существ-

³⁷ См.: [Современный русский язык, 1964, с. 117].

вительными, обозначающими считаеые предметы, количественные слова могут соединяться с существительными любой семантики.

6. Слова *мало, много, немного, немало* являются наречиями, а не числительными, поскольку они не склоняются. Мнение тех авторов, которые приписывают им формы и функции падежей, представляется неосновательным. Выше говорилось о проблеме косвенных падежей для *много, немного*. Можно, однако, предположить, что этим словам свойственны хотя бы формы именительного и винительного падежей³⁸, например: *У него мало (много) книг; Он прочёл за лето немало (немного) книг*. Но если видеть в этих конструкциях форму именительного или винительного падежей, то тогда ее следует усматривать и для слов *больше, меньше*, которые являются формами сравнительной степени от *много, мало*. Так, во фразе *У меня больше книг, чем у него* для *больше* можно предположить форму именительного падежа, так как сочетание *больше книг* выступает в функции подлежащего, а во фразе *Он прочёл за лето меньше книг, чем я* для *меньше* можно предположить форму винительного падежа, так как сочетание *меньше книг* стоит в позиции прямого дополнения. Тождество функций слов *много* и *больше, мало* и *меньше* в приведенных примерах не вызывает сомнений. Но о формах падежей для *больше, меньше* грамматики не пишут, ибо сравнительная степень представляет собою неизменяемую форму. Если же допустить неизменяемость и отсутствие падежных форм для *больше, меньше*, то это следует сделать и по отношению к словам *мало, много* (а вместе с ними и *немало, немного*). Вообще словосочетания количественных слов с существительными, как правило, выступают как один член предложения³⁹. Но из этого совершенно не следует, что количественное слово обладает той или иной падежной формой.

Для оценки грамматической природы слов *много, немного, мало, немало* небезразлично и то обстоятельство, что наречиями их считают словари русского языка, см.: [Толковый словарь, II; Словарь, 1950–1965, VI, VII].

Думается, что всего вышесказанного достаточно для того, чтобы признать слова *мало, много, немало, немного* наречиями.

В итоге разряд неопределенно-количественных числительных устранился. Слова *сколько, столько, несколько* должны быть отне-

³⁸ «*Мало* не изменяется и употребляется лишь в именительном и винительном падежах: *Сегодня в парке мало посетителей; Он получал мало писем*» [Гвоздев, 1973, с. 272]; «Числительные *много* и *мало* в именительном и винительном падежах управляют существительными... Числительное *мало* употребляется только в именительном и винительном падежах» [Добромыслов, Розенталь, 1956, с. 65–66].

³⁹ Так, признаются подлежащими словосочетания количественной семантики *собак с полсотни, около пятидесяти человек* в предложениях *Со всех дворов собак сбежалось с полсотни* (И. Крылов); *В комнате, стоя, тесно прижимаясь друг к другу, смогли поместиться около пятидесяти человек* (Н. Островский), хотя в их составе нет форм именительного падежа [Грамматика, 1954, с. 384].

сены к местоимениям, а слова *много, мало* и пр. — к наречиям. Однако, поскольку все они обозначают неопределенное количество, для них можно сохранить наименование «неопределенно-количественные слова», удобное тем, что не фиксирует их принадлежности к той или иной части речи.

Порядковые числительные. Основным вопросом для порядковых числительных является их принадлежность к числительным или прилагательным. Характеризуя такую важнейшую черту порядковых числительных, как их выводимость из ряда слов с числовым значением, следует отметить образование порядковых числительных *тысячный* и *миллионный* на базе существительных с числовым значением и при помощи суффикса *-н-*. Наряду со счетно-порядковым значением эти слова в семантическом отношении могут приобретать известный оттенок качественности, ср.: *Петр Михайлович по крайней мере в миллионный раз рассказывал при ней о Мерзлякове* (А. Писемский).

В итоге классификации числительных по семантико-грамматическим разрядам складывается следующая картина: числительные делятся на два основных разряда (количественные и производные от них порядковые). Количественные числительные, в свою очередь, подразделяются на собственно количественные и, опять-таки, производные от них собирательные. Для выделения дробных и неопределенно-количественных числительных нет достаточных грамматических оснований.

Рассматривая числительные и слова с числовым значением в аспекте их внутренней структуры, нетрудно заметить, что почти миллион чисел (от 1 до 999 999) выражаются в языке при помощи очень ограниченного числа корней. Их тринадцать: *один-, дв-, тр-, четыр-, пят-, шест-, сем-, восем-, девят-, десят-, сорок-, ст-, тысяч-* (все, кроме *сорок-*, являются по происхождению общеславянскими).

По составу числительные делятся на простые (производные и непроизводные), сложные и составные. Простые числительные могут иметь немотивированную основу (*два, пять, десять, сто*) и выделять в своем составе суффиксы *-нацать* и *-дцать*⁴⁰ (*двенадцать, тридцать*). Сложные числительные выделяют в своем составе сложную основу, образовавшуюся путем слияния двух слов в одно (*семьдесят, девятьсот*)⁴¹. Существенно отметить, что все словообразовательные типы суффиксальных и сложных числительных являются непродуктивными. Составные числительные состоят

⁴⁰ Исторически суффиксальные форманты *-дцать* и *-нацать* восходят, соответственно, к слову *десять* и к предложному сочетанию *на десять*.

⁴¹ Исторически исходная форма *десять* является формой род. падежа мн. числа от *десять*, а форма *соть* — род. падежа мн. числа от *сто*.

из нескольких слов, которые в большинстве своем являются простыми или сложными числительными (*пятьдесят шесть, восемьсот тридцать два*). В составные числительные могут входить и слова других частей речи с числовым значением (*тысяча девятьсот восемьдесят семь, (один) миллион пять тысяч сто девяносто два*).

В заключение можно отметить, что вовлечение многих счетных слов (в частности, существительных типа *пара, половина, тысяча*) в счетные обороты говорит о том, что числовые значения передаются в языке не только средствами замкнутой группы собственно числительных.

ГЛАГОЛ

§ 1. Глагол как часть речи

Общая характеристика. Глагол занимает особое положение среди основных частей речи. С одной стороны, считается, что глаголы как особый грамматический класс представлены во всех языках; ср.: «какой бы неуловимый характер ни носило в отдельных случаях различие имени и глагола, нет такого языка, который бы пренебрегал этим различием. Иначе обстоит дело с другими частями речи. Ни одна из них для жизни языка не является абсолютно необходимой» [Сэпир, 1993: 116]¹. Таким образом, глагол наряду с существительным считается одной из двух главных частей речи. С другой стороны, выделение таких свойств, которые отличали бы глагол от других частей речи и в то же время охватывали бы все его формы, наталкивается на определенные сложности.

Категориальным значением глагола можно считать обозначение *процессуального (динамического) признака предмета*, т. е. такого признака, который способен изменяться во времени. Фактически глаголы могут обозначать и разного рода статические признаки; ср.: *Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира* (А. Гуревич); *Покатый чеховский сад — за ним начиналось старое татарское кладбище — оставался еще молод и гол* (М. Рошин); *На ухе, на лбу, на лице у Алеши белели наклейки, лоб пересекала повязка, руки покоились на широкой перевязи — чистый инвалид* (М. Рошин). Для обозначения таких признаков могут использоваться и слова других частей речи. Можно, например, в приведенном выше предложении вместо глагола *характеризуется* употребить краткое прилагательное *присущ* без изменения общего смысла предложения: *Каждой цивилизации присущ свой особый способ восприятия мира*.

Вместе с тем обозначать изменение ситуации способен только глагол: *На другой день, увидя идущего Германна, Лизавета Ивановна встала из-за пьезцев, вышла в залу, отворила форточку и бросила письмо на улицу, надеясь на проворство молодого офицера. Германн подбежал, поднял его и вошел в кондитерскую лавку. Сорвав печать, он нашел свое письмо и ответ Лизаветы Ивановны* (А. Пушкин). Именно из этой специфической особенности глагола

¹ Сходной точки зрения придерживаются и современные исследователи: «Как кажется, нет надежного примера такого естественного языка, в котором противопоставление существительных и глаголов полностью отсутствовало бы» [Плунгян, 2000, с. 238].

целесообразно исходить при формулировке его значения как части речи².

В морфологическом отношении глагол также не составляет единства. Связано это прежде всего с тем, что глагол может выступать в нескольких репрезентациях, различающихся по своим грамматическим признакам. Наряду с личными (предикативными, спрягаемыми) формами типа *читаю* или *прочитал* в состав глагола включают также неличные (непредикативные, неспрягаемые) формы, к которым относятся инфинитив (*читать, прочитать*), причастия (*читающий, прочитавший, читаемый, прочитанный*) и деепричастия (*читая, прочитав*), совмещающие черты глагола с чертами других частей речи. Инфинитив в известной мере сближается с существительными, причастия — с прилагательными, а деепричастия — с наречиями.

Следует оговориться, что личными по традиции называют глагольные формы, способные к самостоятельному употреблению в роли сказуемого. В русском языке к ним относятся формы типа *читаю, читал, читай, читал бы*, среди которых есть и изменяющиеся, и не изменяющиеся по лицам (формы прошедшего времени и сослагательного наклонения). Поэтому необходимо строго различать два термина: «формы лица» и «личные формы», второй из которых равнозначен термину «предикативные формы».

Общим для всех форм глагола является наличие категорий вида и залога (подробнее см. ниже, в соответствующих разделах), в частности, сохранение переходности — способности сочетаться с существительными в форме беспредложного вин. падежа в значении объекта действия: *читаю / читать / читающий / читая к н и г у*³ — и в целом подчинительных синтаксических свойств, ср.: *долго болею / болеть / болевший / боля*, но: *долгая болезнь*. Другая объединяющая их черта — сохранение постфикса *-ся* независимо от его функции, ср.: *смеюсь / смеяться / смеющийся / смеясь*, но: *смех*.

Инфинитив и деепричастие не имеют других грамматических категорий, помимо вида и залога (в рудиментарной форме у деепричастий сохраняется и категория времени). Личные формы имеют, кроме того, формы изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения: *читаю, читай, читал бы*. В свою очередь, формам изъявительного наклонения присуща категория ве-

² Обоснование такого подхода см. в: [Петрухина, 2000, с. 13; Плулунян, 2000, с. 240].

³ В отглагольных существительных, образованных от переходных глаголов, винительный падеж заменяется родительным: *читать книгу — чтение книги*. Что же касается категории вида, то прямого соответствия между видом исходного глагола и значениями производного существительного, которые можно считать близкими к видовым, не обнаруживается, хотя «еще в XVIII веке русские имена действия выражали грамматическую категорию вида не менее четко, чем глаголы» [Пазельская, 2003, с. 73].

мени: *читал, читаю, буду читать; прочитал, прочитаю*; время (настоящее и прошедшее) выражают также и причастия: *читающий, читавший*. Формы настоящего и будущего времени изменяются по лицам и числам: *читаю, читаешь, читаем* и т. д., а формы прошедшего времени и сослагательного наклонения изменяются по родам и числам, подобно кратким прилагательным: *читал, читала, читало, читали*; причастия же наряду с категориями вида, залога и времени обладают словоизменительными категориями рода, числа и падежа, аналогичными соответствующим категориям у полных прилагательных: *читающий, читающая, читающего, читающей, читающим* и т. д.

Таким образом, в глаголе сочетаются специфически глагольные категории вида, залога, наклонения, времени и лица с адъективными согласовательными категориями рода, числа и падежа. В результате общее количество форм у глагола намного превосходит количество форм существительных и прилагательных. Например, в парадигму глагола *решать*, по подсчетам Ю. В. Фоменко, входит 235 словоформ [Фоменко, 1996, с. 233].

Наличие у глагола такого большого числа категорий можно объяснить тем, что глагол не только называет некоторое конкретное действие или явление действительности, но и характеризует ситуацию в целом, задавая набор ее участников, их ролевой статус и иерархию. Ср. следующие формулировки этой идеи: «В содержательном плане глагольный предикат — это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит макет будущего предложения. Предикат имеет “места” или “гнезда”, заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальным признаком “гнезда”» [Кацнельсон, 1972, с. 88]; «В отличие от других частей речи, глагол обозначает целую процессуальную ситуацию, элементами которой являются (могут быть) субъект, объект и другие участники» [Фоменко, 1996, с. 233].

С обозначением явлений действительности в узком смысле связаны категории вида, времени и наклонения, которые дают ему дополнительную характеристику с точки зрения особенностей протекания во времени, отношения к моменту речи и соответствия реальности. Что же касается категорий залога и лица (а также числа и рода), то они ориентированы прежде всего на участников ситуации.

В силу того что глагол выступает в нескольких репрезентациях, у него в целом отсутствует общая синтаксическая функция. Личные формы употребляются в функции сказуемого, причастия и деепричастия — соответственно в функциях определения и обстоятельства (обычно в сочетании с выражением полупредикативности), а инфинитив может выступать в предложении в любой синтаксической роли. Именно в силу наличия у глагола как личных, так и неличных форм он «представляет собой единственную часть речи, которая может

фигурировать (в той или иной из своих форм) в любой синтаксической позиции, выполнять в предложении любую синтаксическую функцию, сохраняя при этом такую существенную характеристику, как способность “по-глагольному” управлять подчиненными синтаксическими элементами (различными типами дополнений и обстоятельств)» [Сильницкий, 1990, с. 125].

Репрезентации глагола явно неравноправны. Главенствующее положение среди них занимают личные формы, которые выражают значение процессуального признака в наиболее чистом и неосложненном виде. Личные формы глагола употребляются только в функции сказуемого предложения, причем считается, что лишь они способны самостоятельно образовывать сказуемое: «Простое сказуемое чаще всего представлено одним словом, выражающим грамматическое и вещественное значения. Таким словом может быть только глагол в спрягаемой форме» [Лекант, 1976, с. 20]. С этой синтаксической функцией личных форм согласуется наличие у них категории наклонения, времени и лица. Показательно, что именно эти категории относят к а к т у а л и з а ц и о н н ы м — категориям, «передающим тот или иной аспект отношения содержания высказывания к действительности» [Бондарко, 1976, с. 50], а по мнению Н. Ю. Шведовой, значения времени и наклонения «принадлежат к числу центральных значений синтаксиса: они организуют предложение как грамматическую (синтаксическую) единицу» [Русская грамматика, 1980, II, с. 86].

Поэтому личные формы глагола нередко рассматривают как с о б с т в е н н о г л а г о л и отделяют их от н е л и ч н ы х ф о р м, обладающих признаками других частей речи и при этом, как правило, не способных самостоятельно выступать в роли сказуемого. В качестве примера можно привести точку зрения Ю. С. Маслова, который использовал в качестве обобщающего названия для неличных форм глагола термин «в е р б о и д ы» (букв. ‘подобные глаголу’), явно подразумевая при этом их неполную глагольность [Маслов, 1975б, с. 209–214; 1990, с. 104].

Особого упоминания заслуживают «глагольные междометия» типа *прыг, хлоп, хвать* [Виноградов, 1947, с. 748, 758–759; Шанский, Тихонов, 1981, с. 200–201; Копорская, 1995, с. 245–253]. Они не имеют глагольных категорий, но используются обычно в качестве сказуемого, причем их одиночное употребление воспринимается как обозначение одноактного моментального действия: *Он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья — и был таков* (М. Лермонтов), а удвоенное или утроенное — как обозначение многоактного действия: *Пришлось <зайчонка> в лес нести. Там выпустили. Зайчонок прыг-прыг — и в кусты. Даже «до свиданья» не сказал* (В. Бианки).

В настоящем пособии эти слова рассматриваются вместе с меж-

дометиями, однако они могли бы включаться и в состав глагола в качестве их периферийного морфологического (формально-грамматического) разряда, напоминающего положение неизменяемых прилагательных типа *хаки* в составе прилагательного. В этой связи можно напомнить, что в свое время Г. О. Винокур, строивший классификацию частей речи преимущественно на формально-грамматических основаниях, вместе с тем включал в состав каждой из основных знаменательных частей речи не только слова, обладающие соответствующими морфологическими показателями, но и функционально соотносительные с ними «неразложимые» слова: «Примером неразложимых слов, соотносительных по функциям с разложимыми глагольными словами могут служить слова вроде *бах, бух, хвать, шасть*. Примером неразложимых слов с функциями падежных слов служат слова вроде *пальто, кенгуру, боа*. Со словами падежно-родовыми соотносительны слова вроде *беж, апплике*» [Винокур 1959, с. 414].

Широкое и узкое понимание глагола. Относительно объема глагола как части речи нет полного единства мнений⁴.

Наиболее узкое понимание глагола было характерно для представителей «формального направления» в грамматике, которые относили к глаголу только личные (спрягаемые) формы. В качестве примера можно привести классификацию частей речи у Н. Н. Дурново, в которой инфинитив выделен в отдельную часть речи, причастия отнесены к классу прилагательных, а деепричастия — к наречиям [Дурново, 1925б, ст. 1089].

При другом варианте узкого понимания глагола инфинитив включается в состав глагола, а причастия и деепричастия либо рассматриваются как разновидности прилагательных и наречий [Богородицкий, 1935, с. 105–106; Виноградов, 1947, с. 429], либо выделяются в особые части речи [Шанский, Тихонов, 1981, с. 212–225]⁵. Вторая точка зрения представляется более обоснованной, поскольку черт, отличающих причастия от прилагательных, а деепричастия — от наречий больше, чем черт, которые их сближают. Вместе с тем возникает вопрос: может ли существовать часть речи, которая полностью состоит из слов, образованных по продуктивному и регулярному моделям, от слов, относящихся к другой части речи?

Своего рода теоретическое обоснование подобного (узкого) подхода к глаголу предложено В. А. Плунонгом. Он считает словообразовательными все значения, которые «меняют набор грамматиче-

⁴ Подробный обзор предлагавшихся решений см.: [Буланин, 1983, с. 94–96].

⁵ Отделение причастий от личных форм (собственно глагола) восходит еще к античной грамматической традиции. Так, очень авторитетный римский ученый Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.) разделял изменяемые слова на четыре «части»: 1) слова, которые имеют падежи и не имеют времени, — имена, т. е. существительные и прилагательные, которые тогда еще не различались; 2) слова, имеющие времена и не имеющие падежей, — глаголы; 3) слова, имеющие и то и другое, — причастия; 4) слова, не имеющие ни того, ни другого, — наречия [см.: Ольховиков, 1985, с. 81].

ских категорий слова» и на этом основании приходит к выводу, что «причастия следует признать отглагольными прилагательными, связанными с исходным глаголом словообразовательными отношениями» [Плунгян, 2000, с. 122]. Не касаясь оценки исходного тезиса (который явно требует более точной формулировки), можно заметить, что — при буквальном его понимании и последовательном проведении — на разные слова, связанные лишь словообразовательными отношениями, распадутся и личные формы глагола, поскольку в русском языке каждое из наклонений обладает индивидуальным набором грамматических категорий, а в рамках изъывительного наклонения формы настоящего времени отличаются в этом отношении от форм прошедшего времени⁶.

Вместе с тем и широкое понимание глагола также требует дальнейшего теоретического обоснования. Если считать личные формы, инфинитив, причастия и деепричастия формами одного слова, то следует признать возможность существования а с е м а н т и ч н ы х морфологических словоизменительных категорий, основным назначением которых являлось бы изменение синтаксических функций слова, не затрагивающее его значения. Этот вопрос, которому уделяется неоправданно мало внимания, требует дальнейшего обсуждения. К примеру, в «Теории морфологических категорий» А. В. Бондарко [Бондарко, 1976] соотношение между личными формами, инфинитивом, причастиями и деепричастием не упоминается. Редкое исключение — классификация морфологических значений и категорий, предложенная И. А. Мельчуком, который выделяет особую «категорию финитности», примерно соответствующую «репрезентациям» А. И. Смирницкого. Он включает ее в число категорий, выражающих «синтаксические словоизменительные значения», противопоставляемых более распространенным категориям, выражающим «семантические словоизменительные значения» [Мельчук, 1998, с. 256–263].

В заключение же можно отметить, что выделение глагола как части речи происходит как бы в два этапа. От других частей речи прежде всего отделяются личные формы, которые обладают полным набором признаков, на основании которых разграничиваются основные части речи: собственным категориальным значением, специфическим набором морфологических категорий и присущей только им синтаксической функцией — самостоятельно выступать в роли сказуемого. Другие репрезентации включаются в состав глагола «по остаточному принципу» — в силу сохранения ими достаточно существенной части свойств, характерных для личных форм (в том числе и грамматических), и высокой степени регулярности их образования.

⁶ Так, напр., в формальной модели русской морфологии А. К. Поливановой у личных форм различаются три репрезентации: настоящее-будущее, повелительное наклонение и л-формы [Поливанова, 1990, с. 53–54].

§ 2. Лексико-грамматические разряды глаголов

Предельные и непредельные глаголы. Предельность / непредельность относится к числу центральных понятий аспектологии — науки, изучающей глагольный вид (в международной терминологии — аспект)⁷. П р е д е л ь н о с т ь ю называют «входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел» [Маслов, 1984, с. 11]. Такого рода фиксированный в н у т р е н н и й п р е д е л (предел в узком смысле слова), достижение которого влечет за собой естественное завершение действия и наступление некоторого однозначно определяемого итогового состояния, входит в значение большинства глаголов, обозначающих целенаправленные действия; ср.: *читать стихотворение, строить дом, решать задачу* и т. п.: после того, как данное стихотворение прочитано, дом построен, а задача решена, соответствующие действия естественным образом завершаются. То же относится и к таким природным процессам, которые имеют внутренний предел: *Лед на реке уже тает; Бочка наполняется водой* и т. п. Когда их внутренний предел достигнут: лед растаял, бочка наполнилась, — употребить эти предложения уже нельзя: начинают происходить какие-то другие процессы или события, которые должны быть названы иначе.

Как видно из приведенных примеров, предельность глагола зависит не только от значения глагола, но и от связанных с ним дополнений и обстоятельств. Так, в предложениях типа *Он читает только стихи; Лед тает при нуле градусов* те же глаголы используются как н е п р е д е л ь н ы е, поскольку обозначаемые ими в данном случае ситуации не предполагают естественного завершения: это уже не действия или процессы, а свойства. К глаголам, непредельность которых непосредственно обусловлена их лексическим значением, относятся глаголы, обозначающие постоянные свойства и соотношения, привычки, знания, умения и другие устойчивые состояния, занятия, местонахождение и различные действия, не предполагающие накопления результата: *весить, граничить, соответствовать, уметь читать, знать химию, любить мороженое, руководить, лежать, гулять, играть, веселиться* и т. п. Некоторые лексически непредельные глаголы могут приобретать предельное значение в сочетании с теми или иными внешними ограничителями протекания действия; ср.: непредельное *идти по улице* и предельное *идти в школу*, где

⁷ Термин *аспект* с этим значением был впервые использован во французском переводе «Пространной русской грамматики» Н. И. Греча (1827), который, в свою очередь, одним из первых стал употреблять русский термин *вид*, отделив тем самым вид от времени. О дальнейшей истории этих терминов см.: [Маслов, 1978, с. 4; Плунгян, 2000, с. 293–294]. Со словом *аспект* связаны многие термины, связанные с категорией вида в русском и других языках: *аспектуальный, аспектология, аспектуальность*.

движение имеет цель, по достижении которой оно должно завершиться. Такой предел называют в е ш н и м.

Последние два примера представляют интерес и в другом отношении. Они могут быть употреблены при описании одной и той же ситуации, а это свидетельствует о том, что в предельности / неопределенности отражаются не только объективные свойства обозначаемого фрагмента реальной действительности, но и знания и мнения говорящего.

Отличительной особенностью предельных глаголов является возможность образования видовых пар типа *Иван открывает окно* — *Иван открыл окно*, в которых глагол несовершенного вида обозначает процесс, направленный к достижению внутреннего предела, а глагол совершенного вида — достижение внутреннего предела. Это противопоставление Ю. С. Маслов считал «реальной основой» и «семантической базой» оппозиции между видами русского глагола [Маслов, 1984, с. 15]; именно с таких пар обычно начинают описание семантических типов видовой противопоставления в русском языке [Гуревич, 1979, с. 83–86; Гловинская, 1982, с. 19–20; Падучева, 1996, с. 86–88]. Неопределенные глаголы не вступают в такого рода соотношения.

Распространено и более широкое понимание предела, при котором предельностью называют не только направленность действия к внутреннему пределу или его достижение, но и просто его о г р а н и ч е н н о с т ь п р е д е л о м. Источником подобного расширительного подхода к предельности послужило, видимо, представление о том, что любой глагол, выступающий в форме совершенного вида, «заключает в своей семантике признак предельности» [Бондарко, 1996, с. 128]⁸. В свою очередь, семантическое многообразие глаголов совершенного вида потребовало соответствующей модификации понятия предела, которое фактически стало означать любое ограничение в проявлении действия. В результате само понятие «предельность» становится двусмысленным: «имеется ли в виду та критическая точка, к которой естественно направлены некоторые действия и которая завершает их протекание во времени, или внешняя граница, не имеющая ничего общего с типом действия или состоянием?» [Гиро-Вебер, 1990, с. 104].

Отчасти различие между узким и широким пониманием предела и предельности является терминологическим. Так, при узком понимании предела (и предельности) глаголы совершенного вида *погулять* или *полюбить* остаются неопределенными (как и исходные глаголы несовершенного вида *гулять* и *любить*), а при широком понимании данных терминов для таких глаголов совершенного вида устанавли-

⁸ См. также раздел «Глагольный вид и предельность» в кн.: [Бондарко, 1996, с. 121–138]. Другие точки зрения по этому вопросу см.: [Булыгина, 1982, с. 63–66; Гиро-Вебер, 1990, с. 102–105; Гловинская, 2001, с. 8–11].

ваются особые разновидности предельности. Вместе с тем сама необходимость их выделения свидетельствует о том, что различие между предельными и неопределенными глаголами, актуальное прежде всего для глаголов несовершенного вида, отчасти сохраняется и в совершенном виде⁹. Кроме того, глаголы совершенного вида, образованные от неопределенных глаголов несовершенного вида, обладают целым рядом особенностей, отличающих их от типичных глаголов совершенного вида.

К сказанному можно добавить, что различие между ограниченностью / неограниченностью пределом отчасти напоминает различие между исчисляемыми и неисчисляемыми (в частности, вещественными) существительными. С одной стороны, неопределенности существительных типа *вода* соответствует отсутствие предела у глаголов типа *любить*, а наличию пространственных границ у предметов, обозначаемых исчисляемыми существительными типа *лужа* или *чашка*, — наличие внутреннего предела у ситуаций, обозначаемых предельными глаголами¹⁰. С другой стороны, деконкретизация участников и других характеристик ситуации способствует ее неопределенному осмыслению; ср.: предельное *Он читает газету* и неопределенное *Он читает только газеты*.

Переходные и непереходные глаголы¹¹. Различение переходных и непереходных глаголов существенно прежде всего для категории з а л о г а, поскольку противопоставления по залогу типа *Здесь строят (построили) новый дом* (действительный залог) — *Здесь строится (построен) новый дом* (страдательный залог) возможно прежде всего для переходных глаголов, хотя полного соответствия между переходностью глагола и наличием у него формы страдательного залога нет. Кроме того, переходность / непереходность тесно связана и с категорией глагольного в и д а .

В понятии переходности / непереходности сочетаются семантический и синтаксический аспекты; ср. одно из типичных определений: «переходность связана с представлением предиката как дейст-

⁹ В этой связи можно заметить, что в англоязычной аспектологии наблюдается очень полезная тенденция к терминологическому разграничению разных типов предельности. Термин *telic / atelic* букв. ‘целевой / нецелевой’ используется для обозначения направленности к пределу, а термины *terminative / non-terminative* букв. ‘предельный / неопределенный’, *bounded / unbounded (non-bounded)* букв. ‘связанный / несвязанный’ с дальнейшими уточнениями — для обозначения разновидностей ограниченности пределом. В русском языке такой парой могли бы быть термины п р е д е л ь н ы й (в узком смысле) и т е р м и н а т и в н ы й. О различных подходах к понятию предельности / неопределенности и формировании соответствующей терминологии см.: [Маслов, 1978, с. 10–18].

¹⁰ См. об этом с разных точек зрения: [Hoepelman, Rohrer, 1980, p. 85–112; Carlson, 1981, p. 31–64; Мельчук, 1998, с. 83–88].

¹¹ Эти термины являются калькой широкоупотребительных международных терминов *транзитивный (интранзитивный)*, построенных на латинской основе (лат. *trans* ‘через’ + *ire* ‘идти’)

вия, направленного на объект, выступающий в позиции прямого дополнения» [Бондарко, 1991а, с. 127]. При этом одни исследователи на первый план выдвигают значение глагола (с е м а н т и ч е с к у ю п е р е х о д н о с т ь), а другие — способность глагола сочетаться с дополнением в форме винительного падежа без предлога (с и н т а к с и ч е с к у ю п е р е х о д н о с т ь).

Так, например, Л. Л. Буланин видел в переходности / непереходности лишь синтаксическое свойство глагола, определяемое его отношением к прямому дополнению, и скептически относится семантической интерпретации этого различия: «основное и решающее различие между переходными и непереходными глаголами заключается в их синтаксической сочетаемости» [Буланин, 1986, с. 73]. Между тем В. Н. Сидоров придерживался противоположной точки зрения: «Подразделение невозвратных глаголов на переходные и непереходные основано на их значении. Непереходные глаголы выражают состояние, становление и действие, которое не обращено и не может быть по самому своему характеру обращено на прямой объект. <...> В отличие от них переходные глаголы обозначают только действие, причем такое действие, которое непосредственно обращено на прямой объект. <...> Значением переходных глаголов определяется возможность соединения с ними в речи существительных в вин. падеже без предлога, обозначающих прямой объект, т. е. предмет, на который направлено действие» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 162–163].

В целом, это обычная для языкознания проблема выбора между формой и значением (функцией) в качестве точки отсчета.

Используя введенное Ю. С. Степановым различие «эффективной» и «неэффективной» переходности [Степанов, 1981, с. 304–307], сочетания глаголов с формой беспредложного винительного падежа можно разделить как минимум на четыре группы в соответствии с той ролью, которую играет в ситуации предмет:

1) конструкции типа *строить (перестраивать, ломать) дом*, в которых предмет, обозначаемый формой вин. падежа, подвергается реальному воздействию, что соответствует «эффективной» переходности Ю. С. Степанова;

2) конструкции типа *обсудить вопрос, рекомендовать избрание, признавать важность*, в которых прямым дополнением выражается содержание речевого акта, названного глаголом; в классификации Ю. С. Степанова — это «неэффективная» переходность;

3) конструкции типа *слышать шаги, видеть надпись, понимать других, любить сына*, которые также выражают «неэффективную» переходность: они обозначают ментальные или эмоциональные состояния, которые возникают у одушевленного субъекта под влиянием внешнего стимула, названного прямым дополнением, и, таким образом, именно он (а не референт дополнения) изменяется, воспринимая, чувствуя или испытывая что-либо;

4) конструкции типа *пройти километр, ждать (прождать) все утро, весить тонну*, в которых беспредложный вин. падеж обозначает меру длительности действия, пройденное расстояние и другие количественные параметры.

В конструкциях первого типа, выражающих «эффективную» переходность, в полной мере совмещаются и синтаксическая, и семантическая переходность. Они же служат основной базой для залоговых противопоставлений, ср.: *Дом перестраивают — Дом перестраивается*. При этом у говорящего иногда есть возможность различного оформления высказывания в зависимости от того или иного осмысления одной и той же ситуации, ср. следующие пары примеров, в которых именно выбор падежной формы показывает, какой из двух участников ситуации говорящий считает в большей степени затронутым названным в них действием и, в соответствии с этим, выражает прямым дополнением в форме вин. падежа без предлога, ср.: *Обмотать шеею шарфом*, но: *Обмотать шарф вокруг шеи*.

В последней группе употреблений формы вин. падежа чаще всего рассматриваются как обстоятельства меры, а сами глаголы — как непереходные [Горшкова, 1964, с. 157; Буланин, 1976б, с. 134; Зализняк, 1977, с. 77]. Впрочем, Ю. С. Маслов, говоря о сочетаниях типа *стоять (постоять, простоять) час*, считал возможным видеть здесь не обстоятельство продолжительности, а прямое дополнение со значением «порции времени» [Маслов, 1959, с. 224]. В пользу этой точки зрения говорит существование у некоторых из таких глаголов пассивных форм, ср.: *Когда было пройдено около трех миль и заколдованного камня не стало видно, путники остановились* (А. Волков); *Как ему было объяснить врачу, что даже лишняя неделя, лишний день, лишний час, прожитый не на прииске, это и есть его, мерзляковское, счастье* (В. Шаламов). Таким образом, эти конструкции требуют дифференцированного подхода.

В оставшихся двух группах выделяются глаголы, обозначающие эмоциональные и ментальные состояния, для которых характерны затруднения в образовании форм пассива и разного рода отклонения от стандартного видового противопоставления [Апресян, 1995, с. 39]. Что же касается конструкций с беспредложным вин. падежом со значением содержания, то они в современной речи, в том числе и устной речи лиц, хорошо владеющих литературной нормой, очень активно замещаются ненормативными конструкциями с предлогом *о* + предл. падеж типа *указать об этом, утверждать об этом, отмечать об этом* и т. п. [Гловинская, 1996, с. 254–257].

Сказанное согласуется с современными представлениями, в соответствии с которыми допускается возможность разных степеней переходности, что зависит как от степени активности субъекта действия, так и от степени охваченности объекта этим действием [Норпер, Thompson, 1980, р. 251–299; Лакофф, 1981, с. 357–359; Джусти-

Фичи, 1990, с. 259–270]. Отталкиваясь от этих представлений, В. Б. Касевич приходит к выводу, что «прототипически переходными следует считать такие конструкции, которые отражают ситуации, где конкретный субъект-агнс совершает конкретное действие по отношению к конкретному объекту-пациенту, приводящее к изменению последнего (в предельном случае — его возникновению или исчезновению)». При этом «повышенная активность действия агенса, выражающаяся в большей интенсивности и / или результативности, контролируемости» ведет к повышению степени переходности, и наоборот: неконкретность или нереферентность (неиндивидуализированность) объекта влечет за собой снижение степени переходности глагола [Касевич, 1992, с. 26].

Именно на сопутствующую деконкретизацию или деиндивидуализацию объекта опираются абсолютивные (синтаксически непереходные) употребления переходных глаголов; ср.: *Не мешайте ему, он читает; Он читает только по вечерам; Ребенок уже читает* (в значении ‘умеет читать’). Опущение объекта допускают и многие другие (хотя и далеко не все) глаголы: *рисовать, петь, шить, вязать, играть на рояле* [Долинина, 1992, с. 130; Рахилина, 2000, с. 31]. Поскольку осуществление таких действий (или проявление способности их совершать) предполагает наличие внешней точки их приложения, семантическая переходность глаголов, которые их обозначают, не устраняется полностью, происходит лишь понижение ее степени.

Обратное — употребление непереходных глаголов в значении переходных — также возможно, хотя встречается гораздо реже и, по-видимому, всегда стилистически окрашено, ср.: *Куда я попал? Куда меня попали? Что это?.. Москва?.. Париж?? Нью-Йорк?!* (В. Маяковский). В учебной и научной литературе приводятся и другие примеры: *Погуляй ребенка; Он не сам ушел, его «ушли»; Человек здесь не живет, а его живут; Но Дито выбыл из соревнования, а точнее его «выбыли»* [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 164; Улуханов, 1977, с. 81–82]. Такие употребления обычно производят впечатление осознанной языковой игры.

Помимо глаголов, управляющих беспредложным вин. падежом, к переходным относят также глаголы, управляющие род. объекта с дополнительными количественными значениями: *выпить воды, поесть хлеба, нарвать цветов, купить книг*, или употребляется в отрицательных предложениях: ср.: *читал эту книгу* (вин. падеж), но: *не читал этой книги* (род. падеж). Хотя однозначных правил для выбора вин. либо род. падежа прямого дополнения, по-видимому, нет, существует тенденция к использованию этого различия для выражения определенности / неопределенности (референтности / нереферентности), отмеченная А. М. Пешковским: «В тех случаях, когда возможны оба падежа, вин. по сравнению с род. приобретает добавочный оттенок определенности» [Пешковский, 1956,

с. 299; см. также: Гладров, 1992, с. 254–255]: *Я хочу попросить у него денег* (род. падеж, неопределенность) — *Деньги* (вин. падеж, определенность) *я ему уже вернул*.

Что же касается формальных показателей переходности / непереходности, то в русском языке к ним относят прежде всего возвратный постфикс *-ся*, считающийся однозначным «формантом непереходности». В действительности ситуация здесь более сложная, поскольку, с одной стороны, многие возвратные глаголы остаются семантически переходными, ср. традиционное семантическое толкование собственно возвратных глаголов типа *умывать* как ‘умывать с ебя’, а с другой стороны, префиксальные возвратные глаголы типа *напиться* свободно сочетаются с род. падежом прямого дополнения, ср.: *напился воды, наелся блинов*.

Помимо возвратного постфикса в русском языке имеются и другие формальные показатели переходности / непереходности. К ним относятся суффиксальные пары глаголов типа *ослабеть — ослабить, белеть — белить, взростеть — взростить*, в которых непереходный глагол на *-еть* имеет и *н х о а т и в н о е* значение приобретения признака, а коррелятивный переходный глагол на *-ить* выражает *к а у з а т и в н о е* значение наделения признаком: *ослабеть* ‘становиться слабым’ — *ослабить* ‘делать слабым’. Однако такого рода коррелятивность проводится очень непоследовательно [Nichols, 1993, р. 82–83], а кроме того, глаголы, составляющие такие пары, обычно не полностью соотносительны по своему значению. Так, глагол *побелеть* значит ‘стать белым’, а соответствующий переходный глагол *побелить* имеет более конкретное значение ‘сделать белым, покрывая мелом, известью, белилами’; непереходный глагол *взростеть* значит ‘становиться взрослее’, а переходный глагол *взростить* содержит дополнительный семантический компонент «на вид» и значит ‘придавать более взрослый вид, чем есть на самом деле’ [Улуханов, 1977, с. 182].

Наряду с переходными глаголами выделяют обычно и *к о с в е н н о п е р е х о д н ы е* глаголы, которые также требуют внешнего объекта, но выражается он не беспредложным вин. падежом, а другими падежами и предложно-падежными конструкциями: *помогать товарищу, гордиться успехами, играть в шахматы, думать о случившемся* и т. п. По контрасту с ними переходные глаголы называют также *п р я м о п е р е х о д н ы м и*¹². В целом различие между этими группами глаголов соответствует различию между прямыми и косвенными дополнениями, при этом одни исследователи сближают

¹² В лингвистической литературе распространено написание этих терминов через дефис: *косвенно-переходный* и *прямо-переходный*. Однако поскольку эти прилагательные образованы из слов, одно из которых подчинено другому (*прямая / косвенная переходность*), то, в соответствии с действующими правилами орфографии, предпочтительным является их слитное написание.

косвеннопереходные глаголы с прямопереходными, а другие — с непереходными. Как пишет И. Б. Долинина, «безоговорочно к числу переходных относят только глаголы, сочетающиеся в утвердительных конструкциях с прямым дополнением, а к непереходным — глаголы без дополнений или с факультативными дополнениями; все остальные случаи остаются предметом постоянных обсуждений» [Долинина, 1992, с. 135].

Личные и безличные глаголы. Б е з л и ч н ы м и называют глаголы, употребляющиеся только в качестве главного члена (сказуемого) безличного предложения: *смеркается, знобит, неможется, надлежит, недостает*. Безличные глаголы имеют очень ограниченный состав форм:

1) формы 3-го лица единственного числа настоящего и будущего времени: *Его знобит; Скоро будет смеркаться;*

2) формы среднего рода единственного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения: *Ему не доставало опыта; Если бы ему все удалось, мы жили бы иначе;*

3) формы инфинитива: *Его начало тошнить; Стало холодать.*

Таким образом, в отличие от основной массы глаголов, безличные глаголы не изменяются по лицам и числам. Кроме того, у безличных глаголов не используются и формы повелительного наклонения, действительных причастий и деепричастий; нельзя сказать: **смеркайся* (в значении побуждения), **смеркающийся*, **смеркаясь*.

Безличные глаголы могут обозначать:

1) явления природы: *светает, смеркается, теплеет, холодает, морозит;*

2) ощущения и внутренние состояния человека и других живых существ, причем преимущественно неприятные: *тошнит, першит, знобит, нездоровится, лихорадит;*

3) события и процессы, которые не контролируются (или не полностью контролируются) человеком, который в них вовлечен: *удалось, посчастливилось, довелось, угораздило*¹³;

4) меру или необходимость чего-либо (*хватает, недостает, подobaет, надлежит*).

К ним примыкают гораздо более многочисленные глаголы, допускающие и личное, и безличное употребление. Степень расхождения между ними в одних случаях минимальна, ср.: *Вода залила луг — Водой залило луг*¹⁴; *С моря дует ветер — Из щелей дует*; в

¹³ Детальное описание семантики всей этой (гораздо более обширной) группы глаголов [см.: Зализняк, 2006, с. 218–235]. По ее мнению, эти глаголы играют очень существенную роль в русской языковой картине мира.

¹⁴ Об этой специфически русской безличной конструкции [см.: Галкина-Федорук, 1958, с. 146–151; Адамец, 1978, с. 69–71; Золотова и др., 1998, с. 127–131]. Примечательно, что, судя по комментариям Е. М. Галкиной-Федорук и приводимым ею примерам, эта конструкция получила широкое распространение лишь в XX в.; еще у А. Чехова она встречается сравнительно редко (он предпочитал в таких случаях личные конструкции).

других — весьма значительна, вплоть до утраты лексической общности, ср.: *Мотор гудит — В голове гудит; Пароход тянет баржу — Его тянет на родину; Он везет сына в школу — Ему всегда везет; Поезд следует до Москвы — Не следует так поступать* и многие другие.

В целом к безличным глаголам и личным глаголам в безличном употреблении применима следующая характеристика безличных предложений: «Определяющей особенностью грамматической семантики безличных предложений является значение стихийности, произвольности выражаемого состояния» [Скобликова, 1979, с. 114]. Это особенно заметно в окказиональных авторских безличных употреблениях глаголов, когда они прямо противопоставляются употреблению тех же глаголов в двусоставных личных предложениях, ср.: *Куришь, конечно, бросил — само бросилось* (А. Солженицын); *3 сентября 1933 года я впервые увидела ее, познакомилась с нею. Пришла к ней сама в Фонтанный дом. Почему пришла? Стихи ее знала смутно. К знаменитостям — тяги никогда не было. Ноги привели, судьба, влечение необъяснимое. Не я пришла — мне пришлось* (М. Петровых).

Помимо этого, в русском языке от непереходных глаголов несовершенного вида (и переходных глаголов в непереходном употреблении) легко образуются безличные возвратные глаголы с личным семантическим субъектом. Они используются преимущественно в отрицательных предложениях и в этом случае — помимо понижения степени зависимости предикативного признака от воли субъекта — выражают наличие каких-то препятствий к реализации желаемого или необходимого: ‘хочу, но не могу’, ‘не хочу, но должен’ и т. п. [Булыгина, 1982, с. 77–80; Князев, 2003, с. 297–298], ср.: *Работать нужно, но не работается, и все, что я пишу, выходит плохо. Вот причина, почему я не послал Вам рассказа* (А. Чехов); *Мне страшно, мне не пляшется, но не плясать нельзя* (Е. Евтушенко); *Если причина его неважного самоощущения лишь в том, что им не дал счастья по их представлениям о себе, то — это вздор, этим — пренебречь. И хотя все равно не пренебрегаюсь, что-то оставалось на совести досадное, навязанное ими, но это, ясно, не главное* (А. Битов); *Мне плохо работается при дневном свете, и вообще я не люблю ясной, солнечной погоды* (П. Вержинов).

В силу высокой регулярности образования таких глаголов многие лингвисты рассматривают их как безлично-возвратные формы соответствующих личных глаголов, т. е. относят их к словоизменению, хотя соответствующей категории при этом не выделяется [Исаченко, 1960, с. 377–378; Буланин, 1976б, с. 150–151; Распопов, Ломов 1984, с. 130; Шелякин 1989а, с. 180]. Особую позицию занимает В. С. Храковский, считающий конструкции типа *Мне не работается* разновидностью пассивных, но он вообще относит к

пассиву гораздо более широкий круг явлений, чем это обычно принято [Храковский, 1991, с. 177–179].

Существуют и конструкции, в которых фиксированная безличная форма глагола не привносит в значение предложения тех специфических семантических компонентов, которые упоминались в этом разделе. Их можно назвать *безлично-пассивными* конструкциями, ср.: *Обо всем этом неоднократно говорилось лингвистами* (Л. Щерба); *За время ожидания Евгения Николаевна наслушалась рассказов о дочерях, которых не протисали у матерей, о парализованной, которой было отказано в прописке у брата* (В. Гроссман); *Утром вам немного лучше, вы выходите в другую комнату. Комната не протоплена, не убрана; суп, который один вам можно есть, не заказан повару, за лекарством не послано* (Л. Толстой); *Если из Страсбурга поступит такой документ, на него будет отвечено после изучения обстановки в изоляторе* (Известия. 1993. 10 февр.).

Другой пример — безличные предложения типа *Газет не поступило*, которые Е. В. Падучева называет конструкциями с *генитивным* субъектом. Они отличаются от соответствующих двусоставных личных конструкций с подлежащим в им. падеже прежде всего своими референциальными свойствами. В предложении с им. падежом *Газеты не поступили* имеются в виду определенные газеты, которые обычно поступают в данный киоск, а в безличном предложении с род. падежом *Газет не поступило* — нереферентные «газеты вообще» в противоположность другим товарам, продающимся в этом киоске [Падучева, 2005, с. 84–99]. Употребление таких конструкций в русском языке расширяется, что согласуется с общей тенденцией, отмеченной Н. Д. Арутюновой: «нереферентные имена вытесняются из позиции “классического” подлежащего» [Арутюнова, 1976, с. 368; см. об этом также: Гиро-Вебер, 2001, с. 67–69].

Безличным глаголам противопоставляются *личные* глаголы, которые теоретически не должны иметь ограничений на образование форм лица. Фактически же это свойственно лишь таким глаголам, которые обозначают действия, которые выполняются человеком, поскольку только в этом случае глагол может реально употребляться в формах 1-го и 2-го лица. Такие глаголы можно назвать *личными* в узком смысле. Вместе с тем существует довольно большое число глаголов, субъектами которых не могут быть лица: *плодоносить, разрастись, пригореть, ржаветь, зеленеть, мерцать, обезлюдеть* и т. п. Такие глаголы, которые можно было бы назвать *неличными*, обладают всеми признаками особого лексико-грамматического разряда, поскольку у них по семантическим основаниям не используются формы 1-го и 2-го лица. Тем не менее соответствующий разряд глаголов в русской грамматике не выделяется. Поэтому ни его примерный объем, ни состав не установлены. Ме-

жду тем различие между личными (в узком смысле) и неличными глаголами очень существенно и для грамматики, и для лексики¹⁵.

§ 3. Категория вида

Общая характеристика. Категория вида в русском языке выступает как противопоставление двух глагольных видов: *совершенного* и *несовершенного*. Для их обозначения используются также международные термины на латинской основе с той же внутренней формой *перфектив*, *имперфектив* и их производные: *перфективный*, *имперфективный*, *перфективация*, *имперфективация* и т. п. Эти термины необходимо отличать от сходных по звучанию и по значению терминов *перфект* и *имперфект*.

Категорией вида охватываются все русские глаголы во всех личных и неличных формах; ср.: *читать, читаю, читай, читая, читавший* — несовершенный вид; *прочитать, прочитаю, прочитай, прочитав, прочитавший* — совершенный вид. При этом, впрочем, отдельные глагольные формы могут в большей или меньшей степени различаться между собой с точки зрения проявления в них видового противопоставления. Вид влияет на синтаксические свойства глагола, начиная с особенностей сочетаемости глагола с различными адвербиальными показателями, характеризующими способ протекания действия, вплоть до общих принципов построения текстов. Не случайно именно в ходе изучения функционирования видов глагола возникла необходимость в понятии *аспекта* — *уальности*, охватывающего — помимо категории глагольного вида — всю совокупность морфологических, словообразовательных, синтаксических и лексических средств, которые служат для передачи характера протекания и распределения действия во времени¹⁶.

От вида зависит формирование глагола: у глаголов совершенного вида нет личных и причастных форм настоящего времени, а формы будущего времени, страдательного залога и большей части деепричастий образуются не так, как у глаголов несовершенного вида, ср.: *прочитаю, прочитав* — совершенный вид, но: *буду читать, читается, читая* — несовершенный вид. Вид оказывает очень ощутимое воздействие на функционирование форм времени, повелительного наклонения, инфинитива и других неличных форм глагола.

Специфической чертой русского (и вообще славянского) вида

¹⁵ Об этом, в частности, см.: [Степанов, 1981, с. 162–169; Кустова, 2004, с. 408–414; Падучева, 2004, с. 80–89].

¹⁶ Об этом понятии см.: [Бондарко, 1971а, с. 49–55; Маслов, 1984, с. 5–48; Бондарко, 1987а].

является его тесная связь с лексическим значением глагола. От лексико-семантических особенностей глагола зависят:

- 1) сама способность или неспособность глагола иметь формы совершенного или несовершенного видов;
- 2) выражаемые им частные видовые значения;
- 3) наличие или отсутствие соотносительного по значению глагола другого вида;
- 4) конкретное содержание видового противопоставления при наличии парных глаголов обоих видов.

Поэтому «если категорию времени можно описать в чисто грамматических терминах, то исчерпывающее описание семантики вида требует широкомасштабного изучения лексической семантики глагола» [Падучева, 1996, с. 3]. Косвенным свидетельством связи вида со значением глагола служит относительное позиционное расположение аспектуальных морфологических показателей в слове: маркеры вида в разных языках обычно располагаются ближе к глаголу или глагольному корню, чем маркеры времени и наклонения, а последние — ближе, чем показатели лица и числа [Bybee, 1985, p. 12; Кибрик, 1992, с. 124–125; Комри, 1997, с. 120–121]. В качестве примера можно привести форму прошедшего времени *про-чит-ыва-л-а*, в которой порядок следования аффиксов полностью соответствует этому принципу.

По этой причине в современной лингвистике нет единства мнений относительно того, является ли русский вид классифицирующей категорией (подобной роду существительных) или категорией словоизменительного типа (как категории субстантивного числа или падежа). Во многих отношениях она занимает промежуточное положение между ними. В соответствии с преобладающей в настоящее время оценкой вид в русском и других славянских языках «не словоизменительная, а классифицирующая категория с относительно высокой степенью коррелятивности» [Петрухина, 2000, с. 47]¹⁷.

Дальнейшее изложение опирается на эту точку зрения.

Еще одна особенность категории вида в русском языке состоит в том, что вид выражается не какой-то отдельной морфемой, а всем строением глагольной основы, причем существенным может быть не только наличие определенного сочетания морфем в слове, но и последовательность их присоединения. Так, глагол *замерзать* относится к несовершенному виду, поскольку в деривационной цепочке последним присоединен имперфективирующий суффикс *-а-*: *мёрзнуть* → *замёрзнуть* → *замерзать*, а глаголы *затосковать* или *закричать* относятся к совершенному виду, поскольку перфективи-

рующий префикс *за-* в данном случае присоединяется к глаголу, уже содержащему аффикс *-а-*: *тосковать* → *затосковать*; *кричать* → *закричать*¹⁸.

Согласно традиционному и, по-видимому, до сих пор наиболее распространенному мнению, «категория вида является специфической категорией русского и других славянских языков» [Шелякин, 1989а, с. 133] и, таким образом, «служит визитной карточкой славянских языков» [Храковский, 1989, с. 24]. Вместе с тем Ю. С. Маслов считал русский (и вообще славянский) вид «лишь частным случаем глагольного вида, представленного иногда более или менее сходными, а иногда и довольно несходными грамматическими оппозициями во многих других языках» [Маслов, 1984, с. 6]. В настоящее время эта точка зрения в теоретической грамматике преобладает. Тем не менее, как показали результаты сопоставительных и типологических исследований видо-временных систем в различных языках, виды глагола в русском и других славянских языках уникальны во многих отношениях [Dahl, 1985, p. 69]. Таким образом, и при широком понимании вида русский глагольный вид не утрачивает своей специфичности.

Семантика вида. Характерной особенностью наиболее известных семантических определений вида, используемых для его отграничения от других категорий, является их крайне обобщенный характер. Функции вида в них обычно связываются с отражением того, «как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» [Пешковский, 1956, с. 105].

На практике же речь в большинстве случаев идет о следующих двух группах значений. С одной стороны, с видом связывают широкую семантическую область, включающую такие противопоставления, как конкретность / обобщенность, однократность / многократность и другие значения, так или иначе связанные с глагольной (предикатной) множественностью и локализованностью / нелокализованностью во времени, которую называют *к о л и ч е с т в е н н о й* аспектуальностью [Маслов, 1978, с. 18–19]. С другой стороны, среди значений, относящихся к *к а ч е с т в е н н о й* аспектуальности / инкомплетивности (ограниченности / неограниченности в проявлении или осуществлении действия): законченность / незаконченность, результативность / нерезультативность, целостность / нецелостность, достигнутость / недостигнутость предела, ограниченность / неограниченность пределом, смена ситуаций / одна ситуация и др. Приве-

¹⁷ См. обсуждение этого вопроса: [Буланин, 1976б, с. 126–127; Перцов, 1998, с. 343–355]; разные точки зрения по этому вопросу см.: [Ответы на вопросы, 1997, с. 140–233].

¹⁸ Помимо этого в русском языке существует и одноактный (семельфактивный) глагол совершенного вида с суффиксом *-ну-* *крикнуть*. Его соотношение с глаголом несовершенного вида *кричать* исследователи расценивают по-разному. Одни из них считают исходным глагол *крикнуть* (см., напр.: [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 70]), другие — глагол *кричать* (см., напр.: [Тихонов, 1991, с. 253]).

денные признаки (некоторые из них в разное время предлагались в качестве формулировок инвариантных (общих) значений совершенного и несовершенного видов в русском языке) чаще всего воспринимаются как собственно видовые.

Комплетивность / инкомплетивность допускает и более отвлеченное — темпоральное¹⁹ — истолкование, в основе которого лежат различия в соотношении между временем осуществления действия и временем его наблюдения или моментом времени, по отношению к которому оно описывается. Его основными источниками считается понятие точки отсчета (point of reference), введенное Х. Рейхенбахом для описания соотношения перфектных и неперфектных форм в английском языке [Reichenbach, 1947, p. 287–298]. Понятие точки отсчета и содержательно близкие с ним термины «момент наблюдения», «видовой ориентир» неоднократно использовались при описании семантики видо-временных форм как в русском, так и во многих других языках.

Инкомплетивность при таком подходе соотносится с синхронной точкой отсчета — взглядом на ситуацию «изнутри», когда внутреннее время действия совпадает с временем наблюдения (описания), а говорящий как бы погружен в развитие действия. Таким образом, инкомплетивность (частичная реализованность) практически равнозначна интрагерминальности²⁰, ср.: *Потом Вера Иосифовна читала вслух роман, читала о том, чего никогда не бывает в жизни, и Старцев слушал, глядел на ее седую, красивую голову и ждал, когда она кончит* (А. Чехов). В свою очередь, комплетивность предполагает взгляд на ситуацию «со стороны», т. е. ретроспективную позицию наблюдателя (точку отсчета), ср.: *Иван Иванович подошел к дивану, потрогал Егорушку за голову, смущенно крикнул и вернулся к столу* (А. Чехов)²¹.

Основываясь на этих идеях, А. Тимберлейк следующим образом описывает влияние соотношения между ситуацией и точкой отсчета (позицией наблюдателя) на выбор вида в русском языке: «если ориентир находится внутри ситуации, она не может быть замкнутой (и соответственно иметь форму совершенного вида); если ориентир находится вне ситуации, она может быть замкнутой (и иметь форму совершенного вида)» [Тимберлейк, 1985, с. 269].

¹⁹ Темпоральный (от лат. tempus — время) — имеющий отношение к времени, причем имеется в виду и природное, и грамматическое время.

²⁰ Интрагерминальным (от лат. intra terminos — между границами) называют взгляд на описываемую ситуацию в середине ее течения или многократного возобновления; см. об этом понятии: [Маслов, 1984, с. 19].

²¹ Одним из первых подобный подход к описанию семантики русского глагольного вида использовал А. В. Исаченко, который считал, что, когда говорящий использует несовершенный вид, «он находится как бы в потоке самого процесса» и «не видит ни его начала, ни его конца», а когда говорящий использует совершенный вид, «он находится как бы вне процесса, обозревая его целиком» [Исаченко, 1960, с. 133].

«Темпоральный» подход к описанию правил употребления глагольных видов представляет собой крайнюю точку на пути абстрагирования от конкретных особенностей обозначаемой ситуации.

Для русского языка важную роль играет и способ завершения ситуации, сделавший возможным ее ретроспективное рассмотрение. Поэтому в содержательном плане необходимо выделять по крайней мере две разновидности комплетивности — «сильную» и «слабую».

Различие между ними можно показать на примере предложеного А. Барентсеном разграничения двух вариантов возможного исхода действия. Завершение действия, обусловленное тем, что по своей природе оно в какой-то определенный момент обязательно должно закончиться, — например сгорание свечи, которое ограничивается количеством горючего материала в свече, — он называет «внутренним пределом» и обозначает сокращением TERM (от лат. terminus). Если же завершение действия не обусловлено его характером, для его обозначения используется сокращение FIN (от лат. finis). Завершением горения свечи, имеющего внутренний предел, может быть как FIN (*свечу задувают*), так и TERM (*свеча догорает*). Завершением же неопредельной ситуации — такой, как *Свеча лежит на столе*, — всегда является FIN, когда, например, свечу снимают со стола [Барентсен, 1973, с. 12].

Соответственно, «сильной» комплетивностью можно назвать такое ограничение действия, которое вызвано его «естественным» завершением, что предполагает достижение действием фиксированного внутреннего предела и влечет за собой наступление конечного состояния, однозначно определяемого этим действием.

В свою очередь, «слабая» комплетивность допускает любое ограничение действия, в том числе и не вытекающее из природы самого действия, из внутренней логики его развития. В сущности, основным положительным признаком комплетивности этого типа является ретроспективная позиция наблюдателя. «Слабая» комплетивность выражается формами прошедшего времени со значением аориста в романских языках, а также в древних и некоторых современных славянских языках, в частности, в болгарском, где противопоставление аориста имперфекту совмещается с противопоставлением совершенного вида несовершенному. Аористическое прошедшее в этих языках — во французском это «точное» простое прошедшее (passé simple, или passé défini) — «просто констатирует действие, событие как факт прошлого» [Маслов, 1984, с. 20] или, в другой формулировке, обозначает ограниченное с обеих сторон целостное действие [Desclés, Guentchéva, 1990, p. 244]. При этом, как отмечает В. Г. Гак, «целостность действия, изображаемая французскими точечными временами, касается не столько внутренней завершенности процесса, достижения им предела, сколько внешних условий его протекания, его ограниченности во времени»

[Гак, 2004, с. 337]. Поэтому формы со значением аориста, в отличие от русского совершенного вида, практически не имеют лексических ограничений и легко сочетаются с обстоятельствами длительности, отражающими реальную продолжительность обозначаемой ситуации.

Что же касается совершенного вида, то он чаще всего выражает именно «с л ь н у ю» комплетивность. Из предложений типа *Утром она **сварила** обед* вытекает не только наличие временных границ у обозначаемой ситуации, но и достигнутое внутреннее предела — обед готов.

Вместе с тем в русском языке получили широкое распространение и глаголы совершенного вида, образованные от непредельных глаголов, допускающих только ограничение периода существования ситуации, и, тем самым, способные выражать только «с л а б у ю» комплетивность. В силу этого многие из них совместимы с обстоятельствами длительности, что для совершенного вида в целом нехарактерно, ср.: — *Долго ли у нас **поживешь**? — Двадцать четыре. Без выходных* (В. Белов); *Анатолий же **отработал** на Севере по вербовке пять лет и два года **отсидел** за нарушение паспортного режима* (В. Шукшин); *Она **прожила** у Полины восемь дней, прячась за железным корытом, когда кто-нибудь входил* (Д. Гранин)²².

Способность совершенного вида выражать и «сильную», и «слабую» комплетивность является одной из основных особенностей категории вида в русском языке.

Частные значения совершенного вида. Понятие частного значения используется при описании функционирования грамматических единиц двояким образом. Оба возможных понимания этого термина сочетаются в следующей формулировке А. В. Бондарко: «Частные значения грамматической формы <...> представляют собой варианты общего значения, обусловленные контекстуально, ситуативно, а во многих случаях и лексически», и далее: «Это регулярно повторяющиеся семантические типы, являющиеся результатом взаимодействия грамматической формы и контекста» [Бондарко, 1971б, с. 103–104]. Вторая часть этого высказывания дает основания для более широкого понимания статуса частных значений. В этом случае частными значениями грамматической единицы фактически являются типовые, наиболее характерные значения, выражаемые предложениями, содержащими данную единицу. В настоящее время именно этот подход является доминирующим. Вопрос же о наличии или отсутствии у той или иной единицы общего значения решается в каждом случае отдельно.

²² Интересно, что именно эти два типа употреблений: «законченность длительности действия» (*посидит, побегал*) и «результат действия» (*он принес, он уйдет*) — А. А. Шахматов в одной из своих работ называл главными значениями русского совершенного вида: [Шахматов, 1930, с. 159].

Основным значением совершенного вида единодушно считается событийное конкретно-фактическое значение — обозначение действия как единичного события (замкнутого целого), имевшего место в определенной конкретной ситуации (в определенный момент времени) [Гловинская, 1982, с. 126; Маслов, 1984, с. 72–73; Падучева, 1996, с. 41; Шатуновский, 1996, с. 329–330]. Оно абсолютно преобладает в текстах, стилистически нейтрально, не имеет лексических ограничений и выражается всеми формами глагола: *Увидев Свистонова и Куку, Телятниковы **поклонились** и **пошли навстречу поздороваться*** (К. Вагинов); *Говорят, скоро, числа двадцатого, **откроется** сезон в летнем ресторане «Чинар», и жизнь моя **станет** легче* (Ю. Трифонов); *Летчик Дыбовский, **совершивший «огромный перелет» из Севастополя в Москву, былстрижен ежиком, добродушен, носат*** (В. Каверин).

На конкретно-фактическом значении базируется основная текстовая функция форм прошедшего времени совершенного вида — обозначение последовательности действий: *Мы **свернули** палатку, **взвалили** на себя рюкзаки и **пошли*** (К. Паустовский); *Однажды, когда мать была в городе, Людмила Викторовна срочно **позвала** меня к себе, **усадила** в рваное кресло, сама **уселась** напротив и **велела** смотреть ей в глаза* (В. Шефнер); *Неделю тому назад **выпал** первый непрочный снег, **растаял**, и с тех пор на мостовой **лежала** липкая и серая грязь* (Л. Андреев).

Глаголы совершенного вида могут обозначать не только само изменение ситуации, но и наличный результат действия, происшедшего ранее: *Ивлев **поглядел** кругом: погода **поскучнела**, со всех сторон **натянуло** линючих туч и уже **накрапывало*** (И. Бунин). Этот семантический компонент: соединение в одной единице «двух так или иначе связанных между собою временных планов — предшествующего и последующего» [Маслов, 1987, с. 195], называют перфактностью.

Ближайшим к конкретно-фактическому значению (или его вариантом) является суммарное (суммарно-интегративное) значение, реализуемое в таких предложениях, как: *Я **несколько раз подряд **произнес** название этого городка: Вязники..., Вязники..., Вязники*** (В. Солоухин); *Он **нашел** в темноте **папиросницу, закурил, но, **затянувшись** два раза, уронил руку — и так и заснул с красным огоньком папиросы в руке*** (И. Бунин).

В названии этого значения отражено представление о том, что при использовании глаголов совершенного вида для обозначения таких ситуаций «все повторения как бы суммируются в одно целое» [Маслов, 1984, с. 80]. Действительно, хотя неединичность действия в подобных употреблениях обязательно должна быть выражена обстоятельством счета, суммарное значение, по-видимому, не сводится к простой комбинации значений, выражаемых обстоятельством и видом глагола, как это нередко считается [Милославский, 1981, с. 163;

Гловинская, 2001, с. 76–78]. Дело в том, что в русском языке возможность употребления форм прошедшего времени глаголов совершенного вида в сочетании с обстоятельствами счета ограничено целым рядом факторов, среди которых называют следующие: достижение результата в каждом отдельном действии, сохранение результата предыдущих повторений, отнесенность всех повторяющихся действий к одному периоду времени [Nёмес, 1964, s. 157; Mehlig, 1982, p. 141–143; Маслов, 1984, с. 80; Тимберлейк, 1985, с. 271–272; Козинцева, 1991, с. 61–62]. Поэтому в предложении *Я несколько раз бросал (бросил) курить* может быть употреблен только несовершенный вид.

Значимость такого рода ограничений особенно заметна при сопоставлении с пассивными формами совершенного вида, которые не требуют соблюдения этих условий. По этой причине в следующем примере, где сохранение промежуточного результата невозможно, формы пассива с о в е р ш е н н о г о вида чередуются с неопределенно-личными предложениями с глаголами действительного залога несовершенного вида, ср.: *За последние два года Гладкова дважды исключали из партии, трижды увольняли с работы, в отношении него возбуждали три уголовные дела. <...> Он был дважды снят с занимаемых должностей, дважды исключен из партии (восстановлен и снова исключен). Тогда он уехал на Урал* (Известия. 1987. 24 окт.). Употребить в обычной ситуации, когда повторное исключение из партии или снятие с работы требует предшествующего восстановления (аннулирования промежуточного результата), сочетания с формами прошедшего совершенного типа ²дважды исключили, ²дважды уволили, ²дважды сняли, ²дважды восстановили затруднительно.

Предлагалось и более широкое понимание суммарного значения совершенного вида, при котором оно охватывает также и глаголы, обозначающие окончательный результат разного рода сложных многокомпонентных действий, которые, как правило, не могут обозначаться глаголами несовершенного вида [Шелякин, 1983а, с. 61–62]: *Папа перецеловал нас троих, потом обнял маму* (В. Белов). Подобная интерпретация суммарного значения вполне оправданна.

В обоих упомянутых значениях глаголы совершенного вида обозначают ситуации, отнесенные к конкретному моменту или периоду времени. Такие ситуации называют л о к а л и з о в а н н ы м и в о в р е м е н и [Бондарко, 1987б]²³. Помимо этого совершенный вид может обозначать и нелокализованные во времени ситуации.

Нелокализованность во времени характерна прежде всего для значения, которое называют н а г л я д н о - п р и м е р н ы м, ср.: *На*

самой заре встанешь и топчешься-топчешься по избе: и воды надо принести, и печь растопить <...>. И все я одна. А он, как скинул ноги с кровати, выхлебал баночку молока — только я его и видела (К. Паустовский); *По профессии инженер, дядя Ганя был мастером на все руки. Испортится кран, перегорят пробки, случится какая-нибудь поломка в доме — все исправит* (Ю. Нагибин); *А Беликов? Он и к Коваленку ходил так же, как и к нам. Придет к нему, сядет и молчит* (А. Чехов); *Палатка устроена... В ней тепло и сухо. Фонарь «летучая мышь» висит на крючке. Вечером я зажигаю его и даже читаю в палатке, но читаю обыкновенно недолго — на Прорве слишком много помех: то за соседним кустом начнет кричать коростель, то с пушечным гулом ударит пудовая рыба, то оглушительно выстрелит в костре ивовый прут и разбрызжет искры, то над зарослями начнет разгораться багровое зарево и мрачная луна взойдет над просторами вечерней земли. И сразу же стихнут коростели и перестанет гудеть в болотах мышь — луна подымается в насторожённой тишине* (К. Паустовский).

Наглядно-примерное значение квалифицируется как особый экспрессивный прием обозначения повторяющегося действия, а его наименование обосновывается тем, что в данном случае «выделяется один из многих актов повторения как своего рода пример, дающий наглядное представление о других подобных актах» [Бондарко, 1971б, с. 22]. Это значение называют также у з у а л ь н ы м, чтобы прямо указать на то, что обозначаемая ситуация неединична [Гловинская, 2001, с. 200–210].

Глаголы совершенного вида выражают это значение преимущественно в так называемых к р а т н о - с о о т н о с и т е л ь н ы х конструкциях, когда повторяющаяся ситуация состоит из нескольких последовательных или чередующихся действий.

Наиболее свободно выражают это значение формы будущего времени совершенного вида, способные сочетаться с адвербиальными показателями неограниченной повторяемости типа *иногда, редко или всегда*, ср.: *А иногда он проснется ночью безо всякого подпития — просто так, неизвестно отчего. Это уж было вовсе блажь* (Ю. Трифонов); *Днем — жара, медовый зной, в садах наливаются яблоки. <...> Над этой тишиной и миром редко-редко пролетит самолет, да и то взобравшись на большую высоту. Если самолет немецкий, все сбегаются смотреть; любопытно, не успел еще глаза намозолить* (Г. Бакланов); *От нечего делать торчу в перевязочной. Это вроде клуба или парикмахерской — там всегда узнаешь последние новости, и время как-то незаметнее проходит. Сядешь в углу, вытянув правую ногу, и перематываешь целые километры бинтов под уютную воркотню Клавдии Михайловны — перевязочной сестры* (В. Некрасов). Формы прошедшего времени совершенного вида с такими обстоятельствами не сочетаются: со-

²³ Х. Мелиг в сходном смысле использует термин «актуальность» [Мелиг, 1985, с. 227–230].

четания типа *иногда проснулся, редко пролетел, всегда узнал* невозможны.

В этой связи можно заметить, что деепричастия совершенного вида не только могут употребляться в предложениях, содержащих такие обстоятельства, но и не выражают в этом случае экспрессивности или эмоциональности: *Часто, проснувшись ночью, он подскакивал на постели, начинал что-то бормотать про себя и махать руками* (Н. Носов); *Иногда, увлекшись рассказом, они перебивали друг друга, спеша высказать свое* (М. Осоргин).

И формы прошедшего времени, и формы будущего времени совершенного вида утрачивают в наглядно-примерном (узуальном) значении временную отнесенность к плану прошлого, настоящего или будущего [Křížková, 1958, s. 194–198; Бондарко, 1971а, с. 41, 215–216; Гловинская, 1983, с. 120], но при необходимости она может быть привнесена извне; ср.: *Врал он так <...> В стерлядях масса икры. Бывало, на Волге в 1891 году **поймаешь** крошечную фунтовую стерлядку, вспорешь ее ножом, а в ней фунтов десять свежей икры!* (Н. Тэффи); *Раньше, бывало, **положишь** в рот конфету и сразу **успокоишься**, а теперь от Лениных гостинцев еще горше на сердце* (В. Осеева), а также пример из: [Гловинская, 1983, с. 120]: *Мне там сейчас (было / будет) лучше всех: **пришел (придешь)**, кнопку **нажал (нажмешь)** и **загорай до обеда**²⁴.*

Другой разновидностью неактуального употребления совершенного вида является потенциалное значение, когда выражается «потенциальная возможность или невозможность осуществления факта» [Бондарко, 1971а, с. 23]. Оно характерно для форм будущего времени и инфинитивных конструкций, ср.: *Его не **переспоришь** / не **переспорить**; Пожалуйста, я тебе дам любые объяснения, хоть в письменном виде, хоть как...* (А. Рыбаков); *И вообще здесь, на Севере, моторы никогда не выключают — потом **не заведешь*** (А. Гладилин); *В толпе всегда **найдется** решительный человек, который поведет за собой других* (Д. Мамин-Сибиряк); *Нина для командира корпуса незамедлительно **прервет** любой разговор, но зато, когда он кончит говорить, никогда не **забудет** того, кого прервала, **позвонит** ему сама и **предложит** продолжить* (А. Рыбаков).

Как показывают иллюстрирующие это значение примеры, его реализации способствует присутствие разного рода указаний на обобщенный характер описываемого действия, что препятствует пониманию глагольной формы как обозначающей конкретное еди-

²⁴ В большинстве других славянских языков формы прошедшего времени совершенного вида гораздо свободнее сочетаются и с обстоятельствами счета, и с показателями неограниченной повторяемости, выражая при этом именно отнесенность обозначаемой ситуации к прошлому; см. об этом: [Galton, 1976, p. 86; Stunová, 1986, p. 467–501; Князев, 1989, с. 140–141; Петрухина, 2000, с. 64–73].

ничное действие. К ним относятся слова типа *всегда, никогда, любой*, обобщенно-личная конструкция, нереперентность участников ситуации и другие деконкретизирующие показатели [Гловинская, 1989, с. 133; Акимова, Козинцева, 1996, с. 88; Зализняк, Шмелев, 2000, с. 20].

Частные значения несовершенного вида. Значения, выражаемые несовершенным видом, гораздо более многообразны и разнородны. Более или менее отчетливо они подразделяются на три группы. Вместе с тем, в силу наличия семантических связей между ними, границы, отделяющие одну группу употреблений от другой, размыты.

1. Наиболее обширную группу составляют такие употребления глаголов несовершенного вида, когда они обозначают единичную ситуацию, длящуюся в момент ее описания. Среди них особое положение занимает конкретно-процессное (актуально-длительное) значение — «изображение разового и конкретного действия, протекающего в определенный момент времени» [Маслов, 1984, с. 73].

В этом значении несовершенный вид максимально противопоставлен совершенному виду, точнее, его конкретно-фактическому значению, которое, в свою очередь, является наиболее ярким среди значений совершенного вида²⁵. В частности, в тексте глаголы несовершенного вида в этом значении используются для обозначения одновременных (или неупорядоченных во времени) процессов и временных состояний: *Когда Егорушка вернулся к реке, на берегу **дымил** небольшой костер. Это подводчики **варили** себе обед. В дыму **стоял** Степка и большой зазубренной ложкой **мешал** в котле. Несколько в стороне, с красными от дыма глазами, **сидели** Кириуха и Вася и **чистили** рыбу. Перед ними **лежал** покрытый илом и водорослями бредень, на котором **блестела** рыба и **ползали** раки* (А. Чехов).

Эта противопоставленность не является, впрочем, абсолютной. В тех случаях, когда описываются кратковременные ситуации, соизмеримые по длительности с моментом речи, говорящий, называя протекающие перед его глазами процессы, фактически выражает смену ситуаций, что характерно для конкретно-фактического значения совершенного вида. Поскольку это наиболее типично для спортивного репортажа, данное значение, выражаемое формами

²⁵ Соотносительность с названием главного значения совершенного вида способствует сохранению термина «конкретно-процессное» значение, хотя в тех случаях, когда глагол несовершенного вида в этом значении называет не процесс, а состояние, удобнее пользоваться вторым названием — актуально-длительное значение, ср. примеры типа: [Виктория:] *Что вы **делаете**?* [Калошин:] *Я? **Лежу**, как видите* (А. Вампилов); *Луна **висела** над противоположным лесистым берегом, большая и желтая. Явственно **виделись** очертания лунных морей, рассеянный призрачный свет **исходил** от нее, как бы не достигая земли* (В. Белов).

настоящего времени несовершенного вида, называют н а с т о я щ и м р е п о р т а ж а (или р е п о р т а ж н ы м), ср. пример И. Б. Шатуновского, который называет это значение н а с т о я щ и м д и н а м и ч е с к и м: *Иванов обходит Петрова, передает мяч Раванелли, Раванелли бьет по воротам, Дасаев бросается в угол и парирует удар* [Шатуновский, 1999, с. 233].

Различие между конкретно-фактическим значением совершенного вида и актуального-длительным значением несовершенного вида сглаживается также и в н а с т о я щ е м и с т о р и ч е с к о м (лат. *praesens historicum*) — особом приеме повествования, при котором действия описываются так, как будто бы они происходят в глазах говорящего (автора) и адресата (читателя): *Она отстраняется от батареи и вздыхает. Странный вздох. Чуть исподлобья глядит на меня. И меня охватывает паника (М. Роцин); Начинается ругань... А солнце печет и печет. Тени становятся короче и уходят в самих себя, как рога улитки... Высокая трава, пригретая солнцем, начинает испускать из себя густой, приторно-медовый запах. Уж скоро полдень, а Герасим и Любим все еще барахтаются под ивняком (А. Чехов)*. В русском языке в этом случае употребляются почти исключительно глаголы несовершенного вида, вследствие чего в настоящем историческом «“протекание” и “целостность” совмещены в одной форме: конкретно-фактическое значение образно выражено здесь с помощью значения процессного, хотя в других случаях эти значения антонимичны друг другу» [Маслов, 1984, с. 84]. Кроме того, поскольку в настоящем историческом прошедшее совершенное практически обязательно заменяется настоящим несовершенным, этот прием может использоваться для установления видовой парности глаголов.

Помимо единичности в конкретно-процессном значении выделяют следующие семантические компоненты.

Во-первых, ситуации, обозначаемые глаголами несовершенного вида в этом значении, соотносены с конкретной точкой или отрезком на временной оси. Эту функцию может выполнять:

1) момент речи: — *Что здесь? Кто орет?* — спрашивает он строго, увидав сквозь ветви ивняка три мокрые головы рыболовов. — *Что вы здесь копошитесь?* — Ры... рыбку ловим... — лепечет Ефим, не поднимая головы (А. Чехов); — *Голубчик вы мой, милый человек!* — чуть не вскрикнула Анна Дмитриевна. — *Что тут делаете?* — Гуляю, — ответил он. — У меня нет цели. — Гуляю! (Б. Зайцев);

2) время другого действия, обозначенного глаголом совершенного вида в конкретно-фактическом значении: *Когда он подошел ко мне, я сидел в парке и мирно читал газету* (В. Высоцкий);

3) временной отрезок, обозначенный обстоятельством времени или другими темпоральными показателями: *Летнее утро. В воздухе*

тишина; только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орличка. На небе неподвижно стоят перистые облака, похожие на рассыпанный снег... Около строящейся купальни, под зелеными ветвями ивняка, барахтается в воде плотник Герасим, высокий, тощий мужик с рыжей курчавой головой и с лицом, поросшим волосами. Он пыхтит, отдувается и, сильно мигая глазами, старается достать что-то из-под корней ивняка (А. Чехов).

Лишь в редких случаях он просто подразумевается, как в первом предложении рассказа А. Чехова «Роман с контрабасом»: *Музыкант Смычков шел из города на дачу князя Бибулова, где, по случаю сговора «имел быть» вечер с музыкой и танцами*.

Во-вторых, глаголы несовершенного вида в этом значении обозначают ситуации, которые имеют место непосредственно в описываемый период, т. е. обладают признаками «конкретности» и «актуальности», нашедшими отражение в его названии. Это проявляется в том, что такие ситуации характеризуются п е р ц е п т и в н о с т ь ю (наблюдаемостью) — они доступны восприятию зрением и другими органами чувств [Бондарко, 1983, с. 132–135]²⁶. На этих его свойствах основываются типичные приемы, используемые для выявления актуально-длительного значения. Глаголы в этом значении могут служить ответом на вопрос «Что ты там делаешь?» и употребляться в контекстах типа: *Смотри, вот он..., Я вижу, как он...*

Как показывает практическое использование этих приемов, глаголы, у которых отсутствует конкретно-процессное (актуально-длительное) значение, семантически неоднородны, что свидетельствует о многообразии факторов, препятствующих выражению этого значения. К таким глаголам относятся, в частности, глаголы, обозначающие навыки, умения, знания (*знать, уметь, любить* и т. п.), обобщенные названия сложных видов деятельности (*руководить, преподавать, торговать* и т. п.), моментальные глаголы (*находить, достигать, приходить* и т. п.), ср. невозможность ответа: *Что ты там делаешь?* — ?*Знаю английский язык (руководжу диссертацией, прихожу домой)* [Булыгина, 1982, с. 43–56; Зализняк, Шмелев, 2000, с. 22–24; Анштатт, 2004, с. 25–36].

В-третьих, выражение данного значения предполагает с и н х р о н у ю (и н т р а т е р м и н а л ь н у ю) позицию наблюдателя по отношению к описываемой ситуации. А. В. Бондарко (не использовавший этих терминов), формулирует этот признак следующим образом: «для содержания процессности характерно прежде всего вычленение

²⁶ При более широком понимании перцептивности этот признак соотносится с локализованностью ситуации во времени [Козинцева, 1991, с. 26] и, таким образом, характеризует не только конкретно-процессное значение несовершенного вида, но и конкретно-фактическое значение совершенного вида. М. Хаспельмат оба эти два случая (*Смотри, кто-то бежит* и *Кто-то пришел*) считал «прототипическими предложениями со значением реальности» [Haspelmath, 1997, p. 39].

фиксируемого периода в осуществлении действия и представление действия (уже начатого, но не завершенного) в динамике его протекания во времени — от прошлого к будущему. <...> Именно концентрация внимания на срединном периоде существования действия и изображение этой срединной фазы в динамике движения от более ранних моментов протекания действия к более поздним и составляет специфику семантического содержания процессности» [Бондарко, 1983, с. 118].

Без указания на динамичность обозначаемой ситуации эта формулировка оказывается применимой к гораздо более широкому кругу употреблений несовершенного вида. В рассматриваемой группе значений несовершенного вида к ним относятся значения, которые можно назвать *н е а к т у а л ь н о - д л и т е л ь н ы м и*. В аспектологии их подразделяют на две разновидности, которые соответствуют выделяемым в семантических классификациях предикатов двум разновидностям статических ситуаций.

К первой из них относятся постоянные свойства и соотношения, которые включают в свой состав неизменные параметры объектов, отношения неотчуждаемой принадлежности, пространственное расположение непремещаемых объектов, свойства и соотношения абстрактных объектов и классов, ср.: *Если выпадало часа три свободного времени, они уезжали гулять в Спасское-Лыково.* <...> *Село стояло на высоких холмах, поросших сосновым бором* (Ю. Трифонов); *В отредактированных Я. К. Гротом выпусках содержатся слова от А до Д включительно* (Д. Шмелев). Несовершенный вид выражает в этом случае *п о с т о я н н о - н е п р е р ы в н о е* значение (которое называют также *р е л я ц и о н н ы м*). Очень точную характеристику дал этому значению дал А. В. Бондарко, который видел в нем «выражение действия, осуществляющегося (или данного, наличного) не в какой-то конкретный отрезок времени (или не только в этот отрезок), а постоянно; при этом действие является “моноконтинуальным”, т. е. не повторяется, не прерывается, как бы полностью заполняет собой тот обширный период времени, который оно охватывает» [Бондарко, 1971а, с. 30].

К другой разновидности относятся устойчивые состояния, чему соответствует выделяемое в аспектологии *п о т е н ц и а л ь н о - к а ч е с т в е н н о е* значение несовершенного вида (называемое также потенциально-постоянным, потенциально-узואальным или континуальным), когда «выражается не реальное протекание повторяющегося или обычного действия, а обычная возможность его осуществления, способность к нему, умение его осуществить» [Там же, с. 31].

Устойчивые состояния — это обозначения умений, навыков, предрасположений, эмоциональных и интеллектуальных отношений, ср. параллельное употребление одного и то же глагола несовершенного вида сначала в актуально-длительном, а потом в потенциально-ка-

чественном значении в следующем предложении: *Что ты делаешь? — Жарю огурыцы. — Огурыцы не жарят! — испуганно вскричал Фараон* (В. Токарева).

В отличие от постоянных свойств и соотношений, связь субъекта с устойчивыми состояниями «не является абсолютно неизменной и неизменной. Можно знать что-то в течение какого-то времени, а потом забыть; любить кого-то, а потом разлюбить; иметь что-то, обладать чем-то, а потом лишиться, потерять это; уметь делать что-то, а потом разучиться. <...> Тем не менее “положения вещей”, описываемые предикатами рассматриваемого типа, представлены в языке как естественным образом длящиеся, по своей природе к изменению не склонные, не ограниченные каким-то определенным периодом времени, как положения дел с диффузными временными границами» [Булыгина, 1982, с. 46]. Используя другую терминологию, можно сказать, что «такие ситуации, хотя и абстрагированы от реального протекания во времени, но истинны для любого момента редуцированной оси времени, с которой они соотносятся» [Козинцева, 1991, с. 23]. Так, если про кого-то говорят, что он *знает* английский язык, это предполагает, что этот человек может при необходимости («в любой момент») использовать свои знания.

Постоянные свойства и соотношения практически не сочетаются ни с какими темпорально-аспектуальными обстоятельствами. В следующее предложение нельзя ввести ни показатели длительности, в том числе и неограниченной, ни показатели временной локализации, хотя логического противоречия в этом случае не возникло бы, ср.: *Это село ¹всегда (²долго, ³в тот момент) стояло на высоких холмах.*

Аномальность подобных предложений можно объяснить тем, что выделение какого-то момента или периода времени либо подчеркивание постоянности признака оправдано лишь в том случае, если в другие моменты времени этот признак мог бы и не иметь места. Аналогичный семантический эффект — и по той же причине — может иметь и употребление таких глаголов в форме прошедшего времени; ср.: *Сейчас этот словарь содержжит слова от А до Д* > ‘раньше состав словаря был иным’ или *Раньше этот словарь содержжал слова от А до Д* > ‘сейчас состав словаря иной’²⁷.

Устойчивые состояния свободно сочетаются с обстоятельствами времени, обозначающими «широкий» временной период, и с показателями неопределенной длительности типа *долго, все еще*, причем их присутствие влечет за собой то же семантическое следствие: за пределами указанного интервала ситуация не имеет (не имела, может

²⁷В предложении *Село стояло на высоких холмах* прошедшее время возможно потому, что здесь оно фактически представляет собой «настоящее персонажей повествования» [Маслов, 1984, с. 182]. Если бы это предложение было произнесено в реальной речевой ситуации, из него следовало бы, что села там теперь уже нет.

не иметь) места, ср.: *Пессимистическое понимание современности было широко популярно в средние века ... прежде люди были здоровыми и рослыми, ныне они хилые и маленькие; в былые времена жены оставались верными мужьям, а вассалы — своим сеньорам — теперь — не то* (А. Гуревич); *Даже после изобретения и распространения в Европе механических часов они очень долго не имели минутной стрелки* (А. Гуревич) — ‘теперь имеют’.

Общей чертой постоянных и устойчивых статических признаков является их не к в а н т и ф и ц и р у е м о с т ь, проявляющаяся прежде всего в невозможности введения показателей ограниченной и неограниченной кратности, отвечающих на вопросы *сколько раз?*, *как часто?*, в конструкции с единичным конкретным субъектом типа *Мой брат дважды (часто) знал английский язык* [Булыгина, 1982, с. 36–38; Козинцева, 1991, с. 22–24]. В конструкциях же с множественным или обобщенным субъектом показатели неограниченной кратности возможны, но в этом случае они имеют дистрибутивно-кванторное значение, выражая степень характерности признака для данного класса [Падучева, 1974, с. 96; Булыгина, 1982, с. 44–48; Князев, 1983, с. 153–154]. При этом *всегда* понимается как ‘все’, *часто* — как ‘многие’, *иногда* — как ‘некоторые’, *обычно* — как ‘большинство’ и т. д., ср.: *По морской негласной традиции корабль должен всю жизнь носить то имя, которое дано ему при рождении; переименование же всегда ведет к несчастью* (В. Шефнер) — ‘всякое переименование ведет к несчастью’; *Я не боюсь того, чего обычно боятся женщины: темноты, выстрелов, мышей, техники* (И. Грекова) — ‘боятся большинство женщин’; *Заметь, что у умных женщин редко бывают черные глаза* (А. Чехов) — ‘у немногих женщин’.

2. Ко второй группе значений несовершенного вида относится неограниченно-кратное (повторительное, многократное, итеративное) значение — обозначение множественной ситуации, которая с той иной регулярностью воспроизводится в разные последовательные моменты времени. Ряд повторений в этом случае незамкнут, тем самым сохраняется синхронный взгляд на ситуацию в середине ее многократного повторения.

Обычно (но не обязательно) предложения с глаголами несовершенного вида в неограниченно-кратном значении включают в свой состав обстоятельство типа *редко, часто, каждый день*: *Каждый день перед заходом солнца Капитан вылетал из клетки, усаживался на аквариум и, пока я настраивал гитару, легонько цокал, прочищая горло* (Ю. Коваль); *Алик у нас считался способным троечником. Его редко ругали, зато ещё реже хвалили* (Ф. Искандер); *А по воскресеньям и в праздничные дни красуется самовар на столе, начищенный до золотого сияния* (Н. Кузьмин); *Особенно настаивают на этом медики, не без основания видящие в прогрессе причину нервных расстройств, так часто наблюдаемых в последние десятилетия* (А. Чехов).

Помимо подобного рода прямого лексического указания на повторяемость ситуации такому осмыслению глагола несовершенного вида могут способствовать и другие факторы:

1) значение моментальности у исходного глагола совершенного вида, затрудняющее осмысление соответствующего глагола несовершенного вида в актуально-длительном значении: *Галя была геофизиком и кочевала по стране. Была она шумная и веселая, все переворачивала в доме вверх дном. Из экспедиций она привозила подарки: отцу — соломенные лапти из мордовской деревни, сестренке — разноцветные образцы камней, бабушке — домотканый платок* (А. Белякова); *Как дороги, как бесконечно дороги мне были подарки, которые я в детстве находил под подушкой в день моего рождения* (А. Инин);

2) присутствие в предложении различных указаний на пространственную, временную или количественную границу действия: *Он и Рита заплывали далеко за буйки, а Ольга Васильевна с Владом полоскались у берега* (Ю. Трифонов); *Она решала такие задачи за пять минут; Подняв плечи и широко расставив пальцы, Коростелев брал несколько аккордов и начинал петь тенором* (А. Чехов); *А отец походил, походил по дорожкам, потом сел за стол и начал писать. Он писал два-три часа, потом перечитывал написанное, комкал бумагу в кулаке и начинал снова* (Ю. Домбровский);

3) выражение количественной оценки действия в значении глагольного префикса: *Она недоедала и недосытала, мокла под осенним дождем, мерзла в холода, но денег оказывалось почти столько же, сколько и было* (Б. Окуджава); *Ольга Ивановна ревновала Рябовского к картине и ненавидела ее, но из вежливости простаивала перед картиной молча минут пять* (А. Чехов); *За этими делами и засиживался Виктор Андреевич на кафедре позже всех* (И. Грекова); *Но уж и то хорошо, что иголкой владела, пол подмести и обмахнуть тряпкой могла, похлебку какую-никакую сварить и не пересолить — почему-то всегда они, городские-то, на языки только ловки, еду пересаливают, каша у них пригорает, а то еще и сами обгорают у огня* (В. Астафьев);

4) для форм настоящего времени несовершенного вида многократная интерпретация может быть обусловлена и присутствием недействительных (не связанных с моментом речи) обстоятельств времени; ср. следующий пример, где *вечером* понимается как ‘по вечерам’: *Вечером коты осторожно перелезают через частокол и собираются под куканом. Они подымаются на задние лапы, а передними делают стремительные и ловкие взмахи, стараясь зацепить кукан. <...> Потом какой-нибудь наглый кот подпрыгивает, вцепляется в кукан мертвой хваткой, висит на нем, качается и старается оторвать рыбу. Остальные коты бьют от досады друг друга по усадым мордам. Кончается это тем, что я выхожу с фонарем из бани. Коты, застигнутые врасплох, бросаются к час-*

токолу, но не **успевают** перелезть через него, а **протискиваются** между кольями и **застревают**. Тогда они **прижимают** уши, **закрывают** глаза и **начинают** отчаянно кричать, прося пощады (К. Паустовский)²⁸.

По-видимому, во всех этих примерах именно конфликт между тенденцией к сохранению синхронной (интрагерминальной) точки зрения на ситуацию и так или иначе выраженной идеей предела способствует ее осмыслению как неограниченно-кратной²⁹.

Неограниченно-кратное значение занимает особое место среди частных значений несовершенного вида, поскольку, в силу крайней ограниченной возможности использовать глаголы совершенного вида для выражения регулярно повторяющихся действий в прошлом, несовершенный вид является практически единственным средством выражения этого значения, независимо от характера обозначаемого действия: *Лучше всего было по вечерам. Мы **затапливали** печи. <...> Ярко **горели** лампы, и все **пел** и **пел** свою нехитрую песню медный самовар-инвалид. Как только его **вносили** в комнату, в ней сразу **становилось** уютно — может быть оттого, что стекла **запотевали**. <...> После чаю мы **садились** у печки и **читали*** (К. Паустовский); *Этот Васюта обычно **стоял** на паперти Никольской церкви, а иногда **ходил** по домам. Днем наружные двери в Старой Руссе, кажется, вовсе не **запирались**, во всяком случае в этой части городка; Васюта **входил** в дом, **шел** в любую комнату, **садился** на стул и молча **сидел**. Если хозяева в это час обедали или ужинали, его непременно **приглашали** к столу. Ел он тихо, без чавканья, иногда что-то бормоча себе под нос. Потом вдруг, будто вспомнив какие-то сложные дела, **отставлял** недоеденную тарелку, **вставал** из-за стола и, ни на кого не глядя, **уходил** на улицу* (В. Шефнер).

Поэтому соответствие между глаголом несовершенного вида, обозначающим многократное действие, и глаголом совершенного вида, обозначающим аналогичное, но однократное действие, как и настоящее историческое, служит одним из основных критериев видовой парности глаголов; ср. для последнего примера: *Потом вдруг **отставил** недоеденную тарелку, **встал** из-за стола и **ушел** на улицу*³⁰.

²⁸ Сходное воздействие оказывают такие обстоятельства и на осмысление предложений с предикативными прилагательными, ср.: *Скучна мне оттепель: вонь, грязь — Весной я **болен*** (А. Пушкин), где *весной* значит 'каждую весну'. Другое возможное понимание форм настоящего времени с такими обстоятельствами времени — запланированное будущее; ср.: *Вечером я **уезжаю***.

²⁹ Ср. точку зрения Е. В. Падучевой, согласно которой семантическим источником моментальности является «невозможность синхронного взгляда на ситуацию, в семантике которой зафиксирована ретроспекция» [Падучева, 1998, с. 342].

³⁰ Характер протекания действия в прошедшем многократном и настоящем историческом определяется по косвенным признакам: исходя из предельности / неопределенности глагола, наличия аспектуально значимых дополнений или обстоятельств, временной или

Следует отметить, что между актуально-длительным и неограниченно-кратным значениями несовершенного вида нет резкой границы.

С одной стороны, в силу естественной семантической связи между значениями 'иногда / обычно делать' и 'иметь свойство', указание на повторяемость ситуации может использоваться для качественной характеристики ее участников, сближаясь с обозначениями привычек и других устойчивых состояний, что соотносится с потенциально-качественным значением несовершенного вида [Гловинская, 1989, с. 120; Акимова, Козинцева, 1996, с. 85–87], ср.: *Какая польза **говорить серьезно** или **спорить** с человеком, который **постоянно лжжет**, много **ест**, много **пьет**, **тратит** много чужих денег и в то же время **убежден**, что он **идеалист** и **страдалец**?* (А. Чехов); *Чудик **обладал** одной особенностью: с ним **постоянно** что-нибудь **случалось*** (В. Шукшин); *Он, вообще, **рассказывать** не умеет — **торопится** всегда, **перескакивает** с пятого на десятое и **вдобавок шепелявит** (букву «и» **толкает** куда-то в передние зубы, получается не то «с», не то «з» — что-то среднее)* (В. Шукшин).

С другой стороны, действия могут повторяться в рамках единой конкретной ситуации, «доступной целостному чувственному восприятию» [Панова, 1980, с. 42]; при их обозначении наблюдается сочетание признаков актуально-длительного и неограниченно-кратного значений, ср.: *За столом в этот вечер **острили** все, кроме Маяковского. Молодые мхатовские актеры, львы, все время **задирали** знаменитого поэта и **острослова**, **вызывая** на турнир **остроумия**. Не без **опаски** **пробовали** свои силы. Он либо **отмалчивался**, либо вяло **отбивался*** (В. Катаев); *Здесь же, но в стороне, у борта, где потемнее, **лежит** на плетеном мате Тревога. Он давно **смотрит** в бинокль на звезды. И время от времени что-то **говорит**, **бормочет*** (М. Рошин); *Бабы и девки **бегали** вниз, где был ключ, и **таскали** на гору полные ведра и ушаты, и, вылив в машину, опять **убегали**. **Таскали** воду и Ольга, и Марья, и Саша, и Мотька. **Качали** воду бабы и мальчишки, **кишка шипела**, и староста, **направляя** ее то в дверь, то в окна, **задерживал** пальцем струю, **отчего она шипела** еще резче* (А. Чехов); *Ослик тоже не дремал. Он **раздвигал** губами **листья**, **находил** каштаны и ел их, **смешино скаля** зубы* (Ф. Искандер).

По отношению к несовершенному виду неограниченная повторяемость и неограниченная длительность иногда считаются разновид-

причинно-следственной (каузальной) связи между действиями, причем не всегда однозначно. Отсутствие эксплицитного выражения аспектуального характера событий в такого рода (практически) одновидовых режимах повествования русского языка сближает его в этой сфере с безвидовыми или «слабовидовыми» языками, подобными немецкому; см. сопоставительное исследование С.-Г. Андерссона и рецензию на него: [Andersson, 1972; Маслов, 1976].

ностями одного и того же признака: «продолжительность действия во времени проявляется в двух формах: в длительности в узком понимании как непрерывной тождественности и длительности в широком понимании как повторяющейся (прерывной) тождественности действия» [Шелякин, 1983а, с. 55]. Однако для того, чтобы повторяться, действие должно каждый раз осуществляться, достигая внутреннего предела или хотя какой-то внешней границы. В силу этого неограниченно-кратное значение несовершенного вида обнаруживает и глубинную семантическую связь с совершенным видом. Так, упоминавшиеся выше разного рода «ограничители» протекания действия, благоприятствующие неограниченно-кратному осмыслению несовершенного вида, наиболее характерны именно для совершенного вида. На этом основании М. Я. Гловинская рассматривала несовершенный вид в этом значении в качестве «смыслового аналога» совершенного вида [Гловинская, 1982, с. 34], см. об этом также: [Тимберлейк, 1985, с. 274–285; Шатуновский, 1996, с. 319; Падучева, 1991, с. 40, 45].

Неограниченно-кратное значение присуще большему числу глаголов несовершенного вида, чем актуально-длительное, однако и оно имеет лексические ограничения. Его не могут выражать глаголы, обозначающие постоянные свойства, соотношения и устойчивые состояния.

3. В последнюю группу включены значения несовершенного вида, объединяемые ретроспективной позицией наблюдения ситуации (взглядом на нее извне), иначе говоря, обозначается ситуация, которая в момент ее описания уже не имеет места. Это характерно прежде всего для обобщенно-фактического значения (обобщенно-фактическое значение), когда «факт, обозначенный глагольным предикатом, констатируется (или отрицается) в общей форме» [Маслов, 1984, с. 76]; ср. приводимые для его иллюстрации примеры: *Я говорил (не говорил) ему об этом; Ты когда-нибудь бывал в этом лесу?; Ты сегодня обедал?; Кто шил этот костюм?; Здесь раньше висела картина.* Семантическая неоднородность этих предложений очевидна, поэтому нередко говорят не о едином общефактическом значении, а об общефактических значениях.

Особого упоминания заслуживают ретроспективные употребления несовершенного вида, имеющие традиционные устойчивые наименования.

Завершенность ситуации, обозначенной глаголом несовершенного вида, может быть эксплицитно обозначена с помощью обстоятельств ограниченной длительности: *Стало грустно, досадно. А тут еще голова болела так же, как вчера, сильно ломило ноги, и рыба казалась пресной, невкусной, всё время хотелось пить... После обеда приезжали две богатые дамы, помещицы, которые сидели часа полтора молча, с вытянутыми физиономиями; приходил по делу архимандрит, молчаливый и глуховатый. А там зазвонили к вечерне, солнце опустилось за лесом, и день прошел* (А. Чехов); *Це-*

лый час возилась в кухне старуха, разводя самовар, и этот ужасный час показался полным годом чувствительному и добросердечному иностранцу (Л. Андреев); *Ведущий хирург очень долго смотрел рану, заставил лейтенанта повторить свои объяснения... выслушал, не перебивая* (К. Симонов), а также показателей ограниченной кратности (счета): *Раза два-три ему приходилось отсиживать в тюрьме, но эти высылки шли ему впрок: он не только не терял хищнического нахрапа и упругой энергии в делах, но с каждым годом становился смелее, изобретательнее и предприимчивее* (А. Куприн); *В октябре Пелагею дважды навещала фельдшерница и дважды угваривала ехать в районную больницу. Но Пелагею в ответ только качала головой. Зачем она поедет туда?* (Ф. Абрамов).

В таких употреблениях иногда усматривают особые ограниченно-длительное и ограниченно-кратное значения несовершенного вида. Возможно, для этого нет достаточных оснований, поскольку эти семантические признаки требуют прямого лексического выражения. Тем не менее принципиальная совместимость русского (и вообще славянского) несовершенного вида с такими показателями является очень важной его типологической характеристикой, отличающей несовершенный вид от имперфекта. В «аористных» языках (например, романских) с такими обстоятельствами, противоречащими идее неограниченности, свободно сочетается аорист, а не имперфект, ср.: «употребление именно аориста с обстоятельствами, имеющими значения ‘долго’, ‘два часа’, ‘всю ночь’, ‘целый год’ и т. д. типично для всех языков, где есть аорист» [Маслов, 1978, с. 35–36].

То же относится и к сочетаниям с показателями ограниченной кратности, если при этом одновременно не выражается и неограниченная кратность, как в следующем примере: *Теперь ей каждый день приходилось дважды выступать в вечерних представлениях, и это была немалая физическая нагрузка* (В. Кожевников). Поэтому целесообразно рассматривать неограниченную и ограниченную кратность в качестве вариантов одного значения, хотя эта точка зрения широко распространена, см., напр.: [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 25; Апресян, 2000, с. XXXI].

К ретроспективным следует, видимо, отнести и такие употребления несовершенного вида, в которых выражается значение безуспешной попытки, — его называют конативным (от лат. *conop, conatus sum* — пытаться), причем безуспешность попытки прямо обозначена в ближайшем контексте: *Я долго убеждал преподавательницу, что в этом нет никакого анархизма, наоборот. Убеждал, но не убедил* (И. Эренбург); *И на стольких экранах тебя убивали, Но убить до конца не могли* (Е. Евтушенко). Конативное значение обычно считается разновидностью актуально-длительного (конкретно-процессного). Однако в данном случае явно важнее ретроспективный компонент: действие не может оцениваться как безуспешное,

пока оно находится в процессе осуществления. Оценить, принесло ли действие желаемый результат, можно только по его итогам, когда оно перестало выполняться. Аргументы «за» и «против» этой точки зрения см. в работах: [Ломов 1977, с. 70; Бондарко 1983, с. 158].

С учетом того, что ретроспективная точка отсчета — это «единственный действительно общий компонент всех общефактических значений» [Падучева, 1991, с. 43], ретроспективные ограниченно-кратные, ограниченно-длительные и конативные употребления несовершенного вида можно включить в число общефактических.

Общефактические употребления несовершенного вида характерны прежде всего для диалога (прямой речи): «Функцию глаголов несовершенного вида при передаче факта действия, имевшего место в прошлом, можно определить как констатирующую, она появляется чаще всего в диалогах и в изолированных сообщениях» [Рассудова, 1968, с. 18]. Однако они возможны и в повествовании. С точки зрения способа включения в последовательность событий в данном случае наиболее распространены следующие варианты:

1) событие, обозначенное формой несовершенного вида, предшествует основной линии повествования, выражая плюсквамперфектное значение «предпрошедшего»: *Но вернусь в сентябрь 1924 года. С утра дул сильный ветер, однако во дворе и черной лестнице, где я **играл** с ребятами, он ощущался не так уж угрожающе сильно ... о том, что в Неве поднимается вода, я узнал от взрослых, когда, набегавшись, забежал домой съесть кусок хлеба* (В. Шефнер); *Мы возвращались с Карлушей от Лихаревых, где **встречали** Новый год. Я был приглашен на вечер как Олечкин наставник* (Н. Кузьмин);

2) это событие включается в совокупность других событий, относящихся к «широкому» временному интервалу, имеющему более или менее четкие границы, без явной упорядоченности их во времени: *Я во всей России **был** и все в ней **видел**, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное. Я ходоком в Сибирь **ходил**, и на Амуре был, и на Алтае, и в Сибирь переселился, землю там **пахал**, соскучился потом по мамушке России и назад вернулся в родную деревню* (А. Чехов); *За эти шесть суток они испытали все, что может выпасть на долю двум людям в форме и с оружием в руках, идущим к своим сквозь чужой вооруженный лагерь. Они испытывали и холод, и голод, и многократный страх смерти. Они несколько раз были на волоске от гибели или плена, **слышали** в двадцати шагах от себя немецкую речь и звон немецкого оружия, рев немецких машин и запах немецкого бензина. Четыре раза они, коченея от холода, **ночевали** в промозгом октябрьском лесу и дважды **заходили** на ночлег в дома. В одном им были рады, а в другом испугались, не их самих, а того, что будет, если немцы узнают об их ночевке. Но в обоих домах, где они заночевали, люди обратили особое внимание на то, что они идут в форме* (К. Симонов).

Характерной особенностью этой разновидности повествования является довольно свободное комбинирование глаголов разных видов. В последнем примере одно и то же событие сначала названо глаголом несовершенного вида *ночевали*, а затем — глаголом прошедшего времени совершенного вида *заночевали* в конкретно-фактическом значении, причем их можно поменять местами без изменения общего содержания данного фрагмента. В следующем примере общефактическое прошедшее несовершенное сочетается глаголами будущего времени совершенного вида в наглядно-примерном значении: *Дважды **приходили** солдаты, но **стреляли** они издали, немного; **постреляют** безвредно и **уйдут*** (М. Горький).

Наиболее отчетливо общефактическое значение проявляется в личных формах прошедшего времени. Помимо этого оно выражается причастиями и деепричастиями прошедшего времени несовершенного вида: *Нередко по этому поводу вспоминались ему чьи-то давным-давно **слышанные** или **читанные** им смешные слова, что человеческая жизнь разделяется на какие-то «люстры» — в каждой люстре по семи лет — и что в течение одного люстра совершенно меняется у человека состав его крови и тела, его мысли, чувства и характер* (А. Куприн); *В этом, кстати, и важнейшая проблема — теоретики регулируют практическую работу банков, ни разу **не держав** в руках реальных банковских инструментов* (Аргументы и факты. 1998. № 41); *Пантюша, **уходивший** куда-то, снова возник за столом* (Ю. Трифонов), причем неличные формы типа *читанный* или (*не*) *держав* допускают только ретроспективные употребления.

От семантически близкого к нему конкретно-фактического значения совершенного вида общефактическое значение несовершенного вида отличается следующими особенностями.

Прежде всего, общим признаком таких употреблений несовершенного вида является неопределенность времени завершения действия и ее потенциальная повторяемость — неважно или неизвестно, когда это было и сколько раз [Гловинская, 1982, с. 120; Падучева, 1996, с. 41; Шатуновский, 1996, с. 321–333]: [Попова:] *Тысяча двести... А за что мой муж остался вам должен?* [Смирнов:] *Он **покупал** у меня овес* (А. Чехов); — *Скажи, тебя когда-нибудь **обижали** несправедливо?* (Э. Радзинский); [Охотник:] *А вы их знаете, молодой человек?* [Медведь:] *Да, мы **встречались*** (Е. Шварц). Обстоятельство времени при этом допускается, но только такое, которое «задает достаточно широкий временной интервал и не устраняет неопределенности времени завершения» [Падучева, 1991, с. 42]: — *Сегодня куда-нибудь **ездили**? — **Ездил**... В Мариамполь. Мешки **возил*** (В. Богомолов).

Помимо этого для общефактического значения характерно обозначение действия в отвлечении от его непосредственного результата. Непосредственный результат при этом может:

1) вообще не достигаться, когда выражается конативное значение: *Вот я два года и старался сохранить семью! Ну чего я только не делал, Анна Борисовна, чтобы эту Верку утихомирить. И уговаривал ее, и кричал, и пугал, и упрашивал, чтобы мальчишонку родила. Все напрасно* (В. Липатов) — ‘уговаривал, но не уговорил’, ‘пугал, но не испугал’, ‘упрашивал, но не упросил’;

2) аннулировать последующим действием: *Кто-то был, приходил и ушел, кто-то был, приходил и ушел*, — как заклинание твердила Ирина Аркадьевна (Е. Попов) — ‘приходил и ушел’, но ‘ушел и отсутствует’;

3) утрачивать актуальность: *Договаривались встретиться в субботу вечером хоть на полчаса, но что-то помешало* (М. Рошин); *Предлагали же мне спокойную работу, так нет же, погнался я за дурными деньгами* (А. Вампилов).

Вместе с тем отличительной особенностью общефактических употреблений является значимость косвенных результатов (эффектов), действия, т. е. таких его последствий, которые хотя и вызваны этим действием, но не являются обязательными и не полностью им детерминированы. Косвенные эффекты могут быть основанием для обобщающей характеристики: *Вы не читали даже Лессинга! Как вы отстали! Боже, как вы отпустились!* (А. Чехов); *Все вы тут она шайка! Нагляделась я, будет с меня! Грабили и прохожих и проезжих, разбойники, грабили старого и малого! А кто водку продавал без патента? А фальшивые деньги?* (А. Чехов); *Я прожил пятьдесят два года, я выздоравливал от смертельной болезни, я дважды женился на хороших женах, у меня рождались сыновья, я печатался на семи языках, я получал академические премии, — никогда я не был так блаженно счастлив, как сегодня!* (А. Солженицын). Вместе с тем они могут относиться и к одной конкретной ситуации: [Маша:] *Вы сегодня немножко не в духе.* [Вершинин:] *Может быть. Я сегодня не обедал, ничего не ел с утра* (А. Чехов); *Ну ладно. А то меня еще сегодня в одно место приглашали. Ребята собираются, то, другое. Еще надо успеть что-нибудь купить* (Л. Петрушевская).

При отнесенности к единичной ситуации общефактическое значение сблίζεται с конкретно-фактическим значением совершенного вида, следствием чего является так называемая конструкция в д.о.в. Так, в последнем примере можно было бы употребить и совершенный вид: *А то меня еще сегодня в одно место пригласили*. Семантическое различие между видами в данном случае состоит в перераспределении акцентов между фактом приглашения и необходимостью подготовиться. При выборе совершенного вида: ‘Результат приглашения сохраняется, а потому надо подготовиться’, а при выборе несовершенного вида: ‘Надо подготовиться, потому что имел место факт приглашения’.

Особенно типичен акцент на косвенных эффектах у неопределенных глаголов, поскольку внутренний предел (и соответствующий ему непосредственный результат) у них отсутствует: *Было холодно, я три*

ночи не спал, измучился и начал сердиться (М. Лермонтов); *Это был настоящий лесной человек, никогда не бывавший в городе, и в лесу он был, как у себя дома* (Д. Мамин-Сибиряк); *Когда совсем рассвело, он пошел к фельдшеру на дом. Он знал его — не один раз охотились и рыбачили вместе* (В. Шукшин); *Яков Прокопыч посмотрел на Егора, прикинул, потом спросил: — На моторе ходил когда? — Ходил!.. На моторе хожено-езжено! Это не беспокойтесь! Это мы понимаем* (Б. Васильев).

Следует отметить, что и очень широко используемые вопросы с глаголами несовершенного вида в общефактическом значении далеко не всегда задаются только с целью выяснить, имела ли место данная ситуация или нет. Так, в следующем примере королева выражает таким способом сомнение в наличии у придворной соответствующих умений: [Королева:] *А разве вы когда-нибудь копали?* [Гофмейстера:] *Да, ваше величество, у меня было прелестное зеленое ведерко и совочек* (С. Маршак).

Обозначение значимых косвенных последствий действия, имевшего место неопределенное количество раз в прошлом («опыта» в той или иной сфере), является функцией одной из разновидностей перфекта, которую называют экспериментальным перфектом или перфектом опыта [Comrie, 1976, p. 56–71]. Таким образом, общефактическому значению несовершенного вида, как и конкретно-фактическому значению совершенного вида, свойственно сопутствующее значение перфектности. Но если совершенный вид предельных глаголов выражает в этом случае актуальность непосредственного результата, то несовершенный вид — актуальность косвенных эффектов³¹.

В основе приведенной (по существу, общепринятой) классификации лежат два основных семантических параметра: неограниченность / ограниченность пределом (синхронность / ретроспективность позиции наблюдения) и однократность / многократность. Эти параметры имеют и типологическую значимость. Многообразие ретроспективных употреблений отличает славянский несовершенный вид от имперфекта или прогрессива, а способность обозначать не только единичные, но и повторяющиеся действия в срединной фазе их осуществления используется для ограничения имперфекта (и несовершенного вида) от прогрессива. К этому можно добавить, что «экспансия» несовершенного вида в сферу выражения завершенных действий, представляющая собой одну из специфических черт славянского глагольного вида и в той или иной мере свойственная всем славянским языкам [Иванчев, 1971, с. 198], наибольшего развития достигла именно в русском языке.

³¹ О связях общефактического значения несовершенного вида с этой разновидностью перфекта см. также: [Акимова, Козинцева, 1996, с. 89; Маслов, 1987, с. 205–208; Брой, 1998, с. 97].

Общие (инвариантные) значения видов. Как видно из предшествующего изложения, с о в е р ш е н н ы й вид имеет довольно простую семантическую структуру. В центре ее находится конкретно-фактическое значение, а «неактуальные» значения совершенного вида — наглядно-примерное и потенциальное — характеризуются эмоциональной окрашенностью, синтагматической связанностью (поскольку выступают либо в кратном-соотносительных конструкциях, либо в сочетании с разного рода «дезактуализирующими» лексическими показателями) и в то же время сохраняют связь с конкретно-фактическим значением. В семантике этот тип многозначности называют р а д а л ь н ы м. Поэтому сомнений в существовании инвариантного значения у совершенного вида, в общем, нет. Споры вызывает вопрос о том, какой признак лежит в его основе. Что же касается несовершенного вида, то у него доминирует полисемия ц е п о ч е ч н о г о типа, при которой у соседних пар значений есть общие нетривиальные черты (как между актуально-длительным и неограниченно-кратным или неограниченно-кратным и общефактическим), но значения, занимающие крайние положения, имеют между собой мало общего. В силу этого само существование общего значения несовершенного вида не очевидно.

Тем не менее сформулировать общее значение совершенного вида затруднительно, поскольку, как уже говорилось, он сохраняет связь с идеей внутреннего предела и в то же время совместим с неопредельными глаголами (у которых он отсутствует), а потому для каждой формулировки легко обнаруживаются противоречащие ей примеры³². Среди предлагавшихся решений наиболее приемлемыми представляются следующие два.

1. В соответствии с одним, более традиционным, значение совершенного вида содержит указание на о г р а н и ч е н и е действия пределом без конкретной характеристики предела. При таком подходе значение, выражаемое совершенным видом, фактически рассматривается как своего рода смысловая добавка к значению несовершенного вида, которое в этом случае формулируется негативно как отсутствие указаний на о г р а н и ч е н н о с т ь / неограниченность пределом.

2. При другом подходе, четко сформулированном А. Барентсеном [Барентсен, 1978, с. 4–11]³³, совершенный вид получает самостоятельную характеристику: он обозначает с м е н у с и т у а ц и й (в более поздних формулировках — «изменение», «возникновение новой ситуации»). Соответственно положительную, хотя и содержательно

³² Обзор предлагавшихся решений см. в работах: [Маслов, 1975б, с. 28–47; Гловинская, 1982, с. 7–19; Бондарко, 1996, с. 101–109; Зализняк, Шмелев, 2000, с. 31–36].

³³ Изложение этой его идеи см.: [Бондарко, 1996, с. 140–141]. Построенное на этих принципах описание функционирования русского глагольного вида см.: [Шатуновский, 1996, с. 309–317].

очень бедную характеристику получает и несовершенный вид. Она сводится к выражению «неизменения», «сохранения одного и того же положения дел», обозначению не новой, а «данной ситуации» [Гиро-Вебер, 1990, с. 104; Акимова, 1993, с. 76; Шатуновский, 1996, с. 310; Бондарко, 1996, с. 139]. Такое понимание значения несовершенного вида напоминает предлагавшуюся Дж. Форсайтом его квалификацию как «простого наименования» действия (simple denotation), сводящегося к его лексической идентификации [Forsyth, 1970, p. 6].

Эти два подхода к пониманию общего значения совершенного вида не противоречат друг другу, поскольку пределом ситуации, обозначенной глаголом совершенного вида, собственно говоря, и служит возникновение новой ситуации. Однако идея «смены ситуаций» побуждает к более тщательному изучению конкретных разновидностей глаголов совершенного вида.

Следует оговориться, что и признак «смена ситуаций», скорее всего, не полностью отвечает всем тем свойствам, которые ожидаются от семантического инварианта.

С одной стороны, исключение составляют глаголы совершенного вида со значением «неизменения»: *сохранить, сохраниться, остаться*, обозначающие такие ситуации, которые, продлившись некоторое время, продолжают иметь место. В этом случае они совместимы с адвербиальными показателями, обозначающими незамкнутый (неистекший) временной интервал: *Его дом с единственным в Пскове мозаичным фасадом... до сих пор сохранился на Завеличье* (В. Каверин); *Он подвел нас к яме. Очертания ее еще сохранили четырехугольность колодца* (Д. Гранин.); *Вы бы хоть это сообразили, если в вас еще осталось на каплю чувства* (И. Тургенев). С другой стороны, этот признак является недостаточно специфичным, поскольку в равной мере применим и к русскому совершенному виду, и к формам со значением аориста (это, впрочем, относится и к таким формулировкам инвариантного значения совершенного вида, как «неделимая целостность» или «ограниченность пределом»).

Скорее всего, такие «идеальные» семантические формулировки, которые сочетали бы универсальность, специфичность и достаточную содержательность, в большинстве случаев в принципе недостижимы. Поэтому термин «общее (инвариантное) значение» следует воспринимать с некоторой долей условности.

Перфективация и имперфективация. Как уже говорилось выше, средством выражения вида является строение глагольной основы с учетом последовательности ее формирования.

Бесприставочные глаголы в своем большинстве относятся к несовершенному виду: *строить, болеть, стучать* и многие другие, или являются двувидовыми: *казнить, женить, рапортовать*. К совершенному виду среди бесприставочных глаголов принадлежат:

1) многочисленные глаголы с суффиксом *-ну-*, выражающим значение моментальности или одноактности: *ахнуть, блеснуть, кивнуть, щелкнуть*;

2) группа из 15 глаголов на *-ить*: *решишь, лишишь, благословишь, явисься, пленить, бросить, хватить, купить, контузить, ощутить, пустить, ступить, простить, кончить, родить*;

3) группа из 6 глаголов, в которых гласный, предшествующий показателю инфинитива, является частью корня: *стать, дать, пасть, сесть, лечь, деть(ся)*;

4) глаголы *взять, застрять, затеять, обидеть, обязать, ответить, одолеть, поймать, понять, посетить* и ряд других, которые исторически были образованы путем префиксации, но на синхронном уровне префикс в них уже не вычленяется.

Присоединение префикса (или сочетания префикса с постфиксом *-ся*) к бесприставочному глаголу практически всегда ведет к переходу глагола в совершенный вид, т. е. к е р ф е к т и в а ц и и: *читать — прочитать, стоять — постоять, шуметь — отшуметь, гулять — нагуляться*, либо к сохранению совершенного вида, если он уже выражался исходным глаголом: *дать — отдать, купить — скупить, кончить — окончить*. Исключение составляют приставочные глаголы несовершенного вида церковнославянского происхождения или представляющие собой кальки с греческих, латинских или западноевропейских образцов: *зависеть, надлежать, обстоять, предвидеть, содействовать, содержать, состоять, сосуществовать* и многие другие. Иногда наряду с таким глаголом существует и «закономерный» префиксальный глагол совершенного вида, ср.: глагол *выглядеть* ('иметь вид') *молодым*, представляющий собой кальку с немецкого *aussehen*, — несовершенный вид, но собственно русский глагол *выглядеть* ('утомить зрение, всматриваясь') *все глаза* — совершенный вид.

Присоединение к основе совершенного вида суффикса и м п е р ф е к т и в а ц и и, представленного в трех морфах: *-á-* (*-я-*) / *-vá-* / *-ыва-* (*-ива-*), переводит глагол в несовершенный вид: *бросить — бросать, заболеть — заболеть-ва-ть, перечитать — перечитывать-ть*. При этом различают п е р в и ч н у ю и м п е р ф е к т и в а ц и ю — образование глагола несовершенного вида от простого (бесприставочного) глагола совершенного вида типа *дать — да-ва-ть, бросить — бросать-ть* и в т о р и ч н у ю и м п е р ф е к т и в а ц и ю, когда имперфективируется приставочный глагол совершенного вида, образованный от глагола несовершенного вида, вследствие чего возникают «видовые тройки» типа *читать — пере-читать — перечитывать-ть*.

Этот же суффикс самостоятельно или в составе сложного форманта (сочетания с префиксом или одновременно с префиксом и постфиксом *-ся*) служит для образования многократных глаголов и глаголов длительно-прерывистых способов действия от глаголов

несовершенного вида: *сидеть — сиж-ива-ть, кричать — по-крикива-ть, звонить — на-зван-ива-ть, стучать — пере-стук-ива-ть-ся*. Поскольку глаголы этих способов действия и сами относятся к несовершенному виду, можно считать, что суффикс *-á-* (*-я-*) / *-vá-* / *-ыва-* (*-ива-*) и этих случаях остается показателем несовершенного вида.

В свою очередь, префиксальные глаголы могут присоединять второй префикс: *по-выбрасывать, на-выдумывать, под-накопить*. Полипрефиксальные глаголы всегда относятся к совершенному виду.

Среди морфов имперфективации самым продуктивным является морф *-ыва-* (*-ива-*), а наименее продуктивным — *-ва-*. При этом морф *-ыва-* (*-ива-*) присоединяется только к префиксальным основам, а морфы *-á-* (*-я-*) и *-vá-* — и к префиксальным, и к беспрефиксным. Нужно иметь в виду, что речь чаще всего идет не о буквальном «присоединении» суффикса имперфективации к основе инфинитива или настоящего времени (как это происходит при формоизменении глагола, а о замене конечного сегмента глагольной основы суффиксом имперфективации.

В морфонологическом отношении имперфективация представляет собой довольно сложный процесс, который может сопровождаться:

1) чередованиями в корне: *коснуться — касаться, закончить — заканчивать, собрать (соберу) — собирать, послать — посылать, стереть (сотру) — стирать, вздохнуть — вздыхать, понять — понимать, поднять — поднимать, начать — начинать, согнуть — сгибать, притянуть — притягивать, сжать — сжимать*;

2) чередованиями в основе на стыке с морфами *-ива-* и *-á-* (*-я-*), исторически восходящими к *-*ja-*, вызывающему так называемое «переходное смягчение»: *угостить — угощать, украсить — украшать, возразить — возражать, засидеться — засиживаться, заметить — замечать, запретить — запрещать, вырастить — вырацивать, выловить — вылавливать, победить — побеждать, умертвить — умерщвлять*³⁴;

3) сдвигом в ударении, вызываемым тем, что морф *-á-* (*-я-*) всегда ударный, следствием чего является возникновение омографов, различающихся местом ударения типа *разрѣзать — разрѣзѣть, насыпать — насыпѣть* (фактически же происходит замена одного суффикса другим, омонимичным ему).

При первичной имперфективации почти всегда используется морф *-á-* (*-я-*): *решишь — решать, лишишь — лишать, бросить — бросать, (у)пасть — падать, простить — прощать, родить — рожать (и рождать)*; морф *-vá-* используется для имперфективации глаголов

³⁴ Можно заметить, что среди них есть чередования и собственно русского типа: *т / ч, д / ж*, и старославянского типа: *т / ц / жд*.

дать (давать) и деть (девать), а также некоторых глаголов с «опрошенными» основами: *затеять* — *затевать*, *одолеть* — *одолевать*. Отмечаются и нерегулярные образования: *стать* — *становиться*, *лечь* — *ложиться*, *сесть* — *садиться*.

Вторичную имперфективацию удобнее всего описывать, отталкиваясь от используемого в ней морфа и в соотношении с классами глаголов.

Морф *-ва-* служит для имперфективации:

1) глаголов 2-го продуктивного класса с соотношением основ прошедшего и настоящего времени /e/ ~ /ej/: *завладеть* — *завладеют* — *завладевать*, *согреть* — *согреют* — *согревать*;

2) глаголов непродуктивных типов с конечным корневым гласным: *сдуть* — *сдуют* — *сдувать*, *смыть* — *смоют* — *смывать*, *застыть* — *застынут* — *застывать*, *забыть* — *забудут* — *забывать*, *сгнить* — *сгниют* — *сгнивать*, *сбрить* — *сбреют* — *сбривать*, *прожить* — *проживут* — *проживать*, *разбить* — *разобьют* — *разбивать*, *узнать* — *узнают* — *узнавать*, *сдать* — *сдадут* — *сдавать*, *перестать* — *перестанут* — *переставать*.

Морф *-я-* (-я-) используется при имперфективации:

1) глаголов с «мнимым полногласием»: *умереть* — *умирать*, *запереть* — *запирать*;

2) глаголов с конечным корневым *-а* (-я), исторически восходящем к носовому гласному и чередующемся в современном языке с носовыми согласными: *размять* — *разомну* — *разминать*, *начать* — *начну* — *начинать*, *снять* — *снимут* — *снимать*, *понять* — *поймут* — *понимать*, *занять* — *займут* — *занимать*;

3) глаголов с суффиксом *-ну-* со значением становления признака: *замерзнуть* — *замерзать*, *промокнуть* — *промокать*, *засохнуть* — *засыхать* (с усечением суффикса);

4) отдельных глаголов непродуктивных типов на *-еть* и *-ать*: *закипеть* — *закипать*, *прогореть* — *прогорать*, *обидеть* — *обижать*; *разрѣзать* — *разрѣзѣть*, *насыпать* — *насыпѣть*;

5) значительного числа глаголов на *-ить* 5-го продуктивного класса: *предупредить* — *предупреждать*, *вычистить* — *вычищать*, *обогащать* — *обогащать*.

В всех остальных случаях для имперфективации используется морф *-ыва-* (-ива-): *выдумать* — *выдумают* — *выдумывать*, *завоевать* — *завоюют* — *завоёвывать*, *перешагнуть* — *перешагнут* — *перешагивать*, *склеить* — *склеют* — *склеивать*, *размолоть* — *размелют* — *размалывать*, *раскрасить* — *раскрашу* — *раскрашивать*. Использование этого морфа расширяется, о чем свидетельствует значительное число дублетных форм вторичных имперфективов: *приукрасить* — *приукрашать* / *приукрашивать*, *осмыслить* — *осмыслять* / *осмысливать*, *подменить* — *подменять* / *подменивать*, *сузить* — *сужать* / *суживать*, *изготовить* — *изготавливать* / *изготавливать*.

По данным М. А. Шелякина, морф *ыва-* (-ива-) служит для имперфективации примерно 1500 глаголов этого типа, а морф *-я-* — около 1000 глаголов, причем морф *-я-* как более старый образует несовершенный вид преимущественно от глаголов, имеющих признаки старославянского происхождения: *учредить* — *учреждать*, *прекратить* — *прекращать*; кроме того, он широко используется при имперфективации глаголов, образованных от именных основ: *выпрямить* — *выпрямлять*, *наполнить* — *наполнять*, *укрупнить* — *укрупнять* и т. п. [Шелякин, 1989а, с. 153].

Существуют и пары глаголов с нестандартными соотношениями: *застрять* — *застрывать*, *продлить* — *продлевать*, *купить* — *покупать*, *вернуться* — *возвращаться*, *лопнуть* — *лопаться*, *треснуть* — *трескаться*. Выделяют также несколько супплетивных пар: *взять* — *брать*, *положить* — *класть*, *сказать* — *говорить*, *поймать* — *ловить*.

Особую проблему составляет перфективация и вторичная имперфективация глаголов движения (о них см. ниже).

Видовые пары. Видовыми парами называют пары глаголов, тождественных по лексическому значению и противопоставленных по видовой принадлежности: *подписать* — *подписывать*, *заметить* — *замечать*, *читать* — *прочитать*, *пьянеть* — *опьянеть*.

По отношению к парам типа *подписать* — *подписывать*, в которые входят приставочные глаголы совершенного вида и вторичные имперфективы, сложностей не возникает, поскольку в данном случае суффикс имперфективации *-я-* (-я-) / *-ва-* / *-ыва-* (-ива-) не выполняет никакой другой функции, кроме изменения вида. Гораздо более проблематичными являются пары типа *читать* — *прочитать*, образуемые исходными глаголами несовершенного вида и префиксальными глаголами совершенного вида. Как говорилось выше, присоединение приставки практически всегда переводит глагол в совершенный вид, однако определить, привносит ли приставка в том или иной конкретном глаголе дополнительное лексическое значение или является чистовидовой, не всегда легко. Приставок же, служащих только (или хотя бы преимущественно) для перфективации, в русском языке нет³⁵. Фактически и чистовидовые приставки чаще всего имеют какое-то лексическое значение, но оно как бы «поглощается» значением глагола. Так, приставка *вы-* может быть чистовидовой при глаголах со значением удаления, выделения или

³⁵ К такому статусу приближается префикс *по-*, утративший конкретные пространственные значения и выполняющий чистовидовую функцию с очень широким кругом глаголов: *тратить* — *потратить*, *хоронить* — *похоронить*, *благодарить* — *поблагодарить*, *знакомиться* — *познакомиться*, *краснеть* — *покраснеть*, *гасить* — *погасить* и т. д. Довольно абстрактными являются и другие его продуктивные значения: *начинательное* (*бежать* — *побежать*), *распределительное*, или дистрибутивное (*бросать* — *побросать все игрушки*) и *ограничительное*, или делимитативное (*лежать* — *полежать*).

получения чего-либо путем удаления: *вырвать зуб, вырыть яму*; приставка *на-* — с глаголами, обозначающими действия, направленные на поверхность чего-либо: *написать, нарисовать*; приставка *про-* — при глаголах со значением сквозной направленности действия: *продырявить, пронумеровать, прочитать* и т. д.³⁶ Таким образом, видовые пары с чистовидовыми приставками — явление избирательное: почти все приставки могут выступать в чистовидовой функции, но при этом каждая из них лишь в сочетании с определенными глаголами.

Помимо учета семантического соотношения глаголов, которые потенциально могли бы образовывать видовую пару, в качестве критерия видовой парности может служить принцип, использовавшийся Ю. С. Масловым в его статье 1948 г. [Маслов, 1984, с. 53], а именно: обратимость глагола совершенного вида в глагол несовершенного вида при переводе повествования в настоящее историческое или прошедшее многократное — режимы повествования, в которых совершенный вид практически в обязательном порядке заменяется на несовершенный.

Применение этого критерия показывает, что, например, глаголы *чувствовать* и *почувствовать* составляют видовую пару, а глаголы *любить* и *полюбить* — нет. Предложение *Когда он вспомнил об этом, он почувствовал угрызения совести* переводится в настоящее историческое и прошедшее многократное (*Тут он вспоминает об этом, и он чувствует угрызения совести; Каждый раз, когда он вспоминал об этом, он чувствовал угрызения совести*), а с предложением типа *Он встретил ее на улице и полюбил с первого взгляда* такое преобразование невозможно: нельзя сказать *Он встречает ее на улице и любит с первого взгляда*. На этих же основаниях глаголы *брать* и *взять* или *ловить* и *поймать* составляют супплетивные видовые пары (ср. возможность замены *пришел, поймал и взял на приходит, ловит и берет* или *приходил, ловил и брал*), а глаголы *искать* и *найти* не образуют такой пары: *нашел и вернул* нельзя преобразовать в *ищет и возвращает* (а только в: *находит и возвращает*).

Вместе с тем, возможно, что этот критерий дает положительный результат и по отношению к тому, что называют *п р и б л и з и т е л ь н ы м и* *в и д о в ы м и* *п а р а м и* [Шелякин, 1983а, с. 121]. Речь идет, в частности, о парах многоактных и одноактных глаголов типа *толкать* — *толкнуть*, между которыми существует отчетливое семантическое различие, но тем не менее они могут соответствовать друг другу в данных контекстах. Так, при переводе следующих предложений в однократное прошедшее многоактным глаголам *толкать, вздыхать* и *колоть* будут соответствовать одноактные глаголы *толк-*

³⁶ Построенное на этой основе детальное описание русских чистовидовых приставок см.: [Шелякин, 1983а, с. 134–143]; отсюда же взяты и приведенные выше примеры.

нуть, вздохнуть и *кольнуть*, парными оказываются и многие начальные глаголы: *Иногда случалось, что дед вдруг ни с того, ни с сего начинал хохотать* <в кино>. *А в зале никто не смеялся. Петька толкал его в бок и сердито шипел* (В. Шукшин) — *Дед вдруг ни с того, ни с сего начал хохотать. А в зале никто не засмеялся. Петька толкнул его в бок и сердито зашипел; Он поворачивается на спину и глубоко вздыхает. Что-то коротко, но сильно колет сердце* (В. Конецкий) — *Он повернулся на спину и глубоко вздохнул. Что-то коротко, но сильно кольнуло сердце*³⁷.

В связи с проблемой видовой парности (коррелятивности) возникает и проблема в и д о в о й н е п а р н о с т и — отсутствия у глагола видовой пары, что может касаться и глаголов совершенного вида (ср. непарный глагол *очнуться*), и глаголов несовершенного вида (ср. непарные глаголы *царствовать* или *обожать*)³⁸.

Существенно при этом, что между непарными глаголами разных видов нет параллелизма. Непарность глаголов совершенного вида (их называют глаголами *p e r f e c t i v a t a n t u m*) носит относительный характер и во многих случаях может быть преодолена, тогда как непарность глаголов несовершенного вида (называемых глаголами *i m p e r f e c t i v a t a n t u m*), как правило, абсолютна.

Среди глаголов совершенного вида непарными часто являются *м о м е н т а л ь н ы е* глаголы, обозначающие мгновенные, внезапные события, многие из которых имеют эмоционально-экспрессивную окраску: *хлынуть, грянуть, опомниться, очнуться, очутиться, рехнуться, слопать* ('съесть'), *сцапать* ('схватить'), *осточертеть* и т. п. Кроме того, преимущественно или исключительно перфективными являются многие способы действия.

Для глаголов несовершенного вида основным фактором, препятствующим видовой парности, является *н е п р е д е л ь н о с т ь* глагола, причем некоторые из них вообще не допускают перфективации (*весить, стоять, граничить*), а другие служат базой для глаголов количественно-временных способов действия (*плакать* — *заплакать, поплакать, проплакать, наплакаться*), не образующих с ними видовой пары. Непредельными могут быть и отдельные значения глагола. Например, глагол *читать* в значении актуального процесса

³⁷ О проблемах, связанных с установлением видовой парности, см. также в работах: [Черткова, 1994, с. 33–41; Булыгина, 1997, с. 27–33; Зализняк, Шмелев, 2000, с. 44–52].

³⁸ Здесь нужно сделать существенное терминологическое уточнение. Такие непарные глаголы нередко называют *о д н о в и д о в ы м и* [см., напр.: Шелякин, 1989а, с. 148; Фоменко, 1996, с. 238], что приводит к путанице, поскольку термин «двувидовой» устойчиво закреплен за глаголами типа *исследовать*, которые совмещают в одной форме функции глаголов обоих видов. По контрасту с ними «одновидовыми» должны были бы называться все остальные глаголы русского языка, но в этом смысле данный термин никто не использует за отсутствием необходимости. Таким образом, во избежание недоразумений, от употребления термина «одновидовой» лучше вообще воздерживаться.

является предельным и имеет видовую пару: *Он читает книгу* — *Он прочитал книгу*, а в потенциальном значении, как в предложении *Ребенок уже читает* ('умеет читать'), он является непарным глаголом imperfectiva tantum. Непарными могут быть и переносные значения; ср.: *глаза горят, сохнуть от любви, плести небылицы*, выступающие только в несовершенном виде, тогда как в прямых значениях эти глаголы имеют видовые пары: *гореть* — *сгореть*, *сохнуть* — *засохнуть*, *плести* — *сплести*.

Способы действия. В аспектологии представлено два понимания содержания термина «способ действия», которые можно назвать узким и широким.

Способами действия в широком смысле слова называют «некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке» [Маслов, 1959, с. 191]. В более поздних работах Ю. С. Маслова семантические основания для выделения способов действия стали выступать на первый план. Ср.: «Те аспектуальные значения, которые получают скрытограмматическое выражение, т. е. выступают в качестве категориальных компонентов лексического значения глаголов, составляют систему аспектуальных классов и подклассов глагольной лексики. <...> Аспектуальные классы частично накладываются друг на друга ... и дробятся на более мелкие подразделения — аспектуальные подклассы или так называемые способы действия» [Маслов, 1984, с. 10–11].

При узком понимании способов действия к ним относят только морфемно (формально) характеризованные разряды глаголов; ср. формулировку Н. С. Авиловой: «Способы глагольного действия — это такие семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально результативных характеристик» [Русская грамматика, 1980, I, с. 596]³⁹.

В настоящее время преобладающим стало узкое понимание способов действия; оно принято и в данном пособии. Что же касается способов действия в широком смысле, то их значимость для аспектологии возросла, но для их обозначения теперь обычно используются другие термины: «семантические типы предикатов» [Булыгина, 1982], «таксономические категории глагола» [Падучева, 1996, с. 103–151; 2004, с. 30–41], «акциональные классы глаголов» [Татевосов, 2005].

³⁹ См. обсуждение этого вопроса в работах: [Авилова, 1976, с. 259–270; Шелякин, 1983а, с. 19–28; Распопов, Ломов, 1984, с. 104–106; Горбов, 1998, с. 41–46].

В подробных описаниях категории вида в русском языке выделяют несколько десятков способов действия [Маслов, 1965, с. 75–78; Авилова, 1976, с. 270–316; Шелякин, 1983а, с. 180–196]. Если же учитывать только часто упоминаемые способы действия и к тому же актуальные не только для аспектологии, то их количество окажется не столь уж значительным.

В целом для способов действия в русском языке характерны две особенности. Это, во-первых, наличие отчетливой связи между словообразовательными средствами, используемыми для образования глаголов того или иного способа действия, и особенностями его значения. А во-вторых, гораздо более высокая степень осознаваемости тех способов действия, для которых словообразовательно исходными являются неопредельные глаголы. Ниже они сведены в три группы.

1. От неопредельных глаголов образуются префиксальные глаголы *начинательного* способа действия, основным показателем которого является префикс *за-*: *болеть* — *заболеть*, *шуметь* — *за шуметь*, *играть* — *заиграть*, *бегать* — *забегать*, и — гораздо реже — префикс *по-*: *бежать* — *побежать*, *любить* — *полюбить*, см. о них подр.: [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 106–111]. В основном неопредельными являются и исходные глаголы для *ограничительного* (делIMITATивного) способа действия с префиксом *по-*. Они обозначают проявления действия в сравнительно небольшом отрезке времени: *гулять* — *погулять*, *лежать* — *полежать*, *жить* — *пожить*. В тех редких случаях, когда делимитатив образуется от предельного глагола, его внутренний предел заведомо не достигается, ср.: *поварить варенье* <некоторое время> и *сварить варенье* <до конца>; ср. также у В. Маяковского: *Землю понашет, попишет стихи*. Своего рода антонимами делимитативов являются глаголы *длительно-ограничительного* (пердуративного) способа действия с приставкой *про-*, которые обозначают действие, занимающее относительно длительный период времени; *простоять целый час*, *пролежать до вечера*, *прождать с двух до восьми*.

Оценка длительности ситуации носит субъективный характер. Как заметил Й. Крекич, при употреблении делимитатива «мы рассматриваем названное действие как желательное, приятное и полезное для нас», тогда как «желая подчеркнуть, что данная единица времени (будь то одна минута, один час или год) оказалась для нас длительной, затяжной, тягостной, мы употребляем пердуратив» [Крекич, 1989, с. 171–172; см. об этом также: Петрухина, 2000, с. 148, 156–157]; ср.: *посидеть час у телевизора* <с удовольствием> и *просидеть час у телевизора* <напрасно>, а также: *Корюшкин прождал ее целый час, мучительно раздумывая, в чем причина неудачи: салфетка не дошла или Рая не захотела?* (Г. Горин).

2. Глаголы совершенного вида, образуемые с помощью разных приставок и постфикса *-ся*, обозначающие действие, ограниченное

внешним «субъективным пределом»: получением удовольствия, а чаще наоборот — возникновением нежелательных последствий или непредусмотренного негативного эффекта: *есть — наестся, спать — выспаться, гулять — догуляться (до простуды), сидеть — засидеться, бегать — убежаться*. Среди них наиболее употребительны глаголы с а т и в н о г о (с а т у р а т и в н о г о⁴⁰) способа действия типа *нагуляться, накупаться, наглядеться*.

Примечательно, что глаголы этих двух групп, относясь к совершенному виду, сохраняют некоторые черты исходных неопределенных глаголов несовершенного вида.

Во-первых, сочетания типичных глаголов совершенного вида обозначают последовательные события и, таким образом, они выражают значение, которое называют «с е к в е н т н о с т ь ю», ср.: в совершенном виде *Он сел и закурил* (последовательность), а в несовершенном виде *Он сидел и курил* (одновременность). Между тем для глаголов начинательного и «субъективно-терминативных» способов действия характерна «н е с е к в е н т н о с т ь» — обозначение хронологически неупорядоченной совокупности событий: *Всю ночь после закрытия фестиваля мы пропели, проплясали, проорали, прообнимались и проплакали на прощанье в международном городке, образованном пятиэтажными гостиницами ВДНХ* (Известия. 2007. 10 июля]; *Насмеявшись досыта, наволновавшись, нагледевшись, утомленный, подавленный впечатлениями, возвращался он домой и бросался в постель* (Н. Гоголь); *Оттуда, где раньше стояла помещичья усадьба, а потом гнездилась усадьба МТС, погучит, помолчит, опять гукнет, и долго простонет* (П. Проскурин)⁴¹.

Во-вторых, рассматриваемым глаголам свойственно то, что можно назвать «субъектной ориентацией действия». В силу наличия связи между предельностью и переходностью (указание на прямой объект является типичным способом задания внутреннего предела действия⁴²) глаголы совершенного вида обычно употребляются в предложениях, где внимание акцентируется на объекте действия. Поэтому переходные глаголы несовершенного вида легко допускают абсолютное употребление типа *Вчера я читал*, тогда как аналогичное употребление глагола совершенного вида без подразумеваемого конкретного объекта в предложениях типа *Вчера он прочитал* невозможно или, по крайней мере, затруднительно. В качестве одного из возможных обоснований преимущественно субъектной ориентации глаголов несовершенного вида можно привести

⁴⁰ От лат. satur — полный, saturatus — сытый, пресыщенный.

⁴¹ См. также примеры, приведенные в кн.: [Бондарко, 1971а, с. 187].

⁴² Как писал С. О. Карцевский, «результативный момент заставляет думать именно о конкретном и, так сказать, осязаемом результате, к которому стремится и которым заканчивается процесс; естественно, что при этом в сознании возникает прежде всего представление прямого объекта» [Карцевский, 1962, с. 223].

следующее разъяснение: «При несовершенном виде имеются наиболее благоприятные условия для концентрации внимания на Агенса: поскольку действие не завершено, предложение с глаголом несовершенного вида в общем случае не содержит информации об изменении, происшедшем в состоянии Пациенса; наиболее полно предложение с глаголом несовершенного вида характеризует именно Агенса, описывая его образ действий» (Казенин, 1999, с. 388).

Основное отклонение от этой тенденции составляют глаголы рассматриваемых способов действия. События типа *Он поел хлеба* или *Он наелся хлеба* имеют последствия, существенные прежде всего для самого субъекта, — возникновение у него чувства сытости. Между тем непосредственным результатом действия, обозначаемого прототипическим переходным глаголом совершенного вида в *Он съел хлеб*, является прекращение существования объекта — хлеба больше нет. Не случайно, в отличие от глагола *съесть*, глаголы *поесть* и *наестся* свободно допускают абсолютное употребление.

3. Еще одну специфическую и в словообразовательном, и в семантическом отношении группу составляют глаголы «п р е р ы в и с т о - д л и т е л ь н ы х» способов действия типа *постукивать*. Они образуются от неопределенных глаголов с помощью сложного форманта, включающего в свой состав различные префиксы и суффикс *-ива-*, использующийся также для имперфективации и образования многократных глаголов. Они выражают м н о г о а к т н о с т ь (м у л ь т и п л и к а т и в н о с т ь) в сочетании с более или менее отчетливо проявляющимися дополнительными семантическими признаками: смягчительностью, интенсивностью или длительностью, комитативностью (обозначением сопутствующего действия) и взаимностью: *И он осторожно, пошевелив ногами, которые щекотно поклевывали попискивающие цыплятки, опять подался к бабе Сохе* (Ф. Абрамов); *Кавалло насторожен. Названивает телефон, но трубку снимает только его жена* (Лит. газета. 1989. 19 ноября); *Я устал с дороги, но долго не ложился — все расхаживал и рассматривал эти кресла, ковры, диваны* (В. Каверин); *В следующее мгновение он уже... выстукивал пятаками, пришепывал и пришаркивая длинными обтоптанными штанами* (Е. Носов). Все эти глаголы относятся к несовершенному виду. Можно сказать, что суффикс *-ива-* в них «гасит» перфективирующий эффект префиксации.

Особое положение среди них занимают «м у л ь т и п л и к а т и в н о - в з а и м н ы е» глаголы типа *переговариваться, перемигиваться, перебрасываться*, включающие в свой состав помимо префикса и суффикса возвратный постфикс *-ся*, см. о них: [Князев, 1996, с. 44–47]. Они обозначают действия, состоящие из неопределенного множества отдельных однородных актов, в которых референты субъекта и адресата меняются местами, совмещая, таким образом, значения взаимности и мультипликативности (многоактности): *Солдаты потоптались вокруг мертвого, коротко переговариваясь* (П. Проску-

рин); Сначала они мирно **перебранивались** в воде, дурачились, брызгали друг в друга, как мальчишки (Ю. Трифонов); Стоявшие в строю бойцы **пересмеивались**, ежились, лезли пальцами за бороты гимнастерок (К. Симонов).

Подобно обычным многоактным (мультипликативным) глаголам, многие мультипликативно-взаимные возвратные глаголы имеют одноактные (семельфактивные) корреляты с суффиксом *-ну-*: *мигать* — *мигнуть*, *перемигиваться* — *перемигнуться*. Последние в этом случае обозначают не один акт соответствующего действия (как *мигнуть*), а пару (или большее число — в зависимости от количества участников ситуации) взаимнонаправленных действий: *Молока никто не стал пить, все переглянулись, засмеялись и поскакали назад* (А. Чехов).

В свою очередь, среди способов действия, для которых исходными являются преимущественно предельные глаголы, наиболее специфичны два: дистрибутивный (распределительный) и кумулятивный (накопительный).

Дистрибутивные глаголы обозначают ситуации с множественным участником, в которых действие распространяется на все составляющие этого множества. Более старые дистрибутивы образуются с помощью префикса *по-*, а более новые и воспринимающиеся по сравнению с первыми как стилистически более нейтральные — с помощью префикса *пере-*; кроме того префикс *по-* сейчас чаще используется в качестве второго префикса в полипрефиксальных глаголах: *А родни-то со мной понаехало!.. Со своими хлебами, со своим вином приехали* (Ф. Абрамов); *Мужики поразъехались, кто в Новосибирск, кто в Кузнецк, кто в Прокопьевск* (И. Эренбург); *У Туркиных перебывали все городские врачи; дошла наконец очередь и до земского врача* (А. Чехов); *Он ответил, что, если не получит ответа до отъезда, то он «перестреляет студентов, которые морочат ей голову дурацкими стихами»* (В. Каверин).

Особенностью кумулятивных глаголов, отличающей их от других глаголов совершенного вида, является несовместимость с референтным определенным прямым дополнением и регулярным использованием родительного падежа вместо винительного в этой позиции: *Монахов же в этот момент затеял рассказывать что-то из тех невероятностей, что нарасказал ему отец, из тех, что он слушал так пренебрежительно* (А. Битов); *Более того, у меня возникло ощущение, что он локти себе кусает — зачем в прошлый раз наговорил мне лишнего* (В. Богомолов); *Накупил газет — всех по одной... побежал обратно* (В. Шукшин); *Но когда вы сами насобирали рыжиков и есть надежда, что завтра вы наберете еще, у вас есть возможность творить* (В. Солоухин); *Выбрав площадку с подветренной стороны сопки, мы натаскали сучьев, мелких и покрупнее, нарвали сухой травы на прометинах — голых местах горы, с которых ветер сорвал снег* (В. Шаламов).

Наконец, внимания заслуживают многократные глаголы, образующиеся от глаголов несовершенного вида с помощью суффикса, использующегося для имперфективации: *быть* — *бывать*, *ходить* — *хаживать*, *стоять* — *стаивать*, *сидеть* — *сиживать*, *знать* — *знавать*. Все они, кроме глагола *бывать*, употребляются преимущественно в формах прошедшего времени и инфинитива. По сравнению с литературным языком XIX в., и их число, и употребительность очень существенно сократились. Основной функцией многократных глаголов является обозначение ситуации, повторяющейся в разные моменты времени: *Зимними вечерами, когда за окном простиралась темнота и стужа, мы сиживали за столом при лучинном свете — и отнюдь не считали себя несчастными* (В. Шефнер); *Давно не стоял Николай на этом месте, а раньше стаивал часто, а потом не раз рассказывал о перевале другим людям* (М. Рошин); *В сырость и туман все равно хорошо было стаивать на крыльце, в пальто внаброску, курить, слушать шум дождя* (М. Рошин); ... *Рядом скамейка — на ней сиживают обычно и возле нее собираются писатели* (М. Рошин)⁴³.

У многократных глаголов возможен семантический сдвиг от количественного значения 'более, чем один (раз)' к значению 'по крайней мере один (раз)' — это значение называют *экзистенциальным*⁴⁴. Оно в данном случае соответствует общефактическому значению в функции «перфекта опыта»: *Попрошу меня не учить, — ответил Бегемот, — сиживал за столом, не беспокойтесь, сиживал* (М. Булгаков), т. е. знаю, как себя вести.

В приведенных примерах многократные глаголы обозначают квантифицируемые ситуации, способные неоднократно прекращаться и начинаться. Если же многократный глагол (или сказуемое в сочетании с ним) обозначает неквантифицируемую ситуацию, предложение может осмысляться двояким образом. Если имеются в виду все или по крайней мере типичные представители открытого класса, выражается общее свойство представителей этого класса: *Он художав и высок, какими бываю туркмены из племени «теке»* (Ю. Трифонов). В этом отношении многократные глаголы подобны обстоятельству типа *обычно, часто, иногда*, также обладающим этой чертой. В сочетании же с конкретным индивидуализированным субъектом обозначается единичное устойчивое состояние, имевшее место ранее основной линии повествования: *Немцы его спросили, где здесь находится дом Достоевского. Одинцов смутился. Он сказал, что живет в Кузнецке тридцать четыре года, но такого человека не знает и не знавал* (И. Эренбург).

⁴³ Последние два примера взяты из рассказа М. Рошина «Бунин в Ялте», где они, возможно, использованы в целях архаизирующей стилизации языка конца XIX в.

⁴⁴ Аналогичный сдвиг наблюдается и у форм множественного числа существительных в предложениях типа: *У тебя здесь есть друзья?* (хотя бы один); *У меня здесь нет друзей* (ни одного).

Таким образом, значения, выражаемые многократными глаголами, выходят далеко за рамки собственно многократности.

Глаголы движения (перемещения). Глаголами движения называют небольшую обособленную замкнутую группу глаголов, распределенных по парам: *бежать* — *бегать*, *везти* — *возить*, *вести* — *водить*, *гнать* — *гонять*, *ехать* — *ездить*, *идти* — *ходить*, *катить* — *катать*, *лететь* — *летать*, *нести* — *носить*, *плыть* — *плавать*, *ползти* — *ползать*, *тащить* — *таскать*. Бесприставочные глаголы в этих парах относятся к несовершенному виду и обозначают однотипные действия, различаясь особенностями их реализации.

Глаголы типа *бежать*, *идти* (их называют глаголами *о д н о н а п р а в л е н н о г о* движения, определенного движения, моторно-некратными) обозначают движение, осуществляемое в каком-то одном направлении: *Мальчик идет (бежит) по дороге*. Парные глаголы типа *бегать*, *ходить* (называемые глаголами *р а з н о н а п р а в л е н н о г о* движения, неопределенного движения, моторно-кратными) обычно обозначают неупорядоченное перемещение в разных направлениях (*Мальчик ходит по комнате, бегают по двору*), но при наличии указания на конечный пункт движения они обозначают однонаправленное движение, предполагающее либо возвращение в исходный пункт (*Вчера они ходили в театр*), либо его повторяемость (*Они часто ходят в театр*).

Вопреки распространенному мнению (см. ниже), префиксация глаголов движения по общему правилу влечет за собой их перфективацию. При этом в сочетании с глаголами однонаправленного движения префиксы выражают, главным образом, пространственные значения: *прибежать*, *убежать*, *подбежать*, *вбежать*, *выбежать*, *отбежать*, *пробежать*, *забежать* и т. п. Особняком стоит приставка *по-*, служащая для выражения начинательного значения: *пойти*, *побежать*, *поплыть*. Что же касается глаголов разнонаправленного движения, то их префиксальные производные выражают не пространственные значения, а значения, типичные для перфективных коррелятов неопределенных глаголов: начинательное, ограничительное и длительно-ограничительное: *забегать по комнате*, *побегать*, *пробегать полчаса*. Исключение составляют глаголы совершенного вида с приставкой *с-*, выражающие специфическое двунаправленное движение «туда и обратно» [см. о них: Князев, 1999, с. 189–190]: *Сторож сбегал куда-то и вернулся с огарком и затрепанной книгой* (А. Куприн); *Прохор привел ему нового, добытого в штабе коня, ночью съездил на участок Громковской сотни, привез брошенное там седло* (М. Шолохов). Существуют и отдельные образования с индивидуальными смысловыми приращениями: *выносить ребенка*, *объездить лошадь*.

Вторичную имперфективацию допускают преимущественно глаголы однонаправленного движения с приставками, выражающими

пространственные значения. В качестве ее формальных средств используются:

1) морф *-ива-* (*-ыва-*): *откатить* — *откатывать*, *утащить* — *утаскивать*;

2) морф *-ва-*: *выплыть* — *выплывать*;

3) морф *-á-* (*-я-*), вызывающий чередования в основе: *пригнать* — *пригонять*, *улететь* — *улетать*, *отбежать* — *отбегать*, *подползти* — *подползать*, *съехать (с горы)* — *съезжать*, *вылезть* — *вылезать*, причем у первых двух из приведенных глаголов получившаяся основа совпадает с основой глагола разнонаправленного движения;

4) у четырех глаголов — мена основы на основу соответствующего глагола разнонаправленного движения: *везти* — *привезти* — *привозить*, *вести* — *увести* — *уводить*, *идти* — *зайти* — *заходить*, *нести* — *внести* — *вносить*.

В результате может возникать омонимия между вторичным имперфективом приставочного глагола однонаправленного движения: *Женька же до самой ночи сидела, скрестив по-турецки ноги, на своей постели, отказалась от обеда и выгоняла вон всех подруг, которые заходили к ней* (А. Куприн); *Солнце всходило и заходило, и стрелка двигалась по кругу, а времени не было* (Л. Андреев); *И после долго не сходила с ее губ трепетная улыбка, а увлажненные глаза сияли счастьем, как у молоденькой девушки* (М. Шолохов); *С такими мыслями я проходил в переднюю мимо царственного, великолепнейшего павлина, переливавшегося всеми прелестными оттенками густо-зеленых и нежно-синих красок* (А. Куприн) — и глаголом совершенного вида, образованным присоединением приставки к глаголу разнонаправленного движения: *Он быстро встал и заходил по траве, заложив руки за спину и хрустя пальцами* (А. Толстой); *В полдень Наталья сходила к вырытому в яру колодезю, принесла кувшин ледяной родниковой воды* (М. Шолохов); *Так я проходил весь день, до вечера, а он все ходил за мною* (С. Степняк-Кравчинский).

Только местом ударения различаются глагол несовершенного вида *сбегать* (от глагола однонаправленного движения совершенного вида *сбежать*): *Мне слышно было, как он сбегал по каменной лестнице с той быстротой, с какой только молодые моряки умеют спускаться по трапам* (А. Куприн); *Из-за гребня, вниз к переправе, посыпались серые и черные фигуры, — сбегали, сползали на зад, скатывались, падали* (А. Толстой) — и глагол совершенного вида *сбегать* (от глагола разнонаправленного движения несовершенного вида *бегать*): *Сторож сбегал куда-то и вернулся с огарком и затрепанной книгой* (А. Куприн).

Необходимость столь подробного рассмотрения этого вопроса вызвана тем, что в учебной литературе приставочные глаголы несовершенного вида типа *приходить*, *вылетать*, *отгонять* нередко интерпретируются как образующиеся от соответствующих глаголов разнонаправленного движения и, таким образом, представляют собой

исключение из общего правила о перфективирующей функции префиксации в русском языке, см., напр.: [Гвоздев, 1967, с. 312–313; Милославский, 1981, с. 172; Камынина, 1999, с. 151–152]. Это недоразумение, поскольку по смыслу глаголы этого типа соотносятся с префиксальными глаголами однонаправленного движения и составляют с ними видовую пару, ср.: *Видно было, что она ложилась спать, как только приходила домой, и, вставая утром, тотчас же уходила из дому* (А. Чехов) и при переходе от многократного действия к однократному: *Видно было, что она легла спать, как только пришла домой, и, встав утром, тотчас же ушла из дому*⁴⁵.

Двувидовые глаголы. Д в у в и д о в ы м и называют глаголы, которые совмещают в одной и той же форме при одной и той же значении функции обоих видов. Глаголы, в той или иной мере проявляющие такие свойства, подразделяются на две группы. К одной из них относится чрезвычайно многочисленный (насчитывающий сотни единиц) и постоянно пополняющийся класс заимствуемых из различных западноевропейских языков глаголов на *-ировать*, *-изировать*, *-фицировать* либо строящихся по этим моделям: *активизировать*, *идентифицировать*, *информировать*, *кодифицировать*, *конкретизировать*, *модернизировать*, *реставрировать*, *стимулировать*, *телеграфировать*, *электрифицировать*, *эмигрировать* и др. Другая группа представлена замкнутым и сокращающимся классом глаголов, не имеющих внешних признаков заимствованности или явно исконных. В него входит несколько десятков глаголов: *бежать* (в значении ‘совершить побег’), *велеть*, *женить* (*жениться*), *завещать*, *заимствовать*, *использовать*, *исследовать*, *казнить*, *миновать*, *обещать*, *оборудовать*, *обследовать*, *ранить*, *расследовать*, *содействовать* и др.

Двувидовость этих глаголов проявляется в том, что они могут употребляться в контекстах или формах, характерных для обоих видов, ср. у А. Пушкина: *Когда друзья мои женятся* (несовершенный вид), *им смех, а мне горе* и: *Приехав в Грузию, женился* (совершенный вид) *он на той, которую любил*.

На несовершенный вид указывают:

1) выражение значения настоящего времени в простых спрягаемых формах: *Вы, конечно, слышали: здесь один попик организует рабочих* (М. Горький); — *Спектакли даем, в ликбезе работаем, ликвидируем неграмотность* (А. Рыбаков);

2) способность образовывать сложное будущее: *Мы будем их казнить, уничтожать, как моль* (Ю. Олеша);

3) наличие форм возвратного пассива: *Эта записка сейчас исследуется в компетентных органах криминалистами* (В. Конецкий);

⁴⁵ См. также аргументацию в пользу точки зрения, принятой в этом пособии, в работах: [Исаченко, 1960, с. 325–344; Шелякин, 1983, с. 131–132; Зализняк, Шмелев, 2000, с. 89–95].

4) наличие деепричастий на *-а*, *-я* со значением одновременности: *Другой тихими шагами приближался к нему, поднимаясь с осторожностью и исследуя каждую пядь дороги* (В. Короленко);

5) совместимость с фазисными глаголами (*стать*, *перестать*, *начать*), не сочетающимися с совершенным видом: *А ты с самой нашей свадьбы не переставала казнить меня своими умными подозрительными глазами* (А. Чехов); *Булыга переломил ружьё и понюхал ствол, а затем стал вроде бы исследовать ружьё Шуркино изнутри* (Ю. Коваль);

6) выражение неограниченной повторяемости: *В обыкновенное время осужденных казнили на другой день после суда, но суд над Сократом пришлось накануне праздничных дней, когда считалось грехом исполнять смертную казнь* (Л. Толстой); *Тут и казнили людей, и убивали из-за угла кинжалами, и душили* (Е. Шварц)⁴⁶.

Признаками перфективного видового значения служат:

1) обозначение формами на *-л* единичного конкретного завершённого действия в прошлом: *Начальник участка обещал принять меры, и я ушел успокоенным* (А. Лосев); *Но мы обследовали «Парус» за несколько часов* (И. Ефремов); *По приказу полковника звездочета казнили как не справившегося с порученной работой* (А. Хайт);

2) выражение значения будущего времени в простых спрягаемых формах: *Если не мы казним его, его казнит история* (Ю. Тынянов); *Поговаривают, что после этого на Сладком острове будет строиться дом отдыха леспромхоза или Вологодского отделения Союза писателей, либо колхоз организует здесь крупную утиную ферму* (А. Яшин);

3) наличие деепричастий на *-в* со значением конкретного единичного предшествующего действия: *Жиром надо каким-нибудь смазать, — сказал отец, исследовав ожог* (В. Шукшин).

Видовая неоднозначность двувидовых глаголов может и сохраняться, если сами видовые значения недостаточно контрастны. Так, в следующем примере форма *исследовали* может пониматься и в единичном общезначимом значении (‘проводили исследование’), выражаемом несовершенным видом, и в конкретно-фактическом значении (‘провели исследование’), свойственном совершенному виду: *Я слабею и хую, меня исследовали и ничего не нашли* (А. Грин). Другой пример: *Через несколько дней я женись* (А. Пушкин), где *женись* может пониматься и как форма настоящего времени в значении запланированного будущего (ср.: *вступаю в брак, выхожу замуж*), и как форма простого будущего времени совершенного вида (ср.: *вступлю в брак, выйду замуж*).

С точки зрения общих принципов организации категории вида в русском языке, двувидовые глаголы представляют собой периферий-

⁴⁶ В такого рода предложения могут быть включены наречия со значением неограниченной повторяемости типа *обычно* (*иногда*, *часто*) *казнили*.

ное и неустойчивое явление. Фактически они воспринимаются как грамматические (видовые) омонимы. Общая стихийная тенденция состоит в том, что совмещение видовых значений устраняется путем их формальной дифференциации. При этом в одних случаях возникает коррелят с суффиксом имперфективации: *И вот как-то раз, кстати, в пятницу, она увлеклась передачей под названием «02», которую организывает милиция* (Е. Попов), а в других случаях создается перфективный коррелят с чистовидовой приставкой: *Под конец исполнитель все-таки устал, завял и уже буднично и обыкновенным, своим голосом проинформировал слушателей о развязке истории, ибо знал из опыта, что его все равно заставят ответить на неясные пункты* (В. Конецкий). Соответственно, по мере роста употребительности глагола, содержащего видовые показатели, глагол без этих показателей постепенно становится однозначным глаголом противоположного вида [см. об этом подр.: Шелякин, 1983а, с. 147–156; Чанг, 1997, с. 197–210; Зализняк, Шмелев, 2000, с. 71–76].

§ 4. Категория залога

Общая характеристика. Выделение категории залога в русском языке опирается на возможность использовать при обозначении одной и той же внеязыковой ситуации две конструкции: *Президент подписал программу* и *Программа подписана президентом*. Первая из них — это конструкция с глагольной формой действительного залога (актива), а вторая — конструкция с формой страдательного залога (пассива).

Активные и пассивные конструкции отличаются друг от друга прежде всего синтаксически: реальный производитель действия (агент), обозначенный в первом предложении подлежащим, во втором предложении обозначается косвенным дополнением в тв. падеже (его называют агентивным дополнением), а объект действия (пациент), выразившийся в первом предложении прямым дополнением (*программа*), во втором предложении становится подлежащим. Соотношение между семантическими ролями участников ситуации, с одной стороны, и выражающими их синтаксическими актантами предложения (подлежащим, прямым и косвенным дополнением) — с другой, является очень важной характеристикой предложения и получило специальное название — диатеза⁴⁷.

Перераспределение синтаксических ролей — наиболее заметное и безусловное различие между этими предложениями, однако само по себе оно едва ли может быть целью говорящего. Оно влечет за

собой и изменение точки зрения на ситуацию. В первом предложении в центре внимания находятся действия президента, а во втором — то, что программа вступила в силу. Иначе говоря, изменяется коммуникативный статус участников ситуации. Ср. следующую общую характеристику категории залога: «Категория залога предполагает использование морфологических средств языка (как правило, в сочетании с синтаксическими) для выражения коммуникативных и / или прагматических противопоставлений» [Плунгян, 2000, с. 194]. В этой связи можно отметить, что А. В. Бондарко относит залог к категориям «интерпретационного» типа, давая следующее пояснение: «Интерпретационный характер залога семантики заключается в грамматической категоризации разного подхода говорящего к одной и той же ситуации (со стороны субъекта или со стороны объекта), категоризации разных акцентов в смысловой структуре, разной “фокусировки” смысла» [Бондарко, 1976, с. 48].

Иногда (возможно, имея в виду именно различия в коммуникативной значимости участников ситуации) для характеристики соотношения между активными и пассивными конструкциями используют термины *действие и состояние*: «В действительном обороте речи глагол обозначает активное действие субъекта, а в страдательном — состояние объекта, возникающее в результате этого действия» [Фоменко, 1996, с. 236].

Подобное использование этих терминов представляется нежелательным по двум причинам. Во-первых, если понимать их как обозначения определенных способов протекания и распределения ситуации во времени, то следует признать, что оба рассматриваемые предложения обозначают активное действие субъекта — подписание им программы, которое влечет за собой изменение свойств объекта — программа получает подпись. Во-вторых, конструкции с краткими страдательными причастиями (формами на *-н*, *-т*) действительно — помимо выполнения функции форм пассива — могут обозначать и состояния, возникающие в результате предшествующего действия. Имеются в виду предложения, в которых они обозначают не действие, а именно производные (вторичные) статические ситуации типа: *Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено* (А. Пушкин.); *А знаменитое здание МХАТ в проезде Художественного театра пока еще по-прежнему закрыто. <...> По-прежнему хорошо знакомый всем москвичам и гостям столицы фасад исторического театрального здания обнесен дощатым забором* (Известия. 1986. 29 сент.); *Стол был еще загроможден посудой после недавней еды Наташки и Лены* (Ю. Трифонов).

Таким образом, чтобы говорить о пассивной конструкции или форме пассива, необходимо соблюдение как минимум трех условий:

⁴⁷ О различных интерпретациях понятия диатезы см. в работах: [Холодович, 1970, с. 1–26; Храковский, 2004, с. 505–519; Тестелец, 2001, с. 411–436; Мельчук, 2004, с. 286–314; Падучева, 2004, с. 51–92].

1) активная и пассивная конструкции должны обозначать одну и ту же ситуацию;

2) в пассивной конструкции должно быть представлено характерное для пассива перераспределение синтаксических ролей: «Специфика всех пассивных конструкций не в наличии пассивного значения, а в том, что в них в отличие от активной конструкции лексически обозначенный субъект не занимает центральной грамматической позиции первого актанта — подлежащего» [Храковский, 1974, с. 29];

3) различие между активной и пассивной конструкциями должно сводиться к различию в коммуникативных акцентах: «Пассивный залог сводится к передаче статуса участника с наиболее высоким рангом от исходного подлежащего к другому участнику ситуации» [Плунгян, 2000, с. 199].

Поскольку речь в таких случаях чаще всего идет именно о передаче привилегированного статуса, формами страдательного залога обладают прежде всего переходные глаголы, обозначающие ситуации с двумя участниками. Кроме того, как отметил В. С. Храковский, наличие форм пассива характерно прежде всего для глаголов, «обозначающих конкретные физические действия субъекта с объектом, имеющие эксплицитно наблюдаемые результаты», причем «в подавляющем большинстве случаев активный субъект выражается именем, обозначающим лицо, а инертный объект — именем, обозначающим какой-нибудь естественный предмет или артефакт» [Храковский, 1981, с. 8].

Поэтому соотношения типа: *Колонны держат крышу — Крыша держится на колоннах, Он имеет новые сведения — У него имеют новые сведения или Бочка вмещает десять ведер — В бочку вмещается десять ведер*, где оба участника ситуации инертны, обычно отделяют от противопоставления активных и пассивных конструкций.

Вместе с тем нельзя говорить, что в русском языке категория залога свойственна только переходным глаголам, и на этом основании считать непереходные глаголы стоящими вне категории залога (см., напр.: [Фоменко, 1996, с. 242]), поскольку полного соответствия между переходностью глагола и наличием у него формы пассива нет; ср. встречающиеся в художественной литературе примеры: *Впервые предоставленные самим себе, без материнской опеки, мужчины «ударилась в разгул». Сколько было съедено чебуреков, персиков, мороженого! Сколько раз было сжжено в кино, ежено на катере! Естественно, они порастратились* (И. Грекова); *Про Воршу я мог бы рассказывать без конца: мало ли было рыболовных приключений... мало ли было похожено по ее берегам* (В. Солоухин).

Поэтому целесообразнее исходить из принципа, в афористической форме сформулированного Л. Л. Буланиным: «Все, что не относится к пассиву, относится к активу» [Буланин, 1986, с. 8]. В иной форме аналогичную точку зрения выразил А. В. Бондарко: «Существует

не больше оснований выводить несоотносительные образования типа *сидеть* за пределы залога, чем несоотносительные по виду образования (ср. тот же глагол *сидеть*) за пределы вида» [Бондарко, 1976, с. 225].

С учетом этих уточнений категорию залога в русском языке можно считать словоизменной, охватывающей всю глагольную лексику и включающей в себя два залога: действительный (актив) и страдательный (пассив).

Здесь, впрочем, нужно сделать две оговорки. Во-первых, как говорилось выше, грамматический статус безлично-возвратных форм, выступающих в конструкциях типа *Мне не работается*, остается неопределенным. Во-вторых, аналогия между глагольным видом и залогом является неполной, поскольку глаголов, употребляющихся только в страдательном залоге, в русской описательной грамматике не выделяют⁴⁸.

Средства выражения страдательного залога. В русском языке наблюдается очень последовательное разграничение форм пассива в зависимости от вида глагола: в несовершенном виде употребляются возвратные глаголы (его также называют «возвратный пассив»), а в совершенном виде — аналитические формы со страдательными причастиями на *-н*, *-т* (для краткости их называют «причастиями на *-н*, *-т*» или «формами на *-н*, *-т*»), ср.: *Дом уже строят — Дом уже строится*, но: *Дом уже построили — Дом уже построен*; ср. также: *Товарищ Ленин, работа адовая будет сделана и делается уже* (В. Маяковский); *Мои книги публикуются и будут опубликованы все до единой* (С. Довлатов)⁴⁹.

Тенденции к устранению такого рода связи между видом глагола и формой страдательного залога в русском языке не наблюдается. Скорее наоборот — она даже усиливается.

С одной стороны, в литературном языке формы на *-н*, *-т* глаголов несовершенного вида типа *читан* (*был читан, будет читан*) встречаются намного реже, чем аналогичные формы глаголов совершенного вида, причем их употребительность сокращается. Кроме того, в отличие от других современных славянских языков, они не приобрели способности обозначать действие в процессе его протекания

⁴⁸ Исключение составляет И. Г. Милославский, по мнению которого глаголы *правиться, чудиться, казаться* и их производные являются «однозлоговыми страдательными глаголами» [Милославский, 1981, с. 186]. Можно заметить, что все эти глаголы обозначают статические ситуации, не имеющие активного участника, которые, как правило, отделяют от пассива.

⁴⁹ Русский язык в этом отношении не уникален. Сходная ситуация наблюдается, например, в современных романских языках, в которых формы страдательного залога также имеют две структурные разновидности того же типа, что и в русском языке, причем местоименный (возвратный) пассив преобладает в формах настоящего времени и имперфекта и используется, в частности, при необходимости подчеркнуть процессуальность признака [см.: Корди, 1981, с. 243–244; Абросимова, 1985, с. 52].

или не достигшее результата. Нельзя сказать: *Улицы были мощены, но так и не вымощены*, хотя в действительном залоге такое противопоставление вполне возможно: *Улицы мостили, но так и не вымостили*. Основной функцией этих форм является выражение общефактического, ограниченно-кратного и других ретроспективных значений [Осенмук, 1979, с. 15–16; Бондарко, 1983, с. 162–165; Маслов, 1984, с. 74–75]: *Черт бы с этими несчастными материалами, за которые плачены тридцать рублей, отдал бы их — и дело с концом* (Ю. Трифонов); *Проснулся около полудня, сообразив время по тому, как жарко в комнате. Стены ее были многократно крашены и все-таки исчерчены царапинами стертыми надписей* (М. Горький); *Письмо, которое я вам показал, писано сто лет тому назад, и эта женщина живет теперь где-то далеко, кажется, в Закавказье* (А. Куприн); *В самом деле, его [Пиромани:] картины — те, которые попали хотя бы в сравнительно нормальные условия, которые... не были мяты, ломаны, резаны, топтаны, — все эти картины удивляют отличной сохранностью* (Э. Кузнецов). В свою очередь, пассивные конструкции с формами кратких страдательных причастий настоящего времени несовершенного вида типа *были совершаемы*, обычные для русского языка XIX в., сейчас, за единичными исключениями, не употребляются.

С другой стороны, предложения с возвратными глаголами совершенного вида, даже такие, в которых позицию подлежащего занимает объект действия и которые предполагают наличие агенса, прилагающего усилия для достижения результата, по крайней мере заинтересованного в его наступлении, в русском языке почти всегда выражают дополнительное модальное значение неожиданности, удачи, случайности, неполной контролируемости описываемого события: *Может, им еще повезет, и Авдотья, ее дочь, с младшим внуком, Толиком, еще отыщутся* (П. Проскурин); *Выменялось полкило хлеба за три серебряные ложечки на барахолке* (А. Болдырев); *К счастью, именно в этот месяц написалась у меня легкая «Кречетовка» — прямо для журнала, первый раз в жизни* (А. Солженицын)⁵⁰.

Такие глаголы чаще выступают в форме будущего времени, которое и само нередко имеет модальную окраску предположительности: *На ежегодных собраниях таким директорам может прийти не просто, поскольку обозленные акционеры, есть вероятность, проголосуют против их переизбрания. Конечно, на вилы их никто поднимать не будет, но послание прочитается безошибочно* (Профиль. 2004. 23 февр.), см. также выдержку из письма А. Твардовского В. Гроссману: *Дорогой Вася! <...> Я очень рад за*

⁵⁰ См. также многочисленные примеры из разных источников, приведенные в работе: [Перцов, 2003, с. 43–71]. Сам автор наличие этой модальной окраски не учитывает и никак не комментирует.

*тебя, что тебе пишется, и с большим интересом жду того, что у тебя напишется*⁵¹.

Примечательно, что в русском языке XIX в. употребление возвратных глаголов совершенного вида в функции собственно пассива, не осложненного такого рода смысловыми добавками, было вполне возможно; см. из многочисленных примеров, приводимых в научной литературе: *Письмо тебе вышлетя; На могиле напишется; Сделается новая государственная печать; Произведется перепись; Комедия к понедельнику перепишется, во вторник пошлетя; Рассказ пойметя живыми сердцами* [Булаховский, 1954, с. 119–120; Янко-Триницкая, 1962, с. 132–134].

В современном же русском языке данный модальный оттенок явно отсутствует, может быть, у единственного глагола — *подвергаться / подвергнуться*, который используется преимущественно в глагольно-именных сочетаниях с лексически выражаемым пассивным значением типа *подвергнуться анализу, аресту, обстрелу* и т. п.: *Работы японцев попадали в Европу или слишком поздно, когда в них уже не нуждались, или же подвергались неудачным поправкам* (А. Чехов); *Там за нанесенное ей оскорбление она, как говорил мне брат Антон, ударила надзирателя по физиономии, за что подверглась телесному наказанию* (М. Чехов).

Таким образом, устойчивая ассоциация возвратных глаголов совершенного вида с неполной контролируемостью в таких конструкциях (их можно назвать *к в а з и п а с с и в н ы м и*, т. е. не полностью пассивными) — явление сравнительно новое⁵².

Состав форм. Вследствие того, что пассивные формы совершенного вида являются аналитическими и строятся с участием глагола несовершенного вида *быть*, возникает асимметрия в составе временных форм действительного и страдательного залога. Одной форме совершенного вида действительного залога на -л типа *Он написал это письмо вчера* в страдательном залоге соответствуют две формы прошедшего времени с формами на -н, -т: *Это письмо написано вчера* и *Это письмо было написано вчера*:

	<i>написан</i>
<i>написал</i>	
	<i>был написан</i>
<i>напишет</i>	<i>будет написан</i>

⁵¹ Показательно, что в этом примере для обозначения агенса используется не стандартная форма агентивного дополнения в тв. падеже, а семантически гораздо более размытый посессивный компонент «у + род. падеж»: *у тебя пишется*; см. о нем: [Гаврилова, 2004, с. 58–62].

⁵² О наличии такой ассоциации свидетельствуют и окказиональные новообразования типа *успеться* (вместо *успеть*): *Задумывали мы и оперу на тему «Иван-дурак», но не успелось* (Е. Евтушенко). Существенно, что глагол *успеть* и сам входит в число средств выражения неполной контролируемости; см. об этом глаголе в работе: [Зализняк, 2006, с. 219–222].

Общепринятых названий для этих двух форм прошедшего времени нет. Употребления первой из них (*Письмо написано*) в целом согласуются с идеей перфектности — выражением актуальности результата действия для последующего временного плана (по-английски это называют *current relevance*): *К-командованием п-поставлена перед нами весьма ответственная з-задача... — Он прилагал великие усилия, чтобы не заикаться. — Вот т-точно такую, — он поднял и показал лопатку, — нам приказано отыскать в этой роцце* (В. Богомолов); *И Степаныч не успокоился, пока не выяснил, кому принадлежал дворец, кем и когда построен* (М. Роцин).

Такие конструкции можно назвать перфектом на -н, -т. Что же касается пассивных конструкций, содержащих вспомогательный глагол в форме прошедшего времени (*Письмо было написано*), то наиболее подходящее название для них — претерит на -н, -т⁵³.

У залоговых форм несовершенного вида асимметрии нет, и трем формам действительного залога соответствуют аналогичные три формы пассива:

читал	читался
читает	читается
будет читать	будет читаться

В остальном действительный и страдательный залог имеют одинаковый состав форм, хотя некоторые формы пассива употребляются редко. Среди них упоминаются формы 1-го и 2-го лица, деепричастия и повелительное наклонение [Распопов, Ломов, 1984, с. 110; Шелякин, 1989а, с. 198].

Принципиальные семантические препятствия есть, видимо, только для императива в его прямом значении, поскольку трудно себе представить такую ситуацию, когда побуждение к действию обращено к одному лицу (подразумеваемому или прямо названному), а выполнять его должен другой. Тем не менее это все же возможно; ср. заголовок газетной статьи, приведенный Л. Л. Буланиным: *Будь услышан, лектор!* [Буланин, 1986, с. 67].

Для форм 1-го и 2-го лица ограничения на образование касаются только возвратного пассива, такие формы звучат необычно, хотя и встречаются: — *Да, раз в квартал я постоянно куда-нибудь командируюсь, — объяснил Лилин муж Игорь* (Столица. 1997. 15 июля); *Майор подытожил: — Старшим тройки назначаешься ты, Капитан* (В. Черкасов). Для аналитических же форм пассива явных ограничений нет: *Я приглашен, чтобы вы имели вид комендантского патруля, и то, что от меня требуется, сделаю!* (В. Богомо-

лов); *«Маркони» мне крикнул из рубки: Сень, ты не забыл — мы к «деду» приглашены* (Г. Владимов); *Господин полковник! — совершенно сильным голосом сказал Студзинский. — Вы арестованы* (М. Булгаков).

То же относится и к деепричастиям. Возвратные пассивные деепричастия несовершенного вида встречаются крайне редко; см., однако, употребление этой формы в интервью заместителя министра иностранных дел Ю. Федотова: *Мы являемся неизменным членом ЭКОСОС с момента его создания, избираясь в его состав каждые три года, и при этом пользуемся неизменно высоким авторитетом у других членов ЭКОСОС* (Дипломат. вестн., 2004). Употребление же пассивных деепричастий совершенного вида ограничивается только стилистически, поскольку деепричастия в целом редко встречаются в повседневной речи: *Ибо он, этот волчец, воистину чудесен. Сорванный и унесенный странником за тысячи верст от своей родины, он годы может лежать сухим, серым, мертвым. Но, будучи положен в воду, тотчас начинает распускаться, давать мелкие листочки и розовый цвет* (И. Бунин); *Его фотография «Хлеб насущный» — натюрморт из стакана молока, двух яиц и ломтя черного хлеба, будучи напечатана в «Огоньке», обратила на себя внимание и специалистов и читателей* (В. Солоухин); *Его погнали, собственно, только потому, что идея эта, будучи раз высказана, приобрела странную притягательную силу* (М. Анчаров).

Причастия подробнее рассматриваются далее. Здесь же можно отметить, что, в силу отсутствия у причастий форм будущего времени, для совершенного вида единственной формой пассива являются полные причастия на -н, -т (собственно причастия): *Он вспомнил все обиды, нанесённые ему добрыми людьми, почувствовал скуку и тупую злобу и, когда Жучка легла перед ним на спину, с размаху ткнул её в бок носком тяжёлого сапога* (Л. Андреев); *Сама клеёнка лежала посреди прилавка, и, хоть свернута была в рулон, верхний край всё равно был открыт взглядам и горел ясно, будто кусок неба, увиденный со дна колодца* (Ю. Коваль); *Дмитриев и Лена спали на широкой тахте чехословацкого производства, удачно купленной три года назад и являвшейся предметом зависти знакомых* (Ю. Трифонов).

В несовершенном виде ситуация более сложная. Продолжают употребляться, хотя и очень ограниченно, полные страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида, которые, как уже упоминалось, выражают только ретроспективные значения: *Японская песня «Сказка осенней ночи», только дважды слышанная им по радио, врезалась в память Гирина, как все, что сильно нравилось ему* (И. Ефремов). Помимо этого существуют специализированные пассивные причастия настоящего времени на -мый и возвратно-пассивные формы действительных причастий настоящего и прошедшего времени: *Говорящий совершенно не различает форм*

⁵³ Претеритом (от лат. *preterit* — раньше + *ire* — идти) в описательных грамматиках называют формы прошедшего времени, не осложненные дополнительными аспектуальными значениями и обычно противопоставляемые перфекту.

слов и сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от форм слов и сочетаний слов, им много раз употреблявшихся (Л. Щерба); Слово «стриюцкий, стриюские» есть слово простонародное, употребляющееся единственно в простом народе и, кажется, только в Петербурге (Ф. Достоевский).

При сравнении двух пассивных причастных форм настоящего времени употребляемый и употребляющийся (имеющих частично пересекающуюся дистрибуцию) обращает на себе внимание то, что в более старых причастиях на -мый значения настоящего времени и страдательного залога выражаются кумулятивно (совмещены в одном аффиксе), а в более новых причастиях на -ющийся эти значения выражаются раздельно⁵⁴.

Поскольку активные и пассивные конструкции обозначают одну и ту же ситуацию, они (если отвлечься от их положения в связном тексте) характеризуются взаимностью: *Комиссия одобрила проект — Проект одобрен комиссией*. Подобное прямое соответствие, впрочем, наблюдается только у личных форм. Конструкции с неличными формами страдательного залога — атрибутивными причастиями, инфинитивом, деепричастиями — обычно не могут быть преобразованы в активные без изменения лексического состава, синтаксической структуры и замены неличных форм личными: *Он рассказал о проделанной работе — Он рассказал о работе, которую проделал; Ему должна быть оказана помощь — Ему нужно оказать помощь; Будучи допрошен, он во всём сознался — Когда его допросили, он во всём сознался*.

Следует также подчеркнуть, что все средства выражения пассива — каждое по-своему — характеризуются неоднозначностью, подробнее рассматриваемой в последующих разделах.

Типы пассивных конструкций. Обычно различают две основных структурных разновидности пассивных конструкций — трехчленные и двучленные.

В трехчленных конструкциях помимо подлежащего в им. падеже и сказуемого в форме страдательного залога содержится агентивное дополнение в форме тв. падежа, обозначающее производителя действия. Чаще всего это конкретные определенные лица или группа лиц: *Вот здесь был мостик, по которому бежал Митя Карамазов, к сожалению, мостик сломан то в а р и щ е м Л., не жалающим его восстановить (Д. Гранин); Тема эта с неизменным гостеприимством поддерживалась х о з я е в а м и и ни разу на моей памяти не подвергалась ограничениям из фамильных или педагогич-*

⁵⁴ Кумулятивное («сложнозначное») выражение грамматических значений является отличительной особенностью флективных языков, к которым относится и русский язык, а их раздельное выражение характерно для агглютинативных языков [Маслов, 1975а, с. 296; Мельчук, 2001, с. 218–221]. Таким образом, в данном пункте наблюдается отход от флективности к агглютинации.

ческих соображений (Ф. Искандер). Вместе с тем агентивное дополнение может и не обозначать никаких индивидуализированных объектов: *Ах, — говорил Отто, — войны всегда проигрываются преступниками, а выигрываются героями (В. Коротич); Понравились его твердое немногословие, крестьянская неторопливость и та особая, мужская основательность, которая воспринимается всеми женщинами как гарантия неизбежности семейного очага (Б. Васильев); Да, удар был нанесен левшой или человеком с одинаково развитыми руками, что, впрочем, маловероятно (В. Богомолов).*

Можно заметить, что в большинстве приведенных примеров трехчленных пассивных конструкций агентивное дополнение выступает в позиции ремы высказывания.

В двучленных пассивных конструкциях агентивное дополнение в канонической форме тв. падежа отсутствует. Основания, позволяющие оставить производителя действия неназванным, могут быть самыми разными:

1) возможность определить его из контекста: *Значит, мы играем в нарды и едим арбуз. Рассказано это по очереди, но происходит одновременно. Арбузы выбираются, остужаются, нарезаются и съедаются. То есть съедаются уже давно остывшие арбузы, так что последовательность иная: арбузы нарезаются, съедаются и остужаются. Опять не так. Расставьте сами. В одной руке у меня доля арбуза, в другую интеллигентно сплевываю косточки, и тогда я чихаю (А. Битов);*

2) существование ограниченного круга лиц, которые обычно выполняют соответствующие действия: *На первых двух курсах медицинского факультета читаются теоретические естественнонаучные предметы — химия, физика, ботаника, зоология, анатомия, физиология (В. Вересаев); Все это происходило во дворе училища. Генерал Бугров командует: «Старшина второй статьи Канторович, выйди из строя!». Кое-как, пугаясь в ногах, выходит Канторович. Зачитывается приказ: Канторовичу присвоить звание полковника! [Известия. 2001. 22 июня];*

3) неизвестность агенса: *У него взяты красноармейская книжка, проездные документы и деньги (В. Богомолов);*

4) истинность утверждения для всех или хотя бы типичных представителей открытого класса (универсальность): *Так как Сицилия считается центром всемирной мафии, то осмотр производился особенно строго (В. Катаев).*

Двучленные пассивные конструкции встречаются намного чаще, чем трехчленные, что соответствует общепринятому пониманию функционального назначения пассива — понижать коммуникативную значимость исходного подлежащего.

Сходную роль в русском языке играют неопределенно-личные предложения со сказуемым в фиксированной форме

3-го лица мн. числа. Поэтому в последнем предложении можно заменить ими оба возвратных глагола: *Так как Сицилию считают центром всемирной мафии, то осмотр производили особенно тщательно.* Как видно из последнего примера, референтный статус неназванного субъекта неопределенно-личного предложения может быть различным: у субъекта действия *считается* нереферентный универсальный статус (а вся ситуация легко переосмысливается в обозначение свойства), тогда как у субъекта действия *производился* — референтный статус, поскольку имеется в виду реальная единичная конкретная ситуация.

Тем не менее полного соответствия между этими двумя разновидностями невыраженности субъекта нет [см. об этом также: Храковский, 1991, с. 168–170]. Препятствием для замены двучленного пассива неопределенно-личным предложением может быть:

1) единственность и определенность субъекта: *В книгу входит также три дополнительных раздела. <...> В последнем разделе обсуждается недавняя книга видного американского историка Эдварда Кинана, в которой тот пытается доказать, что «Слово» было написано великим чешским филологом Йозефом Добровским (В. Живов), где неназванный субъект — автор книги;*

2) недостаточная определенность и неконкретность самого действия: *Установлено, что анализ ДНК способен выявить некоторые типы инфекций и предвидеть побочные явления применения лекарств* (Известия. 2001. 13 июня);

3) неличность субъекта: *Оголенный песок пришел в движение, и никакая сила не могла его успокоить, остановить. Песком засыпаны были остатки древних лесов, засыпаны были четырнадцать человеческих поселений* (Комс. правда. 1981. 1 сент.).

К особым структурным разновидностям относятся одноставные пассивные конструкции. Они могут быть неопределенно-личными: *В главке об этом еще не проинформированы; Агентство Синьхуа заявило, что в КНР «шокированы» решением нидерландского правительства* (Соц. индустрия. 1980. 2 дек.); *Украинским политическим кризисом заинтересовались и в США. Оппозиция обнадужена заявлениями, прозвучавшими с американской стороны, что в США встревожены историей с журналистом Гонгадзе* (Известия. 2001. 14 февр.); *На геологоразведочный факультет обычно принимаются с более высоким проходным баллом* (А. Битов) [Булыгина, Шмелев, 1991, с. 50] и — особенно часто — безличными: *А межведомственная комиссия, кстати, заседает до сих пор; ответа о причинах предыдущей аварии так и не получено* (Известия. 1997. 15 февр.); *Несчастливы были не те, кто посылался в ссылку, а кто получал паспорт с грязной 39-й паспортной статьёй и должен был, упрекая себя за каждую оплошность, куда-то ехать, где-то жить, искать работу и отовсюду изгоняться. Но полноправно приезжал арестант в ссылку: не он придумал сюда*

ехать и никто не мог его отсюда изгнать. За него подумало начальство... И сейчас, начав выздоравливать и стоя опять перед неразбираемо-запутанной жизнью, Олег ощущал приятность, что есть такое блаженное местечко Уш-Терек, где за него подумано, где все очень ясно, где его считают как бы вполне гражданином (А. Солженицын).

Ограничения на образование. Семантические ограничения на образование форм пассива у синтаксически переходных глаголов явно связаны с характером переходности.

Для глаголов несовершенного вида отмечается, что формы возвратного пассива не свойственны многим глаголам мысли и чувства: *думать, жалеть, знать* [Буланин, 1986, с. 75]. Можно напомнить, что в классификации Ю. С. Степанова такие глаголы отнесены к выражающим «неэффективную» переходность. Наличие формы возвратного пассива может зависеть и от значения глагола. Так, глагол *хранить* в предложении *Он хранит деньги в банке*, где он обозначает ситуацию, предполагающую хотя бы минимальный контроль со стороны субъекта, допускает пассивизацию (*Деньги хранятся им в банке*), а тот же глагол в предложении *Хранили многие страницы Отметку резкую ногтей* (А. Пушкин), где на первый план выступают идеи существования и местонахождения, — нет⁵⁵.

Что же касается форм на *-н, -т*, то их образование затруднено у прежде всего у тех переходных глаголов совершенного вида, которые выражают «слабую» комплетивность — ограничение времени протекания действия. К ним относятся прежде всего глаголы начинательного (*полюбить, потащить, запеть*), делимитативного (*поварить, покурить, попеть*) способов действия, а также многие, хотя и далеко не все, длительно-ограничительные (пердуративные) глаголы с префиксом *про-* (*простоять, прошагать, пробежать*). Предложения с формами на *-н, -т* этих глаголов *Песня запета (попета)* или *Книга почитана* звучит гораздо менее естественно, чем *Песня спета* или *Книга прочитана*. Необычно звучат и формы на *-н, -т* глаголов, обозначающих действия, которые не имеют устойчивого наблюдаемого результата, типа *поцеловать*: *Я увидел ничего не сразу. Я пронес кисть руки на уровне его губ, как будто не имел ничего против того, чтобы рука моя была схвачена им и поцелована* (Ю. Олеша).

Интересно, что в русских диалектах, в отличие от литературного языка, формы на *-н, -т* делимитативных глаголов относятся к числу наиболее употребительных среди образуемых от непереходных глаголов: *Пожито было, погрешено, людей посмешено; Ой, у меня погоревано; Поработано у ей досыти; У меня много было порев-*

⁵⁵ О семантической структуре глагола *хранить* в соотнесении с грамматическим свойством см.: [Кустова, 2004, с. 250–266].

лено [Кузьмина, Немченко, 1971, с. 107–110]⁵⁶. Возможно, под их воздействием конструкции формы на *-н*, *-т* таких глаголов изредка появляются и в художественных произведениях: *Наступило лето. Вся кафедра знала, что дочка Дольского поступает в институт. Со всеми было переговорено, выпито коньяку, похлопано по плечу, пошучено, попрошено. И все-таки он волновался, особенно за сочинение* (И. Муравьева).

Безличный пассив. С точки зрения морфологии переходность глагола проявляется прежде всего в наличии у него форм пассива [Мельчук, 2000, с. 210], поэтому широко распространена тенденция к отождествлению переходности глагола и возможности образования страдательного причастия. При этом одни исследователи соответствующим образом расширяют понятие переходности: «К переходным относят немногочисленные глаголы, управляющие другими объектными падежами, если от них образуются страдательные причастия: *управлять (управляемый), руководить (руководимый), закупить (закупленный)*» [Камынина, 1999, с. 146]. Другие же, напротив, рассматривают в качестве страдательных причастий только такие дериваты, которые можно соотнести с переходными глаголами. Это решение аргументируется тем, что непереходные глаголы «по правилам русской грамматики не имеют и не могут образовывать страдательные причастия» [Ефремова, Костомаров, 1993, с. 152].

Глаголы, у которых косвенное дополнение может становиться подлежащим пассивной конструкции, в русском языке действительно единичны, хотя и существуют: *Теперь я извлек из пожелтевшей газетной бумаги портрет и подал его Бунину. — Вы хотите, чтобы я вам что-нибудь написал на память? — спросил Бунин бесстрастно, но, как это ни странно, я вдруг понял, что в глубине души он польщен и моим смущением, и своим портретом* (В. Катаев) — *ему* (дат. падеж) *польстило смущение; Цель достигнута, режим соблюдается автоматически, страх вбит крепко и навсегда* (А. Рыбаков) — *достигнуть цели* (род. падеж); *Женя Преснин, оказывается, знал ее мужа, художника. Это что же, было заранее договорено?* (Ю. Трифонов) — *договориться об этом* (предл. падеж); *Встреча была условлена на пристани в семь утра просто потому, что еще*

⁵⁶ Там же приведены другие две типичные для диалектов разновидности: а) конструкции с формами непереходных глаголов совершенного вида со значением перемещения в пространстве и изменения состояния: *У ней в Щелейки поехали; У них встало уже; У него залезено на елку; У меня уж привыкнуто; До того дожито, дак из ума выжито*; б) конструкции с формами непереходных глаголов несовершенного вида: *Было сизжено и гуляно часов до четырех; У меня везде быто; У него в деревне много жито*. К ним близки употребляющиеся и в литературном языке формы типа *хожено*: *Сколько тут хожено, сколько топтано — вон как вытоптались яминами, будто просели, половицы* (В. Распутин). См. об этих конструкциях также: [Трубинский, 1984, с. 70–137].

никто, кажется, не назначал свиданий так рано (В. Каверин) — *условиться о встрече* (предл. падеж).

Гораздо чаще встречаются пассивные конструкции, в которых дополнение, выраженное не беспредложным вин. падежом, а как-то иначе, сохраняет ту же форму, что и в активной конструкции, а сказуемое принимает фиксированную несогласуемую безличную форму, совпадающую с формой среднего рода [Галкина-Федорук, 1958, с. 258–265; Адамец, 1978, с. 54; Гиро-Вебер, 1984, с. 552–554].

Косвенное дополнение в конструкциях безличного пассива может быть выражено:

1) род. падежом в разных значениях: *Уголовного дела по факту убийства Кирова не возбуждалось* (Известия. 2003. 1 дек.); *Было у него еще одно развлечение, в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, — это по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случалось, б у м а ж е к... было понапихано во все карманы рублей на семьдесят* (А. Чехов); *Ни одного шага не сделано, ни одного решения не принято в ущерб интересам России* (Известия. 2001. 22 окт.);

2) тв. падежом с предлогом *о* в значении объекта содержания: *О Гончаровой не упоминалось вовсе, и о ней я узнала только взрослой* (М. Цветаева); *Марьяша подобострастно смеялась, мать отводила глаза, и Николай понял, что о нем отцу сказано не было* (М. Рошин); *При передаче разговора обо всем этом забыто — и о половых, и об органе, и о соседе-старичке* (А. Чудаков);

3) дат. падежом с предлогом *по* в дистрибутивном (распределительном) значении: *У нее пять кукол, на каждую заведено по дневнику и пять тетрадок* (В. Крупин).

Другой широко распространенный вариант — «встроенность» («инкорпорирование») представления об объекте в значение глагола: *натоптать* ‘оставить следы от грязной обуви’, *наследить* ‘оставить следы’, *ответить* ‘дать ответ’, *накурить* ‘наполнить помещение дымом’, *телеграфировать* ‘дать телеграмму’, *покончить* ‘положить конец’, *спросить* ‘задать вопрос’, *свистнуть* ‘издать свист’, *приказать* ‘дать приказ’, *отказат* ‘дать отрицательный ответ на просьбу’ и т. п.; напр.: *С математикой было покончено. Эта наука не для него* (Д. Гранин); *Худенький, болезненный лакей-коридорный, виновато опустив глаза, объяснял, что завтра покойницу заберут, родственникам телеграфировано* (М. Рошин); *А ты в психушке был? — спрошено было на всякий случай* (А. Минчин); *Во времена Николая I снова пошли гонения на раскольников, и приказано было иконы у них отбирать* (Д. Гранин); — *Свистнуто, не спорю, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно свистнуто, но, если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне!* (М. Булгаков); *Что-то непомерно сильное не позволяло ему*

окончить разговор, хотя **наговорено и выслушано** было достаточно (Ю. Домбровский)⁵⁷.

Аналогичную роль играет неназванность объекта при его непосредственном присутствии в ситуации или самоочевидности; см. объявления типа: *Осторожно, окрашено; Закрыто на 10 минут*, а также: *Роспотребсоюз, Краснодарский край должны «Истоку» сотни миллионов. Так что за товары еще не получено, а налоги за них уже отданы* (Известия. 1992. 23 окт.).

По сравнению со стандартным перераспределением ролей, наблюдающемся в трехлентных конструкциях типа *Президент подписал программу* — *Программа подписана президентом*, в безличном пассиве оно выполняется как бы «наполовину»: субъект уходит с позиции подлежащего, но эта позиция не замещается объектом в силу особенностей его оформления или невыраженности: «Глагол приобретает пассивную форму, но ничто не продвигается в позицию подлежащего — другие именные группы просто сохраняют свои прежние роли» [Кинэн, 1982, с. 269]⁵⁸.

Подразумеваемым субъектом в таких конструкциях, как правило, является человек. Это универсальная тенденция: «Языки, допускающие пассивизацию непереходных глаголов, образуют шкалу, где максимум требуемой агентивности протагониста — это “идеальный” агент, каковым является говорящий. <...> Снижение агентивности связано с ослаблением комплекса требований к протагонисту, в том числе таких, как одушевленность и волитивность» [Сибатани, 1999, с. 280].

Отклонения от этой закономерности очень редки, однако встречаются, причем не только в диалектах: *Ночевано во дворе у коней-то; Это у собаки бежено; Здесь верно у дожджа быто; Нынче рано растаяно* [Матвеевко, 1961, с. 123–125; Кузьмина, Немченко, 1971, с. 108–109], но и в литературном языке: *Стоит куст. С него кора содрана. Под кустом натоптано, наслежено. Следы заячьи* (В. Бианки); *У Любови Ивановны родители живут за городом, в Котуаре, там свой дом, сад, лес рядом, снегу навалено* (М. Рощин) — *снегу навалило*.

Пассивный перфект на -н, -т. Соотношение между конструкциями типа *Это письмо написано вчера* и *Это письмо было написано вчера* П. С. Кузнецов описывал следующим образом: «В предложении типа “Письмо написано” сказуемое выражает законченность действия при наличии результата в настоящее время... В предложении

⁵⁷ Ср. также использование целой серии подобных безлично-пассивных конструкций в «Поэме конца» М. Цветаевой: *Надышано, накурено, А главное — насказано!* <...> *Нашучено, насмеяно, А главное — насчитано!* <...> *Наласкано, налюблено, А главное — натискано!*

⁵⁸ Ср. различные синтаксические интерпретации таких конструкций в работах: [Сидоров, Ильинская, 1949, с. 343–354; Иомдин, 1980, с. 19–28; Храковский, 1991, с. 157; Долинина, 1992, с. 136–138].

нии же типа “Письмо было написано” сказуемое просто констатирует действие, совершенное в прошлом, без какого бы то ни было указания на отнесение этого действия (хотя бы в лице его результата) к настоящему времени. Иными словами, разграничение по значению форм *написано* и *было написано* очень напоминает разграничение по значению перфекта и аориста» [Кузнецов, 1959, с. 105]. К этому можно добавить, что и внутренняя форма конструкций типа *Письмо написано*, в которых для обозначения действия в прошлом используются формы, восходящие к причастиям прошедшего времени, а связь ситуации с моментом речи выражается формой настоящего времени. вспомогательного глагола (в русском языке она обычно нулевая) типична для аналитических форм перфекта в языках мира.

«Наличие результата» для перфекта на *-н, -т* — это прежде всего сохранение непосредственного результата действия, предполагаемого значением предельного глагола: — *Что делается по Павловскому?* — *Устроена засада в месте его наиболее вероятного появления* (В. Богомолов); *Он шлет второе письмо, с сомнением: как же так, деньги посланы, а товару нет, получена ли вами посланная сумма* (Н. Кузьмин). На этом основано различие между перфектом и претеритом на *-н, -т* в следующем примере: *Смурный исчез на секунду в алькове и тотчас вернулся, держа в руке бумагу. — Вот полюбуйтесь, пришло вчера с московской почтой. Переслано из высшей инстанции. Адресовано-то было туда, но они переслали* (Ю. Трифонов).

Помимо сохранения непосредственного результата для употребления перфекта на *-н, -т* могут быть существенны косвенные, индивидуально-ситуативные эффекты действия, значимость которых нередко ограничена относительно узкими временными рамками. Показательны в этой связи следующие замечания А. М. Пешковского и особенно их теперешний анахронизм (они написаны в 20-х гг. прошлого века): «Сейчас никто не скажет *Цезарь убит* (кроме, конечно, историка и беллетриста, переносящегося и переносящего своего читателя в ту эпоху), а скажут *Цезарь был убит*. Напротив, про Воровского и Войкова в день их смерти все говорили, конечно, *Воровский убит, Войков убит*, и в настоящее время можно еще так говорить при обзоре нашего международного положения. <...> И это потому, что смерть Цезаря уже никак не может задеть нас своими непосредственными результатами, а смерть Воровского и Войкова вполне ощутительно задает» [Пешковский, 1956, с. 264].

Сравнивая разные формы одного и того же глагола в следующих двух примерах, можно заметить, что претерит в первом из них служит для констатации факта в прошлом, не связанного с настоящим, а выбор перфекта на *-н, -т* во втором мотивирован сохраняющимися угрызениями совести — косвенным эффектом гибели персонажа: *Белые продержались в городе недели две, и это были недели похо-*

ронные — почти каждый день кого-нибудь провожали. Из знакомых гимназистов **были убиты** Юрий Мартынов, старший брат Андрея, и Ваня Петунин (В. Каверин); И тут я часто вспоминаю Игоря Неждаева, и мне становится совестно перед ним за свое тогдашнее неверие и хочется извиниться перед ним; но некуда идти с повинной: Игорь **убит** на войне в 1943 году (В. Шефнер).

В принципе перфект на *-н*, *-т* может обозначать события любой степени отдаленности от момента речи. Однако при отсутствии указаний на время действия он обычно интерпретируется как обозначающий только что происшедшие события: *В кабинет вошел молодой сержант из райотдела: — Товарищ следователь, задержанная **доставлена** в КПЗ для допроса (С. Родионов); Она вошла в мою комнату и сказала: — Только что кончилось заседание педагогического совета. Весь класс **исключен** (В. Каверин).* На этом свойстве перфекта на *-н*, *-т* основано его использование в газетных сообщениях о новостях: *В Италии **создано** специальное подразделение карабинеров, занимающееся розыском украденных ценностей (Известия. 1985. 5 июня); **Арестован** бывший мэр хакасского города Саяногорска Сергей Бондаренко (Известия. 1999. 1 июля).*

Крайним случаем контактности действия с моментом речи являются перформативные высказывания с перфектом на *-н*, *-т*, когда произнесение высказывания представляет собой осуществление обозначаемого им действия: *Гэгги и Стеценко подошли ко мне, и Гэгги сказал: — Ты **арестован** (Б. Пильняк); Кто-то еще хотел выступить, но какой-то человек, очевидно, из Литфонда, закричал: — Траурный митинг **окончен!** (В. Каверин).*

Особенностью русского перфекта на *-н*, *-т* (отличающей его, например, от перфекта в английском языке) является его совместимость с обстоятельствами времени типа *вчера*, *час назад*, *в 1965 году*. При этом начальная (тематическая) позиция наиболее характерна для обстоятельств времени в сообщениях о новостях: *21 мая на заседании краевой избирательной комиссии **принято решение** удовлетворить просьбу гражданки Поповой (Известия. 1999. 22 мая); В начале 1979 года **спущено на воду** уникальное научно-исследовательское судно «Отто Шмидт», предназначенное специально для работы в Арктике (А. Кондратов), а рематическая позиция обстоятельства времени — для конструкций, выражающих сохранение непосредственного результата: *Неделю назад я выдвинул нижний ящик, гляжу, а там выжжены цифры. Шкаф **сделан** ровно сто лет назад. Каково? А? (А. Чехов).**

Одной из важнейших особенностей перфекта, отличающих его от других форм прошедшего времени, считается его неспособность обозначать последовательность событий: «Для перфекта характерно именно то, что он передает действие вне цепи фактически предшествовавших ему и следовавших за ним событий; он передает действие изолированно, как бы выхваченным из ряда хронологически

сопровождавших его действий. <...> Именно изоляция данного действия из цепи окружающих его действий создает возможность связи между выполненным действием и текущим моментом» [Иванова, 1961, с. 121].

Русский перфект на *-н*, *-т* в целом вполне удовлетворяет этим требованиям. Для обозначения отдельных эпизодов в цепи происходящих одно за другим событий последовательно используется претерит на *-н*, *-т*: *Согласно тем же источникам, мандилион в 40-м году **был увезен** учеником Христа Фаддеем в Эдессу (нынешняя Урфа в Турции), там **спрятан, забыт**, вновь **найден** при восстановительных работах после наводнения 524 года, в 944 году **перевезен** в Константинополь, где **хранился** до 1204 года, после чего бесследно **исчез** (Наука и жизнь. 1984. № 12); Но мое предложение **было выслушано** с недоумением, а затем меня просто **выгнали** на улицу (В. Шефнер).*

Сочетание же нескольких форм перфекта обозначает совокупность одновременных или неупорядоченных во времени действий: *Матенадеран — этажи под землю, а там, в кондиционированных казематах, книги, книги... — А что, они все **прочтены, изучены, описаны?** — Нет, что вы! ничтожная часть (А. Битов).*

Вместе с тем среди употреблений русского перфекта на *-н*, *-т* есть и такие, которые в большей или меньшей степени приближаются к обозначению последовательности действий. Они подразделяются на три группы.

1. Прежде всего, это сочетания форм перфекта типа *окружены* и *ликвидированы*, *арестован* и *казнен*, в которых их порядок отражает реальную последовательность действий и не может быть изменен. Такое употребление перфекта наиболее характерно для сообщений о новостях: *Сегодня, 16 августа, в тылах корпуса, севернее местечка Зоболотье, **окружена** и после отказа сдать **уничтожена** остаточная группа противника в количестве девяти человек (В. Богомолов).* Употребить здесь перфект можно лишь в том случае, если последующее действие не отменяет непосредственного результата предыдущего: *арестован* и (продолжая быть под арестом) *казнен*; *окружена* и (оставаясь окруженной) *уничтожена*. Если же это условие не выполняется, то должен быть употреблен претерит на *-н*, *-т*: *В девятнадцатом году белые искали меня и, пожалуй, **вздернули бы**, хотя я не был ни большевиком, ни комсомольцем. **Вместо** меня **был арестован и отпущен** гимназист К. (В. Каверин) — при невозможности или, по крайней мере, меньшей естественности ²*Вместо* меня *арестован* и *отпущен* гимназист К.⁵⁹*

⁵⁹ Это ограничение характерно именно для современного состояния русского языка. Как показал П. С. Кузнецов, еще двести лет назад формы причастий на *-н*, *-т* без вспомогательного глагола употреблялись гораздо свободнее [Кузнецов, 1959, с. 132–151].

2. Вторую разновидность образуют формы перфекта на *-н*, *-т*, выступающие в контексте повествовательного *настоящего* исторического, где перфект обозначает динамические ситуации, включенные в последовательность событий: *И вот этот самый Александр II уже в своей столице Санкт-Петербурге едет из дворца на развод караула. На обратном пути... под его карету брошена бомба. Взрыв. Убито и ранено несколько казаков императорского конвоя и кое-кто из прохожих. Но судьба еще хранит императора. <...> Но в этот самый момент под его ноги брошена вторая бомба. Он падает (В. Катаев); В 1980 году умирает Владимир Высоцкий, и театр ставит спектакль, посвященный памяти артиста. Власти его запрещают. Запрещена и следующая (1982 г.) постановка Юрия Любимова — пушкинский «Борис Годунов». В 1983 году запрещены репетиции инсценировки булгаковского «Театрального романа». В марте 1984 года Юрий Петрович Любимов освобожден от должности художественного руководителя театра. 11 июля 1984 года... его лишают советского гражданства (Известия. 2000. 14 сент.]*

3. Третью группу составляют разнообразные полипредикативные бинарные конструкции, компоненты которых связаны отношениями обусловленности: *Выньте из фонда бумаги, связанные с одним каким-то лицом — и обломана целая ветвь, и оборваны какие-то ниточки, по которым будущие исследователи добрались бы до открытий, которые невозможно предугадать (М. Чудакова); В самом деле: что может быть проще? Взял щетку, выдавил пасту из тюбика... Минута, другая — и привычная процедура утреннего туалета закончена (Наука и жизнь. 1984. № 12); — Он вернулся сюда — и вот арестован как бродяга (С. Родионов); — Похлопотал бы за ваши пластины — и я оправдан, — говорил Селянин. — Реабилитирован. Более того, уверяю вас, да вы бы мое душевное равновесие за образец приняли (Д. Гранин)⁶⁰.*

Общим для всех этих полипредикативных конструкций является отчетливая эмоциональная окраска: обозначаемая ситуация оценивается как неожиданная для говорящего, внезапная, вызывающая удивление и т. п. Перфект на *н*, *-т* может служить для «констатации неожиданного» и за пределами таких бинарных конструкций: *Отчетливо, металлическим голосом сказал он, дрожа от ненависти: — Второго июля — в три часа ночи — Курикин — во дворе твоего дома — был убит ножом в спину! <...> — Как — убит? — неслышно спросила она (С. Родионов).*

Посессивный перфект. Так называют конструкции с формами на *-н*, *-т*, напоминающие по своему синтаксическому оформлению посессивные конструкции, а в функциональном плане расцениваемые

⁶⁰ Они напоминают конструкции с формами совершенного вида действительного залога в наглядно-примерном значении, однако выражение неограниченной повторяемости для них не обязательно.

как «наиболее поздний и, с общеиндоевропейской точки зрения, третий “раунд” формирования перфектных форм» [Маслов, 1984, с. 44]. В русском языке такие конструкции характеризуются присутствием посессивного распространителя *у +* род. падеж при сохранении глагола *быть* в качестве вспомогательного глагола: *У п а н ы записаны ваши высказывания, Павлик (Д. Гранин); На восемь часов у него было условлено свидание с девушкой из эвакогоспиталя, в котором он весною лежал (В. Богомолов); Иногда на рукописях ставят дату окончания, реже — число, еще реже — с какого по какое писалось, но затраченные часы — это я видел впервые. У Любимцева была подсчитана «стоимость» каждой статьи. <...> Появились специалисты по экономии времени, специальные методические пособия. Большие всего этим занимаются для руководителей предприятий. Подсчитано, что их время — самое дорогое (Д. Гранин)⁶¹.*

В их составе посессивный распространитель функционально сближается с агентивным дополнением пассивной конструкции: *Не сразу он понял обдуманную ею игру. Все, все у нее было обдумано (Д. Гранин); Теперь у меня был намечен такой план (Н. Кузьмин) ≈ Теперь мною был намечен такой план.* Подобно агентивному дополнению, сочетающемуся только с формами страдательного залога, посессивный компонент совместим только с формами на *-н*, *-т*. С другими формами глагола он в этой функции не используется. В предложении *У меня на завтра взяли билет в театр* причастие на *-н*, *-т* нельзя заменить никакой другой глагольной формой, ср. невозможность *?У меня на завтра взял (беру) билет.* Кроме того, поскольку референтом посессивного распространителя в литературном русском языке может быть только лицо, он занимает более высокое положение на «шкале субъектности», нежели подлежащее в этих конструкциях, которое, соответствуя объекту действия, чаще всего оказывается неодушевленным. Следствием этого является приобретение посессивным компонентом некоторых свойств подлежащего [Timberlake, 1976, p. 561; Козинский, Соколовская, 1984, с. 73]⁶².

Участник ситуации, обозначаемый посессивным распространителем, может быть не только непосредственным исполнителем действия (агентом или актором), но и его инициатором (каузаторм) или адресатом (бенефициентом). Возможность оставить недоопределен-

⁶¹ В большинстве других славянских языков, принадлежащих (как и современные романские и германские языки) к языкам, широко использующим глагол *иметь*, посессивные перфектные конструкции с причастиями на *-н*, *-т* отличаются от непосессивных использованием вспомогательного глагола *иметь* вместо глагола *быть*.

⁶² Типологическую параллель этим конструкциям представляет эргативный перфект в индоиранских языках, который развился в ходе реинтерпретации («реанализа») конструктивно сходных конструкций с пассивными причастиями [Пирейко, 1968; Comrie, 1978, p. 368–374].

ной конкретную роль, которую выполняет этот участник ситуации, считается одной из причин роста употребительности этих конструкций в славянских языках.

Как и непосессивные конструкции с формами на *-н*, *-т*, в которых вспомогательный глагол выступает в нулевой форме, соответствующие посессивные конструкции обладают свойствами перфекта, предполагая сохранение непосредственного результата предшествующего действия: *Так вот, в этой папке у меня собраны кое-какие выписки из разных документов, они опубликованы, наиболее интересные я здесь собрал* (А. Рыбаков); *Вера рассказывала о матери, о школе, о том, что у нее уже решено идти после восьмого класса работать* (М. Рошин).

Специфической же особенностью именно посессивных конструкций с формами на *-н*, *-т* является то, что не на р р а т и в н ы м и (неспособными обозначать сменяющие друг друга действия в их хронологической последовательности) в данном случае оказываются и формы прошедшего времени.

Сочетание нескольких таких форм в одном предложении обозначает совокупность хронологически неупорядоченных событий: *С годами вырисовывались преимущества не только такого приема, но и многих других методов его работы. Как будто все у него было рассчитано и задумано на десятилетия вперед* (Д. Гранин). Одиночные же претеритальные конструкции посессивного перфекта на фоне повествования о прошлом неизменно обозначают события, предшествующие основной линии повествования и тем самым исключенные из линейной последовательности событий, но при этом их последствия продолжают быть актуальными в описываемый момент; ср.: *Затем речь зашла о дровах. У дяди Кости и его жены было припасено в подвале на зиму три сажени березовых дров, и жена высказала опасение, что теперь они намокнут и станут хуже осины* (В. Шефнер); *У меня было приготовлено гусиное перо, ибо я помнил, чем пан Твардовский подписывал договор* (Вс. Иванов); *На праздниках, как в прошлом году, я была на балу в мужской гимназии. <...> Вы пригласили меня, и мне все думалось: почему Вы именно меня пригласили?.. У меня почти все танцы были розданы мальчикам, и они обиделись, в особенности один, который думал, что я в него влюблена* (В. Каверин).

Это отличает рассматриваемые конструкции как от непосессивных акциональных конструкций с причастиями на *-н*, *-т*, так и от форм действительного залога прошедшего времени на *-л*. Только по отношению к конструкциям посессивного перфекта термин «перфект» может использоваться в расширительном смысле — как охватывающий и собственно перфект, и плюсквамперфект.

Многозначность форм на *-н*, *-т*. Одной из основных отличительных особенностей форм на *-н*, *-т* является их способность обозначать как завершённое действие, так и состояние, которое может быть результатом этого действия. Примером может служить следую-

щий фрагмент, описывающий общий вид кладбища как результат предшествующих действий, т. е. его тогдашнее состояние: *Наше городское кладбище имело вид увеселительного сада. Вдоль расчищенных аллей насажены были пионы и георгины, устроена роскошная клумба с фонтаном посредине, повсюду поставлены декоративные арки с затейливой резьбой, вырыт пруд, через который перекинут был фигурный ступенчатый мостик* (Н. Кузьмин). В этом фрагменте достаточно заменить слова *имело вид* на *приобрело вид*, чтобы все дальнейшее стало восприниматься как обозначение совокупности действий и изменений, изменивших внешний облик кладбища: *насадили цветы, устроили клумбу, поставили арки, вырыли пруд, перекинули мостик*.

Соответственно первое из этих значений форм на *-н*, *-т* можно назвать *статальным*, а второе — *акциональным*. Формы на *-н*, *-т* в акциональном значении, за редкими исключениями, выступают в функции пассива, так что эти термины можно использовать как практически равнозначные. Что же касается статальных форм на *-н*, *-т*, то среди можно выделить две разновидности:

1) формы, которые обозначают «*первичные*» (непроизводные) статические ситуации, не предполагающие какого-то определенного предшествовавшего сознательного действия или спонтанного изменения: *Отношения феодальной верности были насквозь символизированы и ритуализированы — они имели от начала до конца знаковый характер* (А. Гуревич); *Птицы с северных берегов Сибири, как с удивлением констатируют орнитологи, летят на север, в океан, хотя там, среди островов, ныне известных, ни один не приспособлен для их гнездовки* (А. Кондратов); *Сочетание слов в тексте подчинено существующим в языке синтаксическим правилам* (Д. Шмелев);

2) формы, обозначающие «*вторичные*» (производные) статические ситуации, которые являются результатом предшествующего действия: *Пистолет был не «ТТ», а «Браунинг Лонг 07», калибром девять миллиметров, именно та машина, которая у немецких агентов обычно заряжена разрывными пулями с ядом* (В. Богомолов); *Это озеро было окружено широкой деревянной галереей для прогулок, а всю его акваторию пересекало множество деревянных мостков* (В. Шефнер); *Всего 45 минут был включен телескоп, а подготовка к эксперименту потребовала восьми часов* (Правда. 1981. 10 мая).

Для их различения по отношению к формам, обозначающим производные статические ситуации, используют термин *результатив*, а по отношению к формам, обозначающим непроизводные статические ситуации, — термин *статив* [Недялков, Яхонтов, 1983, с. 7–8; Храковский, 1991, с. 149–154]⁶³. В русском языке их

⁶³ Л. Буланин, одним из первых обративший внимание на неоднозначность русских форм на *-н*, *-т*, в обоих случаях использовал недифференцированное название *статив* [Буланин, 1978, с. 197–202; 1986, с. 79–81].

целесообразно разграничивать прежде всего потому, что способность форм на *-н*, *-т* выполнять функцию результата характеризуется высокой степенью регулярности: ее условием является наличие у действия устойчивого, наблюдаемого и притом специфического именно для данного действия результата, что позволяет описывать его непосредственно, безотносительно к предшествующей ситуации. Стативам же присуща семантически не всегда мотивированная лексическая избирательность, причем в некоторых случаях трудно отличить индивидуально-авторское их употребление от уже закрепленного в языковой практике: *Так, вдоль тихоокеанского побережья Америки... шельф узок. Узкая полоса его, вопреки своему названию (полка) не ровная, а утыкана «гвоздями» подводных утесов и скал* (А. Кондратов); *Бесчисленное множество дат, имен, фактов, которыми так легко оперировал Александр Александрович Любимцев, были уложены в его голове по какой-то хитрой системе* (Д. Гранин).

Тем не менее с точки зрения языковых проявлений стативности результативы и стативы однотипны. К наиболее заметным из них относятся следующие три.

1. Совместимость с показателями *ограниченной и неограниченной длительности*, не характерная для глаголов совершенного вида, но хорошо согласующаяся с неодномоментностью статических ситуаций: *Его студия, вернее, довольно запущенный сарай в глубине небольшого садика, усеянного разбитыми или незаконченными скульптурами, всегда была переполнена посетителями* (В. Катаев); *Нельзя забывать, что череп Гитлера был в течение полувека спрятан в спецхране ЦК КПСС* (Известия. 1998. 15 янв.); *Казалось, до сих пор весь объем этого сырого пространства исчерчен следами пуль* (Д. Гранин).

2. Возможность *кванторной интерпретации* показателей повторяемости, когда они служат для выражения степени характерности признака для данного класса предметов, что является отличительной чертой постоянных и устойчивых статических признаков: *Изменения общего художественного стиля эпохи всегда связаны с большими идеями и общественными сдвигами* (Н. Каминская) — все изменения; *Мелководные банки шельфа очень часто сложены из песка* (А. Кондратов) — очень многие банки шельфа; *В диалоге (или разговоре нескольких лиц) у Достоевского всегда отмечено начальное расположение героев на сценической площадке, положение среди ее предметов* (А. Чудаков) — в каждом диалоге; *Д. Фурманов вел дневник всю свою сознательную жизнь — с 1910 по 1928 год, записи его, как правило, озаглавлены* (М. Чудакова) — большинство записей.

3. Отнесенность показателей времени к *срединному моменту* или периоду существования статической ситуации, что возможно только для длящихся ситуаций: *Когда на другой день*

после обеда я зашел к Волчаниновым, стеклянная дверь в сад была открыта настежь (А. Чехов)⁶⁴; *В девять часов вечера... он поспешил в соседний кабинет, чтобы доложить в Москву о ходе розыска. Телефон «ВЧ» был занят инженер-полковником Никольским* (В. Богомолов). По прагматическим соображениям этот срединный момент в контексте устойчивых состояний может сдвигаться к конечной точке этой ситуации: *Еще в начале пятидесятых годов 85 процентов водораздела было покрыто лесами, сейчас — только 25* (Лит. газета. 1986. 26 сент.); *Не случайно на X Европейском конгрессе ревматологов был еще один необычный участник — большая ревматоидного полиартритом из ПНР Александра Дроги. Полтора года назад она была прикована к постели. За десять лет болезни она перенесла четыре операции, систематически лечилась, вопреки боли тренировалась. На конгресс она пришла на костылях* (Здоровье. 1983. № 11).

В сочетании же с акциональными формами на *-н*, *-т* (как и в сочетании с формами действительного залога на *-л*) показатель времени либо задает интервал, соответствующий длительности динамической фазы ситуации, либо указывает на ее начальную точку: *С о в р е м е н е м все, что имело рыночную стоимость, было продано; все, что было хрупко и ломко, поломалось; все, что было матерчатым, истлело и износилось* (В. Шефнер); *Однако как только старший группы, капитан Алехин, доложил о прибытии, им было приказано немедленно направляться в район Шиловичей* (В. Богомолов).

Поэтому акциональное и статальное осмысления потенциально неоднозначных претеритальных конструкций с причастиями на *-н*, *-т* могут приводить к противоположным выводам, ср. *Только что все было неразрывно связано, приковано друг к другу* (В. Каверин) — при акциональном осмыслении: ‘до сих пор не было связано и только что стало’, а при статальном: ‘до сих пор было связано и только что перестало’; *По мысли Шренка, когда-то в глубокой древности почти вся Азия была населена палеоазиатами* (А. Кондратов) — при акциональном осмыслении: ‘когда-то населили и продолжают населять’, а при статальном: ‘когда-то населяли, но теперь уже нет’.

Это же различие отражает и известный пример О. Есперсена [Есперсен, 1958, с. 320], который он (со ссылкой на Дж. Кёрма) приводит для того, чтобы показать, что английские формы пассива типа *was shut* ‘был закрыт’ неоднозначны, отличаясь в этом отношении от немецкого, имеющего формы двух типов — акциональные,

⁶⁴Ср. аналогичное предложение с глаголом состояния несовершенного вида: *Когда рано утром пришли Валя, теща и теща, Колька лежал на кухне, на полу, уткнувшись лицом в ладони* (В. Шукшин).

образуемые при участии вспомогательного глагола *werden* 'стать' (в традиционной терминологии — *Vorgangspassiv* 'пассив действия'), и статальные, имеющие в своем составе глагол *sein* 'быть' (в традиционной терминологии — *Zustandspassiv* 'пассив состояния'): *When I came at five, the door was shut (war geschlossen), but I do not know when it was shut (geschlossen wurde)* 'Когда я пришел в пять часов, дверь была заперта, но я не знаю, когда она была заперта' (в скобках указаны немецкие соответствия). Русские формы на *-н, -т* в данном случае подобны их английским соответствиям.

Если же обратиться к презентным конструкциям с формами на *-н, -т*, то статальные формы на *-н, -т* совместимы с такими обстоятельствами лишь в том случае, если обозначаемая ситуация может быть переосмыслена как регулярно воспроизводимая. Таким образом, статическая ситуация сохраняет отнесенность к настоящему времени, но только в «сверхдолгом» временном интервале, а настоящий момент в этом случае выделяет серединную фазу в серии повторений однотипных ситуаций: *Зимой Сморгонь занесена глубокими снегами, летом — сплошь лиловая* (В. Катаев); *Этого вопроса насчет соды, невидящих глаз — не забыть. Потому что вдруг глянуло явственно то, что днем скрыто. Ночью обнажается истинное* (Ю. Трифонов); *Ночью в теплушке темно, двери и окна закрыты* (Б. Пильняк). В сочетании же с акциональными формами (перфектом на *-н, -т*) такое обстоятельство обозначает время осуществления действия: *Вот видишь трубу? А рядом с ней длинное здание. Это ТЭЦ. Построена несколько лет назад* (А. Битов).

Значения, выражаемые формами на *-н, -т*, связаны в диахронической перспективе. Как писал Ю. С. Маслов (называвший русский результатив статальным перфектом⁶⁵), «историческое развитие идет, как правило, от статального к акциональному перфекту... а акциональный перфект в дальнейшем в той или иной мере утрачивает перфектную специфику и может превращаться в неперфектное прошедшее время. Таким образом, вырисовывается линия развития: обозначение состояния → статальный перфект → акциональный перфект → неперфектный претерит» [Маслов, 1984, с. 33]. Формы на *-н, -т* могут обозначать ситуации, относящиеся к любому из названных четырех этапов данного пути развития.

Многозначность возвратных глаголов. В соответствии в преобладающей в настоящее время и принятой в данном пособии точкой зрения возвратные глаголы распределяются между двумя залогом: действительным и страдательным. Тем не менее они в целом сохраняют некоторую самостоятельность и обособленность, что

⁶⁵ Впрочем, Ю. С. Маслов использовал термин «статальный перфект» в более широком смысле, распространяя его, в частности, на конструкции с формами прошедшего времени совершенного вида на *-л* типа *Снегу навалило, Он постарел* [Маслов, 1990, с. 203], которые не обладают сочетаемостными особенностями результатава.

связано, с одной стороны, с наличием четкого постфиксального показателя *-ся / -сь*, а с другой стороны, с тем, что значения, выражаемые этим постфиксом, в большинстве своем занимают промежуточное положение между значениями, выражаемыми переходными глаголами действительного залога и глаголами страдательного залога.

Необходимо оговориться, что в данном пособии выражение в *о з в р а т н ы й г л а г о л* используется как обобщающий термин, который отражает только присутствие постфикса *-ся* в составе глагола и не предполагает какой-либо предварительной характеристики его грамматической функции (точно так же мы можем говорить о префиксальных глаголах безотносительно к роли префиксации в видообразовании). В современной русистике представлено и более узкое понимание содержания термина «возвратный глагол», когда он употребляется по отношению лишь к таким глаголам на *-ся*, которые не являются формами страдательного залога; последние в этом случае получают название «возвратные формы» [Исаченко, 1960, с. 374–382; Буланин, 1986, с. 76–79; Шелякин, 1991б, с. 312–317; Клобуков, 1995, с. 197–198]. На практике подобное ограничение сферы употребления термина «возвратный глагол» оказывается очень неудобным, поскольку без обобщающего термина, охватывающего все разновидности глаголов с постфиксом *-ся*, обойтись нельзя.

По происхождению постфикс *-ся* представляет собой безударную (энклитическую) форму вин. падежа возвратного местоимения *себя*. При этом местоимение *себя* используется практически только в собственно возвратном значении — выражении совпадения (однореферентности) объекта действия и его производителя, тогда как постфикс характеризуется очень высокой степенью многозначности.

Возможны два подхода к описанию семантики возвратности. Так, А. М. Пешковский относит к «взаимным» возвратным следующие глаголы: *целуются, обнимаются, ссорятся, мирятся, борются, дерутся, сражаются, сговариваются, соглашаются, сцепляются, раздвигаются, съезжаются, разъезжаются, сдвигаются, раздвигаются, сыгрываются, спеваются* [Пешковский, 1956, с. 114]. Из этого перечня очевидно, что он имеет в виду значение возвратного глагола в целом. Если же рассматривать эти глаголы с позиций синхронного словообразования («деривационно»), то их нужно отнести по крайней мере к шести различным группам [Князев, 1996, с. 50–52]:

1) глаголы *бороться, драться, соглашаться, сражаться*, не употребляющиеся без постфикса *-ся*⁶⁶ или не соотносительные

⁶⁶ Их называют глаголами *reflexiva tantum* 'всегда возвратными'. Сам термин «возвратный» является калькой этого латинского слова; в этом же значении используются и термины «рефлексив», «рефлексивный».

с невозвратным глаголом по смыслу («семантически необратимые»);

2) глаголы *ссориться, мириться*, отличающиеся от исходных *ссорить, мирить* не значением взаимности, а переходом от обозначения внешней каузации состояния двух или нескольких объектов к обозначению действий субъектов, изменяющих свое собственное состояние — а в т о к а у з а ц и и, ср.: *ссорить* ‘вызывать ссору’ — *ссориться* ‘вступать в ссору’;

3) глаголы *сдвинуться, раздвинуться*, в которых значение каузации, присутствующее в переходных глаголах соединения / разъединения *сдвинуть, раздвинуть*, устраняется или отходит в тень (ср.: *Он раздвинул занавес* — *Занавес раздвинулся*); это значение называют декаузативным;

4) мультипликативно-взаимные глаголы *переписываться* — *писать*, *переговариваться* — *говорить*, образуемые с помощью сложного форманта, включающего в себя префикс, суффикс и постфикс;

5) префиксально-постфиксальные глаголы *съехаться* — *ехать*, *разлететься* — *лететь*, *сговориться* — *говорить*, *сыграть* — *играть*, *спеться* — *петь*, семантическое соотношение которых с исходными глаголами не одинаково;

6) собственно взаимно-возвратные глаголы *целоваться, обниматься*, в которых функция постфикса *-ся* состоит именно в привнесении значения взаимности, отсутствующего у исходных глаголов *целовать* и *обнимать*.

Еще более последовательно проводит такого рода «лексикологический» подход к семантическому описанию возвратных глаголов М. А. Шелякин [Шелякин, 1989а, с. 204–207; 1991а, с. 318–326].

Далее в этом разделе рассматриваются именно значения постфикса *-ся*, т. е. тот дополнительный смысл, который привносится в значение исходного невозвратного глагола этим показателем. Вместе с тем обращает на себя внимание следующий интересный факт: многие синхронно необратимые возвратные глаголы попадают в те же семантические группы, которые выделяются при «деривационном» подходе. Так, среди возвратных глаголов, обозначающих «ненамеренные» (и обычно неблагоприятные) действия, есть и обратимые *удариться, обжечься, порезаться*, и необратимые (глаголы *reflexiva tantum*) *заблудиться, оступиться, поскользнуться*.

Невозвратный и возвратный глаголы связывают более сложные отношения, чем глаголы действительного и страдательного залога, поскольку в данном случае может иметь место не только перераспределение ролей (изменение диатезы), но и «перераспределение» референтов. Так, рассматривая переход от *Мать одела ребенка* к *Ребенок оделся* (где глагол выступает в собственно возвратном значении), можно заметить, что объект не только вытесняет субъект

действия из позиции подлежащего, но и приобретает его роль, сохраняя собственную, т. е. выступает и в роли объекта, и в роли субъекта действия.

При классификации значений, выражаемых возвратными глаголами, целесообразно исходить из того, что собственно возвратное значение является начальной точкой семантического развития возвратных глаголов, а функция выражения пассива — одной из последних [Серебренников, 1974, с. 211; Генюшине, Недялков, 1991, с. 273–275; Плунгян, 2000, с. 219–220]. Учитывая, что у глаголов в собственно возвратном значении позицию подлежащего занимает субъект действия (*Мальчик готовится к экзамену*), а в пассиве — объект (*Ракета готовится к старту*), можно сгруппировать семантические группы возвратных глаголов в соответствии со степенью убывания у референта подлежащего свойств субъекта (агенса) и возрастания свойств объекта (пациенса). Промежуточное положение занимают автокаузативные и декаузативные возвратные глаголы, обозначающие ситуации с одним участником, выполняющим одну роль.

Возвратные глаголы подразделяются на субъектные и объектные, что примерно соответствует введенному Н. А. Янко-Триницкой делению возвратных глаголов на отсубъектные, у которых субъектом действия остается субъект действия невозвратного глагола, и отобъектные, у которых субъектом действия становится объект действия невозвратного глагола [Янко-Триницкая, 1962, с. 79–80].

Субъектные возвратные глаголы отличаются большим разнообразием. К ним можно отнести следующие группы глаголов.

1. Максимальная агентивность в сочетании с полной однореферентностью субъекта и объекта присуща собственно рефлексивным глаголам, которые могут обозначать только сознательные действия. В русском языке они образуются преимущественно от глаголов, которые обозначают действия, направленные на внешность или поверхность тела: *мыть* — *мытья*, *вытирать* — *вытираться*, *одевать* — *одеваться*, *закутать* — *закутаться*, *причесывать* — *причесываться* и т. п. Такого рода действия одушевленный субъект чаще всего выполняет над самим собой, а не над кем-либо другим; иначе говоря, им свойственна своего рода «семантическая рефлексивность»: *Кусочек мыла крошечный давали, но на полу можно было собрать обмылки, и Андреев постарался вымыться как следует* (В. Шаламов). К собственно рефлексивным отнесут также небольшую группу глаголов типа *опозориться, унижаться*, выражающих оценку поступка или поведения субъекта, и некоторые глаголы, не имеющие конкретного способа реализации, типа *готовиться*. Основным способом выражения этого значения являются сочетания с местоимением *себя*.

2. По смыслу к ним близки возвратные глаголы с взаимным (реципрокальным) значением. Они обозначают ситуации с

двумя или более участниками, каждый из которых является субъектом действия по отношению к другим участникам и одновременно объектом или адресатом действия с их стороны. Таким образом, для них характерна своего рода «перекрестная однореферентность»: каждый из участников ситуации выступает в двух ролях, но эти роли распределены между разными участниками. Взаимно-возвратные глаголы в русском языке крайне малочисленны. Они могут обозначать:

1) некоторые простейшие действия, которые могут выполняться не только человеком, но и животным и либо прямо направлены на причинение ущерба, либо способны его причинить (*кусаться, толкаться, царапаться, щипаться*): *Они стояли рядом, на трамвайной остановке, прохожие толкались, задевали их плечами* (М. Рощин);

2) «агрессивно-отрицательную речь» (*ругаться, браниться*): *Жить ей у брата было не очень-то весело, только и знали, что по целым дням спорили и ругались* (А. Чехов);

3) конкретные физические действия, связанные с проявлением дружеских или любовных чувств (*обниматься, целоваться*): *Тут мы обнялись и стали целоваться сквозь слезы* (В. Шефнер).

3. Гораздо более многочисленны глаголы «непроизвольного» действия типа *удариться, уколоться, пораниться, свалиться, запутаться, поцарапаться, обжечься*, обозначающие ситуации, в которых одушевленный субъект собственными действиями причиняет себе непреднамеренный ущерб: *Я взял чашку и стоя, обжигаясь, выпил её в несколько глотков* (Ф. Искандер). Каузатором такого рода случайного результата чаще всего бывает «неосторожность человека, потеря контроля над собой — обычно во время какой-то деятельности. Если человек порезал палец, он, например, резал хлеб или просто вертел нож в руках; если человек облил чаем костюм, он держал чашку и у него дрогнула рука или его толкнули» [Кустова, 2004, с. 90].

4. В рефлексивно-каузативных глаголах типа *венчаться, жениться, разводиться, прописаться, уволиться, фотографироваться, стричься (в парикмахерской)* референт подлежащего является объектом действия, но в то же время выступает в качестве инициатора этого действия; непосредственный же его исполнитель может быть факультативно обозначен косвенным дополнением (или — метонимически — обстоятельством), а может и вообще остаться невыраженным: *Он стал очень прилично зарабатывать... немного пополнил, брился и стригся в парикмахерской с одеколоном* (В. Катаев). Таким образом, из агентивных свойств у референта подлежащего остается только роль субъекта каузации.

5. По другой линии отличаются от собственно возвратных глаголов рефлексивно-посессивные (косвенно-возвратные) глаголы, которые опираются на метонимическое отождеств-

ление субъекта с его неотчуждаемой или отчуждаемой принадлежностью: частью тела, одеждой, другими личными вещами и далее с проявлениями психики, с жильем, имуществом, средствами передвижения или с продуктами творчества [Кретов, 1978, с. 162–168]: *Удивившись, Коля Старков опустил руку, прищурился, посмотрел в зал* (В. Липатов) — прищурил глаза; *Гранин задумался, потом сказал: «Только все это не для печати». Я говорю: «Может быть. Я не знаю, где советские писатели черпают темы. Все кругом не для печати...»*. Гранин сказал: *«Вы преувеличиваете. Литератор должен публиковаться»* (С. Довлатов) — публиковать свои произведения. Такие возвратные глаголы очень характерны для современной разговорной речи.

Поскольку объект действия в подобных случаях не назван, он либо устанавливается из конкретной речевой ситуации: *Кандидат экономических наук Анатолий Бондарев в недавней поездке по Испании общался с бизнесменами по электро- и теплоэнергетике, которые в один голос говорили: «У вас есть конкретные проекты? Давайте, мы готовы идти к вам и вкладываться в Россию»* (Известия. 2004. 23 ноября) — вкладывать деньги; либо определяется значением глагола. Последнее, в свою очередь, возможно в двух случаях: либо уже сам исходный глагол сочетается лишь с очень узким классом объектов (как *зажмурить*), либо рефлексивно-посессивный глагол в той или мере лексикализуется, а в его значение «встраивается» некоторый конкретный класс возможных объектов. Строить можно самые разные объекты, а глагол *строиться* в предложениях типа: *Наш сосед строится* может относиться только к строительству своего жилья; аналогично *тратиться* может значить только ‘тратить деньги’, но не бумагу, силы, время или здоровье [Янко-Триницкая, 1962, с. 175].

6. Более высокой степенью деконкретизации объекта характеризуются абсолютивные (активно-безобъектные) возвратные глаголы типа: *Что ты толкаешься?*; *Собака кусается*; *Крапива жжется*; *Эта стена пачкается*, у которых объект действия не связан с субъектом посессивным отношением, а лишь имплицитно присутствует в самом общем виде. Присоединение возвратного постфикса в таких глаголах выполняет функцию, аналогичную опущению прямого объекта переходного глагола в силу его несущественности, очевидности, неопределенности и т. п., ср.: *Он читает книгу* → *Он читает*. У некоторых глаголов возможны оба способа оставить объект неназванным, ср.: *Горчичник сильно жжет / сильно жжется*.

Для абсолютивных возвратных глаголов характерны употребления в потенциально-качественном значении, когда они представляют действие как свойство субъекта. Это, однако, не обязательно; см. употребление глагола *кусаться* при обозначении единичной ситуации с конкретным объектом: *Егорушка все еще не спал и дрожал всем*

телом. <...> *От съеденных арбуза и дыни во рту был неприятный, металлический вкус. К тому же еще кусались блохи* (А. Чехов). Семантически круг таких возвратных глаголов ограничен глаголами, которые обозначают действия или свойства, способные причинить ущерб, при этом их субъектом может быть не только человек или животное, но и неодушевленные предметы.

Представляет интерес значительное (хотя и неполное) сходство лексического состава абсолютных и реципрокальных (взаимно-возвратных) глаголов, ср.: *Посмотри, две коровы бодаются* — реципрок; *Осторожно, коровы бодаются* — абсолютив. Возможно, это связано с наличием некоторых точек соприкосновения между этими значениями. Если исходить из того, что для абсолютного употребления переходных глаголов характерна несущественность конкретного состава возможных объектов действия, то в случае, если субъект неединичен, множества субъектов и объектов действия могут и совпасть по принципу: если все равно кого, то, может быть, и друг друга, а последнее является отличительной особенностью значения взаимности.

7. Важную «пограничную» группу субъектных возвратных глаголов составляют *автокаузативные* глаголы. Этот термин Г. А. Золотова использовала по отношению к парам типа: *Отец передвигает шкаф* — *Отец передвигается с трудом* [Золотова, 1973, с. 287]. Автокаузативные глаголы по смыслу подобны синтаксически непереходным глаголам движения типа *бежать* или *вставать*; на этой семантической основе строятся многие метафорические обозначения движения: *кинуться, броситься*. Именно утраченная в настоящее время автокаузативная мотивировка лежит в основе таких нестандартных видовых пар, как *ложиться* — *лечь* и *сидеться* — *сесть*. Вместе с тем автокаузативные глаголы сохраняют семантическую связь с посессивно-рефлексивными глаголами, ср. близкие по смыслу сочетания с автокаузативным глаголом *сидеть согнувшись* ('согнув свое тело') и с рефлексивно-посессивным глаголом *сидеть сгорбившись* ('сгорбив спину'). Значение автокаузативов могут выражать и возвратные глаголы других семантических групп, ср. соотношения типа: *Их познакомили в девяносто пятом году в Москве* — *был январь, номер в гостинице, суматошная московская зима* (М. Рошин) — *В сорок шестом году они летели вместе на старом «дугласе» из Кенигсберга в Ригу и там познакомились* (М. Рошин).

Типичной чертой автокаузативных возвратных глаголов является одушевленность их субъекта. Это ограничение не является, однако, абсолютным; ср. следующую характеристику транспортных средств: «Будучи вполне неодушевленными, они перемещаются подобно людям (разве что не способны пользоваться транспортным средством), ср.: *машина ехала, повернула, замедлила ход, остановилась* и т. д.; подобно людям, они как бы сами контролируют время своего

прибытия в определенную точку, т. е. в каком-то смысле агентивны» [Падучева, 2004, с. 81]. В то же время некоторые возвратные глаголы движения могут обозначать колебательные или близкие к ним движения, которые даже в сочетании с личным субъектом являются не полностью контролируемыми, напоминая движения природных объектов, обусловленные нецеленаправленным внешним воздействием, что характерно для декаузатива: *шататься от усталости; идти покачиваясь; больной едва шевелится*.

Общей чертой *объектных* возвратных глаголов является неагентивность (или неполная агентивность) референта подлежащего, что и отражается в их названии. Среди них наиболее существенны следующие две разновидности.

1. Декаузативными называют возвратные глаголы, выступающие в парах типа *Ваня открыл (разбил) окно* — *Окно открылось (разбилось)*. Декаузативы образуются от глаголов со значением действия, которое может происходить и самопроизвольно: *нагреться, сыпаться, рваться, охлаждаться* и т. п. К ним примыкают декаузативы, называющие случайные изменения, которые человеком «обычно воспринимаются как ухудшение состояния объекта, частичная или полная потеря им полезных свойств», хотя «физически происходит просто изменение объекта» [Кустова, 2004, с. 409]. Именно поэтому шнурки могут *развязаться*, но не могут сами *завязаться*, часы могут *сломаться*, но не могут *починиться*, а здание или стена может *разрушиться*, но не может *построиться*. В целом же, однако, жесткой связи между декаузативностью и отрицательными последствиями соответствующего события для человека нет. Таковы. декаузативные глаголы с фазовым значением (*начаться, продолжаться, закончиться* и т. п.): *К осени начались в тайге дожди, я стал ужинать в избушке* (Ю. Коваль); *В прошлом году переехали рано, начались майские морозы и продолжались вплоть до сентября* (Н. Тэффи).

По своему значению, как и автокаузативы, это типичные непереходные глаголы, ср. близкие по смыслу глаголы *истлеть* и *износиться*, *остыть* и *нагреться*. Но если у автокаузативов референт подлежащего агентивен, то у декаузативов он, напротив, обладает свойствами объекта (пациенса).

Существенно также, что декаузативность не только отражает определенные онтологические особенности ситуации, но и включает в себя интерпретационный компонент. Поэтому декаузатив может обозначать и такую ситуацию, которая, «являясь частью каузативной ситуации, тем не менее в силу тех или иных причин осмысливается как автономная: *Служитель опустил занавес* — *Занавес опустился*» [Долинина, 1991, с. 328].

Чаще всего такого рода «реконцептуализация» происходит в двух случаях. С одной стороны, это описание внешнего эффекта работы различных устройств, приборов, механизмов и т. п., которые факти-

чески действуют под управлением человека, но его присутствие может быть незаметным. Так, предложение *Занавес опустился* описывает ситуацию с точки зрения сидящего в театральном зале, а фраза *В комнате зажегся свет* естественнее звучит, «если описывает взгляд человека с улицы» [Падучева, 2001, с. 62]. С другой стороны, декаузативы могут использоваться для обозначения агентивных процессов, в которых роль человека может сводиться к их иницированию: *Картошка испеклась*; *Белье выстиралось* (в стиральной машине); *Суп сварился*; *Вода согрелась*. Можно сказать, что при осуществлении таких действий деятельность субъекта состоит в придании объекту начального импульса движения или другого процесса, после чего процесс идет сам по себе.

Существование декаузативов, обозначающих «неавтономные» изменения, которые не могут возникать и протекать сами по себе, тем самым имплицитно внешнюю каузацию в рамках более широкой внешней ситуации [Генюшене, Недялков, 1991, с. 262–263], делает границы декаузативов не очень четкими, сближая их с пассивом.

2. Подгруппу модальных квазипассивных возвратных глаголов составляют объектные конструкции, которые содержат в своем значении дополнительные модальные семантические компоненты, конкретное содержание которых зависит, главным образом, от вида глагола.

Глаголы несовершенного вида в этом случае чаще всего выражают значение возможности или невозможности для предмета подвергаться определенному воздействию, что предполагает наличие у объекта определенных внутренних свойств, способствующих или препятствующих протеканию действия. Как правило, в состав таких конструкций входят соответствующие лексические квалификаторы (*легко, быстро, плохо* и т. п.) или отрицание, которое в данном случае играет аналогичную роль: *Дверь не закрывается*; *Белая одежда легко пачкается* и т. п. Еще один, менее распространенный, семантический вариант объектных модальных конструкций с глаголами несовершенного вида — это разного рода правила, инструкции, рекомендации, предписания: *Сахар прибавляется в самом конце*, см. следующую фразу из учебника для лыжников: *В начале выноса палка держится без напряжения большим и указательным пальцами и по мере продвижения вперед плотно подхватывается остальными*.

Для модальных квазипассивных глаголов совершенного вида характерно появление дополнительного модального значения неожиданности, удачи, случайности, неполной контролируемости описываемого события: *Пятно отмылось*; *Свитер еле-еле натянулся*.

Значения, выражаемые в данном подтипе возвратных глаголов глаголами несовершенного вида (их называют по-разному: модально-пассивными, пассивно-качественными, характеризующе-каче-

ственными, потенциально-пассивными), традиционно выделяются либо как особое значение пассива, либо как разновидность непассивных возвратных глаголов, см.: [Исаченко, 1960, с. 389; Янко-Триницкая, 1962, с. 113–118; Бондарко, 1976, с. 243; Буланин, 1986, с. 19–20; Храковский, 1991, с. 175–176]. Резюмируя высказывавшиеся по этому вопросу точки зрения, можно сказать, что рассмотрение этих конструкций в рамках пассива вполне возможно, поскольку по своему значению они согласуются с пассивно-качественным значением, выделяемым у несовершенного вида. Вместе с тем в любом случае желательно различать среди объектных возвратных конструкций те, в которых выражаются те или иные модальные значения, и те, которые не имеют дополнительной модальной окраски.

Кроме того, различение модальных и немодальных возвратных глаголов важно и для задач грамматической типологии, поскольку объектно-модальные возвратные глаголы есть и в языках, не использующих показатель возвратности для маркировки пассива, причем «налицо односторонняя импликация: если в языке есть рефлексивный пассив, то в нем есть и квазипассивные РГ (= возвратные глаголы), но не наоборот» [Генюшене, Недялков, 1991, с. 267]. Иллюстрацией справедливости этого обобщения может служить и русский язык, в котором близкие к пассиву модально окрашенные конструкции с возвратными глаголами совершенного вида типа *Статья быстро написалась* достаточно употребительны, а модально неокрашенные практически отсутствуют.

Особую проблему составляет связь между возвратностью и непереходностью глагола.

Непереходность чаще всего называют в качестве свойства, характеризующего все русские возвратные глаголы: «Общая функция -ся — устранение переходности глагола или усиление его непереходности» [Виноградов, 1947, с. 630] и в более развернутом виде: «Точно так же, как отдельные значения несовершенного и совершенного вида представляют собой только модификации (особенные проявления) единых значений совершенного и несовершенного вида, так и различные значения возвратных глаголов представляют собой в своем большинстве только модификации единого медиального (непереходного) залога. Все эти отдельные значения объединяются общим значением медиальности (непереходности) и своей общей противопоставленностью глаголам действительного (переходного) залога» [Мучник, 1971, с. 86].

Между тем этот вопрос до конца не ясен. Если различать синтаксическую и семантическую переходность, то можно сказать, что возвратные глаголы в русском языке действительно в своем подавляющем большинстве синтаксически непереходны. Тем не менее исключения все же возможны. Так, возвратный глагол *бояться* довольно часто употребляется в сочетании с беспредложным вин. па-

дежом: *И бояться нам надо не Японию, а другие страны* (Власть. 2007. 16 апр.); *Если раньше чеченцы только боялись оло-нецкую милицию, то теперь еще и зауважали* (Известия. 2006. 28 ноября)⁶⁷.

В этой связи можно упомянуть и такие префиксальные возвратные глаголы, как *напиться воды, наестся хлеба, начитаться детективов*, которые сочетаются с дополнением в род. падеже. Невозвратные кумулятивные глаголы, выступающие в сходных по значению конструкциях с генитивным объектом типа *нарвать цветов, купить книг*, традиционно рассматриваются как переходные⁶⁸.

Что же касается пассивных возвратных глаголов типа *дом перестраивается*, то они явно семантически переходны, поскольку предполагают наличие агенса (в данном случае прямо не названного), который своими сознательными целенаправленными действиями видоизменяет объект приложения усилий — дом; ср. оценку пассивных конструкций с точки зрения их отношения к переходности / непереходности у А. В. Бондарко: «Пассивные конструкции оказываются той позицией, в которой переходность глагола полностью сохраняется в ее семантическом аспекте» [ТФГ, 1992, с. 119].

Явно семантически переходными являются также собственно возвратные и взаимовозвратные глаголы, обозначающие ситуации, в которых одно и то же лицо является и субъектом, и объектом действия, но эти две роли четко различаются. В этом отношении показательно, что А. А. Шахматов, в целом разделявший точку зрения о непереходности возвратных глаголов, делал исключение для собственно возвратных: «Формы на *-ся* во всех случаях, кроме собственно-возвратного залога (*я моюсь*), указывают на безобъективность глагола» [Шахматов, 1941а, с. 476].

Возможно, однако, что и собственно семантические способы решения проблем, связанных с трудностями однозначной интерпретации возвратных глаголов в их отношении к переходности / непереходности, еще не исчерпаны. Имеется в виду выдвинутая сравнительно недавно и практически одновременно несколькими исследователями идея, в соответствии с которой отличительной особенностью возвратных глаголов является то, что они обознача-

⁶⁷ О допустимости вин. падежа дополнения у глагола *бояться* (наряду с более обычным род. падежом) и о семантическом различии между фразами *Боясь этой собаки* и *Боясь эту собаку* см.: [Mel'čuk, Iordanskaja, 1995, p. 120–121; Зализняк, 2006, с. 82]. Следует все же заметить, что сочетания возвратных глаголов с беспредложным вин. падежом прямого дополнения остаются за пределами строго нормированной речи.

⁶⁸ Существенно, впрочем, что степень переходности действий типа *напиться воды* меньше, чем у действий типа *выпил воду*. Как писал об этих глаголах А. А. Шахматов, *-ся* в них «показывает, что данное действие так или иначе подействовало на его производителя (или удовлетворив его, или, напротив, истощив)», т. е. характеризует их значение как воздействие на субъект, а не на объект [Шахматов, 1941а, с. 478].

ют ситуации, основной участник которых совмещает несколько семантических ролей.

По отношению к русскому языку эту мысль высказал М. А. Шелякин, по мнению которого, «возвратные глаголы всегда указывают на действия, субъект которых так или иначе затронут как объект или имеет свойства, присущие объекту» [Шелякин, 1991б, с. 317]. Следует заметить, что очень близкую трактовку общего значения русских возвратных глаголов предлагал в свое время А. М. Пешковский: «Между “действующим предметом”, или субъектом глагольного признака, и самим глагольным признаком есть определенная связь, именно связь создания признака. Эту связь выражает, стало быть, всякий глагол — и возвратный, и невозвратный. В возвратных же глаголах мы находим еще другие связи субъекта с создаваемым им признаком, помимо связи самого создания. Связи эти очень разнообразны, и общее между ними только то, что они именно “другие”, что они все наслаиваются на основную связь, выраженную в каждом глаголе. Вот это и есть общее значение нашего возвратного залога» [Пешковский 1956, с. 122].

По сравнению с «замкнутостью в сфере субъекта» «совмещение ролей» как семантический признак, объединяющий различные значения возвратных глаголов, представляется более привлекательным, в силу его большей семантической прозрачности и меньшей противоречивости.

Следует, однако, иметь в виду, что и этот признак также, видимо, не является универсальным. Кроме того, и это самое главное, какие бы решения проблемы семантического инварианта возвратности ни предлагались, при изучении любого показателя возвратности сохраняется необходимость установления набора значений, которые он может выражать, и возможности их лексического наполнения. Предсказать и то и другое на основе какого бы то ни было семантического инварианта, даже если иметь в виду ограниченность круга значений, выражаемых с помощью возвратных глаголов, невозможно. Достаточно сказать, что в качестве инварианта признак «совмещение ролей» применим не только к постфиксу *-ся*, но и к возвратному местоимению *себя*, хотя круг выражаемых ими значений различается очень существенно.

§ 5. Категория наклонения

Общая характеристика. Категория наклонения — это словоизменятельная морфологическая категория глагола, служащая для выражения отношения содержания высказывания к действительности с точки зрения его реальности / ирреальности (соответствия / несоответствия действительности). Это отношение принято называть объективной модальностью, которая

должна присутствовать в каждом предложении⁶⁹. В свою очередь, целесообразно различать две разновидности ирреальности — «позитивную» и «негативную». В случае «позитивной» ирреальности «акцент делается на потенциальности ситуации, которая мыслится как возможная, желательная и т. п.», тогда как «негативная» ирреальность «обычно включает отрицание»: это обозначение того, что не осуществилось и уже не может осуществиться [Касевич, 1988: 67].

В русском языке выделяют три наклонения: **изъявительное** (индикатив), **повелительное** (императив) и **сослагательное**. Изъявительное наклонение называют также **прямым**, а повелительное и сослагательное — **косвенными**. Общим признаком косвенных наклонений является то, что они предназначены для выражения разных видов ирреальности — того, что действия в действительности нет, но что оно или должно произойти, или могло бы произойти при известных условиях. Особые формальные показатели имеют повелительное и сослагательное наклонения. Изъявительное наклонение специализированных показателей не имеет; в их роли выступают показатели форм категорий времени и лица.

По наклонениям изменяются только личные (спрягаемые) формы глагола, что является их отличительной приметой. Деепричастия, причастия и инфинитив стоят вне категории наклонения. Впрочем, в современных письменных текстах встречаются формы сослагательного наклонения у действительных причастий прошедшего времени типа *позволивший бы*, а инфинитив используется для выражения целого ряда модальных значений (ср.: *Мне здесь не пройти; Съездить бы туда; Немедленно встать!*) и во многих отношениях близок косвенному наклонению.

Изъявительное наклонение (индикатив). Общим значением изъявительного наклонения считается выражение значения «реальности в широком смысле слова». «Реальное» при таком понимании — это не только то, что имеет или имело место в действительности, но и обозначаемые индикативом «ситуации, в которых есть элементы ирреальности»: возможность, необходимость, желание

⁶⁹ К объективной модальности относят лексические средства выражения возможности, желания, долженствования с позиции говорящего словами разных частей речи, ср.: *Не ходи туда!* и: *Ты не должен ходить туда; Тебе не надо ходить туда; Я не хочу, чтобы ты ходил туда*. Объективная модальность противопоставляется субъективной модальности, к которой относят прежде всего оценку говорящим степени его уверенности в достоверности своего высказывания; основным средством ее выражения являются вводно-модальные слова: *Он, может быть (конечно), придет*. При более широком понимании модальности сюда включают также эмоционально-экспрессивное выражение согласия или несогласия, одобрения или неодобрения, предостережения, угрозы, удивления, сожаления, подчеркивания и т. п. с помощью частиц, особых синтаксических конструкций, порядка слов, интонации и др.: *Отвечай же! Стану я его слушать! Так я ему и поверил! Зачем он только туда ходил!*

[Бондарко, 1990в, с. 73]. Таким образом, изъявительное наклонение совмещает модальные значения реальности и «позитивной» ирреальности⁷⁰.

На этом свойстве изъявительного наклонения основывается использование форм 2-го лица настоящего времени несовершенного вида и будущего времени совершенного вида в побудительных высказываниях: *Потом он сформулировал мое задание: — «Едешь в Калифорнию. Участвуешь в симпозиуме “Новая Россия”. Записываешь на пленку все самое интересное. Берешь интервью у самых знаменитых диссидентов. Дополняешь все это собственными размышлениями, которые можно почерпнуть у Шрагина, Турчина или Буковского. И в результате готовишь четыре передачи, каждая минут на двадцать»* (С. Довлатов); *Ты ответишь ее [собаку] к генералу и спросишь там. Скажешь, что я прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу...* (А. Чехов); *Сейчас эмку заправьте, поедете в полевой госпиталь, найдете Сафонова, из-под земли достанете и узнаете, что с майором* (К. Симонов).

При обозначении неблагоприятных событий формы 2-го лица будущего времени совершенного вида используются также для выражения предостережения (это значение называют **превентивным**): *Потом мы взбирались по лестнице с риском упасть... — Упадешь! — крикнула мне снизу Витя Койфман... — Смотри, упадешь! Крича это, она смеялась, как будто, если бы я упал, это было бы смешно* (Ю. Олеша); [Мефистофель:] *Я подожду в саду...* (идет к окну). [Маргарита:] *Ты расшибеешься*. [Мефистофель:] *Не бойся* (С. Алешин). Такие высказывания близки по значению формам повелительного наклонения совершенного вида с отрицанием типа *Не упади!*, специализированным на выражении превентивного значения, отличаясь от них, в частности, подчеркиванием непосредственной близости угрозы нежелательного развития событий, ср.: *Упадешь!* (вот-вот) — *Не упади!* (когда пойдешь на улицу).

Кроме того, формы прошедшего времени глаголов *пойти, поехать, взять* могут использоваться:

1) для выражения побуждения к совместному действию: [Таисия Петровна:] *Надо, что поделаешь. Пойди, поиди*. [Анна Степановна:] *Да там дела на две минуты — все на выход, и все. Пошли-ка*. [Нина:] *<...> Пошли, тетя Аня. Я только куртку надену*. (Л. Петрушевская);

2) в функции императива 2-го лица: *Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и закричал отчаянным голосом: «Пошел!» — Куда? — спросил извозчик. — Пошел прямо!* (Н. Гоголь).

⁷⁰ Аналогичное соединение собственно реального и потенциального («позитивно» ирреального) характерно и для обычного языка, в котором *реальным* (и особенно *вполне реальным* или *совершенно реальным*) очень часто называют то, что достижимо только в будущем, а в действительности еще не имеет места, напр.: *Пробиться на Олимпиаде в тройку призеров вполне реально* (Известия. 2002. 3 янв.).

Как отмечает А. Барентсен, формы *пошли* и *поехали* стали использоваться в функции побуждения к совместному действию совсем недавно — только во второй половине XX в.: «в начале XX в. данная функция еще только слабо представлена, а в исследованных нами текстах XIX в. она полностью отсутствует» [Барентсен, 2004, с. 22]. М. А. Шелякин относит их к формам повелительного наклонения, омонимичным формам прошедшего времени [Шелякин, 1989а, с. 183–184].

Сослагательное наклонение. Сослагательное наклонение выражается аналитическими формами, которые состоят из прошедшего времени на *-л* и частицы *бы*: *делал бы*, *сделал бы*. Исторически они восходят к сочетаниям форм на *-л* и спрягаемого вспомогательного глагола в формах аориста глагола *быть*. Впоследствии вспомогательный глагол в составе этих конструкций перестал спрягаться, закрепившись в форме 2–3-го лица единственного числа *бы* для всех лиц и чисел. Поэтому формы сослагательного наклонения, как и формы прошедшего времени, изменяясь по родам и числам: *жил бы*, *жила бы*, *жило бы*, *жили бы*, — не различают л и ц о я: *я жил бы*, *ты жил бы*, *он жил бы*.

Частица *бы* может отделяться от формы на *-л* и занимать в предложении разное положение, интонационно и линейно присоединяясь к другим словам; при этом сама она остается всегда безударной: *Я бы туда ни за что не поехал*; *Только бы ты-то мне верила* (Ф. Достоевский). Такого рода языковые единицы, занимающие промежуточное положение между аффиксом и словоформой, называют к л и т и к а м и [Плунгян 2000, с. 28–33]. Особенно характерно для частицы *бы* образование более или менее устойчивых комплексов с другими служебными словами: *лишь бы*, *только бы*, *хоть бы*, *вот бы*, *кто (что, где) бы то ни было*. Из такого комплекса возник широко употребительный союз *чтобы*, в составе которого *бы* утратило отделимость⁷¹.

Частица *бы* может употребляться и в предложениях, не содержащих глагольных форм на *-л*:

1) в сочетании с инфинитивом: *Горе мне с ним, поступить бы ему на службу, что ли* (А. Чехов); *Холодно. Окна кое-как заклеил, да все-таки дует, видишь ли. Печку бы поставить* (В. Катаев); *Только бы уснуть скорее, чтобы больше не думать, только бы уснуть, уснуть* (А. Арбузов); — *Куда мы теперь?* — *спросил Васька Рябов. — Вот если бы с девушками познакомиться, — мечтательно произнес он, — да к ним бы в гости зайти, и не то что волю давать, а так посидеть* (С. Довлатов);

2) в безглагольных предложениях: — *Домой бы, товарищ лейтенант!* — *мечтательно заговорил осевшим после долгого молчания*

⁷¹ Формы на *-л* в предложениях с этим союзом иногда интерпретируются как обычные формы прошедшего времени: «Формы прошедшего времени в сочетании с союзом *чтобы* имеют значение сослагательного наклонения» [Камынина, 1999, с. 174].

голосом часовой (Ю. Бондарев); — *Эх, теперь бы да крепкого чаю с малинкой!* (А. Белый).

В таких предложениях выражается значение желательности (оптативности).

Частица *бы* может относиться сразу к нескольким формам на *-л*, т. е. выступать в качестве «группового показателя» [Плунгян, 2000, с. 34]: *И не пил бы и не ел — всё бы слушал да глядел* (А. Пушкин). *Ах, на пароход бы сейчас... где-нибудь в Индийском океане... куда-нибудь на Цейлон пристать... в джунгли, в леса забраться...* (И. Шмелев)⁷².

Таким образом, частица *бы* сохраняет значительную автономность, не ограничиваясь функцией образования форм сослагательного наклонения. Процесс ее грамматикализации не завершен.

Помимо категорий числа и рода формы сослагательного наклонения обладают категориями вида и залога, ср. употребление форм пассива совершенного и несовершенного видов в следующем предложении: *Я убеждена также, что Модест — великий художник и что, при других условиях жизни, его имя было бы вписано в золотую книгу человечества и всеми повторялось бы с трепетом восхищения* (В. Брюсов). По временам сослагательное наклонение не изменяется. При этом оно может обозначать действия, относящиеся к любому временному плану: настоящему, прошедшему и будущему. Конкретная временная отнесенность определяется общим смыслом высказывания, наличием соответствующих лексических показателей или каким-то иным косвенным путем.

Частные значения сослагательного наклонения. Общим значением сослагательного наклонения можно считать в ы р а ж е н и е и р р е а л ь н о с т и, которая может быть и «позитивной», и «негативной».

Исключение составляет употребление форм сослагательного наклонения глаголов волеизъявления, возможности, долженствования, а также глаголов, обозначающих речемыслительные процессы, в 1-м лице ед. числа для снижения категоричности утверждения, ср. равнозначность сослагательного и изъявительного наклонений в следующих парах предложений: *Я хотел бы (хочу) сейчас отдохнуть; Вам следовало бы (следует) помочь ему; Я считал бы (считаю), что такой учебник нужен; Я ответил бы (отвечу) на это так...; Я просил бы (прошу) вас выйти; Я бы предложил (предлагаю) следующее*, а также: *Так как завтра мне предстоит платеж процентов в земельный банк, то я просил бы вас, судары-*

⁷² Как видно из приведенных примеров, для частицы *бы* во всех типах употребления очень характерна позиция после первого ударного слова в предложении. Эту особенность порядка слов для безударных и слабоударных частиц называют з а к о н о м В а к к е р н а г е л я — в честь швейцарского лингвиста Якоба Ваккернагеля (1853–1938), который обнаружил действие этой закономерности в древних индоевропейских языках.

ня, *уплатить мне деньги сегодня же* (А. Чехов), где форму *просил бы* можно заменить на *прошу* без изменения общего смысла высказывания..

Используя в подобных случаях форму сослагательного наклонения, говорящий фактически осуществляет соответствующее действие, но представляет его только желательным (т. е. как бы еще не осуществленным). Таким образом, значение ирреальности здесь по существу не утрачивается⁷³.

Собственно ирреальные употребления сослагательного наклонения делятся на три группы.

1. К первой из них относятся значения, которые можно назвать условно-гипотетическими. Наиболее отчетливо оно выражается в условных конструкциях разного типа: *Учился бы ты хорошо, все были бы довольны; Если бы я знал это заранее, я бы все сделал иначе; Играет он на рояле великолепно, как настоящий пианист, и если бы он не был офицером, то наверно был бы знаменитым музыкантом* (А. Чехов); *Он захотел поухаживать, позвал. Она пришла. Не хотела бы — не пришла* (В. Токарева). Такие употребления косвенных наклонений, в которых реализация одной ситуации ставится в зависимость от реализации другой ситуации, называются *кондиционалом*.

В русском языке в условных конструкциях может употребляться и изъявительное, и сослагательное наклонение, причем в реальных условных конструкциях употребляются индикативные глагольные формы, а в ирреальных условных конструкциях — сослагательное наклонение, ср.: *Если он придет вовремя, он нам поможет* — реализация этих событий еще возможна, но: *Если бы он пришел вовремя, он бы нам помог* — названные события уже не могут произойти (в этом случае говорят также о *контрафактическом условии*)⁷⁴.

За пределами условных конструкций «негативная» ирреальность выражается в синтаксически самостоятельных предложениях типа: *Из него вышел бы хороший пианист; Он мог бы учиться лучше; В горах он бы быстро поправился; Без вашей помощи я бы этого не сделал*. Ситуация, обозначаемая в таких случаях сослагательным наклонением, не имеет места в действительности, но тем самым — по контрасту — утверждается реальность противоположного поло-

⁷³ Совершенно аналогичное использование форм французского кондиционала называют *метатетическими*; о соответствующих русских употреблениях см.: [Гвоздев, 1967, с. 333; Падучева, 1985, с. 137]. В сходной «смягчительной» функции могут употребляться и сочетания с глаголом *хотеть*: *Хочу вас попросить...; Хочу вам напомнить...; Хочу извиниться перед вами*. Хотя, в соответствии с буквальным смыслом этих высказываний, говорящий сообщает в них лишь о своих намерениях, фактически он выполняет названное в них речевое действие.

⁷⁴ Такое распределение наклонений в зависимости от типа условия соответствует основной тенденции, наблюдающейся в языках мира, см.: [Храковский, 1998, с. 111–114].

жения дел, выражаемого индикативом, ср. соответственно: *Из него не вышел хороший пианист; Он не стал учиться лучше; Он не был в горах и не поправился; Вы мне помогли, и я это сделал*.

Еще одну разновидность «гипотетических» употреблений форм сослагательного наклонения составляет их использование в изъявительных придаточных предложениях, зависящих от слов типа *хотеть, велеть, приказать, распорядиться, нужно, сомневаться*, а также глаголов в форме повелительного наклонения, которые могут создавать контекст «снятой утвердительности»: *Я хочу, чтобы в этом доме зазвенели детские голоса, чтобы в нем поселился мир и покой* (В. Шукшин); *Нужно, чтобы девочки воспитывались и учились вместе с мальчиками, чтобы те и другие были всегда вместе* (А. Чехов); *Впрочем, я сомневаюсь, чтобы он уцелел* (Вс. Гаршин); *Боюсь, брусничная вода мне не наделала вреда* (А. Пушкин)⁷⁵. Сослагательное наклонение в таком случае обозначает ситуацию, возможная реализация которой отнесена в будущее, т. е. выражает «позитивную» ирреальность, поэтому его иногда можно заменить будущим временем изъявительного наклонения в том же значении: *сомневаюсь, что уцелеет; боюсь, что наделает вреда* и т. п.. Прошедшее же время изъявительного наклонения в аналогичном контексте обозначало бы реальную ситуацию в прошлом, ср.: *Напиши, чтобы прислали книги* — книг еще нет, но их присылка желательна, но: *Напиши, что прислали книги* — книги уже здесь.

2. В самостоятельном употреблении, при отсутствии эксплицитно выраженного условия, сослагательное наклонение выражает *желательность (оптативность)*: *Мне хочется играть... Я бы сыграла что-нибудь* (А. Чехов); *Возвращался бы он скорее!; Я бы в летчики пошел, пусть меня научат* (В. Маяковский); *Еще бы раз все бы повторилось! Черт с ним, что угрюмый, он не виноват* (В. Шукшин); *И вот, пожалуйста: сразу непостижимый, душу сосущий, захватывающий ужас. И сил нет оторваться, и жутко. Хоть бы завтра дедушка не хворал, хоть бы он пришел, курил бы, лежал на лавке, накрывшись тулупом (он не мог спать на кровати под одеялом), чтобы бы он... Мы бы... я бы снова стал читать этого «Вия» и дочитал бы до конца. — Ты не бойся, сынок, сти. Книжка она и есть книжка, выдуманно все* (В. Шукшин).

3. В высказываниях с формами сослагательного наклонения, выражающих желание, обращенное к слушателю, возникает значение

⁷⁵ Косвенное наклонение, употребление которого обусловлено синтаксической зависимостью от слов со значением желания, возможности, необходимости, обычно называют *контративом*. Именно этот тип употребления отражает введенный Мелетием Смотрицким в 1619 г. термин *сослагательное наклонение* (букв. «соединительное» или «связывательное»), воспроизводящий внутреннюю форму латинского термина *modus conjunctivus* (от лат. *con + jungere* — соединять).

п о б у ж д е н и я, обычно смягченного: — *Ты бы поел чего-нибудь, Прошка!* (Д. Мамин-Сибиряк); — *Ты бы спать ложилась, нянечка, уже поздно* (А. Чехов); — *Товарищ комиссар, вы бы домой пошли, — советуют ему ребята, — вы же вон как устали* (Л. Кассиль); — *Не путался бы ты, Федя, под ногами!* (П. Бажов).

Таким образом, семантическое разнообразие сослагательного наклонения довольно велико. Поэтому самым подходящим для него является именно такое, традиционное название, которое утратило внутреннюю форму и не ориентировано на какой-либо конкретный тип его употребления.

Повелительное наклонение (императив). В своем первичном значении императив «обозначает действие, побуждаемое говорящим для исполнения и адресованное какому-либо лицу» [Шелякин, 1989а, с. 187]. В типичной речевой ситуации таким лицом является собеседник, поэтому о с н о в н ы м и (ц е н т р а л ь н ы м и) ф о р м а м и императива являются форма 2-го лица ед. числа *пиши, читай, кинь* и образуемая путем присоединения к ней аффикса *-те* форма мн. числа *пишите, читайте, киньте*⁷⁶. Кроме того, в качестве периферийных форм повелительного наклонения или лишь «примыкающих» к императиву выделяются императивные формы совместного действия типа *давай споем* и формы 3-го лица с частицей *пусть*. Крайнюю периферию составляют конструкции, которые можно считать формами императива 1-го лица ед. числа типа *дай заиду* [Гвоздев, 1967, с. 330; Бондарко, 1976, с. 218; Распопов, Ломов, 1984, с. 117–118; Шелякин, 1989а, с. 189–190; Храковский, 1990, с. 191–195].

Ко всем формам императива со значением приказа, просьбы или предложения может присоединяться постпозитивная энклитическая частица *-ка*: *Расскажи-ка что-нибудь, Иван Петрович* (А. Чехов); — *Сядьте-ка, — вдруг повелительно сказал Воланд. Маргарита изменилась в лице и села* (М. Булгаков); *Пойдем-ка посмотреть, нет ли красных грибов под елками* (В. Набоков); *Дело заканчивалось тем, что кто-нибудь взывал: «Споёмте-ка лучше, девчонки!»* (В. Астафьев); *Ты молчалив? и диковат? и нелюдим? Ты не молчи, давай-ка, брат, поговорим...* (И. Трояновский); *Послушайте, давайте-ка познакомимся, все равно ведь придется* (Е. Замятин); *Он продолжал: — Наверно, думаете: «Пусть-ка он ответит, почему мы отступаем? Почему немцы уже столько времени нас гонят? Почему мы подпустили их к Москве? Пусть на это ответит!»* Ведь думаете так? (А. Бек).

Эта частица (фактически представляющая собой постфикс) «выражает идею неформального равенства между участниками речевого акта» [Храковский, Володин, 1986, с. 184]. Ее употребление всегда факультативно. Вместе с тем, поскольку она используется

только в императивных конструкциях, ее присутствие может способствовать различению императивных и индикативных форм в тех случаях, когда они совпадают.

Императивные формы 2-го лица. Форма 2-го лица повелительного наклонения, строящаяся на базе основы настоящего времени, имеет три основных варианта: в формах типа *читай* она представляет собой чистую основу (*чита/ј-и/т*), в формах типа *кинь* конечный парно-твердый согласный основы чередуется с парным мягким (ср.: *кин-ут*), а в формах типа *кричи* к основе присоединяется аффикс *-и*. В русской описательной грамматике не принято рассматривать чередования в качестве самостоятельного грамматического показателя, хотя теоретически это и допускается. Поэтому в первых двух случаях показатель императива считается нулевым в противоположность четко выделяемому показателю *-и* в формах типа *кричи*.

Этот показатель императива называют и окончанием (флексией), и словоизменительным суффиксом. Если проводить различие между этими двумя разновидностями аффиксов, то целесообразней пользоваться вторым названием. Флексиями принято называть словоизменительные аффиксы, которые используются для выражения связи слов в предложении, — в русском языке к ним относятся род, число, падеж и лицо. Императивный показатель в этой функции не используется, поэтому более последовательно считать его словоизменительным суффиксом, помещая в один ряд с показателями прошедшего времени, причастий, деепричастий и инфинитива.

Вместе с тем следует отметить, что по этой же причине затруднена однозначная квалификация постфикса *-те*, служащего в формах повелительного наклонения показателем множественного числа. С одной стороны, в отличие от всех русских флексий, кумулятивно выражающих сразу несколько грамматических значений, аффикс *-те* выражает только значение множественного числа, а кроме того, характеризуется значительной степенью автономности, поскольку может использоваться в этой же функции и в других формах повелительного наклонения (ср.: *пойдем — пойдёмте, давай пойдём — давайте пойдём*). На этом основании А. М. Пешковский давал ему следующую характеристику: «это не обычный для русского языка аффикс, а скорее “надставка” агглютинативного типа» [Пешковский, 1956, с. 19; см. также: Виноградов, 1947, с. 590–598]. С другой стороны, он, подобно обычным лично-числовым окончаниям, участвует в согласовании по числу с подлежащим в тех (впрочем, довольно редких) случаях, когда в предложении с глаголом в форме повелительного наклонения употребляется подлежащее, выраженное личным местоимением, ср.: *В ы начинайте промывку желтой породы, доведете на лотке, а я займусь осколками камней* (И. Ефремов), но: — *Ты гляди кругом, — говорил мне Прохор, ковыряя шилом лапоть, — ты присматривайся, милый человек, чем каждая птица или, скажем, иная какая живность дышит* (К. Паустовский).

⁷⁶ Правила образования форм повелительного наклонения и отступления от них описаны на с. 430.

Императивные формы совместного действия. Такое название получили формы, совпадающие с формами 1-го лица мн. числа будущего времени изъявительного наклонения, но выражающие значение побуждения к действию: *Прошу вас, — продолжала она умоляющим голосом и сложила руки на груди, — прошу, относитесь к нам как добрые соседи, будем жить в мире!* (А. Чехов); *Сашка, милый, пойдём домой, пойдём домой, ради бога, — взмолилась Вера, видно, чутьем угадавшая, что творится в душе мужа* (В. Шукшин).

От форм изъявительного наклонения их отличает невозможность введения местоименного подлежащего и способность сочетаться с частицей *давай*: — *Давай отнесем эту рыбу моей маме на уху, а после обеда снова пойдём* (В. Драгунский); — *Таня, — сказал он тихо и доверительно, — давай будем дружить, а?* (В. Аксенов); — *Давай посидим, поговорим про детей* (В. Шукшин); — *Давай, Павел, вернемся в Россию — вернемся в большой город, можно в Москву* (В. Маканин). Формы несовершенного вида могут в этом случае употребляться и без спрягаемого глагола, ср.: *Давай вместе работать* (вместо: *давай будем работать*): *сначала ты попили, а я отдохну, потом я попилю — ты отдыхать будешь* (Н. Носов).

Еще одна отличительная черта этих конструкций состоит в том, что в число исполнителей действия обязательно включается слушающий, и, таким образом, они выражают и *н к л ю з и в н о е* значение. Для аналогичных форм изъявительного наклонения это не обязательно: фраза *Мы пойдём в кино* может иметь и инклюзивную интерпретацию ‘я и ты’, и эксклюзивную ‘я и он (она, они)’.

Формы совместного действия могут включать в свой состав постфикс множественного числа *-те*, который может присоединяться к разным компонентам этих конструкций, но чаще всего к частице *давай*: *Пойдёмте*, Семен Семеныч, — продолжала Елена Ивановна, обращаясь исключительно ко мне, — *посмотримте* лучше обезьян (Ф. Достоевский); *Поедемте*, — ласково предложила, даже скорее попросила меня Софа и слегка дотронулась до моего плеча (Ю. Домбровский); *Будемте говорить прямо и откровенно* (А. Куприн); *А он опять смеется, он все смеялся, подлец: «Давайте не будем делать поспешных выводов, давайте подождём немного»* (Е. Попов); *Ребята, давайте придумаем что-нибудь интересное* (В. Губарев).

Поскольку формы с *-те* могут использоваться при вежливом обращении к одному лицу, а форма без *-те* может относиться и к нескольким собеседникам, числовое различие между ними проявляется неотчетливо.

Императивные формы 3-го лица. Основанием для выделения этих форм является возможность использовать сочетания форм настоящего и будущего времени с частицей *пусть* (или *пускай*) для выражения побуждения, обращенного к лицу, не участвующему в данном речевом акте: *А деньги за избу пусть на книжку себе поло-*

жит (В. Шукшин); *Если Наташка боится, то пусть спит, скажи ей, пускай спать ложится, если пугается* (Ю. Мамлеев); *Как только Яцеров освободится, пусть зайдет, — сказал я секретарше, вернувшись в кабинет* (М. Мишин).

По сравнению с формами совместного действия, особенно теми из них, которые включают в свой состав частицу *давай* или постфикс *-те*, сочетания с *пусть* в императивном значении выделяются гораздо менее отчетливо. Они слабо отделены от основной массы разнообразных сочетаний с *пусть*, где выражаются значения желательности, допущения, уступительности и т. п.: *Пусть всегда будет солнце, Пусть всегда будет небо, Пусть всегда будет мама, Пусть всегда буду я!* (Л. Ошанин); *Пусть резкий, холодный ветер бьет в лицо и кусает руки, пусть комья снега, подброшенные копытами, падают на шапку, за воротник, на шею, на грудь, пусть визжат полозья и обрываются постромки и вальки, чёрт с ними совсем!* (А. Чехов); *Пусть хоть пожалеют меня эти милые люди, — меня, у которого нет любви* (Л. Андреев).

Среди средств выражения побудительности упоминают и частицу *да* [Шведова 1980, с. 725]. Сочетания этой частицы с формами 3-го лица (по происхождению это старославянизмы) используются для выражения пожеланий, обращенных преимущественно, но не исключительно, к высшим силам: *Да ниспоишет нам всем господь силы и разум пережить русское лихолетие!* (М. Булгаков); — *Да пошлют ему боги долгую жизнь, — тотчас же подхватил Пилат, — и всеобщий мир* (М. Булгаков); *И да скажет смирившийся грешник, подобно благоразумному разбойнику, припав к подножию креста: «Помяни мя, господи, во царствии твоём»* (В. Катаев); *На это я отвечу словами Сенеки: «Да будет мне позволено молчать»* (Ю. Домбровский); *Разом наступила тишина. — Чего вы хотите, товарищ Борисов? Чтобы наше собрание шло без руля, без ветрил, по воле божьей? Да здравствует полная анархия, и пусть в партийное руководство попадают случайные, никому не известные люди?* (Д. Гранин); *Да простит меня Федин, что я решаюсь писать об этом* (К. Паустовский); *Чтоб и крестьянин жил в довольстве, и рабочий сыт, — да не будет ни одной незасеянной полосы!* (В. Маяковский).

Императивные формы 1-го лица. К периферийным формам повелительного наклонения можно отнести и сочетания индикативных форм 1-го лица ед. числа с частицами *дай* (*давай, дайте, давайте*) и *-ка* [см. о них: Храковский, Володин, 1986, с. 115–119]. Их близость к императиву наиболее отчетливо ощущается в двух типах употреблений:

1) в ситуации внутреннего диалога говорящего с самим собой: *Полковник покачал головой и задумался. Наступило молчание. «Почитай-ка ему свое произведение, — надумал Зельтерский. — Там у меня где-то роман валяется, в гимназии еще писал... Авось службу сослу-*

жит» (А. Чехов); *Тут решил пройтись по Парижу, хоть глянуть-то на него перед возвращением на родину. Ходил, ходил, ездил в автобусах, объясняясь по преимуществу мычанием, и, наконец, проголодался, как зверь, заехал куда-то, чёрт его знает куда. «Дай, думает, зайду в ресторанчик, перекушу»* (М. Булгаков); *Мне становится весело. Покопался на нутро «своего» пиджака — и там всё на месте: и деньги, и удостоверение. Дай-ка его разгляжу* (С. Юрский);

2) при желании говорящего получить от слушающего согласие или разрешение выполнить данное действие: — *Дайте-ка я попробую ваш пульт, голубчик; вам, вероятно, нездоровится!* (В. Катаев); *Красноперов деликатно отступил. — Хочешь, понесу твой чемодан? — спросил незнакомец. — Что вы? — запротестовал наш герой. — Я уже дома. — Давай помогу, — настаивал человек. — Это совершенно лишнее. — А я всё равно помогу. — Ни в коем случае* (С. Довлатов); — *А может, они вовсе не те, за кого себя выдают? Может, в группе четверо и передачу с движения вчера вели двое других?.. Все же поставим точку!* **Взгляну-ка** я на них в упор и пощупаю документы, — предложил Алехин; он смотрел на Полякова, ожидая одобрения (В. Богомолов); *Все привыкли к тому, что Суслakov на заседаниях курил «Пальмиру», а академики табак и махорку и что, выходя из подъезда Академии, не ему говорили знаменитые люди: «Давайте подвезу», а он, подходя к своему ЗИСу, говорил знаменитым людям: «Давайте подвезу»* (В. Гроссман).

По своему строению эти конструкции подобны императивным конструкциям совместного действия. Показательно, что В. В. Виноградов рассматривал конструкции *давай поможем* и *дай посмотри* вместе и давал им единую характеристику. Он видел в них пример того, что «частицы модально-императивного типа» могут приближать изъявительное наклонение «к области повелительного наклонения» [Виноградов, 1947, с. 590].

Многозначность форм императива. Тот факт, что императив предназначен для выражения прямого побуждения к выполнению действия, оказывает большое влияние на функционирование этого наклонения. С одной стороны, императив совместим только с такими глаголами, которые обозначают контролируемые и выполнимые действия. С другой стороны, это первичное значение императива может реализовываться только в условиях речевого акта побуждения. Даже переход от цитирования к пересказу требует замены повелительного наклонения другими формами: *Короче, рецепт долголетия по Аксту таков: будь снисходительнее к своему организму, пореже занимайся спортом, постарайся избегать стрессов и поменьше ешь.* <...> *Акст* отмечает три основных момента, влияющих на продолжительность жизни. **Надо** меньше заниматься спортом, **избегать** стрессов, поменьше **есть** (Итоги. 2004. 24 авг.).

Вместе с тем для русского императива характерна очень высокая степень многозначности.

1. Среди вторичных значений императива к первичному значению императива ближе всего императивные высказывания со значением необходимости и возможности, которые возникают при устранении семантического компонента «прямая речевая каузация» Такой эффект вызывает д e к o н к р e т и з и р o в a н н o с т ь а д р e с a т a в л o з y н г a x , п р e д y п р e ж д a ю щ и х н a д п и с я х , п р a в и л a x п o в e д e н и я , р e к o м e н д a ц и я x и т . п . , г д e «происходит переход от собственно императивного акта к обобщенной констатации необходимости и целесообразности всегда поступать определенным образом» [Бондарко, 1990а, с. 86], ср.: **Мойте** руки перед едой → *Перед едой следует мыть* руки и т. п.

2. Гораздо дальше от первичного значения императива отстоят конструкции, которые не предполагают даже условного, как в лозунгах и призывах, акта речевой каузации, но при этом сохраняют идею детерминированности ситуации некоторым внешним фактором: сложившимся положением вещей, жизненными обстоятельствами, ходом событий и т. п. Такие конструкции выражают значения н e o б x o д и м o с т и и в o з м o ж н o с т и : *В-васек убит.. и ротный... и к-комбат... А я... ищи и собирай* окурки (В. Богомолов); *Я крикнул солнцу: «Дармоед! Занежен в облаках ты, А тут не знай ни зим, ни лет Сиди, рисуй* плакаты (В. Маяковский); *Над Мурманском — ни туч, ни облаков / И хоть сейчас лети до Ашхабада* (В. Высоцкий); *Добрый доктор Айболит Он под деревом сидит. Приходи к нему лечиться и корова, и волчица, и жучок, и червячок, и медведица* (К. Чуковский).

3. Следующая ступень отдаления от первичного значения императива — использование форм императива в полипредикативных высказываниях со значением o б у с л o в л e н н o с т и : *Грамотность вредна мужику: выучи его, так он, пожалуй, и пахать не станет* (И. Гончаров); — *Ты говоришь, что у нас все скверно и что будет переворот; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга условное дело, и на это я тебе скажу: что ты лучший мой друг, ты это знаешь, но, составь вы тайное общество, начини вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг повиноваться ему. И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадрой и рубить — ни на секунду не задумаясь и пойду* (Л. Толстой); *И мы убедились, что манустанов можно было есть сколько угодно, и все время не будешь ощущать тяжести в желудке. В каждом из них насчитывалось пять-шесть белоснежных зерен, окруженных розовой мякотью. Попробуйте ее, и во рту останется надолго необыкновенный характерный запах фрукта* (А. Новиков-Прибой); *Да будь я и негром преклонных годов, и то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин* (В. Маяковский).

Наиболее вероятный источник этой функции форм императива — переосмысление, которое происходит при соединении упот-

ребленных рядом самостоятельных побудительного и повествовательного высказываний в единое семанτικο-синтаксическое целое, ср.: *Поезжайте на лето в деревню. Вы вернетесь здоровым* → *Поезжайте на лето в деревню — вы вернетесь здоровым.*

4. «Драматическим императивом» А. В. Исаченко назвал использование императива для обозначения реального действия в прошлом [Исаченко, 1957]: *А тут еще, как нарочно, подвернись другой знакомый нам гимназист, сын городского доктора, — и начни хвастаться новыми, и не серебряными, а томпаковыми часами, которые подарила ему его бабушка...* (И. Тургенев); *Аннушка, наша Аннушка! С Садовой! Это ее работа! Взяла она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то о вертушку и разбей!* (М. Булгаков); *Погубили ее именины. Да, Лялька-рыжяся позвала ее на именины, а она и пойдди, дура такая!* (Л. Гинзбург).

В таких случаях императив обозначает реальную ситуацию, которая «возникает неожиданно, как бы вопреки здравому смыслу и предшествующей ситуации» [Храковский, Володин, 1986, с. 245]. По отношению к «драматическому императиву» дискуссионным является даже вопрос об его генетической связи с формами повелительного наклонения. Так, А. А. Шахматов высказал предположение, что употребление императива «в значении прошедшего», возможно, «вызвано влиянием аориста», поскольку у глаголов на *-ить* в ед. числе формы 2-го лица повелительного наклонения и 2–3-го лица аориста совпадали (полностью или с точностью до ударения) [Шахматов, 1941а, с. 200–201]. Можно, впрочем, допустить и возможность связи «драматического императива» с его первичным значением. В типичной императивной ситуации субъект каузируемого действия контролирует ее лишь частично, поскольку его инициатором является говорящий, который произносит императивное высказывание. Поэтому адресату императивного высказывания необходимость выполнять названное в нем действие вполне может казаться неожиданной и немотивированной: цель ставит перед собой один человек (говорящий), а достигать результата должен другой (адресат).

Как показывает приведенный выше анализ некоторых вторичных значений императива, практически каждое из них требует отдельного объяснения. Вместе с тем, при всем многообразии конкретных путей семантической деривации, у них есть общая черта: наиболее специфический компонент первичного значения императива — прямая речевая каузация изменения действительности, т. е. собственно значение побуждения к действию, — утрачивается самым первым. Он неизбежно теряется уже при переводе императивного высказывания в косвенную речь, даже тогда, когда говорящий стремится к максимальному сохранению смысла высказывания. Однако даже в самых удаленных от первичного значения употреблениях императива, в том числе и в «драматическом императиве», у которого вообще нет никаких общих семантических признаков с первичным

значением императива, можно увидеть некоторые следы восприятия побудительного высказывания его адресатом.

Вид в повелительном наклонении. Поскольку использование повелительного наклонения, как правило, направлено на изменение существующего положения вещей, функциональное назначение императива хорошо согласуется с общим значением совершенного вида, понимаемого как «смена ситуации» или «возникновение новой ситуации». Вместе с тем «нет смысла побуждать адресата к действию, которое он и так делает в момент речи» [Шатуновский, 2004, с. 254], а потому интрагерминальные употребления несовершенного вида, где он наиболее четко противопоставлен совершенному виду, встречаются относительно редко. В результате с и н х р о н н а я точка зрения на ситуацию (наиболее характерная для несовершенного вида) чаще всего сменяется п р о с п е к т и в н о й и противопоставление видов в повелительном наклонении в той или иной мере модифицируется⁷⁷.

Выбор вида в императиве зависит прежде всего от единичности либо повторяемости действия: в первом случае употребляется совершенный вид, во втором — несовершенный вид, ср.: *Воймите / мойте руки перед едой; Уходя погасите / гасите свет; Проветри / проветривай помещение перед работой*, а также: *Он ужасный дурак, а все-таки ты ему сделай, что он тебя просит* (Л. Толстой), но: *Живи тихонько, спокойненько, а — упрямо! Слушай всех, а делай, как тебе лучше* (М. Горький).

При обозначении единичной ситуации ближе всего к актуально-длительному значению такие употребления несовершенного вида в императиве, когда выражается побуждение к возобновлению прерванного действия, к его продолжению с другими параметрами или стремление преодолеть колебания адресата побуждения [Рассудова, 1968, с. 101–111; Падучева, 1996, с. 71–75]: *Что же вы остановились? Пишите!*; *Я вас не слышу. Говорите громче, пожалуйста; Ну что же ты? Не бойся. Входи, входи!* Если же необходимость совершения действия не очевидна и не вытекает из общей ситуации или контекста, то употребляется форма совершенного вида: *Скажите ему, что я ухожу; Передайте мне, пожалуйста, соль.*

В других случаях при употреблении несовершенного вида возникают такие дополнительные семантические эффекты, как предельная приближенность к моменту высказывания или естественность в данной ситуации: *Садись и читай заданный рассказ, но: Прочитайте дома этот рассказ; Вы, наверное, устали с дороги. Садитесь, пожалуйста, но: Может, тебе что-нибудь нужно? — вернувшись, снова спросил Сережа у матери. — Включи телевизор. <...> Он*

⁷⁷ Проблема выбора вида в предложениях с формами повелительного наклонения относится к числу активно обсуждаемых; см., в частности: [Рассудова, 1968, с. 101–114; Храковский, 1990, с. 217–231; Шатуновский, 1996, с. 348–359].

включил телевизор, сделав звук потише. — *Сядь поближе*, — *попросила мать* (П. Васильев).

Для выражения запрета формами повелительного наклонения при наличии отрицания используются глаголы несовершенного вида. В результате в тех случаях, когда при передаче единичных действий без отрицания используется совершенный вид, в соответствующем отрицательном предложении вид глагола меняется, ср.: *Напомни ему о нашем разговоре — Не напоминай ему о нашем разговоре; Возьмите его с собой — Не берите его с собой*. Что же касается глаголов совершенного вида, то они в отрицательных императивных предложениях выражают значение предостережения (превентивности): *Не простудись!*; *Не опоздай на поезд!*; *Не поскользнься!* [Булыгина, 1982, с. 73–75; Бирюлин, 1992, с. 1–22; Шатуновский, 2004, с. 278–279]. Сходное значение опасения могут выражать также отрицательные предложения с глаголами совершенного вида в форме инфинитива с частицей *бы* и сослагательного наклонения: *Не простудиться бы тебе; Не простудился бы ты*.

Образование форм повелительного наклонения. Форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа образуется двумя основными способами: с помощью суффикса *-и* или с помощью нулевого суффикса.

Как правило, показатель императива присоединяется к основе настоящего времени. Исключение составляют:

1) глаголы *вставить*, *доставать*, *оставаться*, *давать*, *узнавать* с нестандартным соотношением основ настоящего и прошедшего времени: сегмент *-ва-* в формах настоящего времени усекается и прибавляется суффикс *-j-*, ср.: *вставать — встаю (вста/j/-у)*. В формах повелительного наклонения этих глаголов *-ва-* сохраняется, и к этой основе (совпадающей с основой инфинитива) присоединяется *-j-* (графически *-й*), который можно считать и показателем основы настоящего времени, и дополнительным вариантом показателя императива: *вставай*, *доставай* и т. п.;

2) глаголы архаического спряжения *дать*, *создать*, *есть* (в значении ‘питаться’). У первых двух из них императив образуется также, как и у глаголов предыдущей группы: *да-ть — да-й*, *созда-ть — созда-й*, а глагол *есть* имеет нестандартную форму повелительного наклонения *ешь*;

3) глагола *ехать* в качестве нормативной формы повелительного наклонения используется словоформа *поезжай*: *Поезжай скорее домой* (гипотетический глагол **поезжать*, с которым эта форма морфологически соотносится, в других формах не употребляется)⁷⁸.

⁷⁸ За пределами стандартизированной речи используется и морфологически закономерная форма императива этого глагола *едь*: — *Все, поехали! Шофер, держи [деньги], только едь плавно, моего Шурика тошинит* (Р. Карцев).

Относительно реже встречающийся вариант показателя императива *-и* используется при образовании форм повелительного наклонения следующих групп глаголов:

1) глаголов с основой настоящего времени не на /j/ и с ударением на флексии в форме 1-го лица ед. числа: *смотрим — смотр-и*, *крич-у — крич-и*, *пиш-у — пиш-и*;

2) глаголов с основой настоящего времени на /j/, инфинитивом на *-ить* и ударением на флексии в форме 1-го лица ед. числа: *тайть — таю (j/-у) — таи (j/-и)*, *пойть — пою — пои (но: неть — пою — пои)*;

3) глаголов разных классов с ударением на основе в форме 1-го лица ед. числа, при условии, что основа оканчивается на сочетание согласных: *закончить — закончу — закончи*, *прыгнуть — прыгну — прыгни*;

4) глаголов с ударным префиксом *вы-*: *вынес-ти — вынес-ут — вынес-и*, *выписа-ть — выпиши-ут — выпиши-и*.

Остальные глаголы имеют нулевой показатель повелительного наклонения. При этом можно отметить следующие особенности:

1) глаголы *бить*, *лечь*, *пить*, *шить* с корневым *-и-* имеют на его месте в формах императива гласный *-е-*: *бить — бью — бей*, *лечь — лью — лей*; таким образом, в этих корнях имеет место чередование /i/, /j/ и /ej/;

2) правилу о смягчении парного конечного твердого согласного не подчиняется заднеязычный согласный /g/, сохраняющийся в формах императива: *лягут — ляг⁷⁹*;

3) в глаголах с основой на непарный твердый или мягкий шипящий используется графический показатель императива — буква *ь*; ср.: *отрезать — отрежут — отрежь*, *услышать — услышат — услышь*, *прятать — прячут — прячь*.

§ 6. Категория времени

Общая характеристика. Грамматическое время служит для ориентации действия, названного в предложении, относительно некоторой точки отсчета. В языке основной такой точкой служит момент, в который произносится данное предложение, — момент речи, или, по выражению Ю. С. Маслова, «hic et nunc» ‘здесь и теперь’ говорящего лица [Маслов, 1978, с. 6], а основными разновидностями временных отношений — одновременность, предшество-

⁷⁹ Впрочем, в языке XIX в. и в современном просторечии встречается и форма императива с «переходным смягчением» *ляжь*: *Наляжьте [вместо налягте] тяжестью пальца на натянутую струну — она лопнет* (Л. Толстой); *Женя наконец созналась подруге в любви к этому человеку, отделенному от нее пропастью («Ты только предствай, он мне говорил: ляжь!»)* (Т. Набатникова).

вание и следование во времени, в соответствии с чем различают настоящее, прошедшее и будущее время⁸⁰. Поэтому категорию времени, вслед за австрийским психологом и лингвистом 1-й половины XX в. К. Бюлером, называют дейктической. Наряду с категорией времени для выражения дейктических отношений используются отдельные разряды местоимений и наречий, а также глагольная категория лица.

Ориентацию действия по отношению к моменту речи⁸¹ называют абсолютной, а соответствующее употребление форм времени — абсолютным употреблением. Помимо этого возможно и относительное употребление форм времени, что типично для изъявительных придаточных предложений, когда «временной дейктический центр представляет собой момент той речи или мысли, того чувства или восприятия, содержание которых раскрывается в придаточном предложении» [Бондарко, 1990в, с. 15], см. также: [Падучева, 1996, с. 266], ср.: — Я обязательно **приеду** (абсолютное употребление в прямой речи) и: *Он сказал, что обязательно **приедет*** (относительное употребление в пересказе). Можно отметить, кстати, что в русском языке при переходе от абсолютной ориентации к относительной в данном случае меняется только форма лица, тогда как, например, в английском изменилась бы и форма времени.

По другой линии проводится разграничение двух основных типов («режимов») употребления форм времени и вообще единиц языка: речевого (диалогического) и повествовательного (нарративного). Речевой режим — это использование форм времени в реальной речевой ситуации, где говорящий и адресат конкретны, индивидуальны и связаны единством времени и места; его ближайшим аналогом являются информационные сообщения о новостях: *Сейчас партизан Шенгелия **находится** в следственном изоляторе, куда, согласно официальной версии, он **явился** добровольно* (Эксперт. 2000. 18 сент.); повествовательный режим — это повествование, которое предполагает полную или хотя бы частичную утрату связи содержания высказывания с ситуацией речи. В этом случае формы настоящего времени вообще могут отсутствовать, а его роль начинает выполнять «условно прошедшее»: *Проводив жениха, **Надя***

⁸⁰ В роли относительных прилагательных для них используются латинизированные названия *презентный* — для настоящего времени, *претеритальный* — для прошедшего, *футуральный* — для будущего времени. Широко употребляются также слова *темпоральный*, *темпоральность* (от лат. tempus, tempora — время) в значении «относящийся к времени».

⁸¹ Понятие «момента речи» является сложным и противоречивым. В качестве очень удачной его интерпретации можно привести следующее высказывание Н. Д. Арутюновой: «Речевые акты всегда имеют протяженность; соответствующее им событие ее лишено» [Арутюнова, 1988, с. 176]. Иначе говоря, речь как произнесение каких-то слов — это процесс, а акт речи как выражение сообщения, просьбы, вопроса — это точка, т. е. именно «момент».

пошла к себе наверх, где жила с матерью (нижний этаж занимала бабушка). Внизу, в зале, стали тушить огни, а Саша все еще сидел и пил чай (А. Чехов). А. В. Бондарко использует в сходном смысле различие ситуативно актуализованного и ситуативно неактуализованного типов речи [Бондарко, 1990в, с. 10–13].

Помимо этого выделяют переносные употребления временных форм, когда они употребляются в контексте, не согласующемся с их первичным (прямым) значением. Наиболее известным примером такого рода употребления является настоящее историческое: *Как-то **вызвал. Проговорили несколько часов. О рынке ценных бумаг. Пока ему не надоело. Заулыбался. Прикладывает палец к губам. Мол, молчок. Набирает премьеры. А какая, спрашивает, сейчас доходность по ГКО? Тот: немедленно запрошу Минфин, сразу доложу. Кладет трубку. Надо же, говорит, не знает. А я знаю! Гляжу на него: сияет от удовольствия. Вот такой был человек...*** (Известия. 2007. 18 июля).

Эти различительные признаки могут различным образом комбинироваться. Так, настоящее историческое — это не только переносное значение форм настоящего времени, но и один из самых типичных приемов построения повествовательного текста, ср. его характеристику у А. М. Пешковского: «Оно очень распространено и в обыденной речи, которая переходит на него всякий раз, как превращается из разговора в рассказ» [Пешковский, 1956, с. 209–210].

Формы времени изъявительного наклонения. То или иное отношение к времени присуще любому высказыванию. Так, «позитивная» ирреальность предполагает отнесенность в будущее, так как только в будущем может реализоваться то, что сейчас еще только возможно, и наоборот, «негативная» ирреальность отнесена в прошлое, поскольку само разграничение осуществленного и неосуществленного приложимо только к событиям прошлого. Поэтому при обозначении желаемого, т. е. потенциально осуществимого, и повелительное, и сослагательное наклонения имеют футуральную временную отнесенность, ср. близкие по значению предложения с формами этих наклонений: *Прочитай эту книгу* и *Я хочу, чтобы ты прочитал эту книгу*. Если же сослагательное наклонение используется для выражения «негативной» ирреальности, например в предложениях типа *На твоём месте я **поступил бы по-другому***, это означает, что возможность альтернативного развития событий имела место только в прошлом.

Самостоятельное выражение временной отнесенности возможно только по отношению к реальным событиям, из чего следует, что наиболее полное проявление словоизменительная категория времени получает в изъявительном наклонении.

В изъявительном наклонении различаются пять форм времени. Глаголы несовершенного вида имеют три формы времени: *строю, строил, буду строить*, которые называют соответственно формами

настоящего, прошедшего и будущего времени. У глаголов совершенного вида есть только две формы: *построил* и *построю*, которые называют обычно формами прошедшего и будущего времени. Формы типа *построю* называют также «настоящим-будущим» совершенного вида, см. напр.: [Бондарко, 1971а, с. 55].

Показателем прошлого времени, единым для глаголов обоих видов, является суффикс *-л*, к которому присоединяются окончания рода и числа, аналогичные окончаниям кратких прилагательных: *строил, строила, строило, строили*. Формы лица у них отсутствуют. Связано это с тем, что формы на *-л* по происхождению представляют собой краткие действительные причастия⁸², входившие в состав аналитических форм перфекта, в которых значения лица и числа выражались спрягаемым вспомогательным глаголом *быть*, впоследствии утраченным. Формы настоящего времени не имеют собственного морфологического показателя; их отличительной приметой являются окончания лица и числа: *читаю, читаешь, читаем* и т. п. Кроме того, различие настоящего времени несовершенного вида и будущего совершенного опирается только на вид глагола, ср.: *читаю* (несовершенный вид, настоящее время) — *прочитаю* (совершенный вид, будущее время). Будущее несовершенного вида, в отличие от других временных форм, образуется аналитически, с помощью сочетания спрягаемого глагола *быть* и неизменяемой формы инфинитива: *буду читать, будешь читать, будем читать* и т. п. Поэтому формы будущего времени несовершенного и совершенного видов называют также соответственно *будущим простым (прочитаю)* и *будущим сложным (буду читать)*.

В редуцированном виде (без форм будущего) категория времени свойственна причастиям: *читающий — читавший*, а также, хотя и в крайне ограниченном объеме, деепричастиям: *(не) читая — (не) читав*. Особую систему времен имеет изъявительное наклонение страдательного залога глаголов совершенного вида.

Время и вид. Значения, выражаемые формами времени, зависят не только от временной отнесенности, но и от вида глагола. Поэтому по отношению к русскому языку, как правило, говорят не о временных, а о видо-временных формах глагола.

Существование тесной внутренней связи между видом и временем считается очевидным фактом, не требующим обоснования. Типичным в этом отношении является следующее высказывание: «Грамматической категорией, наиболее близкой к виду, является, как известно, категория глагольного времени» [Маслов, 1978, с. 5]. Между тем из прямого сопоставления дейктической категории времени, ориенти-

⁸² В современном языке они воспринимаются как отглагольные прилагательные: *бывалый, запоздалый, захудалый, обледенелый, усталый*. В качестве действительных причастий их вытеснили формы на *-ший, -вший*.

рующей действие относительно момента речи, и недейктической категории вида, понимаемой как средство представления характера протекания действия, остается неясным, на чем, собственно, основывается связь этих двух категорий.

Если же исходить из «темпорального» подхода к толкованию видовых значений, то параллелизм между основными значениями несовершенного и совершенного видов, с одной стороны, и значениями настоящего и прошедшего времени — с другой, оказывается достаточно прозрачным. Одновременность с моментом речи, выражаемая настоящим временем, соответствует синхронной позиции наблюдателя, характерной для актуально-длительного, неограниченно-кратного и других близких к ним значений несовершенного вида. В свою очередь, предшествование моменту речи, выражаемое формами прошедшего времени в речевом (ситуативно актуализованном) режиме, соответствует ретроспективной позиции наблюдателя, которая передается глаголами совершенного вида в подавляющем большинстве употреблений.

Настоящее время. Считается, что настоящее время характеризуется значительной семантической сложностью. В отличие от прошедшего и будущего, имеющих «естественную границу», в качестве которой выступает момент речи, определяющий конечную точку прошедшего и начальную точку будущего, настоящее время подобных ограничений не имеет. Хотя формы настоящего являются основным средством обозначения происходящего на глазах говорящего, «границы грамматического настоящего могут, так сказать, выходить из поля зрения и даже вообще исчезать» [Смирницкий, 1959, с. 340]⁸³; ср. типичные примеры употребления форм настоящего времени: *Сейчас автор работает над второй главой; Он каждый день уходит на работу в 8 часов; Эйфелева башня стоит в Париже; Коровы едят траву*. Очевидно, что в зависимости от степени конкретности либо обобщенности ситуации и ее участников, ограниченности либо неограниченности ее какими-то пределами, наличия либо отсутствия перерывов в реализации и других факторов соотношение обозначаемой ситуации с моментом речи принимает различную форму.

В литературе, посвященной проблемам интерпретации значения настоящего времени, можно различить три основных направления.

1. Концепция «беспризнаковости» настоящего времени, его неопределенности в отношении времени. Таковую мысль высказывал В. В. Виноградов: «Форма *делаю*, собственно, обозначает независимую от ограничений вида и времени данность действия, его свойственность лицу или предмету, его сочетаемость с субъектом. Обозна-

⁸³ Примечательно, что, приводя на следующей странице диаграмму, изображающую разновидности настоящего времени в виде расходящихся от центра временной оси (момента речи) линий, охватывающих в конечном счете всю временную ось, А. И. Смирницкий не находит на ней места для прошедшего и будущего.

чение действия при всяких вообще условиях, обычно, постоянно, и вследствие этого как бы присущего, свойственного субъекту, и следует считать основным грамматическим значением настоящего времени несовершенного вида» [Виноградов, 1947, с. 571]⁸⁴.

2. Противоположная точка зрения, в соответствии с которой формы настоящего времени всегда выражают одновременность с моментом речи. Такая интерпретация его семантики, которой следует, в частности, Б. Комри, предполагает, что любая ситуация, обозначаемая формами настоящего, должна переосмысляться как занимающая непрерывный временной интервал, включающий в себя момент речи, независимо от ее фактического распределения во времени [Comrie, 1985, p. 38]. Такое переосмысление, возможно, и имеет место при обозначении умений и предрасположений, однако возможность аналогичной трактовки таких итеративных конструкций, как *Каждый раз, когда я открываю дверь, я замечаю...*, где не возникает вторичного значения качественной характеристики, проблематична.

3. Различение среди употреблений настоящего времени таких, которые соотносены с моментом речи, и таких, которые с ним не соотносены. Так, А. В. Бондарко в соответствующем разделе «Русской грамматики» противопоставляет «актуальное настоящее» — обозначение действий, непосредственно протекающих в момент речи (*Вон каменички мостят улицы*), — «неактуальному настоящему». К нему он относит, в частности, «настоящее абстрактное» — обозначение «повторяющегося, обычного, типичного действия, представленного в широком плане настоящего времени, не связанного с моментом речи» [Русская грамматика, 1980, I, с. 631], иллюстрируя его следующим примером: *Девушки часто плачут беспричинно* (М. Горький). Предлагался и противоположный подход, при котором от основной массы глаголов отделяются «атемпоральные» глаголы, обозначающие постоянные свойства и соотношения [Падучева, 1996, с. 129–136].

Предлагавшиеся толкования семантики настоящего времени свидетельствуют, с одной стороны, об ощущении единства его основных употреблений, а с другой — о наличии трудностей в его обосновании.

Возможен еще один путь совмещения дейктивности форм настоящего времени с их способностью обозначать ситуации любой степени обобщенности. Имеется в виду точка зрения, согласно которой специфика процессности состоит в выражении срединной фазы обозначаемого действия при его частичной реализованности. Одним из первых к такому пониманию процессности пришел в 30-х гг. XX в.

⁸⁴ Сходные идеи высказывали также Р. О. Якобсон и А. В. Исаченко, исходившие из других теоретических предпосылок: [Якобсон, 1985, с. 215; Исаченко, 1960, с. 447–448].

Э. Кошмидер. По его мнению, называя в ответе на вопрос *Что это ты делаешь?* действие, в процессе осуществления которого мы находимся в момент речи, мы тем самым констатируем, что только что были и в дальнейшем будем им заняты. Этим же приемом Кошмидер пользуется и для истолкования форм настоящего времени несовершенного вида, обозначающих многократные ситуации. Так, например, предложение *Там страшная эпидемия, люди умирают сотнями* он интерпретирует следующим образом: «Много людей уже умерло, и много, несомненно, еще умрет» [Кошмидер, 1962, с. 129, 144].

Возможность заменить настоящее время сочетанием прошедшего и будущего, по существу, означает, что оно не занимает какой-то самостоятельной области на временной оси, а представляет собой соединение смежных участков прошлого и будущего, длительность которых зависит от особенностей обозначаемой ситуации. Графически это можно было бы представить в виде двух параллельных осей, на одной из которых прошедшее непосредственно соприкасается с будущим в точке момента речи, а на другой располагаются разделенные моментом речи ситуации, относящиеся к настоящему:

Поскольку момент речи в этом случае фиксирует срединную фазу ситуации, а сама она рассматривается «изнутри», синхронно с ее протеканием, настоящее время не только соотносит ситуацию с моментом речи, но и сообщает ей вполне определенную аспектуальную характеристику. Действие или состояние, обозначаемое формами настоящего времени, рассматривается в середине своего течения или многократного возобновления, что типично для несовершенного вида.

Частные значения форм настоящего времени. Частные значения форм настоящего времени можно сгруппировать в соответствии с длительностью временного интервала, который занимает обозначаемая ситуация, и ее соотношением с длительностью акта речи.

Перформативное настоящее, которое реализуется в перформативных высказываниях типа: *Приглашаю тебя в кино; Обещаю больше так не делать*. Их произнесение равносильно выполнению обозначаемого им действия: сказав: *Объявляю перерыв*, — человек тем самым объявил перерыв [Падучева, 1985, с. 19–23; Апресян, 1995, с. 199–218]. Такое употребление допускают многие глаголы речи: *приглашать, благодарить, обещать, просить, умолять, приказывать*, причем если в перформативном высказывании

используется настоящее время, то эффект совпадения слова и действия возникает только при употреблении глагола в форме 1-го лица. Поэтому предложение *Он приглашает тебя в кино* не является перформативным.

Настоящее репортажа. Такой тип употребления форм настоящего времени характерен для ситуаций репортажного типа, когда описывается быстротекущий процесс, который «разворачивается буквально на глазах говорящего. Соотнесенное с ним высказывание описывает изменения, синхронные моменту наблюдения и распознаваемые на весьма малом (соизмеримом с моментом речи) интервале времени» [Кошелев, 1996, с. 170]: *Он отбирает мяч и забивает гол*. По мнению Ю. Д. Апресяна, в перформативном и репортажном настоящем выражается особое «процессуально-точечное» видо-временное значение: скачкообразному (моментальному) достижению результата здесь предшествует процессуальная «подготовительная фаза». Для перформативов это произнесение перформативного высказывания, а для глаголов в настоящем репортажа — подразумеваемое осуществление действий, делающих возможным достижение описываемого результата [Апресян, 1995, с. 238–241]. Именно в этих относительно периферийных разновидностях употребления форм настоящего времени буквально реализуется идея совпадения момента речи с временем обозначаемого действия.

Настоящее актуальное (конкретное настоящее момента речи) является главным значением форм настоящего времени несовершенного вида. В этом случае формами настоящего времени обозначаются конкретные действия, начатые, но еще не завершённые и протекающие непосредственно в момент речи: — *Вон, смотри, — продолжал Райский, — видишь эту женщину? — Ту толстую, что лезет с узлом на извозчика? — Да, и вот эту, что глядит из окна кареты? И вон ту, что заворачивает из-за угла навстречу нам?* (И. Гончаров). Считается, что в настоящем актуальном находит свое наиболее полное проявление значение реальной модальности, выражаемое изъявительным наклонением: «Настоящее актуальное в ситуации “я — теперь — здесь — это” представляет собой “высшую степень реальности” — действительность переживаемую, наблюдаемую (так или иначе воспринимаемую), конкретную и очевидную» [Бондарко, 1990в, с. 72]⁸⁵. Настоящему актуальному соответствует актуально-длительное (конкретно-процессное) значение несовершенного вида.

Расширенное настоящее. К нему относят формы настоящего времени, обозначающие ситуации, которые занимают относи-

тельно длительный временной интервал. Это могут быть длительные действия, устойчивые состояния (навыки, умения, привычки, предрасположения и т. п.), события, повторяющиеся с той или иной периодичностью: *Я подозреваю, что она давно все понимает и сама тоже любит Серёгу* (В. Шукшин); *Да, уже май, в России зеленеют леса и заливаются соловьи, на юге давно уже цветут акация и сирень, а здесь, по дороге от Тюмени до Томска, земля бурая, леса голые, на озерах матовый лед, на берегах и в оврагах лежит еще снег* (А. Чехов); *Я перевожу громадную поэму моего друга Мансура, три тысячи строк. <...> Я делаю по шестьдесят строк в день — это много. Вдохновенья не жду: в восемь утра выпиваю пивалушку чаю, принесенного с вечера в термосе, сижу за столом до двух, в два обедаю в паршивенькой чайхане возле почты и с трех сижу до пяти или шести, когда начинает давить в затылке и мухи мелькают перед глазами. А что делать? Переводить стихи — моя профессия. Больше я ничего не умею. Перевожу я с подстрочника. Практически могу переводить со всех языков мира, кроме двух, которые немного знаю — немецкого и английского* (Ю. Трифонов).

К настоящему постоянному относят обозначение постоянных свойств и соотношений: *Но ведь противораковый иммунитет дан человеку от природы и работает постоянно, то есть постоянно убирает собственные измененные клетки* (Наука и жизнь, 1984. № 12); *И две речки впадают с обеих сторон мыса в Ледовитый океан — Крестовая и Антошкина* (В. Конецкий); *Исследование литературного языка стоит на грани лингвистики и науки о литературе* (Б. Ларин). Поскольку данные признаки присущи их носителям постоянно, настоящее время для них является господствующим способом их обозначения. Прошедшее время в таких случаях чаще всего означает, что перестали существовать сами носители этих свойств: *Аккадский язык — древний семитский язык, на котором говорили жители Ассирийского и Вавилонского царств* (Г. Красухин) — этих царств уже нет. У некоторых глаголов возможны и иные семантические различия. Так, предложение с глаголом настоящего времени несовершенного вида *Тропа кончается (обрывается) у реки* просто констатирует пространственное расположение конца тропы, а аналогичное предложение с глаголом прошедшего времени совершенного вида *Тропа кончилась (оборвалась) у реки* содержит помимо этого указание на перемещавшегося наблюдателя, глазами которого был воспринят этот факт [Апресян, 1995, с. 643–644; Шатуновский, 1996, с. 317].

Переносные значения настоящего времени. Переносными называют такие употребления времен, при которых наблюдаются «расхождения между временным значением глагольной формы и темпоральностью контекста» [Бондарко, 1971а, с. 129]. Для настоящего времени можно выделить две разновидности переносных употреблений.

⁸⁵ В своих более ранних работах А. В. Бондарко относил к настоящему актуальному гораздо более широкий круг употреблений этой формы, вплоть до констатаций постоянных закономерностей типа *Жизнь не стоит на месте*, см. напр.: [Бондарко, 1971а, с. 65–68]. Соответственно изменяется и сфера «настоящего неактуального».

1. В основе переносного употребления настоящего времени может лежать идея актуализации — приближения описываемых событий к моменту речи. Это свойственно прежде всего уже неоднократно упоминавшемуся настоящему историческому (по-латыни *praesens historicum*) в различных его разновидностях. В настоящем историческом «действие или событие относится к прошлому, причем говорящий субъект говорит о нем так, как будто он сам находится в том времени, к которому относится действие, и оно как бы разворачивается на глазах у самого говорящего и адресата» [Гловинская, 2001, с. 186–187]: *Чанг жадно **начинает** лакать, а капитан **закуривает** и снова **ложится**... Уже слышен отдаленный гул трамвая, уже **летсяя** далеко внизу, на улице, непрерывное цоканье копыт по мостовой, но выходить еще рано. И капитан **лежит** и **курит**. Кончив лакать, **ложится** и Чанг (И. Бунин); **Сегодня я **сижу** да **читаю** Пушкина... помнится, «Цыгане» мне **попались**... Вдруг Аркадий **подходит** ко мне и молча, с таким ласковым сожалением на лице, тихонько, как у ребенка, **отнял** у меня книгу и **положил** передо мной другую, немецкую... **улыбнулся**, и **ушел**, и Пушкина **унес** (И. Тургенев); **Перед городком Оранж **пытаемся** заправиться, но служащий **разводит** руками и **качает** головой: «Нет горючего». <...> В этот момент к заправщику **подбегает** молодой парень в грязных бермудах, баскетбольной майке и в шлепанцах на босу ногу (Итоги. 2000. 19 сент.)*****.

К более редким типам этой разновидности переносных употреблений относятся настоящее вообразяемого будущего: *О чем бишь я думал? Да! Ну уж, конечно, они меня посадят с самым важным гостем... Ну, **знакомлюсь**, разумеется, с молодой, **хваляю** ее, **одобряю** гостей. **Прошу** не стесняться, веселиться (Ф. Достоевский) и настоящее эмоциональной актуализации, служащее для обозначения «факта прошлого, вызвавшего удивление или возмущение говорящего» [Бондарко, 1971а, с. 150]: *Я целую неделю не играла, сегодня последний спектакль перед бенефисом; а он, противный, что же **делает!** **Назначает** «Фру-фру» со Смельской (А. Островский)*.*

К ним примыкает настоящее намеченного действия, служащее для обозначения запланированных действий в будущем: *Иван Петрович, вы здесь? Мы **сейчас уезжаем**... (А. Чехов); **Я сейчас **иду** в больницу... на три денька. Может, раньше **вернусь**, **постараюсь** (Л. Петрушевская); [Василиса:] **Кто ты такой?** [Лука:] **Проходящий... странствующий**. [Василиса] **Ночуешь** или **живешь?** [Лука:] **Погляжу там** (М. Горький)⁸⁶***. Лексически оно очень ограничено,

⁸⁶ Значение запланированного будущего (в этом случае — относительного) могут выражать и глаголы прошедшего времени несовершенного вида: *Машина, с которой ей надо было ехать, **уходила** в семь часов (К. Симонов)*. Однако такие употребления встречаются очень редко и носят явно вторичный характер.

поскольку предварительное планирование предполагает, что наступление этого будущего события зависит от говорящего и важно для него.

2. У форм настоящего времени возможен и противоположный семантический сдвиг — в сторону обобщения и «вневременности».

К этой разновидности можно отнести «настоящее интерпретационное», служащее для того, чтобы квалифицировать некоторое частное событие прошлого как проявление определенного типа поведения субъекта действия [Гловинская, 1989, с. 113–114; Падучева, 1996, с. 149–151]: [Мария Васильевна (сыну):] *Ты **точно обвиняешь** в чем-то свои прежние убеждения... Но виноваты не они, а ты сам (А. Чехов); **Служащий возмущился** еще больше и крикнул: «Извольте немедленно пропустить Ленина!» Вдруг Ленин говорит: «Не надо ему приказывать, и тем более не надо кричать. Часовой **поступает** совершенно правильно» (М. Зощенко); [Таисия Петровна:] *Без нас ты бы мигом пропал. [Николай:] **Вот тут ты ошибаешься**. Я не пропаду никогда и нигде (Л. Петрушевская); Я повез его к Ек. П. Пешковой — в Барвиху. По дороге он **читал** свои стихи — негромкие, но подлинные, чуть-чуть бледноватые — о своем детстве, которое я помню так хорошо. **Читает** он стихи старинным петербургским напевом, как и его сверстник, Коля Чуковский (К. Чуковский)*.*

Другое возможное осмысление — «настоящее экспозиционное», когда эта форма используется для подчеркивания значимости идей, мнений, точек зрения, сохраняющих, по мнению говорящего, свою важность и актуальность до настоящего времени [Гловинская, 2001: 194–196]: *Аристотель **выражает** в этом сомнение... **имеет** в виду... **возражает** Платону... **считает**... **приводит** и другой довод... **анализирует** значение... **задает** важный вопрос (Н. Арутюнова); **Важность для синтаксиса понятия функции **отмечается** многими современными учеными. Так, А. Мартине **считает** функции центральной проблемой синтаксиса (Г. Золотова)⁸⁷***. Это значение близко расширенному настоящему.

Особые сферы употребления настоящего времени. Существуют и такие типы употребления настоящего времени, которые выделяются по своим специфическим функциям и назначению. К ним относятся:

1) **настоящее пересказа** — самый распространенный и стилистически наиболее нейтральный способ изложения содержания

⁸⁷ Характеризуя подобный способ изложения, философ М. Мамардашвили писал, что в этом случае «мы получаем не хронологическую последовательность, а некую вертикаль или веер, створки которого располагаются не линейно, а сосуществуют. Это как бы не ускользающая, а скользящая точка одновременности. Какое-то вертикальное или веерное сечение, позволяющее нам сосуществовать с Платоном, Декартом, Буддой и т. д.» [Мамардашвили, 1992, с. 62].

литературных художественных произведений, кинофильмов, опер и балетов; см. фрагмент пересказа содержания пьесы У. Шекспира «Король Лир» из статьи Л. Толстого «О Шекспире и о драме»: *Придворный Кент заступается за Корделию и, желая образумить короля, укоряет его за его несправедливость и говорит разумные речи о вреде лести. Лир, не слушая Кента, под угрозой смерти изгоняет его, и, призвав двух женихов Корделии: короля Франции и герцога Бургундского, предлагает им, одному за другим, взять Корделию без приданого. Герцог Бургундский прямо говорит, что без приданого он не возьмет Корделию. Король французский берет ее без приданого и вводит ее. После этого старшие сестры тут же, разговаривая между собой, готовятся к тому, чтобы обижать наградившего их отца. На этом кончается первая сцена;*

2) настоящее номинации — использование форм настоящего времени в названиях художественных произведений, заголовках и подзаголовках; см. названия картин: *Христос исцеляет слепых* (Эль Греко); *Вечереет* (И. Машков) и подзаголовки в романе В. Каверина «Два капитана»: *Доктор Иван Иванович. Учусь говорить; Бегство. Я не сплю. Я притворяюсь, что сплю; Слушаю сказки; Получаю ответ; Все решено. Она уезжает; Доктор служит в Полярном;*

3) настоящее сценическое — настоящее время в сценических ремарках к действиям героев драматических произведений: [Чарнога:] *В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра (Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурок)* (М. Булгаков); [Елена Сергеевна:] (бесцветным старческим голосом) *Оставь ее, слышишь? Я сказала — оставь. Я дам тебе ключ. (Бросает ключ на пол. Потом, сгорбившись, выходит из комнаты, запирается в ванной)* (Л. Разумовская); [Бульди:] *Да что мне, больше всех надо, что ли? (Роется в сумке, глотает таблетку.) Воды!* (Л. Петрушевская).

Определить значение, которое выражают в таких случаях формы настоящего времени, затруднительно [Кошмидер, 1962, с. 162; Бондарко, 1971а, с. 72–73; Шелякин, 1989а, с. 164; Плуноян, 2000, с. 265–266; Гловинская, 2001, с. 216–226]. Оно напоминает настоящее историческое или настоящее репортажа, однако действия, названные формами настоящего времени, например, в ремарках, одновременны не событиям, обозначаемым в соответствующей реплике персонажа, а процессу ее произнесения, т. е. моменту речи не автора и не персонажа, а предполагаемого читателя. Поэтому эти сферы употребления форм настоящего времени (и других возможных здесь видо-временных форм) не охватываются ни противопоставлением речевого и повествовательного режимов, ни различием абсолютного и относительного типов употребления. Можно считать их особыми вариантами настоящего неактуального.

Прошедшее время. Прошедшее время глаголов совершенного и несовершенного видов выражаются одной и той же формой на -л. В своих прямых значениях видо-временные формы прошедшего времени выражают предшествование обозначаемой ситуации по отношению к моменту речи или времени другого действия. Значения форм прошедшего времени традиционно подразделяются на три разновидности: имперфектные, аористические и перфектные. Эти термины основаны на названиях существовавших в древнерусском языке видо-временных форм имперфекта, аориста и перфекта, со значениями которых соотносятся употребление единой формы прошедшего времени на -л современного русского языка. Значения, выражаемые формой прошедшего времени, тесно связаны с видом глагола, поскольку имперфектные значения семантически гармонируют с несовершенным видом, а аористические и перфектные — с совершенным видом.

Частные значения форм прошедшего времени. В имперфектном употреблении формы прошедшего времени обозначают действие или состояние в середине его протекания или неограниченного повторения, что предполагает синхронную позицию наблюдателя. Это наиболее характерно для форм прошедшего времени глаголов несовершенного вида в двух значениях:

1) актуально-длительном (конкретно-процессном): *На берегу пустынных волн Стоял Он, дум великих полн, И вдаль глядел. Пред ним широко Река неслася; бедный челн По ней стремился одиноко. По миштым, топким берегам Чернели избы здесь и там, Приют убогого чухонца; И лес, неведомый лучам В тумане спрятанного солнца, Кругом шумел* (А. Пушкин); *Свадьба была в сентябре. Венчание происходило в церкви Петра и Павла, после обедни, и в тот же день молодые уехали в Москву. <...> Они ехали в отдельном купе, Обоим было грустно и неловко. Она сидела в углу, не снимая шляпы, и делала вид, что дремлет, а он лежал против нее на диване и его беспокоили разные мысли: об отце, об «особе», о том, понравится ли Юлии его московская квартира. И, поглядывая на жену, которая не любила его, он думал уныло: «Зачем это произошло?»* (А. Чехов);

2) неограниченно-кратном: *Каждый день он ходил в банк, где служил уже десять лет, зимой изредка бывал в театре, а летом ездил к знакомым на дачу* (Л. Андреев); *После обеда Коростелев садился за рояль, а Дымов вздыхал и говорил ему: «Эх, брат! Ну да что! Сыграй-ка что-нибудь печальное». Подняв плечи и широко расставив пальцы, Коростелев брал несколько аккордов и начинал петь тенором «Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал», а Дымов еще раз вздыхал, подпирал голову кулаком и задумывался* (А. Чехов); *Мы удили на этом озере окуней. Мы привязывали длинные лески к кустам багульника, или к деревьям молодой ольхи, а сами сидели на поваленных соснах и курили, пока*

куст багульника не **начинал рваться и шуметь**. <...> Тогда мы лениво **подымались, тащили** за леску и **выволакивали** на берег жирных черных окуней (К. Паустовский).

Поскольку совершенный вид в целом предполагает внешнюю — ретроспективную — точку зрения на ситуацию, глаголам прошедшего времени совершенного вида имперфектные употребления не свойственны. Кроме того, в русском языке глаголы совершенного вида в наглядно-примерном неограниченно-кратном значении, независимо от формы времени, утрачивают конкретную временную отнесенность. О значении, близком имперфектному, можно говорить лишь в тех редких случаях, когда предлодение с глаголом в этом значении содержит явное указание на отнесенность повторяющейся ситуации в прошлое: *Ведь иногда случалось: в бою **оплошал** человек, **растерялся**, порой даже не сам, а подчиненные **подвели** командира, **отступили**, не **выдержали**. Что же, сразу к стенке или к вырытой могиле ставить?* (В. Карпов).

Аористическое значение — обозначение факта прошлого без указания на сохраняющуюся актуальность его последствий — хорошо согласуется с конкретно-фактическим значением совершенного вида: *Внезапно у самого борта лодки **вынырнула** громадная горбатая спина черной рыбы с острым, как кухонный нож, спинным плавником. Рыба **нырнула** и **прошла** под резиновой лодкой. Лодка **закачалась**. Рыба **вынырнула** снова. <...> Я **ударил** веслом по воде. Рыба в ответ со страшной силой **хлестнула** хвостом и снова **прошла** под самой лодкой. Мы **бросили удить** и **начали грести** к берегу (К. Паустовский); *Его **задержали**, **привели** домой и **послали** хозяйку за доктором. Доктор Андрей Ефимыч, о котором речь впереди, **прописал** холодные примочки на голову и лавровишневые капли, грустно **покачал** головой и **ушел*** (А. Чехов).*

В изолированном употреблении аористическое значение выражают глаголы совершенного вида, обозначающие такие действия, которые не имеют устойчивого наблюдаемого непосредственного результата и не предполагают каких-то очевидных косвенных эффектов: *Да, еще новость — **встретила** Акундина, уверяет, что в самом ближайшем времени у нас будет революция* (А. Толстой).

Глаголы несовершенного вида выражают аористическое значение, когда они выступают в общефактическом значении, причем обозначаемая ситуация отнесена к временному периоду, не связанному с настоящим: *Мне не повезло: упал с мостика, сломал голень. Ко мне в лазарет **приходил** капитан танкера, **жсал** руку, **благодарил**. Спросил, какой бы подарок я от него хотел получить (Г. Горин); *Как выглядит твоя мать, как ее зовут, где она с ним **встречалась**, почему они не **получала** с него алименты, как ты нас нашел, где ты был раньше — рассказывай подробно (А. Вампилов); *Я **читала**, что малознакомая женщина не должна держать под руку мужчину: вдруг он кого-нибудь встретит!* (А. Володин).**

Перфектное значение предполагает актуальность последствий прошедшего действия для более позднего временного плана. Оно наиболее характерно для глаголов совершенного вида. Для его реализации достаточно, чтобы лексическое значение глагола предполагало достижение результата и в контексте не было прямых указаний на его устранение: *Отец **встретил** меня в Балтийском порту. Мы не **виделись** больше двух лет. Он **обрадовался**, сказал, что я очень **вырос**. <...> Отец **похудел**, **потемнел**, в усах стала заметна седина (В. Каверин); — *Где же мост? — спросил встревоженно Зуев. Его или **смыло** или **затопило**, и вода уже шла над ним толщей в полтора-два метра (К. Паустовский); *В бледном свете зари стояла в кадке маленькая береза, и я вдруг заметил: почти вся она за ночь **пожелтела*** (К. Паустовский)⁸⁸. Другой типичный вариант — глаголы типа *привыкнуть, устать, зазнаться, прославиться*, обозначающие такие действия, у которых переход от исходного состояния к итоговому может быть постепенным: *Я **привыкла** всегда всё делать сама и одна, **привыкла** ни на кого не рассчитывать* (В. Токарева).**

Между перфектным и аористическим значениями нет резкой границы [Маслов, 1987, с. 205]. Так, следующий пример может пониматься и как обозначение последовательности действий (т. е. в аористическом значении), и как обозначение хронологически неупорядоченной совокупности действий, результаты которых связаны с последующими событиями (т. е. в перфектном значении): *Зажили они после свадьбы превосходно. Ольга Ивановна в гостиной **увешала** все стены своими и чужими этюдами в рамках и без рам, а около рояля и мебели **устроила** красивую тесноту из китайских зонтов, мольбертов, разноцветных тряпочек, кинжалов, бюстиков, фотографий... В столовой она **оклеила** стены лубочными картинками, **повесила** лапти и серпы, **поставила** в углу косу и грабли, и **получилась** столовая в русском вкусе. В спальне она, чтобы похоже было на пещеру, **задрапировала** потолок и стены темным сукном, **повесила** над кроватями венецианский фонарь, а у дверей **поставила** фигуру с алебардой (А. Чехов).*

Глаголы несовершенного вида в перфектном значении выступают в функции «перфекта опыта», производного от общефактического значения. В этом отношении им могут быть подобны глаголы совершенного вида, образованные от неопределенных глаголов: *Мы ведь с вашим батюшкой тоже **прожили** бок о бок не один десяток лет, **слышали** его и на лекциях, и на торжественных актах, и в муниципалитете, значит, достаточно знаем его голос* (Ю. Домбровский);

⁸⁸ Перфектные употребления форм совершенного вида нередко интерпретируются как обозначающие состояние. Тем не менее, хотя говорящий видит только результат действия, он обозначает его по контрасту с известным ему предшествующим положением дел, т. е. фиксируется возникновение новой ситуации, а не срединная фаза существующей статической ситуации.

Стол накрывала мужская рука — это было ясно видно (К. Федин); *С палкой в руке, хромая, он подходит веселый: по передовой лазал* (Г. Бакланов).

Переносные употребления форм прошедшего времени. Для форм прошедшего времени переносные употребления мало характерны. К ним прежде всего можно отнести две разновидности использования форм прошедшего времени совершенного вида в значении неизбежного или близкого будущего. Тем самым еще не произошедшее событие представляется как бы уже совершившимся. Такое употребление допускают, с одной стороны, некоторые глаголы, обозначающие неконтролируемые и почти исключительно неблагоприятные для человека события: *Если, говоря с начальником, вы ему позволите поднять голос, — вы пропали* (А. Герцен); *Погиб я, — думал Вася, ложась на лавку, — теперь никак не докажешь, что я не вор* (Ю. Коваль). С другой стороны, это такие глаголы, как *пойти, поехать, побежать, начать*, обозначающие действия, контролируемые говорящим, причем они используются им по отношению к самому себе: *Бери кулек, догоняй, а я на рынок пошел* (А. Островский); [Нина:] *Счастливо, я пошла. А ты, Коля, поезжай в общежитие* (Л. Петрушевская).

Для форм прошедшего несовершенного переносным можно считать их употребление в функции «будущего в прошедшем»: *Марьяшин поезд уходил в семь вечера с минутами, но весь день прошел в суете, сборах, и за стол уселись только часов в пять, а Николай пришел и того позже. Марьяша боялась опоздать* (М. Рошин).

Будущее время. Практически в любом исследовании, касающемся проблем описания семантики видо-временных форм индикатива, отмечаются глубокие отличия будущего времени от настоящего и прошедшего. Если настоящие и прошлые события принадлежат реальному миру, то будущие события еще только ожидаются, а потому «по отношению к будущему времени мы не можем высказывать никаких утверждений, кроме предположений и догадок» [Есперсен, 1958, с. 310; см. об этом также: Пауль, 1960, с. 332–333; Плунгян, 2000, с. 268–269]⁸⁹. Некоторые проявления сходства между будущим временем и показателями «позитивной» ирреальности уже отмечались. Модальная окрашенность может быть присуща формам будущего времени не только в переносных, но и в прямом употреблении.

⁸⁹ Ср., однако, несколько иную точку зрения: «В огромном большинстве случаев возникновение формы футурума сопряжено с переходом от иконического изображения будущего как вероятного и производного от некоторого фактора в настоящем (*должен, хочу, иду* и т. д.) к неиконическому изображению будущего как действия вне каких-либо зависимостей. Таким образом, форма футурума, генетически связанная с косвенной модальностью, по завершении процесса своего формального и семантического становления, переходит к “прямой” модальности, т. е. к индикативу, представляющему действие как непосредственно констатируемую реальность» [Сабанеева, 1994, с. 53].

Для форм простого будущего совершенного вида типа *открою* характерна тесная связь с настоящим временем, в противоположность формам сложного будущего типа *буду открывать*, которые относят действие целиком к будущему. На этом основании формы типа *открою* нередко разделяют на два грамматических омонима [Распопов, Ломов, 1984, с. 121–123; Шелякин, 1989: 165–176]. В данном пособии принята точка зрения А. В. Бондарко, в соответствии с которой эти формы являются многозначными, причем основным их значением является значение будущего [Бондарко, 1971а, с. 50–55].

Между формами простого и сложного будущего есть еще одно важное различие. В формах сложного будущего несовершенного вида часто акцентируется внимание на начальной фазе действия⁹⁰, а в формах простого будущего совершенного — на его конечной фазе и достижении результата. Поэтому предложение *Скоро стемнеет* можно перефразировать как ‘уже темнеет, и скоро станет совсем темно’, а предложение *Скоро будет темнеть* — ‘еще светло, но скоро начнет темнеть’. Сходное семантическое различие наблюдается между фразами *Когда будут строить новый корпус?* и: *Когда построят новый корпус?* В первом случае это вопрос о дате начала строительства, а во втором — о времени его завершения.

Если же ситуация такова, что уверенности в обязательном успешном достижении результата нет, то по отношению к ней затруднительно использование формы простого будущего. Так, фраза *Завтра я буду сдавать экзамен*, где выражается только намерение, совершенно естественна, тогда как аналогичная фраза с простым будущим *Завтра я сдам экзамен* звучит очень странно. Несколько иное соотношение между двумя формами будущего времени в ситуации покупки билетов. Сложное будущее в предложении *Если будете покупать билеты, позвоните мне* значит примерно ‘если пойдете, решите покупать’, а простое будущее в предложении *Если купите билеты, позвоните мне* — ‘если удастся купить’.

Намерение может относиться не только к начальной, но и к срединной фазе ситуации, см.: — *Долго будешь плескаться?* — *сказал Сергей задумчиво* (Ю. Бондарев), где *будешь плескаться* значит ‘будешь продолжать плескаться’. В этом случае может использоваться только будущее несовершенное.

Частные значения форм будущего времени. В соответствии со сказанным для форм будущего времени целесообразно различать значения, связанные с обозначением будущих действий, и значения, связанные с настоящим. При этом формы простого и сложного будущего удобнее для наглядности рассматривать в сопоставлении.

Для выражения конкретного единичного предстоящего действия могут использоваться обе формы будущего

⁹⁰ Возможно, это обусловлено исторически; см.: «Исконно “буду+инфинитив” по существу было равнозначно “начну+инфинитив”» [Иванов, 1984, с. 82].

времени. Различие между ними состоит в данном случае прежде всего в отношении к достижению результата. Простое будущее предполагает осуществление действия от начала до конца: *Садись, я тебе сейчас сводку всех писем продиктую* (К. Симонов); между тем сложное будущее *буду диктовать*, также возможное здесь, обозначало бы только процесс диктовки, безотносительно к итоговому результату. Поэтому при употреблении сложного будущего на первый план может выступать сам характер действия (его лексическая идентификация): *Так ты знаешь Любку! Думаешь, я буду хныкать или молчать, когда меня будут бить? Я буду ругаться, кричать* (А. Фадеев). В таких случаях иногда возможна практически равнозначная замена будущего несовершенного и простого будущего глаголов ограничительного или длительно-ограничительного способов действия совершенного вида [Фуксман, 1973, с. 100]: *Приходите ко мне, вам будет у нас весело: мы будем вместе читать, будем старое вспоминать, Федора о своих богомольных странствиях рассказывать будет* (Ф. Достоевский); здесь можно было бы сказать и: *вместе почитаем, старое повспоминаем*. Как писала О. П. Рассудова, «несовершенный вид, употребленный в будущем времени для констатации факта действия, имеет некоторый оттенок процессуальности» [Рассудова, 1968, с. 89].

С различием по результативности / нерезультативности явно связан выбор видов глагола и, соответственно, форм будущего времени в следующем фрагменте: [Соня:] *Что же делать, надо жить, Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем* (А. Чехов).

Неограниченно повторяющиеся действия в будущем в явной и стилистически нейтральной форме выражаются с помощью сложного будущего несовершенного вида: *Ты будешь аккуратно получать то же, что получал и раньше. Все будет по-старому* (А. Чехов); *Там сад какой! Большущий. Я к тебе за черешнями теперь буду приходить* (А. Беляев).

При понимании форм типа *построю* как многозначных форм настоящего-будущего к их прямым значениям относится и неактуальное настоящее. Это их употребление уже рассматривалось в связи с вопросом о значении видов глагола, поэтому здесь можно ограничиться одним примером, в котором представлены разные его типы (а также и формы прошедшего совершенного в узуальном значении): *Он все умеет, никакого дела не боится, всю войну пешком протопал — пехота. А на вид спокойный. Как сядет, так и сидит, не ерзает; ляжет — сразу спит; встал — пошел. Будто пружина: завели — молчит, выпустили — фыр! — и давай, жми! Его лучше поймешь, когда он выпьет: тут тоже сделается быстрый, ловкий,*

глазки открываются, язык говорит без остановки. Он и споеет, и спляшет, и на гармошке сыграет, и всех в хоровод собьет (М. Рошин).

Переносные значения форм будущего времени. Формам будущего времени переносные значения свойственны в еще меньшей степени, чем формам прошедшего времени. Для форм простого будущего переносным является их использование для обозначения конкретного единичного действия в прошлом. Это возможно только в сочетании с усилительной частицей *как*. Эта конструкция выражает «внезапное наступление действия, отличающееся особой интенсивностью» [Бондарко, 1971а, с. 163]: *Герасим глядел, глядел, да как рассмеется вдруг* (И. Тургенев); *И тут Левка ни с того ни с сего как даст мне пеналом по затылку* (В. Драгунский).

У форм сложного будущего переносным считается употребление этой формы в контексте расширенного настоящего, возникающем, например, в обобщенно-личных предложениях: *Вернувшись из далекого путешествия, обязательно будешь хвастаться, рассказывать диковинные вещи* (В. Солоухин). Такие примеры встречаются редко.

Конструкции с частицами *бывало* и *было*. К временной парадигме примыкают конструкции аналитического типа, состоящие из различных видо-временных глагольных форм в сочетании с частицами *бывало* и *было*.

С частицей *бывало*, восходящей к форме 3-го лица ед. числа прошедшего времени многократного глагола *бывать*, сочетаются глаголы несовершенного вида в формах настоящего и прошедшего времени, а также глаголы совершенного вида в форме простого будущего: *Всё, бывало, с ней через забор разговариваю и под конец, чтобы недалеко было ходить, сделал я в заборе калиточку* (А. Чехов); [Фирс:] *В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало...* [Гаев:] *Помолчи, Фирс. [Фирс:] И, бывало, сушёную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было!* (А. Чехов); *А он, бывало, скрывал подпите, держался находчиво и хитро, был очень хороший актер (Ю. Трифонов); Заснет, бывало, возле комбайна, подгоняй трактор, цепляй комбайн, гони куда хочешь — не проснется* (Б. Можяев); *Бывало, натворишь что-нибудь и только соберешься соврать, а встретишь вас или только вспомнишь о вас — и невольно говоришь правду* (В. Каверин)⁹¹.

⁹¹ Рассматриваемые конструкции нужно отличать от близких по смыслу предложений с формой среднего рода глагола *бывать*: *Проснувшись, Маргарита не заплакала, как это бывало часто, потому что проснулась с предчувствием, что сегодня наконец что-то произойдет* (М. Булгаков); *Неужели, правда, так бывало и у интеллигентных людей, что сойдутся к ним знакомые, и им всем объявляют: сегодня ночью мы станем мужем*

Такие конструкции выражают значение повторяемости в прошлом, причем ранее основной линии повествования; таким образом, их временное значение — это прошедшее или «предпрошедшее». Нужно заметить, что очень близкое значение выражают суффиксальные глаголы многократного способа действия типа *хаживать* (*хаживал*), широко употреблявшиеся вплоть до середины XIX в. Аналогичные конструкции со словом *бывает* обозначают повторяемость в настоящем, но они встречаются гораздо реже ср.: **Бывает**, если папа уехал в Москву, Павля с мамой **поют** тихонькие песни и **плачут** обе две, и Павля целует мамыны руки (М. Горький).

Конструкции с частицей *было* типа *хотел было*, *начал было*, *сказал было* восходят к древнерусскому плюсквамперфекту [Горшкова, Хабургаев, 1981, с. 339–341]. В современном русском языке в составе этих конструкций могут употребляться:

1) формы прошедшего времени совершенного вида: *Обломов поднялся было с кресла, но не попал сразу ногой в туфлю и сел опять* (И. Гончаров); *Он прекратил было икать, увидев поданный счет, но, проверив его и расплатившись, снова принялся за свое* (М. Зощенко); *А она бросилась на кровать в нетопленной зале, плакала, металась головой по мокрой подушке. Даня было прикрикнул на нее — не помогло. Накапал валерьянки — оттолкнула* (М. Роштин); *Мама съездила было с Анисьей в собес в Призерское, но собес был уже навеки и безнадежно закрыт* (Л. Петрушевская); *В первую минуту он решил было преследовать и настичь их, но, взглянув на часы, удержался* (В. Богомолов);

2) причастия и деепричастия совершенного вида: *Рост доходов формирующегося среднего класса россиян возрождает утраченный было интерес к здоровому образу жизни, занятиям спортом, отсюда — потребность в тренажах по оздоровлению* (Известия. 1998. 21 февр.); *В воздухе витают самые мрачные прогнозы. Некоторые специалисты считают, что окрепший было российский рубль ожидает неизбежное падение* (Аргументы и факты. 1997. № 51); — *Слушай, Ваня, — сказал Серпилин, принявшись было за чай, но отодвинул от себя стакан* (К. Симонов);

3) личные и неличные формы глаголов несовершенного вида в особых типах употребления, к которым относятся, в частности: настоящее историческое, прошедшее многократное, прошедшее общефактическое, а также глаголы желания и предстояния в различных формах: — *Да разве я знал, что у него... — резко начинает было* Зинченко. Но я перебиваю его (А. Адамов); *Однако достигавшаяся было разрядка всякий раз тут же оказывалась сорванной*

и женою (В. Вересаев); *Часто бывало со мной прежде, — да и теперь бывает, — что какими-то особыми чертами, — иногда чужими и даже отвратительными, — привлекает меня человек, и смотрю на него, смотрю жадным таким смотрением* (Е. Кузьмина-Караваева).

из-за жесткого противодействия Дудаева (Известия. 1995. 9 февр.); *С детских лет автор имел глубокий и даже исключительный интерес к медицине и даже одно время пробовал было лечить своих менее ценных родственников разными домашними химическими средствами* (М. Зощенко); *Солдаты хотели было приподнять Кирджали, но он встал сам* (А. Пушкин); *Акциями протеста завершилась 16 марта намечавшаяся было торжественная церемония закладки первого камня Российского международного центра науки, информатики и технологии в Москве* (Известия. 1992. 18 марта);

4) «нулевые» предикаты эллиптических предложений со значением речи и перемены, в которых спрягаемая форма глагола отсутствует: *Акакий Акакиевич еще было насчет починки, но Петрович не дослышал* (Н. Гоголь); *Они еще было слово; но тут уж я рассвирепел да как заскриплю зубами* (Н. Лесков); *Я было — к Писеву, президенту федерации, а он лишь усмехается. Словом, плюнул я и ушел* (Известия. 1995. 15 янв.);

5) некоторые прилагательные: *Комнату он тоже не узнал. В ней, такой было пустой, поместилось нелепое количество новых предметов* (А. Битов).

Таким образом, в отличие от древнерусского языка, теперь в этих конструкциях могут употребляться не только формы на -л.

Считается, что эти конструкции обозначают «начатое или задуманное, но не осуществленное действие» [Чернов, 1970, с. 261], действие, которое «началось, но не было закончено в силу каких-то причин, непредвиденных условий, помешавших осуществиться этому действию» [Галкина-Федорук, 1960, с. 646]. Точнее было бы говорить о «прерванности осуществления действия» [Виноградов, 1947, с. 589] с той, однако, принципиально важной оговоркой, что прерывается не то действие, которое обозначено глаголом, выступающим в сочетании с частицей *было* (тот, кто *поднялся было* с кресла, — поднимался, а *намечавшаяся было* церемония — намечалась), а какая-то из последующих фаз развития ситуации: за намерением совершить действие не последовало его осуществление, начатое действие не доведено до конца, а его результат не сохранился или не достигнута конечная цель действия [Barentsen, 1986, с. 49; Князев, 2004, с. 296–305].

§ 7. Категория лица

Общая характеристика. Категория лица глагола выполняет в языке двоякого рода функции. Во-первых, глагольное лицо (как и лицо местоимений) служит для установления соответствия между участниками сообщаемого факта и участниками того акта речи, в котором об этом факте сообщается. Лицо глагола выражается с помощью личных окончаний. 1-е лицо (*читаю, стою*) показывает, что

субъектом действия является сам говорящий; 2-е лицо (*читаешь, стоишь*) показывает, что субъектом действия является слушающий (адресат сообщения); 3-е лицо (*читает, стоит*) показывает, что субъектом действия является лицо, не участвующее в данном акте речи, или вообще «не-лицо» — животное или нечто неодушевленное. Во-вторых, лицо глагола (наряду с глагольными категориями рода и числа) участвует в согласовании (координации) подлежащего и сказуемого. Именительный падеж личного местоимения в позиции подлежащего (*я, ты, он*) предсказывает появление в позиции сказуемого соответствующей личной формы глагола, при этом существительные (у которых категория лица отсутствует) в этом отношении уподобляются местоимениям 3-го лица.

Относительная значимость этих двух основных функций категории глагольного лица — семантической (номинативной) и структурно-согласовательной — далеко не очевидна.

Согласно широко распространенной точке зрения, глагольное лицо является чисто согласовательной категорией, подчиненной личным местоимениям и не обладающей самостоятельным значением, см., напр.: [Лайонз, 1978, с. 297; Мельчук, 1998, с. 280–282]. Существование и широкая употребительность предложений, не содержащих материально выраженного подлежащего в им. падеже, что очень характерно для русского языка, не является непреодолимым препятствием для «согласовательного» подхода к глагольному лицу. Так, И. А. Мельчук постулирует существование нулевых подлежащих в безличных (*Его опрокинуло*) и неопределенно-личных (*Его опрокинули*) предложениях, «поскольку в общем случае лицо и число русского глагола определяется его синтаксическим подлежащим» [Мельчук, 2001, с. 29]⁹².

Не вполне ясна позиция, которую занимает по этому вопросу А. В. Бондарко, который, с одной стороны, относит глагольное лицо наряду с числом и родом глагола, а также с родом, числом и падежом прилагательных к «синтагматически обусловленным» категориям, что предполагает наличие «элемента связи содержания данной словоформы с содержанием другой словоформы». С другой стороны, среди всех этих категорий только глагольное лицо он считает категорией, у которой семантические функции доминируют над структурными [Бондарко, 1976, с. 69–75, 42–45]. В своей более поздней работе А. В. Бондарко приходит к выводу, что «формы лица глаголов и местоимений, образующие центр поля персональности, представляют не разные грамматические категории, а одну и ту же грамматическую категорию лица» [Бондарко, 1991б, с. 19], что фактически предполагает признание доминирования местоименного лица.

⁹² См. также аргументацию в пользу выделения нулевого «обобщенно-личного» подлежащего в предложениях типа *С тобой не соскучишься*, приведенные в работе: [Булыгина, Шмелев, 1991, с. 42–44].

В целом же проблема взаимосвязей и взаимозависимостей между глагольным лицом и лицом у местоимений, находящаяся на стыке морфологии и синтаксиса, далека от разрешения. Отчасти это связано с тем, что русский язык занимает промежуточное положение между языками типа английского, в которых присутствие подлежащего (в том числе и местоименного) обязательно, и языками типа латинского, в которых употребление местоименных подлежащих очень ограничено, а основным средством выражения лица являются глагольные окончания. Последнее было характерно и для древнерусского языка; ситуация, наблюдающаяся в современном русском языке, стала складываться только в XVII в. [Борковский, Кузнецов, 1963, с. 377–380]⁹³.

Последующее изложение базируется на представлении о наличии у форм глагольного лица собственных значений, что более характерно для отечественной грамматической традиции.

Состав форм лица и режимы их употребления. Словоизменительная категория глагольного лица характеризует формы настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, а также (но уже с некоторыми оговорками) повелительное наклонение. Таким образом, возможности морфологического выражения значений, связанных с лицом, в русском языке очень ограничены. Исходя из того, что эти значения должны быть так или иначе представлены в любом высказывании, можно сказать, что этот круг значений выражается в русском языке преимущественно неморфологическими средствами.

Традиционно выделяют три лица (1-е, 2-е и 3-е) и кумулятивно выражаемые теми же флексиями два числа — единственное и множественное, что в итоге дает шесть форм: *читаю, читаешь, читает* (для ед. числа) и *читаем, читаете, читают* (для мн. числа). Вместе с тем давно замечено, что в 1-м и 2-м лице глагола, как и у соответствующих личных местоимений, соотношение чисел нестандартно: *читаем* значит, что действие производят «я и кто-то другой (другие)», *читаете* — «ты и кто-то другой (другие)». На этом основании П. С. Кузнецов считал, что правильнее было бы говорить не о трех, а о шести лицах [Кузнецов, 1952, с. 350]. Другой путь расширения количества лиц глагола предлагал Д. Н. Овсяннико-Куликовский, выделявший наряду с традиционными тремя лицами четвертое — «неопределенное», употребляемое в неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях, и пятое — «мнимое» лицо в безличных предложениях [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 101]. Такие суждения не следует понимать буквально (тот же П. С. Кузнецов далее говорит в привычных терминах о формах 2-го лица множественного числа, а не о «формах 5-го лица»), однако упускать из виду эти семантические особенности лично-числовых форм глагола нельзя.

⁹³ Правила, регулирующие выбор между предложениями типа *Я пишу и Пишу* (их называют определенно-личными) сложны и недостаточно изучены; см. о них: [Breullard, Fougeron, 2001, p. 43–53; Брейяр и др., 2003].

Поскольку 1-е и 2-е лицо обозначают участников речевого акта, то (если не учитывать олицетворения) глаголы в этих формах могут обозначать только действия, выполняемые людьми. Поэтому такие глаголы, как *разрастись, ржасветь, налипать, клубиться, мерцать, зеленеть*, употребляются в прямых значениях только в 3-м лице, для которого семантических ограничений нет.

Связь категории лица с конкретным речевым актом придает ей дейктический характер. В этом отношении категория лица подобна категории времени, которая также является дейктической. При этом если для категории времени дейктическим центром является момент речи, то для категории лица — это говорящий (1-е лицо). Как и для категории времени, для категории лица также целесообразно различать два типа («режима») употреблений [Бенвенист, 1974, с. 270–284; Бондарко, 1991б, с. 29–33]: речевой и повествовательный.

В речевом (ситуативно актуализированном) режиме, когда говорящие конкретны, индивидуальны и связаны единством времени и места, употребляются все формы лица и все личные местоимения: — *Эх, мастер!* — вздохнул Шарипов и, словно беря реванш, сказал: — *Вот ты учился-учился, а зарабатываешь меньше, чем я* (А. Гладилин); — *Обрати внимание, Вера, — говорил Бунин, держа в руках мои сочинения и кивая на меня головой, — как и все начинающие, он воображает, что литература принесет ему славу, деньги, роскошную жизнь. Признайтесь, милостивсдарь, — обращался он уже прямо ко мне, — что вы мечтаете о своих портретах в журналах и газетах, похвальных отзывах в прессе, подумываете о собственной даче в Финляндии* (В. Катаев).

На употребление форм лица существенное воздействие оказывают общие принципы речевого взаимодействия. Так, аномальность высказываний типа *Я не знаю, что он приехал* (при абсолютной нормальности такого же высказывания не в 1-м лице или не в настоящем времени) объясняют тем, что они нарушают одно из главных условий успешности информирующих речевых актов: говорящий знает то, что он говорит [Падучева, 1985: 138–139]. Если же обратиться к формам 2-го лица, то можно заметить, что из трех традиционно выделяемых основных типов речевых актов — утвердительных, побудительных и вопросительных — со 2-м лицом наиболее естественно связываются побуждения (*Прочитай эту книгу!*) и вопросы (*Ты будешь читать эту книгу?*). Что же касается утверждений с формами 2-го лица субъекта, то они плохо согласуются с предварительным условием их успешности — предположением говорящего, что хотя бы часть заключенной в этом высказывании информации неизвестна слушающему.

Применительно к утвердительным высказываниям с формами 2-го лица это должно означать, что слушающему сообщают о нем то, что он сам о себе не знает. Поэтому для целей собственно информирования такие высказывания используются довольно редко, хотя

это и возможно: — *Кто этот молодой человек? — А... Это некто Володя Макаров... Просто молодой человек. Студент. Вы спите на его диване* (Ю. Олеша). Обычно же они используются для выражения предостережения, побуждения к действию, а также для интерпретации или оценки поступков адресата [Князев, 2007, с. 130–133]: *Ты как будто боишься, что я буду попрекать тебя, как Бубнова, что ты даром у меня живешь* (Ф. Достоевский); *Я знаю, вы отказываете мне, потому что, кроме меня, есть женщины, которые вам близки* (А. Чехов); — *Тебе, конечно, живется легче, чем остальным, — сказала я. — У тебя есть муж, ребенок, авторитет на работе, а досуг ты посвящаешь любви к мужчинам. Сейчас ты ревнуешь Диму Журавлева, который точно так же никому не нужен, как и все остальные люди. Тебе нравится совмещать свой авторитет с безнравственностью, ведь все знают, сколько у тебя было мужчин, но осудить тебя не могут. — Вот-вот, — сказала Ольга. — Я всегда знала, что ты как-то так думаешь про все* (Н. Садури).

В повествовательном (ситуативно неактуализированном, нарративном) режиме связь с конкретной речевой ситуацией отсутствует. В этом типе употребления (он характерен для художественного повествования в 3-м лице, научных и технических текстов и многих других жанров) 3-е лицо обычно прямо не противопоставляется другим лицам, поскольку 1-е и 2-е лицо могут здесь вообще не использоваться. Если же они и встречаются, то их значение в большей или меньшей степени переосмысливается, причем считается, что «при переходе от разговорного языка к языку художественной литературы наиболее радикальной трансформации подвергается семантика 2-го лица и всех языковых элементов, предполагающих 2-е лицо» [Падучева, 1996, с. 210]⁹⁴.

Формы 2-го лица в обобщенно-личных предложениях. Общим для речевого и нарративного режимов является возможность использовать формы 2-го лица в так называемом обобщенно-личном значении. Обобщенноличность связывается обычно с определенной разновидностью односоставных предложений. Однако, как заметил А. М. Пешковский, это значение может выражаться не только в односоставных предложениях, но и в двусоставных предложениях с местоимением *ты* в качестве подлежащего, а также косвенными падежами местоимения *ты*, в подтверждение чего он приводит, в частности, следующий пример: *Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему — изволь:*

⁹⁴ Одним из первых на связь значений личных форм с режимом употребления обратил внимание А. Н. Гвоздев, писавший, что «у них имеется ряд значений, употребление которых не ограничено диалогической речью, а распространено и в монологической речи. В них нередко также находят место обозначение участников диалога, но в осложненном и затемненном виде» [Гвоздев, 1967, с. 345].

у каждого дома есть сквозные ворота, и **ты** так **шмыгнешь**, что **тебя** никакой дьявол не сыщет (Н. Гоголь) [Пешковский, 1956, с. 372–373; см. также: Золотова, 1973, с. 158–168; Скобликова, 1979, с. 112].

У обобщенно-личных предложений с формами 2-го лица можно выделить три основные разновидности:

1) обозначение действий и состояний, носителем которых может быть каждый человек, что характерно для пословиц, поговорок, общих сентенций, выступающих в форме обобщенно-личных предложений: *Что посеешь, то и пожнешь; Без труда не вынешь и рыбки из пруда; Что написано пером, не вырубишь топором;*

2) высказывания, основанные на личном опыте говорящего, но распространяемые и на других лиц, которые могут оказаться в аналогичной ситуации: *Побывав здесь однажды, всегда будешь помнить улицы, похожие на лесные просеки, свет в окнах сквозь кисею берез (В. Песков); — Мужчины здесь особенные, — услышала я от военных женщин. — На гражданке такого отношения не встретишь. Идешь в шесть утра на вахту, а тебе — розу (Известия. 2000. 8 июля);*

3) обозначение событий, которые происходили или происходят именно с говорящим: *Как мне памятен этот угол! <...> Бывало, стоишь, стоишь в углу, так что колени и спина заболят, и думаешь: «Забыл про меня Карл Иванович»... — и начнешь, чтобы напомнить о себе, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять шпатель со стены... Оглянешься на Карла Ивановича, — а он сидит себе с книгой в руке и как будто ничего не замечает (Л. Толстой); Знаешь, на работе я так выматываюсь. Ездишь по Москве со всякими иностранцами, гид-переводчик. <...> Меня мутит от звуков английской речи. Сразу вспоминаешь, как эти журтреды умильно щупают тебя своими масляными глазами. Так что до дому доберешься — и никуда (А. Гладилин); Сразу после того, как думал ночью о Язгуль, перекинулся на мысли о себе. Это связано неутолимо: как только задумываюсь о времени, тут же перескакиваю на свою дорогу персону. Кто я, что я и так далее. Иногда думаешь: все ничего, я в порядке. А иногда — тоска. Нет, думаешь, толку не вышло (Ю. Трифонов).*

Обычно речь в таких случаях идет о повторяющихся событиях, однако это не обязательно. С помощью обобщенно-личного предложения может описываться и конкретное единичное событие, связанное с говорящим: *И тут меня как в голову ударило — ведь мне сегодня двадцать пять лет! Веселенький день рождения, нечего сказать... Сидишь в пыли на вершотуре, блохи тебя жрут, как бобика, а тебе и покусать в охотку нечего. И не зря ли сидишь, вот главное... (В. Богомолов); У меня в последний раз шлемофон украли. Прилетел, сидишь ошарашенный, а с тебя растаскивают на сувениры — перчатки, гермошлем, часы (Ю. Батулин).*

Возможность употребления обобщенно-личных предложений по отношению к самому себе А. А. Шахматов объяснял следующим образом: «Говорящий, проявляя свою личность, говорит в 1-м лице; но уходя в себя, в свои воспоминания, воспроизводя свои внутренние переживания, естественно прибегает ко 2-му лицу, делая себя объектом своей речи» [Шахматов, 1941а, с. 73]. О том же он писал и в другом месте: «2-е лицо в этом случае вызывает представление о 1-м лице. Происхождение оборота обязано, вероятно, именно тому, что картина прошлого воскрешается перед мысленным взором самого говорящего, обращающегося к себе, как ко 2-му лицу» [Там же, с. 463]; см. подтверждающий эту мысль пример: — *Все нормальные люди, — думал Медведев, — спокойно дышат озоном, и никакая вечерняя меланхолия не мешает их пищеварению. Один ты вместо того, чтобы наслаждаться пейзажем, бесишься. В чем дело? Почему ты не пошел в кино с молодой женой? Рычишь на нее и убегаешь один на пляж? А ведь любишь ее (А. Гладилин).*

С этим, видимо, связана экспрессивность и стилистическая окрашенность, свойственная обобщенно-личным предложениям в целом (за исключением пословиц и поговорок).

Формы 3-го лица в неопределенно-личных предложениях. В неопределенно-личных предложениях глаголы настоящего и будущего времени выступают в фиксированной форме 3-го лица множественного числа: *Дни поздней осени бранят обыкновенно (А. Пушкин); Мне пишут, что Катя Щербацкая очень больна (Л. Толстой); Мужики, крестясь, усаживаются у стола; меня сажают сбоку на лавке рядом со старшим рабочим и дают ложку. Подают в громадных деревянных чашках баранью похлебку (А. Толстой); — Что там [на космическом корабле] еще есть человеческого? — Письма близких. Сейчас можно, конечно, переписываться по электронной почте, но она обычных писем не вытеснит. Письма там читают по-особому. Их сразу не открывают — прячут, откладывают. И потом в конце дня наедине читают, перечитывают (Ю. Батулин).* В прошедшем времени, где лицо различается только с помощью местоимений, глагол в неопределенно-личном предложении выступает в форме множественного числа: *С фламанского судна передали приказ прекратить огонь (К. Паустовский).*

Неопределенно-личные предложения употребляются в тех случаях, когда говорящий не знает, кто именно является производителем данного действия, или для него это несущественно, см. подр.: [Степанов, 1988, с. 226–136; Козинцева, 1991, с. 19–20; Шелякин, 1991а, с. 62–72]. Поэтому множественное число глагола в этих предложениях выражает не количественное значение множественности ('более, чем один'), а более абстрактное значение 'один или более': «В неопределенно-личных предложениях, хотя в них и употребляются формы множественного числа, остается необозначенным, идет ли речь о нескольких или об одном действующем лице; в ряде слу-

чаев по общему значению вполне вероятно, что речь идет об одном лице: *Принесли почту; Стучат в дверь*» [Гвоздев, 1968, с. 91]. Неопределенно-личные предложения могут использоваться и для обозначения собственных действий говорящего, причем только речевых: [Старик:] *Какой я мельник, говорят тебе, Я ворон, а не мельник* (А. Пушкин); — *Герой, герой, не пикнул. Теперь, брат, верю, что ты восемнадцать дней от немцев на карачках уползал. <...> Чего хмуришься? Его хвалят, а он хмурится* (Б. Полевой); *Говорят тебе (ему), что нельзя, а ты (он) все своё!* Этим способом говорящий, по-видимому, стремится повысить значимость своих слов.

Независимо от конкретного типа употребления неопределенно-личного предложения его неназванный субъект может быть только л и ч н ы м. Это отличает их от функционально близкого им двучленного пассива, в котором производитель действия также остается неназванным, но данного ограничения нет. Помимо личности существа также и *ц е л е н а п р а в л е н н о с т ь* действия, обозначающего неопределенно-личными предложениями. Предложения, в которых это дополнительное условие не соблюдается, не соответствуют современной норме: *Я знал, что Сонечка с матерью были за границей, где они пробыли года два и где, рассказывали, их вывалили в дилижансе и Сонечке изрезали лицо стеклами кареты* (Л. Толстой). Сейчас описанные в этих предложениях события понимаются как преднамеренные, чего автор явно не имел в виду.

При сопоставлении обобщенно-личных и неопределенно-личных предложений отмечаются сопутствующие прагматические различия между ними: «Наиболее специфический компонент в грамматической семантике обобщенно-личных предложений — это значение л и ч н о й причастности любого лица (но в первую очередь говорящего и его собеседников) к наблюдениям, составляющим содержание этих предложений», что резко отличает обобщенно-личные предложения от предложений неопределенно-личных: «жизненные ситуации характеризуются в них “отстраненно” от говорящего и его собеседника — как обобщение чужого, а не своего опыта» [Скобликова, 1979, с. 110–111], см. об этом также: [Гаспаров, 1971, с. 207; Булыгина, Шмелев, 1991, с. 50–53; Санников, 2001, с. 150–151]. Этим, видимо, мотивируется выбор формы лица в следующем предложении, где неопределенно-личное предложение используется для формулировки общего правила, а обобщенно-личное — для его обоснования на основе личного опыта: *И вообще здесь, на Севере, моторы никогда не выключают — потом не заведешь* (А. Гладилин).

Еще одно заметное различие между двумя этими значениями проявляется в том, что способность выражать обобщенно-личное значение свойственна в равной мере и глагольным, и местоименным формам 2-го лица, тогда как неопределенно-личное значение выражается практически только глагольными формами. Неанафорические «неопределенно-личные» употребления местоимения *они* тоже встре-

чаются, но крайне редко и производят впечатление языковой игры: *Он сказал: А они опять арестовывают... Вчера арестовали Филиппенко и др. О большевиках он всегда говорит: Они! Ни разу не сказал мы. Всегда говорит о них, как о врагах* (дневник К. Чуковского — запись разговора с М. Горьким 2 апреля 1919 г.); *Итоги белгородских выборов заставляют настороженно отнестись к ставшему в последнее время общим местом тезису о нарастающем безразличии населения к выборам — мол, все равно «они» выберут того, кого им надо* (Известия. 1999. 10 июля); *...глубоко укорененный миф о том, что от отдельного человека ничего не зависит, что все решают «они»* (Известия. 2001. 21 ноября).

§ 8. Категории рода и числа

Категория рода. Среди личных форм по роду охарактеризованы формы единственного числа изъявительного наклонения (в прошедшем времени) и сослагательного наклонения: *стоял (бы), стояла (бы), стояло (бы)*. Родовые флексии глагола тождественны флексиям рода кратких прилагательных.

Глагольный род выполняет тройного рода функции:

1) чаще всего род глагола дублирует род существительного в позиции подлежащего, с которым он согласуется: *Город опустел; Деревня опустела, Село опустело;*

2) безличных предложениях типа *Светало; Ему всегда везло; Гостиницы не построено* фиксированный средний род (в сочетании с ед. числом) служит формальным показателем безличности;

3) наконец, в сочетаниях типа *Я пришел; Ты пришла; Звонил (звонила) Сашиа* род глагола является «прямым и непосредственным носителем семантической функции отношения к полу» [Бондарко, 1976, с. 44].

Категория числа. Категория числа свойственна всем личным формам глагола. В формах настоящего и будущего времени изъявительного наклонения число выражается кумулятивно в сочетании со значениями категории лица: *читаю — читаем, читаешь — читаете, читает — читают*. У глаголов в форме прошедшего времени изъявительного наклонения и в форме сослагательного наклонения единственное число выражается кумулятивно с категорией рода, а во множественном числе — флексией *-и*, выражающей только число: *стояли (бы), читали (бы)*. В повелительном наклонении категория числа специфична и по значению, и по средствам выражения.

У глагольного числа в изъявительном наклонении выделяются те же три функции, что и у категории рода:

1) наиболее типичной для числа глагола является структурно-согласовательная функция, ср.: *Идет дождь — Идут дожди;*

2) в односоставных глагольных предложениях: обобщенно-личных (*Здесь не уснешь*); неопределенно-личных (*Здесь не спят*) и безличных (*Здесь не спится*) — фиксированная форма числа служит компонентом структурной схемы этих предложений;

3) самостоятельную семантическую (номинативную) функцию число глагола выполняет в предложениях с подлежащим, выраженным неизменяемым существительным; ср.: *Пальто висит в шкафу* — *Пальто висят в шкафу*.

§ 9. Инфинитив (неопределенная форма глагола)

Общая характеристика. И н ф и н и т и в, или неопределенная форма, — неличная (неспрягаемая) форма глагола, служащая для обобщенного наименования действия. Инфинитив имеет только категории вида (*читать* — *прочитать*, *собрать* — *собрать*) и залога. Как и у личных форм, страдательный залог несовершенного вида выражается с помощью постфикса *-ся*, а у глаголов совершенного вида — с помощью аналитических конструкций, состоящих из вспомогательного глагола *быть* в форме инфинитива и страдательного причастия прошедшего времени, которая может выступать в двух формах: краткой и полной в тв. падеже [Буланин, 1976а, с. 161–166]: — *Всё это, однако, — рыцарски предположили братья, — одни лишь гипотезы. Да, подозрения падают на дам, но на то и подозрения, чтоб опровергаться и рассеиваться* (А. Азольский); *Любопытно, что вагоны такого класса перестали производиться после революции. В этом была своя справедливость: некому ведь в них стало ездить. А когда стало кому, то все еще хватало старых. Хорошо, значит, их однажды сделали* (А. Битов); — *Что, бишь, я там говорил? Ну, сказал, что приоритет русской науки во всех без исключения областях никакими разумными доводами не может быть обоснован и должен рассматриваться как акт веры* (И. Грекова); *Дерзость и нахальство — сила, которую надо побеждать, чтобы не быть побежденным!* (Д. Григорович); *Один лишь Кривицкий открыто посмеивался: — Мир хочет быть обманутым — пусть же обманывается* (Д. Гранин).

Пассивный инфинитив с кратким причастием употребляется в сочетании со словами *может* и *должен* и — гораздо реже — с глаголом *хотеть*: *Любое ее слово против новых порядков могло быть истолковано дурно* (Д. Гранин); *То, что вы говорите о социалистах, может быть сказано о всех людях* (М. Алданов); — *Это должно быть доказано, — сухо возразила Виноградская* (В. Токарева); *Так или иначе все, что должно быть сделано, будет сделано* (Д. Гранин); *Я хочу быть понятой моей страной, А не буду понятой — что ж?!* (В. Маяковский). В остальных случаях употребляется инфинитив с полными причастиями: — *Я счастлива, королева-хозяйка, быть*

приглашённой на великий бал полнолуния. — А я, — ответила ей Маргарита, — рада вас видеть (М. Булгаков); *Уже действительно начались годы, когда быть замеченным около церкви кем-нибудь из сослуживцев было опасно* (А. Солженицын); *Теперь я вижу: Ганка арестован; профессор Берне выпрыгнул из окна; Гаген не успел этого сделать, и вы его повесили; Ланэ не захотел быть арестованным, как Ганка, и повешенным, как Гаген, а прыгнуть с пятого этажа у него не хватило мужества* (Ю. Домбровский); *Какой-то ученый немец сказал: «Чтобы быть замеченным, нужно впасть в странности»* (М. Горький)⁹⁵.

Инфинитив нередко рассматривают в качестве исходной формы глагола и на этом основании сближают с им. падежом существительного. Вместе с тем с точки зрения своего функционирования инфинитив характеризуется двойственностью. В одних случаях он в большей или меньшей степени подобен отглагольным существительным: *люблю читать* — *люблю чтение*; *гулять полезно* — *прогулки полезны*; в других — косвенному наклонению, выражающему различные виды «позитивной» ирреальности: *Молчать!* — *Молчите!*, а в некоторых типах употребления — и индикативу.

Основные функции инфинитива. Подобно существительным, инфинитив может выступать в следующих синтаксических позициях:

1) в роли подлежащего: *Быть молодым и не уметь — это сносно; но состариться и не быть в силах — это тяжело* (И. Тургенев); *Радовать читателя «красивыми переплесками слова» не есть цель творчества* (М. Цветаева); *Читать за кофе — это моя непобедимая привычка* (А. Чехов); *Эти попытки ни к чему не привели бы, кроме того, что он был бы схвачен, а быть задержанным в этот день никоим образом не входило в его план* (М. Булгаков); *Быть убитым за свободу — это не то, что умереть за нее* (М. Арцыбашев);

2) в роли дополнения при другом глаголе: *Наташа, я тебя просила не говорить об этом* (Л. Толстой); *Нам песня строить и жить помогает* (В. Лебедев-Кумач); *Леса учат человека понимать прекрасное* (А. Чехов); *Не позволяй душе лениться!* (Н. Заболоцкий); *Московскому художнику Лаврову предложили написать несколько пейзажей Волги* (К. Паустовский); *Думать запретить нельзя. Но*

⁹⁵ Вплоть до середины XIX в. конструкции пассивного инфинитива с краткими причастиями употреблялись более широко: *Такие мысли возмущали Каиба: владетель морей и суши не на шутку боялся быть заеден голодным волком* (И. Крылов); *Поймите: я хочу это сделать искренне, не стесняясь толками товарищей, притеснением начальства; рискуя быть выгнан из службы, следовательно, потерять единственную возможность жить* (А. Левитов); *Но, уходя, осмелюсь заметить, что впредь надеюсь быть избавлен от подобных встреч и, так сказать, компромиссов* (Ф. Достоевский). В настоящее время подобные употребления звучат архаично, см.: *Пусть его труд не успеет быть использован в эту войну, но как много он будет значить для следующей!* (А. Солженицын)

можно **запретить справляться** о театре. И это я себе запретил (М. Булгаков). В этих конструкциях инфинитив зависит от другого глагола, причем объектом этого глагола является субъект действия, названного инфинитивом. Такой инфинитив принято называть объектным инфинитивом. Объектный инфинитив противопоставляют субъектному инфинитиву — инфинитивным сочетаниям, в которых оба действия выполняются одним субъектом: *Хотел писать, но труд упорный ему был тошен* (А. Пушкин); *Коля не мог бы рассказать этот сон* (А. Чехов); *Андерсен любил придумывать свои сказки в лесах* (К. Паустовский). Сочетания субъектного инфинитива с глаголами, имеющими фазисное, модальное или оценочное значения, в синтаксисе расцениваются как составное глагольное сказуемое. В аналогичных конструкциях с пассивным инфинитивом субъект действия главного глагола соответствует объекту действия, названного инфинитивом: Когда у Аникеева спрашивали, правда ли это, он только посмеивался: *«Все любят разгадывать других, но никто не любит быть разгаданным»* (Д. Гранин); *Говоривший как будто боялся быть услышанным тем, к кому обращался* (В. Короленко);

3) в сочетаниях с глаголами движения, в которых субъектный инфинитив считается обстоятельством цели: *Я пришел дать вам волю* (В. Шукшин); *Почти каждый день он ходил на станцию получать газеты и письма* (А. Чехов); *Недавно позвали меня в одну компанию слушать песни* (К. Паустовский); *На станции Зима мы сошли пообедать* (В. Вересаев). Без семантических ограничений значение цели выражается инфинитивными придаточными предложениями с союзом *чтобы*: *Он ворочался с боку на бок и раз пять вставал с постели, чтобы поиграть на скрипке* (А. Чехов); *Почерк показался ей знакомым, но, как настоящая женщина, она сейчас же отложила записку в сторону, чтобы посмотреть на браслет* (А. Куприн); *Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, конечно, не разузнала ровно ничего* (М. Булгаков). Инфинитивные предложения употребляются в тех случаях, когда действия главного и придаточного предложений выполняются одним и тем же лицом. В целевых придаточных предложениях с пассивным инфинитивом эти отношения меняются на обратные: субъекту действия главного предложения соответствует объект действия, обозначенного инфинитивом: *Путник при виде путника сворачивал в сторону, встречный убивал встречного, чтобы не быть убитым* (Б. Пастернак);

4) в качестве несогласованного определения, зависимого от существительных, выражающих модальные значения возможности, необходимости, желательности, а также другие отвлеченные понятия: *Последняя надежда спасти ее потеряна* (Л. Толстой); *Обычай ездить к соседям не нами выдуман* (А. Чехов); *Мысль жениться на Олесе все чаще и чаще приходила мне в голову* (А. Куприн). В действительном залоге такие сочетания соответствуют субъектному

инфинитиву, а в страдательном — объектному: *Капитан наблюдал окружающую местность, но местность была ровная, бежать без риска быть застреленным трудно, а бежать с риском капитан пока не хотел* (В. Войнович).

Что же касается собственно глагольных употреблений инфинитива, то к ним относят следующие основные их виды [Золотова, 1982, с. 249–273; Шелякин, 1996, с. 288–302]:

1) предикативный инфинитив в двусоставных предложениях, обозначающий действие, «совершенное внезапно, с резким эффектом неожиданности и с большой интенсивностью» [Гаспаров, 1978, с. 79]: *И царица хохотать, И плечами пожимать, И подмигивать глазами, И прищелкивать перстами* (А. Пушкин); *Тут он ругать меня: и дура-то, и подлая* (М. Горький); *Дед — плевать, а старуха... все смотрела, как на сына смотрит мать из уголка* (А. Твардовский); *Не будь меня, вас бы всех перестреляли, как маленьких, клянусь своим батькой — сапожником из Христиановки. А вы жалиться! А вы бунтовать!* (К. Паустовский);

2) инфинитив в односоставных предложениях, выражающих категорическое побуждение к действию: *Встать, суд идет!*; *Не трогать его!* — *закричал Дубровский* (А. Пушкин); *Не смей вставать!* *Слушать команду!* (М. Булгаков); — *Всем спать, всем без исключения, всему корпусу!* — *весело повышая голос, сказал он* (В. Катаев);

3) инфинитив в односоставных предложениях, выражающих необходимость или неизбежность обозначаемого действия: *Ну, тут мне слезать,* — *сказал Афанасий.* — *Вам кругом ехать, а я напрямик пойду, оврагом* (В. Вересаев); *Женщине — лукавить, Царю — править, Мне — славить Имя твое* (М. Цветаева). Отрицательные предложения с глаголом совершенного вида выражают невозможность осуществления действия: *До крепости мне не дойти* (Л. Толстой); *Молодости не вернуть*; *Мне не сдать этот экзамен*; *Не догнать тебе бешеной тройки* (Н. Некрасов), а в сочетании с глаголом несовершенного вида — запрещение: *Не курить!*; *По газонам не ходить!*;

4) вопросительные инфинитивные предложения, характеризующиеся тем, что «говорящий субъект совпадает в них с потенциальным агенсом» [Золотова и др., 1998, с. 141]: *Зима. Что делать нам в деревне?* (А. Пушкин); *Что же делать? Скорбеть? Горевать? Ни себе, ни другим этим не поможешь* (А. Тургенев); *Удерживать его? Да ни за что* (М. Булгаков); *Не знаю вот, что теперь одному-то делать. Может, уж заколотить избенку да к Петьке уехать?* (В. Шукшин);

5) сочетания инфинитива с частицей *бы*, выражающие желательность действия или его нежелательность при наличии отрицания [Корди, 1990, с. 174–183]: *Лечь бы, уснуть по-человечески, как все, не думая ни о чем, не казнясь душой. Но как не думать?* (В. Тендряков); *Хлопнуть бы дверь автомобиля и бежать, бежать по раз-*

беленной зелени молодой ржи (В. Песков); *Эх, кваску бы сейчас испить* (П. Нилин); *Мне бы заснуть, отдохнуть. Но только я лег — звонок* (К. Чуковский); *Соловьи не боятся света, но все-таки не спугнуть бы* (В. Песков).

Инфинитивные предложения, особенно отрицательные, могут сближаться по смыслу с другими типами односоставных предложений:

1) обобщенно-личными: *Его не переспорить — Его не переспоришь*;

2) безличными: *Не спешить с ответом — Не надо спешить с ответом*; *Этого не скрыть — Нельзя этого скрыть*;

3) неопределенно-личными: *Не курить в помещении — В помещении не курят*.

Таким образом, положение инфинитива в составе глагольных форм оказывается не вполне определенным. Охватить единой формулировкой все его употребления: и близкие к субстантивным, и собственно глагольные — затруднительно.

Показатели инфинитива. Специализированным формальным показателем инфинитива является суффикс *-ть/-ти*⁹⁶. Основной вид показателя инфинитива — вариант *-ть*, следующий за конечной гласной основы: *слабе-ть, дави-ть, коло-ть, ду-ть*. Этот же вариант показателя инфинитива представлен и в некоторых глаголах с основой инфинитива на согласные *с* или *з*: *ес-ть, грыз-ть, клас-ть, лез-ть, сес-ть*. Исторически исходным был вариант *-ти*, который в безударном положении испытал редукцию. В большинстве же глаголов с основой инфинитива на согласный выступает ударный вариант *-ти*: *брес-ти, грес-ти, мес-ти, нес-ти, пас-ти, плес-ти, полз-ти, рас-ти, скрес-ти, тряс-ти, цвес-ти* и др. Безударный *-ти* встречается только у глаголов с ударным префиксом *вы-*, мотивированных глаголами с инфинитивом на *-ти*: *вы-мес-ти, вы-нес-ти, вы-рас-ти* и т. п.

Небольшую обособленную группу составляют глаголы с инфинитивом на *-чь*: *волочь, достичь* (наряду с *достигнуть*), *жечь, лечь, печь, постичь* (наряду с *постигнуть*), *пренебречь, развлечь, стеречь, стричь, течь, толочь*, а также в приставочных глаголах с этими корнями: *зажечь, испечь, постричь*. Конечный *-чь* в этих инфинитивах восходит к сочетаниям звуков /k-tʰ/, /g-tʰ/, на стыке основы и суффикса инфинитива. Исходный конечный заднеязычный согласный сохраняется в основе настоящего времени; ср.: *волок-ут, жг-ут, ляг-ут, пек-ут* и т. п. С синхронной точки зрения, морфемная струк-

⁹⁶ В кн.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 124] показатели инфинитива — наряду с показателями рода, числа, падежа и лица — названы флексиями. Это решение никак не мотивируется. Оснований для него нет. Инфинитив является примыкающей словоформой, и его синтаксические связи с другими словами не имеют внешнего выражения. Поэтому гораздо естественней считать его словоизменительным суффиксом.

тура таких инфинитивов не имеет однозначной трактовки [Буланин, 1976б, с. 108–110]. Конечное *-чь* можно рассматривать и как еще один показатель формы инфинитива, и как конечный согласный корня (а инфинитив в этом случае выражается нулевым показателем). В нем можно также видеть пример совмещения (наложения) морфов — частичного или полного совпадения соседних морфов в одном звуковом комплексе. При таком понимании *-чь* является не только суффиксом инфинитива, но и конечным согласным корня. Последнее решение, соответствующее реальному историческому процессу, который привел к появлению данных форм инфинитива, представляется наиболее приемлемым.

§ 10. Причастие

Общая характеристика. Причастия — неличные формы глагола, совмещающие грамматические характеристики глагола и прилагательного и служащие для представления действия в виде признака предмета. При действительном причастии это субъект действия: *Я же, проживший с ними [солдатами] на войне почти два года, вместе с ними искавший и кормивший вшей, евший и учивший некоторых из них грамоте и даже читавший им в мокрой землянке под Сморгонью во время передышек между боями Гоголя и Толстого...* — *я совсем не боялся этих людей* (В. Катаев), а при страдательном причастии — его объект: *По утрам на паутине оседала роса. Покрытые паутиной и росами ивы стояли под солнцем, как сказочные деревья, пересаженные в наши земли из далеких стран* (К. Паустовский).

Из глагольных категорий причастиям присущи категории вида, времени (настоящего и прошедшего) и залога. Вид в причастиях выражается так же, как и в личных формах; при образовании этих форм видовая основа со всеми входящими в ее состав перфективирующими и имперфективирующими аффиксами остается неизменной, ср.: *разбросать — разбросавший — разбросанный; разбрасывать — разбрасывающий — разбрасывавший* и т. п. Что же касается времени и залога, то они выражаются кумулятивно (совместно), с помощью особых суффиксов. Следствием этого является деление причастий на четыре разряда, каждый из которых характеризуется собственным специфическим набором суффиксов:

1) действительные причастия настоящего времени: *читающий, лежащий*;

2) действительные причастия прошедшего времени: *читавший, лежавший, прочитавший, убежавший*;

3) страдательные причастия настоящего времени: *читаемый*;

4) страдательные причастия прошедшего времени: *читанный, прочитанный*.

Общие принципы, регулирующие образование причастий, сводятся к следующим двум: причастия настоящего времени образуются только от глаголов несовершенного вида, а страдательные причастия, как правило, образуются только от переходных глаголов. Поскольку классы глаголов несовершенного вида, имеющих страдательные причастия настоящего и прошедшего времени, практически не пересекаются, наличие у переходного глагола всех четырех разрядов причастий является исключением. С учетом как системных, так и индивидуальных ограничений на образование причастий количество их у глагола колеблется от одного до трех.

Важно также различать термины «действительные причастия» и «причастия действительного залога». Дело в том, что действительные причастия могут образовываться и от всех возвратных глаголов, в том числе и таких, к которым постфикс *-ся* служит показателем страдательного залога: *Символизм пространства и архитектурных форм романских соборов — законченная, устойчивая, ясно читающаяся современниками система* (С. Еремеева); *Анри Оверт говорит о книге: «Произведение небрежное, нескладное, но поразительно живое, это одна из немногих книг XVI века, имеющих спрос и читающихся во всех странах»* (А. Дживелегов); *Так как у меня было много свободного времени, то я ходил к историкам на потрясающие лекции Е. В. Тарле по новой истории, и еще я ходил и на лекции, читавшиеся лингвистам-старшекурсникам, — иногда только для того, чтобы составить себе представление о лекторе* (И. Дьяконов); *Указанное сочинение, предваряемое историей постепенного развития наших знаний о взаимной связи всех физических явлений, служило основой для публичных курсов, читавшихся Гумбольдтом в Берлине в 1827 и 1828 годах* (Д. Анучин).

Адъективные категории причастий. С прилагательными причастия объединяет наличие словоизменительных категорий *р о д а, ч и с л а и п а д е ж а*, согласуемых с определяемыми существительными: *читающий мальчик, читающая девочка, прочитанная книга, в прочитанной книге* и т. п. По своим функциям и средствам выражения они полностью аналогичны соответствующим категориям прилагательного. По *с т е п е н я м с р а в н е н я* причастия не изменяются. Возможность образования форм сравнительной и превосходной степеней сравнения типа *более блестящий, любимейший, самый уважаемый* свидетельствует об адъективации причастия.

К числу свойств, сближающих причастия с прилагательными, часто относят также наличие *п о л н ы х и к р а т к и х ф о р м*, см., напр.: [Клобуков, 1995, с. 240]. Эта точка зрения требует уточнения, поскольку в этом отношении причастия распадаются на несколько групп:

1) действительные причастия настоящего и прошедшего времени, которые имеют только полные формы. Их краткие формы, существовавшие в древнерусском языке, стали источником деепричастий.

В современном русском языке в краткой форме употребляются только адъективированные действительные причастия: — *Нет, брат, ты этого не говори: Базаров умен и знающ* (И. Тургенев); *Реформы были столь впечатляющи и успешны, что не оставляли надежды на революционную агитацию народовольцев* (В. Лебедев);

2) страдательные причастия настоящего времени, которые употребляются преимущественно в полной форме. Краткую форму на *-м*, служащую компонентом аналитических форм пассива, имеют немногие глаголы несовершенного вида типа *любить, уважать, ненавидеть, презирать* [Храковский, 1991, с. 153]: *А вот я был ненавидим, ненавиdim хорошевой девушкой и на себе самом мог изучить симптомы первой ненависти* (А. Чехов); *В это ощущение входило и то, что она нравится, любима, из-за нее мучаются* (Ю. Трифонов); *Он был очень любим и уважаем не только в школе, но и во всем Беслане, — рассказывает «Известиям» редактор газеты «Жизнь Побережья» Эльза Баскаева* (Известия. 2004. 6 сент.). Формы на *-м* других глаголов звучат непривычно и очень архаично; ср.: *Чтобы быть «нашим», надо было еще испытывать неопределенное беспокойство, неудовлетворенность всем тем, что предлагаем и доступно* (Л. Улицкая); *Он состоял в особом распоряжении Берии и перебрасывался всякий раз на ту шарашку, где вставала самая неотложная математическая проблема. Решив её в главных чертах и указав методику расчётов, он был перебрасываем дальше* (А. Солженицын); *В армии я всегда уклонялся от употребления уставных конструкций вроде «слушаюсь», «так точно», «никак нет», «не могу знать», а вместо «служу Советскому Союзу» норовил сказать «спасибо». За что выводим был из строя и наказуем несоразмерно провинности* (В. Войнович). Вплоть до середины XIX в. эти формы употреблялись гораздо шире [Булаховский, 1954, с. 318–319]⁹⁷.

3) страдательные причастия прошедшего времени глаголов совершенного вида, у которых краткие формы образуются регулярно: *построенный — построен, прочитанный — прочитан, придуманный — придуман* и т. п., однако соотношение полных и кратких форм у них иное, нежели у прилагательных. Формы на *-н, -т*, морфологически подобные кратким формам прилагательных, функционируют в качестве знаменательного компонента личных аналитических форм пассива, а полные причастия являются по отношению к ним собст-

⁹⁷ Особое положение занимает образования на *-м* с потенциальным значением, свободно употребляющиеся в краткой форме: *Позже энергия понадобится и для добычи угля, нефти, газа, алмазов, урана, железной руды, для перерабатывающих предприятий. Эта задача решается* (Эксперт. 2006. 19 июня); *У нас же легко совместились стояние в пасхальную ночь со свечкой в руке и оголтелость и жестокосердие, из которых и вырастает «право на убийство»* (Известия. 2006. 15 июня). Относительно их грамматического статуса высказывались разные точки зрения [Исаченко, 1960, с. 550–552; Буланин, 1976б, с. 166–167; Шелякин, 1989а, с. 228]. В данном пособии они рассматриваются как отглагольные прилагательные.

венно причастиями в точном грамматическом смысле этого слова, т. е. адъективными репрезентантами глагольного признака. Поэтому можно говорить о параллелизме между следующими парами форм:

Мальчик гуляет → *гуляющий мальчик*; *Дом строится (перестраивается)* → *строящийся (перестраиваемый) дом*; *Книга прочитана* → *прочитанная книга*.

В соответствии со сказанным, полные причастия, в отличие от полных прилагательных, неспособны выступать в составе сказуемого, за исключением сочетаний с полужнаменательными глаголами и глаголами, обозначающими существование, состояние, движение, восприятие: *Зрелище оказалось завораживающим*; *Он кажется уставшим*; *Ситуация становится пугающей*; *Яблоки остались нераспроданными*; *Мороз стоял обжигающий*; *Мальчик вбежал запыхавшийся*; *Ребёнок спал одетый*. Краткие же причастия употребляются в сказуемом только в сочетании с формами глагола *быть*⁹⁸. Практически вышли из употребления и широко распространенные в поэзии первой половины XIX в. обособленные обороты с краткими страдательными причастиями: *Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями На потопленные луга* (А. Пушкин); *Блестает речка, льдом одета* (А. Пушкин); *Без пользы в пустыне росли и цвели мы, Колеблемы ветром и зноем палимы* (М. Лермонтов).

Глагольные категории причастий. Обладая глагольными категориями вида, залога и времени, причастия не имеют форм лица и наклонений, а также будущего времени. Содержательно это означает, что причастия представляют действие как уже данное в его носителе. Отклонения от этого правила редки, хотя и возможны.

Действительные причастия настоящего времени могут обозначать желаемое или ожидаемое действие, что в личных формах требует употребления сослагательного наклонения или будущего времени, ср.: *Ждали смелых конструктивных решений, пресекающих (= которые пресекали бы, будут пресекать) рост инфляции*; *Сегодня уже очевидно, что между бизнесом и обществом нужен надежный посредник, определяющий (= который определит бы, будет определять) правила игры и контролирующий (= который контролировал бы, будет контролировать) их соблюдение* [Шелякин, 1989а, с. 227; Козинцева, 2002, с. 103]. В современной художественной литературе и газетах иногда используются и сочетания действительных причастий прошедшего времени с частицей *бы*: *На каждом из них (речь идет о прогулочных теплоходах) гремела своя музыка, и... нужно было специальное усилие, чтобы слушать свой теплоход и не слышать других. Это в обычное время раздражавшее бы его*

⁹⁸ А. В. Исаченко считал невозможность сочетаний типа **стал построен* одним из основных отличий форм аналитического пассива от присвязочных сочетаний с краткими прилагательными [Исаченко, 1960, с. 364].

усилие Энэн в своем размягченно-благословляющем состоянии духа делал с радостью (И. Грекова); *Летом прошлого года город объявил новый конкурс, и его победителем вновь стала «Арома», предложившая наибольшую сумму за пакет — 245 млн. рублей. Сумма значительная, позволившая бы Фонду имущества чуть ли не два раза перевыполнить годовой план по сбору доходов в казну* (Известия. 2000. 14 апр.). Встречаются и действительные причастия настоящего времени от глаголов совершенного вида типа *смогущий, сумеющий, делающий*, обозначающие действие в будущем [Русская грамматика, 1980, I, с. 667]. Такие причастия являются отступлением от литературной нормы. Однако сама возможность их появления свидетельствует о тенденции к установлению большей симметрии между причастиями и личными формами.

Категория времени в причастиях. Относительно категории времени причастий высказывалось две точки зрения. По мнению Л. Л. Буланина, причастия, как и деепричастия, всегда выражают относительно время: «Категория времени причастий и характер ее взаимодействия с видом и залогом отличаются ярким своеобразием. Они обозначают время по отношению ко времени глагольного сказуемого, причем формы причастий несовершенного вида выражают одновременность причастного (побочного) действия основному (глагольному)», а «формы причастий совершенного вида выражают предшествование» [Буланин, 1983, с. 106]. Действительно, причастия настоящего и прошедшего времени, подобно деепричастиям несовершенного вида, выражают одновременность основному действию, выражаемому глаголами прошедшего времени: *Уже ни о чём другом не мог думать Дмитриев, стоя на троллейбусной остановке под морозящим дождём и потом, пробираясь внутрь вагона среди мокрых плащей, толкающих по колену портфелей, пальто, пахнувших сырым сукном, и об этом же он думал, сбегая по грязным, скользким от нанесённой тысячами ног дождевой мокряди, ступеням метро, и стоя в короткой очереди в кассу, чтобы разменять пятиалтынный на пятаки, и снова сбегая по ступеням ещё ниже, и бросая пятак в щель автомата, и быстрыми шагами идя по перрону вперёд, чтобы сесть в четвёртый вагон, который остановится как раз напротив арки, ведущей к лестнице на переход* (Ю. Трифонов); *Сквозь надвигающуюся дремоту он видел крыльцо деревянного дома, Ксению Федоровну, стоявшую на самой верхней ступеньке крыльца и вытиравшую руки мятым вафельным полотенцем* (Ю. Трифонов).

Это, однако, не единственная возможность. Так, в примере: *Профессор Мезонье говорит: «Этот череп принадлежит человеку вымершей расы, жившей, ну, скажем, в конце вюрмского обледенения»* (Ю. Домбровский) — причастие прошедшего времени несовершенного вида *живший* выражает именно предшествование, и притом предшествование по отношению к моменту речи. И наоборот, в

следующем примере из газетной заметки причастие настоящего времени *находящийся* выражает одновременность не только по отношению ко времени главного действия *объявил*, но и по отношению к моменту речи (времени написания данной заметки): *Находящийся в Ирландии на съемках нового фильма «Разделенные Богом» семидесятилетний артист объявил, что нашел на берегах «зеленого острова» то, к чему стремился всю свою жизнь — «мир и покой».* Это становится очевидным, если заменить причастие *находящийся* на деепричастие *находясь*. В предложении аналогичного состава: *Находясь в Ирландии, объявил...* деепричастие выражало бы только относительное время ('во время пребывания в Ирландии') и не давало бы никаких оснований считать, что артист все еще находится в Ирландии.

Поэтому следует согласиться с теми учеными, которые считают, что, хотя время, к которому относится ситуация, обозначаемая причастием, всегда так или иначе соотносено с временем основного действия, причастия могут иметь и абсолютное временное значение [Бондарко, 1984, с. 89–90; Шелякин, 1989а, с. 226; Козинцева, 2002, с. 107]. Вместе с тем условия, благоприятствующие либо препятствующие тому или иному осмыслению причастий, до конца не выяснены.

Видо-временные функции причастий. Причастия настоящего времени чаще всего обозначают ситуации, одновременные основному действию или объемлющие его, и могут выражать все интрагерминальные (синхронные) значения несовершенного вида: актуально-длительное, континуальное неактуально-длительное, многократное; см.: *Слева стояли близкие, замутненные туманом деревья и слышались возня и щелканье просыпающихся птиц* (М. Рошин); *Был слышен лязг вынимаемой шашки. Мать закрыла глаза, ожидая крика* (М. Горький); *Комбат слушал его и не слушал, все поглядывая вправо от нас, в сторону пологого склона, начинающегося за крайним колодцем* (Д. Гранин); *Из-за финансовой блокады, объявленной исламистам Евросоюзом и США, контролируемое «Хамасом» правительство не может выплатить зарплату 165 тыс. государственных служащих* (Власть. 2006. 12 июня); *Причина переполоха среди изданий, популярных как в США, так и во всем мире, — резкий спад доходов, приносимых от размещаемой на страницах газет рекламы* (Известия. 2001. 1 июня); *Мою неудачу заметила не я одна. Даже Лева Маркин, не упускающий случая меня похвалить, на этот раз молчал* (И. Грекова).

Другой распространенный вариант — обозначение запланированных последующих действий, см.: *В окнах было совершенно сине. И в синеве на площадке оставались двое, уходящие последними, — Мышлаевский и Карась* (М. Булгаков); *В конце мая вышло распоряжение мэра «О мерах по ускорению оформления документов гражданам, отселяемым из сносимых домов», благодаря которому люди*

смогут быстрее переезжать в новые квартиры и оформлять необходимые документы (Аргументы и факты. 2001. 6 июня); *В среду депутаты Госдумы попытались уменьшить число сокращаемых отсрочек* (Известия. 2006. 8 июня).

В свою очередь, действительные причастия прошедшего времени несовершенного вида, как и соответствующие личные формы, могут употребляться и в интрагерминальных (синхронных), и в ретроспективных значениях.

В первом случае действие или состояние, обозначаемое причастием, рассматривается в середине его течения или многократного возобновления с синхронной позиции, которая определяется временем основного действия, т. е. интрагерминально. При этом если повествование ведется в прошедшем времени, то интрагерминальные действительные причастия настоящего и прошедшего времени несовершенного вида обычно (хотя и не всегда) взаимозаменяемы: *Теперь же видно было дорогу во всю ее ширь, тюки, оглобли, жевавших (= жующих) лошадей* (А. Чехов); *Петухи, то и дело перелетавшие (= перелетающие) через сосну, поваленную бурей, при блеске солнца казались изумрудными* (А. Чехов); *В малорослом сером человечке, обутым в большие сапоги, сидящем (= сидевшем) на некрасивой лошаденке и разговаривающем (= разговаривавшем) с мужиками в такое время, когда все порядочные люди спят, трудно было узнать таинственного, неуловимого Варламова* (А. Чехов); *Все трое, очень похожие друг на друга, стояли рядом на краю своей ямы и, глядя на возвращавшуюся (= возвращающуюся) мать, помахивали хвостами* (А. Чехов).

Что же касается ретроспективных значений несовершенного вида (общефактических, ограниченно-кратного, ограниченно-длительного), когда обозначается ситуация, имевшая место ранее основной линии повествования, то они выражаются только причастиями прошедшего времени: *Теперь мы знаем, что в тот момент впервые держали в руках частичку печи, согревавшей Алексея Михайловича* (Известия. 1990. 10 авг.); *Пантюша, уходивший куда-то, снова возник за столом* (Ю. Трифонов); *Алексей Иванович был старый гинеколог, пользовавшийся еще Ирину Игнатьевну и дважды делавший аборт Ляле* (Ю. Трифонов); *К семи Федор неожиданно устал: от яркого солнца, три часа бившего в глаза, от блеска реки, от напряжения* (М. Рошин); *Лужин не мог точно сказать, когда, например... явился к ним обедать седой еврей, дряхлый шахматный гений, побеждавший (ретр.) во всех городах мира, а ныне живший (синхр.) в праздности и нищете* (В. Набоков).

Осмысление потенциально неоднозначных действительных причастий прошедшего времени зависит от многих факторов. Так, в последнем примере ретроспективная интерпретация причастия *побеждавший* навязывается его противопоставлением упоминаемой далее ситуации в настоящем времени повествования: *а ныне живший*.

Существенным может быть и референциальный статус участника ситуации: неопределенность объекта способствует синхронной интерпретации причастия, а определенность — ретроспективной, ср. различное понимание следующих предложений сходного лексического состава: *За соседним столом я заметил человека, писавшего письмо* — (синхронная точка зрения — ‘писал в то время, когда заметил’), но: *За соседним столом я заметил человека, писавшего это письмо* — (ретроспективная точка зрения — ‘писал когда-то ранее’).

С точки зрения выражаемых видо-временных значений, основное отличие причастий совершенного вида от личных форм состоит в отсутствии у причастий наглядно-примерного и потенциального значений, характерных для форм будущего совершенного (типа *Он всегда все перепутает*). В остальном причастия совершенного вида допускают все те типы ограниченности пределом, что и личные формы совершенного вида: *Вечером приехал Иван Василич Чеботарев, липецкий мещанин, снявший в усадьбе сад.* <...> *Мужик, привезший его на барский двор со станции, неловко, нелепо остановил телегу как раз посреди двора* (И. Бунин); *Описывать жизнь писателя вне его замыслов столь же бессмысленно, сколь жизнь шахматиста без сыгранных, выигранных, проигранных и недоигранных партий* (В. Войнович); *Дмитрий Иванович Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами* (А. Чехов); *Это вот когда испытываешь прожитое и пережитое задолго до того, как твоё «я» облеклось плотью* (Ю. Давыдов); *Клим вспоминал: что еще, кроме дважды сказанного «здравствуй», сказала ему Лидия?* (М. Горький); *Кто-то сказал, что необходимо открыть окно, другие возражали, из-за этого возник спор.* <...> *Хозяин, на короткое время заколебавшийся, затем решительно нашел выход* (Ю. Трифонов).

Последовательности причастий совершенного вида могут передавать поступательный ход событий: *Лев Троцкий, занявшийся критической деятельностью в какие-то вакуумные дни своей пошатнувшейся карьеры и решивший написать о Пастернаке, прислал за ним мотоцикл с коляской, чем крайне озадачил пугливого к технике поэта* (Ю. Нагибин); *А с торьюмой Матросская Тишина, в революцию упраздненной, а потом восстановленной и укрепленной, она и сама жила рядом* (А. Солженицын).

Страдательные причастия прошедшего времени, как и пассивные формы на *-н*, *-т*, способны выражать наряду с акциональным и статальное значение: *Если судить о духовной жизни поколений приходится только косвенно — по ее рудиментам в современном сознании, по обломкам материальной культуры, редким и часто искаженным записям?* (Д. Биленкин); *Ваня взял со стены свою торбу, компас и букварь, по-прежнему открытый на разрисованной странице с*

прописью «Рабы не мы. Мы не рабы», запачканной высохшей кровью (В. Катаев).

Образование причастий. Действительные причастия настоящего времени образуются от основ настоящего времени с помощью суффикса *-ущ/-ющ* для глаголов I спряжения: *нести* — *нес-ущ* — *нес-ущ-ий*, *рисовать* — *рису/ж/-ущ* — *рису/ж/-ущ-ий*, — и суффикса *-ащ/-ящ* для глаголов II спряжения: *слышать* — *слыш-ащ* — *слыш-ащ-ий*, *красить* — *крас-ящ* — *крас-ящ-ий*. Таким образом, гласный в суффиксе причастия совпадает с гласным окончания 3-го лица множественного числа. Глаголы с двумя основами настоящего времени образуют варианты формы действительных причастий настоящего времени, которые могут различаться семантически или стилистически, ср.: *хныкать* — *хныч-ущ* / *хныка/ж/-ущ* — *хныч-ущ-ий* / *хныка/ж/-ущ-ий*.

Эти суффиксы представляют собой старославянизмы. Им соответствуют собственно русские суффиксы *-уч/-юч* (*текучий*, *могучий*) и *-ач/-яч* (*лежащий*, *стоящий*, *горячий*), используемые в отглагольных прилагательных. Собственно русский вариант выступает также в деепричастии глагола *быть* — *будучи*.

Действительные причастия прошедшего времени образуются от основ прошедшего времени с помощью суффикса *-ви-* для основ на гласный: *чита-ть* — *чита-л* — *чита-вший*, *краси-ть* — *краси-л* — *краси-ви-ий*, — и суффикса *-ш-* для основ на согласный: *нес-ти* — *нес-* — *нес-ш-ий*, *привез-ти* — *привез* — *привез-ш-ий*. У глаголов с факультативным суффиксом *-ну-* в основах прошедшего времени возможно образование действительных причастий прошедшего времени от обеих основ: *повиснуть* — *повис* / *повиснул* — *повис-ш-ий* / *повисну-ви-ий*. Причастия с *-ну-* в целом более употребительны в современном языке.

Особый случай составляют те глаголы с инфинитивом на *-сти* / *-сть*, у которых согласный *-с-* появляется из корневого *-т-* / *-д-* в результате диссимиляции. Общая тенденция такова, что у глаголов на *-сти* это причастие образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса *-ш-*: *отцветс-ти* — *отцве-л* — *отцвет-ущ* — *отцвет-ш-ий*, *привес-ти* — *приве-л* — *привед-ущ* — *привед-ш-ий*, — а у глаголов на *-сть* — от усеченной основы инфинитива без конечного *-с* с помощью суффикса *-ви-*: *крас-ть* — *укра-л* — *укра-ви-ий*; *пас-ть* — *пал* — *пад-ущ* — *па-ви-ий* (наряду с *пад-ш-ий*, образуемым по первому типу). Для некоторых из этих глаголов возникают трудности в выборе допустимого алломорфа при попытке образовать действительное причастие прошедшего времени, ср. представляющиеся равно неудачными формы [?]*прочёвший* и [?]*прочётший* от глагола *прочсть*, а также колебания при образовании действительного причастия прошедшего времени от глагола *приобрести*: *Почему считается, что от «пиратки» [пиратских дисков] страдает только правообладатель, но не продавец, законно приобрет-*

ший и **продвигающий** «лицензию»? (Северо-Запад. 2006. № 25) и **Приобрёвший** привычную ласковость и в лице, и в голосе (В. Тендряков)⁹⁹.

Действительные причастия образуются практически от всех глаголов. К немногочисленным исключениям относятся:

1) **безличные** глаголы, лишённые носителя признака, к которому могло бы относиться причастие: *смеркаться* — **смеркающийся*, *тошнить* — **тошнящий*;

2) **многократные** глаголы, не имеющие ни личных, ни причастных форм настоящего времени: *хаживал* — **хаживаю* — **хаживающий*.

Страдательные причастия настоящего времени и образуются от переходных глаголов несовершенного вида присоединением к основам настоящего времени суффикса *-ем-* (под ударением *-ом-*) для глаголов I спряжения: *открыва-ем-ый*, *вед-ом-ый*, и суффикса *-им-* для глаголов II спряжения: *гон-им-ый*, *цен-им-ый*. Глаголы типа *создавать*, *познавать* образуют эти формы от основ прошедшего времени, сохраняющих имперфективирующий суффикс *-ва-*: *созда-ва-ть* — *созда-ва-л* — *созда/л/-ут* — *созда-ва-/л/-ем-ый*. Эти страдательные причастия образуются, главным образом, от приставочных глаголов несовершенного вида, имеющих в своем составе суффиксы имперфективации *-а-*, *-ва-*, *-ива-* (*-ыва-*), и глаголов на *-овать* / *-евать*: *изуч-а-ть* — *изуч-а-/л/-ем-ый*¹⁰⁰, *приним-а-ть* — *приним-а-/л/-ем-ый*, *разда-ва-ть* — *разда-ва-/л/-ем-ый*, *перedel-ыва-ть* — *перedel-ыва-/л/-ем-ый*, *рекоменд-ова-ть* — *рекоменду-/л/-ем-ый*.

У большей части глаголов несовершенного вида других типов (*топтать*, *держать*, *строить*, *кормить*, *чистить*, *стричь*, *рыть* и др.) образование этого разряда причастий невозможно или затруднительно; ср.: архаичное *зов-ом-ый*, но вполне употребительное *назыв-а-/л/-ем-ый*. Возможности образования таких причастий сокращаются на протяжении долгого времени; так, вышли из употребления встречавшиеся ранее формы типа *учимый*, *держимый* или *строимый* [Исаченко, 1960, с. 359–361, 548–552].

Вместе с тем в литературном языке употребляются страдательные причастия настоящего времени, образованные от некоторых синтаксически непереходных глаголов, управляющих творительным падежом в объектном значении: *руководить* — *руководимый*, *управлять* — *управляемый*.

Для образования **страдательных причастий** прошедшего времени используются суффиксы *-нн-*, *-т-* и *-енн-*. Суффикс

-нн- (наиболее употребительный из них) присоединяется к основам прошедшего времени с суффиксами *-а-*, *-я-* (*прочит-а-ть* — *прочит-а-нн-ый*, *засел/л/-а-ть* — *засел/л/-а-нн-ый*, *из-гн-а-ть* — *из-гн-а-нн-ый*); этот же суффикс выделяется в причастиях *вид-е-нн-ый* и *увид-е-нн-ый*. Суффикс *-т-* присоединяется к основам прошедшего времени на *-ну-* (*поки-ну-ть* — *поки-ну-т-ый*), *-о-* (*расколо-ть* — *расколо-т-ый*), *-р-* (*запер-еть* — *запер-т-ый*) и к основам, оканчивающимся на корневой гласный: *нагре-ть* — *нагре-т-ый*, *разби-ть* — *разби-т-ый*, *умы-ть* — *умы-т-ый*, *обу-ть* — *обу-т-ый*, *нача-ть* — *нача-т-ый*, *заян-ть* — *заян-т-ый*.

Особого комментария заслуживают причастия с суффиксом *-енн-*, которые образуются от глаголов на *-ить*, *-еть* (кроме упомянутого выше глагола *видеть*), *-ти*, *-чь*, *-сть*: *закрутить* — *закрученный*, *вырастить* — *выращенный*, *погубить* — *погубленный*, *обидеть* — *обиженный*, *обрести* — *обретенный*, *принести* — *принесенный*, *пройти* — *пройденный*, *сберечь* — *сбереженный*, *украсть* — *украденный*. Исторически эти причастия образовывались путем присоединения суффикса *-н-* к основе инфинитива, однако, вследствие различных морфонологических изменений, с синхронной точки зрения они оказались ближе к основам настоящего времени [Исаченко, 1960, с. 562–564; Буланин, 1976б, с. 112–113; Зализняк, 1977, с. 86; Русская грамматика, 1980, I, с. 670]. Их можно разделить на четыре группы:

1) у глаголов II спряжения на *-ить* с согласным корня, не чередующимся при образовании различных форм (без учета чередований по твердости — мягкости), а также глаголов с инфинитивом на *-ти* и *-сть* используется основа 3-го лица мн. числа: *выделить* — *выделят* — *выделенный*, *сплести* — *сплетут* — *сплетенный*, *съесть* — *съедят* — *съеденный*;

2) у других глаголов II спряжения с губным или переднеязычным согласным в конце корня используется основа 1-го лица ед. числа, где имеют место те же чередования согласных: *затопить* — *затоплю* — *затопленный*, *оскорбить* — *оскорблю* — *оскорбленный*, *заморозить* — *заморожу* — *замороженный*, *вырастить* — *выращу* — *выращенный*, *повесить* — *повешу* — *повешенный*;

3) у глаголов на *-чь* целесообразно использовать основу, которая выводится из форм 2-го и 3-го лица ед. числа или форм 1-го и 2-го лица мн. числа, в которых, с одной стороны, проясняется конечный согласный корня, а с другой стороны, происходят чередования *к/ч* и *г/ж*, имеющие место в причастиях: *увлечь* — *увлечешь* — *увлеченный*, *подстричь* — *подстрижешь* — *подстриженный*;

4) некоторые глаголы на *-дить* образуют причастия с чередованием «старославянского типа» *д/жд*, которого нет ни в одной из личных форм: *наградить* — *награжденный*, *победить* — *побежденный*, *повредить* — *поврежденный*. Форма 1-го лица ед. числа у этих глаголов либо вообще не образуется: *победить*, *убедить*, либо

⁹⁹ Последний пример приведен как разговорный вариант, не рекомендуемый для употребления в письменной речи, см.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 669].

¹⁰⁰ Современная норма допускает выпадение йота в интервокальной позиции перед безударным гласным, следовательно, данный суффикс может быть не реализован.

образуется с чередованием *д/ж*: *наградить* — *награжу*, *осудить* — *осужу*¹⁰¹.

Нужно отметить также, что в литературном языке страдательные причастия прошедшего времени глаголов несовершенного вида могут быть образованы только от глаголов, не имеющих суффиксов вторичной имперфективации — формальных показателей несовершенного вида. Таким образом, от глаголов несовершенного вида типа *брос-а-ть*, *доста-ва-ть*, *созда-ва-ть*, *рассказ-ыва-ть* эти причастия в литературном языке не образуются. Их базой являются первичные имперфективы, см.: *Катерине Ивановне стало еще труднее встать по утрам и видеть все то же... пожелтевшие чашки на столе, давно не чищенный самовар и картины на стенах* (К. Паустовский); *В этой необыкновенной, никогда не слышанной тишине зарождается рассвет* (К. Паустовский).

Адъективация причастий. Адъ е к т и в а ц и е й по отношению к причастиям называют утрату ими глагольных свойств и приобретение дополнительных адъективных признаков. Различаются два основных типа адъективации причастий.

Во-первых, адъективация может быть вызвана возникновением у причастий переносных лексических значений, характерных для качественных прилагательных, вследствие чего происходит его семантический отрыв от соответствующего глагола: *блестящие способности, подавленное настроение, оживленная беседа, упавший голос*. Следствием этого семантического сдвига может быть появление следующих грамматических признаков:

1) возможности образования форм сравнительной и превосходной степеней сравнения: *Действия крейсеров стали еще более вызывающими* (А. Новиков-Прибой); *Я никогда не видел его более одухотворенным, более трепещущим, более взволнованным, чем в те минуты сладостнейших воспоминаний* (А. Мариенгоф); *Она может найти более блестящего жениха* (Ф. Сологуб); *Вчера на чемпионате мира по футболу состоялся, пожалуй, самый ожидаемый матч турнира* (Известия. 2002. 8 июня);

2) несоотнесенности с другими глагольными формами: *У него уставший вид* при невозможности: *?У него устал вид*;

3) возможности образования кратких форм у действительных причастий: *У нас блестящие успехи* — *Наши успехи блестящи*;

4) отсутствии кратких форм у страдательных причастий прошедшего времени: *взволнованные слова* при невозможности: **слова взволнованы*.

¹⁰¹ При возведении страдательных причастий с этим суффиксом к основе инфинитива (см., напр.: [Гвоздев, 1967, с. 384]), они фактически образуются от основы настоящего времени, поскольку у глаголов на *-ить* перед присоединением суффикса *-енн-* конечный гласный основы инфинитива нужно отсекают и тем самым получают основу настоящего времени: *подари-ть* — *подар-енн-ый*.

Во-вторых, адъективация причастий может основываться на функциональном переосмыслении значений вида, времени и залога без утраты связи с ними. Для причастий прошедшего времени совершенного вида характерно обозначение состояния, являющегося результатом предшествующего действия (*освященные окна, промерзшая земля*), а для действительных и страдательных причастий настоящего времени — обозначение способности выполнять действие или подвергаться воздействию извне (*вьющиеся растения, печатающее устройство, нержавеющей сталь*).

§ 11. Деепричастие

Общая характеристика. Деепричастие — неличная форма глагола, служащая для обозначения второстепенного действия (состояния или отношения), характеризующего основное действие (состояние или отношение). В деепричастии сочетаются функции «второстепенного сказуемого» и обстоятельства образа действия, времени, условия, причины и т. п., ср.: *Он работает, ничего не замечая* (образ действия); *Работая, он ничего не замечает* (время); *Простудившись, он не пошел на работу* (причина); *Простудившись, он все равно пошел на работу* (уступка). Деепричастия не имеют спрягаемых форм наклонения, времени и лица, в силу чего считаются неизменяемыми. Из глагольных категорий они обладают категориями вида (*читая* — *прочитав*) и залога (*прочитав* — *будучи прочитан*), а также рудиментами категории времени (*болея* — *болея*). Вид деепричастий помимо собственно видовой характеристики передает также временную соотнесенность второстепенного действия с основным, т. е. выражают значение относительного времени. Деепричастия несовершенного вида обычно обозначают действие, одновременное с основным (*читая, замечал..., читая, замечает...*), а деепричастия совершенного вида — предшествующее ему (*прочитав, заметил..., прочитав, заметит*), однако связь между видом деепричастия и типом выражаемой временной соотнесенности не является жесткой и может видоизменяться под воздействием различных факторов.

Нормы употребления деепричастий. Современные деепричастия восходят к бывшим формам им. падежа кратких действительных причастий, определявших подлежащее. Этим объясняется требование совпадения субъектов деепричастия и основного действия, что в наиболее жестком виде формулируется следующим образом: «Семантический субъект деепричастия должен совпадать с семантическим субъектом глагола главного предложения, а этот последний должен выполнять функцию подлежащего» [Гловинская, 1996, с. 278]: *Мать уложила ребенка, накрыв его одеялом*. Такие конструкции можно считать нормативным образцом употребления деепричастий.

Отступление от этих правил кореферентности может сделать предложение с деепричастием ненормативным. Так, в знаменитой записи чеховского персонажа в жалобной книге (*Подъезжая к своей станции и глядя на природу, у меня слетела шляпа*) не совпадают семантический субъект деепричастия (я) и референт подлежащего главного предложения (*шляпа*). Для ее исправления достаточно сделать слово я подлежащим главного предложения: *Подъезжая к станции, я потерял шляпу*. Ненормативность употребления деепричастий в пассивных конструкциях типа *Получив пробоину, судно было потоплено* объясняют тем, хотя в данном случае семантический субъект деепричастия и референт подлежащего главного предложения совпадают (это — *судно*), семантическим субъектом главного предложения является неназванный неприятель [Ицкович, 1974, с. 85–89]. Чтобы сделать его приемлемым, нужно устранить это несоответствие, ср., например: *Получив пробоину, судно утонуло*.

Вместе с тем в современном языке постоянно растет число отклонений от нормативного образца. Так, большинством исследователей считается приемлемым употребление деепричастий в безличных и неопределенно-личных предложениях с подразумеваемым личным носителем признака при условии совпадения их семантических субъектов: *Играя черными, ему не удалось победить; Не зная правил, нельзя ездить на машине; В цеху работали, не останавливаясь ни на минуту*. Широко распространено и употребление деепричастий в некоторых разновидностях пассивных конструкций, например в конструкциях с формами глаголов, обозначающих эмоции: *Через много лет, читая Хлебникова, я был поражен простотой, с которой он выразил это чувство* (В. Каверин); *Мать, навестив меня в следующий раз, была огорчена, что я испортил такую интересную книгу* (В. Шефнер).

В целом же наблюдается довольно значительная разноречивость в оценках употребления деепричастий в конструкциях, где те или иные нормативные условия не соблюдаются, и в формулировке более широких условий их правильного использования, см., напр.: [Ицкович, 1974, с. 43–106; Шелякин, 1989а, с. 232–233; Гловинская, 1996, с. 277–289]. Поэтому для уверенности, особенно в письменной речи, лучше придерживаться максимально жестких норм употребления деепричастий.

Вид в деепричастиях. Считается, что «категория вида у деепричастий имеет то же содержание, что и у личных форм» [Буланин, 1983, с. 109]. Тем не менее полного тождества между ними нет, причем это касается деепричастий и совершенного, и несовершенного вида.

Деепричастия совершенного вида, в отличие от соотносительных с ними личных форм прошедшего времени, свободно употребляются для обозначения неограниченно-кратных ситуаций: *Ежедневно, вставши с постели часов в одиннадцать, Ольга Ива-*

новна играла на рояле или же, если было солнце, писала что-нибудь масляными красками (А. Чехов); *Проснувшись, Каюта начинала ходить по комнате и обнюхивать углы* (А. Чехов); *Возвратясь из бани, он одевался франтом, надевал манишку, косынку на шею, выпускал по атласному жилету серебряную цепь и молча уезжал* (М. Горький); *Иногда думала, что это оттого, что нет детей. Но, подумавши глубже, понимала — нет, дети не уменьшили бы желания делиться чем-то нужным для счастья* (Ю. Трифонов). Прошедшее время на -л в таких случаях употребить нельзя: оно могло бы относиться только к единичной ситуации, ср.: *Когда Каюта проснулась, было уже светло и с улицы доносился шум* (А. Чехов).

В свою очередь, деепричастия несовершенного вида употребляются почти исключительно лишь в интрагерминальных — однократном или многократном — значениях, совпадая в этом отношении действительными причастиями настоящего времени: *Теперь, сидя с ней в столовой, чокаясь рюмками под холодную зернистую икру, он уже знал, почему так влечет его она* (И. Бунин); — *Куда вы едете? — спрашивала его Ольга Ивановна в передней, глядя на него с ненавистью. Он, морщась и щуря глаза, называл какую-нибудь даму, общую знакомую, и было видно, что это он смеется над ее ревностью* (А. Чехов).

Ранее для обозначения завершенных действий могли использоваться деепричастия несовершенного вида с суффиксом -в типа *болев, встречав, слышав*, употребляемые в настоящее время крайне редко. Эти деепричастия могли выражать все основные разновидности ретроспекции: общефактические, ограниченно-длительные и ограниченно-кратные: *Не мудрено, что такое антирусское, антиславянское начало принимает несвойственные русской жизни аллюры партии, образцы и идеалы которой, быв прежде польско-шляхетскими, стали теперь немецко-баронскими* (Н. Данилевский); *Челищев знал, слышав это не раз от Николая, что, когда ему нужно решить какой-либо важный вопрос, ему нужно было только сосредоточиться на несколько мгновений* (Л. Толстой); *Олег смотрел на лицо своего товарища по палате, словно видя его в первый раз, или нет, много лет его видел в воротнике тулупа и с автоматом* (А. Солженицын).

Относительно менее архаично звучат деепричастия этого разряда лишь в сочетании с отрицанием: *Когда мне случалось провести дня три или четыре, не видав его, я начинал скучать и мне становилось грустно до слез* (Л. Толстой); *Александр умер совершенно неожиданно, не болев перед этим никакой серьезной болезнью* (Л. Толстой); *Я торопливо собрался идти — увидеть, наконец, море; не ев, не пив отправился я на улицу* (А. Грин). Именно в отрицательных предложениях эти деепричастия изредка употребляются и сейчас в качестве более или менее нейтральных форм: *Подымайте руки, в урны суйте Бюллетени, даже не читав, — Помереть от скуки! Голосуй-*

те, Только, чур, меня не приплюсуйте: Я не разделяю ваш устав! (В. Высоцкий); В этом, кстати, и важнейшая проблема — теоретики регулируют практическую работу банков, ни разу **не держав** в руках реальных банковских инструментов (Аргументы и факты. 1998. № 41).

Образование деепричастий. Для образования деепричастий используются особые суффиксы, выбор которых зависит, главным образом, от вида глагола.

Деепричастия несовершенного вида образуются преимущественно с помощью суффикса *-а/-я*, присоединяемого к основам настоящего времени: *игра/л/-ут — играя, визжат — визжа, летят — летя, дышат — дыша, несут — неся*. Если основа оканчивается на твердый согласный (кроме заднеязычных и твердых шипящих), то при образовании деепричастия он смягчается, а заднеязычный согласный чередуется с шипящим: *везут — везя, клянут — кляня, волокут — волоча*. Таким образом, основа деепричастий несовершенного вида с суффиксом *-а/-я* оканчивается либо на мягкий согласный, либо на твердые шипящие *ш, ж*.

Глаголы типа *создавать, познавать, одевать* образуют эти формы от основ прошедшего времени, сохраняющих имперфективирующий суффикс *-ва-* с присоединением звука *-л/-*; ср.: *созда-ва-ть — созда-ва-л — созда/л/-ут — созда-вая (/л/-а)*.

Глагол *быть* имеет деепричастие *будучи*, образованное с помощью суффикса *-учи*, не характерного для современного языка. Деепричастия с этим суффиксом (*идучи, играючи, крадучись, глядячи*) используются в художественных произведениях в целях стилизации под народную речь. Некоторые из них сохранились в составе устойчивых оборотов; ср.: *жить припеваючи, идти крадучись, долго ли умеючи*.

Помимо суффикса *-а/-я* деепричастия глаголов несовершенного вида образуются и с участием суффиксов *-л/-ши/-вши*: *болеть — (не) болев, держать — (не) держав, умереть — умерши, добираться — добиравшись*. Этот суффикс присоединяется к основам прошедшего времени.

От многих глаголов несовершенного вида деепричастия не образуются или малоупотребительны. К ним относятся:

1) глаголы с основой настоящего времени на шипящий или на сочетание губного согласного с *л'*; ср.: *вязать — вяжут, лизать — лижут, пахать — пашут, сыпать — сыплют, щипать — щиплют* и др.;

2) глаголы с суффиксом *-ну-* типа *блкнуть, гаснуть, сохнуть, вянуть* и др.;

3) многие глаголы с основой настоящего времени на заднеязычный: *беречь — берегут, течь — текут, печь — пекут* и др.;

4) глаголы с неслоговой основой настоящего времени, состоящей из сочетаний согласных: *врать — врут, ждать — ждут, мять — мнут, пить — пьют, шить — шьют, спать — спят* и др.;

5) отдельные глаголы: *хотеть, брать, ехать, звать, гнить* и др.

Деепричастия совершенного вида образуются от основ прошедшего времени с помощью суффикса *-л/-ши/-вши*; ср.: *узнал — узнав, замерз — замерзши, оделся — одевшись*, а в отдельных случаях — главным образом в качестве вариантов этих форм — и от основ настоящего времени с помощью суффикса *-а/-я*: *увидеть — увидят — увидя — увидев*.

Морф *-в* присоединяется к основам на гласный невозвратных глаголов: *нарисовать — нарисовал — нарисовав, открыть — открытъ — открыв, взять — взял — взяв*. Морф *-вши* присоединяется к основам на гласный возвратных глаголов; ср.: *подняться — поднялся — поднявшись, встретиться — встретился — встретившись*. Иногда с помощью морфа *-вши* образуются и деепричастия возвратных глаголов, дублирующие закономерные деепричастия на *-в*: *прочитавши — прочитав, снявши — сняв, потерявши — потеряв, обнявши — обняв*. Эти деепричастия на *-вши* носят разговорный характер, и в стилистически нейтральных текстах их следует избегать. Морф *-ши* употребляется при образовании деепричастий с основой прошедшего времени (или инфинитива) на согласный: *принести — принесли — принесши, увлечься — увлекся — увлекшись*.

Суффикс *-а/-я* служит для образования деепричастий от основы настоящего времени у значительного числа глаголов II спряжения (*наклонить — наклонят — наклоня, полюбить — полюбят — полюбя, прочесть — прочтут — прочтя*), у глаголов I спряжения с основой настоящего времени на согласный (*привезти — привезут — привезя* и др.) и у приставочных производных глагола *идти* (*зайти — зайдут — зайдя*). При наличии дублетных форм деепричастий у глаголов II спряжения стилистически более нейтральными является деепричастия на *-л/-ши/-вши* (*наклонив, полюбивши*).

§ 12. Словоизменение глагола

Общие сведения о формообразовании глагола. Глагольное формообразование в русском языке — это достаточно сложная система с четкой структурной иерархией, в которой используется целый набор парциальных основ, к которым могут присоединяться формообразующие аффиксы и окончания. Тип соотношения парциальных основ определяет отнесенность глагола к тому или иному словозменительному классу. Достаточно долго существовала традиция считать основу инфинитива¹⁰² и основу настоящего време-

¹⁰² См., напр.: [Грамматика, 1952, с. 533].

ни двумя главными основами¹⁰³, из которых выводятся все остальные глагольные формы, и строить классификацию классов на их соотношении. Однако в ряде случаев формы прошедшего времени и инфинитива не совпадают, а в дальнейшем формообразовании последовательно используется именно основа прошедшего времени (напр., *высохнуть* — *высохла* — *высохший*, *вымокнуть* — *вымокла* — *вымокший*)¹⁰⁴, в связи с чем большинство современных грамматик опирается на противопоставление основ настоящего и прошедшего времени. Этот принцип используется, например, в последней русской академической грамматике [Русская грамматика, 1980, I]. В то же время широко известная классификация А. А. Зализняка основывается на противопоставлении основ настоящего времени и инфинитива, что во многом предопределено тем, что описание словоизменения в этой классификации имеет форму словаря, в котором инфинитив находится в заголовке словарной статьи [Зализняк, 1980]¹⁰⁵.

Так как в классификациях допускаются оба варианта выбора основных парциальных основ, необходимо более подробно остановиться на соотношении основы прошедшего времени и основы инфинитива. У большинства русских глаголов эти основы совпадают (*чита-ть* — *чита-ла*, *смотре-ть* — *смотре-ла*, *писа-ть* — *писа-ла*), исключение составляют:

1) глаголы с «мнимым полногласием»¹⁰⁶: *умере-ть* — *умер-ла*, *запере-ть* — *запер-ла*;

2) глаголы с выпадающим в прошедшем времени суффиксом *-ну*¹⁰⁷: *мерзну-ть* — *мерз-ут* — *мерз-ла*; *мокну-ть* — *мокну-т* — *мокну-ла*; *сохну-ть* — *сохн-ут* — *сох-ла*;

3) глаголы с основой инфинитива на согласный /s/, чередующийся с согласными /t/, /d/ (в основе настоящего времени) и нулем

¹⁰³ Неоднократно предлагались описания морфемной структуры русского глагола, использующие только одну основу. См., напр.: [Якобсон, 1985, с. 198–209; Янко-Триницкая, 1971, с. 303–311; Бидер и др., 1978]. Однако они не получили распространения в описательных грамматиках, хотя, возможно, и используются в прикладной лингвистике.

¹⁰⁴ Стремление использовать инфинитив для любой классификации глагола объясняется тем, что в русском языке инфинитив является наименее маркированным, что и позволяет использовать его в качестве словарной формы, что вовсе не означает его приоритетной роли в формообразовательных процессах.

¹⁰⁵ Для описания соотношений этих основ А. А. Зализняк использует термин «тип спряжения» (а не «класс глагола») и выделяет 16 таких типов.

¹⁰⁶ Истинное полногласие встречается только в корневых (или приставочных) морфемах.

¹⁰⁷ Это наиболее характерно для тех глаголов, которые обозначают становление признака. Если же этот суффикс выражает значение однократности действия, то он в прошедшем времени сохраняется, соотношение основ остается стандартным и глагол относится к продуктивной разновидности: *мигну-ть* — *мигн-ут* — *мигну-ла*, *шагну-ть* — *шагн-ут* — *шагну-ла*.

звука (в основе прошедшего времени): *мес-ти* — *мет-ут* — *ме-ла*; *крас-ть* — *крад-ут* — *кра-ла*;

4) глаголы с основой инфинитива на согласный /s/, чередующийся с согласным /b/ в основах настоящего и прошедшего времени: *скрес-ти* — *скреб-ут* — *скреб-л-а*; *грес-ти* — *греб-ут* — *греб-л-а*¹⁰⁸;

5) глаголы типа *печь*, *беречь*, для которых вопрос о морфемном составе форм инфинитива не имеет однозначного решения, так как в качестве суффикса инфинитива можно выделить либо суффикс *-чь*, в результате чего основа инфинитива будет отличаться как от основы прошедшего, так и от основы настоящего времени (*пе-чь* — *пек-ут* — *пек-л-а*), либо нулевой суффикс, что позволит говорить о типичном для русского языка историческом чередовании /k/ / /č/ в основах (*печ-ѝ*) — *пек-ут* — *пек-л-а*¹⁰⁹.

Формообразующие основы глагола. При образовании личных и неличных форм глагола используются парциальные основы, каждая из которых образуется от одной из основных формообразующих основ: основы настоящего¹¹⁰ и основы прошедшего времени, которые поэтому называются основными формообразующими основами¹¹¹.

Следует иметь в виду, что многие глаголы в отдельных формах лица и числа имеют различающиеся основы настоящего времени. Например: /ʎ'iplʎ-ú/ *лепл-ю* — /ʎ'épʎ-išʎ/ *леп-ишь*; /čítaj-u/ *читаю* — /čítá-imʎ/ *читаем*; /bir'ig-ú/ *берег-у* — /bir'iz-óšʎ/ *береж-ѝшь*; /ʎ'ublʎ-ú/ *любл-ю* — /ʎ'úbʎ-it'iʎ/ *люб-ите*, /n'is-ú/ *нес-у* — /nosʎ-átʎ/ *нос-ят* и т. д. Изменения в основах происходят за счет живых и исторических чередований различного типа, а также из-за переносов ударения. К

¹⁰⁸ Особый случай — глагол *рас-ти*, у которого основа настоящего времени имеет наращение основы согласным /t/ (*раст-ут*), а основа прошедшего времени отличается от основы инфинитива чередованием гласных букв во всех формах и чередованием звуков /o/ / /a/ при образовании форм мужского рода единственного числа: /rasʎ-tʎ'iʎ/ *раст-и* — /róšʎ/ *рос*, но /rasl-áʎ/ *росла*, /rasl-óʎ/ *росло*, /rasl-iʎ/ *росли*.

¹⁰⁹ «С учетом данных истории языка элемент *-чь* рассматривается как результат слияния *к* и *г* с инфинитивным суффиксом *-ть*. Таким путем вводится условная инфинитивная основа типа *пек-*, *берег-*, совпадающая со вполне реальной основой прошедшего времени (точнее — с единой основой прошедшего и настоящего времени: *пек-(ут)*, *берег-(ут)*» [Богданов, 1997б, с. 237].

¹¹⁰ Строго говоря, эту основу следовало бы называть основой настоящего / будущего времени, так как у глаголов совершенного вида с ее помощью образуется простое будущее время.

¹¹¹ При формальном анализе возможно выделение в качестве основной формообразующей основы материально совпадающие части основ настоящего и прошедшего времени. Например, в глаголах типа *чинить* общей формообразующей основой будет основа *чин-*, основа настоящего времени будет совпадать с ней (*чин-ят*), а основа прошедшего времени отличаться прибавлением суффикса *-и* (*чини-л-а*). Обратная ситуация: настоящее время образуется от общей формообразующей основы с помощью суффикса *-и*, а основа прошедшего времени равна общей основе *мок-*: *мокну-т* — *мокну-ла* [см.: Там же, с. 234–235].

живым фонетическим чередованиям согласных относятся: чередования парных твердых и мягких (/n'is-ú/ *нес-у* — /nos'-át/ *нос-ят*, /id-ú/ *ид-у* — /id'-óš/ *идёшь*), а также чередования с нулем звука, возникающие в результате выпадения интервокального йота (/čitáj-u/ *читаю* — /čitá-im/ *читаем*).

Исторические чередования в глагольных формах настоящего времени очень распространены и регулярны, что позволяет рассматривать их как один из важных системообразующих факторов в парадигматике русского глагола¹¹². Например, характерной чертой глаголов типа *любить*, относящихся к одному из продуктивных классов, являются историческое чередование согласных в формах 1-го лица ед. числа и во всех остальных личных формах: *любл-ю* — *люб-ишь* — *люб-ит* — *люб-им* — *люб-ите* — *люб-ят* (чередование /b/-/b'/:); *хож-у* — *ход-ишь* — *ход-ит* — *ход-им* — *ход-ите* — *ход-ят* (чередование /d'-/-/ž/); *грущ-у* — *груст-ишь* — *груст-ит* — *груст-им* — *груст-ите* — *груст-ят* (чередование /s't'/-/š':/); *краш-у* — *крас-ишь* — *крас-ит* — *крас-им* — *крас-ите* — *крас-ят* (чередование /s'/-/š/) и т. д.¹¹³

Чередования гласных в основе настоящего времени тоже возможны, хотя и не столь многочисленны. Это живые чередования, возникающие из-за подвижности русского ударения: /o/ — /a/ (/xač-ú/ *хоч-у* — /xóč-iš/ *хоч-ишь*); /e/ — /i/ (/d'érž-ыš / *держ-ишь* — /d'irž-u/ *держ-у*).

Считается¹¹⁴, что основа настоящего времени в большинстве случаев оканчивается на согласный, исключения составляют основы на /j/ (*чита/j/-ут*), /n/ (*моkn-ут*), /t/ (*мет-ут*) и /d/ (*вед-ут*)¹¹⁵. Однако регулярное выпадение интервокального йота в формах 1-го лица мн. числа, 3-го лица ед. числа и в обеих формах 2-го лица глаголов типа *читать*, *жалеть*, *рисовать*, относящихся к самым продуктивным классам, значительно ослабляет эту тенденцию, ср.: /čitáj-u/ *читаю* — /čitá-iš/ *читаешь*, /čitá-it/ *читает*, /čitá-im/ *читаем*, /čitá-it'i/ *читаете*, /čitáj-ut/ *читают*.

Несмотря на различия в основах настоящего времени, традиционно основу настоящего времени определяют по форме 3-го лица мн. числа, так как в этой форме реже всего происходят чередования.

¹¹² Их также называют «стандартными чередованиями согласных» [Зализняк, 1980, с. 77–78].

¹¹³ Наличие чередований может затруднять образование и употребление этой личной формы. Наиболее известный пример такого рода — глагол *победить*, у которого форма 1-го лица ед. числа практически отсутствует именно по формальным основаниям: все теоретически возможные варианты (*победю*, *побежу*, *побежду*) кажутся неприемлемыми, и вместо них приходится употреблять описательное выражение *одержжу победу*.

¹¹⁴ См., напр.: [Русская грамматика, 1982, II, § 1549].

¹¹⁵ Глаголы так называемого архаического спряжения, в некоторых формах которых основа настоящего времени оканчивается на гласный, ср.: *я е-м*, *ты е-шь*; *я да-м*, *ты да-шь*, но *мы ед-им*, *мы дад-им*.

Основу прошедшего времени выделяют из форм женского рода прошедшего времени путем отсечения суффикса *-л* и окончания: *чита-л-а*, *зая-л-а*, *тащи-л-а*, *зависе-л-а*, *ду-ла*, *тая-л-а*.

Особенностью фонетического облика основ прошедшего времени является то, что, за исключением очень небольшого числа случаев¹¹⁶, эти основы оканчиваются на гласный (/čitá-l-a/ *читала*, /p'isa-l-a/ *писала*, /r'isavá-l-a/ *рисовала*, /d'éla-l-a/ *делала*). В тех случаях, когда эти основы оканчиваются на парный по глухости /звонкости звонкий согласный, происходит чередование этого согласного с глухим в форме мужского рода: /bir'ig-l-ál/ *берегла*, /bir'ig-l-ól/ *берегло*, /bir'ig-l-íl/ *берегли* — /bir'ók-ø/ *берёг*. В этих же формах происходят живые чередования гласных в глаголах с подвижным ударением в формах прошедшего времени: /pr'á-l'-i/ *пряли* — /pr'i-l-ál/ *пряла*; /zár'ir-l'-i/ *заперли* — /zár'ir-l-a/ *заперла*.

От основы настоящего времени образуются основы императива, деепричастий настоящего времени, действительных и страдательных причастий настоящего времени (/l'úb'(-it)/ *люб-(ят)* → /l'ub'-ál/, /l'úb'-/ → /l'úb'-iš':-ij/ *люб-ящ-ий*, /l'úb'-/ → /l'úb'-im-ыj/ *люб-им-ый*). Инфинитив, формы прошедшего времени и сослагательного наклонения, а также деепричастия совершенного вида образуются от основы прошедшего времени: (/pal'ub'i-/ → /pal'ub'íl-a/ *полюби-л-а*, /pal'ub'íl-a/ → *полюби-л-а* (*бы*) → /pal'ub'i-/ → /pal'ub'i-f/ *полюби-в*).

Действительные и страдательные причастия прошедшего времени используют при формообразовании и основы настоящего, и основы прошедшего времени¹¹⁷. Например, страдательное причастие *заплет-енн-ый* и действительное причастие *пряд-и-ий* образованы от основ настоящего времени (*заплет-ут*, *пряд-ут*), а страдательные причастия *распахн-у-т-ый*, *сдела-нн-ый* и действительное *дела-ви-ий* — от основы прошедшего времени (*распахну-л-а*, *сдела-л-а*; *дела-л-а*).

Для образования императива, сослагательного наклонения, инфинитива, причастий и деепричастий используются специфический набор формообразующих аффиксов, с помощью которых образованы парциальные основы названных глагольных форм.

Парциальная основа императива образуется от основы настоящего времени при помощи суффиксов *-ø-* или *-и-*: *сяд-ем* → *сяд-ø(ь)*; *сид-им* → *сид-и*.

Действительные причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени при помощи и суффиксов *ущ-/-ющ-* (в

¹¹⁶ О которых уже шла речь в этом разделе, см. выше примеры типа *пек-л-а*, *скреб-л-а*, *умер-л-а*.

¹¹⁷ В причастиях и деепричастиях глаголов с суффиксом *-ну-* иногда возможно сохранение суффикса, т. е. образование причастия как от основы прошедшего времени, так и от основы инфинитива, что приводит к вариативности типа *умолк-и-ий* / *умок-ну-ви-ий*, *подверг-и-и-сь* / *подвергну-вш-и-сь*. Об образовании форм этих глаголов и их вариативности см.: [Еськова, 1996, с. 205–211].

звуковой форме /-uš':/) для глаголов I спряжения и *-иц/-яц* (в звуковой форме /-aš':/) для глаголов II спряжения: *жив-ем* → *жив-иц-ий*; *сид-им* → *сид-яц-ий*.

Основа инфинитива и основа прошедшего времени, как уже говорилось, у большинства глаголов совпадают (*дела-л-а* — *дела-ть*, *писа-л-а* — *писа-ть*, *рисова-ла* — *рисова-ть*, *пе-л-а* — *пе-ть*), исключения перечислены в предыдущем разделе.

Продуктивные и непродуктивные классы глаголов. Глаголы с односторонним соотношением основ настоящего и прошедшего времени объединяются в классы, среди которых различаются продуктивные и непродуктивные.

Обычно выделяют пять продуктивных классов, к которым относится большинство русских глаголов:

1-й продуктивный класс с соотношением основ /-j-/ в основе 1-го лица ед. числа настоящего времени — \emptyset в основе прошедшего времени: /rabótaj-ut/ *работа-ют* — /rabóta-l-a/ *работа-л-а*. В составе основ находится так называемый тематический гласный *a*;

2-й продуктивный класс с соотношением основ /-j-/ в основе 1-го лица ед. числа настоящего времени — \emptyset в основе прошедшего времени: /um'ej-ut/ *умеют* — /um'é-l-a/ *умела*. В составе основ — тематический гласный *e*;

3-й продуктивный класс с соотношением основ /-uj-/¹¹⁸ в основе 1-го лица ед. числа настоящего времени — /-ava-/ / /-iva/ в основе прошедшего времени: /r'isúj-ut/ *рисуют* — /r'isavá-l-a/ *рисовала*; /našúj-ut/ *ночуют* — /našivá-l-a/ *ночева-л-а*;

4-й продуктивный класс с соотношением основ /-n-/ / /-nu-/ : /talkn-út/ *толкн-ут*, /talknú-l-a/ *толкнула*;

5-й продуктивный класс с соотношением основ /-i-/ / \emptyset (при сохранении мягкости предшествующего согласного): /gavar'át/ *говора-т* — /gavar'i-l-a/ *говорила*.

Такой состав и порядок перечисления продуктивных классов глагола принят в большинстве учебных пособий¹¹⁹. Вместе с тем во многих работах¹²⁰ глаголы с соотношением типа *ходить* отнесены к 4-му продуктивному классу, а глаголы типа *толкнуть* — к 5-му классу. По-видимому, их нумерация отражает степень употребительности глаголов соответствующих классов, однако прямо об этом нигде не говорится.

Глаголы первых четырех продуктивных классов относятся к I спряжению, глаголы 5-го класса — ко II спряжению.

¹¹⁸ В других формах настоящего времени /j/ чередуется с нулем звука: /r'isúj-ut/ *рисую*, /r'isú-iš/ *рисуешь*, /r'isú-it/ *рисует*, /r'isú-im/ *рисуем*, /r'isú-it'i/ *рисуете*, /r'isúj-ut/ *рисуют*.

¹¹⁹ См., напр.: [Горшкова, 1964, с. 134–136; Распопов, Ломов, 1984, с. 134; Шелякин, 1989а, с. 213; Фоменко, 1996, с. 236].

¹²⁰ К ним относятся, в частности: [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 177–179; Виноградов, 1947, с. 443–446; Гвоздев, 1967, с. 354–356; Милославский, 1981, с. 194–195].

Все вновь образующиеся глаголы образуют формы по моделям продуктивных классов.

За пределами продуктивных классов находится около 400 бесприставочных глаголов (и приставочные образования от них) с иными соотношениями основ. Их распределение по группам не является устоявшимся.

Не касаясь деталей, можно отметить, что для большинства глаголов, относящихся к непродуктивным классам, характерно наличие гласных в основе прошедшего времени и их отсутствие внутри основ в формах настоящего времени: /pr'áč-ut/ *прячут* — /pr'áta-l-a/ *прята-л-а*; /iš-ut/ *ищут* — /iská-l-a/ *иска-л-а*; /skáz-ut/ *скаж-ут* — /skazá-l-a/ *сказа-л-а*; /kól'-ut/ *кол-ют* — /kaló-l-a/ *коло-л-а*; /gar'át/ *гор-ят* — /gar'é-l-a/ *горе-л-а*; /r'ev-út/ *рев-ют* — /r'iv'é-l-a/ *ревели*; /tón-ut/ *тонут* — /tonú-l-a/ *тонула*. Кроме того, во многих основах имеются живые (/kól'-ut/ *кол-ют* — /kaló-l-a/ *коло-л-а*) и исторические чередования фонем (/iš-ut/ *ищут* — /iská-l-a/ *иска-л-а*). Особенностью некоторых непродуктивных глаголов является также сохранение /j/ как показателя основы настоящего времени во всех личных формах: /gn'ij-ú/ *гни-ю*, /gn'ij-oš/ *гни-ешь*, /gn'ij-ot/ *гни-ет*, /gn'ij-om/ *гниём*, /gn'ij-ot'i/ *гни-ёте*, /gn'ij-ut/ *гниют*¹²¹.

Другая особенность глаголов непродуктивных классов — возможность нестандартных соотношений основ, большинство из которых встречаются лишь в нескольких глагольных формах: /m'it-út/ *мет-ут* — /m'i-l-á/ *ме-ла*; /rast-út/ *раст-ут* — /ras-l-á/ *рос-ла*; /mn-út/ *мн-ут* — /m'á-l-a/ *мя-ла*; /mój-ut/ *мо-ют* — /mь-l-a/ *мы-ла*. К непродуктивным разновидностям относятся и все упомянутые выше глаголы с нестандартными соотношениями основ настоящего и прошедшего времени.

В целом можно сказать, что в глагольном словоизменении наиболее распространенными и продуктивными являются модели с согласным /j/ в формах 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа настоящего времени, не сопровождающиеся чередованиями.

Особенностью современной языковой практики является вариативность глагольных форм, связанная с переходом некоторых глаголов из непродуктивных классов в продуктивные. Две основы настоящего времени имеют, например, глаголы *махать* и *двигаться*, ср.: *А очередь все движется*, и *клоун в шапке ловко так щелкает рычажками и все шутит да шутит* (В. Драгунский) — непродуктивный тип, но: *Становлюсь в очередь — человек двести, военных и штатских. Сначала очередь движается быстро, милиционер смотрит за порядком* (М. Панин) — продуктивный тип; *Шумят, галдят, руками машут, мы да мы, а как пошли на приступ — нет их* (Д. Мамин-Михайлович).

¹²¹ Сохранение /j/ характерно не для всех непродуктивных классов: ср., например, спряжение непродуктивного глагола *дуть*: /dúj-u/ *дую*, /dú-iš/ *дуешь*, /dú-it/ *дует*, /dú-im/ *дуем*, /dú-it'i/ *дуете*, /dúj-u/ *дуют*.

Сибиряк) — непродуктивный тип, но: *Тут ничего не сделаешь: даже тебя совсем не слушают, только махают себе руками* (А. Куприн) — продуктивный тип.

Все глаголы непродуктивных классов относятся к I спряжению.

Максимальная непродуктивность свойственна изолированным глаголам. И з о л и р о в а н н ы м и г л а г о л а м и называются глаголы, которые при образовании форм настоящего времени имеют свои особые наборы окончаний и не свойственные другим классам соотношения основ. Формы прошедшего времени изолированных глаголов вполне стандартны. К изолированным глаголам относятся как малоупотребительные книжные *зиздиться*, *зыбиться*, так и высокочастотные *быть*, *дать*. Полный список бесприставочных изолированных глаголов состоит из 12 единиц: *быть* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *буд-* — *бы-*), *бежать* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *бег-/беж-* — *бежа-*), *дать* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *да|j/-* — *да*), *есть* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *е-* — *е-*), *ехать* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *ед-* — *еха-*), *зиздиться* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *зизд-* — *зизди-*), *зыбиться* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *зыбл-* — *зыби-*), *идти*¹²² (супплетивные основы настоящего и прошедшего времени: *ид-* — *ш-/шѐ*), *надоесть* (соотношение основ настоящего-будущего и прошедшего времени: *надое-* — *надое-*), *создать* (соотношение основ настоящего-будущего и прошедшего времени: *создад-* / *созда-* — *созда-*), *хотеть* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *хот-/хоч-* — *хоте-*), *читать* (соотношение основ настоящего и прошедшего времени: *чит-* — *чит-*)¹²³. Словоизменительная уникальность многих изолированных глаголов проявляется также в окончаниях. Глаголы *есть*, *надоесть*, *дать*, *создать* единственные в русском языке сохраняют следы древней системы флексий (подробнее об «архаическом» спряжении см. ниже). Глаголы *хотеть*, *бежать* и *читать* относятся к разносклоняемым. Все остальные изолированные глаголы изменяются по I спряжению¹²⁴.

Спряжение глагола. С п р я ж е н и е в широком смысле — это изменение глагола по наклонениям, временам (в изъявительном

наклонении), лицам (в настоящем и будущем времени¹²⁵), числам и родам (в прошедшем времени и сослагательном наклонении).

С п р я ж е н и е в узком смысле — это изменение исключительно по лицам и числам. Узкое понимание спряжения более традиционно и находит отражение в классификации глаголов по типам спряжения. В русском языке выделяют два спряжения — первое и второе¹²⁶, эти типы различаются личными окончаниями настоящего или будущего простого времени. Но так как с точки зрения словоизменения формы настоящего и будущего простого времени идентичны; то при описании парадигм различать их не принято.

Термин с п р я ж е н и е используют и для обозначения образца построения глагольной парадигмы, и для совокупности глаголов, изменяющихся по определенному образцу.

На письме глаголы I спряжения имеют окончания *-у(ю)*, *-ешь*, *-ем*, *-ете*, *-ут(ют)*: *чита-ю*, *чита-ешь*, *чита-ем*, *чита-ете*, *чита-ют*; глаголы II спряжения — окончания *-у(ю)*, *-ишь*, *-ит*, *-им*, *-ите*, *-ат(-ят)*: *спл-ю*, *сп-ишь*, *сп-ит*, *сп-им*, *сп-ите*, *сп-ят*.

В российских школьных общеобразовательных программах спряжению уделяется большое внимание, в то время как глагольные классы обычно относятся к ведению научной грамматики, исключение составляет практика преподавания русского языка как иностранного. Это связано с тем, что для носителей языка соотношение основ является автоматическим знанием, а безударные личные окончания создают определенные проблемы при письме.

Для правильного определения типа спряжения в глаголах с безударными окончаниями действует правило, позволяющее запомнить, какие глаголы относятся к I спряжению, а какие — ко II. Если окончания безударные, то спряжение определяется по виду инфинитива глагола: ко II спряжению относятся все глаголы на *-ить*, кроме *брить*, *стелить*, *зиздиться*, а также семь глаголов на *-еть* (*вертеть*, *видеть*, *зависеть*, *ненавидеть*, *обидеть*, *смотреть*, *терпеть*) и четыре глагола на *-ать* (*знать*, *держат дышать*, *слушать*). Остальные глаголы относятся к I спряжению.

В русском языке глаголы *хотеть*, *бежать* и *читать* имеют необычное спряжение, так как у них одна часть личных окончаний относится к первому спряжению, а другая — ко второму. Такие глаголы называются р а з н о с п р я ж а е м ы м и. Глагол *хотеть* в един-

¹²² А также глаголы типа *найти*, *пройти* (включающие в себя *-йти*).

¹²³ К изолированным относятся также приставочные образования от перечисленных глаголов и один из типов вариантного употребления глагола *мяукать*, который кроме форм, образуемых по первому продуктивному классу, имеет формы *мяуч-у*, *мяуч-ишь*, *мяуч-ит*, *мяуч-им*, *мяуч-ите*, *мяуч-ат* — *мяука-л-а*. Некоторые классификации рассматривают как изолированные глаголы *клясть* и *реветь*.

¹²⁴ Кроме вариантных форм с основой на /с/ глагола *мяукать* (*мяуч-ят*), изменяющихся по II спряжению.

¹²⁵ Категория лица есть также в повелительном наклонении, однако с помощью окончаний это значение выражено только во втором лице; ср.: *Иди!* (2-е лицо), *Пусть он идет!* (3-е лицо).

¹²⁶ По мнению А. В. Исаченко, в практике преподавания русского языка как иностранного «было бы, может, целесообразнее различать в настоящем-будущем три «спряжения» [Исаченко, 2003, с. 25–26]. К третьему спряжению предлагается относить глаголы первого спряжения с ударным личным окончанием типа *несѐшь*, которые вызывают трудности у иностранных учащихся в связи с неразличением по современным правилам букв *е* и *ѐ* на письме.

ственном числе имеет окончания I спряжения: *хоч-у, хоч-ешь, хоч-ет*, а во множественном — окончания II спряжения: *хот-им, хот-ите, хот-ят*. Глаголы *бежать* и *читать* изменяются по II спряжению во всех формах, кроме формы 3-го лица мн. числа: *бег-у, бег-ишь; чт-у, чт-ишь*, а форма 3-го лица мн. числа соответствует I спряжению: *бег-ут, чт-ут*¹²⁷.

Глаголы *есть, надоесть, дать, создать* имеют в единственном числе не характерную для современных спряжений систему окончаний (так называемое «архаическое спряжение»): окончание *-м* — в 1-м лице (*е-м, надое-м, да-м, созда-м*), окончание *-шь* во 2-м лице (*е-шь, надое-шь, да-шь, созда-шь*) и окончание *-ст* в 3-м лице (*е-ст, надое-ст, да-ст, созда-ст*).

Изолированные глаголы *быть* и *есть*, отличающиеся необычным видом и соотношением формообразующих основ, не имеют особенностей в наборе личных окончаний, они последовательно изменяются по I спряжению: *буд-у, буд-ешь, буд-ет, буд-ем, буд-ете, буд-ут; ед-у, ед-ешь, ед-ет, ед-ем, ед-ете, ед-ут*.

От глагола *быть* в современном русском языке сохранились редко употребительные формы настоящего времени — *есть* и *суть*.

Если обратиться к звуковой форме парадигм первого и второго спряжения, то прежде всего можно отметить большое разнообразие алломорфов падежных окончаний, обслуживающих спряжение, неочевидное при анализе письменной формы. Во всех формах, кроме 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа, количество алломорфов в первом спряжении больше, чем во втором: /-iš/, /-ыš/, /-óš/ для 2-го лица ед. числа в I спряжении (/načú-iš/ *ночу-ешь*, /p'íš-ыš/ *пиш-ешь*, /žuj-óš/ *жуёи*) и /-iš/, /-ыš/¹²⁸ — во II (/tóč-iš/ *точ-ишь*, /m'il'č-iš/ *мельч-ишь*, /mnóž-ыš/ *множ-ишь*, /kruš-ыš/ *круш-ишь*); /it/, /-ic/, /-ыt/, /-ыc/, /-ót/, /-óc/ для 3-го лица ед. числа в I спряжении (/t'ir'á-it/ *тер-ря-ет*, /razv'ázывa-ic-ca/ *развязыва-ет-ся*, /p'íš-ыt/ *пиш-ет*, /v'áž-ыc-ca/ *вяж-ет-ся*, /žuj-ót/ *жу-ёт*, /raj-óc-ca/ *по-ёт-ся*) и /-it/, /-ic/, /-ыt/, /-ыc/ — во II (/b'él'-it/ *бел-ит*, /kr'ič-ít/ *крич-ит*, /smótr'-ic-ca/ *смотр-ится*, /gna-íc-ca/ *гно-ится*, /mnóž-ыt/ *множ-ит*, /kruš-ыt/ *круш-ит*, /nadúš-ыc-ca/ *надуш-ит-ся*; /šyluš-ыc-ca/ *шелуш-ит-ся*); /-im/, /-ым/, /-óm/ (I спряжение: /mókп'-im/ *мокн-ем*, /kl'uj-óm/ *клю-ём*; /v'áž-ым/ *вяж-ем*) и /-im/, /-ым/ (II спряжение: /smótr'-im/ *смотр-им*, /smal'-im/ *смол-им*, /mnóž-ым/ *множ-им*, /kruš-ым/ *круш-им*) во мн. числе 1-го лица; /-it'i/, /-ыt'i/, /-ót'i/ (I спряжение: /r'isú-it'i/ *рису-ете*, /máš-ыt'i/ *маш-ете*, /b'ir'-ót'i/ *бер-ёте*) и /-it'i/, /-ыt'i/ (II спряжение: /gna-ít'i/ *гно-ите*, /nadúš-ыt'i/ *надуш-ите*) во мн. числе 2-го лица.

В 3-м лице за счет чередования /a/ / /i/ у глаголов II спряжения вариантов еще больше: /-at/, /-it/, /-ac/, /-ic/ — набор окончаний II

спряжения (/nadúš-at'/ *надуш-ат*, /gnaj-át/ *гно-ят*, /strój-it/ *стро-ят*, /nadúš-ac-сы/ *надуш-ат-ся*, /gnaj-ác-ca/ *гно-ят-ся*, /stró-ic-ca/ *стро-ят-ся*) и /-ut/, /-uc/ — I спряжения (/načúj-ut/ *ночу-ют*, /s't'ir'ig-út/ *стерег-ут*, /rastr'épl'-uc-ca/ *растрепл-ют-ся*, /razb'ig-úc-ca/ *разбе-гутся*).

Чередования гласных /i/ / /ы/, /a/ / /i/, характерные для обоих спряжений, относятся к чередованиям, возможным во всех морфемах русского языка, чередование /i/ / /o/ является специфической характеристикой первого склонения. Кроме живых чередований гласных /i/ / /ы/, /a/ / /i/ и /i/ / /o/ в окончаниях регулярно происходят чередования смычного согласного /t/ и аффрикаты /č/, ср.: /nadúš-at'/ *надуш-ат* и /nadúš-ac-сы/ *надуш-ат-ся*.

¹²⁷ Форма 3-го лица мн. числа *чтят* не является нормативной.

¹²⁸ Ударные и безударные гласные относятся к аллофонам одной фонемы, поэтому на фонологическом уровне не создают разных алломорфов.

§ 1. Некоторые особенности наречия как части речи

Общая характеристика. Наречие относится к числу четырех основных частей речи. Это проявляется как в плане их роли в построении предложения, так и в плане их количества. Вместе с тем если основные части речи ранжировать по совокупным свойствам и потенциам, то наречие противопоставляется всем остальным основным частям речи вместе взятым.

Наречие — периферия основных частей речи. По вкладу в номинативный фонд русского языка наречие занимает последнее — четвертое — место среди частей речи. Наречий, в соответствии с наиболее известными толковыми словарями русского языка (прежде всего 17-томным), примерно около 6 тыс. Это существенно меньше в сравнении с другими основными частями речи.

Существительное, прилагательное и особенно глагол — части речи с сильно развитым формобразованием. Формообразование наречий несравненно беднее. Наречие характеризуется только одной, причем частной, морфологической категорией степеней сравнения² (см. § 4). Глубина морфемных и словообразовательных структур наречий в целом меньше, чем у слов других основных частей речи.

Наречие связано теснейшими словообразовательными узлами с основными частями речи, а также с местоимением и числительным. Однако направление этой связи имеет по преимуществу односторонний характер: подавляющее большинство наречий производно от слов указанных частей речи. Что же касается отнаречного образования слов основных частей речи (типа *тогдашний*, *вчерашний*, *почемушка*), то тут картина прямо противоположная³. Наречия как производящие слова развернуты не в сторону основных частей речи, тем более не в сторону местоимений и числительных как групп лексически замкнутых, а в сторону служебных частей речи [Карцевский, 2000, с. 178], оказываясь «мостом» между самостоятельными и служебными частями речи, часто входя в состав сочетаний, функ-

ционирующих в качестве аналогов служебных частей речи: *далеко (недалеко) от, высоко над* и т. п.

Количественную ограниченность наречий (в несколько раз меньше других основных частей речи — не менее чем в четыре-пять раз в сопоставлении с каждой) нельзя объяснить причинами общефункционального характера, а именно тем, что, к примеру, позиция обстоятельственного компонента в предложении (как главнейшая для наречий⁴) сама по себе менее существенна, чем, например, определения. Значит, причины этого лежат не в том, что сама позиция обстоятельства «ущербна», а в том, что материал («форма») части речи, которая называется наречием, только частично отвечает функциям, именуемым обстоятельственными (в широком смысле, т. е. включая сюда и функцию «обстоятельства образа действия»). То же можно сказать применительно и к другим функциям наречий.

У наречий нет ни одной, так сказать, «собственной» функции, т. е. все функции, которые исполняют наречия, исполняют и словоформы других частей речи. История формирования наречия как части речи — это по большей части морфологическая изоляция словоформ ненаречных частей речи с потерей «живых» формообразующих связей исходной части речи. Иными словами, морфологическая сущность наречий — это отрицание морфологии словоформ, от которых наречия образуются. Специфика наречий в морфологическом плане, таким образом, состоит в их аморфологии, т. е. в аморфологии по отношению к другим знаменательным (самостоятельным) частям речи. Конечно, с более или менее синхронной точки зрения говорить о том, что *весело (почти весело скомандовал. — В. Астафьев)* — аморфологизированная краткая форма прилагательного, вряд ли можно, но в данном случае важно другое, а именно то, что значительный пласт наречий бесспорно образован адвербиализацией⁵. Переход — важнейший способ наречного образования. По-видимому, ни для одной основной части речи переход столь не значим в общей совокупности способов их образования, как для наречий. В синтаксическом же плане особенность адвербиализированных словоформ состоит в том, что они сохраняют, «заимствуют» синтаксическую функцию, свойственную производящей их словоформе. Например, *завтра*, адвербиализовавшись, усвоило и функцию обстоятельства времени, в свое время свойственную сочетаниям предлога *за* с род. падежом существительного (*за утра*; ср. современное употребление род. падежа *с утра*: *Вот бабка с утра пораньше и приперлась на вокзал. — М. Зощенко*). *Летом*, адвербиализуясь (но до настоящего времени не став еще полноценным наречием), заимствует соответствующую функцию существительного *лето* в творительном падеже, ср.: *Сам Каретников этим летом*

¹ В главе «Наречие» (§ 3) рассматриваются слова категории состояния (безлично-предикативные слова) и «модальные» наречия (наречия в функции вводных слов).

² Если, правда, не учитывать чрезвычайно спорной точки зрения о падежном изменении местоименных наречий (см. об этом в главе «Местоимение», § 5, 4).

³ Ср. характерное утверждение: «Единичны существительные, мотивированные наречиями...» [Русская грамматика 1980, I, с. 219] и т. п.

⁴ От гр. ἐπί-ρρημα, лат. ad-verbium — при-глаголие, после-словие, на-речие.

⁵ Адвербиализация — переход ненаречных словоформ в наречие.

неожиданно погиб (М. Зощенко) и Видели вы летом слепую муху, как она к скотине привяжется? (В. Короленко).

Можно ли считать, что наречия, полученные не адвербиализацией, а так называемыми морфологическими способами, имеют какие-то специфические функции, т. е. функции, так сказать, собственно наречные? Полагаем, что нет. Скажем, функция обстоятельства образа и способа действия, характерная для наречий на *-о, -е*, вполне обычна для существительных (а также для деепричастий), ср.: *ответила она грустно* (В. Короленко) и *с грустью, но твердо ответил* (М. Горький). Лексемы, полученные адвербиализацией, не в меньшей степени репрезентируют свойства наречия как части речи, нежели лексемы, полученные иным путем; ср. примеры из рассказов Ю. Казакова: *бегом, расплескивая воду, вернулся назад* (ср.: *быстро*); *Ух, ты! — уже вслух сказал он, сделал какую-то неловкость* (ср.: *громко*) и *застываю верхом на окне: одна нога на улице, другая в комнате*, или диалектное у М. Шолохова: *Кинулись мы верхи бечь* и т. п. Отсюда та соотносительность наречий и других частей речи, о которой говорит В. В. Виноградов: «Наречия соотносительны с именами, местоимениями и глаголами. Эта соотносительность обусловлена не только исторически, но и функционально» [Виноградов, 1972, с. 274].

Акцент на адвербиализации как на одном из важнейших способов образования наречий важен еще в одном отношении. Адвербиализовавшись, соответствующая исходная словоформа превращается, естественно, в лексему (ср. субстантивированное существительное *столовая*), но не просто в лексему, а в лексему с унаследованной от источника функцией, т. е. в лексему-функцию⁶. Говоря о функциях наречий, уточним, что мы имеем в виду не просто, к примеру, функцию обстоятельства вообще, а типы обстоятельственных функций (семантико-синтаксические функции) — обстоятельства места, времени, цели и т. п. Наречие «стремится» к выполнению преимущественно одной семантико-синтаксической функции. Так, для *отроду* это функция обстоятельства времени, для *поодаль* — обстоятельства места и т. п. То же можно сказать и о наречиях, полученных морфологическим путем: *И маршалов грозно зовет* (М. Лермонтов). Наречие образа и способа действия не выступает в норме в функциях обстоятельств места, времени, причины, цели и наоборот. Более того, наречия часто выступают в роли лексем-подфункций. Например, *дóма* и *домой* обозначают место, но одна лексема — статическое обстоятельство места (*находиться дома* — «в пределах локума»), а вторая — динамическое, или векторное (*пошел домой* — «по направлению к ориентиру, локуму»): ср. также *впереди* и *вперед*;

⁶ Аналогом наречий в этом отношении могут послужить местоимения *его, её, их*, которые интерпретируются как неизменяемые, но только в притяжательном употреблении.

здесь, туда, оттуда («по направлению от ориентира»); *вчера, сегодня* и т. п.⁷

Наречия могут выступать и в двух функциях, например: *идти домой* и *дорога домой*⁸, *ехать порожняком* и *езда порожняком* и т. п. Однако очевидно, что чаще речь идет о неравнозначных функциях: слово *домой* в *пошел домой* выступает в первичной, основной функции, в случае же *путь домой* — во вторичной, более того — во второстепенной⁹. Первичность употреблений (приглагольных) типа *вернуться домой* проявляет себя и в том, что в случаях, подобных *путь домой*, обстоятельственное значение сохраняется (*путь* куда?).

В сравнении с другими самостоятельными частями речи наречие нарушает традиционный порядок соотношения лексема — функция, ставя лексическое тождество в весьма жесткую и узко очерченную зависимость от типа синтаксического употребления¹⁰. Необычно представлять, скажем, *к столу, за столом, от стола, столу, стола, столом* и т. п. в качестве разных лексем¹¹, хотя бы и одной части речи. Но для наречия дело обстоит именно так: *дóма* и *домой* — это разные лексемы, то же *спереди, впереди, вперед; назад, сзади; вверх, наверх, сверху* и т. п. Наречие как часть речи в большинстве случаев лексикализует тип употребления.

Жесткое или достаточно жесткое соотношение функция — лексема в рамках наречий нужно поставить в связь с морфологической особенностью наречий, чаще всего интерпретируемой как их неизменяемость. Хотя последнее и неточно (см. об этом ниже, § 2), важно, однако, что наречие лишено таких характеристик, как изменяемость по падежу, роду, числу, лишено возможности распространяться многочисленными модификаторами, которые свойст-

⁷ Впрочем, *снизу, справа* и др. могут использоваться и как статические, и как динамические (векторные) указания.

⁸ Очень редко и в трех функциях: *Эта дорога — домой*.

⁹ Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к употреблению наречий в текстах. Например, в романе М. Осоргина «Свидетель истории» («слов» — 58 943, знаков без пробелов — 312 396, знаков с пробелами — 389 583) наречие *домой* в первичной функции (типа *вернулась домой, иди домой*) встречается 9 раз и ни разу во вторичной. В книге Чехова «Остров Сахалин» («слов» — 110 607, знаков без пробелов — 617 087, с пробелами — 757 635; по объему чуть меньше, чем 1-й том «Войны и мира») приглагольное *домой* встречается 17 раз и только один раз присубстантивное: *...Борода и волосатость, составляющая такую редкость у дикарей, поражали путешественников, которые по возвращении домой описывали айно, как мохнатых*. Причем в последнем случае обстоятельственное значение явно превалирует над определительным (ср.: *по возвращении куда?* и *по возвращении каком?*).

¹⁰ «Синтаксическое использование наречий закрепило за ними специальные лексические свойства, полученные в результате длительной практики их синтаксического служения» [Мещанинов, 1945, с. 286].

¹¹ Если, конечно, не следовать взглядам, в соответствии с которыми любое словоупотребление — это отдельная лексема.

венны другим самостоятельным частям речи и которые позволяют последним свободно сочетаться с предлогами, дифференцированно, хотя и в рамках одной лексемы, обозначать не только тип позиции, но и такие нюансы, которые наречием часто выразить невозможно; ср. вышеприведенные примеры со словом *стол* (у *стола* и т. п.); ср. также: *говорил взволнованно* и *говорил с волнением, в сильном волнении* (Кутузов, отвечая, неожиданно всхлипнул, видимо находясь в сильном волнении. — Л. Толстой), *в сильнейшем волнении, без всякого волнения, без какого бы то ни было волнения* и т. п. В аморфологии, с нашей точки зрения, следует усматривать основное свойство наречий как части речи на фоне других самостоятельных частей речи. Именно в «косности» формы наречий заключена причина их периферийного положения в группе основных частей речи.

Количественную ограниченность наречий частично можно связывать и с семантической спецификой наречия. Обычная квалификация категориального значения наречия — «признак признака». Точнее говорить не просто о признаке, а о непредметном признаке признака (ср.: *каменный дом* и *красивый дом*). Однако далеко не все слова (словоформы) с непредметным значением способны служить материалом для образования наречий. Это касается и наречий со специальными наречными показателями (*быстро, тягуче, предательски* и т. п.), которые часто трактуют в качестве синтаксических дериватов — адъективов в прилагательной и некоторых других наречных позициях. Из описания, например, прилагательных хорошо известно, что далеко не все качественные прилагательные способны образовывать наречия; ср. также отпричастные¹² образования: *негодующий* → *негодующе*, *волнующий* → *волнующе*, *одобряющий* → *одобряюще* и *читающий* → ?, *подтверждать* → ?, *пишущий* → ? и т. д.¹³ Не все словоформы, «удобные» для синтаксической деривации, переходят в наречия, что, по-видимому, связано с тем, что не всякий, даже непредметный, признак может быть семантическим модификатором глагола.

Сходную картину можно наблюдать и в сфере наречий, которая связана с адвербиализацией. Например, существуют наречия *со зла, сдуру, сглупа, спьяну*, выражающие причину, связанную с состоянием, но наречий причины типа **сгрустна, *свесела, *сболи* и т. п. нет. Есть наречия цели *назло, напоказ* (сюда, видимо, надо добавить *на счастье*¹⁴), и нет целевых наречий **на поджарку, *на*

¹² Мы оставляем в стороне вопрос о том, напрямую или через стадию прилагательных образуются данные наречия.

¹³ Отпричастные наречия еще в 70-х гг. XIX в. «представлялись нежелательным нововведением» [Трофимов, 1957, с. 232–233].

¹⁴ *Раз дело такое шило, значит, надо порешить его порядком и дитю своему на счастье* (М. Шолохов).

*поворот, *на поднос, *на подрыв; *на горе* и т. п. Следовательно, как и в случае с наречиями со специальными наречными аффиксами, определенные семантические типы ненаречных слов могут послужить материалом для образования наречий, а другие не могут¹⁵. Однако в данном случае ссылки только на это обстоятельство недостаточно.

При образовании наречий, полученных адвербиализацией, большое значение имеет фактор фразеологизации. Можно ли считать фразеологизацию в качестве способа словообразования с более или менее отчетливыми правилами и заранее предполагаемым результатом? Думается, нет, поскольку тут действует фактор случайности, который заранее учесть невозможно. Например, есть наречие *наутро* ‘утром’, но нет наречий **на вечер, *на ночь, *на день* в значении ‘вечером’, ‘ночью’, ‘днем’. Однако можно указать на фразеологизированное употребление *на ночь* явно наречного свойства: *дать таблетку / лекарство на ночь*, но уже не в значении ‘ночью’, а в значении ‘перед наступлением ночи’, ‘перед ночным сном’, ‘поздно вечером’ (невозможно, по крайней мере пока, *дать таблетку на день / на вечер*). Фразеологизация отдельных словоформ других частей речи — важнейший путь пополнения наречий. Но, как известно, фразеологизация, идиоматизация связана с утратой исходного соотношения сочетающихся компонентов (и в предельном случае — с превращением составной единицы в простую)¹⁶. Адвербиализация сопрягается с фразеологизацией и по существу является следствием фразеологизации. Словоформы превращаются в лексемы. Лексический же способ выражения соответствующих синтаксических позиций оказывается в заведомо невыгодном положении по сравнению, например, с таким способом, как предложно-падежные формы существительного, безусловно являющимся значительно более экономным и более гибким в сопоставлении с наречным. Наречие занимает определенную — довольно узкую — семантическую нишу в общей совокупности даже не частей речи, а способов выражения тех или иных синтаксических значений.

Интерпретация наречия как части речи в русистике XX в.
В соответствии с отечественной традицией XX в. наречие не часте-

¹⁵ В принципе, действует и противоположная тенденция, когда лексема ненаречной части речи может породить несколько наречий-лексем: *спереди, вперед; наверх, наверху; сверху; сзади, назад* — или «дубли» типа *завтра, на завтра*. Однако действие этой тенденции имеет ограниченный характер и не имеет результатом более или менее значительный рост количества наречий.

¹⁶ Закономерно, что наречия сохраняют следы тех лексем и тех форм, которые неактуальны для современного русского языка: *вдогонку* (нет **догонка*), *дотла, исподволь, спозаранку, исподтишка, до разрезу, до упаду, нарасхват, молча* (в современном русском языке деепричастие глагола *молчать* по модели несовершенного вида не образуется — **молча об этом*) и т. д.

речная «свалка»¹⁷, а самостоятельная (знаменательная) часть речи, т. е. рассматриваемая на том же уровне, что и существительное, прилагательное и глагол. Поэтому из наречий выводятся все лексемы, которые не могут быть «членами предложения». И это не только частицы, но и «модальные» слова (вводные слова), поскольку последние не выступают в качестве «членов» предложения (соответственно *поступил по-моему* — наречие; *по-моему, он не придет* — модальное слово). Из наречий изымаются и наречные предлоги на том же основании (*сидит около* — наречие, *прыгает около стола* — предлог). Данный принцип ограничения объема наречий как части речи является главенствующим в русских грамматических описаниях. Это в определенной степени способствует тому, что наречие как часть речи приобретает более отчетливые контуры (наречие — член предложения) в сравнении с его представлением в качестве «свалочного места» разнородных лексем и словоформ, оказавшихся вне границ других частей речи, независимо от того, выступают ли они в качестве членов предложения или нет.

Само по себе, однако, это ничего не меняет в возможностях собственно морфологической интерпретации наречий. Морфология наречия либо отрицательная, либо «слабая» (отсутствие формообразования или возможность образования только одной формы — компаратива, отсутствие хотя бы одной общей морфологической категории). Естественно, что наречие в плане собственно морфологической интерпретации оказывается в изначально «проигрышной» позиции на фоне других основных частей речи¹⁸. Отсюда, как логическое продолжение принципа определения границ наречия, повышенное внимание к семантико-синтаксическим или синтаксическим свойствам наречий¹⁹.

¹⁷ «Категория наречий истари являлась свалочным местом для всех так называемых неизменяемых слов» [Виноградов, 1972, с. 569; ср. также: Исаченко, 1965, с. 272]. Ср.: «Довольно наглядно... редукция сущности к качеству выразилась и в вопросе о “средней части речи” — *μεσοβήτης*. Под этим названием новая категория появилась впервые у Антипатра, и к ней были отнесены лишь наречия, образованные от качественных прилагательных, но в дальнейшем в нее были включены и другие наречия, и она стала называться *πανβέκτης* — “содержащая все”, нечто вроде “корзины, куда складываются различные вещи”» [Степанов, 1998, с. 309].

¹⁸ Не случайно в морфологических описаниях наречие занимает минимум места: в книге [Русская грамматика 1980, I] глаголу отводится около 120 страниц, существительному — 70, прилагательному — 30, а наречию — 3 страницы. Неосновные части речи — местоимение и числительные, ограниченные только субстантивными их разрядами, — занимают по 9 страниц.

¹⁹ Ср.: «Наречие есть синтаксическое, но не этимологическое (морфологическое. — В. Е.) понятие» [Андреев, 1895, с. 263–264]; «Видимая распыленность, разнородность морфологических примет русских наречий заставила грамматистов искать внутреннего единства этой категории на путях семантического и синтаксического ее изучения» [Виноградов, 1972, с. 272].

Широко распространен в русских грамматических описаниях и еще более жесткий подход к определению границ наречия. Главное свойство, которое приписывается наречию, — быть не просто членом предложения, а второстепенным членом предложения, и не просто второстепенным членом предложения, а обстоятельством²⁰. Этим объясняется стремление изъять из состава наречий такие единицы («слова категории состояния»), которые выступают в качестве главного члена предложения — сказуемого²¹.

Если всю совокупность обстоятельственных позиций рассматривать в качестве одного члена предложения, то наречие тем самым предстает в качестве монофункционального класса. Понятно и это стремление функционально ограничить наречие: тем самым наречие как часть речи обретает не просто функциональное, но и категориально-семантическое «лицо». Поскольку обстоятельство в семантическом плане — это «признак», то наречие получает статус признака действия (или шире — признака признака).

Подобная интерпретация специфики наречия как части речи имеет, однако, оборотную сторону медали, а именно ту, что трактовка наречия в синтаксическом плане резко противопоставляется трактовке других основных (как и неосновных) частей речи. Последним вовсе не приписывается свойство быть монофункциональными классами. Например, существительное выступает в качестве всех членов предложения. Более того, существительное может использоваться и в функциях, которые не рассматриваются как функции членов предложения, например во вводной функции: *К огорчению Андрея, он оказался прав* (В. Богомолов). Прилагательному приписываются две равноценные синтаксические функции — определения именной части сказуемого (помимо этого прилагательное может выполнять и сопряженные функции, в частности, определения и обстоятельства одновременно). Ср. также глагол, выступающий в позициях всех членов предложения (и не членов предложения: *Я его, кажется, видел в Лиде, — проговорил Алехин неуверенно.* — В. Богомолов).

²⁰ Ср. еще у Ломоносова: «...Наречие изображает единым речением обстоятельства...» [Ломоносов, 1952, с. 406]. Интерпретация обстоятельства в русских грамматиках XVIII–XIX вв. не полностью совпадает с интерпретацией, характерной для XX в. Например, академическая грамматика 1802 г. к наречиям как к словам, «изображающим» обстоятельства, относила слова *не, ни, нет, на* («возьми»), *а именно* [Российская грамматика, 1802, с. 242]; Н. И. Греч в наречия, которым он в общем приписывал обстоятельную функцию, включал *да, нет, мол, де, -то, -от* [Греч, 1834, с. 210] и т. д.

²¹ Правда, тут имеется явная непоследовательность: из наречий изымаются лишь такие слова, а чаще «слова-функции» (*мне весело*, но не *весело смеется*), для которых характерно употребление в роли сказуемого только в определенном типе предложений (односоставных безличных), в то время как употребление лексем типа *замужем, пополам* (ср.: *И горе и печаль — все было пополам и разрезать пополам*) в сказуемой функции в другом типе предложений не рассматривается в качестве основания их экстрадциации из наречий (см. об этом ниже, § 3).

Применительно к наречиям русская традиция состоит в прямо противоположном: акцентировать монофункциональность как главный принцип, задающий границы части речи.

Изъятие из наречий некоторых групп слов сопрягается с одновременным признанием последних самостоятельными частями речи. Речь, в частности, идет о категории состояния и модальных словах. Данным «частям речи» приписываются такие ограничения на их функциональную специфику, которые не идут в сравнение не только с именами, глаголами, числительными, местоимениями, но даже и в сравнение с наречием, понимаемом прежде всего как способ обозначения обстоятельства.

Безусловно, интерпретация наречий в качестве обстоятельства почти отвечает реальному положению дел: большинство наречий выполняет функции именно обстоятельственных указаний. Можно подумать, что представление о частеречной классификации как о многопризнаковой, в которой признаки-основания «не идут параллельно» [Чикобава, 1968, с. 57], хотя бы в сфере наречия «счастливы» не выдерживается. Однако достигается ли искомое единство наречия ограничением их одной синтаксической функцией — функцией обстоятельства? Едина ли в синтаксическом и семантическом отношении функция обстоятельства? Положительный ответ на этот вопрос по меньшей мере неочевиден.

§ 2. Признаки наречий

Наречие как член предложения. Обстоятельство как член предложения существенно отличается от остальных членов предложения прежде всего значительной степенью семантической конкретности, т. е. тем самым и слабой степенью грамматикализации. Этим предопределяется большое количество разновидностей обстоятельств²² и соответственно большое количество «обстоятельственных вопросов». Например:

1) *упал навзничь* (каким образом?), *бежит быстро* (как?) — обстоятельство образа действия;

2) *сделал много* (сколько?), *очень быстро, очень быстрый* (в какой степени? в какой мере?), *втрое сильнее* (насколько?) — обстоятельство меры и степени; *или втроём* (в каком количестве?) — обстоятельство «совместного действия»;

3) *пошёл домой* (куда?), *вышел оттуда* (откуда?), *дошёл дотуда* (простореч.), *до города* (докуда?), *сидит там* (где?) — обстоятельство места; *работал два часа* (сколько? как долго?), *работают с двух часов* (с какого времени?, отколе_{temp}?)

²² К примеру, В. М. Никитин насчитывает в русском языке 26 типов обстоятельств [Никитин, 1961, с. 17–30].

[Шведова, 1998, с. 13], *работают до двух часов* (до которого часа?, доколе_{temp}?) [Там же], *работают сегодня* (когда?), *учись смолоду* (с каких пор?) — обстоятельство времени; *не пришел из-за болезни* (по какой причине?, почему?) — обстоятельство причины.

Список подобных вопросов можно продолжить (для обстоятельств цели, условия, уступки и др.). Совокупный перечень «обстоятельственных» вопросов весьма велик (около тридцати). Чтобы оценить степень грамматикализации обстоятельства, достаточно указать, что остальные членам предложения соответствуют лишь два-три специализированных вопроса: определение — как о й? ч е й? и (редко используемый) к о т о р ы й?, подлежащее и дополнение — к т о? ч т о? в именительном и косвенных падежах. Большинство обстоятельственных вопросов представляют собой либо местоимения, либо словосочетания, включающие в себя местоимения. Если исходить из того, что местоименные слова являются языковыми категоризаторами (Г. П. Павский, Н. Ю. Шведова), то обстоятельство явно не представляет из себя единой «категории».

Очевидные затруднения в интерпретации, с одной стороны, единства обстоятельства и, с другой стороны, наречия как обстоятельства имеет следствием логический круг в интерпретации искомого единств, а именно единство наречия основывается на предположении о единстве обстоятельства (см. выше) и, наоборот, единство обстоятельства — на наречном способе его выражения: «Обстоятельство соответствует тем функциям, которые имеет в предложении наречие» [Шахматов, 1941, с. 398].

Но наречие, как отмечалось выше, лексически разобщает, расслаивает обстоятельство, поскольку, например, наречие обстоятельства образа действия *быстро* не может выступать в роли других обстоятельств, наречие места *здесь* не может выступать в роли обстоятельства образа действия и др. и т. д. Данный «антагонизм» функций — одно из важнейших проявлений гетерофункциональности наречия как части речи. Существительные, глаголы и прилагательные подобной функционально-лексической разнородностью не характеризуются.

Обстоятельство как член предложения является результатом своеобразного вычитания из предложения других, грамматически более определенных функций — подлежащего, сказуемого, дополнения и определения. Такова же ситуация и с выделением наречия из континуума частей речи: «Наречиями принято называть полнозначные слова (не частичные и не междометия), не принадлежащие к классам существительных, глаголов и прилагательных» [Дурново, 1929, с. 12]; «Вся структура наречия определяется его отрицательным характером. Можно было бы утверждать, что наречием является каждое слово, не являющееся ни именем существительным, ни именем прилагательным, ни глаголом» [Karcevskij, 1936, р. 107, цит. по: Исаченко, 1965, с. 250].

Если же иметь в виду, что помимо обстоятельственных функций наречие выступает также и в других функциях — в функции сказуемого (*У неё уже дочери замужем.* — Л. Толстой; *В комнате светло*), определения к существительному (*переписка набело, разговор по-немецки*), вводного слова (*во-первых, наконец, по-моему*), можно констатировать факт не только полифункциональности, но и в значительной степени гетерофункциональности (т. е. разнородности, семантической несводимости функций друг к другу) наречия.

Сказанное выше свидетельствует о проблематичности определения наречия в качестве единого класса (части речи) в опоре на комплекс его функционально-синтаксических признаков, т. е. признаков, связанных с ролью наречий как членов предложения. Наречие гетерогенно в как морфологическо-категориальном плане, так и функционально-синтаксическом.

Данный вывод представляется закономерным, если иметь в виду специфику образования наречия как части речи. Такой процесс, как адвербиализация²³ показывает, что функционально наречие сформировано другими частями речи, т. е. иными словами, функционально дублирует занятые в адвербиализации части речи. Функциональная роль наречия как части речи состоит в переакцентировании функций в общем функциональном континууме знаменательных частей речи. Нецентральные функции последних выдвигаются в наречии на первый план (ср. функцию обстоятельства у существительных и наречий).

В функциональной ориентации наречий на другие части речи, по-видимому, и заключается причина разнородности функционально-семантических наречных разрядов (т. е. таких разрядов, как наречия времени, места, образа действия, меры и степени и т. д.).

Неизменяемость наречий. Наречие как признак признака. К вопросу о синтаксическом единстве наречий можно подойти и в иной плоскости — не в функционально-семантической, а в плоскости синтаксических связей слов в предложении. Речь идет в данном случае о согласовании, управлении, примыкании и т. п. Традиционно наречия толкуются как примыкающие слова. Примыкание — «это связь, при которой в роли зависимого слова выступают слова неизменяемые: наречие, неизменяемое прилагательное, а также инфинитив, компаратив или деепричастие» [Русская грамматика, 1980, II, с. 21].

Примыкание, а также согласование и управление — это разновидности подчинительных связей слов. Помимо подчинения, в соответствии с распространенными в настоящее время представлениями, выделяются и другие типы связей, в частности, сочинительная связь, «координация» (связь, характеризующая отношение

²³ Перечень адвербиализуемых частей речи см., к примеру, в: [Грамматика, 1953, с. 613–614].

между подлежащим и сказуемым), «нанизывание» (*сто двадцать пять*). Однако, независимо от того, подчиняется ли, «сочиняется» или координируется (*Она замужем*) наречие, это не сказывается на его формальном облике, на его форме. В этом смысле прежде всего и можно говорить о неизменяемости наречий [Дурново, 1929, с. 12].

Вместе с тем если наречию приписывать категорию степеней сравнения (*быстро — быстрее / более быстро*), то о морфологической неизменяемости данной части речи говорить не приходится. Одна из форм, позитив (*быстро*), является исходной по отношению к другим (*быстрее / более быстро*). Но выбор формы степеней сравнения — исходной или производной (производных) — не предопределяется у наречия его синтаксической позицией. Ср. однотипные конструкции: *Петр бежит быстро — Петр бежит быстрее / более быстро*.

В плане синтаксической обусловленности морфологической формы наречие существенно отличается от других знаменательных частей речи: формы последних, хотя бы некоторые, зависят от синтаксической позиции. Ср. в этой связи формы сравнительной степени наречий и прилагательных: *Петр бежит быстрее / более быстро* и *Иван умнее / более умный*. Синтетическая форма прилагательных не выражает категорий рода, числа, падежа, но аналитическая форма по роду, числу и падежу зависит от существительного (*Иван*).

Наречие может детерминировать формы других частей речи (*бежит быстрее Ивана; назло надменному соседу.* — А. Пушкин), но его формы не детерминируются в предложении другими словами. Последний признак занимает важнейшее место в иерархии признаков рассматриваемой части речи и, безусловно, должен вводиться в ее определение. Собственно, это признак традиционно и вводился в определение наречий как главный, только под «видом» морфологической неизменяемости, неизменяемости как таковой, выделяющей наречие среди самостоятельных частей речи: «Наречием называется неизменяемая часть речи...» [Грамматика, 1953, с. 606; ср.: Трофимов, 1957, с. 226].

Синтаксическая разнородность наречия находится в тесной связи с его морфологическим неединством. В данном случае мы имеем в виду категориальный континуум данной части речи. Наречия характеризуются только одной, причем частного типа категорией — степенями сравнения. Например, не образуют форм сравнительной степени наречия *втрое, домой, очень, легонько, накануне, вокруг* и многие другие.

В принципе, все знаменательные части речи в том или ином отношении неоднородны. Так, существительные могут обозначать не только предметы в узком смысле (*стол, дом*) и шире — какие-то субстанциональные (материальные) сущности (*вода, железо, бетон*),

но и признаки-качества (*близна, синева*), действия (*бег*), состояния (*тошнота*) и др. Однако существительное, прилагательное и глагол обладают весьма большим набором морфологических категорий. Отдельные лексемы-существительные, -прилагательные или -глаголы могут стоять вне какой-то категории. Например, существительные *pluralia tantum* стоят вне оппозиции по роду. Однако они включены в оппозиции по другим категориям. Поскольку морфологическая категория предполагает однородность грамматического значения [Бондарко, 1976, с. 3], из сказанного выше вытекает, что лексическая неоднородность указанных частей речи в значительной мере как бы «компенсируется» за счет грамматики. Что касается наречия, то объединяющее, «компенсирующее» влияние морфологического фактора оказывается здесь очень слабым. Наречие как часть речи не имеет ни одного положительного интегрального морфологического признака.

Вместе с тем в плане лексического значения о наречиях в целом принято говорить, что они относятся к классу слов *п р и з н а к о в о й* семантики. Признаковый характер наречий *быстро, весело, гнетуще* и т. д. (образованных от слов с признаковой же семантикой: *быстрый* → *быстро*) очевиден. Что же касается наречий типа *мастерски, по-отцовски*, имеющих в качестве производящей (мотивирующей) словообразовательной основы основу прилагательного, восходящего в свою очередь к основе существительного с субстанциональным значением (*мастер, отец*; далее *мастер* → *мастерский* → *мастерски, отец* → *отцовский* → *по-отцовски*), то и они обозначают именно признаки, а не субстанциональные сущности (в данном случае лица). При этом если прилагательные, мотивированные существительными (например, *отец* → *отцовский*), могут отсылать и к субстанциональным (материальным) сущностям (*отцовский дом* в относительном 'дом отца', а не качественном значении) и к признакам-качествам (*к ученикам он испытывал поистине отцовские чувства*), то наречие — к признакам-качествам (непредметным признакам): *поступил по-отцовски* [Пешковский, 1938, с. 114].

Особый вопрос — интерпретация семантики пространственных наречий. В соответствии с распространенной точкой зрения пространственные обстоятельства предметны по своей природе (*сидит на стуле, входит в дом* и т. п.). Не случайно ведущую роль при обозначении пространства в языке играет «предметная» часть речи — существительное. Наречиям, однако, свойственно обозначение не собственно предметного плана пространства, а его признаков составляющих — разного рода «граней» пространственной ориентации: *вправо — влево, справа — слева, вперед — назад, спереди — сзади, далеко — близко, вдали — вблизи, вверх — вниз, вверху — внизу, где-то, где-нибудь, куда-то — откуда-то* и т. п. Поэтому почти не адвербиализуются предложно-падежные формы существительных с конкретной семантикой, а если адвербиализуются, то в результате в

их значении акцентируются опять-таки признаковые компоненты, ср.: *сидит дома* ('в месте, где живет') — и *сидит в доме* ('в здании, строении определенного предназначения'), *идет домой* и *идет в дом*.

Непредметно признаковая семантика наречий может рассматриваться как интегральный признак данной части речи. Однако это свойство наречий не может послужить основанием для изъятия из наречий слов категории состояния и модальных слов, поскольку последние характеризуются тем же самым свойством.

То обстоятельство, что наречия сочетаются, главным образом, со словами также признаковой семантики (*быстро бежит, очень веселый, очень быстро, переписка набело*), дает основание для квалификации наречий как признаков других признаков²⁴.

Использование наречий позволяет на один-два порядка «углубить» признаковую структуру предложения. Ср., например, *мальчик — веселый* и *мальчик очень веселый* (*веселый* — признак 1-го порядка и *очень* — 2-го порядка); *мальчик бежит* (1) и *мальчик бежит* (1) *быстро* (2), и *мальчик бежит* (1) *очень* (3) *быстро* (2).

Признаковый характер лексического значения наречий сближает эту часть речи с прилагательными и глаголами. Наречия, глаголы и прилагательные по специфике их лексического значения противопоставлены существительному, лексическая спецификация которого состоит в обозначении материальных сущностей.

§ 3. Разряды наречий

Предварительные замечания. В русских грамматиках XVIII — начала XIX в. сложились две традиции интерпретации разрядов наречий. В рамках одной наречия представляются в виде перечней, включающих в себя 15 и более разрядов. Например, в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова перечень включает в себя 16 групп наречий: «время показующие», «место значащие», «числительные» (*однажды, многаяжды, дважды*) и т. п. [Ломоносов, 1952, с. 550–551]. Для другой традиции характерно максимальное укрупнение разрядов за счет объединения более мелких и сведение общего количества разрядов к минимуму. Так, И. Орнатовский все наречия разбивает на два типа: «определяющие качество и сущность действия» и «означающие разные обстоятельства, которыми сопровождается действие или состояние» [Орнатовский, 1810, с. 206].

В настоящее время в описании наречных разрядов представлены обе традиции. К примеру, см.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 704], где все наречия разделены на две группы: 1) «собственно-характере-

²⁴ «В них (наречиях. — Авт.) изображаются признаки признаков. В этом и состоит их значение» [Пешковский, 1938, с. 113; 116].

ризующие, т. е. обозначающие свойства, качества, способ действия, интенсивность проявления признака»; к ним же отнесены и наречия, выступающие в роли сказуемого безличных предложений; 2) «обстоятельственные, обозначающие признак, внешний по отношению к его носителю, т. е. характеризующие по месту, времени, условию и другим обстоятельствам». Тот же способ разбиения представляется и в других терминах: наречия качественного определения и обстоятельственного отношения, качественные и обстоятельственные, определительные и обстоятельственные и т. п. [Дурново, 1929, с. 12; Галкина-Федорук, 1939; Аванесов, Сидоров, 1945, с. 145; Виноградов, 1972, с. 273; Буланин, 1976б, с. 169; Моисеев, 1980, с. 146; Русский язык, 1997, с. 258].

Другой способ подачи разрядов состоит в простом их перечислении без объединения в блоки: наречия места, времени, причины, меры и степени, употребляющиеся в роли сказуемого, определения к существительному и т. п. [ср.: Современный русский язык, 1981, с. 348–349].

Имеются и «смешанные» способы интерпретации наречных разрядов. Например, М. А. Шелякин по характеру синтаксической сочетаемости распределяет наречия на три группы: наречия степени (сочетаются, как правило, с прилагательными и наречиями); наречия обстоятельственные (как правило, сочетаются с глаголами): наречия места, времени, причины, цели, совместности (*вместе, вдвоем, наедине, сообща*), образа и способа действия (*быстро, весело, по-мужски*); предикативные наречия (*мне весело*) [Современный русский язык, 2003, с. 572–573].

Независимо от того, группируются или не группируются отдельные наречные разряды в блоки, общая картина разрядов оказывается пестрой и неоднородной как в качественном, так и в количественном отношении. Мало что меняет в наполнении этой картины исключение из состава наречий таких лексем, которые не выполняют обстоятельственные функции.

Особенно контрастно неоднородность наречных разрядов проявляется при сведении их в минимальное количество групп (в 2 группы). Распространенное противопоставление наречий места, времени, причины и цели как обстоятельственных и всех остальных оставляет открытым вопрос о критериях объединения отдельных разрядов наречий по меньшей мере в рамках второй группы. Так, в нее попадают наречия типа *быстро* («определятельные») и *очень* (меры и степени), хотя и выступающие в роли второстепенных членов предложения, но существенно различающиеся между собой как в плане сочетаемостных свойств, так и в плане их количества (см. ниже). Разнородность данной группы усугубляется отнесенностью к ней наречий, употребляющиеся в качестве определения к существительному и именной части сказуемого (хотя бы только в двусоставном предложении: *Сапоги пришили в пору*).

Кроме того, оппозиция в рамках наречий обстоятельств и обстоятельств входит в противоречие с синтаксической традицией, трактующей *внимательно, верхом* (*внимательно слушал, ехал верхом*), *очень, весьма* (*очень быстро, весьма недалекий*) тоже как обстоятельства. В таком случае следует вносить коррективы в интерпретацию обстоятельств, устраняя из синтаксического описания обстоятельства образа и способа действия и обстоятельства меры и степени. Это означает либо введение в обиход особого члена предложения, либо присоединение данных «обстоятельств» к какому-нибудь иному члену предложения, но не обстоятельству, например к определениям («определение сказуемого» — *быстро бежит*, «определение определения» — *весьма посредственный, очень быстро*). И то, и другое решение представляется спорным. Не случайно А. М. Пешковский, предлагая термин «необстоятельственные наречия» применительно к наречиям типа *быстро, громко, нараспев, очень, чуть-чуть*, отмечал, что «положительный термин здесь очень трудно дать» [Пешковский, 1938, с. 117].

Упорное выделение в наречии как обстоятельстве особой группы «прототипических» обстоятельственных наречий, являющих собой как бы собственно обстоятельства, свидетельствует о том, что обстоятельство в широком смысле, включая обстоятельства образа и способа действия и меры и степени, не ощущается как единый класс явлений.

Представляется поэтому более оправданным трактовать состав наречных разрядов более в русле традиции, отраженной у Ломоносова, нежели традиции, отраженной у Орнатовского.

Наречия способа и образа действия. Используются в функции обстоятельства способа и образа действия и обозначают способ, характер действия: *читает вслух / про себя / быстро / враспяжку / нараспев / в нос / громко / тихо / упорно / бестолково* [пример из: Пешковский, 1938, с. 118]. Самый крупный разряд наречий. Включает в свой состав около 5,5 тыс. лексем.

Характеристики действия весьма многообразны: по эмоциональной окраске (*говорит взволнованно, негодуяюще*), параметрические характеристики (*быстро, медленно говорит, сердце бьется учащенно*), связанные с аксиологической оценкой (*хорошо поет, плохо поступает*), характеристика через принадлежность субъекта к определенной группе или сравнение с этой группой (сравнительно-уподобительные [Современный русский язык, 1964, с. 188]): *Так, по-мужицки, инстинктивно рассуждал он* (Есенин. — Авт.) сам. — Г. В. Иванов), по соучастию / несоучастию в действии нескольких субъектов или объектов (*писали сообща, вместе; действовал в одиночку, распроданы поодиночке* (А. Грибоедов), *порознь*) и т. д.

С семантической точки зрения объединение данных групп наречий под единым названием «наречия способа и образа действия» является достаточно условным. «В отечественной литературе не раз

отмечалась семантическая гетерогенность наречий образа действия по сравнению, скажем, с наречиями места и времени» [Филиппенко, 2003, с. 30]. Можно добавить еще: и по сравнению с наречиями цели и причины. Основанием объединения данных наречий в один разряд является тип категориальных вопросов: как?, каким образом?, каким способом?

Наречия данного разряда могут употребляться и в функции определения существительных, прежде всего отглагольных: ср. *чтение вслух / про себя / вразяжку* и т. д. (однако ²⁵*чтение, без хорошо, упорно*), в известном смысле тоже обозначая способ и образ действия. Эти же наречия могут выступать, но ограниченно²⁵, в качестве модификаторов (определений) предметных существительных: *яйца всмятку / вкрутую, кофе по-турецки / по-восточному, треска по-польски* (в подобном употреблении наречий часто видят элиминацию глагольной формы: *треска, приготовленная по-польски*). Кроме того, данные наречия употребляются и как модификаторы прилагательного (*утро по-осеннему свежее, серьезный не по-детски*).

Характеристика данных наречий, по крайней мере с точки зрения их синтаксических функций, отнюдь не единообразна. Однако главная функция наречий этой группы, безусловно, функция обстоятельства образа и способа действия. Очевидно, что определительная функция (*чтение вслух, яйца всмятку*) производна от обстоятельственной. Не случайно поэтому данные наречия в целом, независимо от того что они могут употребляться присубстантивно, В. Н. Сидоров именует наречиями образа действия [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 145].

Наречия способа и образа действия часто именуют качественными [Грамматика, 1953, с. 606–611; Моисеев, 1980, с. 146]. Представление о том, что данные наречия обозначают качество действия основано на том, что значительное количество наречий (на *-о, -е*) образованы от качественных прилагательных, сохраняя такой их признак, как возможность образования форм степеней сравнения (а также некоторые другие признаки качественных прилагательных —

²⁵Ср., однако: «...**Немногие же случаи** (выделено нами. — Авт.) сочетания существительных с наречиями (*ходьба пешком, разговор вслух, торговля оптом и в розницу, еда натошак* и т. д.) как раз еще более убеждают в связи наречия с глаголом, так как все они возможны **только** (выделено нами. — Авт.) при глагольных (отглагольных. — Авт.) существительных» [Пешковский, 1938, с. 90]; «В современном русском языке у наречий расширяется способность примыкать к имени существительному... Эти новые приемы употребления наречий ломают традиционное понимание наречия как “признака признака”... Легко понять и объяснить **широкую возможность** (выделено нами. — Авт.) сочетания наречия с отглагольными существительными... Но разнообразные случаи соединения существительных неотглагольного типа с наречными определениями представляют, несомненно, новый этап в эволюции грамматической системы русского литературного языка XIX–XX вв. (приводятся примеры типа *цветы весной, Москва сегодня, парк летом*. — Авт.)» [Виноградов, 1972, с. 303].

возможность образования слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *плоховато*, возможность сочетания с наречиями меры и степени: *очень плохо* и др.). Иногда эти наречия интерпретируют как синтаксические дериваты качественных прилагательных, т. е. как прилагательные в форме наречий. Однако распространение на все наречия образа и способа действия названия «качественные» неправомерно, поскольку данные наречия образуются не только от качественных, но и относительных²⁶ прилагательных (*проектно обоснованный, конструкционно устарели, выразить словесно*) [Русская грамматика, 1980, I, с. 398], и неприлагательных и по-разному характеризуют действие, ср.: *Он неожиданно упал навзничь; Она бегло говорит по-французски*. Более правомерно рассматривать качественные наречия либо как словообразовательный, либо как лексико-грамматический разряд наречий [Современный русский язык, 2003, с. 572]. Но в том и другом случае эти разряды, во-первых, не исчерпывают наречий способа и образа действия, а во-вторых, выходят за пределы последних (ср., например, наречия места и времени: *далеко — дальше, высоко — выше, рано — раньше, поздно — позднее* и т. п.).

Группа наречий способа и образа действия, характеризующих действие по соучастию / несоучастию в нем нескольких субъектов или объектов, довольно часто рассматривается как самостоятельный разряд наречий — наречий *совместности* [ср., напр.: Современный русский язык, 1964, с. 189; Русская грамматика, 1980, I, с. 705; Современный русский язык, 2003, с. 573]. Центральное место в этой группе занимают лексемы, образованные от собирательных числительных (*вдвоем, втроем, вчетвером*) и называющие точно количество субъектов / объектов; ср.: *писали вместе, совместно, сообща и писали вдвоем, втроем*. Данные наречия наследуют только часть семантико-сочетательных свойств собирательных числительных типа *двое, трое, четверо*. Наречия характеризуют действия лиц (²*Утята летели втроем, ³Сани ехали втроем*), при этом снимается запрет на соотнесенность с лицами женского пола (²*пришло трое девушек*, но *Сестрам Рутиловым неловко было идти втроем*).

Обстоятельство образа и способа действия, относясь к сказуемому (глаголу), может одновременно относиться и к другим членам предложения. Об этом писал, например, А. А. Потебня: «Под обстоятельством, или наречием, разумеем признак... связуемый с другим признаком, данным или возникающим, и лишь через его посредство

²⁶В XVIII — первой трети XIX в. довольно распространенным явлением были наречия, образованные от относительных прилагательных в их прямых значениях: *погибли сухопутно, постараясь соорудить умственно механизм, накажет телесно, расшумелись словесно и песенно* [Очерки, 1964, с. 207–209]. Со второй половины XIX в. употребление такого рода наречий существенно уменьшается. Роль качественных наречий усиливается.

относимый к предмету (субъекту, объекту)...» [Потебня, 1958, с. 124]. В предложениях *Румяна и бела собою была молодая жена; только так страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидевши; и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачеха* (Н. Гоголь) и *Черная книга! Да еще по ней обеды готовить!* — думал он со страхом (Ф. Сологуб) обстоятельства *страшно* и *со страхом* относятся не только к соответствующим глаголам, но и еще к «субъектам» страха, причем к субъектам разным. Во втором предложении субъект, пребывающий в состоянии страха, совпадает с субъектом, названным подлежащим. В первом же предложении субъект страха (субъект, испытывающий страх) выражен дополнением (*падчерица*). Такая соотносительность характерна для отглагольных наречий: *негодующе, взволнованно, осуждающе говорил; Вот нехотя с ума свела!* (А. Грибоедов), *шел не спеша* (подобного рода соотносительностью обладают и наречия причины и цели; см. ниже).

Наречие формально может относиться к глаголу, но характеризовать ситуацию, прямо глаголом не называемую, а другую, косвенно связанную с той, что называется глаголом. В предложении *Он легкомысленно / напрасно приехал на электричке* наречие характеризует не глагол, а выбор транспортного средства (*электричка*) субъектом действия *приехал* [Филиппенко, 2003, с. 50–51].

Наречия меры и степени (количественные наречия) характеризуют признаки с точки зрения их количественных параметров: интенсивности, насыщенности и т. п.: *очень сильный, весьма занят, очень быстро*. Наречия этого разряда немногочисленны (около 30 слов): *очень, крайне, весьма, слишком, чересчур, чуть, чуть-чуть, почти, донельзя* (*Костюмирован он был странно донельзя*. — Ф. Достоевский), *вдвое, втрое* и некоторые другие.

Особенность данных наречий состоит в том, что они употребляются в первую очередь с прилагательными и наречиями. «При этом одни наречия употребляются только с прилагательными наречиями в положительной степени (*очень красивый, страшно весело, исключительно любезный*), другие — только с прилагательными и наречиями в сравнительной степени (*гораздо интереснее, вдвое толще*), третьи — с прилагательными и наречиями как в положительной, так и сравнительной степени (*немного смешной, немного смешнее*)» [Русская грамматика, 1980, I, с. 704]. Специфика сочетаемости данных наречий заставляет расширить определение наречия в качестве части речи «в довольно нескладную формулу “признака признака”», тогда как, не будь наречий меры и степени, можно было бы говорить о наречии в целом как о «признаке действия» [Пешковский, 1938, с. 118].

Наречия меры и степени могут употребляться и прилагательно: *он очень спешил, торопился; почти дописал контрольную; чуть-чуть надавил, чересчур старался*. Однако ограничения на сочетаемость с глаголами у данных наречий существенно больше, нежели на соче-

таемость с прилагательными и наречиями: *очень спешил*, но *очень говорил, делал, сделал, писал, чересчур старался*, но *чересчур шел* и т. п.

Наречия меры и степени ограниченно сочетаются с отрицательными местоименными словами: *почти никто не пришел, почти нигде нет, совершенно / совсем / абсолютно ничего не сделал*.

К наречиям меры и степени относят лексемы типа *вдвое, втрое*, которые меру обозначают точно: *вдвое больше, втрое дороже, вчетверо сильнее; Достал где-то втридешева гнилушки кожи и выиграл, точно, вдвое на всяком сапоге...* (Н. Гоголь); *Я вдвое заплачу вам* (Н. Гоголь). Их прилагательное употребление сужается.

Имеются связи между наречиями образа и способа действия и наречиями меры и степени. Наречия, образованные от качественных прилагательных, могут приобретать количественный оттенок значения (меры и степени²⁷). Качество часто предполагает возможность количественных градаций: *крепко спит, страшно устал, отвратительно жадный, ненормально осторожен, смертельно устал* и т. п. [Русская грамматика, 1980, I, с. 704; Русский язык, 1997, с. 258]. Такое использование качественных наречий, при котором актуализируется количественный аспект их значения, расширяет выразительные и синтаксические возможности обозначения меры и степени с помощью наречий.

Качественные наречия, употребляясь для обозначения степени, в норме не образуют форм степеней сравнения [Русская грамматика, 1980, I, с. 704].

Наречия причины. Наречия цели. К этим разрядам наречий относятся такие лексемы, как *сгоряча, сглуна, сдуру, сослепу, спроста, почему, потому; отчего-либо, назло, напоказ, зачем, зачем-то* и т. п. Специфика отношений причины и цели (вместе с отношениями условия, уступки и следствия, формирующих в языке единую группу отношений обусловленности [ТФГ, 1996б, с. 138–174]), состоит в их отчетливой семантической ситуативности (предикативности). Выражения типа *из-за болезни матери* обозначают ситуации реальной действительности: (*потому что*) *мать болеет; спьяну = (потому что) X пьян, напоказ = (чтобы) показать кому что/кого*.

Другая особенность отношений причины и цели, как и в целом отношений обусловленности, состоит в том, что в семантическом плане это не просто ситуации, а ситуации, являющиеся одной из двух ситуаций единых двуситуативных структур. Причина (причинная ситуация) — это причина чего-то, какой-то другой ситуации (*из-за болезни матери → он не пришел*). При этом ситуация типа *мать*

²⁷ Иногда утверждают, что «почти все» качественные наречия могут иметь значения «не только качественные, но и количественные (обычно вторичные)» [Русский язык, 1979, с. 153]. Думается, что это преувеличение.

болеет может быть интерпретирована как причинная (условная и т. п.) только в том случае, если каким-то образом заявлен статус ее отношения (причинного и пр.) к другой ситуации. Важнейшими специализированными средствами выражения этого статуса в русском языке являются подчинительные союзы типа *потому что, так как, если, хотя, так что* и предлоги наподобие *из-за, от, вопреки, со, по причине, несмотря на*.

Еще одна важная особенность отношений обусловленности состоит в том, что они «предъявляют» весьма высокие требования к расчлененности, эксплицитности выражения компонентов их семантических структур [Карцевский, 2000, с. 180]. Этими компонентами являются: 1) элементы собственно ситуации — участники (*X, Y*) и предикат (*пьян, злит*): *X пьян; X злит Y-а*; 2) показатель, «маркер» типа отношения ситуации к другой ситуации — причина, цель и т. п.: *потому что, из-за (болезни)*. В наибольшей степени условиям максимальной расчлененности отвечают придаточные предложения: *Он не пришел на работу, потому что заболела его жена*. В наречиях же маркер типа отношения (*с-пьян-у, на-зл-о*) и предикат (*с-пьян-у, на-зл-о*) выражаются нерасчлененно, в пределах одного слова. Именно в этой нерасчлененности заключена причина того, что наречиями неотчетливо обозначается характер отношения между ситуациями в соответствующих двуситуативных структурах. В. В. Виноградов говорил о недостаточной «выразительности» наречий причины и цели²⁸.

Такая комбинация свойств, а именно обязательная семантическая ситуативность (предикативность), обязательное вхождение в качестве одной ситуативной части в двуситуативные структуры, наличие маркера отношения между ситуациями, характерна из всех наречий только причинным и целевым наречиям с конкретным значением (неместоименным). Этой комбинацией свойств и можно объяснить периферийное положение наречий в системе специализированных средств выражения обусловленности (придаточное предложение, предложно-падежные конструкции, наречие).

Придаточное предложение — наиболее эксплицитный способ выражения отношений обусловленности. Предложно-падежные конструкции — способ с меньшими, чем у придаточного предложения, возможностями; они практически не выражают отношения следствия и ограниченно выражают значение уступки. Наречие накладывает максимальные ограничения на выражение отношений обусловленности; отсутствуют наречия следствия и уступки, что же касается причины и цели, то в русском языке таких наречий с конкретным значением, номинативно-значимых (типа *назло, спьяну*) около десятка. При этом местоименных наречий (*почему, почему-либо, поче-*

му-то, потому, отчего-либо, поэтому, затем, зачем, зачем-то и др.), не имеющих конкретно-предикативного значения, в два раза больше, что можно считать аномальным явлением для лексико-грамматических классов. Во многих языках при наличии местоименных наречий причины (и реже — цели) номинативно значимые наречия тех же групп отсутствуют. Из всего этого можно заключить, что семантика обусловленности, особенно семантика конкретного свойства, плохо сочетается с наречной формой ее выражения. Учитывая безусловную стилистическую отмеченность (принадлежность к сниженным стилям речи) номинативно значимых (неместоименных) наречий причины и цели, можно констатировать неактуальность этих наречий для некоторых — строго кодифицированных, и даже не строго кодифицированных, — стилей русской речи. К примеру, в сборнике рассказов А. Вампилова²⁹ ни разу не встречается ни *спьяну (спьяна)*, ни *сдуру*, ни *сослепа (сослепу)*, ни *сгоряча*, ни *назло* и т. п., в то время как *почему-то* — 5 раз, *почему* — 15 раз, *зачем* — 14, *отчего* — 1 раз и т. д. Это характерно не только для Вампилова. Употребление номинативно значимых наречий причины и цели в общем довольно большая редкость.

Наречия причины и цели показательны в двух аспектах, связанных с общей интерпретацией наречий как части речи. Первое. Распространенным является мнение, что наречие — это эталонный способ выражения обстоятельств. Очевидно, что это не так. Можно говорить, что наречие — это лексикализованный способ выражения обстоятельственных значений. Второе. Наречию в целом как части речи приписывается свойство быть семантическим предикатом второго порядка («предикат на предикате»). Обычно это воспринимается как автоматическое перифразирование известного — признак признака. Признак (или все то, что трактуется как признак) уравнивается с понятием предиката. Однако если понятие предиката толковать более привычно, и главное — более определенно, т. е. как сказуемый компонент предложения или член предложения, могущий быть преобразованным в сказуемое, то наречия причины и цели — это именно предикаты (*упал в яму спьяну* → *потому что был пьян, напился, ср. бежит быстро, говорит медленно* → ?). Самый характер отношений обусловленности требует, чтобы средства, выражающие эти отношения, имели предикативное (ситуативное) значение. В этом, как представляется, заключается главная преграда для образования номинативно значимых наречий обусловленности.

Эта, почти непреодолимая, преграда оказывается в значительной мере несущественной, если речь идет об обстоятельствах способа и образа действия, поскольку они не «требуют» обязательной семантической предикативности средств выражения. Данные обстоятель-

²⁸ Ср.: «Наречия цели... почти всегда колеблются между обстоятельством причины и образа действия» [Виноградов, 1972, с. 302].

²⁹ Вампилов А. Избранное. М., 1999 (174 514 знаков с пробелами).

ства достаточно гармонично втягивают в свою орбиту отпричастные наречия: *негодующе говорил, отвечал взволнованно, угрожающе смотрел* и т. п. Вместе с тем и тут есть свой предел. Деепричастия — «второстепенные сказуемые» [Шахматов, 1941а, с. 471] — в наречия практически не переходят (не адвербиализуются). Представляется, таким образом, что интерпретацию категориального семантического признака наречий нужно связывать с понятием «признак», а не «предикат».

Наречия места. Наречия времени. К этим разрядам относятся такие лексемы, как *здесь, туда, всюду, откуда-то, спереди, сзади, вперед, вдалеке; сейчас, теперь, ранее, когда-то, когда-либо, издавна, завтра, смолоду, потом* и т. п.

Наречия места с семантической точки зрения разбиваются на два основных типа. Первый тип представлен лексемами, которые характеризуют действие статически, как пребывающее в каком-то месте; к этим наречиям приложим категориальный вопрос гд е?: *везде, всюду, негде, далеко, вверху, посередине, здесь, там*. Наречия второго типа, наречия-директивы, характеризуют действие как направленное по отношению к какому-то пространственному ориентиру. Они подразделяются на три группы; к ним последовательно приложимы вопросы куд а?: *туда, сюда, никуда, вбок, вправо, вглубь, домой*; от куд а?: *оттуда, отсюда, издали, сбоку, сверху, ниоткуда*; до куда? (до какого места?): *досюда, дотуда, досель*. Последняя группа представлена единичными лексемами, имеющими к тому же сниженную стилистическую окраску.

Наречия времени можно классифицировать примерно таким же образом: 1) наречия, соотносимые с вопросом ко гд а?: *теперь, ранее, недавно, сегодня, завтра, прежде*; 2) соотносимые с вопросом с как их по р?: *издавна, смолоду, сызмала, отроду, исстари, искони*; 3) до как их по р?: *дотеперь, поныне, дотемна*.

К наречиям времени примыкают также лексемы, обозначающие меру длительности и отвечающие на вопросы как долго? сколько времени?: *думал долго, недолго, поболтали немного*; а также отвечающие на вопросы как часто? сколько раз?: *дважды, трижды, часто, редко, Ему вредно волноваться, он ранен не единожды* (В. Астафьев) [Шелякин, 2001, с. 238]. Включать ли такого рода наречия в разряд временных [ср.: Всеволодова, 2000, с. 117] или же объединять их с наречиями меры и степени, а также со всеми наречиями, обозначающими количественные параметры действий (*Я в прошлом году съел много... так ко мне тоже корреспондента подослали*. — В. Шукшин), особенно точные (*вдвое, дважды, вдвоем, надвое, по двое* и т. п.), в широко понимаемый разряд количественных наречий [Грамматика, 1953, с. 607–608], — вопрос дискуссионный. Собственно, он и не может не быть дискуссионным, потому что традиционное деление наречий на разряды не опирается на морфологические критерии, а синтаксические критерии в силу

самой природы обстоятельства как члена предложения оказываются не вполне отчетливыми³⁰.

Хотя наречий места и времени довольно много (около 250 единиц вместе взятых, приблизительно поровну поделенных на две указанные группы), однако и они представляют собой группировки слов, весьма ограниченные в плане семантических возможностей обозначения пространства и времени. Наречный способ обозначения обстоятельств места и времени, как, впрочем, причины и цели, характеризуется отчетливым тяготением к антропоцентрической сфере, более того — к сфере эгоцентрической. Не случайно эгоцентрические (местоименные) лексемы в сфере наречного выражения места, времени, причины и цели занимают необычное место, необычное в сравнении с их положением в составе других частей речи или с местом в составе лексико-грамматических разрядов. Например, местоименные субстантивы (*кто, что, кое-кто, кое-что, кто-нибудь* и т. п.) составляют незначительную долю неместоименных субстантивов (существительных). То же характерно для соотношения неместоименных и местоименных адъективов. Таково же соотношение (что существенно для понимания наречия как части речи) местоименных и неместоименных наречий способа и образа действия: хотя количество местоименных единиц, относимых к наречиям образа и способа действия, в общем соотносимо с количеством неместоименных наречий места и времени, однако в общей совокупности наречий способа и образа действия их удельный вес низок. Семантической доминантой наречий места и времени являются местоименные лексемы (*где, где-либо, где-нибудь, где-то, кое-где, нигде, негде, везде, всюду, повсюду, здесь, там, туда, оттуда* и т. п.), составляющие примерно четверть от общего числа этих двух групп наречий.

Наречия, относимые к «обстоятельным» (наречия места, времени, причины, цели), в известном отношении действительно составляют особую группу. Объединяет их то, что дейксис занимает в них либо непропорционально большое место в сравнении с номинацией (место, время), либо вообще выходит на первое место (причина, цель). Кроме того, здесь, в отличие от наречий способа и образа действия, мал процент качественных наречий; преимущественное место среди номинативно значимых наречий занимают те, что получены неморфологическим путем. Не случайно наречия указанных групп почти не пополняются новыми лексемами³¹.

³⁰ «...Пока не создана синтаксически значимая классификация наречий, и это... трудная задача» [Всеволодова, 2000, с. 66].

³¹ Ср.: «Происходит заметное ослабление продуктивности обстоятельных наречий; это в значительной степени связано с развитием системы вторичных предлогов, которые более дифференцированно выражают обстоятельные отношения; продуктивность определительных наречий усиливается» [Русский язык, 1979, с. 154].

Совершенно очевидно, что в сфере номинации обозначение места и времени с помощью наречных средств имеет преимущества по сравнению с наречными способами. Так, к примеру, сочетание существительных с предлогами способно обозначать такие грани пространственной и временной локализации, которые нельзя обозначить с помощью наречий: *около стола, перед столом, за столом, под столом, в столе, на столе, над столом, через стол*. И выбор лексем для пространственной и временной локализации в рамках существительных несопоставимо шире, нежели это имеет место в наречиях. Причем если ограничения на обозначение места можно в какой-то мере связывать с общей семантической спецификой наречий (наречия — признаковые слова, а пространственные указания в значительной мере сосредоточиваются в сфере предметной семантики), то такого нельзя сказать о временных указаниях: их сфера — непредметная семантика. Но и здесь существительное имеет очевидные преимущества перед наречием уже в силу того, что существительных с непредметным значением, способных выступать в качестве обозначения временных ориентиров, значительно больше, чем лексем-наречий: *перед ужином, за ужином, после ужина, задолго до ужина; перед обедом, в обед, после обеда; в следующем году, в этом году; Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...* (А. Пушкин) и т. д.

Предикативные наречия. Рассмотренные разряды наречий, за исключением наречий меры и степени, — это разряды, главное свойство которых состоит в том, что они прилагательны, т. е. соответствуют содержанию самого термина, обозначающего данную часть речи, — наречие. Что касается употребления наречий в функции определения (не «определения» к глаголу, а определения к существительному, собственно определения), то для наречия эта функция вторична, ибо, видимо, нет ни одного наречия, которое употреблялось бы только в этой функции. Вторичность в данном случае показательна в том плане, что лексема-наречие, употребляемая в функции собственно определения, изначально «сформирована» не в рамках данной функции, а в рамках переноса функций, свойственных наречиям. Это означает нецелесообразность выделения в качестве самостоятельного разряда наречий-определений. Из этого, впрочем, не следует, что функция определения может игнорироваться при интерпретации наречий как части речи.

Есть еще одна разновидность наречий, которые также употребляются прилагательно, но только не при полнозначном глаголе, а при глаголе-связке. Это предикативные наречия. В отличие от ранее рассмотренных наречий, выступающих в роли второстепенных членов предложения, предикативные наречия выступают в качествеменной части сказуемого. Согласно Русской грамматике, «наречия свободно употребляются в функции сказуемого» [Русская грамматика, 1980, I, с. 703] как двусоставного, так и односоставного пред-

ложения: *Чай — по-именинному; Выход прямо; Выставка — налево; Здесь все иначе; Все волнения позади; Как ваше имя?; Он не прочь прогуляться; Гостю все внове; Альпинисту такая высота нипочем; Все друг с другом запанибрата; Мы здесь мимоездом; Товары нарахват; Двери настезь; Деньги кстатки; Письмо было по-французски* (Л. Толстой.); *И ночь, и туман, казалось мне, были только затем, чтобы я еще более любил и ценил утро* (И. Бунин); *Ты вся — не отсюда* (А. Блок); *Теперь разговор уже не тот и по-доброму* (Л. Пастернак); *Алтай холостому недалеко* (Л. Леонов); *Все холостяки наперечет в нашем городе* (Л. Леонов). *Это на руку врагам; Ведь я ей несколько сродни* (А. Грибоедов); *Твое одиночество веку подстать* (Э. Багрицкий) [примеры из: Русская грамматика, 1980, II, с. 301]; ... *Господин Голядкин поставил зеркало на прежнее место, а сам, несмотря на то что был босиком и сохранял на себе тот костюм, в котором имел обыкновение отходить ко сну, подбежал к окошку...* (Ф. Достоевский); *Известно, что слоны в диковинку у нас...* (И. Крылов); *Сапоги пришлись хорошо* (Ф. Достоевский); *Правда — хорошо, а счастье — лучше; Нужно было быть начеку* (П. Вершигора); ... *Без варежек уже нельзя будет выходить на двор...* (Ю. Казаков); *Мне холодно* (М. Осоргин); *Сегодня тепло, можно окна держать настезь...* (А. Чехов); *Ему не надо причесываться и приводить в порядок бороду и усы* (Ю. Олеща); *И слишком здесь пахнет эфиром, и душно, и слишком тепло. Когда мы в Россию вернемся... но снегом ее замело* (Г. Адамович) и т. д. Количество подобного рода примеров можно существенно увеличить.

При этом важно подчеркнуть наличие таких наречий, для которых функция сказуемого является либо единственной, либо первичной: *замужем, внове, нипочем, не прочь, на руку, сродни, подстать, настороже, навывкате, навеселе, наготове, в духе, не в духе, не в себе, без ума, начеку, нужно, нельзя, не прочь* и т. д., либо не менее значимой, чем другая их функция: *Поплясывал огонь, весело прищелкивала разогнавшаяся печка, выстреливая на ходу крупные искры* (В. Астафьев); ... *И снова стало весело, дружно в доме* (В. Астафьев). Если исходить из принципа выделения наречных разрядов, о котором речь шла выше, — лексема-функция, то данную группу наречий следует толковать в качестве отдельного разряда наречий.

Все более укрепляющееся в XX в. представление о наречии как об обстоятельстве или по крайней мере как о второстепенном члене предложения входит в противоречие с сказуемостным их употреблением, особенно в односоставных предложениях. Подчеркивание предикативной функции в односоставном предложении как не соответствующей представлению о наречии, объясняется, по-видимому, тем, что, согласно господствовавшим некогда синтаксическим воззрениям (не утратившим своей актуальности и в настоящее время) подлежащее рассматривалось в качестве «абсолютно определяемого» компонента предложения [Дурново, 1929, с. 23], а сказуемое — в ка-

честве зависимого компонента (примеры очевидны)³². Сказуемое же односоставного предложения оказывается абсолютно господствующим членом предложения.

Именно с рассмотрения лексем типа *нельзя, можно, надо, пора, жаль, нужно*, формирующих сказуемые односоставных предложений, Л. В. Щерба начинает раздел своей статьи о частях речи, посвященный вопросу о категории состояния как особой части речи [Щерба, 1957, с. 74]³³. Далее Щерба переходит к словам типа *светло (в комнате светло), холодно (на дворе становилось холодно)*, которые также выступают в роли сказуемого односоставных предложений. Однако далее к категории состояния Л. В. Щерба относит и слова других частей речи, обозначающие состояние человека и природы, но выступающие в качестве сказуемого и двусоставного предложения: *я готов, я рад, он грустен, он в стуртуке* и т. д. Статья Щербы положила начало дискуссии о категории состояния как особой части речи. Интерпретация этой «категории» у Щербы такова, что дает основание заключить, что речь идет не о части речи, а о том, что позже стало называться функционально-семантическим полем. Собственно, Щерба не был категоричен в отстаивании мнения о категории состояния как части речи: «Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория (часть речи. — Авт.) в русском языке» [Там же].

Пожалуй, наибольший вклад в утверждение мнения о категории состояния как части речи внес В. В. Виноградов. Он попытался сузить ее границы и тем самым сделать представление о ней более четким. Категория состояния, по Виноградову, это, безусловно, часть речи. Она интерпретируется им в качестве аналога глагола (ей приписывается охарактеризованность по категориям наклонения и времени); она является «мостом» между двумя типами знаменательных частей речи — именными и глагольными [Виноградов, 1972, с. 320–321]. Однако концепция Виноградова предельно противоречива³⁴. Виноградов, в частности, как и Щерба, не смог провести более или менее отчетливые границы между категорией состояния и другими частями речи (например, прилагательными в краткой форме). Следствием этого явилось то, что сторонники выделения категории состояния как отдельной части речи вернулись к тому, с чего начинал Щерба,

³² Вместе с тем функция сказуемого в двусоставном предложении часто вуалируется при толковании наречий; ср., напр., одно из определений наречий: «Наречием называется неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета и выступающая в роли обстоятельного слова или несогласованного определения» [Грамматика, 1953, с. 606]. При этом наличие наречий, выступающих в функции сказуемого в двусоставном предложении, не отрицается.

³³ «...При ближайшем рассмотрении оказывается, что указанные слова не подпадают под категорию наречий, так как не относятся ни к глаголу, ни к прилагательному, ни к наречию» [Щерба, 1957, с. 74].

³⁴ См., напр.: [Евтюхин, 1999, с. 28–45; Всеволодова, 2000, с. 30–32].

а именно к словам как и наречия, «неизменяемым», выступающим в роли сказуемых только в односоставных безличных предложениях: *надо, нельзя, тепло* и т. п. Этим обусловлено другое название данной «части речи» — безлично-предикативные слова.

Принцип выделения категория состояния как безлично-предикативных слов поставил эту «часть речи» в исключительное положение среди всех самостоятельных частей речи. Столь жестко очерченный функциональный критерий, по сути дела единственный, не применяется при интерпретации ни одной другой части речи. Категории состояния предписывается быть не просто сказуемым, но сказуемым только в односоставных и только безличных предложениях. Иными словами, принцип выделения категории состояния противоречит принципам выделения других самостоятельных частей речи. Есть и еще одно основание для критического отношения к категории состояния (безлично-предикативным словам) как части речи. Это количество слов данной «части речи». По подсчетам, приводимым Л. Л. Буланиным со ссылкой на Е. И. Воинову, слов категории состояния насчитывается около 100 единиц [Буланин, 1976а, с. 179–180]. На фоне других знаменательных частей речи (а категория состояния должна быть отнесена именно к этой группе частей речи), состоящих из тысяч (наречие) и десятков тысяч (существительное, прилагательное, глагол) лексем, максимум на что может претендовать категория состояния, так это на статус лексико-грамматического разряда или даже части разряда, но никак не части речи. Представляется, что традиционный подход к словам категории состояния как к наречиям более оправдан, нежели их интерпретация в качестве особой части речи, тем более что по своим главенствующим признакам эти слова вполне вписываются в наречия³⁵. Что касается наречий, употребляемых в качестве сказуемых (именной части сказуемого) в двусоставных предложениях, то эти наречия, при условии что данная функция является для них основной, первичной либо равноценной какой-либо другой их функции, следует рассматривать в рамках единого лексико-грамматического разряда предикативных наречий: независимо от того, в каком предложении употребляется сказуемое — в односоставном или двусоставном, сказуемому как члену предложения приписывается одна и та же роль — быть грамматической доминантой предложения.

Таким образом, к разрядам наречий, которые упоминались выше, следует добавить предикативные наречия. В первую очередь, речь идет о лексемах, которые употребляются только предикативно: *можно, нельзя, не по себе, не в себе, не прочь, нужно, холодно* (о температуре воздуха) и т. п. Во вторую очередь, это лексем, для которых предикативное употребление является первичной функцией, ср.: *Она*

³⁵ «Синтаксически наречие может быть... главным членом предложения, сказуемым» [Шахматов, 1941а, с. 503].

замужем и *Замужем она расцвела*. Третью группу составляют лексемы, которые равно могут использоваться в предикативной и непредикативных функциях, прежде всего в функции обстоятельства способа и образа действия: *весело смялся и на вечере было весело; грустно сказал — стало грустно; Феликс... рисовал стенгазету, плакаты, карикатуры на отдельных листах, смешно изображая гитлеровцев...* (В. Астафьев) и *Смешно. Конечно, смешно!* (В. Астафьев); *тепло относился к кому-либо* и *Как-то тепло и хорошо стало мне от сочувствия этого чужого и хорошего человека* (Л. Толстой)³⁶. Кроме того, предикативные наречия подразделяются в зависимости от того, в какого рода предложениях функционируют — двусоставных или односоставных: только в двусоставных (*замужем, сродни*), односоставных (*нельзя, холодно*) или в тех и других (*Вам со мной не с руки* (Н. Островский) и *Это мне не с руки; Близость его с Наташей была совсем не по нутру Дарье Михайловне* (И. Тургенев) и *Не по нутру мне шпионить за ним*³⁷).

Что касается значений, выражаемых предикативными наречиями в односоставных предложениях, то обычно их сводят к четырем-семи разновидностям: обозначающие психическое или физическое состояния лица (*мне грустно, смешно, больно, дурно, обидно*), состояния природы (*сегодня жарко, холодно, ветрено*), окружающие условия, среду (*в комнате грязно, душно*), различную модальную (*можно, нужно, нельзя, надо, пора, время ехать; Анна Андреевна иногда была совсем не прочь посплетничать*. — С. Волков) или морально-этическую (*грех подумать, смех вспомнить*) оценку действия [Буланин, 1976а, с. 175; Современный русский язык, 2003, с. 573].

Наречия во вводных функциях. Еще один разряд слов, необоснованно выводимый за пределы наречий, — это наречия, используемые в качестве вводных слов: *конечно, наверное, во-первых, во-вторых, наконец, по-моему* и т. п. Согласно В. В. Виноградову, данные слова входят в особую часть речи — «модальные слова» (подробнее см. ниже, в главе «Служебные части речи», § 3). Как и в случае с категорией состояния, трактовка данной части речи у Виноградова противоречива. Если следовать в описании модальных слов за Виноградовым, то они располагаются как бы поверх других частей речи, поскольку включают в себя словоформы разных частей речи [Виноградов, 1972, с. 568–583]. Попытки ограничить состав вводных слов только такими, которые обладали бы собственными частеречными признаками, приводят к тому, что эти признаки усматривают, во-первых, в их функции, а во-вторых, в морфологических особенностях. Однако последние — это не что иное, как «неизменяемость»

³⁶ Пример из 4-томного Словаря русского языка.

³⁷ Ср. в этой связи глаголы, которые в интересующем нас аспекте подразделяются на собственно безличных, употребляющиеся только лично и употребляющиеся лично, и безлично.

[Камынина, 1999, с. 198], т. е. признак, не отличающий модальные слова от наречий.

Ограничение модальных слов неизменяемыми лексемами имеет следствием их крайнюю количественную ограниченность: это несколько десятков лексем. Как в случае с категорией состояния, мы сталкиваемся с предельно жестко интерпретируемым функциональным признаком и крайней немногочисленностью знаменательной³⁸ «части речи». По-видимому, этими причинами объясняется непопулярность интерпретации вводных лексем в качестве особой части речи³⁹.

Классификация наречий во вводных функциях обычно основывается на типологии данных функций применительно к выражению их отдельными словоформами. Существующие классификации вводных слов примерно одинаковы. Обычно это перечень из 5–7 позиций. Семичленная классификация хорошо известна по школьным учебникам русского языка: 1) выражающие уверенность (*безусловно, конечно*), 2) неуверенность (*вероятно, видимо*), 3) выражающие чувство (*к счастью, к несчастью*) и т. д. (семь рубрик⁴⁰). Естественное объединение в одну рубрику первого и второго типа вводных слов дает шестичленную классификацию (самая распространенная классификация). Это слова: 1) указывающие на степень достоверности сообщаемого (*вероятно, кажется* и т. п.), 2) эмоционально-оценочные (*к счастью, к сожалению*), 3) характеризующие речь, способы и приемы выражения мысли (*так сказать, короче, точнее*), 4) указывающие на источник информации (*говорят, по слухам*), 5) устанавливающие контакт с собеседником (*знаете ли, послушайте*), 6) определяющие ход мыслей (*во-первых, значит, итак*) [Лингвистический словарь, 1990, с. 81]⁴¹. Наречия не в одинаковой степени способны выражать те или иные разновидности вводных функций. К примеру, обозначение чувства — ненаречная сфера, ср.: *к несчастью, о счастье, к огорчению, к радости, на горе* и т. п. То же можно сказать и о фатической (контактоустанавливающей) вводной позиции: *представьте, послушайте, согласитесь, слышь (Слышь, баба, Наташку не буди*. — М. Шолохов) и т. п. Ограниченны возможности наречий и в обозначении источника информации: *по-моему,*

³⁸ По И. Г. Милославскому, это самостоятельная часть речи [Современный русский язык, 1981, с. 354].

³⁹ Другой способ интерпретации неизменяемых слов во вводной функции состоит в их выведении за пределы частей речи вообще (слова вне частей речи). Л. В. Щерба в качестве одного из решений проблемы категории состояния предлагал такой же путь [Щерба, 1957, с. 76].

⁴⁰ См., напр.: [Греков и др., 1976, с. 207–208].

⁴¹ В энциклопедии [Русский язык, 1997, с. 64] предлагается семичленная классификация, содержащая помимо уже указанных разрядов еще один — слова, указывающие на степень обычности или необычности сообщаемого: *случается, бывает, по обыкновению, как правило*. Пятичленная классификация (со ссылкой на Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995) предлагается в кн.: [Камынина, 1999, с. 201].

по-твоему, по-нашему, по-вашему, слышно (О там, за Шепеличами, есть Толстый Лес, там, слышно, есть партизаны. — П. Вершигора). Более «приемлемой» для наречий является позиция, связанная с оценкой достоверности сообщаемого⁴²: *действительно, вероятно, по-видимому, видимо, наверно, пожалуй, безусловно, разумеется, очевидно* и др. Достаточно органична для наречия и функция мета-языковая (композиционная), хотя наречий этого типа тоже в общем немного: *во-первых, в-третьих, итак, следовательно, наконец, кстати, значит* и др.

Некоторые наречия могут употребляться как во вводной, так и в неводной функциях: *по-моему, он не справится с заданием — сделай все по-моему; наверно я этого не знаю*⁴³ — *наверное, не придет; безусловно (бесспорно) положительный пример — он, безусловно, придет*. В определенных случаях можно говорить о достаточно размытой границе между вводным и неводным употреблением: *А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!..* (М. Булгаков); *Вот уж, действительно, дрянь!* (М. Булгаков); *Яков, прозванный Турком, потому что действительно происходил от пленной турчанки, был по душе художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике...* (И. Тургенев). И это понятно, потому что модальные значения выражаются многообразно, вводность, в частности обозначенная наречиями, — один из способов их выражения.

Рассмотренные выше разряды формируют весьма неоднородную картину наречия как части речи, представляющую собой мозаичное объединение одного крупного разряда и разрядов, существенно меньших по объему, причем иногда совершенно крохотных. Безусловно, в синтаксическом плане наречие характеризуется, главным образом, обстоятельственной функцией. Но не обстоятельственной функцией вообще, а в основном функцией обстоятельства способа и образа действия. Наречий данного типа около 90% от всех наречий, включая и необстоятельственные. Этот разряд наречий, в сравнении с другими, максимально открыт для пополнения новыми лексемами.

Наречие — это готовые синтаксические формы-лексемы, и не для всякой синтаксической позиции, в том числе и обстоятельственной, такой способ выражения является оптимальным⁴⁴. Вместе с тем

⁴² Этот тип слов, независимо от их частеречной принадлежности, обычно считается наиболее репрезентативным в плане представления вводной функции вообще.

⁴³ Лексема *наверно* в значении 'несомненно, верно, точно, наверняка' квалифицируется в настоящее время как устаревшая. Однако прежде, например у Тургенева, встречается оба типа употребления — вводное и неводное: *А впрочем, он ничего не знал наверное;... Да вы его, наверное, знаете...* («Дым»).

⁴⁴ «Основные разряды обстоятельств соотносимы с разрядами наречий. Однако они выходят в своем фактическом материале (способах выражения. — Авт.) далеко за пределы разрядов наречий» [Никитин, 1961, с. 6].

наречие, являясь лексемой-синтаксемой (синтаксической формой), оказывается часто наиболее экономным способом выражения соответствующих значений. Это отмечал еще М. В. Ломоносов, видя предназначение наречий в «кратком изображении обстоятельств» [Ломоносов, 1952, с. 408]. В самом деле, трудно представить себе более «краткий» вариант обозначения способа и образа действия, нежели тот, который достигается использованием наречия *быстро* в предложении *Мальчик быстро бежит* или наречия *домой* в предложении *Он пошел домой* и т. д. Будучи «кратким» способом, наречие втягивает в свою лексическую сферу прежде всего обстоятельственные значения ближайшего для субъекта круга, т. е. эгоцентрического и антропоцентрического характера.

Местоименные наречия. Местоименные наречия — это разряд слов, но в другом смысле, нежели рассмотренные выше разряды. Местоименные наречия объединяет не синтаксическая функция, а семантическая специфика — «местоименность», «дейктичность» (см. главу «Местоимение»). Вопрос об их частеречной отнесенности в рамках русских грамматических описаний решается по-разному. Согласно русской научной традиции, за начало которой обычно принимается «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, местоименные неизменяемые лексемы рассматриваются в разделе наречий, т. е. квалифицируются как наречия⁴⁵. Обоснование данному подходу можно найти в том, что все местоименные наречия «безболезненно» распределяются по соответствующим наречным разрядам (наречия способа и образа действия, времени, причины и т. п.). Этим местоименные наречия отличаются от местоименных существительных, прилагательных и числительных, которые только частично могут быть распределены по лексико-грамматическим разрядам существительных, прилагательных и числительных. Другой подход находим у А. А. Шахматова: местоименные наречия — это особая часть речи [Шахматов, 1941а, с. 423]. Особенность третьего подхода состоит в зачислении данных лексем в состав местоимений. Наконец, в рамках четвертого подхода местоименные наречия, как и все местоименные слова, стоят вне частей речи [см., напр.: Пешковский, 1938, с. 162–171]. Как бы ни решать вопрос о частеречной принадлежности местоименных наречий, это совершенно не затрагивает того факта, что они характеризуются двупостасностью — наречной и местоименной. О наречном «лице» местоименных наречий говорилось выше. Так как местоименная ипостась местоименных наречных лексем не менее важна, чем их собственно наречная сторона, то данные наречия подробнее рассматриваются в главе «Местоимение».

⁴⁵ И до выхода грамматики Ломоносова данный подход был хорошо известен; так, см. раздел «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, посвященный наречиям [Смотрицкий, 1979].

§ 4. Категория степеней сравнения⁴⁶

Как и у прилагательных, категория степеней сравнения наречий является частной. К наречиям, которые могут иметь сравнительные формы, относятся те, что характеризуются специальными формальными показателями «наречности»: суффиксами *-о* (*быстро*), *-е* (*искренне*), *-и* (*мастерски, реалистически, пролетарски*), префиксом *по-* в сочетании с суффиксами *-и* (*по-деревенски*) и *-ому / -ему* (*пученому, по-птичьему*). Данные показатели представляют собой не что иное, как словообразовательные форманты продуктивных моделей образования наречий. А. М. Пешковский наречия такого типа относил к разряду «форменных» [Пешковский, 1938, с. 116], т. е. формально маркированных в плане принадлежности к наречию как части речи.

Из перечисленных выше разрядов аффиксально маркированных наречий максимальными потенциями в плане образования форм категории сравнения обладают наречия на *-о, -е* (*басовито, певуче*). Объясняется это тем, что именно эти наречия более других способны выражать чистую, ничем не отягощенную качественность.

В противоположность «форменным» наречиям, остальные (главным образом, «бесформенные» [Пешковский, 1938, с. 116]) стоят вне категории степеней сравнения (*досыта, дома, вдребезги* и т. п.). Таким образом, не только семантические, но и формальные особенности строения наречий — наличие или отсутствие специальных формальных маркеров «наречности» (специальных словообразовательных наречных формантов) — сказываются на возможности образования у наречий форм степеней сравнения.

Наибольшее количество лексем, могущих иметь формы степеней сравнения, принадлежит к разряду способа и образа действия. Однако наречия и других разрядов тоже могут иметь данные формы, что объясняется их происхождением от качественных прилагательных: *близко — ближе, далеко — дальше, высоко — выше, рано — раньше, стало темно — темнее* и т. д.

Помимо частного характера категории степеней сравнения у наречий и прилагательных имеется определенное сходство и в специфике строения данной грамматической категории.

У прилагательных граммема суперлатива (превосходной степени) несколько размыта, менее четко выражена, нежели граммема компаратива. У наречий непропорциональность строения категории степеней сравнения проявляется еще более ярко, так что во многих описаниях русского языка граммема превосходной степени вообще

⁴⁶Трактовка наречной категории степеней сравнения имеет много общего с трактовкой категорией степеней сравнения прилагательных (см. главу «Имя прилагательное»). В данном параграфе акцент сделан на особенностях этой категории в сфере наречий.

не фигурирует [см., напр.: Русская грамматика, 1980, I, с. 703]. Для выражения значения суперлатива у наречий не используются формообразующие аффиксы. Синтетические образования типа *нижайше, покорнейше*, во-первых, единичны, а во-вторых, имеют не суперлативное (максимальная степень проявления признака), а элативное значение. Кроме того, подобные образования представляют собой самостоятельные лексемы, а не свободно образуемые словоформы. Ср.: *Самолет опустился низко; Самолет опустился еще ниже*, но не **Самолет опустился нижайше*, или ср.: *Я вас нижайше прошу* и **прошу ниже, *прошу низко*. Что касается сочетаний типа *быстрее всех, быстрее всего*, то их интерпретация как аналитических форм превосходной степени [см., напр., Исаченко, 1965, с. 262] наталкивается на затруднения. Компоненты *всех* и *всего* в этих «формах» имеют отчетливое лексическое, хотя и дейктическое (местоименное) значение. Соответственно *быстрее всех, быстрее всего*, согласно распространенному мнению, более приемлемо толковать как словосочетания, а не в качестве морфологических аналитических форм. Конструкция с компонентом *наиболее (наиболее далеко)* [Исаченко, 1965, с. 262; Янко-Триницкая, 1982, с. 68] с большим основанием может претендовать на статус аналитической формы, однако она образуется далеко не от всех наречий, характеризующихся категорией степеней сравнения, и, кроме того, употребляется лишь в «книжных стилях» [Исаченко, 1965, с. 262]. Не случайно данная конструкция часто вообще не упоминается в списке форм категории сравнения. Таким образом, морфологическая категория степеней сравнения наречий включает в себя две граммы — положительную, или позитив (*быстро*), и сравнительную (компаратив — *быстрее, более быстро*)⁴⁷. О третьей граммеме — суперлативе (выражаемой конструкциями типа *наиболее быстро*) — можно говорить лишь с большой долей условности.

Что касается способов выражения значения сравнительной степени, то их, как и у прилагательных, два: простой (синтетический) и сложный (составной, аналитический). Второй из них обладает большими потенциями: он распространяется и на те наречия, которые не имеют формы синтетического компаратива: *более быстро, более певуче, более реалистически, более по-русски*. Вместе с тем образования типа *более певуче* и особенно *более реалистически, более по-русски* — это все-таки больше потенция, чем реально используемые формы. Например, в романе В. Дудинцева «Не хлебом единым» (М.: Сов. писатель, 1957) аналитические формы сравни-

⁴⁷Как состоящая из двух граммем наречная категория степеней сравнения трактуется, к примеру, в: [Русская грамматика, 1980, I, с. 703]. Однако здесь в качестве средств выражения данной категории фигурируют только синтетические формы. Обоснование такого подхода содержится в разделе, посвященном степеням сравнения прилагательных.

тельной степени употреблены 23 раза, из них 21 — это формы прилагательных (*более затейливыми, более серьезные, более важные, более массовым, более мужественной* и т. п.) и только две наречные, причем лишь наречий на *-о*: *более серьезно, более объективно*. Синтетический, или простой, способ свойствен только наречиям на *-о*: *быстро — быстрее, громко — громче*.

Излагаемая точка зрения соответствует традиционной интерпретации образований типа *быстрее, более быстро* как форм адвербиальной категории степеней сравнения. Существуют и иные подходы к интерпретации категории сравнения наречий. Особо выделим толкование центральных в системе степеней сравнения форм типа *быстрее, веселей, больше, дальше*. Тождественность образования этих форм у прилагательных и наречий, невыраженность в них категорий рода, числа, падежа позволяет толковать эти формы как принадлежащие к одному лингвистическому классу. Так, согласно В. Н. Сидорову, «в роли наречия... может употребляться... сравнительная форма прилагательных, когда она относится не к существительному. Ср.: *Этот рассказ интереснее — Он интереснее рассказывал; Его голос громче — Он громче говорил*. В первом примере каждой пары есть сказуемое — сравнительная форма прилагательного, которая относится к существительному. Во втором примере то же слово употреблено в роли наречия (разрядка наша. — *Авт.*) и относится к глаголу» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 147]⁴⁸. Более радикальное решение проблемы синтетической сравнительной формы находим у Н. Н. Дурново: «Сравнительная степень отличается от прилагательных и наречий тем, что имеет одну неизменяемую форму и для функции прилагательного и для функции наречия и может употребляться как в значении атрибутивного и предикативного определения к существительному, так и в значении определения к глаголу» [Дурново, 1929, с. 13]. Заслуживает внимания позиция А. М. Пешковского: «Так как формы эти (типа *выше, умнее*. — *Авт.*) образовались совершенно так же, как формы наречий на *-о*... то мы можем, с генетической точки зрения, определить их как слова, отошедшие от прилагательных, но не примкнувшие к наречиям... Это ни прилагательные, ни наречия, а нечто более широкое и менее определенное» [Пешковский, 1938, с. 161]. Согласно А. А. Зализняку, синтетические сравнительные формы, традиционно толкуемые как прилагательные или наречия, не только представляют собой особый грамматический разряд (не наречия и не прилагательные), но и являются к тому же самостоятельными лексемами [Зализняк, 1977, с. 6; ср.: Виноградов, 1972, с. 211].

⁴⁸ Ср. также: «Сравнительная степень является наречием...» [Шахматов, 1941а, с. 493] и «Полное их (сравнительных синтетических форм. — *Авт.*) включение в категорию наречий вступило бы в непримиримый конфликт с их синтаксическим употреблением в роли определений существительного» [Виноградов, 1972, с. 212].

Вопрос о лексической самостоятельности форм типа *веселее, быстрее*, а также вопрос о месте этих форм в частеречной системе являются дискуссионными (подробнее об этом см. в разделе, посвященном степеням сравнения прилагательных).

К сказанному о формах типа *быстрее* добавим и то, что их выведение за пределы прилагательных и наречий по существу означает и выведение из перечня морфологических категорий данных частей речи категории степеней сравнения⁴⁹. Ведь признание аналитическими формами (формами словоизменения) конструкций *более умный, более быстро* и т. п. в значительной мере базируется на признании аналогичности их формообразующих структур синтетическим структурам: слово *более* в аналитической конструкции *более быстро* выполняет ту же роль, что и форматив (формообразующий элемент) *-ее* в синтетическом образовании *быстрее*.

§ 5. Некоторые проблемы разграничения наречий и слов других частей речи

Трудности в разграничении наречий и слов других частей речи обусловлены, с одной стороны, тем, что значительное число наречий получено деморфологизацией исходно ненаречных словоформ (при адвербиализации⁵⁰), с другой — характером используемых аффиксов в случае морфологического словообразования, с третьей — переходом наречий без изменения их «формального облика» в слова других частей речи (естественно, как и наречия, неизменяемых).

Адвербиализация — процесс исторически длительный. Деморфологизация является следствием деактуализации грамматической формы. Говоря о грамматической форме, в данном случае мы имеем в виду ее трактовку, связанную прежде всего с наличием у слова (словоформы) формообразующей структуры. Деактуализация — потеря прозрачности формы, утрата словом (словоформой) расчлененности на формообразующую основу и форматив.

Например, наречие *в обход* (*идти в обход* ‘кругом, стороной обходя’ и др. (по МАС, три значения), при том что семантически однозначно соотносится с существительным *обход* и «внешне» также бесспорно соотносится с формой винительного падежа последнего (*отправился в обычный ночной обход заведений*), тем не менее ут-

⁴⁹ И в таком случае наречия оказываются в буквальном смысле неизменяемыми словами, а трактовка прилагательных избавляется от «неприятного» вопроса о том, как связать представление о прилагательном как слове, изменяющемся по родам, числам и падежам, с неохарактеризованностью по этим категориям словоформ типа *умнее*. Очевидно, что данное решение проблемы слишком схематично, чтобы его рассматривать как оптимальное.

⁵⁰ В данном параграфе мы абстрагируемся от того, получены ли наречия адвербиализацией или создавались по образцу адвербиализованных [Русский язык, 1997, с. 15].

рачивает формообразующую структуру существительного, что, в частности, выражается в непроницаемости границы между *в* и *обход* для элементов, имеющих словесный статус, например для прилагательных-определений, ср.: *в — большой — чемодан* и *в — ? — обход*⁵¹. Тем самым деактуализируется форма винительного падежа существительного и предложно-падежная форма превращается в наречие, ср. *наудачу, вброд, наконец, вмиг* и т. п.

Однако во многих случаях о полной деактуализации формообразующей структуры исходной словоформы говорить не приходится, и соответственно констатировать факт свершившегося перехода в наречие нельзя. К примеру, часто рассматриваемая как наречие предложно-падежная форма *на миг* (*На миг стрельба затихла.* — П. Вершигора) полноценным наречием признана быть не может, поскольку допускает возможность расчленения с помощью определения: *На один миг стрельба затихла.* (О вставке слова как о критерии расчлененности предложно-падежных сочетаний на два слова см., напр.: [Касевич, 1988, с. 145; Мельчук, 1997, с. 162]) Но, по-видимому, возможность распространения данной предложно-падежной формы в значении длящегося отрезка ограничена одним-двумя словами (*один, краткий / короткий*), тогда как существительное *миг* в значении временной точки имеет большие сочетаемостные потенции: *этот миг, в тот же миг, в следующий миг* (ср.: *в этот миг он задумался* и *на один миг он задумался*, [?]*на следующий миг он задумался*). В еще меньшей мере могут быть признаны полноценными наречиями словоформы типа *летом, зимой, днем, вечером* (*Что я буду теперь, летом, в Париже делать?* — Ф. Достоевский), поскольку практически без затруднений могут быть распространены: *Он объявил мне, что был нынешним летом на Норд-Капе...* (Ф. Достоевский); *Стать бы бродягой, странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре среди леса, у озера, сидеть летним вечером на лавочке возле монастырских ворот...* (И. Бунин).

Между исходными частями речи и наречиями существует множество переходных случаев, что, естественно, затрудняет их частеречную квалификацию, потому что требует установления «веса» признаков исходной части речи и наречных признаков (по принципу: каких признаков больше?). Иногда предлагаемые критерии разграничения исходная часть речи — наречие имеют совершенно искусственный характер и не отражают языковые реалии; к такого рода критериям можно отнести способ разграничения наречие / не наречие словоформ типа *летом*: при употреблении без определений они признаются наречиями, с определениями — существительными.

⁵¹ Примерно аналогичная ситуация с наречием *вброд*, с единственной только поправкой, что существительное *брод* в значении ‘передвижение через реку в мелком месте’, видимо, является уже устаревшим.

Отрыв от исходной части речи при адвербиализации способствует сохранению форм, неактуальных для синхронного состояния языка (*за утра → завтра, молча, нехотя*), а также формообразующих основ, вышедших из употребления слов (*опять* — из формы винительного падежа существительного **ПАТЬ** (однокоренное с **ПАТА** «задняя часть ноги») с предлогом *о*: **о ПАТЬ**). Ср. также *позади, сзади* от существительного *задь* и т. п.

Несколько иной поворот рассматриваемой темы связан с наречиями, полученными морфологическим путем (здесь не идет речи о деактуализации формы). Понятно, что проблема разграничения наречие — не наречие не касается таких случаев, как *по-моему, по-осеннему, по-французски, отцовски* и т. п. Обычно проблему разграничения наречие — ненаречие связывают «со словами на -о» (*сонно*), а также с формами синтетической сравнительной степени (*дальше*). Вне контекста отнести, например, *сонно* или *дальше* к наречиям или к прилагательным невозможно, ср.: *Тихо* (прилагательное) и *сонно* (прилагательное) *все в деревне...* (И. Гончаров); *В комнате было тихо* (наречие), *только сонно* (наречие) и *ровно* (наречие) *дышала Катя* (Л. Толстой); *Чем дальше* (наречие) *уезжал Оленин от центра России, тем дальше* (прилагательное) *казались от него все его воспоминания...* (Л. Толстой).

Наибольшие вопросы вызывает квалификация указанных слов / словоформ в конструкциях с инфинитивом: *курить вредно, вредно курить*. Существует мнение, что разграничение наречие — прилагательное обусловлено порядком компонентов в предложении: если инфинитив предшествует слову на -о (*Курить вредно*), то предложение признается двусоставным, а слово на -о — прилагательным в краткой форме. Если порядок иной, инфинитив квалифицируется как зависимый, предложение — как односоставное, а слово на -о — как наречие (безлично-предикативное слово). Однако подобный подход многим исследователям представляется как сильно упрощающий реальное положение дел, поэтому предлагаются другие, более содержательные критерии, в частности, связанные с возможностью употребления слов на -о в предложениях без инфинитива (ср. *ему больно* и [?]*ему вредно: больно — наречие, вредно — не наречие*); с возможностью замены инфинитива на существительное (*курить вредно → курение вредно*), а слова на -о — на описательное выражение (*курить — вредное занятие*); ср. *глотать больно → ?глотание было больно*; [?]*глотать было больное дело* (следовательно, *вредно* — это прилагательное в двусоставном предложении, а *больно* — наречие в односоставном) [Буланин, 1976а, с. 177–178]. Есть и иные взгляды на проблему критериев разграничения краткое прилагательное — наречие. Так, по мнению М. А. Шелякина, и в *Курить вредно*, и в *Глотать больно* оба слова на -о — это наречия, поскольку в данного типа предложениях выступают слова на -о, которые часто вообще не имеют соотносительных кратких форм прилагательных

(Идти туда боязно) [Современный русский язык, 2003, с. 574]. Таким образом, единодушия взглядов исследователей на указанную проблему пока нет, и соответственно нельзя говорить о бесспорности решения данной проблемы.

* * *

Исходя из всего сказанного в данной главе, кратко сформулируем признаки наречия как части речи.

Наречие как часть речи характеризуется признаковой семантикой.

Преимущественно отрицательный морфологический характер наречия как части речи (отсутствие общих морфологических категорий) предопределяет остаточный способ вычленения этой части речи из общего частеречного континуума: наречиями традиционно считаются все знаменательные слова, не имеющие ни одной именной или глагольной морфологической категории, за исключением категории степеней сравнения.

Наречие характеризуется единственной морфологической категорией — категорией степеней сравнения. Это частная категория словоизменительного типа. Наречия, стоящие вне этой категории, неизменяемы.

Независимо от того, являются ли наречия изменяемыми (*быстро — быстрее*) или неизменяемыми (*навзничь*), в синтаксическом плане их морфологическая форма характеризуется отрицательно: форма наречий не детерминируется другими словами в предложении или словосочетании.

Использование наречий позволяет на один-два порядка «углубить» признаковую структуру предложения.

Наречие используется в функции членов и не членов предложения.

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

К служебным частям речи традиционно относят такие лексико-грамматические классы слов, которые не являются отдельными членами предложения (не играют самостоятельной роли в развертывании высказывания), а лишь детализируют семантические и синтаксические функции знаменательных слов. Например, в известной строке: *Я к Вам пишу, чего же боле...* (А. Пушкин) употребление предлога *к* не является обязательным, семантика адресата выражена дательным падежом местоимения, ср. *Я Вам пишу*. Предлог сообщает высказыванию оттенок торжественности и архаичности, устанавливает иерархию между адресантом и адресатом. С грамматической точки зрения предлоги в данном и других случаях конкретизируют семантику падежной формы и вместе с нею составляют предложно-падежную конструкцию, которая в предложении занимает позицию одного компонента (члена предложения). Служебные части речи, таким образом, участвуют в формировании синтаксических структур, но не занимают в них самостоятельного места.

В некоторых частеречных классификациях в состав служебных частей речи входят также междометия. Эта точка зрения восходит к учению о частях речи М. В. Ломоносова. В данном пособии, в соответствии с формально-грамматической классификацией, заложенной трудами Ф. Ф. Фортунатова, междометия рассматриваются как отдельная часть речи за пределами как знаменательных, так и служебных слов. Основанием для такой точки зрения является отсутствие у междометий в прямом употреблении как самостоятельных, так и совмещенных с другими словами синтаксических связей.

§ 1. Предлоги

Предлог как часть речи. Предлог — это служебная часть речи, используемая как одно из средств уточнения семантики падежных форм имени, а также для выражения синтаксической зависимости именных групп от других знаменательных слов. Общим значением предлогов является **значение отношения** (релятивности), что объединяет в языке функции предлога и падежа¹. Не случайно предложно-падежные формы и формы косвенных падежей без пред-

¹ Утрата языком падежной системы делает предлог основным средством выражения отношений. Типичным примером может служить французский язык, который, утратив падежную систему латыни, использует для выражения этих значений исключительно предлоги.

логов часто используются для выражения одних и тех же отношений: *любуется детьми — любит на детей* (разг.); *едем лесом — едем по лесу*. Нередки случаи, когда значения предлога и косвенного падежа совпадают: *писать отцу, писать к отцу* — значение адресованности, направленности, обращенности к кому- или чему-нибудь; *любить людей, верить в людей; обсуждать дело, говорить про дело* — объектное значение и т. п. Однако по сравнению с косвенными падежами предлоги выражают упомянутые отношения более определенно, конкретно и дифференцированно — они дополняют и уточняют значения косвенных падежей². Так, на базе винительного падежа, обозначающего направление движения, развиваются предложно-падежные формы с предлогами *в, на, за, под* (*положить в стол, на стол, за стол, под стол*), точно устанавливающие конечную точку движения по отношению к предмету. Если беспредложный творительный падеж обозначает траекторию движения в самом общем виде (*идти лесом*), то другие падежи с предлогами заметно конкретизируют это значение (*идти по лесу, в лесу, через лес*).

Несмотря на абстрактность собственного лексического значения, предлог часто уточняет лексическое значение как существительного, так и глагола, ср.: *состоять из молекул — состоять в обществе садоводов*.

Предлоги используются при обозначении объектных (*думать о даме*), определительных (*коробка с книгами*) и обстоятельственных (*бледный от усталости, ехали через парк, звони при необходимости*) отношений. Выражая синтаксические связи между словами, предлоги никогда не функционируют в отрыве от имени существительного им не свойственна функция членов предложения. Предложно-падежные формы не рассматриваются как словосочетания и представляют собой один из вариантов формы слова, при этом сами предлоги отличаются от морфем прежде всего большей самостоятельностью, которая проявляется в их способности отрываться в составе предложения и словосочетания от падежной формы имени (*в даме, в новом доме*). От служебных морфем предлоги отличает также способность сочетаться с разными падежными формами (*в дом, в доме*). Кроме того, разные предлоги могут сочетаться с существительным в одном и том же падеже, например: *у дома, около дома, от дама* и т. д. Еще одной важной особенностью функционирования предлога является способность предложно-падежных конструкций к употреблению независимо от управляющего слова. Например, в предложениях *У моря всегда прохладно, Мы — за мир* предложно-падежные формы вполне самостоятельны, а функцией предлогов

² «На место падежной формы является сочетание падежной формы с предлогом, причем это сочетание благодаря вносимому в него предлогом значению развивает, дополняет, усиливает то значение, которое принадлежало самой падежной форме» [Шахматов, 2001, с. 504].

является не оформление связи между словами, а исключительно выражение значения отношения³.

Характернейшей чертой предлогов как синтаксических единиц является их функционирование в условиях двусторонних синтаксических связей. Оформляя подчинение одного знаменательного слова другому, предлог как грамматическая единица одновременно обращен к ним обоим (*живу←в→городе*). Тесная взаимозависимость предлога и управляющего слова может быть проиллюстрирована следующими примерами: 1) глагол *говорить* в сочетании с предлогом *о* передает значение ‘словесно выражать мысли’, а в сочетании с предлогом *с* — ‘беседовать, вести разговор’; ср. также: *состоять из — состоять в, смотреть за — смотреть на* (в этих случаях предлог оказывается необходимым конкретизатором лексического значения слова); 2) в сочетаниях типа *жениться на, выйти за, размышлять о, верить в, тосковать по* и т. п. предлоги ослабляют свое конкретное значение в качестве посредника между главенствующим глаголом и зависимым от него объектом и становятся семантически немотивированными знаками объектных отношений (простыми показателями того или иного падежа). Такие предлоги, потерявшие способность конкретизировать падежное значение, часто называют «семантически опустошенными». В подобных случаях предлоги, ставшие формальными морфологическими показателями синтаксических связей глагола, примыкают к глаголу на правах своеобразного глагольного послелога, см.: [Виноградов, 1972, с. 532–533].

Как и другие служебные части речи, в морфологическом плане предлоги характеризуются неизменяемостью и, как следствие, отсутствием формообразующей структуры. Существует традиция рассматривать предложно-падежные конструкции как разновидность аналитических форм и соответственно предлоги — как одно из аналитических средств. Самостоятельное (отдельное от падежной формы) употребление предлога возможно лишь в случаях грамматической неполноты, когда косвенный падеж как бы восстанавливается из контекста: *голосовать за или против; Париж — тревожного моря бред. Невидимых волн басовые ноты. И за, и над, и под, и пред домов дредоуты* (В. Маяковский).

Тесная связь предлога с управляемой падежной формой отчетливо проявляется на уровне фонетической реализации предложно-падежной конструкции: предлог не имеет самостоятельного словесного ударения, составляет вместе с формой имени одно фонетическое слово (/nad-dómat, /pa-n'ébu/). На стыке предлога и падежной формы не происходит оглушения конечного звонкого перед гласными и звонкими согласными в инициали падежной формы (/iz-dóma/, /nad-aknóm). Фонетическая цельнооформленность предлож-

³ См. также: [Русская грамматика, 1980, I, с. 706].

но-падежной формы проявляется также в том, что в сочетаниях с существительными, имеющими подвижное ударение, в ряде случаев оно может передвигаться на односложный предлог (/zá-ruk'u/, /ród-nag'i/).

Отмеченный факт фонетической цельюоформленности аналитической формы, включающей в себя предлог, закономерно согласуется с тем, что и на уровне синтаксической семантики предложно-падежная форма является нечленимой. Так, в большинстве случаев в предложно-падежном соединении значение падежной формы невозможно определить вне ее сочетания с предлогом (*без брата, за дорогу, с друзьями*). Неразрывная связь предлога с формой косвенного падежа в составе аналитической формы имени дала основание В. В. Виноградову определить предлоги как «агглютинативные префиксы косвенного объекта» [Там же, с. 531]. Еще более выразительно высказывание Л. В. Щербы: «...Предлоги составляют одно слово с тем, к которому относятся» [Щерба, 1962, с. 100]. Ср. также интерпретацию предлогов как подвижных флективных морфем в: [Курилович, 1962].

Структурные и морфологические типы предлогов. Являясь неизменяемыми словами, предлоги, как и другие служебные слова, не обладают ярко выраженными морфологическими особенностями. Классификации предлогов опираются на их формально-структурные и семантические особенности, а также на особенности их образования, которые во многом определяют значение и функционирование предложной лексики.

В основных словарях русского языка и грамматических справочниках зафиксировано в общей сложности 409 слов и словосочетаний, квалифицируемых как предлоги⁴.

С точки зрения структуры предлоги делятся на простые (однословные) и составные (неоднословные). Все составные предлоги являются производными, среди простых предлогов выделяются первообразные (непроизводные) и непервообразные (производные) предлоги.

1. Первообразные предлоги составляют небольшую и непополняющуюся группу простейших слов, унаследованных русским языком из общеславянского фонда и не связанных живыми мотивационными отношениями с какими-либо знаменательными словами: *без (безо), в (во), до, за, из (изо), к (ко), кроме, меж, между, на, над (надо), о (об, обо), опричь, от (ото), перед (передо, пред, предо), по, под (подо), при, про, ради, с (со), у, через (чрез)*.

Для первообразных предлогов (собственно предлогов) характерна многозначность (так, В. В. Виноградов, описывая «семантическую систему» предлога *на*, выделяет 25 значений и 18 оттенков

⁴ Кроме того, зафиксировано 55 словосочетаний типа *в адрес, в дополнение к, наряду с, независимо от*, подведенных под рубрику «в значении предлога».

значений служебного слова [Виноградов, 1972, с. 542–544])⁵. Многие из них могут соединяться более чем с одним падежом, например предлог *с (со)* сочетается с родительным, винительным и творительным падежами, а предлог *по* — с дательным, винительным и предложным.

К первообразным предлогам примыкают также парные предлоги-сращения *из-за* и *из-под*, сочетающиеся с родительным падежом, а также устаревшие предлоги *по-за* и *по-над*⁶, которые до сих пор встречаются в фольклоре, художественной литературе и некоторых говорах.

Хотя первообразные предлоги и являются непроизводными, они в каком-то смысле мотивированы в морфологической системе русского языка. В этом отношении принципиальное значение имеет соотношение большинства первообразных предлогов с однозначными или близкими им по значению приставками: *до срока — досрочный, без возмездия — безвозмездный, перед праздником — предпраздничный, строить над — надстроить* и т. п. Это проявляется также в возможности совпадения предлога и приставки управляющего глагола (*добежать до леса, влететь в окно, отпрыгнуть от стола, подставить под вазу* и т. п.). Причем дублирование приставки может быть как полным (как в приведенных выше примерах), так и исключительно семантическим (*перепрыгнуть через коня, прикоснуться к руке, углубиться в лес*).

2. Производные предлоги отличаются от непроизводных тем, что имеют мотивационные отношения со знаменательными словами: наречиями, существительными и деепричастиями.

Наречные предлоги образованы от: 1) обстоятельственных наречий: *около, напротив, внутри, вокруг, впереди, мимо, прежде, посреди* и т. п.; 2) качественных наречий: *относительно, касательно, согласно, соразмерно, сообразно*.

Связь предлогов этого типа с наречиями проявляется, в первую очередь, в том, что на основе одних и тех же значений (пространственные, временные и т. д. отношения) могут развиваться как наречные, так и предложные словоупотребления: *вокруг* (наречие) *стояли дети — сторож ходит вокруг* (предлог) *усадыбы; проехал мимо* (наречие) — *проехал мимо* (предлог) *дома; мальчик шел впереди* (наречие) — *впереди* (предлог) *этих людей бежала собака*. Предлоги, соотносящиеся с обстоятельственными наречиями и выражающие пространственные и временные отношения, по значению практиче-

⁵ Предлоги, имеющие очень широкий спектр конкретных значений, часто становятся «семантически пустыми», в разговорной речи широко представлено употребление предложно-падежных конструкций на месте равнозначных падежных форм без предлога, ср. *группа подготовки — группа по подготовке, операция почки — операция на почке* [Гловинская, 1996, с. 240–243].

⁶ Сочетаются с творительным падежом.

ски неотличимы от соответствующих наречий и противопоставляются им исключительно по характеру занимаемой синтаксической позиции (абсолютивная позиция у наречия и приименная у предлога)⁷. Предлоги, соотносящиеся с качественными наречиями, семантически отличаются от них, обозначая более сложные и отвлеченные отношения: *Они жили долго и согласно* (наречие) — *Я, согласно* (предлог) *его предписаниям, покинул ихуну; если врачи выскажутся соответственно* (наречие) — *Обраг вилял то влево, то вправо, и ветер соответственно* (предлог) *поворотам то утихал, то налетал с удвоенной силой* (Э. Казакевич).

Очень сложным вопросом, на который в настоящее время трудно дать однозначный ответ, является вопрос о том, что представляют собой и как соотносятся друг с другом приведенные выше наречные и предложные словоупотребления. Имеем ли мы в данном случае дело с омонимией словоформ отдельно существующих в языке наречий и предлогов типа *мимо, напротив, согласно* или наречные и предложные словоупотребления должны рассматриваться как формы одного слова, способного варьировать свою синтаксическую функцию? Единодушия в этом вопросе у исследователей языка не наблюдается: ряд авторов (например, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, О. С. Ахманова) считает вышеприведенные словоупотребления слов типа *мимо, напротив, вблизи, согласно* формами одного и того же слова, совмещающего в себе функции наречия и предлога; другие (например, А. А. Реформатский) настаивают на том, что в данном случае перед нами явление омонимии⁸. Возможно, что решению этого вопроса может способствовать более тщательная разработка проблемы тождества значений соотносительных наречных и предложных словоупотреблений. Так, предлоги, образованные на базе обстоятельственных наречий, полнее сохраняют их значения и скорее могут быть определены как синтаксические разновидности одного слова (наречия-предлога), чем предлоги, мотивирующиеся качественными наречиями и имеющие ощутимое различие в значении по отношению к исходным наречиям.

Возвращаясь к характеристике наречных предлогов в целом, следует отметить, что в противоположность широте и многозначности первообразных предлогов они имеют гораздо более узкое, конкретное и определенное значение. В этом легко убедиться, сопоставив типичные употребления предложно-падежных конструкций, в которых могут выступать предлоги *внутри* и *в*:

⁷ Впрочем, и среди предлогов, мотивированных обстоятельственными наречиями, можно выделить, с одной стороны, слова, почти утратившие наречные значения (например, *вне*), с другой — слова, устойчиво сохраняющие наречную семантику (*прежде, сверху* и т. п.).

⁸ Отсутствие серьезных лингвистических доводов в пользу первой или второй точек зрения приводит к большим противоречиям и непоследовательности в лексикографическом описании служебной лексики.

внутри — 1) *внутри шкафа*, 2) *внутри государства*,
в — 1) *в бочке*, 2) *в стране*, 3) *в воздухе*, 4) *в прошлом году*, 5) *в статье*, 6) *в горе*, 7) *в опале*, 8) *неловок в обращении* [подр. см.: Гвоздев, 1973, с. 418].

Отыменные однословные предлоги представляют собой небольшую группу однозначных слов (*типа, порядка, путём*), значение которых обусловлено семантикой мотивирующих их существительных.

Отглагольные однословные предлоги мотивируются формами деепричастий и сохраняют глагольное управление (*включить, включая кого-либо-нибудь; считать, считая кого-либо-нибудь; исключение: благодарить кого-нибудь, но благодаря кому-либо-нибудь*). Предлоги этого типа однозначны, и их значение мотивируется значениями соответствующих глаголов (исключение составляет предлог *благодаря*, передающий отвлеченное значение повода и причины).

Составные предлоги составляют абсолютное большинство зафиксированных в словарях предлогов. Они состоят из двух или трех слов: формы существительного, деепричастия или наречия в сочетании с одним или двумя первообразными предлогами. Выделяются: 1) сочетания наречия с первообразным предлогом (составные наречные предлоги типа *вблизи от, вместе с, вслед за, впродолжение, независимо от, соразмерно с* и т. п.); 2) сочетания предложно-падежной формы существительного или предложно-падежной формы в соединении с еще одним (вторым) первообразным предлогом (составные отыменные предлоги типа *без помощи, в духе, в порядке, на пути, по части, за счёт, в зависимости от, в связи с, по отношению к* и т. п.); 3) сочетания деепричастия с первообразным предлогом (составные отглагольные предлоги типа *глядя по, судя по, несмотря на, начиная с* и т. п.).

Образование составных именных предлогов часто сопровождается утратой лексического значения имени существительного, входящего в состав сложного предлога. Это относится к составным предлогам типа *по мере, в течение, в силу* и т. п. Напротив, предметное значение мотивирующих существительных ощущается в составных предлогах *в знак, в согласии с, в области, в границах* и т. п.

Подводя итог рассмотрению морфологических типов предлогов, следует отметить, что первообразные предлоги и в семантическом отношении (широта и многообразие значений), и в плане сочетаемости с падежами отчетливо противостоят производным (в особенности составным) предлогам. Тенденции все большего «вращения» первообразных предлогов в аналитическую форму противостоят активная тенденция образования однозначных аналитических предлогов (разного типа соединений с предложной функцией).

Семантика предлога. В общем виде значение предлога можно определить как передачу того или иного отношения. Выше уже отмечалось, что характерной особенностью предлога является его

функционирование в условиях двусторонних синтаксических связей. Это предопределяет зависимость значения предлога от лексических значений связанных с ним управляющего и управляемого слов. Так, пространственное и временное значение предлога *в* соответственно в предложно-падежных формах *в городе*, *в доме* и *в прошлом году*, *в декабре* выявляются благодаря значению управляемых существительных в составе аналитической формы. Значение предлогов *в* и *перед* в словосочетаниях *пойти в театр*, *стоять перед отцом* (пространственное) и в словосочетаниях *превратить в театр*, *стыдиться перед отцом* (объектное) определяется благодаря лексическому значению управляющих глаголов.

На основе общности значения все предлоги делятся на функционально-смысловые группы. Например, в группу с общим пространственным значением входят предлоги: *вокруг* с род. падежом, *до* с род. падежом, *между* с род. и тв. падежами, *мимо* с род. падежом, *из* с род. падежом, *от* с род. падежом, *за* с вин. и тв. падежами, *через* с вин. падежом и др. В свою очередь, каждый предлог выделяет частные элементы своего значения, которыми он отличается от других членов функционально-смысловой группы (*находится в доме* — *находится на доме*).

Количество и состав функционально-смысловых групп (общих значений) предлогов определяются разными авторами по-разному. Так, В. В. Виноградов (вслед за А. А. Шахматовым) выделяет более 20 «основных видов отношений» [Виноградов, 1972, с. 537–541]. Наиболее часто выделяют пространственные, временные, компаративные, причинные, целевые, определительные и объектные виды отношений.

Как и падежные значения, значения многозначных предлогов можно описать как соотношение центра и периферии, причем периферийные значения могут быть как производными от центрального значения, так и абсолютно с ним не связанными. Так, предлог *на* с винительным и предложным падежами имеет два центральных значения (пространственное — *сидеть на крыше* и объектное — *сосредоточиться на работе*). Что же касается периферийных значений предлога *на*, то они не связаны ни с основными значениями этого предлога, ни друг с другом: *приехать на месяц*, *купить на рубль*, *делить на части*, *заучивать на свежую голову*, *запастись на зиму*, *увидеться на другой день*; *остановиться на бегу*, *поссориться на людях*, *встретиться на этих днях*, см.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 711].

§ 2. Союзы

Союз как часть речи. Союз — это служебная часть речи, которая используется для оформления связи между словами в предложении и тексте. Союзы служат не только формальным средством соединения

синтаксических единиц (слов форм и предложений), но и являются одним из средств выражения смысловых отношений между ними. Способность выражать отношения сближает союз с предлогами и частицами, также обозначающими разновидности отношений.

Как и другие служебные слова, союзы отличаются неизменяемостью, а на синтаксическом уровне — неспособностью быть членами предложения.

Союзы в основном оформляют сочинительные и подчинительные отношения и их разновидности: соединительные (*и*), сравнительные (*как*), изъяснительные (*что*), временные (*когда*), условные (*если*), градационные (*не только, ... но и*) и т. д.

Главным отличием союза от предлога является отсутствие формальных показателей связи между ним и соединяемыми при его помощи единицами. Если функционирование предлога предопределяется его способностью сочетаться с тем или иным падежом и характеристиками управляющего слова, то употребление союзов никак не связано с грамматическими формами соединяемых единиц. Как отмечается в «Русской грамматике», «большинство союзов и союзных слов не столько устанавливает связь, сколько выявляет и конкретизирует ее. Это также отличает их от предлогов, которые — вместе с падежной флексией — не просто выявляют связь, но формируют ее» [Русская грамматика, 1980, I, § 1669].

Союзы, оформляющие синтаксические связи между предложениями, обозначают значительно более широкий круг отношений, чем союзы, связывающие только словоформы внутри предложения. Только очень немногие подчинительные союзы, обозначающие отношения сравнения, уступительности (но не временные, следствия, изъяснительные и т. п.), могут использоваться в пределах простого предложения (*Фильм интереснее для взрослых, чем для детей*; *Текст написан, хотя и с опозданием*; *Думали о его, пусть нелегкой, но счастливой, жизни*).

Формальная независимость союза обуславливает то, что изучение его функциональных особенностей выходит за пределы морфологии и является компетенцией синтаксиса. Семантическая характеристика союзов, используемая в морфологии, по сути повторяет, воспроизводит классификацию синтаксических связей и синтаксических отношений. Поэтому на первый план выходит противопоставление сочинительных и подчинительных союзов, дальнейшая классификация идет по типам выражаемых ими отношений.

В рамках сочинительных союзов обычно выделяются следующие функционально-семантические группы: соединительные (*и, да 'и', да и, ни... ни, как... так и*), противительные (*а, да 'но', зато, а то, а не то, же*), разделительные (*или... или, либо... либо, то ли... то ли*), пояснительные⁹ (*то есть, именно*) и присоединительные (*и, а*).

⁹ Пояснительные союзы входят в сочинительные не во всех классификациях союзов.

В рамках общего значения функционально-семантической группы союзы противопоставляются по частным (индивидуальным) значениям. Например, союз *и* может выражать собственно соединительное значение, если соединяемых членов только два: *брат и сестра, жизнь и смерть* и т. п. Завершительное значение выступает на передний план, если однородных членов больше двух, а союз *и* употребляется перед последним из них: *Он купил в магазине колбасу, сыр и масло* (подр. см.: [Моисеев, 1975, с. 161]).

Подчинительные союзы обычно выражают следующие общие значения: причинное (*так как, потому что, ибо, в силу того что*), целевое (*чтобы, для того*), следствия (*так что*), условия (*если, если бы, коли*), уступительное (*хотя, пусть, лишь только бы*), сравнения (*как, как будто, словно*), временное (*едва, как только, пока*), следствия (*вследствие чего, так что*), изъяснительное (*что, чтобы, будто бы, как*) и др. Ср. частные значения союзов внутри функционально-смысловой группы изъяснительности: *Он говорил, что написал книгу; Его просили, чтобы он написал книгу.*

Один и тот же союз может иметь несколько разных значений. Например, союз *а* может выражать противительное (*Он ничего не писал, а месяцы шли*) и присоединительное (*Было бы корыто, а свиньи будут*) значения. Союз *и* может выражать временное (одновременность и следование — *упал и затих, упал и сломал руку*) и причинно-следственные отношения (*Небо затянуло тучами, и я достал зонтик*). Таким союзам противостоят союзы со специализированным значением, характеризующиеся минимальной зависимостью от контекста (*потому что, зато, хотя, тем более что, перед тем как*).

Союзы *что* и *как*, выполняющие чисто синтаксическую функцию оформления подчинительных связей, выражают только формальное грамматическое значение (*Мы знали, что он ничего не напишет; Расскажи, как ты его обидел*). Вследствие этого их иногда называют «асемантическими» союзами¹⁰.

Значения союзов могут уточняться и дифференцироваться с помощью специальных конкретизаторов — слов и словосочетаний, присоединяющихся к союзу с целью уточнения его значения. В результате образуются союзные соединения типа *и потому, и поэтому, и стало быть, и напротив, и наоборот, а значит, а вместе с тем, а ведь, но зато, но всё же, или иначе* (всего в: [Русская грамматика, I, с. 714] зафиксировано 35 союзных соединений на базе сочинительных союзов). Не случайно, что почти все союзные соединения сочинительного типа образуются на базе союзов *и* и *а* — самых многозначных сочинительных союзов. Некоторые конкретизаторы, присоединяющиеся к простому союзу, становятся компонентами сложного союза (*а именно, а также*). Значение подчинительных

¹⁰ См.: [Грамматика, 1970].

союзов обычно конкретизируется при помощи предложных сочетаний с указательным местоимением *тот* (*после того как, вопреки тому что, подобно тому как*); в результате такого присоединения образуется составной подчинительный союз. В союзных соединениях такого типа знаменательность именного и местоименного компонентов может усиливаться. Например, при введении местоименного компонента (*в том случае, если; именно по той причине, что*) усиливается знаменательность именной группы; при акцентировании компонентов *что* и *как* (*исходя из того, что; смотря по тому, как*) они приобретают свойства союзных слов. В этих случаях все соединение утрачивает признаки целостного подчинительного союза (подр. см.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 717–718]).

Значение союзов может уточняться не только с помощью конкретизаторов (слов и словосочетаний, непосредственно присоединяемых к союзу), но и посредством использования союзных коррелятов (служебных элементов, позиционно не смыкающихся с союзом и образующих вместе с ним разорванное союзное соединение). Например: *Если не успеем — тут уж ничего не сделаешь; Раз приказали, значит так нужно.*

Наиболее часто в роли конкретизаторов выступают слова *тогда, тут, значит, знать, выходит, следовательно, стало быть* и семантически не специализированные корреляты *то, так*, не конкретизирующие значение союза, но принимающие участие в оформлении синтаксической связи предложений.

Структурные и морфологические типы союзов. Вопрос о составе союзов, их морфологической классификации и соотношении со словами других частей речи составляет собственно морфологический аспект описания этой части речи. В зависимости от своего происхождения и наличия мотивирующих отношений со словами других частей речи противопоставляются непроизводные (первообразные) и производные (непервообразные) союзы. По структуре все союзы делятся на простые (однословные) и составные (неоднословные).

1. Простые непроизводные союзы объединяют в себе, с одной стороны, немногочисленную группу элементарных слов, значительная часть которых заимствована русским языком из общеславянского фонда (*а, и, ли, но, да, же, как, что, лишь, чем, ведь, хоть, пусть*), с другой стороны — союзы, исторически производные, восходящие к соединениям двух и более слов, но нечленимые в современном языке (*абы, дабы, или, якобы, ибо, ежели, если, либо, будто* и т. п.).

Простые, в морфологическом отношении неделимые союзы компенсируют свой малый «морфологический вес» многозначностью и многообразием синтаксического употребления. Особенно широк и разнообразен круг значений союзов *и, а, да, что*.

2. Простые производные союзы объединяют слова, сохраняющие живые мотивационные отношения со знаменатель-

ными словами современного языка (*зато, вдобавок, затем, впрочем, наоборот, правда, притом, итак, также, точно, вернее, тоже, напротив, наконец, благо* и т. п.). Мотивационные отношения проявляются, в частности, в том, что значения некоторых союзов могут быть истолкованы путем соотнесения с исходными и близкими по смыслу знаменательными словами (например, значение благоприятной причины у союза *благо*; противительное-возмездное значение союза *зато*; уточняюще-комментирующее значение у союзов *точнее, вернее*)¹¹.

3. **Составные** (всегда производные) союзы состоят из компонентов, каждый из которых может употребляться самостоятельно. В качестве компонентов составных союзов могут выступать слова самых разных грамматических разрядов. Большинство составных союзов образовано на базе простых многозначных союзов (*потому что, несмотря на то что, оттого что, в то время как, а между тем, да ещё, а то, для того чтобы* и т. п.). Активно образуются составные союзы, включающие в себя предлоги различной структуры (*перед тем как, ради того чтобы, до того как, в отношении того что, в связи с тем что, судя по тому что, кроме того что* и т. п.). Наречия также часто выступают в качестве компонента составного союза (*как вдруг, даром что, раньше чем* и т. п.). Следует отметить большое количество составных союзов, включающих в себя частицы (*если бы, если уж, когда уж, если не* и т. п.).

В составе производных союзов выделяются союзы местоименного происхождения, образованные либо на базе самого местоименного слова (например, местоимения *что* или местоименного наречия *как*), либо на базе отместоименного союза (*что, как, пока*): *благодаря тому что, в то время как, до тех пор пока* и т. п. Активно участвуют в образовании составных союзов частица *то* и формы местоименного слова *тот* (*а то, да и то, благодаря тому что, подобно тому как* и т. п.).

«Русская грамматика», подробно рассматривающая структуру производных союзов разных типов, противопоставляет синтаксически немотивированные составные союзы (так называемые союзы несинтагматического типа) и синтаксически мотивированные составные союзы (союзы синтагматического типа). Противопоставление базируется на разном характере синтаксических взаимоотношений компонентов внутри составных союзов [Русская грамматика, 1980, I, с. 716–718]. Так, компоненты, входящие в состав синтакси-

чески немотивированных союзов, объединены способом простого сцепления, нанизывания (*а именно, а также, едва лишь, как вдруг, как если бы, совсем как, только что, а то* и т. п.; к этим союзам с несинтагматической структурой примыкают союзные соединения с конкретизатором типа *а значит, но зато, и следовательно*). В основном синтаксически немотивированные составные союзы включают в свой состав слова, лишенные словоизменительных морфологических форм. Синтаксически мотивированные союзы в большинстве своем построены по типу соединения простого союза с предложно-падежным сочетанием, выполняющим роль семантического конкретизатора (*до того как, для того чтобы, независимо от того что, подобно тому как, в знак того что, насчёт того что, по мере того как, невзирая на то что, в том духе что* и т. п.). Из приведенных примеров видно, что компоненты союзов синтагматического типа соединены по образцу существующих в языке сочетаний слов.

В предложении любые союзы либо располагаются между соединяемыми синтаксическими единицами, либо позиционно примыкают к одной из них. Однако составной союз в тексте может выступать и как сцепление двух позиционно разобщенных компонентов, которые помещаются в каждой части соединяемой конструкции (*хотя — но, не только — но и; если — то; так как — то; чем — тем; когда — тогда же; если — то потому что; мало того что — ещё и* и т. п.). Иногда в состав позиционно разобщенного союзного соединения может входить компонент, который одновременно со связующей союзной функцией выполняет функции элемента, формирующего синтаксическую конструкцию, является членом предложения (*Достаточно во что-то верить, чтобы иметь опору в жизни; Стоит ему рассказать, как всем будет известно*; ср. также союзные соединения *достаточно — и; нужно — чтобы; не проходит — чтобы не* и т. п.).

Союз в кругу частей речи. В основных словарях русского языка и грамматических справочниках зафиксировано 380 слов и словосочетаний, квалифицирующихся как союзы. Абсолютное большинство (всего около 340) союзов составляют структурно неэлементарные производные союзы (простые и составные). Выше уже отмечалось, что производные союзы в разной степени, но все же сохраняют связь с исходными знаменательными словами или словосочетаниями, мотивируются ими.

Непроизводными (соответственно — немотивированными) являются следующие слова с союзной функцией: *а, аж, ай, аще, до, ведь, да, даже, егда, если, ещё, же (ж), зане, и, ибо, иже, или, инда, кабы, как, когда, коли, ли (ль), либо, лишь, ни, ниже, но, ну, пока, потом, пусть, раз, разве, так, теперь, тогда, хоть (хотя), яко, чуть*. Абсолютное большинство этих слов зафиксированы в словарях и справочниках как слова многофункциональные (или, иначе,

¹¹ Иногда для обозначения слов с квалифицирующим значением, активно вовлекаемых в сферу союзных средств (*значит, именно, например, иначе, кстати, потом* ‘кроме того’ и т. п.), используется термин аналогии союзов [Русская грамматика, 1980, I, с. 715]. Слова такого рода часто выступают в качестве конкретизаторов при многозначных простых словах.

имеющие омонимы среди слов других частей речи)¹². Так, слово *a* употребляется как союз, частица, ответное слово; *аж, или, ан, ведь, даже, и, пока* и т. п. как союзы и частицы; *едва* и т. п. как союз, частица, наречие; *когда* как союз и наречие и т. п. Складывается впечатление, что способность структурно элементарных слов такого рода к совмещению нескольких функций (как правило, частицы и союза) является нормальным и почти обязательным их свойством при условии активного функционирования их в речи. Так, всего 11 слов употребляется только в союзной функции, но из их числа 9 слов (*ибо, егда, дабы, бо* и др.) сопровождаются пометой «устар.».

Характеризуя соотношение союзов и частиц, следует отметить, что в ряде случаев одно и то же служебное слово в своем конкретном употреблении совмещает в себе признаки союзов и частиц. «Русская грамматика» даже выделяет специальный разряд слов с синкретической функцией — частицы-союзы. Так, частица-союз *будто бы* совмещает с функцией союза, вводящего недостоверное сравнение, значение неуверенности, неясности (*Ты рассердился: будто бы я не знаю о чем говорю*); *благо* совмещает модальное значение положительной оценки, одобрения с функцией причинного союза (*Взялся за работу, благо времени прибавилось*) [подр. см.: Русская грамматика, 1980, I, с. 730–731].

Очень показательно сопоставление простых немотивированных союзов и первообразных предлогов. Действительно, почти все первообразные предлоги однофункциональны, т. е. выступают только в предложной функции (всего 4 слова — *мимо, подле, прежде, против* — выступают еще и в контекстах, типичных для наречия). Практически все первообразные предлоги адаптированы морфологической системой языка (соотносятся, находятся в отношениях мотивации с близкими по значению приставками; см. об этом выше)¹³. В то же время производные союзы либо совмещают в каждом своем употреблении союзную функцию с признаками частиц, либо соотносятся с омонимичными частицами и наречиями (при другом подходе — обнаруживают многофункциональность). Кроме того, многофункциональные неизменяемые слова типа *a, если, ещё, и, едва, разве, лишь* занимают изолированное положение в системе лексических (и шире — морфологических) средств: они не соотносятся ни с какими другими словами языка и, как правило, не находят соответствий среди набора компонентов внутрисловных структур (морфем). Таким образом, первообразные предлоги и

¹² О проблеме разграничения многофункциональности и омонимии на материале служебных частей речи см. также раздел «Частицы в кругу частей речи».

¹³ Среди первообразных предлогов лишь два слова (*для* и *подле*) могут рассматриваться на синхронном срезе как морфологически неадаптированные (немотивированные).

союзы-частицы выступают в этом аспекте как служебные слова-антиподы, см. об этом: [Николаева, 1985, с. 147]¹⁴.

Союзные слова. Кроме союзов, связь между предложениями могут выражать союзные слова. Союзными словами называют местоименные слова, совмещающие в своем употреблении свойства знаменательной и служебной частей речи: выступая в подчинительной союзной функции, они не утрачивают своей самостоятельности и являются членами придаточного предложения. В качестве союзных слов могут выступать вопросительно-относительные местоимения различных разрядов: изменяемые (*кто, что, какой, который, каковой, сколько, кой, чей, каков*) и неизменяемые местоименные наречия (*где, куда, откуда, когда, как, насколько, почему, отчего, зачем*). Например: *Он, наконец, явился в дом, где она сто лет всё мечтала о нём, куда он сам сто лет спешил...* (Б. Окуджава); *Я не помню, когда это было; Я знаю, какой он работник; Книга, о которой мы говорили, продается в магазине.*

Союзные слова, в отличие от союзов, отличаются акцентной выделенностью (ср.: *Он догадывался, что (союз) может доставить сестре удовольствие. — Он догадывался, что (союзное слово) может доставить сестре удовольствие.*)

По отношению к главному предложению союзные слова могут занимать два типа позиций:

В первом случае выбор союзного слова определяется исключительно потребностями придаточного предложения и не зависит от главного (к одному и тому же главному предложению в этом случае могут присоединяться придаточные с разными союзными словами). Например: *Необходимо узнать, (кто пришел; чем он недоволен; когда назначена встреча; сколько ему лет; кому он это обещал; что его беспокоит).* Изменяемые союзные слова в этом случае выступают в форме, обусловленной их синтаксической позицией как члена придаточного предложения: *Машина, которая стоит за домом, приехала издалека; Машина, которую мы видели, приехала издалека; Я тот, которому внимала / Ты в полуночной тишине, / Чья мысль душе твоей шептала, / Чью грусть ты смутно отгадала, / Чей образ видела во сне. / Я тот, чей взор надежду губит...* (М. Лермонтов).

Во втором случае союзная функция местоименного слова совмещается с анафорической (отсылочно-заместительной) функцией.

¹⁴ Представляется, что немотивированный характер простых союзов прямо связан с возможностью их многофункциональности. Известно, что «простой знак не содержит в себе сочетаний, которые могли бы ограничить его употребление... Благодаря такой семантической подвижности простой знак может получать многочисленные значения, которые, нося вначале случайный характер, становятся затем общеупотребительными, в то время как мотивированный знак лишен возможности представлять много значений» [Балли, 1955, с. 374]. Этим, кстати, объясняется широта и многообразие значений первообразных служебных слов по сравнению с производными служебными словами.

Соответственно представлена связь союзного слова с главным предложением — местоименное слово отсылает к определенному слову главного предложения и заменяет его в придаточном: *Художник написал картину, которая покорила всех; Когда же Штольц принесил ему книги, какие надо прочесть сверх выученного, Обломов долго глядел молча на него* (И. Гончаров)¹⁵. В этих случаях формы рода и числа согласуются у изменяемого союзного слова с родом и числом слова в главном предложении, а форма падежа определяется его синтаксической функцией в придаточном предложении.

§ 3. Частицы

Частица как часть речи. Частицы — это крайне разнородный в функционально-семантическом плане класс слов, так как к этой части речи относят и весьма ограниченный набор элементов, используемый для образования форм слова (*читал бы* и т. п.), и широкий спектр единиц, назначением которых является выражение различных смысловых оттенков самостоятельных слов или передача всевозможных коммуникативных характеристик сообщения в целом. В самом общем виде можно утверждать, что частицы служат для выражения разного рода грамматических отношений (отношений действия, состояния или всего сообщения к действительности и субъективного отношения говорящего к сообщаемому). Например, частица *бы*, участвуя в образовании форм сослагательного наклонения (*пошёл бы, сделал бы*), формирует одно из значений объективной модальности, передаваемой этим наклонением, — значение возможности, предположительности. Частица *разве* не только оформляет вопрос, но и вносит в вопросительное предложение оттенок сомнения, неуверенности или удивления (*Это тот человек? — Разве это тот человек?*). Частица *было* вносит в предложение характеристику действия как полностью не реализованного, не доведенного до конца (*Он бросил курить. — Он было бросил курить, но скоро опять не выдержал*). Частица *тоже* в предложении (*Тоже теоретик нашёлся!*) передает отрицательность, пренебрежительность субъективного отношения говорящего к сообщаемому. Отношение сообщения к его источнику выражается с помощью частиц *де*, *-де* (*Он-де сам упрямится*).

Выражая различные грамматические отношения, частицы обременены рядом дополнительных синтаксических функций: так, разнообразные модальные значения частицы регулярно совмещают с выполнением служебной союзной функции (см. об этом ниже).

¹⁵ В отличие от местоименных прилагательных (*который, чей*), слова *кто* и *что* отсылают не к названному в главном предложении лицу или предмету, а к лицу или предмету, оставшемуся необозначенным: *Спасайтесь, кто может; Сделать, что нужно, моя обязанность*.

Таким образом, абсолютное большинство частиц (за исключением формообразующих частиц, используемых для образования морфологических форм сослагательного и повелительного наклонений: *дала бы, давай(те) плясать*) принадлежит главным образом к сфере синтаксиса, что сближает их с союзами и, напротив, отдаляет от морфологических служебных слов (предлогов)¹⁶.

Поскольку частицы не имеют «вполне самостоятельного реального или материального значения» [Виноградов, 1972, с. 520] и выполняют служебные синтаксические функции, широко распространено представление о том, что их значение обусловлено контекстом и вне предложения трудно определимо [см., напр.: Гвоздев, 1973, с. 422]¹⁷. Тезис о влиянии контекста является неоспоримым. В то же время существуют вполне понятные (даже без контекста) целые предложения, составленные из одних частиц (*Ну вот ведь как! Вот ведь! Вот то-то же!*). Такие фразы могут даже составлять вполне понятный диалог: *А. Ну вот. Вот так-то. — Б. И то...* (подр. см.: [Николаева, 1985, с. 14]).

Классификация частиц. Соответственно своим значениям и функциям частицы делятся на следующие разряды.

1. **Ф о р м о о б р а з у ю щ и е ч а с т и ц ы.** С их помощью образуются формы морфологических наклонений (сослагательного — *дала бы, взял бы*; повелительного — *давайте любить друг друга, да будет свет, пусть он войдет*). Значение объективной модальности (отношение действия к действительности), составляющее основное содержание категории наклонения и выражаемое при помощи формообразующих частиц, в целом для частиц является нехарактерным. Абсолютное большинство частиц (см. ниже) выражают различные экспрессивные оттенки субъективной модальности: акцентирования, оценки, удивления, уверенности, осуществимости, приблизительности, соответствия и др., — так или иначе характеризующие отношение говорящего к сообщаемому. Таким образом, всего несколько частиц участвуют в формообразовании, не выполняя никаких синтаксических функций и выражая несвойственные остальным частицам объективно-модальные значения. Следовательно, функция оформления аналитических словоформ глагола для частиц является явно периферийной. Учитывая это, нужно признать, что включение формообразующих элементов в состав частицы как части речи недостаточно обоснованно и в значительной степени является данью традиции. Частицы в целом, безусловно, противостоят морфологическим служебным словам.

¹⁶ По традиции частицами иногда называют словообразующие форманты *кое-, -либо, -нибудь, -то*, которые, присоединяясь к полнзначным словам, формируют лексемы типа *кое-где, кто-либо, что-нибудь, когда-то*. Однако, ввиду всех вышесказанного, отнесение их к разряду частиц вряд ли целесообразно.

¹⁷ Ср.: «Значением частицы как отдельного слова является то отношение, которое выражается ею в предложении» [Русская грамматика, 1980, I, с. 723].

2. Субъективно-модальные частицы могут выполнять различные синтаксические функции (см. ниже), но при этом в том или ином виде выражают оценочные, экспрессивные значения.

Отрицательные частицы *не* и *ни* используются для выражения общего и частного отрицания (*Он не написал учебник. — Он написал не учебник; Не он написал учебник*). В то же время частица *не* участвует в выражении значений 'неуверенного отрицания' (*Бездельник — не бездельник, а к сроку работу не сделал*), 'неопределенности признака' (*Лежит тихо: дышит — не дышит*), 'безразличности для последующего' (*Жалеет — не жалеет, ошибку не исправил*), 'полноты и длительности действия, состояния' (*пьёт не напьётся; не надыхится*) и т. п. Сочетание инфинитива, отрицательной частицы *не* и личной формы того же глагола выражает значение категорического отрицания (*знать не знаю; и думать не думай*). Значение частицы *ни*, также используемой для оформления отрицания, изначально включает в себя указание на усиленный и категорический характер отрицания, полноту отсутствия отрицаемого (*Он не сделал ни шагу навстречу; Ни шагу назад!*). Таким образом, частицы, оформляющие синтаксические конструкции отрицания, регулярно выражают разнообразные модальные (оценочные и экспрессивные) значения [подр. см.: Виноградов, 1972, с. 525–528].

Вопросительные частицы (*а, ли (ль), не... ли, неужели, разве, что за, что, как* и т. п.) выполняют синтаксическую функцию оформления вопросительных конструкций. При этом они регулярно совмещают вопросительное значение с различными модальными характеристиками¹⁸. Эти дополнительные смысловые оттенки превращают нейтральный вопрос в вопрос специализированный (ср.: *Написал книгу? — Неужели (разве) написал книгу?* с оттенком сомнения, неуверенности или удивления; *Ведь написал книгу?* — вопрос для подтверждения: говорящий склонен думать, что книга написана). Частица *ли* может вносить в вопрос оттенок сомнения (ср.: *Это так? — Так ли это?*), в составе составной частицы *не... ли* участвовать в выражении значения смягченности, некатегоричности, неуверенности (*Не ты ли это сделал?*), оформлять риторический вопрос (*Не мне ли ты обязан всем?*).

При оформлении вопросительного предложения частицы часто достаточно свободно комбинируются (*Что, написал, а? Что если (а что если) увидит?*).

Характеризующие частицы выражают значения, определяющие действия или состояния по их протеканию во времени и по

результативности. Таковы частицы *было, бывало, чуть (было) не, как, только что не, нет-нет (да) и, так и* и т. п. Все эти частицы совмещают свою характеризующую синтаксическую функцию с теми или иными модальными значениями. Так, частица *так и* в сочетании с инфинитивом глагола несовершенного вида выражает значение интенсивности и полноты действия (*Он так и заскулил от страха*). Частица *как* в соединении с глаголом несовершенного вида оформляет значение внезапности и интенсивности действия (*Как выпрямится, да как расправит плечи...*). Частица *едва (было) не* определяет действие как близкое к осуществлению, но не осуществившееся: *Бедняк от радости едва не помешался* (И. Крылов).

Собственно модальные частицы обозначают эмоциональные и другие оценки говорящего, его волеизъявление, устанавливают зависимость сообщения от его источников и других событий и фактов. Таковы частицы *а, ведь, вот, да, ещё, же, и, именно, как есть, лишь, просто, только, всего, те, уж, это* и т. п., выражающие различные оттенки подчеркивания, ограничения, выделения (*Я только вчера закончил эту работу; И бедняк может быть счастлив* (А. Чехов); *До назначенного времени осталось всего полчаса*). Частицы *а то, бишь, благо, будто, вот и, вот как, вроде, где, чуть не, едва ли не, ишь, ну уж, разве, точно, хорошо, что за, так и* и под. выражают самые разнообразные оттенки субъективной оценки и отношения (значение осуждения: *Что за вид!*; неуверенное допущение: *Если успеет на поезд, то приедем вовремя. — Ну, разве успеет на поезд*; близкая вероятность, предположение: *Я земной шар чуть не весь обошел* (В. Маяковский) и т. п.). Наконец, собственно модальные частицы могут уточнять связь сообщения с его источником: *В доме якобы никого не было, а свет горел; Отлучиться разрешите, / Дескать, случай дорогой, / Мол, поскольку местный житель, / До двора — подать рукой* (А. Твардовский); устанавливать связь сообщаемого с другими событиями и фактами, например выражать значение продолжения предшествующего состояния: *Он так и не смог этого сделать* [подр. см.: Русская грамматика, 1980, I, с. 729].

Многие из собственно модальных частиц, а также частицы *да; нет, есть, точно, именно, вот именно, хорошо, ладно* и др. в диалоге функционируют как утверждающие или отрицающие реплики, выражающие непосредственную реакцию на слова собеседника: — *Пойдем?* — *Ладно* (согласие); — *Он закончил книгу.* — *Ну уж!* (сомнение); *То-то* (удовлетворенность); *Ну и ну!* (удивление) и т. п.) Модальность частиц в функции реплик достаточно очевидна.

Союзные частицы (*частицы-союзы*) совмещают связующую союзную функцию с выражением модальных значений. Вследствие этого формируют «гибридный» класс служебных слов. Таковы в отдельных значениях частицы *а, благо, будто, ведь, вот и, даже, если, и, как будто, ну и, просто, только, хотя* (всего более 30 слов). Например, частица *разве*, выполняя функцию противопостав-

¹⁸ Ср.: «Частицы вопросительные (*ли, разве, неужели, ужели*), частицы восклицательно-вопросительные (*что за*), частицы, выражающие недоверие к чужой речи (*будто*), к чужим утверждениям и характеристикам (*якобы*), частицы, вводящие чужую речь (*мол, де* и т. п.), и разные другие типы модальных частиц органически связаны с категорией модальности и должны быть рассмотрены в ее составе» [Виноградов, 1972, с. 529].

ляющего союза, одновременно выражает значение сомнения, колебания (*Всё пропало, разве чудо какое случится*). Частицы *и, а* выражают значение связанности, соединенности (*Надо где-то найти деньги. — Он этим сейчас и занимается*)¹⁹. Частица *вот и* оформляет следственную связь (*Самоотверженно тренировался — вот и чемпион!*). Частицы *ровно, словно, точно, будто бы*, выполняя функцию союза, вводящего недостоверное сравнение, могут выражать модальное значение неуверенности и неясности (*Он так каялся, словно мог переродиться в такой короткий срок*).

Частицы в кругу частей речи. В основных словарях русского языка и ряде специально ориентированных источников²⁰ зафиксировано в общей сложности 244 слова и словосочетания, квалифицируемых как частицы. Абсолютное большинство единиц, составляющих этот список, представляют собой неоднословные соединения типа сложных частиц *а вот, вот уж, вроде бы, добро бы, едва ли, ишь ведь, как раз, скорее бы, так уж* и т. п. Простые (однословные) производные частицы типа *вроде, действительно, точно, чисто*, сохраняющие отчетливые связи с мотивирующими их знаменательными словами, тоже представлены достаточно широко. Эта группа по сравнению с аналогичной в составе союзов обнаруживает большее разнообразие и количественно более представительна. В совокупности производные (сложные и простые) частицы составляют список, включающий в себя около 190 единиц.

Ограниченное количество частиц (около 60) не членится даже на собственно морфемном уровне, не связано мотивационными отношениями с какими-либо знаменательными словами; такого рода частицы могут быть охарактеризованы как первообразные (*а, ведь даже, и, едва* и т. п.). В высшей степени существенно, что список первообразных частиц практически полностью повторяет список структурно элементарных союзов. Слова, зафиксированные в данном случае как реализующие функцию частицы, в большинстве своем многофункциональны. Теснее всего связаны частицы с союзами, затем с наречиями и междометиями.

Выше уже отмечалось, что многофункциональные неизменяемые слова типа *а, если, ещё, но, и, даже, да, едва, ли, разве, лишь* занимают изолированное положение в системе морфологических средств. Такого рода «слова-сервемы»²¹ в минимальной степени мотивированы морфологической системой; они характеризуются исключитель-

но определенным набором вспомогательных функций в сочетании со структурно немотивированным экспонентом. Отсутствие системной мотивации такого рода слов (следствие этого — их изолированное положение в системе морфологических единиц) обуславливает и отсутствие средства выражения мотивационных отношений — морфемной структуры. Следует отметить, что многофункциональные служебные слова в морфологическом отношении (в частности, в плане организации экспонента) существенно отличаются от знаменательных слов и морфологических служебных слов (предлогов)²², но в то же время обнаруживают общие черты с организацией местоименных слов. Структуры, выделяемые средствами морфологического анализа с элементами этимологии в местоименных словах союзов и частицах, некоторые лингвисты называют «партикульными» [см.: Николаева, 1985].

Частицы и приставки *не* и *ни*. Среди всех частиц наибольшие проблемы возникают при трактовке частиц *не* и *ни*, которые, во-первых, должны различаться друг с другом и, во-вторых, различаться с соответствующими приставками.

Частица *не* в русском языке выступает как отрицательная при всех знаменательных словах. Следует противопоставить употребление *не* с глаголом и его формами, с одной стороны, и с другими частями речи — с другой. *Не* при существительных, прилагательных, числительных и наречиях употребляется в случае противопоставления, например: *ты говоришь не правду, а ложь; река не глубокая, а мелкая; билет стоит не пять, а шесть рублей; он смеётся не громко, а тихо*. Предложение в этих случаях имеет положительный смысл, т. е. отрицание относится не ко всему предложению, а к какому-то из его членов. Полная противительная конструкция с союзом *а*, впрочем, является весьма тяжеловесной и практически малоупотребительной. *Не* при личных формах глагола употребляется вне всякой идеи противопоставления: *он не пришёл, он не написал письма, он не хочет уезжать*. Во всех этих случаях *не* относится к глагольному сказуемому, поэтому предложение имеет отрицательный смысл. *Не* при инфинитиве придает предложению отрицательный смысл в односоставных инфинитивных предложениях типа *Не бывать этому*. Отрицание при зависимом инфинитиве не делает предложение отрицательным, например: *Он может не идти*. *Не* при деепричастии не сообщает предложению отрицательного смысла, так как деепри-

¹⁹ Ср.: «Частицы этого типа можно назвать присоединительными. Многие из них иногда смешиваются и почти сливаются с союзами. Здесь границы союзов и частиц пересекаются, а иногда становятся очень зыбкими, текучими» [Виноградов, 1972, с. 523].

²⁰ Имеются в виду грамматики русского языка и специальные словари-справочники типа: [Рогожникова, 1983; Леденев, 1966.].

²¹ Термин «сервема» образован от термина «сервологическая» (служебная) функция. Сервема — единица, характеризующаяся служебной, вспомогательной функцией.

²² Различная морфологическая интерпретация первообразных союзов-частиц и предлогов объясняет многофункциональность простых, морфологически неадаптированных служебных слов и ее отсутствие у одноморфемных слов (предлогов). Известно, что, в противоположность простому знаку, мотивированный знак лишен возможности представлять много значений; см. приведенную выше цитату из кн.: [Балли, 1955]. Морфемная структура (даже если она заключается в одной морфеме, составляющей предлог) определенным образом мотивирует лексическую единицу, сужая возможности ее функционального употребления.

частный оборот выступает в качестве обособленного обстоятельства, т. е. второстепенного члена. В целом частица *не* в известной степени уменьшает «глагольность» деепричастия и сближает его с наречием. Особенно показательно в этом плане отрицательное деепричастие *не спеша* (*идёт не спеша*), которое практически уже стало наречием со значением ‘медленно’. В таких случаях, как *вошёл не постукавшись* (= *без стука*), *отвечает не задумываясь* (= *сразу, бойко*), *сидит не двигаясь* (= *неподвижно*), деепричастия с *не* имеют часто обстоятельственное значение и их «глагольность» не ощущается. Наличие у деепричастия зависимых слов не гарантирует сохранения глагольного значения, например: *ушёл, никого ни о чём не предупредив* (= *без всякого предупреждения*). Таким образом, при глагольных формах (личных формах, инфинитиве, деепричастии) выступает, причем совершенно независимо от противопоставления, только частица *не*. Приставка *не-* с ними не сочетается. В то же время другие части речи сочетаются как с частицей, так и с приставкой *не-*.

Сложен вопрос о частице *не* и приставке *не-* при причастии. Известное правило, четко регулирующее слитное и раздельное написание *не* (*незакончившийся митинг* — *не закончившийся к вечеру митинг*), разумеется, не может служить грамматическим критерием разграничения частицы и приставки. Серьезных аргументов в пользу того, что причастие с зависимыми словами не может присоединять приставку (а может сочетаться лишь с частицей), а причастие без зависимых слов не может сочетаться с частицей (а может лишь присоединять приставку), не имеется. Говорится, правда, что слитно пишущееся *не* способствует развитию у причастия качественных значений и утрате глагольных признаков, т. е. способствует адъективации²³, например: *нетронутый кусок* (т. е. целый), *нераспечатанное письмо* (т. е. тоже в определенном смысле целое), *непросохшая земля* (сырая), *негнувшиеся пальцы* (т. е. малоподвижные)²⁴. Вполне очевидно, что частица *не* может сочетаться с любой причастной формой, тогда как употребление приставки *не-*, по-видимому, ограничено. Создается впечатление, что легче всего принимают приставку *не-* причастия совершенного вида, особенно страдательные (*непокрашенный, нерасчищенный, незамеченный, непроверенный*) и в меньшей мере действительные от непереходных глаголов (*непро-*

²³ В. В. Виноградов отмечает, что отрицание *не* придает причастию ярко выраженный оттенок потенциального качества [Виноградов, 1972, с. 222].

²⁴ Было бы большим преувеличением утверждать, что наличие приставки *не-* у отглагольных образований с причастными суффиксами является признаком того, что перед нами не причастие. В предложениях *На столе лежит прочитанная книга* и *На столе лежит непрочитанная книга* в равной мере являются причастиями и *прочитанная*, и *непрочитанная*. Адъективация причастий в случае присоединения приставки *не-* происходит лишь в части случаев. Количественную оценку этому явлению дать пока затруднительно.

снувшийся, недолечившийся). Причастия несовершенного вида ее допускают в меньшей степени. Маловероятно присоединение приставки к действительным причастиям от переходных глаголов с сильным управлением: *неделававший, непоказавший*. Видимо, к большинству причастий приставка *не-* не присоединяется: *непрочитавшие* (?) *ученики, немявшаяся* (?) *ткань, некупивший* (?) *прохожий, пронесённый* (?) *груз, ненасмехающийся* (?) *сосед, неукраденные* (?) *ценности, невыполняющий* (?) *руководитель, небегавшие* (?) *дети, непривозимые* (?) *товары*. Присоединение приставки *не-* к причастиям должно рассматриваться, на наш взгляд, как явление словообразования. Без детального описания словообразования отрицательных причастий лингвистическая сущность этого явления вряд ли может быть осознана.

Представляет известные проблемы осмысление приставки *не-* в отрицательных местоимениях (*некого, нечего*) и местоименных наречиях (*негде, некуда*). В *негде* приставка *не-* сочетает отрицательное значение с ярко выраженным модальным значением невозможности совершения действия. Поэтому наречия типа *негде* употребляются только в односоставных инфинитивных предложениях, например: *Об этом негде спросить*. Если при обычном отрицании (*невесело, невесёлый, неправда*) приставка *не-* не вызывает изменения синтаксических функций слова по сравнению с бесприставочной формой, то в *негде* приставка *не-* вызывает резкое изменение синтаксической конструкции по сравнению с вопросительным *где?* (*Где он живёт?*) и относительным *где* (*дом, где он живёт*), ср. *Ему негде жить*. Это грамматическое различие, а также существенное различие в значении между *где?* и *негде* показывает, что здесь мы имеем дело не с обычной отрицательной префиксацией. Все, что говорилось о приставке *не-* в *негде*, справедливо и для слов *некуда, некогда*²⁵, *неоткуда, некого, нечего*.

По сравнению с приставкой *не-* приставка *ни-* употребляется значительно реже. Она встречается лишь в отрицательных местоимениях (*никто*) и отрицательных местоименных наречиях (*нигде*). Интересные соображения по поводу местоименных слов с приставкой *ни-* высказаны в статье О. П. Ермаковой [Ермакова, 1996]. Автор отмечает, что основные случаи употребления слов *никто, ничто, нигде, не* связаны с выражением отрицания. В предложениях типа: *Он не интересовался ничем; Никто с ним не разговаривал* — *ничем* означает ‘чем бы то ни было’, *никто* — ‘кто бы то ни был’, т. е. местоимения с *ни-* имеют, скорее, обобщительное значение ‘весь’, ‘всякий’,

²⁵ Следует иметь в виду омонимы *некогда* (отрицательное) и *некогда* (неопределенное) в связи с различием значений *не-* отрицательного и неопределенного. (По старой орфографии второе слово писалось через *ять*.) Приставка *не-* со значением неопределенности имеется в словах *некто, нечто, некоторый, несколько*. Эта приставка, естественно, несопоставима с частицей *не*.

‘любой’, свойственное определительным местоимениям. На этом основании делается вывод, что здесь перед нами неотрицательные местоимения. Чисто отрицательное значение местоимений проявляется в предложениях типа *Я теперь никто*. Ермакова высказывает предположение, что в русском языке имеется два типа местоимений, которые она условно обозначает *никто* и *(ни)кто*. Первое *никто* с отрицательным значением встречается в предложениях типа *Я теперь никто*. Употребление этого местоимения свойственно лишь разговорной речи, в целом это весьма редкое явление. Гораздо чаще употребляются «обобщительные» местоимения с *ни* в отрицательных предложениях (*Никто не знает*). В них Ермакова видит местоименные слова *кто, что, где* в сочетании с частицей (а не приставкой!) *ни*. Интересно, что именно неотрицательные местоимения допускают отделение *ни* в сочетании с предлогом: *ни у кого, ни с кем* и т. д. Неотрицательные местоимения с частицей *ни*, очевидно, следует рассматривать как особый разряд местоимений, не находящий себе соответствия в существующей классификации местоимений.

§ 4. Вопрос о модальных (вводных) словах как особой части речи

Модальные слова, впервые в качестве отдельного разряда подробно исследованные В. В. Виноградовым, целесообразно рассматривать главным образом в двух аспектах: во-первых, в их отношении к категории модальности и совокупности выражаемых ими модальных значений, во-вторых, в плане специфической автономной синтаксической функции, характерной для некоторых слов, словосочетаний и предложений.

Относительно границ категории модальности²⁶, круга модальных значений и функций в современной русистике единого мнения не выработано. Ясно, однако, что термин «модальность» обозначает достаточно широкий круг явлений, неоднородных по семантическому объему и грамматической оформленности. Не вызывает также сомнения противопоставление модальности объективной (выражающей отношение содержания предложения или действия к действительности в плане их реальности или ирреальности) и модальности субъективной (передающей отношение говорящего к сообщаемому). Круг субъективно-модальных значений гораздо шире и разнообразней объективно-модальной семантики. Чрезвычайно разнообразны и неоднородны и средства выражения субъективно-модальных значений: к ним относятся специальный лексико-грамматический класс слов (модальные слова), вводные предложения и словосочетания, частицы с модальным значением (см. выше классификацию частиц),

междометия, интонационные средства, порядок слов. Так, в примере *Станет он у тебя учиться!* значение иронического отрицания передается выдвижением в начало предложения главного глагольного слова и интонационными средствами.

Модальные слова связаны только с субъективно-модальными значениями и занимают в системе средств их выражения важное место: не случайно в период XVIII–XX вв. количество и разнообразие морфологических типов слов, регулярно выражающих субъективно-модальное значение, заметно возрастает. Круг субъективно-модальных значений по-разному описывается различными авторами. Одна из наиболее дробных и детализированных классификаций принадлежит В. В. Виноградову, выделившему в сфере модальных слов и частиц двенадцать основных разрядов²⁷.

Наиболее существенными являются следующие значения: 1) характеристика степени достоверности сообщаемого (*Безусловно, ему удалась эта книга; Он, кажется, не в своем уме; Она, пожалуй, не согласится*); см. также употребление вводных слов типа *вероятно, по-видимому, разумеется, надеюсь, несомненно, очевидно, видимо, подлинно* и т. п.; 2) характеристика степени обычности или необычности сообщаемого (*Он, случается, выпивает; Я, бывает, теряюсь в её присутствии*); 3) указание на источник сообщения (в том числе обозначение чужого стиля выражения, субъективная передача чужой речи, мысли, а также ее оценка со стороны говорящего): *Он, говорят, написал учебник; Говорят, что он, дескать, и вор, а молодец* (А. Пушкин); *По-моему, он этого не заслужил; Пришли бы да и сказали по-родственному: так и так, мол, на интерес польстился* (А. Чехов); 4) характеристика стиля и способа оформления мысли в сообщении (см. употребление вводных слов *точнее, вернее, буквально*); 5) распределение композиционно-смысловых акцентов в предложении, выражение отношения содержания какого-либо отрезка речи к общей последовательности мыслей (*во-первых, итак, значит, следовательно, наконец*); 6) акцентирующее значение, в результате реализации которого привлекается внимание собеседника и вызывается его реакция (*послушайте, заметьте, согласитесь* и т. п.); 7) выражение эмоциональной оценки действительности (*спасибо, полно* и т. п.).

²⁷ В этом значении модальные слова близки по функциям к союзам. Однако существенная разница заключается в том, что модальные слова не выполняют функцию оформления связи между синтаксическими единицами, а лишь обозначают разные виды логического и экспрессивного отношения предшествующей мысли к последующему сообщению. Иногда, впрочем, союзные значения и функция гармонично соединяются с модальными. Так, значение и функция противительного союза реализуется при употреблении слова *впрочем* в соединении с модальным значением колебания и нерешительности (*Впрочем, я не знаю, чем это кончится*). Естественно совмещают модальную семантику с союзной и наречной функциями и слова *наоборот, напротив*; см.: [Там же, с. 579].

²⁶ От лат. *modus* — мера, способ. См.: [Виноградов, 1972, с. 576–581].

Рассматривая соотношение модальных слов и союзов, уместно вспомнить мнение А. А. Шахматова, который полагал, что все или почти все вводные слова имеют союзную силу и с течением времени в результате семантического «усыхания» могут переходить в союзы и частицы [Шахматов, 1927, с. 99]. В современной терминологии данный процесс описывается как одна из разновидностей грамматизации.

Завершая обзор основных субъективно-модальных значений и модальных слов, их выражающих, следует еще раз обратить внимание на то, что модальные значения не являются монополией модальных слов и выражаются очень широким кругом языковых средств. Особенно часто модальные оттенки значения проявляются у вопросительных слов (наречий, союзов, частиц), что связано с их яркой экспрессивной окраской (см. примеры употребления слов *разве, ужели, неужели* и т. п.).

Единственным, но достаточно ярким и своеобразным общим грамматическим признаком модальных слов является их синтаксическое употребление в автономной позиции, в которой они не являются каким-либо членом предложения и грамматически не связаны с остальными словами в составе высказывания. Если выражаемое субъективно-модальное значение характеризует содержание высказывания в целом, то вводное слово обычно располагается в начале или в конце предложения (*По-моему, прослушанный доклад не представляет никакого интереса*); если же вводный компонент ориентирован на определенное слово, то в этом случае он занимает контактную по отношению к этому слову позицию (*Восторги по поводу малоинтересного, по-моему, доклада явно преждевременны*). Характерно, однако, что вводное (автономное) употребление свойственно не только модальным словам, но и словосочетаниям (*Я, грешным делом, и думать об этом забыл; Иными словами, он испортил всё дело; Он, кроме шуток, талантливейший человек*), и предложениям (*Как сейчас помню, все возмущались тогда его поступком; Душа моя, я помню, с детских лет чудесного искала* (М. Лермонтов); *Он, как предполагают, проявил принципиальность; Я, как говорится, потерял голову*). Надо отметить, что весь круг характерных для модальных слов значений доступен также и для вводных словосочетаний²⁸.

В русской грамматической традиции модальные (вводные) слова типа *конечно, вероятно, видимо, действительно, кстати* причислялись в основном к наречиям и частично (*итак, следовательно,*

²⁸ Ср. употребление вводных словосочетаний с отмеченными выше субъективно-модальными значениями: 1) *в самом деле*; 2) *по обыкновению, как правило*; 3) *на мой взгляд, по словам кого-либо*; 4) *одним словом, по сути дела, грубо говоря*; 5) *кроме того, между прочим, в конце концов*; 6) *уверяю вас, кроме шуток, между нами, грешным делом, чего доброго*.

во-первых, во-вторых) к союзам. В. В. Виноградов на основании общности синтаксического употребления (автономность), неизменяемости как общего свойства и общности номинативной (круг субъективно-модальных значений) рассматривал модальные слова в качестве отдельного разряда в совокупности с модальными частицами и модальными словосочетаниями. В отечественном языковедении существует и традиция более узкого понимания модальных слов: к ним иногда относят только слова, выражающие отношение говорящего к достоверности высказывания (*наверное, конечно, безусловно, несомненно, разумеется, по-видимому, вероятно, кажется* и т. п.) [см.: Современный русский язык, 1964, с. 224]. В этом случае модальные слова охватывают лишь небольшую часть вводных: слова типа *во-первых, к счастью, в общем, кстати, значит, например* не считаются модальными словами. В то же время в русской грамматической традиции представлен и подход, связанный с именами Л. В. Щербы и В. Н. Сидорова, согласно которому вообще не все слова могут быть подведены под какую-нибудь часть речи (*да, нет, пожалуйста, здравствуйте*). Соответственно этому вне частей речи помещаются и неизменяемые слова, не способные занимать позицию какого-либо члена предложения.

Несомненно, что самым ярким грамматическим признаком модальных слов является их вводное употребление, способность выступать в позиции, автономной от синтаксической структуры высказывания. Однако как вводные могут использоваться и словосочетания и предложения. Поэтому, вероятно, следует согласиться с утверждением, что «вряд ли можно видеть во вводной функции основание для выделения лексико-грамматического разряда слов, чем являются все части речи. Очевидно, в предложениях *К сожалению примешивалось чувство облегчения* и *К сожалению, поездка не состоялась* мы имеем предложно-падежную форму существительного как дополнение и как вводное слово, но перехода из одной части речи в другую при этом не происходит. То же самое наблюдается и в предложениях *Он пришел кстати* и *Кстати, я получил вчера письмо*» [Буланин, 1976б, с. 88] Это подтверждается и отсутствием специфических только для водных слов субъективно-модальных значений, и упоминавшейся выше частой синкретичностью значений модальных слов.

Самый развернутый список модальных (вводных) слов приводит В. В. Виноградовым [Виноградов, 1972]. Дополненный данными основных словарей русского языка, он объединяет 292 единицы. Из этого количества только 7 слов зафиксированы как реализующие только вводную функцию и не имеющие соответствий в составе других частей речи (*по-видимому, например, наверное, во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых*).

Наиболее часто функцию вводного слова приобретают наречия ср.: *Она была ему действительно* (наречие) *рада*. — *Действительно* (вводное слово), *утром они ушли*; приобретение функции ввод-

ного слова может сопровождаться изменением лексического значения: *Он все верно* (наречие ‘правильно, точно’) *сказал*. — *Это, верно* (вводное слово ‘вероятно, наверное’), *кости гложет / Красногубый гурдалак* (А. Пушкин). Довольно часто вводными словами оказываются формы глагола: *Кругом говорят* (глагол) *о его новой книге*. — *Но, говорят* (вводное слово), *вы нелюдим...* (А. Пушкин); *Признаться* (глагол) *ему было очень трудно*. — *Я, признаться* (вводное слово), *его не совсем понимаю*. Употребление имен существительных в функции вводных слов представляет собой менее распространенное явление. Так, целый ряд переходных случаев употребления существительного в нетипичных для него синтаксических функциях опосредует приобретение словом *правда* функции вводного слова: *Правда* (существительное) — *наше главное достояние*. — *Ты правда* (в значении наречия) *сделал это?* — *Правда* (в значении категории состояния), *что суженого и конём не объедешь*. — *Он, правда* (вводное слово), *прекрасный человек и заслуживает лучшей участи*. Следует также отличать слова во вводной функции от слов служебных частей речи: *Он, точно* (вводное слово), *немного не в себе*. — *Вокруг потемнело, точно* (союз) *собиралась гроза*; *Мы лучше* (частица) *займёмся делом*. — *Этот человек всё успел или, лучше* (вводное слово), *преуспел во всём*.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 1. Междометие как часть речи

Междометия — это словесные знаки, которые служат для выражения различных чувств, ощущений, состояний и других эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность, но не называют их¹, например: *Ба!* — выражает удивление, догадку; *Ради бога!* — пожалуйста (при усиленной просьбе); *Караул!* — призыв на помощь в случае опасности; *Мое почтение!* — приветствие при встрече или расставании; *Бац!* — употребляется для обозначения отрывистого резкого звука, вызванного ударом, выстрелом и т. п. (*Бац! бац!* — *раздалось у него над ухом. Это Васенька выстрелил в стадо уток* (Л. Толстой)². Специфика значения междометий обуславливает преимущественное их использование в сфере разговорной речи. Отсюда и связь междометий с жестом, мимикой, интонацией, а также и особый интерес к этим словам тех исследователей, которые изучают эмотивную и коммуникативно-прагматическую функции языка [подр. см. Середа, 2005, с. 11–15]. Вместе с тем «как выразительные языковые средства междометия нередко употребляются и за пределами собственно эмоциональной речевой сферы» [Русская грамматика, 1980, I, с. 732]. Такое употребление может сближать междометия со словами других частей речи и влечет за собой значительное усложнение и расширение их семантики и синтаксического функционирования (подробнее см. ниже).

Впервые как самостоятельный класс слов междометия были выделены в латинской грамматике Варрона (I в. до н. э.) [см.: Лингвистический словарь, 1990, с. 290]. В последующей научной традиции природа междометий определялась неоднозначно. Вопрос о междометиях был тесно связан с общей проблемой возникновения слова и его границ. Общность некоторых звуков, издаваемых животными, и междометий, заключающаяся в инстинктивности и тех и других, послужила основанием для предположений о том, что первые слова человеческого

¹ «Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно — знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений. Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их» [Виноградов, 1986, с. 611].

² Здесь и далее, если это специально не оговаривается, примеры из: [Словарь, 1985–1988, I–IV].

языка возникли из рефлекторных криков. На этой базе в античной философии и филологии и появилась междометная теория возникновения языка, получившая широкое распространение в XVII–XX вв. В связи с этой теорией междометия, существующие в современных языках, рассматривались лишь как остатки «первобытного языка», которые подобны инстинктивным выкрикам и не являются словами, т. е. «лежат вне системы средств языкового общения» [Абакумов, 1942, с. 115]³. Согласно другой, более распространенной и аргументированной концепции, связанной с именами М. И. Ломоносова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, междометия следует считать словами. Сопоставив и обобщив взгляды предшественников, В. В. Виноградов охарактеризовал главные отличительные особенности междометий следующим образом. Междометия не обладают номинативной функцией, поэтому в структуре их значения господствуют экспрессивно-смысловые и интонационно-мелодические элементы, в то время как познавательные элементы или выражены слабо, или полностью отсутствуют, что «кладет резкую грань между ними и другими типами слов» [Виноградов, 1986, с. 611]⁴. Таким образом, междометия можно назвать «эмоциональными» словами в отличие от слов «интеллектуальных». Вместе с тем «междометия осмыслены как коллективные знаки эмоционального выражения душевного состояния» и «отражают в себе эмоциональную жизнь личности, социальной группы или народа, находящуюся в органической связи с деятельностью интеллекта», следовательно, «эмоциональный язык не может быть в полном и резком отрыве с интеллектуальной речью» [Там же, с. 612]. Другим аргументом в пользу признания междометий словами может служить тот факт, что в каждом языке есть своя система междометий, отмеченная собственно языковыми особенностями (фонетическими, словообразовательными, синтаксическими и др.).

Что касается места междометий в системе частей речи, то все многообразие высказанных в разное время точек зрения по этой проблеме может быть сведено к трем⁵.

1. Междометия рассматриваются как разнородный по составу класс слов, выделяемый преимущественно на синтаксической основе и стоящий вне системы частей речи. В отечественном языкознании такой трактовки придерживались Ф. И. Буслаев, Д. Н. Овсянников-Куликовский, А. М. Пешковский, Д. Н. Ушаков, а в зарубежной нау-

³ Цит. по: [Германович, 1966, с. 4]; см. также: [Лингвистический словарь, 1990, с. 290; Серeda, 2005, с. 7–9].

⁴ «Междометия можно таким образом определить как **неполные слова**, ибо слово это не только сигнал для представления, но и словесное его выражение; разницу между словом и междометием я сравнил бы с разницей между предложением *дай мне воды!* и предложением *воды!*; *воды*, как сигнал, вызывает то самое представление, которое обнаружилось в полной форме в предложении *дай (дайте) мне воды!* (выделено нами. — Авт.)» [Шахматов, 1941а, с. 507].

⁵ См.: [Лингвистический словарь, 1990, с. 290].

ке — Г. Пауль. Некоторые лингвисты не относили междометия к частям речи, исходя из общего положения о том, что части речи по природе своей могут формироваться лишь словами, связанными с функцией наименования⁶. Наиболее категоричную позицию в этом вопросе занимал К. С. Аксаков, который отказывал междометиям не только в праве называться частью речи, но и словами вообще⁷.

2. Междометия входят в систему частей речи, но занимают в ней изолированное место. Ф. Ф. Фортунатов делил все слова на «полные», «частичные» и междометия. Л. В. Щерба и П. С. Кузнецов противопоставляли междометия группам знаменательных и служебных слов. Обособленное положение занимают междометия в частеречных классификациях А. А. Шахматова и В. В. Виноградова. Вместе с тем А. А. Шахматов отмечал соответствия между свойствами некоторых междометий, наречий и глаголов⁸, а В. В. Виноградов указывал также и на связи междометий с другими категориями слов⁹.

3. Междометия включаются в группу неизменяемых «частиц речи», противопоставленную «частям речи» (существительным, прилагательным, местоимениям и глаголам), т. е. рассматриваются в одной плоскости не только с союзами и предлогами, но и с наречиями, которые в силу своей неизменяемости тоже могут быть присоединены к «частицам речи»¹⁰. М. В. Ломоносов усматривал общ-

⁶ «Система частей речи связана с функцией наименования, но именно такой функцией не обладают ни междометия, ни частицы» [Панов, 1960, с. 18]; «Не все слова, а только часть их входит в категорию частей речи (так называемые полнозначные, знаменательные слова, обладающие номинативной функцией)» [Суник, 1966, с. 43; цит. по: Серeda, 2005, с. 9–10].

⁷ «Мысли оно не выражает, это просто восклицание, которое показывает только неопределенное состояние боли, ужаса, радости... Тут еще нет слова, тут еще не говорит человек; нет, это крик» [Аксаков, 1875, с. 7; цит. по: Современный русский язык, 1964, с. 245].

⁸ «...*На* равносильно *возьми*, но *возьми* это глагол, а *на* междометие, так как *возьми* означает определенное представление, а *на* только вызывает его; родство по значению с повелительным наклонением объясняет сочетание таких междометий с глагольными окончаниями и частицами (например, *возьмите, напе, на-ка*. — Авт.)» [Шахматов, 1941а, с. 508].

⁹ «...Отношение междометий к категории предложения несколько иное, чем у всех других типов слов. Междометия являются сразу и эквивалентами слов и, чаще всего, эквивалентами предложений. Поэтому-то они по своей языковой природе отличны как от частей и частиц речи, так и от модальных слов. Это, конечно, несколько не мешает разным группам междометий пополняться за счет и тех, и других, и третьих» [Виноградов, 1986, с. 612].

¹⁰ «Почти во всех грамматиках наречия, предлоги, союзы и междометия рассматриваются как четыре самостоятельных «частей речи»; таким образом, различие между ними приравнивается к различию между существительными, прилагательными, местоимениями и глаголами. Но в таком случае несходные черты этих слов сильно преувеличиваются, а сходные черты соответственно затемняются; поэтому я предлагаю вернуться к старой терминологии, согласно которой все четыре разряда составляют один — «частицы»» [Есперсен, 2002, с. 96, ср. также с. 100].

ность междометий не только с наречиями, но и с местоимениями, полагая, что у всех этих слов есть некая общая сократительная функция. Поскольку «междометие представляет движение духа человеческого кратко» [Ломоносов, 1952, с. 407], то это дает возможность сократить сложное предложение «Я удивляюсь, что тебя здесь вижу» до простого возгласа «Ба!».

Противоречивость взглядов на эту «неясную и туманную категорию» [Щерба, 1957, с. 67] имела следствием и неоднозначность в определении границ междометия как части речи. В широком понимании к междометиям относят следующие группы слов.

1. Собственно междометия (междометия в узком смысле), в состав которых включаются два разряда: а) слова, выражающие эмоциональные реакции говорящего: *ай-ай-ай, бррр, гм, ей-же-ей, ну и ну, чтоб тебя, ага, вот это да* и т. п.; б) слова, выражающие эмоционально-волевые реакции говорящего: *брысь, марш, цыц, алле, майна, караул* и т. п.

Эмоционально-волевые междометия формируют ядро части речи, так как ярче всего демонстрируют те признаки, которые, во-первых, кладутся в основу частеречных описаний междометий и, во-вторых, служат «отправной точкой» для присоединения к эмоционально-волевым междометиям других разрядов слов.

2. Междометия, соотносимые с глаголами: а) звукоподражательного типа (*бряк, дзинь, бац* и др.) и б) собственно глагольные междометия (*прыг, скок, хлоп* и др.). Вслед за Л. В. Щербой, эти слова нередко толкуют как особую форму глагола: «... Нет никаких оснований во фразе *а она трах его по физиономии!* отказывать *трах* в глагольности: это не что иное, как особая, очень эмоциональная форма глагола *трахнуть* с отрицательной (нулевой) суффиксальной морфемой» [Там же, с. 78]. В то же время они явно обладают свойствами, характерными для междометий: «... Такие слова отличаются от соответствующих глаголов своим изобразительным смыслом, они действительны не называют, а изображают. Подобно собственно междометиям, они делают высказывание эмоционально-экспрессивно окрасленным (разрядка наша. — Авт.)» [Камынина, 1999, с. 232].

3. Слова, обслуживающие сферу этикета: *здравствуйте, спасибо, всего доброго, мое почтение, пока* (разговорное) и др. Основанием для сближения этикетной лексики с междометиями служит то обстоятельство, что этикетные лексемы и сочетания не выражают понятий и представляют собой «свернутые предложения». Ср. приведенное выше сопоставление А. А. Шахматова: *Воды! = Дай (дайте) мне воды!* и *Спасибо! = Я тебя (вас) благодарю!*; *Пока! = Я с тобой прощаюсь!*¹¹.

¹¹ Предложения *Я тебя (вас) благодарю!*, *Я с тобой прощаюсь* являются высказываниями особого — перформативного — типа. «Перформатив (от ср.-лат. *performato* — действую) — высказывание, эквивалентное действию, поступку ... Произнести “Я клянусь”

4. Звукоподражания (*кхе-кхе, уа-уа, кря-кря, чик-чирик, бац, чмок*), в отношении которых обычно отмечается, что к междометиям они примыкают по ряду признаков [Русская грамматика, 1980, I, с. 732] (подробнее см. ниже).

Диапазон выражаемых междометиями ощущений, чувств, переживаний, волевых реакций и т. д. чрезвычайно широк, и пласт этих слов весьма обширен: по данным, имеющимся в литературе, в современном русском языке 341 междометие, т. е. больше, чем предлогов (141), союзов (110) и частиц (149); см.: [Шанский, Тихонов, 1987, с. 248], где эти цифры приводятся со ссылкой на: [Обратный словарь, 1974].

Поскольку преимущественная сфера использования междометий — это разговорная эмоционально насыщенная речь и в некоторых стилях (научном, деловом и т. п.) они вообще не встречаются, постольку общая употребительность междометий в речи невысокая: «... По числу словоупотреблений в текстах, согласно частотному словарю Э. А. Штейнфельдт, они стоят на предпоследнем месте, перед вводными словами, — 0,3%» [Моисеев, 1980, с. 172]¹².

§ 2. Классификация междометий

По семантическим функциям междометия разделяются на обслуживающие следующие сферы¹³: 1) эмоций и эмоциональных оценок (эмоциональные междометия); 2) волеизъявления (побудительные, или императивные, междометия); 3) этикета (приветствия, пожелания, благодарности, извинения); 4) экспрессивно-изобразительного отображения различных звуков (звукоподражания)¹⁴.

По составу они делятся на первообразные и непервообразные.

1. Согласно рассматриваемой классификации, междометия, обслуживающие сферу эмоций, членятся на: 1) семантически специализированные (однозначные) и 2) семантически неспециализированные (неоднозначные, диффузные).

значит связать себя клятвой» [Лингвистический словарь, 1990, с. 372]. В рассматриваемых случаях произнесение *спасибо* или *пока* является «словесным действием», означающим соответственно ‘я тебя благодарю’ или ‘я с тобой прощаюсь’ [см.: Апресян, 1995, с. 203; Камынина, 1999, с. 232].

¹² Следует, однако, учитывать достаточную степень условности приводимых статистических сопоставлений, так как в лексикографическом представлении служебной лексики и междометий наблюдаются большие противоречия [см.: Богданов, 1997].

¹³ Мы опираемся на классификацию междометий в кн.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 732–736].

¹⁴ В классификации, взятой нами за основу, отмечается, что звукоподражания близки к междометиям и по ряду признаков к ним примыкают [Русская грамматика, 1980, I, с. 732, 734], но как отдельная группа слов они не рассматриваются.

Большая часть однозначных междометий выражает отрицательные эмоции (*ай-ай-ай, боже сохрани, вот тебе на, еще чего, как бы не так, как же, однако, ой-ли, ох, подумаешь, тьфу, фи, фу, сейчас* (в произношении — *цас*), *эва, эк, эка, эхма* и др.): *Ай! Ай! Ай!* — отчаянно закричал один, повалившись на лавку в ужасе (Н. Гоголь); — *Гм!* — промышчал я, чувствуя опять на своем лице распускающуюся глупо самодовольную улыбку (Л. Толстой); — *А студенты выучат тебя только трубку курить, да, пожалуй, — боже сохрани — вино пить* (И. Гончаров); <Модест Алексеич> брал грушу, мял ее пальцами и спрашивал нерешительно: — *Сколько стоит?* — *Двадцать пять копеек. — Однако!* — говорил он и клал грушу на место (А. Чехов); — *Фу!* *Как вам не стыдно!* — сказал он укоризненно и краснея. — *Разве можно такие вещи делать?* (А. Куприн).

«Слова, выражающие положительные эмоции, среди междометий с семантически однозначными функциями единичны: *браво* (восторг, восхищение), *слава богу* (облегчение), *ура* (ликование)» [Русская грамматика, 1980, I, с. 733]: — *Браво, браво, — воскликнула Надежда Алексеевна и захлопала в ладоши* (И. Тургенев); *Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь, Так воспитаньем, слава богу, У нас немудрено блеснуть* (А. Пушкин); — *Ай да Надежда Ивановна! Ура Надежде Ивановне! Господа! давайте покачаемте Надежду Ивановну на руках!* (М. Салтыков-Щедрин).

Необходимо подчеркнуть, что положение о существовании семантически и функционально однозначных междометий явно нуждается в дополнительном анализе и обсуждении. Дело в том, что междометия чрезвычайно «восприимчивы» к контексту (в самом широком понимании). Так, общий ироничный тон приведенных пушкинских строк вряд ли позволяет утверждать, что в них *слава богу* однозначно выражает «облегчение»¹⁵. Вероятно, при описании и выделении функционально-семантических групп междометий уместнее говорить о преобладании в значении рассматриваемых слов тех или иных семантических доминант, которые обуславливают их преимущественное тяготение к разным по эмоциональному фону типам контекстов.

Междометия, обслуживающие сферу эмоций, в большинстве своем являются семантически диффузными (неспециализированными): *а, ага, ай, ах, ахти, батюшки, боже мой, вот это да, господи, ишь, их, матушки, ну, о, ого, ой, с ума сойти, ужас, черт возьми,*

¹⁵ «Смысловому содержанию всего высказывания междометия не только не могут противоречить, но, наоборот, находятся в явной с ним связи. Тем самым вырабатывается их формальная сторона, лексически и синтаксически отделяющая их от других слов» [Мещанинов, 1945, с. 294; цит. по: Виноградов, 1986, с. 623]. Ср.: «Часто лексическое значение междометного словосочетания не соответствует тому чувству, которое выражено в предложении, но соответствует содержанию всего предложения в целом, например: *А я ведь рад, что тебя встретил, черт те деру!* (М. Горький)» [Современный русский язык, 1964, с. 241].

черт побери. Все они могут встречаться в самых разнородных по эмоциональной окрашенности контекстах, и это выражается с помощью средств общения различных уровней — как языковых (интонация, тембр, ритм и т. д.), так и внеязыковых (жест, мимика). Благодаря этому междометия вообще «передают состояние возбуждения» (Русская грамматика 1980, I, с. 733), что и предопределяет возможности их использования для выражения очень широкого спектра самых разнообразных чувств и ощущений; например, описание значений междометия *а* занимает несколько страниц, см.: [Германович, 1966, с. 18–21; Середа, 2005, с. 28–29]. Более того, одно и то же междометие вместе с контекстом может передавать эмоции, казалось бы, исключаящие друг друга. Ср.: *Ох, силы нет... устала грудь* (А. Пушкин) и — *Ох, в лесу и гнезд дроздиных!* — с восторгом сказал Егорка (Г. Марков) [Современный русский язык, 1964, с. 241]¹⁶.

2. Междометия, обслуживающие сферу волеизъявления (императивные междометия), — *ау, эй, алло, караул, ти, чи, тсс, чу, айда, брысь, марш, тпруу, цыц, шабаш* и др. — выражают зов, оклик, обращение, побуждение, запрет и т. п. и часто используются как команды и призывы, обращенные к людям или животным: — *Эй, борода! А как проехать отсюда к Плюшкину?* (Н. Гоголь); *Даша молча глядела, как отец крутит ручку телефона, кричит: — Алло, алло!* (Б. Горбатов); *Ростов, выехав вперед, скомандовал: «Марш!»*, и ... <гусары> тронулись по большой, обсаженной березами дороге. (Л. Толстой); *Чу — дальний выстрел! прожужжжала Шальная пуля* (М. Лермонтов); — *Да уж я и сам понимаю теперь, что эгоист! Нет, шабаш! исправлюсь и буду добрее!* (Ф. Достоевский); — *Цыц, Розка, — говорила тогда Марья Петровна, обращаясь к собачке, которая принималась неистово лаять, — цыц!* (Д. Григорович); *Цып-цып! Ти-ти-ти! Гуль-гуль-гуль!* — ласковым голосом приглашала девушка птиц к завтраку (И. Гончаров) (последний пример из: [Современный русский язык, 1964, с. 242]).

Значительную часть междометий этой группы составляют слова, заимствованные из других языков¹⁷ и принадлежащие профессио-

¹⁶ Ср. «Спецификой междометного значения является его зависимость от интонации, с которой произносится междометие, интонация как бы включается в междометный смысл. Значение междометия зависит и от лексического окружения. Так, при оценочном предложении *Какой негодяй её жених!* междометие *ах!* не выражает положительной эмоции: *Ах, какой негодяй её жених!* А при предложении *Какая хорошенькая девочка!* не может иметь отрицательного смысла: *Ах, какая хорошенькая девочка!*» [Камынина, 1999, с. 231].

¹⁷ Так, например, *караул* по-тюркски означает «стража». *Айда* — из тюркского *гайда* — сигнал, призывающий двигаться. *Баста* — итальянское — «довольно, прекращай работу» — отсюда *бастовать*. *Шабаш* — из древнееврейского — «кончай работу». *Пиль* — «бери», *тубо* — «не трогай», *атпорт* — «принеси» (из французского): см.: [Современный русский язык, 1964, с. 242–243].

нальной речи военных, охотников, строителей, дрессировщиков: *караул, полундра, фу, фас, анкор, аппорт, пиль, тубо, майна, вира: Двое матросов веревкой оттаскивали кирпичные глыбы и орали: «Полундра!»*, показывая на качающийся якорь (В. Конецкий); — *Майна, вира, вира помалу, стоп!.. — звонко раздавались в утреннем чистом воздухе командные слова* (А. Куприн).

В качестве особой разновидности волеизъявительных междометий выделяется группа слов, функционально близких к обращениям и используемых для призыва животных (*кис-кис, цып-цып*), а также при общении с детьми (*агу, агушеньки, бай-бай*).

3. Междометия, обслуживающие сферу этикета, — *здравствуй(те), до свидания, спокойной ночи, извини(те), прости(те), всего хорошего, здорóво* (просторечное), *привет, пока* (разговорное) — в большей или меньшей степени связаны со словами знаменательных частей речи¹⁸ и могут развивать вторичные значения, ср.: — *Здравствуй, Судьбинский!* — *весело поздоровался Обломов* (А. Гончаров) и *Но именно она, Васькина мать, как казалось Шевардину, и мешала ему зайти к Ваське. Она при всех ругала его, а он — нате, здравствуйте*, — *явится!* (Н. Ляшко) (во втором примере *здравствуйте* выражает удивление, недовольство); — *Здравствуйте, Ефим Кондратьевич! Вы можете нам переправиться?* — *спрашивает Елена Ивановна. — Мое почтение! Помогу, а как же* (Н. Дубов) и — *Признаюсь, не люблю я также винтовок черкесских ... — приклад маленький, того и гляди нос обожжет... Зато уж шашки у них — просто мое почтение!* (М. Лермонтов) (в последнем примере *мое почтение* используется в значении сказуемого и выражает удовольствие, удивление).

4. Звукоподражания, имитирующие различные по происхождению звуки, могут быть разделены на группы в зависимости от того, что они воспроизводят: а) звуки, произносимые людьми; б) звуки животных, птиц; в) звуки явлений природы; г) звуки, издаваемые предметами; д) звуки, образующиеся при действиях человека. Например: *агу, уа-а-а-а, апчи*; мяу-мяу, гав-гав, кукареку; *тик-так, ту-ту: Слушайте, обыкновенно я принесу им чай в кабинет, и они там бу-бу-бу* (А. Толстой); *Сплю... сплю...* — *сонно прокрочала в ночи маленькая сова...* (М. Шолохов); *Дрринь... звенит и брызжет осколками стекло* (Ф. Гладков); *А дешевые часы на стенке: тик-тик-тик...* (А. Чехов); *В тишине утра над ним колебались знакомые, привычные уху звуки — работал бондарь: тум-тум-тум* (М. Горький) (Современный русский язык 1964, с. 244); *Стемнело. Страшно, холодно в лесу. И где-то не так далеко завывают волки: «У-у-у!»* (Л. Чарская); *Паровоз заполошно взревел, сначала протяжно, потом короткими*

¹⁸ Так, *спасибо* образовалось из *Спаси Бог*, но теперь уже не выражает мольбы; междометие *здравствуйте* тоже лексически обособилось от глагола *здравствовать*, хотя связь с последним в современном русском языке еще прослеживается.

гудками: У-у-у! У! У! У! (Б. Акунин) (последние два примера из: [Середа, 2005, с. 86]).

Высказывалось мнение, что звукоподражания не являются словами и, соответственно, не имеют лексического значения: «Не считаем мы также словами звукоподражания вроде: *колокольчик динь-динь-динь; Мужчина, что петух: кири-куку! мах-мах крылом и прочь* (Пушкин). Здесь нет членения на звуки и значение, свойственные слову, так как здесь все значение в звуках» [Пешковский, 1938, с. 174]. Однако звукоподражания обладают рядом свойств, позволяющих рассматривать их «как коллективно осмысленные знаки» [Шанский, Тихонов, 1987: 253], т. е. как слова: 1) звукоподражания обладают собственным специфическим лексическим значением, мотивированным именно их звуковым обликом («все значение в звуках»); эта особенность звукоподражаний позволяет отличать их как от звукоподражаний других языков¹⁹, так и от других русских слов с принципиально иным характером лексического значения; 2) благодаря постоянству своего фонемного состава основные звукоподражания (типа *ха-ха, мяу, буль-буль*) даже вне контекста одинаково понимаются всеми носителями русского языка и фиксируются толковыми словарями наряду с другими словами [Там же].

Как уже указывалось, неоднозначно решается вопрос и о частеречном статусе звукоподражаний. В академических грамматиках звукоподражания упоминаются в разделах, посвященных междометиям, но в самостоятельный разряд не выделяются [Грамматика, 1960, I, с. 672–677; Грамматика, 1970, с. 313–314; Русская грамматика, 1980, I, с. 732–736]. В специальной и учебной литературе звукоподражания чаще всего описываются совместно с междометиями, но толкуются как «особая группа слов»²⁰, вопрос о месте которой в системе частей речи специально не обсуждается. Некоторые авторы считают, что есть достаточные основания для выделения звукопод-

¹⁹ Ср.: «Особенность семантики звукоподражаний — звуковая мотивированность их значений. Тем не менее в разных языках звукоподражания, соответствующие одному и тому же значению, различны; ср.: рус. *гав-гав* — англ. *bau-wow* (*bow-wow*), рус. *ква-ква* — *твонк-твонк* в языке аборигенов Австралии» [Русский язык, 2001: 632]. Специфика звукоподражаний подчеркивается тем обстоятельством, что иногда они могут замимствоваться, но при этом ощущается явная чужеродность их происхождения для заимствующего языка. Ср., например, междометие *Wow!*, входящее во многие языки из английского.

²⁰ «В учебных пособиях звукоподражательные слова обычно тоже включались в раздел междометий. Однако звукоподражания не выражают ни чувства, ни воли и только по своему внешнему виду схожи с междометиями.

Звукоподражательные слова составляют особую группу слов, как неразложимые сочетания, не имеющие номинативной функции, т. е. не имеющие лексического значения, служащие средством отображения действительности, средством экспрессивно-изобразительного характера» [Современный русский язык. 1964, с. 244; ср. также: Современный русский литературный язык, 1988, с. 256, Розенталь и др., 1994, с. 354, Русский язык, 2001, с. 631–632].

ражаний в самостоятельную часть речи [Шанский, Тихонов, 1987, с. 253–254; Тихонов, 2002, с. 449–452; Середа, 2005, с. 84–91]. Последнее решение базируется, главным образом, на двух положениях: во-первых, звукоподражания, в отличие от «ядерных» междометий, не выражают чувств, волеизъявлений и т. д., а лишь воспроизводят, «изображают» разного рода звуки; во-вторых, эти слова, как полагают, менее «привязаны» к интонации: «Семантика звукоподражаний не находится в тесной зависимости от интонации, не требует жестового и мимического сопровождения, не вырастает из обстановки, контекста» [Шанский, Тихонов, 1987, с. 254].

Как видим, первый критерий — семантический. Однако в лексическом отношении звукоподражания обнаруживают с междометиями больше сходства, чем различия: и те и другие не имеют понятийной семантики. Помимо этого, по нашему мнению, функционально-семантическая характеристика этих слов нуждается в уточнении: звукоподражания не просто имитируют звуки, а в большинстве своем отображают их в качестве «звуковых действий». Не случайно звукоподражания употребляются совместно с глаголами, отглагольными существительными или в роли, типичной для глагола, — в синтаксической позиции сказуемого: *Что это? Го-го-го... сильный, торжественный, весенний крик... Го-го-го... Ближе из-за леса... и на угасшем закате очертания трех, больших птиц — разведчики-гусак...* (А. Толстой); *Реяли молнии, с грохотом неся удар за ударом... В воздухе грянуло страшное бббах...* (Н. Лесков); *Мновение тишины — и далеко, возле переправы через Стоход, облегающий гул разрывов — бах! бах!* (М. Шолохов); *Колокольчик дин-дин-дин* (А. Пушкин)²¹; — *Ха-ха-ха! И веселый Дмитрий Осипыч заливался добродушным и звонким хохотом* (М. Салтыков-Щедрин); *А кукушка все ку-ку да ку-ку; А пес все гав да гав* и т. п. (ср. также приведенные выше примеры употребления звукоподражаний, где они выступают в сопровождении слов и словосочетаний *прокричала, звенит, колебались звуки, завывают, взревел гудками*). Однако здесь следует оговориться о необходимости специального изучения и описания функциональных различий между междометиями и звукоподражаниями. Дело в том, что междометия используются двояко: как в живой разговорной речи, т. е. непосредственно в «контексте ситуации», так и в описаниях этих различных ситуаций, т. е. в «контексте пересказа», где междометия уже воспроизводятся, цитируются. Так вот в «контексте пересказа» междометия обнаруживают большое сходство со звукоподражаниями, что и понятно: в этих условиях значения, выражаемые междометиями (чувства, эмоции, волеизъявления и т. д.), могут передаваться лишь описательно, с помощью обязательного (и только словесного и графического) контекстуального окружения. Особенно показательны в этом отношении перво-

²¹ Все примеры заимствованы из: [Современный русский язык, 1964, с. 244–245].

образные междометия (см. ниже), отображающие звуки, произносимые человеком и состоящие из одного гласного (*а, о, э* и т. д.) или произносимые удлинено (*а-а-а, о-о-о* и т. д.). Строго говоря, используемые в «контексте пересказа», все слова такого типа могут быть охарактеризованы как звукоподражания, так как сами по себе (вне контекста живой звучащей речи) они предназначены лишь для отображения соответствующих звуков человеческой речи, и только контекст дает возможность понять, каким эмоциональным содержанием они наполняются, ср.: *От удивления мог произнести только один звук: «О!»* (И. Куприн) (пример из: [Русская грамматика, 1980, I, с. 735]); *Потом ее как будто что озарило — да так, что она невольно шепнула: — А!.. Она вдруг догадалась, что Нежданов отвернулся от нее* (И. Тургенев); — *Подали олады — не ест! — А-аа!.. — удивился Костыль. — Не ест!* (А. Чехов); — *Жан, вы такой же добрый, каким были тогда. Я все помню! — Э-э, глупости! — пробормотал Шамет* (К. Паустовский); — *Э! Да уж девять часов! — с радостным изумлением произнес Илья Иванович* (И. Гончаров). Как видим, *о, а, э* и т. д., традиционно причисляемые к междометиям, по своим свойствам очень близки к звукоподражаниям типа *ха-ха-ха, хи-хи-хи* и т. п. (ср. приведенные выше примеры). Поэтому слова типа *ха-ха-ха, хи-хи-хи* квалифицируются по-разному: либо как звукоподражания, которые близки к эмоциональным междометиям [Русская грамматика, 1980, I, с. 734], либо как междометия, которые употребляются звукоподражательно [Словарь, 1985–1988, IV, с. 593, 600]. Таким образом, приведенные факты препятствуют тому, чтобы «в контексте пересказа» выделять звукоподражания, имитирующие звуки, произносимые человеком, в самостоятельную часть речи. Звукоподражания других типов (*гав-гав, кап-кап* и т. п.), по нашим предположениям, используются преимущественно в «контексте пересказа»²². Вероятно, подтверждением данного допущения может служить и такое наблюдение: «Звукоподражания могут сопровождать ... образованный от них глагол, как бы в о с п р о и з в о д я названное глаголом д е й с т в и е (разрядка наша. — Авт.): *уточка закрякали кря-кря-кря, кошки замыкали мяу-мяу-мяу, собаки залаяли гав-гав-гав*» [Камынина, 1999, с. 235]. Звукоподражания условно воспроизводят звуки в качестве «звуковых действий», что семантически сближает их еще с одной группой междометий — с глагольными междометиями, так как последние тоже «действие не называют, а изображают» [Там же, с. 232], ср.: *Кот Васька на-*

²² Примеры употребления звукоподражаний в «контексте ситуации» немногочисленны и либо связаны с ситуацией общения с ребенком, либо встречаются в детской речи, причем в последнем случае звукоподражания тоже могут использоваться «иносказательно», «как наименования тех животных и предметов, звуки которых они воспроизводят: *Чик-чирик улетел. Хрю-хрю бух в лужу. Иди покорми му-у. Тик-так не трогай!*» [Тихонов, 2002, с. 451].

сторóжился и прыг к веретену (Н. Некрасов) [Русская грамматика, 1980, I, с. 735] и *Кот Васька весь день мяу да мяу*. Отметим также, что по сравнению с *a* или *o* звукоподражания типа *гав-гав, кап-кап* можно рассматривать как единицы словного характера даже с бóльшими основаниями, так как они проявляют свое значение и вне контекста. Тем не менее *a* или *o* традиционно причисляют к междометиям, а слова типа *гав-гав* — к звукоподражаниям. Видимо, дело здесь в том, что *o*, *a* и т. д. отображают звуки человеческой речи.

Что касается связи звукоподражаний с интонацией, мимикой, жестом (т. е. с контекстом, обстановкой), то этого полностью тоже нельзя исключить хотя бы для «окказиональных» звукоподражаний: — *Вы лучше подумайте о вашем ккк-...к, — и губернатор сделал знак удушения на своей шее* (И. Тургенев); пример из: [Современный русский язык, 1964, с. 245]. Различные жесты и разнообразное «интонационное сопровождение» могут сопутствовать и звукоподражательным по своей природе «императивам» вроде *цып-цып-цып* или *гуль-гуль-гуль*, используемым обычно для приманивания животных или для привлечения их внимания, что может насыщать эти слова (как и типичные междометия в различных ситуативных условиях) разнообразными эмоциональными оттенками.

Для «типичных междометий» и звукоподражаний характерен и ряд других общих признаков: 1) фонетических; важной особенностью первообразных междометий и звукоподражаний «является наличие среди них некоторого количества слов, содержащих редкие или даже необычные для русского языка звуки и звукосочетания» [Русская грамматика, 1980, I, с. 732] (ср. *брр, гм, тпру, тьфу*, традиционно относимые к междометиям, и звукоподражания *уа-уа, дзинь-дзинь, фррк*); 2) словообразовательных; наиболее показательным и специфическим средством образования и междометий, и звукоподражаний являются разного рода повторы (ср. *ай-ай-ай, ох, ох, ох, ну-ну* и *хе-хе-хе, тяф-тяф, кап-кап-кап*); 3) синтаксических; они могут выполнять одни и те же синтаксические функции: эквивалента предложения, модального компонента предложения, члена предложения и др.²³

²³ Согласно другому мнению, в состав междометий следует включать лишь «с л о в а п р е д л о ж е н и я (разрядка наша. — Авт.), передающие, хотя и не называющие конкретно, различные чувства, такие, например, как удивление, испуг, гнев, радость: *Ба, знакомые всё лица* (Гр.); *Ага, попались!*» [Современный русский язык, 1989, с. 530]. В этом случае «глагольные образования типа *прыг, скок*» характеризуются противоречиво, а звукоподражания квалифицируются как слова вне частей речи. Характерно, что соответствующий параграф называется «Междометия и другие слова вне частей речи» [Там же]. Данный подход, в основе которого — взгляд на междометия и звукоподражания с точки зрения их функционирования в «контексте ситуации» (т. е. только в живой устной речи), свидетельствует о необходимости специального изучения проблемы этих слов с позиций грамматики разговорной речи.

Отметим также и то обстоятельство, что само присутствие звукоподражаний «в контексте пересказа» придает тексту разговорную окраску и, следовательно, повышает «степень» его экспрессивности, тем самым сближая по этой характеристике контексты употребления звукоподражаний и междометий.

Итак, все сказанное позволяет заключить, что вопрос о частеречном статусе звукоподражаний нуждается в специальном дополнительном изучении и описании, но в рамках традиционной грамматики, основанной на анализе языка в письменной его форме, звукоподражания могут рассматриваться в качестве одного из разрядов, входящих в междометие — часть речи, в которую традиционно включаются достаточно пестрые и разноплановые в функционально-семантическом отношении группы слов²⁴.

По своему строению (составу) междометия делятся на *п е р в о о б р á з н ы е* (первичные) и *н е п е р в о о б р á з н ы е* (производные).

К первообразным относятся те междометия, которые в современном русском языке не соотносятся ни с одной из знаменательных частей речи: *a, ага, ай, ау, ах, ба, брр, брысь, гей, ей-ей, и, их, на, но, ну, о, ого, ой, ох, тпру, тю, тьфу, у, увы, улю-лю, уф, ух, фи, фрр, фу, ха, хи, хо, цыц, э, эй, эх, эхм*. Такие междометия по происхождению связаны с эмоциональными выкриками, восклицаниями, а также с рефлекторными реакциями человека на внешнюю среду. Сюда же включаются и звукоподражания: *агу, кхе-кхе, ха-ха-ха, хи-хи-хи, хо-хо-хо, уа-уа; гав-гав, иго-го, карр-карр, кудак-так-так, мяу, му-у, фырк; бряк, бух, грох, дзинь-дзинь, кап, тра-та-та, трах-тах-тах, шлеп, щелк*.

К непервообразным (производным) междометиям относятся те слова, которые в разной степени соотносятся со знаменательными частями речи: с существительными (*батюшки, боже, господи, дьявол, матушки, создатель, черт* и др.); с глаголами (*брось, будет, вишь* (из *видишь*), *здравствуй(те), извини(те), ишь* (из *видишь*), *пли* (из *пали*), *подумаешь, подумать* и *подумать только, пожалуйста, помилуйте, скажите, товсь* (из *готовься*), *усь* (из *куси*), *хватит* и др. Немногочисленная группа междометий связана с местоименными словами (*то-то, эва* (просторечное), *эк, эка*, наречиями (*вон, долой, полно, прочь, тс, ти, цс, ш-ш* — последние четыре из *тише*), частицами (*ужо* (просторечное), *ни-ни*), союзами (*однако, однако же*).

²⁴ Характерно, что даже те авторы, которые выделяют звукоподражания в самостоятельную часть речи, отмечают при этом собственно грамматическое их сходство с междометиями: «В грамматическом отношении звукоподражания близки к междометиям» [Тихонов, 2002, с. 451]; ср. также: «... Традиционно в междометия как в одну часть речи объединяются весьма разнородные по семантическим и синтаксическим свойствам слова» [Современный русский язык, 1989, с. 531].

Среди непервообразных междометий выделяют также большую группу устойчивых словосочетаний и фразеологизмов: *батюшки-светы, боже мой, боже праведный, господи боже мой, господи прости, боже сохрани, господи благослови, господи помилуй, слава богу, черта с два, черт побери, что за черт, поди ж ты, скажите на милость, я тебя, вот тебе на, вот тебе раз, вот так так, вот то-то и оно, вот это да, как бы не так, чтоб тебя* и др.

В отличие от непервообразных, группа первообразных междометий пополнялась и пополняется за счет заимствованных слов типа *алло, айда*, оценочно-характеризующих существительных (*горе, беда, смерть, страх, ужас, крышка, табак, труба, каюк, дудки, пропасть, дьявольщина*²⁵), глагольных форм со значением побудительности (*погоди, постой, давай, вали*), а также устойчивых сочетаний типа *вот так клюква, вот так номер: Думаешь, она спасибо сказала? Дудки! Хвостом махнула и была такова! (М. Веллер); Молодые мы были... Такие молодые — беда! (Ф. Кривин); Здравствуйте, гости! Ай, не надо! Ай, бросьте! (А. Розенбаум); Подумаешь, беда какая! (М. Зощенко)* (примеры из: [Середа, 2005, с. 103, 105, 123]).

§ 3. О фонетических, словообразовательных и синтаксических особенностях междометий

Фонетические особенности. Как уже упоминалось, обособленность первообразных междометий от других частей речи заключается в том, что некоторые из них содержат необычные для русского языка звукосочетания (*бррр, дзинь-дзинь, тпру, уа-уа, фррк*). Помимо этого в междометиях наличествуют звуки, не характерные для русской фонетической системы, например фрикативный *г* (*а/γ/а, о/γ/о*), губно-губной *р* (*тпру*), особый носовой гласный, произносимый с закрытым ртом (*уγ*) [Гвоздев, 1973, с. 425], не поддающиеся однозначной квалификации звуки, создающие звуковую оболочку междометия *зм*.

Как полагал В. В. Виноградов, эмоциональная окраска и степень смысловой диффузности первообразных междометий в определенной мере связаны с фонетическими характеристиками формирующих их звуков: междометия с гласными верхнего подъема [*у*], [*и*] (*у, ух, их* и др.) в меньшей степени перегружены значениями, чем междометия с гласными */о/* и */а/* (*о, а, ох, ах* и др.)²⁶, а у междометий, оканчиваю-

щихся на */j/* (*ай, ой, эй*), круг значений однообразнее и теснее, нежели у слов, оканчивающихся на */x/* (*ах, ох, эх*) [Виноградов, 1986, с. 618].

Словообразовательные особенности. Наиболее показательным и важным средством образования междометий являются различного рода повторы, открывающие большие возможности для семантической дифференциации этих слов²⁷. Типы повторов различны: это может быть точное удвоение или утроение исходного междометия: *ха-ха, хе-хе-хе; ай, ай, ай; ну-ну; ба, ба, ба; ах, ах, ах; ох, ох, ох* и т. п.; повторение только второго слога междометия: *ого-го; ого-го-го; эге-ге; эге-ге-ге; ахти-хти*; повторение, сопровождающееся перестановкой гласного и согласного первого односложного междометия (метатеза): *эх-хе-хе (эхе-хе); ох-хо-хо (о-хо-хо); ах-ха-ха (а-ха-ха); их-хи-хи (и-хи-хи)* (на стыке двух *х* наблюдается явление абсорбции — поглощение одного *х*). Отмечен единственный случай удвоения с помощью соединительного союза *и*, когда побудительное междометие *ну* превращается в эмоциональное *ну и ну*, выражающее удивление. Некоторые междометия употребляются только с повторением, например, *те-те-те* выражает удивление, в то время как одно *те* ничего не обозначает [Германович, 1966, с. 75]. В просторечии, в речи, обращенной к детям, а также в языке народной поэзии встречаются образования, осложненные суффиксами *-очко/-очки, -ушки/-нюшки/-унюшки, -оньки, -охоньки/-ошеньки: спасибо — спасибочко и спасибочки* (простореч.); *агу — агушки и агунюшки; (бай-) бай — баюшки, (баюшки-) баю — баюнюшки; о-хо-хо — охохонюшки; (бай-) бай — баиньки; о-хо-хо — охохоненьки* [Русская грамматика, 1980, I, с. 413].

Неоднократно отмеченная в литературе разноаспектная близость волеизъявительных (императивных) междометий и глаголов проявляется также и словообразовательно — в способности междометий присоединять флексию множественного числа повелительной формы глагола *-те* и приглагольные частицы *-ка, -тка: нате, нуте, цыцьте, брысьте, айдайте, полноте, бросьте, валяйте, на-ка, ну-ка, нате-ка, на-тка, ну-тка* [Шахматов, 1941а, с. 507, Германович, 1966, с. 76, Середа, 2005, с. 15].

Словообразовательная специфика глагольных междометий типа *бац, звяк, прыг, скок* понимается по-разному, что обусловлено существованием нескольких точек зрения на природу этой группы слов. Если считать их особыми глагольными формами, то *прыг, бац, трах* и т. п. представляют собой слова, образованные от соответствующих глаголов «отрицательной (нулевой) суффиксальной морфемой» [Щер-

²⁵ «В молодежной речи, сленге на базе оценочно-характеризующих имен существительных образуются междометия-неологизмы окказионального характера, например ... *абзайц, копеец, кранты*» [Середа, 2005, с. 103].

²⁶ «Не подлежит сомнению, что гласные фонемы русского языка в разной степени способны выражать эмоции. По-видимому, наиболее однообразна эмоциональная окраска звуков *у* и *и*» [Виноградов, 1986, с. 618].

²⁷ «Цели удвоения разных групп междометий неодинаковы. Императивные междометия, обращенные, например, к животным, повторяются, чтобы заставить их повиноваться. Эмоциональные междометия, удваиваясь или повторяясь многократно, выражают степень реакции говорящего на речь собеседника или на какое-либо явление действительности» [Германович, 1966, с. 75].

ба, 1957, с. 78]; см. также: [Русская грамматика, 1980, I, с. 736]: прыгнуть → прыг, бацнуть → бац, звякнуть → звяк и т. д. Согласно другой точке зрения (Е. Д. Поливанов), данные слова являются особые «звуковые жесты», которые не имеют никаких специфических глагольных свойств, а лишь заменяют или изображают то или иное действие, воспринимаемое акустически или зрительно. В пользу этой интерпретации свидетельствует тот факт, что среди рассматриваемых слов существуют такие «звуковые жесты», которые не имеют соответствия среди глаголов, ср.: (Капитан Копейкин) побежал было за ней на своей деревняшке, **трюх-трюх** следом (Н. Гоголь); В этих низовьях ночи — восторг, Светлые зори. Пенной по отмели **шорх-шорх** Черное море (Б. Пастернак) (см. подр.: [Русская грамматика, 1980, I, с. 735–736]). Если придерживаться этой позиции, то глагольные междометия (особенно звукоподражательной разновидности) следует рассматривать не как отглагольные образования, а, напротив, как слова, которые «существенно обогащают словообразовательную базу глагола: шушукать (ср. производные от него: шушукаться, шушуканье, зашушукать, пошушукать, прошушукать, пошушукаться, прошушукаться); тявкать (ср.: затявкать, потявкать, протявкать и др.); бубнить (от бу-бу) (ср.: забубнить, пробубнить и др.); мяукать, мяуканье, замаякать, помаякать, промаякать и др.; гоготать (ср.: гогот, гоготанье, загоготать, погоготать и др.); кудахтать (ср.: кудахтанье, закудахтаться и др.)» [Тихонов, 2002, с. 452; ср.: Русская грамматика, 1980, I, с. 430]²⁸.

§ 4. Особенности синтаксического функционирования

Многообразие существующих воззрений на участие междометий в синтаксической организации текста²⁹, если устранить дробности в классификациях и унифицировать термины, сводится к следующему: междометия могут функционировать 1) в качестве эквивалента предложения, 2) в качестве модального компонента предложения, 3) в качестве члена предложения [Русская грамматика, 1980, I, с. 734–735].

Способность функционировать в качестве эквивалента предложения является самой яркой отличительной чертой рассматриваемой части речи, так как этим свойством обладают междометия всех групп, ср.: — **А-а-а!** Андрей Ильич! Наконец-то вы к нам пожаловали! (А. Куприн); — **Батюшки!** — изумился тонкий. — Миша! Друг детства

²⁸ Ср.: «...Многие первичные междометия типа: ах, ох, ух, ай, ой, у и т. п. — в современном языке сближаются с глагольными междометиями вроде: бух, бац и т. п. (ср. систему словопроизводства: ох — охать — охнуть; ах — ахать — ахнуть; ой — ойкать — ойкнуть; а — акать — акнуть ... ср.: бац — бацать — бацнуть; хлоп — хлопнуть — хлопнуть; бух — бухать — бухнуть и т. п.)» [Виноградов, 1986, с. 615].

²⁹ См.: [Середа, 2005, с. 39–83].

(А. Чехов); Гляжу: под лавкой дремлет кот; И на него я брызнул склянкой — Как фыркнет он! я: **брысь!**.. И вот И он туда же за лоханкой (А. Пушкин): [Ирина:] **До свидания!** [Федотик:] **Не до свиданья, а прощайте**, мы больше уже никогда не увидимся (А. Чехов); — **Растапливают это соседи печку, все чин чинном, а вдруг — бах, тарарах!** К чертовой матери летит печка! (В. Липатов); **Скок-скок-скок!** Молодой дроздок по водичку пошел, молодичку нашел; **Хи-хи-хи да ха-ха-ха!** Не боится, знать, греха (А. Пушкин) (последние два примера заимствованы из: [Камынина, 1999, с. 235])³⁰. Если усматривать синтаксическую специфику этих слов только в их способности выступать в качестве эквивалента предложения и не учитывать «усложняющееся взаимодействие между междометиями и такими частями речи, как глагол, существительное и наречие» [Виноградов, 1986, с. 612], то создается парадоксальное положение: толкуемые как целые высказывания, междометия выводятся за пределы частей речи и переводятся из морфологии в синтаксис, где, однако, они оказываются и вне синтаксиса словосочетания, и вне синтаксиса предложения³¹ (подр. см.: [Виноградов, 1986, с. 612–613]).

В качестве модального компонента предложения междометия могут употребляться по-разному. В одних случаях междометие используется как вводное слово: Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, **увь!** уже нет (Н. Гоголь); — А сходи-ка ты, мать моя, ко Хряповым, у них, **чу**, бычка зарезали, не продадут ли тебе ливер (М. Горький); — **Котелок. Крышка, по-жалуйста**, служит сковородкой (В. Тендряков); Мы тут с ног сбились, а он — **здрасьте-пожалуйста!** по подвалам шастает! (В. Шукшин); А там киргизята вчера берега обсели, рыбку мою ловят. Слово за слово, **глядь**, уже и сцепились! (В. Пикуль) (последние два примера заимствованы из: [Середа, 2005, с. 67, 66]; **Поскользнулась И бац!** — **растянулась** (А. Блок) (пример из: [Русская грамматика, 1980, I, с. 735]). В других случаях трудно отграничить модальную функцию междометия от общего значения предложения, при этом возможности перемещения междометий в высказывании ограниче-

³⁰ «Как правило, междометия функционально представляют собой нерасчлененные и грамматически неоформленные эквиваленты предложений, поэтому они не вступают в синтаксические связи с другими словами в предложении и только под влиянием некоторых структурных моделей предложений могут синтаксически распространяться словоформами или словами: *Брысь отсюда!* (= Пошла отсюда!), *Спасибо вам!* (= Я благодарен вам!), *Ура героям!*» [Современный русский язык, 1999, с. 583].

³¹ «Инородность их (междометий. — Авт.) в организме предложения ясно и полно объясняется тем, что это знаки чувствований, а не представлений. Все остальные слова языка (кроме однородных в этом отношении с междометиями побудительных слов) — знаки представлений. Таким образом, вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут. Выразить же самостоятельно сказуемое они способны наименее из всех описанных здесь разрядов, так как сказуемое есть прежде всего слово-представление, осложненное выражением процесса мысли» [Пешковский, 1938, с. 372].

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ

ны или вовсе отсутствуют, ср.: *Ба, птичник! Явился, пропащий* (М. Горький); — *Ох! гадко и теперь вспомнить* (Л. Толстой); *У! как свежо и хорошо* (Н. Гоголь); *А, вот оно что!*; *Эх и песня!*; *Эк его заливаешь!* [см.: Шанский, Тихонов, 1987, с. 250; Русская грамматика, 1980, I, с. 735]. С модальной функцией междометий сближается возможность усиления с их помощью качественного или количественного признака, выраженного каким-либо знаменательным словом. В таких случаях междометие может выноситься в позицию зависимого предложения: *Вот и прошлый год был такой неурожай, что боже храни!* (Н. Гоголь); *Так спешим, что на-поди!* (И. Никитин); *В ту пору был начальником губернии такой зверь, что у!!!* (М. Салтыков-Щедрин) [Русская грамматика, 1980, I, с. 735].

Функция члена предложения является типичной для глагольных междометий типа *прыг, скок, бам, бац*. Чаще всего эти слова употребляются в роли сказуемого, уподобляясь при этом соответствующим глаголам одноактного способа действия типа *прыгнуть, хлопнуть, бацнуть, цапнуть*: *Подзадорили детинушку — Он почти всю правду бух!* (Н. Некрасов); *Дверью хлоп, ушла* (Г. Успенский); *Перевесился, знаете ли, через перилу, а перила — хрусь!* *Хрустнула, знаете ли...* (А. Чехов); *Сидит на речке с удочкой Да сам себя то по носу, То по лбу — бац да бац!* (Н. Некрасов); *Как вскочит! Прямо к барину — Хвать карандаш из рук* (Н. Некрасов); *Знаешь, кто на тебя наскочит, — Степка Карнаушкин. Он тебе даст, ты — брык* (А. Толстой); *Всю ночь он пишет глупости. Вздремнет — и скок с дивана* (Б. Пастернак) [Там же, с. 735–736]. Для других междометий функция члена предложения является вторичной, они становятся компонентами предложения тогда, когда замещают собою ту или иную словоформу: *Характер у него ой-ой-ой* (≈ тяжелый, сложный); *Народу — господи боже мой* (≈ очень много); *Дела — увы и ах* (≈ плохи); *Обманывает век, а живет всё эк* (≈ хорошо, припеваючи); [Анастасия Ефремовна:] *Ты провалишься на экзаменах, так и знай. Тебе не посторонними делами заниматься надо, а готовиться. Ты думаешь, так, на ура* (≈ легко, ничего не делая) *проскочишь?* (В. Розов); *Творил его* [Андрея Ивановича] *Господь Бог, размахнулся: лоб. А потом зевнул, что-то скучно стало и кой-как, тяп-ляп* (≈ небрежно, наспех) *кончил: сойдет* (Е. Замятин) (последний пример из: [Середина, 2005, с. 82]).

Все отмеченные синтаксические свойства междометий свидетельствуют о том, что они функционируют в тексте и в предложении в соответствии с определенными правилами, которые, однако, не играют ведущей роли при выделении междометий в особую часть речи³²: решающим фактором в этом случае является специфичность категориальной семантики этих слов.

³²«...дело в том, что эти правила, строго говоря, не являются категориальной оформленностью междометий, так как по синтаксическому месту определить междометие нельзя. Специфика междометий создается не синтаксически» [Камынина, 1999, с. 230].

Основные понятия. Типологическая классификация языков основывается прежде всего на способах выражения грамматических (обязательно выражаемых) значений в данном языке.

Изолирующие и называющие языки, в которых либо вообще нет обязательно выражаемых значений, либо имеющиеся значения не используются для связи слов в предложении — это значения наклонения, времени и вида глагола, а также числа существительного, если оно не используется для согласования [Яхонтов, 1975, с. 106; Шайкевич, 2005, с. 133]. Типичными изолирующими языками считаются древнекитайский, вьетнамский и западноафриканский язык эве. Вместе с тем элементы изоляции можно найти в гораздо более широком круге языков, в том числе и в русском, поскольку синтаксически изоляция проявляется в примыкании — таком виде подчинительной связи, при котором зависимые слова «не способны выражать синтаксическую связь с другими словами путем изменения своей формы» [Скобликова, 1979, с. 64]. В русском языке, как известно, при примыкании в качестве зависимого слова могут выступать: наречия (*говорить вполголоса, читать вслух, долго работать, очень сильный*), неизменяемые синтетические формы сравнительной степени прилагательных и наречий (*мальчик постарше, стало холоднее, побежать быстрее*), деепричастия (*сидеть согнувшись, говорить не переставая*), инфинитив (*хотел остаться, приехал отдохнуть*), неизменяемые прилагательные (*цвет хаки, пальто реглан*).

Неизолирующие языки классифицируют в зависимости от преобладающего способа выражения грамматических значений. В синтетических языках грамматические значения выражаются в пределах слова с помощью аффиксов, а в аналитических — с помощью относительно самостоятельных служебных слов. В свою очередь, синтетические языки подразделяются на агглютинативные (или агглютинирующие, букв. ‘склеивающие’) и флективные (букв. ‘гибкие’) в соответствии с общими принципами выражения грамматических значений в слове.

Для флективных языков характерны следующие признаки:

1) **совмещение** (кумуляция) в одной морфеме нескольких грамматических значений; так, окончание *-ая* в прилагательном

весел-ая выражает одновременно значения женского рода, единственного числа и именительного падежа;

2) наличие несопадающих рядов аффиксов для выражения одних и тех же грамматических значений, т. е. существования разных типов склонения и спряжения, что Ю. С. Маслов назвал «о м о с е м и е й» словоизменительных аффиксов [Маслов, 1975а, с. 296–297];

3) многочисленные чередования на стыках морфем, это явление называют фúз и е й (букв. ‘сплавление’);

4) несамостоятельность о с н о в ы, которая для своего функционирования в речи обязательно должна быть дополнена окончанием.

А г г л ю т и н а т и в н ы м языкам присущи противоположные признаки:

1) закрепление за каждым грамматическим аффиксом одного значения;

2) одинаковость систем словоизменения для всех слов одного грамматического класса,

3) легкость и четкость деления слова на морфемы, самостоятельностью основы, которая и без (ненулевых) аффиксов является одной из полноценных словоформ.

Все эти различительные черты носят не абсолютный, а относительный характер. Поэтому чаще говорят о соответствующих г р а м м а т и ч е с к и х т е н д е н ц и я х [Реформатский, 1965, с. 64–92], наблюдающихся в том или ином языке. Поэтому же в одном языке на разных его участках в силу тех или иных причин могут реализовываться разные грамматические принципы. Так, префиксация в русском языке более агглютинативна, чем суффиксация¹, а настоящее время изъявительного наклонения характеризуется относительно большей флективностью, чем прошедшее время: последнее имеет собственный некумулятивный показатель *-л*, а чередований на стыке морфем («морфемном шве») при образовании форм прошедшего времени существенно меньше, чем при образовании форм настоящего времени.

Общая типологическая характеристика русского языка. По своему морфологическому строю русский язык является преимущественно синтетическим и флективным. Большая часть грамматических значений выражается внутри самого слова — с помощью окончаний и словоизменительных суффиксов. Поэтому средняя длина русского слова, по разным подсчетам, составляет от 2,33 до 2,45 морфем в словоформе [Маслов, 1975а, с. 294; Мейлах, 1973, с. 157]. При этом один грамматический показатель обычно кумулятивно выражает сразу несколько грамматических значений. Флексии существительного совмещают значения падежа и числа, флексии полных прилага-

¹ См. очень показательную сравнительную характеристику русских суффиксов и префиксов: [Земская, 1973, с. 32–43].

тельных — значения рода, падежа и числа, флексии настоящего (и будущего) времени глагола — значения лица и числа. Сохраняется омосемия флексий — и существительные и глаголы имеют по несколько словоизменительных разрядов, поскольку показатели одного и то же значения (или комплекса значений) в разных разрядах не совпадают. Так, значение дательного падежа единственного числа может выражаться флексией *-у* (*стол-у*), *-е* (*стен-е*) или *-и* (*вещ-и*).

Вместе с тем в русском языке наблюдаются явления и иного рода. Так, во множественном числе существительные имеют различные окончания только в именительном, родительном и винительном падежах, а в том же дательном падеже все существительные имеют единое окончание *-ам* (*-ям*); ср.: *стол-ам*, *стен-ам*, *вещ-ам*. Прилагательные, и полные, и краткие, имеют единую унифицированную систему словоизменения, которая была перенесена в прошедшее время глагола и сослагательное наклонение. Образование базовых форм повелительного наклонения отличается значительной сложностью, типичной для флективных языков: наличием нескольких формальных разновидностей и сопутствующих чередований. Между тем императивный постфикс *-те* следует агглютинативной технике. Он выражает только значение множественного числа, присоединяется к целой словоформе (ср.: *идём — идём-те*) и характеризуется парадигматической подвижностью, ср.: *пойдём — пойдёмте*, *давай пойдём — давайте пойдём*.

Отклонения от того «классического» варианта языка флективно-синтетического типа, который был представлен в старославянском языке, наблюдаются во всех современных славянских языках, причем интерпретируются они по-разному [Леков, 1956, с. 18–26; Skalička, 1958, s. 73–84; Popela, 1988, s. 49–55].

По отношению к современному русскому языку эти изменения практически единодушно интерпретируются как движение к аналитизму, ср. типичное в этом отношении высказывание: «Устремление к аналитизму — наиболее яркая морфологическая тенденция в русском языке послереволюционной эпохи» [Мучник, Панов, 1968, с. 15]². Между тем направление типологической эволюции русского языка далеко не столь однозначно. По сравнению с предшествую-

² Ср. также оценки других исследователей: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому» и далее: «К сожалению, в последующей грамматической традиции вопрос <...> об усилении и росте аналитизма в грамматической системе русского языка заглох» [Виноградов, 1947, с. 37]; «Проявления аналитизма носят в современном русском языке активный, развивающийся характер» [Лопатин, Улуханов, 1997, с. 443]. Г. И. Тираспольский отстаивает иную точку зрения; в соответствии с ней русский язык на протяжении всей своей истории никаких существенных изменений не претерпел [Тираспольский, 1981, с. 37–49; 1991, с. 71–76]. В последней своей работе он, впрочем, говорит о «сопутствующих проявлениях и тенденциях аналитизма» [Тираспольский, 2003, с. 256].

щими периодами количество аналитических форм в русском языке не только не возросло, но даже уменьшилось: к сложным формам сослагательного наклонения (*читал бы*) и будущего времени несовершенного вида (*буду читать*) добавились характерные для русского языка новые аналитические формы превосходной степени типа *самый высокий*, но зато были утрачены общеславянские аналитические формы плюсквамперфекта и перфекта, ставшие источником единой простой формы прошедшего времени типа *читал*. Вместе с тем в русском языке не наблюдается и роста синтетизма. Так, формы прошедшего времени на *-л* стали синтетическими, так сказать, «чисто механически», вследствие опущения служебного глагола, тогда как, например, в польском языке произошло именно синтетизирование — слияние основного и служебного элементов аналитической формы прошедшего времени; ср.: *czytał jestem > czytałem* ‘я читал’, *czytał jesteś > czytałeś* ‘ты читал’, *czytali jesteśmy > czytaliśmy* ‘мы читали’. В русском языке отчасти сходное развитие претерпел, по видимому, лишь постфикс *-ся (-сь)*, восходящий к подвижным энклитическим формам возвратного местоимения, который превратился в аффикс («следом» его относительно недавней самостоятельности является положение в слове — после окончания).

Как известно, переход от синтетических форм к аналитическим имеет очевидную коммуникативную мотивировку, состоящую в том, что формы, ставшие «семантически непрозрачными», заменяются перифрастическими (описательными) сочетаниями, эксплицитно выражающими данное значение, что делает высказывание более ясным для слушающего [Алисова, 1980, с. 10]; при этом обязательность флексии сменяется столь же обязательным употреблением служебного слова³. Что же касается русского языка, то он не только в последнее время, но уже на протяжении нескольких столетий неуклонно эволюционирует в другом направлении.

Уменьшение роли флексии. Считается, что в типичном флективном языке «по возможности вся грамматическая информация концентрируется в одной морфеме — окончании» [Яхонтов, 1991, с. 95]. Сосредоточенные прежде всего во флексии грамматические значения, с одной стороны, определяют принадлежность данной словоформы к тому или иному морфологическому классу слов, а с другой стороны, выступая в качестве показателей согласования и управления, указывают на ее связи с другими словами в предложении. В свою очередь, обязательность выражения грамматических значений делает обязательным присутствие флексии в большинстве знаменательных слов, следствием чего является несамостоятельность грамматически неоформленной основы. На этом фоне несклоняемые существительные типа *пальто* или *кофе* обычно рассматриваются

³ Термин «аналитизм» понимается далее именно в этом узком смысле; см. аналогичное его понимание в кн.: [Плунгян, 2000, с. 131].

как имеющие полную падежно-числовую парадигму, но только с нулевыми окончаниями во всех своих «формах».

По отношению к современному состоянию русского языка такая характеристика представляется уже не совсем точной. Роль флексии как в морфологии, так и в синтаксисе явно сокращается.

Одной из линий развития русского языка является сокращение числа значений, обязательно выражаемых в словоформе. В отличие от древнерусского языка и многих современных славянских языков, русский язык утратил различие рода в формах множественного числа прилагательных и прошедшего времени глаголов, ср.: *новые ученики — новые ученицы*, но пол. *nowi uczniowie — nowe uczennice; ученики читали — ученицы читали*, но: пол. *uczniowie czytali — uczennice czytały*. В результате в русском языке окончания множественного числа прилагательных выражают только значения числа и падежа (*новые, новых, новым* и т. д.), а окончание множественного числа глагольных форм прошедшего времени (*читали*) — только значение числа.

Кроме того, поскольку в ходе превращения перфекта в формы общего прошедшего времени в русском языке перестал употребляться спрягаемый служебный глагол *быть*, кумулятивно выражавший значения лица и числа, формы прошедшего времени на *-л* перестали отражать лицо подлежащего (ср.: *я читал, ты читал, он читал*). Это изменение связывается с «общей тенденцией утраты личных форм настоящего времени этого глагола не только в качестве составной части аналитических форм, но и в составном сказуемом» [Борковский, Кузнецов, 1963, с. 283]. В большинстве других славянских языков не произошло ни того, ни другого. За пределами восточнославянских языков спрягаемый служебный глагол в формах настоящего времени сохраняется, а в формах прошедшего времени либо выступает в качестве вспомогательного элемента аналитической формы; ср. чеш. *nesl jsem* ‘я нес’, *nesli jsme* ‘мы несли’, либо превращается в новые личные окончания, как в польском, ср. приведенные выше примеры: *czytałem* ‘я читал’, *czytaliśmy* ‘мы читали’. Нечто подобное произошло и с аналитическими формами сослагательного наклонения. В русском языке спрягаемый служебный глагол, входивший в ее состав, превратился в неизменяемую частицу *бы*. В западнославянских языках этого не произошло, и формы сослагательного наклонения продолжают изменяться по лицам, ср.: чеш. *nesl bych* ‘я бы нес’, *nesli bychom* ‘мы бы несли’; пол. *czytałbym* ‘я читал бы’, *czytałibyśmy* ‘мы читали бы’.

Краткие формы прилагательных, помимо потери родовых различий во множественном числе, утратили также и формы косвенных падежей, полностью уподобившись (с точки зрения набора окончаний) глаголам прошедшего времени: в ед. числе они совмещают только значения числа и рода (ср. *огромен — огромна — огромно*), а во мн. числе (*огромны*) выражают только значение числа (ср.: *про-*

шел — прошла — прошло — прошли). Для двух разрядов — простых форм сравнительной степени и деепричастий — эта тенденция достигает своего завершения: они перестали изменяться не только по падежам, но и по числам и родам. Неизменяемость синтетических форм сравнительной степени (при том, что основная — полная — форма прилагательных сохранила склоняемость) является специфической чертой русского языка, выделяющей его среди других славянских языков. Что же касается деепричастий (восходящих к кратким формам действительных причастий), то, например, в чешском языке они сохраняют изменение по числам и родам, согласуясь в этих формах с подлежащим.

Неизменяемыми являются и материально выраженные формы настоящего времени сказуемых бытийных и посессивных предложений *есть* и *нет*, ср.: *У него есть друг (друзья, дочь); У него нет друга (друзей, дочери)*. В древнерусском языке оба эти слова были четко членимыми.

За рамками строго нормированной речи таких слов больше. Так, парадигма склонения числительных «исчезает буквально на глазах» [Гловинская, 1996, с. 239]. По аналогии с неизменяемыми притяжательными местоимениями 3-го лица *его, её, их* возникает соотносительное с ними неизменяемое вопросительное местоимение *кого* (вместо нормативных склоняющихся местоимений *чей, чья, чьи* и т. д.), ср. *Кого эта книга (эти книги)?* В просторечии отмечен и обратный процесс — приобретение притяжательными местоимениями склоняемости, ср. *евонный, ейный* и т. д., однако склоняемые формы притяжательных местоимений 3-го лица типа *евонный* представляются гораздо сильнее отклоняющимися от нормы, чем несклоняемое *кого*. Считается, что их употребление «свидетельствует о полном невладении литературным языком» [Земская, Китайгородская, 1984, с. 80]. В спонтанной устной речи лиц, владеющих нормами литературного языка, встречается и употребление слово *нужно* в фиксированной несогласуемой форме ед. числа среднего рода *нужно*, ср.: *Нам нужно (вместо нужен) хотя бы один экипаж. Но абсолютно точно надо быть уверенным, что он всем обеспечен, хорошо обучен, получает достойную заработную плату. Вот что нам нужно* (Власть. 2000. 29 авг.)⁴.

Обратного же не происходит. Возвращаясь к упоминавшимся выше несклоняемым существительным, можно заметить, что Л. В. Щерба в статье, напечатанной в 1945 году, прогнозировал их скорую полную адаптацию в русском языке и приобретение ими склонения: «Хотя *пальта* звучит еще просторечно, однако рано или поздно этой форме обеспечено будущее» [Щерба, 1974, с. 50]. Этого, однако, не произошло и, скорее всего, уже не произойдет, хотя для слова *паль-*

⁴ См. также многочисленные примеры, приведенные в ст.: [Джусту-Фичи, 1991, с. 31].

то есть подходящий declinational образец: слова типа *ведро*. Такое положение сохраняется несмотря на то, что — при сохранении относительно свободного порядка слов в русском языке — оно создает для слушающего проблемы при интерпретации высказываний. Так, без знания реальной действительности из следующего фрагмента невозможно понять: *винил ли заменил CD, или, наоборот, CD — винил: Сейчас все ждут новых музыкальных носителей, новой революции в звукозаписи. Такой, какая случилась, когда CD заменил винил* (Итоги. 2006. 10 июля)⁵.

Между тем в большинстве славянских языков подобные слова действительно стали склоняться: «Такие существительные, как *kino, metro, palto, pianino*, свободно склоняются в польском языке в отличие от русского» [Мацусович, 1975, с. 95]; то же относится и к сербохорватскому языку, в котором к таким словам, как *купе* ‘купе’ или *ауто* ‘автомобиль’ стали присоединяться падежно-числовые флексии: *купеа, купеу, купеом; аута, ауту, аутом* [Гудков, 1977, с. 270].

Сокращение фузии. На протяжении долгого времени в русском языке наблюдается тенденция к ослаблению чередований на стыках морфем. Наиболее известный пример ее реализации — устранение результатов 2-й палатализации (чередования заднеязычных согласных со свистящими) во всех формах существительных. Единственным остатком старого чередования являются формы мн. числа слова *друг*: *друзья, друзей* и т. д. В других славянских языках это чередование сохраняется, ср.: укр. *дорога — на дорозі*, пол. *student — o studencie*. В русском же сохранившиеся же чередования в склонении ограничиваются почти исключительно оппозицией твердых и мягких согласных; ср.: *дорога — на дороге, студент — o студенте*.

При наличии нескольких словоизменительных моделей более продуктивными оказываются те, где чередований нет или они более предсказуемы. Так, в глагольном словоизменении продуктивными являются модели с наращением согласного в основах настоящего времени, не вызывающие чередований, т. е. модели *работать — работаю, худеть — хую*, а не *прятать — прячу, сидеть — сижу*. То же наблюдается и при образовании синтетических форм сравнительной степени, где продуктивность сохраняет более новый суффикс *-ее*, оказывающий меньшее воздействие на качество предшествующего согласного. Еще одним проявлением этой же тенденции можно считать и ослабление строгости реализации нормативных чередований,

⁵ Следует отметить, что аналогичная неоднозначность может быть присуща и предложениям со склоняемыми существительными, если у них совпадают формы именительного и винительного падежей. Примером может служить фраза из анонса о показе 13 июня 2008 г. на телеканале «Культура» фильма-сказки А. Роу «Золотые рога»: *Коварство подло победит любовь*. Имеется в виду (поскольку речь идет о традиционном сказочном сюжете) победа любви над коварством, т. е. слово *коварство* является здесь дополнением, а слово *любовь* — подлежащим.

сопутствующих присоединению отдельных словообразовательных и словоизменительных аффиксов. По данным Е. И. Литневской, повторившей в 1989 г. со старшеклассниками московских школ анкетирование, проводившееся в середине 60-х годов в рамках социолингвистического проекта «Русский язык и советское общество», общее число правильных ответов сократилось с 65 до 38 % [Литневская, 1991, с. 69]⁶.

Задолго до этих исследований, в 1934 г., Н. С. Трубецкой, подводя итоги своего детального описания морфонологической системы русского языка, писал: «Чередования выступают в словоизменении и словообразовании в русском языке в самых разнообразных формах, и список всех типов формообразования, в которых участвуют эти чередования, был бы очень длинен. Чередования представлены особенно сильно в непродуктивных типах формообразования. Если же рассматривать живые, продуктивные типы словоизменения и словообразования, то можно утверждать, что роль чередований в них сведена к минимуму» [Трубецкой, 1987, с. 139]. С тех пор оснований для такого вывода явно стало еще больше.

Рост числа «гибридных» разрядов слов. Другим проявлением уменьшения роли флексии в русском может служить широкое распространение «гибридных» разрядов слов, для которых, несмотря на грамматическую оформленность, невозможно однозначно определить, к какой части речи они относятся.

Таковы неопределенно-количественные слова типа *много*, *мало*, *несколько*, совмещающие признаки числительных, местоимений и наречий; распространенное в речи слово *это*, обладающее «уникальным набором синтаксических употреблений, который формируется из употреблений, свойственных местоимению, и употреблений, свойственных частице, а кроме того, включает еще широкий спектр промежуточных употреблений, в которых *это* с трудом поддается отнесению к той или иной части речи» [Падучева, 1982, с. 90]; слова на *-о* типа *смешно* и соответствующие формы сравнительной степени типа *смешнее*, совмещающие функции прилагательного, наречия и безличного предикатива.

Подобного рода размытость границ между частями речи свойственна современному русскому языку в большей мере, чем другим славянским языкам.

Пример несколько иного рода — утрата особых форм повелительного наклонения 1-го лица мн. числа, существовавших в исходном языковом состоянии. В русском языке эта форма очень рано совпала с близкой по звучанию формой 1-го лица мн. числа индикатива. Их различие (необходимость в котором поддерживается далеко не всеми исследователями) основывается на несовпадении коммуникативной направленности повествовательных и побудительных выска-

званий и обязательном отсутствии подлежащего в предложениях с этими формами, выражающих побуждение, ср. *Шурочка! Идем пить чай* (императив) — *Мы идем пить чай* (индикатив). Поскольку присутствие местоименного подлежащего в повествовательных предложениях не обязательно, а глаголы изъявительного наклонения и сами могут выражать побуждение к действию, четкой границы между императивными и индикативными употреблениями форм типа *начнем* нет. В большинстве других славянских языков различие между этими формами изъявительного и повелительного наклонения сохранилось, ср. укр. *несемо* (индикатив) — *несімо / несім* (императив).

Таким образом, вместо того, чтобы по форме слов судить о их категориальной принадлежности и других свойствах, как это должно быть в типичном флективном языке, в современном русском языке в очень многих случаях наблюдается обратная ситуация: активизируется «опора на контекст для выявления грамматического значения словоформы» [Акимова, 1998, с. 87]. Существенно при этом, что затруднения, возникающие при установлении категориальной принадлежности этих слов, не влекут за собой затруднений в понимании высказываний, в которых они употреблены.

«**Любовь к нулю**». Еще одной обширной группой явлений, указывающих на изменение функций флексии в современном русском языке, является широкое распространение разнообразных конструкций с незамещенными синтаксическими позициями, что дало Д. Вайсу основание говорить о свойственной русскому языку особой «любови к нулю» (*die Liebe zur Null, die Faszination der Leere*) [Weiss, 1993, S. 48–82].

Наиболее известный пример такого рода — так называемые эллиптические предложения, в которых присутствуют глагольные актанты или сирконстанты (дополнения и обстоятельства), но сам глагол отсутствует и далеко не всегда может быть однозначно восстановлен из контекста или ситуации: *Татьяна — в лес: медведь за нею; Надолго к нам? Я не об этом; Откуда я знаю, за что он его; Она так со всеми; Вы потише, пожалуйста* [Ширяев, 1973, с. 288–317; Мельчук, 1974, с. 355–358; Wiemer, 1996, с. 245–273]. Помимо собственно синтаксических проблем, возникающих при анализе подобных предложений, существенно, что в таких предложениях не глагол требует присутствия определенных падежных словоформ, а наоборот, присутствие последних создает семантически неопределенный образ глагола движения, речи, физического воздействия и др. Как показывают сопоставительные исследования, предложения с эллипсисом глагола распространены в современном русском языке гораздо шире и семантически более разнообразны, чем аналогичные конструкции в польском или чешском языках [McShane, 2000: 195–233].

Другой пример — субстантивация прилагательных и причастий, когда определение употребляется без определяемого слова: *Горбатого могила исправит; Женщина в белом; Она вышла замуж за*

⁶ Результаты первого опроса описаны в работе: [Земская, 1968, с. 35–37].

военного; Он приник в глубины бессознательного; Она не любит сладкого. Таксономический класс, к которому принадлежит неназванный носитель признака, зависит от значения исходного прилагательного или причастия, формы рода и числа субстантивата и его роли в обозначаемой ситуации. Таким образом, флексии прилагательного уже не выполняют в таких случаях согласовательную функцию, а становятся словообразовательным средством: для форм мужского рода характерно обозначение лиц — носителей соответствующего признака (*военный*); формы женского рода обычно служат наименованиями помещений, где что-либо находится или происходит (*операционная*); формы среднего рода могут использоваться для обозначения отвлеченных понятий, видов одежды и еды (*бессознательное, прекрасное, темное, светлое, сладкое*) и др.; субстантиваты pluralia tantum называют, главным образом, различные денежные выплаты (*отпускные*). Среди славянских языков субстантивация прилагательных и причастий получила особое развитие именно в русском языке, причем отмечается, что этот процесс активизировался в последние десятилетия [Протченко, 1971, с. 231].

Способность падежных форм употребляться независимо от глагола, а прилагательных — независимо от существительного влечет за собой сокращение формально-синтаксических функций флексии и ее семантизацию.

О тенденции к семантизации можно, видимо, говорить и по отношению к наиболее «грамматически нагруженным» падежам — винительному и именительному. Так, одной из относительно недавних инноваций является активный процесс вытеснения беспредложного винительного падежа при глаголах, обозначающих речевые и ментальные действия, сочетаниями предложного падежа с предлогом *о*, см. многочисленные примеры употреблений типа *утверждать об этом* (вместо нормативного *утверждать это*), *предсказать об этом* (вместо *предсказать это*), *доказать об этом* (вместо *доказать это*), *выяснить об этом* (вместо *выяснить это*), приведенные в ст.: [Гловинская, 1996, с. 254–262]. Тем самым существенно сужается семантическое разнообразие типов действий, охватываемых синтаксической переходностью.

Более семантически становится и именительный падеж подлежащего в силу роста употребительности безличных по своему синтаксическому оформлению конструкций, предполагающих наличие личного неактивного субъекта, с помощью которых «современный носитель языка выражает ситуации, возникшие без его сознательного участия и помимо его воли» [Гиро-Вебер, 2001, с. 76].

Показательно также и широкое распространение в русском языке бессоюзных сложных предложений, употребительных, хотя и в разной мере, во всех функциональных стилях. Примечательна характеристика, которую дает им Е. Н. Ширяев: «Используя форму бессоюзного сложного предложения, говорящий как бы предлагает слушающему

решить некоторую семантическую задачу — вывести смысловые отношения из содержания данных предикативных конструкций, сам же говорящий не утруждает себя поисками грамматического средства — союза или союзного слова, способного эксплицировать данные смысловые отношения» [Ширяев, 1986, с. 59]. В случаях такого рода сообщение апеллирует к ситуации как к общему опыту говорящего и адресата.

В качестве еще одного примера можно упомянуть заметный рост употребительности рефлексивно-посессивных глаголов, семантической основой которых является метонимический перенос: говорящий как бы отождествляет себя со связанными с ним предметами или действиями: *растегнуться* ‘растегнуть свою одежду’. Особенно характерны такие глаголы для современной разговорной речи, что уже привлекло внимание исследователей; см. некоторые из приведенных в этих работах примеров: *накиннуться* ‘накинуть пальто или куртку’, *запуститься* ‘запустить компьютерную программу’, *завернуться* ‘завернуть свои покупки’, *податься* ‘подать документы (тезисы)’, *продлиться* ‘продлить визу’ *смыться* ‘смыть с себя краску для волос’, *загружаться* ‘загружать информацию’ [Сай, 2003, с. 141–146; Норман, 2004, с. 394–406]. Определить значение таких возвратных глаголов в отрыве от конкретной ситуации, в которой они были употреблены, едва ли возможно.

Аналитизм или изоляция? Как показывают приведенные выше примеры, число которых легко умножить, роль флексии как формального показателя, указывающего на принадлежность слова к определенному грамматическому классу и его синтаксические связи с другими словами, в русском языке сокращается. По мнению Г. Н. Акимовой, для современного русского языка характерен не столько морфологический, сколько «синтаксический» аналитизм, проявляющийся в ослаблении эксплицитно выраженных синтаксических связей: сокращении использования подчинительных средств связи, развитии предложений с некоординируемыми главными членами, многообразии предложно-падежных форм с субъектным значением и др. [Акимова, 1998, с. 89–93]. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов также отмечают «широкое распространение специфических словосочетаний с примыканием именных членов (в форме именительного падежа) там, где прежде преобладало (и может употребляться и в современном языке) согласование или управление; таковы сочетания типа *матч Каспаров — Карпов, Олимпиада-80, ракеты класса “земля — воздух — земля”*, а также (с употреблением количественных числительных вместо порядковых) *рейс тридцать три, вагон пять место двенадцать* и т. п.» [Лопатин, Улуханов, 2005, с. 461].

Все это очень далеко от «нового» аналитизма, классическим образцом которого считается английский язык. Как считает Д. Вайс, для современного русского языка, в отличие от западноевропейских

и западнославянских языков, характерен не аналитизм западноевропейского типа, а напротив — «анти-аналитизм» [Weiss, 1993, S. 80].

Что же касается ближайшего типологического аналога тем особенностям русского языка, о которых шла речь выше, то в этом качестве выступают не аналитические, а изолирующие языки. К числу отличительных особенностей этих языков относят необязательность выражения грамматических значений, и прежде всего указывающих на функцию слова в предложении и его синтаксические связи с другими словами; высокий индекс примыкания в сочетании с низкими индексами управления и особенно согласования; семантизацию грамматики [Успенский, 1965, с. 114–124; Яхонтов, 1982, с. 316–322; Плунгян, 2000, с. 112–113]. Все это, в конечном счете, влечет за собой уменьшение количества эксплицитно выраженной информации и соответственно увеличение количества информации, сообщаемой косвенным образом. Легко заметить, что эти черты изолирующих языков в целом соответствуют «синтаксическому аналитизму» в понимании Г. Н. Акимовой.

Очевидно, что из двух тенденций — стремления к экономии языковых средств (упрощению высказывания мысли) и стремления к ясности выражения (упрощению процесса восприятия высказывания), — взаимодействие которых, как считается, является одной из важнейших движущих сил языкового развития, в русском языке явно доминирует первая, а она в наибольшей степени характерна именно для изолирующих языков.

Таким образом, славянские языки, в целом подтверждая «факт относительной исторической недолговечности фузионных систем» [Плунгян, 2000, с. 66–67], эволюционируют в различных направлениях. Одни, как болгарский, типологически сблизилась с западноевропейскими аналитическими языками, особенно романскими, в других, как в польском, наблюдаются проявления «нового» синтетизма и, наконец, в русском возрастает синтаксическая изоляция.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Склонение существительных

Единственное число

Первое склонение

Падеж	Мужской род	Средний род
Им.	/stól-ø/ <i>стол</i> , /agón'-ø/ <i>огонь</i> , /g'én'ij-ø/ <i>гений</i>	/akn-ó/ <i>окно</i> , /čut'j-ó/ <i>чутьё</i> , /balót-a/ <i>болото</i> , /kládb'is:-i/ <i>кладбище</i> , /lôž-ы/ <i>ложка</i> , /p'it'ij-é/ <i>питие</i>
Род.	/stal-á/ <i>стала</i> , /agn'-á/ <i>огня</i> , /g'én'ij-a/ <i>гения</i>	/akn-á/ <i>окна</i> , /čut'j-á/ <i>чутья</i> , /balót-a/ <i>болота</i> , /kládb'is:-a/ <i>клад-</i> <i>бища</i> , /lôž-a/ <i>ложка</i> , /p'it'ij-á/ <i>пития</i>
Дат.	/stal-ú/ <i>столу</i> , /agn'-ú/ <i>огню</i> , /g'én'ij-u/ <i>гению</i>	/akn-ú/ <i>окну</i> ; /čut'j-ú/ <i>чутью</i> , / balót-u/ <i>болоту</i> ; /kládb'is:-u/ <i>клад-</i> <i>бищу</i> , /lôž-u/ <i>ложку</i> , /p'it'ij-ú/ <i>питию</i>
Вин.	как в им. или род. падежах	как в им. падеже
Тв.	/stal-óm/ <i>столом</i> , /agn'-óm/ <i>огнём</i> , /g'én'ij-im/ <i>гением</i>	/akn-óm/ <i>окном</i> , /čut'j-óm/ <i>чутьём</i> , /balót-am/ <i>болотом</i> , /kládb'is':-im/ <i>кладбищем</i> , /lôž-ым/ <i>ложкой</i> , /p'it'ij-ém/ <i>питием</i>
Предл.	/stal-é/ <i>столу</i> , /agn'-é/ <i>огню</i> , /g'én'ij-i/ <i>гению</i>	/akn-é/ <i>(об) окне</i> , /čut'j-é/ <i>(о) чутье</i> , /balót-i/ <i>(о) болоте</i> , /kládb'is':-i/ <i>(о) кладбище</i> , /lôž-ы/ <i>(о) ложке</i> , /p'it'ij-i/ <i>(о) питии</i>

Примечание. У одушевленных существительных совпадает облик форм вин. и род. падежей, у неодушевленных — вин. и им. падежей, ср.: *вижу стол* и *вижу слона*.

Второе склонение

Падеж	Женский, мужской и общий род
Им.	/bar ¹ b-á/ <i>борьб-а</i> , /d'ád'-i/ <i>дяд-я</i> , /alyč-á/ <i>алыч-а</i> , /l'il'i-i/ <i>лили-я</i> , /m'iz-á/ <i>меж-а</i> , /rós':-i/ <i>роц-а</i> , /radn'-á/ <i>родн-я</i> , /mám-a/ <i>мам-а</i> , /šv'ij-á/ <i>шве-я</i> , /čáš-/ <i>чаи-а</i> , /pláks-a/ <i>плакс-а</i>
Род.	/bar ¹ b-ы/ <i>борьб-ы</i> , /d'ád'-i/ <i>дяд-и</i> , /alyč-i/ <i>алыч-и</i> , /l'il'i-i/ <i>лили-и</i> , /m'iz-ы/ <i>меж-и</i> , /rós':-i/ <i>роц-и</i> , /radn'-i/ <i>родн-и</i> , /mám-ы/ <i>мам-ы</i> , /šv'i-i/ <i>шве-и</i> , /čáš-ы/ <i>чаи-и</i> , /pláks-ы/ <i>плакс-ы</i>
Дат.	/bar ¹ b'-é/ <i>борьб-е</i> , /d'ád'-i/ <i>дяд-е</i> , /alyč-é/ <i>алыч-е</i> , /l'il'i-i/ <i>лили-и</i> , /m'iz-é/ <i>меж-е</i> , /rós':-i/ <i>роц-е</i> , /radn'-é/ <i>родн-е</i> , /mám-i/ <i>мам-е</i> , /šv'ij-é/ <i>шве-е</i> , /čáš-ы/ <i>чаи-е</i> , /pláks'-i/ <i>плакс-е</i>
Вин.	/bar ¹ b-ú/ <i>борьб-у</i> , /d'ád'-u/ <i>дяд-ю</i> , /alyč-ú/ <i>алыч-у</i> , /l'il'ij-u/ <i>лили-ю</i> , /m'iz-ú/ <i>меж-у</i> , /rós':-u/ <i>роц-у</i> , /radn'-ú/ <i>родн-ю</i> , /mám-u/ <i>мам-у</i> , /šv'ij-ú/ <i>шве-ю</i> , /čáš-u/ <i>чаи-у</i> , /pláks-u/ <i>плакс-у</i>
Тв.	/bar ¹ b-ój/ <i>борьб-ой</i> , /d'ád'-ij/ <i>дяд-ей</i> , /alyč-ój/ <i>алыч-ой</i> , /l'il'i-ij/ <i>лили-ей</i> , /m'iz-ój/ <i>меж-ой</i> , /rós':-ij/ <i>роц-ей</i> , /radn'-ój/ <i>родн-ей</i> , /mám-aj/ <i>мам-ой</i> , /šv'ij-ój/ <i>шве-ей</i> , /čáš-ij/ <i>чаи-ей</i> , /pláks-aj/ <i>плакс-ой</i>
Предл.	/bar ¹ b'-é/ (о) <i>борьб-е</i> , /d'ád'-i/ (о) <i>дяд-е</i> , /alyč-é/ (об) <i>алыч-е</i> , /l'il'i-i/ (о) <i>лили-и</i> , /m'iz-é/ (о) <i>меж-е</i> , /rós':-i/ (о) <i>роц-е</i> , /radn'-é/ (о) <i>родн-е</i> , /mám'-i/ (о) <i>мам-е</i> , /šv'ij-é/ (о) <i>шве-е</i> , /čáš-ы/ (о) <i>чаи-е</i> , /pláks'-i/ (о) <i>плакс-е</i>

Третье склонение

Падеж	Женский, мужской и общий род
Им.	/sól'-ø/ <i>соль</i> , /l'ubóf'-ø/ <i>любовь</i> , /nóč'-ø/ <i>ночь</i> , /rós'-ø/ <i>рожь</i> , /dróž'-ø/ <i>дрожь</i>
Род.	/sól'-i/ <i>сол-и</i> , /l'ubv'-i/ <i>любв-и</i> , /nóč'-i/ <i>ноч-и</i> , /rž'-ы/ <i>рж-и</i> , /dróž'-ы/ <i>дрож-и</i>
Дат.	/sól'-i/ <i>сол-и</i> , /l'ubv'-i/ <i>любв-и</i> , /nóč'-i/ <i>ноч-и</i> , /rž'-ы/ <i>рж-и</i> , /dróž'-ы/ <i>дрож-и</i>
Вин.	как в им. падеже
Тв.	/sól'j-u/ <i>соль-ю</i> , /l'ubóvj-u/ <i>любовь-ю</i> , /nóč'j-u/ <i>ночь-ю</i> , /rós'j-u/ <i>рожь-ю</i> , /dróž'j-u/ <i>дрожь-ю</i>
Предл.	/sól'-i/ (о) <i>соли</i> , /l'ubv'-i/ (о) <i>любви</i> , /nóč'-i/ (о) <i>ночи</i> , /rž'-ы/ (о) <i>ржи</i> , /dróž'-ы/ (о) <i>дрож-и</i>

Примечание. Если учитывать не только орфографический, но и звуковой состав флексий, то существительные на -мя, а также существительные *время*, *путь* и *дитя* (*время* /vr'ém'-i/, *времени* /vr'ém'in'-i/, *времени* /vr'ém'in'-i/, *время* /vr'ém'-i/, *временем* /vr'ém'in'-im/, *времени* /vr'ém'in'-i/; *дитя* /d'it'-á/, *дитяти* /d'it'át'-i/, *дитяти* /d'it'át'-i/, *дитя* /d'it'-á/, *дитятей* /d'it'át'-ij/, (о) *дитяти* /d'it'át'-i/; *путь* /put'-ø/, *пути* /put'-i/, *пути* /put'-i/, *путь* /put'-ø/, *путём* /put'-óm/, (о) *пути* /put'-i/) следует рассматривать как разносклоняемые и не пытаться их объединить с каким-либо типом склонения.

Множественное число

Первое склонение

Падеж	Женский, мужской и общий род
Им.	/stal-ы/ <i>стол-ы</i> , /naž-ы/ <i>нож-и</i> , /pr'inc-ы/ <i>принц-ы</i> , /žyt'il'-i/ <i>жител-и</i> , /zr'él'is':-i/ <i>зрелищ-а</i> , /oč'-i/ <i>оч-и</i> , /pl'áž-ы/ <i>пляж-и</i>
Род.	/stal-óf/ <i>стол-ов</i> , /naž-éj/ <i>нож-ей</i> , /pr'inc-ыf/ <i>принц-ев</i> , /žyt'il'-ij/ <i>жител-ей</i> , /zr'él'is':-ø/ <i>зрелищ</i> , /ač-éj/ <i>оч-ей</i> , /pl'áž-ыj/ <i>пляж-ей</i>
Дат.	/stal-ám/ <i>стол-ам</i> , /naž-ám/ <i>нож-ам</i> , /pr'inc-am/ <i>принц-ам</i> , /žyt'il'-am/ <i>жител-ям</i> , /zr'él'is':-im/ <i>зрелищ-ам</i> , /ač-ám/ <i>оч-ам</i> , /pl'áž-am/ <i>пляж-ам</i>
Вин.	как в им. или род. падежах
Тв.	/stal-ám'i/ <i>стол-ами</i> , /naž-ám'i/ <i>нож-ами</i> , /pr'inc-am'i/ <i>принц-ами</i> , /žyt'il'-am'i/ <i>жител-ями</i> , /zr'él'is':-im'i/ <i>зрелищ-ами</i> , /ač-ám'i/ <i>оч-ами</i> , /pl'áž-am'i/ <i>пляж-ами</i>
Предл.	/stal-áx/ (о) <i>стол-ах</i> , /naž-áx/ (о) <i>нож-ах</i> , /pr'inc-ax/ (о) <i>принц-ах</i> , /žyt'il'-ax/ (о) <i>жител-ях</i> , /zr'él'is':-ix/ (о) <i>зрелищ-ах</i> , /ač-áx/ (об) <i>оч-ах</i> , /pl'áž-ax/ (о) <i>пляж-ах</i>

Второе склонение

Падеж	Женский, мужской и общий род
Им.	/kárt-ы/ <i>карт-ы</i> , /rós':-i/ <i>роц-и</i> , /d'ád'-i/ <i>дяд-и</i> , /pal'-á/ <i>пол-я</i>
Род.	/kárt-ø/ <i>карт</i> , /rós':-ø/ <i>роц</i> , /d'ád'-ij/ <i>дяд-ей</i> , /pal'-éj/ <i>пол-ей</i>
Дат.	/kárt-am/ <i>карт-ам</i> , /rós':-im/ <i>роц-ам</i> , /d'ád'-im/ <i>дяд-ям</i> , /pal'-ám/ <i>пол-ям</i>
Вин.	как в им. или род. падежах
Тв.	/kárt-am'i/ <i>карт-ами</i> , /rós':-im'i/ <i>роц-ами</i> , /d'ád'-im'i/ <i>дяд-ями</i> , /pal'-ám'i/ <i>пол-ями</i>
Предл.	/kárt-ax/ (о) <i>карт-ах</i> , /rós':-ix/ (о) <i>роц-ах</i> , /d'ád'-ix/ (о) <i>дяд-ях</i> , /pal'-áx/ (о) <i>пол-ях</i>

Третье склонение

Падеж	Женский, мужской и общий род
Им.	/nóč'-i/ <i>ноч-и</i> , /t'ěč'-i/ <i>теч-и</i> , /pùstaš-ы/ <i>пустош-и</i>
Род.	/nač-éj/ <i>ноч-ей</i> , /t'ěč'-ij/ <i>теч-ей</i> , /pùstaš-ыj/ <i>пустош-ей</i>
Дат.	/nač-ám/ <i>ноч-ам</i> , /t'ěč'-im/ <i>теч-ам</i> , /pùstaš-am/ <i>пустош-ам</i>
Вин.	как в им. или род. падежах
Тв.	/nač-ám'i/ <i>ноч-ами</i> , /t'ěč'-im'i/ <i>теч-ами</i> , /pùstaš-am'i/ <i>пустош-ами</i>
Предл.	/nač-áx/ (о) <i>ноч-ах</i> , /t'ěč'-ix/ (о) <i>теч-ах</i> , /pùstaš-ax/ (о) <i>пустош-ах</i>

Примечания.

Различие между склонениями во множественном числе стираются. Существительные разных склонений имеют одни и те же формы дат., тв. (за несколь-

кими исключениями) и предл. падежей. В формах им. и род. падежей имеются некоторые флексии, свойственные тому или иному типу склонения. Единственным точным указателем на тип склонения является ударное окончание /-á/, которое могут иметь только существительные мужского рода I склонения. Несмотря на разнообразие флексий род. падежа мн. числа, вид флексии не позволяет четко дифференцировать типы склонения. Однако можно отметить некоторые тенденции. Например, нулевое окончание в род. падеже мн. числа не встречается у существительных III склонения, а флексии /-of/, /-af/, /-if/, /-ыf/ (орфографически -ов/-ёв/-ев) — отличительная черта I склонения.

Ряд слов мужского рода I склонения имеет в им. падеже мн. числа ударное окончание /-á/ (орфографически -а и -я). Круг слов, у которых мн. число образуется подобным образом, не имеет четких семантических и грамматических характеристик. Часто эти формы выступают как варианты по отношению к формам с окончаниями -и/-ы, вариативность, в основном, стилистически маркирована: сферой употребления форм на /-á/ является разговорная и профессиональная речь; ср.: *договоры* — *договора* (разг.), *слесари* — *слесаря* (проф.). Небольшое количество слов в качестве нормативной имеет в им. падеже мн. числа только форму на /-á/ (напр., *века*). Иногда различие окончаний связано с различием значений: *цветы* 'растения' — *цвета* 'краски'.

У одушевленных существительных совпадает облик форм вин. и род. падежей, у неодушевленных — вин. и им. падежей, ср.: *вижу столы* и *вижу слонов*.

Склонение прилагательных

Адъективное склонение

С точки зрения правил написания и особенностей звукового оформления окончаний выделяют четыре разновидности адъективного склонения:

- 1) прилагательные с основой на парный твердый согласный;
- 2) прилагательные с основой на парный мягкий согласный и непарный мягкий шипящий;
- 3) прилагательные с основой на непарный твердый шипящий;
- 4) прилагательные с основой на заднеязычный согласный.

Склонение прилагательных с основой на парный твердый согласный

Падеж	Ед. число			
	мужской род		средний род	
Им.	/nóv-ыj/ <i>нов-ый</i>	/malad-ój/ <i>молод-ой</i>	/nóv-ai/ <i>нов-ое</i>	/malad-ói/ <i>молод-ое</i>
Род.	/nóv-ava/ <i>нов-ого</i>	/malad-óva/ <i>молод-ого</i>	как в мужском роде	
Дат.	/nóv-amu/ <i>нов-ому</i>	/malad-ómu/ <i>молод-ому</i>	как в мужском роде	
Вин.	как в им. или род. падежах		как в им. падеже	
Тв.	/nóv-ым/ <i>нов-ым</i>	/malad-ым/ <i>молод-ым</i>	как в мужском роде	
Предл.	/nóv-am/ (о) <i>нов-ом</i>	/malad-óm/ (о) <i>молод-ом</i>	как в мужском роде	

Примечание. В зависимости от одушевленности / неодушевленности существительного: *вижу новый дом*, но: *встретил нового председателя*.

Падеж	Женский род	
Им.	/nóv-aja/ <i>нов-ая</i>	/malad-ája/ <i>молод-ая</i>
Род.	/nóv-aj/ <i>нов-ой</i>	/malad-ój/ <i>молод-ой</i>
Дат.	/nóv-aj/ <i>нов-ой</i>	/malad-ój/ <i>молод-ой</i>
Вин.	/nóv-uju/ <i>нов-ую</i>	/malad-úju/ <i>молод-ую</i>
Тв.	/nóv-aj/ <i>нов-ой</i> /nóv-aju/ <i>нов-ою</i>	/malad-ój/ <i>молод-ой</i> , /malad-óju/ <i>молод-ою</i>
Предл.	/nóv-aj/ (о) <i>нов-ой</i>	/malad-ój/ <i>молод-ой</i>

Примечание. Прилагательные женского рода твердой разновидности имеют варианты формы тв. падежа на -ой/-ою. Форма на -ой является общелитературной, форма на -ою встречается в книжной (обычно поэтической) речи.

Падеж	Мн. число	
Им.	/nóv-ыi/ <i>нов-ые</i>	/malad-ыi/ <i>молод-ые</i>
Род.	/nóv-ых/ <i>нов-ых</i>	/malad-ы'x/ <i>молод-ых</i>
Дат.	/nóv-ым/ <i>нов-ым</i>	/malad-ы'm/ <i>молод-ым</i>
Вин.	как в им. или род. падежах	
Тв.	/nóv-ым'i/ <i>нов-ыми</i>	/malad-ым'i/ <i>молод-ыми</i>
Предл.	/nóv-ых/ (о) <i>нов-ых</i>	/malad-ы'x/ (о) <i>молод-ых</i>

Примечание. В зависимости от одушевленности / неодушевленности существительного: *вижу новые дома*, но *встретил молодых ученых*.

Склонение прилагательных с основой на мягкий согласный

Падеж	Ед. число		
	мужской род	средний род	женский род
Им.	/s'in'-ij/ <i>син-ий</i>	/s'in'-ii/ <i>син-ее</i>	/s'in'-ii/ <i>син-ья</i>
Род.	/s'in'-iva/ <i>син-его</i>	как в мужском роде	/s'in'-ij/ <i>син-ей</i>
Дат.	/s'in'-imu/ <i>син-ему</i>	как в мужском роде	/s'in'-ij/ <i>син-ей</i>
Вин.	как в им. или род. падежах	как в им. падеже	/s'in'-uju/ <i>син-юю</i>
Тв.	/s'in'-im/ <i>син-им</i>	как в мужском роде	/s'in'-ij/ <i>син-ей</i> , /s'in'-iju/ <i>син-ею</i>
Предл.	/s'in'-im/ (о) <i>син-ем</i>	как в мужском роде	/s'in'-ij/ (о) <i>син-ей</i>

Примечания.

При употреблении нормативных падежных форм прилагательных *бескрайний* / *бескрайный*, *междугородний* / *междугородный* в современном русском языке преобладают формы с основами на мягкий согласный.

Прилагательные женского рода мягкой разновидности имеют варианты формы тв. падежа на *-ей* / *-ею*. Форма на *-ей* является общелитературной, форма на *-ею* встречается в книжной (обычно поэтической) речи.

В зависимости от одушевленности / неодушевленности существительного: *вижу последний трамвай*, но *встретил последнего посетителя*.

Падеж	Мн. число
Им.	/s'in'-ii/ <i>син-ие</i>
Род.	/s'in'-ix/ <i>син-их</i>
Дат.	/s'in'-im/ <i>син-им</i>
Вин.	как в им. или род. падежах
Тв.	/s'in'-im/ <i>син-им</i>
Предл.	/s'in'-ix/ (о) <i>син-их</i>

Примечание. В зависимости от одушевленности / неодушевленности существительного: *вижу последние вагоны*, но *проводил последних посетителей*.

Склонение прилагательных с основой на непарный твердый шипящий

Падеж	Ед. число			
	мужской род		средний род	
Им.	/sv'ěž-ыj/ <i>свеж-ий</i>	/bal's-ój/ <i>больш-ой</i>	/sv'ěž-ыi/ <i>свеж-ее</i>	/bal's-ói/ <i>больш-ое</i>
Род.	/sv'ěž-ыva/ <i>свеж-его</i>	/bal's-óva/ <i>больш-ого</i>	как в мужском роде	
Дат.	/sv'ěž-ыmu/ <i>свеж-ему</i>	/bal's-ómu/ <i>больш-ому</i>	как в мужском роде	
Вин.	как в им. или род. падежах		как в им. падеже	
Тв.	/sv'ěž-ым/ <i>свеж-им</i>	/bal's-ým/ <i>больш-им</i>	как в мужском роде	
Предл.	/sv'ěž-ым/ (о) <i>свеж-ем</i>	/bal's-óm/ (о) <i>больш-ом</i>	как в мужском роде	

Примечание. В зависимости от одушевленности / неодушевленности существительного: *вижу большой дом*, но *заметил большого слона*.

Падеж	женский род	
Им.	/bal's-ái/ <i>больш-ая</i>	/sv'ěž- ai/ <i>свеж-ая</i>
Род.	/bal's-ój/ <i>больш-ой</i>	/sv'ěž-ыj/ <i>свеж-ей</i>
Дат.	/bal's-ój/ <i>больш-ой</i>	/sv'ěž-ыj/ <i>свеж-ей</i>
Вин.	/bal's- úju/ <i>больш-ую</i>	/sv'ěž-ыju/ <i>свеж-ую</i>
Тв.	/bal's-ój/ <i>больш-ой</i> , /bal's-óju/ <i>больш-ою</i>	/sv'ěž-ыj/ <i>свеж-ей</i> , /sv'ěž-ыju/ <i>свеж-ею</i>
Предл.	/bal's-ój/ (о) <i>больш-ой</i>	/sv'ěž-ыj/ (о) <i>свеж-ей</i>

Примечание.

Прилагательные женского рода на шипящий имеют варианты формы тв. падежа на *-ей* / *-ею*. Форма на *-ей* является общелитературной, форма на *-ею* встречается в книжной (обычно поэтической) речи.

Падеж	Мн. число	
Им.	/bal's-ы'i/ <i>больш-ие</i>	/sv'ěž-ыi/ <i>свеж-ие</i>
Род.	/bal's-ыx/ <i>больш-их</i>	/sv'ěž-ыx/ <i>свеж-их</i>
Дат.	/bal's-ым/ <i>больш-им</i>	/sv'ěž-ым/ <i>свеж-им</i>
Вин.	как в им. или род. падежах	
Тв.	/bal's-ым'i/ <i>больш-ими</i>	/sv'ěž-ым'i/ <i>свеж-ими</i>
Предл.	/bal's-ыx/ (о) <i>больш-их</i>	/sv'ěž-ыx/ (о) <i>свеж-их</i>

Примечание. В зависимости от одушевленности / неодушевленности существительного: *вижу большие холмы*, но *вижу больших слонов*.

Склонение прилагательных с основой на заднеязычный

Падеж	Ед. число		
	мужской род	средний род	женский род
Им.	/sux-ój/ <i>сух-ой</i> , /d'ík'-ij/ <i>дик-ий</i>	/sux-ói/ <i>сух-ое</i> , /d'ík-ai/ <i>дик-ое</i>	/sux-ái/ <i>сух-ая</i> , /d'ík-ai/ <i>дик-ая</i>
Род.	/sux-óva/ <i>сух-ого</i> , /d'ík-ava/ <i>дик-ого</i>	как в мужском роде	/sux-ój/ <i>сух-ой</i> , /d'ík-aj/ <i>дик-ой</i>
Дат.	/sux-ómu/ <i>сух-ому</i> , /d'ík-amu/ <i>дик-ому</i>	как в мужском роде	/sux-ój/ <i>сух-ой</i> , /d'ík-aj/ <i>дик-ой</i>
Вин.	как в им. или род. падежах	как в им. падеже	/sux-úju/ <i>сух-ую</i> , /d'ík- uju/ <i>дик-ую</i>
Тв.	/sux'-im/ <i>сух-им</i> , /d'ík'-im/ <i>дик-им</i>	как в мужском роде	/sux-ój/ <i>сух-ой</i> , /sux-óju/ <i>сух-ою</i> , /d'ík-aj/ <i>дик-ой</i> , /d'ík-aju/ <i>дик-ою</i>
Предл.	/sux-óm/ (о) <i>сух-ом</i> , /d'ík-am / (о) <i>дик-ом</i>	как в мужском роде	/sux-ój/ (о) <i>сух-ой</i> , /d'ík-aj/ (о) <i>дик-ой</i>

Примечания.

В зависимости от одушевленности / неодушевленности существительного: *вижу сухое дерево*, но *вижу дикого кабана*.

Прилагательные женского рода на заднеязычный имеют варианты формы тв. падежа на *-ой* / *-ою*. Форма на *-ой* является общелитературной, форма на *-ою* встречается в книжной (обычно поэтической) речи.

Падеж	Мн. число
Им.	/sux'-ii/ <i>сух-ие</i> , /d'ik'-ii/ <i>дик-ие</i>
Род.	/sux'-ix/ <i>сух-их</i> , /d'ik'-ix/ <i>дик-их</i>
Дат.	/sux'-im/ <i>сух-им</i> , /d'ik'-im/ <i>дик-им</i>
Вин.	как в им. или род. падежах
Тв.	/sux'-im'i/ <i>сух-ими</i> , /d'ik'-im'i/ <i>дик-ими</i>
Предл.	/sux'-ix/ (<i>о</i>) <i>сух-их</i> , /d'ik'-ix/ (<i>о</i>) <i>дик-их</i>

Примечание. В зависимости от одушевленности / неодушевленности существительного: *вижу сухие деревья*, но *вижу диких животных*.

Смешанное (притяжательное) склонение

Падеж	Ед. число		Мн. число
	мужской и средний род	женский род	
Им.	/acc-óf-ø/ <i>отц-ов</i> (дом), /acc-óv-a/ <i>отц-ов-о</i> (лицо)	/acc-óv-a/ <i>отц-ов-а</i> (рука)	/acc-óv-ы/ <i>отц-ов-ы</i> (шаги)
Род.	/acc-óv-a/ <i>отц-ов-а</i> (дома, лица)	/acc-óv-aj/ <i>отц-ов-ой</i> (руки)	/acc-óv-ых/ <i>отц-ов-ых</i> (шагов)
Дат.	/acc-óv-u/ <i>отц-ов-у</i> (дому, лицу)	/acc-óv-aj/ <i>отц-ов-ой</i> (руке)	/acc-óv-ым/ <i>отц-ов-ым</i> (шагам)
Вин.	как в им. или род. падежах	/acc-óv-u/ <i>отц-ов-у</i> (руку)	как в им. или род. падежах
Тв.	/acc-óv-ым/ <i>отц-ов-ым</i> (домом, лицом)	/acc-óv-aj/ <i>отц-ов-ой</i> (рукой)	/acc-óv-ыми/ <i>отц-ов-ыми</i> (шагами)
Предл.	/acc-óv-am/ (<i>об</i>) <i>отц-ов-ом</i> (доме, лице)	/acc-óv-aj/ (<i>об</i>) <i>отц-ов-ой</i> (руке)	/acc-óv-ых/ (<i>об</i>) <i>отц-ов-ых</i> (шагах)

Примечания.

Притяжательные прилагательные с суффиксом /-j-/ типа *лисий* имеют краткие (субстантивные) окончания только в им. и совпадающем с ним (при неодушевленных существительных) вин. падежах: *лисий* /l'is'ij-ø/ (нулевое окончание), *лись-я* /l'is'j-i/, *лись-е* /l'is'j-i/, *лись-и* /l'is'j-i/. Остальные их окончания в графической форме не отличаются от собственно адъективных.

Притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин* /-in-/ типа *бабушкин* первоначально склонялись так же, как и притяжательные прилагательные с суффиксом *-ов*. В настоящее же время в этих формах используются преимущественно собственно адъективные (полные) окончания.

Склонение местоимений

Склонение личных местоимений

Падеж	1-е и 2-е лицо			
	ед. число		мн. число	
Им.	/j-á/ я	/t'í-ø/ ты	/m-í/ мы	/v-í/ вы
Род.	/m'in'-á/ <i>мен-я</i>	/t'ib'-á/ <i>теб-я</i>	/n-ás/ <i>н-ас</i>	/v-ás/ <i>в-ас</i>
Дат.	/mn'-é/ <i>мн-е</i>	/t'ib'-é/ <i>теб-е</i>	/n-ám/ <i>н-ам</i>	/v-ám/ <i>в-ам</i>
Вин.	/m'in'-á/ <i>мен-я</i>	/t'ib'-á/ <i>теб-я</i>	/n-ás/ <i>н-ас</i>	/v-ás/ <i>в-ас</i>
Тв.	/mn'-ój/ <i>мн-ой</i> , /mn'-óju/ <i>мн-ою</i>	/tab'-ój/ <i>тоб-ой</i> , /tab'-óju/ <i>тоб-ою</i>	/n-ámi/ <i>н-ами</i>	/v-ámi/ <i>в-ами</i>
Предл.	/mn'-é/ (<i>обо</i>) <i>мн-е</i>	/t'ib'-é/ (<i>о</i>) <i>теб-е</i>	/n-ás/ (<i>о</i>) <i>н-ас</i>	/v-ás/ (<i>о</i>) <i>в-ас</i>

Примечание. Существует иной принцип деления личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа на основу и флексию в косвенных падежах: *на-с*, *ва-с* в род. и вин. падежах; *на-м*, *ва-м* — в дат. падеже; *на-ми*, *ва-ми* — в тв. падеже; *на-с*, *ва-с* — в предл. падеже¹. Однако такие окончания не характерны для других частей речи, в то время как членение, представленное в таблице, демонстрирует определенное единство местоимений *я*, *ты* и *мы*, *вы*, при склонении которых в большинстве падежей используются продуктивные флексии субстантивного склонения. Отличительной особенностью склонения личных местоимений при таком подходе оказывается только нулевая флексия в им. падеже у местоимения *ты* и флексия /-a/ в род. и вин. падежах для местоимений *я*, *ты*, а также флексия /-as/, характерная только для словоизменения личных местоимений мн. числа.

Падеж	3-е лицо		
	ед. число		мн. число
Им.	/ón-ø/ <i>он-ø</i> , /an-ó/ <i>он-о</i>	/an-á/ <i>он-а</i>	/an'-i/ <i>он-и</i>
Род.	/j-ivó/ <i>его</i>	/j-ijó/ <i>её</i>	/ø-ix/ <i>их</i>
Дат.	/j-imú/ <i>ему</i>	/j-éj/ <i>ей</i>	/ø-ím/ <i>им</i>
Вин.	/j-ivó/ <i>его</i>	/j-ijó/ <i>её</i>	/ø-ix/ <i>их</i>
Тв.	/ø-ím/ <i>им</i>	/j-éj/ <i>ей</i> , /j-éju/ <i>ейо</i>	/ø-ím'i/ <i>ими</i>
Предл.	/n'-óm/ (<i>о</i>) <i>нём</i>	/n'-éj/ (<i>о</i>) <i>ней</i>	/n'-ix/ (<i>о</i>) <i>них</i>

Примечания.

Местоимение 3-го лица *он* (*он*, *она*, *оно*, *они*) изменяется по смешанному склонению, в котором используются падежные флексии существительных и прилагательных. Супплетивизм основ при склонении этого местоимения связан с происхождением падежных форм от разных слов: основа именительного

¹ См., напр. [Шанский, Тихонов, 1981, ч. II, с. 151].

падежа восходит к указательному местоимению *онь* ('*тот, оный*'), а основа косвенных падежей — к формам другого указательного местоимения, именной падеж которого полностью утрачен современным языком как самостоятельная форма². В им. падеже основой, совпадающей с корнем, является *он-*, а в косвенных — /j-/, который фонетически реализуется не во всех формах, в связи с чем его иногда называют этимологическим³. Логика синхронического анализа языка требует определения подобной основы как нулевой, что вступает в некоторое противоречие с определением корня в качестве основного носителя лексического значения слова. Возможность существования нулевых корней подтверждается практически общепризнанным примером слова *вынуть*, хотя оно и является единственным примером, иллюстрирующим нулевую основу в «Словаре морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Н. Ефремовой.

Еще одной особенностью склонения местоимения он является замена начальной фонемы /j-/ на фонему /n'/: /j-imú/ *ему*, но /k-n'-imú/ *к нему* — или добавление фонемы /n'/ [im/ *им*, но /k-n'-im/ *к ним*, которое происходит в сочетаниях местоимений с предлогами. Эти формы называются припредложными, первоначально они возникли в сочетаниях местоимений с предлогами *в, с, к*, которые оканчивались на носовой согласный (*вн, сн, кн*). В дальнейшем конечный согласный предлога стал восприниматься как начальное /n'/ местоимений. По аналогии с этими сочетаниями начальное /n'/ появилось и после других первообразных и некоторых производных предлогов: *у него, перед ним, сквозь него* и т. д. Однако после производных предлогов позднейшего образования (*благодаря, вопреки, навстречу* и др.) припредложная форма не употребляется: *возле него, но навстречу ему*.

Припредложная форма *ней* с предлогами *от* и *у* (вместо нормативной *неё*) характерна для просторечия. Эта же форма возможна в литературном языке в поэтической речи: *Красивые, ровные зубы, / Что крупные перлы у ней* (Н. Некрасов).

Склонение возвратного местоимения СЕБЯ

Им.	нет
Род.	/s'ib'-á/ <i>себя</i>
Дат.	/s'ib'-é/ <i>себе</i>
Вин.	/s'ib'-á/ <i>себя</i>
Тв.	/sab-ój/ <i>соб-ой</i> , /sab-óju/ <i>соб-ою</i>
Предл.	/s'ib'-é/ (о) <i>себе</i>

Примечание. Возвратное местоимение *друг друга* тоже не имеет формы им. падежа. Оно включает в себя первый неизменяемый элемент *друг*, второе слово изменяется по субстантивному склонению.

² На основе слияния этих указательных местоимений с краткими прилагательными образовались современные полные прилагательные, в формах которых сохранились следы древних местоимений. Присоединение указательного местоимения придавало древнерусскому краткому прилагательному значение определенности.

³ Отсутствие реализации /j/ в качестве одного из вариантов нормативного произношения возможно в безударной позиции и в других формах (напр., *его* может быть реализовано как /j-ivó/ и /ivó/), что еще больше расширяет круг форм, в которых можно говорить о нулевой основе (нулевом корне).

Склонение местоимений КТО и ЧТО

Падеж	Кто	Что
Им.	/k-tó/ <i>кто-о</i>	/št-ó/ <i>что-о</i>
Род.	/k-avó/ <i>к-ого</i>	/č-ivó/ <i>ч-его</i>
Дат.	/k-amú/ <i>к-ому</i>	/č-imú/ <i>ч-ему</i>
Вин.	/k-avó/ <i>к-ого</i>	/št-ó/ <i>что-о</i>
Тв.	/k'-ém/ <i>к-ем</i>	/č-ém/ <i>ч-ем</i>
Предл.	/k-óm/ (о) <i>ком</i>	/č-óm/ (о) <i>чём</i>

Склонение числительных

Склонение числительных ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ

Падеж	Два	Три, четыре
Им.	/dv-á/ <i>два-а</i> , /dv'-é/ <i>две-е</i>	/tr'-í/ <i>тр-и</i> , /čityr'-í/ <i>четыре-е</i>
Род.	/dv-úx/ <i>дв-ух</i>	/tr'-óx/ <i>тр-эх</i> , /čityr'-óx/ <i>четыре-эх</i>
Дат.	/dv-úm/ <i>дв-ум</i>	/tr'-óm/ <i>тр-ём</i> , /čityr'-óm/ <i>четыре-ём</i>
Вин.	как в им. или род. падежах	
Тв.	/dvum'-á/ <i>дв-умя</i>	/tr'im'-á/ <i>тр-емя</i> , /čityr'-m'a/ <i>четыре-мя</i>
Предл.	/dv-úx/ (о) <i>дв-ух</i>	/tr'-óx/ (о) <i>тр-эх</i> , /čityr'-óx/ (о) <i>четыре-эх</i>

Примечание. Числительные *два, три* и *четыре* обозначают одушевленность или неодушевленность тех существительных, с которыми они сочетаются: *вижу две (три, четыре) книги*, но *встретил двух (трех, четырех) студентов*. Ср.: *вижу пять книг; встретил пять студентов*.

Склонение числительных от ПЯТИ до ДЕСЯТИ и всех числительных на -дцать и -десять

Падеж	Числительные от пяти до десяти	Числительные на -дцать	Числительные на -десять
Им.	/p'át'-ø/ <i>пять</i> , /vós'im'-ø/ <i>восемь</i>	/p'itnáccat'-ø/ <i>пятнадцать</i>	/p'id'-ø-d'is'át'-ø/ <i>пятьдесят</i> , /vós'im'-ø-d'is'it'-ø/ <i>восемьдесят</i>
Род.	/p'it'-í/ <i>пят-и</i> , /vas'm'-í/ <i>восемь-и</i>	/p'itnáccat'-í/ <i>пятнадцать-и</i>	/p'it'-í-d'is'it'-í/ <i>пят-и-десять-и</i> , /vas'm'-í-d'is'it'-í/ <i>восемь-и-десять-и</i>
Дат.	/p'it'-í/ <i>пят-и</i> , /vas'm'-í/ <i>восемь-и</i>	/p'itnáccat'-í/ <i>пятнадцать-и</i>	/p'it'-í-d'is'it'-í/ <i>пят-и-десять-и</i> , /vas'm'-í-d'is'it'-í/ <i>восемь-и-десять-и</i>
Вин.	как в им. падеже		

Падеж	Числительные от пяти до десяти	Числительные на -дцать	Числительные на -десять
Тв.	/p'it'j-ú/ пять-ю, /vas'imj-u/ восемь-ю, /vas'mj-ú/ восемь-ю	/p'itnácát'-ju/ пятнадцать-ю	/p'it'-jú-d'is'it'-ju/ пять-ю-десять-ю, /vas'im-jú-d'is'it'-ju/ восемь-ю-десять-ю, /vasm-jú-d'is'it'-ju/ восемь-ю-десять-ю
Предл.	/p'it'-i/ (о) пять-и, /vas'm'-i/ (о) восемь-и	/p'itnácát'-i/ (о) пятна- дцат-и	/p'it'id'-i-s'it'-i/ (о) пять-и-десять-и, /vas'm'-i-d'is'it'-i/ (о) восемь-и-десять-и

Примечание. Числительные *восемь* и *восемьдесят* в формах тв. падежа имеют варианты формы: *восьмью* (разг.) и *восемью*, *восмьюдесятью* (разг.) и *восемьюдесятью*. Для числительных на -десять форма тв. падежа типа *пятидесятью*, *шестидесятью* вместо *пятьюдесятью*, *шестьюдесятью*, *своиственная* разговорной речи, на письме недопустима.

Склонение числительных ДВЕСТИ, ТРИСТА, ЧЕТЫРЕСТА и всех числительных на -сот

Падеж	Двести	Четыреста (триста)	Числительные на -сот
Им.	/dv'-é-s't'-i/ дв-ест-и	/čityr' r'-i-st-a/ четыр-е-ст-а	/p'it-ø-sót-ø/ пять-сот
Род.	/dv-ux-sót-ø/ дв-ух-сот	/čityr'-óx-sót-ø/ четыр-эх-сот	/p'it'-i-sót-ø/ пять-и-сот
Дат.	/dv-um-st-ám/ дв-ум-ст-ам	/čityr'-óm-st-ám/ четыр-ём-ст-ам	/p'it'-i-st-ám/ пять-и-ст-ам
Вин.	как в им. падеже		
Тв.	/dv-um'á-st-ám'i/ дв-умя-ст-ами	/čityr'm'á-st-ám'i/ четырь-мя-ст-ами	/p'it'-ju-st-ám'i/ пять-ю-ст-ами
Предл.	/dv-ux-stáx/ (о) дв-ух-ст-ах	/čityr'-óx-st-áx/ (о) четыр-эх-стах	/p'it'-i-st-áx/ (о) пять-и-ст-ах

Примечание. Для числительных на -сот форма тв. падежа типа *пятистами*, *шестистами* вместо *пятьюстами*, *шестьюстами*, *своиственная* разговорной речи, на письме недопустима.

Склонение числительных СОРОК, ДЕВЯНОСТО, СТО

Падеж	Сорок	Девяносто	Сто
Им.	/sórak-ø/ сорок	/d'iv'inóst-a/ девяност-о	/st-ó/ ст-о
Род.	/sarak-á/ сорок-а	/d'iv'inóst-a/ девяност-а	/st-á/ ст-а
Дат.	/sarak-á/ сорок-а	/d'iv'inóst-a/ девяност-а	/st-á/ ст-а
Вин.	как в им. падеже		
Тв.	/sarak-á/ сорок-а	/d'iv'inóst-a/ девяност-а	/st-á/ ст-а
Предл.	/sarak-á/ сорок-а	/d'iv'inóst-a/ девяност-а	/st-á/ ст-а

Склонение собирательных числительных

Падеж	Двое	Четверо
Им.	/dvó-i/ дво-е	/čétv'ir-a/ четвер-о
Род.	/dva-ix/ дво-их	/čitv'ir-ých/ четвер-ых
Дат.	/dva-ím/ дво-им	/čitv'ir-ým/ четвер-ым
Вин.	как в им. или род. падежах	
Тв.	/dva-ím'i/ дво-ими	/čitv'ir-ým'i/ четвер-ыми
Предл.	/dva-ix/ (о) дво-их	/čitv'ir-ých/ (о) четвер-ых

Примечание. Облик формы вин. падежа зависит от одушевленности / неодушевленности существительных, с которыми сочетаются собирательные числительные: *не спал двое суток*, но *встретил двух студентов*.

Формообразование глагола

Спряжение глагола

Глагольные словоформы	I спряжение		Глагольные словоформы	II спряжение	
	ударное окончание	безударное окончание		ударное окончание	безударное окончание
/trón-u/ трон-у, /iš'-ú/ ищ-у	/-ú/	/-u/	/strój-u/ стро-ю, /čin'-ú/ чин-ю	/-ú/	/-u/
/načú-iš/ ночу-ишь, /p'íš-ыš/ пиш-ишь, /žuj-óš/ жу-ишь	/-óš/	/-iš/ /-ыš/	/tóč-iš/ точ-ишь, /m'il'č-iš/ мельч-ишь, /mnóž-ыš/ множ-ишь, /kruš-ыš/ круш-ишь	/-iš/ /-ыš/	/-iš/ /-ыš/
/t'ir'á-it/ тря-ет, /razv'ázыва-ic-ca/ развяза-ет-ся, /p'íš-ыт/ пиш-ет, /v'áž-ыс-ca/ вяж-ет-ся, /žuj-ót/ жу-ёт, /paj-óc-ca/ по-ёт-ся	/-ót/ /-óc/	/it/ /-ic/ /-ыт/ /-ыс/	/b'él'-it/ бел-ит, /kr'ič-ít/ крич-ит, /smótr'-ic-ca/ смотр-ит-ся, /gna-íc-ca/ гно-ит-ся, /mnóž-ыт/ множ-ит, /kruš-ыт/ круш-ит, /nadúš-ыс-ca/ надуш-ит-ся, /šyluš-ыс-ca/ шелуш-ит-ся	/-ít/ /-íc/ /-ыт/ /-ыс/	/-it/ /-ic/ /-ыт/ /-ыс/
/mókn-im/ моkn-ем, /kl'uj-óm/ клюю-ём, /v'áž-ым/ вяж-ем	/-óm/	/-im/ /-ым/	/smótr'-im/ смотр-им, /smal'-ím/ смол-им, /mnóž-ым/ множ-им, /kruš-ым/ круш-им	/-ím/ /-ым/	/-im/ /-ым/

Глагольные словоформы	I спряжение		Глагольные словоформы	II спряжение	
	ударное окончание	безударное окончание		ударное окончание	безударное окончание
/r'isú-it'i/ <i>пису-ете</i> , /máš-ýt'i/ <i>маши-ете</i> , /b'ir'-ót'i/ <i>бер-ёте</i>	/-ót'i/	/-it'i/ /-ýt'i/	/t'érp'-ít'i/ <i>терп-ите</i> , /gna-ít'i/ <i>гно-ите</i> , /nadúš-ýt'i/ <i>надуши-ите</i> , /kruš-ýt'i/ <i>круши-ите</i>	/-ít'i/ /-ýt'i/	/-ít'i/ /-ýt'i/
/načúj-ut/ <i>ночу-ют</i> , /s't'ir'ig-út/ <i>стерег-ют</i> , /rastr'épl'-uc-ca/ <i>растрепл-ют-ся</i> , /razb'ig-úc-ca/ <i>разбег-ют-ся</i>	/-út/ /-úc/	/-ut/ /-uc/	/nadúš-at/ <i>надуши-ат</i> , /gnaj-át/ <i>гно-ят</i> , /strój-it/ <i>стро-ят</i> , /nadúš-ac-sy/ <i>надуши-ат-ся</i> , /gnaj-ác-ca/ <i>гно-ят-ся</i> , /stró-ic-ca/ <i>стро-ят-ся</i>	/át/ /ac/ /ác/ /ic/	/-at/ /it/ /ac/ /ic/

**Образцы образования форм глаголов продуктивных
словоизменительных классов**

Глагольные словоформы	Номер класса	Тип формы	Время	Лицо	Число	Род	Залог причастия
<i>играть</i> /igrá-t'/	1	инфинитив					
<i>играю</i> /igráj-u/	1	личная	настоящее	1	ед.		
<i>играешь</i> /igrá-iš/	1	личная	настоящее	2	ед.		
<i>играет</i> /igrá-it/	1	личная	настоящее	3	ед.		
<i>играем</i> /igrá-im/	1	личная	настоящее	1	мн.		
<i>играете</i> /igrá-it'i/	1	личная	настоящее	2	мн.		
<i>играют</i> /igráj-ut/	1	личная	настоящее	3	мн.		
<i>играл</i> /igrá-l-ø/	1	личная	прошедшее		ед.	м.	
<i>играла</i> /igrá-l-a/	1	личная	прошедшее		ед.	ж.	
<i>играло</i> /igrá-l-a/	1	личная	прошедшее		ед.	ср.	
<i>игралаи</i> /igrá-l'-i/	1	личная	прошедшее		мн.		
<i>играя</i> /igrá-i/	1	деепричастие					

<i>играющий</i> /igráj-uš'-ij/	1	причастие	настоящее		ед.	м.	действительный
<i>игравший</i> /igrá-fš-ыj/	1	причастие	прошедшее		ед.	м.	действительный
<i>играемый</i> /igrá-im-ыj/	1	причастие	настоящее		ед.	м.	страдательный
<i>игранный</i> /igra-nn-ыj/	1	причастие	прошедшее		ед.	м.	страдательный
<i>играй</i> /igráj-ø/	1	императив			ед.		
<i>играйте</i> /igráj-t'i/	1	императив			мн.		
<i>белеть</i> /b'il'é-t'/	2	инфинитив					
<i>белёю</i> /b'il'éj-u/	2	личная	настоящее	1	ед.		
<i>белёшь</i> /b'il'é-iš/	2	личная	настоящее	2	ед.		
<i>белёт</i> /b'il'é-it/	2	личная	настоящее	3	ед.		
<i>белеем</i> /b'il'é-im/	2	личная	настоящее	1	мн.		
<i>белёете</i> /b'il'é-it'i/	2	личная	настоящее	2	мн.		
<i>белёют</i> /b'il'éj-ut/	2	личная	настоящее	3	мн.		
<i>белёл</i> /b'il'é-l-ø/	2	личная	прошедшее		ед.	м.	
<i>белела</i> /b'il'é-l-a/	2	личная	прошедшее		ед.	ж.	
<i>белело</i> /b'il'é-l-a/	2	личная	прошедшее		ед.	ср.	
<i>белели</i> /b'il'é-l'-i/	2	личная	прошедшее		мн.		
<i>белёя</i> /b'il'é-i/	2	деепричастие					
<i>белёющий</i> /b'il'éj-uš'-ij/	2	причастие	настоящее		ед.	м.	действительный
<i>белёвший</i> /b'il'é-fš-ыj/	2	причастие	прошедшее		ед.	м.	действительный
<i>белэй</i> /b'il'éj/	2	императив			ед.		
<i>белёйте</i> /b'il'éj-t'i/	2	императив			мн.		

<i>рисовать</i> /risová-t'/	3	инфинитив					
<i>рису</i> /risúj-u/	3	личная	настоящее	1	ед.		
<i>рисуешь</i> /risú-iš/	3	личная	настоящее	2	ед.		
<i>рисует</i> /risú-it/	3	личная	настоящее	3	ед.		
<i>рисует</i> /risú-im/	3	личная	настоящее	1	мн.		
<i>рисуете</i> /risú-it'i/	3	личная	настоящее	2	мн.		
<i>рисуют</i> /risúj-ut/	3	личная	настоящее	3	мн.		
<i>рисовал</i> /risavá-l-ø/	3	личная	прошедшее		ед.	м.	
<i>рисовала</i> /risavá-l-a/	3	личная	прошедшее		ед.	ж.	
<i>рисовало</i> /risavá-l-a/	3	личная	прошедшее		ед.	ср.	
<i>рисовали</i> /risavá-l'-i/	3	личная	прошедшее		мн.		
<i>рисуя</i> /risú-i/	3	деепричастие					
<i>рисующий</i> /risúj-uš':-ij/	3	причастие	настоящее		ед.	м.	действительный
<i>рисовавший</i> /risavá-fš-ыj/	3	причастие	прошедшее		ед.	м.	страдательный
<i>рисуемый</i> /risú-im-ыj/	3	причастие	настоящее		ед.	м.	действительный
<i>рисуи</i> /risúj-ø/	3	императив			ед.		
<i>рисуите</i> /risúj-ø-t'i/	3	императив			мн.		
<i>хлынуть</i> /hlynú-t'/	4	инфинитив					
<i>хлыну</i> /hlyń-u/	4	личная	будущее	1	ед.		
<i>хлынешь</i> /hlyń'-iš/	4	личная	будущее	2	ед.		
<i>хлынет</i> /hlyń'-it/	4	личная	будущее	3	ед.		
<i>хлынем</i> /hlyń'-im/	4	личная	будущее	1	мн.		
<i>хлынете</i> /hlyń'-it'i/	4	личная	будущее	2	мн.		
<i>хлынут</i> /hlyń-ut/	4	личная	будущее	3	мн.		
<i>хлынул</i> /hlyńu-l/	4	личная	прошедшее		ед.	м.	
<i>хлынула</i> /hlyńu-l-a/	4	личная	прошедшее		ед.	ж.	

<i>хлынуло</i> /hlyńu-l-a/	4	личная	прошедшее		ед.	ср.	
<i>хлынули</i> /hlyńu-l'-i/	4	личная	прошедшее		мн.		
<i>хлынув</i> /hlyńu-f/	4	деепричастие					
<i>хлынувший</i> /hlyńu-fš-ыj/	4	причастие	прошедшее		ед.	м.	действительный
<i>хлынь</i> /hlyń'-ø/	4	императив			ед.		
<i>хлыньте</i> /hlyń'-ø-t'i/	4	императив			мн.		
<i>говорить</i> /gavar'-it'/	5	инфинитив					
<i>говорю</i> /gavar'-ú/	5	личная	настоящее	1	ед.		
<i>говоришь</i> /gavar'-iš/	5	личная	настоящее	2	ед.		
<i>говорит</i> /gavar'-it/	5	личная	настоящее	3	ед.		
<i>говорим</i> /gavar'-im/	5	личная	настоящее	1	мн.		
<i>говорите</i> /gavar'-it'i/	5	личная	настоящее	2	мн.		
<i>говорят</i> /gavar'-át/	5	личная	настоящее	3	мн.		
<i>говорил</i> /gavar'i-l-ø/	5	личная	прошедшее		ед.	м.	
<i>говорила</i> /gavar'i-l-a/	5	личная	прошедшее		ед.	ж.	
<i>говорило</i> /gavar'i-l-a/	5	личная	прошедшее		ед.	ср.	
<i>говорили</i> /gavar'i-l'-i/	5	личная	прошедшее		мн.		
<i>говоря</i> /gavar'-á/	5	деепричастие					
<i>говорящий</i> /gavar'-áš':-ij/	5	причастие	настоящее		ед.	м.	действительный
<i>говоривший</i> /gavar'i'-fš-ыj/	5	причастие	прошедшее		ед.	м.	действительный
<i>говоримый</i> /gavar'-im-ыj/	5	причастие	настоящее		ед.	м.	страдательный
<i>говоренный</i> /gavór'-inn-ыj/	5	причастие	прошедшее		ед.	м.	страдательный
<i>говори</i> /gavar'-i/	5	императив			ед.		
<i>говорите</i> /gavar'-i-t'i/	5	императив			мн.		

Использованная литература

- Абакумов, 1942 — *Современный русский литературный язык*. М., 1942.
- Абросимова, 1985 — *Абросимова Т. А.* Рефлексивные конструкции в испанском, итальянском и французском языках // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985.
- Аванесов, 1971 — *Аванесов Р. И.* Заметки по русской фонетике: о фонеме <ж> в заударных слогах после согласных // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.
- Аванесов, Сидоров, 1945 — *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики современного русского литературного языка. Ч. I: фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1945.
- Авилова, 1976 — *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Адамец, 1978 — *Адамец П.* Образование предложений из пропозиций // Acta Universitatis Carolinae: Philologica Monographia. Praha, 1978.
- Адмони, 1961 — *Адмони В. Г.* Партиктурное строение речевой цепи и системы грамматических значений в предложении // Филол. науки. 1961. № 3.
- Адмони, 1968 — *Адмони В. Г.* Полевая природа частей речи (на материале числительных) // Вопросы теории частей речи: на материале языков различных типов. Л., 1968.
- Адмони, 1973 — *Адмони В. Г.* Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения. Л., 1973.
- Акимова, 1993 — *Акимова Т. Г.* Значение совершенного вида в отрицательных предложениях в русском языке // Вопр. языкозн. 1993. № 1.
- Акимова, 1998 — *Акимова Г. Н.* Различные формы проявления аналитизма в современном русском грамматическом строе // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.
- Акимова, Козинцева, 1996 — *Акимова Т. Г., Козинцева Н. А.* Значение качественной характеристики в конструкциях с глагольными предикатами // Теория функциональной грамматики: качественность, количественность. СПб., 1996.
- Аксаков, 1875 — *Аксаков К. С.* Собрание сочинений. Т. II. М., 1875.
- Аксаков, 1880 — *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики. СПб., 1880.
- Алисова, 1980 — *Алисова Т. Б.* Константы языкового развития и типология романских языков // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 1.
- Аналитические конструкции, 1965 — *Аналитические конструкции в языках различных типов*. М.; Л., 1965.
- Андреев, 1885 — *Андреев В. Ф.* Знаменательные и служебные слова в русской речи // Журнал министерства народного просвещения. 1885. № 10.
- Анштатт, 2004 — *Анштатт Т.* Актуально-длительная функция у многозначных глаголов несовершенного вида в русском языке // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 4. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Апресян, 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян, 1985 — *Апресян Ю. Д.* Принципы описания значения граммем // Типология конструкций с предикантными актантами. Л., 1985.
- Апресян, 1988 — *Апресян Ю. Д.* Морфологическая информация для толкового словаря // Словарные категории. М., 1988.
- Апресян, 1996 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II: интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Апресян, 2000 — *Апресян Ю. Д.* Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. Вып. 3. М., 2000.
- Арбатский, 1970 — *Арбатский Д. И.* Формы множественного числа со значением длительности, протяженности // Рус. язык в школе. 1970. № 6.
- Арбатский, 1972 — *Арбатский Д. И.* Множественное число гиперболическое // Русский язык в школе. 1972. № 5.
- Аристотель, 1975 — *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М., 1975.
- Арутюнова, 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова, 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.
- Арутюнова, 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Безличность и неопределенность // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Ахманова, 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бабайцева, 1967 — *Бабайцева В. В.* Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967.
- Бабайцева, 1989 — *Бабайцева В. В.* Система членов предложения в современном русском языке. М., 1989.
- Бабайцева, Чеснокова, 1994 — *Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д.* Русский язык: теория: учебник для 5–9 классов общеобраз. учеб. заведений. 3-е изд. М., 1994.
- Балли, 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и французская лингвистика. М., 1955.
- Баранов и др., 1993; 2006 — *Баранов М. Т., Костяева Т. А., Прудникова А. В.* Русский язык: справ. матер.: учеб. пособие для учащихся / под ред. Н. М. Шанского. 6-е изд. М., 1993; 9-е изд. 2006.
- Барентсен, 1973 — *Барентсен А.* К описанию семантики категорий 'вид' и 'время': на материале современного русского литературного языка // Tijdschrift voor Slavische Taal- en Letterkunde, 2. Amsterdam, 1973.
- Барентсен, 1978 — *Барентсен А.* Наблюдения над функционированием союза пока // Dutch contributions to the VIII International Congress of Slavists. The Hague, 1978.
- Барентсен, 2004 — *Барентсен А.* О некоторых изменениях в употреблении выражений призыва к совместному действию в русских текстах последних двух столетий // Time flies: Festschrift for William Veder. Amsterdam, 2004.
- Барсов, 1981 — «*Российская грамматика*» Антона Алексеевича Барсова / под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981.
- Басманова, 1977 — *Басманова А. Г.* Именные грамматические категории в современном французском языке. М., 1977.
- Белошапкова, 1977 — *Белошапкова В. А.* Современный русский язык: синтаксис. М., 1977.
- Белошапкова, 1981 — *Белошапкова В. А.* Синтаксис // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.

- Бенвенист, 1974 — *Бенвенист, Эмиль*. Общая лингвистика. М., 1974.
- Берков, 1996 — *Берков В. П.* Семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики: качественность, количественность. СПб., 1996.
- Бернштейн, 1938 — *Бернштейн С. И.* Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского // Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
- Бидер и др., 1978 — *Бидер И. Г., Большаков И. А., Еськова Н. А.* Формальная модель русской морфологии. Ч. 1–2 // Ин-т рус. языка АН СССР, Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике: предварит. публикации. Вып. 111–112. М., 1978.
- Бирюлин, 1992 — *Бирюлин Л. А.* Семантика и прагматика русского превентива // Russian Linguistics. 1992. Vol. 16.
- Богданов, 1997а — *Богданов С. И.* Морфология неполнозначных слов в современном русском языке. СПб., 1997.
- Богданов, 1997б — *Богданов С. И.* Форма слова и морфологическая форма. СПб., 1997.
- Богданов, Смирнов, 2004 — *Богданов С. И., Смирнов Ю. Б.* Переходность в системе частей речи: субстантивация. СПб., 2004.
- Богородицкий, 1935 — *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935.
- Бондарко, 1971а — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Бондарко, 1971б — *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко, 1974 — *Бондарко А. В.* Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий (на материале русского языка) // Вопр. языкозн. 1974. № 2.
- Бондарко, 1976 — *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко, 1983 — *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко, 1984 — *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бондарко, 1987а — *Бондарко А. В.* Аспектуальность // Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Л.: Наука, 1987.
- Бондарко, 1987б — *Бондарко А. В.* Временная локализованность // Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Л.: Наука, 1987.
- Бондарко, 1990а — *Бондарко А. В.* К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность. Л.: Наука, 1990.
- Бондарко, 1990б — *Бондарко А. В.* Реальность / ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность. Л.: Наука, 1990.
- Бондарко, 1990в — *Бондарко А. В.* Темпоральность // Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность. Л.: Наука, 1990.
- Бондарко, 1991а — *Бондарко А. В.* К определению понятия «залоговость» // Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость. Л.: Наука, 1991.
- Бондарко, 1991б — *Бондарко А. В.* Семантика лица // Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость. Л.: Наука, 1991.
- Бондарко, 1996 — *Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Бондарко, 1999 — *Бондарко А. В.* Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999.
- Бондарко, 2005 — *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. 2-е изд. М., 2005.
- Бондарко, Буланин, 1967 — *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967.
- Бондарко, 1998 — *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
- Борковский, Кузнецов, 1963 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Брейяр и др., 2003 — *Брейяр Ж., Николаева Т. М., Фужерон И.* Наличие / отсутствие личного местоимения как функциональная категория русского языка // Русистика. Славистика. Лингвистика: Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60 Geburtstag. München, 2003.
- Брой, 1998 — *Брой В.* Сопоставление славянского глагольного вида и вида романского типа (аорист : имперфект : перфект) на основе взаимодействия с лексикой // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Буланин, 1976а — *Буланин Л. Л.* Синтаксис пассивного инфинитива в русском языке // Вопросы русского языкознания. Куйбышев, 1976.
- Буланин, 1976б — *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии: пособие для учителей. М., 1976.
- Буланин, 1978 — *Буланин Л. Л.* К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Буланин, 1983 — *Буланин Л. Л.* Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания: теория и практика. Л., 1983.
- Буланин, 1986 — *Буланин Л. Л.* Категория залога в современном русском языке. Л., 1986.
- Булатова, 1983 — *Булатова Л. Н.* Еще о грамматическом статусе категории числа существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики, 1981. М., 1983.
- Булаховский, 1954 — *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
- Булыгина, 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина, 1997 — *Булыгина Т. В.* Видовая соотносительность и ее отражение в словарях // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 3. М., 1997.
- Булыгина, Шмелев, 1991 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость. Л.: Наука, 1991.
- Булыгина, Шмелев, 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира: на матер. рус. грамматики. М., 1997.
- Буслаев, 1958 — *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1–2. М., 1958.
- Буслаев, 1959 — *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Бюлер, 1993 — *Бюлер К.* Теория языка: репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Валгина и др., 1966; 1971 — *Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапкевич В. В.* Современный русский язык. 3-е изд. М., 1966; 4-е изд., доп. и перераб. М., 1971.
- Вежбицкая, 1999 — *Вежбицкая А.* Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой идентификации «частей речи» // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

- Вейнрейх, 1970 — *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
- Вербицкая, 1976 — *Вербицкая Л. А.* Русская орфоэпия. Л., 1976.
- Виноградов, 1947; 1972; 1986 — *Виноградов В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1947; 2-е изд. 1972; 3-е изд. 1986.
- Виноградов, 1975 — *Виноградов В. В.* Избранные труды: исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Винокур, 1959 — *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Володин, Храковский, 1991 — *Володин А. П., Храковский В. С.* Типология классификации морфем // Морфема и проблемы типологии. М., 1991.
- Вольф, 1978 — *Вольф Е. М.* Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
- Вольф, 1985 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Воротников, 1987 — *Воротников Ю. Л.* Употребление форм сравнительной степени с приставкой *по-* // Рус. язык в школе. 1987. № 3.
- Воротников, 1990 — *Воротников Ю. Л.* Равная степень и средства ее выражения в русском языке // Филол. науки. 1990. № 4.
- Воротников, 1999 — *Воротников Ю. Л.* Степени качества в современном русском языке. М., 1999.
- Ворт, 2006 — *Ворт Д.* Очерки по русской филологии. М., 2006.
- Востоков, 1952 — *Востоков А. Х.* Русская грамматика. Т. 7. М.; Л., 1952.
- Всеволодова, 2000 — *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. М., 2000.
- Гаврилова, 2004 — *Гаврилова В. И.* Возвратные глаголы совершенного вида с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 4. М., 2004.
- Гак, 2004 — *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М., 2004.
- Галкина-Федорук, 1939 — *Галкина-Федорук Е. М.* Наречие в современном русском языке. М., 1939.
- Галкина-Федорук, 1958 — *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
- Галкина-Федорук, 1960 — *Галкина-Федорук Е. М.* Частицы // Грамматика русского языка. Т. I: фонетика и морфология. М., 1960.
- Гард, 1985 — *Гард П.* Структура русского местоимения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Гаспаров, 1971 — *Гаспаров Б. М.* Из курса лекций по синтаксису современного русского языка: простое предложение. Тарту, 1971.
- Гаспаров, 1978 — *Гаспаров Б. М.* Аспектуальные значения неопределенно-предсказуемых предложений в русском языке // Вопросы русской аспектологии. Вып. 3. Тарту, 1978. (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 439).
- Гаспаров, 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гаспаров, Сигалов, 1974 — *Гаспаров Б. М., Сигалов П. С.* Сравнительная грамматика славянских языков. II: пособие для студентов. Тарту, 1974.
- Гаузенблас, Данец, 1969 — *Гаузенблас К., Данец Ф.* Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие / ред. кол.: В. Н. Ярцева, Н. Ю. Шведова. М., 1969.
- Гвоздев, 1967 — *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 1: фонетика и морфология. М.: Просвещение, 1967.
- Гвоздев, 1968 — *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 2: синтаксис. М., 1968.
- Гвоздев, 1973 — *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 1: фонетика и морфология; Ч. 2: синтаксис. 4-е изд. М., 1973.
- Гегель, 1970 — *Гегель Г. Ф.* Наука логики. Т. 1. М., 1970.
- Генюшене, Недялков, 1991 — *Генюшене Э. Ш., Недялков В. П.* Типология рефлексивных конструкций // Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость. Л.: Наука, 1991.
- Германович, 1966 — *Германович А. И.* Междометия русского языка. Киев, 1966.
- Гиро-Вебер, 1984 — *Гиро-Вебер М.* Устранение подлежащего в русском предложении // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43.
- Гиро-Вебер, 1990 — *Гиро-Вебер М.* Вид и семантика русского глагола // Вопр. языкозн. 1990. № 2.
- Гиро-Вебер, 1996 — *Гиро-Вебер М.* Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке // Теория функциональной грамматики: качественность, количественность. СПб., 1996.
- Гиро-Вебер, 2001 — *Гиро-Вебер М.* Эволюция так называемых безличных конструкций в русском языке двадцатого века // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001.
- Гладров, 1992 — *Гладров В.* Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- Гловинская, 1982 — *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская, 1983 — *Гловинская М. Я.* Специфические значения некоторых глагольных форм в разговорной речи // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983.
- Гловинская, 1989 — *Гловинская М. Я.* Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект: суперсегментная фонетика, морфологическая семантика. М., 1989.
- Гловинская, 1996 — *Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Гловинская, 2001 — *Гловинская М. Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Горбов, 1998 — *Горбов А. А.* О понятии «способ действия» и его отношении к аспектuality // Язык и речевая деятельность. Т. 1. СПб., 1998.
- Горшкова, 1964 — *Горшкова К. В.* Глагол // Современный русский язык. Ч. II: морфология, синтаксис / под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
- Горшкова, Хабургаев, 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Грамматика, 1952 — *Грамматика русского языка.* М., 1952.
- Грамматика, 1952; 1953 — *Грамматика русского языка.* Т. I: фонетика и морфология. М., 1952; 2-е изд. 1953.
- Грамматика, 1954 — *Грамматика русского языка.* Т. II: синтаксис. Ч. 1. М., 1954.
- Грамматика, 1960, I; II, ч. 1 — *Грамматика русского языка.* Т. I: фонетика и морфология; т. II: синтаксис. Ч. 1. М., 1960.
- Грамматика, 1970 — *Грамматика современного русского литературного языка.* М., 1970.
- Граудина и др., 1976 — *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

- Греков и др., 1976 — *Греков В. Ф., Крючков С. Е., Чешко Л. А.* Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы. М., 1976.
- Греч, 1834 — *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика. 2-е изд. СПб., 1834.
- Гринберг, 1970 — *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
- Гудков, 1977 — *Гудков В. П.* Сербохорватский язык // Славянские языки. М., 1977.
- Гузев, Насилов, 1981 — *Гузев В. Г., Насилов Д. М.* Словоизменительная категория в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Сов. тюркология. 1981. № 3.
- Гуревич, 1979 — *Гуревич В. В.* Вид и лексическое значение глагола // Филол. науки. 1979. № 5.
- Гурин, 2000 — *Гурин Г. Б.* Глаголы с неполной личной парадигмой в современном русском литературном языке (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2000.
- Гуссерль, 2004 — *Гуссерль, Эдмунд.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / пер. Д. В. Скляднева. СПб., 2004.
- Давыдов, 1849 — *Давыдов И. И.* Грамматика русского языка. СПб., 1849.
- Давыдов, 1852; 1953; 1954 — *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852; 2-е изд. 1853; 3-е изд. 1854.
- Джусту-Фичи, 1990 — *Джусту-Фичи Ф.* Объект и транзитивность // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Джусту-Фичи, 1991 — *Джусту-Фичи Ф.* О безличных пассивных конструкциях в итальянском и некоторых славянских языках // Романское языкознание: семантика и перевод. М., 1991.
- Дини, 2002 — *Дини, Пьетро У.* Балтийские языки / под ред. и с предисл. В. Н. Топорова. М., 2002.
- Добромыслов, Розенталь, 1956 — *Добромыслов В. А., Розенталь Д. Э.* Трудные вопросы грамматики и правописания. М., 1956.
- Долинина, 1991 — *Долинина И. Б.* Основные типы каузативных глаголов // Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость. СПб., 1991.
- Долинина, 1992 — *Долинина И. Б.* Категория переходности в ее отношении к лексике и синтаксису // Теория функциональной грамматики: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- Дурново, 1923 — *Дурново Н. Н.* Что такое синтаксис? // Родной язык в школе. 1923. № 4.
- Дурново, 1924; 2001 — *Дурново Н. Н.* Грамматический словарь: грамматические и лингвистические термины. М., 1924; 2-е изд. 2001.
- Дурново, 1925а — *Дурново Н. Н.* Степени сравнения // Литературная энциклопедия: словарь лит. терминов: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1925.
- Дурново, 1925б — *Дурново Н. Н.* Части речи // Литературная энциклопедия: словарь лит. терминов: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1925.
- Дурново, 1929 — *Дурново Н. Н.* Повторительный курс грамматики русского языка: синтаксис: введение в учение о формах словосочетаний. М.; Л., 1929.
- Евтюхин, 1979 — *Евтюхин В. Б.* Обстоятельственные наречия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.
- Евтюхин, 1982 — *Евтюхин В. Б.* Субъектная интерпретация высказывания и «местоименная игра» // Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л., 1982.
- Евтюхин, 1999 — *Евтюхин В. Б.* Наречие: учеб. пособие. СПб., 1999.
- Евтюхин, 2002 — *Евтюхин В. Б.* Морфологические категории: учеб. пособие. СПб., 2002.
- Ермакова, 1974 — *Ермакова О. П.* О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974.
- Ермакова, 1996 — *Ермакова О. П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Есперсен, 1958; 2002 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958; 2-е изд. 2002.
- Еськова, 1964 — *Еськова Н. А.* Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- Еськова, 1971 — *Еськова Н. А.* Об одном случае конструкций и аналитических форм (сочетания типа *сильнее всего* и *сильнее всех*) // Филол. науки. 1971. № 3.
- Еськова, 1996 — *Еськова Н. А.* Устройство парадигм глаголов непродуктивного класса с инфинитивом на *-нуть* // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Ефремова, Костомаров, 1993 — *Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г.* Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1993.
- Живов, 2004 — *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- Жирмунский, 1968 — *Жирмунский В. М.* О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи: на материале языков различных типов. Л., 1968.
- Журавлев, 2004 — *Журавлев В. К.* Диахроническая морфология. 2-е изд., стереотип. М., 2004.
- Зализняк, 1967а — *Зализняк А. А.* О показателях множественного числа в русском склонении // To Honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70-th birthday. The Hague; Paris: Mouton, 1967.
- Зализняк, 1967б; 2002 — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967; 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Зализняк, 1977; 1980 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка: словоизменение. 3-е изд., стереотип. М., 1977; 4-е изд. 1980.
- Зализняк, 2006 — *Зализняк А. А.* Многочисленность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Зализняк, Шмелев, 2000 — *Зализняк А. А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Засорина, 1965 — *Засорина Л. Н.* О местоименных предикатах в русском языке // Вопр. общего языкознания. Л., 1965.
- Земская, 1968 — *Земская Е. А.* Изменения в морфонологической структуре производного слова // Русский язык и советское общество: словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
- Земская, 1973 — *Земская Е. А.* Современный русский язык: словообразование. М., 1973.
- Земская, 1991 — *Земская Е. А.* Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного языка // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект: морфология, словообразование, синтаксис. М., 1991.
- Земская, Китайгородская, 1984 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В.* Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. М., 1984.
- Зиндер, 1958 — *Зиндер Л. Р.* О лингвистической вероятности // Вопр. языкозн. 1958. № 2.
- Золотова, 1973 — *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

- Золотова, 1982 — *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
- Золотова, 1988 — *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь русского языка: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1988.
- Золотова и др., 1998 — *Золотова Г. А., Онипенко Н. К. Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Иванов, 1984 — *Иванов В. В.* Становление аналитической формы будущего времени в русском языке // Русский язык: функционирование грамматических категорий, текст и контекст. М., 1984.
- Иванова, 1961 — *Иванова И. П.* Вид и время в современном английском языке. Л., 1961.
- Иванчев, 1971 — *Иванчев С.* Проблемы на аспектуалността в славянските езици. София, 1971.
- Ильенко, 1958 — *Ильенко С. Г.* О союзах и союзных словах *когда* и *где*: К вопросу о средствах связи главного предложения с придаточным // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. 1958. Т. 173.
- Ильенко, 1964 — *Ильенко С. Г.* Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1964.
- Иомдин, 1980 — *Иомдин Л. Л.* Инфинитивные и нулевые подлежащие в русских страдательных конструкциях // Вопросы кибернетики: проблемы разработки формальной модели языка. М., 1980.
- Иорданский, 1956 — *Иорданский А. М.* Существительные *pluralia tantum* в русском языке // Учен. зап. Владимир. пед. ин-та. Ист.-филол. сер. 1956. Вып. 2.
- Исаченко, 1957 — *Исаченко А. В.* К вопросу об императиве в русском языке // Русский язык в школе. 1957. № 6.
- Исаченко, 1960; 1965; 2003 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: морфология. I. Братислава, 1960; 2-е изд. 1965; 3-е изд. М., 2003.
- Ицкович, 1974 — *Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. М., 1974.
- Казнин, 1999 — *Казнин К. И.* Личное согласование в лакском языке: маркированность и нейтрализация // Типология и теория языка: от описания к объяснению: к 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999.
- Калашник, 1996 — *Калашник Д. М.* Превосходная степень и семантика оценки // Теория функциональной грамматики: качественность, количественность. СПб., 1996.
- Камынина, 1999 — *Камынина А. А.* Современный русский язык: морфология: учеб. пособие для студентов филол. ф-тов гос. ун-тов. М., 1999.
- Карцевский, 1962 — *Карцевский С. О.* Из книги «Система русского глагола» // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Карцевский, 2000 — *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия / сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон. М., 2000.
- Касевич, 1988 — *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Касевич, 1992 — *Касевич В. Б.* Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- Кацнельсон, 1972 — *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кацнельсон, 2001 — *Кацнельсон С. Д.* Категории языка и мышления: из науч. наследия. М., 2001.
- Кибрик, 1992 — *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кинэн, 1982 — *Кинэн Э. Л.* К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
- Клобуков, 1986 — *Клобуков Е. В.* Семантика падежных форм в современном русском языке: (введение в методику позиционного анализа). М., 1986.
- Клобуков, 1995 — *Клобуков Е. В.* Морфология // Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995.
- Клобуков, 1996 — *Клобуков Е. В.* Имя прилагательное // Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. М., 1996.
- Князев, 1983 — *Князев Ю. П.* Результатив, пассив и перфект в русском языке // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Князев, 1989 — *Князев Ю. П.* Выражение повторяемости действий в русском и других славянских языках // Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Князев, 1996 — *Князев Ю. П.* Возвратность как средство выражения взаимности // Русистика сегодня. 1996. № 2.
- Князев, 1999 — *Князев Ю. П.* Обозначение направленного движения в русском языке: средства выражения, семантика и прагматика // Логический анализ языка. Язык динамического мира. Дубна, 1999.
- Князев, 2001 — *Князев Ю. П.* Синтаксическая деривация и части речи // Жизнь языка. М., 2001.
- Князев, 2003 — *Князев Ю. П.* Порядок и контроль: способы понижения агентивности в русском языке // Логический анализ языка: космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
- Князев, 2004 — *Князев Ю. П.* Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы: слово, текст, культура. М., 2004.
- Князев, 2007 — *Князев Ю. П.* Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Козинский, Соколовская, 1984 — *Козинский И. Ш., Соколовская Н. К.* О соотношении актуального и синтаксического членения в синхронии и диахронии // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
- Козинцева, 1991 — *Козинцева Н. А.* Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л., 1991.
- Козинцева, 2002 — *Козинцева Н. А.* Конструкции с причастными оборотами как средство выражения таксиса // Основные вопросы русской аспектологии. СПб., 2002.
- Колосова, 1967 — *Колосова Т. А.* Разграничение омонимичных союзов и союзных слов // Филол. науки. 1967. № 4.
- Комри, 1997 — *Комри Б.* Общая теория глагольного вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 1. М., 1997.
- Кондаков, 1975 — *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Копорская, 1995 — *Копорская Е. С.* Семантическая природа звукоподражательных слов и их словарное представление // Филологический сборник. М., 1995. С. 245–253.
- Корбет, 1985 — *Корбет Г. Г.* Одушевленность в русском и других славянских языках: пример расхождения между синтаксисом и семантикой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Корди, 1981 — *Корди Е. Е.* Деривационная, семантическая и синтаксическая классификация местоименных глаголов французского языка // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.

- Корди, 1990 — *Корди Е. Е.* Оптативность // Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность. Л., 1990.
- Костомаров, 1996 — *Костомаров В. Г.* «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Кошелёв, 1996 — *Кошелёв А. Д.* Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996.
- Кошмидер, 1962 — *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола: опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Красильникова, 1990 — *Красильникова Е. В.* Имя существительное в русской разговорной речи: функциональный аспект. М., 1990.
- Крекич, 1989 — *Крекич Й.* Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Будапешт, 1989.
- Кретов, 1978 — *Кретов А. А.* Особенности семантики возвратных глаголов включенного неодушевленного объекта в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1978.
- Кржижкова, 1974 — *Кржижкова Е.* Количественная детерминация прилагательных в русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974.
- Кронгауз, 2001 — *Кронгауз М. А.* Семантика. М., 2001.
- Крылов, 2002 — *Крылов С. А.* Русское именное словоизменение А. А. Зализняка 30 лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Кубрякова, 1974 — *Кубрякова Е. С.* Основы морфологического анализа. М., 1974.
- Кузнецов, 1952 — *Кузнецов П. С.* Глагол // Современный русский язык: морфология / под ред. В. В. Виноградова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952.
- Кузнецов, 1953 — *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка: морфология. М., 1953.
- Кузнецов, 1959 — *Кузнецов П. С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Кузнецов, 1961 — *Кузнецов П. С.* О принципах изучения грамматики. М., 1961.
- Кузнецов, 2001 — *Кузнецов С. А.* Проблема разграничения понятий «словоизменение» и «формообразование» // Исследования по языкознанию: к 70-летию чл.-кор. РАН А. В. Бондарко. СПб., 2001.
- Кузьмина, Немченко, 1971 — *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Кунгуров, Тихонов, 1968 — *Кунгуров Р. К., Тихонов А. Н.* Изобразительные слова как самостоятельная часть речи // Вопросы теории частей речи: на матер. языков различных типов. Л., 1968.
- Курилович, 1962 — *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Кустова, 2004 — *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Кучера, 1969 — *Кучера В.* Заметки о синтаксисе русских местоимений // *Československa rusistika*. 1969. N 3.
- Лайонз, 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Лайонз, 2003 — *Лайонз, Джон.* Лингвистическая семантика: введение. М., 2003.
- Лакофф, 1981 — *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: лингвистическая семантика. М., 1981.
- Лакофф, 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Левин, 1973 — *Левин Ю. И.* О семантике местоимений // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Леденев, 1966 — *Леденев Ю. И.* Вопросы изучения неполнозначных слов: матер. для словаря неполнозначных слов и их омонимов. Вып. 1. Ставрополь, 1966.
- Лекант, 1976 — *Лекант П. А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976.
- Лекант, 1986 — *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986.
- Леков, 1956 — *Леков И.* Отклонения от флективного строя в славянских языках // Вопр. языкозн. 1956. № 2.
- Леман, 2000 — *Леман Ф.* Лексическое значение и грамматические функции русского имени прилагательного // Слово в тексте и словаре. М., 2000.
- Лённгрен, 1995 — *Лённгрен Л.* Когда в изъяснительных конструкциях: союз или наречие? // Язык система. Язык текст. Язык способность. М., 1995.
- Лернер, Куперман, 1998 — *Лернер К., Куперман В.* Категория «сравнения и оценки» с точки зрения гипотезы о «типах языкового движения» // Вопр. языкозн. 1998. № 1.
- Лешка, 1974 — *Лешка О.* К вопросу о частях речи в описательной грамматике славянских языков // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
- Лингвистический словарь, 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Литневская, 1991 — *Литневская Е. И.* Агглютинация и фузия на морфемном шве в современном русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991. № 1.
- Лихачев, 1997 — *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: антология. М., 1997.
- Ломов, 1977 — *Ломов А. М.* Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
- Ломоносов, 1952 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 7: труды по филологии: 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
- Лопатин, 1966 — *Лопатин В. В.* Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопр. языкозн. 1966. № 5.
- Лопатин, Улуханов, 1997 — *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Русский язык // Русский язык: энцикл. 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997.
- Лопатин, Улуханов, 2005 — *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Русский язык // Языки мира: славянские языки. М., 2005.
- Лукин, 1991 — *Лукин М. Ф.* О широком и узком понимании прилагательных в грамматиках современного русского языка // Филол. науки. 1991. № 1.
- Луц, Михаэльс, 2005 — *Луц У., Михаэльс А.* Иисус или Будда: жизнь и учение в сравнении. М., 2005.
- Лысков, 1926 — *Лысков И. П.* О частях речи: опыт характеристики их природы морфологической, синтаксической и семасиологической. М., 1926.
- Майтинская, 1969 — *Майтинская К. Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
- Макаров, 2003 — *Макаров М.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- Мамардашвили, 1992 — *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М., 1992.
- Маслов, 1959 — *Маслов Ю. С.* Глагольный вид в современном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов, 1965 — *Маслов Ю. С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
- Маслов, 1975а; 1987 — *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975. 2-е изд. 1987.
- Маслов, 1975б — *Маслов Ю. С.* Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет // Вопросы русской аспектологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975.

- Маслов, 1976 — *Маслов Ю. С.* Рец. на кн.: Andersson S.-G. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem Russischen Aspektsystem. Uppsala, 1972. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Germanistica Upsaliensia. 10) // *Вопр. языкозн.* 1976. № 2.
- Маслов, 1978 — *Маслов Ю. С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // *Вопросы сопоставительной аспектологии.* Вып. 1. Л., 1978.
- Маслов, 1984 — *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов, 1987 — *Маслов Ю. С.* Перфектность // *Теория функциональной грамматики: введение, актуальность, временная локализованность, таксис.* Л., 1987.
- Маслов, 1990 — *Маслов Ю. С.* Глагол // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Маслова, 1994 — *Маслова Е. С.* О критерии обязательности в морфологии // *Изв. РАН: сер. лит. и яз.* 1994. Т. 53.
- Матвеевко, 1961 — *Матвеевко В. А.* Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* Нов. сер. Вып. 2. 1961.
- Мацюсович, 1975 — *Мацюсович Я. В.* Морфологический строй современного польского языка. Ч. 1: имена (существительное, прилагательное, местоимение, числительное). Л., 1975.
- Мейе, 1938 — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Мейе, 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Мейлах, 1973 — *Мейлах М.* Индексы морфологической типологии // *Проблемы грамматического моделирования.* М., 1973.
- Мелиг, 1985 — *Мелиг Х. Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XV: современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Мельчук, 1974 — *Мельчук И. А.* О синтаксическом нуле // *Типология пассивных конструкций.* Л., 1974.
- Мельчук, 1985 — *Мельчук И. А.* Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1985.
- Мельчук, 1997 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. I: введение. Слово. М.; Вена, 1997.
- Мельчук, 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. II: морфологические значения. М.; Вена, 1998.
- Мельчук, 2000 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. III: морфологические средства. Морфологические синтактики. М.; Вена, 2000.
- Мельчук, 2001 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. IV: морфологические знаки. М.; Вена, 2001.
- Мельчук, 2004 — *Мельчук И. А.* Определение категории залога и исчисление возможных залогов // *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе.* М., 2004.
- Мещанинов, 1945 — *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.
- Мигирин, 1970 — *Мигирин В. Н.* Категория состояния или бессубъектные прилагательные? // *Исследования по современному русскому языку.* М., 1970.
- Милославский, 1981 — *Милославский И. Г.* Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981.
- Моисеев, 1975 — *Моисеев А. И.* Фонетика. Морфология. Орфография: пособие для учителей. М., 1975.
- Моисеев, 1980 — *Моисеев А. И.* Русский язык: фонетика, морфология, орфография: пособие для учителей. 2-е изд. М., 1980.
- Музыка, 1998 — *Музыка:* большой энцикл. словарь / гл. ред. Г. В. Келдыш. 2-е изд. М., 1998.
- Мучник, 1971 — *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
- Мучник, Панов, 1968 — *Мучник И. П., Панов М. В.* Морфология: глава первая, вступление // *Русский язык и советское общество: морфология и синтаксис современного русского литературного языка.* М., 1968.
- Налимов, 1974 — *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка: о соотношении естественных и искусственных языков. М., 1974.
- Недялков, Яхонтов, 1983 — *Недялков В. П., Яхонтов С. Е.* Типология результативных конструкций // *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект).* Л., 1983.
- Никитевич, 1963 — *Никитевич В. М.* Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963.
- Никитин, 1961 — *Никитин В. М.* обстоятельство как грамматическая категория в современном русском языке и его место в системе второстепенных членов предложения: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1961.
- Николаева, 1985 — *Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Никольс, 1985 — *Никольс Дж.* Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XV: современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Ноговицын, 1994 — *Ноговицын О. М.* 12 лекций о досократиках. СПб., 1994.
- Норман, 2004 — *Норман Б. Ю.* Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования // *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе.* М., 2004.
- Обнорский, 1927 — *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. М.; Л., 1927.
- Обратный словарь, 1974 — *Обратный словарь русского языка.* М., 1974.
- Общее языкознание, 1972 — *Общее языкознание: внутренняя структура языка.* М., 1972.
- Овсянко-Куликовский, 1912 — *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
- Ожегов, 1984 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 15-е изд. М., 1984.
- Ольховиков, 1985 — *Ольховиков Б. А.* Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. М., 1985.
- Орнатовский, 1810 — *Орнатовский И.* Новейшее начертание правил российской грамматики. Харьков, 1810.
- Ору, 2000 — *Ору, Сильвен.* История. Эпистемология. Язык. М., 2000.
- Осенмук, 1979 — *Осенмук Л. П.* Причастия страдательного залога прошедшего времени с основами несовершенного вида в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.
- Ответы на вопросы, 1997 — *Ответы на вопросы аспектологической анкеты филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ.* Т. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- Откупщикова, 1984 — *Откупщикова М. И.* Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л., 1984.
- Откупщикова, 1995 — *Откупщикова М. И.* Общая парадигматика в морфологии. СПб., 1995.
- Очерки, 1964 — *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века.* М., 1964.

- Павлов, 1996 — *Павлов В. М.* Качественность и субстанциональная семантика // Теория функциональной грамматики: качественность, количественность. СПб., 1996.
- Павский, 1950 — *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка: в 4 т. СПб., 1850.
- Падучева, 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева, 1982 — *Падучева Е. В.* Значение и синтаксические функции слова *это* // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982.
- Падучева, 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.
- Падучева, 1991 — *Падучева Е. В.* К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значение // Вопр. языкозн. 1991. № 6.
- Падучева, 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева, 1998 — *Падучева Е. В.* Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Падучева, 2001 — *Падучева Е. В.* Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 1. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Падучева, 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева, 2005 — *Падучева Е. В.* Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // Вопр. языкозн. 2005. № 5.
- Пазельская, 2003 — *Пазельская А. Г.* Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопр. языкозн. 2003. № 4.
- Панов, 1960 — *Панов М. В.* О частях речи в русском языке // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1960. № 4.
- Панов, 1971 — *Панов М. В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
- Панов, 1979 — *Панов М. В.* Современный русский язык: фонетика. 1979.
- Панов, 1999 — *Панов М. В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Панов, 2001 — *Панов М. В.* Отношение частей речи к слову // Традиционное и новое в русской грамматике. М., 2001.
- Панова, 1980 — *Панова Г. И.* О содержательных типах повторяемости действия в русском языке // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.
- Панова, 1996 — *Панова М. В.* Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. СПб.; Абакан, 1996.
- Паскаль, 1994 — *Паскаль, Блез.* Мысли. М., 1994.
- Пауль, 1960 — *Пауль Г.* Принципы истории языка / пер. с нем.; под ред. А. А. Холодовича; вступ. ст. С. Д. Кацнельсона. М., 1960.
- Перцов, 1998 — *Перцов Н. В.* Русский вид: словоизменение или словообразование? // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Перцов, 2001 — *Перцов Н. В.* Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Перцов, 2003 — *Перцов Н. В.* Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопр. языкозн. 2003. № 4.
- Петерсон, 1929 — *Петерсон М. Н.* Современный русский язык. М., 1929.
- Петрухина, 2000 — *Петрухина Е. В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Пешковский, 1920; 1938; 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. М., 1920; 6-е изд. 1938; 7-е изд. 1956.
- Пирейко, 1968 — *Пирейко Л. А.* Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.
- Плотникова, 1980 — *Плотникова В. А.* Словоизменение глагола // Русская грамматика. Т. I: фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М., 1980.
- Плунгян, 1988 — *Плунгян В. А.* О некоторых свойствах грамматических оппозиций // Науч.-техн. информация. Сер. 2. 1988. № 10.
- Плунгян, 1998 — *Плунгян В. А.* Грамматические категории, их аналоги и заместители: автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1998.
- Плунгян, 2000 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику: учеб. пособие. М., 2000.
- Поливанова, 1990 — *Поливанова А. К.* Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Язык логики и логика языка: вопросы кибернетики. Вып. 166. М., 1990.
- Поспелов, 1954 — *Поспелов Н. С.* Учение о частях речи в русской грамматической традиции. М., 1954.
- Потебня, 1891 — *Потебня А. А.* Автобиография // Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. СПб., 1891.
- Потебня, 1941, III, IV — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. III–IV. М.; Л., 1941.
- Потебня, 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
- Прияткина, 1977 — *Прияткина А. Ф.* Об отличии союза от других связующих слов // Рус. язык в школе. 1977. № 4.
- Протченко, 1971 — *Протченко И. Ф.* О субстантиватах и новообразованиях, создаваемых по их типу // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.
- Распопов, 1976 — *Распопов И. П.* Методология и методика лингвистических исследований (методы синхронного изучения языка). М., 1976.
- Распопов, Ломов, 1974; 1984 — *Распопов И. П., Ломов А. М.* Основы русской грамматики: морфология и синтаксис. Воронеж, 1974; 2-е изд. 1984.
- Рассел, 2000 — *Рассел, Бертран.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. М., 2000.
- Рассудова, 1968 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- Рахилина, 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Ревзин, 1963 — *Ревзин И. И.* К типологии степеней сравнения в славянских языках // Исследования по структурной типологии. М., 1963.
- Ревзин, 1973а — *Ревзин И. И.* Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Ревзин, 1973б — *Ревзин И. И.* Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М.: Наука, 1973.
- Ревзина, 1973 — *Ревзина О. Г.* Общая теория грамматических категорий // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Реформатский, 1960 — *Реформатский А. А.* Число и грамматика // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960.

- Реформатский, 1965 — *Реформатский А. А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965.
- Реформатский, 1979 — *Реформатский А. А.* Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.
- Рогожникова, 1983 — *Рогожникова Р. П.* Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983.
- Розенталь и др., 1994 — *Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А.* Современный русский язык. 2-е изд. М., 1994.
- Российская грамматика, 1802 — Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею. СПб., 1802.
- PPP — *Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест.* М., 1983.
- Русакова, 2001 — *Русакова М. В.* Два и другие малые количества в мыслительном пространстве, языке и речи // Теоретические проблемы функциональной грамматики / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 2001.
- Русская грамматика, 1980, I; 1982, II — *Русская грамматика.* Т. I: фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980; Т. II: синтаксис. М., 1982.
- Русская грамматика, 1982 — *Русская грамматика.* М., 1982.
- Русский язык, 1968а — *Русский язык и советское общество: словообразование современного русского литературного языка.* М., 1968.
- Русский язык, 1968б — *Русский язык и советское общество: социолого-лингв. исслед.: морфология и синтаксис современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова.* М., 1968.
- Русский язык, 1979 — *Русский язык: энцикл.* / гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979.
- Русский язык, 1997 — *Русский язык: энцикл.* 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997.
- Русский язык, 2001 — *Русский язык / под ред. Л. Л. Касаткина.* М., 2001.
- Сабанеева, 1994 — *Сабанеева М. К.* О сущности наклонения // *Вопр. языкозн.* 1994. № 5.
- Сазонов, 1981 — *Сазонов А. П.* Конструкции типа *интереснее всего* и *интереснее всех* в современном русском языке // *Русское языкознание.* Вып. 3. Киев, 1981.
- Сай, 2003 — *Сай С. С.* Об одном продуктивном типе актантной деривации в русской разговорной речи // *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие.* СПб., 2003.
- Санников, 2001 — *Санников В. З.* О семантике категорий лица и числа (сквозь призму языковой игры) // *Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапковой.* М., 2001.
- Семантические типы предикатов, 1982 — *Семантические типы предикатов.* М., 1982.
- Серебренников, 1974 — *Серебренников Б. А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Середа, 2005 — *Середа Е. В.* Морфология современного русского языка: место междометий в системе частей речи. М., 2005.
- Серова, 1983 — *Серова Л. К.* Субъектная валентность глагола «быть» в древнерусском и современном русском языках // *Сравнительно-исторические и сопоставительно-типологические исследования.* М., 1983.
- Сибатани, 1999 — *Сибатани М.* Переходность и залог в свете фактов японского языка // *Типология и теория языка: от описания к объяснению.* М., 1999.
- Сидоров, Ильинская, 1949 — *Сидоров В. Н., Ильинская И. С.* К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке // *Изв. АН СССР. Отд. яз. и лит.* 1949. Т. 2. Вып. 4.
- Силантьева, 1970 — *Силантьева А. А.* Лексико-синтаксические свойства слова «самый» в современном русском языке // *Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та.* 1970. Вып. 278.
- Сильницкий, 1990 — *Сильницкий Г. Г.* Понятие восходящей и нисходящей валентности и их роль в дифференциации неличных форм глагола // *Типология и грамматика.* М., 1990.
- Скобликова, 1971 — *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971.
- Скобликова, 1979 — *Скобликова Е. С.* Современный русский язык: синтаксис простого предложения. М., 1979.
- Словарь, 1950–1965, I–XVII — *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* М.; Л.: Наука, 1950–1965.
- Словарь, 1981–1984, I–IV — *Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева.* 2-е изд., испр. и доп. Т. I: А–Й. М., 1981; Т. II: К–О. 1982; Т. III: П–Р. 1983; Т. IV: С–Я. 1984.
- Словарь, 1985–1988, I–IV — *Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд., стереотип / гл. ред. А. П. Евгеньева.* М., 1985–1988.
- Смирницкий, 1959 — *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959.
- Смирнов, 2001 — *Смирнов Ю. Б.* О видовой паре: в связи с проблемой разграничения понятий «словоизменение» и «формообразование» // *Теоретические проблемы функциональной грамматики: матер. Всерос. науч. конф.* СПб., 2001.
- Смотрицкий, 1979 — *Смотрицкий, Мелетий.* Грамматика славенския правильное синтаagma. Київ, 1979.
- Современный русский литературный язык, 1988 — *Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта.* 2-е изд., испр. М., 1988.
- Современный русский язык, 1952 — *Современный русский язык: морфология / под ред. В. В. Виноградова.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952.
- Современный русский язык, 1964 — *Современный русский язык.* Ч. II / под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
- Современный русский язык, 1964 — *Современный русский язык.* Ч. II: морфология. Синтаксис / под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
- Современный русский язык, 1981; 1989 — *Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой.* М., 1981; 2-е изд. 1989.
- Современный русский язык, 1999; 2003 — *Современный русский язык / под общ. ред. Л. А. Новикова.* 2-е изд. СПб., 1999; 4-е изд., стереотип. СПб.; М.; Краснодар, 2003.
- Соколовская, 1980 — *Соколовская Н. К.* Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений // *Теория и типология местоимений.* М., 1980.
- Стеблин-Каменский, 1957 — *Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957.
- Стеблин-Каменский, 1974 — *Стеблин-Каменский М. И.* Спорное в языкознании. Л., 1974.
- Степанов, 1975 — *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. 2-е изд., перераб. М., 1975.
- Степанов, 1981 — *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. М., 1981.
- Степанов, 1988 — *Степанов Ю. С.* Безличность и неопределенная референция // *Язык: система и функционирование.* М., 1988.
- Степанов, 1998 — *Степанов Ю. С.* Язык и метод: к современной философии языка. М., 1998.
- Суник, 1966 — *Суник О. П.* Общая теория частей речи. М.; Л., 1966.
- Суник, 1968 — *Суник О. П.* Вопросы общей теории частей речи // *Вопросы теории частей речи: на матер. языков различных типов.* Л., 1968.

- Супрун, 1964 — *Супрун А. Е.* Имя числительное и его изучение в школе. М., 1964.
- Сэпир, 1993 — *Сэпир Э.* Язык // Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Тагамлицкая, 1969 — *Тагамлицкая Г.* Значение и употребление слов «сам» и «самый» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28. № 5.
- Татевосов, 2005 — *Татевосов С. Г.* Акциональность: типология и теория // Вопр. языкозн. 2005. № 1.
- Теньер, 1988 — *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Тестелец, 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Тимберлейк, 1985 — *Тимберлейк А.* Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Тираспольский, 1981 — *Тираспольский Г. И.* Становится ли русский язык аналитическим? // Вопр. языкозн. 1981. № 6.
- Тираспольский, 1991 — *Тираспольский Г. И.* Заметки к типологической эволюции русского языка // Филол. науки. 1991. № 4.
- Тираспольский, 2003 — *Тираспольский Г. И.* Морфолого-типологическая эволюция русского языка. Сыктывкар, 2003.
- Тихонов, 1991 — *Тихонов А. Н.* Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1991.
- Тихонов, 2002 — *Тихонов А. Н.* Современный русский язык: морфемика, словообразование, морфология. М., 2002.
- Толковый словарь, I–IV, 1935–1940; 1947–1948; 1995; 2000 — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 1. М., 1935; т. 2. 1938; т. 3. 1939; т. 4. 1940; 2-е изд. 1947–1948; репринт. изд. 1995; 2000.
- Трофимов, 1957 — *Трофимов В. А.* Современный русский литературный язык: морфология. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957.
- Трубецкой, 1987 — *Трубецкой Н. С.* Морфонологическая система русского языка // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Трубинский, 1984 — *Трубинский В. И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.
- ТФГ, 1987; 1990; 1991; 1992; 1996а; 1996б — *Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис.* Л., 1987 (2-е изд. М., 2001); *Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность.* Л., 1990; *Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость.* СПб., 1991; *Теория функциональной грамматики: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность / неопределенность.* СПб., 1992; *Теория функциональной грамматики: качественность, количественность.* СПб., 1996а; *Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, possessивность, обусловленность.* СПб., 1996б.
- Улуханов, 1977 — *Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Урысон, 1995 — *Урысон Е. В.* Словарная статья местоимения *самый*: лексическая система языка и диахрония // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыт системного описания лексики. М., 1995.
- Успенский, 1965 — *Успенский Б. А.* Структурная типология языков. М.: Наука, 1965.
- Ушаков, 1928 — *Ушаков Д. Н.* Краткое введение в науку о языке. М., 1928.
- Федотова, 2003 — *Федотова Н. С.* Комплексный анализ русского компаратива: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
- Филиппенко, 2003 — *Филиппенко М. В.* Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003.
- Филлмор, 1981 — *Филлмор Ч.* Дело о падеже открывается вновь // НЗЛ. Вып. X: лингвистическая семантика. М., 1981.
- Философский словарь, 1983 — *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983.
- Фоменко, 1996 — *Фоменко Ю. В.* Глагол // Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. М.: Высш. школа, 1996.
- Фортунагов, 1956 — *Фортунагов Ф. Ф., акад.* Избранные труды. Т. 1. М., 1956.
- Фуксман, 1973 — *Фуксман А. А.* Признак наличия/отсутствия связи с настоящим временем при функционировании формы будущего несовершенного в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.
- Хабургаев, 1990 — *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка: имена. М., 1990.
- Хайдеггер, 1993 — *Хайдеггер, Мартин.* Время картины мира // Хайдеггер, Мартин. Работы и размышления разных лет / сост., пер., вступ. ст., примеч. А. В. Михайлова. М., 1993.
- Холодович, 1970 — *Холодович А. А.* Залог. I: Определение. Исчисление // Категория залога. Л., 1970.
- Храковский, 1974 — *Храковский В. С.* Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: диатезы и залогов. Л., 1974.
- Храковский, 1981 — *Храковский В. С.* Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- Храковский, 1989 — *Храковский В. С.* Взаимодействие грамматических категорий глагола // Вопр. языкозн. 1989. № 1.
- Храковский, 1990 — *Храковский В. С.* Повелительность // Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность. Л., 1990.
- Храковский, 1991 — *Храковский В. С.* Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость. СПб., 1991.
- Храковский, 1998 — *Храковский В. С.* Типология условных конструкций. СПб., 1998.
- Храковский, 2004 — *Храковский В. С.* Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы — испытание временем) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Храковский, Володин, 1986; 2001 — *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: русский императив. Л., 1986; 2-е изд. М., 2001.
- Цейтлин, 1988 — *Цейтлин С. Н.* Окказиональные морфологические формы в детской речи: учеб. пособие к спецкурсу. Л., 1988.
- Циммерлинг, 1998 — *Циммерлинг А. В.* История одной полемики // Язык и речевая деятельность. Т. 1. СПб., 1998.
- Чанг, 1997 — *Чанг П.-Ч.* Системны или маргинальны двувидовые глаголы в современном русском языке? // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 3. М., 1997.
- Чейф, 1975 — *Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М., 1975.
- Чепасова, Чередниченко, 1999 — *Чепасова А. М., Чередниченко А. П.* Современный русский язык: таблицы по грамматике. М., 1999.
- Чернов, 1970 — *Чернов В. И.* О приглагольных частицах *было* и *бывало* // Учен. зап. Смоленск. гос. пед. ин-та. 1970. Вып. 24.
- Черных, 1993 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. I.
- Черткова, 1994 — *Черткова М. Ю.* К проблеме видовой парности глаголов в современном русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1994. № 2.

- Чеснокова, 1991 — *Чеснокова Л. Д.* Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма // *Переходность и синкретизм в языке и речи.* М., 1991.
- Чикобава, 1968 — *Чикобава А. С.* Части речи как понятие филологической грамматики и как понятие описательного научного анализа // *Вопросы теории частей речи: на матер. языков различных типов.* Л., 1968.
- Шайкевич 2005 — *Шайкевич А. Я.* Введение в лингвистику. М., 2005.
- Шанский, 1964 — *Шанский Н. М.* Имя прилагательное // *Современный русский язык.* Ч. 2: морфология, синтаксис / под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
- Шанский, Тихонов, 1981; 1987 — *Шанский Н. М., Тихонов А. Н.* Современный русский язык: учебник для студентов пединститут (по специальности «Русский язык и литература»): в 3 ч. Ч. II: словообразование, морфология. М., 1981; 2-е изд., испр. и доп. 1987.
- Шапиро, 1950 — *Шапиро А. В.* Об употреблении местоимений *сам* и *самый* в русском языке // *Труды Ин-та русского языка АН СССР.* Т. 2. 1950.
- Шатуновский, 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереперентные слова. М., 1996.
- Шатуновский, 1999 — *Шатуновский И. Б.* Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке // *Логический анализ языка: языки динамического мира.* Дубна, 1999.
- Шатуновский, 2004 — *Шатуновский И. Б.* Императив и вид // *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ.* Т. 4. М., 2004.
- Шахматов, 1925–1927; 1941а; 2001 — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка: в 2 вып. 1-й вып. Л., 1925; 2-й вып. 1927; 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1941; 3-е изд. М., 2001.
- Шахматов, 1930; 1941б — *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М.; Л., 1930; 4-е изд. М., 1941.
- Шведова, 1952 — *Шведова Н. Ю.* Имя прилагательное // *Современный русский язык: морфология* / под ред. В. В. Виноградова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952.
- Шведова, 1980 — *Шведова Н. Ю.* Частицы // *Русская грамматика.* Т. I: фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.
- Шведова, 1998 — *Шведова Н. Ю.* Местоимение и смысл: класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.
- Шведова, Белоусова, 1995 — *Шведова Н. Ю., Белоусова А. С.* Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.
- Шелякин, 1983а — *Шелякин А. М.* Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.
- Шелякин, 1983б — *Шелякин М. А.* О семантической структуре категории степеней сравнения прилагательных, ее частных значений и морфологических формах // *Учен. зап. Тартуского ун-та.* 1963. Вып. 651.
- Шелякин, 1986 — *Шелякин М. А.* Русские местоимения: значение, грамматические формы, употребление. Тарту, 1986.
- Шелякин, 1989а — *Шелякин М. А.* Глагол // *Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А.* Современный русский язык: теоретический курс: словообразование, морфология. М.: Рус. язык, 1989.
- Шелякин, 1989б — *Шелякин М. А.* Имя прилагательное // *Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А.* Современный русский язык: теоретический курс: словообразование, морфология. М.: Русский язык, 1989.
- Шелякин, 1989в — *Шелякин М. А.* Наречие // *Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А.* Современный русский литературный язык: теоретический курс: словообразование, морфология. М.: Русский язык, 1989.
- Шелякин, 1991а — *Шелякин М. А.* О семантике неопределенно-личных предложений // *Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость.* СПб., 1991.
- Шелякин, 1991б — *Шелякин М. А.* Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости // *Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость.* СПб., 1991.
- Шелякин, 1993 — *Шелякин М. А.* Справочник по русской грамматике. М., 1993.
- Шелякин, 1996 — *Шелякин М. А.* О функциональной сущности русского инфинитива // *Словарь. Грамматика. Текст.* М., 1996.
- Шелякин, 2001 — *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.
- Шелякин, 2003 — *Шелякин М. А.* Местоимение // *Современный русский язык: фонетика, лексикология, словообразование, морфология, синтаксис.* 4-е стереотип. изд. / под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб.; М.; Краснодар, 2003.
- Ширяев, 1973 — *Ширяев Е. Н.* О некоторых показателях незамещенных синтаксических позиций в высказываниях разговорной речи // *Русская разговорная речь.* М., 1973.
- Ширяев, 1986 — *Ширяев Е. Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
- Шмелев, 1976 — *Шмелев Д. Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
- Шпак, 1977 — *Шпак Л. К.* Семантическое поле превосходной степени // *Вестн. Лунингр. ун-та.* 1977. № 8.
- Щерба, 1957 — *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба, 1962 — *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка: очерк французского произношения в сравнении с русским. Изд. 8-е. М., 1962.
- Щерба, 1974 — *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Якобсон, 1936; 1958; 1985 — *Якобсон Р. О.* Избранные работы. М., 1936; 2-е изд. 1958; 3-е изд. 1985.
- Якубинский, 1953 — *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.
- Янко-Триницкая, 1962 — *Янко-Триницкая Н. А.* Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Янко-Триницкая, 1971 — *Янко-Триницкая Н. А.* Основа и флексия в русском глаголе // *Фонетика. Фонология. Грамматика.* М.: Наука, 1971.
- Янко-Триницкая, 1982 — *Янко-Триницкая Н. А.* Русская морфология. М., 1982.
- Янко-Триницкая, 2001 — *Янко-Триницкая Н. А.* Словообразование в современном русском языке. М., 2001.
- Яхонтов, 1965 — *Яхонтов С. Е.* О морфологической классификации языков // *Морфологическая типология и проблема классификации языков.* М.; Л., 1965.
- Яхонтов, 1968 — *Яхонтов С. Е.* Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // *Вопросы частей речи: на матер. языков различных типов.* Л., 1968.
- Яхонтов, 1975 — *Яхонтов С. Е.* Грамматические категории аморфного языка // *Типология грамматических категорий.* М., 1975.
- Яхонтов, 1982 — *Яхонтов С. Е.* Сравнение и классификация языков по данным квантитативного анализа // *Квантитативная типология языков Азии и Африки.* Л., 1982.
- Яхонтов, 1991 — *Яхонтов С. Е.* Типология морфемы // *Морфема и проблемы типологии.* М., 1991.
- Andersson, 1972 — *Andersson S.-G.* Aktionalität im Deutschchen: Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem Russischen Aspektsystem. Uppsala, 1972. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Germanistica Upsaliensia. 10).
- Barentsen, 1986 — *Barentsen A. A.* The use of the particle *было* in modern Russian // *Dutch studies in Russian linguistics.* Vol. 8. Amsterdam, 1986.

- Blake, Barry, 1994; 2001 — *Blake, Barry J.* Case. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 2 ed. 2001.
- Breullard, Fougeron, 2001 — *Breullard J., Fougeron I.* Avec ou sans я // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001.
- Bybee, 1985 — *Bybee J.* Morphology. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Carlson, 1981 — *Carlson L.* Aspect and quantification // Syntax and semantics. Vol. 14: Tense and aspect. New York; San Francisco; London, 1981.
- Comrie, 1976 — *Comrie B.* Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Comrie, 1978 — *Comrie B.* Ergativity // Syntactic typology: Studies in phenomenology of language. Austin; London, 1978.
- Comrie, 1985 — *Comrie B.* Tense. Cambridge; London, 1985.
- Dahl, 1985 — *Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Delia, Grossberg, 1977 — *Delia J. G., Grossberg L.* Interpretation and evidence // Western Journal of Speech Communication. 1977. Vol. 41.
- Desclés, Guentchéva, 1990 — *Desclés J.-P., Guentchéva Z.* Discourse analysis of aorist and imperfect in Bulgarian and French // Verbal aspect in discourse. Amsterdam; Philadelphia, 1990.
- Dixon, 1977 — *Dixon R. M. W.* Where have all the adjectives gone? // Studies in language. 1977. Vol. 1.
- Dressler, 1995 — *Dressler W. U.* Interactions between iconicity and other semiotic parameters in language // Iconicity in language / ed. by R. Simone. Amsterdam; Philadelphia, 1995. (Current Issues in Linguistic Theory. Vol. 110).
- Forsyth, 1970 — *Forsyth J.* A grammar of aspect: Usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970.
- Galton, 1976 — *Galton H.* The main functions of the Slavic verbal aspects. Skopje, 1976.
- Givón, 1978 — *Givón T.* Negation in language: pragmatics, function, ontology // Syntax and semantics. Vol. 9: Pragmatics. New York; San Francisco; London, 1978.
- Haspelmath, 1997 — *Haspelmath M.* Indefinite pronouns. Oxford, 1997.
- Hoepelman, Rohrer, 1980 — *Hoepelman J., Rohrer C.* On the mass-count distinction and the French imparfait and passe simple // Time, Tense and Quantifiers. Tübingen, 1980.
- Hopper, Thompson, 1980 — *Hopper J., Thompson S. A.* Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56.
- Jakobson, 1936 — *Jakobson R.* Beitrag zum allgemeinen Kasuslehre // TCLP (Praga). 1936. Bd IV.
- Karcevskij, 1936 — *Karcevskij S.* Sur la nature de l'adverbe // TCLP (Praha). 1936. T. VI.
- Křížková, 1958 — *Křížková H.* K problematice aktivního a neaktivního užití časových a vidových forem v češtině a ruštině // Československá rusistika. 1958. Č. 4.
- Kurilowicz, 1949 — *Kurilowicz J.* Le problème du classement du cas // Biul. Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 1949. T. 9.
- McShane, 2000 — *McShane M.* Verbal ellipsis in Russian, Polish and Czech // Slavic and East European Journal. Vol. 44: 2. 2000.
- Mehlig, 1982 — *Mehlig H. R.* Verbalaspekt und Iteration im Russischen // Slavistischen Beiträge. Bd 160. München, 1982.
- Mel'čuk, Iordanskaja, 1995 — *Mel'čuk I. A., Iordanskaja L.* Semantics of two emotional verbs in Russian: BOJAT'SJA '[to] be afraid' and NADEJAT'SJA '[to] hope' // Русский язык в модели «смысл-текст». М., Вена, 1995.
- Neidle, 1988 — *Neidle C.* The role of case in Russian syntax. Amsterdam; Philadelphia: Kluwer, 1988. (Studies in natural languages and linguistic theory. 10).
- Němec, 1964 — *Němec I.* K vyjadřování opakovanosti slovesného děje v češtině // Slovo a slovesnost. 1964. R. 25.
- Nichols, 1993 — *Nichols J.* Transitive and causative in the Slavic lexicon: evidence from Russian // Causatives and transitivity. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Pike, 1957 — *Pike K.* Grammatic theory // General linguistics. 1957. 2 Febr.
- Popela, 1988 — *Popela J.* K porovnáci typologické charakteristice současné ruštiny a češtiny // Československá rusistika. 1988. Č. 2.
- Rat — *Rat, Maurice.* Grammaire française pour tous / éd. Garnier frères. Paris, [s. a.].
- Reichenbach, 1947 — *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. New York, 1947.
- Skalička, 1958 — *Skalička V.* Typologie slovanských jazyků, zvláště ruštiny // Československá rusistika. 1958. Č. 2–3.
- Stunová, 1986 — *Stunová A.* Aspect and iteration in Russian and Czech a contrastive study // Dutch studies in Russian linguistics. Amsterdam, 1986.
- Šteinfeldt — *Šteinfeldt E.* Russian word count: 2500 words most commonly used in modern literary russian. Moscow, [s. a.].
- Timberlake, 1976 — *Timberlake A.* Subject properties in the North Russian passive // Subject and topic. New York et al., 1976.
- Weiss, 1993 — *Weiss D.* Die Faszination der Leere: Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1993. Bd 53.
- Wiemer, 1996 — *Wiemer B.* Классификация нулевых сказуемых в русском языке по их лексическим и референциальным характеристикам // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 1996. T. 33.

Содержание

Предисловие	3
ВВЕДЕНИЕ В МОРФОЛОГИЮ	5
§ 1. Понятие формы. Форма слова	–
§ 2. Лексема, словоформа. Словоизменение, формообразование	16
§ 3. Синтетические и аналитические формы слов, супплетивные формы. Особенности образования словесных форм. Парадигма, подпарадигма, неполные парадигмы	18
§ 4. Морфологические категории	23
§ 5. Типы морфологических категорий	32
§ 6. Части речи. Лексико-грамматические разряды слов. Морфологические разряды	51
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	76
§ 1. Существительное как часть речи	–
§ 2. Лексико-грамматические разряды существительных	81
§ 3. Категория одушевленности — неодушевленности	91
§ 4. Категория рода	102
§ 5. Категория числа	128
§ 6. Категория падежа	143
§ 7. Склонение существительных и их парадигма. Набор падежных форм	146
§ 8. Основные функции падежных форм	151
§ 9. Средства обозначения падежных различий	157
§ 10. Типы склонения существительных (формоизменяемые классы)	160
§ 11. Адъективное и смешанное склонение существительных. Несклоняемые существительные	167
§ 12. Вариативность в системе современного склонения существительных	169
ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	173
§ 1. Прилагательное как часть речи	–
§ 2. Категории рода, числа и падежа	184
§ 3. Полные и краткие прилагательные	186
§ 4. Категория степеней сравнения	198
§ 5. Центр и периферия прилагательного	232
§ 6. Склонение прилагательных	233
МЕСТОИМЕНИЕ	240
§ 1. Местоимение как часть речи	–
§ 2. Семантика местоименных слов	243
§ 3. Разряды изменяемых местоимений	252
§ 4. Разряды неизменяемых местоимений (местоименные наречия)	274
§ 5. Грамматическая характеристика местоимений	279
ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ	301
§ 1. Общая характеристика	–
§ 2. Семантика числительных	304

§ 3. Грамматические особенности числительных	306
§ 4. Классификация числительных	313
ГЛАГОЛ	323
§ 1. Глагол как часть речи	–
§ 2. Лексико-грамматические разряды глаголов	329
§ 3. Категория вида	339
§ 4. Категория залога	382
§ 5. Категория наклонения	417
§ 6. Категория времени	433
§ 7. Категория лица	453
§ 8. Категории рода и числа	461
§ 9. Инфинитив (неопределенная форма глагола)	462
§ 10. Причастие	467
§ 11. Деепричастие	479
§ 12. Словоизменение глагола	483
НАРЕЧИЕ	494
§ 1. Некоторые особенности наречия как части речи	–
§ 2. Признаки наречий	502
§ 3. Разряды наречий	507
§ 4. Категория степеней сравнения	526
§ 5. Некоторые проблемы разграничения наречий и слов других частей речи	529
СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ	533
§ 1. Предлоги	–
§ 2. Союзы	540
§ 3. Частицы	548
§ 4. Вопрос о модальных (вводных) словах как особой части речи	556
МЕЖДОМЕТИЯ	561
§ 1. Междометие как часть речи	–
§ 2. Классификация междометий	565
§ 3. О фонетических, словообразовательных и синтаксических особенностях междометий	574
§ 4. Особенности синтаксического функционирования	576
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ	579
ПРИЛОЖЕНИЕ	591
Склонение существительных	–
Склонение прилагательных	594
Склонение местоимений	599
Склонение числительных	601
Формообразование глагола	603
Использованная литература	608

Учебное издание

Богданов Сергей Игоревич, **Евтюхин** Вячеслав Борисович,
Князев Юрий Павлович и др.

**МОРФОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

*Учебник для высших учебных заведений
Российской Федерации*

Ответственный редактор *Ю. В. Рыжова (Меньшикова)*

Редактор *И. А. Богданова*

Корректор *В. С. Волкова*

Технический редактор *С. В. Кузнецов*

Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 23.11.2009.

Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 39,6. Тираж 200 экз. Заказ № 395.

Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии «Нестор-История».
197110, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21,
тел. (812) 622-01-23, nestor_historia@list.ru